1858 год в Чечне

Источник: https://drevlit.ru/docs/kavkaz/XIX/1820-1840/Volkonskij_N_A/index.php
Сохранено в архиве decolonial.ist: 28.06.2026 · файлов в оригинале: 1
Тот же файл в листе: стр. 117 — Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом; стр. 120 — Погром Чечни (1852)

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

ВОЙНА НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

С 1824 ПО 1834 г.

В СВЯЗИ С МЮРИДИЗМОМ

I.

Связь мюридизма с военными действиями на восточном Кавказе. Тарикат и его представители. Появление нового вероучения в Дагестане. Положение Дагестана. Ермолов. Влияние нового вероучения на умы дагестанцев. Умалат-бек. Возмущение в Мехтули. Каид Сеид-эфенди. Мулла Магомет ярагский. Чечня и чеченцы в двадцатых годах. Генерал-маиор Греков 1-й. Бейбулат Таймазов. Состояние Чечни до появления в ней нового вероучения.

История десятилетия восточного Кавказа со второй половины 1824-го и до 1834-го года полна теми особенностями, которые, делая ее во многом оригинальною и часто исключительною, резко отличают в этих случаях от истории последующих годов до 1859-го. Борьба и война — так можно очертить эти две интересные эпохи. Сущность первой из них — противодействие вредному для нас стремлению горцев, порожденному их религиозным возбуждением и направленному к нарушению нашего спокойствия и политических прав, а с тем вместе состязание за идею и за условия народного быта; сущность второй — безусловная борьба за [2] политическую независимость с одной стороны, а с другой — за порядок, подчинение ему дикой свободы и за территориальные приобретения и господство. Вследствие этого, период с 1824-го по 1834-й год включительно является историей внутренней жизни народов восточного Кавказа, тогда как последующий двадцатипятилетний период представляет собою политическую и военную историю края.

В течение первого периода мы не только сами не затеивали с горцами войны, но и не могли желать ее, потому что, во-первых, не имели для этого достаточно сил и средств, а во-вторых — рисковали бы потерять то, над чем господствовали мирно и спокойно. Но горцы сами объявили нам войну, даже одновременно в двух видах: на поприще развития и господства идеи, т. е. борьбу отвлеченную, но упорную и безуступочную, и на поприще боевом, т. е. кровавую и истребительную. Мы не могли не принять и той, и другой, потому что того требовала не честь нашего оружия — как впоследствии; а наше благосостояние.

То, что названо идеею, были новые для населения восточного Кавказа религиозные верования, которые они вздумали развивать и отстаивать оружием решительно без всякой

надобности, потому что мы им не только не мешали веровать, но даже и жить у себя дома как им хотелось. Без всякой нужды связав эту идею с своею и нашею кровью, и без всякого разумного основания поддерживая из-за нее кровопролитие в течение первых десяти лет, они с самого начала поставили вопрос таким образом, что вооруженная борьба с нами есть не только необходимое последствие, но даже прямое требование нового вероучения. Это вероучение, известное впоследствии среди горцев под именем [3] мюридизма, было на самом деле ничто иное, как проповедывание народу незнакомой ему дотоле части корана. Последний, как известно, состоит из трех таких частей: шариата, т. е. изречений Магомета, имеющих для его последователей силу обязательного закона, тариката — изложения действий и поступков пророка, исповедание которого предоставляется доброй воле правоверных, желающих усовершенствоваться и приблизиться, посредством своих деяний, к святости их представителя, и хяхиката — видений и верований пророка. Эта последняя часть корана доступна даже не всем мусульманским ученым, не говоря о богословах. Таким образом, шариат есть слово, тарикат — дело, а хяхикат — мысль, идея. Тарикатских путей есть много, но главных считается четыре, и тот, который был введен в дело у кавказских горцев, называется "накшубандийским", от имени Магомета увайско-бухарского, шейха накшубандийского, "тарикатского имама и убежища людей, обладателя высшего вдохновения и светоносца". Это первый из всех четырех путей, который начинается от старшего халифа Абубекра, принявшего его от самого Магомета, и сим последним полученного непосредственно от Бога. Абубекр передал его страннику из семейства пророка — Салману персидскому, от которого он переходил наследственно и последовательно к тридцати одному избраннику божию, ученейшим шейхам и имамам, среди которых Магомет увайско-бухарский накшубандийский является шестнадцатым от Магомета пророка. Последние три имама, получившие от своих предместников тарикат, и известные в первой четверти нынешнего столетия, были: шейх Измаил кюрдомирский — ,,убежище народа и ключ от сокровищ истины", [4] Хас-Магомет ширванский — "доводивший учеников своих до безопасности", Магомет-эфенди ярагларский (или ярагский) — "собор похвал и величия, царь и господин" кавказских тарикатистов. Всю эту цепь заключает собою тридцать четвертый учитель тариката, сеид Джемалэддин казикумухский, ближайший руководитель Шамиля в течение всей его политической деятельности, смиренно именующий себя "нуждающимся в Боге слабым и грешным рабом". Последние четыре представителя тарикатского учения были друг другу современны, взаимно близки и деятельно участливы в поддержании и распространении мюридической пропаганды.

Сущность накшубандийского тариката, по словам Джемалэддина, состоит в следующем 1:

«Накшубандийский тарикат означает постоянное занятие лучшими молитвами, т. е. воспоминанием Бога. Первые условия этого пути суть следующие: вступающий на него обязан прежде всего вполне повиноваться ниспосланной книге и последовать пророку, укрепить свои убеждения согласно с мнением последователей пророка, искренно раскаяться в грехах, потом удовлетворить все обиды, просить прощения у обиженных, служить неуклонно на пути Магомета, строго исполнять шариатские постановления, стараться удалять себя от всего противного Богу и от всех дурных и низких поступков, происходящих от искушений эгоизма; считать все, что делает, для себя обязательным и не оставлять ничего без важной к тому причины, смотреть на дозволение отступиться от обязанности как на запрещенное, и не делать этого без особенной нужды, придерживаться во всех делах самого основательного, украшаться хорошими и похвальными нравами, отказываться от лишней еды, от лишнего сна и разговора, не есть ничего [5] непозволительного, постоянно нуждаться в Боге, с полным

самоуничижением прибегать к нему во всех делах и обстоятельствах, извергнуть из себя страсть к сему обманчивому дому (вещественному миру) и быть довольным судьбою» 2.

Эти обязанности и качества, делавшие человека существом как бы не от мира сего, естественно несовместимы с враждою и злобою к кому бы то ни было, а следовательно и не должны бы допускать пролития крови, хотя бы даже и иноверческой; но если взять во внимание, что в этом последнем случае с ними расходится в побуждениях сам пророк Магомет, основывавший свою проповедь на вражде к неверным, то отсюда вытекают два очевидных заключения: во-первых, учение о тарикате никак нельзя возводить, согласно воззрению мусульманских имамов, непосредственно к самому пророку, хотя оно и имеет предметом своим сказание о его личных действиях и поступках, а гораздо правильнее отнести толкование и распространение в народе этой части корана, в духе сообразном времени и обстоятельствам, к магометанским ученым, окружавшим багдадских халифов. При поддержке и поощрении сих последних, эти "светила науки" и проводники богословия перенесли свою ученость в места их пребывания — в Мерв, Самарканд и наконец по всем радиусам исламского движения до Кавказа включительно. Если же последующие алимы и направляют исповедание тариката прежде всего к самому Магомету, показывавшему в этом случае будто бы первый на себе пример, то это следует приписать обычаю истинно-правоверных [5] мусульман, следуя которому они все действия свои связывают с именем пророка, приписывая ему начало всякого влияния на все их побуждения. Во-вторых, тарикат кавказский, допустивший, в противоречие своим коренным основам и "довольству человека своею судьбою" кровавую долголетнюю войну, не есть уже тот чистый тарикат, который создан первыми мусульманскими богословами. Последнее обстоятельство лучше всего подтверждается тем, что до появления тариката на кавказской почве он долгие века был исповедываем немногими избранными в совершенной тишине, условливая собою вполне монашескую жизнь его адептов. В таком же точно духе исполнение тарикатского учения следует приписать и шейху эфендию Гаджи-Измаилу, проживавшему в ширванском ханстве, в с. Кюрдомире, известному в начале нынешнего столетия (1812-1815 г.) своею ученостью и святостью — но лишь до тех пор, пока он не столкнулся с закавказскими последователями тариката, главным представителем которых является мулла Магомет ярагский. С минуты этой стачки. воззрения Измаила кюрдомирского, как видно, получили особое направление; а самый тарикат, взывавший к войне с иноверцами, был предвзято и предумышленно извращен его последователями.

Мулла Магомет жил в пункте не весьма отдаленном от ширванского ханства, именно в ханстве кюринском, в селении Яраге или Ярагларе. Все досуги его были посвящены изучению тариката. Хотя ему было далеко до учености Измаила, однако он слыл среди соплеменников, на значительном расстоянии, алимом в полном смысле этого слова, был всеми уважаем и носил звание кадия. Качества и познания его [7] привлекали к нему время от времени некоторых лиц, интересовавшихся тайнами мусульманской богословии и философии; они также доставили ему в ученики некоего Хас-Магомета, уроженца ширванского ханства, неизвестно по какому случаю очутившегося в Дагестане. Целых семь дет, приблизительно между 1813/14 и и 1820/21 годами, этот ученик черпал у кадия мудрости корана. Будучи умом и смышлен, и увидев, по истечении этого времени, что учитель не может удовлетворить всей его обширной пытливости, он отправился доканчивать свое богословское образование к Измаилу кюрдомирскому, который, должно полагать, именно в это время благословил его своим преемником по тарикату. Через год Хас-Магомет возвратился в Яраг и, к удивлению своего бывшего наставника, объявил ему, что, поучаясь во время своей отлучки у знаменитого

шейха Измаила, достиг познания тех великих тайн ислама, о которых кадий ярагский и понятия не имеет. Это соблазнило почтенного богослова настолько, что он, вместе с Хас-Магометом и многими муллами, отправился в Кюрдомир. Там все были поражены и действительно убедились в учености, прозорливости и святости шейха. Последний, в свою очередь, оценил познания муллы Магомета, окончательно просветил в короткое время его мозги и имел с ним обильные совещания о положении дел внутри Дагестана и о необходимости направить на путь истинный совратившихся с него мусульман. Картина тогдашнего быта дагестанцев, которая нимало не грешила против истины, была нарисована муллою Магометом в следующих ярких красках: смутное и сбивчивое понятие о религии, хотя и соблюдение некоторых обрядов; неправильное отправление богослужения; совершенное неведение [8] шариата. Отсюда истекали все заблуждения и все проступки: бесстыдство у мужчин и женщин, разврат, пьянство, воровство, вечная праздность. Гражданской общности и единства не было, политической связи — никакой. Хотя во главе народа стояли власти — старшины и кадии, избираемые на год, на два и на три, и хотя они решали дела по адату (обычаю), но сами были невежественны, бессильны и не имели никакого нравственного влияния на народ, потому что оказывались не чужды общих пороков. Убийства и кровомщения были в большом ходу; кровь убитого нередко оплачивалась виновным его родственникам одною или двумя шкурами молодого барашка, и мировая запивалась бузою: словом, в народе господствовал тот безобразный нравственный хаос, который нельзя было назвать иначе, как полным духовным растлением. Гаджи-Измаил ужаснулся и не мог не согласиться, что такого рода порядок требует радикальной ломки. Благословив муллу Магомета повернуть дела на надлежащую дорогу, он возвел своего почетного гостя в звание старшого мюршида (учителя) и приказал ему, по возвращении домой, приступить к открытому проповедыванию тариката.

Это было в 1823-м году. именно в то время, когда, после семилетнего управления Ермоловым кавказским краем, главнейшая часть восточного Кавказа, т. е. Дагестан, и прилежащие к нему провинции были приведены в следующее состояние: шамхальство, во главе с своим представителем генерал-лейтенантом Мехти 3, не только было вполне нам предано, но даже. вследствие постоянной к [9] нам верности и событий 1819 года 4, находилось в неприязненных отношениях к другим дагестанским владетелям и обществам 5. На шамхальцев, а в особенности на их правителя, мы могли вполне положиться. Дикая и крамольная Авария, бывшая в свое время грозою Закавказья, в особенности при своем владетеле Умай-хане, но окончательно усмиренная Ермоловым в 1819 году, после измены и побега генерал-маиора Султан-Ахмет-хана, и отданная временно в управление Сурхаю 6, до совершеннолетия законного владетеля Абу-Нуцал-хана 7, вступившего на престол предков в 1828 году, была тиха и покорна, не смея поднимать разбитой головы, из опасения лишиться ее окончательно.

Злейшего и опаснейшего нашего врага Сурхай-хана казикумухского кун-бутайского в Дагестане более не существовало. После жестокого поражения его генерал-маиором Князем Мадатовым при Хозреке 12-го июня 1820-го года, он бежал в Персию; ханство его причислено к кюринскому и отдано в управление владетелю сего последнего Аслан-хану 8. Генерал Ермолов считал Аслан-хана "приверженным [10] нашему правительству, непоколебимо верным и усердным Государю" и был к нему особенно доверчив и благосклонен; но такое расположение было последствием прямого заблуждения, потому что Аслан-хан оставил за собою в истории факты, противоречащие убеждениям Ермолова. Как для подтверждения этого замечания, так равно и потому, что он играл в свое время немаловажную роль в

первоначальном распространении мюридизма муллою Магометом, а затем покровительствовал пропаганде Кази-муллы, был другом его преемника Гамзат-бека, и следовательно нашим врагом, нельзя не посвятить его памяти несколько слов. Бывший окружной начальник в Дагестане генерал-маиор Пестель несколько раз указывал Ермолову на вероломство и неблагонадежность Аслан-хана 9, но Ермолов продолжал обольщаться этою личностью, несмотря даже на такого рода донесение Пестеля:

"Он (Аслан-хан), по прибытии отряда нашего в с. Башлы, имел тайное свидание с Султан-Ахмет-ханом аварским, и во время сражения приказывал своей милиции песнями давать знать неприятелю о малочисленности наших войск, и чтобы смелее нападали. Он налагает на кюринцев чрезвычайные подати и часть денег передает в горы, отбирает у своих подвластных силою дочерей, продает их и меняет чеченцам на лошадей; многих казнит смертью".

Относительно зверства и злодеяний Аслан-хана, читая о которых чувствуешь дрожь по всему телу, сохранилось достаточно горских рассказов (см. "Сб. св. о [11] кавказских горцах"). Не распространяясь здесь о его неблаговидных для нас отношениях к мулле Магомету ярагскому, Кази-мулле и Гамзат-Беку — описание которых последует в своем месте — нельзя умолчать о том, что аварский ханский дом обязан своим истреблением его мстительному и жестокому характеру и его удачному избранию орудием своих целей Гамзат-бека, вполне родственного ему по всем душевным качествам, по нравственному направлению и по политическим тенденциям 10. Понятно, что казикумухское и кюринское ханства, имея своим владетелем такое сокровище и не будучи пока поджигаемы никем к вражде с русскими, в 1823 году более тяготели к нам и более симпатизировали нашим порядкам и нашему правительству, чем своему хану. Это обстоятельство было, между прочим, одним из главных для нас залогов их спокойствия.

Акуша, имевшая до 15 т. семейств и служившая, по словам Ермолова, "твердою опорою всем прочим народам и могущественным своим влиянием их против нас вооружавшая", будучи жестоко наказана, в декабре 1819-го года, поражением ее союзных скопищ и разорением с. Лаваши, прекраснейшего городка [12] Уллу-Айя, имевшего до 800 дворов, и других деревень, была вполне послушна нашей воле. Главный кадий ее, назначенный Ермоловым, весьма почтенный и всеми уважаемый, был в полном смысле слова нашим другом, а 24 аманата из знатнейших фамилий, содержавшиеся в Дербенте, были надежным залогом ее спокойствия. Один из главных виновников всех беспорядков в Дагестане, вызвавших (в первый раз) в 1819 г. движение наших войск в глубь этой страны, Гасан-хан мехтулинский, брат изменника Султана-Ахмета аварского, к нашему благополучию, был отравлен красавицею женою, которую он стал замечать в измене и развратном поведении: некоторые же из крамольных старшин и владельцев Кафыр-Кумыка погибли на виселице. Из принадлежавшего Гасану ханства, 2500 семейств (до 10 т. душ обоего пола) были отданы в потомственное владение шамхалу, а остальные десять деревень взяты в русское управление до совершеннолетия двух малолетних детей его, которые были отправлены в Россию с их бабкою, желавшею упиться кровью шамхала.

Немаловажную роль играли в Дагестане Кайтаг и Табасарань. Уцмий каракайтагский казался нам приверженным только до тех пор, пока сын его был нашим заложником в Дербенте; когда же Ермолов его освободил, то неблагонадежность и неприязненность к нам уцмия выразились во всей своей силе. Вследствие возмущения в Кайтаге и Табасарани в 1819 году, генерал-маиор князь Мадатов, сделав смелый марш в самые твердые места последней из этих провинций,

разбил мятежников и заставил бежать в горы главного бунтовщика, влиявшего на всю Табасарань, изменника Абдул-бека эрсойского, зятя беглого [13] Ших-Али-хана дербентского. С этой минуты политическое существование Табасарани окончилось, и остался лишь на прежних началах небольшой угол, известный под названием вольной или независимой Табасарани. Резиденция уцмия каракайтагского, город Башлы, как гнездо кайтагских мятежников, была разрушена до основания. Вскоре затем, когда явно обнаружились злобные против нас проделки уцмия, он был лишен всех доходов, объявлен изменником, и достоинство его, существовавшее несколько веков, было уничтожено. Селения терекемейские, бывшие на плоскости, приняли в 1819 году присягу на подданство и, кроме того, удерживались в повиновении шамхалом. Небольшой округ Гамри-Эзень навсегда исчез с географической карты. Одно из главных вольных обществ в Дагестане — кубачинское, в 1820 году также приведено к присяге и было обложено податью; другие же, как например: койсубулинское, рутульское, сюрьгинское и пр., частью проученные горьким опытом, сказавшимся на их соседях, а частью потому, что не имели между собою общности, были вполне спокойны.

Состояние провинций, перешедших к нам от Персии, было также для нас вполне благоприятное: шекинское ханство, за смертью развратного и кровожадного владетеля генерал-маиора Измаил-хана, в 1819 году причислено к России; талышинское ханство, разоренное персиянами, южная часть которого, по последнему трактату с Персиею, отдана сей последней, было малонаселенное, бессильное и нам приверженное; карабахское ханство, которое в 1805 году покорилось одним из первых, после побега в 1822 году его владетеля генерал-маиора Мехти-хана и удаления в Россию его наследника полковника Джафар-Кули-Ага, [14] приведено к присяге 11; ханство нухинское взято в 1822 году в казенное управление; в следующем году подобная же участь постигла и ханство ширванское, владетель которого генерал-маиор Мустафа-хан, вследствие изменнических сношений с шахом и с беглым грузинским царевичем Александром, был изгнан в Персию; в кубинской провинции, с Дербентом и Баку, господствовало во всей силе наше управление. Жители всех этих владений беспрекословно исполняли наши требования и даже выставляли нам для войны милиции. Хотя они, вместе с дагестанскими народами, были постоянно возбуждаемы против нас, кроме скитавшегося разбойничьим образом царевича Александра, еще и агентами персидского правительства, но попытки их услужить этим двум сторонам не удавались, потому что предупреждались или владетельными лицами, бывшими для нас связующим с народом звеном — правда, иногда не вполне надежными, но терпимыми по необходимости,— или неожиданным появлением какой-либо части наших войск. Царевичу Александру удавалось только влиять на закавказских лезгин — джарцев и белоканцев, которые хотя и считались от нас зависимыми, будто бы верноподданными, и платили нам дань, но ни во что ставили данную ими присягу. Впрочем, и здесь усилия наших врагов нередко парализовались деятельностью и усердием султана элисуйского Ахмед-бека. Владения его, состоявшие из двух магалов — цохурского и элисуйского, с двумя тысячами пятью стами семейств, находились как бы на страже между низменным джаро-белоканским и горными [15] лезгинскими обществами. Хотя Ахмед-бек часто бывал в затруднении и, оберегая прежде всего себя самого и свои владения, так сказать, лавировал между двух берегов, но будучи генералом нашей службы, получая жалованье и сознавая свои выгоды быть нам верным и преданным, никогда не давал повода подозревать его в явной неблагонадежности.

Ермолов — нужно отдать ему справедливость — вел дела по отношению к Ахмед-беку и другим владетельным особам с большим тактом; если он иногда замечал какую-либо шаткость в их

действиях и отклонение от правильного пути, то не торопился своим обвинением, признавая неотразимую силу обстоятельств и условий, которые их ставили как бы между двух огней. Так было долгое время с уцмием, с ханами: аварским, мехтулинским, шекинским и другими, которых он не переставал ласкать или по меньшей мере смотреть сквозь пальцы на многие их поступки до тех пор, пока они не выражались в явной измене или открытом к нам недоброжелательстве. Не будучи политиком, Ермолов возмещал это качество благоразумием и опытностью, которые выпрактиковал в течение своей неустанной деятельности на службе. Пережив в свое время тяжелые, мучительные годы незаслуженной опалы и ссылки, он был весьма чуток к чужому затруднительному положению, имел не злое сердце, понимал людей, сочувствовал им и не спешил карать, дока не имел в руках осязательных для этого фактов. Может быть, этим и оправдывается его доверие и расположение к Аслан-хану кюринскому, который их вовсе не заслуживал. Ермолову совершенно напрасно приписывают неограниченную строгость и суровость, делая его в этом случае [16] каким-то страшилищем для каждого мало-мальски провинившегося человека. Личность, как он, с прямым и честным направлением, не могла быть пугалом, но, с другой стороны, поставленный на пост начальника края в смутное и сумбурное время, он не считал возможным безразлично применять везде и во всем напускную гуманность, потому что не искал никакой популярности, а делал дело и от сердца желал услужить Государю. Оттого в крайних и необходимых случаях Ермолов положительно видоизменялся, и засечь виновного розгами, загнать шпицрутенами, повесить — было для него делом возможным. Вероятнее всего, что эти частные действия и послужили поводом считать его человеком с сухим и черствым сердцем, и только из уважения к его высокопоставленной личности слово "изверг" смягчать более деликатным выражением, в роде "суровый, жестокий" и т. п. Вообще, эпоха Ермолова, обстоятельства, при которых он вступил в управление краем, и которые сопровождали дальнейшее его начальствование, и более всего самая личность его, до сих пор мало известны и исследованы, почему и взгляд на этого человека и на его эпоху далеко еще по установился — даже на Кавказе, где люди стояли и стоят ближе к прошлому, чем вне этого края. Это незнание старой истории Кавказа возводит на пьедестал одних деятелей вполне незаслуженно, а других в тоже время если не принижает, то по крайней мере умаляет. Причиною этому также и те неверные предания, которые были порождаемы, может быть, совершенно без умысла, праздным или хвастливым языком какого-нибудь многоречивого служаки и доходили до потомства в виде катящегося с вершины снежного кома. На этом [17] основании, конечно, и Ермолову приписывают изречения, в роде того, что "тот не кавказский офицер, который не сделался пьяницею или не женился" Бог знает на ком, и забывают, что умный человек вообще, а Ермолов в особенности, знавший хорошо дух и направление тогдашних кавказских войск, подобной нелепости не скажет,— и это необходимо заявить в оправдание доброй памяти этого полезного и серьезного деятеля.

Не будучи, как сказано, политиком, а тем более дипломатом, и лично устраняя от себя эти качества, даже тяготясь их обязанностями и самыми названиями — что доказал Ермолов при назначении его одновременно командиром отдельного кавказского корпуса и послом в Персию — этот незабвенный для нашего отечества человек в десять лет своего пребывания на Кавказе сделал поистине чудеса. Вступив в сентябре 1816 года, в управление краем 12, покорностью которого мы, 10-ть лет назад, были обязаны князю Цицианову 13, он застал его в самом печальном виде: повсюду были сильные хищничества со стороны Осетии, Кабарды, Чечни, Дагестана и закубанцев; покорные кумыки страдали от всех невероятно, теряя доверие ж преданность к нам; джарцы и белоканцы были явно непокорны и терзали несчастную

Кахетию; в Грузии был полный разлад и явное к нам недружелюбие; ханства и другие сильные общества Дагестана вовсе не признавали нашей власти, шамхал не в состоянии был противостать нашим врагам, и подданные его разбойничали; турки занимали весь берег Черного моря до [18] Кубани; эриванские татары и ахалцыхские турки опустошали край; народы по военно-грузинской дороге были в волнении; междоусобия в Абхазии не допускали ни малейшего нашего влияния на эту страну; Гурия, которую трепали аджарцы и кобулетцы, Имеретия, Мингрелия почти не хотели нас знать и находились в состоянии масла на разгоряченной сковороде; надежных передовых и оборонительных пунктов не было, а если кое-где и существовали, то вовсе не удовлетворяли назначению; число войск во всем грузинском корпусе состояло всего из двух пехотных дивизий — 19-й и 20-й (30,336 чел.), резервной бригады, трех гренадерских полков (7024), гарнизонных полков и баталионов (5920), нижегородского драгунского полка (711), линейных казачьих полков (5302), донских полков (5237), трех полков астраханского войска (1634), 48 батарейных, 60 легких и 24 конно-казачьих орудий, — и с этими войсками приходилось охранять край, строить укрепления и вести открытую войну с двадцатитысячными массами неприятеля, как это было в 1819 году, когда в Дагестан в первый раз вступили войска 14. Ермолов преодолел все препятствия — и не только в 1823-му, но даже к концу 1820-го года привел восточный Кавказ, со всеми доставшимися нам от Персии ханствами, к полному умиротворению, так что с этой стороны в последующие три года ему нечего было больше делать. Не оружие, но твердость характера, сила воли, уменье, опытность и усердие Ермолова дали нам эти результаты, которых мы после него не видели целые десятки лет. Раз смирив весь край, а в особенности [19] Дагестан, Ермолов поддерживал это положение вещей, нимало не стесняя свободы населения, не производя на него без надобности никакого давления, то лаская и делая всякие уступки, то угрожая и наказывая, но вовремя и кстати. Таким образом, как полководец и военный начальник края, Ермолов в самое короткое время выполнил свое назначение блестяще, неподражаемо — и с этой стороны он непогрешим. Но, к сожалению, нельзя того же сказать о нем, как об административном правителе. В последнем случае он недосмотрел многого и важного; посвятив все свои заботы военному делу в крае и удовлетворившись заманчивою внешностью успеха, он не пошел далее и не заглянул в глубину внутренней жизни и быта умиротворенного населения, в его потребности, а также в народные и преимущественно религиозные стремления, не заметил того, что хотя кратер вулкана очищен, но внутренний огонь далеко не погашен. Может быть, для этого у Ермолова не было ни времени, ни человеческих сил; но нельзя не допустить и то, что, при всех своих достоинствах, он имел и недостатки, в которых обвинял графа Гудовича: неуступчивость, упрямство и самоуверенность. Последнее качество в особенности действовало на Ермолова усыпляюще; он по-видимому не допускал и мысли о том, чтобы под его твердою рукою могла выпрямиться пригнутая и сгорбленная им шея покоренного и покорного населения, и вследствие этого не придавал значения и тому, что на самом деле было и затем оказалось важным. Впрочем, пожалуй, не он один, но и никто не мог бы подумать, чтобы, при тогдашнем положении Дагестана, завет какого-то Измаила кюрдомирского, выраженный им Магомету ярагскому, послужил бы началом продолжительного [20] урагана, обуревавшего восточный Кавказ столь долгое время и поглотившего в себе все успехи, приобретенные для нас Ермоловым. А если это непредвиденное явление действительно случилось, и гидра, мучившая нас так долго, созрела у нас же на глазах, дома, то это только доказывает, что часто симптомы народной жизни бывают столько же неуловимы, сколько и неотразимы.

Первоначальная форма, в которой вылилось новое учение из уст муллы Магомета ярагского, лучше всего характеризуется многочисленными его речами и воззваниями к народу, которые все были тождественны и сходны между собою. Один из их выразительных образчиков показывает нам, как смотрел на дело этот проповедник, и к чему он стремился;

«Народ! вы не магометане, не христиане и не идолопоклонники. Магометане не могут быть под властью неверных... Кто считает себя мусульманином, для того первое дело — газават 15 и потом исполнение шариата. Для мусульманина исполнение шариата без газавата не есть спасение. Будучи под властью неверных или чьего бы то ни было 16, все ваши намазы, все урючи, все странствования в Мекку, ваш нынешний брак и все ваши дети — незаконны. Народ! клянись оставить все грехи и впредь их не делать, дни и ночи проводить в мечети. Молитесь Богу с усердием, плачьте и просите его, дабы он нас помиловал, а когда нужно будет вооружиться — о том я узнаю по вдохновению от Бога и тогда объявлю вам; но до той поры плачьте и молитесь»!

Из этого образца видно, что в устах проповедника в первую же минуту зазвучала политическая нота, которую однако он сглаживал и скрашивал истинными обязанностями тариката лишь настолько, чтобы не произвести преждевременной бури, так как [21] поддерживать ее народ был еще далеко неподготовлен. Сказания о мулле Магомете почти единогласно сводятся к тому, что это был человек честный, прямой, добродетельный и исключительною своею задачею поставил желание возвратить народ на путь истинный, а если, вместе с этим, посеял семена дальнейшей кровавой мюридической войны, то в этом малоповинен, потому что будто бы старался угодить Измаилу и Хас-Магомету, от которых на совещании в Кюрдомире получил надлежащие наставления. Оправдание весьма странное и явно противоречащее факту!

Но так или иначе, а народ быстро стал стекаться к проповеднику; скоро толпы слушателей, между которыми было много чеченцев, начали ежедневно осаждать дом мюршида, ища в его изречениях "истины, света и спасения". Весть о новом учении, о чудесном ораторе и о праведном мулле с быстротою электрического тока охватывала собою все углы Дагестана и проносилась оттуда в Чечню. В Яраг стали приходить уже и муллы, с исключительною целью посвятить себя изучению новых неведомых доселе тайн и требований религии, проживали здесь целые недели, томились, постили, голодали, но не уходили до тех пор, пока не получали одобрения алима в том, что достойны быть его последователями. Хотя большинство слушателей смутно понимало сущность пропаганды, а многие и вовсе не понимали, но всем одинаково пришлось по душе слово "газават", и лезгины кюринского и казикумухского ханств стали разгуливать по своим селениям с деревянными шашками, ударяли ими по скалам и саклям и с детскою наивностью кричали: "газават! газават"!

Но среди них этим пока и ограничивалось все [22] возбуждение, потому во-первых, что не было смелого и решительного предводителя, который бы обратил слово в дело, а во-вторых, не зная, как посмотрит на дело жестокий Аслан-хан, они боялись деревянные шашки заменить металлическими, из опасения испытать твердость последних на своей собственной голове. Не то было в других углах Дагестана. Прежде всего на призыв о газавате решительным образом отозвались мехтулинцы, целью которых было попробовать, не удастся ли им освободиться от русского пристава и вообще выбиться из-под русской власти. Рассчитывая, что им последуют и их поддержат соседи, мехтулинцы в мае месяце открыто вышли из повиновения, отказались исполнять свои обязанности и нанесли побои приставу. Окружной начальник в Дагестане,

командир 1-й бригады 21-й пехотной дивизии генерал-маиор фон-Краббе, послал командира куринского полка полковника Верховского, с шестью ротами пехоты и татарскою милициею, при шести орудиях, для подавления этой мятежной вспышки в ее зародыше. Но пока Верховский явился на место, дела были улажены, и мехтулинцы, принеся раскаяние, приведены были к покорности управляющим работами при кр. Бурной пионерным подполковником Евреиновым. Тогда Верховский повернул назад и через Карабудахкент двинулся к Дербенту.

Казалось бы, что неудача первой попытки должна была охладить порывы населения, но на деле вышло иное, потому что именно в этот момент на сцену выдвинулась одна из знатных и известных личностей в Дагестане, фигурировавшая потом на арене нового религиозного брожения не только у себя дома, но и в Чечне, где была некоторое время надежным [23] агентом и пособником бунтовщиков и лжепророков. Много беспокойств причинила она нам в связи с этими героями кровавого поля. Эта личность — родной племянник шамхала тарковского Умалат-бек, женатый на его дочери. Спустя некоторое время после этой свадьбы, шамхал, заметив подозрительные сношения Умалата с его врагами и в особенности с аварским ханским домом, который так сильно жаждал его крови, отобрал дочь у ненадежного зятя. Развод, считавшийся крайним бесчестием среди знатных горцев, заставил Умалата искать нашего посредства в примирении его с шамхалом и в восстановлении брака. Он вступил под исключительное покровительство Верховского, в течение трех лет находился при нем безотлучно и был им непрерывно благодетельствуем 17. Но как ни старался Верховский примирить зятя с тестем, шамхал оставался непреклонен. А тем временем, козни аварского ханского дома продолжались, и изгнанник, Султан-Ахмет, с которым Верховский имел неосторожность допустить свидания Умалата, успел убедить последнего, что благодетель его не помогает ему, а только портит дело. Одураченный таким образом нашим злейшим врагом, Умалат, во время обратного движения Верховского из Мехтули к Дербенту, пользуясь отдалением его от отряда, [24] выстрелом из ружья покончил навсегда его земное существование и тотчас же бежал в те мехтулинские деревни, которые в 1819-м году были подарены шамхалу. Немногого труда стоило, чтобы поднять их на ноги против шамхала; часть из них взбунтовалась в несколько дней. Усилиями Умалата же мгновенно возбуждены были и койсубулинцы, которые к ним тотчас примкнули. Тогда генерал Краббе повернул назад отряд Верховского, уничтожил с. Эрдели, 29/30 июня нанес сильное поражение мятежникам при Каранае, и думая, что наказанием этим образумил их, уехал обратно. Отряд был им поручен подполковнику Евреинову.

Но Краббе разошелся на этот раз в воззрениях с Умалатом. Последний, пользуясь затишным перерывом, и поддерживаемый небольшою шайкою нафанатизированных Магометом ярагским кюринцев и казикумухцев, распустил слух, что войска наши прибыть не могут, потому что их отвлекает война с турками и персиянами, и вновь направил свою деятельность преимущественно на мехтулинские деревни, бывшие в нашем управлении, а также на верхний Каракайтаг и независимую Табасарань. Результат этого нового толчка, данного взбудораженному уже населению, был тот, что мехтулинцы в первых числах августа убили поставленного им от нас пристава и взялись за оружие, а скиталец Абдулла-бек эрсойский, которому помогали родственники его, занимавшие у нас почетные должности, поспешил подвинуть к этому же кайтаго-табасаранцев. Мятежники, в числе шести тысяч, выступили против нашего отряда, расположившегося у сел. Кафыр-Кумыка, но 15-го августа были поражены и рассеяны. Эти обстоятельства, а также [25] сомнительное поведение Акуши

заставили Ермолова лично прибыть в Дагестан. Одно появление его придавило всякое волнение, бунтовщики просили прощения — и получили его, за исключением главных сообщников возмутителя, которые были арестованы; в деревнях Кайтага поставлена экзекуция, а Аслан-хан кюринский, по приказанию Ермолова, наказал табасаранцев отнятием у них стад, и все пришло в прежний порядок. Умалат-бек бежал в Аварию. Спустя немного, к Ермолову явился сын умершего Гасан-хана мехтулинского, Ахмет-хан, увезенный своим дядею, изгнанником Султан-Ахмет-ханом аварским, и принес раскаяние в том, что, "по глупости своей", был причиною многих для нас беспокойств. Ермолов снизошел к молодому человеку, положившемуся на великодушие нашего правительства, допустил его к присяге на верноподданство и возвратил ему деревни, принадлежавшие его отцу. Эта мера имела свое благодетельное влияние впоследствии, потому что в руках благодарного Ахмет-хана обеспечила дальнейшее спокойствие Мехтуля, которое оказалось тем надежнее, что в замужестве за ним была Нох-Бике, дочь нашего пособника и друга шамхала тарковского.

По мере того, как с одной стороны являлись для нас враги, в роде Умалата, с другой мы приобретали, в виде противодействия им и противоядия распространявшейся заразе, и друзей, подобных, например, известному в то время в Дагестане своею ученостью араканскому кадию Сеид-эфенди, пользовавшемуся величайшим уважением и доверенностью среди горцев. Ермолов уже давно слыхал о нем от шамхала и давно хотел с ним познакомиться; теперь представлялся этому благоприятный случай. Прибыв в [26] с. Казанище, где тогда находился генерал-лейтенант Мехти, корпусный командир вызвал туда Сеида и имел с ним несколько свиданий в доме шамхала, прикрыв их таинственностью даже от своих приближенных. В нем, по его словам, он нашел человека здравомыслящего, желающего спокойствия, на которого можно было вполне положиться. Заручившись его готовностью служить нашим интересам, Ермолов назначил ему жалованье и потом высылал его ему через шамхала. Сеид-эфенди совершенно оправдал его ожидания. Принадлежа к числу главнейших священных особ и имея сильное влияние на ближайшие к нам народы, и преимущественно на акушинцев, он не только содействовал их миролюбию и покорности, но в течение нескольких лет был громоотводом в Дагестане для разных лжеучителей и вредных нашему господству религиозных пропагандистов. От этого ученого человека Ермолов впервые узнал о происходящем в стране фанатическом брожении и о сущности нового вероучения, и хотя не придал ни тому, ни другому особого значения, однако, приехав в Кубу, вытребовал к себе Аслан-хана и приказал ему принять меры к прекращению беспорядков. Аслан-хан, приехав в Касум-Кент, призвал муллу Магомета, с ближайшими его последователями, и потребовал у пего отчета о его действиях. Мулла изложил ему в главных чертах сущность нового неизвестного дотоле тарикатского учения, а относительно народа сделал весьма интересное заявление, которое как нельзя лучше подтверждает нам всю бессознательность поступков большинства.

«Они в исступлении», сказал он, «и невинны в своих действиях, потому что не понимают, что делают; но эти [27] действия ясно показывают, что должно всем делать».

При этом мулла заметил Аслан-хану, что он сам не исполняет шариата, и т. д. Оскорбленный хан публично дал ему за это пощечину и при собрании народа некоторое время глумился над ним и его приверженцами. Однако на другой день хан успокоился, извинился перед обиженным, одарил его и новую беседу повел тихо и уступчиво. Мулла воспользовался этим, чтобы прельстить его своим красноречиям и, действительно, удачно подействовал на грубую

натуру хана: последний увлекся словами оратора и склонился в пользу его учения, даже согласился с ним, что война против неверных (газават) законна и необходима. Однако, все-таки он велел Магомету быть осторожнее и оставить в покое Кюру и Казикумух; генералу же Ермолову донес, что им восстановлен полный порядок.

Но приказание Аслан-хана было уже несвоевременное, тем более, что Магомет ярагский был в то время не единственным проповедником нового учения в его стране; рука об руку действовал с ним и быстро выдвигался на народную арену знаменитый впоследствии представитель тариката, известный под именем сеида, Джемалэддин Гусейн казикумухский 18. Он был хорошо знаком Аслан-хану, потому что в юности служил у него письмоводителем. Когда же первые семена нового учения были заронены в Дагестан, Джемалэддин оставил его и примкнул к Магомету ярагскому, от которого принял тарикат. Кроме него, в плеяде Магомета насчитывались и другие преданные и многообещающие последователи, в [28] роде Кази-муллы, Гамзат-бека, Шамиля и других. Таким образом, пропаганда пустила корни достаточно глубокие, а разгуливавшие в то время в Чечне и Дагестане персидские и турецкие агенты ловко пользовались для своих целей этим неожиданным брожением в народе: они повсюду поджигали к восстанию и уверяли легкомысленное население, в особенности чеченское, что их державы окажут скорую и решительную помощь горцам. На этом основании мулла Магомет, в проповеди своей черкеевцам, соглашавшимся строго исполнять шариат, но отказывавшимся от газавата, говорил с восточною изворотливостью:

«Вы можете повиноваться и давать русским аманатов до тех пор, пока они сильнее вас; по наступит время, когда кто-либо из сильных владык востока, во славу корана, покорит русских — и вы тогда должны восстать против них и объявить газават. До тех же пор повинуйтесь им».

Не обратив никакого внимания на запрещение Аслан-хана, мулла Магомет деятельно продолжал свою пропаганду, но на политическое поприще он не выступал. В конце 1824 года он посвятил Джемалэддина в звание мюршида и велел ему также распространять новое учение. Аслан-хан, узнав об этом, пригласил к себе своего бывшего письмоводителя и хотел разыграть с ним сцену в роде той, которую устроил Магомету, но, пораженный его святостью и совершенным им чудом, будто бы приник и смирился. В таком положении было дело, когда в 1825 году Ермолов, увидев на чеченских событиях и на внутреннем состоянии Дагестана, что новое учение не безопасно, приказал Аслан-хану арестовать Магомета и доставить в Тифлис. Проповедник хотя и был арестован, но вслед затем, с согласия Аслан-хана, получил возможность бежать из Кураха в вольную [29] Табасарань. Вслед за ним и Джемалэддин бежал из Кумуха в Цудахар. По совпадению обстоятельств, есть повод предполагать, как увидим ниже, что в последовавшем в половине того же года восстании чеченцев, а затем и табасаранцев, Магомет принимал видное и решающее участие. В 1826 году он вновь появился в Яраге, но сколько времени там пробавлялся — неизвестно. Когда же в 1830-м году мюридизм разгорелся окончательно, и граф Паскевич настоятельно потребовал у Аслан-хана выдачи Магомета, то последний, при помощи владетеля, бежал в Аварию. Все подобные действия Аслан-хана остались безнаказанными, вследствие чего он продолжал их и далее в том же духе. После 1830 года имя муллы Магомета ярагского исчезает из истории — может быть, потому, что призвание свое он считал оконченным, так как в лице Кази-муллы, за которого, между прочим, выдал свою дочь, дождался, наконец, осуществителя своего учения 19. Что касается до Джемалэддина, то он проживал в Цудахаре до смерти Аслан-хана (1836) и затем, передавшись

к Шамилю 20, всем населением восточного Кавказа был признан устазом (учителем тариката) и сошел со сцены только по взятии имама в плен и по окончании войны. [30]

Не смотря на быстрое распространение нового учения, горцы усвоили себе значение слов мюршид и мюрид и обязанности этих лиц более или менее сознательно только с 1829-го года, т. е. с появления на политическом поприще Кази-муллы. Этот момент можно по справедливости назвать началом второго периода нового вероучения. Как в первом периоде оно было закрашиваемо и сглаживаемо словом "тарикат", возле которого вращались все проповеди муллы Магомета ярагского, так с 1829-го года оно отрешилось от этого слова и, облекшись вполне ясно для большинства горцев в политическую оболочку, явно приняло название мюридизма. Для нас оно еще года два продолжало существовать под первоначальным именем ,,нового учения", непонятного нам и малоизвестного, и ни в одной из наших официальных бумаг не называлось мюридизмом. В виду этого, период с 1824-го до 1829-го года включительно можно назвать, по отношению к горцам Дагестана, периодом брожения; что же касается чеченцев, то к ним в эти годы и подавно можно во всей полноте применить слова муллы Магомета, что "они не понимали, что делали". Главною причиною их неведения настоящего смысла учения и заблуждений в этом случае большинства было стремление некоторых ловких авантюристов достигнуть, при невежестве и предрассудках народа, своих личных целей, в жертву которым они, не стесняясь, приносили и идею нового учения, и благосостояние массы. Чем более они встречали всякого сумбура в понятиях своих соплеменников, и чем удачнее производили этот сумбур, тем для них казалось выгоднее. Вследствие этого, чеченцы, не имея под ногами твердой почвы, а также проповедников в роде муллы Магомета ярагского, направлявших [31] дело к раз обдуманной серьезной и важной цели, равным образом не имея среди себя противодеятелей, в роде шамхала тарковского, кадия Сеид-эфенди и других, зашевелились очень легко, скоро и поголовно. В то время, когда Дагестан, в лице Магомета ярагского, Кази-муллы и их пособников, строго обдумывал свою важную задачу, нимало не одобряя излишней поспешности Умалат-бека, строил и комбинировал ее на верняк — Чечня зажглась обширным пламенем и даже успела перегореть.

В двадцатых годах под именем Чечни (большой и малой) у нас разумелось пространство, границы которого были следующие: на севере река Сунжа от бывшего аула Самашки до аула Умахан-юрта, т. е. до того пункта, где она делает колено и перпендикулярно идет к северу на слияние с Тереком; на юге — линия поперек Черных гор от хребта Кере-лам на западе и верхнего течения р. Фортанги, спускавшаяся сейчас же книзу и перерезывавшая собою верховья р. Нетхоя, хребет Ялхорой-лам, верховья р. Гойты, истоки Энгелика, слияние Шаро-Аргуна и Чанты-Аргуна, реку Басс, реку Хулхулау — при впадении в нее речки Арджи-Ахк, и упиравшаяся в западную границу Ичкерии; на востоке — Ичкерия (горы Кожалик и Башиль-Ирзау-Кварта), р. Мичик и качкалыковский хребет, отделявший от Чечни кумыкские владения; на западе — река Фортанга, протекавшая по границе ингушевских племен, и прямая линия, проходившая от позднейшего Ачхоевского укрепления, перерезывавшая низовья р. Ассы и упиравшаяся в Сунжу у аула Самашки (в 4-5 верстах от аула Казах-Кичу). Восточный угол большой Чечни, имевший вид треугольника и заключавшийся между качкалыковским хребтом, западною [32] границею Ичкерии и р. Гудермесом, был занят мичиковцами, которые, принадлежа всецело к чеченскому племени, составляли однако отдельное общество и отдельную нашу административную единицу. Гористое пространство на севере между Сунжею и Тереком хотя и населено было сунженскими и надтеречными чеченцами, но в состав Чечни не входило. Восточный угол этого пространства — с севера по Тереку от ст.

Николаевской до ст. Щедринской, с востока и юга по Сунже и с запада вдоль большой русской дороги от ст. Николаевской до кр. Грозной, занят был в восточной его половине брагунским обществом, с огромным аулом Брагуны, у истоков Сунжи, и в западной — староюртовскими чеченцами, с большим аулом Старым-Юртом, возле которого было выстроено Ермоловым в 1820 г. Горячеводское укрепление, получившее наименование Неотступного Стана и имевшее целью охранять и прикрывать сообщение между кр. Грозною и Тереком. Вся Чечня, с мичиковским обществом, имела вид неправильного прямоугольника и заключала в себе по прямой линии от запада к востоку 90-100 верст, от севера к югу 30-40 верст. Большая и малая Чечня разделялись от севера к югу рекою Аргуном, составлявшеюся из слияния двух упомянутых выше Аргунов — Шаро и Чанты, и впадавшею в Сунжу невдали от аула Тепли-Кичу (Гечю). Обе Чечни были обильно орошены реками. Главнейшие аулы в малой Чечне были: Бумут, Нетхой, Мартан, б. и м. Атага, Чахкери; в большой: Маюртуп на р. Гудермесе и на границе мичиковского общества, Гельдыген и Автуры на Хулхулау, Герменчук на Джалке и Шали. Построенная на Сунже в 1818 году, на окраине плоскости малой Чечни, крепость Грозная, была окружена несколькими [33] мирными аулами: Кули-Юрт или Кулиева деревня — вверх по Сунже, к ханвальскому хребту, версты две от Грозной, с 17 дворами; Сунженская деревня, с 100 слишком дворами; Амир-Хан-Кичу, имевшая до 60 дворов; вниз по Сунже — Ачагинская, с 120 дымами, разбросанными на протяжении двух верст. Все оне были населены мирными и преданными нам чеченцами 21. От Грозной на юг, к аулам б. и м. Атаги и Чахкери (у р. Аргуна), по длине тридцати верст, стлалась безлесная равнина, по безводности своей весьма мало населенная. Она в верхней части своей, в десяти верстах от Грозной, суживалась в так называемое ханкальское ущелье, постепенно расширявшееся к югу, имевшее в длину верст пять, и составлявшееся из двух совершенно отдельных хребтов, большого и меньшего, из которых первый, западный, называемый: Хан-Кала, ниспадал постепенно на запад к р. Гойте и на север к р. Сунже, а другой упирался юго-восточным своим выступом в Аргун. В северной части этого ущелья, на первой трети его протяжения, высился одиноко известный "ермоловский" курган; на юг от Хан-Кала, у р. Гойты, были остатки знаменитого аула Алды, состоявшего в начале нынешнего столетия из членов сорока фамилий, издававшего тон и звук населению малой Чечни во всех случаях его быта и дававшего лучших вожаков для вторжения в наши пределы, а против него на самой южной [34] оконечности меньшего хребта, почти над Аргуном — остатки другого знаменитого аула большого Чеченя, первого из всех аулов, основанного чеченцами по выходе их на плоскость в начале прошлого столетия, после того, как русские оставили ее и перебрались за Терек 22. Далее описываемая равнина стлалась на юг между р. Гойтою с запада и р. Аргуном с востока и оканчивалась клином в некотором расстоянии за аулом Чахкери, у подножия Черных гор и близь входа в аргунское ущелье — вполне таинственное и неведомое для нас в описываемое время. В 1824-1825 годах мы имели для движения из Грозной в Чечню только четыре дороги: через Хан-Кале и ханкальский хребет, которая была расчищена; через ханкальскую гору вблизи большого Чеченя, где лес был прорублен в 1821 году; ниже аула Хан-Кале, через Аргун, на поля аула Тепли-Кичу, где дорога была проложена в том же году и, наконец, выше Злобного Окопа, от аула Алхан-Юрта на поляны к аулу Дихи. Эта последняя была прорублена в 1825 году.

Но первым театром действий, порожденных на Кавказе мюридическим учением в его незрелой и нелепой форме, была не одна плоскость Чечни. Зараза быстро охватила собою часть кумыкских владений, качкалыковское и ауховское общества, Ичкерию, ингушевские владения и наконец Кабарду.

Кумыкские владения занимали обширное [35] пространство в следующих границах: с севера — р. Терек, с востока — берег Каспийского моря до устья р. Сулака, с юга — р. Сулак и границы Салатавии, с запада — границы Ауха и качкалыковский хребет. Западный угол этих владений между Тереком, истоками Сунжи, качкалыковским хребтом и рекою Аксаем принадлежал обществу качкалыков. На севере, там, где Терек делает изгиб, почти на половине расстояния между станицами Щедринской и Шелкозаводской, но ближе к первой из них, стояло у нас укрепление Амир-Аджи-Юрт, замечательное своею роковою судьбою в описываемую эпоху; на юге, у северной границы Ичкерии, на р. Аксае, было другое укрепление, получившее не меньшую известность по своей знаменитой обороне — Герзель-аул, возле аула Старого Аксая и недалеко от аула Кошкельды, приютившегося у подножия качкалыковского хребта, на речонке того же имени. Собственно же кумыки, делившиеся в 1820 годах на аксаевских, андреевских и костековских, занимали южный угол кумыкских владений между р. Аксаем с запада, южною границею кумыкских владений и по течению р. Сулака до Казиюрта включительно. В южной части этой территории, на границе с Аухом, на р. Акташе, близь огромного селения Эндери (деревни Андреевой, или, как называл ее Ермолов, города Андрея), недалеко от Воровской балки была выстроена в 1818 году крепость Внезапная, окончательно отстроенная в 1822 году; на севере же, у Сулака, откуда он поворачивает на восток к Каспийскому морю, был не менее важный и большой аул Костек; вся же верхняя часть кумыкских владений от Сулака до Терека была малонаселенная и преимущественно занятая кочующими костековскими и аксаевскими ногайцами. [36]

Кумыки были издавна нашими подданными, но, боясь чеченцев, которые в значительном числе переселились к ним, находились у них если не в совершенной зависимости, то, так сказать, в руках; они могли жить в полной безопасности не иначе, как войдя с своими утеснителями в разные связи, не исключая и родственных. Ни один из князей кумыкских не стал выезжать из дома без сопровождения чеченца. Кумыки, по принуждению. невольно участвовали в проделках чеченцев. Аксаевские, андреевские и костековские кумыки управляемы были, каждые отдельно, старшим по летам беем или князем и, вследствие этого, по большей части случалось, что управлял наименее способный. Народонаселение в этих владениях было незначительное и нравственностью не отличалось.

Ичкерия (ичи-ери — земля внутри, т. е. среди гор 23) заключала в себе пространство приблизительно в тысячу квадратных верст и граничила к северу — землею качкалыков, к югу — андийским хребтом, к западу — мичиковским обществом, от которого отделялась хребтами Бащиль-Ирзау-Кварта и Кожалик, хребтом гор, составляющим левую сторону ущелья р. Басса и горою Пешхой-Лам, прилегающею к Шаро-Аргуну, к востоку — ауховским обществом. Ичкерия, принадлежавшая некогда аварскому хану, была заселена, начиная (если верить преданию) с 13-14 столетия, 18-ю фамилиями, вышедшими разновременно и почти исключительно из аула Нашахэ (нынешнего аргунского округа). В двадцатых годах в ней насчитывалось почти то же число аулов, что и теперь, т. е. до 40, но жителей тогда было более, чем в последних годах, не смотря на то, что Ведено не было еще резиденциею имама, [37] да и самого имама еще не было. Тогда, при Ермолове, в Ичкерии было до 15-ти тысяч душ обоего пола. К Ичкерии прилегало всею западною частью ауховское общество, которое имело с востока Салатавию и вместе с нею примыкало на севере к южной части кумыкских владений, а на юге граничило с Гумбетом.

Даже и в двадцатых годах чеченцы называли себя нахчой; у кумыков они известны были по имени ближайшей реки Мичика — мичикиш, в горах их называли буртель, а чеченцами они именовались безусловно с давних пор только у нас и у кабардинцев, от имени своего большого аула Чечень.

Чтобы судить о том, какая нравственная и духовная почва готова была в Чечне для нового вероучения, достаточно в немногих строках очертить состояние чеченцев и отношения их к нам до первой минуты появления в их стране пропаганды. Племя это в отдаленное время составилось из 59-ти отдельных фамилий, вышедших постепенно от верховьев Аргуна и подножия снегового хребта, большею частью недружелюбных друг другу, из которых каждое называлось именем своего родоначальника и занимало особую территорию. Это были в своем роде мелкие республики, единство которых заключалось только в языке и религии. Недостаток единодушия между фамилиями был причиною их политического ничтожества и легкости, с которою мы первоначально на них влияли. Хотя впоследствии они нередко соединялись для того, чтобы нам противодействовать, но эти союзы, по миновании надобности, так же быстро распадались — преимущественно в большой Чечне — как и составлялись. Полная и совершенная общность, не прекращавшаяся до конца пятидесятых годов, является в первый [38] раз в Чечне лишь в 1825 году, по случаю нового религиозного учения; а потом, благодаря тому же учению и особым политическим обстоятельствам, она постепенно крепнет в 1830-х годах и, наконец, вследствие влияния и власти Шамиля, окончательно закаляется в сороковых годах, когда происходит политическое перерождение Чечни.

Наше решительное влияние над чеченцами с первых дней прибытия на Кавказ Ермолова, а затем пропаганда, занесенная сюда из Дагестана от проповедей муллы Магомета, окончательно уничтожили у чеченцев то равенство, которое между ними существовало всегда. С этого времени, когда наша власть, а затем и необходимость общей пользы заставили их избирать, а иногда и невольно признавать среди себя распорядителей или старших, слово "уздень", т. е. вольный, независимый, пропадает у них окончательно; Шамиль же и совсем доконал эту вольность и равенство, хотя природного стремления к ним не мог, в силу естественного родового закона, истребить у них в крови. Но для его целей достаточно было и внешности, т. е. уничтожения узденства. Таким образом, чеченцы, увлекшись новым вероучением и будучи приведены в необходимость втянуться в особые политические потрясения, которые были его последствием, сами себя добровольно и вполне необдуманно поставили между двух давлений — нашим и со стороны Шамиля, и этим решительно убили свое родовое демократическое и патриархальное начало. Малая Чечня боролась против этих двух своих недугов несколько долее большой, но это потому, что политические ее побуждения и религиозные верования были крепче.

Малочеченцы, углубившись в трущобы Черных [39] гор до второй их гряды, называемой Лысыми горами, были сильнее ограждены в своей самобытности и независимости этими самыми природными охранами и имели возможность не только более успешного удержания при себе главного фактора народного быта — религии, но и возможность постепенного саморазвития на этом пути. Благодаря более выгодным условиям своей жизни и своему шейху и имаму Мансуру, они еще в конце прошлого и в начале нынешнего столетия знали шариат и исповедывали все его строгие правила, охраняя его неприкосновенность вместе с своею собственностью. Большечеченцы же, обязанные своим существованием щедрой природе,

положившей начало народному безделью и лени, были беспечны в жизни и равнодушны к религии и вследствие этого скоро позабыли ее настолько, что к описываемому времени имели о ней слабые и сбивчивые понятия. Глубокие традиции исчезли; их заменили собою легкомыслие, легковерие и преданность дикой свободе, которую правильнее назвать распущенностью и необузданностью; отсюда явилась страсть и к авантюризму, и Чечня стала гнездом разбойников; все посторонние злодеи принимались здесь весьма дружественно, и ими быстро увеличивалось население. Незнакомые с истинами шариата и преисполненные разными религиозными бреднями, большечеченцы в особенности представляли отличную почву для эксплуатации ее решительными и предприимчивыми шарлатанами. Мы постоянно боролись с этим народом, тратя силы, время и средства; ему же нипочем были все лишения этой борьбы, потому что, благодаря своей праздности, а вследствие этого и нужде, он терпеливо сносил все невзгоды, в надежде их возместить каким-нибудь удачным разбойничьим предприятием. Таким [40] образом, все усилия наши к обузданию его оставались безуспешными. Уразумев, что для нас было их трудно наказывать, чеченцы еще более ободрились, а со времени неудачного похода в их землю в 1810 году начальника кавказской линии генерала Булгакова пришли к окончательному убеждению, что они неодолимы и стали разбойничать не в пример пуще прежнего. Ко времени прибытия Ермолова, грабежи и увлечение в плен жителей Кавказской губернии и пограничных казаков дошли до крайнего предела. Ермолов, сознавая, что наказаниями и силою оружия их укротить нельзя, поспешил в 1818 году осуществить мысль князя Цицианова и построил кр. Грозную. Этим он предположил, так сказать, сесть им на шею и, содержа их в постоянном страхе насчет внезапных набегов, заставить их думать более о собственной защите, чем о нападениях. Что касается деревень, лежавших по правому берега Терека и считавшихся покорными, но в сущности бывших всегда убежищем немирных и разбойников, то относительно их и преимущественно их владельцев были преподаны самые строгие правила послушания и — в первый раз — отбывание, вместо дани, воинской повинности.

Привыкшие к своеволию и безнаказанности, чеченцы, однако, не уверовали в силу мероприятий и в решимость Ермолова и не прекращали своих разбоев. Тогда в 1819 году он собрал отряд и жестоко наказал их, в сентябре и октябре, поражением и разорением их селений: Дадан-юрта, Алдероя и других. Они дрались с отчаянием, но, наконец, сраженные тем ужасом, который порождает неотвратимая и суровая кара, разрушающая всякое очарование и самоуверенность в неуязвимости, они до конца 1821 года жили [41] относительно тихо и спокойно: когда же время сгладило впечатление прошлого, они опять стали нам давать знать о своем зловредном и преступном существовании. Тогда Ермолов, проезжая в это время из Петербурга в Грозную, поручил командиру 43-го егерского полка полковнику Грекову 1-му напомнить им дадан-юртовскую встречу. Произведя экспедицию в лесистую часть Чечни, Греков еще раз кровавым образом внушил нашим беспокойным соседям убеждение в том, что раздолье и безнаказанность для них миновали. Этими наказаниями не исключались и правильные экспедиции в Чечню, которые со дня заложения кр. Грозной повторялись ежегодно и имели целью проложить туда удобные или по меньшей мере безопасные дороги, в особенности через ханкальский хребет, и оттеснить население подальше от наших границ, а следовательно и от всякого соблазна, который им представляло близкое соседство с нашими населенными пунктами. В особенности была чувствительна для чеченцев и сравнительно плодотворна для нас экспедиция Грекова в 1822 году, во время истребления Шали и движения в землю качкалыков.

Наша настойчивость к окончательному укрощению и умиротворению чеченцев, может быть, тогда же привела бы к желанной цели, потому что благоразумная часть населения и избегала, и отказывалась воевать с нами, сберегая свои семейства и свое достояние; но злополучная и гибельная для чеченцев равноправность, в силу которой на сходках при решении общественных вопросов голос одного искателя приключений разрушал миролюбивое решение всего собрания, была постоянным поджигающим средством, не допускавшим нас окончательно затушить пожарище. А если притом такой искатель приключений имел [42] относительно нас свои особые враждебные счеты, виды и намерения, да притом, в силу ли известного удальства или других подобных заслуг и качеств, пользовался более или менее выдающимся положением, то, понятно, что самые благонамеренные побуждения разумной часта собрания оставались бессильны и бесследны. В людях же подобного сорта, всегда почему-либо нам недоброжелательных и, сверх того, таких, которым терять было нечего, недостатка не существовало. Поэтому и не удивительно, что борьба наша с чеченцами, порождаемая и поддерживаемая не взаимными политическими тенденциями и не отстаиванием ими своей независимости, а исключительными и совершенно частными стремлениями, вытекавшими из склада их жизни и условий внутреннего быта, была как бы бесконечною. Лучший образчик этой борьбы представляют нам годы, начиная с 1823-го и до половины 1826-го, а полнейший, всесторонний и законченный тип искателя приключений, орудовавшего этою борьбою — личность некоего Бейбулата Таймазова, жителя с. Маюртупа. Многолетняя, часто весьма пагубная для нас, его деятельность тесно связана с отношениями его к Грекову, который, наконец, и пал роковою жертвою их в разгаре своей жизни и боевой славы.

Этот выдающийся генерал начал свою службу на Кавказе унтер-офицером в кабардинском полку 1-го января 1805 года и через семнадцать лет, вполне по заслугам, достиг чина генерал-маиора. Происходя от небогатых дворян-помещиков Слободско-Украинской губернии, Николай Васильевич Греков 1-й не получил широкого образования, но восполнял его с избытком природными способностями, умственным развитием, самоучением и практикою. Не сходя с [43] боевого поля в течение первых девяти лет, он, за отличие в 1812 году при усмирении Кахетии, возмущенной беглым царевичем Александром, был произведен в штабс-капитаны и зачислен в лейб-гвардии измайловский полк; в декабре 1816 года он назначен был командиром 16-го (переименованного затем в 43-й) егерского полка, а в марте 1822 года произведен в генерал-маиоры, с назначением командиром 2-й бригады 22-й пехотной дивизии. Ермолов был чрезвычайно расположен к нему и безусловно доверял ему, потому что видел в нем честнейшего, беззаветно храброго и весьма распорядительного офицера. Греков и на самом деле соединил в себе все эти прекрасные качества; кроме того, он владел лучшими свойствами души и сердца, но имел недостатки, те именно недостатки, которые были вредны только для него одного. Прежде всего в нем сильно развито было чрезмерное самомнение, которое могло быть, с одной стороны, последствием жизненных удач и быстрого возвышения, а с другой — действительно, обширного знания среды, в которой он стоял, и дела, которым руководил. Последнее условие развило в нем гордость, излишнее самолюбие, упрямство и ту самоуверенность, которая не допускала ни советов, ни возражений. Умев сдерживать эти свойства там, где условия жизни ставили его в соприкосновение с людьми, заслужившими его внимание или уважение, он давал им простор, когда лицом к лицу встречался с обманом, вероломством и всеми подобного рода преступными наклонностями. Греков был совершенно в духе Ермолова, который, с производством его в генералы, вверил ему начальствование на

передовой чеченской линии. Вращаясь несколько лет среди [44] чеченцев, зная их быт, малодушие, бесхарактерность и преступные побуждения, Греков смотрел на этот народ с весьма невзрачной для него точки зрения, и не только в разговоре, но и в официальных бумагах называл его не иначе, как "сволочью", а всякого представителя из среды его — "разбойником" или "мошенником". Так отнесся он и к Бейбулату Таймазову, когда тот, по назначении его начальником линии, явился к нему в Грозную засвидетельствовать свое почтение. Греков не только не подал ему руки, не усадил и не угостил его, как это делали многие наши офицеры и даже начальники, куначившиеся с ним и получавшие от него иногда мелкие услуги, но принял его сурово, презрительно и оскорбительно. А между тем, Бейбулат был известен среди чеченцев удалью, бесстрашием, вообще "джигитством", которое они беспредельно уважали в каждом; он имел нередко решающий голос на общественных сходках, и тогда его считали поборником народных интересов. Словом, Бейбулат был одним из видных людей в большой Чечне, и воззрения на него Грекова далеко не сходились с воззрениями тех, кому он принадлежал близко и непосредственно — из чего следует, что не всяк тот разбойник и мошенник, который нам кажется или для нас в действительности служит таким. В этом взгляде Грекова была большая ошибка. Зная себе цену у себя дома, и будучи избалован нами же, Бейбулат вскипел от негодования за незаслуженное, по его мнению. обхождение с ним Грекова и тут же дал клятву отомстить за причиненную ему обиду. Смешно даже и подумать, что этот ничтожный случай был основанием и зародышем нашей войны с чеченцами, которая столь многие [45] годы истощала наши силы и средства. После недружелюбного свидания с Грековым, Бейбулат Таймазов перестал являться в нашем офицерском кругу и весь отдался интересам своих соплеменников, т. е. хищничеству и искательству русских голов. В течение почти всего 1822-го года имя его стало фигурировать в разных нападениях на наши границы и с каждым днем приобретало у чеченцев все более и более веса и значения. Похождения Бейбулата, наконец, сделались для нас настолько чувствительны, а замыслы вообще настолько обширны, что в конце года целые аулы, в роде Мискир-юрта на Джалке и Кавсура, изменили данной ими присяге и явно вышли из повиновения, а другие, как Шали, малая Атага, заволновались глухо, но весьма заметно. Греков вынужден был испросить разрешения корпусного командира приступить к военным предприятиям, которые если бы не укротили, то хоть по крайней мере устрашили бы чеченцев. Преследуя последнюю цель, он избегал продолжительной экспедиции, в которую мог бы ввязаться, будучи к ней вовсе не приготовлен. Ермолов согласился.

Греков ограничился демонстрациями: 6-го февраля 1823-го года он выступил из ст. Наурской к кр. Грозной, распустив слух, что оттуда потянется к Преградному Стану и, соединясь там с ингушами, двинется в Чечню. Он не торопился приводить в исполнение свои распоряжения и три дня оставался в Грозной под видом особых приготовлений, которыми хотел устрашить чеченцев. В это же время владикавказский комендант полковник Скворцов, составя небольшой отряд, также пришел в Преградный Стан, приказав ингушам собраться сюда для присоединения [46] к остальным войскам. Получив об этом сведения, чеченцы созвали большое сборище, чтобы обсудить, как им действовать. Большинство решило смириться и просить пощады, но немногие, в том числе и Бейбулат, разрушили это намерение. 12-го февраля Греков двинулся к Хан-Кале, на другой день расчистил там лес и 14-го числа возвратился в Грозную. Выступлением к Хан-Кале он достиг цели: отложившиеся аулы, боясь его посещения, прислали старшин с изъявлением покорности и дали аманатов из лучших фамилий; другие смирились и обещали жить тихо. Словом, вся Чечня, кроме трех

ичкеринских деревень, части гехинцев и Бейбулата с его партиею, выразила нам совершенное смирение и преданность, в которые, между прочим, Греков верил очень мало 24. Относительно оставшихся непокорными он отложил свою деятельность до будущей зимы, а что касается умиротворенных, то он не ошибся: они только кое-как дотянули в этом состоянии полтора года — и то лишь потому, что не являлось острых поводов к новому возбуждению; по истечении же этого срока все переменилось, благодаря Бейбулату, который посетил Дагестан и уловил там в проповедях муллы Магомета, а равно в общем брожении умов, именно то, что ему ее доставало.

Комментарии

1. "Сборник сведений о кавказских горцах".

2. В Турции насчитывается до 32-х духовных монашествующих орденов, известных под общим именем дервишей (уничиженных или уничижающихся), среди которых весьма известен орден накшубандисов. В последователи его вступают преимущественно самые знатные люди.

3. Нужно иметь в виду, что чины шамхала и всех ханов были ими не выслужены, а Всемилостивейше дарованы.

4. Поход генерала Ермолова в Дагестан и наказание акушинцев.

5. Один из интересных образчиков этих недружелюбных отношений приводит сам Ермолов в своих записках: мать аварского хана, имевшая двух дочерей в замужестве за шамхалом, просила письмом акушинского кадия, чтобы он старался схватить шамхала и доставил бы ей удовольствие напиться его крови. Эта, по словам Ермолова, «гнусная старуха» была в 1820 году отправлена в Россию.

6. Это был незаконный сын низложенного Ахмет-хана и его не нужно смешивать с Сурхай-ханом казикумухским.

7. Законный сын Ахмет-хана.

8. Кюринское ханство составляло прежде часть казикумухского. Эта часть была выделена и отдана во владение Аслан-хана в виде наказания Сурхай-хану за все его злодеяния и за участие против нас в враждебных действиях дагестанцев. Сурхай-хан после этого бежал в Турцию но в командование генерала Ртищева возвратился, изгнал посаженного вместо него владетеля и опять вступил в управление, оставшись безнаказанным. Таким образом, только Ермолов порешил его окончательно. Из этого очевидны те отношения, которые должны были существовать между этими двумя владельцами.

9. Предписание Ермолова генерал-маиору барону Вреде от 4-го марта 1819 года.

10. По истреблении аварского ханского дома в 1834 году, Аслан-хан был назначен главнокомандующим временно управлять и Авариею, и послал туда вместо себя своего племянника Хаджи-ягья, известного своею преданностью мюридизму и передавшегося Шамилю, у которого был наибом. Сближая этот факт с предоставлением в управление Аслан-хана в 1820 году ханства казикумухского, и имея в виду, что он вселил об этом первую мысль Ермолову чрез посредство некоторых казикумухцев, а следовательно при помощи происков, нельзя не прийти к заключению, что Аслан-хан, не останавливаясь ни перед какими, даже злодейскими, средствами, видимо добивался соединения под своею властью главных

провинций Дагестана. Уж не думал ли он и в самом деле достигнуть звания владетеля или правителя если не всего Дагестана, то большей части его?

11. Мехти-хан оставил владение и бежал в Персию вследствие наветов, взведенных на него наследником, и опасаясь обвинения в дурном управлении.

12. Ермолов прибыл в Тифлис 10-го октября.

13. Князь Цицианов покорил элисуйские владения, джарскую область, Шурагель, ханства; ганджинское, нухинское, карабахское, ширванское, дербентское, кубинское и талышинское; княжества: Мингрелию, Имеретию, Гурию и Абхазию.

14. В 1819 году, по просьбе Ермолова, грузинский корпус был усилен егерскими полками; 41-м (апшеронским), 42-м (ширванским), 43-м (куринским), 44-м (тенгинским), навагинским и мингрельским.

15. Война за веру.

16. Здесь он разумел Аслан-хана Казикумухского-кюринского.

17. Из записок Ермолова видно, что родной племянник и зять шамхала участвовал в декабре 1819 г. в сражении против нас при с. Лаваши, где мы имели дело с двадцатитысячным союзным скопищем. Конечно, этот племянник и зять был никто иной, как Умалат-бек, потому что другого лица, со всеми этими признаками, в роду шамхала в то время не было. Отношения его к Верховскому объясняются, вероятно, или прощением его вины, или просто добродушием командира куринского полка., принявшему в нем участие и поддавшегося в этом случае существовавшему у нас издавна обычаю куначиться с горцами. Может быть, Умалат был ему даже нужен.

18. Сеид — царь, владетель. Это название принадлежит только потомкам Магомета.

19. Эти данные заимствованы из статьи «Казикумухские и кюринские ханы», напечатанной во II выпуске Сведений о кавказских горцах. Оне несколько расходятся с сказаниями г. Окольничего («В. Сб.» 1859 г .№ II), что «мулла Магомет в 1825 г бежал из-под ареста в с. Маджалис, кончил свою деятельность и более не появлялся на родине». Далее у г. Окольничего читаем: «вовремя похода на Дербент (1831 г) Кази-мулла приглашал Магомета с собою в горы. Последний, не считая пребывание свое в Маджалисе совершенно безопасным, охотно переселился в глубь Дагестана; там он окончил свою жизнь, не принимая ни малейшего участия в кровавой драме мюридизма.»

20. Шамиль женился на дочери Джемалэддина — Загадат и своих двух дочерей выдал за сыновей его.

21. В скором времени одна из ближайших к кр. Грозной деревень получила название Сорочан-Юрт. Нет сомнения, что этим названием она обязана фамилии командира 43-го егерского полка подполковника Сорочана, который постоянно находился в Грозной со штабом и с гарнизоном своего полка и был популярен среди населения. Иначе и предположить нельзя, так как ни на татарском, ни на чеченском языке нет слова «сорочан». Неизвестно только, была ли эта деревня вновь заселена или переселена после событий 1825 и 1826 гг., или же переименована.

22. Впрочем, перебравшись за Терек, мы все-таки считали эту плоскость своею и отдавали пока населявшим ее чеченцам на условиях. Неисполнение ими этих условии породило столкновение и потом перешло в открытую войну.

Аул большой Чечень был чрезвычайно обширен. Есть предание, что один всадник, желавший его объехать, наморил коня. Чечень вел большую торговлю и имел много лавок; в среде населения его было значительное количество торгующих армян и евреев. («Сб. св. о кавк. горцах»).

23. Ичкерия, действительно, находится среди Лысых и Черных гор.

24. Донесение Грекова генерал-маиору Сталю 2-му от 18-го февраля 1823 г. № 17.

Текст воспроизведен по изданию: Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник, Том 10. 1886

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

ВОЙНА НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

С 1824 ПО 1834 г.

В СВЯЗИ С МЮРИДИЗМОМ

II.

Мулла Магомет маюртупский. Перенесение нового вероучения в Чечню. Появление лжепророка Авко. Ингуши. Зимняя экспедиция генерала Грекова в начале 1825 года. Начало волнений в Чечне. Собрание мятежников 24-го мая. Лжепророк мулла Магомет. Джемболат Дчечоев. Народное собрание 29-го мая. Жестокая расправа с тремя возмутителями. Начало возмущения. Сбор мятежного скопища и движение его в малую Чечню. Рекогносцировка Грекова 30-го июня. Открытие Бейбулатом военных действий. Выступление колонны, под начальством генерал-маиора Грекова, из Грозной в Герзель-аул. События на закавказской окраине восточного Кавказа.

Весною 1824 года неожиданно явился в Чечню из Дагестана какой-то мулла Магомет и поселился в Маюртупе. Он сразу уселся так прочно, что как будто возвратился после долгой отлучки в свой собственный дом; видимо было по всем признакам, что он расположился на новом месте если не навсегда, то по крайней мере на долгое время. С первого же дня своего прибытия он оказался не только знакомым, но довольно близким к Бейбулату — и между ними начались какие-то странные и подозрительные сношения. Никому тогда и в голову не приходило, что этот пришелец мог быть легко приглашен Бейбулатом во время последней поездки его в Дагестан. Мулла вел себя чинно, важно, постоянно молился Богу и вскоре заслужил внимание всех жителей аула, которые частью из любопытства, а частью от безделья, начали посещать его неотступно. Скоро мулла сделался своим человеком и стал являться в мечеть. Потихоньку, понемножку народ услышал такие истины корана, такие поучительные и

складные тирады, о которых ему никогда и не снилось. Мулла возбудил к себе благоговейное почтение. Тем временем, Бейбулат разгласил повсюду, что явился святой, Богом ниспосланный [48] человек, которому определено просветить и наставить правоверных на путь истины. Известность муллы разлетелась по окрестностям, и в ближайшую после того пятницу стеклись в Маюртуп жители многих селений. Мулла в этот день говорил горячо, и хотя почти никто не уразумел, что именно он говорил, но все были увлечены и возглашали то и дело: ..алла, алла"! Длинную свою проповедь он заключил заявлением, что, по словам корана, настало время явиться пророку, именуемому "имам Хариса" 25, который должен отвоевать у русских все страны, принадлежавшие некогда мусульманам, и сбросить ненавистное иго гяуров; что правоверные должны молиться, ожидать этого пророка с минуты на минуту и затем восстать по первому его зову. Стрела попала в цель: слушатели заволновались, единодушно провозгласили смерть и погибель всему русскому и, под обаянием воспламененных чувств, на другой день разнесли слова проповедника по всем окрестным аулам.

Так началось проповедывание ложного тариката в Чечне. Усилие Бейбулата ухватиться за него для своих целей на первый раз увенчалось полным успехом; он торжествовал, и в перспективе уже видел ручьи русской крови, свое собственное величие и вполне удовлетворенную жажду мести. С этой минуты он открыто стал возле муллы Магомета маюртупского и начал ту крамолу, которая причинила нам столько жестоких и кровавых катастроф. Пять лет, с некоторыми перерывами, мучил нас этот отважный бунтовщик, всегда избегая нашей кары и не давая возможности угомонить его никакими способами. Испытав во вражде с [49] нами первые успехи, он сделался для нас тем опаснее, что не ограничивался уже одною местью к нам, но стал лелеять и другие честолюбивые цели. Если бы, при его удали и решимости, он был умнее, владел бы познаниями по меньшей мере порядочного муллы, то в лице его явился бы в Чечне своего рода Шамиль гораздо прежде, чем он в действительности выступил в Дагестане.

Бейбулат недурно скомбинировал свою программу: орудием для достижения своих кровавых замыслов он избрал не одного муллу Магомета маюртупского, но, при помощи его, и все духовенство большой Чечни, посредством которого безошибочно рассчитал повлиять на массу; пособников же и помощников он уже имел достаточно в своих руках, и все они были, откровенно сказать, отпетые пройдохи, которые до сих пор ни перед чем не останавливались и служили ему с полным усердием.

Таким образом, опасная и довольно грозная для нас шайка выросла, так сказать, у порога нашего дома в те минуты, когда мы о ней нимало не подозревали.

Под эгидою нового вероучения, провозглашенного Магометом маюртупским и разносимого повсюду приобретенными им, в лице чеченских мулл, приверженцами, Бейбулат открыл свою крамольную деятельность в начале лета 1824 года. Спустя немного, Греков стал получать об этом сведения отрывочные и непоследовательные, но в конце августа имел уже и довольно подробные. Он не обратил на них надлежащего внимания, так как эти авантюрьерские проделки пока нам не вредили, а малоразвитую массу, по его [50] убеждению, оне могли лишь занимать, развлекать, но не волновать, а тем более поднять на ноги. Пожалуй, оно так бы и было, если бы действовал один Бейбулат, и притом на почве своих прежних похождений, но при новых и весьма невыгодных условиях, которые сразу поставил для нас мулла Магомет, и

которые отчасти уже стали известны Грекову, такой взгляд на дело и невнимание к нему со стороны опытного генерала ничем оправдать нельзя.

До сих пор на чеченских муллах вполне сказывалась известная поговорка, что "никто не пророк в своем отечестве"; для нового же человека, каким явился мулла маюртупский, она не только потеряла свой смысл, но даже, благодаря разъездам Бейбулата по Аксаю и Мичику и разглашениям о пророке Хариса, имела совершенно обратное значение: свободный в осеннее время от полевых работ, народ начал стекаться в Маюртуп даже из мест отдаленных, точно также, как в Дагестане стекался к Магомету ярагскому. Конечно, в Чечне он услышал совсем не то, что говорил в Яраге завзятый тарикатист. Мулла маюртупский не стеснялся никакими бреднями и фантастическими росказнями о новом учении, лишь бы удачнее морочить чеченцев и идти прямо к цели, указанной ему Бейбулатом. Когда проповедник убедился в грубом невежестве своих слушателей и увидел, что дело поставлено выгодно, тогда оба приятеля решили, что можно идти далее, и в один прекрасный день мулла Магомет, при собрании большого числа своих посетителей, провозгласил, что Бог, наконец, ниспослал на землю пророка и призывает правоверных к войне за независимость, о которой, впрочем, в свое время объявит сам пророк. Это всем [51] понравилось, и мало по малу слово "джихад" 26 начало проникать в массу.

Однако, как ни податливы были чеченцы на все нелепости, которыми дурачил их мулла, они все-таки захотели видеть пророка воочию и стали приставать о том к проповеднику. Последний, сознавая всю законность такого требования, обратился за разрешением столь важной задачи к своему руководителю; Бейбулат же, долго не затрудняясь, отправился в Герменчук к проживавшему там юродивому, некоему Авко, дал ему надлежащие наставления, привез в Маюртуп и припрятал у муллы. После этого проповедник возвестил народу, что пророк налицо, но явился пока ему во сне, приказал собрать сорок пять правоверных, взять одного красного быка и идти за селение, к большому дереву, куда прибудет и сам. Собрались, пришли и стали молиться. Когда, после усердных воззваний к аллаху, молящиеся подняли от земли свои приклоненные головы — импровизованный пророк стал перед ними полунагой, вытянутый во весь свой длинный рост, с тупым и бессмысленным выражением в лице. Многие знали лично Авко, прослывшего давно полоумным, и были поражены удивлением до онемения, но мулла Магомет не сконфузился и нашелся очень быстро: он поспешил заявить, что Бог обыкновенно осеняет вдохновением убогих и сирых, вразумляет и делает своими избранниками людей гонимых, преследуемых, ими непонятых, и что в данном случае он излил свои милости на предстоящего здесь Авко. То же самое подтвердил помощник и ученик муллы, какой-то мичиковец, уверявший, что он лично видел чудеса этого человека. К заметному [52] удовольствию шарлатанов, лишь весьма немногие отвернулись от них с недоверием; большинство же из числа сорока пяти заявило, что оно в божьем промысле нимало не сомневается. Тогда уверовавшие помолились с небольшими промежутками еще семь раз, а тем временем Авко исчез. Потом зарезали быка, присоединили к нему еще двух баранов и таким образом пировали два дня. В это время мулла успел их вполне убедить, что пророк. явившийся теперь только напоказ, по его особенному молитвенному настоянию у Бога, окончательно прибудет в среду народа весною будущего года, откроет свои действия и прогонит русских. Комбинация эта была составлена не глупо, так как нужно было время, в течение которого уверовавшие, при помощи шарлатанов, должны были распространить в населении, что пророк, действительно, есть, и что они его видели сами.

Все это можно было бы принять за сказку из "Тысячи и одной ночи", если бы вышеизложенное не было почерпнуто из наших официальных архивных документов.

В это время старшим аксаевским князем был маиор князь Муса Хосаев — человек развитой и нам преданный. В интересах своих и наших он зорко следил за поведением народа и всегда сообщал нашему начальству обо всех сколько-нибудь выдающихся проявлениях его быта и деятельности. Когда он вновь удостоверился, что брожение в Чечне не обещает ничего хорошего, то донес о нем подробно генерал-маиору Грекову и при этом заявил, что обстоятельства не так ничтожны, чтобы смотреть на них снисходительно. Греков приказал ему доставить в Грозную товарища муллы Магомета, мичиковца; с [53] самим же муллою он пока деликатничал — как потому, что не разделял взгляда Хосаева на важность событий, так и потому, что не желал еще более возбуждать против нас население. Хосаев живо поймал сообщника Магомета и отправил его по назначению; но, к сожалению, тот не дошел до Грозной и умер в пути совершенно неожиданно. Тогда, нечего делать, продолжая все еще церемониться с муллою, и не посягая пока на его личность, Греков послал к нему двух преданных нам чеченцев, чтобы разведать о новом вероучении и о пророке. Но на все расспросы посланных мулла отвечал одно и тоже:

— Сами увидите явление и действия. Верьте мне и корану.

После этого Греков пришел к заключению, что ему нужно выжидать и, донеся о событиях временно начальствовавшему линиею генерал-маиору Вельяминову 2-му 27, выразил о них следующее заключение:

«Хотя я не ожидаю, чтобы явление сие имело важные последствия, ибо оно вымышлено слишком глупо; не менее того, многие совершенно уверены в событии всего возвещенного. Я обязываюсь о сем донести вашему превосходительству для того только, дабы показать, какие средства употребляют мошенники для возмущения народа, довольно глупого и легковерного; они, лишась возможности действовать силою, прибегли еще к религии, всегда ободряющей грабежи и убийства».

Греков оставался невозмутимым еще и потому, что с наступлением зимы 1824 года все притихло, маюртупский проповедник куда-то исчез, а Бейбулат сидел дома и грелся у своего очага. Хотя, вследствие этого, некому ,было по-видимому поджигать народные [54] страсти, но дело мятежников от этого не стояло, потому что приверженцы Бейбулата продолжали сновать то туда, то сюда, и в Маюртуп к нему время от времени приезжали весьма подозрительные люди не только из большой и малой Чечни, но также из Кабарды и даже из земли ингуш — хотя последних всего было два-три человека. Но на первый раз и этого было достаточно, потому что ингуша и чеченца до сих пор весьма редко, даже почти никогда и никому не приходилось видеть вместе.

Если Чечня и чеченцы в то отдаленное время были не те, что впоследствии, то тогдашнее ингушевское племя и подавно во всех отношениях разнилось от современных нам его сыновей и внуков.

Племя это было сильное, мало покорное нам, поэтому весьма опасно было допустить там развитие пропаганды — хотя, с другой стороны, сомнительность успеха ее в этой стороне обеспечивалась тем, что это интересное и весьма мало известное нам в двадцатых годах население исповедывало не мусульманскую, но какую-то неопределенную религию.

Ингушевское племя состояло из следующих обществ: кистинского, джераховского, назрановского, карабулакского (впоследствии назвавшегося галашевским), галгаевского, цоринского, акинского и мереджинского; все эти общества вместе имели свыше тридцати тысяч душ. Хотя некоторые причисляют ингуш к чеченскому племени, но для тех, кто вращался среди них во время кавказской войны, такое определение будет неудовлетворительным. Для ингуша трудно подобрать один начальный, родовой тип, и в нем, при строгом анализе, найдутся всевозможные элементы: чисто горский или лезгинский, осетинский, чеченский и даже [55] грузинский. Эти элементы в нем слились, утратили свою первоначальную форму, и произведя в этом существе национальный винегрет, привели его в состояние полнейшего дикаря. В виду уж этого перерождения нельзя не согласиться с некоторыми исследователями, которые, например, низводят кистин от одного знаменитого сирийского владельца будто бы из дома Комненов, бежавшего в Абхазию во время первых крестовых походов, джераховцев от какого-то выходца из Персии Джерах-Мата, с незапамятных времен утвердившегося в ущельи по берегам речки Арм-хи (Кистинки), впадающей в Терек, и т. д.

Ингуши преимущественно были расположены в ущельях гор главного кавказского хребта, получивших названия от имени речек, в них протекавших: кистинское, акинское, гехинское, фортангское, и частью на плоскости между рр. Сунжею и Камбилеевкою до кабардинских гор. Слово "ингуш", подобно тому как и "чеченец", усвоено им другими кавказскими народами, а также и русским населением, от главного их аула Ингушт или Ангушт, находившегося некогда в Тарской долине (близь Владикавказа, на месте теперешней станицы Тарской); сами же они именовали себя "лам-ор" ("лам" — гора).

Ближайшими к нам были общества джераховское и назрановское, получившее это название с конца прошлого столетия, после основания аула Назрана (Несер), поэтому и отношения их к нам были более миролюбивые; акинское же и мереджинское были постоянно враждебны и вполне усмирились только с окончательный покорением всего Кавказа.

Экономический быт ингуша был чрезвычайно жалок и может быть достаточно очерчен лишь двумя [56] словами: нищета и грязь. Народ был на уровне самого низкого умственного и нравственного развития; если же к этому прибавить сумбур его религиозных верований, то станет вполне ясною та почва, которая могла годиться для нового вероучения лишь чрезвычайно условно. Ингуш, по рождению наклонный преимущественно к воровству, легко мог усвоить себе только то, что льстило и удовлетворяло этому побуждению. Он относился к своей религии или, правильнее сказать, к своим религиям безразлично, и фанатиком никогда быть не мог; но его всегда можно было поднять на ноги и пробудить в нем воинственный жар, а также наклонность к разбоям и грабежам, если от этого он видел какие-либо выгоды или мог отстоять свою дикую вольность. Его верования состояли из смеси некоторых христианских и магометанских обрядов, а также языческого многобожия; глубина корана не была ему известна, хотя ингуши и имели одно время своих имамов. Цоринцы, акинцы и мереджинцы более других обществ тяготели к исламизму; у джераховцев, кистин и галгаевцев даже в шестидесятых годах нашего века можно было найти людей, исполнявших обязанности языческих жрецов. Весь процесс моления ингуша заключался в том, что он, молясь ночью на возвышенном месте близь кладбища, у каменного столба, всовывал свою голову в нишу, проделанную у его подножия. Ингуш, в своих верованиях и религиозном направлении, следовал своему отцу и деду. Хотя всякое отступление в этом случае он считал проступком, но,

сам не замечая того, с каждым новым поколением отклонялся от старых религиозных обрядов. Ингуши не ладили с чеченцами; даже более того: те и другие ненавидели друг друга и взаимно [57] сближались — хотя редко — только тогда, когда их почему-либо одинаково связывала какая-нибудь преступная цель. В первый раз эта ненависть начала понемногу охладевать вследствие усилий Бейбулата, который, имея в среде ингуш немногих приятелей, чрез посредство их старался сблизиться с этим народом и сблизить с ним своих соплеменников во имя будто бы общего обеим сторонам дела. Цель Бейбулата была более или менее достигнута, но медленно и не сразу, а до того времени ингуши и служили нам, и разбойничали, и восставали против нас самостоятельно, без всякого постороннего участия. Их зазорное поведение столько же вредило нам, сколько отвлекало наше внимание от других более важных для нас местностей. Чтобы установить над ними возможно строгое наблюдение, корпусный командир подчинил их в 1822 году начальнику передовой линии генерал-маиору Грекову 1-му, строгость которого и всегда добросовестное исполнение своих обязанностей ручались ему за достижение дели. Греков объявил ингушам, что забывает все прежние их поступки против русских, но требует прекратить всякие связи с чеченцами, самим себя охранять от хищников, лично и самостоятельно пресечь у себя всякое воровство и разбои и повиноваться нашей власти беспрекословно. Но этот дикий народ, привыкший к своеволию и вынуждаемый с давних пор силою обстоятельств снискивать себе пропитание всеми ненормальными способами, но мог переродиться в силу одного лишь строгого приказа, и Греков, понимая это, был долгое время благоразумно снисходителен к нему, прощая ему проступки более или менее неважные; но когда убедился, что на дикарей и, по его выражению, "закоренелых мошенников" это [58] исправительно подействовать не может, принял меры к уничтожению зла посредством выслеживанья, строгого и иногда жестокого наказания тех вредных лиц, которые служили для других примером.

В числе этих лиц главнейшее внимание обратили на себя двое: яндырский старшина, житель деревни Чуруч-Арешты, Джантемир Куцуров, и его преемник, житель селения Яндырки — Джемболат Дчечоев. Первый из них преимущественно занимался передержательством и укрывательством абреков, которые, благодаря почти недоступным трущобам, окружавшим Чуруч-Арешты, находили не только у Куцурова, но и у всех жителей самый благонадежный приют. Греков уже целый год наметил себе в жертву знаменитого Джантемира, но обстоятельства складывались так, что он не мог лично уделить для него и для наказания арештовцев достаточного времени, а преследование и поимка старшины иным путем оставались бесплодны, потому что он среди своих таинственных дебрей был неуловим. Но в конце 1824-го года, на который Греков отложил наказание и усмирение некоторых чеченских деревень, оставшихся нам непокорными, и проложение дороги на гехинские поля, выше Злобного Окопа, он решил наведаться и в Арешты.

В последних числах декабря 1824-го года Греков вызвал к себе в Грозную старшин и мулл весьма покорного нам в то время селения Герменчука и объявил им, что имеет в виду наказать их ближайших соседей, жителей селения Автуры, отложившихся в начале года, и для этого не замедлит явиться туда с отрядом. Заявление это было им сделано с тою целью, чтобы склонить герменчуковцев к посредству в принесении решительной покорности [59] автуринцами, так как движение наших войск должно было произойти мимо Герменчука, и жители его подверглись бы невыгоде оказать нам всякое содействие, начиная с устройства мостов и переправ, а также поставки для лошадей всякого продовольствия, и кончая вспомоществованием вооруженною сплою. Герменчуковцы, понятно, согласились на

предложение. Возвратясь к себе домой, они собрали более ста человек и отправились в Автуры для переговоров. Но Бейбулат, которому мы были главным образом обязаны отложением этого многолюдного аула, успел, через своих приверженцев, живших в Автурах, настолько повлиять на жителей, что они уклонились от всякого повиновения, выразив уверенность, что Греков далее угрозы не пойдет, и движение его ограничится, по примеру прошлых лет, рубкою леса на ханкальском хребте.

Оставляя их в этом убеждении и давая время герменчуковцам все-таки продолжать переговоры, Греков собрал отряд, состоявший из части грозненского гарнизона, мирных чеченцев, плоскостных ингуш, осетин, и в полночь с 12-го на 13-е января 1825 года выступил из Грозной, дав знать в Герменчук, что он прибудет туда по возвращении из малой Чечни. За несколько часов до выступления он отправил к гехинцам владельца селения Куллара Мульдара Эльдарова, с кулларскими стариками, и велел ему объявить непокорным, что он идет наказывать только злодеев, но раскаявшиеся и желающие покорности всегда найдут его покровительство.

К рассвету наши войска достигли гойтинского леса. Тут только гехинцы узнали об их прибытии и, не будучи вовсе приготовлены к противодействию, даже [60] не обеспечив себя в лесах кошами, где бы могли укрыть свои семейства, пришли в величайшее смятение. Пройдя беспрепятственно гойтинский лес и принудив к покорности деревню Гойту, лежавшую при выходе из него, Греков в тот же день достиг аула Урус-Мартана и здесь расположился на ночлег. Мартанцы хотя считались приверженными к нам, но и за ними были грешки, поэтому они сильно всполошились, предполагая, что настал их последний час. Но когда увидели, что отряд ничего враждебного для них не предпринимает, то поспешили явиться к Грекову с приветствием и даже доставили войскам в подарок сено.

Между тем, в гехинских деревнях, из которых главная была совсем непокорна, а другая повиновалась нам доселе слабо, жители убирали все свое имущество и, вместе с семействами, отправляли его в лес. На составившемся вслед за сим огромном сборище, десятка два удальцов, напившись пьяными, решили непременно встретить нас с оружием в руках и успели склонить к тому многих других; меньшинство же, преимущественно жители второго аула, осталось в своих домах между страхом и надеждою, отправив на поклон к Грекову своих стариков вместе с Эльдаровым.

14-го января отряд снял лагерь и двинулся к Гехам. Меньшая деревня лежала ему по пути, а главная была на полверсты в стороне. Приблизясь к первой, Греков приказал оставшимся в ней жителям занять караулами пространство, разделявшее оба аула, а в большую деревню послал сказать, что мог бы ее сжечь теперь же, но дает время жителям опомниться и раскаяться. Притаившиеся в лесу конные и пешие толпы не сделали ни одного выстрела, и войска, обойдя [61] беспрепятственно лес, повернули к Сунже, приблизились к Алхан-Юрту и в тот же день прорубились на курчалинскую поляну. Аул Курчали, бывший впереди, не отличался своею к нам приверженностью; жители его бежали в лес, но не сопротивлялись, боясь лишиться своих запасов и жилищ. Здесь пять дней отряд занимался рубкою леса и разработкою дорог, избегая всяких неприязненных столкновений. На другой день появления его прибыл через Алхан-Юрт и присоединился к ним ингушевский пристав маиор Цыклауров, с конными карабулаками, а 16-го января явились герменчукские старики и объявили, что селение Автуры смирилось и выдало им залог в своей покорности. Старики ручались за автуринцев и обязались за них отвечать в будущем, но лишь с условием, чтобы Греков не

переходил за Аргун, "так как женщины и дети боятся войск". Он обещал и отпустил стариков, послав с ними муллу для приведения автуринцев к присяге. Окончив дорогу, а также мосты через мелкие речки и через Сунжу, отряд 19 января снялся с бивака, повернул в Гехи и расположился в непокорном большом ауле.

Зима была суровая, морозы постоянно держались между 8°—12°; со времени выступления отряда из Грозной не было ни одного сколько-нибудь порядочного дня; снег везде лежал чрезвычайно глубокий и, наконец, сделалась гололедица. Все деревья и растения покрылись слоем льда, и прекратилась возможность кормить скот в лесах ветвями. Но, не смотря на такую жестокую крайность, которая могла бы поработить кого угодно, чеченцы не смирялись; упорство их было неимоверное.

Расположив отряд по квартирам, Греков еще [62] раз послал к гехинцам предложение о покорности, но получил самый неудовлетворительный ответ. Тогда он приказал вырубить все сады, которыми изобиловала большая деревня. Чеченцы смотрели на это истребление с возмущенным сердцем, но шага не сделали к примирению. Видя такую отчаянную неподатливость, Греков на другой день вывел отряд из деревни и приказал зажечь дома главных зачинщиков и руководителей волнения. Когда столбы дыма, поднявшись высоко над аулом, указали каждому из них его жилище, тогда только чеченцы опомнились, прислали просьбу остановить пожар, обещались подчиниться всякому требованию, выгнали двух находившихся в среде их абреков, обязались жить спокойно и предоставили сжечь дома всех тех, которые к ним не присоединятся. Пожар был остановлен, и Мульдар Эльдаров отправлен к жителям в лес для принятия от них поручительства и возобновления присяги. Из числа всех гехинцев не смирились только пять-шесть человек, и за это дома их и все имущество было уничтожено до тла.

Покончив с гехинцами, отряд потянулся по прорубленной им просеке и по пути сжег две небольшие деревушки, хозяева которых не выдали живущих у них кабардинских абреков. Тут произошла перестрелка, в которой особенно отличились ингуши. Пройдя просеку, отряд расположился ночевать на курчалинской поляне. Греков послал к курчалинцам предупреждение, что деревня их завтра будет сожжена, потому что стоит на проходной дороге, мешает его набегам и содействует враждебным нам людям; желающим и не участвовавшим дотоле в измене предоставлялось сейчас же выбраться на Сунжу или на [63] Терек. К утру большая часть жителей уже готова была к выселению, и только немногие решились воспрепятствовать уничтожению их родного гнезда. Но это было усилие безумия: 21-го января деревня была занята и сожжена. Лишь только отряд двинулся вперед, с разных сторон защелкали ружейные выстрелы, и собравшиеся на тревогу жители истребленных накануне аулов, усилив собою курчалинцев, с ожесточением преследовали, вместе с ними, войска до самой Сунжи. В этом деле снова отличились ингуши и еще раз доказали свою несолидарность с чеченцами. По поводу их, а также и той цели, к которой направлена была экспедиция, Греков выразился следующим образом 28:

«Открытая дорога, всегда угрожая набегами на плоскостях гехинских живущим чеченцам, без сомнения, сделает их более послушными, нежели каковыми они были доныне; сверх того, многие оттоль разойдутся на левый берег Сунжи и на Терек, ибо доведенные нынешним движением моим до крайности, из них о сю пору образумились многие и просят позволения на сии переселения, опасаясь набегов, тем опаснейших для них, что они, наконец, увидели на своих землях знамя ингуш, ими ненавидимых, вместе с русскими и чеченцами, и коих

врожденная к последним ненависть опаснее других народов и даже казаков наших, поступающих с чеченцами гораздо человеколюбивее ингуш. Прибытие к отряду ингуш, имевших свое знамя, столь произвело сильное влияние на чеченцев, что даже теречные наши не могли скрыть своей к ним ненависти.»

В двух последних делах отряд понес [64] следующую потерю: убит один ингуш, ранено пять чеченцев, один ингуш, два рядовых, два казака и владелец из чеченцев Кагерман Алхасов; сильно контужен 43-го егерского полка капитан Осипов. У неприятеля было 9 убитых и 18 раненых.

Теперь, согласно предвзятой программе Грекова, оставалось заглянуть в семью тех же ингуш. которые нам помогали, и навестить деревню Чуруч-Арешты и ее представителя Джантемира Куцурова.

Прибыв в Грозную и отпустив ингуш домой, Греков двое суток ничего не предпринимал. На третий день к вечеру он собрал отряд из свежей части гарнизона и с наступлением темноты выступил к Преградному Стану, прикрыв все свои распоряжения и самое движение чрезвычайною таинственностью. В четырех верстах от Преградного Стана он соединился с капитаном Черновым, прикомандированным к моздокскому казачьему полку, который прибыл с казаками и чеченцами из ст. Галюгаевской, и соблюдая такую же скрытность, как и Греков, дневал в лесу, в глубокой балке. Все было сделано так осторожно, что ближние и дальние сунженские чеченцы нимало не подозревали о намерении Грекова и не знали о движении отряда. Казалось бы, что, при всех этих условиях, внезапное нападение на Чуруч-Арешты и захват врасплох преступных жителей, с их старшиною, были вполне обеспечены; но, к сожалению, на этот раз ни то, ни другое не удалось: все предприятие разрушил нечаянный и непредвиденный случай в образе сына Куцурова. Нужно же было этому искателю приключений поехать на Терек, в Хакасуеву деревню, чтобы от скуки навестить своего тестя, какого-то Мисарбия. Едва он явился к нему, как тот сообщил, [65] что с Терека вытребованы Грековым чеченцы, которые, по всей вероятности, пойдут с отрядом в Арешты, так как об этом был слух еще и прежде. Молодой Куцуров, не медля ни минуты, переменил коня и помчался восвояси. Жители Арешты получили роковую для них весть за день до прибытия наших войск и, конечно, разбежались; примеру их последовали еще две соседние деревушки: Берейча и Берешты, которые также считались немножко в долгу у нас. Греков узнал об этом на пути своего движения от двух преданных ему чеченцев, которых тайком посылал проведать, что делается в Арешты. Как ни прискорбна была эта неудача, но повернуть назад не приходилось — и отряд с наступлением ночи пошел далее. Для осмотра дороги были отправлены вперед два чеченца; но едва они стали подъезжать к лесу, как увидели невдали караульных. Чтобы не выдать себя, они повернули влево, в покорную нам карабулакскую деревню Чемулхи, и уже этим кружным путем прискакали навстречу отряду и сообщили, что дорога закрыта. Греков, однако, не остановился. Не доходя до леса около полуверсты, он, действительно, увидел три силуэта, которые сидели у разведенного костра. Рассчитав, что он, с кавалериею, может достигнуть до Арешты прежде, чем они добегут туда пешком, Греков подхватил чеченцев и казаков и пустился вскачь. При его приближении, караульные сделали по выстрелу и скрылись. Греков поехал далее. Но увы! едва он вступил в лес, как чуть-чуть не провалился на первом же мостике, переброшенном через глубокую канаву. Наскоро исправив его усердием казаков, он вскоре достиг такого же второго мостика; но и этот оказался еще хуже [66] предыдущего. Перебравшись кое-как и через него, он наконец совсем втянулся в лес и достиг

теснины, составлявшей единственную дорогу в Арешты. Тут уже оказалась положительная беда: теснина эта на расстоянии полуверсты так завалена была срубленными с обеих сторон и сброшенными в нее в разных направлениях деревьями, что нечего было и думать одолеть их — тем более, что при отряде не было ни одного топора. Обозрев этот хаос насколько позволяла темнота ночи, Греков повернул коня и уехал ни с чем. Отряд двинулся назад. Не без огорчения доносил он впоследствии Вельяминову:

«Таким образом, предприятие, могущее полный иметь успех, одним мошенником, живущим на Тереке, разрушено. Я приказал взять его под караул, ежели он не бежал прежде посланных».

Врожденное упрямство давало Грекову чувствовать себя весьма сильно, и самолюбие его было задето за живое; оно не позволяло ему признать себя побежденным. Он повернул отряд — это правда, но не для того, чтобы придти домой и отказаться от предприятия. Напротив, он, по его собственному заявлению, во что бы ни стало хотел доказать чеченцам и карабулакам, что никакие препятствия не могут уничтожить его намерения — и тем поддержать силу и достоинство нашего оружия. Он решил идти в Арешты другою дорогою, более кружною, более трудною и опасною, но все же идти и достигнуть цели. Дорога эта проходила со стороны Мартана, имела на протяжении своем теснину в пять верст, покрытую густым лесом, валежником и прегражденную в нескольких местах неодолимыми завалами, в обход которых верховыми путниками проторена была только одна тропинка. [67]

12-го февраля, в 8 часов утра, он достиг теснины. Оставив здесь пехоту, кроме одной роты, он приказал сей последней и двумстам пешим чеченцам, снабженным топорами, войти в лес и расчистить его сколько возможно в труднейших местах; сам же, с кавалериею, пустился в путь, имея при себе одну пудовую бомбу, несколько гранат и восемь мешков с пятью пудами пороха. Лесная трущоба была прорезана благополучно; за нею оставалось до деревни версты полторы; дорога стлалась сперва поляной по глубокой лощине, а потом всходила на гору, где и расположена была деревушка. Лишь только казаки выровнялись на поляне, Греков опоясал нагайкой своего доброго коня, и все понеслись в галоп. Увидев с горы эту картину, жители деревни бросились в огромную двухэтажную башню, высившуюся среди их жилищ, и заперлись в ней наглухо, уверенные в своей невредимости, так как знали хорошо, что орудия сюда провезти невозможно, а без них взять эту крепость — дело несбыточное. Налет кавалерии был так стремителен, что, вскочив в деревню, она успела захватить в одной из сакль запоздавшего укрыться кабардинского абрека и женщину. Окружив тотчас деревушку, Греков потребовал у защитников безусловной сдачи, обещая им сохранить жизнь, но в ответ на это они отвечали ругательствами и выстрелами. Тогда, спешив сто казаков и чеченцев, он приказал им взять башню штурмом, предупредив, что отступления им не будет, и всякий трус наказан будет по военному уставу; капитану же Чернову велел руководить штурмом.

Атакующие, взяв с собою привезенные ими артиллерийские припасы и, прикрываясь саклями, достигли [68] благополучно расстояния от башни на тридцать шагов. Но здесь уж место было совершенно открытое, и защиты от выстрелов никакой. Помня грозное приказание начальника отряда, казаки и чеченцы с гиком бросились напрямик, и хотя были встречены дружным залпом атакуемых, но в два мига очутились у подножия их убежища, где пули уж более не могли их поражать. Опасаясь, однако, что могут быть перебиты сбрасываемыми сверху камнями, они как можно поспешнее подкатили к дверям пудовую бомбу и разрядили ее. Образовалось отверстие, весьма достаточное для того, чтобы бросить в середину малые

мешки пороха. Первоначально пропустили туда полупудовый мешок — и в момент двери в обоих ярусах были выхвачены; но осажденные живо заложили их вновь и сделали два выстрела — что доказывало их полное еще присутствие духа. После этого, разбив нижнюю дверь ломами, бросили пудовый мешок, который, разрядясь, разрушил совершенно один угол башни доверху, оба потолка и земляную крышу, на которой были приготовлены камни и бревна; весь этот материал с громом рухнул вниз и накрыл собою всех защитников, которых, по показанию уцелевших, было четырнадцать человек. Штурм был кончен; надежная башня, в которой арештовцы видели свое верное спасение, сделалась их гробом. Только по невероятному случаю, смерть не коснулась ни одной из восемнадцати женщин, запертых в одной половине верхнего яруса; но за то, не обошла других трех и двенадцатилетней дочери Куцурова, бывших внизу. Из-под развалин вытащено было лишь восемь трупов; других же откопать не могли. При взрыве башни никто из атакующих не [69] пострадал, но при атаке ее убит один казак, ранено два казака и три чеченца.

Урок был славный и вполне удовлетворил Грекова, как потому, что самолюбие его перестало щемить ему сердце, так и потому, что редкий пример взятия твердыни руками не мог не убедить наших врагов в возможности для нас невозможного. Взяв с собою пленных женщин, он возвратился в Грозную. Преследовать было некому. Отдав имущество арештовцев чеченцам и раздарив им часть женщин, Греков обратил остальных на выкуп пленников. Сам Куцуров опять ускользнул, уехав, по счастливому случаю, утром в день штурма в сел. Берешты; старший сын его пас в лесу баранов, и также избегнул смерти, но младший погиб с защитниками; жена была взята в плен, но упущена чеченцами в лесу, и в руках у нас остались только две его невестки.

Немножко досадно было Грекову, что главнейшее и нужнейшее ему лицо, Джантемир Куцуров, опять сбережен судьбою — конечно, для новых злодеяний. Чтобы и здесь не видеть пробела, он поручил одному из чеченцев, имевшему с Куцуровым какие-то счеты, убить его и тем заслужить награду и особенное наше доверие. Чеченец легко согласился — и не прошло двух недель, как голова знаменитого разбойника валялась у ног Грекова.

Успокоившись насчет малочеченцев и карабулаков, и мало помышляя о большой Чечне, потому что там по-видимому было тихо, Греков обратил внимание на проложение, где следовало, и в особенности в кумыкских владениях, удобных сообщений. Наши пристава и старшие владельцы в Аксае, Андрееве и Костеке, вместе с подвластными им кумыками, всецело [70] углубились в эту работу и упустили из вида Бейбулата, который, пользуясь этим выгодным для него невниманием, с наступлением, в конце февраля, теплых дней, сел на коня и с четырьмя своими приверженцами поехал к качкалыковцам, а также и к ауховцам, продолжать прошлогоднюю задачу, Одновременно с этим, в Маюртупе опять появился мулла Магомет — и вскоре шарлатанские бредни обоих приятелей зашевелились с новою силою. Бейбулат разглашал, что теперь пророк явится несомненно: что вся Чечня, Ичкерия, Андия и даже Аварія обещали соединиться вместе, чтобы прибегнуть под власть пророка и избавиться от русских. По донесению главного кумыкского пристава капитана Филатова, качкалыковцы и ауховцы, "народ непостоянный и коловратный, с восхищением встречали эти слухи и радовались им непритворно", будучи уверены, со слов Бейбулата, в разных чудесах пророка и в особенности в том, что "русские пушки и ружья тогда стрелять не будут". Генерал Греков хотя и считал качкалыковцев "народом вероломнейшим, способным держаться мошенника", но донесению Филатова, подобно тому, как и прежнему сообщению Мусы Хосаева, не придал

большого значения, уверенный, что "всех колеблет один только Бейбулат, который успеха иметь не может". Он и ограничился только увещаниями и вразумлениями тех, "которые способны были понимать различие между возможностью и невозможностью", и донес об этом командующему войсками на кавказской линии генерал-лейтенанту Лисаневичу 1-му, вступившему в эту должность, вместе с званием начальника 22-й пехотной дивизии, 4 марта 1825-го года 29. Это донесение [71] разъясняет нам 30, между прочим, что в Чечне, как и в Дагестане, поводы, содействовавшие пропаганде с политическою целью, были одни и те же.

«Разбойники, употребив все обманы для народа уверениями в помощи дворов турецкого и персидского в продолжение прошедших лет, и видя, что им уже не верят, вздумали прибегнуть к религии».

Единство этих поводов на двух окраинах восточного Кавказа служит новым доказательством, что проповеди Магомета маюртупского и росказни Бейбулата были не более, как повторением поучений Магомета ярагского — но лишь в извращенной форме, которая кладет разницу между умственными способностями обеих сторон.

Не один Греков, но и Ермолов отнесся в это время к брожениям в Чечне, принимавшим уже довольно острый характер, без должного внимания. Это видно из того, что он не представлял о них на Высочайшее воззрение, не делал никаких распоряжений и на донесениях Лисаневича писал лишь "к сведению". Только князь Хосаев был верен первоначальному своему взгляду и настаивал, что, мол, дело опасное; но его усердные донесения не могли склонить упрямого и самоуверенного Грекова, который, как видно из переписки его с Хосаевым, нередко даже раздражался его сообщениями. 9-го апреля и 7-го мая он писал к нему:

«Известие, доставленное вам, якобы герменчуковский мулла Мустафа писал письмо, что он не верит имаму, есть [72] совершенная ложь 31. Это выдумывают мошенники, ибо не только Мустафа, но и большая часть чеченцев здесь перестали верить и знают, что их обманывают. Верно, впрочем, что качкалыки и подобные им ожидают имама, потому что им обещали, что имам прогонит русских. А как это вещь невозможная, и как мошенники знают, что ежели бы они выдали пророка, то народ потребовал бы от него чудес и тотчас бы, увидя ложь, бросил имама, то можно быть уверену, что имам никогда не явится, а только все будет откладывать впредь, пока вовсе не перестанут верить.

"Я получил рапорт ваш № 94 о намерении мошенников выставить знамя для имама. Чтобы они не делали — из этого ничего не будет, ибо тут никто не верит имаму, и все знают, что это одно мошенничество. За всем тем надобно наблюдать осторожность».

Греков, естественно, основывал свои заключения на сведениях своих лазутчиков, на личном знании народа и его уверениях в преданности, но последствия показали, что агенты доносили ему ложно, народ его обманывал и двуличничал, а он сам уклонился от первоначального своего воззрения на этот народ, доверяя ему теперь, тогда как весьма недавно порицал его глупость, непостоянство, легковерие,

Пожар, тем временем, распространялся быстро, и все то, о чем Хосаев, вследствие своих разведок, сообщал заблаговременно — постепенно осуществлялось. Народ по пятницам стекался в Маюртуп и, согласно обещаниям Магомета и Бейбулата, требовал появления пророка. Видя, что дело принимает серьезный оборот, Бейбулат послал в Герменчук за [73] юродивым Авко, но жители этого селения почему-то его не пустили. Тогда поневоле пришлось

переменить род действий, а с тем вместе и приступить к чему-нибудь решительному, так как вокруг стали раздаваться ропот и неудовольствие. Мулла Магомет назначил днем общего народного собрания 24-е мая и объявил, что в этот день пророк явится на глазах у всех. К назначенному сроку масса людей прибыла из разных аулов и осадила мечеть со всех сторон, волнуясь и постепенно возвышая голос. Вдруг, дверь распахнулась — и из мечети выступила процессия; во главе шествовал мулла маюртупский, за ним несколько других мулл, затем Бейбулат, осеняемый тремя значками, и наконец партия его приверженцев. Мгновенно воцарилось мертвое молчание — и толпы хлынули вослед процессии, направлявшейся за селение к заповедному дереву, где в прошлом году принесли в жертву быка. Когда все остановились, вперед выступил, с строгим и хмурым лицом, мичиковский мулла и, обратясь к Магомету маюртупскому, зычным голосом спросил:

— Почему нет до сих пор пророка, которого обещали еще в прошлом году?

Затем, не ожидая ответа, он упрекнул Магомета в обмане, в отвлечении людей от работ, в приведении их в нищету и т. п. Слова. сильно подействовали на присутствующих, и поднялся глухой ропот.

Смиренно и спокойно выслушал мулла маюртупский ряд упреков; он дал время даже развиться негодованию, чтобы тем эффектнее выполнить задуманную роль. Когда же он увидел, что уже недалеко до экстаза, и что этот экстаз он разом может повернуть в свою сторону и в свою пользу — торжественно и [74] горделиво выступил вперед и поднял руку кверху. Все оборвалось — словно ангел смерти пронесся над толпою.

— Я ваш пророк! воскликнул он неожиданно. Не нужно было в эту минуту удара молнии — так поразили массу эти три слова; она попятилась и замерла.

— Я видел откровение! продолжал, окрестя голову, отважный мулла — и занес всякую небылицу.

Когда он окончил, выступил Бейбулат, взял в руки алкоран и с наглостью. свойственною отчаянному негодяю, присягнул на нем именем Бога и его пророка Магомета (конечно, не нового маюртупского), что он лично видел, как в мечети, во время молитвы муллы, на него слетел с неба ангел в виде огня. Присяга на алкоране — вещь страшная даже и для отъявленных безбожников: почти все в один голос воскликнули, что веруют, и только десяток-другой более благоразумных оставили собрание в раздумьи и сомнении. Но вслед за тем уверовавшая толпа потребовала чуда. Мулла маюртупский, сообразив, что не все же разом, объявил, что чудо будет, но пока для него не настало время. Удовлетворенный народ успокоился и, вслед за процессией, повернул обратно к селению. Подойдя к мечети, Бейбулат водрузил на ней три значка и тотчас же разослал в разные стороны своих приверженцев оповестить правоверных, чтобы все приходили поклониться пророку. Вторым общим собранием было назначено 29-е мая. Начиная с следующего дня, народ стал быстро стекаться в Маюртуп, сменяя толпу толпою и принимая благословение нового пророка; большая часть из гостей уходила домой, но некоторые оставались в ожидании следующего собрания. В аулах же, где появлялись приверженцы Бейбулата, только и говорили о том, "когда бы Бог скорее [75] освободил правоверных от ига русских". Одни лишь жители Герменчука пока отвергли все обольщения и угрозы бейбулатовских агентов и, помня сцену с своим Авко, отнеслись к ним с недоверием и насмешкою. Но это было не надолго.

Мулла Магомет, в промежутках между приемами своих новых поклонников, также не оставался праздным. Помня, что он обещал чудо, и что при предстоящем собрании потребуют его от него, и он, быть может, не увернется, в свободные часы неустанно возился у себя во дворе над вырытием какой-то ямы. Когда любопытные спрашивали у него, что он делает, он отвечал, что это до них не касается. 27-го мая, к вечернему намазу, яма была готова, и узкий рукав от нее, обложенный камнем, был проведен прямо в молельную комнату муллы. Ночью, когда весь аул покоился глубоким сном, Магомет положил в яму порядочный запас пороха, сообщил его по рукаву с своею саклею двумя отдельными серными нитками и тщательно заровнял землю. Чудо было готово.

В назначенный день мечеть ломилась от народа. Таймазов и мулла маюртупский подготовили все, чтобы окончательно решить вопрос, составлявший для них теперь чуть не сущность жизни. Программа их действий была обдумана строго; число приверженцев их значительно усилено среди народа, и они были расставлены таким образом, чтобы все видеть, слышать и, при надобности, поддержать словом и делом своих принципалов; из Дагестана, по приглашению бунтовщиков, прибыло несколько мулл, и среди них, по оказываемому им почету, особенное внимание обращали на себя мулла кодухский и гаджи казикумухский 32. [76] Из сел. Костека были два ярых поборника злодейских замыслов Бейбулата, некто Тотуш и Эльдар Эрежеков, которые уже оказали пропаганде громадные услуги, и после второго собрания должны были завершить их привлечением к восстанию всех своих односельцев. Влияние, которым они пользовались у себя дома, ручалось, по убеждению Бейбулата, за полный успех преднамерения. Было здесь также несколько беглых кабардинцев и даже немного ингуш, резко отличавшихся своим типом и всею внешностью. Они группировались возле одного рослого и видного мужчины, будто составляя его свиту. Этот представитель их был никто иной. как Джемболат Дчечоев, достойный преемник Куцурова, уже заранее угощенный Бейбулатом, как говорится, до зеленого змия, краденым русским спиртом, запас которого был у него всегда готов для нужных людей или больших приятелей.

Личность Джемболата была не из рядовых. Будучи выбран в старшины яндырским населением после того, как оно молча проглотило арештовский сюрприз, Джемболат, весь проникнутый злобою и ненавистью к нам за жестокое наказание его соплеменников и некоторых родичей, бывших в числе погибших, дал себе клятву выискать первый случай для отмщения нам. Нет сомнения, что в данное время лучшим для этого случаем было ожидаемое и обещанное еще [77] в прошлом году явление пророка, слух о котором давно уже достиг ингушевских владений, благодаря знакомству и приязненным отношением Джемболата к Таймазову. Теперь оставалось только им обоим опутать ингуш сетью заблуждения точно также, как опутаны были чеченцы, и затем поднять их против нас. Джемболат Дчечоев, отчаянный негодяй, с давних пор изощрившийся в разбоях и, по удостоверению Грекова, даже превзошедший Куцурова, мог это сделать легче всякого другого, потому что, по своему положению, имел значительное влияние в своем обществе, большие связи и, вследствие неразборчивости средств к удовлетворению своих гнусных побуждений, был также и страшилищем для всех карабулаков. Побывав уже не раз в Маюртупе, он всегда по возвращении оттуда привозил рассказы о виденном им пророке и о его чудесах, и при малейшем сомнении слушателей, не стеснялся подкреплять свои слова присягою. Это не могло не влиять на карабулаков и даже на назрановцев, которые в конце мая, в особенности после общего собрания, бывшего 24-го числа, стояли уже на готовой мине. В роде и духе Дчечоева, Тотуша и им подобных, прибыли в Маюртуп к 29-му мая также и некоторые жители

малой Чечни, в памяти которых еще не остыло впечатление последней экспедиции Грекова. Вообще, Бейбулат не пожалел ни хлопот, ни усердия, чтобы сделать собрание как бы всенародным.

Когда спокойствие в мечети установилось, из среды духовенства поднялся Бейбулат и обратился к пароду с толковою, хорошо подготовленною речью. В ней он говорил, что Бог, наконец, сжалился над своими людьми и послал им пророка, который должен их [78] очистить от грехов и заблуждений и освободить от врагов; что все мусульмане обязаны примириться друг с другом, изменить свой образ жизни, следовать шариату, не воровать ничего у своих соплеменников и соединиться дружно и тесно для общего дела — восстания против русских. Воззвание это он заключил заявлением, что скоро из Дагестана прибудет с партиею отважный Умалат — и тогда народ будет призван вновь. После него с горячими проповедями выступили мулла кодухский и гаджи казикумухский. Главного задачею обоих, и в особенности последнего из них, было доказать, что мулла маюртупский, действительно. пророк, и Бог избрал его для освобождения народа от русских. В остальном речи их были более или менее схожи с словами Бейбулата, но дышали полным фанатизмом, были пересыпаны тирадами и ссылками на коран и, в конце концов, так сильно подействовали на слушателей разоблачением общих им недостатков, взывающих о наказании, и поэтически нарисованною картиною их вольности и свободы, когда они не только сбросят с себя иго русских, но и их подчинят себе, что умиление было полное: то и дело слышались в толпе одобрительные возгласы и глубокие вздохи.

Бейбулат и мулла маюртупский вполне торжествовали; они не смели прежде и думать о таком громадном успехе, за пределами которого оставалось только объявить газават. Но они пока воздержались от этого в присутствии массы, среди которой не все еще были одинаково к тому подготовлены: у них решено было заранее провести эту мысль только в заключение спектакля и лишь среди избранных и знатных людей, для того, что если она получит сочувствие со стороны [79] старших, то младшие и сами отзовутся на нее. Они поступили очень расчетливо, сообразительно, как оказалось, еще и потому, что, не взирая на общий экстаз, в толпе слушателей все же нашлись головы несколько холодные и практичные, которые опять заговорили о чуде. Но этот запрос уже не был столько рьян, как прежде, и теперь о чуде они просили не столько для доказательства, что новый пророк действительно ниспослан Богом, сколько для того, чтобы поразвлечься каким-нибудь театральным зрелищем. Сообразив все это, и имея, между прочим, в виду, что могут найтись опытные люди, которые поймут всю суть этого чуда и, пожалуй, обличат муллу в шарлатанстве, последний быстро решил, что весьма полезно было бы и в этот раз обойтись без чуда. Он шепнул два слова стоявшему с ним рядом Бейбулату, и тот, видя, что требование немногих, при их слабом и нерешительном запросе, устранить не трудно, объявил во всеуслышание, что чудо непременно последует, но не прежде, как по прибытии из Дагестана Умалата и его важного товарища, которым также нужно его видеть. Такому резонному доводу любопытные уступили беспрекословно, и мулла Магомет вздохнул свободно, избавившись от лишнего тяжелого испытания.

После этого, слушатели, по требованию Бейбулата и духовной шайки, дали клятву изменить и исправить свою беспорядочную жизнь, установили штраф в 50 р. за кражи друг у друга и за передачу русским каких бы то ни было сведений и избрали в Маюртупе и у соседей мичиковцев десятских. Последние обязаны были исполнять не только разные военные требования, которые будут предъявлены им пророком и ближайшими его сотрудниками (т. е.,

другими словами, [80] Бейбулатом), но также наблюдать за нравственностью народа, преследовать кражи и умиротворять враждующих — потому что раздор и несогласия отдельных лиц могли бы влиять на общее дело. Уже после всего этого заговорщики принялись за главное. Отпустив толпу, они оставили мулл, стариков и подобных представителей от разных аулов и подняли на очередь вопрос об открытом восстании. Он был решен в утвердительном смысле единодушно и вполне единогласно. Представители, а в особенности муллы, дали клятву с того же дня подготовить в своих обществах население к борьбе с нами и выдвинуть его под сень трех значков по первому зову, а до того времени немедленно выставить караулы в тех местах, откуда можно было ожидать появления русских.

Князь Муса Хосаев тотчас же, в ночь на 30 мая, сообщил генералу Грекову не только о подробностях вышеизложенных событий, но и о главных участниках заговора. Имена Дчечоева, Тотуша и Эрежекова, а в особенности имя первого из них, давно уже ускоряли биение сердца Грекова. Тут он ухватился за них не только как за возмутителей и бунтовщиков, а как за лиц вообще крайне опасных для народного благосостояния и нашего спокойствия. Донеся о последних двух Лисаневичу, он о поимке первого предписал ингушевскому приставу маиору Цыклаурову, известному, по выражению генерала Ермолова, "своею расторопностью и благоразумным поведением". Цыклауров не заставил себя долго ждать и первого июня, когда Джемболат, напившись пьян, проповедовал в Назрани среди собравшегося народа, схватил его на месте преступления и в колодках отправил чрез Владикавказ и Моздок в кр. Грозную; спустя немного, были [81] пойманы Тотуш и Эрежеков. Судьба этих лиц разрешилась очень скоро: Тотуш и Эрежеков наделены в Костеке, при собрании народа, каждый двумя тысячами шпицрутенов, а надежда и опора Бейбулата среди ингуш, гроза проезжих дорог и разбойник без подражания, Джемболат Дчечоев, прошел шесть раз сквозь тысячу без медицинского пособия, и когда с последними ударами пал мертвым — вздернут на виселицу для примера и назидания себе подобных. Ужас потряс ингуш вообще, а карабулаков, кроме того, охватила отчасти и радость. Спокойствие среди них пока восстановилось.

По поводу происшествия в Маюртупе, бывшего 29-го мая, Греков доносил Ермолову, от 6-го июня, между прочим, следующее:

«Цель и действия мошенников казались бы довольно смешны и нелепы, но для чеченцев умнее ничего не нужно. Я не ожидаю ничего особенно важного от сих затей злодеев, но уверен, что они, произведя возмущение, покусятся на какое-нибудь злодеяние, и что их надобно побить порядочно, чтобы рассыпать шайку и заставить опамятоваться тех, кои влекутся более глупостью, нежели каким-либо намерением».

В виду этого он просил разрешения корпусного командира приостановить на некоторое время в Грозной баталион 41-го егерского полка, который должен был пройти в Кабарду — чтобы произвести движение за ханкальский хребет, в большую Чечню, и отбить у жителей, "если удастся", окот. Тогда, по его мнению, народ, увидя угрожающую опасность, конечно, бросит мятежников. Лисаневичу он писал тоже самое, говоря, что не только пришел к окончательному убеждению о неблагонадежности мичиковцев и качкалыков, [82] но опасается даже за благополучие и целость Герзель-аула и Внезапной.

Таким образом, у Грекова в первый раз зародилось сомнение в безвредности покушений мятежной партии. Но последующие обстоятельства показали, что оно так же быстро и рассеялось. 12-го июня Хосаев донес ему, что Бейбулат, через своих агентов, собрал в горах

партию в 50-60 человек, прибывшую уже в Маюртуп; что сам он выехал, чтобы навербовать еще более людей и скоро с ними возвратится. При этом Хосаев присовокуплял:

«Хотя в. п. здешний народ и знаете хорошо, но я осмеливаюсь сим почтеннейше донести, что народ сей точно как овцы: как один выскочит вперед, так и прочие за ним последуют. Так сей народ. И потому опасаюсь, что сей народ, увидя прибытие партии на помощь ему, чтоб не взбунтовался».

На это Греков отвечал ему 13-го июня весьма характеристичным предписанием такого рода:

«По содержанию рапорта в. в. почитаю нужным уведомить вас, что чеченцы, самые усердные к почитанию пророка, наконец одумались и совершенно перестали верить. Я посылал везде нарочных и удостоверился в том. Шалинцы и оба Атаги больше всех прилеплялись к мошенникам и верили имаму, теперь раскаялись и сознались, что их обманывали, и что они теперь сами увидели и не поверят ничему. Мошенники распущают разные ложные слухи, ибо видят, что дело их разрушается. Разбойник Бейбулат поехал в горы, но там никто его не слушает и не верит, а особенно в Андии смеялись приглашению и сказали, что они давно знают мошенника муллу маюртупского и даже его отца, и что Бог таких имамов не слушает. Может быть, Бейбулат соберет человек 10, и тогда скажут, что войска пришли. Вот все, что мошенники успели с своими глупейшими затеями». [83]

«Сведения, вами доставленные, о прибытии 50 человек в Маюртуп и собрании в горах совершенно ложные. Мои посланные сейчас только приехали из Маюртупа и оттоль вчера, выехали вечером. Точно, приехало горцев 9 человек, и больше ни чеченцев, ни других никого нет. Между тем, пропустили слухи, что с Бейбулатом приедет 300 человек. Когда посланные возвращались, то на дороге их один заверил, что мимо Кременчуков проехал Бейбулат с большою партиею. Они вернулись назад и не нашли ни одного человека вновь прибывшего. Мошенники делают последнее усилие ложными слухами обманывать народ, ибо видят, что все оставляют их. Вот настоящее положение их».

На просьбу о приостановлении баталиона Ермолов писал Грекову 33:

«Прибывший в подкрепление баталион 41-го егерского полка 34, надеюсь, даст вам возможность уничтожить замыслы мошенников и отвратить буде бы что вредное предприняли. Едва ли ожидать возможно, чтобы покусились они на Герзель-аул, не только на кр. Внезапную, а потому я могу думать, что в. п. достаточно имеете сил без умножения еще войск. Из кр. Бурной невозможно отделить оных, ибо худое произведет действие на Дагестан, которого гораздо более надлежит остерегаться. Впрочем, на короткое время предписал я баталиону ширванского п. полка 35, находящемуся теперь при урухской крепости, идти немедленно к вам. С сожалением я отвращаю его от другого немаловажного назначения, а потому и предваряю в. п. взять меры, чтобы он вскоре мог быть отправлен обратно».

Из этого предписания видно, что и корпусный командир продолжал оставаться в нерешимости о том, [84] верить или не верить возможности чего-либо серьезного в будущем со стороны чеченцев. Один только осторожный Хосаев, нимало не разочаровываясь в своих воззрениях на дело и не обескураживаясь резкими опровержениями Грекова, настойчиво продолжал ему доказывать, что возмущение подходит к нам быстрыми шагами; об этом он поспешил уведомить также и воинских начальников: Амир-Аджи-Юрта — 43-го егерского полка напитана Осипова и Герзель-аула — того же полка маиора Пантелеева, равно главного

кумыкского пристава капитана Филатова, советуя им принять заблаговременно все предосторожности. Наконец, он вновь слегка поколебал Грекова, приведя ему факт явно сомнительного поведения жителей селений Онсунгура, Голбуина и Старого Юрта, вследствие чего Греков сделал распоряжение о заключении под стражу аманатов этих селений, бывших у нас в залоге; затем, упрямый и недоверчивый генерал опять отдался своему непонятному и несвойственному его характеру усыплению.

Все донесения Хосаева были как нельзя более верны и точны. Действительно, к Бейбулату прибыло из гор до 50-ти человек лезгин: к ним тотчас же присоединилась довольно значительная партия пеших и конных мичиковцев, которые для этого только и ожидали их. Положив этим начало боевому кадру, Бейбулат послал вербовать для него усиления в Ичкерии и в малой Чечне; сам же выехал на встречу Умалату и новой партии дагестанцев, которая должна была его сопровождать. Намерения его относительно нас были смелые: прежде всего напасть на грозненские пастбища и отбить скот, а если бы это удалось. то вслед затем атаковать крепость Грозную и прогнать нас с Сунжи. Хосаев поторопился донести об этом [85] Грекову, и хотя последний принял меры охраны и противодействия, но опять-таки не хотел показать вид, что сведения князя вернее и положительнее его собственных. Он писал ему 30-го июня:

«Чеченцы со всех деревень приходят и кланяются. Скопище мошенников совсем не так многочисленно, как вас уверяют. Правда, что из многих деревень чеченских есть в нем бродяги, но не более, как человека по три, по пяти или по шести, и без соучастия деревень, а сами собою пристали и таскаются с канальями. Вот положение разбойников; они, кажется, сами видят, что злодейство их скоро кончится».

Но чеченцы, "кланяясь" генералу и уверяя, что деревни "непричастны волнению и мятежу", все более и более вероломничали, а Бейбулат не думал так легко и скоро отказаться от своих замыслов. Отъезжая в Дагестан на встречу Умалату, он вверил дальнейший ход дела мулле маюртупскому. Этот последний тотчас же доказал, что с успехом может заменить своего отважного собрата. Партия, сплоченная Бейбулатом, вследствие энергических усилий и распорядительности неутомимого Магомета, увеличивалась ежечасно качкалыками и чеченцами разных ближайших деревень; к довершению его крайнего удовольствия, 22-го июня прибыли в Ичкерию и вслед затем присоединились к нему 300 человек лезгин, во главе с гумбетовским кадием Дибир-Али и аварским чанкою Андаловым 36; посланные во все концы Бейбулатом агенты также исполняли свою обязанность весьма усердно. Таким образом быстро составилось скопище очень солидное. Когда мулла увидел, что оно достаточно для [86] начала предприятия, то двинулся с ним на Гельдыген и Автуры, там еще усилил его новыми приверженцами, и оттуда, через аул Шали. направился в малую Чечню. Появление мятежников в центре большой Чечни, горячие воззвания муллы об избавлении от русских, а также соблазн всех тех выгод, которые ярко разрисовал лжепророк, до такой степени произвели потрясение в народе, что заколебались даже деревни, лежавшие тотчас за ханкальским хребтом, не смотря на то, что были под постоянным нашим наблюдением из кр. Грозной и знали хорошо, что могут быть накрыты нами в любой час. Этому успеху муллы Магомета много содействовала следовавшая об руку с ним молва, распространяемая его приверженцами в виде уже знакомой нам старой песни, что новый пророк, "ниспосланный Богом, восстановит веру мусульман, сделает оружие русских бессильным и изгонит их одними

молитвами, не приступая к драке, так что все, которые пристанут к нему, будут не более как свидетелями этого изгнания, не рискуя ни одним волосом на своей голове".

Греков, наконец, стал прозревать: он убедился, что до сих пор невольно содействовал развитию свободы действий мятежников и дал им возможность думать о нашем бессилии и о их непобедимости. Чтобы хоть теперь разрушить в них эту роковую для нас уверенность, он, даже не ожидая баталиона -41-го егерского полка, решился немедленно, с своими слабыми наличными средствами, сделать движение за Хан-Кале, и тотчас же оповестил предварительно о том чеченцев, "дабы мошенники не имели предлога снова говорить народу, что они не знали о его посещении". При этом он послал им весьма оригинальную, на словах, повестку такого рода: [87]

«Ежели вся ваша сволочь удержит меня в Хан-Кале, тогда я позволю всем верить пророку и соединиться с ним».

Одновременно с этим он предписал Хосаеву, что если представится возможность повредить где-либо качкалыкам угоном их скота или захватить людей на пашне, то чтобы он употребил все к тому способы, и тем образумил бы бунтующих, но "не заходил бы в дурные места, а изыскивал случай нападать на плоскости". Маиору Пантелееву и приставу Филатову он велел подкреплять и поддерживать Хосаева по первому требованию.

30-го июня, под проливным дождем, Греков выступил из Грозной с небольшою колонною и явился в ауле Хан-Кале. Но здесь он мятежников не застал; они удалились в гойтинские леса. Пройдя отсюда к селениям б. и м. Атаге, и также не встретив ни одного человека из партии Магомета, он к ночи возвратился в крепость. Эта рекогносцировка имела лишь то последствие, что из деревень, расположенных за ханкальским хребтом и вокруг атагинской поляны, на другой день явились некоторые из жителей, в качестве будто бы представителей, с разными извинениями, а также уверениями в своей благонадежности. В ответ на это Греков произнес речь, в которой выразил, что "мулла, называющий себя пророком — злодей и мошенник, а Бейбулат, завидуя их теперешнему благосостоянию под властью русских, ищет лишь случая и предлога повергнуть их снова в нищету, из которой они вышли так недавно". В заключение он сказал, что ему "необходимо знать, желают ли они сохранять присягу, данную Государю Императору, или же соединятся с разбойниками, которых он бил всегда и везде, надеясь, что в правом деле Бог и [88] теперь поможет ему наказать вероломных". Нет сомнения, что депутаты — под влиянием ли угрозы, или под сомнением в надежности сил лжепророка — отреклись от мятежников, божились, что не верят пророку, и обещали за себя и за свои селения более к нему не присоединяться. Греков удовлетворился и вслед затем послал к ауховцам и качкалыкам за решительным объяснением их поведения. Те, в свою очередь, под влиянием неостывшего еще впечатления от расправы над жителями Костека, прислали массу уверений в своей преданности русскому Престолу и в полном неверии пророку. Тогда Греков, значительно успокоившись, доносил Лисаневичу 37:

«Хотя никогда нельзя полагаться на подобные уверения, но они показывают, что угрожаемый страх от нас начал разрушать то очарование, каким, действительно, ослеплен был народ при первом появлении шайки, собранной в горах Бейбулатом, и уверенностью, что настало время опять их вольности...

«По неимоверному непостоянству чеченцев об них ничего нельзя сказать утвердительно, и только время покажет, чем кончится выдумка пророка и усилие разбойников содействовать ему».

Роковая и непростительная самоуверенность Грекова, которую он выразил уже несколько раз, только ему одному рисовала те миражные картины, которыми он обольщал себя и успокаивал Лисаневича, не зная, конечно, и даже не предугадывая, что в этих, на его взгляд, разбойничьих и ничего не значащих движениях и действиях народа каждый день все более и более слоились задатки будущей многолетней нашей войны на восточном Кавказе. Никакого страха в [89] действительности народ не испытывал, и очарование его вовсе не остывало; он, как и прежде, обманывал храброго, честного и прямодушного генерала, которому недоступны были понятия о быстром переходе от клятв в верности и преданности к вероломству и измене. Доверяя мнимой искренности чеченцев, Греков невольно убаюкивал и ослеплял даже корпусного командира, и из всех его заявлений лишь одно сорвалось у него с пера с каким-то нечаянным предвидением, что "время покажет, чем кончится выдумка пророка". И время показало...

Нет сомнения, что Грекову можно в некоторой степени извинить его заблуждение, потому что он имел перед глазами лишь один свой район, с "разбойником" Бейбулатом и "мошенником" муллою, как он их называл, орудовавшими, по его же изречению, какою-то "сволочью", и не имел, как видно из всех данных прошлого времени, никаких положительных известий о таком же движении в Дагестане, где в глубине гор дымился совершенно однородный вулкан. Но что сказать в этом случае о Ермолове, человеке вполне разумном, просвещенном и опытном, который имел полную возможность разом обнимать положение дел на всем восточном Кавказе, и не мог не видеть связи и общности тревог в Чечне и Дагестане, а равно одного и того же источника, из которого оне исходили?

В то время, как Греков был убежден, что народ устрашен и притих, и что мулла маюртупский, с толпами бунтовщиков, бежал от него и, по всей вероятности, посеял их до дорогам и в гойтинских лесах — гидра мужала и крепла с неимоверною быстротою. Неглупый мулла не без расчетов [90] ударился в малую Чечню; зная и видя, что жители ее, вследствие своего быта, характера и направления, туго поддаются призыву, направленному к ним издалека, он решился отправиться туда лично, повлиять на них непосредственно, и, при помощи окружавшего его скопища, в него вполне уверовавшего и им сильно возбужденного, показать им с глаза на глаз, что и он сам, и его дело не имеют ничего мифического, воздушного, ненадежного, а, напротив, поставлены основательно, крепко и идут к цели определенной для всего мусульманского населения, живой, интересной и близкой к сердцу. Другое, не менее важное, соображение руководило им при движении в малую Чечню: на себя он взял обязанность лишь подготовить население указанным выше путем до прибытия Бейбулата — остальное же предоставлял ему и тем лихим его сотоварищам, с которыми он должен был явиться из Дагестана. Мулла был почти убежден, что появление всех этих лиц доконает малочеченцев. Так оно и случилось. День-два были совершенно достаточны для лжепророка, чтобы подготовить желанную почву в народе, мгновенно сбежавшемся к нему со всех сторон. Когда же 3-го июля явился между Гойтою и Мартаном Бейбулат, с своими гостями — Умалатом и с сыном изгнанного аварского хана Султан-Ахмета 38, то мгновенно вспыхнуло общее одушевление: чеченцы, проживавшие между этими реками и в аргунском ущельи, единогласно признали пророка, снабдили мятежников в избытке всякого рода провизиею и

обещали присоединиться к ним по первому зову. Греков, узнавший об этом в тот же день, должен был на этот раз признать себя [91] побежденным, и донесение свое к Лисаневичу по поводу мало-чеченских событий он сразу спустил на два тона ниже — так что оно отзывалось не то оправданием, не то извинением:

«Многие сами говорят, что пророк мошенник, руководимый Бейбулатом, по всеобщим стремлением и желанием вольности, хотя мнимой, увлекаются, и одни верят от души, другие притворно, но не смеют противиться многочисленной партии верующих».

Сделав свое дело в малой Чечне, Бейбулат и Магомет, с своими толпами, 4-го июля направились обратно е Мичику. Тут Греков стряхнул с себя окончательно все одолевавшие его сомнения и, так сказать, просветился вполне. Оп предугадывал, что, с появлением на Мичике этого нафанатизированного и счастливого своею удачею скопища, которое он считал рассеявшимся, все уверения качкалыков и ауховцев разлетятся в пух и прах, и поэтому на другой же день, 5-го июля, сам выступил из Грозной с колонною, состоявшею из двух рот, орудия и части казаков, и двинулся по следам мятежников, чтобы ближе находиться к опасному месту и угрожать качкалыкам. Теперь и взгляд его на аксаевского князя сразу изменился, выровнялся: он вызвал его туда же, чтобы "подумать о мерах против этого ненадежного населения".

«Объявите везде — писал он ему — что я иду туда с войсками, дабы канальи сколько-нибудь одумались».

Не поздно ли?

Князь Хосаев, зная уже все то, что знал и Греков, а кроме того имея и запас местных сведений, еще раз поспешил сообщить капитану Осипову и маиору Пантелееву, что опасность висит над головою. [92] И он нимало не преувеличивал: мятежники теперь не считали нужным усыплять нашу бдительность и открыто появлялись отдельными конными партиями в разных пунктах, ближайших к месту расположения наших войск и укреплений, водружали свои значки на мечетях и собирали вокруг них вооруженные толпы. Что же касается до муллы Магомета, то, вполне довольный, что народ теперь вовсе забыл о чуде, будучи увлечен более серьезным делом, именно — изгнанием русских, он имел дерзость торжественно провозгласить себя имамом Хариса, и начал действовать более или менее диктаторски. Что Греков ожидал, то вполне осуществилось: .,качкалыки все признали мошенника пророка" 39. Благодаря их восстанию, скопище Бейбулата разом возросло до двух тысяч слишком. Оно заняло крепкую позицию выше старого Аксая, у аула Аллероя, на полугоре, окруженной лесом, и беспрестанно увеличивалось еще и еще прибывавшими сообщниками. Аксаевцы пока стояли твердо, но за то и платили не совсем дешево за свою преданность к нам: каждый день Бейбулат, стреляя по аулу, вырывал у них жертву за жертвою и каждый день посылал к ним требование — примкнуть к общему делу, под опасением, при несогласии, сильного наказания.

Греков увидел, что прозевал наиболее выгодный момент для подавления восстания в его зародыше; что ему придется теперь иметь дело не с "сволочью", а с вооруженным и сильным неприятелем; что новое вероучение, начавшееся религиозными бреднями, перешло в политический стимул, который единодушно и в высшей степени сочувственно подхвачен всем населением большой и малой Чечни. Форсированным [93] маршем, почти без привалов, следовал он с своею колонною в центр мятежа и 7-го июля прибыл в Герзель-аул. Отсюда он немедленно послал в Аксай, для ободрения жителей, одну роту и одно орудие, но тут же

убедился, что его средства недостаточны для водворения спокойствия, тем более, что заволновались, наконец, кумыки, и явная опасность угрожала Герзель-аулу и Внезапной. Для усиления этих двух пунктов он вызвал из Грозной еще две роты прибывшего туда баталиона 41-го егерского полка, а две другие роты того же баталиона оставил в крепости для непредвиденных движений и поддержания сообщений с нашими передовыми пунктами. В резерве оставалось на всей кавказской линии только два баталиона ширванского полка, расположенных в Кабарде, около Уруха. Генерал-лейтенант Лисаневич потребовал один ив них в Грозную, для усиления отряда Грекова, и просил корпусного командира выслать из Грузии два или по крайней мере один баталион; с тем вместе он и сам выехал в Чечню.

Просьба Лисаневича составляла для Ермолова, к сожалению, задачу довольно трудную, потому что и на другой окраине восточного Кавказа, т. е. в Закавказьи, войск было мало, а дела находились также не совсем в порядке. Положим, новое вероучение не мутило пока джаро-белоканское и прилегавшие к Кахетии лезгинские общества, но последние, частью подстрекаемые и всегда поддерживаемые своими дагестанскими соплеменниками, постоянно держали нас в ожидании своих нападений и не скупились на них, когда к тому представлялась хоть какая-нибудь возможность. Выдающиеся случаи наиболее происходили, по заведенному порядку, среди лета, и образцы их в 1825-м году были [94] следующие: 10 июня, в третьем часу пополуночи, партия горных лезгин, в числе четырехсот человек, напала на сел. Греми, часть его ограбила. убила 9 человек и взяла в плен троих. Она была прогнана и обращена в бегство, с значительною потерею, нашею командою, расположенною в селении, которая, между прочим, при этом потеряла двух убитых и одного раненого. Этот случай был как бы преддверием другого более крупного явления, к которому вслед за тем приготовились наши хищные соседи. К 22-му июня они собрали громадное скопище в шесть тысяч человек, и уже намерены были низвергнуться на Кахетию, и опять прежде всего на сел. Греми, но командир грузинского гренадерского полка граф Симонич предупредил их. Взяв из баталиона, находившегося в Кахетии, четыреста человек, он выступил из с. Сабуи 23-го июня и к полудню занял позицию на горе Кодоре, в ожидании прибытия вооруженных жителей. Впереди, на горе Гиргалис-цвери, группировался весь неприятель, не замедливший вступить с ним в перестрелку. Не видя прибытия жителей и не желая бесполезно терять людей, Симонич снялся с позиции. Свернув на шильдинскую дорогу, он выслал вперед 2-ю гренадерскую роту занять по пути господствовавшую высоту, на которую и неприятель имел свои виды; рота быстро взошла туда и прогнала небольшую партию лезгин, уже успевшую утвердиться на высоте. После этого Симонич двинулся вперед. Лезгины, вообразив, что колонна уходит из страха, массою бросились с горы и хотели преградить ей дорогу, но в эту минуту стрелки, бывшие в цепи, ударили в штыки, а остальные роты, под личным начальством Симонича, поддержали их — и неприятель, [95] устрашенный такою решимостью небольшого отряда, отступил. В течение десятиминутного боя у нас тяжело ранены 6 нижних чинов, два ранены легко и контужен один. Вслед затем явился с жителями телавский окружной начальник. Увидев это довольно сильное подкрепление, лезгины тотчас очистили высоты и совершенно удалились. Не взирая и на эту вторую неудачу, они, вместе с дагестанцами, 3-го июля, в числе 400 человек, вторгнулись в селение Напареул, но были опять отбиты — уже самими жителями, получившими заблаговременно известие об их намерении, и затем преследуемы в горах графом Симоничем, выступившим по тревоге из лагеря у с. Сабуи с баталионом гренадер и одним гарнизонным орудием, которое было разобрано и несено грузинами на руках. Напареульцы не пострадали, но неприятель оставил на плоскости и в горах двадцать тел.

Непосредственно за сим, дагестанцы и надплоскостные лезгины еще раз соединились, для крупного предприятия, под начальством четырех беладов: двух наратынских — Турача-Аджи и Адо, аварского Алибека и дидойского Бегая, но так и остались в сборе без дела довольно продолжительное время, потому что мы их стерегли и караулили более, чем они нашу Кахетию.

Комментарии

25. По некоторым спискам "имам Гарис".

26. Борьба против неверных.

27. 2 января 1825 года № 8.

28.. Рапорт временно командующему войсками на кавказской линия генерал-маиору Вельяминову 3-му (начальнику штаба корпуса) от 26-го января 1825 г. № 28.

29. Генерал-лейтенант Дмитрий Тихонович Лисаневич 1-й был начальником 7-й пехотной дивизии и назначен на новую должность Высочайшим приказом 13-го сентября 1824 года.

30. 28 марта 1825 г. № 41.

31. Эти строки трудно понять, а по официальным источникам нельзя добиться не только разъяснения их, но и повода к ним, как как предыдущих документов не сохранилось.

32. Не будет вовсе смело, если скажем с полною уверенностью, что этот гаджи был никто иной, как Магомет ярагский, приглашенный муллою маюртупским во время его зимней отлучки. Это, во-первых, тем вероятнее, что исчезновение Магомета ярагского после ареста его Аслан-ханом как раз совпадает с этим временем, а во-вторых, что речь, которую он произнес 29 мая, совершенно тождественна со всеми его проповедями в Дагестане. Остается сожалеть, что в официальных источниках имя этого гаджи закрыто.

33. 12-го июня за №-14.

34. Апшеронский полк.

35. 42-й егерский.

36. Чанка — рожденный от неравного брака: от знатного отца и простой матери.— Донесение г.-л. Лисаневича Ермолову от 3-го июля 1825 года № 1047.

37. 2-го июля 1825 года № 25.

38. Кто такой был этот сын — официальные источники не объясняют.

39. Рапорт Грекова генералу Ермолову от 7-го июля № 60.

Текст воспроизведен по изданию: Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник, Том 10. 1886

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

ВОЙНА НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

С 1824 ПО 1834 г.

В СВЯЗИ С МЮРИДИЗМОМ

III.

Наши кавказские укрепления в старые годы. Нападение мятежников на укр. Амир-Аджи-Юрт. Геройская семидневная оборона укрепления Герзель-аула. Убийство г. л. Лисаневича и г. м. Грекова. Распространение мятежа. Дальнейшая неусыпная деятельность Бейбулата. Нападение на кр. Грозную. Подступы к деревне Андреевой и сужение Аксая. Нападение на Герзель-аул. Неудачные частные поиски мятежников. Приготовления Бейбулата для движения к надтеречным чеченцам; Новые тревоги.

Генерал Ермолов, объезжая в первый раз кавказский край, весьма нелестно отозвался об укреплениях правого фланга кавказской линии. Но не лучше были и наши укрепления двадцатых годов в Чечне. Судя по их постройке и вооружению, они никак не могли назваться сторожевыми пунктами в строгом смысле этого слова. Они составляли не более как прикрытие команд, выставленных вперед с двумя целями: для указания окраины или предела занятой нами территории и для возможной угрозы населению в случае какого-нибудь с его стороны частного хищнического или общего политического движения — и только для одной угрозы, так как они не могли выдвинуть за свои валы никакой активной силы. Даже самое главное их назначение — прикрывать гарнизон — могло быть достигнуто только в том случае, когда этот гарнизон, в свою очередь, бдительно оберегал сам себя от нападения врасплох и всякое неожиданное или внезапное приближение неприязненной силы храбро встречал своею стойкою грудью; если же он оказывался беспечным и почему-либо допускал захватить себя среди полного неведения о намерениях и о подступе неприятеля, то инженерные сооружения и артиллерийская оборона не представляли для его безопасности никакой гарантии. [97]

Постройка укрепленного пункта была несложная и не хитрая: данная местность обносилась рвом, вырытая земля из которого составляла невысокий вал, насаждалась колючка — и то но всегда и не везде, устраивался где-нибудь в углу, по направлению к неприязненной стороне, бастион или два, каждый с амбразурою в противоположные одна другой стороны — и довольно. Вход и выход составляли одни ворота. Надежных орудий, в том смысле, как понимает их наука, не водилось, и не откуда было их взять, так как никто никогда не беспокоился ни о раковинах, ни о трещинах, ни об излишних зазорах, и самое орудие имело скорее цель сигнального и салютационного, чем боевого инструмента. Благонадежному устройству пороховых погребов не придавалось особого значения: присутствие часового возле дощатой крыши, присыпанной землею и выползавшей из грунта, и приказание его прохожему: "ходи дальше", указывало всем на существование здесь погреба и на меры осторожности. Об оборонительных постройках внутри укрепления вовсе не думали; хорошо еще, если случалась простая, незатейливая деревянная или турлучная казарма для гарнизона: в большинстве же случаев, и в виду временного назначения некоторых укреплений, убежищем

для людей были землянки, плетушки, мазанки, барачные домики и т. п. Баня составляла необходимую принадлежность этого уединенного уголка. Единственное сооружение, пользовавшееся особым вниманием гарнизона, был ротный двор, отличавшийся от других величиною, удобством и разного рода возможными приспособлениями. Вообще же, в таком укреплении далеко нельзя было воевать, но можно было спокойно отдыхать — при условиях полной безопасности. Изречение [98] Наполеона, что "крепости строятся для того, чтобы быть взятыми", было как нельзя более применимо к нашим кавказским укреплениям двадцатых и тридцатых годов.

Более или менее в таком виде представлялось наше укрепление Амир-Аджи-Юрт и даже частью Герзель-аул. Только крепости Грозная и Внезапная, построенные Ермоловым, имели иной вид и характер — и то потому, что это были крепости, а не укрепления 40.

Когда генерал Греков прибыл с колонною 7-го июля к Герзель-аулу, то имел возможность убедиться в неотвратимой опасности, которая видимо и ясно угрожала со стороны мятежников или этому укреплению, или Амир-Аджи-Юрту. Полагаясь на себя и на свои наличные средства, он был уверен, что Герзель-аул обеспечен, и что Бейбулат не посмеет игнорировать здесь его присутствия, но за Амир-Аджи-Юрт не ручался, поэтому тотчас же, в семь часов вечера, отправил нарочного с запискою к капитану Осипову, предупреждая его о возможности нападения и приказав усугубить все меры охраны и предосторожности.

Оборонительная сила амир-аджи-юртовского укрепления в этот момент находилась в следующем виде: орудие 2-й легкой роты 22-й артиллерийской бригады стояло на переправе на левом берегу Терека, а самое укрепление оборонялось одним испорченным четвертьпудовым единорогом, на полевом лафете, гарнизонной [99] артиллерии, роты № 46 41; в гарнизоне находились: начальник укрепления 43-го егерского полка капитан Осипов, того же полка два субалтерн-офицера и гарнизонной артиллерии подпоручик Дмитриев; нижних чинов: апшеронского полка 7, куринского 7, 41-го егерского 24, 43-го егерского 114 и артиллеристов 25 — всего 177 человек. Это была сила весьма достаточная, по убеждению Лисаневича и Грекова, для того, чтобы составить тесную защиту в малом и сжатом укреплении, и, конечно, солдаты постояли бы за себя, если бы были руководимы более распорядительным и отважным начальником, чем капитан Осипов. Последний, получив приказание генерала Грекова, хотя и сделал расчет гарнизону по фасам укрепления на случай нападения чеченцев, но не только не поставил его в ружье — даже не усилил часовых и не подвинул к фасам резервов. Мало и этого: оплошность и непредусмотрительность его простирались до того, что он не озаботился надлежащим охранением и сбережением парка, который, по случаю переделки погреба, был сложен на открытом месте, под навесом из сухих досок, и разрешил всему гарнизону спать в казарме и других помещениях и лишь по тревоге бежать на свои места. Такая непростительная небрежность была поистине редкостью со стороны кавказского офицера. Осипова в этом случае не может извинить даже и то, что на Кавказе он провел не всю свою службу: он был переведен или, лучше сказать, выгнан сюда из корпуса графа Воронцова, по выражению генерала Лисаневича, "за разные [100] мерзкие поступки". Тем не менее, он все же был офицер бывалый. Выбором своим начальника амир-аджи-юртовского укрепления этот однофамилец знаменитого в кавказских летописях и противоположного ему по личным качествам героя, взорвавшего в 1840 году Михайловское укрепление, был обязан генералу Грекову, который почему-то много раз расхваливал его в своих донесениях Лисаневичу. Последний всегда удивлялся этому благоволению. оставаясь,

однако, бесповоротно при убеждении, что Осипов все-таки ненадежный офицер 42. Так оно вышло и на самом деле.

Беспечно и сладко спал гарнизон среди тихой ночи. разнеженный летнею теплотою. Двери и окна казармы были раскрыты настежь, и многие из солдат позволили себе даже снять верхнюю одежду, так как, по соображению их, в случае тревоги, в ней не предстояло никакой надобности, и на место можно было явиться в амуниции поверх сорочки. Темная ночь, сделавшаяся почти непроглядною по случаю дымчатого неба, в нескольких шагах от часовых скрывала все предметы и, делая бесполезным напряжение их зрения, вероломною своею таинственностью нагоняла на них дремоту. Лес, находившийся вправо от укрепления, совсем утонул в глубоком предрассветном мраке, и в высокой траве, разделявшей его от укрепления, не обнаруживались даже и признаки какой-нибудь живой твари. Убежденные в совершенной безопасности, часовые большею частью оперлись на ружья, осеняя крестом невольно раскрывавшийся от зевоты рот.

А в это самое время из темноты густого леса десятками выступали человеческие фигуры, [101] приостанавливались на опушке, поджидали товарищей и вскоре одною цельною массою заняли все ее протяжение. Спустя несколько минут, все эти люди, в величайшем безмолвии, придерживая руками оружие, осторожно двинулись вперед и в нескольких десятках саженей от укрепления, как по волшебному мановению, приникли к земле и скрылись в высокой траве. С этой минуты они тронулись ползком — и самое пытливое, музыкальное ухо не могло бы уловить их движения. Не далее двадцати саженей от укрепления вся эта невидимая масса вдруг вынырнула словно из земли, и без выстрела, с беспорядочным криком и гиком, бросилась вперед. Удар был до того неожиданный и всеоглушающий, что никто из полусонных часовых в первую минуту не вскинул даже ружья к плечу. Только тогда, когда под напором тысячи человек моментально рухнул плетень, окружавший ров — раздалось несколько торопливых выстрелов, слабым эхом отозвавшихся в степи, стлавшейся по другую сторону укрепления. Но было уже поздно и бесполезно противодействовать нападению. С необыкновенною быстротою чеченцы перескочили через ров внутрь укрепления и, оставив без внимания все, что в другом случае послужило бы им поживою по пути, бурею ворвались в казарму, так гостеприимно и как бы нарочно раскрывшую им отовсюду беспрепятственный вход. Разбуженные зловещим криком, солдаты в ужасе вскакивали с своих мест — и тут же опять ложились под шашками и кинжалами исступленных разбойников, опьянелых при виде беззащитной крови. Только караул, бывший у ворот, в числе десяти человек, по команде своего унтер-офицера, вступил в ружье и готов был открыть пальбу; но вопрос о [102] том, куда стрелять, оледенил всем руки, так как неприятель группировался внутри укрепления и в казарме, а следовательно, стреляя по этому направлению, приходилось не разбирать ни своих, ни чужих. Но из этого недоразумения вывел всех капитан Осипов: прибежав с несколькими солдатами к карауулу, он тотчас открыл огонь из ружей внутрь укрепления, а из бракованного единорога, бывшего у ворот, выпустил два картечных заряда.

Кровавая драма только что разыгрывалась: вслед за нападением на казарму, другая обширная толпа чеченцев, вынырнув из мрака. застилавшего собою степь, так же отчаянно и решительно, как и первая, атаковала укрепление с левой стороны. Ливнем влетела она в середину его, рассыпалась по землянкам солдат, по офицерским помещениям, и в особенности налегла на деревянный сарай, в котором находились склады, запасы и имущество гарнизона. Спустя десять минут, именно тотчас после первого орудийного выстрела, этот сарай,

облегчившийся от всех наполнявших его предметов, выхлестывал уже десяток красных языков, пробивавших себе путь к беззвездному небу сквозь пелену густого черного дыма; непосредственно засим, в разных местах укрепления запылали и другие помещения; наконец, пожар охватил все крыши строений и сделался общим. Это обстоятельство отчасти благоприятствовало бегству и спасению некоторых чинов гарнизона, потому что чеченцы, там и сям поджариваемые огнем, поневоле должны были ориентироваться в безопасные места, открывая дорогу среди пожарища тем солдатам, объятым паническим страхом, которые, счастливо избегнув поражения, бросались за укрепление, не [103] разбирая препятствий, через горящие головни и валившиеся на них сверху разного рода деревянные подпорки, балки и т. д. Вдруг, среди этого помпейского хаоса, случилось то последнее несчастие, которого именно недоставало для довершения ужасов всей картины: раздался страшный треск, свист, визг: к ярко освещенному небу взнеслась туча каких-то грязных искр, и над поверхностью земли на мгновение вырисовались силуэты людей и разные бесформенные фигуры. Взрыв парка был до того силен, что все строения, патронный ящик и лафеты разнесло и разбросало частью даже за Терек: некоторые люди были также вышвырнуты в реку и в степь, и только уцелели каким-то счастливым образом те из них, которые группировались вокруг Осипова, уже раненого шашкою, у ворот укрепления. Видя, что все погибло, и средств к защите нет, а за укреплением раздавались еще сотни новых голосов, свидетельствовавшие о возможности возобновления атаки, Осипов счел излишним и бесполезным умереть с оружием в руках. Громким голосом крикнул он остаткам гарнизона, "чтобы спасались, кто куда может", и сам первый бросился в реку. Примеру его последовали и другие.

Скрывшись в волнах неприветливого Терека, Осипов более не вернулся на свет божий; но другие два офицера и почти все солдаты, составлявшие караул у ворот, благополучно достигли противоположного берега. Подпоручик Дмитриев и тринадцать нижних чинов были взяты в плен. Разграбив все имущество, уцелевшее от пожара и взрыва, чеченцы очистили укрепление и убрались в лес, унеся с собою и орудие без лафета. Восходящее солнце осветило груду развалин и мусора, из-под которого кое-где выглядывали обезображенные трупы. [104]

Спустя три-четыре дня, когда произведена была расчистка погибшего укрепления, под обрушенными стенами казармы и других построек найдено было только двадцать пять тел, которых без затруднения можно было признать за наших несчастных солдат; множество же других трупов было до того исковеркано, что положительно нельзя было решить, кто именно скрывался под ними — свой или чужой. Вообще же, у нас убито и без вести пропало (включая сюда же и взятых в плен): 2 обер-офицера и 96 нижних чинов: спаслось от гибели 2 обер-офицера и 67 нижних чинов, ранено и искалечено 14 нижних чинов. Погибла и расхищена масса всякого имущества и запасов. Нападение было произведено двумя толпами, состоявшими в сложности из двух тысяч слишком человек. По словам лазутчиков, мятежники также понесли большой урон от наших картечных выстрелов и от взрыва; но это было слабым для нас утешением и успокоением за столь существенные потери 43.

Генерал Ермолов отгадал будущие последствия происшедшей 8-го июля катастрофы: в официальном отзыве своем к Грекову 44 он писал, до поводу предварительного, в общих чертах, донесения генерала Лисаневича:

«Неприятные происшествия сии, особенно если входит тут оплошность и недостаток распорядительности начальствующих постами офицеров, должны приуготовить нас еще к

[105] неприятнейшим случаям, ибо ободренные, как думать надобно, довольно легким успехом, приобретут они сообщников и средства к дальнейшим предприятиям».

Греков, с искренностью и прямодушием отвечал Ермолову письмом 45, которое составляет уже последний посмертный и интересный документ этого героя, рисующий нам тогдашнее положение вещей и типичную личность покойного. На этот документ можно смотреть как на его исповедь перед кончиною, которую он предчувствовал с необъяснимою безошибочностью.

«Я не должен оправдывать себя и мог сделать некоторые ошибки, но уверен в душе, что я сделал все со стороны моей — и совесть моя покойна. Я не только ожидал нападения на Амир-Аджи-Юрт, но был даже уверен, что мошенники сделают его — единственно дабы отвлечь меня от Герзель-аула. На сей конец оставил капитану Осипову более людей, нежели сколько нужно для столь малого укрепления, и толковал ему, что мятежники непременно для отвлечения меня будут делать покушения на редут. Наконец, по движению мятежников, с нарочным послал ему чрез записку подтверждение об осторожности, которую он получил 7-го числа в сумерки. Но чтобы мятежники поколебали укрепление — этого я никогда не мог и помыслить. Притом, известно всем, что ежели бы мятежники не успели в своем предприятии, то на другой день разрушилось бы все их скопище, и ссора, продолжавшаяся у них накануне, многих тогда же отвлекла. Но надобно было, чтобы неимоверная оплошность дала всем делам новый ход. Цель чеченцев или известного мошенника всякому была известна; невозможно было не видеть мне ее. Я всегда ожидал, что они, собрав большое число людей, покусятся на какое-нибудь злодеяние, но не думал ни успеху в том их, ни столь большой [106] слабости со стороны нашей. Притом, по неимоверной глупости чеченцев и вероломству, ничего впредь нельзя сказать об них основательного. Я никогда не терял духа, где он надобен,— но можно ли равнодушно смотреть на потерю столь чувствительную? Это такое происшествие в моей жизни, что я не в состоянии обратить к нему одной мысли не страдая душевно».

Порешив с Амир-Аджи-Юртом, толпы мятежников быстро направились к Герзель-аулу и 8-го числа ночью остановились в виду его.

Восстание разливалось с быстротою горного потока и закралось даже к кумыкам. Скопище Бейбулата возросло до четырех тысяч человек. В противоположной стороне опять поднимали головы ингуши, и посты в назрановском обществе. в особенности Преградный Стан, слабые и дурно устроенные, были в опасности. Генерал Ермолов предписал одному баталиону ширванского полка (подполковника Волженского), прибывшему, вместе с другим баталионом (подполковника Грекова 3-го) 5-го июля из Усть-Лабы в Кабарду, безостановочно следовать в назрановское укрепление, а командиру кабардинского пехотного полка подполковнику Булгакову велел послать вслед за ним два орудия конно-артиллерийской казачьей № 5-го роты из Нальчика и Черека. 9-го июля Бейбулат, с большою партиею, явился на Сунжу, расположился на правом берегу ее ниже Гудермеса, угрозами и увещаниями привлек в свои толпы часть брагунцев и послал требование о присоединении к нему староюртовцев. Силы его росли по часам, и к нему стали примыкать даже осетины. Приходилось опасаться за надтеречных чеченцев, восстание которых было бы для нас крайне невыгодным еще и потому, что сообщения наши с Тереком весьма бы затруднились. В Кабарде [107] также было что-то смутно. В виду всех этих важных угрожающих событий, Греков 9-го июля приказал, по бесполезности. снять пост в Злобном Окопе, обеспечил Герзель-аул провиантом, доставленным из кр. Внезапной, усилил гарнизон укрепления ротою 41-го егерского полка, оставив во Внезапной другую роту, и с остальною пехотою до 120 человек и частью казаков

того же числа направился через ст. Каргалинскую в кр. Грозную. В Герзель-ауле осталось 250 человек 41-го и 130 человек 43-го егерских полков, немного казаков моздокского полка и семейного войска и в общей сложности 12 орудий, включая в то число подвижные 2-й легкой роты 22-й артиллерийской бригады и конно-казачьей № 5-го артиллерийской роты.

Масса неприятеля, свыше трех тысяч человек, кроме тех, которые выделились с Бейбулатом на Сунжу, была расположена около версты от укрепления, за горою, при Балч-ауле, и состояла, за отсутствием своего руководителя, в распоряжении имама-самозванца. Лишь только скрылась за Тереком небольшая колонна Грекова — он не замедлил объяснить его поспешное отступление трусостью, и ободрив этим мятежников, которым хорошо была известна малочисленность гарнизона, выслал вперед значительную партию, положил ее у подножия горы и открыл по Герзель-аулу ружейный огонь; другая же партия, посланная в обход, демонстрировала с противоположной стороны. Одновременно с этим, все остальные силы занялись отводом Аксая к правому его берегу— что оказалось работою нетрудною и несложною, так как река еще недавно протекала по этому направлению. К счастью, маиор Пантелеев, а в особенности Муса Хосаев, [108] предвидели этот роковой сюрприз еще накануне, до появления партий у Герзель-аула, и вследствие этого был сделан такой запас воды, который только могли допустить средства гарнизона.

Приступ был отбит, но это не ослабило дерзости скопища, которое с наступлением ночи возобновило его с удвоенною решимостью. Несколько раз мятежники пробовали ворваться в укрепление, но были отбиваемы картечью и ружейным огнем. Небольшие партии смельчаков спускались даже в ров, но и здесь были поражаемы и отбрасываемы ручными гранатами. Восходящее солнце застало весь гарнизон на валу. Распорядительность Пантелеева одержала верх над отвагою и наглостью бунтовщиков, но за то, с другой стороны, не могла отвратить постигшего защитников несчастья: 10-го июля они увидели, что река отведена, и что они лишились воды. Пантелеев тотчас же приказал, чтобы вода была выдаваема из запаса два раза в день, определенными порциями, которые бы не истощили ресурса по крайней мере в течение трех-четырех суток; засим, образованы были небольшие охотничьи команды, под начальством унтер-офицеров, которые обязаны были в ночное время добывать воду, так сказать, из-под носа неприятеля.

10-го июля, в течение дня и ночи, чеченцы снова произвели несколько нападений, но каждый раз должны были отступить с чувствительною потерею. Унося своих убитых и раненых на глазах у наших солдат, они устилали новыми трупами все пространство до места своего расположения. После этого всем казалось, что они уймутся хоть на несколько часов и дадут отдых гарнизону, который уже двое суток не смыкал глаз, но ожидания оказывались ошибочными: [109] очистив поле битвы и убравшись за гору, атакующие партии через час-два были заменяемы новыми, и атаки возобновлялись. Многочисленность врагов, наши потери и необходимость дать людям хотя днем кратковременный отдых, заставили Пантелеева поставить в ружье всех нестроевых нижних чинов, не исключая денщиков, и разделить гарнизон на смены, которые чередовались от восхода до заката солнца; с наступлением же ночи резервы придвигались к барбетам, а остальная сила располагалась за бруствером. 11-го июля, в поддень, скопище мятежников поднялось из-за горы в полном составе и, предводительствуемое возвратившимся ночью из поездки Бейбулатом, двинулось книзу, не обращая внимания на наш артиллерийский огонь. На половине пути оно быстро разделилось на отдельные толпы и еще быстрее заняло все кустарники, высоты, отлогости и всевозможные

закрытия вокруг Герзель-аула. С этой минуты началась тесная блокада злополучного укрепления пятитысячным скопищем бунтовщиков, которое видимо поставило своею задачею во что бы ни стало одолеть в десять раз слабейший гарнизон. Лишь только атакующие заняли свои места — началась ружейная пальба, которая не прекращалась более ни днем, ни ночью. Но обессиливаемый ежеминутно гарнизон, томимый жаждою, в особенности во время невыносимой дневной жары, по словам маиора Пантелеева 46, твердо и единодушно решился умереть, но не посрамить своей воинской чести. Видя, что запас воды с каждым часом живо истощается, Пантелеев 11-го числа, после полудня, уменьшил порции на одну третью часть, но в тоже время [110] велел усиливать их выдачею льда, которым зимою были снабжены ротные погреба. О горячей пище все забыли, так как некогда и некому было ее готовить, потому что кашевары стояли под ружьем; все от главного начальника до последнего солдата ограничивались сухарями и мясом, наскоро поджаренным на углях, а большею частью сырым, изрубленным на мелкие куски, подогретым два-три часа на горячем солнце и приправленным солью, перцем и другими пряностями, имевшимися в ротных артелях.

С вечера 11-го числа и в течение нескольких дней картина осады не изменялась. Чеченцы, уверенные, что гарнизон ни в каком случае не может устоять против их полчищ, пускались на всевозможные предприятия, по словам донесения, "с большою решительностью и отчаянием". Поддерживая непрерывный огонь, они приближались к укреплению, в особенности к местам, незащищенным орудиями, строили завалы под нашими пулями, бросались оттуда в шашки, по ночам заползали в ров и поджигали наружную одежду бруствера — словом, ухищрялись на все выдумки, не щадя своей жизни. Но герои наши стояли непоколебимо, поощряемые своими офицерами, которые подавали им пример мужества. Пантелеев спал только тогда, когда бессилие сваливало его с ног, и спал тут же, у бруствера, защищаемый грудью своих солдат; в остальное время видели его постоянно по всей линии огня, под градом пуль, но чудом хранимого и неуязвимого. Люди буквально не имели роздыха; ночью, презирая все опасности, команды делали вылазки для добывания воды, и каждое ведро ее покупали по меньшей мере одною жертвою. Все покушения врагов были парализуемы так удачно, атаки их [111] отражаемы так молодецки, завалы разрушаемы орудиями так быстро и лихо. пожары прекращаемы с такою энергиею, что в виду всего гарнизона чеченцы арбами вывозили с места боя своих убитых и раненых, отправляя их в Старый Аксай. Это "лишь более придавало куражу (пишет Пантелеев) моим подчиненным и охоты бить неприятеля, пренебрегая все труды и неудобности". Жители Аксая не только не препятствовали бунтовщикам распоряжаться у себя в ауле, но уклонились от всякого повиновения Хосаеву, не позволяли ему стрелять по ним из орудия, и хотя объявили, что не дадут помощи ни им, ни русским, но в то же самое время снабжали мятежников в избытке всякими припасами и явно покровительствовали им во всех отношениях.

День проходил за днем: состязание и борьба за укрепление все усложнялись и усиливались. "Бейбулат стал готовить арбы для решительного штурма, под прикрытием их, окровавленного укрепления, а солдаты, тем временем "умирали от жажды" 47. Достойный сподвижник храброго Пантелеева, маиор князь Муса Хосаев, уже отправил к Лисаневичу и к г. м. Грекову несколько нарочных из числа преданных ему аксаевцев, с донесением о безвыходном положении гарнизона, но на выручку никто не приходил, и даже неизвестно было, достигли ли все эти сообщения по назначению.

Но провидение спасло героев: 13-го июля Лисаневич получил, наконец, сведение о герзель-аульских событиях и тотчас пригласил к себе Грекова, накануне возвратившегося из большой Чечни. Греков, опасаясь [112] повторения амир-аджи-юртовской катастрофы, и видя, что деда на Аксае слишком важны для того, чтобы им предпочесть невыяснившиеся еще окончательно явления на Сунже и на Тереке, признавал необходимым тотчас же идти в Герзель-аул. К вечеру колонна была готова и после раннего солдатского ужина двинулась под главным начальством Лисаневича 48. Садясь на коня, озабоченный и грустный Греков передал в руки близстоявшей женщины, державшей повод со слезами на глазах, запечатанное письмо и приказал ей сейчас же отправить его к Петру Борисовичу Тыртову. Следуя форсированным маршем, колонна 15-го июля утром прибыла к амир-аджи-юртовской переправе. В эти минуты гарнизон Герзель-аула, не зная о приближавшейся выручке, истощал последние усилия в неравной борьбе и с отчаянием, хотя и с покорностью, помышлял о предстоящей решительной ночи, в которую готовилась ему Бейбулатом роковая и окончательная развязка. Вдруг, с неописанным изумлением видит он, что партии, осаждавшие укрепление со стороны Терека и разбросанные преимущественно по возвышенностям, разом вскинулись с места, словно их снесло ураганом, и без оглядки помчались к аулу Кошкельды, другая же половина мятежников, осаждавшая Герзель-аул с противоположной стороны и бывшая в засадах, не трогалась в своих позициях. Недоумение гарнизона мгновенно рассеялось, и он сейчас же догадался о причине бегства половины скопища, когда увидел клубы пыли, стлавшейся [113] по дороге от переправы. Восторгу защитников не было предела. Пантелеев приказал кавалерии взнуздать лошадей и приготовиться к атаке.

Было около трех часов пополудни, когда несчастный гарнизон, потерявший уже надежду на спасение, ясно увидел, наконец, несколько сот наших казаков, скакавших во всю прыть. с Лисаневичем и Грековым во главе, и с конными орудиями позади. Почти бегом поспешала за ними пехота с дивизионом пешей артиллерии. За версту от укрепления казаки переменили направление и понеслись в обхват мятежников, бывших в засаде, чтобы отрезать им путь к горам. Тут только последние увидели налетавшую на них грозу и, высыпав из засад, как рой пчел, бросились во весь дух по трем направлениям: одна часть вниз по речке, другая на ту гору, за которою находилась на позиции 9-го и 10-го чисел, а третья, меньшая часть, по прямой дороге, через буераки, к селению. В эту минуту из укрепления раздался залп нескольких орудий по первым толпам, затем вынеслись казаки, выскочила с воскресшими силами ободрившаяся и оживившаяся пехота, и все кинулись по пятам бежавших. Лисаневич и Греков, с своею кавалериею, были уже на линии укрепления, направляясь за вторыми толпами. Тогда только жители с. Аксая, по словам подполковника Сорочана 49, "дабы дать знак приверженности к нам, позволили маиору Мусе Хосаеву отражать пушкой и ружейной перестрелкой людей, вверху по реке укрепления в засаде держащихся, а потом и выслали еще конницу, которою, конечно, сбитых людей посланною из отряда нашею [114] конницею и частью пехоты препроводили лишь только без вреда в горы". Когда толпы, бежавшие вниз по реке, столкнулись почти у самого селения с теми, которые устремились напрямик, Муса Хосаев направил на них орудие и ружейный огонь группы своих приверженцев и обратил их мимо селения; лишь небольшая часть из них успела вскочить в Аксай и укрыться в нижней его части. Сколько всех было перебито — неизвестно, "но только против укрепления, по речке, убитых тел, более из них оказавшихся ауховских, найдено до двадцати" — доносил Сорочан. С нашей стороны, за все время осады и в этой последней схватке убито нижних чинов восемь и

ранено пятьдесят; лошадей убито 13 и ранено 7; собственно во время осады выпущено артиллерийских снарядов 617, ружейных зарядов 43881 и брошено ручных гранат 156.

Что ожидало бы злополучный гарнизон, если бы своевременно не прибыла к нему помощь из Грозной, а равно, кому именно и при каких условиях обязано укрепление своим спасением, видно из посмертного и последнего письма Грекова к корпусному командиру от 16-го июля из Герзель-аула, на которое уже сделана .ранее сего ссылка;

«Дмитрий Тихонович, вероятно, будет действовать по обстоятельствам. Он согласен с тем, что надобно с другим отрядом действовать от Грозной за Сунжею. По открытии совершенном намерений мятежников, и вследствие вчерашнего их поражения, он будет рапортовать вашему высокопревосходительству. Со стороны моей, где только могу быть полезным, готов на все крайности.

Меня крайне беспокоило герзель-аульское укрепление. Я убедил, не теряя ни минуты и не дожидаясь идущих войск, [115] спешить на помощь с войсками из Грозной взятыми, ибо был уверен, что чеченцев всегда побить можно, лишь бы они не бежали. Последствие доказало, сколь необходима была помощь сия. Мошенники приготовили щиты, а как вчера был их байрам, то они, напившись, намерены были в ночь решительно напасть на укрепление. Они вчера жестоко наказаны, и я несколько отдохнул.

Поручая себя благорасположению в. впр., имею честь оставаться, с глубочайшим высокопочтением и душевною преданностью, в. впр. покорнейшим слугою Николай Греков».

Письмо это, во-первых, указывает на то внимание и на ту короткость — если позволено думать — которыми пользовался Греков у корпусного командира преимущественно перед Лисаневичем, и во-вторых, свидетельствует, что если бы не Греков, то Герзель-аул пошел бы по следам Амир-Аджи-Юрта, и гарнизон исполнил бы свое желание — погибнуть всем до единого 50. [116]

Спасение герзель-аульского укрепления снимает с Грекова тот упрек, который можно было бы сделать ему за ненадлежащее внимание к тогдашним событиям. Воззвав к жизни и сохранив для отечества несколько сот героев, а затем, заплатив за них своею собственною жизнью, он становится свободным от всякого нарекания — тем более, что в своих взглядах, побуждениях и действиях был данником времени и обстоятельств. Он правду сказал, что готов на все крайности — и в тот день доказал это, вследствие чего, ни его намерениям, ни "рапортованию" Лисаневича, которое он обещал корпусному командиру, не суждено было осуществиться.

На другой день после поражения и рассеяния мятежников, к Лисаневичу явились жители селения Кошкельды, укрывшие накануне толпу мятежников, и принесли извинение, что поставлены были в необходимость сделать это поневоле. Лисаневич их простил и наложил на них штраф, обязав дать присягу в верности. После этого оставалось предупредить возможность открытого восстания аксаевцев, и для этого выделить из среды их лиц неблагонадежных и наказать виновных. Лисаневич приказал Мусе Хосаеву представить к себе при особом списке всех почетных людей, а также наиболее буйных и подозрительных. Греков, лучше знавший этот народ, представлял ему, что неудобно задерживать людей, им призываемых, а еще более подвергать их наказанию; что поступок этот [117] произведет в населении беспокойство и уничтожит совершенно доверенность к начальству 51. Но Лисаневич его не послушал.

16-го июля, после обеда, до трехсот человек аксаевцев были введены в укрепление Герзель-аул. Не было взято никаких мер осторожности: многие аксаевцы были вооружены; наш караул не был не только усилен, даже не выведен в ружье; команды отпущены за дровами и на фуражировку, и в укреплении оставалось менее людей нежели аксаевцев. Оба генерала сошли с крыльца и приблизились к народу в сопровождении нескольких офицеров и небольшого конвоя. "Лисаневич стал в оскорбительных выражениях упрекать их гнусною изменою, грозить истреблением виновнейших и начал вызывать некоторых по представленному ему списку. Он знал хорошо татарский язык и потому объяснялся без переводчика, который бы мог смягчить выражения" 52. Первые два, которых вызвали, выступили беспрекословно, сдали свои кинжалы и были арестованы. Когда же очередь дошла до третьего и самого главного, некоего Учар-Гаджи, то он добровольно не вышел и был выведен переводчиком Соколовым. Это непослушание взволновало Грекова, и когда вслед засим Учар-Гаджи отказался сбросить кинжал, вспыльчивый и самолюбивый Греков, не допускавший, по своим понятиям, такой дерзости со стороны "негодяя", нанос ему удар и приказал отобрать оружие насильно 53. Лишь только первая рука [118] протянулась к поясу Учара, он неожиданно выхватил кинжал и, как глазом мигнуть, вонзил его в живот Грекова, затем моментально повернулся к Лисаневичу и нанес ему две раны. Несчастный Греков пал бездыханным, но Лисаневич пока остался жив, так как стоявший возле него кабардинского полка подпоручик Трони несколько задержал руку убийцы 54.

Все окружавшие генералов были до такой степени озадачены, что минуту оставались вполне неподвижными. Из оцепенения прежде других вышли: пристав Филатов и князь Хосаев и, выхватив шашки, почти одновременно поразили ими злодея. Удар Хосаева был так силен, что он сам упал на землю, потеряв равновесие, но, не смотря на это, разъяренный Учар, весь окровавленный, настолько сохранил еще бодрости и присутствия духа, что бросился на капитана Филатова и ранил его в левый бок. Человек уже немолодой, но полный силы и мужественный, Филатов схватил убийцу за кинжал и отбросил его руку в сторону, но поранил при этом свою чрезвычайно сильно. Тут уже все близстоявшие опамятовались окончательно, и на Учара первым бросился уздень деревни Андреевой, сын тамошнего судьи, Эмин Минатулла; остальные ого поддержали — и в несколько секунд разбойник был изрублен на куски 55. [119]

Эта ужасная сцена произвела на присутствующих потрясающее впечатление двоякого рода: в группе, окружавшей генералов, она вызвала чувство ужаса, горя и негодования, в аксаевцах же — положительное бешенство. Как тигры, почуявшие кровь у себя на шкуре, они взвыли на все лады, обнажили оружие и с неистовством кинулись из укрепления, поражая встречного и поперечного. Лисаневич, опираясь об забор, собрал силы и крикнул: "коли!" В это время Сорочан выводил из казармы 20 человек караульных, которые немедленно ударили на толпу: к ним присоединились и другие, бывшие в укреплении. Аксаевцы, заколов у ворот двух часовых, кое-как вырвались из укрепления, преследуемые пулями, но вдруг были встречены двумя стами человек наших солдат, возвращавшихся с фуражировки, огорошены ими беглым огнем и разметаны штыками и прикладами. Из трехсот человек весьма немногие успели спастись: среди погибших были, к сожалению, и невинные, и частью к нам приверженные. Если бы ими не овладели негодование, отчаяние и страх, заглушившие всякое хладнокровие и благоразумие, они могли бы захватить близстоявшие ружья караульных и дровосеков и без всякого затруднения овладеть укреплением и артилериею, "при которой не было ни одного

канонира". Таким образом, говорит Ермолов, "неблагоразумие генерала Лисаневича могло быть причиною важнейших следствий" 56. [120]

Грекова все искренно любили, так как, не взирая на свои недостатки, он все же был рыцарь, полный мужества и безусловной неустрашимости, которые стяжали ему имя и славу в боях и известность на Кавказе; с этим аттестатом он перешел в потомство и теперь — в историю. Со слезами непритворного горя подняли его труп и унесли в квартиру. Все искусство и усердие были употреблены для того, чтобы оказать Лисаневичу быструю и решительную помощь. Врачи и друзья его надеялись, что он перенесет свои страдания; но судьба решила иначе. Почти до последней минуты своей полезной для Кавказа жизни и блистательной службы, раненый сохранил возможность делать кое-какие распоряжения, Первым из них было приказание подполковнику Сорочану 1-му вступить в командование отрядом и войсками на линии. Этот почтенный воин, будучи предан Грекову всею душою, и зная, что покойный оставил по себе движимое и недвижимое имущество, а также братьев-наследников, тотчас предписал грозненскому коменданту подполковнику Тыртову, чтобы он распорядился привести в известность и описать это имущество. В ответ на это Тыртов представил ему в подлиннике то письмо покойного генерала, которое он, три дня тому назад, выступая с колонною из Грозной, [121] передал стоявшей у его стремени женщине. Недаром герой так был озабочен и сосредоточен в то время: он видел уже смерть перед собою, чувствовал ее роковое, неотразимое веяние, и доказательство такого безошибочного предчувствия оставил нам в неоспоримом документе. В письме к Тыртову от 13-го июля он писал следующее:

«Почтеннейший Петр Борисович! Бог животом владеет. Ежели судьба определит мне смерть, то прошу вас — все мое имущество запечатать, не описывая, и не пересматривая ни бумаг, ни сундуков. Может быть, найдутся какие бумаги или письма, кои не должны быть никому известны, кроме братьев моих. Таким образом, до приезда братьев все оставить закрытым.

Прошу объявить брату, что все имущество мое принадлежит равно им и сестрам: наградить по приличию денщиков, дать тысячу рублей живущей у меня Катерине, тысячу рублей аудиторше Витковской. Я давно обещал помочь ей. Прочее все принадлежит им.

Пистолет, с которым я всегда хожу, для памяти отослать другу моему Ивану Ивановичу Майвалдову. Долг ваш мне я оставляю навсегда. От меня остаются разные вещи; братьев прошу — из приятелей моих уделить для памяти из оных.

За скоростью, не могу больше сделать распоряжения. Вспомните хотя по временам человека, который всегда ценил вашу дружбу. Ваш покорный слуга Николай Греков.

P. S. «Почтеннейшему Терентию Варламовичу 57 мой вечный поклон.

Малые мои дрожки отдать Вере Борисовне, повозку — Катерине».

Таково было завещание покойного Николая Васильевича. По докладе его Лисаневичу, он не согласился оставить неприведенным в известность имущество Грекова, [122] вследствие чего оно было описано и опечатано 41-го егерского полка маиором Скалоном, вместе с Тыртовым и офицерами крепости. Сам Лисаневич прожил недолго: он скончался в Герзель-ауле 22-го июля, в 6 часов пополудни, при совершенно иных условиях. чем его достойный сподвижник, т. е. в бедности и нужде. Его служба, вообще деятельность и самая личность характеризуются следующим письмом к Ермолову, которое корпусный командир получил однако неподписанным, потому что ветеран отходил уже в вечность, когда его переписали:

«В. впр. От жестокости раны мне данной совершенно отчаиваюсь в жизни. После смерти моей останется жена с четырьмя малолетними детьми, при весьма бедном состоянии. Прослужив с честью Великому Государю около тридцати пяти лет, я не мнил никогда себя обогатить. Положение сие заставляет покорнейше просить в. впр.— не оставьте подать руку помощи сим беднейшим сиротам, дабы могли себя содержать; по достижении лет детей не откажите доставить приличное им воспитание и, если возможно, оставить и денщиков, которые теперь находятся. Без пособия сего, не имея ни одного собственного человека, семейство будет в жалком положении».

При нерасположении Ермолова к Лисаневичу, можно вполне сомневаться, чтобы просьба последнего была уважена. Мало того, Ермолов, как видно. обвинил Лисаневича даже перед Государем, но Александр 1-й, идеал справедливости и кротости, не поддался на его представление. Помня заслуги почтенного кавказского ветерана и сподвижника незабвенного Карягина, блаженной памяти Император-рыцарь отдал надлежащую дань покойному в замечательном рескрипте Ермолову от 18 августа 1825-го года из Царского Села (приложение II). [123]

Событие 16-го июля было для нас не совсем благоприятно: лишь немногие из преданных нам и уцелевших аксаевцев скрылись в кумыкском владении от злобы и мести своих же односельчан; остальные, вместе с своим кадием, ушли в леса и оттуда послали нарочных к Бейбулату с просьбою о помощи. Но предводитель мятежников, после его поражения, выехал с муллою Магометом, и вновь с юродивым Авко, в малую Чечню искать, с своей стороны, обещанного ему содействия, которого тотчас же и достиг. Качкалыки и жители селения Кошкельды, приготовившиеся смириться с прибытием к Герзель-аулу нашего отряда, приостановились, в ожидании, чем разрешится судьба аксаевцев; многие из жителей деревни Андреевой, потеряв к нам доверие, выселились в горы; сведения об ингушах были самые неутешительные.

В виду такого мгновенного поворота дел нам не в пользу, подполковник Сорочан должен был поспешить в Грозную. Но прежде чем выступить туда, он по возможности улучшил оборону Герзель-аула и обеспечил его провиантом, доставленным из кр. Внезапной баталионом ширванского полка (подполковника Волжанского), прибывшим из Грозной в Герзель-аул 17-го июля. Накануне его обратного движения, к нему явилась часть скрывавшихся в лесах аксаевцев, с принесением раскаяния, с просьбою о прощении и о том, чтобы им позволено было воротиться в Аксай для уборки хлеба. Сорочан согласился; но в тот же день небольшая партия мятежников, прибывших по приказанию Бейбулата, все еще находившегося в малой Чечне, увидев, что эта часть жителей выразила покорность, отрезала дорогу к Аксаю остальным, которые продолжали скрываться в лесу. [124] Появление этой шайки однако не могло остановить решения Сорочана, и он выступил 23-го июля в Грозную с тремя ротами егерей, казаками и артилериею, оставив в Герзель-ауле 2-ю карабинерную роту вверенного ему 43-го егерского полка, роту 11-го полка и баталион ширванского полка, с четырьмя орудиями, под командою подполковника Волженского. На линии не оставалось ни одного генерала: начальник корпусного штаба г. м. Вельяминов, один, по мнению Ермолова, который мог привести дела в порядок, находился с отрядом за Кубанью. Вследствие этого, Ермолов, не смотря на тяжкую болезнь, 24-го июля сам выехал из Тифлиса, чтобы лично находиться в центре возмутившейся Чечни.

Еще ветер не замел пылью следов отступивших от Герзель-аула войск, как мятежники, под личным предводительством Бейбулата, возвратившегося из малой Чечни и усилившегося тамошними жителями, ночью вошли в Аксай и испепелили три дома маиора Мусы Хосаева, поселившегося с 16-ге числа в Герзель-ауле, под покровительством нашего оружия, маиора Мусы-Аджи и еще одного из преданных нам жителей. Нет сомнения, что все без исключения аксаевцы, находившиеся в ауле, тотчас склонились на сторону бунтовщиков. 24-го июля скопище было опять в сборе и, усиленное качкалыками, последовавшими примеру аксаевцев, в численности своей не уступало тому, которое осаждало Герзель-аул. На укрепление оно вторично идти не решилось, зная, что теперь там силы утроены и оборона улучшена; но, в виду его, на наших глазах, разделилось на две толпы — конную и смешанную. Первая из них направилась вниз, а вторая вверх к Ауху; ауховцы в тот же день вышли на [125] встречу к бунтовщикам. Теперь последним оставалось лишь заручиться андреевцами, чтобы повсеместно лишить нас власти и влияния над краем, еще так недавно нам вполне покорным.

Ермолов это предвидел и не мало опасался за "город Андрей". Он готов был тотчас же направиться туда, но болезнь задержала его во Владикавказе до 3-го августа, Из главных распоряжений его в эти дни выдаются два: он приказал оставить укр. Преградный Стан, построенное г. м. Дельпоццо весьма невыгодно и в таком расстоянии от Сунжи, что вода легко могла быть отведена, и старую дорогу от Моздока до Владикавказа через кабардинские горы перенес от Екатериноградa, через урухскос укрепление, мимо Татартупского мыса и через р. Ардон. От Владикавказа до Грозной Ермолов прошел с 1-м баталионом ширванского полка, двумя орудиями и 250 донцами полковника Сергеева полка; в Грозной присоединил к себе две роты 41-го егерского полка и два орудия. Пройдя через ст. Червленную и переправясь через Терек в Амир-Аджи-Юрте, он имел уже с собою шесть рот пехоты, 300 донцов, 250 линейцев и 9 орудий. С этими войсками он прибыл в Андрееву в то самое время, когда три андреевских аула и некоторые владельцы были наготове отложиться от нас; решение их зависело только от образа действий Бейбулата. Если бы это в действительности: случилось, то крепость Внезапная была бы в большой опасности. Прибытие Ермолова тотчас прекратило смятение: главнейшие из возмутителей бежали.

Отправив в Аух свое скопище двумя колоннами, Бейбулат созвал собрание из находившихся при нем, влиятельных лиц, преимущественно мулл, и приказал [126] явиться к себе представителям Аксая. Сделав им массу упреков и угроз за их вероломство, он в заключение выразил собранию свое мнение, чтобы конфисковать в пользу скопища все имущество жителей, скрывавшихся до сих пор вне своих жилищ. К удивлению его, муллы на это не согласились и резко протестовали против такого бессмысленного решения, направленного не к сближению, а к разъединению с народом. Опор был завзятый, шумный; муллы, исподволь поддерживаемые даже и Магометом маюртупским, одержали верх. Тогда взбешенный Бейбулат перессорился с ними, выбранил их, бросил, и сам уехал на Мичик. Муллы вернули назад посланные в Аух толпы, и сами разъехались по домам 58.

Корпусный командир, получая в последнее время с передовой линии и из Чечни донесение за донесением, одно другого неутешительнее, не мог не признать, что бунт в этом крае поголовный, и что события не так мелочны, как сначала казались. Вследствие этого, по его приказанию, прибыл из кр. Бурной во Внезапную баталион апшеронского полка, а казиюртовский гарнизон был усилен ротою куринцев; в кр. Внезапной сделаны значительные перемены: уменьшено ее пространство, усилена профиль, и вместо нижнего укрепления,

которое уничтожено, построена башня, чтобы иметь во власти своей воду. Начальником чеченского отряда, т. е. войск, расположенных ,,в аксаевских, костековских и андреевских владениях, в Герзель-ауле, Казиюрте и Внезапной", был назначен артиллерии полковник Мищенко, которому велено тотчас выехать из Дагестана во Внезапную; Сорочан же остался начальником [127] кордонной линии от Грозной до Кизляра. Обо всех происшествиях в Чечне Ермолов только теперь послал всеподданнейшее донесение и вкратце сообщил о том генералу барону Дибичу.

Теперь уже неудачи мятежников, каковы бы оне ни были, не могли действовать в неблагоприятном для них духе на общее направление умов в Чечне. Раз население было поднято на ноги и подожжено — оно шло своей дорогой, с небольшими уклонениями и исключениями, и эта воинственная забава так всем нравилась, что большинство могло обходиться и без Бейбулата, имея то там, то сям своих собственных представителей, и если оно вступило затем опять под его руку, то только потому, что он сам того искал и употреблял для этого все усилия. Так случилось и после отъезда Бейбулата на Мичик. Возвратившиеся толпы частью разошлись по домам, а частью начали разбойничать самостоятельно. Оне стали появляться небольшими партиями в Аксае и обирали остатки тамошнего населения, задавшись решительною мыслью содержать себя на его счет. Когда же этим аксаевцам надоело их кормить в течение нескольких дней, и они бросили окончательно свои жилища, отдельные шайки бунтовщиков пустились на поиски в землю кумыков, где скрылись некоторые приверженные к нам и зажиточные фамилии Аксая. Получив там отпор, бунтовщики подговорили гумбетовцев и, вместе с ними, 30-го июля, напали на аксаевские и кумыкские стада, сожгли оставленные нашими караулами посты на Таш-Кичу и на Ярык-су и вообще безобразничали до тех пор, пока вызванные местными жителями на помощь салатавцы не побили и не прогнали их.

Мулла Магомет маюртупский не видел никакой [128] выгоды ссориться с Бейбулатом, и хотя во время последнего собрания в Аксае поддерживал мнение духовенства, но в такой форме, что не восстановил против себя своего приятеля. Притом, и последний хорошо понимал, что Магомет у него — орудие для достижения всяких целей среди населения, и расходиться с ним до времени нельзя. В виду этого, через два-три дня оба экземпляра сошлись все теми же друзьями и, продолжая преследовать прежний план, вместе направились в андреевские деревни. Нельзя сказать. чтобы они здесь совсем не имели успеха, не смотря даже на бегство главных своих сообщников, потому что если некоторые жители отнеслись к ним боязливо, недоверчиво и условно, то многие в Андрееве и в аулах Эрпели и Казанище скрытно дали присягу бунтовщикам, что готовы возмутиться и поддержать их. Узнав об этом, главный кумыкский пристав капитан Филатов склонил старших андреевских князей: Чопана-Муртузали Аджиева и Разыхана-Али Солтанова раскрыть заговор, и те, действительно, оказали ему в этом услугу. Но это не произвело никакого влияния на деятельность Бейбулата, потому что он достиг главного: получил от тайных заговорщиков письменное обязательство, которое мог теперь показать всюду и заверить всех, что андреевцы на его стороне. Эта подписка опять привлекла к нему большую партию качкалыков, живших по Мичику, которые за десять дней назад уже начали понемногу успокаиваться, а также и значительное число ауховцев. Обеспечив себя на месте новыми и опять довольно солидными силами, Бейбулат и Магомет маюртупский, во главе конной партии, с десятью значками, торжественно двинулись через шалинские и герменчуковские дачи на Хан-Кале и в малую Чечню. По пути, к [129] ним пристали многие из жителей большой Чечни — преимущественно из любопытства и от

безделья, так как Бейбулат отговаривал их ехать с ним, не желая без надобности возиться в дороге с лишнею обузою; в хуторах же, где они останавливались при проезде, им оказано полное внимание, радушие, и дано обещание явиться к сбору по первому требованию.

9-го августа Бейбулат прибыл в аулы б. и м. Атаги и здесь, в первом из них, при собрании массы местных и окрестных жителей, с мечети читал послание к нему андреевцев, в котором они будто бы приглашали его к себе и обещали оказать пособие для взятия Внезапной; если же эта крепость не будет взята, то они обязывались выдать Бейбулату на разграбление всех проживавших в деревне Андреевой армян, грузин, евреев и всяких других иноверцев, равно и тех односельчан, которые оказывали приверженность русским. Склонив всех слушателей на свою сторону, и обеспечив себя обещанием в их содействии, Бейбулат направился в шубутовское общество, чтобы и там напомнить об уверениях, данных ему во время первого приезда на Гойту и Геху; но что он вынес от шубутов — известно лишь ему одному, так как нашим лазутчикам туда проникнуть не удалось. На обратном пути в большую Чечню, бунтовщик распространял в народе все те же крамолы и, смотря по тому, в какой среде находился, обещал и прельщал тем, что для этой среды было ближе и заманчивее: то освобождением от ига русских надтеречных и сунженских чеченцев, то взятием Герзель-аула, то угоном стад и табунов, то движением своим в Назрань и к карабулакам и т. д. Большинство вполне верило этому ловкому авантюристу, и только он немножко [130] оборвался тогда, когда возвратился в Маюртуп, созвал там народ и начал их дурачить тем, чем морочил и малочеченцев. Маюртупцы ему заявили, что они вполне согласны присоединиться к общему делу и готовы поверить предложению и подписке андреевцев, но с условием, если андреевцы это докажут предварительно на деле и от своих влиятельных фамилий дадут аманатов, которые будут содержимы в Маюртупе до взятия Внезапной или разграбления иноверцев в Андреевой. Бейбулат обрезался, но не сконфузился, потому что в это время. т. е. около половины августа, у него под значками и без маюртупцев насчитывалось уже вновь свыше двух тысяч человек.

Генерал Ермолов внимательно следил за всеми событиями, делая подлежащие распоряжения. В письме к подполковнику Сорочану в Грозную он, между прочим, писал:

«Терентий Варламович! Долго зажился здесь, потому, что болезнь моя усилилась и могла быть не скоро излеченною. Теперь я здоров и только осталась слабость, совсем тем, скоро буду я в Грозную.

Не переставайте, любезный сослуживец, подтверждать войскам наблюдение самой строгой осторожности, и чтобы имели в памяти Осипова, которого имя да будет поруганием. Старайтесь повсюду запастись провиантом, и чтобы доставление оного к местам было обеспечено… Взятого офицера» (в Амир-Аджи-Юрте, Дмитриева) «надобно стараться достать, и вы осведомляйтесь, где он, и как содержится. Имейте сведение о кумыках, и чтобы Филатов доносил вам чаще и обо всем, что знает. На аксаевцев, как изменников, имейте наибольшее внимание. Не думаю, чтобы покусились вторично мятежники на Герзель-аул. Маиору Пантелееву дайте знать, что я весьма доволен его поведением… Прошу, чтобы к приезду моему обо всем было [131] дано мне сведение… Прощайте, скоро увидимся. Покорнейший слуга Ермолов».

Присутствие генерала Ермолова среди театра действий мятежников и страшное доселе его имя не производили никакого влияния на Бейбулата, и он так доверчиво играл своею судьбою,

так самоуверенно относился к своим задачам и безразлично к нашим войскам и их представителям, что словно издевался над нами и над нашими вооруженными средствами и силами. Продолжая действовать все по прежней программе, он, с партиею в триста человек, 23-го августа явился близь старого Юрта, для нападения на укрепление, но был предупрежден нашими командами, при двух орудиях, высланными по тревоге из Грозной, и не решился даже переправиться через Сунжу. Распустив большую часть этой толпы, он с немногими повернул по малой и большой Чечне и ограничился административными распоряжениями: во всех деревнях, примкнувших к нему, установил старшин или тургаков, подчинил им жителей, под ответственностью каждого из них, за непослушание начальству, десяти рублей штрафа, и сделал старшин, под присягою, ответственными за поступки населения. Таких старшин 24-го августа было назначено только в одной Атаге 32 человека; подобное назначение последовало и в прочих аулах, кроме большого Чеченя, Алды, Герменчука, Мискир-Юрта, Чортоя и Тепли-Кичу, которые отказались от этих порядков. Взяв из среды назначенных старшин по несколько человек с собою, он направился в аул Дихи, где 25-го августа вечером было большое собрание из 340 человек, избрал и там тургаков. и поручил им всем приготовить в своих аулах партии для движения к Сунже, к [132] Тереку, к Назрани и даже к Владикавказу. Ханкальцам он приказал непременно содержать свои пикеты, окопаться рвом, устроить частокол, употребив для этого лес, который по требованию нашему возили жители в Грозную, выставить партии около р. Нефтянки и выше Злобного Окопа и прервать сообщение с Грозною. В силу всех этих приказаний, старшины решили иметь в постоянной готовности 500 человек отборной конницы и быстро собираться, где будет назначено.

Ермолов, получая все сведения о действиях Бейбулата, с своей стороны принимал и меры для противодействия. Он знал, что без участия аксаевцев мятежники не могут ничего предпринять относительно Герзель-аула, поэтому вызвал жителей из лесов, дал им прощение, переселил их на речку Таш-Кичу — собственно для того, чтобы прервать их связи с чеченцами — и положил основание Новому Аксаю. Для охранения новопоселенцев в этих открытых местах, и для того, чтобы иметь над ними необходимый надзор, он заложил укрепление, которое скоро и было окончено. Предвидя, что Бейбулат не оставит в покое кр. Грозной, возле которой форштат был защищен слабо, он отправил туда две роты 41 егерского полка, а при себе оставил отряд из 1-го и 2-го баталионов ширванского, 2-го бат. апшеронского, 2-го бат. 41-го егерского и роты 43-го егерского полков, бывшей в гарнизоне в Герзель-ауле; 300 человек донцов Сергеева полка были спущены на Дон.

В своих соображениях относительно Грозной Ермолов не ошибся. Бейбулат, собрав в малой Чечне партию в четыреста человек, чтобы, по обещанию, направиться с нею к андреевцам, прибыл 29-го [133] августа, вечером, в аул Хан-Кале. Здесь он почему-то изменил свои намерения: усилив свою толпу ханкальцами, он ночью выстудил с нею к кр. Грозной. Все меры на случай нечаянного нападения были приняты — к чему, между прочим, побуждала еще и чрезвычайно темная, предательская ночь. Она-то и дала возможность отважному предводителю мятежников подвести так близко к крепости свою партию, что никто и не подозревал о ее соседстве. Оставив в резерве, под своим начальством, большую часть мятежников, Бейбулат разделил остальных на две половины, в каждой приблизительно по шестидесяти человек, и направил одну к передовому люнету, а другую к форштату. Первая обошла люнет по берегу Сунжи, с двух сторон подползла к нему и стремительно бросилась в ров. Отсюда она кинулась под берег, сбила секреты, с криком влетела в люнет и обратилась в казарму, устроенную для караула. В казарме она не нашла никого, потому что люди были на

фасах. При выходе оттуда, партия была встречена ночным караулом под командою подпоручика Жигалова и ружейными выстрелами, а потом штыками приведена в замешательство. Однако она не отступила и защищалась шашками и кинжалами, вероятно рассчитывая на свой резерв, но он помощи ей не дал, так как был уже открыт и обстреливаем нашею артилериею с фасов и с отводной батареи. Увидев себя в безнадежном положении, чеченцы разбили выездные ворота, захватили несколько своих убитых и бежали, сопровождаемые нашими картечными выстрелами. Другая партия, одновременно с первою, подползла к секрету, бывшему у форштата, возле угольной батареи, с правой стороны от Мамакаевой деревни, и тут была [134] встречена выстрелами. Видя себя обнаруженною, она с гиком бросилась на форштат, но и здесь была охвачена с фасов ружейными выстрелами ночного караула и картечью орудий. Не причинив нам никакого вреда, она повернула тыл и бежала без оглядки. Потеря наша состояла из одного убитого в люнете артиллериста, одного раненого кинжалом обер-офицера и семи рядовых. Чеченцы лишились убитыми 8 человек и ранеными 10-ть из деревень: Курчали, Дихи, Мартана, Атаги и из карабулакского Мартана: известный мошенник, мулла последней деревни, Эльдишир, был также ранен. Из числа убитых трое остались на месте: кроме того, один раненый взят нами в плен и подобрано пять ружей.

По поводу этого нападения генерал Ермолов писал подполковнику Сорочану 1-го сентября.

«Получил рапорт в. в. о сделанном чеченцами нападении на люнет и в то же время на форштат. В первом из сих мест недовольно было осторожности, ибо 60 человек чеченцев не должны войти, не будучи незамеченными, тем более, что, скрываясь под берегом, не иначе они могли проходить как поодиночке. Извольте приказать г. маиору Федосееву сомкнуть огорожу люнета палисадом. В свободное время прикажите около форштата расширить и углубить ров и насыпать вал... Сделайте распоряжение о скорейшем доставлении провианта и ни минуты лишней не задерживайте подводы. На встречу транспорта извольте выслать часть войск к Нефтянке. Роты егерские останутся в Грозной, и вы можете, в очередь с прочими, употреблять их на улучшение укреплений форштата. При сем умножении у вас войск, можете делать некоторые движения по левому берегу Сунжи для наблюдения за поведением жителей покорствующих нам деревень,— иногда к Старому Юрту, для удержания его в послушании. Не мешает, если и живущие по [135] Тереку наши чеченцы иногда видеть будут движение войск и уразумеют, что есть средство самих их содержать в повиновении... Повторяю вам соблюдение строжайшей осторожности».

После нападения на Грозную, скопище отступило к Хан-Кале, а Бейбулат в тот же день, 30-го августа, вечером, был уже в Атаге и там, при многочисленном собрании народа и старшин излагал в нелепо-лживом виде историю своего нападения в минувшую ночь, будто бы поголовного уничтожения гарнизона в люнете и массы бед, причиненных форштату. Он говорил, что если с такою незначительною партиею мог стяжать столь громадный успех, то с силами большими наверное возьмет Грозную — и тогда власть их по-прежнему распространится до Терека. Он пригласил малочеченцев сделать это поскорее, пока не опал с дерева лист, так как, по обнажении лесов, русские, в отмщение, явятся в малую Чечню и истребят их семейства. Слушатели поверили всей этой белиберде и вполне согласились с доводами Бейбулата, молодецкая и отважная фигура которого выросла в их глазах на целые пол-аршина. Таким образом, вторичное нападение на Грозную было решено окончательно и, при единодушии малочеченцев и при содействии скопища, оставленного Бейбулатом в Хан-

Кале, могло иметь более серьезные последствия, чем предыдущее, но неожиданно случилось так, что испытание это ее миновало. Причина тому была следующая: в последнее время Бейбулат был озабочен тем, что Ермолов, живя во Внезапной, портил ему андреевскую задачу. До него даже дошли слухи, что те из андреевцев, которые обещали ему свое содействие, совсем отступились от него. Вследствие этого он послал в Андрееву одного из своих приверженцев, [136] Худуву-муллу, разузнать, справедливо ли все это. Последний уведомил его письмом, полученным 31-го августа в Атаге, что, напротив, андреевские князья и жители еще раз поклялись в преданности Бейбулату и просят его прибыть с чеченцами на Мичик, куда доставят и залоги в своей верности, а когда скопище явится оттуда в Андрееву, то они помогут ему истребить не только всех русских, но и самого Ермолова. Было ли все это измышлением Худувы, по предварительному соглашению его с Бейбулатом, или же в самом деле андреевцы так крепко сочувствовали мятежникам — неизвестно: но для Бейбулата этого было достаточно, чтобы тотчас же собрать бывших при нем турганов и жителей Атаги, Чахкери и ближайших аулов, и в новом обширном собрании прочесть им столь важный документ. После этого мятежники более не сомневались в весьма выгодном для их целей факте и общим голосом решили направиться в большую Чечню и оттуда к Андрееву. Обрадовавшись этому, Бейбулат разослал старшин по своим аулам, чтобы собрали людей и на другой день, 4-го сентября, прибыли бы с ними в Атагу. Приказание было исполнено в точности, и к назначенному сроку большая часть призывных была налицо; остальные подходили постепенно. Среди них заметно выделялось некоторое число ингуш, преимущественно назрановцев и карабулаков, бежавших в чеченские трущобы после наказания Джемболата Дчечоева и оттуда бросивших семена волнений в глубину своего племени. Эти абреки, кстати сказать, действовали весьма успешно — хотя и немного издали — потому что все карабулаки, галашевцы и часть назрановцев открыто были на стороне мятежников и ждали только появления [137] их у себя, чтобы явно восстать против нас 59. По мере прибытия бунтовщиков, они принимались за изготовление двухсаженных лестниц, из которых каждая предназначалась для десяти человек. Работа кипела быстро, и 5-го сентября, к ночи, скопище в несколько сот человек выступило через Хан-Кале в Маюртуп. Подробности эти сообщил письмом в Грозную нашему переводчику Атарщикову секретарь Бейбулата, атагинский чеченец Керим-мулла, желавший отличиться перед нами и с той минуты вступить с нами в сношения. Письмо было доверено атагинцу же Мансуру, который словесно дополнил его массою разукрашенных им подробностей и в конце концов чрезвычайно важным, по его мнению, известием, что цель Бейбулата состоит в том, чтобы, показываясь у Андреевой день и ночь с громадным скопищем, устрашить Ермолова и тем вызвать его на примирение и награждение предводителя мятежников и его приверженцев чинами и разными наградами 60. Неизвестно, как встретил корпусный командир такое забавное желание бунтовщика.

За Бейбулатом последовали на Мичик также жители Хан-Кале и других соседних аулов, оставив на полях свой скот без всякой защиты, в уверенности, что слабый грозненский гарнизон не в состоянии предпринять движение за ханкальский хребет. Подполковник Сорочан, узнав об этом, предположил обмануть их самоуверенность, и именно в это время, пользуясь случаем, сделать набег на [138] мятежные аулы. Генерал Ермолов разрешил ему, но при этом, в длинном предписании, преподал целую инструкцию о плане набега и о мерах крайней осторожности. Идея Сорочана была, действительно, хороша, и в успехе сомневаться было трудно, но он, н сожалению, не привел ее в исполнение, не смотря на то, что побеспокоил корпусного командира и вызвал его на совершенно напрасные распоряжения и

трату времени. Отмечая этот факт для характеристики Сорочана, нельзя, с одной стороны, не почтить вообще заслуг этого храброго штаб-офицера, но, с другой — нельзя и не удивляться его полной нерешимости и какой-то боязливости с минуты назначения его вместо Грекова кордонным начальником. Сорочан писал много, доносил Ермолову иногда о таких пустяках, которые гроша медного не стоили, видимо хлопотал и суетился еще более, но сам ничего не предпринимал, ожидая, чтобы Ермолов, так сказать, на все ткнул ему пальцем. Между тем, он был штаб-офицер распорядительный, бывалый и много мог сделать полезного, что упустил из опасения ответственности в случае какой-либо неудачи. Это не могло не влиять на смелость действий со стороны чеченцев, и не могло не ронять нас в их глазах, а следовательно и вредило нам.

Что делал Бейбулат, выступив с скопищем в большую Чечню — видно из следующих слов самого генерала Ермолова, после которых всякие подробности излишни 61:

«Мошенник Бейбулат приходил к Андрею, но не ближе десяти верст скрывался в лесу с своими шайками, не смея приблизиться к городу. Присоединившиеся к чеченцам [139] несколько беглецов андреевских уверяли их, что жители готовы принять их и с ними соединиться — и, быть может, случилось бы сие, если бы не были здесь войска наши. Все успехи мошенника Бейбулата состояли в том, что несколько ароб переселившихся из деревень в Андрей жителей он там с партиею ограбил, убил одного человека, поранил без всякой нужды бабу, и других раздел донага. С ним бывшие бродяги, побежав отсюда, зажгли остальную часть Аксая, где не было ни одного жителя. Партия сильная. Конница хотела отогнать скот у селения Баташ-Юрт, но жители встретили ее выстрелами, и мошенники бежали. Теперь разбойник Бейбулат не в состоянии будет собрать такой партии, чтобы смел беспокоить крепость Грозную, но, конечно, стараться будет производить разбои на линии. Предостерегите кордонных начальников; строго предпишите чеченскому приставу, чтобы были караулы исправны и делались разъезди. О происшествии и неудаче мошенников сообщите полковнику Скворцову».

Желая возместить свою неудачу среди андреевцев, Бейбулат, 11-го сентября, после сожжения им селения Аксая, с значительными силами конницы и пехоты, со многими значками, расположился лагерем на прежней своей позиции при Балч-ауле. Начиная с 9-ти часов вечера и до полного рассвета следующего дня он произвел несколько отчаянных нападений на герзель-аульское укрепление, подходя к нему со всех сторон, но ни одно из них не имело ни малейшего успеха и не причинило нам вреда и ущерба, кроме израсходования 55-ти пушечных зарядов и 1683 ружейных патронов. На другой день по горам видны были только одни разъезды: скопище же частью отдыхало на своей позиции, а частью отправилось в аул Кошкельды, откуда вывезло для себя достаточное количество хлеба и разной живности. [140]

После всех этих покушений Бейбулат убедился, что, во-первых, поживы ему большой не будет в районе расположения нашего действующего отряда, и во-вторых — плоха надежда на сближение с Ермоловым и получение от него чина и наград, поэтому и отправился на свой родной Мичик и в Маюртуп. Собрав здесь своих тургаков, он через них передал чеченцам два приказания: чтобы они озаботились заготовлением для себя тулухов (мехов), по два на каждого человека, для переправ через большие реки, и чтобы ханкальцы поставили с каждого двора по два бревна для укрепления в Хан-Кале и производили бы работу сообща с другими обществами. В ожидании пока совершится то и другое. Бейбулат разделил свои толпы на отдельные партии и отправил их для разбоев по кордону — чтобы не сидели сложа руки и

могли прокормить себя. Одной из этих партий удалось, в ночь с 18-го на 19-е число, угнать из щедринских дач сто слишком штук рогатого скота, но не совсем удачно, потому что часть его была отбита постовыми казаками; а поиски другой партии даже обрушились на ее же голову, так как она, нарезавшись близь станицы Курдюковской на секрет, поплатилась двумя убитыми. После этого, Бейбулат, видя, что меры предосторожности и по кордону весьма сильны, заблагорассудил прекратить ненадежные поиски и возвратиться к программе, несколько времени тому назад им начертанной, т. е. к действиям на Сунже и на Тереке, которые были его задушевною задачею, и от которых он отклонялся лишь в силу каких-либо неожиданных обстоятельств. В промежутке времени до 23-го сентября он не предпринимал ничего особенного, потому что в течение целой недели ему мешали неустанные [141] и сильные дожди, сделавшие многие места совсем непроездными; но в этот день он опять явился, с партиею в двести человек, в ханкальских аулах и потребовал из Алды три сотни всадников. Ему отказали. Пригрозив алдынцам своею местью, он расположил свою партию лагерем, выставил пикеты, выслал разъезды, и, приютившись в небольшом ауле Шавдоне, его любимом убежище, послал тургаков в ближайшие приверженные ему селения, чтобы там созвать сотню отборных удальцов, на хороших лошадях, для движения за Терек. Одновременно с ними он направил к карабулакам их соплеменника, жителя аула Казах-Кичу, Магамада Цугуева, чтобы тот пригласил к нему побольше искателей счастья и приключений — но по возможности опять-таки с запасом тулухов.

Подполковник Сорочан, подучив все эти сведения, считал вполне настоятельным движение по Сунже и к Тереку, чтобы хоть показаться здесь чеченским аулам и напомнить им о русском влиянии и власти. Но прежде, чем это исполнить, он вызвал к себе владельцев чеченских деревень, расположенных по этим двум рекам, чтобы узнать о направлении умов подвластного им населения. Сведения оказались утешительные, почему Сорочан, с колонною из 400 человек пехоты и сорока чеченцев-милиционеров, при четырех орудиях, 25-го сентября сделал движение, хотя и не бесцельное, но вполне бесплодное — к с. Кудлару. После этого он хотел сделать "диверсию" за Сунжу и обещал ее Ермолову в своем донесении, но, конечно, не сделал "по случаю худобы артиллерийских лошадей, вследствие ненастья" и по разным другим, по его мнению, уважительным причинам; в [142] сущности же — о чем можно судить вполне безошибочно — не сделал никуда шага потому, что новые тревожные сведения с разных сторон совсем приковали его к месту своею мнимою грандиозностью. Оне заключались в следующем: все без исключения ханкальские жители и зааргунские чеченцы готовили тулухи — значит, движение их за Терек не подлежало сомнению: из-за Кубани приходили к Бейбулату два анапских жителя и с ними бежавший от подполковника князя Кучука Джанхотова уздень Умар, которые привезли с собою какое-то воззвание к чеченскому народу и просили Бейбулата показать им пророка. с тем, чтобы он явил какое-нибудь чудо,— на что Бейбулат без соизволения имама и без собрания народа не согласился; что из Дагестана опять ожидали Умалата, с аварцами и ханшею Гигили. Все это в сущности было правдоподобно, и Сорочан даже представил Ермолову копию письма анапского паши 62, присланную ему муллою Керимом, но корпусный командир не придал тому значения. Бейбулат же, напротив, воспользовался письмом паши насколько мог: он прочитал его при собрании народа и этим еще более укрепил его в приверженности к себе и склонил на свою сторону селение Мискир-Юрт, которое только теперь дало ему от себя тургаков. Единственное же из всех случившихся в последнее время явлений, имевшее в глазах Ермолова смысл и связь с чеченским восстанием, это — явно обнаружившиеся, наконец, беспорядки в Кабарде и

бегство оттуда в Чечню, под покровительством посланной Бейбулатом партии, до сорока человек узденей. Они поселились, с своими семействами и хозяйством, в аулах: Гехи, [143] Катыр-Юрте и Рошне и просили Бейбулата от имени других своих соплеменников, чтобы он явился в Кабарду и помог им также бежать к нему. Это не могло не тревожить корпусного командира, так как Кабарда оставалась почти без всякой охраны и прикрытия.

Комментарии

40. Гарнизон и вооружение кр. Грозной к конце 1825-го и в начале 1826-го года были следующие: 41-го егерского полка четыре роты (2-я карабинерная, 4-я, 5-я и 6-я егерские), 43-го егерского полка шесть рот (1-я карабинеркая, 1-я, 2-я, 3-я, 8-я и 9-я егерские) — всего 2722 штыка; полевых орудий 22-й артил. бригады № 2-го легкой роты два, конно-артиллерийской № 5-го роты четыре; гарнизонной артиллерии: медных четыре, чугунных шестифунтовых 26.

41. Такая артиллерийская оборона хотя бы и маленького укрепления, на одну роту, невероятна; но дело в том, что из сохранившихся документов не видно, чтобы в Амир-Аджи-Юрте были еще другие орудия.

42. Рапорт корпусному командиру от 13-го июля 1825 г. № 1116.

43. Не смотря на важную вину Осипова, он, благодаря упрямству Грекова и желанию его оправдать свое будто бы законное к нему благоволение, был произведен, 19-го августа 1825 г., за амир-аджи-юртовское дело, в маиоры, с переводом в грузинский гренадерский полк; но, конечно, не увидел ни чина, ни полка.

44. От 13-го июля № 15.

45. От 16-го июля.

46. Подробное донесение его командиру 43-го егерского полга подполковнику Сорочану 1-му от 16-го июля 1825 г. № 84.

47. Рапорт князя Хосаева генералу Грекову от 15 июля 1825 г. № 176.

48. Колонна эта состояла. из 1-й карабинерной, 3-й и 5-й егерских и сборной команды разных рот 43-го егерского п., 4-й егерской роты 41-го егерского полка (всего 775 штыков), из казаков моздокского и гребенского полков и семейного войска (537 шашек), четырех орудий легкой № 2-го рот 22-й артил. бригады и семи орудий конно-казачьей № 5-го роты.

49. Письмо его к корпусному командиру от 19-го июля 1825 г. из Герзель-аула.

50. Среди многих незабвенных подвигов наших войск на Кавказ, геройская семидневная оборона в 1825-м году герзель-аульского укрепления и имя незабвенного маиора Пантелеева 1-го до сих пор остаются в истории незаметными, невидными и почти неведомыми. А между тем по физическим страданиям, которые перенесли защитники от безводия и жажды, по изнурению от бессонницы, по многочисленности неприятельских атак, по несоразмерности воевавших сторон, по отважности и решимости нападающих, эта осада и и заслуга гарнизона не уступают ни одному из последующих подобных событий в крае и достойны лучшей страницы в летописях нашей войны на восточном Кавказе. Оне затушевались, конечно, потому, что во-первых, их поглотило важное и выдающееся происшествие, случившееся на другой день; во-вторых, потому, что объявленная нам тогда чеченцами война, не прекращавшаяся с той минуты двадцать четыре года, не была признана войною, а была

принята за простое и мимолетное восстание покорного народа; наконец, в-третьих, - и это едва ли не самое главное – что в те годы не велось никаких дневников и военных журналов, в которых впоследствии события раскрашивались иногда безбожным образом, и об осаде Герзель-аула не сохранилось ни одного подробного официального документа, кроме скромного и сжатого на одном почтовом листе рапорта Пантелеева и краткого сведения в письме Сарочана к корпусному командиру. Ермолов сам никогда ничего не раскрашивал, не щеголял своими донесениями и не любил этого в своих подчиненных; даже в его записках о герзель-аульских событиях сказано мало, и не удивительно после этого, что такое важное явление в быту наших войск прошло почти не замеченным, и в хронике 41-го и 43-го егерских полков мы не находим никаких общих для баталионов этих полков отличий и наград за славные их заслуги, достойные высокого подражания.

51. Так пишет Ермолов в своих записках, но в официальных документах этого нет.

52. Эти сведения имеются исключительно только в записках Ермолова, и откуда им почерпнуты — неизвестно.

53. У Ермолова этого нет; но об этом ударе совершенно случайно упоминает в донесении своем к нему от 24 июля за № 15 окружной начальник в Дагестане г. м. фон-Краббе. Подполковник Сорочан в письме своем к Ермолову также о том умалчивает.

54. Этот факт у Ермолова также рассказан неверно. Он пишет, что злодей прежде вонзил кинжал в живот Лисаневича насквозь, а потом нанес удары Грекову. Сомнительно, чтобы после раны в живот насквозь Лисаневич мог бы прожить еще несколько дней.

55. У Ермолова же сказано, что Филатов, бросившись на Учара, успел вонзить ему кинжал в в брюхо; последний же после этого стал с ним бороться и уже одолевал его, но один из армян, приставив к злодею ружье, доконал его выстрелом.

Ермолов пишет, что рана Филатова не была тяжела; но это не справедливо: из-за нее Филатов лишился руки и, вследствие этого, Высочайше пожалован на службе пенсиею в триста рублей ассигнациями в год.

56. Ермолов был вообще не справедлив к этому почтенному кавказскому ветерану, и за причинами этого нерасположениями ходить недалеко: в предыдущем году он просил назначить на место умершего начальника кавказской линии г. м. Сталя одного из своих приверженцев — г. м. Дениса Давыдова, но получил от начальника главного штаба г. ад. Дибича письмо с решительным на то отказом Государя и с повелением о назначении Лисаневича (приложение 1). Лучшего выбора Император, конечно, не мог сделать; но Ермолову, понятно, нужно было всячески доказать, что это выбор неудачный, потому что не только сделан помимо его желания, но и в ущерб его приближенному лицу и кандидату. Впрочем, впоследствии Ермолов добился своего: в 1826 году Император Николай прислал ему в сотрудники Дениса Давыдова вместе с г. ад. Паскевичем.

57. Сорочану.

58. Донесения генералу Ермолову пристава Филатова от 23-го и 27-го июля за №№ 237 и 240.

59. Рапорт Ермолову владикавказского коменданта полковника Скворцова от 12 сентября № 1665.

60. Донесение подполковника Сорочана, с представлением подлинного письма, от 6-го октября 1823 г. за № 1588.

61. Предписание подполковнику Сорочану от 12 сентября № 342.

62. К сожалению, оно не сохранилось,

Текст воспроизведен по изданию: Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник, Том 10. 1886

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

ВОЙНА НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

С 1824 ПО 1834 г.

В СВЯЗИ С МЮРИДИЗМОМ

IV.

Кабарда. Состояние и отношения к нам населения. Мероприятия Ермолова. Восстание. Нападение на станицу Солдатскую. Большие затруднения в Кабарде. Взгляды на дело и распоряжения Ермолова. Нападение чеченцев 2-го октября на Нефтянский пост. Нерешительность подполковника Сорочана и суровый манифест к нему Ермолова. Рекогносцировка Сорочана в Хан-Кале. Нападение чеченцев на наших дровосеков. Уничтожение аула Шавдона. Отложение от нас сунженских и частью надтеречных чеченцев. Сильный бой 26-го октября. Воззвание Ермолова к чеченцам. Бейбулат в апогее своего значения и власти. Поражение кабардинских мятежников на р. Кишпеке. Побег их за Кубань. Возмущение в Кайьаго-Табасарани. Туча, повисшая нежданно над Дагестаном, проносится мимо.

Кабарда лежала против центра кавказской линии и граничила к северу с Пятигорским и Моздокским уездами, к югу с Осетиею и Сванетиею, к востоку с Чечнею и к западу с землею абадзехов. Прилегая с последних двух сторон к враждебным нам населениям, Кабарда, со дня принесения ею покорности и до сороковых годов, постоянно находилась с ними в тех сношениях, которые, конечно, не были для нас выгодны. С давних пор все кабардинские разбойники [144] или люди, недовольные своими владельцами и нашею властью, находили приют в абадзехских владениях, там селились и от времени составили обширное и отчаянное отдельное общество, известное под названием общества "беглых кабардинцев". Будучи мусульманами, кабардинцы находились вполне под властью своего духовенства, которое, благодаря усилиям и интригам Порты, стояло всегда против нас во всеозлоблении. Князья и лучшие фамилии, потеряв всякое влияние в народе, лишились его уважения и тем лишили нас своей партия и поддержки: молодые люди вдались в грабежи и разбои, и отличался тот. кто наиболее причинял нам вреда. В Кабарде хотя и был наш пристав, но ему оказывали очень мало послушания. Время от времени мы, без сомнения, наказывали кабардинцев за их разбои

— но все бесполезно. Ермолов хотел сначала, в 1818 году, привести их к послушанию мерами кроткими, но сознал, что напрасно тратил слова и увещания: там, где он хотел явиться великодушным — бывал обманут, по его выражению, самым наглым образом. Это вынудило его поставить в Кабарде с 1-го января 1822 года особый отряд, из тысячи человек пехоты, четырех орудий и трехсот казаков, под начальством артиллерии подполковника Коцарева, собственно и исключительно для преследования и наказания хищников; в том же году, в мае месяце, он сам вступил в Кабарду с отдельным отрядом, для обуздания ее, и наказал виновных вооруженною рукою; затем, образовал через Кабарду новую линию от верховьев речки Тахтамыша до Уруха и построил целый ряд укрепленных постов и редутов; наконец, учредил суд из князей и узденей на основании их прежних прав и обычаев, [145] уничтожив тем вредное влияние невежественного духовенства — и опять все это оказалось вполне бессильным против козней, зла, вражды и преступлений, которыми одолжало нас неукротимое население, постоянно стремившееся целыми партиями туда, где могло поживиться или русским добром, или русскою головою.

В 1822 году отряд Коцарева был распущен, и в Кабарде поставлены два баталиона ширванского полка. В 1823 году вновь замечены явные сношения кабардинских владельцев и узденей с закубанцами, целью которых было выселение первых из них и увлечение за собою народа. Охранительные меры Ермолова предупредили беспорядок, но надлежащего повиновения среди князей не установили. Это было для нас очень важно, потому что народ, послушный их воле, боясь наказания, действовал так, как они хотели, и не переставал враждовать против нас — иногда (хотя и в редких случаях) даже против желания. Ермолов, наконец, убедился, что надежда исправить этот народ мерами кротости и человеколюбия, которые он нередко допускал, потеряна навсегда; что неисправимые разбойники могут быть образумлены только тогда, когда не будет допущено относительно их ни малейшего снисхождения — и стал неумолим.

Наступил 1824-й год, когда в Дагестане и в Чечне, вследствие нового вероучения, зашевелилось против нас мусульманское население. Тут сношения кабардинцев с чеченцами сделались постоянными и многочисленными. Волнуемые с одной стороны своими беглыми соплеменниками, а с другой — соседями-чеченцами, кабардинцы все чаще стали делить с последними их разбойничьи похождения, а князья и уздени обратились к Ермолову с просьбою о возобновлении суда по [146] шариату, который был для них так выгоден и в то же время бедствен для утесненного ими бедного класса. Ермолов отказал. Явились представители от беглых кабардинцев с заявлением, что они готовы возвратиться на прежнее место жительства, но лишь с условием, чтобы были уничтожены построенные в 1822 году крепости, и разбирательство дел оставлено на прежнем основании: в случае же отказа в том и другом — чтобы официально разрешено было им оставаться за Кубанью и воспрещено нашим войскам преследовать их там. Конечно, Ермолов отверг эти нелепые требования, вследствие чего разом поднял на несколько градусов неудовольствие против себя и против нас всех кабардинцев без исключения — и беглых, и наших оседлых. Чеченцы не упускали случая всем этим пользоваться во вред нам, и каждый раз успевали увлекать кабардинцев в свои хищнические проделки и в сферу тех предприятий, которые вызывались с их стороны муллою Магометом, Бейбулатом и им подобными. Беглые кабардинцы имели одну из главных точек своей опоры в анапском паше, который, не смотря на миролюбивые отношения тогда к нам Порты, был защитником и ходатаем за этих разбойников — под видом расположенного к нам и благонамеренного посредника. Разумеется, это посредство оставалось без успеха, и в анапском

паше мы имели всегда своего тайного врага, в особенности с той минуты, когда в 1824 году Ермолов жестоко наказал беглых кабардинцев и их сообщников абадзехов преимущественно за нападение на селение Круглолесское. Относительно тех и других, а также их покровителя, замечания Ермолова были такого рода:

«Нельзя верить обещаниям паши, ибо не имеет он [147] силы воздержать народы, к грабежам привыкшие и ему неповинующиеся. Столько же неблагонадежны и клятвы самих народов, ибо нет между ними людей, имеющих власть, и никто влияние оной не допускает над собою. Полезнейшие советы старейших в посмеянии у буйной молодежи, и нет обуздания на оную; разбои и грабежи в их понятии — слава; приобретаемая добыча составляет значительную выгоду».

И, действительно, 1825-й год доказал не менее, если не более, предыдущих, что разбой и грабежи составляли кровное, родовое, заветное побуждение кабардинцев. Так как связи этих хищников и абреков с чеченцами сделались для нас весьма опасными, и Ермолов, раз отказавшись от всякого снисхождения, не хотел быть непоследовательным, то кабардинские хищники и абреки чересчур дорого стали расплачиваться за свои преступления — иногда даже и не особенно важные. В июне месяце некоторые из них были прогнаны сквозь строй через тысячу человек пять раз, и сосланы в сибирские рудники 63; относительно двоих соучастников чеченцев — Огуржана Инжаслохова и Алия Сохова последовало весьма выразительное распоряжение генерала Ермолова:

«Как людей, оставивших родину и удалившихся к чеченцам, где с подобными им разбойниками производили хищничества и взяты на воровстве, в пример другим, занимающимся злодействами — обоих повесить, о чем предписать г. м. Грекову, куда их отправить под строжайшим караулом, окованных в железо; они могут открыть ему полезные сведения в рассуждении прочих в Чечне скрывающихся мошенников».

Касательно других пятерых кабардинцев Ермолов положил не менее интересную резолюцию: [148]

«Борея Апанасова, Гусейна Ашабекова и холопа Кукша Алехаева — всех шпицрутенами до смерти; Апанасова же, в страх подобным злодеям, после того повесить на дереве. Измаила Доуфова, Картула Алехаева и давшего убежище разбойникам Иналука Батова, прогнав шпицрутеном через тысячу человек по пяти раз, сослать в сибирские рудники на работу. О наказании последнего объявить от суда жителям Кабарды, дабы знали, какому подлежат наказанию имеющие сношение с изменниками, укрывающимися за Кубанью».

Все эти меры и наказания, положим, были справедливы, но Ермолов ошибся, думая жестокостью их устрашить народ и предупредить дальнейшее зло. Он, в сущности, озлобил ими окончательно и донельзя все население Кабарды, которое стало разбегаться уже не только в одиночку или семействами, но и целыми аулами, с их владельцами. Их манила теперь не одна земля абадзехов, откуда они могли производить безнаказанно свои набеги, но и Чечня, где наше бессилие в подавлении восстания и успехи мятежников обольщали их воображение легкостью отмщения, избежанием наказания и добычею. Корпусный командир поставил своею особенною задачею препятствовать этим побегам, как бы опасаясь обезлюдения Кабарды, тогда как в сущности оно не было бы для нас большою потерею, а только уменьшило бы безвозвратно число неблагонадежных людей в этой стране; он приказал предупреждать, ловить и возвращать силою оружия беглецов на свои места, убежденный, что простой народ

следует за своими князьями и узденями нехотя, по необходимости, в силу рабства. Это правда, были такие; но была значительная часть и таких, которые оставляли свою землю вследствие порядков, для себя стеснительных и невыносимых. [149]

23-го сентября неожиданно опустел на р. Аргудане аул князя Мурзабека Хамурзина, который, во главе всех своих холопов, с их имуществом, двинулся в землю абадзехов; вслед за ним потянулись частью туда же, а частью в Чечню: князья Магомет Адиль-гиреев, Хамурза Эльбздухи, Джамбот и Джанхот Кайтукины, Измаил Касаев и другие, с узденями и своими подвластными. Оставшиеся на месте владельцы, за немногими исключениями, оказывали нам явное ослушание, как например, Магомет Атажукин; народ вообще как бы к чему-то готовился; по всему заметно было, что дела нехороши.

Командующий войсками на кавказской линии и начальник корпусного штаба г. м. Вельяминов 3-й, узнав о побеге Хамурзина, тотчас же послал из Константиногорска командира волжского казачьего полка маиора Верзилина, с небольшою командою казаков, занять проход по р. Кинжалу, а из Кисловодска отправил туда же тенгинского полка маиора Принца, с ротою пехоты и 150 казаками. По прибытии, 26-го сентября, Принца на Кинжал, Верзилин присоединил к нему свою команду и сам возвратился назад. Одновременно с этим, выступил из Нальчика с небольшою колонною командир кабардинского полка подполковник Булгаков. Пройдя по аргуданскому ущелью до р. Черека, а потом вверх до урочища Кошкотау, он нагнал Хамурзина и имел с ним стычку, в которой беглецы лишились восьми убитых и в том числе знатного узденя Хаджи-Гуч Мамтегова; с нашей же стороны убит один казак и ранен рядовой, кабардинского полка. Но этим все и ограничилось, потому что Хамурзин успел бежать на неприступную Шолохову поляну, куда [150] преследование оказывалось невозможным. Булгаков повернул назад. Выступая из Нальчика, Булгаков послал кабардинского полка маиора Тарановского, с отрядом из 400 человек конницы и пехоты. набранными из разных укреплений, по баксанскому ущелью на реку Ксанти, но, конечно, Тарановский Хамурзина не встретил и не видел.

Между тем, бежавшие за Кубань князья: Кучук Ажгиреев, Джанхот Кайтукин, Измаил Касаев и Кайсын Казиев, с узденями Хаджи-Мусою Таовым, Анзоровым и другими, прибыв в кабардинские ущелья и подкрепив толпы Хамурзина, уже и без того усиленные осетинами, беглыми кабардинцами и карачаевцами, угнали на р. Малке, против ст. Прохладной, табун лошадей подполковника князя Кучука Джанхотова, состоявший из двух тысяч голов, и потянулись по черекскому ущелью. Замыслы кабардинцев видимо были весьма неблагонамеренные; новая же кордонная наша линия была до того слаба, что, за отправлением в Чечню двух конных орудий и ста казаков, а на Ксанти 400 человек с маиором Тарановским, она не только не в состоянии была служить преградою толпам изменников, но и сама была в большой опасности.

Цель Хамурзина и всей шайки крамольных князей и узденей состояла в том, чтобы силою или по доброй воле заставить кабардинцев бежать к абадзехам. Возмутители сразу имели громадный успех: народ заколыхался по всем направлениям; большинство князей, остававшихся до сих пор нам мнимо преданными, мгновенно сбросило с себя личину и само понуждало к бегству своих подвластных; особенное усердие принимал в этом Магомет Атажукин. [151] Подполковник князь Кучук Джанхотов, семейство которого доселе отличалось приверженностью к нам, усомнился даже в своем собственном сыне. С Малки и Баксана аулы поднялись поголовно; во всех других местах то и дело нагружались арбы и куда-то исчезали.

Нужно было быть слепым, чтобы не видеть восстания полного, повсеместного. Булгаков отозвал маиора Тарановского на плоскость для усиления крепости и постов, а взамен этого разослал небольшие пехотные команды по разным направлениям для преследования беглецов и донес о том генералу Вельяминову. Последний пришел в крайнее неудовольствие от такого распоряжения и отвечал ему от 30 сентября:

«Во-первых, пора знать вам, что пехотою конные партии преследовать нельзя; во-вторых — это должно также быть вам известно — что ни откуда из Кабарды мимо кинжальского прохода пройти нельзя. Посему и предписал я маиору Тарановскому поспешнее занять сей проход; а вам предлагаю не возвращать его оттуда на плоскость. При теперешних обстоятельствах нужно все мелочные казачьи посты, учрежденные в разных местах Кабарды, соединить в ближайшие укрепления, иначе подвергнутся они истреблению. Из укреплений можно высылать для наблюдения за неприятельскими партиями. Бесполезно преследовать бегущих кабардинцев по разным ущельям: это только развлечет войска паши; достаточно занять проход на Кинжале. От того беглецы принуждены будут остановиться в осетинских ущельях, и мы будем иметь время соединить более войск».

В то время, как Вельяминов давал такое важное значение кинжальской позиции, маиор Принц, по-видимому не разделявший его мнения, наскучив сидеть без дела у р. Кинжала, оставил ее и выступил на р. Хасаут. Это окончательно возмутило командующего войсками. Снабдив его рескриптом в роде предыдущего, он тотчас повернул его обратно на прежнее место. [152]

Вельяминов, Булгаков и все прочие старшие начальники весьма ошиблись в предположении, что у кабардинцев одна исключительная только цель — бежать за Кубань. Никому и в мысль не пришло то нежданное и негаданное обстоятельство, которое случилось в ту минуту, когда все были заняты мерами по преграждению им пути движения в землю абадзехов.

С 28-го на 29-е сентября. в мрачную, дождливую и туманную ночь, мятежное скопище в две тысячи человек, под главным начальством Магомета Атажукина и Измаила Касаева, приблизилось к станице Солдатской (на Малке, по дороге в Георгиевск) и на рассвете, пользуясь густым туманом, ринулось в ворота. Стоявший здесь часовой, казак астраханского полка, сделал два сигнальных, но боевых, выстрела, убил двух кабардинцев и сам тотчас же был убит. Скопище ворвалось в станицу. Переполох и паника охватили жителей, большая часть которых была застигнута в сладком предрассветном сне. Выбегая из своих домов безоружными, они метались сами не зная куда, и тут же или гибли под ударами неприятеля, или были захватываемы в плен. Кабардинцы рассеялись толпами по станице, грабили все, что попадалось на глаза, угоняли скот и затем зажигали дома. В течение без малого одного часа станица лишилась восьми убитых, 113 пленных, всего рогатого скота, конного табуна, пасшегося в степи, десяти домов, больницы, запасного хлебного магазина и молитвенного дома.

Разгромив таким образом несчастную станицу, скопище двинулось вверх по р. Малке и переправилось через нее между постами Соленобродским и Пробежным к посту Беломечетскому, захватив по дороге казачий разъезд и нескольких проезжих. Жители [153] аулов по реке Малке и по пути следования бунтовщиков, оставшиеся до сих пор на месте, в тот же день присоединились к скопищу, которое направилось по р. Каркужану, перешло кряж гор, спустилось беспрепятственно к Баксану, верстах в пяти ниже Гандулена, и пошло к Чегему.

Булгаков узнал о катастрофе только в семь часов вечера, когда хищники прошли всю плоскость и скрылись в горах. Выступив тотчас из Нальчика с 60-ю человеками пехоты, 30-ю казаками и одним орудием, он пустился по следам их и, пройдя почти без отдыха 50 верст, тут только убедился, что всякое преследование бесполезно. 30-го сентября, после полудня, с Булгаковым соединились отдельные небольшие команды, выступившие из разных мест тотчас по получении сведений о происшествии, в том числе и команда маиора Тарановского, отдохнули на пункте сбора и затем были обращены в свои места, так как Булгаков опасался побега с плоскости всех остальных кабардинцев и нового нападения на какую-нибудь станицу.

Генерал Вельяминов узнал о погроме станицы Солдатской, конечно, еще позже Булгакова. Первым распоряжением его было направить на Хасаут, для занятия прохода, кисловодского коменданта полковника Энгельгардта 3-го, с пехотою, собранною из рабочих рот; затем, в тот же день он послал на соединение с ним войска донского подполковника Родионова, и у Энгельгардта составился отряд из 550 чел. пехоты, одного орудия, 272 казаков и 170 ногайцев. Занятием рр. Кинжала и Хасаута Вельяминов думал отрезать скопищу путь за Кубань, оставив ему только одну весьма неудобную тропинку через аул Уруспия, возможную лишь для пешеходов, а следовательно и недоступную [154] для беглого народа с его арбами, нагруженными имуществом и семействами. Выходы на Кубань приказано было наблюдать донского войска полковнику Луковкину, с 6-ю стами казаков и 280-ю человеками пехоты; из отряда полковника князя Бековича-Черкасского, находившегося за Кубанью, были вытребованы четыре роты тенгинского полка собственно для подавления возмущения и удержания в повиновении тех кабардинцев, которые еще не выселились; возвращавшиеся из Грузии на Дон полки подполковников Астахова и Долотина были остановлены на линии: первый полк получил приказание расположиться частями в станицах и селениях, а второй был целиком поставлен в Кабарде.

Разгромление станицы Солдатской было для Ермолова самым неприятным сюрпризом. Сделав все распоряжения относительно охраны и обороны новой кабардинской линии. он, между прочим, отметил, по обыкновению, свои сношения по этому поводу с Вельяминовым интересными и дельными замечаниями:

«Нег сомнений, что сделали сие кабардинцы с тем, чтобы потом, подобно Бек-Мурзе Хамурзину, бежать за Кубань... За остальными, буде еще есть оставшиеся кабардинцы, надлежит иметь лучшее наблюдение, нежели каковое имел подполковник Булгаков, у которого производятся все шалости, и он о том ничего не знает... Вы прикажите обстоятельно уведомить себя, кто из владельцев кабардинских, и которые бежали аулы, и из того увидите, что обнаженная часть Кабарды откроет злодеям селения, по линии лежащие. Не могу понять нерадения подполковника Булгакова, ибо надобно быть совершенно беспечным и невнимательным, чтобы не взять никакого подозрения о людях, кои могли собраться в большом количестве — что между здешними народами без совещаний, без [155] соглашения не делается. Исследуйте строго поведение его и мне донесите 64.

Хотя скопище мятежных князей было как бы заперто в чегемском ущельи, а бежавшие аулы в осетинских ущельях, но положение дел в Кабарде от того не улучшилось: осетины явно поддерживали кабардинцев; часть жителей, не желавших выселяться с плоскости, просила у нас войск — а мы не в состоянии были удовлетворить ее; большинство князей и узденей, оставшихся на плоскости, напротив того, само готовилось к побегу, но ожидало лишь благовидного предлога в появлении неприятельских партий. Чтобы достигнуть этого легче и

скорее, оно вторично послало к Бейбулату гонцов, прося его прибыть с чеченцами и совместно произвести еще некоторые нападения на наши укрепления. Опасение за возможность этих случаев побудило Вельяминова вывести из куркужанского поста находившуюся там команду и упразднить пост на р. Лескене; вместе с тем он приказал немедленно окопать все станицы рвами, глубиною в две и шириною в три сажени.

Получив донесение о таком положении дел наших в Кабарде, Ермолов дал знать Вельяминову, между прочим:

«Весьма ощутительна выгода наказать изменников и тем удержать готовых им последовать, и что обратив в Кабарду [156] два баталиона пехоты, удобно то сделать; но отсюда (из Грузии) отделить мне войск невозможно, ибо спокойствие здесь удерживает спокойствие в Дагестане… Нельзя остановить князей и узденей: их побуждает боязнь наказания за гнуснейшую измену, а потому иметь целью простой народ, ибо лишая мошенников управления оным, мы отъемлем у них средства. Гораздо опаснее бежавших изменников те, которые остаются внутри и готовы возмутиться; им известна малочисленность войск наших, что не можем мы преградить им пути к побегу, почему прежде оного безопасно они пустятся на какое-нибудь предприятие. В рассуждение чеченцев невероятным кажется мне, чтобы пошли в помощь кабардинцам, и я, дабы удержать их от того, предписал полковнику Сорочану делать чаще движения из крепости Грозной. Видя вблизи опасность, не пустятся они на далекое предприятие. Столько же мало кажется правдоподобным то, что кабардинцы хотят нападать на укрепления».

Но относительно чеченцев корпусный командир несколько ошибался: Бейбулат, не выезжая еще сам в Кабарду, успел подлить масла в огонь заблаговременно через своих сообщников, которых уже в течение нескольких месяцев подсылал туда, а по получении приглашения от князей и узденей, отправил к ним партию в триста человек. Развлечение чеченцев движениями из Грозной было также совершенно лишним, потому что чеченские мятежники, не ожидая их, сами не оставляли нас в покое.

Утром 2-го октября подполковник Сорочан увидел из Грозной по направлению к Куллару, где был Злобный Окоп и башня, что все курганы покрыты конными и пешими чеченцами: на кургане же к Мамакаевой деревне (у нефтяных источников) был выставлен конный пикет. Прибывший из Кулиевой [157] деревни чеченец дал ему знать, что, кроме того, в этот же день на рассвете явилась в Хан-Кале многочисленная партия, которая там и укрывалась. У подполковника Сорочана сейчас же явилось подозрение, что все эти толпы должны будут обрушиться на Грозную или по меньшей мере на транспорт с овсом, который он ожидал с Терека. Вследствие этого, он дал знать через нарочного командовавшему этим транспортом подполковнику Тыртову, чтобы он приостановился в Старом-Юрте. Сорочан действительно, угадал намерение чеченцев, и распоряжение его было очень кстати. Наскучив ожиданием транспорта, Бейбулат выделил из скопища на рекогносцировку сто человек, которые вершинами гор проехали до самой Нефтянки. Транспорта они, конечно, нигде не встретили. Уразумев, что намерение их разгадано, эти сто человек, чтобы не явиться назад с пустыми руками, проскакали на нефтяные колодцы, зажгли там нефть и вышку, ограбили караульных до нага и взяли в плен их начальника, племянника брагунского князя Устархана — Джемболата Актулова. Возвратясь назад, они объяснили, что надежды на захват транспорта нет никакой; но, не смотря на это, Бейбулат держал партии на курганах у Злобного Окопа до сумерек, и только с наступлением темноты спрятал их в Тепли-Кичу и в лесах. Это происшествие дало большую пищу перу Сорочана, который отправил об нем к Ермолову одно

за другим два донесения, но, как и прежде, все-таки не тронулся с места, во-первых, не зная, для чего именно нужны корпусному командиру его движения и развлечение чеченцев, а во-вторых, ожидая, что заботливый Алексей Петрович, с предусмотрительностью [158] внимательной няни, укажет ему, что делать. Но на этот раз он ошибся: Ермолова уж окончательно доняла эта бездеятельность и нерешительность, и он, не взирая на все свое расположение к Сорочану, отделал его таким суровым н поучительным манифестом 65, что его нельзя не привести дословно, как документ, характеризующий обоих этих лиц и события того времени:

«Вы доносите о прибывших в Чечню кабардинцах, и что многие другие на то готовы — чему верить весьма возможно, ибо в Кабарде произошли беспокойства и некоторые аулы бежали. Невероятно, чтобы для вспомоществования бежать им отправился с партиею Бейбулат, ибо не только на предприятие так дальнее, но и гораздо ближе давно уже он ни на что не решается.

В. в. можете многим замыслам его препятствовать, но вы в совершенном остаетесь бездействии. Когда, перейдя в Злобном Окопе и расположась на высотах оного, не предприняли они ничего против форштата, или где сложено сено ваше, не думаете ли вы, что если бы малейшее сделали движение, то бы они дождались вас и вступили в драку? Они, без сомнения, пошли бы обратно за Сунжу.

Вы получаете разные известия, но того не знаете, что ничтожное количество чеченцев работает завалы и копает ров в Хан-Кале. Если бы не сидели вы в крепости без движения, то в таком расстоянии от вас смели ли бы они то делать?

Вы так близко от крепости без затруднения можете высылать 600 и до 800 человек пехоты, которые в местах ровных никаким количеством преодолены быть не могут; они бы по крайней мере не допустили мошенников укрепляться в Хан-Кале. Появившись несколько раз и неожиданно в Хан-Кале, вы бы в большом повиновении держали живущие по [159] Сунже селения и даже не допустили бы живущих за Хан-Калою пахать землю на равнине, чему настает теперь время.

Вы отзываться станете препровождением транспортов, но это не оправдание, ибо кроме того не мало имели вы время, и я уже давно, давно прислал к вам две роты егерей с маиором Скалоном.

Вы без предписания и разрешения ничего не делаете из боязни ответственности. Но знаете, что не менее подвергается оной офицер, упускающий благоприятные случаи вредить неприятелю или, по крайней мере, содержа его в страхе, не позволять ему наносить вреда. Невозможно мне на каждый случай давать вам предписание или наставление, ибо нередко успех зависит от скорости и решительности. Вы не довольно имеете средств наказывать мошенников, но беспокоить их, угрожать им и тем останавливать от покушений всегда можете. Кроме дороги в Хан-Кале есть другие довольно хорошо очищенные, где вы с большою пользою появляться можете. Я не требую от вас сражений, но хотя возьмите целью мешать чеченцам в полевых их работах, и чтобы не имели они дерзости делать укрепления в Хан-Кале».

Няня, наконец, заговорила своим языком. Не совсем приятно было получить Сорочану такое внушительное поучение, да притом от корпусного командира, но делать было нечего, тем более, что личное сознание не могло не подсказать кордонному начальнику, что Ермолов

прав. А что он, действительно, был прав — это показали события следующего месяца. Курьезнее всего было то, что Сорочан вздумал оправдываться перед корпусным командиром так же наивно, как и прежде, транспортами, дождями и т. п. Впрочем, в конце своего оправдания он поспешил успокоить сурового вождя уверением такого рода: "но ныне не упущу из виду предпринять нужное ко вреду чеченцев". [160]

Сорочан самым добросовестным образом сдержал свое обещание. Прежде всего, взяв с собою шесть сот человек пехоты, шесть орудий и полусотню казаков, он отправился в Хан-Кале посмотреть, какой именно ров и какие завалы устраивает Бейбулат. Оказалось, что ни рва, ни завалов еще нет; Бейбулата и его партии также не нашлось. Лишь один атагинский житель указал Сорочану место, предназначенное для рва и отмерянное Бейбулатом: оно имело 4300 локтей в длину. На первый раз Сорочан этим удовлетворился и возвратился в Грозную.

Прошло два дня. Прежде чем Сорочан решил, что предпринять ему новое, чеченцы сами предупредили его. 10-го октября они атаковали недалеко от Грозной, близь аула Амирхан-Кичу, нашу колонну, состоявшую из 200 человек пехоты, при двух орудиях, посланную в лес за дровами, под командою 41-го егерского полка маиора Говорецкого, но вреда нам не принесли, а сами были отражены с уроном. Это происшествие имело двоякую важность: во-первых, оно обнаружило чересчур большую дерзость мятежников, доказывавшую значительность их сил и их самоуверенность — что, при наших средствах, было далеко для нас небезопасно; а во-вторых, оно напомнило Сорочану со всею живостью последнее предписание корпусного командира, вызвало его из усыпления и толкнуло на предприятие довольно решительное, о котором он, между прочим, думал и доносил еще 20-го сентября, но, не получив разрешения и наставления от няни, приостановился его исполнить. Это было уничтожение аула Шавдона.

Шавдон была небольшая чеченская деревушка в 30 слишком дворов, расположенная на половине хан-кальской горы с правой стороны. Она, по условию с [161] нами, обеспечивала собою преданность нам аула большого Чеченя и безопасность взятого нами у него заложника. Обязанности ее жителей состояли в том, чтобы сообщать нам сведения о каких бы то ни было неприязненных против нас намерениях и противодействовать нашим врагам и недоброжелателям; во всяком же случае — не укрывать разбойников и вредных нам людей и не принимать участия в враждебных против нас покушениях. Но жители Шавдона не только не исполняли ни одного из этих обязательств, а, напротив, содействовали Бейбулату, который там преимущественно останавливался с своим конвоем тургаков, и людьми, и продовольствием, и убежищем, и даже личным участием в его похождениях, как например 30-го августа, при нападении на люнет, и 10 октября.

14-го октября, в 3 часа пополуночи, подполковник Сорочан выступил из Грозной к Шавдону с колонною из 700 человек пехоты, 260 гребенских и моздокских казаков и трехсот надтеречных чеченцев, с их князьями, при шести орудиях. На рассвете, обеспечив пехотою главнейшие пункты для отступления, Сорочан частью казаков и чеченцев занял пикеты впереди Хан-Кале, а остальную кавалерию, при двух казачьих орудиях, пустил в атаку на деревушку. После орудийного и ружейного залпа, казаки и чеченцы заняли Шавдон при ничтожном сопротивлении, так как людей в нем было мало, да и те старались спастись бегством. В добычу нам досталось лишь домашнее имущество шавдонцев и до 78 штук рогатого скота; запасы же и остальной скот все уже были вывезены. Не предавая деревню огню, Сорочан стал отступать и тут только выдержал натиск сбежавшихся из окрестностей жителей, [162] провожавших его по лесу до грозненских курганов и постоянно отражаемых

нашею артилериею. В тот же день вечером колонна возвратилась в Грозную, имея одного раненого обер-офицера и двух чеченцев.

Шавдонское похождение принесло для нас результаты совершенно противные тем, которых мы ожидали. До сих пор сунженские и надтеречные чеченцы хотя и оставались в раздумьи о том, соединиться ли с Бейбулатом, или держаться русских, но все же против нас ничего враждебного не предпринимали. Теперь же Бейбулат воспользовался нашим шавдонским набегом для того, чтобы убедить их, как и малочеченцев, что подобная участь близится и к ним, так как русские, показав пример наказания на шавдонцах, не простят и всем остальным их поступков. Надтеречные и сунженские чеченцы, сознавая свои грехи против нас, в которые их вовлек сам же Бейбулат, вполне поверили его доводам и объявили ему, хотя пока глухо и втайне, свою приверженность; аулы же Казах-Кичу и Самашки отложились явно, а из алхан-юртовского аула восемь семейств всецело отдались возмутителю и переселились в леса за Сунжу. Только три аула, расположенные на плоскости и на открытом месте: Сунженский, Ачагинский и Кули-Юрт не посмели пока выразить ему ни тайно, ни явно своей преданности, а небольшой аульчик из восьми дворов, недавно устроенный вблизи Злобного Окопа старшим племянником пятидесятника Темирханова, собственно для своего семейства, наотрез отказал Бейбулату в своем сближении с ним; за то же он его разграбил окончательно.

Мятежное брожение в Алхан-Юрте было для нас важно и неприятно потому, что это был большой аул [163] и притом находившийся вблизи крепости — верстах в 10-12; но еще важнее было для нас отпадение Алды. Этот самостоятельный, богатый аул, присягнув нам на верность, был нашею надеждою, сопротивлялся Бейбулату открыто и в этом подавал пример другим; с изменою же его мы, конечно, теряли очень многое, потому что все соседи алдынцев поступали сообразно их действиям. Бейбулату удалось, так сказать, скрутить алдынцев не силою, но совершенно нечаянным случаем, который, однако доказал, что он уже приобрел власть и влияние над чеченцами, вследствие которых его слушались и, что главнее всего, боялись. Прибыв в Алды, он потребовал от жителей того тургака, который, до изъявления нам ими преданности под присягою, возил его значок; и алданцы, и тургак отказали ему. Тогда Бейбулат велел своей партии тотчас разнести его дом и все имущество — что, конечно, и было исполнено; по при этом произошла небольшая свалка, и один из тургаков Бейбулата был убит. Последний пригрозил им жестоким мщением; алдынцы струсили и, желая избавиться от наказания, а также выкупить свой проступок, через два дня перешли на сторону Бсйбулата.

Быстрое отпадение от нас столь многочисленных пунктов дало возможность Бейбулату призвать под свои значки до четырех тысяч народа из большой и малой Чечни и приступить к прорытию давно задуманного окопа и к устройству завалов вокруг аула Хан-Кале. Отправив еще сотню отборных тургаков для поддержания возмущения в Кабарде и для разграбления, в виде наказания, тех жителей ее, которые не согласились бы изменить нам, он деятельно приступил к работам 21-го октября. Получив об [164] этом сведение, и помня наставление Ермолова и данное ему обещание, Сорочан вытребовал с Терека две сотни моздокцев и гребенцев, а также 180 чеченцев с князьями, присоединил к ним 700 человек пехоты и 6 орудий, и с этими силами, 26-го октября, рано утром, выступил к Хан-Кале. Так как Сорочану донесли, что Бейбулат выставил впереди ханкальской горы небольшой наблюдательный отряд, то наши войска были отправлены от грозненского люнета обходною дорогою влево, к Сунженской деревне, и за нею уже повернули к Хан-Кале. Они прошли беспрепятственно до

самой горы. но здесь были встречены неприятельским пикетом, выстрелы которого сообщили скопищу о тревоге.

Оставив недалеко от подножия горы, для обеспечения тыла, 200 человек пехоты, Сорочан двинул остальных вперед. Лишь только егеря перешли первую небольшую канаву и наполовину приблизились к кургану, что в середине ханкальской горы, как на нем, на всех выдающихся возвышенностях, у аула Шавдона и с левой стороны горы — показались толпы чеченцев и открыли живую перестрелку. Наша конница понеслась в атаку, сбила с кургана партию и заняла его; артиллерия усердным огнем расчищала гору вправо и влево, а пехота все подвигалась вперед. Неприятель быстро очистил все занятые им пункты и значительною частью своих сил, преимущественно конницы, поспешил в тыл нашей колонне, чтобы сделать там засаду, но там нарезался на наше арриергардное прикрытие и отступил. Сорочан выехал на курган, чтобы осмотреть окоп. Линия его начиналась от мыса горы и велась прямо через гору; работа была уже произведена саженей на семьдесят в длину [165] и на два слишком аршина в ширину. Достигнув цели, Сорочан, по его словом "не нашел нужным идти далее"; хотя неприятель видимо завлекал его вперед, направляясь в то же время небольшими партиями по лесу, на путь отступления колонны. Повернув войска, он быстро, расчищая по сторонам дорогу орудиями, стал выбираться с горы и из леса. К счастью, чеченцы не наседали крепко на арриергард, а встречали и провожали колонну из занятых ими засад. Это дало нам возможность быстро и более или менее благополучно выйти на равнину, где Сорочан считал себя относительно в безопасности. Но он ошибся в своих ожиданиях.

Чуть только колонна вышла на равнину, как вся окрестность мгновенно покрылась массами неприятеля. Сорочан доносил 66:

«Собрание чеченцев скопилось величественное; редкий не был тут. Вашему впр. осмеливаюсь доложить и заверить, что дело было большое, здесь первое с устроения крепости. Чеченцев было до четырех тысяч — ежели не более, со всех деревень не только за Хан-Калой и за Аргуном, даже по Сунже вверх расположенных; в том числе были еще андийцы, и прочие горские народы».

Начальник колонны угадал их до панцирям. Это "величественное собрание" разом, всею силою, ударило на наши войска и, по словам рапорта, буквально блокировало их тесным кольцом. Если бы наша колонна очутилась в таком положении через десять-пятнадцать лет, когда горцы выпрактиковались и выучились с нами драться, то, конечно, вся она легла бы на месте до единого человека; но в 1825-м году, [166] когда чеченцы, после долгого сиденья, только приучались воевать, этого случиться не могло. Осыпав нас массою беспорядочного ружейного огня и производя то там, то сям отдельные атаки, они повсюду были отражаемы преимущественно картечью и штыками. Нападения их были геройские, так что многие врывались в середину наших казаков, но все это производилось несвязно, бестолково, без общего заранее обдуманного плана, сгоряча и без надлежащего руководства. Все эти тактические промахи и ненарушимый стройный порядок наших войск не только спасли наш отряд от поражения. но давали ему возможность подвигаться вперед довольно быстро и без большого урона. Сорочан молодецки, хладнокровно и чрезвычайно осмотрительно руководил отступлением. Здесь он показал себя вполне: боязливый в то время, когда не пришла надобность вступить в бой, он явился отважным и распорядительным, когда не мог избегнуть этого боя. Но тут же он убедился в вероломстве и ненадежности надтеречных чеченцев: когда отряд вышел на равнину, и на него нахлынули толпы Бейбулата, наши мнимые друзья,

следовавшие в числе ста человек, с несколькими среди них казаками, с правой стороны горы, к Аргуну, без противодействия подпустили к себе одну из атакующих партий человек в тридцать или сорок, отдали ей на жертву двух казаков, а сами, будто бы устрашась нападения, бросили отряд и понеслись от него без оглядки к Сунженской деревне; там они остановились и спешились. До двадцати человек из аула Старого Юрта преспокойно повернули коней и самым бесцеремонным, наглым образом уехали домой на глазах у всех; остальные наши бритые соратники, ограждая себя от [167] нападения, стали примыкать к нашим казакам, будто бы под их защиту, но в это время из скопища выскочило не более десяти человек, которые бросились им в догонку. Повернув тыл, наши чеченцы, без всякой перестрелки, пустились вперед и не останавливали своих лошадей, пока не подъехали к грозненскому люнету. Только одни князья, с малым числом приближенных, неотступно следовали повсюду за начальником отряда, исполняли его приказания и вообще "вели себя хорошо". Из них особенно отличился Мурдар, в виду всех изрубивший чеченца и раненый в руку, а также и Кагерман. Не смотря на все явное уклонение от боя наших надтеречных чеченцев, у них все-таки ранено четверо и без вести пропало трое.

Молодецкие войска наши, как оказалось на деле, вовсе не нуждались в их гнусном сотовариществе и в бесчестном содействии: и без их помощи они отступили героями и прибыли в Грозную в четыре часа пополудни, притащив с собою всех убитых и раненых — даже и своих мнимых друзей. Таково уж великодушие героя! Скопище преследовало отряд до самой Грозной, даже мимо всех трех курганов. Отсюда конные бросились по направлению к преданной нам Кулиевой деревне, окружили ее и хотели разграбить, но быстро высланные Сорочаном из крепости 200 человек пехоты, при двух орудиях, под начальством подполковника Тыртова, разогнали их; они пустились к горе и скрылись в лесу.

Скопище понесло потерю свыше 30-ти человек убитыми, в том числе и андийского старшину Муртузали, и 200 ранеными. Оказалось, что жители всех деревень вверх но Сунже, начиная от Сунженской, были [168] в деле против нас, и не было ни одной, в которой не оказалось бы раненых 67. Отложение от нас этих деревень Сорочан добросердечно и добросовестно, говоря себе же во вред, относил также и к тому, что оне не видели наших войск и поневоле поверили Бейбулату, что их почти нет у нас. Эта же причина заставляла его опасаться и за благонадежность деревень Сунженской и Ачагинской.

У нас убито нижних чинов три и ранено, кроме чеченцев, тридцать; контужено 17. Лошадей ранено 12 и отбита у нас одна.

«Но за всем тем — добавлял Сорочан — отделались весьма счастливо, судя по столь величественному числу мошенников и решительному их действию».

Генерал Ермолов на этот раз примирился с Сорочаном. Он писал ему 68:

«Совершенно одобряю сделанное вами движение к Хан-Кале и действиями войск наших доволен весьма, ибо из посторонних известий знаю, что чеченцы претерпели значительный урон. Я был уверен, что вы исполните обязанности ваши как храбрый офицер; но в сем случае, когда силы неприятеля столько были несоразмерны, когда действует он с таким единодушием, я должен отнести успех к хладнокровию и твердости. Об отличившихся чиновниках и нижних чинах извольте сделать представление, но с строгою разборчивостью.

Если же удостоверитесь вы, что строят они в Хан-Кале укрепление, вам надобно употребить все возможные меры им в том препятствовать. Не всегда будут они в тех же силах, какие вы прежде встретили, и места открытые не подвергнут вас опасности. Старайтесь иметь верные известия; издержки, вами на то употребленные, я возвращу охотно. Вскоре [169] кончатся здесь работы построения укреплений, я дам отдых войскам непродолжительное время и после буду у вас. До того, поручаю вам иметь всю бдительность и возможную деятельность».

Вместе с тем корпусный командир выслал Сорочану для распространения в народе "прокламацию к жителям чеченских деревень, живущих по Сунже", следующего содержания:

«Дошло до сведения моего, что мошенник Бейбулат старается и вас возмутить, стращая наказанием русских.

Я в проезд мой через Сунжу хотя и знал измену некоторых шалунов, живущих между вами, но знавши и то, что много благонамеренных, которые желают иметь спокойную жизнь, объявил вам прощение. Я не наказываю тех, которых прощаю, и вам надлежит не верить мошеннику Бейбулату и жить покойно под покровительством русских. Таш-Кичу, 1825 года, Октября 21 дня. Генерал Ермолов».

Ермолов поручил Сорочану узнать и наблюсти, какое влияние прокламация произведет на чеченцев. Сорочан послал экземпляры не только на Сунжу, но и в главные центры мятежа — Шали, Мискир-Юрт, Герменчук, Гурдали, так как дело касалось и Бейбулата. Воззвание не имело ни малейшего успеха; повсюду оно было принято не только с невыгодою для нас, но даже с насмешкою. Это доказывало, что мятеж пустил глубоко свои корни, и что доверие к Бейбулату было полное. Некоторые благоразумные старики хотя и готовы были поддержать в массе идею, выраженную в прокламации, но объявили наотрез, что боятся это сделать, опасаясь мщения Бейбулата; значит, возмутитель был уже наверху своей силы и власти. И это также не подлежало сомнению, так как он, с достоинством и самоуверенностью народного правителя, [170] смело вступал в сношения с владетельными лицами, в роде жены аварского изменника Султана-Ахмет-хана, имевшей своих подвластных, амирожайцев 69, и предлагал им выслать к нему войско. К удивлению, сношения его не были бесследны, так как он постоянно насчитывал в своем скопище до 500 человек переменявшихся лезгин, преимущественно гумбетовцев, а также андийцев и аварцев. Мало этого: дерзость Бейбулата дошла до того, что он однажды прислал в Грозную к Сорочану одного чеченца, заподозренного во многих преступлениях. но в тоже время почетного жителя Кулиевой деревни, Алихана Дишни, с требованием, чтобы мы очистили Грозную — и тогда по Тереку будет спокойно.

Эти обстоятельства, в связи с продолжавшимися беспорядками в Кабарде, поставили Ермолова в положительное затруднение. Он, наконец, рискнул на этот раз ослабить Закавказье в пользу Кабарды, порешить таким образом все вопросы в ней окончательно и, отделавшись от этого бремени, сосредоточиться на Чечне. Он предписал командующему войсками в закавказском крае генерал-лейтенанту Вельяминову 1-му, чтобы тот выслал в Кабарду баталион в тысячу человек. Это было вполне необходимо, так как Хамурзин и его сообщники не только не смирялись и за Кубань не уходили, но, напротив, довели свою дерзость до того, что из своего чегемского убежища стали предпринимать открытые нападения на мирные кабардинские аулы.

7-го октября ночью Хамурзин, с сыновьями и [171] большою партиею, вышел на плоскость и атаковал на Тереке аулы узденей Асланкирова, Казанышева и Кайсынова. Ограбив почти без сопротивления всех жителей, угнав их скот, и предав огню 13 стогов сена, принадлежавшего Черекскому укреплению, он вместе с тем увез и дочь свою, бывшую замужем за остававшимся здесь князем Камботом Кальчукиным. Сведение об этом быстро достигло подполковника князя Джанхотова, который подхватил население своей деревни и погнался за своим недавним приятелем. Он настиг его близь аула Рухи, смело атаковал и отбил всю добычу, кроме жены Кальчукина. На другой день, с 8-го на 9-е октября, в глухую полночь, другая громадная партия мятежников, под предводительством виновника разгромления станицы Солдатской князя Магомета Атажукина, явилась у аулов князя Мисоста Атажукина и узденя Аликонова, требуя, чтобы они, с своими подвластными, примкнули бы к их толпам. Возмутители получили отказ. Пригрозив владельцам наказанием, Магомет Атажукин повернул свои толпы на Баксан и там уже, без всяких переговоров, стал выгонять жителей из домов, заставляя их складывать имущество на арбы и следовать за ним. Большая часть повиновалась, но остальные и некоторые уздени воспротивились. Атажукин приказал зажечь их дома и двинулся обратно на Чегем. В это время небольшой отряд маиора Тарановского, оберегая баксанское ущелье, следовал по направлению к Нальчику. Увидев сильный дым и услышав сигнальные выстрелы из Беломечетского укрепления, Тарановский повернул назад, переправился через Баксан и, узнав в чем дело, быстро двинулся наперерез [172] мятежникам. Он нагнал их за рекою Кишпеком, уже по пути и Чегему и открыл огонь из двух орудий 70. Атажукин остановился на горе, укрепленной завалами, и отважно принял бой. С обеих сторон завязалась горячая перестрелка. Кабардинцы дрались с ожесточением и, грудью отстаивая выселенцев, два раза бросались на наш отряд в шашки. Пользуясь разгоревшимся сражением, некоторые жители, оставившие плоскость по доброму желанию, ушли к Чегему и скрылись с глаз Тарановского; другие же, принужденные к тому силою, или остались на месте в ожидании развязки боя, или, под шумок, двинулись обратно в свои аулы. После второй атаки неприятеля, Тарановский, предвидя, что решительное упорство его на выгодной позиции будет продолжительно, приказал кабардинского полка поручику Каблукову и прапорщику Воропанову идти на штурм завалов. Офицеры эти молодецки исполнили приказание, взошли на гору под градом пуль и живо очистили вершину. Мятежники стали отступать и были приняты с тыла стрелками прапорщика Костина, который успел обойти их и занять дорогу. В эту минуту из кр. Нальчика прискакал с казаками подполковник Булгаков, за которым поспевала пехота — и отступление кабардинцев превратилось в поспешное и беспорядочное бегство. В этом деле с нашей стороны убито два и ранено шесть нижних чинов; контужены: хоперского полка есаул Старжинский и один казак. О силе этого непродолжительного боя можно судить по следующему числу израсходованных зарядов: орудийных 66 и ружейных 10844. Кроме убитых и раненых, увезенных в [173] чегемское ущелье, неприятель оставил на месте 16 тел. В числе убитых был один кадий; во время боя ранен уздень Бек-Мурза Бабуков, а при преследовании сильно ранен Магомет Атажукин.

В этот же день прибыла в подмогу кабардинцам партия чеченцев в триста человек, присланная услужливым Бейбулатом 71, но она не принесла мятежникам существенной пользы, потому что, потерпев неудачу в бою и частью среди населения, а также лишившись в лице раненого Атажукина своего главного предводителя, они стали серьезно помышлять о побеге за Кубань. Чтобы открыть себе туда дорогу отвлечением наших войск в иную сторону, они распустили слух, что за Кубанью собирается новая большая партия для вторжения в наши

пределы. Но их выдумка не удалась, потому что Вельяминов, для преграждения им пути даже и через аул Уруспия, приказал Тарановскому перейти с отрядом на Ксанти и занять прилегающую к этой реке дорогу; с тем вместе, на Кубани, у князя Бековича-Черкасского, относительно этой новой партии, если бы она на самом деле оказалась, были приняты должные меры. Кабардинцы и абадзехи, стесненные в своей западне, и претерпевая уже голод и холод, стали выходить на грабежи мелкими партиями, и направили свои злодеяния преимущественно на наши станицы и поселения. 18-го октября они напали на жителей сел. Новосельцы, бывших в поле, ранили одного и двух взяли в плен; 25-го числа они ограбили хутор Федора Великанова в Горькой Впадине, изрубили троих мужиков и 11 взяли в плен, а затем в промежутке этого времени изо дня в день давали знать о себе набегами и преступлениями. Им [174] сочувствовали и их поддерживали некоторые из князей и узденей, оставшихся на плоскости. как например, Канамет Касаев, и даже, к сожалению, единственный сын почтенного Кучука Джанхотова — Джемболат. Вельяминов их пригласил к себе в Екатериноград, куда прибыл в ожидании Ермолова, и хотел арестовать, но они оказали вооруженное сопротивление, и он вынужден был их убить. Это поразило всех кабардинцев и тотчас же умерило их страсть к преступлениям, но за то и усилило стремление к побегу; этот побег однако они решили произвести с наступлением весны 1826-го года и стали готовиться к нему, обменивая и продавая осетинам свое имущество. Но Вельяминов нимало не опасался за их решение, зная, что к будущему году обстоятельства во многом переменятся.

К 1-му ноября получено было донесение полковника кн. Бековича-Черкасского, что скопище Хамурзина и Магомета Атажукина выбралось, наконец, из чегемского ущелья. Будучи проведено одним из карачаевцев с величайшим трудом по тропинке снеговых гор, оно спустилось на Лабу выше бесленеевцев. Партия чеченцев и только что прибывшие сто тургаков возвратились к Бейбулату. Спустя несколько дней по их удалении, именно 5-го ноября, прибыл из Закавказья в Нальчик сводный баталион из двух рот херсонского и двух рот грузинского гренадерских полков, под командою маиора Гофмана. Появление его осадило кабардинцев, а затем прибытие в конце ноября Ермолова окончательно их приглушило. Ермолов не мог собраться и приехать раньше, потому что его приковывали к месту не только события в Чечне, но и в Дагестане, где неожиданно вспыхнувший новый мятеж [175] едва не разлился по всему краю. Если судьба пронесла мимо нас это испытание, то единственно потому, что в лице генерал-маиора Краббе мы имели весьма распорядительного начальника, а в почтенной особе шамхала — надежнейшего и усерднейшего ему сотрудника. Много помог нам также и благонамеренный кадий Сеид-эфенди.

Лишь только в начале июля Ермолов перестал сомневаться в серьезности чеченских, событий, как тотчас обратил внимание на Дагестан и предписал генерал-маиору Краббе принять все меры к тому, чтобы чеченские волнения не отразились во вверенном ему округе. Краббе оставил Дербент и поспешил в Тарки, чтобы ближе находиться к сомнительным пунктам. Акуша, Койсубу и Мехтули были для нас важнее прочих, и поэтому Краббе, желая убедиться в состоянии и направлении умов жителей этих провинций, немедля вызвал к себе для переговоров бывшего и тогдашнего акушинских кадиев Магмата и Зугума. Они явились со многими старшинами, принесли полное уверение в преданности нашему правительству и представили доказательства, что, узнав о чеченском восстании, не только два раза собирали народ и убеждали его не увлекаться примером изменников, но даже писали койсубулинцам, чтобы они не верили бредням лжепророка, появившегося среда чеченцев, и не вмешивались бы в их дела. Койсубулинцы вполне последовали их благоразумному совету. Мехтулинцы же, а

в особенности сам Ахмет-хан дженгутайский, который также явился к генералу Краббе, вели себя хорошо; первые слушались своего правителя и строго подчинялись ему, а последний распоряжался ими как нельзя лучше. Таким образом, в трех главных точках, не мало нас [176] интересовавших, обстоятельства были совсем в нашу пользу. Что же касается остальных обществ, то газават, который выкрикивали лезгины, разгуливая по деревням, и соблазн чеченских происшествий и похождений Бейбулата, а в особенности амир-аджи-юртовский успех мятежников, не прошли бесследно: у населения деревень Карабудахкента, Губденя и Казанищ была заметна явная наклонность к возмущению, а окрестные Шуре эрпелинцы, ишкартынцы и каранайцы вовсе вышли из повиновения 72. Спустя немного, в беспорядках приняли явное участие прежде всего салатавцы, произведя нападение на аксаевцев, укрывшихся среди кумыков, а потом постепенно гумбетовцы, андийцы, даже аварцы, которые поспешили доставить Бейбулату подкрепления. Положим, что их участие не выражало собою восстания народного, поголовного, но оно возбуждало многие опасения, потому что служило заразою для прочих. Не придавая особенного значения частностям, Ермолов был доволен уже тем, что главные провинции, в роде Акуши и Мехтули, оставались покойны. Поэтому он писал к генералу Краббе 73:

«Я должен благодарить в. пр., что, услышав о возмущении в Чечне и случившихся происшествиях, вы поспешили приехать в Тарки, где присутствие ваше конечно не мало способствовало к сохранению в тамошней стороне спокойствия. Весьма приятно было мне узнать, что акушинцы сохраняют верность, и вы надеетесь, что разные распускаемые слухи их не поколеблят. Уверьте их, что я буду знать каждого усердие, и они мною довольны будут. Поблагодарите в особенности дженхутайского владельца Ахмет-хана».

Но едва только Ермолов успокоился, как [177] неожиданно вспыхнуло волнение в Кайтаге и Табасарани, куда бежал из Кураха мулла Магомет ярагский, освобожденный от ареста вероломным Аслан-ханом и им покровительствуемый. Этим новым восстанием обеих провинций мы обязаны недовольным нами бекам и в особенности дербентским фанатикам. Последние, причастившись учения муллы ярагского, и видя, что оно быстро породило невыгодные для нас последствия среди чеченцев, задумали явиться освободителями народа и в Дагестане. Они отправились, под предлогом богомолья, в Мешады, и там, в качестве непрошенных и непризнанных своим народом депутатов, обратились к Шах-Заде с просьбою о покровительстве. Заявив ему, что, при его помощи, сейчас же произведут возмущение во всем Дагестане, они уверяли, что легко истребят дербентский гарнизон. Шах-Заде с насмешкою отвечал, что, будучи столько лет под управлением русских 74, они не научились их хорошо знать и не умеют им повиноваться; затем, он попросту прогнал их. Возвратившись в Дербент, они не только скрыли от народа свою неудачу, но постарались распустить слух по всей Кайтаго-Табасарани, что персидские войска вступили в наши границы и уже завладели некоторыми провинциями, а из Дербента вывезены все орудия в Астрахань, и скоро наши войска отправятся туда на судах и совсем оставят край. Этого достаточно было крамольным бекам, скитавшимся воровски и без пристанища — Абдулле эрсойскому и Али-Мардану, бывшему табасаранскому владельцу, осужденному нами на смерть и бежавшему от наказания — чтобы поднять на ноги народ и поудить рыбу в мутной воде. К ним пристал также и [178] родной брат Абдуллы — Муртузали-бек, недовольный тем, что ему не отдали обещанных в Табасарани деревень, конфискованных у обоих изменников. Муртузали сперва тайно принимал своего брата в Эрсо, а потом дал ему в этой деревне семь дворов, которые обязаны были ему служить и платить подать. С той минуты Абдулла-бек мог уже свободно являться в

Эрсо и, пользуясь этим, там же, в начале августа, и составил заговор вместе с своим братом. Такие влиятельные лица, нет сомнения, быстро подействовали на кайтаго-табасаранцев — тем более, что им сочувствовали и остальные беки, и в несколько дней составилась партия мятежников в четыреста человек, наполовину пеших н конных. Никто из беков не только не известил нас об этом сборе, но не дал даже знать с караульных постов тогда, когда бунтовщики проходили по направлению к Дербенту. Конечно, начальным актом возмущения не могла быть атака этой крепости — потому что это было бы бессмысленно, но имелось в виду стяжать какой бы то ни было успех, чтобы этим повлиять на окрестных к Кайтаго-Табасарани дагестанских горцев, возбудить их доверие к предводителям и, разом усилившись толпами со всех сторон, открыть тогда военные действия.

В виду этих соображений, партия, собранная Али-Марданом и Абдулла-беком, при участии сына сего последнего Заала и прапорщика Измаил-бека мараганского, 11-го августа, в пять часов утра, напала на наш табун у Дарвагского редута, верстах в пятнадцати от Дербента, и отбила 152 лошади, принадлежавшие куринскому полку и артиллерии. Наше прикрытие хотя и защищалось, но воспрепятствовать хищникам не могло, и лишь совершенно напрасно потеряло трех [179] убитых и трех раненых нижних чинов. Дербентский комендант маиор фон-Ашеберг, получив через три часа сведение о нападении, выслал для преследования бунтовщиков находившуюся в Дербенте конницу, но они уже успели скрыться. Тогда он призвал к оружию временную конную милицию из селений Башлы, Терекеме и Кабодерги и двинулся с нею в Кайтаг, а на вольную Табасарань направил дербентцев и послушных нам беков. Предвидя наказание, жители ближайших деревень, участвовавших в нападении, поторопились предупредить Ашеберга и немедленно возвратили 55 лошадей. Спустя некоторое время, были отданы дочти все остальные.

Донося об этих событиях Ермолову 75, Краббе выразился так:

«Доколе не истребятся некоторые из бездельников наших беков, не разорится гнездо разбойников дивекцов и не накажется примерно Каракайтаг, не будет здесь надлежащего спокойствия и повиновения. Довольно гнусного поведения и дерзости в сем крае, когда ничего нестоящий, естественный трус и дурак, майсум также, в свою очередь, делает неистовые празднества о одержимой победе чеченцами и внушает самые подлые мысли как сбоим подвластным, так и вольным табасаранцам, вызывая их к себе шайками».

Ермолов, разделяя мнение Краббе, приказал ему употребить все меры к поимке виновных. Благодаря усердию и распорядительности Ашеберга, 17-го сентября им были схвачены и преданы в руки правосудия, вместе с семействами, табасаранские беки: Муртузали, Ахмед-паша, Айды и прапорщик Измаил мараганский. Поимка их сильно поразила Абдуллу-бека. Желая спасти своих родичей, он опять воззвал к Кайтагу и [180] вольной Табасарани, а тетка Измаил-бека, проживавшая в Кубе, думала возмутить Марагу. Но, кроме селений Дивека и Джоугата, никто не отозвался на этот призыв, опасаясь заслуженной кары. Заковав преступников без церемоний в кандалы, не смотря на их бекское звание, Ашеберг тотчас поручил надзору и управлению Авдурзах-бека-кадия деревни, принадлежавшие Муртузали, Ахмед-паше и Айды 76, а сел. Марагу вверил поручику Иса-беку, приказав им ни под каким предлогом не требовать от жителей повинностей и дани. Мятеж оборвался: все деревни изъявили единодушное желание быть принятыми в казенное управление 77. 25-го октября. представители их, сопровождаемые двумя тысячами народа, приняли в с. Маджалисе присягу на верноподданство нашему Государю. Население было приведено к этой присяге особо.

Спустя неделю, именно 1-го ноября, сошел со сцены и наш враг Али-Мардан-бек табасаранский: он был убит на грабеже между Великентом и Падаром терекемейским жителем Навруз-беком, усердствовавшим нам постоянно в наших желаниях и стремлениях. Хотя, таким образом, мы управились с бунтовщиками очень быстро, но деятельность их еще быстрее успела отразиться в разных углах. Не говоря о ханстве кюринско-казикумухском, в котором брожение вдруг поднялось на несколько градусов, даже в шамхальстве, словно марионетки, стали выскакивать из среды мулл разные лжеучители и имамы-самозванцы. Умалат, со своей стороны, не оставался праздным и, действуя столько же усердно, как Бейбулат в Чечне; закрадывался в Койсубу, в Аварию и там всеми силами [181] изощрялся в возбуждении народа к мятежу. Что предпринимал у себя во владениях Аслан-хан кюринско-казикумухский — уже известно; а что касается шамхальства, то Мехти-хан не понуждался даже в нашем содействии. Не прибегая к острым мерам, он сумел и успел поставить у себя во владениях на смешную и презрительную точку все религиозно-политические поучения Магомета ярагского и его последователей, и этим вызвал народ из его заблуждения. В таком же смысле и духе, благодаря участию Сеида-эфенди, он повлиял и на араканцев, куда начала закрадываться пропаганда, и наконец даже на койсубулинцев, хотя был с ними во вражде. Однако, письмо его к Сеиду-эфенди от 4-го ноября 1825 года доказывает, что пропаганда все-таки поддерживалась настойчиво, и проповедники не только успевали влиять на умы народа, но и возбуждали к себе доверие. Он писал:

«Высокопочтенный Сеид-эфенди араканский. С большим удовольствием услышал я, что вы здоровы, и из письма вашего вижу, что араканское общество, следуя благоразумным советам вашим, ведет жизнь покойную. Таким образом приобретет оно мое уважение. Жалею, что не следуют сему примеру другие общества, ибо слышу, что мошенника, подлого убийцу Умалата принимают в Унцукуле 78. Хотел бы я, чтобы вы, почтенный Сеид-эфенди, хотя малое время были со мною: вы бы увидели здесь в одно время многих имамов и глупых мулл, и глупых народов, которые им верят. Те муллы, которых вы учили, конечно, не впали, бы в подобное заблуждение».

Шамхал давно желал разрешить свои взаимные недоразумения с койсубулинцами, у которых жили заложниками его два сына — Шахбаз и Магомет. Усердие его к нам в это тревожное время еще более [182] побуждало его, смирив несколько самолюбие, первому сделать шаг к примирению, чтобы легче повлиять на привлечение их к совершенной нам преданности. Повод к этому он нашел в женитьбе сына своего Абумуселима на дочери костековского князя Муртузали 79. Назначив свадьбу в Казанище, шамхал пригласил сюда всех почетных жителей из соседственных обществ, в том числе и койсубулинцев. Последние явились вместе с его сыновьями и, наконец, порешили все существовавшие между ими и шамхалом неудовольствия, добровольно возвратив последнему его детей; шамхал, с своей стороны, отдал им обратно бывших у него в залоге их аманатов 80. Пользуясь восстановлением взаимной дружбы, шамхал раскрыл койсубулинцам глаза на бунтовщика Умалата и привел их к сознанию, что связи с этим негодяем приведут к последствиям весьма неприятным. По этому случаю, представители койсубулинского общества дали ему подписку от лица своего народа следующего содержания:

«Все койсубулинцы обещают единогласно, что если кто-либо из них примет мошенника Умалата к себе в дом, тот должен заплатить тридцать рублей серебром штрафа, а если кто увидит его и не даст знать о том никому — с того взыщут десять рублей серебром штрафа. Если

же Умалат тайным образом, как разбойник, угонит что-либо у подданных Государя, то они обязуются отобрать от Умалата и возвратить хозяину, но за каждую скотину хозяин должен заплатить по [183] рублю серебром тем, которые отберут от Умалата и возвратят тем, у которых угнали».

Таким образом, благодаря преданности к нам шамхала, дверь в одно из важных дагестанских обществ сообщнику Бейбулата была заперта, и туча, неожиданно повисшая над Дагестаном, пронеслась мимо.

Комментарии

63. Резолюция на рапорте Лисаневича от 5 июня № 809.

64. По дознанию, Булгаков оказался виновным. О нем и о последствиях его вины Ермолов, в своих записках, выражается следующим образом:

"Трусость подполковника Булгакова, командира кабардинского пехотного полка, не допустила наказать хищников, ибо нагнавши их в тесном ущельи, обремененных добычею и пленными, и имея достаточные силы и пушки, не смел на них ударить. Солдаты явно негодовали за сию робость. Я назначил тотчас другого начальника и, вразумительно объяснившись на счет подлой его трусости, приказал ему подать прошение в отставку".

65. От 7 октября 1825 г. № 595.

66. Донесение Ермолову от 27 октября 1825 г. № 43.

67. Донесение от 30-го октября № 2029.

68. 4-го ноября № 765.

69. Амирожайцами или амержойцами назывались горцы, и преимущественно гумбетовцы, проживавшие на Тереке, на земле княгини Гичибеке Турловой, которой они платили подати.

70. Одна 6-ти ф. пушка 1-й батар. 22-й артил. бригады и одна 6-ти ф. пушка конно-артил. казачьей № 6-го роты.

71. Донесение Булгакова от 10 октября №№ 1620 и 1621.

72. Письмо к Ермолову генерала Краббе от 7 августа 1825 г.

73. 12 августа 1825 г. № 112.

74. Дербент покорен нами в 1806 г.

75. 19-го августа 1825 г. № 28.

76. Экраг, Татил, Зил, Эрсо, Аркит и Дарваг.

77. Письмо Ашеберга к Ермолову от 24-го сентября 1825 года.

78. В Аварии.

79. Четвертый сын Шамхала Далгат, будучи 6-го октября в карауле в кр. Бурной, оскорбленный тем, что у него отбирали нукера, заколол себя кинжалом; нукер, видя его полумертвым, также вонзил себе кинжал в грудь. Рапорт Ермолову воинского начальн. кр. Бурной от 8 октября 1825 г. № 305.

80. Письмо шамхала к Ермолову от 8 октября 1825 г.

Текст воспроизведен по изданию: Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник, Том 10. 1886

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

ВОЙНА НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

С 1824 ПО 1834 г.

В СВЯЗИ С МЮРИДИЗМОМ

V.

Поиски Бейбулата. Неудача у назрановцев. Неудавшееся нападение на генерала Ермолова. Стремление Бейбулата к примирению с Ермоловым и желание чинов и наград. Положение дел в начале 1826-го года. Шарлатанство лжепророка Авко. Военные действия Ермолова и наказание чеченцев в январе и феврале 1826-го года. Неудачи наши среди ингуш и перемена их отношений к чеченцам. Разбои мятежников. Военные действия Ермолова и наказание мятежников в апреле и мае месяцах. Усмирение мятежа. Отъезд Бейбулата из Чечни.

Бейбулат, усилившись значительно дагестанцами, начал свое давление на аулы, расположенные по Тереку, которые уже привел в нерешимость и затруднение, на чью сторону им следует склониться. В этом неопределенном положении, надтеречные чеченцы, не смотря на время, наступившее для земельных работ, не пахали и не сеяли, а сидели сложа руки, выжидая дальнейших обстоятельств. Бейбулат, зная характер народа, стал действовать на них мерами строгости и насильного понуждения, но на первый раз паллиативно. В начале ноября он послал известного карабулакского разбойника Астемира, голова которого давно была нами [184] оценена, с партией отъявленных хищников в сто человек, преимущественно гехинцев, к станице Ищорской и поручил ему проведать о направлении умов жителей деревни Мурдаровой. При этом он приказал ему не делать нападения на деревню, не вступать в драку, а только, при неблагомыслии мурдаровцев, отогнать у них скот. Астемир исполнил это в точности: увидев, что деревня боком приняла его посещение, он отбил у нее несколько голов скота. Жители, конечно, его преследовали вооруженною рукою, но это ни к чему не повело. Сам же Бейбулат, с другою партиею в четыреста человек и с приятелем своим лжепророком Авко, двинулся в другую сторону и хотел переправиться через Терек ниже Амир-Аджи-Юрта, но вязкость грунта и большой туман воспрепятствовали ему в этом, и он возвратился в Хан-Кале.

Убедившись из поиска Астемира, что надтеречные чеченцы еще не вполне подготовлены для решительного восстания, Бейбулат послал им прокламацию, призывая присоединиться к нему и угрожая, в противном случае, отнятием или уничтожением их имущества. Оставив их на некоторое время раздумывать и соображать, он повернул на Сунжу. Здесь, благодаря его агентам и приверженцам, в числе которых были местные муллы, почва для него была

подготовлена гораздо лучше: с появлением его, все чеченцы за Сунжею, даже и сунженские деревни до Куллара, за исключением Чертугаевской и отчасти Старого Юрта, кое-как державшегося еще под защитою нашего Горячеводского укрепления, наконец, явно отложились и приняли его сторону 81. Это событие было чрезвычайно [185] серьезное и для нас очень невыгодное. Заручившись, таким образом, столь сильною и важною поддержкою целого населения, и имея у себя под рукою, благодаря усердию дагестанцев, сравнительно громадную вооруженную силу, Бейбулат стал безбоязненно помышлять о предприятиях более решительных. У него на виду было три задачи, разрешение которых, бесспорно, склонило бы на его сторону разом всех надтеречных чеченцев и сделало бы его в стране не руководителем партии, а прямым властелином и диктатором. Эти задачи были: первая, уже давняя, составлявшая его зазнобу — взятие Грозной; потом, как последствие этого шага — безусловное подчинение себе староюртовских чеченцев и наконец — открытое восстание ингуш и их присоединение к общему знамени. Для разрешения первых двух Бейбулат приказал сколь возможно быстрее доставить в Хан-Кале туры и лестницы, бывшие под Герзель-аулом 82, а для выполнения последней он решил лично побывать у назрановцев — и тем, кстати, не потерять в бездеятельности дорогого времени, которое пройдет до той минуты, когда приказание его будет исполнено.

17-го ноября, партия в две тысячи чеченцев и пятьсот лезгин, под предводительством Бейбулата, Астемира и Авко, двинулась в назрановское общество и в тот же день явилась на р. Ассе. По известию об этом во Владикавказе, тотчас был командирован для поддержания назрановского укрепления баталион гарнизонного полка, под командою маиора, Щелкачева, при тридцати казаках и двух орудиях; вместе с тем, маиор Цыклауров быстро собрал назрановцев и занял конными пикетами и передовою цепью места [186] за Яндыркою. Бейбулат, перейдя Сунжу между Преградным Станом и Казах-Кичу, и беспрекословно присоединив к себе жителей этого последнего аула и деревень, лежавших по р. Ассе, расположил одну часть скопища на правом берегу Сунжи, а другую по назрановской горе. Но далее этого дело не пошло, потому что намерение назрановцев противодействовать мятежникам — конечно, под наблюдением и при содействии наших войск — исключало всякую возможность произвести среди них открытое восстание.

В это время генерал Ермолов, находившийся в Червленной, решил предпринять поездку в Кабарду, чтобы "обстоятельно разузнать" обо всех происшедших там событиях, лично удостовериться в положении и нуждах страны и сделать на месте распоряжения к предотвращению беспорядков в будущем. Бейбулат, узнав об этой поездке по благовременному заготовлению повсюду лошадей и конвоя, задался смелою мыслью схватить Ермолова на пути следования. Нимало не медля, он выделил из своего скопища всех лезгин и, кроме того, до тысячи доброконных чеченцев, и бросился к Тереку. Ермолов выехал из Червленной утром 20-го ноября, оставив в станице отряд под командою полковника Мищенко, которого снабдил надлежащими наставлениями 83. День был мрачный, и окрестности были застланы густым туманом. Бейбулат, со всею своею партиею, подстерегал корпусного командира за Тереком против Казиорского шанца, и зная даже час, в который ему следовало выехать из [187] станицы, переправил на левый берег к дороге 400 отважнейших джигитов. Но, увы! к полному отчаянию Бейбулата, предприятие его не удалось: под прикрытием тумана Ермолов проехал как нельзя более благополучно, не подозревая ни о какой опасности. Бейбулат прождал еще некоторое время, и видя, что его джигиты не подают никакого сигнала, выдвинулся сам на дорогу, сделал поиск направо и налево и тут только

убедился, что прозевал намеченную им дорогую жертву. Едва только Ермолов приехал в ст. Калиновскую и отпустил конвой, как прискакал с поста казак и принес весть о появлении партии. Прикрытие, сопровождавшее корпусного командира, в числе 120-ти гребенцев, под командою хорунжего Фролова 2-го, вскочило на коней и помчалось по указанию вестника. Оно накрыло Бейбулата между постами Наурским и Мекенским как раз в ту минуту, когда одна часть партии переправляла на правый берег рогатый скот, захваченный в поле, а другая скакала с табуном лошадей вдоль по берегу. Гребенцы лихо ударили на первую из них и отхватили всю добычу; затем, предоставив ее ведению и распоряжению жителей станицы Калиновской, которые, с одним конным орудием и ротою пехоты (капитана князя Авалова), поспешали за ними под командою моздокского полка маиора Золотарева, гребенцы погнались за второю частью хищников. Они настигли и эту, уложили на месте пятерых, взяли одного в плен и выручили весь табун; сами же лишились трех раненых 84.

Холода становились весьма чувствительные, и зима постепенно вступала в свои права. Неприятельские толпы были дурно снаряжены и частью голодны, потому [188] что трудно было обеспечить продовольствием такое огромное скопище; к довершению невзгод, главные предприятия Бейбулата не удались, и это произвело неблагоприятное впечатление на его сподвижников. Лезгины, первые из всех, стали открыто поговаривать, что им пора по домам. Бейбулату это не могло понравиться, так как они, составляя его оплот и надежду, своим удалением могли бы невыгодно подействовать на остальных. Делая вид, что не слышит их желания и некоторого ропота, Бейбулат тем не менее счел нужным повернуть поскорее назад, в Хан-Кале, и отозвать туда же другую половину скопища, караулившую назрановцев. Вместе с тем он отпустил в свои дома тех, на которых мало полагался, или которые были ему более не нужны. В числе последних находился также брагунский князь Джемболат Актулов, взятый в плен 2-го октября, но потом добровольно примкнувший к мятежникам, у которых ему очень понравилось. Об этом было уже известно нашему начальству. Актулов, видя, что ему волей-неволей приходится возвратиться под сень своих пенатов, и предвкушая неприятную расправу за свою измену, явился в станицу Щедринскую и, не запинаясь, объявил, что он, наконец, бежал от своих похитителей. Но начальник станицы Камков ему не поверил, и имея доказательства и улики совершенно противные, арестовал его и препроводил в Червленную к полковнику Мищенко.

Бейбулат не мог не видеть, что его фонды быстро понижаются, поэтому, одновременно с поворотом партий к Хан-Кале, он круто повернул и свои личные дела и интересы. Он начал изыскивать способы к отступлению, но к такому отступлению, которое бы его привело не к виселице или под шпицрутены, а к давно [189] задуманным наградам и деньгам. Он подослал своих приверженцев к Сорочану, узнать — какого он в данном случае мнения. Последний, действуя по совету Ермолова, заявил, что сам по себе Бейбулат прав, потому что исполняет во всем волю имама (маюртупского), а виноват один только лжепророк Авко 85. Сорочан надеялся, что по поводу такого лестного отзыва о Бейбулате, он получит от него письмо с просьбою о прощении, и не отгадал мысли бунтовщика, который думал, что ему самому пришлют письмо с предложением мира, наград и пенсии. Таким образом, стороны друг друга не поняли, и в силу этого маленького недоразумения, Бейбулат бросил переговоры и с оставшимися после расчистки сподвижниками возвратился в свое насиженное гнездо. Здесь он стал всеми силами упрашивать их, в особенности лезгин, чтобы они не расходились и подождали бы хоть несколько дней, в течение которых он постарается завершить деятельность года блестящим взрывом и тем вознаградить их за труды и услуги. Скопище ему поверило и

присягнуло, что на короткое время остается еще при нем. Поспешая исполнить свое обещание, Бейбулат, на другой же день, 26-го ноября, выслал одну партию на хребет гор, к Старому Юрту, а с другою направился вверх по Сунже от Грозной, напал на деревню Кулиеву и испепелил ее со всеми запасами. Сын Кулиева, находившийся в это время у себя в имении, едва спасся в Грозную. Отсюда Бейбулат пришел к Сунженской деревне, которая приняла его с совершенным дружелюбием. Партия же, двинувшаяся к Старому Юрту, имела целью напасть на транспорт, следовавший в Грозную, но, по [190] просьбе Сорочана, полковник Мищенко остановил этот транспорт в Червленной, и штука не удалась.

Все эти обстоятельства, равно просьба жителей Старого Юрта и надтеречных чеченцев, о помощи против скопища Бейбулата, заставили полковника Мищенко 29-го ноября, с его отрядом, переправиться на правый. берег Терека и на другой день явиться у Горячеводска. Лезгины и чеченцы, узнав об этом движении, а более понуждаемые снегом и морозом, не дождавшись его, поспешили очистить Сунженскую и Ачагинскую деревни и частью удалились в Хан-Кале, а большею частью рассеялись по ближайшим деревням за рекою Сунжею: около половины лезгин также оставили мятежника. Мищенко находился в выжидательном положении, охраняя население и сообщение с Грозною. Бейбулат, видя, что скопище его живо распадается, послал тургаков собирать новые силы. 4-го декабря, в пятницу (день, назначенный всегда для собрания), в Хан-Кале со всех сторон опять явилась, по словам Мищенко 86, "глупая сволочь". Бейбулат объявил собравшимся, что Ермолов убит в Кабарде, уговаривал их воспользоваться этим случаем и уверял в фантастических выгодах и несбыточных предприятиях. Но чеченцы не поддавались и отказались от службы возмутителю; только остаток лезгин, человек в двести слишком, еще раз уступил его настояниям и тотчас был размещен, для продовольствия, в чеченских деревнях за ханкальским хребтом. Мищенко, видя, что опасность для Старого Юрта миновала, отступил с отрядом на левый берег Терека и 5-го декабря расположил его в станицах: Червленной, Калиновской, Шелковой, на Савельевых хуторах и в [191] Науре. Вместе с сим, приостановленный им транспорт был передвинут благополучно в кр. Грозную. Расходясь по домам, чеченцы успокоили своего предводителя тем, что обещали ему вновь не сходиться с русскими и не ездить в Грозную, даже присягнули в этом и обязались за неисполнение платить штраф в пятьдесят рублей. Но это обещание они поддерживали недолго: во второй половине декабря явились к нам с повинною некоторые изменники Сунженской и Ачагинской деревень; потом, когда они были приняты великодушно — по их следам пришли жители Амир-Хан-Кичу, большого Чеченя, Алды, Атаги, Герменчука и деревень, расположенных по Сунже. Все они сваливали вину своего отщепенства на неотразимое давление Бейбулата, обвиняли в особенности имама Авко и, прося прощения, обещали более не возвращаться к прежним проступкам. Им мало верили, зная, что главную роль в их покорности играют жуткие обстоятельства, но, делать нечего, приходилось не только простить, потому что другого исхода не было, но даже и вполне согласиться, для успокоения их, что они, действительно, были не более, как невинные жертвы своего легкомысленного увлечения.

Тем временем, Ермолов, докончив дело в Кабарде и облегчив свое сердце, а также порадовавшись тому, что может теперь сосредоточить все внимание на Чечне и на чеченцах, собрался в обратный путь, в Червленную. Но накануне выезда, 19-го декабря, радость его была омрачена громовою вестью о кончине его благодетеля Императора Александра I-го. Как ни желалось ему самому с собою пережить скорбные дни неутешного горя, но, помня свой долг, он этого сделать не мог, потому что события не ждали. 20-го декабря [192] он выехал из

Екатериноградa и 21-го был уже в Червленной. Он здесь застал указ Сената о присяге Императору Константину, но через день, 26-го числа, прилетел фельдъегерь и привез Его отречение, вместе с манифестом о восшествии на Престол Императора Николая. Все окрестные войска тотчас приняли присягу, которая затем последовала по всему краю в величайшем порядке и тишине.

Приезд Ермолова окончательно разредил скопище мятежников, приютившихся на зиму в Хан-Кале и в окрестных деревнях; начались размолвки в собраниях и, наконец, полная неуступчивость со стороны чеченцев. Бейбулат, при сильном старании Авко, попробовал вновь ухватиться за своих приверженцев помощью своей власти и влияния — для чего даже напился пьян, но попытка не удалась, и все разошлись окончательно, кроме части лезгин и тургаков. Оставив последних в Хан-Кале на попечении Авко, Бейбулат отправился в б. Чечню, чтобы собрать свежие партии. Но и здесь почет и внимание ему оказались не те, что недавно. Тогда он опять бросился к нам и упросил своего приятеля, с которым вместе жил, андреевского жителя Мурата, изменившего нам в числе других, чтобы тот принял на себя роль его парламентера и защитника перед Сорочаном, знавшим прежде его хорошо и даже называвшим своим кунаком. Мурат прислал Сорочану письмо, в котором, оправдывая себя и Бейбулата, просил разрешения явиться в Грозную для переговоров. Получив согласие, он прибыл 31 декабря в сопровождении атагинского жителя Мансура и заявил Сорочану следующее: все действия и проступки Бейбулата были последствием мщения генералу Грекову за презрительный прием в [193] Грозной, Бейбулат готов прибегнуть с покорностью, обещается подчинить нам все деревни и служить верно, но прежде желает знать, что ему за это дадут, т. е. какой чин, какое жалованье и т. п. Сорочан повторил тоже самое, что и прежде, т. е. что сам Ермолов столько не обвиняет Бейбулата, как лжепророка и имама, и чтобы Бейбулат прислал письмо или доверенных от себя людей для переговоров прямо к корпусному командиру. Мурад удовлетворился и дал слово приехать в Грозную вновь, по прибытии туда Ермолова, даже с самим Бейбулатом, если только будет послан за ним Мансур 87. Но, видно, излишняя любезность и сговорчивость Сорочана вселили недоверие к нему Бейбулата, вследствие чего последний опять остановился в своих миролюбивых желаниях и вновь повернулся к чеченцам и в Чечню, куда тянула его необоримая сила всех прелестей мятежа, треволнений и разного рода приключений и сильных ощущений: горбатого могила исправит! Хотя Мурад, увидев это, предлагал Сорочану, спустя несколько дней, доставить лично Бейбулата, но не иначе, как за плату, и назначил ее в 600 рублей, но Сорочан сообразил, что свидание это так дорого не стоит и отказался от предложения авантюриста 88.

Положение наших дел в начале 1826-го года не только в Чечне, но и вообще на Кавказе, обрисовано самим Ермоловым, во всеподданнейшем донесении от 10 января и в отзыве его к военному министру от 11 января 89 следующим образом:

«Долгое время продолжающаяся ненастная погода и от [194] проходящего льда затрудняемая через реки переправа остановили действия мятежников.

Закубанцы, неослабевающие в своих усилиях, сделали набег в пределы наши, но партия не довольно была многочисленна и, будучи догнанною уже за Кубанью казаками, решительно ударившими на нее, понесла чувствительный урон. Кабардинцы с некоторого времени покойны, ибо побег за Кубань для соединения с удалившимися прежде туда изменниками возбраняют снега, выпавшие в горах: но, вероятно, вместе с весною возобновятся беспокойства. Чеченцы в полном возмущении и все под ружьем: к ним в помощь приходили

жители гор в некотором количестве, но Терек, препятствующий переправе, не допускает их злодеяний. Дагестан многолюдный и воинственный, испытав строгое прежде наказание, не принял участия в мятеже и хранит доселе верность. В Табасарани утихли беспокойства, но лезгины, по ту сторону гор обитающие, делают разбои.

Собранные мною войска расположены против чеченцев, но действий против оных не начинаю я в ожидании морозов, дабы не так удобно могли они укрываться в лесах и дать убежище своим семействам. С намерением допускаю я некоторое медление, ибо ожидание наказания, вид предстоящей опасности и меры осторожности необыкновенной ослабляют их единодушие и приуготовляют нам успех с меньшими пожертвованиями. Вскоре намереваюсь я начать действия».

В дополнение к этому отзыву Ермолов, между прочим, просил и об усилении войск кавказского корпуса, так как, решив открыть военные действия против чеченцев, он заранее не мог знать — достаточно ли будет тех сил, которые он для этого приготовил. О приезде его на линию и о намерении его явиться в глубине Чечни население узнало тотчас же. Хотя в нем горючего материала было еще много, а [195] недружелюбия к нам тем более, но оно, вследствие зимнего времени и в ожидании заслуженной кары, поспешило притихнуть и даже не слушало тургаков, потерявших над ним значительную долю своего влияния. Перемена не в пользу Авко и Магомета стала заметна не только в населении, но даже и во многих муллах. Вследствие потери, таким образом, взаимной связи среди мятежников, восстание в Чечне и борьба с нами в начале 1826-го года перешли в разбои и хищничества отдельных шаек и в похождения абреков, байгушей и разных искателей приключений. Это отребье, наскучив сидеть в Хан-Кале без дела, в голоде и холоде, в то время как Бейбулат переговаривался с нами о чинах и о жалованьи, 3-го января выделило из среды себя десять отчаянных экземпляров и отправило их на поиски по проезжим дорогам. Они прежде всего прибыли в Сунженскую деревню с требованием от каждого жителя по рублю на свое продовольствие, и когда потерпели отказ и были прогнаны — ограбили в пути нескольких проезжающих ачагинцев. Через несколько дней, партия в 60 человек, с двумя значками, напала на сорок повозок с сеном, оторвавшихся от транспорта в 157 подвод, следовавших накануне из Старого Юрта в Грозную, и отбила 14 пар быков; потом, сотенная партия тургаков 12-го января затеяла перестрелку с нашим прикрытием на рубке леса у Сунжи, но была, конечно, отбита без потери для нас, а сама потеряла двух убитых и четырех раненых — и так далее, все в этом роде и духе. Проделки этих хищников обрушивались большею частью на жителей тех сунженских аулов, которые, возвратясь из скопища Бейбулата, принесли нам раскаяние и поселились вновь на своем пепелище — [196] именно на пепелище, в буквальном смысле этого слова, так как, увлеченные мятежником, не сообразив тогда, что делают, эти жители во время бегства к Бейбулату сожигали свои собственные дома, доказывая тем, что более не хотят к нам возвратиться. Теперь же, отстраиваясь заново и вынося на себе мщение тургаков за измену их предводителю, они так поучительно управлялись с сими последними, не ожидая нашего содействия, что недавние их друзья и совместники уходили от них и с пустыми рунами, и с окровавленными физиономиями. Этими неудобствами они были отчасти обязаны своему имаму Авко, который, вращаясь преимущественно в Хан-Кале и иногда в Атаге и Чахкери, посылал их, за отсутствием Бейбулата, на поиски и для наживы — так как сам с окружавшими его десятками двумя приверженцев, посвятивших себя при нем богомолию, положительно пропадал с голода. Он все ждал и никак не мог дождаться, Бейбулата, который обещал ему явиться из б. Чечни с новыми толпами и открыть еще раз решительные действия. Авко хотя

теперь поумнел и напрактиковался, но все же тяготился тем, что Бейбулат оставил надолго его одного поддерживать в приверженцах и в народе, неразочаровавшемся еще окончательно в бреднях пропаганды, стремление к освобождению от русских и к общению с аллахом и его пророком. Время от времени он измышлял разные проделки, способные, по его разумению, поддержать престиж имама, но все это у него не клеилось, и если имело какое-нибудь влияние, то разве опять-таки на тех же тургаков, но уж не на население вообще. Так, в начале января он послал приказание мулле Сунженской деревни Егулунбею, чтобы тот от его [197] имени велел всем чеченцам, по Сунже живущим, говеть в течение трех дней и после того одному из юношей зарезать красного быка, шкуру, голову и ноги которого прислать ему, а остальное раздать бедным. Но Егулунбей этого приказания не исполнил — не смотря на предуведомление лжепророка, что он получил его от самого Бога. В тоже время этот юродивый, выбрав себе из числа своих приверженцев семь почетных, но выживших из ума, стариков, заперся с ними в темной сакле, просидел там семь дней в посте и молитве и потом, выйдя к народу, объявил, что видел большие чудеса — которых, впрочем, рассказать не может. Слушатели и рты разинули. Авко, подхватив их недоумение, поспешил добавить, что чудеса предвещают явление великого человека на защиту Чечни, а чтобы он, действительно, явился — необходимо ему и старикам просидеть еще четыре дня взаперти и в посте. На этот раз народ не выразил изумления, а бедные старцы беспрекословно подчинились шарлатану.

В сущности, Авко не обманул: обещанный человек, действительно, явился в Хан-Кале, но он был никто иной, как Бейбулат — и не один, а с значительным числом собранных им вновь в большой Чечне мятежников 90. Тотчас же он разослал во все стороны тургаков сзывать народ и объявить в деревнях, что хотя Ермолов, с частью войск, уже и приближается к малой Чечне, но войти в нее не посмеет, потому что послал бумагу к Государю, прося на то разрешения, и повеления еще не получил, [198] поэтому, чтобы народ ничего не боялся и смело стекался к нему, а Государь пришлет Ермолову ответ, и тогда Бейбулат даст об этом всем знать и укажет, что предпринять 91. Легкомысленный и праздный народ поверил этому, хотя прибывал на зов медленнее и боязливее прежнего, потому что Ермолов с 19-го января уже сидел в Грозной, и это появление не предвещало выгоды для тех, кто чувствовал себя виновным. Мало того, до слуха жителей малой Чечни и деревень по Сунже дошло, что некоторые лица уже подверглись далеко немилостивому возмездию за свои преступления.

22-го января 1826-го года прибыл к кр. Грозной отряд полковника Мищенко и расположился лагерем. После дневки, он передвинулся в селение Сунженское и там ожидал корпусного командира. 26-го числа Ермолов, с особою частью войск, двинулся из кр. Грозной и, соединившись с полковником Мищенко, в тот же день направил весь отряд в ханкальское ущелье 92. Углубляясь в первый раз в эти места и не рассчитывая найти там продовольствие, Ермолов взял с собою до 170 повозок с разными припасами, которые следовали в арриергарде, обеспеченные надежным прикрытием. Лишь только головной баталион 41-го егерского полка втянулся в дефиле, как на ханкальских высотах появилась небольшая партия чеченцев, которая открыла дальний и [199] безвредный огонь. Несколько гранат из двух орудий 22-й артиллерийской бригады заставили ее повернуть за хребет. Ермолов, находясь в это время на одиноко высившемся среди ущелья кургане, получившем впоследствии его имя, любовался трудами покойного генерала Грекова, который расчистил дорогу так хорошо, что едва оставались признаки прежнего непроходимого леса. Когда главные силы отряда прошли дефиле, то были приостановлены в ожидании арриергарда, где тифлисцы и ширванцы, при содействии двух орудий, вели оживленную перестрелку с атаковавшим их неприятелем.

Наконец, войска вышли из ущелья и расположились для привала на чистом поле. Отсюда Ермолов послал подполковника Сорочана, с баталионами 41-го егерского и апшеронского полков, шестью орудиями и пятью стами казаков, занять поспешнее большое Атага, вмещавшее до 700 семейств, и обеспечить там стоянку отряда. При приближении авангарда жители разбежались; все имущество и богатые запасы хлеба и фуража остались в наших руках. Занявшись на другой день устройством вагенбурга, корпусный командир отправил к р. Аргуну триста человек казаков, с ротою егерей и одним орудием, для обозрения переправы и аула малого Атаги. При приближения к последнему, рекогносцировочная колонна была встречена из леса сильным ружейным огнем и пронзительными возгласами множества голосов, доказывавшими намерение броситься в рукопашную схватку; но картечь быстро уняла и пыл неприятеля, и его концерт, вследствие чего все дело ограничилось только перестрелкою, в которой, впрочем, мы лишились ранеными одного казачьего офицера и четырех казаков.

Всеми действиями чеченцев руководил, конечно, [200] Бейбулат, основавший, между прочим, свое пребывание в шести верстах от б. Атаги, в ауле Чахкери. Появление Ермолова было для него весьма выгодно, так как жители ближайших селений, опасаясь, что наши войска наведаются и к ним, поспешили присоединиться к мятежникам. Это сразу подняло Бейбулата на прежнюю высоту представителя народа и защитника его интересов, и дало ему законное основание призвать к оружию и отдаленные аулы малой Чечни. Скопище его увеличивалось так быстро и сильно, что уже с вечера 27-го числа он получил возможность беспокоить наши войска почти ежеминутными тревогами. Вследствие этого. Ермолов на другой день поспешил очистить большое Атага и соединил весь отряд на открытом и возвышенном месте у вагенбурга. Не смотря на это благоразумное мероприятие, поставившее нас по-видимому вне всякой опасности от нападения, Бейбулат имел дерзость, в час пополудни, атаковать наш лагерь со стороны селения и с обоих флангов. Хотя эта атака и несколько других, последовавших за нею, были отбиты, но, к общему удивлению, настойчивость мятежников была так энергична, что они поддерживали бой до самого вечера и только с наступлением темноты удалились в Чахкери. В этот день у нас убит один рядовой и ранены: гвардейского генерального штаба поручик Ермолов, пулею в руку навылет, и десять нижних чинов; контужено три рядовых.

Едва только затихла перестрелка, как с противоположной стороны Аргуна, из с. малой Атаги, послышались выстрелы, крики, и показалось множество огней. В эту минуту все поставлены были в недоумение относительно такого переполоха, но, спустя немного, [201] лазутчики сообщили, что вся суматоха выражала торжество Бейбулата и его партий по случаю прибытия значительного числа мичиковцев, ичкеринцев и даже лезгин. Мятежники, конечно, ободрились еще более, и на другой день, 29 января, в два часа пополудни, снова атаковали наш лагерь из ближайшего леса, бывшего на его правом фланге. Покушение это было уничтожено нашим артиллерийским огнем. Однако, назойливость неприятеля от этого не сократилась, так как перед вечером он на виду у нас стал располагаться в том же лесу сильными партиями. Естественно, что он думал повторить свое нападение ночью, но оно почему-то не состоялось, и утром никого не оказалось. Ермолов положил действовать решительно — иначе не было бы конца взаимному состязанию. Мятежников нужно было поразить в их гнезде, т. е. в Чахкери, и лишить их выгодного и более или менее безопасного там приюта. Для этого он снарядил особую колонну 93, вверил ее командиру ширванского полка подполковнику Ковалеву и приказал ему истребить Чахкери.

30-го января, за два часа до рассвета, колонна выступила из лагеря и, не доходя версты до деревни, остановилась в ожидании рассвета. Лишь только забрезжило, артиллерия наша открыла по аулу беглый огонь поорудийно. Жители Чахкери и находившаяся в этом ауле партия бунтовщиков, вместе с их предводителем, едва успели захватить оружие и бежали в леса. После непродолжительной канонады, один баталион пехоты на штыках бросился в аул, а рота 41-го егерского полка, разделившись на мелкие команды, [202] направилась во все стороны для сожжения и уничтожения всяких продовольственных запасов. В резерве при орудиях оставлены три роты, а четвертая, с казаками и двумя конными орудиями, под командою командира моздокского полка подполковника Петрова, подвигалась не в дальнем расстоянии от аула вправо и наблюдала дорогу, ведущую с Гойты. Полнейшее раззорение аула Чахкери и уничтожение запасов было произведено так быстро и решительно, что чеченцы не успели опомниться, и колонна, потеряв всего одного раненого, начала отступать в лагерь. Лишь только она отошла от аула не более версты, как мгновенно спустился на землю густой туман и, смешавшись с дымом всеобщего пожарища, затмил весь божий свет до такой степени, что в нескольких шагах нельзя было рассмотреть даже всадника. Среди этого неожиданного мрака вдруг пронеслись по поляне дикие возгласы тысячи голосов, и громадная конная партия неприятеля промчалась мимо наших стрелков, не замечая их, и тут же столкнулась с казаками. Этот внезапный и сильный удар опрокинул с коней несколько человек с обеих сторон, но не смутил казаков, которые молодецки встретили врагов шашками и кинжалами. В ту минуту, как здесь происходил рукопашный бой, другие толпы отважно атаковали нашу пехоту. Последняя отбросила их штыками и отдала на жертву артиллерии. В расстоянии пятидесяти шагов орудийная картечь приняла мятежников в свои объятия и поражала их так жестоко, что, по словам Ермолова, разрывала тела на части. Бросаясь подбирать трупы своих товарищей, чеченцы и лезгины только увеличивали собою их количество. В продолжение этого отчаянного боя, среди которого слышались ободряющие [203] гимны и восклицания мулл, успели прибыть из малой Атаги все находившиеся там подкрепления, и скопище, усилившись до трех тысяч человек, всею своею массою накинулось на нашу колонну. Это был третий отчаянный натиск, которым Бейбулат думал раздавить наши войска и на их плечах проложить себе дорогу в лагерь. Но решимость его не удалась: картечь шести орудий, беглый огонь пехоты и лихие контратаки казаков обратили ее в нуль. В это время туман стал быстро подниматься кверху и обнаружил вдали надвигавшийся свежий баталион и два новых орудия, которые спешили на помощь нашей колонне. Неприятель сперва попятился назад, но вслед за тем прекратил бой и обратился в бегство. Колонна возвратилась в лагерь в девять часов утра.

Чеченцы уверяли, что такого жаркого боя не помнят. Они лишились одними убитыми более двухсот человек. С нашей стороны убито четыре рядовых и ранено три обер-офицера и 33 нижних чина; контужено два обер-офицера и 6 нижних чинов.

Ермолов находил, что на первый раз мятежники получили наказание достаточное. И действительно, в течение двух последующих дней не раздалось ни одного выстрела. Признавая, что задача в этом углу кончена, корпусный командир, 2-го февраля, с рассветом, снял отряд и направился в обратный путь. Пройдя ханкальское ущелье. войска разделились: баталион 41-го, 300 человек 43-го егерских полков, два орудия 22-й артиллерийской бригады, одно конно-казачье и 50 казаков пошли с Ермоловым в Грозную, а остальные войска, под командою подполковника Ковалева, заняли свои прежние квартиры в Сунженской деревне. [204]

Не для отдыха, однако, и не надолго разделился отряд: 5-го февраля, в три часа пополуночи, он опять соединился вблизи ханкальского ущелья. Пройдя аул большой Чечень (в 17 1/2 верстах от Грозной), и переправившись в полуверсте от него через Аргун по исправленному наскоро мосту, отряд вступил в большую Чечню и расположился на ночлег в двух верстах от аула Белгатой. Вторичное появление наших войск за Хан-Кале навело на мятежников такой страх, что они не решились препятствовать нашему движению. Не встретив ни одного явно неприязненного чеченца и не слышав ни одного выстрела, Ермолов 6-го февраля занял Белгатой и истребил деревню Ставноколь, лежавшую в четырех верстах вверх по Аргуну. Перейдя затем в Шали, он не застал там ни одного жителя: все рассеялись по лесам за несколько дней до появления отряда и укрыли там свои семейства. 7-го Февраля к Ермолову явились жители Герменчука, выразили свою преданность нам, доставили аманата и просили не тревожить их аула.

На другой день, 8-го февраля, отряд переправился через Аргун обратно в малую Чечню и через большой Чечень потянулся в Алды. Половине этого аула, всегда прежде покорной, но вовлеченной в мятеж насилием, корпусный командир даровал прошение, а другую занял войсками. При этом жители последней открыли перестрелку, но она оборвалась после нескольких наших картечных выстрелов. Они образумились и, спустя несколько часов, явились с раскаянием, дали аманата и просили лишь об одном, чтобы не отыскивали в лесах их семейства и дозволили бы им оставаться там безбоязненно.

Трескучие морозы задержали в Алды наш отряд [205] целые восемь дней. Не взирая на то, что большая часть войск стояла по квартирам, и в топливе не было недостатка, суровая погода давала себя чувствовать невыносимым образом; семейства же алдынцев, скрывавшиеся в лесах, претерпевали страшные бедствия. Жители многих деревень поспешили привести своих аманатов.

16-го февраля, в три часа пополуночи, отряд выступил из Алды и с рассветом приблизился к гойтинскому лесу. Заметив по опушке его сильные караулы, Ермолов командировал подполковника Сорочана, с двумя ротами апшеронцев, ротою тифлисцев, тремя стами нижних чинов 43-го егерского полка и двумя орудиями, и приказал ему сбить эти пикеты; маиора же Скалона отправил с баталионом 41-го егерского полка, при барабанном бое, занять дорогу и обеспечить войскам свободное движение. У самого леса Скалон был встречен довольно оживленным ружейным огнем, но он не помешал роте егерей броситься вперед на штыках и живо вытеснить неприятеля. После этого, пятьсот казаков, под командою подполковника Петрова, понеслись через лес и, проскакав его, атаковали аул Белакай, расположенный на поляне, в двух верстах от дороги. Большая часть жителей бежала в лес, и лишь немногие решились защищать свои жилища, но попытка их, конечно, не увенчалась успехом: они были прогнаны, а Белакай сожжен.

Отсюда отряд двинулся мимо Урус-Мартана (в шестнадцати верстах от Алды). Густой и высокий кустарник давал весьма удобное убежище сильной партии неприятеля, которая встречала и провожала войска неустанною перестрелкою. Но впереди неприятель был отражаем казаками, а а арриергарде — картечью двух [206] орудий. Оставив в стороне Урус-Мартан, Ермолов двинулся к аулу верхнему Рошню, лежавшему на речке того же имени, занял его при довольно сильной авангардной перестрелке и расположился здесь на ночлег. В течение дня потеря наша состояла из двух убитых и шести раненых нижних чинов. 17-го числа была занята деревня Гехи, находившаяся в пяти верстах от Рошня. Это был лучший и

населеннейший пункт малой Чечни, с хорошими постройками и с богатыми садами. Так как жители его оставались все еще в лесах, то корпусный командир приказал сжечь его до тла.

Подвигаясь по возможности медленно, Ермолов умышленно давал средства мятежникам соединиться в большую партию, которую бы мог поразить и еще раз проучить. Он рассчитывал, что будет ею непременно задержан в гехинском лесу, поэтому, выступив туда с ночлега, 18-го февраля, принял все меры предосторожности. Чеченцы, действительно, были в сборе, но при приближении отряда к лесу рассеялись и открыли нам беспрепятственный проход. Всю эту заповедную и грозную трущобу войска прошли при весьма слабой перестрелке и, после шестнадцати верст пути, стали на ночлег в ауле Даут-Мартан. В течение дня выбыло у нас из строя два раненых нижних чина.

Поджегши ночью Даут-Мартан. отряд не медля тронулся вперед и 19-го февраля на рассвете подступил к деревне малой Шельчихе, Казакам приказано было занять ту часть ее, которая не была окружена лесом, а другую, бывшую в руках неприятеля, велено атаковать двум ротам апшеронцев. Чтобы облегчить им взятие аула, был предварительно открыт по нем артиллерийский огонь из четырех орудий. Не [207] дожидаясь штурма, чеченцы очистили все жилища и спрятались в лесу. Апшеронцы кинулись вслед за ними и удерживали их до тех пор, пока были уничтожены все запасы и самая Шельчиха. При этом ранены: ротный командир поручик Ягловский и один рядовой. Отряд ночевал в Казах-Кичу, на правом берегу Сунжи; 20-го числа он переправился через эту реку в версте выше аула и, пройдя 13 верст, имел ночлег в с. Кулларе, а 21-го числа, после восемнадцати верст пути, прибыл в Грозную.

Началась оттепель и сильная распутица, вследствие чего военные действия были приостановлены, и войска 28-го февраля расположены по квартирам в кр. Грозной и в станицах по старой терской линии. Ермолов поселился в Червленной и здесь получил, в ответ на всеподданнейшее донесение, Высочайший рескрипт от 16-го февраля (приложение III), в котором Государь Император давал ему знать о новом усилении кавказского корпуса 94. Оно действительно было необходимо, потому что, не смотря на водворявшееся спокойствие, никоим образом нельзя было ручаться за желаемый порядок в будущем. Чеченцы были, так сказать, оголоушены, но не умиротворены, и видимой ненависти их к нам не было предела; Кабарда выжидала только весны, чтобы начать свое выселение, а следовательно и возобновить беспорядки; энергии Бейбулата не было конца, и успешная деятельность его яснее всего выразилась на вероломном поведении относительно нас ингуш — чего менее всего ожидал Ермолов.

По прибытии в декабре месяце из Кабарды в [208] Чечню, он неоднократно предписывал владикавказскому коменданту полковнику Скворцову 2-му, чтобы сколь можно поспешнее склонить и вооружить назрановских ингуш, а также осетин, для действия против мятежных чеченских деревень, и в особенности против Казах-Кичу. После всех внушений и убеждений пристава маиора Цыклаурова, назрановцы отказались наотрез от нападения на Казах-Кичу, где у них было родство и связи. Когда же для увещания их приехал из Владикавказа сам Скворцов, то они кое-как согласились пойти на другие чеченские деревни по Сунже и на карабулакские по Ассе — и то не иначе, как при участии и пособии наших войск. При этом они просили три дня на размышление и разведки о силах чеченцев и карабулаков, против которых им предстояло действовать. Скворцов должен был уступить, но при этом убедился, что назрановцы до сих пор оказывали нам преданность мнимую, ненадежную, и вовсе не желали ратовать за нас против мятежников. Они, действительно, его обманули: прошло не только три,

но и пять дней — и никто из них не трогался, с места, кроме тех нарочных, которые поскакали к Казах-Кичу и дали знать жителям об угрожающей им опасности. Наконец, по истечении восьми дней, именно к 9-му февраля, Цыклауров кое-как успел собрать 60 человек и в полдень выступил с ними из Назрани. Но перспектива задуманного им набега быстро исчезла в пространстве самой неожиданной и курьезной действительности: не доезжая до малой Яндырки, он оглянулся назад и увидел, что из числа его соратников не осталось и половины, а когда, приближаясь к Куреевой 95 [209] деревне, попробовал повернуться в седле еще раз, то усмотрел, что уже нет за ним ни одного назрановца. Пришлось возвращаться назад в одиночку.

Однако, Скворцову нужно было во всяком случае исполнить приказание корпусного командира. Употребив все меры, он собрал во Владикавказе более ста человек конных осетин, присоединил их к гарнизонному баталиону из 400 человек, и, придав последнему 10 казаков и два орудия, отправил эту небольшую колонну в Назрань. Рассчитывая, что, при участии наших войск, ингуши не будут иметь повода отказаться от набега, он велел Цыклаурову собрать их как можно более, усилить колонну в Назрани еще пятидесятью человеками пехоты, десятью казаками и одним орудием, и тотчас выступить для нападения на Казах-Кичу, а если ингуши этого не пожелают, то вести их на другие карабулакские деревни; если же и на них идти не согласятся, то сделать набег на селение Катыр-Юрт или Мартан. Словом, и Цыклауров, и вся колонна была поставлена в зависимость от ингуш и их прихотей.

Прибытие наших войск подействовало на ингуш; хотя с трудом, но собрались они в числе двухсот человек. 12-го февраля отряд выступил из Назрани, прошел Яндырку и, переправясь через Сунжу, остановился на ночлег вблизи Куреевой деревни. Тут только, "собрав осетинских чиновников и ингушевских старшин", Цыклауров объявил им решительное желание генерала Ермолова наказать Казах-Кичу. Те и другие в эту минуту согласились на предложение начальника колонны, но на другой день, во время движения, повторили прежнюю историю: довели Цыклаурова до Преградного Стана и отказались следовать [210] далее. Как ни урезонивали их со всех сторон и Цыклауров, и все офицеры — ничего не вышло, кроме комичной сцены. Что было делать? В виду Казах-Кичу колонна повернула назад и 13-го числа возвратилась в Назрань. Щелкачев, с его подкреплением, ушел во Владикавказ.

Из этих фактов корпусный командир вывел два, не совсем радужных, заключения: во-первых, что работа его по усмирению возмутившегося народа далеко еще не кончена, а во-вторых, что старая ненависть ингуш к чеченцам, на которую он так много рассчитывал, теперь более не существовала. Факт этот оказывался весьма знаменательным: он невольно убеждал, как удачно и ловко Бейбулат достиг в течение сравнительно малого времени того, что казалось невозможным, и как сильно было повсеместное действие и влияние пропаганды, а также и недружелюбие к нам населения. Все это, вместе взятое, побудило Ермолова не тратить даром времени до открытия вновь военных действий и воспользоваться этим промежутком для окончательного утверждения порядка хотя среди тех аулов, которые можно было признать, по его мнению, покорными. Для достижения этой цели, он, в особом воззвании к чеченцам, преподал им правила, на основании которых они должны были нам подчиняться и нами быть управляемы (приложение IV). Но эти правила, при тогдашнем положении дел, а в особенности при энергическом противодействии Ермолову со стороны Бейбулата и его ярых сотрудников, были пока гласом вопиющего в пустыне. В противоречие им, заговорщики стали ободрять и восхвалять тех, которые оказали нам сопротивление, и угрожали карою другим,

которые смирились и выдали аманатов; приостановку [211] Ермоловым военных действий они объясняли совершенным прекращением их и внушали народу, что теперь за ними очередь и необходимость поменяться ролями с утеснителями. Они опять поколебали многие аулы и даже самый Герменчук, верность которого была для нас не менее важна, как и верность Алды и большого Чеченя. А тут, как на зло, в половине марта явилась из Аварии к Бейбулату депутация, в числе семи человек, с предложением от какого-то хана его личных услуг и самого войска 96. Это обстоятельство еще более повлияло на народ с невыгодной для нас стороны, а Бейбулату дало возможность расправить крылья, слегка подбитые поражением скопища 30-го января. Такого скопища, правда, он уже собрать не мог, но сильная партия не только чеченцев, даже кабардинцев, во главе с сыном князя Мурзабека Хамурзина, все-таки была в его распоряжении, и он без труда употребил ее пока для грабежей и разбоев по линии от Екатериноградa до Владикавказа. Не проходило дня, чтобы она не давала себя чувствовать. Среди деятельности ее были случаи и достаточно выдающиеся, как например: нападение 29-го марта на нашу команду из 37-ми нижних чинов, посланных из Аргуданского редута, с четырнадцатью транспортными повозками, под командою кабардинского полка унтер-офицера Пучкова. Последний задал мятежникам целое сражение и, в конце концов, заставил их удалиться без поживы. Двухчасовой бой стоил нам пяти убитых и девяти раненых солдат, а равно шести убитых и раненых лошадей и быков 97. Для предупреждения и [212] прекращения подобных разбоев Ермолов приказал собрать и выдвинуть на посты назрановцев, убедив их, что того требует их собственная безопасность. На этот раз назрановцы повиновались: они выставили караулы и заставили хищников удалиться в Чечню. Когда же эти караулы нужно было сменить новыми, то из всех назрановцев едва могли набрать 20 человек: остальные решительно вышли из повиновения под разными предлогами. По поводу этого обстоятельства полковник Скворцов, в немногих строках своего донесения, очень характерно очертил тогдашнее направление ингуш и их отношения к нам. Он говорит:

«Маиор Цыклауров не предвидит в них никакой надежды, ибо многие из них мошенники, приверженным и послушным к нам смеются, а некоторые бранят, и когда, по требованию, куда-либо станут выезжать, то прочие говорят им, что вы даете русским повод поделать нас казаками. Все усилия мои довести состояние ингуш до значительной степени повиновения и улучшения их нравственности тщетны: их правила, их нравы, беспредельная привязанность к древним своим обычаям к свободе непрестанно противопостановляют сему неодолимые препятствия. Всякое очевидно полезное для них преобразование и самые выгоды ими упорно отвергаются, как скоро хотя несколько могут нарушить их образ жизни или какой-либо нелепейший предрассудок, либо ничтожнейшие из закоснелых их обыкновений 98».

Злейшими нашими врагами преимущественно перед всеми ингушами продолжали оставаться жители большой и малой Яндырки, которые во всем содействовали разбойникам, провожали их по дорогам и укрывали. Пастухам второго из этих селений как-то случилось поймать на воровстве одного чеченского абрека, [213] которого они и задержали. Когда оказалось, что он принадлежал к шайке Бейбулата, то Цыклауров хотел его купить у яндырцев за деньги, чтобы примерно наказать, но поимщики не захотели его нам отдать ни за какую сумму, а Бейбулату возвратили даром. Ничем лучше нельзя было отметить со стороны яндырцев их недоброжелательство к нам и сочувствие к нашему отъявленному врагу. Понятно, что Ермолов должен был отказаться от их содействия и ограничиться своими собственными средствами.

10-го апреля он выступил из Грозной с отрядом в прежнем его составе, собранным сюда заблаговременно, и направился к селению Алхан-Юрту. Устроив переправу через Сунжу, войска занялись рубкою леса и разработкою дорог, "чтобы тем принудить непокорное население просить пощады". Но ни один из чеченцев с раскаянием в отряд не явился; напротив того, в течение двух дней работы, жители, скрываясь в лесу, вели неустанную перестрелку и не раз заставляли нас унимать их картечью.

Окончив 12-го апреля рубку леса и устроив на левой стороне Сунжи вагенбург, отряд в три часа пополудни двинулся к Курчали (две версты от Алхан-Юрта), где была в сборе партия Бейбулата. Обстреляв деревню артиллерийским огнем, корпусный командир двинул в атаку две роты ширванцев и роту 43-го егерского полка. Мятежники бежали, засели у леса за срубленными деревьями и открыли сильную перестрелку, которую поддерживали более двух часов. Наконец они были выбиты и рассеяны; деревня сожжена. В следующие три дня отряд продолжал расчистку и разработку дороги при слабом сопротивлении, а 16-го числа выступил к селению Гехи, в намерении [214] истребить аул Даут-Мартан, все время упорствовавший в принесении нам покорности. Движение это сопровождалось несколькими нападениями мятежников на арриергард, не принесшими нам, впрочем, большого вреда. При появлении Ермолова у Даут-Мартана, жители последнего вышли к нему на встречу, и наконец, заговорили о прощении и помиловании. Так как цель была достигнута, то корпусный командир, истребовав тотчас у них аманата, оставил аул в покое. Переночевав в с. Гехи, он 17-го числа повернул войска к Алхан-Юрту для кратковременного роздыха по случаю праздника Христова Воскресенья. Сильная партия преследовала арриергард до глубокого вечера и только прекратила свои нападения в ту минуту, когда войска достигли места недавнего своего лагеря. В течение истекших восьми дней наша общая потеря заключалась в четырнадцати раненых и семи контуженых нижних чинах. Оказалось, что ею мы обязаны, между прочим, массе беглых кабардинских абреков, живших в Чечне, которые теперь составляли весьма крупную силу в партии Бейбулата и служили ему с полным усердием. При помощи их, бунтовщик успел убедить жителей вольного кабардинского аула, поселенного близь Нальчика, что мы намерены их обложить повинностью и обратить в христианство, и что с этою именно целью они изъяты из-под господства своих князей и узденей. Жители заволновались и стали готовиться к побегу. Ермолов, зная, что это поведет к новым беспорядкам во всей Кабарде, предписал подполковнику Швецову внушить жителям о их полной неприкосновенности и, в опровержение уверений Бейбулата, приступить к постройке в их селении мечети на казенный счет. В пространном по этому [215] поводу предписании Швецову 99, он приказал ему испросить разрешения командовавшего войсками на линии, генерал-маиора князя Горчакова 100, о наделении более нуждающихся быками, лошадьми и вообще, об оказании им всякой любезности.

«Подобное о них попечение — писал он — может привязать их к правительству, для того необходимо также и более ласковое с ними обращение, нежели каковое имел подполковник Булгаков, не пользовавшийся вообще ничьею доверенностью и всеми вообще нелюбимый».

Эти меры прекратили готовившийся взрыв и обратили в ничто все ухищрения и козни Бейбулата.

Поспевая повсюду, этот неутомимый партизан-бунтовщик направлял однако главнейшую свою деятельность на войска, оперировавшие в малой Чечне. 25-го апреля, когда Ермолов оставил Алхан-Юрт и, переправившись за Сунжу, двинулся к Урус-Мартану, он успел явиться в

этом ауле, укрепил его завалами и, вместе с жителями, встретил наших казаков, посланных вперед под командою подполковника Петрова, сильным ружейным огнем. Ермолов вынужден был атаковать позицию чеченцев. Казаки были отозваны и посланы в обход деревни, а вслед за ними в тыл завалам направлены три роты апшеронцев, три 41-го егерского, одна 43-го и одна тифлисского полков, под командою полковника Сорочана. Бейбулат не догадался, или, лучше сказать, не [216] уловил, что именно готовилось ему, так как все его внимание было устремлено на нашу батарею, которая громила завалы с фронта и привлекала на себя весь огонь противника. Толпы, сидевшие в завалах, очнулись только тогда, когда позади их раздался треск нескольких сот ружей и могучее русское "ура". Ошеломленные тем и другим, оне в один миг выскочили из своего крепкого убежища и бросились в лес: пехота преследовала их даже и там на расстоянии почти целой версты, и все это пространство устлала их трупами. Только сильная жара, как-то случайно припавшая в этот день, заставила корпусного командира прекратить преследование, не совсем, впрочем, и безопасное. Урус-Мартан был сожжен, и сады его вырублены. Во время этого истребления часть наших надтеречных чеченцев, находившихся в отряде, была атакована в другой стороне деревни, но ей быстро подана помощь, и неприятель обращен в бегство. У нас было пять раненых. 26-го февраля отряд ночевал на р. Рошне. 27-го Ермолов выступил с бивака с тремя баталионами, шестью орудиями и 200-ми казаков, для наказания аула Рошни; в то же время он командировал подполковника Петрова, с 300-ми казаков и одним конным орудием, для обозрения остатков Урус-Мартана. При занятии Рошни неприятель хотя и защищался довольно твердо, но был скоро выгнан из своих жилищ, а аул предан пламени. Подполковник же Петров, исполнив поручение, при возвращении был преследуем сильною партиею до самого лагеря. Мятежники, укрываясь в лесу, в течение нескольких часов его пути делали постоянные нападения, но, наконец, невдали от лагеря были атакованы казаками, окончательно рассеяны и оставили на месте одно тело. [217] С нашей стороны ранен казак. Переночевав в этот день у речки Гехинки и приняв аманата от жителей аула Гехи, Ермолов на другой день возвратился с отрядом в Грозную.

Все эти действия корпусного командира весьма мало подрывали среди чеченцев собственно авторитет Бейбулата, но влияли на них с другой точки зрения: вследствие расчистки лесов и разработки дорог через самые заповедные и непроходимые трущобы, открывался для нас всегдашний доступ в их аулы, а следовательно наблюдение и возможность наказания за разбои и хищничества. Чеченцы, и среди них прежде всего сам Бейбулат, очень хорошо понимали, что система, предпринятая Ермоловым, гораздо вреднее для них и значительно выгоднее для нас, чем поражение сильных скопищ и истребление аулов; поэтому, насколько первые признавали необходимым смирение — конечно, наружное — и бесполезным сопротивление, настолько же второй считал невыгодным для себя оставаться без всякого нам противодействия. Но оставаться в этом положении приходилось поневоле, потому что деятельность Бейбулата зависела от народа, от сил и средств, которые он ему давал, а коль скоро в том и другом являлся большой пробел, значит, приходилось сознаться, что один в поле не воин, и подумывать о благородной ретираде до наступления лучших времен. И Бейбулат, после апрельского похода Ермолова, перестает выставляться и действовать в малой Чечне, в Кабарде и среди ингуш; он с этой минуты ограничивается своим домом, т. е. большою Чечнею — и то не надолго, так как и там народ, в конце концов, делает невольную и грустную для себя уступку силе и необходимости. [218]

Дав кратковременный отдых отряду в крепости Грозной, Ермолов, не считая свою задачу еще решенною, 2-го мая выступил опять за Хан-Кале и, перейдя на правый берег Аргуна, снова посетил Белгатой и Ставноколь. Движение это было для чеченцев вполне неожиданное, вследствие чего принесло им несколько убитых и доставило нам шестнадцать пленных. Прорубив, 3-го мая, дорогу к Шали. Ермолов произвел рекогносцировку этого аула и напомнил жителям обещание о доставлении ему аманатов: но так как они не доставили, то он сжег их жилища и истребил сады. 4-го мая он переправился через Джалку, уничтожил там в незнакомых ему еще местах один аул и, встретив сильное сопротивление собравшейся по тревоге партии, поразил ее с большою для нее потерею. В рукопашной схватке у нас был убит один офицер 101, ранен также один 102 и четыре рядовых. В последующие дни были расчищены леса и проложена дорога от Белгатоя через теплинские поля до Аргуна, 11-го числа наказаны виновные и неблагонадежные лица в малой Атаге, и затем к 16-му числу проложена дорога от теплинских полей через селение Чортой и мимо селения Герменчука. Эта дорога прошла до самой подошвы Черных гор и открыла нам путь к селениям, которые всегда были лучшим убежищем хищников и мятежников. Последняя операция крайне не понравилась жителям ближайших селений, а в особенности герменчуковцам, которые доселе употребляли все способы, чтобы не допустить нас на близкую к себе дистанцию. Провинившиеся перед нами еще недавно и поджигаемые теперь Бейбулатом, жители [219] Герменчука отправили в леса все свои семейства и, усиленные соседями, встретили посещение Ермолова вооруженным скопищем по крайней мере в тысячу человек. Не обращая на это внимания, Ермолов открыл работы, а боевыми действиями поручил руководить командиру 2-й бригады 22-й пехотной дивизии генерал-маиору Лаптеву. Два дня неприятель не переставал производить нападения, желая остановить наш топор, но, постоянно и сильно поражаемый, должен был отказаться от своего бесплодного усилия. Потеря его была велика; мы же лишились двух убитых, 8-ми раненых и 3-х контуженых.

Это был последний в том году боевой дебют Бейбулата, который убедил его, что одной энергии чеченцев, доверия в нему и преданности весьма недостаточно для борьбы с Ермоловым и с русским штыком.

Везде, где прошел Ермолов, дорога была проложена и расчищена в ширину на два ружейных выстрела. Не смотря на продолжительные дожди, которые весьма подорвали силы солдат, задуманное им обширное предприятие было исполнено блестяще. Удовлетворенный вполне, он 18-го мая возвратился с отрядом в Грозную и отсюда послал две летучие кавалерийские колонны подполковников Петрова и Ефимовича за р. Ассу и еще раз в Даут-Мартан. Петров уничтожил аул Ахбарзой, а Ефимович произвел нападение на работавших в поде даут-мартанцев и перебил их. Свои походы в Чечне Ермолов завершил последним чрезвычайно важным деянием — окончательною расчисткою 21-го и 22-го мая ханкальского ущелья, обращенного с той минуты в обширную равнину.

Мятеж был укрощен — это правда; но он оставил по себе на долгое время неизгладимые следы. [220] Во-первых, взаимное доверие между нами и чеченцами — если только оно хоть когда-нибудь и в какой-нибудь форме существовало — рушилось навсегда; во-вторых, хотя восстание было подавлено, но причину, зародившую его, т. е. опасное для нас учение, нельзя было вырвать из сердца и из памяти народа, а тем более из головы шарлатанов и духовенства, для которых оно служило соблазном и рычагом на случай нового возбуждения массы; в-третьих, продолжительные боевые столкновения с нами почти всего чеченского народа и

некоторые успехи, которых он достиг в этой борьбе, породили еще более страсть к разбоям и хищничеству, к легкой наживе, и на десятки лет образовали в среде населения сильную касту преемственных разбойников, от которых мы так долго страдали.

Роль Бейбулата в Чечне была кончена — по крайней мере до времени. Он это сознал хорошо, и не желая потерять произведенного им в народе обаяния и доверия к себе, которые могли ему пригодиться впоследствии, в конце мая оставил свою родину и отправился искать счастья к лезгинам 103. Не найдя у них никакой пищи для своей бурной и неугомонной натуры, он уехал за Кубань к беглым кабардинцам, а потом очутился в гостях у анапского паши, который когда-то присылал к нему своих агентов.

Н. А. Волконский.

(Продолжение будет).

Комментарии

81. Донесение Сорочана Ермолову 17-го ноября 1825 г. № 83.

82. Донесение Сорочана от 24-го ноября 1825 г. № 84.

83. Отряд состоял из 1-го и 2-го баталионов ширванского полка и 200 гребенских казаков (из коих 120 были наряжены в конвой Ермолову), 250 моздокских и 80 семейного войска, шести орудий 2-й легкой роты 22-й, двух орудий 21-й артиллерийских бригад и трех конно-казачьих орудий № 5-го роты.

84. Донесение полковника Мищенко от 21-го ноября 1825 г. № 277.

85. Донесение Ермолову от 24-го ноября 1825 г. № 84.

86. Донесение Ермолову от 5 декабря 1825 г. № 360.

87. Донесение Сорочана от 31 декабря 1825 г. № 101.

88. Рапорт Сорочана Ермолову от 11-го января 1826-го года № 2,

89. За № 114.

90. Отзыв начал. Горячеводского укр. 43-го ег. п. капитана графа Бельфорта к корпусному адъютанту Талызину от 12-го января 1826 года № 11.

91. Рапорт Сорочана Ермолову от 13 января 1826 г. № 3.

92. В состав этого отряда входили 1-й и 2-й баталионы ширванского, 2-й бат. апшеронского, 2-й бат 41-го егерского, вторая гренадерская рота тифлисского и 300 человек 43-го егерского полков; два горных орудия 21-й, девять орудий 22-й артиллерийских бригад и четыре орудия конно-казачьей № 5-го роты; 220 гребенских казаков, 80 семейного войска и 300 человек моздокского полка

93. В состав колонны вошли: два баталиона ширванцев, рота 41-го егерского полка, четыре орудия 22-й артиллерийской бригады, два конных орудия и пятьсот казаков.

94. В Червленной же был получен Высочайший приказ о награждении „за храбрость в действиях против чеченцев" подполковников Ковалева и Сорочана 1-го следующими чинами.

95. Курей был из немногих преданных нам карабулакских старшин.

96. Донесение Сорочана от 18-го марта 1826 года № 9.

97. За этот молодецкий подвиг Пучков Высочайше награжден георгиевским крестом и чином прапорщика, два нижних чина пожалованы крестами, а остальные деньгами, мясною и винною порциями.

98. Донесение от 16-го апреля 1826-го года № 666.

99. 14-го апреля № 21.

100. Высочайшим приказом 26-го августа 1825 г., изъясненным приказом по отдельному кавказскому корпусу от 25-го сентября 1825 года № 22, командир 3-й бр. 22-й пех. дивизии и правитель Имеретии г. м. князь Горчаков 2-й назначен командующим войсками на кавказской линии, 22-ю пехотною дивизиею и и. д. кавказского областного начальника. Вступил в должность 12-го октября.

101. 41-го егерского полка поручик Борейша 2-й.

102. Того же полка поручик Резануйлов.

103. Донесение Ермолову из Грозной г. м. Лаптева 31-го мая 1826-го года.

Текст воспроизведен по изданию: Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник, Том 10. 1886

ПРИЛОЖЕНИЯ К СТАТЬЕ

"ВОЙНА НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ С 1824 ПО 1834 г.".

I.

Письмо к генералу Ермолову генерала барона Дибича.

«М. Г. Алексей Петрович. О содержании почтенного письма В. В. ко мне касательно назначения к войскам, на кавказской линии находящимся, на место умершего г. м. Сталя, и что вы желали бы иметь на сем месте г. м. Давыдова, я имел счастье докладывать Государю Императору; но Его Императорское Величество, не переменив своего прежнего мнения о генерал-маиоре Давыдове, и не соизволяя на выбор его, Высочайше повелеть мне соизволил: отвечать Вашему Впр., что Его Величество намерен назначить командиром войск на кавказской линии г. м. Лисаневича, что ныне дивизионный начальник 7-й пехотной дивизии».

II.

Рескрипт Ермолову Императора Александра I.

«Алексей Петрович! С прискорбием получил Я донесение ваше от 30-го прошлого июля, о случившихся в Чечне при Амир-Аджи-Юрте и в Аксае неприятных происшествиях.

Разделяя мнение ваше, что причиною несчастия в первом месте была оплошность командовавшего капитана Осипова, и что смерть генерал-лейтенанта Лисаневича последовала от собственной его неосмотрительности, допустив на подобный переговор людей не совершенно обезоруженных, не могу, однакож, согласиться, чтобы сей генерал был совершенно неспособен к командованию; ибо доказав, в продолжении долговременной службы, многократные опыты своего усердия, он и в настоящем случае первоначально успел удачным действием рассеять превосходные силы неприятеля, и тем освободил укрепление Герзель-аул. [222]

Как по последнему строевому рапорту считается войск в крае, вам вверенном, более 60 т. — число, какового там в прежние времена никогда не бывало, то Я полагаю и надеюсь, что сих способов, при вашем благоразумии, искусстве и испытанной деятельности, весьма достаточно будет, чтобы потушить возникающий мятеж и восстановить прежнее спокойствие и порядок.

На место покойного генерал-лейтенанта Лисаневича, сходно представлению вашему, Я соглашаюсь назначить командира 3-й бригады 22-й пехотной дивизии генерал-маиора князя Горчакова командующим оною 22-ю пехотною дивизиею и исправляющим должность кавказского областного начальника, бывши уверен сколько по известным его достоинствам, а наипаче по отличному вашему об нем свидетельству, что, под распоряжением вашим, он оправдает сей выбор принятием благоразумных мерь противу мятежников и кротким обращением с мирными народами, устраняя строгим образом всякие случаи, могущие оскорбить тех, кои не изобличены во вражде.

На место же убитого генерал-маиора Грекова предоставляю вам избрать командующим бригадою одного из отличнейших полковых командиров вверенного вам корпуса, по собственному усмотрению вашему способностей и благонадежности.

Пребываю вам всегда благосклонным".

АЛЕКСАНДР.

В Царском Селе. Августа 18 дня 1825 года.

III.

Рескрипт генералу Ермолову Императора Николая.

Алексей Петрович! Я с удовольствием получил донесение ваше от 10 января. Неутомимая деятельность ваша, неразлучная с свойственными вам твердостью и благоразумием, послужит Мне надежнейшим ручательством, что все предпринятые вами меры к водворению тишины и порядка на кавказской линии увенчаются полным успехом.

Но дабы удовлетворить настоятельному желанию вашему о усилении кавказского корпуса, Я поручил начальнику главного [223] штаба Моего привести оное без потери времени в исполнение. От него вы получите подробнейшее по сему предмету уведомление.

Мне приятно уверить вас при сем во всегдашнем дружеском Моем к вам расположении и быть взаимно уверену, что по многолетнему опыту могу ожидать от вас в полной мере те же чувства преданности ко Мне и усердия к пользе отечеству, кои постоянно отличали служение ваше Императору, общему нашему благодетелю.

Пребываю навсегда вам благосклонным.

НИКОЛАЙ.

В С. Петербурге. Февраля 16 дня, 1826 года.

IV.

Прокламация генерала Ермолова к чеченцам.

Вошедши с войском Великого моего Государя в землю вашу, наказал я возмутившихся и нарушивших присягу, но в тоже время охотно дарую я пощаду тем, кои, восчувствовав преступление свое, и желая спокойствия, просили прощения. Но дабы люди неблагонамеренные, привыкшие к воровству и злодействам, не могли, устрашая вас ложными вымыслами, вновь поколебать спокойствие, я начертываю правила, которые вы соблюдать обязаны, и в тоже время даю знать, как предписано от меня начальникам поступать с вами:

Возобновить прежнюю присягу на верноподданство Великому Государю Императору.

Мошенника, называющего себя имамом, который был причиною возмущения, к себе не принимать. Связей и сношений с людьми вредными не иметь и в селения их не впускать; кабардинских абреков и других подобных воров не принимать. Иметь караулы на своих землях и не допускать хищников проходить через оные. Если чрез земли будут проведены пленные или прогнаны лошади и скот, селения обязаны доставать оных и представлять начальству без всяких отговорок. За учиненное убийство в границах российских обязаны селения тотчас изгонять убийц и товарищей их в злодеянии с их семействами. В случае упорства, аманаты содержаны будут под строгим арестом, а если и затем не оказано будет [224] послушания, аманаты отправлены будут в Россию, и селение признано будет виновным. Пленных российских до сего взятых, возвратить. Буде кто противиться станет — таковых выгнать из общества в селения непокорные. Селения, которые до возмущения обязаны были давать сено или бревна, должны по-прежнему доставлять их в кр. Грозную.

Российские начальники обязаны будут исполнять следующее:

Аманатов деревень, которым дано прощение, содержать лучше прежнего и не под арестом, давая им свободу сколько можно; родственников их допускать беспрепятственно иметь с ними свидание. Аманатов переменять другими через четыре месяца, но из фамилий известных и хороших, имеющих собственные земли. От пришлецов из гор и других мест, не имеющих собственных земель, аманатов не принимать. По бедности народа, штрафов денежных ни за что не взыскивать, ниже под видом выкупа пленных, которых обязаны возвращать сами селения, чрез земли коих оные проведены.

За учиненное воровство не брать под арест людей, не участвовавших в том, потому только, что они того же селения, как и сделавшие кражу. Но за убийство, сделанное в границах российских, начальство схватит если не самого убийцу, ибо таковые злодеи обыкновенно спасаются бегством, то ближайших родственников убийцы.

В спорах и делах чеченцев с подданными российскими делать беспристрастный разбор. С таким же беспристрастием разбирать дела во владениях кумыкских, а дабы чеченцы не подвергались несправедливой обиде, позволять им иметь с собою кадия своего селения. Для

свободной торговли давать билеты без затруднения и защищать их от всяких обид и притеснений. Выдавать билеты и на проезд в Тифлис. Предупреждая народ чеченский, что если и за сими снисходительными мерами будет продолжать возмущения и беспокойства, я вынужденным найдусь приступить к строгому наказанию и смирю непокорных устроением крепости за Хан-Кале, ибо хорошо знаю землю чеченскую.

Текст воспроизведен по изданию: Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник, Том 10. 1886

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

ВОЙНА НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

С 1824 ПО 1834 г.

В СВЯЗИ С МЮРИДИЗМОМ

(Продолжение).

VI.

Положение дел в Дагестане в 1826 году. Война с Персиею. Рескрипт Императора генералу Ермолову. Восстание мусульманских провинций. Фанатик Гаджи-Шефи-бек. Волнения в шамхальстве. Новый рескрипт Императора. Прибытие в край генерала Паскевича. Восстание джарцев. Изгнание султана элисуйского. Восстановление порядка и спокойствия. Покорность некоторых осетинских обществ. Восстание тагаурцев. Поражение шайки Астемира и уничтожение деревни Узени-юрт. Деятельность муллы Магомета маюртупского у тагаурцев, карабулаков и в Чечне. Отъезд генерала Ермолова и назначение на его место генерал-адъютанта Паскевича.

Связь событий, происшедших в 1825 году в Чечне и в Дагестане, привела генерала Ермолова в заключению, что для спокойствия этих двух окраин необходимо одновременное на них влияние. Усмирив Чечню силою оружия и осчастливленный за это рескриптом Императора Николая 1, корпусный командир бросил взгляд и на Дагестан. [2]

Дагестан в политическом отношении делился на подвластный или мирный и на вольный. К первому относились деревни, лежавшие на низменности во владениях шамхала, в Каракайтаге, Табасарани и кюринском ханстве, вся Куба и округи, простирающиеся от нее на юг и восток; ко второму принадлежали гористые места на запад от мирных, населенные многочисленными независимыми племенами. Вольный Дагестан управлялся или советом, или старшинами; подвластный же — нашими начальниками и местными ханами: Куба и окрестности Дербента — комендантами, владения шамхала — им самим, кюринско-казикумухское ханство — Аслан-ханом, Кайтаг и Табасарань — беками. Влияние на народ этих владетелей далеко не простиралось, хотя суд и расправа их были часто неограничены. Дагестанцы, населяя преимущественно плодоноснейшие земли, в хорошем климате, были, за

немногими исключениями, зажиточны, воинственны и до крайности свободолюбивы. По этому последнему свойству было не трудно определить степень доверенности, какую мы могли иметь к преданности нам народа. Дагестанцы не любили ни персиян, ни турок, ни русских, но к первым двум национальностям всегда тяготели в тех случаях, когда видели в перспективе свое освобождение от нашей зависимости. Персияне понимали их лучше, чем кто-либо иной, и в необходимых случаях влияли на них через низвергнутых и бежавших в Персию наших ханов, а также и через разных злонамеренных для нас лиц, недовольных почему-либо нашим управлением и имевших вес в народе, но скрывавшихся от нашего преследования у них в государстве. Они справедливо полагали, что если все эти беглецы явятся в свое отечество, где удержали за собою родственные и всякие другие связи, то возмутить против нас народ будет [3] не трудно, в особенности при помощи денег, подарков и самых широких и обольстительных обещаний.

Так они и поступили. Уже в начале 1826 года в Дагестане то там, то сям сильно ратовали персидские агенты, и в марте месяце заметна была первая перемена в расположении к нам населения. Беки и важнейшие люди часто собирались для совещаний под благовидным предлогом, тогда как на самом деле эти совещания были очень подозрительны. Военно-окружной начальник в Дагестане генерал-маиор фон-Краббе, человек весьма опытный, осмотрительный, умный и на своем месте вполне незаменимый, проведав об этих сходках, приказал частным начальникам быть очень осторожными и ненадежных или подозрительных людей забирать под стражу. Эти меры хотя не успокоили конечно жителей, но удержали их от явного бунта, который возбуждали персидские агенты преимущественно разными письмами шах-заде и окружавших его фанатиков.

В апреле 1826 года войска, находившиеся в Дагестане, были расположены следующими, образом: в кр. Бурной — один баталион куринского полка и два орудия 3-й легкой роты; в Великенте — рота, того же полка и три орудия 3-й легкой роты; в Дербенте — шесть рот куринцев и три орудия 3-й легкой роты; в Кабире — рота куринцев и одно орудие; в новой Кубе — семь рот апшеронского полка, 5 орудий 3-й легкой роты и два орудия 5-й резервной батарейной; в Шемахе — рота апшеронского полка, две роты 42-го егерского и четыре орудия 5-й батарейной роты; донской Семенченкова полк размещен был на постах по всему краю. Кроме того, в Дербенте и в Баку — гарнизонные баталионы, в Ленкорани — каспийский морской баталион и часть донского Молчанова полка; 2-й апшеронский баталион оставался на линии. [4]

В мае и июне колебание умов в Дагестане усилилось; почти все беки у нас были в подозрении; вольные дагестанцы приготовлялись к нападению на мирных табасаранцев. Во главе недовольных стоял уважаемый в народе кайтаго-табасаранский кадий Абдулла-бек эрсойский, и его представительство в этом случае угрожало нам большими хлопотами, так как он был в родстве с беками, "которые равнодушно смотрели на его мошенничества, а некоторые тайно ему вспомоществовали". Но вдруг, Абдулла-бек сходит с жизненного поприща, убитый, подобно Али-Мардан-беку табасаранскому, все тем же преданным нам Навруз-беком терекемейским 2 — и дагестанцы разом оседают. Все это было для нас очень хорошо, но, по мнению Ермолова, не обусловливало окончательного спокойствия в Дагестане. Зная хорошо этот подвижной и страстный к приключениям народ, отдельные разрозненные общества которого всегда несли на себе влияние главнейшего и важнейшего среди них общества даргинского, т. е. Акуши, Ермолов понимал как нельзя лучше, что пока эта Акуша не будет

окончательно под нашим влиянием — дела наши в Дагестане можно считать только на пути к цели, не смотря на все усилия заинтересованного в них Аслан-хана кюринского и на усердие шамхала, кадия Сеид-эфенди и, пожалуй, двадцатилетнего юноши капитана нашей службы Ахмет-хана мехтулинского. Действительно, маленькие общества смотрели на Акушу во все глаза, и стоило бы ей только покачнуться, как они разом стали бы на ее сторону. Некоторую самостоятельность в последнем случае могла иметь только Кайтаго-Табасарань, [5] но ею теперь Ермолов интересовался не особенно, так как успел ослабить ее до пределов возможности уничтожением уцмийства, изгнанием крамольного майсума, подчинением многих деревень в 1825 году казенному управлению, а также арестованием и ссылкою главных мятежных беков этой всегда беспокойной провинции. Акушу, при тогдашних обстоятельствах, можно было скорее всего подчинить себе только мерами кроткими, и поэтому генерал Ермолов еще из Чечни предписал фон-Краббе 3 приступить к ним неотлагательно, положив в основание их сложение всех недоимок, накопившихся на акушинцах в нашу казну. Это была самая больная, надорванная струна даргинского общества, восстановлением которой, по словам шамхала, можно было смело достигнуть желаемой цели. Генерал фон-Краббе тотчас вызвал в Тарки акушинских кадиев, старшин и разных почетных лиц, в числе более двухсот человек. Они не замедлили явиться, и 3-го июня, в главной мечети, в присутствии шамхала, фон-Краббе и некоторых других наших начальствующих лиц, выслушали распоряжение Ермолова о сложении с них всей податной недоимки нашему правительству за прежние годы. Действительно, стрела попала прямо в цель — и восторгу акушинцев не было конца. Всесовершенное же удовольствие постигло их тогда, когда из мечети они были приглашены в замок шамхала и отпировали торжество дня с таким избытком и роскошью, о которых не имели никакого понятия. Этот достославный пир фон-Краббе описывает Ермолову следующим образом:

«Что мог только придумать и приискать в Тарках к [6] (стр. 6-7 отсутствуют в скане – прим. расп.)

[8] ло от наглости соседей безумных и неблагодарных. Хотя надеюсь и полагаю, что происшедшие военные действия суть собственное нахальство сардаря эриванского, но в государствах, столь благоустроенных, каково персидское, можно, требуя удовлетворения, и самим оное себе доставлять, а потому, и предписав вам немедленно выступить против эриванского сардаря, ожидаю скорого извещения вашего, что, с помощию Божиею, нет сардаря, и Эривань с его областью занят вами: вы и 15 тысяч русских — достаточный мне залог успехов. Прочее увидите в предписании. Одно здесь прибавлю: вы христианский вождь русский; докажите персиянам, что мы ужасны на поле битвы, но что мирный житель может найти верный покров и всегдашнее покровительство среди стана нашего. На вашу ответственность возлагаю исполнение сей Моей непременной воли. Засим, Бог с вами! Был бы Н П. прежний человек — может быть явился к вам, у кого в команде в первый раз извлек из ножен шпагу; теперь остается Мне ждать и радоваться известиям о ваших подвигах и награждать тех, которые привыкли под начальством вашим пожинать лавры. Еще раз Бог с вами! Буду ожидать частых донесении ваших, которых прощу доставления по возможности. Вам искренно доброжелательный Николай».

Увы! это был последний дружественный рескрипт нового Государя к достославному вождю Кавказа.

Не мог Ермолов не почувствовать всю неловкость своего положения перед Государем, и последовавшее затем его всеподданнейшее донесение, при всем нежелании Алексея Петровича выдать свою внутреннюю борьбу, звучит видимым оправданием за свою непредусмотрительность относительно мусульманских провинций в крае, [9] "на возмущение которых" — сознается он Государю — "была обращена вся деятельность Абас-Мирзы" 5.

«Он успел в том — говорит далее Ермолов — посредством бежавших от нас ханов, которым, дав убежище, оказывал уважение и дружбу. Они, возвратясь в прежние владения, нашли обширные связи родства и недавно еще оставленных приверженцев. Сими увлечена чернь, необыкновенно глупая, особенно легковерная. Общее против нас восстание мусульман не иначе произведено как религиею, и оное возбуждает одна священная особа, находящаяся при Абас-Мирзе. Он же, с своей стороны, дает подарки и деньги, расточает обещание и подлую ложь. Достойный сподвижник Абас-Мирзы, сардарь эриванский, те же самые и с равным коварством употребляет средства. Всюду к народу рассылает он возмутительные бумаги и письма, в особенности к каждому из старшин более уважаемых».

В этом донесении Ермолов выразился немного неточно: общее против нас восстание на Кавказе не произведено, а подготовлено религиею, и подготовлено оно собственно не священною особою, состоявшею при Абас-Мирзе, которая этим только воспользовалась вовремя, а всеми предшествовавшими вероучениями и постоянным колебанием слабых умов; в персидских же собственно провинциях края не нужно было и подготовки, потому что оне не сходили с разгоряченной жаровни и не имели никакой причины, в случае малейшего толчка своих соплеменников, оставаться нам преданными и предпочесть нас своим собратам.

Талышинское ханство возмутилось одно из первых. Правитель его Мир-Гасан-хан, зная заблаговременно о намерениях персиян, 4-го июля скрылся из Ленкорани и вслед затем явился туда уже с персидскими [10] войсками. Шекинская провинция была поднята присланными в нее шахом детьми последнего хана, которым было приказано присоединить народ для совокупных действий к джарским лезгинам и быть под руководством беглого царевича Александра, направленного для возмущения в Кахетию; в ширванскую провинцию подослан Абас-Мирзою беглый Мустафа-хан, и ему дана многочисленная персидская конница. Он быстро овладел радушием и благорасположением населения, которое тотчас присоединилось к нему. В Карабах явился также беглый хан и нашел готовую измену. Елисаветпольский округ возмущен был сыном последнего хана, власть которого утвердили персидские войска. Бакинская провинция поднята прибывшим из Персии бывшим ее ханом, убийцею генерала князя Цицианова; кубинская готовилась последовать за нею вследствие поджигательства сына Ших-Али-хана, умершего в бегах. Татарская часть шамшадильской дистанции явно восстала; старшины казахской дистанции были в сношениях с персиянами; ближайшая к Тифлису борчалинская дистанция находилась в сомнительном состоянии и видимо готовила у себя взрыв, так как сардарь эриванский не оставлял ее ни на минуту своим энергическим давлением 6.

Первостепенная и главнейшая роль в призыве к восстанию всех горных обществ Дагестана, для которых Абас-Мирза не щадил не только своих воззваний, но даже и золота, была возложена на Сурхай-хана казикумухского, присланного для этой цели из Тавриза в [11] Дагестан, вместе с Бейбулатом и Умалатом; затем на его сына Нох-хана, прибывшего на Кавказ несколько ранее своего отца, на сына этого последнего Махмад-хана, на самухского бека Шамулая (Гаджи-Шефи-бека), бывшего в большой дружбе с муллою ярагским и

поддерживавшего эту дружбу с прочими тарикатистами, а также на табасаранских беков, среди которых тогда жил мулла Магомет, и на других влиятельных в обществах лиц.

Шамулай обрисован в официальных летописях следующим образом 7:

«Гаджи-Шефи-бек, при бытности Гусейн-хана в шекинской провинции, вооружил весь народ против правительства нашего, заставил его изменить присяге, данной Государю Императору, и принять таковую хану; подстрекал хана делать неслыханные тиранства, грабежи и убийства армянскому народу, и если бы не его советы действовали, то хан не имел бы долгого существования в провинции и не сделал бы столько зла и бедствий жителям, а особенно армянской нации, от каковых ныне многие семейства страдают. Человек сей всю жизнь свою провел в разных грабежах, зажигательствах и тиранствах народа и при всех ханах, управлявших шекинскою провинциею, поступки его ознаменовались или вооружением противу власти и набиранием разбойников подобных себе, или же низкою лестью и вкрадчивостью в доверенность хана,— и как то, так и другое стяжал для того, дабы действовать самопроизвольно и разорять народ».

Сурхай не замедлил явиться на родину с запасом золота и разумеется был по сыновнему встречен Нох-ханом, который, во главе вооруженной толпы, принял [12] родителя в свои объятия. Но Сурхай не долго благодушествовал среди своих прежних подвластных, потому что Аслан-хан кюринско-казикумухский, по требованию генерала Краббе, поспешно собрал милицию, разогнал партию Ноха и выпроводил Сурхая вместе с Бейбулатом вон из своих владений. Приятели удалились в Кусур и стали оттуда скликать толпы лезгин, чтобы двинуться поближе к джарцам, где сочувствие для них было уже вполне подготовлено предварительными сношениями народа с персидским правительством, чрез посредство его агентов.

Глухой ропот стал быстро разноситься по Дагестану, в особенности среди лезгин, где жил Сурхай, и частью в Табасарани; упорно молчала одна лишь Акуша. Акушинцы не только не трогались с места, но даже не обратили внимания на льстивое воззвание к ним шаха о восстании и содействии персиянам и препроводили его к шамхалу, с уверением, что не изменят нам. Поведение акушинцев на первый раз развязывало нам руки и в том отношении, что давало возможность обратить незначительные наши войска, вверенные г. м. фон-Краббе, для надзора и обуздания мусульманских провинций 8. Не более значительный успех имел пока и Умалат, который избрал для своих предприятий давнюю зазнобу — шамхальские владения. К осени 1826 года он успел возмутить против г. л. Мехти-хана главные из подвластных ему селений — Каранай и Эрпели, примеру которых последовали сейчас же и остальные. Хотя возмущение выразилось в слабой форме, посредством неповиновения воле шамхала, неисполнения его и наших требований и т. д., но оно могло от времени разгореться, а главное — повлиять [13] и на соседей. Для уничтожения его в зародыше, г. м. Лаптев 1-й объявил жителей неповинующихся деревень нам враждебными и приказал схватывать их и изыскивать случаи наносить им вред. Согласно последнему распоряжению, в ноябре месяце 1826 года кумыкские князья поручики Чопан и Разыхан, прапорщик Кебан, костековский Амза Муртузалиев и некоторые другие, с 80-ю всадниками, под главным начальством кумыкского пристава капитана Филатова, отбили у Темир-аула до 4 т. голов скота, принадлежавшего эрпелинцам и каранайцам, и угнали его в ногайские степи. Эта решительная мера, сразу осадила мятежников, и они, подумав и погадав, пришли к убеждению, что гораздо выгоднее возвратиться к подчинению шамхалу, чем служить его

отверженному зятю. Явясь к Мехти-хану с повинною, они просили забыть навсегда их прегрешения и принять уверение, что возобновлять их не будут. Мехти им простил, но обязал эрпелинцев в начале весны 1827 года выселиться на плоскость к деревне Керей-аул и в обеспечение этого обязательства взял от них сорок аманатов, а от каранайцев, в ручательство их дальнейшего спокойствия — десять. Нечего делать, те и другие согласились на этот худой мир, и отбитые у них бараны были им возвращены 9.

В соображениях Абас-Мирзы не были упущены из вида и чеченцы, но они были подчинены влиянию дагестанцев и Нох-хана, который стал на них действовать, конечно, чрез посредство состоявшего при нем Бейбулата, а этот последний при помощи муллы Магомета Кодуклая маюртупского, все еще величавшего себя [14] имамом. Казалось, что при таком широком взмахе всех мероприятий, Абас-Мирзе не Бог знает чего

стоило бы достигнуть своих целей среди горцев, но, к счастью нашему, до этого не дошло. Благодаря хорошо поставленному делу Ермоловым и разумной деятельности его избранников — г. л. Эмануеля и г. м. Краббе, горские народы до окончания персидской войны были удержаны в границах возможной и достаточной для нас скромности, хотя вспышки не переставали являться постоянно и в разных пунктах края. Но за то, в мусульманских провинциях мы тотчас же потерпели неудачу. Когда генерал Ермолов донес о том Государю, то получил ответ, из которого увидел, что "жизнь его пройдена", и нужно уступить место другому. Император писал ему 10:

«С душевным прискорбием и, не скрою, с изумлением получил Я ваше донесение от 28 июля.

Русских превосходством сил одолевали, истребляли, но в плен не брали. Сколько из бумаг понять Я мог, везде в частном исполнении видна оплошность неимоверная: где предвиделись военные обстоятельства, должно бы было к ним и приготовиться».

В конце этого рескрипта сказано:

«Я посылаю вам двух вам известных генералов — генерал-адъютанта Паскевича и генерал-маиора Дениса Давыдова 11. Первый — Мой бывший начальник пользуется всею Моею доверенностью: он лично может вам объяснить все, что, по краткости времени и по безызвестности, не могу Я вам письменно приказать». [15]

Подпись на рескрипте была короткая, сухая и сдержанная "Николай".

И так, доверие, которым пользовался до сих пор Ермолов, надломилось, а непосредственно последовавший затем другой рескрипт дал ему понять, что оно даже и совсем прекратилось. Рескрипт этот был такого рода:

«Алексей Петрович! На основании учреждения о большой действующей армии, в случае болезни или отсутствия главнокомандующего или командира отдельного корпуса, именем их управляют армиями или корпусами начальники их штабов. Искренно желая, чтобы сей случай не мог представиться в отношении к вам, Я нужным однако же считаю, в предосторожность, для предупреждения всякого недоразумения, разрешить вас, в случае нездоровья вашего или какого другого непредвидимого препятствия, вверить начальство над корпусом генерал-адъютанту Паскевичу, как старшему после вас. Николай» 12.

Подобный рескрипт, конечно, нельзя было принять иначе, как за деликатное приглашение оставить пост — но не сразу, потому что это было бы некоторого рода строптивостью, а при

первой законной причине или чрез некоторое время. Поэтому Ермолов, скрепя сердце, предоставил свою судьбу дальнейшему усмотрению Государя и ждал — тем более, что спустя некоторое время положение его как будто бы стало восстановляться.

Ровно через месяц по подписании Государем Императором обоих рескриптов к генералу Ермолову, именно 10 сентября, Паскевич прибыл в лагерь, расположенный у Елисаветполя, и фактически вступил в командование действующими войсками, с титулом [16] "командира войск кавказского отдельного корпуса, под главным начальством генерала от инфантерии Ермолова состоящих" 13. К Ермолову же с этой минуты относились разно: или — "главному командиру войск отдельного кавказского корпуса", или — "господину генерал-от-инфантерии Ермолову", или — "главноуправляющему в Грузии" и т. д., то коротко, то с добавлением дальнейшего титула 14. К Паскевичу стала восходить большая часть донесений даже от начальников отделов края, не говоря о тех, которые были писаны начальниками частей, входивших в действующий корпус, и имя Ермолова повторялось все реже и реже. Не смотря на это, Ермолов работать не уставал, и кампания наша против персиян обязана ему не только основным планом, которому следовал Паскевич, но даже "расписанием войск для военных действий с ними". Впрочем, Ермолов скоро поправил наши дела: к началу ноября неприятель был изгнан из всех наших мусульманских провинций, "военные действия прекратились, и генерал-адъютанту Паскевичу предоставлено было перейти за Аракс" 15.

Не унимались только джарцы, восставшие прежде всех других кавказских племен, и во что бы то ни стало желавшие довести свои замыслы до какого-нибудь решительного результата. Тогдашнее политическое положение этого народа и его самоуправление настолько были для него выгодны, что мы не могли воспрепятствовать его [17] поголовному восстанию и должны были оставаться лишь тревожными его зрителями. Положение это было такого рода: под именем джарцев у нас разумелись все лезгины, жившие по левому берегу р. Алазани и издавна носившие название енисельцев; джарцами же они у нас назывались потому, что господствующим и самым влиятельнейшим среди них обществом были жители с. Джары, которые руководили делами большинства других обществ и с давнего времени держали их у себя в зависимости. Все енисельцы делились на три союза или геза: 1) сс. Джары, Катехи и Белаканы, 2) Дженихи, Талы и Мухахи и 3) елисуйцы. Султан элисуйский Ахмед-бек был нам совершенно предан; дженихцы были достаточно верными; джарцы, державшие под непосредственным своим влиянием катехцев, мухахцев и тальцев, были самыми опасными и неблагонадежными. Они отличались от других обилием своего населения и богатством, дававшими им первенство между всеми обществами; крепкое же местоположение, которое они населяли, всегда спасало их от покорения и обусловливало независимость и свободу действий. Служа всегда причиною и средоточием всех возмущений, джарцы были в постоянных сношениях с персиянами и турками. В одном только случае они были вредны для нас менее других — именно в разбоях, так как, будучи богаты, занимались обширною торговлею и в хищничестве особенной надобности не встречали. Белаканцы смотрели с завистью на силу джарцев; неприязнь эта еще более усиливалась ненавистью двух их старшин, имевших между собою кровное мщение и пользовавшихся преимущественным пред прочими их представителями влиянием. Белаканцев можно было бы назвать в то время даже приверженными, так как только они одни не разделяли крамольных поползновений [18] джарцев и остальных обществ — хотя, конечно, собственно из противодействия им, но не по внутреннему убеждению. Будучи слабее джарцев и живя на открытой местности, они всегда

стремились заискать нашего расположения и покровительства, хотя были знамениты своими разбоями и непосредственными связями с глуходарскими хищниками.

Главный Джарский старшина и начальник чапарельского тохума (фамилии), самого сильного в Джарах, был Мамед-Вели-Чанка-оглы. Он пользовался уважением и влиянием, благодаря своему значительному в народе происхождению и родственным связям, но не имел никаких личных достоинств, от старости выжил из ума и славился своею чрезмерною скупостью, так что за червонец готов был сделать что угодно. Он заискивал в нас только потому, что надеялся получить пенсию, и в этом случае годился нам для всяких услуг. Другой старшина Гаджи-Махмуд, начальник чемчелийского тохума, был хотя низкого происхождения, но своим умом и святостью, приобретенною в народе путешествием в Мекку, снискал более всех влияния в Джарах. Он был в сношениях с царевичем Александром во время бунта в Кахетии в 1811 году, принимал посланного персиянами полковника английской службы Монтиса, вел с ним сношения в начале 1826 года и усердно хлопотал среди населения о содействии Абас-Мирзе, а также всеми силами противодействовал сбору милиции, которую Ермолов думал составить при первом известии о нападении на Мирак. Ему во всем усердствовал третий старшина Оден-оглы, начальник нуглийского тохума. Гаджи-Махмуд имел кровное мщение, о котором сказано выше, к белаканскому кевхе Мамед-Муртузали-оглы, начальнику табелийского тохума, который пользовался [19] у белаканцев совершенным доверием; человек он был храбрый, умный, но преданный самому постыдному пьянству. Он дозволял разбои, так как на них основывал все свое влияние, и скрытно делился добычею с хищниками. Мы его держали в страхе, сами остерегались, но и оберегали от личных его врагов, так как со смертью его лишились бы полезного для нас соперничества джарцев и белаканцев. В этом последнем населении мы вели, устраивали и поддерживали наши дела через цибуланского старшину Курбан-Мамеда и через Байрам-Мамеда, которые вполне заслужили наше уважение своею старостью и честностью. В Катехах все делалось через старшину Цадар-оглы. "Это был пьяница, дурак и воришка, но лучше его там никого не было; в случае надобности можно было не стесняться дать ему сто палок". Главными разбойниками в Катехах были родные братья Котур-мулла и Котур-Соломон, которых мы наметили для поимки при первом явном преступлении и для расправы. В Талах старшиною был Раджаб-ага, старый бескорыстный пьяница и хороший шпион, когда выпьет тунгу водки, но так как он часто болел, то обществом управлял другой старшина Соломон, глупый, слабый и живший умом Гаджи-Махмуда. В Дженихах были старшинами Мамед-Асан-ага и его брат Джеват-ага, люди добрые, умные, честные и совершенно нам преданные. Таков был личный состав внутреннего самоуправления енисельских лезгин в минуту нашего разрыва с персиянами. Мы не имели никакого права заменить одного старшину другим и должны были одинаково терпеть как Гаджи-Махмуда, так равно Соломона и ему подобных. Обращение наших властей с старшинами было снисходительное, возможно ласковое, и о посягательстве на наказания их мы и думать себе не [20] позволяли, чтобы не лишить себя их доверенности и через это не прекратить сношений с нами всех джарских обществ. Единственная мера, к которой мы прибегали в случае неуплаты казенной подати — это задержание их скота, выгоняемого весною, осенью и зимою на правый берег Алазани 16.

Восстанию джарцев много помогло также и наше пассивное положение в закавказском крае, при котором мы не в состоянии были рискнуть ни на какие относительно их серьезные меры. Командир кавказской резервной гренадерской бригады г. м. князь Эристов, командовавший

войсками в Кахетии, еще до войны предусматривал предстоящие для нас затруднения и в донесении к г. л. Вельяминову 1-му писал о джарцах:

«Будучи подстрекаемы правительством персидским, они мало по малу испытывают, какое действие будут иметь начальные шалости, дабы после, при бездействии с нашей стороны, решиться и на самые действия военные».

В последнем случае генерал кн. Эристов прямо намекал на распоряжение Ермолова, который, в виду недостатка сил для охраны края, приказал избегать всяких вооруженных столкновений с джарцами, да и вообще с горскими народами, и обходиться по возможности, так сказать, домашними мерами и средствами. Это требование было, пожалуй, рационально до тех пор, пока джарцы действовали одни и по собственному побуждению. Но в конце июля, после того, как их навестили Сурхай-хан и Бейбулат, дела обострились: соблазн, в образе радужных обещаний полной свободы и независимости так сильно охватил их, что они поднялись почти все и составили обширный джамат у муганлинской [21] переправы. Здесь большинство стояло за немедленное открытие военных действий, и только немногие им противоречили. Результатом этого совещания было отправление к Абас-Мирзе с зятем Оден-оглы Куглун-Шабаном, всеобщего прошения о немедленном прибытии персиян в наши пределы и уверения, что все джарцы вооружатся немедля; в Нуху была также послана депутация к сыну Селим-хана с приглашением явиться в Джары. До возвращения же всех этих посланных решено было обширными предприятиями повременить 17, не стесняя впрочем желающих испробовать свое счастье в мелких нападениях. Из числа этих желающих выделились 200 человек, которые 2-го августа произвели нападение на зимний лагерь нижегородского драгунского полка Карагач, захватили несколько человек в плен, овладели кое-каким казенным имуществом и зажгли несколько построек. Командир полка полковник Шабельский просил позволения наказать джарцев, но Ермолов остался при прежнем своем побуждении и ограничился тем, что, усилив меры наблюдения и предосторожности, отправил к ним следующую прокламацию 18:

«Едва появился среди вас мошенник Сурхай казикумухсий, как уже вы начали делать разбои и сожгли Карагач. Я предупреждаю вас, что подобное поведение будет иметь для вас конец нехороший. Будете слушать обманов и обольщений мошенников — и будете жалеть после. Давно я живу здесь, и подлых саджаров знаю, которых готовитесь вы сделаться рабами; и вас хорошо знаю. Воздержитесь от разбоев, сохраните спокойствие в ваших владениях, и увидите, что вы, поверив мне, ничего не потеряете». [22]

Тем временем, Сурхай-хан неутомимо вербовал в горах лезгин, вознаграждая деньгами каждого, кто приставал к нему. Это поощрение, в связи с карагачским успехом, не замедлило принести свои плоды – и силы Сурхая росли заметно. Джарцы, в свою очередь, не обратив внимания на прокламацию Ермолова, закупали лошадей за дорогую цену и сосредоточивались преимущественно у с. Таначи, на Алазани, в 30 верстах от нашего царско-колодского лагеря. С минуты на минуту кахетинцы ожидали появления у себя своих заповедных врагов, которых должны были усилить шекинцы и ширванцы. В Кахетии начала распространяться паника, поддерживаемая, между прочим, неуместными и неблагоразумными действиями телавского и сигнахского уездных начальников, о которых кн. Эристов писал Ермолову:

«С ними я наживу здесь беду себе и народу; они совершенно не умеют управлять им при нынешних обстоятельствах; народ не любит уездных своих окружных начальников и не имеет никакой доверенности к ним».

Ермолов, положение которого было до крайности затруднительное, потому что он не мог помочь Кахетии высылкою даже одного лишнего солдата, по необходимости прибегнул с особенною любезностью к г. л. кн. Эристову, действуя воспаляющим образом на его самолюбие. На донесение его он отвечал ему 19:

«Если таковая робость кахетинцев еще не видя никакой опасности, то я не знаю, каким числом войск их успокоить возможно? Моя надежда на ваше сиятельство, что, пользуясь доверенностью дворянства и народа, вы возбудите угасшую бодрость некогда народа храброго. Не могу думать, чтобы могли кахетинцы опасаться лезгин, которые их всегда страшились. Известие, [23] что Сурхай-хан намеревается собрать горцев, возмутить чарцев и, соединясь с шекинцами и ширванцами, напасть на Кахетию, доказывает, что он весьма уважает кахетинцев, не иначе решаясь действовать против них, как с многочисленным ополчением. Это одно должно внушать им более к себе доверенности. Александр царевич без сомнения приедет, как и все те беглецы, которым дает Персия хлеб из милости. Но могу ли я позволить себе думать, чтобы презрительный бродяга сей мог найти между кахетинским дворянством сообщников, которые бы спокойствием и благом счастливой страны пожертвовали бродяге, которому надобно будет весьма скоро опять пуститься в бегство! На мужество вашего сиятельства и усердие возложил я охранение и защиту Кахетии и донес о том Государю Императору, удостоверяя Его Величество, что за таковым выбором может страна сия быть спокойною».

Вслед за прокламацией Ермолова, которая так мало подействовала на джарцев, явилось воззвание шах-заде, имевшее значительно более успеха. Абас-Мирза требовал "непременно стараться истреблять русские войска, грузин же и армян отнюдь не трогать", дагестанским лезгинам предписывалось действовать заодно с джарцами, и для этого Сурхаю было выслано еще значительное количество денег. 10-го августа они вновь кинулись на Карагач и на этот раз сожгли его окончательно; затем они напали на одно из селений султана элисуйского и также предали его огню.

Наконец, депутация, посланная к Абас-Мирзе и в Нуху, возвратилась, наделенная халатами и обещаниями наследного принца — и восстание джарцев сделалось поголовным. Они послали нарочных к Сурхаю в Баш-Джених (40 верст от Джары), чтобы он как можно скорее вел к ним дагестанцев, а к султану элисуйскому чтобы он открыл тотчас же неприязненные [24] против нас действия, иначе подвергнется разорению; к царевичу Александру отправили по три человека от каждого заалазанского селения, чтобы доставить "бродягу" через самухское ущелье в Джары, а нухинского хана еще раз приглашали немедленно к ним присоединиться с своими войсками.

Благонамеренный султан элисуйский не согласился на требование бунтовщиков даже и под силою их угроз, но двоюродный брат его Бала-ага начал бунтовать, приобретая с каждым днем себе приверженцев. Когда он увидел, что достаточно подготовил себе почву среди населения, то отправился к Абас-Мирзе просить о низвержении султана и о передаче ему его владений 20. От Самуха усердно поддерживали джарцев клевреты Шамулая, которые не щадили никого из проезжих, даже армян, бывших под запрещением щах-заде. Последний однако будто не

замечал, что приказание его нарушается, и изъявляя самухцам полное свое благоволение, выразил неудовольствие Сурхаю за то, что он медленно собирает дагестанских лезгин и действует нерешительно,

Вообще, положение наше в Кахетии к 1-му сентября 1826 года было весьма незавидное, потому что враждебные нам силы постепенно росли; возмущение коснулось уже преданных нам доселе селений верхних магалов — тальского, дженихского и мухахского; элисуйцы волновались, а мы сами должны были ограничиваться только наблюдением, потому что не имели достаточно войск для одновременных движений на разные пункты и предотвращения там беспорядков. В лагере стояло не более полутора баталиона, которых опасно было даже двинуть [25] с места, так как ежедневно доходили слухи, что джарцы намерены напасть на них. Бездеятельность и безмолвие с нашей стороны были главною причиною успехов крамолы, так как повсюду распространилась молва о нашем бессилии и о возможности без труда истребить наши войска, и если этого не случилось, то спасением нашим мы обязаны шамхорской победе (3-го сентября), которая приостановила решимость мятежников, насчитывавших в своих рядах уже свыше 2 т. хороших воинов, и с первых чисел сентября приступивших к систематическим нападениям отдельными партиями на разные населенные пункты, на драгунский и казачий летние лагери, которые были сожжены, и т. д,

Наконец, явился царевич Александр. 5-го сентября он переправился через Куру в сопровождении конвоя из 150 человек и беспрепятственно проехал в Алмало, увеличив по пути и в самом селении свою толпу до 500 человек. Но он робко вступил в джарский округ, подавляемый волнением и всякого рода сомнениями по случаю первой блестящей победы нашей над войсками Абас-Мирзы. А тут, на беду, случилось и другое весьма важное происшествие: Сурхай, четверть столетия составлявший надежду джарцев в борьбе с нами, так самонадеянно рассчитывавший пережить наше господство в крае — скончался! Это было сильным ударом для джарцев, так как им тотчас вообразилось, что со смертью Сурхая они лишатся дагестанских лезгин, которых он вербовал, останутся без такой сильной поддержки вполне изолированными, на произвол судьбы и на жертву нашим войскам и нашему правосудию, от которых имели полное основание ожидать заслуженной кары. Население заколебалось и на поголовном совещании в Джарах возбудило вопрос о том, продолжать ли [26] начатое дело, или смириться. Мнения, конечно, разошлись, партии перессорились, и дело чуть не дошло до драки. Царевич Александр, принимавший участие в этом совещании, истощил все усилия для примирения сторон, но не достиг цеди, и счел за лучшее убраться туда, откуда пришел. В тот же день он повернул обратно к Елисаветполю. Но вдруг, опять одно новое обстоятельство внезапно переменило ход дел: это было прибытие с вооруженными толпами нухинского хана, который получил приказание Абас-Мирзы изгнать султана элисуйского и возвести в это достоинство его двоюродного брата Бала-ага-бека, получившего на то фирман шах-заде, с возведением его в сан хана. Такая новость, приятная для всех без исключения джарцев, и в особенности прибытие давно желанных шекинцев, составивших столь важное для мятежников усиление, примирили враждующих. Они тотчас послали гонцов вослед царевичу, возвратили его назад с р. Агриси в Алиабат и на 10-е сентября назначили новый джамат в сел. Тасмало. Тем временем, нухинский хан вступил в Элису. Султан с немногими из своих приверженцев вздумал защищаться, но быстро убедился, что при возмущенном против него населении всякое сопротивление крайне неблагоразумно, и уступил. Потеряв в стычке с шекинцами и джарцами несколько своих приближенных, Ахмед-бек бежал в горы. 10 сентября на его место воссел Бала-хан и немедля запустил лапы в

достояние своих новых подданных. Джарцы, получив известие на джамате, что их союзник-узурпатор уже завладел султанством, и что смерть Сурхая не задержит прибытия к ним дагестанских лезгин, совсем вошли в свою первоначальную роль и решили поскорее вторгнуться в Кахетию. Но [27] Александр, зная о занятии нашими войсками Елисаветполя и о движении к этому городу от р. Тертеры армии Абас-Мирзы, под его личным начальством, сообразил, что всякое нападение на Кахетию до благоприятного оборота дел в пользу шах-заде было бы преждевременным, и, поэтому воспротивился решению джамата. Мало того, он выразил полное нежелание допустить Бала-хана во владение султанством прежде, чем ожидаемый у Елисаветполя бой решит судьбу персидских войск. Однако его нежелание было уже запоздалым, и Бала-хан, до которого быстро дошли о том сведения, вовсе не намерен был уступить; разделяя же опасения Александра, и предчувствуя, что владычество его будет действительно непродолжительное, он усилил свой грабеж до крайних пределов. Султанцы теперь только спохватились, увидев, какого владетеля и покровителя приобрели в новом своем повелителе, но поворачивать назад было поздно, и покаяние после смерти было немыслимо.

Предусмотрительность царевича не обманула его: 13-го сентября армия шах-заде была вдребезги разбита нами под Елисаветполем, и принц бежал с такою скоростью, что 18-го числа был уже за Араксом; Шуша, находившаяся доселе в блокаде, стала свободною. С этой минуты теорема Александра не требовала более никаких доказательств, и он, предоставив джарцев их собственному усмотрению, 16 числа бежал вместе с шекинским ханом за Куру; в селении же Говнук (шекинской провинции) их нагнал Бала-хан, сделавшийся опять Бала-ага, и все трое пустились в Нуху, чтобы оттуда пробраться в Персию. Джарцы, не смотря на все эти невыгодные для себя обстоятельства, однако не смирились, так как в это время к ним стали быстро подходить дагестанские лезгины, и к концу [28] сентября собрались в с. Таначи в числе 2000 человек конных "под предводительством Бейбулата Таймазова". Расположив их биваком на содержании джарцев, Бей-булат отправился в Нуху для совещаний с Александром 21. Должно полагать, что совещание это кончилось бегством Бейбулата в Персию, так как имя его исчезает с этой минуты в официальных летописях почти до весны будущего года, когда он опять появляется на Кавказе из Персии в качестве персидского агента.

Когда Ермолов получил разновременно донесения об этих событиях от кн. Эристова, то не мог не придти в удивление и писал ему из шамшадильской дистанции 22:

«Не могу однако же верить доставляемым известиям, чтобы чарцы продолжали глупое намерение свое напасть на войска наши и для того собирали дагестанцев. Знаю, что не может их собраться 2000 человек конных; не согласятся они пойти под начальством Бейбулата, известного пьяницы и труса, который в собственной земле потерял всякое уважение и даже малого количества воров собрать не может. Царевич и нухинский хан, нет сомнения, бегут оба, а за ними последует мошенник, возмутивший владения султана элисуйского. Пошлите сказать старшинам чарским, чтобы близь селения Алмало была сделана хорошая через Алазань переправа для войск, идущих в шекинскую провинцию выгнать бродягу хана. Уведомьте меня в Тифлис, как принято будет чарцами требование ваше».

В ответ на это кн. Эристов доносил:

«С требованием заготовить провиант, фураж и сделать переправу в Алмалах я послал к ним, но можно ли ожидать исполнения сего, когда я, будучи на муганлинской переправе, [29] они не хотели дать мне алазанской воды, стреляли, а теперь жгут сено наше» 23.

Да и сеном одним лезгины и джарцы не ограничивались: они отбивали стада, нападали на караулы, покушались на самые селения. Кн. Эристов хотя и выступил против них с частью отряда, но никаких результатов не достиг, и они продолжали разбойничать и грабить. По недостатку наших войск, было вооружено и выставлено в поле до 1500 человек грузин и тушин, которые заняли Чеканы и Сабуи. Неугомонности джарцев много способствовали неулегшиеся еще волнения в наших мусульманских провинциях, положение которых к началу октября было следующее: кубинская провинция почти вся была в разгаре восстания, которое поддерживал один из сыновей шаха — Ших-Али-Мирза, вместе с Мустафою-ханом ширванским. Вследствие этого, г. м. фон-Краббе должен был оставить позицию у штаб-квартиры апшеронского полка на р. Кулар и запереться с войсками в старой Кубе, где был тотчас блокирован. "Табасаранский округ был в полном возмущении; шекинский хан с Александром производили величайшие неистовства". Словом, только в одной карабахской провинции не было беспокойств; остальные же все требовали вооруженного вмешательства в их внутренние дела.

Успокоив жителей казахской и шамшадильской дистанций, которых тревожило близкое соседство эриванского сардаря, Ермолов 4-го октября возвратился в Тифлис и через шесть дней двинулся в Кахетию с последними войсками, которые держал доселе в шамшадильской дистанции для подкрепления действующего [30] корпуса и наблюдения за турецкою границею, где формировались уже отряды. Он приказал г. л. кн. Эристову дожидаться его в Карагаче с двумя ротами 3-го баталиона ширванского полка, донским Победнова полком и с частью артиллерии. Ермолов положил себе пройти джарские владения, изгнать из шекинской и ширванской провинций мятежных ханов, движением в тыл войскам шахского сына вытеснить его из кубинской провинции и, устроив таким образом дела в мусульманских провинциях, дать возможность г. м. фон-Краббе обратить все внимание на Табасарань, а самому приняться за джарцев 24.

Войска, собранные в Кахетии 25, 16-го октября выступили под начальством Ермолова с Царских Колодцев и прибыли на переправу у Алазани. Джарцы, живущие по левому берегу этой реки, в сообществе с тысячью лезгин, думали воспрепятствовать переправе отряда и даже отогнали от берега лодки, но вступать в открытую борьбу с Ермоловым не решились. Не смотря на все препятствия, он, при безмолвном сопровождении его джарцами и дагестанцами, 19-го числа прибыл в Нуху и одним своим появлением разрешил гордиев узел: шекинский Селим и ширванский Мустафа-хан, Ших-Али-Мирза, Александр и все персидские войска бежали так стремительно, что их и догнать было нельзя 26; все провинции, за исключением талышинского ханства, очистились от неприятеля сами собою. Слухи об этих [31] успехах быстро достигли до джарцев и их пособников, которые стояли в это время двумя отрядами у Белакан и Алиабата. Некоторые из джарцев стали подумывать о том, как бы освободиться от дагестанцев и указать им обратный путь, а побудительною мерою для этого избрать прекращение им довольствия; другие же предлагали прежде всего произвести нападение на Кахетию, а потом уже думать об остальном. Командир ширванскога полка полковник Ковалев, командовавший войсками за выступлением кн. Эристова в Самух, прикрыл Кахетию четырьмя ротами грузинского гренадерского полка, из которых одну оставил на Царских Колодцах, а три, с двумя легкими орудиями, под начальством маиора Корниенко, расположил у кварельской крепости, и в этом положении ожидал приказаний Ермолова.

В это время прибыли из Черномории на Царские Колодцы два полка черноморских казаков, и начали подходить части 20 пехотной дивизии, высланной из России на подкрепление кавказских войск. Из числа их четыре баталиона, рота легкой артиллерии и рота батарейной с людьми и лошадьми, но без орудий, должны были расположиться во владении джарцев, под начальством кн. Эристова, а остальные направиться к Ермолову в шекинскую и ширванскую провинции. Джарцы всполохнулись и, может быть, в этот момент и вовсе бы успокоились, но вдруг сразу привалила к ним масса дагестанцев, которых выгнали с гор наступившие холода — и они также быстро повернули на прежнюю дорогу, как и сошли с нее. Не взирая на все это, Ермолов, верный своему начальному распоряжению, опять-таки писал кн. Эристову, что хотя они достойны справедливого наказания, но он не имеет намерения употребить на то оружие, а хочет, чтобы, в штраф за измену и мятеж, джарцы [32] доставили бы в достаточном количестве продовольствие нашим войскам. Если же бы они вздумали сопротивляться вступлению войск, то корпусный командир приказал Эристову занять селения Гогами и Катехи, уничтожить их, стеснить Закаталы, вырубить возможно сады отогнать скот для продовольствия войск и вообще действовать подобными мерами наказания, но опять-таки не оружием; затем, если они отпустят в дома лезгин и придут с покорностью, то "даровать им прощение и успокоить их" 27.

Таковы были все предосторожности Ермолова и его тактика относительно джарцев, имевшие целью в затруднительные для нас минуты сохранить спокойствие внутри края. Нельзя не признать их рациональными потому, что в ином случае, т. е. при употреблении оружия, нам могла угрожать полная неудача, так как у полковника Ковалева были в распоряжении всего две роты и донской казачий полк, с которыми он не смел вступить в открытую борьбу против скопища, насчитывавшего уже в своих рядах, в особенности с прибытием 30-го октября тебельцев, до 4000 человек 28. Это скопище не было так слепо, чтобы не видеть нашу явную слабость, и поэтому позволяло себе пользоваться всяким удобным случаем вполне безнаказанно. В ночь на 31-е октября, накануне выступления в Самух двух черноморских полков, оно произвело сильное нападение на урочище Чакен-Сакдари, в 15 верстах от Царских Колодцев, отбило одиннадцать отар овец, убило, ранило и взяло в плен 6 тушин и вслед затем направилось для грабежей на правый берег Алазани. Чтобы [33] охранить население, Ковалев сообщил командиру севастопольского полка 20 пехотной дивизии, следовавшего на Царские Колодцы, чтобы он приказал одному баталиону с тяжестями идти по маршруту, а с другим поспешил бы форсированным маршем к нему на помощь. Но и эта предусмотрительность не спасла кахетинцев от опасности, и 6-го ноября громадная пешая и конная партия отогнала в окрестностях Царских Колодцев еще 4000 тушинских баранов. Возвратившийся назад тому три дня из Самуха г. л. кн. Эристов наскоро составил отряд из 1200 человек пехоты, 400 казаков, 40 драгун и четырех орудий и двинулся по пятам лезгин через ширакскую степь к горам. Он нагнал их на правом берегу Алазани ниже сел. Алмало. Рассчитывая на свои силы, лезгины отправили часть своих людей с добычею в горы, а сами, в числе 1000 человек, с двумя значками, остановились у подошвы горы Зиланчи, спешились и вступили в бой. После упорного сопротивления, которое однако скоро было надломано нашим артиллерийским огнем, атака двух рот грузинского гренадерского полка порешила дело: неприятель был разбит и вогнан в горы, оставив в наших руках два значка и несколько убитых и раненых, которых в поспешном бегстве не успел захватить. С нашей стороны убит грузинского гренадерского полка шт. кап. Абхазов, ранено 10 и контужен один нижний чин. Бой окончился поздно вечером, и неприятель отступил, оставив нам в ближайших оврагах до тысячи баранов,

возвращенных впоследствии их владельцам. Князь Эристов не решился его преследовать во-первых потому, что отряд его выступил с Царских Колодцев всего с двухдневным запасом провианта, и в горах не было воды, а во-вторых потому, что 7-го числа утром увидел на хребте [34] новые массы лезгин, которых, как оказалось вскоре засим, привели в помощь джарцам, в составе до шести тысяч человек, внук Сурхай-хана Махмад-хан и два сына аварского старшины Али-Эскендер-бека, из которых старший был Гамзат-бек, впоследствии второй имам Дагестана. Лишь только отряд наш отступил, эти толпы спустились с гор, заняли энгилойские селения и стали распоряжаться в них бесцеремоннейшим образом, а джарцы до того одушевились, что, по словам их старшины Гаджи-Махмуда, решили открыто сопротивляться нашим войскам и даже "атаковать Нуху". Донося обо всем этом генералу Ермолову 29, князь Эристов просил его, чтобы все десять баталионов 20-й пехотной дивизии зашли с ним прежде в джарский округ, привели его в покорность и повиновение, а потом уже шесть из них следовали бы далее по назначению в шекинскую и ширванскую провинции. Ермолов на этот раз не мог не сдаться, тем более, что пребыванием войск в джарских владениях достаточно прикрывалась и шекинская провинция. Предписанием из старой Шемахи, он приказал кн. Эристову удержать при себе все десять баталионов и силою принудить джарцев к покорности — если будут сопротивляться, равно к удалению от них гостей, а затем поручил ему разместить войска по квартирам, очистив для них половину домов в каждом селении; вместе с тем он отправил обратно в Карагач из шекинской провинции и нижегородский драгунский полк.

Необходимость, заставившая Ермолова изменить свой образ действий относительно джарцев, выражена им так: [35]

«По спокойствию, водворяющемуся во всех провинциях, нельзя было ожидать от горцев подобного упорства, и я желал бы употребить войска на другое занятие; но оставить горцев без наказания невозможно, ибо пример ими подаваемый может быть вредным впоследствии, когда отдалятся войска, вынося войну в землю неприятельскую, и для защиты Грузия нельзя будет оставить больших сил» 30.

И действительно, нельзя было не поспешить решительными и серьезными мерами относительно разгулявшихся мятежников, так как, по словам князя Эристова:

«Дерзость их достигла высочайшей степени. Грабежи и разбои, ими произведенные, не могут уже входить в число грабежей всегда летом ими производимых и зимою великодушием вашего высокопревосходительства прощаемых» 31.

Нападения лезгин следовали одно за другим: 25-го ноября они нахлынули на Карагач, 26-го на казачий лагерь у Царских Колодцев, 27-го на караул у армянского селения (в нухинской провинции) Ташбулах, 28-го опять на Карагач и т. д., сопровождая все эти нападения грабежами, насилием, пожарами.

27-го ноября князь Эристов выступил наконец из Царских Колодцев в джарские владения и имел первый ночлег на правом берегу Алазани, против селения Муганло. Отряд состоял из следующих частей: пяти рот грузинского гренадерского полка и полков 20 пехотной дивизии (в двухбаталионном составе) — севастопольского, козловского, нашебургского пехотных, 39-го и 40-го егерских, 8-ми орудий легкой № 2 и 8-ми легкой № 3 рот 20 артиллерийской бригады, двух орудий 1-й [36] батарейной роты 21-й бригады, двух легкой № 2 роты кавказской гренадерской бригады и донского казачьего Кутейникова полка (всего до 10 тысяч человек и

до тысячи лошадей). 28-го и 29-го чисел войска переправились через брод Буякчи у с. Падар и здесь приняли заявление муганлинских, белаканских и падарских старшин, что все энгилойское население приносит покорность и изъявляет согласие принять солдат на свое продовольствие. Таким образом, первый, с одной стороны благополучный и успешный, а с другой миролюбивый шаг был сделан. Но, не обращая на это внимания, кн. Эристов просил разрешения Ермолова уничтожить Закаталы, как "гнездо, порождающее беспрерывно измену и истребление мирных жителей верноподданных Государя", и сам остановил войска в Мусули и Алиабате, ожидая удовлетворения своей просьбы. Но Ермолов не согласился. Он писал ему:

«Главная целя моя есть наказать горцев за измену и соединение с неприятелями нашими не истреблением их — что совершенно не согласуется с обстоятельствами, и менее всего прилично может быть, когда имеем мы войну с Персиею — но хочу наказать, обратив в штраф содержание войск наших в продолжение зимы. Сим займитесь, ваше сиятельство, предпочтительно, а не мыслью брать Закаталы, как вы писать изволите — о чем я столько раз подтверждал вам».

Затем Ермолов бросает чрезвычайно верный взгляд на кахетинцев того времени и делает о них вывод, достойный светлого и практического ума, указывающий также между прочим, что князь Эристов покровительство наше этому населению обратил более чем в особенную нежность:

«Я не знаю также, почему Кахетия большей подвержена будет опасности, если Закаталы взяты не будут? Разве в [37] прежние времена кахетинцы не защищались против неприятеля несравненно сильнейшего, нежели одни горцы? Если продолжительный мир ослабил дух их, то самая та же причина не сделала горцев мужественнейшими. Теперь кахетинцы вспомоществуемы русскими войсками, а прежде без них сопротивлялись горцам и с ними вместе лезгинам, которые давно уже не приходят в том числе, как прежде. Предположу я, что появление войск наших не обратит горцев к покорности, и они просить прощения не станут. В таком случае, если они вознамерятся сражаться — вы имеете средства наказать их. Нет нужды, приступать к тому с излишнею поспешностью; напротив, дать некоторое время усилиться между ими раздорам,— что произойдет непременно, когда они должны будут содержать пришедших к ним горцев сами, без пособия селений энгило — чего вы не должны допустить» 32.

Но князь Эристов не дождался в Алиабате этого предписания, потому что дагестанцы при его появлении оставили, в числе 4000 человек, все энгилойские селения и быстро начади отступать к Джарам, вследствие чего и он счел необходимым идти тотчас же по их следам. Выступив 30-го ноября по направлению к сел. Гогами, он отрезал часть неприятельских сил и разогнал ее; остановившись же затем лагерем близь этого селения, он вызвал две тысячи кахетинцев с топорами и приступил к рубке леса, чтобы уничтожить закрытое и опасное для нас сообщение между Джарами, Закаталами и энгилойскими селениями.

Прибытие наших войск почти в упор к главным пунктам джарских владений не вызвало однако с их стороны ни малейшего признака покорности, и они не оставили своего решительного намерения сразиться [38] с нашими войсками в открытом поле. Так длилось два-три дня, пока не дошли до них слухи, что Ермолов покончил благополучно дела в шекинской и ширванской провинциях, поймал мятежника Бала-агу, ограбившего султана элисуйского, и быстро возвращается назад. Чуть только они удостоверились, что слухи эти

справедливы, как тотчас собрали громадный джамат и решили на нем: отпустить всех горных лезгин (глуходар), выдать нам аманатов и заплатить нам все понесенные убытки, но с тем, чтобы войска наши отступили к Алиабату. Закатальцы же, у которых особо гнездилось до 5000 дагестанцев, присовокупили к этим условиям еще одно: простить им все проступки и никаких наказаний за грабежи но налагать. С этими предложениями они послали к князю Эристову тальского и белаканского кевхов 33. И этот вопрос, как все прочие, разумный наставник князя Эристова разрешил без затруднений:

«Не через Гаджи-Махмуда или старшин прочих деревень должны они составлять условия, но сами чарские старшины должны были к вам явиться. Вы объявите им, что я сам скоро прибуду, а потому к Алиабату вы без разрешения моего отойти не можете. Я должен сказать вашему сиятельству, что при самом начале, как вы пришли с войсками, не надлежало входить ни в какие переговоры, а требовать, чтобы старшины явились к вам и представили свою просьбу. Теперь они трактуют с вами как не подданные, нарушившие обязанности, и думают, что они правы, как скоро удовлетворят понесенные убытки. Продолжайте стеснять их, будьте бдительны, чтобы нанести возможный вред дагестанцам, если они вздумают уйти».

12-го декабря грозный вождь прибыл к отряду кн. [39] Эристова - и дела тотчас пошли к развязке: джарцы мгновенно притихли и выслали старшин, принеся сознание своей вины и просьбу о пощаде; в обеспечение своей покорности они дали аманатов из представительных фамилий и на требование Ермолова о продовольствии войск не посмели сделать никакого возражения. Ермолов объявил, что на этот раз прощает их, если дагестанцы, кроме того, будут немедленно удалены. Но последнее приказание было излишне, потому что их и след простыл; в округе остались только небольшие шайки, с которыми справиться было не трудно.

На продовольствии джарцев в течение всей зимы оставлены: севастопольский полк, вся 3-я бригада 20-й дивизии, одна легкая рота 20-й артиллерийской бригады и серпуховский уланский полк. В шекинскую провинцию отправлена 2-я бригада 20-й дивизии с одною легкою артиллерийскою ротою 35. Бала-ага закован в кандалы и спрятан в тифлисский метехский замок. В командование войсками, расположенными в Кахетии и у джарцев, вступил начальник 20-й дивизии г. л. Красовский.

Так кончилось обширное восстание, до сих пор весьма мало известное в истории Кавказа, которое во всякое другое время и другом корпусном командире обошлось бы нам потоками крови.

Одновременно с этим и на другом горизонте обстоятельства неожиданно повернулись в нашу пользу — чему мы обязаны преимущественно грузинской духовной миссии. Распространяя евангельский свет среди языческих осетинских племен, она успела привлечь к смирению и покорности главнейшую и влиятельнейшую фамилию Абисаловых, которая выразила определенное [40] желание принять присягу на верноподданство нашему Государю. Примеру Абисаловых не замедлили вскоре последовать соседственные с ними балкарцы, чегемцы, гуламцы (холамцы), бизинги (безенгиевцы) и урусбиевцы, и таким образом к марту месяцу мы имели до 1800 дворов новых наших подданных, в дальнейшей преданности которых не имели повода сомневаться. Государь Император, относя этот важный для нас успех "к благоразумным мерам и кроткому с горцами обхождению генерал-лейтенанта Эмануеля", изволил изъявить ему Высочайшее благоволение. Из всех дигорцев отвернулись от призыва к покорности только влиятельный старшина бек Мирза-Кубатиев и три его сообщника, которые

в прошлые годы опустошали Кабарду и теперь не решались пока так услужливо расстаться с своим заманчивым ремеслом. Но дигорцы обязались принудить их к покорности силою, а чеченских и кабардинских абреков, проживавших у них, выгнать оружием 36. Ближайшим и усерднейшим деятелем в окончательном подчинении нам дигорцев был пристав осетинских народов подполковник Швецов, которому Ермолов объявил за это благодарность.

Благонамеренность дигорцев, впрочем, не возбуждала особенного удивления, потому что хотя доселе они были и непокорны нам, но вместе с тем не были и явно враждебны. Достойно же было примечания то, что вместе с дигорцами заявили нам свою преданность те карабулаки селения малой Яндырки, которые никогда и намека не подавали на сближение с нами. Подействовал ли на них пример осетин, или энергичное требование Ермолова, объявленное им при проезде летом чрез [41] Владикавказ — неизвестно. Но как бы там ни было, представители их явились в начале января 1827 года к владикавказскому коменданту г. м. Скворцову и объявили, что, удалив от себя всех неблагонадежных людей, обязуются удовлетворить своих претендателей за произведенные ими грабежи и отныне жить с нами, подобно назрановцам, в добром согласии. В залог своей преданности они представили самого надежного односельца 37.

Переход на нашу сторону такого важного разбойничьего гнезда был для нас весьма благодетелен, так как он вовремя парализовал крамольные действия муллы Магомета маюртупского, рассчитывавшего на пристанище среди Яндырцев и на их содействие к возмущению остальных ингуш. Этот "имам" вовсе не затушевался среди новых политических явлений на Кавказе, и имя его далеко не было затеряно среди них даже и после всех неудач и наказаний, постигших Чечню. Напротив, он продолжал взращать раз брошенные им семена где было возможно, и если только отчетливо не выдавался в течение полугода, то потому, что без таких сподвижников, как Бейбулат и Умалат, лично не мог воспроизвести ничего важного. После всех улегшихся в Чечне треволнений, он оставался в Маюртупе и продолжал свои связи с дагестанскими тарикатистами. Когда же персияне начали действовать на народ чрез посредством Нох-хана, то последний тотчас обратил свои взоры на муллу Магомета маюртупского и, разумеется, без малейшего труда успел приобрести в нем своего агента для возбуждения не только Чечни, но даже ингуш и осетин. Мулла служил хану усердно, делал что мог, распространял прокламации, кое-где сеял персидскими [42] деньгами, доставляемыми ему ханом, но больше прятал в свой собственный карман, а народ только ублажал обещаниями, неимоверно и всегласно ратуя за щедрость персиян, а в особенности Абас-Мирзы. Это не осталось без последствий, и в то время, когда яндырцы наконец пришли к убеждению, что мулла порядочный плут и лгун, и поспешили отвязаться от его влияния посредством перехода на нашу сторону, а дигорцы, вовсе не придавая ему никакого значения, прибегли под наше покровительство, ближайшее к нам осетинское племя тагаурцев думало и действовало иначе. В декабре 1826 года семь представителей его: Шафук и Беслан Тулатовы, Мансур Кундухов, Магомет Еленов, Азо Шекаев, Инус и Идрис Дударовы явились в Маюртуп и оттуда, вместе с муллою, направились в Дагестан к Нох-хану. Принятые с удовольствием, обласканные и слегка поощренные персидским золотом, они обещали хану непременно возмутить тагаурцев, а если это не удастся, то открыть действия и без них, где явится возможность. В удостоверение своего обещания, они оставили хану заложниками — беглеца, проживавшего в Маюртупе под покровительством муллы, тагаурца Иляса Дударова, и известного кабардинского абрека Жера, а сами получили от него на расходы по производству восстания пятьсот червонцев. Оставив затем муллу Магомета в гостях у хана, они отправились

домой, здесь окончательно снарядились и ушли в горы, чтобы оттуда в безопасности вести свое дело. Тагаурцы, подожженные этими бунтовщиками, тотчас принялись за хищничество и районом своим избрали военно-грузинскую дорогу. Узнав обо всем этом, г. м. Скворцов вызвал к себе во Владикавказ их родственников и особо от них старшин и потребовал у всех их надлежащего влияния на народ, для прекращения им [43] злодеяний и установления в среде его прежнего спокойствия. Но все его убеждения остались втуне: разбои по дороге продолжались, и семь возмутителей, руководя ими, поддерживали их неустанно. Тогда г. м. Скворцов составил команду охотников из трех унтер-офицеров и 60 рядовых и сделал засады на выездах из гор, а также у мостов, которые беглецы, по слухам, намеревались разрушить, усилил конвой проезжающих и т. д. Но на достижение этим путем желаемых результатов он рассчитывал мало, так как тагаурцы то и дело усиливали собою беглецов, а при многих постах вовсе не было никаких укреплений, и дорога все-таки оставалась в опасности. Это бы еще ничего, но самое главное, чего опасался Скворцов — это возможность поголовного среди тагаурцев возмущения, а за ними, легко может быть, и других обществ 38.

Последнее предположение не только имело значительную долю вероятия, но даже быстро стало оправдываться в действительности, благодаря усердию муллы Магомета. Возвратившись в начале января из Дагестана и поделившись небольшою частью персидских червонцев с некоторыми из главных предводителей хищников, он не замедлил этим одушевить их и подвинуть на злодейские предприятия. Прежде всех других протянул ему руку неугасимой дружбы карабулакский разбойник Астемир, ярый сподвижник Бейбулата в нападениях и разбоях 1825 года 39, который в течение истекшего полугодия всеми силами содействовал чеченским хищникам к содержанию посредством грабежей их голодных семейств, обездоленных наказанием Ермолова. [44]

«Поселившись у подошвы Черных гор, в местах огражденных природою, сей хищник, закоснелый в преступлениях, пользуясь доверенностью полудиких своих товарищей, обольщал их разными вымыслами об успехах персидского оружия и тем совершенно отклонял легковерных, которые желали покориться нашему правительству».

В восьми верстах от своей лесной берлоги на берегу Аргуна, он избрал сборным пунктом для своих "злейших хищников" деревню Узени-юрт, и оттуда предпринимал все экскурсии. Это небольшое логовище то и дело расширялось и разрасталось поселением в нем новых беглецов, и в описываемое время имело уже до 60 дворов. Вследствие своего недоступного природного положения, оно не могло быть истреблено в летнее время без значительной с нашей стороны потери, поэтому начальник кордонной линии г. м. Лаптев 1-й, крепко желавший уничтожить его, терпеливо дожидался зимы. Понуждаемый наконец не в меру усилившимися в декабре, и в особенности в начале января, проделками Астемира, а также сведением, что он, с партиею в 200 человек конных, "колеблет развратнейших из покорных нам деревень, с намерением нанести удар на линии, а также и на магометов мост от Кизляра по дербентской дороге", Лаптев собрал отряд и в ночь с 9-го на 10-е января двинул его на Узени-юрт. В состав отряда входили: шесть орудий легкой роты 22-й артиллерийской бригады и два конных, 350 казаков, 100 человек конных и 300 пеших чеченцев с топорами, баталион 41-го и 700 человек 43-го егерских полков. Сто человек надтеречных чеченцев, под начальством своих князей, были переправлены скрытно через Аргун, чтобы отрезать жителям побег к лесу, а маиор Синаков, с тремя стами казаков, перейдя реку в [45] трех верстах выше сел. б. Атага, рысью поскакал к цели по довольно трудной, неудобной дороге. Жители хотя и были предупреждены одним из

изменивших нам лазутчиков, но не успели приготовиться к упорной встрече, потому что Синаков пронесся на протяжении пяти верст минут в тридцать и захватил их почти врасплох. Они сделали лишь несколько выстрелов и были тотчас опрокинуты, потеряв убитыми, ранеными и утонувшими в реке пятнадцать человек. Узени-юрт, со всем находившимся в домах имуществом и даже с домашним скотом, был сожжен; в плен взяты три женщины. С нашей стороны потеря состояла из двух раненых казаков. Астемир хотя и подоспел с своею конницею, но был удержан от преследования отряда покорными нам атагинцами и чахкеринцами. Казаки, имея у себя в резерве наших чеченцев, отступили против Чахвери, под прикрытием расположившегося здесь баталиона 43-го егерского полка и четырех орудий. Успех наш имел последствием успокоение колебавшихся жителей и уничтожение предприятия Астемира в его зародыше. Чеченцы вообще были очень напуганы внезапностью и результатом нашего набега, живо воскресившего в них воспоминание о жестокой ермоловской расправе; шалинцы, бывшие доселе главными соучастниками Астемира, прислали на другой день депутатов с просьбою о пощаде. Генерал Лаптев потребовал от них аманата и старшин для возобновления присяги. Первого из них они представили беспрекословно, но так как он был из ненадежной фамилии, то начальник отряда его не принял, а, велел привести другого. Шалинцы хотя и дали согласие, но не выполнили его. Тем временем Лаптев думал выжечь лес, срубленный весною прошлого года при расчистке и проложении дорог, [46] но он до такой степени оказался сырым, что огонь против него был бессилен. Оставив эту попытку, Лаптев возвратился в Грозную 40.

На этот раз дело муллы маюртупского не выгорело. Провалился он также и у тагаурцев, так как они видя принятые Скворцовым меры осторожности, явились к нему с повинною и с заявлением, что одумались наконец в своем упрямстве и желают примириться с нами. Они просили только десять дней срока, чтобы повидаться с своими отпавшими от нашей власти представителями, обсудить этот вопрос совместно и попытаться также склонить и их к примирению с нами. После десяти дней они прибыли вновь с извещением, что все, кроме Кануковых и Тулатовых, согласились быть нам верными, а семь вожаков приносят свое раскаяние. Родственники этих бунтовщиков поручились за них перед нашим правительством, старшины же просили разрешения — их сообщникам и некоторым другим виновникам разных безобразий возвратиться на прежние места жительства. На последнее Скворцов до времени не согласился, приказав виновным оставаться пока в горах и ожидать своей участи. Когда мулла маюртупский узнал о сделке тагаурцев с русскими властями, то немедленно прислал им воззвание, в котором упрекал их в малодушии, требовал от главных заговорщиков, чтобы они усилили свои действия к возмущению народа и обещал в скором времени приехать сам и привезти большую сумму денег для поощрения отличившихся. Упреки и требования муллы не произвели конечно никакого действия в народе, но деньги соблазнили: чтобы отличиться [47] и заслужить их, представители мятежа 11-го февраля подстерегли близь Владикавказа проезжавшего по делам службы корпуса путей сообщения инженер-капитана барона Фиркса и взяли его в плен. Этот факт доказал Скворцову, что он был обманут уверениями старшин, и крамольный мулла Магомет Кодуклай взял над ним верх. В этом он убедился окончательно еще и потому, что когда потребовал от поручителей и старшин возвращения Фиркса, то они отвечали ему, что уговорить виновных никак не могут, и те не соглашаются выдать пленника без выкупа, а выкуп назначили в 3000 рублей. Впрочем, они ломались не очень долго, и под давлением наших угроз, а также распоряжения о поимке и

наказании кого-либо одного из главных виновников этого злодеяния, в конце марта возвратили Фиркса без всякого выкупа 41.

Наступил срок, назначенный муллою маюртупским для доставления бунтовщикам денег. Так как Магомет, не упуская из вида тагаурцев, хотел в то же время возвратить доверие к себе карабулаков и возмутить их против нас, то и назначил пунктом сбора для мятежников селение Яндырку. Карабулаки, зная по опыту, что от муллы много выгоды ожидать не могут, и желая показать нам на деле свою преданность, дали знать о том во Владикавказ. Тотчас были командированы отважные охотники, чтобы поймать или убить муллу, но когда они явились в передовую деревню Шеналик, то узнали, что фанатик еще не приезжал. Однако здесь же они получили сведение, что он отправил вперед шесть лихих кабардинских абреков, проживавших в [48] Чечне, для разбоев в Кабарде. Часть охотников быстро повернула в Назран, усилилась десятью ингушами и 14-ю казаками, подстерегла абреков у подошвы кабардинских гор, убила главного из них — Крым-Хаджу и двоих ранила. Хотя это не выкупало головы Магомета маюртупского, который, конечно, не дался в ловушку, тем не менее все же было делом довольно для нас выгодным, потому что на целый десяток сократило реестр предстоявших кровавых происшествий и навсегда снесло с лица земли одного из завзятых разбойников 42.

Мулла однако не унывал. Видя, что по разным причинам, а в особенности по отдаленности его пребывания от ингуш и тагаурцев, заезды туда ему неудобны, он ограничился Чечнею, и свою деятельность сосредоточил на ней. Это было для него тем легче, что усилия Нох-хана к порождению всеобщего мятежа не ослабевали, и он успел уже закинуть свои сети в кумыкские владения, где нашел себе пособников даже в привилегированном сословии, меньше всего нуждавшемся в персидском золоте, Кроме того, благоприятствовали здесь мулле и другие условия: достаточно подготовленная для возмущения почва, близкое знакомство с податливым населением, неприязненные побуждения которого к нам далеко не угасли, и в заключение всего — весть о новом и скором прибытии на Кавказ Бейбулата, который должен был привезти с собою от Абас-Мирзы и от самого шаха окончательные распоряжения для низвержения власти гяуров, а главное — деньги для восстановления благоденствия всех тех, которые ими разорены. Фанатические проповеди Магомета опять загремели в мечетях, и в них [49] он главным образом старался доказать, что все давние его уверения об освобождении правоверных от русского ига народом сильным и могущественным уже приходят к осуществлению, и что, следовательно, все откровения, ниспосланные ему в свое время свыше, не могут более возбуждать никакого сомнения и служат явным выражением благоволения божия к его избраннику. Последние слова клонились, конечно, к поддержанию собственного авторитета и упрочению к себе доверия со стороны народа, и нельзя сказать, чтобы мулла в том и другом вовсе не успел, так как чеченцы, вспоминая и поверяя его прежние проповеди, приходили к заключению, что предсказания муллы действительно начинают сбываться. А тут послужило пропагандисту и само счастие: в разгар его ежедневных электрических толчков, сообщаемых преимущественно маюртупцам, явились к нему в помощь от Ноха-хана, с теми же горячими воззваниями, кумыкский князь Айтемир Биерасланов, с товарищем своим Асанбеком, а затем и уполномоченные хана, которые деятельно стали распространять прокламацию персидского шаха следующего содержания:

«Ныне, божиею милостью, я шах Персии, Грузии и Дагестана, по окончании нашего рамазана уразы, буду с войсками в городе Тифлисе и очищу вас от русского порабощения; буде же сего не учиню, то не буду в свете шах Персии. К вам же в то время, по окончании уразы, пришлю с

войсками Нох-хана, которого снабжу немалочисленною казною, и награжу вас по заслугам примерно, в чем уверяю вас святым алкораном. Провиант старайтесь закупать сколько можно, для чего употребите ваше имение. По прибытии же хана, будет ему приказано от меня уплатить каждому понесенные убытки,— только не покоряйтесь русским, повинуйтесь моим предписаниям и делайте вред соседям вашим». [50]

Генерал-маиор Лаптев 1-й, доводя обо всем этом до сведения Ермолова и Паскевича 43, прибавил:

«Умы непокорных по сему воззванию начинают колебаться, в чем удостоверяет меня поведение шалинцев, которые, быв на краю повиновения, совершенно отклонились опять от переговоров. На покорных же хотя и незаметно, чтобы оное сделало какое влияние, но за всем тем, как корысть всегда сильно действует на сии народы, то легко могут некоторые по легковерию быть обольщены и присовокупиться к мятежникам ».

Горе наше в данную минуту состояло в том, что нам нельзя было ничего предпринять для подавления возникших беспорядков — во-первых потому, что они пока копошились и слоились, так сказать, в стенах собственного дома, и на свет божий в вызывающей форме не являлись, в ожидании войска, денег, руководителей и т. п., а во-вторых, что мы не могли сразу и повсеместно подавить их силою, если бы даже и хотели, так как эта сила внутри края значительно ослабела вследствие отвлечения войск к границе. Спустя некоторое время мы приостанавливали эти брожения, запугивали бунтовщиков и сдерживали их решимость распространением сведений о наших громких победах в Персии, по которым горцы видели, что дела шаха весьма не в порядке, и им нечего на него рассчитывать, а следовательно нужно помалкивать; но теперь мы и этого не могли пока сделать, так как корпус наш только стягивался к границе, и решительных действий еще не предпринималось. Наконец, с этим временем совпал и выезд из края страшного для горцев Ермолова, имени которого они не могли слышать без содрогания. Этот выезд еще более развязывал им руки, в особенности при отдалении [51] от них его преемника г. ад. Паскевича, находившегося при действующем корпусе.

Ермолов стал крайне тяготиться своим положением уже с той минуты, как получил Высочайшее повеление о назначении к нему в сотрудники г. ад. Паскевича. Но когда в феврале 1827 года Императору благоугодно было, кроме Паскевича, отправить в Грузию еще и начальника главного штаба Его Величества г. ад. барона Дибича, "уполномочив его на все меры, дабы привести в точное и безотлагательное исполнение данных ему (от Меня) личных наставлений" 44, т. е. другими словами — назначить, в случае непредвиденной надобности, преемника самому Паскевичу, то Ермолов понял, что ему на Кавказе делать нечего, и в письме к Государю от 3-го марта писал 45:

«Ваше Императорское Величество. Не имев счастия заслужить доверенность Вашего Императорского Величества, должен я чувствовать, сколько может беспокоить Ваше Величество мысль, что, при теперешних обстоятельствах, дела здешнего края поручены человеку, не имеющему ни довольно способностей, ни деятельности, ни доброй воли. Сей недостаток доверенности Вашего Императорского Величества поставляет и меня в положение чрезвычайно затруднительное. Не могу я иметь нужной в военных делах решительности, хотя бы природа и не совсем отказала мне в оной. Деятельность моя охлаждается тою мыслью, что не буду я уметь исполнить волю Вашу, Всемилостивейший Государь!

В сем положении, не видя возможности быть полезным для службы, не смею однако же просить об увольнении меня от [52] командования кавказским корпусом, ибо в теперешних обстоятельствах может это приписано быть желанию уклониться от трудностей войны, которых я совсем не почитаю непреодолимыми: но, устраняя все виды личных выгод, всеподданнейше осмеливаюсь представить Вашему Императорскому Величеству меру сию, как согласную с пользою общею, которая всегда была главною целью всех моих действий».

Ермолов даже не удостоился на это Всемилостивейшего ответа. Ответ этот передал ему кратко и сжато в формальной бумаге находившийся в то время в Тифлисе начальник главного штаба Дибич 46:

«По Высочайшему Его Императорского Величества соизволению на увольнение вашего высокопревосходительства в Россию и на вступление по сему случаю в главное начальство над войсками кавказского отдельного корпуса и в главное управление здешним краем на существующем ныне основании генерал-от-инфантерии Паскевича, прошу ваше высокопревосходительство покорнейше учинить нужное о сем с вашей стороны распоряжение».

Об этом "нужном распоряжении" Ермолов не заставил себя долго ждать: в тот же день он отдал по корпусу приказ следующего содержания 47:

«Начальник главного штаба Его Императорского Величества объявил мне Высочайшую волю Государя Императора, дабы, сдав начальство над войсками кавказского отдельного корпуса и управление здешним краем господину генералу-от-инфантерии генерал-адъютанту Паскевичу, отправился я в Россию. О сем Высочайшем соизволении делаю известным по корпусу». [53]

Так тихо и грустно сошел с поприща один из замечательнейших наших отечественных деятелей. Скромно, без всяких проводов, оваций и официальных встреч, он проехал по Кавказу и скрылся в России, оставив потомству на память массу своих полезных деяний в крае и в заключение их всех вполне готовый и законченный план персидской кампании, даже с распределением войск на отряды, по которому открыл и кончил военные действия его преемник.

Комментарии

1. См. "Кавказский Сборник", т. X, приложение III.

2. "Кавказский Сборник" т. X, стр. 180. Донесение г. м. фон-Краббе от 9 января 1828 г. № 27.

3. 20-го мая 1826-го года.

5. Всеподданнейшее донесение генерала Ермолова 13 августа 1826 г.

6. Из всеподданнейшего донесения Ермолова 4-го сентября. Более подробное описание событий в мусульманских провинциях в течение 1826 года не входит в задачу настоящей статьи, которая касается дел только на восточном Кавказе.

7. Рапорт и. д. шекинского коменданта маиора Виниери г. ад. Сипягину от 1/2 сентября 1827 г. № 694.

8. Всеподданнейшее донесение 4-го сентября.

9. Донесение г. м. Лаптева 1-го г. ад. Паскевичу от 16 ноября и 31 декабря 1826 года №№ 805 и 1043.

10. Высочайший рескрипт 10 августа 1826 г.

11. Которого отверг Император Александр, не смотря на ходатайство о нем Ермолова.

12. Рескрипт 11 августа 1826 года.

13. Титулование это сложилось само собою на основании изречения Государя в рескрипте Ермолову от 11 августа, в котором было сказано: «препоручая ему командование войск под главным начальством вашим».

14. Д. арх. шт. отд. кав. кор., 2 отд. ген. шт. 1827 г. № 5.

15. Всеподданнейшее донесение 1 ноября.

16. Д. арх. окр. шт., 2 отд. г. шт., 1829 г. № 19.

17. Донесение полковника Шабельского от 4 августа 1826 г. № 748.

18. 6-го августа 1826 г. Д. арх. окр. шт., ген. шт. 8-го декабря 1825 г./4-го января 1827 г. № 1.

19. 12-го августа 1826 г. № 267.

20. Донесения кн. Эристова от 12-го, 21-го, 24-го и 31-го августа №№ 163, 183, 187 и 208.

21. Донесения кн. Эристова от 15, 25, 29 и 30 сентября №№ 254, 272, 278 и 279.

22. Предписание Ермолова г. л. кн. Эристову от 1-го октября № 417.

23. Донесение 7-го октября № 304.

24. Всеподданнейшее донесение 10-го октября.

25. Лейб-гвардии сводный полк, рота грузинского гренадерского, 6 рот ширванского пехотного и 2 роты 41 егерского полков, 2 батарейных, 10 легких и 6 конных орудий и три полка донских казаков.

26. Всеподданнейшее донесение 21-го октября.

27. Предписания 20-го октября и 3-го ноября №№ 447 и 457.

28. Донесение полковника Ковалева от 31-го октября № 1747.

29. 3-го ноября 1826 г. № 338.

30. Всеподданнейшее донесение 19-го ноября.

31. Донесение 29-го ноября № 372.

32. Предписание 2 декабря 1826 г. № 537.

33. Донесение кн. Эристова 8-го декабря № 394.

(сбой в нумерации в печатном издании. – прим. расп.)

35. Всеподданнейшие донесения 9-го, 16-го и 28-го декабря 1826 г.

36. Д. арх. окр. шт., 2 отд. ген. шт., № 23, 1827 г.

37. Донесение г. м. Скворцова 14-го января 1827 г. № 97.

38. Донесение г. м. Скворцова от 31-го декабря 1826 г. № 2745.

39. Ст. "Кав. Сб.", т. X, стр. 183.

40. Донесение г. м. Лаптева 1-го генералу Паскевичу от 16-го января 1827 года № 10.

41. Донесения г. м. Скворцова г. ад. Паскевичу от 5-го, 13-го, 16-го февраля и 25-го марта 1827 г. №№ 282, 327, 348 и 585.

42. Донесение владикавказского коменданта от 6-го марта 1827 г. № 490.

43. Донесения 6 и 9 марта 1827 г. №№ 18 и 318.

44. Подлинные слова Высочайшего рескрипта Ермолову от 3 февраля 1827 г.

45. Зап. ген. Ермолова, ч. II.

46. Отзыв Дибича к генералу Ермолову от 29-го марта 1827 г. № 105.

47. Приказ по корпусу 29 марта 1827 г. № 21.

Текст воспроизведен по изданию: Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник, Том 11. 1887

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

ВОЙНА НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

С 1824 ПО 1834 г.

В СВЯЗИ С МЮРИДИЗМОМ

VII.

1827-й год. Расписание войск. Отбытие из края генерала Вельяминова 1-го и назначение командующим войсками, за отъездом генерал-адъютанта Паскевича в действующий корпус, г. ад. Сипягина. Инструкции начальникам отделов края. Беспорядки в Чечне. Волнение в Табасарани. Укрощение некоторых вольных дагестанских обществ и поимка Аджи-Шефи-бека. Неудавшиеся крамолы Умалата и Бейбулата.

В "расписании войск", препровожденном Ермоловым 6-го и 11-го марта к главным начальникам отделов, для охранения и обороны края были назначены следующие части:

1) Дагестанский отряд. Апшеронского пехотного полка три баталиона (из них 1 в кр. Бурной, 1 в Кубе, 2 роты с двумя орудиями в Баку и остальные 2 роты с двумя легкими орудиями в Зардобе, для охранения переправы через Куру), куринского пехотного три [54] баталиона (из них 1 баталион в Табасарани), дербентский и бакинский гарнизонные баталионы, донской казачий полк Семенченкова, 21-й артилл. бр. легкая рота № 4 (12 орудий) и 22-й — резервная

батарейная рота с шестью легкими орудиями. Все войска, кроме тех, которым указано особое назначение, должны были расположиться, в ведении г. м. фон-Краббе, у Старой Шемахи и действовать по обстоятельствам 1.

2) Кахетинский отряд. Ширванского пехотного полка 1 баталион (третий), грузинского гренадерского 1 (третий), донской казачий полк Кутейникова, 7-й запасный эскадрон нижегородского драгунского полка, 21 арт. бр. резервной батарейной № 5 роты шесть орудий. Из этих войск женатая рота грузинского гренадерского полка должна была оставаться на Мухровани для охранения полкового штаба. В нухинской провинции учреждался пост из двух рот 41-го егерского полка и двух орудий резервной батарейной № 5 роты.

3) Войска в Грузии и Имеретии. Мингрельского пехотного полка в Имеретии два баталиона и в Тифлисе один; 44-го егерского полка в Мингрелии и Гурии три баталиона; тифлисского пехотного полка в укреплении Лорийском три баталиона и в Манглисе женатая рота; 41-го егерского полка в Тифлисе один баталион и на Белом Ключе женатая рота; херсонского гренадерского полка в Карталинии 2 баталиона, по военно-грузинской дороге 2 баталиона; 7-го карабинерного — в Тифлисе 2 баталиона, в Манглисе женатая рота и в крепости Цалке один баталион; 21-й арт. бр. резервной батар. № 5 роты в Тифлисе [55] 4 орудия и легкой № 2 роты той же бригады в Имеретии и Мингрелии восемь орудий и в Карталинии четыре.

Донские казачьи полки: Ребрикова — в Имеретии, Мингрелии и Гурии, Сысоева — в Карталинии и на военно-грузинской дороге, Фомина — на турецкой границе со стороны Сомхетии и сборный линейный полк в Тифлисе.

На линии были расположены части войск 19-й, 20-й и 22-й пехотных дивизий. Оне размещались в станицах и крепостях, баталионами или ротами, и должны были собираться в небольшие отряды на самое короткое время только тогда, когда требовала того особенная надобность — как-то: преследование хищников, наказание их за разбои в ближайших местах их жительства, устройство сообщений, сооружение укреплений и т. п. Во всех же других случаях линейные войска обязаны были держаться оборонительного положения, так как при малочисленности своей и сообразно пространству линии не в состоянии были предпринимать какие-нибудь более или менее далекие движения внутрь неприятельской страны. Вследствие этого приходилось довольствоваться только одним наблюдением за неприязненным или неблагонамеренным для нас населением. Это неудобство много способствовало свободному развитию враждебных против нас предприятий, каковы заговоры, бунты и т. п.; давало всю возможность без помехи составлять опасные для нас народные сборища; развязывало язык разным пропагандистам, смущавшим народ религиозно-политическими бреднями, и не допускало вовремя задушить злодейские против нас стремления. Оттого-то и Бейбулат, и мулла Магомет так спокойно, без всякого стеснения, шли к своим целям, и не будь чеченцы сильно приглушены Ермоловым — 1827-й год не прошел бы для нас без больших тревог в Чечне. [56]

Ближайший помощник Ермолова и его главный сподвижник, которому он вверял свои планы, и с которым разделял власть и управление, генерал-лейтенант Вельяминов 1-й не долго пережил на Кавказе своего патрона и друга: через три недели слишком он оставил край и отправился по его следам. Загадка такого быстрого отъезда Вельяминова может быть разрешена тем, что, с одной стороны, он сам не считал возможным оставаться под начальством нового корпусного командира, так как принадлежал к ермоловскому лагерю, а с

другой — что от него, кок и от Ермолова, видимо хотели избавиться. Последний вывод осязательно подтверждается приказом г. ад. Паскевича 2 в котором часть обязанностей Вельяминова была отнята от него и вверена новому лицу. Приказ этот следующий:

«По Высочайшему Его Императорского Величества приказу, отданному в 28 день марта, г. генерал-адъютант Сипягин назначен тифлисским военным губернатором и управляющим гражданскою частью в Грузии, под главным моим начальством».

И вслед затем:

«По извещению начальника главного штаба Его Императорского Величества, что начальник 21 пехотной дивизии генерал-лейтенант Вельяминов 1-й, по одержимой его болезни, просит о увольнении до излечения оной, г. тифлисскому военному губернатору генерал-адъютанту Сипягину поручаю начальство над войсками, за выступлением моим в Персию остающимися в Грузии и других провинциях, присоединенных к оной, и до моего возвращения и управление по гражданской части в Имеретии с провинциями, областях мусульманских вообще и делами пограничными, с управлением всех провинций на военном положении». [57]

Освободившись таким образом в лице Ермолова от своего совместника, и обеспечив себя в крае единомыслящим и приверженным себе Сипягиным, Паскевич, отправляясь с войсками в Персию, преподал, среди прочих распоряжений разным отдельным начальникам, особые инструкции начальнику кахетинского отряда — командиру херсонского гренадерского полка кн. Бековичу-Черкаскому, командующему войсками в Дагестане г. м. фон-Краббе и генерал-адъютанту Сипягину. Инструкция сему последнему составляет свод простых распоряжений об охранении вверенного ему военного района, о расположении и передвижении войск, а также о цели и назначении частей в разных пунктах их пребывания, и наконец, о заготовлении и доставке продовольственных запасов в действующий корпус. В инструкции князю Бековичу-Черкаскому разъяснены наши отношения к джарским лезгинам, необходимость удержания их в повиновении по возможности мерами кроткими и действия преимущественно угрожающие, но не окончательные или решительные, на случай их неповиновения и восстания, затем, поддержание сношений с султаном элисуйским, который обязан доставлять сведения о горных лезгинских (глухадарских) обществах и о их намерениях, и наконец, сношения с нухинским комендантом и оказание, в случае надобности, ему содействия направлением к Нухе части войск кахетинского отряда. Пространнее и многозначительнее всех других была инструкция генералу фон-Краббе, которая, между прочим, рисуя нам тогдашнее положение Дагестана, начинается и оканчивается уверенностью в долголетней опытности этого генерала и знакомством с местными условиями, в силу которых Паскевич разрешал Краббе "действовать ко всем по его усмотрению". По отношению к мусульманским [58] провинциям он остановил его внимание на охранении трех из них — ширванской, кубинской и шекинской; затем обязывал особенно оберегать дороги, обеспечить навигацию по Куре от Сальян до Зардоба, учредить обывательские караулы, сформировать конную милицию из кубинцев и ширванцев, под начальством их беков и, в случае блокады Нухи, освободить ее и непременно разбить неприятеля. Относительно Дагестана он требовал настоятельно удержания в повиновении Табасарани, Терекеме и шамхальства. Часть Табасарани между Дербентом и Самуром корпусный командир вверил охранению Аслан-хана кюринского, "приверженность коего к правительству не подвержена сомнению". Что касается Каракайтага и терекемейских селений, то спокойствие их г. ад. Паскевич возлагал на управляющего ими поручика Эмир-Гамзу, "человека расторопного, храброго и приверженного правительству, который возьмет

надлежащие меры к прекращению возникающих возмущений". На сильнейшее общество в Каракайтаге — башлынскке рекомендовалось влиять напоминанием наших милостей и приведением к сознанию, что главное их достояние — марена — в наших руках. Среди всех этих наставлений Паскевич ставил спокойствие в Дагестане в совершенную зависимость от положения дел в Акуше. Он говорил:

«Нельзя ожидать явного возмущения в Каракайтаге, ибо жители оного без помощи акушинцев никогда еще к таковому не приступали, а акушинцы уже с 20-го года ведут себя примерно хорошо. Шамхал тарковский, с помощью гарнизона в кр. Бурной, имеет весьма достаточные силы для удержания жителей владения его и вольных мехтулинцев в надлежащем порядке; присовокупив же к сему войска, которые могут поспеть к нему на помощь из Дербента и самой Кубы, нет сомнения, что край сей можно удержать в совершенном повиновении. Все [59] возникавшие доселе во владениях шамхала значительные возмущения, для усмирения коих требовалась помощь войск наших, подстрекаемы и поддерживаемы были силою акушинцев; ныне, как замечено выше, акушинцы совершенно покойны и не только не вмешиваются в дела и распри соседей своих, но в прошлом году доставили предместнику моему все возмутительные бумаги, высланные к ним персиянами, с приглашением возмутить против правительства весь Дагестан. Со старшинами акушинцев и кадием надлежит быть в частых сношениях, вызывать иногда важнейших из оных в Шемаху, дабы они лично могли удостовериться в силах наших и в спокойствии повсюду существующем, ласкать их сколь возможно более, угощать и, отпустя в обратный путь, награждать» 3.

Только относительно Чечни и вообще всей линии не было сделано никаких распоряжений, и генерал-лейтенанту Эмануелю не преподано никакой инструкции. Это могло происходить или оттого, что народы, примыкавшие к линии, были для Паскевича пока неведомы, или оттого, что он вполне доверял Эмануелю и признавал для него руководителя ненужным, или наконец потому, что спокойствие чеченцев, кабардинцев, осетин и ингуш ему казалось вполне обеспеченным, а серьезные движения с их стороны невозможными вследствие тогдашнего положения этой части края.

Между тем, чеченцы прежде всех других продолжали оставаться неспокойными, благодаря поджигательству своих старых и опытных представителей крамолы и деятельности Нох-хана, который еженедельно снабжал их разного рода распоряжениями относительно восстания, а также щедро расточал самые соблазнительные обещания, не скупясь иногда и на персидские деньги. Наконец, после [60] последней прокламации шаха, которую он прислал чеченцам, они заявили мулле Магомету, что готовы восстать хоть сейчас, лишь бы им было оказано вооруженное содействие. Мулла не замедлил отправиться с этим радостным известием к бунтовщику хану. Донося об этом Ермолову 4, г. м. Лаптев охарактеризовал состояние умов населения следующим образом:

«Многие жители деревень, от которых мы имеем аманатов, закоснелые в хищничестве и наскучившие спокойствием, ожидают с большим нетерпением вспомоществование, и если удерживаются еще нарушить данную присягу, то единственно для заготовления хлеба, который по причине неурожая позволено им было на необходимые свои надобности покупать на линии. Отделение войск от сего края они толкуют фальшиво в свою пользу и тем внушают многим дерзость надеяться в скором времени пользоваться свободою, обещанною им от персидского правительства. С моей стороны, сколько будет возможно употребить

политических распоряжений, я не упущу; но за всем тем, дабы вернее сохранить спокойствие, необходимо все время иметь для движения отряд войск в кр. Грозной».

Таким образом, по словам этого документа, недоставало весьма немногого, чтобы возмущение обнаружилось открыто, во всей своей угрожающей форме. В виду этого; только теперь явилось намерение составить на линии отдельный отряд и, в случае надобности, употребить оружие для поддержания порядка. В сущности же, никаких мер пока принято не было, и чеченцы без всякой помехи продолжали свое дело. 29-го апреля, по призыву брата Бейбулата, прибывшего в б. Чечню с одним тавлинцем, толпа заговорщиков собралась близь [61] разоренной деревни Шали и имела удовольствие выслушать еще один новый манифест Нох-хана, в котором было сказано, что хан вскоре сам прибудет с горскими народами к Сулаку и откроет действия, а до того времени приглашает людей, пользующихся доверием в народе, "где возможно усилить возмущение". Каждому из тех, кто отличится каким-нибудь злодеянием против русских, было обещано по 16 червонцев, а тем, которые явно возьмутся за оружие, назначалось жалованье — конным по 20 руб. серебром, а пешим по 12-ти руб. в месяц. Это воззвание, а в особенности обещанные деньги произвели в толпе сильное смятение и открытую готовность тотчас же приступить к делу. Но брат Бейбулата не сумел этим воспользоваться с тою энергиею, с какою бы воспользовался в данную минуту сам Бейбулат, и все толки и пересуды на совещании не пошли далее угроз и обещаний непременно услужить хану.

На другой день, 30-го апреля, в малой Чечне происходило то же самое, что у Шали, но с последствиями несколько более осязательными и решительными, благодаря непосредственному участию в агитации муллы Магомета Кодуклая, который неожиданно явился туда с братом Нох-хана Баматом Хазаматовым и андреевским беглецом Асанбеком Казбековым. Этот триумвират остановился в сел. Гелен-Гойте, у некоего Мисоста, и, при помощи его и других жителей, в тот же день собрал 50 человек из окрестного населения, под предлогом раздачи каждому по пяти рублей задатка в счет будущего жалованья и на покрытие издержек по заготовлению продовольствия. На совещании было решено собрать партии к 6-му мая и в тот же день произвести нападение на одну из оказий, отправляемых из Грозной, но с [62] тем, чтобы в составе партий участвовали и некоторые жители покорных нам аулов. Цель последнего условия была обдумана довольно метко и заключалась в том, чтобы навлечь наше наказание на эти покорные аулы и тем заставить их возмутиться; до осуществления же этого предприятия решено произвести несколько частных нападений, где окажется удобным.

Сведение об этих замыслах прилетело в Грозную с быстротою ласточки, и генерал Лаптев немедля составил отряд из 400 казаков моздокского полка, ста гребенского и пятидесяти человек семейного войск, 150 надтеречных чеченцев, ста кумыков, пятисот человек пехоты, семи орудий 2-й легкой роты 22-й артиллерийской бригады и трех конных орудий. Войска эти были выдвинуты за Сунжу, "откуда многим жителям чеченских деревень могли быть видимы наши силы", и старшинам, равно аманатским хозяевам, объявлены замыслы бунтовщиков; с тем вместе к 6-му мая приказано исправить мосты по дороге к Аргуну и осмотреть броды для безостановочной переправы войск и в особенности артиллерии. Главная из этих мер — именно предотвращение вступления в ряды бунтовщиков жителей покорных нам аулов, была достигнута вполне, и никто кроме гелен-гойтенцев не примкнул к возмутителям. Лаптев остановился на необходимости наказать за это население Гелен-Гойты, тем более, что оно слабо исполняло свою присягу и обязанности, принимало у себя кабардинских абреков и других мошенников, замечено было во многих "шалостях" и даже в последний месяц

отказалось переменить своего аманата, которому истек срок содержания. Но Лаптев собственною властью, без разрешения корпусного командира, не мог исполнить своего намерения, поэтому и вошел к нему о том с ходатайством. [63] Паскевич же, отвергая в этом случае приемы и метод Ермолова, на донесении Лаптева написал следующую резолюцию: "желательно, чтобы деревня сия была приведена в повиновение иными средствами, а никак не наказанием и разорением оной, к чему генерал-маиор Лаптев и примет надлежащие меры" 5.

Пока Лаптев принимал эти меры, мятежная шайка, возбужденная и обольщенная сладкими речами муллы Магометан, двинулась из Гелен-Гойты на стяжение успехов в покорных нам аулах и, усилившись по пути еще десятью человеками, 1-го мая напала близь Грозной на нефтяные наши колодцы. Караул, состоявший из шести чеченцев, под начальством сына владельца Мурдарова Шабаса, разбежался и дал возможность хищникам безнаказанно зажечь нефть. Исполнив это несложное дело, партия поехала далее мимо деревни Гуниш, пригрозив ей наказанием, в случае, если кто-либо из ее жителей донесет о ней начальству. Нефтяной пожар не имел серьезных результатов и даже не принес откупщикам большой невыгоды, потому что нефть незадолго до того была выбрана, а поплатились лишь караульные и деревня Гуниш: три представителя ее и Шабас были арестованы на гауптвахте — последний на одну неделю; караульные же были наказаны розгами. Что касается до хищнической партии, то она, потерпев неудачу почти во всех покорных аулах, и видя, что с нашей стороны меры осторожности приняты, разошлась по домам, не получив от муллы никакого вознаграждения за свою жалкую удаль. 6-го мая Лаптев снял отряд и отправил части в места их постоянного расположения 6. [64]

Предусмотрительное распоряжение Паскевича относительно Гелен-Гойты принесло пользу и нам, и жителям этого селения: нас оно избавило от необходимости раздувать искру в пламя и идти на встречу всяким сомнительным случайностям, а гелен-гойтенцев спасло от разорения и, может быть, от истребления. Среди них нашлись здравомыслящие люди, которые оценили это распоряжение и тем улучшили положение всех остальных. К числу этих людей относится прежде всего аманатский хозяин аула, который, видя неуступчивость большинства бежал из своего селения в Мамакаеву деревню и там поселился. Чтобы вознаградить его за усердие к нам, Лаптев возвратил ему бывшего у нас в заложниках его сына и поощрил его поступок особо от того. С Гелен-Гойтою же таким образом были прерваны всякие приязненные связи, так как возвращение или освобождение аманата считалось равносильным отозванию из чужеземного государства своего представителя. Гелен-гойтенцы так сильно устрашились этой меры, что, не прошло и месяца, как они, основательно передумав, прислали другого аманата из лучшей фамилии и с ним вместе старшин для изъявления раскаяния и испрошения прощения. Вслед за ними прибыли 5-го июля с шалинского поля жители непокорной деревни Марабатовской, с просьбою принять их всех, кроме пяти дворов, за поведение которых они не ручались, под покровительство нашей власти. Они получили удовлетворение и на верность нашему Государю принесли присягу. Таким образом, мятежный дух к июлю месяцу ослабел почти везде, куда успел закрасться, и оставался видимым пока только у некоторой части жителей шалинской поляны, реки Рошни, в ауле Казах-Кичу и в ауле Галга-Иса-Гусейн на Сунже, близь деревни Самашки. Но в этих двух последних пунктах мятежные [65] проявления были для нас не страшны, вследствие подчинения Ермоловым сунженских поселений терским князьям. Правителем и распорядителем с. Галга мы имели преданного нам и строгого князя Кагермана Алхазова, а владельцем Казах-Кичу — не уступавшего ему в приверженности к нам князя Кучук-Инала Бекичева 7.

Но никто не мог поручиться, что безусловная тишина станет надолго необходимым условием жизни и быта чеченцев, потому во-первых, что они, при своей склонности к приключениям, при жажде корысти и при легковерии, не могли оставаться в покое, и во-вторых потому, что они были в зависимости от лиц и обстоятельств, действовавших, происходивших и влиявших на них из Дагестана, где народ, поджигаемый тегеранским двором и Нох-ханом, бойко толковал и о малочисленности наших войск, и о силе и содействии персиян, и о возможности изгнать нас из края. Эти пересуды выражали собою пока глухое брожение, но могли быстро перейти и в открытое волнение, которого Краббе ежеминутно ожидал преимущественно со стороны Табасарани, Кайтага "и других мошеннических мест" 8 — и наконец дождался.

Прибытие Нох-хана в Табасарань после неудачной встречи его с своим родителем сейчас же отразилось на поведении беспокойного населения этой провинции, которое едва только семь месяцев назад приняло поголовную присягу в Маджалисе. Мятежник без затруднения встретил дружное и надежное пособие в сыне убитого Абдуллы-бека эрсойского Заале, и не прошло нескольких дней, как грабежи и разбои табасаранцев начали [66] постепенно оглашать собою пространство между р. Самуром и Дербентом. Первоначальные наши неудачи с персиянами отвлекли пока и войска, и внимание от этих хищнических проделок, но наконец усиление их, явное неповиновение всех табасаранцев нашей власти и появление бывших неприятельских партий в нижних деревнях прилегающих к большой дороге из Кубы в Дербент, заставили генерала Краббе приступить к прекращению этих беспорядков оружием. В декабре 1826-го года он предписал командиру куринского полка подполковнику фон-Дистерло выступить в Табасарань с пятью ротами вверенного ему полка и тремя орудиями, наказать деревни, передавшиеся на сторону Нох-хана, или, если встретится в том затруднение, то по крайней мере привести их в повиновение. По приглашению Краббе, к подполковнику фон-Дистерло примкнул с своею конницею Аслан-хан кюринский и капитан Эмир-Гамза-бек каракайтагский.

23-го декабря войска наши вступили в Табасарань. Жители большей части нижних деревень, вверенных управлению майсума, Мамеда и Ибрагим-бека карчагских, а также кадий Авдурзах-бек, явились с изъявлением покорности и с просьбою о помиловании. 30-го декабря фон-Дистерло вступил в Марагу, принял ее покорность и привел жителей к присяге. Население деревень, поступивших в 1825 году, по их желанию, в казенное управление: Хили-Пинжи, Зиль, Татиль, Экраг, Эрсо, Зинак, Аркит, Лидже и Аран 9, бежало в вольную Табасарань вместе с сыновьями сосланного в Астрахань Ахмед-паши-бека — Айдамиром, Шах-Марданом и Амир-Асланом. К бежавшим послано было [67] письмо, чтобы они возвратились, но ответа они не дали. Напротив, вслед затем эти три бека явились с конными толпами увлеченных ими жителей и вольных табасаранцев в Дарваг и насильно хотели переселить эту деревню в вольную Табасарань. Когда дарвагцы известили о том подполковника фон-Дистерло, то он послал к ним Авдурзах-бек-кадия с милициею, чтобы прогнать возмутителей; но кадий, не доехав несколько верст до деревни, повернул назад и привез сведение, что не мог пробиться к Дарвагу, так как все дороги сильно заняты неприятелем. Тогда Дистерло 2-го января 1827-го года двинулся сам, оттеснил мятежников, привел дарвагцев к присяге и направился обратно в Марагу. Аслан-хан, с своею конницею, не пошел за ним, а двинулся из Дарвага на Хили-Пинжи. Лишь только он отделился от отряда на несколько верст, как был атакован в густом лесу партиею сыновей Ахмед-паши и в сильной перестрелке потерял убитыми капитана Эмир-Гамза-бека и 17-ть всадников и ранеными 37-мь человек. Мятежники с своей стороны лишились убитым Амир-Аслана. 4-го января Аслан-хан повернул в свои

владения, так как получил известие, что аварцы возвратились из джарского округа с сыном Ноха Махмад-ханом и будто думают вторгнуться в кюринское ханство. Подполковнику фон-Дистерло оставалось наказать Дювек, но, по малому количеству своих войск, он не решился приступить к этой операции и 5-го числа отступил к Дербенту, поручив заведывание приведенными в повиновение деревнями даралинского и этекского магалов прапорщику Мамед-беку карчагскому; деревни же, оставшиеся после бежавших Айдамира, Шах-Мардана и убитого Амир-Аслана, имел неосторожность вверить "тонкому мошеннику и величайшему [68] плуту" 10 Авдурзах-бек-кадию (как было сделано временно до принятия их в казенное управление в 1825 году), селение Марагу — поручику Иса-беку, а Хошни — по-прежнему Сулейман-беку. Всем этим управляющим было предписано содержать сильные караулы по границе вольной Табасарани, а для безопасности дороги от Кубы в Дербент и защиты нижних деревень временно оставлены в с. Рукель, отстоявшем в 15 верстах от Дербента и принадлежавшем поручику Иса-беку, две роты куринцев с одним орудием. Но все эти беки, как видно, плохо содержали караулы, а Авдурзах-кадий, в вероломстве которого Краббе был вполне уверен, и подавно не думал ни о чем подобном, вследствие чего Айдамир и Шах-Мардан, спустя несколько дней по отступлении отряда, ворвались с своими партиями в даралинский и этекский магалы. Мамед-бек храбро встретил их около своего селения Карчага и дал знать о том в Дербент и в шамхальские деревни, откуда тотчас ему было выслано пособие. Но мятежники не сочли удобным выждать его и отступили, обещав явиться вновь по совершении обряда поминок по убитом Амир-Аслане. Генерал-маиор фон-Краббе нимало не сомневался в том, что они приведут в исполнение свое обещание и просил разрешения Ермолова взять из отряда хоть один баталион с артилериею, чтобы присоединить его к пяти ротам куринцев и произвести экспедицию в Табасарань. Он в этом случае был того мнения, что если сейчас же не наказать мятежников, то они с наступлением лета непременно возобновят свои разбои, а за ними легко может быть последуют и каракайтагцы, так как нельзя [69] было надеяться, чтобы управление Кайтагом Байбала-бека, "человека праздного и наклонного к разврату, было столько же благоразумно и полезно нам, как убитого брата его Эмир-Гамза-бека" 11. Хотя генерал-от-инфантерии Ермолов разрешил ему эту экспедицию и даже предписал полковнику кн. Бековичу-Черкаскому отправить из его отряда к генералу Краббе две роты апшеронцев и две куринцев, а вместе с тем отложить всякое предприятие на муганскую степь и ограничиться наблюдением за безопасным состоянием пограничной стражи, но Краббе движение в Табасарань произвести не успел, потому что в начале марта было сделано распределение войск по отрядам, вызвавшее Ермолова на новые распоряжения, по поводу которых он писал генералу Краббе:

«Предпишите поставить на Куре обывательские караулы и с надежнейшим из беков часть конницы в Сальянах, где ожидаю я непременно беспорядков и даже измены. Употребите [70] также кубинскую конницу под начальством капитана Иса-бека, если не возобновятся беспокойства в Табасарани и не понудят вас туда отвлечь часть войск. Аслан-хан, одобренный Всемилостивейшею Государя Императора наградою, должен в таком случае употребить все усилия, и к тому же остающийся баталион близко Дербента и часть войск в Кубе могут смирить мятежников. Вы поставите начальникам единственною целью не допускать успехов их на плоскости, но отнюдь ничего не предпринимать против жилищ их в горах, ибо сие есть приличнейшее средство в теперешних обстоятельствах» 12.

Для охранения Табасарани был назначен по расписанию один баталион куринского полка. Генерал Краббе находил его весьма недостаточным для предназначенной цели и ручался еще

раз, что весною беспорядки там возникнут непременно, так как "Нох и Заал не преминут воспользоваться податливостью глупого народа и совершенным неимением ни в Табасарани, ни в Каракайтаге преданных нам беков".

Краббе чрезвычайно верно угадывал события, потому что не успели еще высохнуть чернила на его донесении, как Нох-хан уже ознакомил табасаранцев с воззванием шаха о предстоящем его прибытии в Тифлис, которое было распространено также в Чечне и доведено в то же время до сведения Ермолова генералом Лаптевым. Нох-хан отправил в вольную Табасарань любезного сына своего Махмад-хана, а сам, тем временем, занялся аварцами и сюргинцами. В последних числах апреля Нох имел уже "значительные толпы конных лезгин из Аварии и Сургяли", с которыми двинулся через Кубачи в Каракайтаг, с намерением разорить Терекеме. 1-го числа он уже был с ними в вольной [71] Табасарани, в сс. Хошни и Халин, и там, склонив на свою сторону магалы Нитрек, Суан и Дирче, ожидал удобного случая к нападению. Аслан-хан тотчас спустился к нему на встречу к карчагским владениям и просил подкрепить его нашими войсками 13. Краббе выслал из Дербента три роты куринцев, прибытие которых в Карчаг убедило возмутившиеся магалы, что гораздо удобнее возвратиться к прежнему своему покойному состоянию. Руководимые этим благоразумным выводом, они обратились к карчагским бекам с просьбою примирить их с русскою властью и испросить им прощение. Нох и Заал, не ожидавшие такого поворота дел, поспешно убрались в верхние деревни и начали разглашать, что войска наши разбиты персиянами, отрезаны от границы и лишены всякой возможности влиять на Дагестан, для которого вследствие этого настала решительная минута освобождения. Однако и здесь они потерпели неудачу, не смотря на свои обольстительные уверения: верхне-табасаранцы не согласились принять их сторону и предложили им оставить их в покое, вследствие чего мятежники отступили к границам Аварии. В августе все табасаранцы возобновили свою присягу и пока успокоились. Из трех рот одна была отправлена в штаб-квартиру, а остальные две выведены в с. Рукель 14.

Однако нельзя сказать, чтобы усилия Ноха и Заала остались бесследны в тех местах, на которые они их направили после неудачного похождения в Табасарани. Успеху их в этих пунктах они обязаны частью довольно удачному, предусмотренному Ермоловым, [72] нападению 7-го июля шекинского и ширванского ханов с значительными силами на м. Сальяны 15, вследствие чего наши фонды в крае сразу упали, но еще большею частью усилиям самухского наиба Аджи-Шефи-бека, бумского магального наиба Агарзы-бека и многих других своих сотрудников. В среде их ратовал против нас даже и нухинский полициймейстер Усейн-бек. Все эти лица, действуя одновременно в разных концах Дагестана, возбудили враждебные намерения против нас нескольких вольных обществ, начиная с непокорного нам дидойского, в враждебной деятельности которого не приняло участия одно только селение Готокорели. 11-го июля дидойцы собрались во всеоружии невдали от куткашенского магала, под предводительством своего главного возмутителя белада Бегая, и выжидали известия о результате сальянских событий. Но персияне в это время были прогнаны, и в Куткашен быстро следовала рота (3-я мушкетерская) апшеронского полка (поручика Войцеховича 2-го), посланная генерал-маиором Краббе в распоряжение шекинского коменданта маиора Виниери для восстановления порядка. Пользуясь этими обстоятельствами, благоразумный куткашенский наиб Бала-бек уговорил бунтливое население поскорее разойтись — и не мог повлиять только на одного Аджи-Шефи-бека, который, удержав при себе партию в 120-ть человек, бросился с нею на грабеж в кабалинские магалы, не думая там встретить наши войска, в чем и уверил своих сообщников. Но на границе провинции он неожиданно

наткнулся на наши караулы, и партия его тотчас же [73] скрылась в горы и разбежалась по домам, а при нем остались только четыре нукера, четверо микрягцев и четыре жителя селения Мескинжи. 22-го июля прибывшая апшеронская рота была обращена в кабалинские магалы и двинулась по куткашенскому ущелью для подкрепления народной шекинской конницы, в числе 350 человек, посланной внутрь Дагестана, под предводительством Бала-бека, для установления порядка и поимки Шефи-бека. 23-го числа, ночью, когда шекинская конница стада биваком под одним из хребтов, Аджи-Шефи-бек, с своими двенадцатью приверженцами, напал на караул, расположенный в бумском ущельи, но, потерпев здесь неудачу, бежал далее в Дагестан. 26-го числа Бала-бек прибыл в с. Куруш, вытребовал отсюда, а затем и из с. Ахты, старшин и доставил их в деревню Мичеклы. Перейдя на другой день к Микрягу и призвав к себе старшин этого селения, он потребовал у них всех шекинских и кубинских беглецов; но их, к сожалению, здесь уже не было, и оказалось только семейство Аджи-Шефи-бека, состоявшее из четырех женщин, которых, вместе с хозяином дома, поручили юзбашу отправить к полковнику Мищенко; семилетний же сын Шефи-бека был спустя немного найден в вершинах бумского магала, где его укрывал один шекинец. 29-го числа курушские старшины в числе 30-ти человек были приведены к присяге перед ротою апшеронского полка и дали четырех аманатов. Через три дня маиор Виниери, для приведения в окончательное повиновение вольных обществ Дагестана, выслал 150-ть человек пехоты и 300 человек ахтынской конницы, а на другой день, 3-го августа, и сам выступил вслед за ними с ротою апшеронцев и 200 конных. 5-го августа он вытребовал у селения Мескинжи [74] всех ширванских и кубинских беглецов и приступил к приведению на верноподданство неповиновавшихся нам доселе вольных обществ. Шефи-бек тем временем скрывался в трущобах, где находил убежище и содержание у многих своих приверженцев.

При таком положении дел в Дагестане, дидойцы приготовившиеся, при пособии смежных обществ, для нападения на Кахетию в числе тысячи человек, потеряли свою энергию, и хотя в последних числах июля двинулись на плоскость — собственно скорее для того, чтобы не подорвать своей репутации в глазах прочих дагестанцев, но усмотрев принятые полковником князем Бековичем-Черкаским предосторожности, повернули назад и разошлись по домам 16. Белад Бегай изъявил нам покорность — хотя весьма кратковременную, и в залог верности прислал в наше распоряжение своего племянника. Что же касается до жителей селения Готокорели, в числе 400 дворов, то они выслали к нам в с. Шильды пять своих представителей с просьбою принять их под покровительство русской власти и дозволить им свободный приход в Кахетию. По отобрании от них присяги на верность, просьба их была уважена. Примеру их вслед затем последовали еще пять шильдо-дидойских селений, в числе 600 дворов 17.

Аджи-Шефи-бек, зная хорошо, что преданность, выраженная нам вольными обществами Дагестана, далеко не искренняя, готовая при первом удобном случае замениться враждою, не торопился прибегать к нам с повинною. В этом поддерживал его и Нох-хан, уверявший, что в самом близком будущем готовится осязательный [75] толчок для парализации чувств, вынужденных нами у дагестанцев. Нох-хан на этот раз оказался правдивым, потому что не прошло двух-трех недель, как в Дагестан явился посланный Абас-Мирзою Умалат, "с двенадцатью тысячами туманов" 18, для найма горских народов в армию принца и вообще для возмущения их 19. Шамхал тарковский окончательно перетрусил от сюрприза, явившегося в лице его отверженного зятя, и между прочим писал генералу Краббе:

«Без сомнения, все дагестанские народы предадутся ему и пристанут к нему, ибо несением и исполнением поручаемых им служб стеснены они и всегда желали приезда Умалата. По прибытии его с деньгами, обнадеживанием и одними увериниями мы уже ничего не сделаем, и никакого успеха быть не может. Остается только нам средство, чтобы десять тысяч войск непобедимых российских поставить в Дагестане, дабы дагестанцы обращали внимание и страшились их, и тогда уже, с одной стороны, показав им войска, а с другой — давая им уверение, можно сим способом удержать их мирно в домах своих. Без сего, клятвою и обнадеживанием никакого успеха в деле получить нельзя».

Однако Шефи-беку не привелось погулять с Умалатом: в двадцатых числах августа, т. е. немедленно по прибытии Умалата, он был схвачен и, вместе с 12-ю своими приверженцами, шекинским комендантом маиором Виниери заключен в нухинскую тюрьму. Местные власти и все благонамеренные люди торжествовали, а Виниери просил Сипягина:

«Дабы Аджи-Шефи-бек с шайкою своею был удален [76] навсегда, и чтобы имя его, поколебавшее многие умы и привлекавшее к разбою, изглажено было навсегда в шекинской провинции. Мошенник этот не должен более видеть своей родины —писал Виниери — и того места, где разбойнические дела его приводили в ужас народ. Никогда нельзя ожидать от него исправления, ибо врожденное зло, руководившее им доселе, останется в нем навсегда; никогда нельзя ожидать от него преданности к нашему правительству, ибо измену носит он как яд, и при первом случае будет путеводителем к бунту и мятежу».

Но ни торжество нашей власти по случаю поимки фанатика, наводившего ужас в особенности на армян, ни проклятия Виниери не одолели ловкости и других "врожденных" качеств завзятого тарикатиста: при препровождении его из Нухи в Тифлис, он бежал и очутился у джарцев. Здесь он явился к джарскому старшине Гаджи-Махмуду и так обольстил его своими хитросплетениями, что положительно заставил старика поверить себе. Он рассказал ему, что бежал не для того, чтобы избегнуть наказания и приняться за прежнее ремесло, а чтобы пробраться к Аслан-хану и испросить его покровительства на прощение русских властей. В случае достижения цели, он обязывался служить верно и вечно, и, пользуясь дружбою с детьми Сурхай-хана, расставить им гибельную ловушку. Гаджи-Махмуд, удержав его у себя в гостях, донес об этом кн. Бековичу, а у Виниери ходатайствовал о прощении будто бы раскаявшегося плута. Кн. Бекович и Виниери также были усыплены его обещаниями и особенных препятствий ходатаю не поставили. Вследствие этого Шефи-бек получил свободу и возвратился на прежнее место своего жительства 20. [77]

Вслед за прибытием Умалата, Нох-хан распространил в народе письмо, полученное из Тавриза от дагестанцев и чеченцев, отправившихся к шаху и шах-заде на поклон, которое "имело целью обольстить чеченцев и убедить их вооружиться против русских" (приложение VI). Письмо это, кроме восьми разных лиц, было подписано также и "войсковым старшиною Бейбулатом", который вероятно присвоил себе этот эпитет не в роде чина, а по званию своему руководителя военных сил чеченцев во время восстания их в 1825 году 21. Все эти сведения, вместе с копиею письма, доставил нам Аслан-хан кюринский, который доложил, что в народе опять пошли прежние слухи о том, что у нас войск в Дагестане нет, и мы лишены, по случаю войны с Персиею, уделить свое внимание и иметь надлежащий надзор в этом крае. Дав этому полное вероятие, генерал-адъютант Сипягин предписал г. м. фон-Краббе, "дабы он по местному усмотрению, если найдет нужным, некоторую часть войска, под командою его состоящего, хотя на короткое время придвинул несколько к Дагестану" 22. Генерал-маиор

фон-Краббе не мог сделать ничего подобного, потому что наличные силы его были крайне ограничены: в кр. Бурной было только две роты, в дербентской провинции пять рот, в том числе две женатых, на которых лежало охранение полковой штаб-квартиры, табасаранской области и кайтагского округа; для охранения штаб-квартиры апшеронского полка и всей кубинской провинции — три роты, из коих одна женатая. С такими средствами Краббе, по словам его, [78] не имел возможности потушить волнений в Дагестане даже в их зародыше, а между тем непременно ожидал их, в виду того, что Умалат "уважаем в народе, подвластном шамхалу тарковскому, в Аварии и других местах Дагестана, где может найти сообщников и произвести с помощью денег мятеж", и что надежды на кайтаго-табасаранцев слишком мало, хотя они приняли присягу. В одном только случае он признавал мятеж не вполне для нас опасным — именно, если не шевельнется Акуша 23.

Не смотря однако на спокойствие Акуши, опасность была видимая, так как некоторые вольные общества тотчас стеклись под знамя Нох-хана и, руководимые сыном его Махмад-ханом, выступили к границам джарских обществ. Узнав об этом, кн. Бекович потребовал немедленной выдачи хана, но джарцы уклонились, представив ему доказательства, что его не приглашали и вовсе неповинны в его появлении, а, признавая его как бы своим гостем, не могут выдать русским — иначе бы нарушили свои коренные народные обычаи. Впрочем, Махмад-хан сам отступил в горы на один переход от джарской границы 24.

Одновременно с прибытием в Дагестан Умалата явился в Чечню и Бейбулат, с шестью приверженцами и значительною суммою денег. "Он был встречен некоторыми знатными муллами с большим угощением" 25. Разослав тотчас своих агентов в разные концы, Бейбулат провозгласил повсеместное восстание и предлагал [79] каждому, кто за ним последует до Алазани, по пяти р. с, а далее от этой реки — полное содержание 26. Ему энергично содействовали беглые кабардинцы, которых десятками высылал из-за Кубани наш "высокостепенный и высокопочтенный блюститель крепости Анапы и валий трапезонтский господин паша Аджи-Асан" (так его величал Эмануэль в своих письмах), снабжавший их воззваниями для свержения русского ига и ублажавший горские народы соблазнительными обещаниями на счет щедрости султана. Эмануэль писал:

«Все вообще азиятцы не оставлены без обольщения и советов паши; чеченцы же явно обнаружили, сколько мало уважают настоящую силу войск наших» 27.

Никто не предвидел тогда того, что вероломная деятельность паши уже давно имела те же цели в пользу турецкого правительства, как и мероприятия Абас-Мирзы перед открытием войны с Персиею. Эти цели стали нам выясняться именно только теперь, так как через наших лазутчиков мы узнали, что Анапа приведена на военное положение, крепость исправлена, оборона ее усилена и в окрестностях ее находилось до 19 т. войска, "обмундированного лучшим образом" 28. В виду всех этих быстро сгущавшихся на горизонте туч, правители дагестанских провинций — Аслан-хан и шамхал, а за ними начальники отрядов — генерал Краббе и полковник кн. Бекович-Черкаский, не переставали просить у Паскевича подкреплений, но на их требования был ответ такого [80] рода: "приближение зимы и взятие Эривани может приостановить все желания к возмущению, а потому надобности нету усиливать войска в Дагестане".

Тем временем Бейбулат довольно успешно шел к своей цели. Оживленные его пребыванием и вновь одушевленные муллою Магометом Кодуклаем, чеченцы быстро приставали к своему

испытанному вожаку и "разными шалостями", как доносил г. м. Энгельгардт 3-й доказывали, "что намерены обновить происшествия 1825 года". Экскурсии их начались близь Грозной, где, рыская 27-го августа в числе 300 конных, они старались вызвать наши войска в поде и отвлечь их на себя, а в это время другою партиею, в числе 400 пеших, скрытою за Сунжею, напасть на крепость. Но предприятие их не удалось — совершенно для нас случайно, потому что полковник Сорочан, выступив из Грозной против конной партии, не мог удалиться на значительное расстояние, не имея для того надлежащих к преследованию ее сил, и должен был тотчас же повернуть назад. Кр. Грозная, таким образом, миновала приготовленной для нее тризны. Но Бейбулата это нимало не остановило. Приказав готовить бурдюки для переправы через Терек, он 10-го сентября отправил часть своих сил к станице Щедринской, а с другою частью, в ночь на 12-е число, повторил нападение на Грозную. В это время гарнизон был уже усилен, по распоряжению Эмануеля, резервом из линейных казаков, призванных поспешно даже из Кабарды, и вторая попытка Бейбулата также не удалась: толпы его были отражены картечью орудий, стоявших на вооружении, и казаками; понеся чувствительную потерю, оне отступили к ханкальскому ущелью. Не менее безуспешно было покушение и другой партии, отправленной к ст. Щедринской: 11-го сентября она была открыта в [81] лесах жителями аула Брагуны, которые встретили ее, под предводительством своего князя Устархана Куденетова, рассеяли и обратили в бегство с потерею одного убитого и двух раненых и одного взятого в плен 29. С этой минуты Бейбулат оставил в покое и Сунжу, и Терек. Значительно усилившись прибывшими к нему из Дагестана лезгинами, он направился в б. Чечню и к кумыкам, где рассчитывал еще более увеличить свои силы и запечатлеть свою деятельность обширными и успешными предприятиями; "но примкнувшие к нему дагестанцы, узнав о взятии войсками нашими кр. Эривани и г. Тавриза, все разошлись, и при нем осталось не более 80 человек, составлявших ничто иное, как шайку разбойников" 30.

Счастливое положение наших дел в Персии отозвалось весьма приятно для нас и внутри гор, где действовал с своими приближенными суровый Умалат. Оно выразилось прежде всего в изгнании жителями Сурхана из их селения бунтовщика Нох-хана, который укрылся в карахском обществе 31, а затем и в мгновенном охлаждении, боевого настроения лезгинских обществ, примыкавших к Кахетии. Не имея еще сведения о наших громких победах, они собрались в больших силах, под предводительством белада Аличула-Магомы, известного впоследствии наиба Шамиля, и уже приблизились к [82] нашим кахетинским границам; но когда узнали, что дагестанцы бросили Бейбулата — отступили в глубь своих трущоб и разошлись по домам. Непосредственно затем и Махмад-хан, оставленный главными своими сподвижниками, бежал в Персию по следам ех-царевича Александра, который догадался об этом еще ранее, потерпев неудачу в возмущении Имеретии. Тревожный год заключился принесением присяги на подданство России 35-ю семействами гумбетовцев, общество которых составляло крайний пункт левого фланга нашей линии 32.

Комментарии

1. В дополнение к этим войскам около половины июля месяца прибыли в старую Шемаху из станиц Темнолесской и Кавказской по два действующих баталиона тенгинского и навагинского полков.

2. Приказ по корпусу 19-го апреля 1827 г. № 14.

3. Секр. журн. бумагам по ген. шт., д. арх. окр. шт. 1827 г. № 89 .

4. Донесение г. м. Лаптева от 20-го марта № 23. Этого донесения Ермолов, за выездом из края, не получил.

5. Д. арх. окр. шт. № 37. Нач. 3 янв. 1827 г.

6. Донесение г. м. Лаптева от 10 мая № 589.

7. Донесение г. м. Энгельгардта 3-го от 4-го июля 1827 г. № 524.

8. Донесение г. м. Краббе от 24 апреля 1827 г. № 131.

9. См. "Кав. Сб." т. X стр. 180.

10. Подлинное выражение г. м. фон-Краббе в донесении генералу Ермолову от 8 января 1827 г. № 2.

11. Донесение 26-го января 1827 г. № 24.

Уцмийские владения или Каракайтаг занимали всю среднюю часть восточного или поморского Дагестана, простираясь между шамхальскими и кюринскими землями в длину на 80, а в ширину на 60 верст. Последний уцмий («повелитель» — достоинство, не уступающее ханскому), лишенный Ермоловым за измену владений, был убит своим племянником Эмир-Гамза-беком, получившим во время коронации в 1826 г. чин капитана. С уничтожением Ермоловым уцмийского достоинства, Эмир назначен был нашим правительством наибом или наместником каракайтагским, и к нему определен был русский пристав; вместе с тем часть каракайтагских владений была отдана в управление шамхалу. Со смертью Эмир-Гамзы владения его перешли к брату Байбала-беку по наследству. Местопребывание наиба было в г. Башлы. Собственных крестьян у него считалось 1000 душ, которые были весьма зажиточны. Фамилия каракайтагских беков, происходя от знатных и древних аравийских князей, и имея родство с шамхалом и казикумухским ханом, пользовалась в Дагестане большим уважением. (Д. арх. окр. шт., 1 отд. г. шт., 1830 г., № 58).

12. Предписание 3-го марта 1827 г. № 109.,

13. Донесения Краббе г. ад. Паскевичу от 1 и 3 мая №№ 143 к 150.

14. Д. арх. окр. шт., канц. тифл. в. губерн., 1 отд., 1827 года № 106 и отд. ген. шт. 1826 г. № 33.

15. Этот важный эпизод здесь обойден потому, что не составляет события в жизни собственно восточного Кавказа, а следовательно прямого отношения к исчерпываемой здесь задаче не имеет.

16. Д. арх. окр. шт., 2 отд. ген. шт., 1827 г. № 5.

17. Д. арх. окр. шт., канц. тифл. губ., и 1827 г. № 266.

18. 120,000 рублей.

19. Докладная записка г. ад. Сипягина корпусному командиру от 29-го августа 1827 г. № 107.

20. Д. тифл. в. губерн., 1 отд., 1827 г. №№ 373 и 421.

21. Д. арх. шт. кав. воен. окр., 2 отд. ген. шт., 1827 года № 19.

22. Докл. зап. г. ад. Сипягина Паскевичу от 14-го сентября 1827 г. № 114. Д. арх. окр. шт. № 5.

23. Доклад. зап. г. ад. Сипягина от 9 октября 1827 г.

24. Д. з. г. ад. Сипягина от 30-го сентября.

25. Донесение г. м. Энгельгардта 3-го г. ад. Паскевичу от 31-го августа 1827 г. № 833.

26. Донесение кн. Бековича-Черкаского от 29-го сентября, д. арх. окр. шт., 2 отд. ген. шт. 1827 г. № 5.

27. Донесение г. л. Эмануэля от 12-го сентября № 1446.

28. Рапорт г. л. Эмануэлю г. м. Сысоева от 5-го сентября 1827 г. № 1769.

29. Донесения Энгельгардта 3-го и Эмануеля от 28-го августа, 12-го и 13-го сентября и 23-го октября за №№ 829, 815, 684 и 1264.

30. Донесение полк. князя Бековича от 28-го октября; докл. зап. г. ад. Сипягина от 4-го ноября 1827 г. № 168.

31. Карахцы составляли самое горное общество, никому не подвластное, хотя аварские ханы считали их за собою и имели над ними некоторое влияние, поддерживая его щедрыми наградами за всякие услуги и в особенности за повиновение.

32. Докладные записки г. ад. Сипягина от 4 и 10-го октября 1827 г. №№ 168 и 177. Рапорт г. л. Эмануеля 14-го ноября № 1696.

Текст воспроизведен по изданию: Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник, Том 11. 1887

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

ВОЙНА НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

С 1824 ПО 1834 г.

В СВЯЗИ С МЮРИДИЗМОМ

VIII.

Положение дел вообще в 1828 году. Ненормальное расположение к нам чеченцев. Тревоги в Кахетии. Наружное спокойствие дагестанцев. Неудачные происки Бейбулата в пользу Турции. Авария. Принесение покорности ее населением. Волнения в шамхальстве. Умиротворение.

Давно уже восточный Кавказ не пользовался таким спокойствием и не выражал таких симпатий к нам, как в 1828 году. Отовсюду то и дело неслись в нашу сторону приветы всякого рода, предложение покорности, выражение сочувствия. Из этого конечно не следует заключить, чтобы прекратились всякого рода грабежи, [83] хищничества и даже частные волнения. Нет, они были; но среди общей тишины являлись ничтожными и для нашего управления в крае бесследными. Неудачи персиян и наши громадные успехи в кампанию

1827-го года до того прижали по углам все мятежные и непокорные, т. е. "вольные" общества восточного Кавказа, что казалось, не придется более никогда ввести нам в дело оружие для окончательного подчинения нашей власти недавних наших врагов и противодеятелей. Политические агитаторы притихли; вероучители и лжеучители копошились, так сказать, только в четырех стенах своего дома и не решались дать волю своему голосу, потому что могли не встретить никакого сочувствия в массе, и их крамолы и поджигательства обрушились бы на их головы. А между тем, эти крайне опасные для нас головы, в роде муллы ярагского и его последователей, Бейбулата, Умалата и их приверженцев, жили в народе и сообщались с ним; даже видимо и заметно выдвигался на арену и Кази-мулла, которому внимали, слушая его и поучаясь. Население вообще было напугано, и нет ничего мудреного, что при таком его настроении турецкие агенты, которые, с объявлением нам войны Портою 1, рыскали по всему Кавказу и, подражая персиянам, сеяли везде воззвания в пользу своего правительства, не имели ни малейшего успеха. Со взятием же нами Карса, а в особенности с покорением Анапы и прекращением влияния на горцев анапского паши, эти агенты и вовсе исчезли из края. Такое обольстительное затишье продолжалось до совершенного окончания турецкой войны. Никто даже из прозорливых людей не мог предполагать, что [84] под завесою его таился будущий взрыв, продолжительная буря, так как никакие политические явления не могли задушить раз созревшей религиозной гидры, которая потихоньку подогревала восторженные мозги фанатиков, выжидавших первого благоприятного случая для продолжения важного народного дела, приостановленного на время внезапными обстоятельствами.

Самый легковерный и податливый на всякие соблазны чеченский народ прежде всех других проявил какое-то необычайное, неестественное е нам расположение, принятое нами конечно вполне за чистую монету. При обозрении в конце 1827 года генерал-лейтенантом Эмануелем всех пограничных мест в кумыкских владениях и в большой Чечне, народ, по его словам, выразил полное доверие к нашему правительству. Благословляя имя Государя Императора, он приветствовал его "с восторгом радости, стекался со всех сторон на проезжую дорогу с хлебом-солью" и не скупился ни на какие овации. "Остававшиеся доселе непоколебимыми" в малой Чечне 20 дворов урус-мартанцев сделали то же самое; столько же семейств непокорной деревни Пешхой, расположенной в лесистых трущобах Чорных гор, последовали их примеру; тагаурцы прислали своих старшин с испрошением прощения за свои прошлые проступки, присягнули и обязались жить в мире с нами; между Грозной и Владикавказом явились к Эмануелю депутаты и от других немирных обществ с такими же заверениями. Колебались несколько немногие кабардинские аулы, но и те, благодаря влиянию на них артиллерии полковника Коцарева, скоро примкнули к нашим доброжелателям.

Все эти радостные для нас явления произошли без всякого с нашей стороны запугиванья, а тем менее [85] употребления силы, которою, впрочем, к слову сказать, мы не могли в это время похвастать на линии. На всем протяжении ее от Лабы и Кубани до Гумбета край вообще, крепости и населенные места в частности охранялись девятнадцатью далеко неполными баталионами пехоты, восемью артиллерийскими ротами, шестью донскими и одним астраханским полками и линейными казаками 2, да и то часть этих войск находилась в откомандировании за Кавказом и в Дагестане. Благоприятные же для нас перемены в народе Эмануель относил "к [86] кроткому и человеколюбивому обхождению" с ним, и был убежден, что после такого счастливого оборота дел и все прочие немирные горцы прибегнут к подданству Государя, "ибо сами чеченцы решились истребить тех которые остались бы засим непокорными" 3.

Но генерал Эмануель, поддавшийся в этом случае некоторому увлечению, чересчур смело ручался заранее за всех вообще немирных чеченцев, хотя относительно их и был обеспечен населением, выразившим ему свое сочувствие. Чеченцы, не смотря на свою общность с 1825-го года в стремлениях к единой цеди, часто расходились в заключениях и действиях под влиянием какого-нибудь сильного и решающего голоса 4, и в эту минуту поставить их всех на одну точку было делом невозможным. И действительно, в то время, как к апреле 1828-го года восемь деревень 5, в составе 210 дворов, присоединились к числу наших подданных, выдав аманатов, некоторые жители других непокорных аулов, не прекращавшие своих связей с кабардинскими абреками, продолжали не только разбойничать по дорогам, но нападали даже на наши мирные поселения. И это происходило оттого, что вожаки и искатели приключений, в роде Чабая, Умара, Астемира, а также неугомонных агитаторов: Бейбулата, муллы маюртупского и других, не могли переваривать возникшего мгновенно на их глазах какого-то странного перерождения народа и приискивали [87] все меры, чтобы сбить его с доброго пути и выместить на нас его неожиданное к нам благорасположение. Первые двое, из означенных выше предводителей, составив постоянную шайку человек в 20, увеличивавшуюся по временам и до сотни отчаянных голов, экскурсировали на всех дорогах, смело переправлялись на тулухах через глубокие и быстрые реки, проскользали среди наших постов, пробирались под самыми станицами и укреплениями и с налета захватывали добычу везде, где было возможно. 15-го июня, в разгаре своих похождений, Чабай и Умар наткнулись в семи верстах от Амир-Аджи-Юрта на нашу команду 43-го егерского полка, посланную для заготовления фашинника, и в жаркой рукопашной схватке потерпели поражение, распростившись навсегда с своим земным существованием 6. После целого ряда разных мелких и не заслуживающих особенного внимания происшествий, происходивших на чеченской передовой линии в течение последующих четырех месяцев, Бейбулат и мулла Кодуклай маюртупский, озлобленные разными неудачами своих хищных соплеменников и отпадением от их знамени столь значительной части Чечни, собрали большую партию мичиковцев и маюртупцев и отправили ее, под предводительством вожака из покорной нам Атаги, по имени Батала, для разузнания в разных пунктах мыслей и направления народа, а также, при возможности, и для разбоев. Но и эта партия, вместе с целями агитаторов, потерпела неудачу не хуже предыдущей — к окончательному сраму всех чеченских разбойников — от руки ее же единоверцев и не очень давних единоплеменников: 12-го [88] октября она была побита и рассеяна между Дадан-юртом и Джавгар-юртом (или Джарган-юртом) старшиною и жителями этого последнего селения, при пособии других ближайших деревень, и отказалась от всяких дальнейших своих похождений 7. В таком роде, положении и состоянии закончила Чечня свою политическую деятельность в 1828-м году.

В Кахетии, охранявшейся самым незначительным отрядом 8, бывшим под начальством артиллерии г. м. Зенича, лишь изредка происходили мелкие хищничества, которыми она была обязана остаткам лезгинских партий, укрывшимся на зиму в ее лесах; но эти редкие случаи не имели особенного влияния на спокойствие страны и не причиняли хлопот нашим войскам. Джарцы в течение зимы сидели смирно, взносили подати по возможности исправно и даже принимали некоторые меры для недопущения в наши пределы горных лезгин. Из числа же последних, примирившиеся с нами шильдинские дидойцы держались добросовестно, но другие глуходары не отказывались от хищнических проделок, если к тому представлялся удобный и непременно безопасный случай. Настроением их в этом роде они были обязаны преимущественно беладу Бегаю, который не долго оставался нам верен: в конце

1827 года вся его покорность обратилась в ничто, так как он не мог подавить в себе страсти к приключениям. В декабре он [89] соединился с Аличулою, собрал партию и двинулся к границам Кахетии, с намерением напасть на селение Шильды; но, будучи предупрежден выступившею к нему на встречу ротою ширванцев, с двумя орудиями артиллерии, ушел обратно — и конечно не для того, чтобы отказаться от повторения подобной попытки, а для того, чтобы навербовать себе дагестанских лезгин. Послав к ним приглашение и заручившись от них обещанием содействия, он назначил им сборный пункт в деревне Фарши (богозского общества). Лишь только снег на горах подтаял настолько, что перевалы сделались доступны, гости не преминули явиться и вместе с богозцами и некоторыми другими глуходарами составили партию в 200 человек. 13-го мая, партия эта, разделившись надвое, прошла в сигнахский уезд к сел. Карданах, но, не найдя добычи, повернула обратно. Тем не менее по следам ее бросились жители Чеканы и Гавазы, настигли ее и после часовой перестрелки заставили рассеяться еще до прибытия наших команд 9.

Однако эта тревога, равно как и немногие другие, не смотря на опасения Зенича за благонадежность джаро-белаканцев, которые всегда сочувствовали глуходарам, не имела для Кахетии дальнейших последствий и даже не повлияла на ближайшие к нам горные лезгинские общества. Мало того, последние, во время пребывания в июне месяце г. ад. Сипягина в джарских владениях, прислали к нему своих депутатов с уверением, что "народ [90] их будет вести себя так, как правительству нашему угодно"; лезгины же андийского общества, в числе семи селений, даже присягнули на верноподданство Государю и обещали вслед затем выслать своих аманатов. По мнению Сипягина, предыдущие сборы лезгин клонились лишь к разведкам о наших силах и о степени способности нашей защитить границы; когда же оказалось, что у нас приняты все предосторожности, и Кахетия по возможности охранена, то лезгины, по уверению Сипягина, успокоились и отложили всякие намерения к дальнейшим нападениям. Хотя такое замечание нельзя признать безусловно справедливым, потому что оно не вполне согласуется с последующим поведением глуходар, но и нельзя обвинять Сипягина в заблуждении, так как в половине августа мы получили добровольное изъявление покорности жителями главного капучинского селения Бежиты, которое отторглось от нас после 1824 года, еще других четырех немирных аулов богосского общества — Анеантали, Бехик, Машали и Фарши, приведенных в подданство содействием аварского владетеля Сурхай-хана, и наконец, в начале сентября месяца, двух илянхевских аулов — Хебо (Хеботль) и Хечаули. Против замечания же Сипягина об общей преданности нам глуходар свидетельствует факт, происшедший 10/11 сентября, когда партия в 50 человек напала невдали от Карагача на транспорт с провиантом, следовавший из Нухи в Сигнах, ограбила его, побила аробщиков и угнала двадцать пар быков, и другие факты мелких нападений, в которых даже замешаны были джаро-белаканцы. Последние случаи заставили г. м. Зенича прибыть 11-го октября в Белаканы с отрядом из 750 человек пехоты (ширванцев и грузинцев), восьми орудий и 500 милиционеров, и потребовать от джаро-белаканцев объяснения, а [91] также и удовлетворения по тем вопросам, по которым они были признаны или несговорчивыми, или виновными. Сущность этих вопросов состояла в следующем: поставить годичную пропорцию хлеба, возвратить украденный у кахетинцев скот, выкупить у глуходар наших пленных, обязаться охранением плоскости, не принимать у себя горных лезгин и т. п. Джаро-белаканцы не выразили ни малейшего противодействия и в лице своих старшин дали подписку, что все исполнят беспрекословно, вследствие чего Зенич отложил всякое наказание их и 17-го октября возвратил войска по квартирам 10.

Все средства, которые можно было уделить Дагестану в 1828 году для его охраны, состояли в апшеронском и куринском пехотных полках, за выключением из первого двух рот, откомандированных в Нуху, всей легкой № 3 роты 21-й артиллерийской бригады и донского казачьего Семенченкова полка. Кроме того, в распоряжении генерал-маиора Ралля и полковника князя Абхазова были особые небольшие отряды для охранения мусульманских провинций. Генерал-маиор Краббе, в пособие своему дагестанскому отряду, конечно мог призвать во всякое время местные татарские милиции.

Завоевания наши в Персии быстро изменили направление умов в Дагестане: в начале 1828 персидские агенты уже не везде встречали сочувствие, а некоторые общества их и вовсе не принимали. Сюргинцы, прежде всех отложившиеся от нас в 1826 году, через акушинского Мамед-кадия искали нашего покровительства; сын Абдуллы-бека эрсойского Заал, укрывавшийся в вольном Кайтаге, просил прощения в своих [92] проступках, предложил свою присягу на верноподданство и обещал усердною службою загладить свои прегрешения. Генерал Краббе считал весьма уместным сделать уступку и сюргинцам, и Заалу. Последнего он предполагал сначала хотя на время удалить из Табасарани, так как рассчитывал, что раньше или позже он взбунтует табасаранцев, чтобы, при помощи их, отомстить терекемейцам за смерть своего отца; но в этом разуверился: Заал, к удивлению его, постоянно старался выразить нам свою преданность, усердие и раскаяние, и в течение целого 1828 года, пользуясь своим влиянием на табасаранцев, удерживал их от всяких неприязненных против нас покушений, так что эта бунтливая страна оставалась совершенно безгласною. Мало того, Заал "некоторым образом расширил сношения наши" с народом и однажды доставил в Дербент двух наших беглых солдат. Отбросив в сторону всякие прежние относительно его опасения, Краббе просил даровать ему совершенное прощение и дозволить водвориться в Эрсо, которое когда-то принадлежало отцу его. Граф Паскевич согласился на это, "но с тем, что если впоследствии произойдут от того какие неприятности, то оные останутся на ответственности генерала Краббе" 11.

Вообще, спокойствие, воцарившееся в Дагестане с наступлением 1828-го года, могло бы обольстить кого угодно, только не опытного и осторожного Краббе, который, не смотря на все благоприятные для нас явления, находил, что "его не должно почитать совершенно прочным". Для того, чтобы обезопасить себя совершенно в этом крае, по мнению его нам было необходимо [93] заставить вольные общества отказаться от принятия к себе разных злонамеренных людей, иногда хорошего происхождения, проживавших в горах, взять от некоторых аманатов, удалить нескольких вредных кайтагских и табасаранских беков и в заключение сильно наказать табасаранские деревни Дювек и Джоугат, служившие "гнездом разбойников и пристанищем всех мошенников". Но для всего этого нужны были гораздо большие средства, чем те, которыми располагал Краббе, а так как таких средств не откуда было взять, то предстояло подчиниться существующим обстоятельствам и предоставить дела их собственному течению.

Персидская кампания кончилась 12; шли оживленные переговоры о мире, и в перспективе виднелся уже туркменчайский договор. Но с другого конца Кавказа веяло новою войною, которую нельзя было не предвидеть, и к которой нужно было приготовиться как можно скорее. Лучшим термометром этой войны собственно для кавказской окраины был анапский паша, отношения которого к нашим властям изменились и давали повод к серьезным подозрениям. Волнуя против нас закубанские народы, паша не забыл и о Дагестане. Не имея в

этом крае никого из близких себе местных жителей, он избрал своим помощником давнего благоприятеля Бейбулата и главным образом через него рассылал разные соблазнительные воззвания. Бейбулат служил ему усердно и в течение всего декабря 1827-го и января 1828-го годов избороздил все общества, приглашая [94] правоверных к содействию замыслам Порты и к торжеству полумесяца над русским двуглавым орлом 13. Он был уверен, что если кавказские народы отозвались на призыв персиян, то тем скорее откликнутся туркам, с которыми имели более общего в религиозном направлении. Но мятежник упустил из вида одно маленькое обстоятельство, а именно: Абас-Мирза, в дополнение и подкрепление своих воззваний, сорил золотом, дал кавказским народам руководителей и предводителей, послал им войска,— анапский же паша, вместе с своим султаном, ограничивались пока только одними прокламациями. Понятно, что дагестанские горцы, помня поговорку о сухой ложке, не трогались с места. Разведчики наши, посланные отрядным командиром полковником князем Бековичем-Черкаским, прозондировали Дагестан насквозь и в марте месяце доставили сведения, что "ни в котором обществе явных приготовлений к войне незаметно, кроме койсубулинских обществ, которые всегда отличаются от прочих своими разбоями и неспокойствием" 14. Лишь кое-какое слабое содействие своим проискам встретил Бейбулат, при помощи муллы ярагского, все в том же Заале, еще в то время не примирившимся с нами окончательно, в правителе Кайтага Байбала-беке, в двух его родных братьях — Эльдаре и Алескандере, из которых последний был сослан в Сибирь и вдруг появился в верхней Аварии, а также в некоторых других беках, возвращенных из Астрахани. Но эти лица только шушукались между собою о том, как бы извести [95] каракайтагского пристава капитана Синельникова, с преданными нам беками Наврузом, Хан-Маметом и другими, а затем поднять на ноги народ; в сущности же они ничего поделать не могли, так как каракайтагцы, после принесенной ими в минувшем году присяги, не обнаруживали пока желания к разрыву с нами. Нельзя было сомневаться, что нерешительность мятежных беков и некоторая стойкость кайтаго-табасаранцев, для взрыва которых всегда требовался такой ничтожный заряд, на этот раз были в прямой зависимости от окружавших их явлений, к главнейшим из которых следовало отнести сперва изъявление покорности андаляльцами, а потом видимое тяготение к нам карахцев — общества для нас недоступного и вследствие этого всегда интересного. После некоторых колебаний, карахцы наконец прибыли в марте месяце к Аслан-хану и заявили о своем решительном намерении подчиниться нашей власти. Нет сомнения, что отказа не последовало, и они были приведены к присяге, а выданные ими аманаты отправлены в Тифлис.

Возмущенный этим до нелепости бестолковым поведением некоторых вольных дагестанских обществ, Бейбулат пришел к разумному заключению, что не стоит с ними связываться, и обратил все свои силы против аварцев. Здесь он ожидал верной удачи, так как этот суровый и всегда неприязненный к нам народ не переставал вздыхать о своем Султан-Ахмет-хане, считая нас причиною всех его несчастий. Явившись в глубине Аварии, Бейбулат провозгласил фирман Оттоманской Порты, в котором значилось, что "знамя великого пророка Магомета вынесено, и исламизм требует от каждого правоверного магометанина жертвовать собою за честь религии и за твердость престола, служащего основанием [96] закона". Бунтовщик здесь в первый раз даже раздавал деньги и подарки, привезенные из Анапы Нох-ханом, который выезжал к паше и в это время возвратился обратно в свое селение Сатуби 15. "Сначала все дело пошло очень хорошо: аварцы, принимая его требование с благоговением", рассылали воззвания к сопредельным с ними народам и довели их даже до джарцев, где поколебали

некоторые молодые умы 16, но вслед затем обстоятельства моментально изменились — и Бейбулат опять остался на мели. Чтобы выяснить начало этого неожиданного и важного для нас поворота, необходимо коснуться тогдашнего положения Аварии.

По смерти в 1800-м году знаменитого владетеля Аварии Омар-хана (Умай-хана), прославившегося опустошениями Грузии, с которым пресеклась мужская линия аварских владетелей, управление страною должно было поступить к родному брату его Гебеку, который для утверждения власти своей в Аварии хотел жениться на хашне Гигили, вдове покойного Омар-хана. Эта коварная женщина, находившаяся во вражде с Гебеком, притворно примирясь с ним и признав его женихом своим, самым злодейским образом приказала умертвить несчастного. После этого, призвав дженгутайского владельца Султан-Ахмет-хана 17, она вышла за него замуж и происками своими утвердила его владетелем Аварии; но не довольствуясь этим и желая еще более усилить власть свою, выдала за него же падчерицу свою Паху-бике, дочь Омар-хана [97] от первой жены его Кистаман. В 1802-м году Султан-Ахмет-хан, со всем своим народом, принят был в подданство России, ему даны были грамоты на ханство и Всемилостивейше повелено было производить жалованье по 5000 рублей серебром в год. В ноябре 1803-го г. производство этого жалованья генерал-от-инфантерии князем Цициановым было прекращено — за хищнические нападения аварцев на наши войска близь Алазани; но в 1806-м году, по ходатайству главнокомандующего графа Гудовича, оно было восстановлено и в 1807-м году пожалован Ахмет-хану чин генерал-маиора. Но хан продержался в добрых к нам отношениях не очень долго: в 1818 году он принял участие в восстании против нас дагестанцев и в 1819 году, с сильным скопищем аварцев и чеченцев, сражался против нашего отряда. За это он был объявлен со всем семейством лишенным ханского достоинства, и правителем Аварии, по Высочайшему соизволению, назначен сын умерщвленного Гебека Сурхай-хан, которому дано содержание. Но аварцы, подстрекаемые ханшами, не захотели признать Сурхая своим владетелем, в особенности ссылаясь на низкость его происхождения от женщины простого рода, и впредь до совершеннолетия сына Султан-Ахмета Нуцал-хана вверили себя регентству матери сего последнего Паху-бике 18. Для поднятия достоинства Сурхая в глазах народа и для удобнейшего добровольного признания его аварцами в ханском звании, наше правительство прибегнуло к следующей мере: имея в виду малопроизводительность страны и бедность ее жителей, которые могли доставать необходимые для жизни [98] предметы только посредством обмена в наших областях и между народами нам подвластными, оно обязало местные власти допускать в эти пункты аварцев не иначе, как по билетам Сурхай-хана, для чего последний был снабжен печатью, слепки с которой разосланы по всем провинциям. Но последствия не удовлетворили ожиданиям. Сурхай не приобрел никакого веса между аварцами, и они, оставаясь преданными своей правительнице и законному наследнику, почти не прибегали к Сурхаю за билетами, предпочитая лучше переносить всевозможные нужды. За такую верность они получали вспоможения от неблагонамеренных наших соседей и даже из Персии. Если же кто-либо по крайней необходимости и ограждал себя билетом Сурхая, то, возвращая его по прибытии домой, опять становился в прежнее положение, вполне игнорируя поставленного нами правителя. Этот непокорный дух в стране, благодаря усилиям регентши, был весьма удачно поддерживаем скрывавшимися в Аварии изменниками и мятежниками, в роде Умалата и ему подобных, которые были в беспрерывных сношениях с Персиею и с Турциею — с последнею чрез посредство анапского паши, и получали оттуда содержание.

Не смотря однако на все это, Авария, со времени смерти Ахмет-хана и покорения Акуши, не участвовала ни в одном из происходивших в Дагестане возмущений и ни разу не восставала против русских, хотя правительница, "закоренелая в злодействах всякого рода", усиливалась возбудить в ней смятение, и притворно примирясь с Сурхаем, неоднократно покушалась умертвить его. Внешнее спокойствие страны граф Паскевич относил частью к принятой нами мере, чтобы не допускать аварцев в наши владения без билетов правителя, а частью к усердию и преданности самого Сурхая, который [99] не смотря на свою непризнанность в народе и на фактическое безвластие, всячески старался удерживать его от враждебных против нас покушений. Но мнение графа Паскевича в этом случае уступает заключению Краббе, который приписывал спокойствие Аварии не усердию Сурхая или нашим мероприятиям, а невозможности явно противодействовать нашему влиянию по случаю внутренних несогласий и раздоров, раздиравших ее в течение этих десяти лет. Сурхай в это время жил как бы чужой в стране и даже не мог сплотить возле себя никакой партии, чтобы ею действовать на народ, ничем не занимался и не вмешивался в дела вверенных ему владений. Он имел гораздо более значения вне Аварии, где содействовал принесению нам покорности разными полудикими тавлинцами. В ханстве же всем управляла и руководила Паху-бике, интриги которой порождали всю неурядицу и были последствием разных личных, поземельных, фамильных и других счетов, кроме Сурхая, еще с соседними владельцами в роде Аслан-хана, и в особенности шамхала. Последнего она ненавидела за то, что он держал во владении своем мехтулинский удел ее мужа (деревни Параул, Дургели, Уруму и Кака-Шуру), подаренный ему генералом Ермоловым по изгнаний Султан-Ахмет-хана, а с первым была крайне в дурных отношениях по случаю отказа ему в выдаче замуж своей дочери за его сына Магомет-Мирзу.

Но так или иначе, а в минуту самых рьяных воззваний Бейбулата, в ханском аварском доме произошел внезапный переворот, который тотчас отозвался по всей стране и разом свернул население с того пути, на который удалось его поставить мятежнику. Хитрая ханша, имея в виду с одной стороны совершеннолетие своего сына, власть которого, без поддержки и согласия [100] русского правительства, не могла утвердить, а с другой видя, что прекращение войны с Персиею лишает ее союзника, а народ — значительной материальной поддержки, обратилась от лица своего и своих детей к Аслан-хану с предложением покончить всякие давние счеты и примириться, уверенная при этом, что союз с Аслан-ханом откроет ей покровительство России. Бунтовщики Нох-хан, Бейбулат, Умалат и всевозможные беки сознавая все невыгодные для них последствия сближения с нами столь сильного ханства, и всю возможность этого события, а также неизбежное влияние его на прочие вольные общества Дагестана, вздумали сколь возможно помешать замыслам ханши и тотчас разослали повсюду своих агентов, со сведениями о том, что наши войска истреблены турками, что шах-заде с армиею подходит к нашим границам, и пр. Но Аслан-хан поймал двух распространителей всех этих нелепых слухов, одному из них отрезал язык, а другому нос, и тем заставил остальных отказаться от всяких сплетен 19. После этого Умалат, видя, что судьба явно повернула к нему затылок, бежал в Турцию и там вскоре умер. Почти одновременно с ним сошел в могилу и Нох-хан.

Между тем, предложение ханши польстило Аслану, который, желая в то же время отличиться перед русским правительством, испросил позволение Паскевича не только на это примирение, но даже на склонение Паху-бике и ее семейство к подданству Государя. Коварная ханша никак не предугадывала вероломства Аслана, который на этот раз перехитрил ее и, затаив в своей душе давнюю месть, прикрытую личиною мнимой дружбы, [101] отплатил ей через пять лет

после того рукою Гамзат-бека за удар, нанесенный его самолюбию. 9-го сентября 1828 г. аварцы и их ханский дом принесли присягу на верноподданство России. Это знаменательное и важное для нас событие завершилось народным праздником в Хунзахе и пышным пиром в ханском дворце, при участии знатнейших сановников страны и соседственных владельцев, явившихся по приглашению и принесших свое поздравление вступившему на престол предков Абу-Нуцал-хану. Торжество продолжалось несколько дней. Участники и содеятели в принесении аварцами присяги, в числе 21-го человека, среди которых было четыре кумыкских узденя, один аксаевский, три салатавца и 13-ть главных правительственных лиц Аварии, начиная с первосвященника Кур-Мамед-кадия, были награждены золотыми (15) и серебряными (6) медалями. Кроме того, оба хана были пожалованы чином полковника, с препровождением к гр. Паскевичу на этот чин патентов, и пенсиею по 2000 р. серебром в год 20.

Тотчас после этого события ханша не замедлила конечно хлопотать о возвращении ее дому мехтулинского удела ее покойного мужа, но наше правительство сочло [102] неудобным удовлетворить этому домогательству. Вследствие ли этого отказа, или по врожденной злонамеренности, ханша, не взирая на присягу, принесенную ее домом и народом, не переставала интриговать против нас, стараясь всеми мерами, где возможно, причинить вред и шамхалу. Она посылала своих людей на разбои в Кахетию, вела тайные переговоры с Персиею и Турциею, не отказывалась помогать тем обществам, которые враждовали против нашего управления, а в особенности сеяла раздор в шамхальском доме и достигла наконец того, что окончательно вооружила против шамхала и его младшего сына, и даже народ.

После того, как генерал-адъютант граф Паскевич в 1827-м году отказал шамхалу Мехти-хану в присылке "десяти тысяч непобедимых русских войск" для восстановления послушания его подданных, последние, признав это неодобрением с нашей стороны действий их владетеля, и подстрекаемые фанатическою партиею муллы ярагского, а также шайкою политических мятежников и личными врагами шамхала, еще пуще возвысили голос, и с наступлением весны 1828-го года, когда началось усиленное отбывание для наших нужд земских повинностей, выразили новое неповиновение своему владетелю. Скрывая настоящие причины такого отклонения от власти шамхала, они оправдывали свои поступки будто бы несправедливыми и стеснительными для них его действиями. Опять, как и в прошлом году, восстало прежде всего селение Эрпели, потом Казанище и наконец Буйнаки, Янгиюрт и даже немного заколыхались Тарки. К июлю месяцу неповиновение четырех селений приняло более серьезные размеры и выразилось в отпадении их от Мехти-хана и в признании над собою господства Абу-Муселима. Шамхал еще раз обратился с [103] просьбою через генерала Краббе о высылке ему "шести тысяч победоносных русских войск" — иначе не ручался за надлежащее отправление службы нашему Государю. Краббе, не зная еще тогда настоящей причины беспорядков, и относя их к несправедливому и утеснительному для народа управлению Мехти-хана, предлагал некоторые решительные меры для восстановления спокойствия, и в том числе назначение при владетеле нашего пристава; но гр. Паскевич, возвратившийся к тому времени (4-го октября) из действующего корпуса в Тифлис, писал генералу Сипягину, что "принял за правило, пока продолжится война с турками, сколько можно стараться удерживать спокойствие в горах кавказских и не приступать ни к каким новизнам, которые поддержать оружием мы не имеем возможности". Исходя из этого "правила", он приказал, чтобы местные начальства в Дагестане не вмешивались прямо в дела между шамхалом и его подвластными, и если бы от последних поступали справедливые жалобы на шамхала и его утеснения, то подобные обстоятельства

представлять его усмотрению, а он уже, "с своей стороны, надеялся убеждениями и советами склонить последнего, дабы он действиями своими не возбуждал против себя общего неудовольствия" 21. Но эта система не привела к цели, и до конца 1828-го г. неудовольствия и смуты не прекращались. В них принял участие даже владетель мехтулинский Ахмет-хан, который, "взяв непокорных под свое покровительство, подстрекал их к вящшим беспорядкам". Дух неповиновения и буйства [104] распространился до того, что шамхальцы стали весьма опасными не только для наших проезжающих, но даже и для проходящих воинских команд. Краббе, опасаясь, что с наступлением весны может возникнуть явное восстание, которое потянет за собою волнение и в вольных обществах, вынужден был глубже всмотреться во все эти происшествия — и наконец прозрел. Оказалось, что не всю вину можно было валить на шамхала: его можно было обвинять только, по словам Краббе, в сластолюбии и корыстолюбии, "для удовлетворения коих не гнушался он никакими постыдными и непозволительными средствами"; но к подобным действиям своих ханов и владетелей дагестанцы привыкли давно, а следовательно одни эти действия не могли так сильно влиять на народ. На них гораздо более влияли личные враги шамхала, главнейшими из которых были, к сожалению, ближайшие к нему лица: третий сын его Абу-Муселим, отчасти второй сын его Зубаир, вспомоществовавший своему брату, затем, действительно, капитан Ахмет-хан мехтулинский, и наконец, за плечами их всех — гарпия в образе Паху-бике. Еще один последний и самый страшный враг существующего порядка, действовавший в то время хотя не очень гласно, но чуть ли не успешнее и энергичнее всех прочих, оставался пока для нас в неизвестности, а для самого шамхала, им усыпленного, вовсе не казался опасным. Этот враг был новый проповедник шариата Кази-мулла.

Пружиною крамольной деятельности Абу-Муселима оказалась всесожигающая непобедимая страсть к дочери аварской ханши Селтанет-бике, возбужденная и разожженная самою матерью, которая собственно для этого пригласила однажды к себе молодого хана. Мать сумела так чисто обустроить дело, что Абу-Муселим, не откладывая [105] своих намерений до вторичного приезда в Аварию, сразу брякнул о своем неотразимом желании жениться на красавице, но за то и сразу был осажен: маменька объявила, что он только тогда может сделаться мужем прелестной Селтанет, когда будет шамхалом, удалив или вовсе истребив своего совместника в лице старшого брата Сулеймана-паши. Влюбленный горец поклялся, что он непременно достигнет цели; мало того, выдаст свою сестру за сына Паху-бике 22 и, согласно ее желанию, уступит ей часть шамхальских владений. Возвратясь затем на родину, он начал возмущать народ и против отца, и против его законного наследника. Первый, еще не подозревая интриги со стороны ханши и гнусных побуждений своего змееныша, понятно, относил причины всех беспорядков к народу и его некоторым вожакам, и в этом заблуждении даже сам невольно помог успехам своего сына: занятый постоянно мыслью об удержании за собою мехтулинского удела низверженного и изгнанного нами бывшего хана аварского, он пришел к заключению, что лучшее для этого средства будет заключаться в родстве с капитаном Ахмет-ханом, и вследствие этого предложил ему в супружество свою дочь Нох-бике. Но юноша, к удивлению, отказался от этой чести под влиянием все той же предусмотрительной и предупредительной Паху-бике и, конечно, сейчас же нажил себе в шамхале открытого врага. Мехти-хан не замедлил заявить нашим властям о некоторых его предосудительных проступках, истекающих из его буйной, разгульной жизни, и рекомендовал молодого человека пьяницею, развратником, бездельником. В Ахмет-хане, оскорбленном до [106] последней жилки, заговорило чувство мести, и он поспешил примкнуть к своему

молодому приятелю Абу-Муселиму, для совместных действий против его отца; затем, он втянул в свою компанию Зубаира, получил обещание в содействии ему койсубулинцев и живо поставил дела в шамхальстве на такую дорогу, что народ вполне приготовился к вооруженному восстанию. Как ни отклонялся граф Паскевич от вмешательства во внутренний быт шамхальства, но на этот раз не мог оставить его без серьезного внимания и приказал генералу Краббе усилить в этой стране и в Мехтули войска и пригласить обоих молодцов — Муселима и Ахмета, под благовидным предлогом в Тифлис, где надеялся их удержать до восстановления в шамхальстве полного спокойствия. Шамхалу же он написал не совсем приятное, хотя и крайне любезное, послание, в котором, обвиняя его в происходящих беспорядках, предложил ему "немедленно удовлетворить все жалобы народа, возвратить все, взятое у селений и у частных лиц, быть правосудным и милостивым отцом своих подданных". Но не успело это послание достигнуть по назначению, как обстоятельства уже переменились: Ахмет-хан стал формальным женихом Нох-бике и на приглашение Краббе просил оставить его в покое до совершения свадьбы, а Мехти-хан уверял, что его будущий зять "неограниченно предан нашему правительству". Такое неожиданное явление было для нас очень кстати, потому что в это время возникли недоразумения в кубинской провинции, куда пришлось направить часть наших войск 23. Мехти-хан сыграл свадьбу на славу и вслед затем в июне месяце выехал в Петербург, оставив управление шамхальством, [107] под покровительством наших властей, старшему сыну своему Сулейману. Почтенному старцу не суждено было более увидеть свою родину: он скончался на возвратном пути из Петербурга, в 1830 году. Да и кстати, потому что шамхал устарел и ослабел не только физически, но даже умственно, и в правители такого народа, которым властвовал, уже не годился — тем более, что времена настали другие. Умственной слабости его, не допускавшей здраво и прозорливо давать надлежащую оценку серьезным явлениям жизни, мы обязаны окончательным утверждением на кавказской почве того рокового для нас вероучения об исправительном тарикате, первым вооруженным представителем которого явился Кази-мулла. Мехти-шамхал, в заблуждении своем, и не предполагал, какое зло он причинил нашему владычеству в крае, и как далеко отошел в конце своей жизни от прежних воззрений и даже от бескорыстной и почти безупречной когда-то преданности нашему правительству. Да, плохое наследие по себе оставил он для нас среди кавказских горцев, и в особенности в своем собственном владении, население которого прежде всех других, благодаря недальновидности своего правителя, открыло объятия первому имаму в крае и образовало собою кадр его хоругвеносцев для долгой с нами борьбы. Период брожения для дагестанцев был кончен — и началось состязание с нами за идею и за условия их народного быта.

Комментарии

1. Высочайший манифест об открытии войны последовал 14 апреля 1828 г.

2. 20-й пехотной дивизии (г. л. Красовского) третьи баталионы полков: нашебургского, козловского, севастопольского, крымского, 39 и 40 егерских — от кр. Кавказской на Георгиевск, Екатериноград до ст. Ардонской включительно; 22-й пехотной дивизии (г. м. Турчанинова) третьи баталионы навагинского, тенгинского, кабардинского пехотных полков — от Усть-Лабы и Темнолесской на Нальчик, Баксан до Уруха, и три баталиона 43-го егерского полка — в Грозной, Кази-юрте, Горячеводске, Внезапной, Алир-Аджи-юрте и пр. Гарнизоны: три баталиона владикавказского полка — от Ардона на Владикавказ и на военно-грузинской дороге, в Назране и пр.; два баталиона таманского полка (Тамань, Темрюк, Фанагория и пр.),

моздокский и кизлярский баталионы. Роты 22-й артиллерийской бригады — в крепостях и на постах по всей линии, в Грузии, в Дагестане: 1-я батарейная, 2-я, 4-я, 5-я, 6-я (каждая в 12 орудий), 5-я резервная (18 орудий), 9-я (шесть орудий) и конноартиллерийская № 5. Поселенные казачьи полки в восьмисотенном составе: кавказский, кубанский, хоперский, волгский, моздокский, три гарнизонных сотни на постах, войска гребенского 7 сотен (по постам от Александрова до Татаринского), терского семейного четыре сотни, кизлярского терского одна сотня, моздокская горская казачья команда; донские полки в пятисотенном составе: Луковкина, Залещинского, Киреева, Родионова, Грекова, Астахова и сборный астраханский. Кроме того, начальнику кавказской линии подчинялись: три полка астраханского войска, расположенные от Астрахани до Саратова, три полка уральского казачьего войска (среди ногайцев и прочих кочевников), десять конных с одним резервным и десять пеших казачьих полков черноморского войска. (Д. арх. окр. шт., 2 отд. ген. шт. 1828 г. № 34. Расположение войск на кавк. линии).

3. Донесение г. л. Эмануеля ген. ад. Паскевичу от 1-го ноября 1827-го г. № 3819.

4. "Кавк. Сб." т. X, стр. 37 и 41.

5. Асанбек-юрт, часть аула Урус-Мартана, Бочи-юрт, Дихи, хутор Цунцы (близь Атабай-юрта), часть Шали, Гельдыген с хуторами, хутор Самиахиева.

6. Рапорт г. м. Энгельгардта графу Паскевичу от 19-го июня 1828-го г. № 245.

7. Рапорт г. от кав. Эмануеля гр. Паскевичу 3-го ноября 1828-го г. № 1405.

8. Три роты грузинского гр. и баталион ширванского полков, 6 орудий 21-й артил. бригады, 100 донцов Кутейникова полка, пограничная стража из сельского ополчения, женатые роты грузинского гр. и 41 егерского полков, казачьи команды на постах, запасный эскадрон нижегородского драг. полка и кадры двух действующих эскадронов.

9. В донесении г. м. Зенича по поводу этого происшествия находятся весьма интересные сведения о силе и численности наших боевых единиц. Так например, он пишет, что у него в трех ротах налицо 126 человек и из них 73 слабых, которые не могут ходить по горам. В Царских же Колодцах в двух ротах 3-го бат. ширванского полка состояло налицо только 29 человек. (Рапорт Зенича 16-го мая 1828 г. № 354).

10. Дела архива окружн. штаба 1828 года, 2 отд. ген. шт. №№ 25 и 65 и воен. губернатора №№ 25, 40 и 41,

11. Донесения г. м. Краббе от 9-го января и 30-го декабря 1828 г. №№ 27 и 1606. Предписание гр. Паскевича от 30-го января 1829 г. № 33.

12. Медалей за персидскую войну удостоились и те лица, которые принимали участие в сражениях 1826-1828 гг. не только против персиян, но и против "союзных с ними лезгин и других горских народов". (Приказ по отд. кавк. корп. 7-го августа 1828-го года № 105).

13. Докладная записка г. ад. Сипягина от 15-го января 1828-го г. № 9.

14. Докл. з. г. ад. Сипягина 29-го марта № 67.

15. Письмо Аслан-Гусейн-хана кюринско-казикумухского к тифлисскому военному губернатору от 20-го апреля 1828 г. и донесение г. м. Краббе от 30-го июля № 66.

16. Донесение кн. Бековича-Черкаского от 9-го апреля 1828 г. № 293.

17. Второй сын Али-Султан-бека мехтулинского.

18. Д. арх. шт. кавк. в. окр. 1830 г. «О награждении аварских ханов».

19. Доклад г. ад. Сипягина 4-го августа 1828-го года № 144.

20. Проект акта, который должны были подписать ханы при вручении им инвеституры, удостоен был Высочайшего одобрения. 9-го марта 1829-го года граф Нессельроде препроводил к главнокомандующему, за подписью Государя Императора, в мешках из золотого глазета, утвердительные грамоты, а также знамена с Императорским гербом и богатые сабли с надписью, но все эти пожалования, не исключая чинов и пенсий, были остановлены в Тифлисе,— так как гр. Паскевич не считал возможным объявить их ханам до прекращения между ними вражды и подписания верноподданнического акта. Посредником же для достижения последних целей был избран Аслан-хан.

21. Донесение Сипягину г. м. Краббе от 18-го августа № 82. Предписание Паскевича Сипягину от 8-го октября № 77. Дела архива окружного штаба 1828-го г. №№ 10, 21, 25 и 72, 2-го отд. ген. шт., и №№ 10 и 14 тифл. в. губерн.

22. Действительно, Нуцал-хан вскоре женился на дочери Мехти-шамхала Айбат.

23. Д. арх. окр. шт., 2 отд. г. шт., 1829 г. № 25.

Текст воспроизведен по изданию: Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник, Том 11. 1887

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

ВОЙНА НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

С 1824 ПО 1834 г.

В СВЯЗИ С МЮРИДИЗМОМ

IX.

Кази-мулла. Успехи его фанатической деятельности с 1828 года. Введение шариата у шамхальцев, черкеевцев и у кумыков. Возмущение в 1829 г. в Табасарани. Несходство воззрений Кази-муллы и его учителя Сеида араканского. Секта шихов. Отпор Кази-мулле со стороны аварского ханского дома. Волнения в шамхальстве и среди джарцев. Фанатик Хаджи-Ягья. Покушения горных лезгин. Чечня. Необыкновенная выходка Бейбулата. Похождения Астемира и укрощение его.

О жизни и деятельности Кази-муллы, до выступления его явно и гласно на политическое поприще в 1828 году, к сожалению, сохранилось весьма мало сведений. Из отрывочных данных, которые сейчас будут приведены, можно судить только о том, что 1) Кази-мулла очень

долго, много, непрерывно работал над своею задачею и осуществление ее предпринял во время персидской войны — иначе не успел бы к 1828 году стяжать некоторые успехи в народе; 2) что эта война, заглушившая громом своих событий новое вероучение в крае и в заключение разбившая золотые надежды горцев на независимость, очень мало или даже вовсе не влияла на фанатическую деятельность тарикатиста; 3) что мюридизм получил окончательный толчок и сразу выпрыгнул на ристалище в начале турецкой войны 1828 года, вследствие содействия Порты, эмиссары которой силились возбудить народ главным образом посредством религии, в противоположность персидским агентам, налегавшим преимущественно на идею об освобождении и [109] независимости горцев и поддерживавшими свои происки золотом. Турция, таким образом, доказала, к чести кавказских горцев, что они, не смотря на их легкомыслие и сребролюбие, более чутки и доступны идее, чем любостяжанию и своекорыстию, и ей способны принести в жертву эти последние свойства своей натуры.

Ших-Гази-Хан-Мухаммед-мулла был сын Исмаила, но что это был за Исмаил — никто нам не объясняет. Катиб Гаджи-Али чохский, в своем сочинении "Сказание очевидца о Шамиле" 1, говорит, что этот имам кавказских горцев умер на 75 году своей жизни, а явился в Гимры (с открытою проповедью) в 1827 году; значит, в этом последнем году Кази-мулле было 70 лет от роду. Но это почти невероятно даже в в том случае, если Гаджи-Али считает годы по лунным месяцам, так как подвижность и энергия, какими ознаменовал себя Кази-мулла, едва ли могут быть доступны человеку в 75 лет. Нет сомнения, что он был значительно старше Шамиля, родившегося в 1799 году, потому что последний, сопровождая его то там, то сям, везде играл при нем роль младшего лица; однако ничто не указывает на то, чтобы в пору этих похождений Кази-мулла был глубокий старик.

Кази-мулла получил образование у преданного нам кадия Сеида араканского. Последний, будучи явным врагом шариатистов, допускавшим, между прочим, себе и даже другим "курить, пить хлебную водку и бузу" — так как все это, по его мнению, не было запрещено шариатом 2 — направил сначала своего ученика по пути [110] незлобному, вследствие чего тот "не верил тарикатским шейхам; но когда убедился в их святости и увидел чудеса их, тогда раскаялся в своих грехах и даже сочинил стихи в похвалу тарикатистов" 3. Гаджи-Али говорит:

«В первые дни после принятия Кази-Мухамедом имамства и распространения им шариата и тариката, Шамиль не соглашался с ним и не исполнял его приказаний, потом же сделался крылом его и другом и вместе с ним отправился в кюринское ханство, в известному ярагинскому ученому Мухамеду-эфенди, для окончательного изучения шариата. Мухамед-эфенди, передав им свои познания в тарикате, позволил им распространять оный в Дагестане и выдал дочь свою за Кази-Мухамеда» 3.

Мулла Магомет только в 1822/23 г. сам получил от Гаджи-Измаила кюрдомирского звание старшого мюршида, а также право на проповедывание тариката и власть на передачу этого права другим лицам; в 1825 же году он бежал в вольную Табасарань. Следовательно, он мог посвятить Кази-муллу в сан мюршида не прежде, как в промежуток этого времени, а до того Кази-мулла не мог распространять тариката, тем более что не изучил его; равным образом не мог он принять имамства (да и от кого бы принял?) до 1827 года, потому что, по словам того же писателя, лишь с этого года "имел немного последователей, и власть его простиралась только на некоторые общества". Из этого выходит, что Кази-мулла до 1824 года не только не имел никакой роли ни в народе, ни среди духовенства, но даже не кончил своего духовного образования. Последнее обстоятельство в особенности дает возможность быть [111] уверену,

что он в это время был далеко не так стар, как рекомендует его Гаджи-Али. Мало того, приведенное сказание писателя не внушает к себе доверия в виду следующих интересных и необходимых для биографии Кази-муллы выдержек из "Предисловия к рукописному сочинению Джемаледдина о тарикате", предпосланного сыном этого шейха Сеидом Абдурахманом к «мнению его отца под заглавием "Абдуль-Марзия" 5:

«Он (т. е. Джемалэддин, отец Абдурахмана) посетил шейха Магомед-эфенди кюринского, из с. Яраглар; от него сей принял тарикат и получил потом позволение направлять по этому пути желающих вступить на истинный путь. Это было при жизни Аслан-хана (кюринского владетеля, у которого Джемалэддин был в юности письмоводителем). Тогда слух о моем отце распространился далеко в горах и на плоскости; без сомнения, Кази-Магомед и Шамиль также услышали о том, что в Казикумухе появился святой шейх Джемалэддин, совершающий чудеса, и оба они захотели посетить его и принять от него тарикат. Но Кази-Магомед хотел сначала испытать моего отца, шейх ли он, и прозревает ли тайны, как о том слышно было. С этого целью Кази-Магомед поехал в Кумух с одним товарищем, а когда подъехал к нашему дому, то велел этому товарищу войти к отцу моему прежде, а сам несколько отстал. Потом, вошедши в уединенную комнату отца, которая была в верхнем этаже, он сел около дверей, молча. Сделал он это так потому, что желал испытать, точно ли отец мой узнает по имени и роду всякого посетителя, совершенно ему незнакомого. Когда Кази-Магомед сел около дверей, отец мой сказал: «здравствуй, Кази-Магомед, садись поближе ко мне, там не твое место». Удивленный этим, Кази-Магомед спросил: «откуда ты знаешь, что я Кази-Магомед? Ты ведь прежде меня не знал и [112] не слыхал обо мне?» — Разве в книге не сказано: «берегитесь прозорливости верного раба; он смотрит светом Божиим. Разве ты сомневаешься в том, что я верный раб»? Потом Кази-Магомед во второй раз приезжал к моему отцу вместе с Шамилем и принял от него тарикат.

Сам Джемалэддин получил тарикат от муллы ярагского, а следовательно не раньше 1822/23 г.; бежал же он из Кумуха в Цудахар вскоре после шейха Магомета и не позже 1827 года. Поэтому Кази-мулла возведен в сан мюршида, должно полагать, в 1825 или 1826 году и непосредственно засим принялся за распространение тариката.

Тарикат, который проповедывал и потом описал Джемалэддин, "чужд всяких политических целей и направлен собственно к возвышению чисто-религиозного духа своих последователей". По словам этого ученого, а также и многих других рукописей о тарикате, вращавшихся между кавказскими мусульманами, он по теории является самым невинным, даже полезным, для нравственного развития общества, наставлением к монашеской жизни. Но Кази-мулла, уверовав в него раз, признал его иным, и на этом понимании, совершенно согласном с воззрениями муллы ярагского и отчасти Гаджи-Измаила и Хас-Магомета, основал цели и стремления совсем другие. Их можно выразить словами рукописи "Блеск дагестанской шашки в делах против русских» 6 следующим образом: "показать разницу между добром и злом, увенчать правоверных мусульман славою на полях битвы и поразить неверных преследованием и позорною кончиною"; кроме того, [113] уничтожить адат, возобновить шариат и тем исправить развращенных мусульман. Поэтому, Кази-мулла при начале его имамства советовался с Джемалэддином о том, возможно ли применить к делу его взгляды и побуждения. Шейх, по словам Абдурахмана, не согласился на его действия против русских и на возмущение дагестанского, населения, а потому написал к нему письмо, в котором советовал оставить такой образ действий, если он называется его мюридом в тарикате, но

Кази-мулла не послушал его и представил письмо Магомету ярагскому, спрашивая его разрешения воевать против русских:

«Всевышний Бог велит в своей книге воевать с безбожными и неверными, а Джемалэддин не позволяет мне этого. Чьи повеления исполнять мне»?

— Повеления божии мы должны более исполнять, чем людские — отвечал шейх.

Этого было довольно, чтобы Кази-мулле взять в руки меч и с ним выступить перед народом для восстановления шариата. Все отзывы о нем в книгах и предания свидетельствуют, что он был весьма хорошо подготовлен к делу, за которое взялся.

«Он действовал на народ своим умом и знанием — говорит Гаджи-Али — не проливал крови мусульман, не грабил их имущества, не прельщался земными благами и не дорожил жизнью».

Абдулла Омаров отзывается о нем так:

«Кроме корана существуют второстепенные священные книги составленные из изречений Магомеда, с объяснениями преподавателей; мусульмане верят этим книгам наравне с кораном. Бывший имам в Дагестане Кази-Магома славился ученостью, которая главным образом состояла в том, что он знал наизусть 400 изречений (хадис) пророка. При заседаниях, в начале восстановления шариата, Кази-Магома побеждал всех [114] других ученых горцев, доказывая справедливость своих действий на основании хадисов».

Народ смотрел на Кази-муллу, как на человека "украшенного всеми редкими качествами, храброго, просвещенного и благочестивого руководителя, избранника божия". Хотя он был простой гимрынский уздень, но "человек глубокоученый, украшенный небесною милостью и пользовавшийся общим уважением и доверием дагестанского народа". Так говорят о нем мусульманские ученые.

Получив тарикат от Джемалэддина и став по призванию во главе нового учения, Кази-мулла в горячих проповедях и воззваниях указывал народу на его безверие, на уклонение от истинного пути и требовал, чтобы он оставил адат и обратился к шариату. Один из главных, между прочим, пунктов поучения его состоял в том, чтобы не признавать власти — кроме начертанной пророком по вдохновению Бога. Такое заявление как нельзя более нравилось свободолюбивым горцам и в особенности действовало на кадиев, которые, со слов проповедника, были уверены, что власть эта перейдет к ним и — думали они втайне — предоставит им сокровища всякого рода. Вообще же, красноречие и сила слова Кази-муллы поражали слушателей, а описание рая и гурий приводило их в восторженное опьянение. Стоя на подготовленной уже почве, так как проповеди муллы ярагского, Джемалэддина и других тарикатистов относились к проповедям Кази-муллы о восстановления шариата "так благодетельно, как весенний дождь к произрастанию злаков", Кази-мулла на первый раз не мог жаловаться на неудачу. Имя его в 1828 г. уже было почитаемо и у джарцев, отличавшихся пред всеми горцами своим фанатизмом и, по абсолютному своему невежеству, преклонявшихся пред каждым даже мало-мальски образованным мусульманином. [115]

Насколько деятельность этого замечательного человека имела влияния на события в течение всей персидской войны, и насколько она была в связи с проявлениями, в этот промежуток времени, народной и политической жизни горцев — официальные сказания проходят упорным молчанием, конечно, в силу того, что нам, при повсеместных грандиозных явлениях,

некогда и невозможно было всматриваться в эти мелочи; только позже, именно в 1830 году, для нас стало ясно, что Кази-мулла, воспользовавшись отвлечением нашего внимания на оба последовательные театра войны, успел сделать все то, что было ему нужно для восстания горцев и их открытой вооруженной борьбы с нами.

Кази-мулла обратил первоначально свое внимание на владения шамхала тарковского. Зная слабость этого правителя и недостаток его влияния на народ, а также имея в виду тамошние смуты и раздор в семье владетеля, он был уверен, что на этой почве брошенное им семя взрастет успешно — и не ошибся: в начале 1828 года он успел приобрести себе последователей в кадиях обоих Казанищ, Эрпели и Караная, которые проповедями своими старались склонить народ в пользу нового учения. Они повлияли даже и на самого шамхала, который писал Кази-мулле:

«Я слышал, что ты пророчествуешь. Если так, то приезжай ко мне, научи народ мой и меня святому шариату; если же не приедешь, то бойся суда божия: на том свете я укажу на тебя, как на виновника, которого просил, но он не хотел направить меня на путь истинный».

Кази-мулла отправился немедленно в Параул, где пребывал тогда шамхал, и раскрыв последнему истины своего учения, заключил свою проповедь такими словами:

«Ты — валий Дагестана; все народы тебе повинуются, а [116] которые независимы — послушают тебя. Ты должен быть блюстителем шариата. Твои подданные называют себя мусульманами, но не знают, что такое мусульманин. Все народы подвержены грехам; грех лежит на твоей душе. Так дозволь мне научить твой народ шариату, прикажи ему слушаться меня — и за такое доброе дело Бог наградить тебя раем».

Шамхал тарковский, по своей недальновидности, действительно не видел в шариате, выясненном ему Кази-муллою, ничего кроме дела доброго и полезного, и беспрекословно согласился на просьбу проповедника. Он даже позволил ему поставить в Эрпели своего кадия, коренного гимрынца Доудил-Магому, и публично, в присутствии своем, в мечетях Казанищ, а также вообще в своих владениях, провозгласить шариат и призвать к нему правоверных. Казанищенцы не противоречили и беспрекословно сдались новому учению, другие же хотя поддавалась несколько туго, но противодействия не выражали. В начале 1829 года Кази-мулла привлек в число своих приверженцев и Абу-Муселим-хана, обещав ему свое полное содействие к достижению власти шамхала помимо старшого брата. Из шамхальства Кази-мулла перенес свою деятельность в Черкей, принадлежавший салатавскому обществу, подвластному князьям андреевским, аксаевским и костековским, где личным присутствием, а частью и приглашением к себе ученых духовных особ, привлек на свою сторону всех черкеевцев и многих князей; оппозицию он видел только в молодых людях, вращавшихся в русском обществе. Народ, понуждаемый кадиями и стариками, выразил также готовность следовать новому учению и, в знак своего сочувствия к нему, первым делом уничтожил у себя все напитки. Кумыкский пристав подполковник князь Муса Хосаев все это видел, но не предусматривая в новом [117] учении ничего вредного или противузаконного, продолжал оставаться в приятном созерцании всех этих явлений.

В силу ли общего мнения владетельных в то время особ в Дагестане, что если горцы будут покорены и безусловно подчинены русским, то их правители утратят свои места и положение, или по другим причинам, Аслан-хан оказал, в свою очередь, полную симпатию Кази-мулле: в марте 1828 года последний гостил у хана несколько дней и уехал от него обласканный, хотя,

впрочем, не добился позволения явно проповедывать шариат подвластному ему народу. Когда же, спустя самое короткое время, в кюринском ханстве были ограблены люди, посланные Кази-муллою в Кубу, то Аслан, узнав об этом, отыскал виновных, строго наказал их и выслал Кази-мулле взысканные с них за ограбленные вещи деньги — даже при извинительном письме 7.

Хотя в Кайтаг и Табасарань Кази-мулла еще не проникал, но население этих уголков, благодаря своему вечно крамольному духу, ожидало его с нетерпением. Из числа кайтагских беков мы могли положиться только на двоих — Хан-Махмета и терекемейского Навруз-бека, и менее всего могли рассчитывать на преданность к нам родного брата первого из них — Джалава, на самого правителя Байбала-бека и на его брата Эльдара. В нижней Табасарани к категории этих последних лиц принадлежали Шах-Гирей и брат его Аслан, а в вольной — Махмет-Гасан, отец которого находился в ссылке. Вся эта шайка, сдерживаемая в течение всего 1828 г. Заал-беком, наскучила таким продолжительным и небывалым спокойствием и наконец воспользовалась первым поводом, давшим ей возможность освежить свою [118] неблаговидность и злонамеренность против нашего правительства. Повод этот представил ей бывший майсум табасаранский Кирхляр-Кули-бек, сосланный с сыном в 1826 году в г. Астрахань и незадолго до того возвращенный вместе с ним на родину. Низверженному майсуму вздумалось силою возвратить себе отнятые у него шесть деревень, переданные в управление прапорщика Ибрагим-бека карчагского, и таким образом восстановить утраченное им майсумство. С этою целью Кирхляр-бек в декабре 1828 г. стал распространять в народе нелепые слухи об успехах турок, о приближении их к Тифлису, о выносе санджак-шерифа (знамени Магомета) и о необходимости всем правоверным восстать на защиту своей религии. Сын его прапорщик Мамасан-бек, а за ним Шах-Гирей-бек и брат его Аслан, усердно содействовали ему в возмущении и к концу месяца стяжали первые успехи в пяти деревнях бека карчагского (Кевраг, Гензир, Хурсик, Егендиль и Уджух). Жители этих деревень выразили явное неудовольствие к своему владельцу за преданность нашему правительству, в жертву которому, по их мнению, он принес даже догматы своей религии, так как не только принял наши обычаи, но и одежду. Лукавый кадий Авдурзах-бек, двусмысленному поведению которого мы были обязаны во время персидской войны многими затруднениями, выражал мятежникам видимое сочувствие. К 1-му января 1829 года в их рядах стояло уже под ружьем невдали от Карчага 700 человек пеших и сто конных, и если только остальные жители вольной Табасарани медлили пристать к этой шайке, то потому, что опасались за конфискацию их стад, которые в это время паслись на плоскости. По первому известию о сборе партии, против нее была выслана из Дербента в Карчаг 3-я [119] гренадерская рота куринского полка (шт. к. Тараканова), а затем в подкрепление ей сборная рота того же полка, с двумя орудиями, под начальством маиора Цыклаурова. При приближении наших войск, Кирхляр и его сын бежали с своею толпою в вольную Табасарань, преследуемые, между прочим, наскоро собранными карчагцами, под предводительством Ибрагим-бека и его племянника Султан-Ахмет-бека. Дербентский комендант полковник Розенфельд, вместо того, чтобы повлиять на мятежников мерами преподанными ему в наставлениях генерала Краббе, не допускавшими, впрочем, без крайней необходимости употребления оружия, вошел с Кирхляр-беком в переговоры, и этим еще более поднял в нем самоуверенность и надежду в достижении его цели. Бунтовщик объявил, что он сдаться не намерен, но и не прибегнет к защите оружием своих прежних прав на владение майсумством, если будет добровольно восстановлено его звание и возвращен ему его удел. При таком упорстве, генерал Краббе счел нужным действовать решительнее. Он

призвал к содействию Аслан-хана кюринского, разослал воззвания к табасаранцам и к их духовенству, отправил письмо Кирхляр-беку о том, что не хочет верить его неблагонамеренности после всех его испытаний и оказанного ему милосердия; к Авдурзах-бек-кадию другое письмо в довольно льстивом и завлекающем тоне; пригласил Заал-бека воспользоваться случаем доказать свое усердие нашему правительству и своим влиянием восстановить среди табасаранцев спокойствие, и наконец двинул в Табасарань из Кубы, к находившимся там двум ротам и двум орудиям, баталион апшеронского полка и четыре орудия 3-й легкой роты 21-й артиллерийской бригады, а из Дербента еще две роты куринцев и одно орудие. Одновременно с этим он принял меры, чтобы вольные [120] табасаранцы не могли угнать обратно в горы своих баранов. Все эти благоразумные распоряжения опытного правителя края быстро произвели свое действие: табасаранцы призадумались, Авдурзах-бек-кадий повернул назад, Заал выбивался из сил, увещевая и усовещивая мятежных и беспокойных беков вольной Табасарани — и мятеж оборвался в самом начале. Требуя от табасаранцев выражения полного спокойствия и покорности, Краббе предложил им выдать бунтовщика. Они затруднились только на этом одном пункте, так как свято соблюдаемые ими обычаи гостеприимства и странноприимства не дозволяли им злоупотребить ими; но все же, не желая явно противодействовать распоряжению Краббе, предложили Кирхляру или отправиться самому к русским, или вообще уйти от них. Бунтовщику не оставалось ничего более, как избрать первую меру, и 20-го января он явился к командующему войсками, в сопровождении Заала и других почетных людей, и повергнул судьбу свою усмотрению нашего Государя. Затем, прибыли уполномоченные от вольных табасаранцев, принесли покорность и приняли условия, которыми обеспечивалось будущее спокойствие страны. На другой день Кирхляр послал приказание Мамасану, чтобы и тот явился со всем своим семейством, но непослушный сын, укрывшись в Турахе, не внял своему родителю. По приведении всех прибывших табасаранцев к присяге, Краббе задал им пир, воспользовался при этом случае возможностью сделать им отеческие внушения, одарил старшин и возвратил всех восвояси. Войска были отозваны обратно. Кирхляр-Кули-бек временно водворен в Дербенте под полицейским надзором, а затем отправлен опять в Астрахань на всегдашнее жительство 8. [121]

Таким образом, все дело кончилось благополучно и пока обошлось без участия Кази-муллы, который тогда занят был утверждением своего влияния среди шамхальцев и кумыков. Здесь опыт ему доказал, что дела его шариата идут не так успешно, как бы он этого желал, и являются три партии: одна, принимающая его с готовностью, другая — остающаяся в сомнении и нерешительности, и третья явно оппозиционная. Чтобы свести все воззрения этих партий к одному знаменателю, Кази-мулла решил прежде всего повлиять на главных духовных представителей народа, а затем, если бы оказалось нужным, поддержать свои стремления силою. В первом случае он обратил взоры на своего бывшего наставника Сеид-эфенди араканского, громадная известность и обширное значение которого среди духовенства и дагестанских ученых могли сразу его вывести на торную дорогу. Он отправился к нему, развернул перед ним с полною откровенностью свою задачу и просил его участия и содействия к своим высоким целям; вместе с тем он предложил ему звание верховного кадия. Благонамеренный Сеид отказался от всего, объяснив своему бывшему ученику, что он не может отрешиться от тех воззрений, в которых вскормил его ум и воспитал его самого, и что власть его не ослепляет. Кази-мулла оскорбился таким холодным и решительным отказом. Увидев, что ему бесполезно далее искушать кадия, он затаил в себе против него чувство

негодования и мести и оставил его до времени в покое. Он задумал тогда обойтись и без него, решив при этом, что необходимо образовать такое общество, которое бы видимою святостью своею принизило бы в глазах народа либерального кадия и восторжествовало бы над его упрямством. Тогда этот народ невольно бы отвернулся от знаменитого эфендия, и [122] значение его, равно и все проповедываемые им теории, которые шли в разрез с учением Кази-муллы, пали бы сами собою, и стушевался бы довольно сильный противовес для расширения шариата. Сосредоточенный на этой идее, Кази-мулла повернулся вновь к своим шамхальцам, среди которых так легко достиг удачи, и провозгласил секту шихов, т. е. угодников божиих или праведников, и сам первый принял название шиха. Главным условием к достижению этого звания Кази-мулла поставил отречение от всех мирских благ, безусловное следование шариату и распространение его хотя бы даже вооруженною рукою. Секта эта, кроме того, обязывала своих последователей и другими строгими правилами, удовлетворение которым недоступно было натурам обыденным; поэтому, вступление в нее возможно было только для тех, кто чувствовал себя в силах вынести все возлагаемые ею на человека обязанности. Таким образом, тип шиха определился сразу чертами самоотвержения, необыкновенной силы воли и решительного характера. Это дополнительное к шариату учение не имело никакого писаного кодекса и всецело определялось только своим названием "ших", значение которого должен был всецело постигать тот, кто решился окрылиться им. С появлением среди горцев, сперва в шамхальстве, потом в д. Андреевой (Эндери), в Салатавии и т. д. созданной Кази-муллою секты, завершена окончательно закладка мюридизма, который на Кавказе тотчас же вылился в своеобразную политическую форму. Истинных, настоящих мюридов было не очень много, шихов даже весьма мало, так как самоотречение и самоотвержение составляют в человечестве примеры редкого исключения; но последователями и подражателями мюридов были тысячи, и каждый из них был уверен и готов был уверить всех [123] других, что он есть мюрид. В свое время Шамиль всеми силами поддерживал это заблуждение и самообольщение кавказских горцев, и только при помощи подобной тактики составил против нас на долгое время сильную вооруженную армию. Вместе с этою сектою, которую поспешили, по слову учителя, образовать из себя духовные лица, Кази-муллою впервые были установлены народные шариаты или совещательные собрания 9. С этой минуты фанатик увидел, что обойдется без Сеид-эфенди араканского, против которого, в свою очередь, создал наконец в духовенстве надежный противовес.

Оградив себя, таким образом, на почве религиозной, он считал необходимым приступить к окончательному вооружению своих замыслов средствами органическими и политическими. Так как в этом последнем случае благорасположения Аслан-хана, а также дружеского содействия Мехти-шамхала было для него недостаточно, и власть его над умами и волею дагестанцев могла быть окончательно обеспечена только тогда, когда бы он увидел возле себя сильных аварцев и в особенности их правительницу, то Кази-мулла не замедлил обратиться к ним с воспаляющими воззваниями и с переговорами через своих приближенных и сотрудников. Аварцы без особенного труда начали склоняться на его сторону, согласились принять шариат и вообще отвечали ему заявлениями о своей готовности помочь доброму делу; только ханский дом и некоторые из приверженных к нему фамилий остались непреклонны. Тогда Кази-мулла написал ханше задушевное письмо, приглашая ее, как пригласил недавно шамхала, содействовать ему в восстановлении [124] мусульманской религии и одолжить его ополчением, "во главе со вторым ее сыном Оман-ханом, для приведения к послушанию непокоряющихся начертаниям шариата". Но хитрая и

дальновидная ханша проникнула цели и замыслы муллы. Не желая передать ему в руки свое влияние и власть в народе, а также не имея нужды сближаться с Кази-муллою, потому что вела в это время более важные и серьезные переговоры с Персиею и Турциею, куда отправила своего любимца Хрис-Илова с 50 приближенными к себе лицами, она отвечала ему, чтобы он сам прибыл к ней для личного разъяснения шариата. Кази-мулла, зная, что ханша не привыкла стесняться никакими противоестественными средствами для отвращения от себя возможных неудобств и, в свою очередь, поняв, что может оставить в ее владениях свою голову, уклонился от любезного приглашения, зарубив у себя на памяти ее несочувствие и затаенные видимо злые намерения.

После этого ему оставалось продолжать начатое дело у шамхальцев, примирение которых с русскими властями было ему далеко не по сердцу. Обстоятельства ему благоприятствовали: за отъездом шамхала и за непопулярностью Сулеймана, он мог вполне рассчитывать на сообщество и крепкое содействие Абу-Муселима, которым уже достаточно заручился. Кази-мулла постарался еще более подогреть его, и услужливый юноша не заставил себя долго ждать: в начале июля он собрал в Казанищах толпу своих приверженцев из разных селений, усилил ее койсубулинцами, относительно которых помог ему, по ближайшему родству и приязни, Ахмет-хан мехтулинский, призвал кое-каких знакомых аварцев — и новое возмущение было готово. Бунтливый юноша, руководясь советами умного и ловкого проповедника шариата, стал приводить поголовно весь народ к присяге на [125] верность ему службы. Четыре человека из селения Муселим-аула вздумали разойтись с ним в желаниях — и он их бесцеремонно казнил. Этот решительный поступок так сильно устрашил шамхальцев, что после того никто из них уже более не сопротивлялся. В самое короткое время все деревни шамхальства, кроме с. Тарки и близлежащих аулов, признали власть владетеля-самозванца. Смелость его дошла до того, что он потребовал присяги у Сулеймана и у тарковцев, и когда те, конечно, отказали ему, то он отогнал у них весь конный табун — и затем условился с ханом мехтулинским напасть на Тарки. Зубаир хотя и не содействовал им явно, но стоял на их стороне.

Чтобы не дать развиться бунту и удержать в повиновении селения верные правительству, г. м. фон-Краббе предписал командиру куринского полка подполковнику фон-Дистерло следовать с баталионом, тремя орудиями 3-й легкой роты 21-й артиллерийской бригады и 25 казаками к кр. Бурной, присоединить там к себе еще две роты с двумя орудиями и расположиться на удобной позиции во владениях шамхала, невдали от крепости. Вместе с тем он велел ему, не вступая без крайней необходимости в дело с бунтовщиками, пригласить к себе Абу-Муселима, Зубаира и Ахмет-хана, и постараться примирить их с Сулейманом. Подполковник фон-Дистерло так и сделал, но соглашения между братьями не достиг; жители же Казанищ, а также и некоторых других селений, на которых имели наибольшее влияние Абу-Муселим и Кази-мулла, не только не пожелали возвратиться к покорности Сулейману, но даже оставили места своего жительства и, забрав все имущество, удалились в с. Эрпели. Дистерло потребовал их возвращения и за неисполнение пригрозил [126] наказанием, но в ответ получил отказ. В это время к бунтовщикам прибыл удаленный некогда в Чечню правитель селения Казанищ бек Рази-Хаспулат-оглы, родственник шамхала, и предложил им свои услуги; они хотя и не приняли их, но попросили Хаспулата остаться в Эрпели и начали укрепляться. Кроме того, ханша Паху-бике составила небольшой отряд и прислала его в помощь Абу-Муселиму, под начальством Гамзат-бека, сына Али-Эскендер-бека гоцатлинского. Последние сведения доставил нам Аслан-хан кюринский, который уверял наше правительство, что если оно

допустит Абу-Муселима к женитьбе на дочери ханши, (той самой Селтанет, в руке которой отказано было его сыну), то спокойствия никогда не достигнет ни в Аварии, ни в шамхальстве.

В виду всех этих обстоятельств, подполковник фон-Дистерло объявил непокорным, что в последний раз предлагает им возвратиться в свои жилища, а Абу-Муселиму — примириться с своим братом, иначе войска вступят внутрь владений шамхала и откроют решительные действия для восстановления порядка. Со стороны же Краббе было сделано распоряжение, чтобы, для поддержания и осуществления, в случае надобности, этой угрозы, два баталиона апшеронцев и 6 орудий из числа войск, находившихся в ширванской провинции, были готовы к выступлению в Дагестан. Это распоряжение, быстро долетевшее до мятежников, подействовало на них сильнее всякой угрозы Дистерло, и большая часть из них сейчас же возвратилась в свои места; Абу-Муселим протянул руку примирения своему брату — хотя, конечно, притворно. Краббе считал необходимым наказать некоторые деревни шамхальства, с давнего времени уклонявшиеся от лежавших на них повинностей и всегда [127] готовые к возмущению, но, по неимению средств, должен был отложить свое намерение до удобного случая и довольствоваться достигнутым им "весьма непрочным успокоением народа". В конце августа войска наши возвратились в места своего квартирования 10.

Все недоразумения и волнения среди дагестанских лезгин не могли не отразиться на джарцах, имевших непосредственное с ними соотношение и получавших от них направление, всякое давление, и в случае надобности содействие во всех проявлениях своего политического быта.

В конце 1828 и в начале 1829 годов дела наши среди джарцев были в таком положении, лучше которого нам и видеть дотоле не приходилось. Пользуясь этим необыкновенным спокойствием и будто бы их расположением к нам, корпусный командир поручил окружному начальнику в Кахетии — командиру нижегородского драгунского полка г. м. Раевскому 3-му, склонить джаро-белаканцев к удовлетворению всех претензий, которые предпослали к ним лица, пострадавшие от их разбоев. Раевский в январе 1829 года отправился с небольшим конвоем в Белаканы, жители которых считались нами виновнее всех прочих, собрал там общий джамат и объявил ему волю корпусного командира. Джамат, под руководством и по настоянию главного джарского старшины, с величайшим усердием приступил к разбору претензий и, рассмотрев дела 400 жалобщиков из грузин, всем им назначил удовлетворение. Две трети последнего пало на белаканское общество, имевшее едва только 600 дворов, которое должно было уплатить до 20 т. рублей серебром. Кроме того, по [128] распоряжению джамата, сожжены дома и вырублены сады девяти человек, наиболее замешанных в грабежах; четыре же главных разбойника выданы нам головою. За такую преданность нам и услужливость старшина Махмед-Вели-чанка-оглы был удостоен золотой медали. В конце концов лезгинские общества всего округа, в лице своих представителей, подписали петицию, отправленную ими к главнокомандующему армией 11, в которой было выражено следующее:

«Мы были черны пред вашим сиятельством — и решились пред вами предстать белыми. Мы удовлетворили все претензии, которые на нас оказались, возвратили весь скот, захваченный разбойниками, послали выкупить людей ими увлеченных и в знак нашей искренности отдали полковнику Раевскому 12 в залог, до их возврата, по двести рублей серебром за каждого захваченного шекинца и по 300 рублей за каждого грузина. Чтобы еще более доказать вашему сиятельству совершенное наше повиновение, мы вручили полковнику Раевскому главных разбойников, изгнали из общества, сожгли дома и вырубили сады остальных. Для совершенного прекращения разбоев мы положили, что общество, которое примет, или у

которого будут скрываться разбойники, изгнанные из другого общества, заплатит 1000 р. серебром штрафа. Обратите на нас милостивые ваши взоры» 13.

Но этот блистательный результат нашего управления страною, обеспечивший на вид дальнейшее спокойствие такими вескими пожертвованиями, продолжался не долго. Лишь только непосредственно за решением джамата граф [129] Паскевич приказал составить из джарцев ополчение, которое служило бы порукою за спокойствие Грузии — они стали думать и говорить иначе. Впрочем, требование об этом ополчении было для них только придиркою, а настоящею причиною поворота населения к прежнему состоянию были сведения об убийстве в Тегеране нашего посланника Грибоедова, повлекшие за собою будто бы новый разрыв, а, также слухи о приближении персидского шаха с войсками к Тавризу и о прибытии Мустафы-хана ширванского и сына Селим-хана шекинского к нашей границе. Когда же к этим слухам присоединились тревожные известия турецкого изготовления, а затем воззвание и проповеди Кази-муллы и его шариатистов, то джарцы стали видимо терять голову, и повсеместные разговоры об ополчении приняли даже угрожающий для нас оттенок. Во главе оппонентов стал второй старшина Гаджи-Махмуд, воззрения которого и отношения к нам вдруг видоизменились. Раевский доносил, что "человек сей, имея в Чарах большое влияние, весьма много мешает правительству в совершенном их покорении". Вместе с Гаджи-Махмудом ратовал и старшина Оден-оглы. Благодаря влиянию этих лиц, а также происками вообще наших врагов, джарцы были убеждены, что во-первых, лишь только мы двинемся против турок — персидские войска, а с ними и царевич Александр, тотчас вторгнутся в наши пределы, а во-вторых, что требуемое у них ополчение есть не более как рекрутчина. Собрав вновь джамат, они постановили: не выражая нам явной неприязни, от составления ополчения отказаться под предлогом невозможности в этом случае защищать свои границы со стороны Дагестана; старшину же Мамед-Вели считать изменником общества и понудить его снять пожалованную ему медаль и возвратить нам обратно. Конечно Мамед-Вели медаль снял, [130] но не возвратил ее нашим властям, потому что она была золотая. Глуходары, пользуясь этими недоразумениями, составили довольно значительную партию и двинулись к джарцам через гору Химрик.

Против всех ложных слухов, произведших у джарцев неожиданное волнение, граф Паскевич мог противопоставить только сведения о наших успехах в Турции и подлинное письмо Абас-Мирзы, который извещал его о своем благорасположении, а также и о бесследности влияния несчастного грибоедовского события на политические дела и взаимные мирные сношения. Но для успокоения джарцев этих уверений конечно было недостаточно. Они не замедлили выразить вновь явное нерасположение к нам отказом в исполнении лежавших на них земских повинностей и захватом в начале апреля на берегу Алазани четырех солдат, отправившихся ловить рыбу. Команда наша, посланная для преследования хищников, захватила одиннадцать человек из них, но солдат не нашла. Раевский объявил джарцам, что эти одиннадцать человек останутся заложниками до тех пор, пока общество возвратит уведенных в плен солдат и заплатит 500 р. штрафа. Таким образом, старая вражда вспыхнула вновь и стала открытою.

По случаю выступления г. м. Раевского со вверенным ему нижегородским драгунским полком за границу, начальником войск в Кахетии в конце апреля были назначен того же полка полковник князь Андроников, а военно-пограничным начальником — г. м. князь Чавчавадзе. В распоряжении кн. Андроникова состояли: запасный эскадрон нижегородского драгунского полка (на Царских Колодцах), три роты 3-го баталиона грузинского гренадерского полка (в сс.

Шильды, Сабуи, Кварели), четыре роты 3-го баталиона пехотного г. ад. графа [131] Паскевича Эриванского полка (на Царских Колодцах и в с. Чеканы), четыре орудия батарейной № 1-го роты 21-й артил. бригады (на Царских Колодцах), при этой роте два трехфунтовых орудия сверх комплекта и части донского казачьего подполковника Платонова полка (на постах и при штаб-квартире.)

Первым сюрпризом для нас вообще и для князя Андроникова в частности были сведения, полученные в половине мая о том, что проживавший в Турции племянник Аслан-хана кюринского Хаджи-Ягья 14, близкий

родственник Махмад-хана, прибыл по поручению турецкого правительства в Чечню к Бейбулату, с значительною суммою денег и возмутительными письмами, прожил там несколько дней и перешел в Дагестан, где деньгами, воззваниями и обещаниями больших наград склонял население, с открытием через горы дорог, произвести возможно обширное вторжение в Грузию. Независимо того, и сами дагестанцы получили из Турции письмо Махмад-хана, который приглашал их встретить себя и обещал большие награды. Тотчас же начались повсюду в горах значительные сборы, деятельное участие в которых со стороны джарского округа приняли белад Бегай и дети другого белада Алдама. Сборы эти росли так быстро и были так обширны, что, по известиям лазутчиков, таких доселе еще никогда не бывало. Джарцы, сведав об этом, тотчас снарядили депутацию из трех человек и отправили ее в Турцию с каким-то "неизвестным тайным поручением", а тем временем вновь открыли свой объятия дагестанским лезгинам. Последние не преминули этим воспользоваться, и первую попытку своих похождений в [132] Кахетию произвели 18-го июня, партиею в 400 человек, против поста Пейкаро на Алазани, у переправы Урдо. В этой партии, бывшей под предводительством Шабдух-Али, с проводником из с. Алмало, по уведомлению Аслан-хана кюринского, участвовали и аварцы, посланные на разбой своей ханшею. Предприятие это лезгинам удалось не совсем, так как, лишившись 4-х убитых (в том числе и брата Шабдуха) и 3-х раненых, они взяли в плен несколько караульных и тем пока ограничились; но все же это доказало возможность спускаться на плоскость без особенных затруднений, и вследствие этого открывало доступ новым шайкам, которые, одна за другою, стали являться в Джары и Белаканы для дальнейших нападений на проезжих дорогах и на пограничные наши селения. Тифлисский военный губернатор генерал-адъютант Стрекалов, вступивший в эту должность после Сипягина 15, тотчас приказал составить оборону селений из самих же жителей и выдвинуть на границу Кахетии добровольные милиции сигнахского, телавского, тифлисского и душетского уездов.

Сведения о массах, скоплявшихся в горах, стали быстро оправдываться: к первому числу июля до 1500 человек пеших и конных перевалили через главный хребет к Анцуху и Капуче. Вторая половина этого скопища, в числе 900 человек, под предводительством Алдама-швили, усилив себя кистинами, подвигалась чрез Тушетию с намерением напасть на селения пирикительского [133] общества, но, потерпев 10-го июля неудачу, с пустыми руками присоединилась к предыдущей половине. По следам Алдама подвигался Бегай с толпою до 800 человек; кроме того, Нуцал-хан аварский извещал, что в Койсубу еще собирается до 2-х т. конных, но для какой цели — пока неизвестно. Князь Чавчавадзе просил усилить его хотя одним баталионом, но генерал-адъютант Стрекалов отвечал ему, что не имеет для этого ни одного свободного человека, и предложил оборачиваться своими средствами. Чавчавадзе собрал на Алазани до пятисот вооруженных грузин и отправился с ними на разведки. Он

открыл следы хищников сперва у сакобских хуторов, а потом по направлению к Белаканам. Приблизившись на расстояние нескольких верст к этому последнему селению, он известился, что оно наполнено толпами глуходар, которых насчитывают до 3 т. человек, и поэтому повернул обратно к сакобским хуторам, не рискуя подвергать свой маленький отряд совершенному истреблению. В последних числах июля лезгины, в числе двухсот человек, произвели еще одно нападение на обывательский пост все у той же переправы Урдо и, после сильной, но непродолжительной перестрелки, убили четырех караульных и увлекли в плен 22. В этом происшествии оказались виновными белаканцы, джарцы и катехцы, бывшие в сообществе с дагестанцами, почему кн. Чавчавадзе и возложил на них обязанность доставить всех пленных и за каждого убитого по 300 рублей серебром для вознаграждения его семейства.

Получив отказ Стрекалова в подкреплении, князь Чавчавадзе должен был распорядиться своими домашними средствами следующим образом: из 300 человек пехоты, 200 пеших драгун и четырех орудий он составил летучий отряд, для движения при надобности; [134] остальных 270 строевых и 200 нестроевых (в числе последних денщиков и даже слабых), с двумя гарнизонными орудиями, назначил для защиты своих полковых штаб-квартир; за оставлением части людей из рот грузинского гренадерского полка при казармах в Шильды и Кварели, 200 человек, с двумя орудиями, отправил в Чеканы; резерв и 200 милиционеров сигнахского уезда поставил между укр. Чкуеты и церковью Цикаант; предписал занять жителями все караульные посты в сигнахском и телавском уездах и наконец, оборону линии от переправы Урдо до Муганло возложил на самих лезгин, поселенных на левом берегу Алазани. Поведение джаро-белаканских лезгин, в измене которых не было более никакого сомнения, в начале августа отрешилось для нас от всех загадок. Оказалось, что они были подстрекаемы и направляемы мятежником Хаджи-Ягья, который, сделав что нужно было ему в горах Дагестана, прибыл к ним в конце июля и поселился в Катехах. По первому об этом сведению, кн. Чавчавадзе отправил к джарцам подпоручика Нацвалова с настоятельным требованием о выдаче Хаджи. 2-го августа офицер этот возвратился с джарскими старшинами — Мамед-Вели-Чанка-оглы, Гаджи-Махмудом и с катехским Ибрагимом Цадар-оглы и привез прошение их жителей, чтобы оставить Хаджи-Ягья в покое, "как человека священного, занимающегося только духовными делами". Князь Чавчавадзе не принял старшин и отправил их на гауптвахту, а к джарцам послал новое решительное требование о доставлении этой "священной" особы, предуведомив население, что до того времени старшины останутся под арестом. На этот раз нельзя было не уступить, и жители, будто бы схватив и связав своего гостя, отправили его под присмотром пяти [135] вооруженных всадников к начальнику пограничной линии. Хаджи-Ягья, как и следовало ожидать, во время ночлега на Алазани у с. Муганло, бежал. После этого джарское общество, снарядив депутацию, послало ее просить освобождения из-под стражи своих старшин, как совершенно неповинных в упущении Хаджи, но князь Чавчавадзе, арестовав и депутатов, объявил, что они не выйдут из тюрьмы, пока не будут выкуплены грузины, взятые в плен на переправе Урдо. Старшины же, после двухнедельного ареста, отправлены домой, потому что у джарцев не оказывалось никакого ответственного перед нами лица, которое бы могло служить посредником между нами и народом.

Скопище, стоявшее у Анцуха и Капучи, к концу июля усилилось прибытием партий белада Бегая, который, подобно Алдаму, 23-го июля потерпел неудачу при нападении в Тушетии на селения чагминского общества. Соединенные толпы выдвинулись на гору Кодор, выслав

вперед разведчиков для определения степени возможности спуститься на плоскость. Хотя сведения, полученные от них Бегаем и его товарищами, были для них неблагоприятны и сводились к тому, что бдительность и меры предосторожности приняты по всей линии, тем не менее белады не сочли возможным выжидать особого случая, так как их соратникам нечего было есть. С 11-го на 12-е августа они двинулись к Кварели, выслав перед собою небольшой авангард. В версте слишком от селения этот авангард энергически был отражен караулом и жителями. Белады, видя, что встреча для них готова, и тревога разнесена по всей линии, отступили на гору Кодор, не рискуя настаивать более на своем намерении. Долговременное и безуспешное пребывание лезгин в сборе довело их до такой крайности, что на [136] обратном пути к дидойской деревне Кидеро они вынуждены были обменивать на хлеб свои бурки и кинжалы. Однако, не смотря на это, Бегай не распустил своего скопища, но отодвинул его в богозское общество и там стал ожидать более благоприятных для себя обстоятельств. Около месяца прошло в одних только мелких хищничествах на плоскости и в тревожном высматривании кахетинцами своих горских неприятелей. Бегай не трогался с места, но другие толпы дагестанцев и даже чеченцев постепенно прибывали к границе джурмутского общества и 10-го сентября образовали скопище до пяти тысяч человек, под главным предводительством Гамзат-бека, Шабдух-Али, Али-Султана унцукульского и других. Эти вожаки отправили прежде всего своих разведчиков к джарцам для получения сведения, насколько может быть обеспечено их нападение на Кахетию, и готовы ли они им содействовать; но джарцы прислали им добросовестный ответ, что они сами распустили своих людей, так как за успех дела ручаться не могут, и в последнем случае представили ту причину, что конные грузинские милиции уже стянулись к Карагачу, а из пеших быстро составляется поголовное ополчение, и весь округ вообще приведен в достаточно оборонительное положение. Скопище, не смотря на всю свою громадность, не решилось тронуться с места; прождав еще бесполезно дней десять, оно 22-го сентября ушло обратно за главный хребет. Вслед за этим распустил свои толпы и Бегай, после неудачного движения 15-го октября в Тушетию, которая на этот раз избавилась от него, благодаря неожиданно выпавшему глубокому снегу. Дела пришли к прежнему положению. т. е. к разбоям и хищничеству партий, приютившихся на плоскости преимущественно под покровительством [137] белаканцев. Донося об этих происшествиях генерал-адъютанту Стрекалову, начальник 21-й пехотной дивизии г. л. кн. Эристов заявлял, что "время бы уже примерно наказать белаканское общество, которое со времени открытия турецкой кампании постоянно отказывается от повиновения российскому правительству" 16. Правда, пора была рассчитаться с ним, и сам Паскевич об этом думал не менее Эристова; но так как главнокомандующий считал это предприятие обширным и важным, то отложил его до первых военных операций будущего года. Эти тревоги и сборы в горах не помешали однако Сурхай-хану аварскому, ради отличия пред нашим правительством, привести в подданство Государю никогда еще не изъявлявшие нам покорности общества: шаталинское, ханусское, тунгульское, дарамарсальское, аральское, синахское, джунусское, желадское, чарахское, решпулинское, тальгальское и особо две деревни Зилькиду и Росиланы. Все они имели вообще до 3 тысяч дымов и граничили с Акушею, Кумухом, Авариею и джарцами. Народ был беден, пахотных мест имел очень мало, снискивал себе пропитание с большими затруднениями у соседей и вследствие этого охотно нанимался за умеренную плату к разным бунтующим владельцам 17.

При всех переворотах в закавказском крае и в Дагестане в 1829-м году, Чечня оставалась покойнее чем прежде, а Осетия, Кабарда даже более того. Это относительное затишье

необходимо было приписать главнее всего отсутствию на них пока влияния Кази-муллы и, [138] может быть, отчасти также четырехмесячному прекращению Бейбулатом и его шайкою их героических похождений. Войска, назначенные для охранения левого фланга линии, состояли из следующих частей: трех баталионов 43-го егерского и трех владикавказского гарнизонного подков, моздокского и кизлярского гарнизонных баталионов, 22 казачьих линейных сотен, донского казачьего Астахова полка, сборного казачьего астраханского полка, двенадцати орудий легкой № 2 роты 22-й артиллерийской бригады и шести орудий конно-казачьей № 5 роты.

1829-й год открылся принесением покорности в начале января жителями деревни Нурик-юрт, в числе 35 дворов, расположенной в Черных горах; затем, 26-го января, неудачным прорывом через Терек, близь селения Паробачевского, хищнической партии в числе 50 человек, которая была рассеяна резервом из пехоты, стоявшим у ст. Щедринской, казаками и частью кумыками, и наконец — отысканием в деревне Курчали нашего орудия, взятого чеченцами в 1825-м году в амир-аджи-юртовском укреплении. Последним событием мы обязаны усердию 13-го егерского полка капитана Шпаковского. Дальнейшее затем время до первых чисел августа месяца включило в себя всего только шестнадцать происшествий, из которых наиболее выдающееся было 2-го июля близь станицы Ардонской, где хищниками отбиты у армян 176 лошадей, препровождавшихся в Грузию; остальные случаи заключались в мелких нападениях на дорогах, в убийствах и взятии одиночных солдат или казаков и в краже скота.

Но насколько этот период бледен военными событиями на левом фланге линии, и вследствие этого характеристичен почти неестественным спокойствием, настолько [139] же он вполне знаменит неожиданным и замечательным в полном смысле слова фокусом, который выкинул Бейбулат. Этот фокус, действительно, мог прийти в голову только одному необыкновенному авантюристу, который, стоя в течение пяти слишком лет под приготовленной для него виселицей, мгновенно перескочил на ее перекладину, чтобы с высоты этого жалкого величия надсмеяться и над своею собственною судьбою, и вообще над превратностями человеческой жизни. После последних своих похождений в горах для пользы турецкого правительства, Бейбулат внезапно повернул в обратную сторону и имел наглость предложить свои услуги нашему правительству. Какая была тому побудительная причина — знает одна могила, в которую, вероятно, давно сошел этот интересный "войсковой старшина", так как не может же он жить два века. Предоставляя себя в распоряжение главнокомандующего для соответственных в пользу нашего государства поручений и для стяжания своим усердием заслуг и наград, Бейбулат обещал подвергнуть благоусмотрению графа Паскевича еще и несколько десятков других своих будто бы раскаявшихся собратов, которые признали наконец, что благоденственнее, благодетельнее и лучше русской власти нет никакой другой на свете. Паскевич, имея в виду главным образом отвлечь с Кавказа, для спокойствия его в течение войны с турками, всех этих вредных для нас отбросков, поспешил изъявить согласие на принятие их услуг и дал им разрешение явиться во Владикавказ. И вот, Бейбулат собрал 140 человек того сброда, который у нас известен был с незапамятных времен под названием "сволочи" и в конце мая торжественно явился к генерал-маиору Скворцову. Кроме Бейбулата, из выдающихся личностей, или, как их называли в [140] ту минуту — "наездников", были в этой партии два брата его ближайшего сподвижника и друга Астемира — Эльдыр-хан и Кулай. Странно и смешно было смотреть на эту пеструю, полуоборванную, но с виду грозную фалангу, состоявшую из отчаянных разбойников чуть не всей половины племен Кавказа. Тут были пятнадцать человек преимущественно чеченских старшин; тут были и аварцы, и

койсубулинцы, и жители разных вольных обществ Дагестана, и затеречные ногайцы — словом, калейдоскоп из разных человеческих образов и костюмов. Скворцов, согласно предписанию главнокомандующего, угостил всю эту мразь на счет экстраординарной русской суммы и отправил ее в Тифлис, выдав Бейбулату на путевое довольствие его шайки 120 рублей серебром.

Генерал-адъютант Стрекалов уже был извещен о прибытии этих дорогих гостей. Предупреждая его о них, граф Паскевич предписывал ему "обласкать всех их, назначить приличное содержание" и прислать это добро к нему в главную квартиру. Так как слухом земля полнится, то весть о таком русском благодеянии мгновенно облетела горы, и при вступлении Бейбулата 6-го июня в Тифлис, при нем оказалось уже не 140, а 195 человек, из коих было 15 старшин и 180 всяких других поддонков рода человеческого, преимущественно лезгинского происхождения. Натешившись и угостившись вдоволь некоторое время в Тифлисе, эта партия стала понемногу редеть — потому что задача большинства ее была кончена, и к тому времени, как Бейбулату пришлось выступать в главную квартиру, она сократилась на 163 человека. В числе этих последних бежали от Бейбулата прежде других и оба брата Астемира. В конце июня оставшиеся 32 человека, вместе с Бейбулатом, были [141] вверены донского казачьего Победнова полка хорунжему Артамонову, которому предписано было препроводить их в действующий корпус и требовать по пути от провиантских "магазейнов" на каждого в сутки муки по 4 фунта, или сухарей в соразмерном количестве, и мяса по одному фунту, а на Бейбулата мяса по 2 фунта. Сверх этого, на улучшение пищи Бейбулата и его компании было видано Артамонову 100 рублей серебром и поставлено ему в обязанность обращаться с его клиентами "дружелюбно, отвращая всякие неприятные встречи и требуя к тому пособия от местных начальств". Окрыленные этою необыкновенною заботливостью, 32 отчаянных разбойника 20-го июня прибыли в Александрополь и, угостившись там еще раз, отправились далее. Они пробыли в главной квартире около двух месяцев, и что именно они там делали, а равно, что делала с ними главная квартира — неизвестно. По истечении же двух месяцев они оказались вовсе ненужными и были с прежним вниманием возвращены обратно в места своего жительства 18. Интермедия кончилась — и беспокойная разбойничья Чечня приняла на свое лоно давнее заветное ее сокровище.

Во время отсутствия Бейбулата, его заменил среди чеченцев Астемир; но он ограничивался похождениями, известными у нас тогда под названием "шалостей", до тех пор, пока оба брата его находились, как бы в виде добровольных заложников, в фаланге Таймазова. Когда же они бежали от него и явились вновь в Чечню, Астемир почувствовал, что руки его развязаны, и от шалостей перешел к проказам — даже довольно серьезным, в которых усердно помогали ему братья. [142] Соединившись с вожаком кабардинских абреков Хетажуко Гукежевым, он, с партиею из 160 человек, 7-го августа изрубил команду в 16 нижних чинов, следовавшую с летучею картою из ст. Ардонской в ст. Урухскую и вслед затем стал вербовать еще новых разбойников. В несколько дней шайка его выросла до 300 человек и приготовилась к нападению на одну из терских станиц. Узнав об этом, генерал-от-кавалерии Эмануель подкрепил войска левого фланга вызванным из Георгиевска бутырским пехотным полком, который расположил лагерем на левом берегу Терека, близь ст. Мекенской 19. Как бы издеваясь над этим усилением, Астемир 17-го августа произвел новое нападение на команду бутырцев, косивших сено на правом берегу Терека, семь человек положил на месте, семерых взял в плен и отбил три лошади с повозкою.

В то время, как Астемир разбойничал на линии, в кумыкских владениях отличалось на этом же [143] поприще население деревень, приведенных нам в подданство шамхалом тарковским, под предводительством жителей деревни Мискит — Пантюка Шала и Мандырея, которые также были завербованы Бейбулатом в число наших усердных слуг и бежали от него в Тифлисе. В одном из крупных нападений 7-го августа на Ярык-су, разбойники эти, после жаркой схватки с кумыками, взяли в плен десять человек из них и в том числе князя Давлетуко Гиреева. Вследствие похождений всех этих хищников, левый фланг кавказской линии в 1829 году потерпел 22 крупных и мелких нападения, в которых пострадали преимущественно наши воинские чины. В конце октября часть кабардинских абреков распрощалась с Астемиром и отправилась на Кубань, понеся по пути поражение от осетин, которые отбили у них несколько пленных, а большая часть, вместе с Хетажуко, осталась зимовать в Чечне.

Оставить безнаказанными такого рода проступки было немыслимо — и генерал-от-кавалерии Эмануель предписал начальнику левого фланга г. м. Энгельгардту 3-му захватить Астемира и братьев его, если представится возможным; если же этого достигнуть было бы нельзя, то поставить преграды их злодеяниям и лишить их возможности прорываться в наши пределы. В начале ноября Энгельгардт предпринял экспедицию за Сунжу для наказания деревни Иса-юрт, в которой постоянно укрывался Астемир. Отряд состоял из 1123 человек пехоты бутырского и 43-го егерского полков, 342 линейных казаков, 300 конных мирных надтеречных чеченцев и шести орудий полевой и конно-казачьей артиллерии. Войска эти выступили из Грозной к Алхан-юрту 5-го ноября и переправились через Сунжу. При приближении их к аулам Иса-юрт, Мирзахан-юрт [144] и Галга-Иса-Гусейн, выехали к Энгельгардту старшины этих аулов, просили принять их в подданство России и представили двух аманатов. Вследствие этого неожиданного смирения, наказание Иса-юрта не состоялось, и 7-го ноября отряд двинулся к Галга-юрту. При следовании через лес, Астемир, с партиею абреков в 300 человек, расположившись в завалах на опушке леса, встретил наш авангард сильным ружейным огнем. В атаку были брошены егеря — и вскоре открыли свободный проход. После этого партия насела на арриергард, но и там была отбита бутырцами, которые при этом потеряли ранеными двух нижних чинов.

Отряд остановился невдали от Галга-юрта. Генерал Энгельгардт отправил туда через Далга-юрт командира гребенского казачьего полка полковника Ефимовича, со всею конницею, сотнею егерей и двумя орудиями. Астемир опять открыл перестрелку с бывшими во главе мирными чеченцами, но они, после двух атак, произведенных ими под начальством своего пристава есаула Золотарева, поддержанные сотнею казаков, выбили партию Астемира из Далга-юрта и заняли как самую эту деревню, так и две укрепленные башни в лесу, принадлежавшие Астемиру и другому начальнику Хетажуко Гукежеву. У нас были ранены два чеченца и несколько лошадей. Из Далга-юрта было послано к Астемиру и его приверженцам приглашение смириться и явиться с повинною, принять присягу, выдать аманата и возвратить наших пленных; но Астемир соглашался покориться только в таком случае, чтобы требуемых от него пленных не возвращать и дозволить ему продолжать открытую вражду с карабулаками, с которыми он должен был свести свои счеты. Конечно, это нелепое условие было отвергнуто, и жилище Астемира уничтожено. 9-го ноября жители [145] Кагыръ-юрта и Далга-юрта выдали аманата и дали обещание принять присягу немедленно по возвращении прочего народа, разбежавшегося в леса. 17-го ноября отряд возвратился в Грозную, приняв на обратном пути аманата от деревни Джавгар-юрт 20.

Комментарии

1. «Сборник сведений о кавказских горцах», выпуск VII.

2. «Сб. св. о кавк. горц.», вып. II, ст. Абдуллы Омарова «Воспоминания муталима», стр. 53.

3. Т. же, «Абдуль-Марзия», перевод с арабского.

4. От этой жены Кази-мулла имел дочь, бывшую единственным его дитятей, умершую 10 лет от роду.

5. «Сборн. св. о кавк. горцах», выпуск II.

6. Рукопись, хранящаяся в числе прочих, в военно-историческом отделе штаба кав. в. округа.

7. "Сб. св. о кавк. горц.", вып. II; д. арх. окр. шт., I отд. ген. шт., 1830 г. № 80.

8. Д. арх. окр. шт., 2 отд. г. шт., 1829 г., № 12.

9. Д. арх. окр. шт., 2 отд. г. шт., 1829 г. № 86.

10. Дела арх. окр. шт., 2 отд. г. шт., 1829 г., №№ 24 и 91.

11. Граф Паскевич назначен главнокомандующим Высочайшим указом 5-го февраля 1829 года.

12. Раевский непосредственно за сим был произведен в генерал-маиоры.

13. Д. арх. окр. шт., 1 отд. г. шт., № 14, 1829 г.

14. См. «Кавк. Сб.», т. X., стр. 11, выноска.

15. Николай Мартьянович Сипягин был назначен на Кавказ 28-го марта 1827 г., одновременно с Паскевичем, и умер 11-го октября 1828 г. Хотя кавказская его деятельность не ознаменовалась ничем особенным, но это не мешает Сипягину принадлежать к числу выдающихся наших отечественных деятелей. Подробная биография его помещена в издании Новоселова «Кавказцы».

16. Дела архива окр. шт., 1829-го г., 1 отд. г. шт. № 14, 2 отд. г. шт. №№ 5, 13, 19 и 91 и канц. в. губ. № 35.

17. Докл. зап. тифл. в. губернатора 3-го августа 1829-го г. № 2565.

18. Д. арх. окр. шт., 1 отд. канц. в. губ., 1829 г., № 92.

19. Происшествие с Грибоедовым в Тегеране и сомнительные отношения наши с Персии в начале 1829 года вызвали представление гр. Паскевича 22-го февраля 1829 г. об усилении войск армии. В марте были отправлены на Кавказ, в Редут-Кале, на подкрепление правого фланга, три баталиона (в 1000, 750 и 750 ч.), сформированные из резервных баталионов 11 и 12 пех. дивизий; для усиления войск в Закавказьи отправлены в Грузию из резервных баталионов 20-й и 22-й пех. дивизий до 2000 человек; для усиления центра командирована 14-я пех. дивизия в ее 6-ти баталионном составе, по 1200 чел. в каждом баталионе, с двумя ротами пешей артиллерии, по 8 орудий в каждой. Дивизия эта (тарутинский, бородинский, московский и бутырский пехотные, 27 и 28 егерские полки) прибыла последовательно в Ставрополь в июне и июле месяцах, под начальством г. м. барона Розена 4-го. Кроме того, на линию прибыли еще два донских полка.

20. Всеподданнейший рапорт 9-го января 1830 года. Д. арх. окр. шт., 2 отд. г. шт., 1829 г., № № 4 и 91.

Текст воспроизведен по изданию: Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник, Том 11. 1887

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

ВОЙНА НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

С 1824 ПО 1834 г.

В СВЯЗИ С МЮРИДИЗМОМ

X.

Характеристика 1830 года. Воззвание Кази-муллы. Сущность и цели его учения. Общие военные предположения на 1830 год. Вооруженная деятельность Кази-муллы по распространению шариата. Подчинение им своей власти араканцев. Бегство кадия Сеида араканского. Переговоры с Мамед-кадием акушинским. Дальнейшие успехи Кази-муллы. Несговорчивость аварского ханского дома. Наши мероприятия против шариатистов. Подчинение шариату всех горских обществ. Движение скопищ Кази-муллы в Аварию. Поражение их при Хунзахе. Окончательное покорение джарцев и занятие нами их крепости Закаталы. Образование джаро-белаканской области и введение в ней русского управления.

Кази-мулла, холера и землетрясение — вот события, характеризующие собою 1830-й год на восточном Кавказе.

Громадные сборища горцев в Дагестане в конце 1829-го года были отнесены к обыкновенному устарелому явлению, конечный результат которого состоял в [146] нападении на Кахетию вместе с джарскими лезгинами. Никто тогда не знал и не думал, что, благодаря достаточно распространившейся в то время пропаганде Кази-муллы, сборища эти имели другие цели, которые составляли идею этого проповедника. Цели эти лучше всего выразились в воззвании Кази-муллы в 1829 г. к горским народам и в основанных на нем решениях некоторых народных собраний, из которых усматривается настоящий смысл учения "шиха" и его последователей. Воззвание, положившее начало религиозно-политическому перевороту в горах, было такого рода 1:

«О Боже, соверши сие благополучно и счастливо! В алкоране повелено: «о православные! не дружитесь с тою нациею, на которую падает гнев божий, но сопротивляйтесь тем, которые суть неверные и воюйте против них по самой возможности вашей. Оседлайте лошадей ваших на пути божием, и тем стращайте врагов божиих и ваших, кои суть беззаконники». А повелевает Господь Бог нам: «деритесь и истребляйте тех, кои не веруют в Бога и в будущую жизнь, не удаляются от грехов Богом воспрещенных, не соблюдают истинной веры, явно уничтожающей прочие». Да, конечно, вы предпочитаете на сем свете жизнь и гордитесь ею более, нежели

пользою на том свете. Напротив, счастье и жизнь на сем свете кратковременны. Мы не можем себе доставить ничего кроме того, что только один Господь Бог желает для нас. Он есть создатель и защитник, ему предоставляют все православные дела свои. Да разве они надеются на уважение сотоварищей! Но нет, почитается один только Бог — и другой никто; да и не может быть почитаем, если он не Бог! Да, конечно, вы боитесь их, чтобы не получить вреда и оставляете против них [147] войну. Един Бог есть истинный, вы должны его только страшиться; следовательно, вы обязаны против другой нации воевать и не оставлять приказаний божиих без исполнения, если только вы правоверные. Различие дня и ночи и сотворение неба и земли суть твердое доказательство существования Создателя и всемогущего Бога, коего знать необходимо для потомков Адама. В алкоране повелено: «те, кои не имея упования пользоваться зрением моим, остаются довольными вселенным житием, коим обеспечены, и, находясь в заблуждении, не разумеют повеления и знака моего — да подвергнутся вечному адскому огню; а те, которые, будучи православными, сохранят благонравное поведение — будут приняты Богом, если однакож они, исполняя его повеления, удалятся от грехов; таковые конечно могут удостаиваться рая, в котором будут пользоваться блаженством и вечною жизнью». О господа духовные дагестанские! Вы вошли в число невежд, умножили пристрастие и корысть вашу для стяжания мирского имущества, без всякого разбора и различия благодати от греха, и, не внимая наставлениям в алкоране изложенным, не страшитесь всемогущего Бога, которого да молим, да просим, чтобы указал нам вообще путь истины и блага» 2.

К владетельным лицам Кази-мулла написал особые собственноручные письма, и, не смотря на отказ Паху-бике, все-таки более других налегал на аварский ханский дом. На этот раз он избрал предметом своих увещаний не хитрую, разумную и вероломную ханшу, а молодого и еще неопытного правителя Султан-Абу-Нуцал-хана. Он писал ему, между прочим:

«Поелику ты в Дагестане главный хан и утешитель, то изъявил бы свое согласие на волю божию и действовал вместе с мусульманами». [148]

На это хан ему отвечал:

«Хотя я нахожусь при своей вере и повинен воле божией, но на предложение никак не могу согласиться совокупно с аварским народом и прочими моими подвластными и удалиться от высокого покровительства и подданства Великого Государя Императора» 3.

Как ни прискорбно было проповеднику еще раз получить подобный отказ, но он не приуныл, уверенный в силе, правоте и важности своего учения, а также и во всеисцеляющем времени, которое, по его соображению, должно раньше или позже рассеять заблуждения хана, в особенности при последующих удачах шариатистов.

Воззвание же Кази-муллы к дагестанским народам вообще сильно повлияло на умы и сердца его читателей. В разных местах начали собираться в конце 1829-го года народные собрания, которые, руководясь поучениями проповедника и правилами шариата, провозглашенными приверженными ему там и сям кадиями, постановили: "стараться избегать или просто отложиться от зависимости русского правительства и дорожить свободою; 2) избегать по возможности или вовсе прекратить всякое сношение с русскими и подвластными России; 3) за всякое смертоубийство виновного наказывать не штрафом, как водилось, но лишением жизни; за воровство же и подобные тому проступки виновных подвергать телесному наказанию. Учинивший то или другое не находит убежища ни в какой деревне, а выдается на суд той

деревни, где имеет жительство. 4) За открывшееся прелюбодеяние, если оное произошло с согласия, виновные наказываются лишением жизни; такой же участи подвергается и учинивший насилие в сластолюбии к женщине или мужчине. [149] 5) Употребление горячих напитков вовсе уничтожается. 6) Женский иол не должен показываться мужчинам, при внезапной же встрече закрывать лицо покрывалом" 4.

Нельзя крайне не удивляться тому, что все эти явления среди горцев, все фанатическое брожение, происходившее у них около двух лет и готовое вот-вот разразиться страшною бурею, было совершенною тайною не только для главнокомандующего, но даже для ближайших местных начальников в Дагестане и на левом фланге линии — г. м. фон-Краббе и г. м. Энгельгардта 3-го. Все их сведения о готовившемся всеобщем перевороте ограничивались — и то лишь в последнее время — тем, что распространяется новое учение с целью улучшить нравственность мусульман, и создана какая-то секта шихов — и больше ничего. Но в чем состоит сущность этого учения, что это за "шихи", и кто представитель и руководитель всего этого — не знали даже наши ближайшие к месту деятельности Кази-муллы начальники, как например воинский начальник кр. Бурной маиор Ивченко, который в самый разгар деятельности проповедника, когда он уже собирался идти в Аварию, писал начальнику отряда:

«Принятая охотно весьма многими деревнями шамхальского и мехтулинского владений секта, изменяющая многие прежние обычаи, а особенно употребление горячих напитков, к которым вообще горские народы имеют пристрастие, явно показывает, что они хотят образовать что-то особое. Тайну сию трудно и почти невозможно открыть, но наверно можно полагать за настоящую их цель, что введением новой секты поселится в народе единодушие и рвение к защите свободы» 5. [150]

Действия и распоряжения графа Паскевича в конце 1829 и в январе 1830 годов шли сообразно его неведению об успехах Кази-муллы. Окончив так счастливо персидскую и турецкую кампании, и удостоившись за последнюю возведения 22-го сентября 1829 года в сан фельдмаршала, главнокомандующий, остановив внимание на прошлых событиях, происшедших на Кавказе, пришел к заключению, что "необходимо принять деятельные меры к усмирению горских народов, частные наказания коих чрез отдельные экспедиции и поиски в их земли доселе столь же мало имели успеха, сколько меры кротости и даже попечительности нашего правительства об улучшении их состояния". Государь Император изволил вполне согласиться с этим мнением и полагал воспользоваться соединением войск на Кавказе и решительным ударом положить конец грабежам и разбоям горцев, принудив их к постоянному повиновению. Для достижения этой цели Его Величество считал полезным "произвести одновременный поиск против всех горских народов, завладеть всеми важнейшими пунктами их земель, а в особенности низменностями, и таким образом, лишив средств к пропитанию, заставить их покориться".

Таков был общий план, начертанный Императором сообразно с мыслями графа Паскевича. Не ворвись Кази-мулла в 1830 году в сферу наших предположений с своими вполне неожиданными для нас контр-соображениями — почем знать, может быть мы раз навсегда достигли бы цели и лишили бы горцев возможности поднять против нас оружие на целые тридцать лет.

Государь Император, выражая свои желания графу Паскевичу, исходил из той мысли, что слава оружия нашего, распространившаяся по всему краю по случаю [151] наших побед,

должна убедить горцев в ничтожности их сил и в невозможности нам противиться. На этом основании Его Величество и не мог предполагать слишком упорного с их стороны сопротивления, и чтобы ускорить их усмирением — предоставлял в распоряжение фельдмаршала на время экспедиций 14-ю и 20-ю пехотные дивизии. А чтобы по возможности сблизить первую из них с Россиею, не отвлекая от участия в общем поиске против горцев, Государь находил полезным расположить ее на линии в виде резерва, "на тот случай, если бы горцы, теснимые с противной стороны, отважились бы держаться на линии". 20-я дивизия должна была служить подкреплением свободным войскам 21 и 22 пехотных дивизий и грузинской гренадерской бригаде, и для этого сосредоточиться в окрестностях Тифлиса, или где содействие ее явится нужным. Самый поиск Государь предполагал начать с открытием весны от Каспийского моря. Впрочем, Его Величество в сем последнем случае не стеснял графа Паскевича действовать по обстоятельствам 6. Вследствие этого разрешения, фельдмаршал признал необходимым открыть военные действия на восточном Кавказе не от Каспийского моря, где жили преданные нам, по его мнению, шамхальцы и акушинцы, а со стороны джарцев, потом у лезгин (глуходар) и наконец у чеченцев.

Не зная ничего о происходивших в это время в Дагестане событиях 7, гр. Паскевич предписал г. м. [152] фон-Краббе собрать только к исходу мая близь Дербента особый отряд, который мог бы двинуться туда, куда потребует надобность. В распоряжении генерала Краббе были тогда апшеронский и куринский полки (в трехбаталионном составе каждый), составлявшие 1-ю бригаду 21 пехотной дивизии, 9-й и 10-й линейные гарнизонные баталионы (в Баку и Дербенте), бакинский артиллерийский гарнизон (117 чел.), донской № 13 Шурупова полк и легкая № 3 рота (капитана Греченевского) 21 артиллерийской бригады. Из числа этих войск, по две роты должны были остаться в Нухе, Шемахе и Бурной и три женатых — при своих штаб-квартирах, а остальные, в числе 3000 человек, с сотнею казаков и шестью орудиями, должны были войти в составь действующего отряда, начальство над которым вверялось командиру апшеронского полка полковнику Мищенко 1-му. Не открывая генералу Краббе настоящих своих целей, главнокомандующий между прочим сделал те распоряжения относительно разыскания дорог и положения Аварии, которые ясно указывали, что он намерен был двинуться к Хунзаху, а оттуда в Чечню, в деревню Андрееву и в Кахетию 8. Пока мы комбинировали наши планы и составляли раскладки для одновременного и всеобщего покорения горцев, Кази-мулла энергично работал по приведению в исполнение противоположного нам плана — об освобождении всех этих горцев от нашего владычества. Имея к 1830 году в разных местах своих кадиев, подчинив своему учению почти все шамхальства, значительную часть аварцев, гумбетовцев, салатавцев и кумыков; располагая духовенством в Койсубу, и заручившись полною преданностью черкеевцев, а в особенности их кадия Таймасхана, он организовал при себе толпу [153] приверженцев в числе до 400 человек, посредством которых имел возможность в крайнем случае поддержать свои цели вооруженною рукою. Среди отдельных личностей был единственный человек, которого он опасался, и сильное влияние которого на умы дагестанского духовенства могло составить некоторую преграду его замыслам. Этот человек был Сеид-эфенди араканский. Кази-мулла думал о нем неустанно и признал наконец, что пора уничтожить его обаяние в среде духовенства и народа не нравственным давлением, а силою, освободиться от него и тем подчинить себе послушных и преданных ему араканцев. С этою целью в начале января он отправился, в сопровождении толпы мюридов, к своему бывшему наставнику. Кадий никак не предполагал, чтобы некогда почтительный и прилежный его ученик мог посягнуть на его

убежище, поэтому не ограждал себя никакими предосторожностями, и сам в это время был в гостях у Аслан-хана. Приблизившись к Араканам с громким неслыханным еще доселе возгласом "нет Бога, кроме Бога единого" (ля-иль-аллагу, иль-алла), четырхсотенная толпа, облаченная в белые чалмы, остановилась в нескольких десятках саженей от селения. По требованию Кази-муллы жители выслали к нему 30 почетных лиц, и он их тотчас объявил своими аманатами. Войдя затем в селение, он приказал араканцам присягнуть на шариат, грозя в противном случае истреблением их деревни — и араканцы присягнули. Тогда он велел собрать со всех дворов приготовленное для продажи виноградное вино и вылить его на улицу. Войдя в саклю Сеида, и не застав эфендия, он приказал уничтожить всю его посуду с громадным запасом вина и не пощадил даже его сочинения, над которыми ученый трудился в продолжение всей своей [154] жизни. Сеид-эфенди, не зная об этих проделках, спокойно возвращался домой; но когда при приближении его к Араканам ему сказали о похождениях его ученика, он проклял его и удалился в Кизикумух под покровительство Аслан-хана. Кази-мулла утвердился пока в Араканах, избрав их на короткое время центром своих действий. Эти действия он направил прежде всего против своих соплеменников койсубулинцев, на которых с одной стороны весьма благоприятно для целей его повлиял пример гимрынцев и унцукульцев, а с другой — поучения уже приверженного ему духовенства. Среди этих экскурсий он узнал, что некоторые представительные лица у кумыков, а в шамхальских владениях каранайский кадий шейх Магома (Магмед) и немногие эрпелинские старики, преданные адату, колеблют его учение и провозглашают народу, что не должно следовать тому, чему не следовали их отцы и деды. Имам тотчас направился в шамхальство с частью своих приверженцев, взял из лучших фамилий аманатов, арестовал кадия Магому и пятерых главных своих противников обеих деревень, 9 затем поступил точно также и с некоторыми кумыкскими князьями и всех их отправил в Гимры и Унцукуль для содержания в ямах, которые заблаговременно устроил для ослушников его учения. Эти ямы были ничто иное, как глубокие, в три сажени, погреба, имевшие от двух до трех саженей в диаметре, с небольшим отверстием вверху, прикрывавшимся дверью, чрез которую опускали и вынимали узников. Вместо кадия Магомы он назначил койсубулинца из с. Ашильты — Абдуллу. В присулакском селении Миатлы проповедник также встретил [155] противоречие местного кадия, но выстрелом из пистолета, прекратившим существование этой духовной особы, разрешил все недоразумения. Посадив на место убитого кадия одного из своих приверженцев, и приведя миатлинцев к присяге на шариат, Кази-мулла вернулся обратно в Араканы.

После Сеида араканского наиглавнейшею и интересною духовною особою для энергичного агитатора был Мамед-кадий акушинский, имевший громадное влияние на все могущественное даргинское общество. Не рискуя однако вломиться к нему так, как это сделал в отношении Сеида, потому что кадий был вместе с тем и правителем народа, Кази-мулла выразил ему свое желание прибыть в Акушу и написал письмо такого рода: "старайтесь восстановить сию упадшую веру, научайте народ двум словам признания (т. е. нет Бога, кроме Бога и Магомета его пророка) с их значением и обязанностью, главным молитвам и условиям оных, истинному православию и большим 467-ми молитвам; разлейте пьяные напитки ваши; прикажите женам покрывать свои лица и приготовьтесь к сражению перед возобновлением веры; сражайтесь с врагами вашими, как против отступников, нелюбящих своей веры; будьте такими, как мы были прежде, до приближения смерти, и одною рукою на поражение врагов божиих, нелюбящих истинной веры". Кадий отвечал ему, что он делает все то, что указано в

шариате, а насчет прибытия к нему просил отложить всякое попечение 10. На первый раз для Кази-муллы было довольно и того, что шариат в Акуше соблюдается.

Успокоив себя насколько было возможно относительно [156] двух важнейших духовных особ в крае, Кази-мулла счел своевременным приступить к окончательному подчинению своей теократической власти все те общества, а в особенности их правителей, которые доселе еще не приняли его учения. Хотя он и имел на своей стороне большую часть духовенства, но этого было недостаточно, чтобы вполне рассчитывать и на податливость вообще всех дагестанцев. Наученный опытом в шамхальстве, он решил повлиять на них подчинением себе одного или двух селений в каждом, которые бы составили заразительный пример для остальных. Эти последние, по его соображению, будут таким образом достаточно подготовлены к уступкам, и если сдадутся не вполне добровольно, то по крайней мере без особенного сопротивления. Первый опыт применения такой тактики он произвел над жителями андийского селения Ансальты, потом в Когуляле, подчиненном аварскому дому, и в некоторых других местах — и везде приобрел желаемый успех. Действуя в этом смысле и роде почти до Хунзаха, Кази-мулла к концу января 1830 года насчитывал под своим знаменем массу последователей, которым объявил, что, в случае его призыва, они должны будут явиться вооруженными на условленный им пункт. Только близь Гагатля он должен был употребить силу против бахлухцев, куядинцев и их немногих соседей, которые были встревожены неожиданным появлением мюридов и, не зная настоящей их цели, выступили к ним на встречу с оружием в руках 11. Но этот небольшой эпизод завершился полным торжеством Кази-муллы во всех отношениях. [157]

После этого проповедник шариата мог вполне сосредоточиться на заветной своей мысли о повсеместном и окончательном обобщении своего учения и о привлечении к себе владетельных особ, подобно тому, как привлек Абу-Муселима, который разделял все его труды по распространению шариата не только в шамхальстве, но даже в Аварии и в Мехтули. Мало того, Абу-Муселим, прибыв к своему шурину в Аймяки, приглашал его присоединиться к нему и следовать вместе с ним в Параул, но Ахмет-хан отвечал: "вы слишком не спешите, а я туда непременно приеду". После от ого Абу-Муселим отправился в верхний и нижний Дженгутай и призвал жителей к содействию Кази-мулле, но и дженгутайцы, не дав ему прямого отказа, ответили, что "пока не приедет Ахмет-хан, они не могут изъявить никакого согласия". Хан же их Ахмет, хорошенько подумав, пришел к заключению, что гораздо благоразумнее выждать результата действий имама и не бросаться пока в омут окрестя голову. Чтобы отклониться также и от Абу-Муселима по законной причине, он явился в Тифлис и просил разрешить ему участие в предпринимавшейся в то время гр. Паскевичем экспедиции против джарцев. Примеру его поспешили последовать Сурхай-хан аварский и Ибрагим-бек карчагский майсум табасаранский, которые таким образом и увернулись от всякого открытого вмешательства в дела Кази-муллы 12. Не зная ничего об уклонении Ахмет-хана от данного им слова, Абу-Муселим велел приготовить, по поручению имама, три знамени для партий Мамада-Гады, [158] Абдурахмана-Гады и Ибрагима, и под сенью их стал вербовать вооруженные толпы 13.

Для разрешения первой своей задачи, то есть повсеместного обобщения своего учения, Кази-мулла поручил приверженным ему кадиям пригласить на общее собрание всех духовных лиц Дагестана, чтобы преподать им окончательные наставления для однообразных повсюду действий, а тем, которые почему-либо не явятся по приглашению — сообщить эти наставления письменно. Кадии в точности исполнили его приказание — и в Гимры прибыла масса духовных представителей с разных концов края, даже из Дербента. Кази-мулла истощил перед

ними все свое красноречие, все свои знания и вызвал в среде их восторженные возгласы неподдельной преданности, а также выражение единодушного стремления восстановить приниженную и ослабленную религию, во имя единства и процветания мусульманской нации. Собрание торжественно и на этот раз всенародно провозгласило его имамом. В заключение своей горячей и пространной речи оратор ловко перешел к своим политическим задачам и сказал:

«Мы не обратили внимания на неверного и сильного врага нашего и на его приготовления. Он завладел Акушею, Тарками, Мехтули, Хунзахом, победил Персию и Турцию; теперь мы услышали еще, что он появился уже в чарской провинции. Из всего Дагестана только койсубулинская и кунбутайская 14 провинции, с их окрестностями, да и аварское ханство с принадлежащими ему землями и народ Гартолу (?) сохранили свою независимость. Правители аварского ханства, бывшие главнейшими [159] владельцами Дагестана, ищут мира с русскими. Нуцал-хан еще молод и не может рассуждать; мать же его Паху-бике умная и рассудительная женщина, и с нею мы поговорим и посоветуемся».

Собрание единогласно решило, что лозунгом народа отныне должна быть война против неверных, и что аварский ханский дом обязан непременно примкнуть к общему делу, а Кази-мулле предлежит употребить к тому все способы. Но этого не нужно было внушать имаму, так как в этом смысле была намечена им его вторая задача, и он знал, что ему делать. Распуская собрание, он предупредил всех присутствовавших, что, по первому его требованию, они должны тотчас же призвать к оружию все население Дагестана. После того немедленно он отправил к упрямой ханше преданного ему более всех других гимрынского кадия для последних и решительных переговоров. Не прошло и двух дней, как этот кадий стоял уже лицом к лицу с матерью Нуцал-хана и говорил ей:

«Ты — дочь покойного владетеля нашего Омар-хана, а потому мы требуем от тебя и от сына твоего Нуцал-хана подать помощь вере и предписаниям корана».

Паху-бике призадумалась и отвечала, что об этом важном вопросе поговорит с народом и со всеми своими подчиненными. Созвав затем собрание из ученых и духовных лиц, она отправила к ним своего сына; но собрание, "выразив ему совершенное доверие и покорность", потребовало однако прибытия самой ханши. Она явилась. Присутствующие заявили ей:

«Хотя мы тебя и боимся, но должны объявить, что имеем на сердце: мы просим тебя вспомоществовать закону, о чем умоляют нас все соседние мусульмане.

— Разве не мусульмане и мы также? возразила им ханша. [160] Мы читаем священный коран, постимся в рамазан, молимся по пяти раз и подаем милостыню. Разве не в этом состоит закон?

«Точно так — отвечали ей; но мы просим тебя соединиться с Кази-муллою и его товарищами, поелику видим в его советах пользу и добро себе. Россия завоевала все сии области; быть может, возымеет и против нас свои намерения. Посему непременно надлежит нам соединиться вместе и приготовиться, и, прервав мир с нею, как желает Кази-мулла и его товарищи, послать к нему с войском нашим сына твоего Омар-хана и сделаться, так сказать, единою рукою владетелю нашему Нуцал-хану».

Произошел перерыв, во время которого Паху-бике, посоветовавшись с духовными лицами, отвечала:

— Не верьте словам Кази-муллы. Вступив в подданство Государя Императора и учинившись верными его слугами, вам неприлично употреблять обман перед могущественным Его престолом, и поэтому не требуйте, чтобы я послала с вашим войском сына моего к сообщникам Кази-муллы.

«Ты веришь неверному врагу нашему — отвечали ей, но не веришь словам Кази-муллы. Какая нам польза в жизни, когда мы обманемся? Клянемся Богом, мы не думали, чтобы ты сказала сие. Сыну твоему Нуцал-хану было бы это извинительно только по малолетству» 15.

Ханша обещала подумать и распустила собрание. Но она ничего нового не придумала и не имела более никаких переговоров с народом, который, разорвав на этот раз с нею связи, последовал своему убеждению. [161]

Кази-мулла, получив от гимрынского кадия подробные сведения о результате совещания, происшедшего между ханшею и народными представителями, увидел, что на аварцев он может положиться, а с ханским домом, его приверженцами и жителями Хунзаха ему церемониться более нечего, и нужно наконец прибегнуть к силе.

Кази-мулла был вполне уверен в успехе, и поэтому заранее начертал себе и дальнейший план действий, а именно: по овладении Хунзахом, отправиться в деревню Андрееву, произвести всеобщее возмущение у кумыков, присоединить к себе чеченцев и всеми силами действовать против наших крепостей 16.

Сведения о быстрых и обширных успехах имама, притом сбивчивые и неокончательные, достигли до нашего начальства в Дагестане и на левом фланге только в начале февраля, когда он приготовлялся идти в Аварию. За отсутствием окружного начальника фон-Краббе, командир апшеронского полка полковник Мищенко сделал следующие распоряжения: баталион куринского полка, с двумя легкими орудиями, командировал из Кубы в Дербент и предписал подполковнику фон-Дистерло усилить его по прибытии туда сколь возможно, присоединить к нему еще одно орудие и отправиться во владения шамхала тарковского для охранения их и мехтулинского ханства от вторжения мятежников; оружия без крайней необходимости не употреблять и стараться обойтись внушениями; вызвать к себе сыновей шамхала и наблюдать за их поведением, и если бы действительно оказалось, что Абу-Муселим виновен в предосудительных против нашего [162] правительства предприятиях, то арестовать его и посадить в дербентскую крепость. Дербентскому коменданту предписано собрать конницу и отправить на усиление отряда Дистерло; Аслан-хану сообщено о высылке туда же двухсот конных казикумухцев; акушинскому кадию предложено вооружить народ и рассеять мятежников, если бы они появились в Акуше; начальнику крепости Бурной приказано принять меры к обороне ее; ширванскому коменданту подполковнику фон-Ашебергу дано знать о высылке шести рот по алты-агачской дороге в Кубу. Вслед затем, возвратившийся из поездки по краю г. м. фон-Краббе приказал немедленно собраться и всему отряду, предназначенному с мая месяца для военных операций.

Полковник Мищенко, вступив в командование отрядом, но не имея все-таки окончательных достоверных сведений о деятельности Кази-муллы, сообразно которой мог бы направить свои собственные действия, обратился за известиями к Аслан-хану кюринскому. Последний, подтверждая об успехах проповедника среди аварцев и даже будто бы акушинцев, прибавил, что о злом его намерении он знал и прежде, но не уведомлял Мищенко собственно потому, что ,,русские, не узнавши сами настоящее, не всегда могли поверить, а тем более, что лезгины

хотя и часто заблуждаются в подобных случаях, но, прежде чем начнут дело, сами разойдутся'". Сторонниками Кази-муллы в даргинском округе Аслан-хан называл жителей двух селений — Акуши и Цудахара, которые и приняли секту, "выдуманную козием" (газием). Кроме того, он сообщал, что она закралась и в его владения, откуда несколько человек уже бежали к проповеднику, который с передавшимися на его сторону народами имел намерение напасть на его деревни, [163] но не сделал этого по неизвестным причинам. Довольно пространное и небезынтересное письмо свое Аслан-хан дополняет известием, что подвластные ему жители хотя и жалуются на тягость всякого рода повинностей, но, не обращая на них внимания, он приказал непременно выставить назначенное число воинов, "в храбрости которых нельзя сомневаться". Это письмо заключалось словами:

«Торопиться действием против невежд, последовавших намерению кадия Козу, не надобно, ибо я очень уверен в слабоумии сих народов, которые не могут ничего вредного сделать русским; они скоро укротятся и останутся по-прежнему спокойны» 17.

Но деятельность Кази-муллы и его последователей в это время явно противоречила тому, что думал и говорил по поводу ее этот наиболее компетентный в данном случае человек, мнения и указания которого были принимаемы нами в руководство. По первому призыву Кази-муллы, под знамена его собралось до трех тысяч человек его последователей из сс. Балаханы, Араканы, Кодуха, Гимры, Унцукуля, Эрпели, Караная, Ишкарты, Черкея, Гергебиля и других мест 18, с которыми он не медля четвертого февраля вступил в Андию, где надеялся присоединить к себе новые тысячи. Жители попутных селений Ирганая и Казатлы попробовали воспротивиться имаму и на угрозу его вздумали даже ответить оружием; но в схватке, происшедшей 5-го февраля, лишились 27 убитых, многих раненых и должны были смириться, раскаяться и выдать 60 аманатов, которые [164] были отправлены в Унцукуль и Гимры 19. Такой пассаж повлиял весьма поучительно на все ближние и дальние аулы, жители которых толпами начали увеличивать скопище имама. Затем Кази-мулла, имея далее своим проводником Гамзат-бека, никакого противодействия более не встречал. Вступив на безводный путь, он приказал немногим самым преданным своим мюридам зарыть в земле на разных пунктах бурдюки наполненные водою, чтобы тем обеспечить насущную потребность ополчения. Когда оно прибывало на роздых или на ночлег, Кази-мулла велел отрывать землю, под которою таилась приготовленная вода и, распаривая бурдюки взмахом шашки, предоставлял людям и лошадям утолить свою жажду 20. Таким образом он вступил в границы Аварии. Может быть, попутные фокусы имама и не клонились к тому, чтобы явиться в глазах правоверных новым Моисеем, и имели целью просто напоить их водою, но воины его взглянули на это по-своему, и в особе своего предводителя видели не только угодника божия, но уже и чудотворца. Понятно, что под влиянием таких воззрений обаяние Кази-муллы становилось беспредельным, и насколько оно стало велико со вступлением в Аварию, видно опять-таки из слов Аслан-хана, который писал к полковнику Аслан-бек Садыкову:

«Объявляю вам и прошу после получения сего доложить г. полковнику Мищенко, чтобы дела Кази-Магомета, явившегося ныне в Аварии (где и теперь находится и проповедует новую секту), не считать маловажными, ибо последователи его уважают в нем [165] пророка и готовы, в какую бы он сторону не взглянул, исполнить все его желания и повиноваться его знамени. Причем он довел их до той степени, что делает такие же успехи, как и прежние наши пророки, которых и я делать не могу; народ же боится его наказания, как бы самого царя. Не безызвестны вам древние наши обычаи насчет преступников, что тот, который сделает

смертоубийство, не выдается в руки правосудия для получения по важности своего преступления достойного наказания. Он отвергает сей обычай и постановил на сей предмет закон; у себя же имел до 70 или 80 человек, которых содержит в тюрьме. Сеид-эфендия выгнал из его дома, а сына его посадил в тюрьму. Сеид-эфенди приехал ко мне, а ныне находится в бегах и, не смея по боязни прибыть в свой дом, желает обратно возвратиться ко мне. Таковых происшествий и дел поныне никто здесь не видал и не помнит. Я сам нахожусь в большом страхе, потому что все акушинцы, цудахарцы и аварцы передались к нему. Молла Джамал 21, которого вы знаете, также бежал к нему. Сей возмутитель в такой теперь силе, что кому бы он не предложил что ни есть исполнить, то всякий принимает сие с большим удовольствием. Он назвал себя шихом и законодателем, и как я полагаю, то не иначе успокоится, пока не увидит успеха в своих намерениях. Табасаранцы скрытным образом условились с ним и готовы на исполнение всех его желаний» 22.

По случаю заявления Аслан-хана об акушинцах и цудахарцах, Мамед-кадий акушинский писал полковнику Мищенко:

«Акушинское и даргинское общества с Козуем, не соединились и не будут согласны слушать дурачество, как я, их [166] кадий, не допущу, чтобы послушали его слова. Главнокомандующим сделан я кадием, а потому должен наблюдать, чтобы не допустить их в худые дела и для того буду всегда осторожен» 23.

Что же касается до Сеид-эфенди, то он действительно скрылся в деревне Шаргаявул и оттуда "просил прощения у Кази-муллы", но тот ему отвечал: "не прощу тебя, пока ты не будешь мною схвачен, арестован и наказан" 24. Устрашенный алим обратился к защите Аслан-хана, и желая ему услужить, между прочим сообщал, что скопище его бывшего ученика простирается до 60 тысяч человек 25, и он намерен придти с ним в кюринское ханство и там вооруженною рукою потребовать присоединения к себе хана и его подвластных. Услуга Сеида была очень некстати, так как он, в связи со всеми предыдущими обстоятельствами, до такой степени перетревожил кюринского владетеля, что воззрения его на ход событий и на Кази-муллу с его последователями мгновенно изменились, и он, вслед за первым письмом, сообщал полковнику Мищенко:

«Нельзя считать дела сего маловажным; надобно поспешить донесением главнокомандующему и уведомить также Ибрагим-бека карчагского о намерениях подвластного ему народа. Если хотите выслать войско против возмутителей, то посылайте сколько можно более, и не велите стоять оному в поле, а советую держаться в крепостях, ибо скопище козиево будет чрезвычайно большое» 26.

Аслан-хан, не смотря на прежние свои миролюбивые [167] отношения к Кази-мулле, действительно имел основание опасаться у себя во владениях всего того, что произошло в шамхальстве, так как, независимо от неудовольствия народа по случаю тягости повинностей и значительной с него подати, сыновья его и некоторые беки видимо выходили из повиновения и на неоднократные его требования даже не являлись к нему. Кроме того, в Аслан-хане явилась уверенность, что если Кази-мулла придет к нему в гости, то никто из подвластных его не поднимет и руки против него. В виду этих обстоятельств и общего пожара, охватившего уже не только шамхальство, но и мехтулинское ханство 27, сюргинское общество, бывшую гамри-эзеньскую провинцию и Кайтаго-Табасарань, полковник Мищенко, "дабы не подвергнуть незначительный отряд войск наших буйству чрезмерного скопища мятежников", предложил

подполковнику фон-Дистерло приостановиться выступлением из Дербента, а если он уже оттуда выступил, то ожидать в с. Каякенте присоединения прочих войск, назначенных в состав отряда 28.

О предположениях Кази-муллы относительно кумыков и чеченцев, и о том, что у него готово полчище до шести тысяч человек, командующий левым флангом линии, начальник 14 пехотной дивизии г. л. барон Розен 4-й 29, получил первые сведения от и. д. главного [168] кумыкского пристава полковника князя Мусы Хосаева. Не зная еще о движении этого полчища в Аварию, тем более о результате похода, барон Розен 13-го февраля выступил из Грозной к д. Андреевой с 300 штыков 43 егерского полка и двумя орудиями легкой № 2 роты 22-й артиллерийской бригады; полковнику Ефимовичу он приказал двинуться в Внезапную с 200 казаками моздокского казачьего полка и двумя конными орудиями; командировал из терского казачьего войска и из моздокского казачьего полка по 100 казаков, с двумя конными орудиями, во вновь строящееся казиюртовское укрепление; бутырскому пехотному полку велел выступить форсированным маршем в д. Андрееву, присоединив к себе в ст. Щедринской четыре орудия легкой № 2 роты 22-й артиллерийской бригады, и наконец, московский пехотный полк придвинул из г. Александрова в сел. Александрию, близь Георгиевска.

А Кази-мулла, тем временем, усилив свое скопище в Андии, как сказано, до шести тысяч человек, распоряжался в Аварии. В плеяде его сотрудников насчитывалось много имен, входивших уже в известность среди народа, каковы: Шамиль, Гамзат-бек, Ших-Шабан и другие, не говоря о мулле Магомете ярагском, который был по большей части неразлучен с имамом и своим влиянием, а в особенности красноречием, оказывал ему громадные услуги. Не было только никаких представителей из Чечни. Впрочем, лжепророк Авко, с четырьмя своими приверженцами, выехал в Койсубу, чтобы примкнуть к имаму, но не поспел и с дороги должен был возвратиться домой 30. Аварцы хотя были сторонниками нового учения и в особенности его представителя, но при [169] первом призыве о присоединении к нему с оружием несколько замялись, потому что, по их словам, будучи народом бедным и ведя в русской земле торговлю бурками, составлявшими исключительный их промысел, они боялись лишиться права на выезд в наши владения, а следовательно и утратить самый важный способ к своему пропитанию. Но колебание их продолжалось недолго, и в течение нескольких дней под знамена Кази-муллы стало до десяти деревень. Силы имама выросли свыше шести тысяч человек 31. С этим довольно грозным полчищем он двинулся к резиденции ханов, куда давным-давно не подступала ни одна вражеская нога, и расположился биваком у д. Ахальчи, на долине, в конце которой виднелся Хунзах, примыкавший с юго-запада к глубокому оврагу и значительно укрепленный Нуцал-ханом разными сооружениями, главную роль среди которых играли почти неприступные каменные завалы. Селение это вмещало в себе 700 дворов и состояло преимущественно из беглецов всех обществ Кавказа (абреков), которые укрывались от правосудия под крылом Паху-бике. Естественно, что таким людям шариат и с ним Кази-мулла были вовсе не нужны, и весь их расчет состоял в том, чтобы не лишиться своего убежища и покровительства ханши. Коренное, не очень значительное, население аварской столицы, вместе с этими абреками, могло выставить до двух тысяч воинов, и ханша их немедленно призвала к оружию. [170]

Масса неприятеля не могла не встревожить весь ханский дом, вследствие чего благоразумная Паху-бике, прежде чем решиться на отражение ее силою, попыталась войти в переговоры. Она отправила к имаму своего почетного хаджи Казы-Магомета с приглашением прибыть для

личных объяснений и условий, а если не угодно — то объявить, что нужно ее врагам. Кази-мулла гордо отверг всякое свидание и прислал категорический ответ: 1) прервать мирные связи с русским правительством, 2) присоединиться к его силам и следовать для разорения Дербента и прочих крепостей. За это Кази-мулла обещал ханше совершеннейшую защиту и полное содействие против России. Подобные требования являлись для ханши невыгодными и неудобоисполнимыми, поэтому она оставила их без внимания и стала раздумывать, как одолеть ей сильное полчище и избавиться от него. Раздумье ее продолжалось только до наступления ночи. Едва густая темная пелена покрыла собою окрестности, Паху-бике призвала двух из своих приверженцев, снабдила их тысячью серебряными рублями и отправила в неприятельский стан для подкупа отдельных предводителей, преимущественно среди гумбетовцев, силы и мужества которых она опасалась более других. Жадные и корыстолюбивые горцы от звонкой монеты не отказались, и посланные ее явились обратно с пустыми руками, но пользы от этого подкупа, которым ханша думала, по ее словам, "разогнать толпу", она не получила. Убедившись в этом на другой день, когда увидела, что скопище нимало не уменьшилось и видимо готовится к бою, Паху-бике еще раз прибегла к приглашению для переговоров упрямого имама, и с этим поручением отправила к нему почетного хунзахца Елхадж-Хурмейн-Газу-Магомеда. Лишь только этот [171] последний предстал перед Кази-муллою, как один из гумбетовцев, получивших ночью деньги, выдал его головою, объявив всенародно, что это один из тех, которые ночью раздавали деньги для "рассеяния войска". Бедного Елхаджа тотчас схватили, избили жесточайшим образом, просверлили ему нос, продели через него веревки, привязали к ним переметные сумы и отправили несчастного в унцукульскую яму. Таким образом, тайна Паху-бике была вскрыта, и гумбетовцам не оставалось ничего более, как драться до последней капли крови, чтобы этим доказать имаму свою добросовестность и безучастность в покушении на измену 32.

12-го февраля, в первый день рамазана, Кази-мулла разделил свое скопище надвое и в 11 часов утра двинул его на штурм укрепленной резиденции аварских ханов. Одною половиною командовал сам имам, имея при себе Гамзат-бека, а другою, состоявшею преимущественно из гумбетовцев — Шамиль. Неспешно, с дикою и слух раздирающею, но торжественною и унылою, как бы предсмертною, песнью "алла акбер! ля-иль-аллагу, алла акбер!» (Бог велик! нет Бога, кроме Бога. Бог велик!) подступили оба отряда к стенам Хунзаха — один со стороны кладбища, а другой с восточной части селения. Никогда ничего подобного грандиозного хунзахские абреки не видели, и руки их невольно опустились; наскоро открытая ими ружейная пальба оборвалась мгновенно. Вдруг, с обнаженною шашкою в руке, с багровым румянцем на лице, с пылающими глазами, как из земли выросла перед ними величественная и ужасная в своем гневе Паху-бике. [172]

«Аварцы! крикнула она — и приковала к себе все взоры. Вы недостойны носить оружие! Если вы струсили — отдайте его нам, женщинам, а сами прикройтесь нашими чадрами»!

Громовою стрелою пронизали эти слова сердца защитников. Пристыженные абреки и оскорбленные аварцы зашевелились, двинулись вперед за юным Нуцал-ханом и его братом Омар-ханом и быстро заняли все завалы. Началась жестокая сеча. Партия Шамиля, бывшая уже почти на завалах, несла ужасную потерю; партия же имама была огорошена таким свинцовым градом, что попятилась назад. Аварцы, бывшие в скопище Кази-муллы, видя этот отпор и неожиданный перевес на стороне хунзахцев, тотчас повернули назад и бежали, значительно ослабив таким образом ряды атакующих. Защитники тотчас воспользовались

этим, выскочили из-за завалов и вступили с полчищем в открытый рукопашный бой. Отчаянная драка продолжалась почти три часа, и наконец толпы имама бежали, разбитые, расстроенные, обескураженные, оставив в руках победителей 200 тел, часть своих раненых, 60 пленных, пять значков и множество оружия и имущества. Шамиль, с тридцатью приверженцами, укрылся в доме, одиноко стоявшем вне селения, и тотчас же был блокирован хунзахцами. Остальные гумбетовцы, сгруппировавшись вне выстрелов победителей, сначала старались остановить и ободрить бегущих товарищей, но когда увидели, что задержать массу не могут, и она, как лава, неслась по долине, то озлобились до такой степени, что открыли ей в тыл ружейную пальбу. Это еще более ускорило побег скопища, которое в самое короткое время очистило долину.

Партия гумбетовцев, оторвавшаяся от остального полчища Кази-муллы, предложила хунзахцам мир; он был [173] принят, но на каких условиях — неизвестно. После этого блокада сакли, где заперся Шамиль, была снята, и гумбетовцы отступили без преследования к д. Ахальчи, чтобы привести себя в порядок. Один из миатлинских абреков дал знать Шамилю, что он безбоязненно может выйти из своего убежища, но всегда осторожный и недоверчивый сподвижник Кази-муллы оставил засаду только с наступлением темноты, когда увидел, что кругом все успокоилось. Не без робости вступил он в стан гумбетовцев, которые тотчас окружили его, пристыдили в недостатке мужества и осыпали ругательствами, приписывая ему, как подстрекателю вести газават, свою неудачу и все потери. Разгоряченная толпа дошла до совершенного увлечения, отобрала у Шамиля оружие, сорвала с него чалму, как с лица, недостойного носить ее и быть алимом, и наконец начала бесцеремонно грозить ему смертью. Но на выручку Шамиля стал дервиш кадий Нур-Магомед, а с ним вместе, по загадочной и необъяснимой причине, сын убитого имамом миатлинского кадия — и жизнь Шамиля была пощажена. Спустя некоторое время, Абу-Нуцал отпустил всех пленных, оставив только их оружие 33.

По словам Абу-Султан-Нуцал-хана, потеря хунзахцев была не малая; между прочим, убиты воспитатели его братьев Омар-хана и Буладж-ага — Итико Махмед-юзбаши-Осман-оглы и Темурхан-юзбаши. Ловкая ханша, пользуясь сим удобным случаем и гордясь перед нашим правительством будто бы своею преданностью и услугою, которую ему оказала, первым долгом высчитала свои расходы и просила их пополнить. [174] Расходы же эти состояли в 1000 рублях, розданных предводителям имамских партий, и еще в двух тысячах рублях на разные надобности: на порох и пули, на холст для убитых, "на вино и водку для возбуждения смелости к сражению" и т. д. Затем, и она, и сын ее Нуцал, обвиняя правителя Сурхай-хана в измене, просили уничтожить существующее разделение власти, если только желательно достигнуть полного спокойствия Койсу-боюна (т. е. всех владений, лежащих по рекам Койсу) и сосредоточить ее в руках одного Нуцала; мать же Сурхая Шух-бике, в свою очередь, сообщала, что сражение 12-го февраля "случилось по наружности будто бы для установления шариата, но на самом деле оно было из-за ее сына и по причине взыскания наследственного его имения с имения Паху-бике". Словом, начались разные происки и сплетни, гнездилищем которых с давних времен служил дом аварских ханов. Деньги, конечно, ханше были возвращены, но вопрос о безраздельности власти оставлен без последствий, а Шух-бике и ханствующему дому преподан совет — прекратить всякие ссоры и жить в мире и согласии. Этим однако не прекратились неуместные домогательства ханов, и не прошло несколько дней, как Абу-Султан-Нуцал обратился с новою просьбою о награждении за храбрость, при отражении нападения Кази-муллы на Хунзах, его родного брата Омар-хана 34 и о пожаловании ему

самому золотой медали. Письмо к генералу Эмануелю с изложением последнего ходатайства, по своей наивности и бесцеремонности, заслуживает некоторого внимания. Абу-Нуцал между прочим писал:

«Прежде я находил противным нашему закону носить [175] медаль подобно прочим подвластным мне аварцам, получившим таковые, дабы не поселить ропота в народе; но увидел, что наш первопочетный эфенди кади Магомед вместе с прочими, получившими таковую золотую медаль, стал ее носить. Если бы это было противно вере, то он верно никогда бы сего сделать не согласился,— а потому, надеясь на благорасположение ваше ко мне, я покорнейше прошу, в ознаменование верноподданнической покорности моей с подвластным мне народом, исходатайствовать мне таковую золотую медаль».

Не только, конечно, была уважена эта в сущности скромная, хотя оригинальная просьба, но даже всему аварскому народу было Высочайше пожаловано георгиевское знамя.

Таким образом, мы нока отделались довольно счастливо, и все наши укрепленные пункты, на которые были направлены преднамерения Кази-муллы после ожидаемого им успеха в Аварии, на этот раз уцелели. Такую удачу бесспорно и несомненно нужно приписать менее всего противодействию целям имама со стороны ханши, но нельзя также не отнести и к операциям нашим в то же самое время среди джарцев, которыми мы. отвлекли от участия в грозе не только это фанатическое, воинственное и многочисленное племя, не упускавшее никогда случая присоединиться к нашим врагам, но и смежные с ним общества глуходар, по необходимости остававшиеся в своих домах и тревожно выжидавшие, чем кончится экспедиция гр. Паскевича в Джары.

Причины, заставившие главнокомандующего обратить первый удар на джарцев, состояли в том, чтобы лишить их возможности, при дальнейших наших операциях в горах, или прямо содействовать дагестанским лезгинам, или отвлекать на себя наши силы и внимание [176] тревогами и разными беспокойствами в пределах округа. Целью экспедиции было приведение раз навсегда коварных и вероломных джаро-лезгинских обществ в конечное нам подданство и в покорность, а вместе с тем уничтожение той номинальной их от нас зависимости, которою они постоянно злоупотребляли, доставляя нам массу хлопот и затруднений в течение тридцатилетнего нашего владычества в Закавказьи. Не забыто также и благосостояние Кахетии, относительно которой граф Паскевич всеподданнейше доносил 35:

«Одно безусловное покорение оных водворит спокойствие в Кахетии и оградит безопасность границ сей плодородной провинции от набегов воровских племен, которые, уверясь наконец, что одно милосердие российских Государей и крепость правительства предохранили джарских лезгин от совершенного истребления, сами скорее склонятся к принятию совершенно спокойного образа жизни».

Экспедиция была назначена в феврале, когда глубокие снега в горах не могли допустить к джарцам значительного секурса из глуходарских обществ, а отсутствие листвы на плоскости не позволило бы им скрываться в лесах. В состав экспедиционного отряда были назначены: два баталиона грузинского гренадерского полка, два эриванского, десять рот пехотного графа Паскевича полка, шесть рот 41-го егерского, кавказский саперный баталион, шесть эскадронов нижегородского драгунского полка, три сотни донского № 12 и две № 28 полков, 12 орудий батарейной № 1 роты и 10 легкой № 2 кавказской гренадерской артиллерийской бригады, 12 орудий батарейной № 1, 12 горных и легких резервной № 5 рот 21-й бригады и 12 донской № 3

роты. [177] Начальником этого отряда был назначен начальник 21-й пехотной дивизии генерал-лейтенант князь Эристов, командиром 1-й пехотной бригады генерал-маиор Муравьев, второй — генерал-маиор кн. Бекович-Черкаский, начальником кавалерии походный атаман генерал-маиор Леонов и артиллерии — генерал-маиор Гилленшмидт. 17-го февраля войска собрались в лагере близь монастыря Степан-Цминда на Алазани, и 20-го прибыл к ним главнокомандующий.

Средоточием всех способов и сил заалазанских лезгин было конечно селение Джары, лежавшее в глубоком ущельи, между крутых возвышенностей. Оно простиралось вверх по ущелью на восемь верст и оканчивалось у верховьев его укрепленным убежищем — Закаталами. Заключая до 1200 дворов каменной постройки, окруженных густыми фруктовыми садами и отделенных один от другого крепкими заборами, имевшими направление поперек ущелья, Джары доставляли жителям наивыгоднейшие средства к упорной обороне, так как каждый двор, с своею оградою, садами и жильем, снабженным амбразурами, представлял для атакующего особую небольшую крепостцу. К вершине ущелья заборы становились чаще, а пролегавшая между ними узкая дорожка все теснее. В центре Закатал находился род четыреугольной цитадели, с каменною башнею посередине. Лезгины и грузины считали Закаталы неприступным оплотом, и в этом их еще более убеждало то, что наши войска три раза занимали нижние части с. Джары и ни разу не решались брать Закаталы. Чтобы уничтожить это вековечное мнение, граф Паскевич избрал Закаталы непосредственным пунктом своих действий. В Джары вели три дороги: через брод Урдо и Белаканы, через брод Козлу и Гогами и через муганлинскую переправу — [178] одною ветвью прямо в Джары, а другою через Палдаро, Кондахи, Алиабат и Талы. Главнокомандующий избрал последнюю, как более открытую и населенную, а следовательно и удобную для продовольствия войск. 24-го февраля он переправил войска через Алазань и расположился близь с. Муганло.

Джарцы сильно встревожились и, решившись защищаться, послали за джурмутцами, тебельцами, ташлинцами, анцухцами и капучинцами; но так как у некоторых из этих обществ стада паслись по сю сторону гор, а другие не могли перейти через хребет по случаю большого снега, то все и отказались. Джарцы положили защищаться сами. Из всех обществ они могли выставить в поле десять тысяч человек, но между ними произошли несогласия, вследствие которых белаканцы, мухахцы и дженихцы отделились от них, и они остались с половиною своих сил. Понятно, что с ними они не могли сунуться на встречу нашим войскам, и волей-неволей 25-го февраля прислали старшин для переговоров. Граф Паскевич, объявив им в прокламации все их преступления и нарушение древних договоров, потребовал безусловной покорности и совершенного присоединения всех обществ к русской державе. Единственные условия, которые он им поставил, были: прощение виновных, если изъявят покорность, и истребление противящихся. Старшины, получив прокламацию в переводе на русский язык, отправились для совещаний с народом. Отряд в тот же день подвинулся к Алиабату, а 26-го числа расположился у селения Талы.

В этот день явились вторично старшины от всех обществ, кроме джарского, и, прося о пощаде, принесли совершенную и безусловную покорность. В джарском же джамате, который со времени сбора войск не закрывался [179] день и ночь, шли тем временем горячие прения, среди которых буйная молодежь и бедняки во что бы ни стало требовали войны и обещали защищаться до последней капли крови. Но наконец всю разноголосицу осилил Мамед-Вели

чапарельский, который свою длинную речь заключил уверением, что нечего страшиться русского гнева, так как Император, пощадив жизнь и имущество покорившихся безусловно жителей Тавриза и Эрзерума, не откажет и им в помиловании. Все уступили и наконец прислали к графу Паскевичу старшин, а в знак покорности представили ружье и шашку. Таким, образом, до 10-ти тысяч дворов, большая часть которых составляла владельческие, а меньшая — подвластные или энгилойские селения, в один прием, без всякого кровопролития, пали к стопам нашего Государя. 28-го числа две роты сапер, 6 рот 41 егерского полка, два баталиона графа Паскевича Эриванского полка, 6 конных и 4 горных орудия, с тремя сотнями казаков, под командою г. м. кн. Бековича-Черкаскаго, заняли Джары и Закаталы, а прочие войска остались в лагере у Талы. Граф Паскевич, обозрев 1 марта все джарское ущелье, избрал пункт для устройства крепости, чтобы удерживать во всегдашнем повиновении джарцев и жителей всего лезгинского округа, и тотчас велел приступить к постройке ее. На первый случай была устроена ограда из брусьев, полученных от громадных вековых чинар, окружавших местность, и вырубкою этих чинар образована вокруг избранного пункта обширная эспланада. Таким образом, быстро стали возникать Новые Закаталы. Совершив это знаменитое в летописях Кавказа покорение неукротимого дотоле народа, главнокомандующий назначил г. м. князя Бековича-Черкаского начальником ,,джаро-белаканской области" и предписал ему — собрать [180] немедленно всех старшин и объявить прокламацию им о введении в их землях русского управления, а затем привести все население к присяге. Для временного управления преподаны князю Бековичу особые правила и оставлены пока в его распоряжении войска, занявшие Джары и Закаталы, с разрешением ему присоединить к себе еще баталион графа Варшавского полка, батарейную № 1 роту 21 бригады, бывшие на Царских Колодцах, и нижегородский драгунский полк. Вместе с тем приказано элисуйскому султану исполнять все требования кн. Бековича, имеющие целью безопасность лезгинской линии, и оказывать всякое пособие милициею и жизненными припасами. Для наблюдения выходов из гор поручено было кн. Бековичу собрать часть народной лезгинской милиции, которую присоединить к своему отряду, а также вступить в сношение с непокорными соседними племенами, брать от них аманатов и выдавать билеты для свободного входа в русские земли. На топографов было возложено составление подробной и верной карты страны. Обеспечив затем отряд князя Бековича двухмесячным слишком продовольствием, главнокомандующий 3-го марта распустил остальные войска по квартирам 36.

Занятие нами джарских земель привело к изъявлению добровольной нам покорности 1300 семейств анкратльского народа из общества Таш, живших в верховьях Гидатль-чая (Самура), по речкам Жажда-ор, Тар и Мозад, о существовании которых мы не имели до того времени никакого ясного представления 37. Вообще, джарская экспедиция Паскевича, сломившая наконец эти [181] племена, считавшиеся по мнению горцев непобедимыми, а в особенности связанное с нею занятие нами Закатал и заложение там крепости, произвели сильное влияние в горах, и самое событие это считалось там чрезвычайно важным. Почти от всех владетельных лиц граф Паскевич получил или личные, или письменные поздравления, как будто он завоевал другую Эривань. В числе особ, прибывших к нему для поклонения в Тифлис, были, между прочим, Байбала-бек каракайтагский и прапорщик Хаммамед-бек тарковский. Первый из них предложил свои услуги против Кази-муллы и был за это прощен в прежних своих преступлениях 38.

Но все эти поздравления были ничто в сравнении с другими более важными последствиями, которые доставила нам джарская экспедиция. Только спустя некоторое время мы узнали, на основании разведок в горах маиора Корганова, что Кази-мулла потерпел хунзахскую неудачу благодаря частью этой экспедиции. Сначала он не хотел и не думал так рано открыть своих действий против Аварии, потому что считал себя для этого весьма мало подготовленным, но рискнул на них, и притом в самое невыгодное зимнее время в горах, только тогда, когда дошли до него слухи о намерениях наших относительно джарцев, а эти слухи ясно определились в январе, при получении нашими войсками приказания стягиваться к Сигнаху. Чуть только они сделались несомненными, джарские старшины немедленно отправились к Кази-мулле и [182] просили поторопиться походом против хунзахцев, чтобы отвлечь и войска наши, и графа Паскевича от предначертанного плана и в особенности от занятия нами Закатал. Кази-мулла исполнил их просьбу — и поспешность его чуть не погубила навсегда все его замыслы 39. В результате всего этого выходит, что нет худа без добра, потому что если бы граф Паскевич имел сведения о том, что готовится и происходит в горах, то, может быть, и в самом деле он приостановил бы джарскую экспедицию, отдав предпочтение Кази-мулле, — а затем уж неизвестно, когда бы мы справились с джарцами и заняли бы у них главный укрепленный пункт, на который до тех пор не решались ни разу посягнуть.

Н. А. Волконский.

Комментарии

1. Воззвание это, чрезвычайно важное по своей идее, к сожалению переведено с арабского дурно.

2. Приложение к донесению г. л. бар. Розена 4-го от 27-го марта 1830 г. № 99, Арх. окр. шт.

3. Письмо Нуцал-хана к г. м. Энгельгардту 18-го января 1830 года.

4. Рапорт и. д. за отсутствием Краббе полковнику Мищенко воинского начальника кр. Бурной маиора Ивченко 31-го января 1830 г. № 22.

5. Донесение 21-го января 1830 г. №. 22.

6. Отзыв к гр. Паскевичу военного министра г. ад. Чернышева от 21-го сентября 1829 г. № 623.

7. Оттого и сведения об этих событиях за полтора года в официальных источниках весьма ничтожны, отрывочны и сбивчивы. Почти все, что свершалось в горах со второй половины 1828 г. до февраля 1830 года, там же и кануло в вечность.

8. Предписание генералу Краббе от 30-го января 1830 г. № 68.

9. Каранайского владельца Юсупа Масхлова, эрпелинских старшин Ирбаима и Мусу и узденей Улубея Ахмацова и Мустафу Казыханова.

10. Рапорт дербентского коменданта полковника Розенфельда 17-го февраля 1830 г. № 5. Д. арх. окр. шт., 2 отд. ген. шт., 1830 г. № 37.

11. Рапорты главнокомандующему полковника Мищенко 1-го и командующего левым флангом г. л. барона Розена 4-го от 9-го и 13-го февраля 1830 г. №№ 308 и 8.

12. Сурхай-хан, по сообщению Нуцал-хана аварского, дал ему, в знак своей приверженности, пять аманатов из д. Мосули. (Письмо Нуцал-хана к г. м. Энгельгардту 18-го января 1830 г.).

13. Письмо от Бек-Мирзы к сыну шамхала Сулейману. Донесение воинского начальника кр. Бурной 5 февраля № 1.

14. Гумбетовская.

15. Другими словами: это было бы извинительно только малолетнему сыну твоему Нуцал-хану.

Письмо Паху-бике к гр. Паскевичу. Арх. окр. шт., д. 1 отд. ген. шт. 1830 г., № 58.

16. Донесение гр. Паскевичу г. л. барона Розена 4-го от 13-го февраля 1830-го года № 2.

17. Письмо Аслан-хана к полковнику Мищенко от 11-го февраля из Кураха.

18. Рапорт дербентского коменданта от 14-го февраля № 5.

19. Рапорт г. м. Энгельгардту полковника Мусы Хосаева от 10-го февраля № 66.

20. Рапорт маиора Корганова 1-го к графу Паскевичу от 22-го марта № 21.

21. Джемалэддин-Гусейн казикумухский.

22. Письмо это писано Аслан-ханом в начале февраля 1830 г. Д. арх. окр. шт., ген. шт., 1830 г. № 37.

23. Письмо Мамед-кадия к полковнику Мищенко от 16-го февраля.

24. Письмо Бек-Мирзы к шамхалу Сулейману. Д. арх. окр. шт., 2 отд. г. шт., 1830 г. № 37.

25. Вероятно, тут нужно подразумевать, не вооруженную силу Кази-муллы, а число его последователей.

26. Письмо к полковнику Мищенко от 13-го февраля из Кураха,

27. В это время деревни, принявшие шариат в шамхальстве, были следующие: Губдень, Эрпели, Каранай, Шарти, Параул, Гелли, оба Казанище, Темир-Хан-Шура, Муселим-аул, Капчугай, а в Мехтули — Дуранга, Дарогати, Ахкент, Оглы, Кулецма, Аймяки, Чоглы. (Донесение маиора Ивченко подполковнику фон-Дистерло 16-го февраля 1830 г. № 3).

28. Донесение г. м. Краббе гр. Паскевичу 18-го февраля № 23.

29. Барон Розен 4-й вступил в эту должность, по распоряжению гр. Паскевича, в начале февраля, а г. м. Энгельгардт 3-й возвращен к прежним обязанностям кисловодского коменданта.

30. Донесения барона Розена 4-го гр. Паскевичу 13-го и 15-го февраля №№ 12 и 42.

31. Здесь взята самая меньшая и наиболее достоверная цифра, встречающаяся в официальных источниках и основанная, как видно, на сведениях лазутчиков, доставленных впоследствии г. л. барону Розену 4-му. По другим же современным известиям, Кази-мулла имел у себя от восьми до девяти тысяч воинов.

32. Письма — Нуцал-хана к г. м. Энгельгардту от 16-го февраля и Паху-бике к гр. Паскевичу, полученное 24-го апреля. Д. арх. окр. шт., 1 отд. ген. шт., 1830 г. № 58.

33. Дела арх. окр. шт., ген. шт., 1 отд., № 58 и 2 отд. № 37, 1830 г.

34. По власти, предоставленной главнокомандующему, Омар-хан произведен им в прапорщики.

35. 11-го марта 1830 г. № 13.

36. Всеподданнейшее донесение 11-го марта 1830 г. № 13.

37. Рапорт гр. Паскевичу кн. Бековича-Черкаского 11-го марта 1830 г. № 30.

38. Байбала-бек был обвиняем нами в двух убийствах и в покушении на третье. За это он был предан военному суду, но до 1830 года всеми способами укрывался от правосудия. Хаммамед был незаконнорожденный племянник шамхала от брата его Шабаза и родной брат изменника Умалата, убийцы полковника Верховского.

39. Донесение маиора Корганова гр. Паскевичу 10-го апреля 1830 г. № 32.

Текст воспроизведен по изданию: Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник, Том 11. 1887

ПРИЛОЖЕНИЯ К СТАТЬЕ

"ВОЙНА НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ С 1824 ПО 1834 Г".

V.

Адрес акушинцев к генерал-от-инфантерии Ермолову.

«От всех даргинских кади, старшин и народа к его высокопревосходительству Алексею Петровичу.

Владелец наш Мехти-хан-шамхал пригласил нас в г. Тарки с воли благоразумного поверенного вашего, его превосходительства кубинского генерала, и мы с покорностью своею явились к нему с частью народа. Прочитали нам высокопочтенное письмо вашего высокопревосходительства среди мечети тарковской. Оно заключало в себе желание души нашей и приятное сердцу нашему прощение нам подати, долженствуемой быть взнесенной в казну Его Императорского Величества, дарованное нам от вас удостоверение в облегчении тягости народной и сложении бремени, которое нести и взносить не имели мы силы, от чего увеличивался страх наш за преступление, по несостоятельности взнести ее, ибо не находилось у нас денег. За таковую великую и щедрую милость ко всему нашему народу Великого нашего Государя, принимая с глубочайшею благодарностью, мы превозносим славу Всемилостивейшего Государя. При чем угощал нас кубинский генерал разными яствами, напитками с [184] большим уважением, где мы имели совершенное услаждение и удовольствие; также упоены были приятностью и те, которые известились о сем. Потом мы все обратились в отчизну нашу, где публично читали мы при народе письмо ваше, в коем изъяснена была милость и прощение ваше всему народу, который всеобщее имел крайнее порадование и удовольствие, помолясь единогласно за долгоденствие Его Императорского Величества и вашего высокопревосходительства. Известие сие распространилось на востоке и на западе, и узнали, что милость сия оказывается усердно служащим, а не возмутителям-

изменникам. Словом, когда таким образом будете ваше высокопревосходительство сохранять нас вместе с владельцем нашим Мехти-шамхалом, то мы не будем непокорными к вам, не донесем лжи, не произойти может от нас малейшая измена, которою бы сердце ваше могло оскорбиться, ниже сделаем что-либо противное, за которое бы вы прогневались на нас. Впрочем, осведомясь от господина генерала и от других о позволении ходить нам в Мекку, мы были крайне довольны, ибо закон наш на сем основан. Но неизвестно нам повеление ваше — по которой дороге: чрез Кабарду или чрез Дамаск. По которой угодно вам или безопаснее — просим повелеть нам, а наши хаджи желают ездить по кабардинской и анапской дорогам, по несостоятельности и неимуществу своему. Июня 15-го, 1826 года».

Приложена печать зугум-кадия.

VI.

Письмо, полученное из Тавриза Нох-ханом от дагестанцев и чеченцев.

«Мы благополучно прибыли к высочайшему двору Его Величества всемилостивейшего государя Фет-али-шаха, с которым лично имели разговор и объяснение как об обстоятельствах и делах наших, так и о действиях. Он был весьма [185] признателен и, похвалив весь наш народ, пожаловал нам подарки и халаты, коими мы, будучи крайне довольны, удовлетворились. Ныне мы находимся в городе Тавризе при его высочестве великом наследнике шах-заде Абас-Мирзе, коего милостью мы веселы более потому, что выданы нам будут казна и милости (?), также любимы мы им наравне с его правителями. Мы желаем, чтобы вы были под покровом всемогущего Бога, со всеми вашими детьми и родными, и предохраняемы от всякого бедствия в такое время. Старайтесь возжечь огонь войны против неверных, посоветуйтесь и переговорите с чеченцами и беглыми о военных распоряжениях и о нанесении вреда врагам вашим. Вы — поверенный его высочества великого наследника, и мы, при помощи божией, с раннею весною прибудем к вам с войском, но не прежде; а потому его высочество великий наследник обещал нам исполнить все желания наши. Если вы известитесь, что войска их удалились из Ширвани, Шеки и Кубы, то мы даем вам знать, что сие сделано по величайшему повелению государя Фет-али-шаха, ибо в сентябре месяце сбор войска и устройство кончатся, которые теперь устраивают и сделали уже приготовления, снабдив их провиантом и одеждою; число же войск, по многочисленности их, одному Богу только известно. Мы также отправимся туда с множеством подарков для старшин и с казною для тамошних войск, в чем не токмо не сомневайтесь, но будьте готовы к войне прежде, до прибытия нашего туда. Не думайте, что мы бы говорили вам ложь или оставили бы неудовлетворенными наши желания и тех, которые вооружены усердием к вере. Но и вы должны различать тех, кои сражаются против врагов, и тех, которые дома спят и не дерутся с неприятелем» (в последнем случае, вероятно, подразумевались акушинцы).

Текст воспроизведен по изданию: Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник, Том 11. 1887

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

ВОЙНА НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

С 1824 ПО 1834 г.

В СВЯЗИ С МЮРИДИЗМОМ

(Продолжение 1).

XI.

Мнение гр. Паскевича о целях нового учения. Командирование маиора Корганова в Дагестан. Положение имама и дагестанских горцев после хунзахской битвы. Новые происки Кази-муллы. Землетрясение. Переговоры с имамом. Изъявление преданности нам горскими обществами. Арестование муллы Магомета ярагского и побег его. Явное нерасположение к нам Аварии. Возрождение успехов Кази-муллы среди кумыков и их соседей. Распространение шариата в Чечне. Движение наших отрядов. Безуспешность наших стремлений относительно имама. Его новые фанатические победы среди дагестанцев и привлечение их вторично к своей власти. Волнение в шамхальстве. Койсубулинский вопрос. Выступление шиха Шабана на религиозно-политическое поприще в качестве сподвижника Кази-муллы. Услуга имаму Мустафы кадия герменчукского и бывшего лжепророка Авко. Распоряжения генерала Розена. Восстание эрпелинцев и казанищенцев. Движение наших отрядов в шамхальство. Покушение на жизнь Кази-муллы. Неуступчивость койсубулинцев. Наша нерешительность. Соединение отрядов для движения в Гимры и состав их.

Только после хунзахского дела главнокомандующий составил себе представление о целях Кази-муллы, которые обрисовал графу Чернышеву следующим образом 2: [2]

"Фанатический характер сего возмущения весьма споспешествует тайным политическим замыслам лжепророка Казы-Магомета, коих несомнительная цель есть отложить все дагестанские племена от повиновения российскому правительству соединением всех магометанских горцев под одно общее теократическое правление".

Сознаваясь даже и в это время, что "не имеет достоверных сведений о настоящем положении дел в середине Дагестана", граф Паскевич командировал туда состоящего при нем маиора Корганова и поручил ему: осведомиться о всех обстоятельствах и об успехах имама; постараться внушить каждому владельцу, что цель мятежника — соединение всех в общую республику под влиянием духовенства, при чем они должны будут лишиться своих преимуществ и самых владений; иметь за поведением этих владельцев тайный надзор и вообще собрать на месте всякие полезные сведения о горских обществах и их владетелях. Вместе с тем, уверенный в преданности к нам Сурхай-хана аварского, Ахмет-хана мехтулинского, Махмет-хана каракайтагского и Ибрагим-бека карчагского, он отправил их тотчас после джарской экспедиции 3 в свои владения с особою инструкциею для действий против возмутителей и для захвата Кази-муллы, а Аслан-хану, Нуцал-хану, Сулейман-паше и акушинскому кадию в том же смысле послал письма с маиором Коргановым.

Но пока никакие репрессивные меры были не нужны — разве только усилия к поимке Кази-муллы, если бы она оказалась возможною. Край мгновенно успокоился, хотя это неожиданное спокойствие после такого сильного напряжения и взрыва представлялось чем-то неестественным, [3] странным. Кази-мулла, брошенный своими последователями под Хунзахом, отправился в Гимры только с немногими приближенными, в числе которых были: Шамиль и эрпелинский кадий Доудил-Магома; он поселился с этими двумя лицами в одинокой землянке, в стороне от селения, и стал проводить время в посте и молитве. Вместе с тем он освободил всех, содержавшихся у него в ямах, кроме гумбетовского кадия. Жители с. Араканы, возвратясь в свои дома, призвали к себе Сеида-эфенди и, раскаиваясь перед ним, что не послушали его советов, обещали прекратить всякие сношения с Кази-муллою и не внимать его поучениям и приказаниям. Кази-мулла это знал, как и все прочее, что творилось вокруг, потому что чутко прислушивался к малейшему движению в воздухе и получал сведения от своих сподвижников, охранявших его в "святом" убежище и время от времени выходивших для разведок. Но он ничем не смущался, и своей высокой, по его убеждению, цели не упускал из вида, уверенный, что только при настойчивости и усиленной энергии может ее достигнуть. Он проник давно сердца своих соплеменников и пришел к убеждению, что хунзахская его неудача обратится в ничто при первом успехе, который удалось бы ему стяжать среди дальнейшей деятельности. Исходя из этой мысли и оправившись немного душою и телом после своего фиаско, имам послал несколько своих верных учеников и некоторых унцукульских жителей во все общества, приглашая духовных и светских представителей их на общее собрание к 27-му февраля в Унцукуль. Как думал сердцеведец, так оно и случилось: приглашенные, хотя и не все, тотчас отозвались на его голос и усердно стали прибывать к назначенному времени. Безусловно не прибыли только гости из Эрпели, Караная и Ишкарты; они предпочли отправиться с извинениями к [4] полковнику Мищенко, отряд которого, стоявший у Карабудахкента, представлял для этого достаточное понуждение.

Эти обстоятельства и личная уверенность генерала Краббе, что Кази-мулла не скоро соберется с силами, чтобы составить новое скопище, заставили командующего войсками распустить отряд до мая месяца. Барон Розен, приняв, в свою очередь, раскаяние и аманатов от салатавского общества и в особенности от черкеевцев, думал то же самое, и поэтому, поручив свой отряд полковнику Ефимовичу, уехал в Грозную. На Ефимовича он возложил привлечение к прежней покорности главнее всего гумбетовцев, а командующего войсками на линии генерал-от-кавалерии Емануеля просил даровать прощение всем жителям, бывшим в скопище Кази-муллы, кроме тех опаснейших лиц, которые были им уже арестованы. Ефимович довольно скоро достиг цели, и гумбетовцы действительно прислали письмо, в котором обещались служить верою и правдою русскому правительству и штрафовать пятидесятью рублями каждого, кто осмелится вступить в сообщество с имамом. Они бесцеремонно уверяли, что он взял у них всего только пятнадцать человек — и притом силою, а остальные все сидели в своих домах и издали услаждались текущими событиями. Как ни бессовестна была такая явная ложь, но барону Розену пришлось по необходимости показать вид, что он ей верит, и поэтому от гумбетовцев более ничего не потребовалось. После этого барон Розен отпустил на Терек линейных казаков, бывших в отряде Ефимовича, и отодвинул туда же Московский и Бутырский полки 4. [5]

Кази-мулла тем временем неустанно продолжал работать, в особенности при помощи своего ближайшего друга и наставника муллы Магомета ярагского, который опять появился в Табасарани и стал сеять на этой восприимчивой почве быстро растущие старые злаки. Не

смотря на то, что ко дню собрания представители трех главных шамхальских селений не явились, Кази-мулла нимало этим не огорчился, во-первых потому, что знал действительную причину этого уклонения, и был уверен, что с отступлением наших войск эрпелинцы и каранайцы по-прежнему станут у его сердца, а во-вторых потому, что и без них гостей было довольно. Его гораздо более смущало то, что главное общество, интересовавшее его по преимуществу, именно койсубулинское, прислало весьма мало своих поверенных; но и при этой неудаче он успел хорошо овладеть собою. Прибыв в мечеть, где собрались все приглашенные, имам спокойно и величественно вступил на кафедру — и речь его полилась красно, убедительно. Он между прочим обратился к прежним своим поучениям, напомнил слушателям главную цель своей высокой задачи и не счел нужным обойти даже хунзахскую неудачу. До поводу ее он сказал:

"Наша неудача под Хунзахом произошла оттого, что мы хотя принадлежим к последователям истинного тариката, но не только о нем, но даже о шариате таится в нас сомнение. Народ! кто хочет идти как повелевает истинный тарикат, тому не должно бояться смерти: каждого из нас ожидает рай и в нем прелестные гурии. Примите теба и умоляйте Бога о прощении ваших грехов".

Обаяние было сильное, и проповедник с удовольствием его усмотрел на всех лицах. Он ясно прочитал на них, что ему поверили, как верили и прежде, и что звезде его далеко еще до заката. Оставляя собрание, он вынес убеждение, что пошатнувшееся в народе его [6] положение легко может вступить вновь в свои прежние границы. И действительно, в первых числах марта, именно в то время, когда мы распускали наши отряды, уверенные, что "мятежник" не скоро соберется с силами, Кази-мулла насчитывал в числе своих последователей до двадцати тысяч семейств 5! Заручившись в собрании сговорчивостью народных представителей, он, следуя своей неизменной тактике, тотчас же перешел к особам владетельных домов, и первую свою стрелу направил в семейство Аслан-хана, где уже прежде расшатал связь и повиновение детей к своему отцу. Важнее всех других чад Аслан-хана был для него второй сын его Магомет-Мирза, так как он управлял казикумухским ханством, и к нему умный и ловкий имам послал в половине марта самое дружеское и льстивое воззвание такого рода:

"По засвидетельствовании почтения, мы слышали, что ты — любимец магометанской веры, и не в пример лучше прочих ханов придерживался, а также придерживаешься ее в полной точности поныне. Сверх сего, знай, что мы все верные тебе слуги, потому что ты и отец твой удерживаете дорогу между русскими и Дагестаном. Если бы вы были подобны другим ханам, то тогда наверное бы русские везде распространились, подобно как и в других местах. А потому, буде ты хочешь — приезжай, и мы условимся, что никогда как в прибыли, так и в убытке один другому не изменим. Извещаю притом, что мы с русскими никакой драки не имеем, а с теми собственно, кои в соседстве нашем обнаруживают нехотение магометанской веры. Мы имели с ними дело, покоряли несколько раз, а нас победили они однажды. Вероятно, Богу так было угодно. Ты знаешь характер араканского жителя Сеида; ты его прогони от себя. Я узнал, что Джемал-Эддин из лучших людей, но слышал и то, что он некоторых боится, а потому дружбу с ним я прекратил. [7] Наконец, знай, что я тебя люблю, и что мы с тобою. В случае встретится какая-либо надобность в нас — дай нам знать: мы с помощью божиею выполним" 6.

Вероятно, это письмо не осталось без некоторого сочувствия со стороны Магомет-Мирзы, так как непосредственно за сим Кази-мулла очутился в Цудахаре, подвластном казикумухскому хану, и силился склонить на свою сторону акушинцев, без которых, как сообщал ранее о том маиор Корганов, на основании добытых им сведений, будто бы не мог сделать ничего важного 7. В Цудахаре он застал проживавшего там в это время Джемал-Эддина и, как видно, восстановил с ним дружбу, потому что оба вместе разослали оттуда массу воззваний во все концы Дагестана, в которых Кази-мулла именовал себя "мох-идынь" 8. Воззваниями этими имам "большое получил влияние на умы горских народов" 9, К довершению всех его удач, в конце февраля случилось такое сильное землетрясение, которого еще никто никогда не помнил на Кавказе. Оно продолжалось, с более или менее значительными перерывами, более месяца и все время повторялось по направлению от Хунзаха к деревне Андреевой, образовав по пути громадную трещину, разрушив много домов и повлекши за собою значительное число гибельных случаев. Землетрясение это навело на всех горцев решительную панику. Имам тотчас воспользовался столь счастливым для него геологическим явлением и, обратив его в своих воззваниях в знамение божие, приписывал его гневу Бога на противников магометанства. Кроме того, при помощи одного из преданных себе [8] учеников, он стал измышлять разные чудеса и влиять ими на умы тех, которые склонны были им поверить. Маиор Корганов, следивший за его действиями, хотел разоблачить его и употребил все усилия, чтобы привлечь на свою сторону того ученика, которому вверился Кази-мулла, и выпытать у него секреты его мюршида, но это ему не удалось. Сам имам также не поддавался ни на какую удочку и был неуловим и неуязвим. Тогда Корганов написал к нему письмо, историческая важность которого состоит в том, что оно было выражением тех мыслей и распоряжений графа Паскевича, которыми он уполномочил своего агента — что весьма естественно, так как Корганов не посмел и не сумел бы написать такую прокламацию. Поясняя прежде всего в этом письме, что передает слова главнокомандующего, Корганов между прочим сообщал имаму:

"Свободное вероисповедание подданных российского Престола известно всему свету. Великий Монарх наш требует от народа, Богом ему вверенного, усердия, мирного жития и повиновения; он в дело вечности не позволяет себе вмешиваться. Целые губернии, Казань, Крым и прочие миллионы мусульман, кочующих татар, более ста лет неприкосновенно сохраняя свое вероисповедание, находятся под скипетром России. Уже двадцать лет, как соседи ваши и вы находитесь под влиянием могущественной десницы российского Монарха. В духовные ваши законы никто не вмешивался и вмешиваться не может, ибо это будет против воли Государя нашего. Коль скоро земной обладатель края сего не хочет вмешиваться в дела духовные, то дозволит ли вам ходить вооруженною рукою по местам его подданных? Правда, у вас в алкоране написано, чтобы христианам не служить; но тут же пророк вам повелевает сильному покориться, а вы со мною согласитесь, что вы много слабее Государя российского".

После этого сравнения Корганов переходить к [9] разным разъяснениям о силе и могуществе России, исчисляет наши громкие победы, поражает имама нашим милосердием, стращает и в то же время обольщает властью гр. Паскевича и ста тысячами русских войск, и в заключение говорит:

"За поступок ваш, он мог приказать войскам у кр. Андрей (Внезапная) — и койсубулинцы были бы истреблены; но фельдмаршал, признавая истинного единого Бога, пожалел рабов его и, послав меня в Аварию, велел прежде сделать вам предложение, что поступок ваш будет предан совершенному забвению, если вы явитесь с покорностью к нему, и вам будет оказано уважение

и приличные от Государя милости. Духовная часть шариата будет отдана совершенно духовенству, но с тем, чтобы в дела правительства отнюдь оно не вмешивалось. Что вы будете прощены — в том будьте уверены. Впрочем, я вам дам в аманаты родного брата моего" 10.

Письма главнокомандующего, которые повез Корганов к разным особам, были встречены с чрезвычайным вниманием и предупредительностью. Цудахарцы, составлявшие собою единственное из тех пяти акушинских обществ, которое пошатнулось в преданности нам, принесли свое раскаяние. Джемал-Эддин по призыву Корганова явился к нему в Акушу, в дом кадия Магомета, и развел целую филиппику о том, что он "не изменник Императору, не имеет никаких сведений о войсках Гази-Мохаммеда и не обнаруживал никогда никакого худого поступка; что он человек слабый, хворый и не может идти к войску, а оклеветали его злоязычники".

"Клянусь Богом", писал после того Джемал-Эддин графу Паскевичу, "что я не из числа изменников и вредных на земле людей; я никогда не был согласен на поступки Гази-Мохаммеда; я не желаю в сем мире ни богатства, ни степеней, ни почестей, ничего [10] кроме жилища и спокойного поклонения Творцу вселенной. Касательно Гази-Мохаммеда я слышал, что он выступил с войском, но я не только не пошел к нему и не вмешался в дела его, ибо не имею нужды до них, но даже запрещал ему начинать оные, советывал и приказывал сидеть спокойно дома и заниматься учением. Но он не только не обратил внимания на слова мои и не принял моего совета, но еще начал порицать и поносить меня, написав ко мне письмо в самых гнусных выражениях".

Корганов, уже раздобывший сведение, что цель триумвирата в лице Кази-муллы, Джемал-Эддина и Магомета ярагского состояла в том, чтобы, по уничтожении в Дагестане ханского достоинства и предоставлении ханам во владение по одной деревне, сделаться самим правителями в Аварии, Казикумухе и Кюре, нимало, конечно, не верил заявлениям Джемал-Эддина и признавал даже полезным арестовать его, но не сделал этого и отпустил его восвояси, с тем обманчивым расчетом, что он может оказать нам услугу в поимке имама. Абу-Муселим также явился по вызову, и хотя пожелал оправдываться, но получил замечание, что "правительство знает о ого неблагонадежности", и должен был замолчать. Корганов щедро одарял избранных или нужных нам лиц разными подарками, и эта мера усиливала прибытие к нему корыстных лезгин. Пригласив в дом Ахмет-хана мехтулинского Сеида араканского, он склонил его тотчас написать и отправить письма в койсубулинские общества, в которых кадий предлагал населению "отстать от своих предприятий и от пути порока, ведущего за собою возмущение и раскаяние". Письма подействовали, и 30-го марта койсубулинские старшины, во главе с Аллаем и Ханбутаем, а также унцукульский кадий Казил-Махомма, явились к Корганову в Казанище и предали себя великодушию русского правительства. Но при этом они предъявили немного странную просьбу — [10]подчинить их сыну шамхала Абу-Муселиму, как благоразумнейшему человеку и способнейшему правителю. Корганов предложил им обратиться с этим к главнокомандующему через своих депутатов, и конечно при этом понял, что преданность койсубулинцев ненадежная, так как приязненные отношения между Абу-Муселимом и Кази-муллою были плохим доказательством искренности старшин и весьма слабым ее ручательством 11. Вообще, койсубулинцы не внушали Корганову доверия, и он писал о них главнокомандующему следующее:

"Неспокойный нрав и всегдашнее упражнение в разбое и похищении гнусного сего народа доказано им многими опытами. Чарская область, со временя покорения ее и по нынешний

1830 год, наполнена была всегда койсубулинскими разбойниками, которые, производя грабежи в Кахетии, уводили пленных и принимали беглых наших солдат, каковых н ныне имеется в Унцукуле и в прочих селениях несколько сот человек. При всяком возмущении в здешних местах или во время войны они ополчались и готовы были соединиться с неприятелем нашим. Одним словом, народ сей никогда не может быть покойным до крайнего его угнетения, чему способствует бесплодное и тесное его жилище, так что едва ли обитаемая им земля может удовлетворить полугодовое бедное его продовольствие" 12.

По поводу благоволения, высказанного гр. Паскевичем в письме к акушинскому кадию, последний прислал непосредственно фельдмаршалу ответ, в котором, выражая всегдашнюю свою преданность и усердие, и говоря о поддерживаемом им порядке и о влиянии своем на Дагестан вообще, между прочим изложил и свой взгляд на Кази-муллу и на его учение. Высказался ли он относительно своей преданности притворно, заинтересованный нашими [12] отношениями к нему в дальнейшем будущем, или же писал то, что чувствовал — свидетельствуют его деяния, и этот предмет в сущности является второстепенным. Но самое важное в письме этого ученого и в своем роде замечательного человека заключается в его личных воззрениях на Кази-муллу и его учение. Будучи сам последователем тариката и признавая вполне шариат, этот знаменитый кадий определил потомству в драгоценном документе свои взгляды следующим образом:

"Что касается веры Гази-Мохаммеда, то она у нас не принята. Это — вера, которой украшение есть сам дьявол. Он (т. е. Кази-мулла) удалил ее от истины и посредством ее приводит народ в заблуждение. Мы удивляемся, как может только народ прилепляться к нему, не взирая на его глупость, очевидную для всех, имеющих разум, слух и зрение. Мы имеем древний закон и знаем, что предписывается в нем пророком, а потому не должны следовать примеру людей, подобных Гази-Мохаммеду: оным не позволяется народу, не имеющему царства и могущества, сражаться с сильными войсками российского Государя Императора".

Акушинцы, в свою очередь, писали гр. Паскевичу:

"Предписание вашего сиятельства мы получили, прочитали и, поняв его содержание, были крайне обрадованы. Мы сохраним и впредь повиновение наше Государю Императору, никогда не изменим и не последуем словам Гази-Мохамеда; он есть человек неизвестный между нами, и мы не переменимся от слова его и поступков. Мы не забудем содеянное нам Государем Императором: Он оказал нам прощение и отклонил руку от следуемых с нас налогов, а потому пребудем верными, занимаясь спокойно в областях его торговлею. Мы не желаем более ничего, как только наслаждаться тишиною и безопасностью под всемилостивейшим покровительством Его Императорского Величества" 13.

Из всех влиятельных лиц и представителей [13] разных обществ, принесших изъявление покорности и дружественного к нам расположения, один только мулла Магомет ярагский с гордым молчанием переживал период наших разведок в горах. Странствуя по разным местам, начиная от Табасарани, он продолжал поддерживать в народе тарикатские верования, в смысле поучений Кази-муллы, и явно уклонялся от встречи с Коргановым и с разными лицами, посредством которых тот хотел повлиять на него. По донесению об этом графу Паскевичу, последний в апреле месяце просил письмом "благоприятеля своего, высокостепенного и высокопочтенного Аслан-хана казикумухского", чтобы он поймал муллу ярагского, "имевшего намерение сделаться правителем в Курахе", и прислал его немедленно в

Тифлис чрез посредство ген. маиора фон-Краббе. Как ни затруднительна была в этом случае роль Аслан-хана, но делать было нечего, и он, разыскав тарикатского шейха, отправил его к генералу Краббе с своим племянником Гарун-беком (Арун-беком) и курахским жителем Джемал-Асаном. Одновременно с этим он послал к генерал-адъютанту Стрекалову письмо, в котором высказал свое сочувствие и покровительство этой духовной особе. Он писал:

"Отправляя при сем в Тифлис молла-Мамеда с верным слугою моим Асан-агою, извещаю ваше превосходительство, что он человек духовный, скромный, хорошего поведения и не из тех людей, о которых его сиятельство известен. И как между христианами есть люди, удалившиеся от света и находящиеся в пустынях, в таком же положении и сей молла Мамед, не желающий светских почестей. Покорнейше прошу в. пр. быть милостивым к нему и донести главнокомандующему о скромности его и хорошем поведении и, во уважение ко мне, найти средство к возвращению его на родину, ибо я уверен, что он не приносит вреда правительству. Да я сам людей злонамеренных и ослушных правительству не оставил бы на месте". [14]

Главнокомандующему он доносил в льстивых выражениях, что если во время вторжения персиян поднялся против нас целый Дагестан и не мог принести нам вреда, то что может сделать "бедный мужик" в роде муллы Магомета? На этом основании он и здесь покорнейше просил "воззреть на его бедность милостиво и приказать отпустить домой". Но мулла Магомет думал о себе вероятно иначе и, мало рассчитывая на милосердие главнокомандующего, благоразумно бежал от "верного слуги" и своего телохранителя Джемал-Асана и его спутника Гарун-бека. Аслан-хан, поспешая уведомить генерала Краббе об этом "печальном происшествии", выразил свое соболезнование и заключение, что "гораздо лучше было бы, если бы он не бежал, а приехал бы к вам и таким образом получил увольнение". Вместе с тем ловкий хан предоставлял генералу Краббе избрать наказание неисправным конвойным по его личному усмотрению.

Граф Паскевич по-видимому принял уверение хана за чистую монету, а побег муллы приписал случайности, не зависящей от его конвойных, и все это дело оставил без последствий, поручив Аслан-хану не упускать из вида поведения этого муллы, а если окажутся за ним какие-нибудь проступки, то "наказать его примерно" 14. Таким образом вся эта история канула в вечность бесследно и безвозвратно,

Вообще, нельзя не заметить, что хотя мы в это время отовсюду принимали выражение покорности и выслушивали заявления в раскаянии и преданности, во все это сопровождалось какою-то тревогою, боязнью и не отличалось искренностью — может быть, еще и потому, что не исходило из убеждения горцев, а было вызываемо нашим давлением [15] и понуждением, т. е. деликатным насилием. Под маскою этой мнимой преданности, нерасположение горцев к нашему правительству, по словам Корганова, не подлежало сомнению. В особенности оно было уж чересчур заметно в Аварии, как между народом, так и между членами ханского дома, и естественно не должно было угаснуть до тех пор, пока благоденствовала жена нашего заклятого врага Султан-Ахмет-хана, его наперсники и приближенные, а следовательно вместе с сими дух, мысль и сердце злополучного хана, нами изгнанного и лишенного владений. Одним из этих приверженцев и наперсников был дядька Нуцал-хана — Али-бек-Гусейн-оглы, имевший громадное влияние на этого юношу, и сообщница Али-бека ханша Гигили. Недоброжелательство их к нашему правительству вообще выразилось в самой недружелюбной встрече, которую Али-бек оказал агентам нашего главнокомандующего — Корганову и сопровождавшему его Ибрагим-беку карчагскому, остановившимся, между прочим, у него же

в доме. По прибытии их Али-бек прежде всего разгласил в народе, что русские намерены идти в Аварию вооруженною рукою, и после этого, пренебрегши всякими обычаями гостеприимства, столь свято поддерживаемыми у горцев, велел отобрать лошадей и оружие у Ибрагим-бека карчагского и арестовал его. Корганову же объявил, что хотя он приехал благополучно, но еще неизвестно, как выедет из Аварии. Ибрагим-бек получил свободу только по настоятельной просьбе Паху-бике, которая, пользуясь этим случаем, писала графу Паскевичу, что если до сих пор явно не изъявила своей покорности, то этим обязана тому же самому Али-беку.

Внутренние раздоры и несогласия в Аварии также не прекращались и, конечно, главным поводом к ним было пребывание в ханстве Сурхая, от которого Паху-бике не [16] могла никак избавиться. Ненависть ее к этому человеку дошла до того. что она приказала ограбить и убить одного из его приближенных, некоего Али, которого он отправил в путь с каким-то поручением. Чтобы оправдать себя в этом гнусном поступке, она уведомила Паскевича, что сделала это из преданности к русскому правительству, так как Али будто бы был отправлен Сурхаем с поручением к Кази-мулле. Главнокомандующий, конечно, не похвалил ее за это, но и преследовать также не мог, и это зверство так и осталось безнаказанным. Сам Сурхай, о котором мы до сих пор имели хорошее мнение, но крайней мере относительно его преданности к нам, был разоблачен Коргановым и оказался не лучше всех остальных: не имея никакого влияния не только в Аварии, но даже в своем селении Токеде, он в то же время, желая заискать в нашем правительстве, отличиться и усыпить его, по словам Корганова, не затруднялся для достижения этого в довольно унизительных средствах. Из привлечения к покорности нам разных обществ и деревень он сделал себе аферу, промысел, обманывая нас весьма бесцеремонным образом. Часть обществ, изъявивших, по его мнимому усердию, желание признать нашу власть, он выдавал за целые общества, брал у них аманатов из числа самых бедных и ничтожных людей, и получал при этом с общества 50 р. в год за каждого аманата; присланные же им в Тифлис аманаты вовсе не были жителями того общества, которое он наименовал, и т. д. Что касается Нуцал-хана, то, вследствие наших разведок, он выразился юношею слабым, вполне безвластным, немощным, не имевшим не только влияния в народе, но даже и "умеренного от него почтения". Естественно, что при всех этих условиях хунзахская победа не принесла ханскому дому никакой существенной пользы: [17] шариат продолжал распространяться, закрался даже среди хунзахцев, где главнейшим его сторонником и последователем был Гамзат-бек гоцатлинский, и Кази-мулла на этой плодотворной для него почве не переставал ежедневно стяжать новые успехи 15.

Во время пребывания Корганова в Хунзахе он получил от Кази-муллы ответ на свое письмо. Имам писал ему, что не понимает, в чем могут обвинять его русские, которым он не принес никакого вреда и нимало не чувствует себя перед ними виновным. Он соглашался приехать ни свидание с Коргановым, с тем однако, чтобы безопасность и неприкосновенность его была обеспечена выданными ему аманатами, и в заключение объявлял, что намерен отправиться в Мекку с несколькими своими последователями и испрашивает для этого заранее свободный пропуск. Корганов не мог не порадоваться этой податливости и поспешил выехать из Хунзаха в Дженгутай, чтобы там, при помощи хана мехтулинского, увенчать переговоры с Кази-муллою полнейшим успехом. Едва он проехал Гоцатль, как убедился, что Али-бек пригрозил ему не попусту и слово свое сдержал: невдали от этого селения поезд Корганова был встречен партией аварцев в триста человек, под предводительством Гамзат-бека, которая частою перестрелкою преследовала его до переправы через Койсу. Только удобный брод, избранный

Коргановым по предварительному наставлению Ахмет-хана мехтулинского, спас его и конвой, быть может, от совершенного истребления. В Дженгутае Корганов убедился, что ошибся в расчете, и что Кази-мулла его обманул, чтобы только затянуть время, а с тем вместе довершить свое возрождающееся влияние в горах и также [18] сблизиться с Чечнею, которая сама пошла к нему на встречу после новых его воззваний, разосланных вслед за землетрясением.

Податливые на всякую глупость чеченцы, а с ними и кумыки, прежде всех других уверовали, что землетрясение было наказанием божиим, испрошенным Кази-муллою за несоблюдение ими шариата, и поспешили покаяться в своем заблуждении. Жители деревни Андреевой даже заблаговременно разорвали всякую связь с нашим господством и начали выселяться — не давая себе самим пока отчета, куда и зачем стремятся 16. Хотя главнокомандующий и приказал генералу Розену 4-му распространять в народе совершенно противоположные слухи, а именно, что землетрясение ниспослано Богом горским народам за неблагонамеренные их поступки против русского правительства, и надеялся этим путем отторгнут от Кази-муллы его последователей 17, но такая песня не дала никакого отголоска, и командующий войсками на левом фланге должен был обратиться к другим мерам. Он составил отряд из 800 человек Московского и Бутырского полков, 300 линейных казаков, с двумя конными орудиями и четырьмя легкой № 2 роты 22-й артиллерийской бригады, поручил его полковнику Ефимовичу и велел ему появляться с ним, сообразно обстоятельствам, от кр. Внезапной к укреплению Казиюртовскому и Таш-Кичу, показывая этим жителям, что войска наши всегда готовы подавить малейшее смятение. Вместе с тем он возложил на Ефимовича наблюдение за тем, какое влияние произведено на народ землетрясением и воззваниями Кази-муллы. Для усиления отряда барон Розен 4-й держал наготове остальных людей [19] Московского и Бутырского полков, до 300 линейных казаков и легкую .№ 3 роту 14-й артиллерийской бригады.

Ефимович начал свои экскурсии и во всех пунктах нашел положение дел не совсем для нас выгодным. Владельцы в деревне Андреевой, находясь под страхом все еще продолжавшегося (в последних числах марта) землетрясения, поголовно и явно обратились к шариату — кроме поручика князя Чопана, наружно показавшего себя противником этого учения. Они строго исполняли установленные Кази-муллою правила и секретно принуждали к тому своих подвластных, которые, следуя их наставлениям, уничтожили виноградное вино, перестали курить табак, запретили женщинам выходить на рынок для торговли и проч. Расположив отряд у Хасавюрта, на реке Ярык-су, полковник Ефимович собрал андреевских владельцев и старшин и выяснил им нелепость предвзятых ими предрассудков, а также и весь вред от них. Они выслушали, поддакнули и разошлись. Среди аксаевских владельцев он нашел то же самое, что и у андреевских. Только подполковник князь Биераслан и четыре брата Гамышевы, жившие в деревне Муса-Аджи, оставались по-видимому в нейтральном состоянии; все же прочие были явно под влиянием внушений Кази-муллы. Прискорбнее всего было то, что и. д. кумыкского пристава полковник князь Муса Хасаев оказался более всех других зараженным страхом, суеверием и шариатизмом. Он то и дело сообщал народу свои сновидения, предсказывая по ним светопреставление, собирал мулл, разводил с ними разные бредни и уговаривал народ руководиться шариатом. Ему не противоречили, но на собрании, бывшем 21 марта, которое созвал Хасаев, большинство заявило свое требование, чтобы пристав, если следует шариату, не освобождал бы от повинности людей богатых, а если по шариату этих [20] повинностей отбывать не следует, то избавил бы от них и всех остальных. Положение Хасаева стало довольно затруднительным. Чтобы выйти из среды двух огней, он сложил с себя

официальные обязанности, передал их салатавскому приставу отставному подпоручику Каниалову и сам уехал домой в Аксай. Донося об этом Ефимовичу, он оправдывал крайнюю необходимость такой меры страданиями, причиненными ему во время землетрясения обрушившеюся на него саклею. Барон Розен был вполне доволен отказом от должности ненадежного на этот раз Хасаева и назначил на его место 43-го егерского полка штабс-капитана Арешева. В костековском владении хотя жители ничего не предпринимали, но все были под страхом. У качкалыков явного брожения не было, но шариат процветал, и происходили постоянные сношения с чеченцами. Ауховцы все приняли шариат и определили штраф за нарушение его.

Полковник Ефимович узнал, что аксаевцы, качкалыковцы и ауховцы обязаны установлением у них шариата усердию герменчукского кадия Мустафы, почитаемого умнейшим человеком. Он призвал к себе этого кадия и потребовал от него объяснения. Мустафа заявил, что горцы, стекаясь к нему из разных мест, требовали от него наставлений, как им соблюдать шариат, и он написал во все соседние общества об этом письма, но ничего вредного для правительства в них не высказывал. Удовлетворившись пока этим ответом, Ефимович отпустил Мустафу домой, но велел достать одно из его писем и иметь за ним особое наблюдение 18. Письмо почтенного кадия было вовсе не такое безгрешное (приложение VII), как он объяснял его полковнику Ефимовичу. В смысле разъяснений [21] правил шариата оно было весьма важно и кроме того до такой степени внушительно, что в самом непродолжительном времени привлекло к новому учению большинство чеченцев. Противустать такому общему брожению можно было не иначе, как разрушив основательно и доказательно все положения Мустафы, начертанные им в его воззвании, и генерал-лейтенант барон Розен 4-й попробовал это сделать посредством своего контр-воззвания к чеченскому народу (приложение VIII); Мустафе же сообщил, что если он желает доказать преданность нашему правительству, то чтобы распространил в народе другое воззвание, в котором опровергнул бы все то, что сказал в первом, и внушил бы населению, что оно должно быть верно данной присяге, исполнять приказания начальства, не слушать Кази-муллу и его сообщников (т. е. другими словами, самого Мустафы), и если оно этого не исполнит, то будет сочтено вне русского закона и покровительства 19. Как взглянул на это требование умный Мустафа — сведений нет, и о том можно только догадываться; а что касается чеченцев, то они поступили совершенно противно тому, что нам желалось и нами от них требовалось. Бейбулат Таймазов, живший в это время в Чечне под нашим покровительством, сообщал об этом барону Розену так:

"Многие чеченцы приходили ко мне и уговаривали сделаться шариатистом, согласно приглашению Кази-муллы в письме его, писанном к горским народам; но я отказался. Тогда чеченцы послали и имаму трех депутатов: из. Герменчука — Авко Унгаева, объявившего себя в прежних годах имамом и прощенного Ермоловым в 1826 году, и из среды мичиковцев — Абду Шанаева и муллу Таги Ашфитова. Депутаты эти просили Кази-муллу прибыть со своими последователями в Чечню и ввести в ней шариат, а тех, которые бы не [22] хотели сделаться шариатистами, равно всех приверженных русскому правительству — разорить".

Дальше Бейбулат оказался ничего незнающим и уверял, что те жители, за которых он поручился, пока еще не приняли шариат, но легко может быть, что примут его, чуть только Кази-мулла покажется в Чечне, так как их нельзя будет ему удержать в послушании по случаю болезни, не позволяющей ему отлучиться из дома 20.

Чтобы получить дополнительные сведения о свидании и разговоре чеченской депутации с Кази-муллою, барон Розен отправил в Гимры одного из весьма преданных нам аксаевцев Аташа. Последний без труда добился аудиенции имама, выдумав для этого предлог, что имеет дело, по которому неправильно пострадал, и желает услышать заключение о нем от святого угодника, основанное на шариате, а затем получить письмо к аксаевскому кадию. Кази-мулла тотчас проник замыслы Аташа, но принял его ласково и удовлетворил. Когда же собеседник его коснулся проповедания им шариата, сущности этого учения и всего прочего, а потом перешел к чеченцам, то умный и хитрый имам объяснил ему, что он действительно принимал чеченских депутатов в десяти верстах от Гимры, которые приглашали его в Чечню и просили уговорить койсубулинцев содействовать взаимно друг другу в случае движения в их края русских войск, но он отказал им и в том, и в другом на том основании, что чеченцы непостоянны, нет никакой пользы иметь с ними дело, и никакого толку от того не выйдет. Он прибавил, между прочим, что Авко показывал ему фирман султана, которым чеченцы в 1824 году были призываемы к [23] нападению на русских и к низвержению их власти 21. В заключение имам жаловался на мусульман, что они забыли закон, не слушают его советов и не умели его понять, хотя он он сулил свободу. Находившийся тут же во время разговора его родственник 22 подтвердил все, что говорил "праведник", прибавив, что, разочарованный всеми неудачами, эфенди намерен уехать в Турцию. Аташ ухватился за эту мысль и просил в тот же день родственника довести до сведения Кази-муллы, что он предлагает ему себя в проводники, надеется благополучно проехать с ним по краю при помощи своих кунаков и за счастье сочтет, если в этом случае удостоится доверенности святого человека. Ответ он получил на другой день, и в нем было выражено, что имам подумает, а Аташ может явиться за решением в другой раз.

Понятно, что Кази-мулла не сказал Аташу ни одного слова правды, и это лучше всего подтвердилось действиями Авко. Когда он возвратился в Чечню после свидания с имамом, то тотчас послал повсюду призыв для прибытия жителей в Маюртуп. 4-го апреля, после того, как чеченцы единогласно приняли основные правила шариата из-под пера Мустафы герменчукского, в Маюртупе собралась масса народа даже из отдаленнейших углов страны. Среди благоговейной тишины мулла прочитал письмо имама, привезенное чеченцам их депутатами, в котором тот объяснял, что теперь пока не может приехать по случаю большого снега и пребывания русских войск у деревни Андреевой, но когда соберет свое собственное полчище, то [24] двинется к р. Койсу и о времени выступления уведомит чеченцев, которые должны будут тогда к нему присоединиться. По словам Кази-муллы, войск у него наберется столько, что "начало их будет у р. Койсу, а конец на месте". Затем, чеченцы приглашались, в виду близкой кончины света, строго следовать шариату, приготовиться и запастись оружием и лошадьми. Они не заставили себя ждать, и тотчас начали снаряжаться, даже устраивать значки для отдельных сотен. Все они единогласно толковали о шариате, о дружелюбном житье мусульман вообще и о беспрепятственном пользовании повсюду выгодами земли. В последнем случае ичкеринцы прежде других применили разговоры к делу и допустили на свои пастбищные места безвозмездно массы андийских баранов. Авко, не щадя сил, день и ночь разъезжал по деревням, в десятый раз перечитывал слушателям письмо Кази-муллы и торопил их, объявляя, что на днях они должны будут собраться и двинуться навстречу имаму. В виду всех этих тревожных сведений, генерал-от-кавалерии Емануель приказал барону Розену составить отряды из войск левого крыла и полков 1-й бригады 14-й дивизии при крепостях Грозной и Внезапной, иметь в резерве на Тереке полки 2-й бригады с легкой № 2

ротой, но никаких неприязненных действий не предпринимать, если крайняя нужда того не потребует.

Сообщение Кази-муллы в письме к чеченцам, что он выдвинется на Койсу, ясно указывало на то, что он ожидает присоединения к нему койсубулинцев, которые интересовали не мало и нас самих. Сообразив эти известия, а вместе с ними и другие о вновь выказавшейся неблагонадежности эрпелинцев и каранайцев, и усматривая, что койсубулинцы до сих пор не высылают своих старшин с изъявлением нам преданности, г. л. барон Розен [25] пришел к заключению, что Кази-мулла разглашением своим о поездке в Турцию лишь морочит нас, отводит наши глаза от настоящих своих целей, а койсубулинцы видимо с ним в сношениях и ожидают наступления весны и корма в горах для скота, чтобы перегнать их туда с плоскости, а затем, так сказать, откланяться нам. На этом основании он приказал полковнику Ефимовичу, усилив отряд Тенгинским полком, прибывшим в д. Андрееву, двинуться к Сарыкамышу и Тишикли, отстоявшим в 35 верстах от Андреевой и верстах в 9 и 15 от Шуры, захватать пасшихся там койсубулинских баранов и отогнать их в безопасное место, а койсубулинцам дать знать, что если они будут покойны и откажутся от Кази-муллы, то бараны им будут возвращены; в противном же случае они их никогда более не увидят. 23.

Наконец, и Корганов также убедился, что хитрый имам только дурачил его. Обещав сначала приехать к нему на свидание, он оттягивал его под предлогом, что не получил окончательного решения по вопросу о поездке в Мекку, а когда это решение последовало в благоприятном для него смысле, стал выдумывать новые отговорки. В то же время он приступил к укреплению завалами селения Гимры, оттуда направился в глубину Койсубу и рассчитывал проехать в Анкратль — но не прежде, как попытавшись по пути еще раз склонить на свою сторону ханшу Паху-бике. Попытку эту она описывает в письме к Корганову следующим образом:

"Послушный мой сын маиор Корганов! Я советуюсь с тобою насчет Кази-муллы. После отъезда твоего я получила письмо от него, в коем изъясняет, что я значительная особа нынешнего времени, и ежели я не буду противоборствовать ему в предприятиях касательно [26] религии магометанской, то кроме меня никто не будет из владельцев Дагестана препятствовать ему. Я божусь пред тобою алкораном (писал имам), что ни в чем не буду изменять тебе, буду служить. Ты не дружись коротко с кафорами (неверными); за выгоды мирских благ не изменяй вере. Я послала к Кази-мулле одного из ученых и приказала сказать, что я принимаю его предложение и даю слово в дела религии не вмешиваться и по мере возможности этому способствовать; а если ты точно желаешь сдержать свое слово — приезжай ко мне секретно, мы здесь посоветуемся. А буде ты меня боишься и не веришь мне, то приезжай с своими учениками к подошве Арахтау, я же с моими служанками и слугами приеду туда к селению Цатаных. Желание Кази-муллы есть примириться, а если я успею уговорить его на свидание со мною, то, угостив его, надеюсь кончить его жребий. Когда же не успею я в сем предприятии, то есть у меня в Унцукуле 10 человек мне приверженных и 5 человек в Балаканы, на которых я могу положиться. Они несколько раз приезжали ко мне, предлагали свои услуги и брались исполнить все предложения, какие только будут мною им сделаны — даже если бы они были сопряжены с опасностью жизни. Да ведомо тебе будет, сын мой, что койсубулинцы в неприязненных своих предприятиях ко мне и к российскому правительству несомненно тверды, и потому желательно бы было мне, чтобы, в случае примирения с ними или заключения каких-либо условий, предварительно снеслись бы со мною — в чем вас уверить могу, что вы ничего не потеряете, ибо Абу-Муселим, Сулейман-паша, Аслан-хан, Сурхай и сын

его Абу-Султан еще не испытали бедствия неприятеля. Строго запретите жителям Казанищ, Эрпели, Караная и прочим, чтобы койсубулинцев не принимали в местах своих; равно нужно созвать в Андрееву салатавских старшин, чтобы и они не принимали к себе койсубулинцев".

Донося об этом графу Паскевичу, Корганов спешил уверить, его "что между горскими владельцами нет для правительства нашего полезнее Паху-бике аварской, когда она не в связи с прочими вольными обществами, и [27] нет вреднее, когда она в согласии с ними". Поэтому, согласно предначертанию фельдмаршала, Корганов просил его послать к ней благосклонный отдав и 500 червонцев 24. Что же касается до своих сношений с Кази-муллою, то об этом он писал:

"Домогательства мои по предначертаниям вашего сиятельства насчет добровольной явки Кази-муллы в Тифлис сделались уже тщетными".

И далее:

"Сын шамхальский Абу-Муселим получил письмо от койсубулинцев, что у них общее собрание и к 1-му числу сего месяца 25 прибудут ко мне в Казанище депутаты. Полагать должно, что все сие делается умышленно, чтобы, выиграв переговорами время, успеть угнать скот и стада, пасущиеся на плоскостях тарковской и андреевской, и потом действовать по желанию. Почему, согласно распоряжению ген. лейтенанта барона Розена, я намерен чрез мехтулинцев отогнать стада их к Торкали 26), задержать депутатов и требовать от них в совершенной покорности обеспечения".

Не только койсубулинцы, но даже и мехтулинцы становились подозрительными. Корганов писал:

"Ахмет-хан мехтулинский, по отважному духу и приверженности к нашему правительству, хотя храбрится, но сомнению подлежат и его подвластные".

Потеряв всякую надежду заманить хитростью Кази-муллу в расставленные ему тенета, Корганов перешел к более решительным приемам. По просьбе его, Ахмет-хан отправился в Чечню к казанищенскому наследному владельцу Рази-бею Хаспулату, с которым, "по [28] ненависти его к русским, имам был в сношениях и питал к нему доверие" — чтобы уговорить его или доставить нам Кази-муллу живого, или хоть его голову. Прибыв к Рази-бею, он именем главнокомандующего обещал ему за это крупные почести и всевозможные награды. Рази-бей согласился на предложение, и тотчас выехал в Гимры, но что он там сделал — выдал ли Кази-мулле Ахмет-хана, ила просто потерпел неудачу — покрыто мраком неизвестности и составляет тайну одного Рази-бея.

В то самое время, когда Кази-мулла восстановлял свою прежнюю силу, власть и влияние в народе, и когда генералы Емануель, Розен и маиор Корганов доносили о явном нерасположении к нам горцев, об уклонении их от покорности и о сомнительном поведении, обещавшем близкое новое восстание, генерал-маиор фон-Краббе сообщал сведения диаметрально противоположные, основанные, между прочим, преимущественно на письмах к нему Аслан-хана, Сулейман-паши, акушинского Магомет-кадия, а также на донесениях дербентского коменданта полковника Розенфельда и воинского начальника кр. Бурной маиора Ивченко. Эти сведения даже и теперь, спустя слишком 50 лет, могут ввести в решительное заблуждение самого холодного и спокойного исследователя старины, а в то

время они и подавно могли сбить с толку всякое лицо, заинтересованное в событиях и в особенности ответственное за положение края.

Краббе доносил в половине апреля 27:

"Кази-Магомет имеет ныне пребывание в кутане, лежащем в 9-ти верстах от деревни Гимры, а товарищ его мирза Джемал-Улубдин 28 проживает в Цудахаре; но тот и другой никаких предприятий против правительства не имеют. Учение Кази-Магомета, [29] охотно принятое многими деревнями, начинает изменяться, и слепое доверие к нему народа почти превратилось в ненависть; многие из жителей явно оказывают негодование за потерю родственников, убитых аварцами.

Хотя и не решаюсь я полагаться на жителей дагестанских и считать прочным как водворенное спокойствие, так и ослабление влияния в народе от учения Кази-Магомета, но, по вышеизложенным сведениям, подтверждаемым посылаемыми в разные места лазутчиками, распоряжение мое ограничивается содержанием на своих местах в совершенной готовности отряда, предназначенного вашим сиятельством".

Сущность замечательных в своем роде документов, на которые опирается фон-Краббе, состоит в следующем:

"Кази-Махмед — пишет Аслан-хан — склонил на свою сторону человек около 2000 по совету Паху-бике и хотел завладеть Хунзахом, а потом выгнать меня из моего владения и сделать сына Паху-бике в Хунзахе владетелем на моем месте, и здесь, приумножив еще более число своих партизанов, занять Дербент и Табасарань. О таковом предприятии вышеозначенного Кази-Махмеда два человека, по имени Гаджиол и Шамиль, ближайшие к моей матери люди, узнавши, собрали всех хунзахских жителей, поразили и рассеяли все войско его. В сем сражении было несколько собственных моих людей, отправленных туда по своим делам, кои, участвуя в оном против неприятеля, привезли мне сие известие... Уверяю в. пр., что никто из его сообщников не находится уже в моем владении, хотя пред сим было их несколько... Если получу от в. пр. дозволение, предпишу всем аварским старшинам, чтобы не слушали бунтовщиков и не занимались бы никогда подобною глупостью... По разбитии Кази-Махмеда даже его собственные сообщники вооружились против него. Слух носится, что будто бы сам Кази-Махмед убит. 18-го числа месяца рамазана".

Сулейман извещал: [30]

"Недавно произошли между народом смятения, и немногого не доставало, чтобы возгореться сильному возмущению. С прибытием войск все успокоилось, почему будьте спокойны" 29.

Магомет-кадий акушинский уведомлял, на основании сведений, доставленных ему каким-то лазутчиком, а также и Сеидом араканским:

"Газа-Могамед, кажется, обратился к раскаянию; народ ему не повинуется, и всякий, одаренный малейшим рассудком, усмотрел его глупость. Мы с самого начала, когда только услышали о ней, не приняли его сторону; равно ни один из жителей Дерке 30 не последовал глупой и обманчивой его вере, ведущей за собою возмущение между народом и нарушающей спокойствие и безопасность в деревнях. Удивительно чрезмерно, как может народ последовать его примеру; он будет тогда глуп подобно ему. 25 числа рамазана".

Письмо это переведено с арабского 27 апреля.

Нет основательного повода сказать, чтобы все эти три письма представляли из себя какую-то мистификацию; скорее должно думать, что, по миновании грозы, Аслан-хан, Сеид и пр. успокоились и к дальнейшим явлениям уже относились безучастно и крайне беспечно. В то же время, считая Кази-муллу простым авантюристом и глупцом (как уверял Магомет-кадий), весьма мало им интересовались, вследствие чего сообщили Краббе первые попавшиеся под руку сведения, даже совершенную чепуху (как Аслан-хан), лишь бы отделаться от него и исполнить его требование. Притом, все эти письма видимо запоздалые, и генерал Краббе, представляя их 16 апреля, этим только доказал, что совершенно был незнаком с течением событий в крае, вверенном его наблюдению и управлению.

Между тем, в весьма недальнем расстояния от [31] этого края и от самого генерала фон-Краббе в это время происходило следующее: в виду затягивания койсубулинцами переговоров, а также сведений доставленных Корганowым об их скрытных целях, полковник Ефимович 18-го апреля выступил с отрядом 31 из д. Андреевой. Переправившись при с. Костек через р. Сулак, он получил от маиора Корганова известие, что тот пошлет Ахмет-хана успокоить эрпелинцев насчет движения наших войск и поэтому просит до времени остановиться. 19 числа Корганов уведомил Ефимовича, что стада койсубулинцев находятся уже близь Ах-Тюбе и Кара-Тюбе, в одном большом переходе от правого берега Койсу, где расположился отряд. Ефимович тотчас выступил к ущелью Исы-су, открывающему путь через хребет гор, простирающийся от Чир-юрта в Тарки, и узнав тут, что стада пасутся в равнинных местах, отправил князя Чопана и прибывшего от маиора Корганова князя Умалата, с 70 кумыками, к гумбетовским кошам, а казаков — в Кара-Тюбе и Ах-Тюбе. В шесть часов пополудни, 20 числа, отряд прибыл к с. Капчугай, сделав в один переход почти семьдесят верст. Если бы Ефимович не шагнул так молодецки и опоздал на один только день, он не увидел бы вовсе баранов. При всей поспешности движения, Ефимовичу даже и в данную минуту удалось захватить только 3000 штук баранты, сто лошадей, немного рогатого скота и при них десятка два пастухов. Остальной же скот и люди, благодаря любезной предупредительности Абу-Муселима и его содействию, оказанному койсубулинцам вместе с эрпелинцами и каранайцами, были уже в глубине гор. [32] Корганов, узнав об этой изменнической проделке шамхальского сына, и желая поселить явную вражду между мехтулинцами и койсубулинцами, поручил Ахмет-хану двинуться по следам угнанных стад и задержать их. Это распоряжение увенчалось отнятием у койсубулинцев еще пяти тысяч баранов, до 20-ти голов рогатого скота и с ними 25-ти пастухов. В числе их, между прочим, были стада, принадлежавшие аварцам и гергебильцам. Весь трофей разделен надвое: одна половина его сдана на сбережение маиору Ивченко, а другая — Ахмет-хану.

По случаю вновь выразившейся измены Абу-Муселима, полковник Ефимович, по требованию Корганова, послал к нему в Кафыр-Кумык, для охранения спокойствия, 100 егерей, 2 орудия и 150 казаков, а с остальными войсками двинулся в Казанище, чтобы удержать жителей этого селения, равно эрпелинцев и каранайцев, от присоединения к койсубулинцам. Прибытие наших войск предупредило намерение "послушных подданных" Абу-Муселима, и, по вызову Ефимовича, эрпелинцы и каранайцы явились на этот раз с повинною и дали подписку, в лице кадиев и старшин, что прекратят всякие сношения с койсубулинцами, не примут от них никаких продуктов и с своей стороны не будут снабжать их хлебом и солью. После этого Ефимович с отрядом возвратился в д. Андрееву 32.

Обо всех этих событиях маиор Корганов донес г. м. фон-Краббе и выразил свое мнение, что если покорности со стороны койсубулинцев не последует, то необходимо иметь в сборе часть войск на границе их владений. Разделяя это мнение, Краббе предписал полковнику Мищенко и подполковнику фон-Дистерло выступить с шестью [33] ротами и тремя орудиями в с. Параул, а Мищенко, кроме того, присоединить к себе сотню казаков и 50 табасаранцев из деревни Ибрагим-бека карчагского, с племянником его Али-Султан-беком. По принятии обоих отрядов в свое ведение, Мищенко должен был всеми мерами содействовать Корганову в привлечении койсубулинцев к покорности.

Если до сих пор отношения к нам койсубулинцев были подозрительны и натянуты, то после бараньего пассажа они стали явно недружелюбны и породили с ними у нас целую возню. Эрпелинцы не замедлили сообщить койсубулинцам о последних событиях, а также о необходимости склониться перед русскими и, по настоянию одного из своих владельцев, князя Улубея, советовали, чтобы и они дали нам аманатов. Койсубулинцы созвали тотчас поголовное собрание и поставили вопрос о том, как им поступить. После шумных прений, среди которых большинство стояло за неприязненные против нас действия, они наконец решили одобрить поведение эрпелинцев, так как иначе они поступить не могли, и вопрос о борьбе с русскими разрешить в утвердительном смысле только тогда, когда присоединятся к ним аварцы, с которыми у них заключен был оборонительный союз на случай движения в их земли русских войск. Гонцы немедля поскакали в Аварию, где, в свою очередь, собрался народ и опять-таки при постановке решения разделился надвое: одна половина, меньшая, с Нуцал-ханом во главе, совсем отказалась от участия в делах койсубулинцев, а большинство решило этот вопрос условно, а именно: посоветовать им выдать нам аманатов и содействовать к взаимному примирению, а, в случае нашего отказа или и особенности дальнейших неприязненных действий, примкнуть к койсубулинцам и помочь им. Ханша Паху-бике не замедлила [34] сообщить Корганову, для донесения главнокомандующему, о происходившем собрании, но о решении большинства умолчала, и уведомила только о заключении, принятом ее сыном и его приближенными, приписав его всему народу. Сообразив все это, койсубулинцы, за исключением лишь жителей селений Гимры и Ашильты (Ишальты), дали знать маиору Корганову через Абу-Муселима, что отрекаются от Кази-муллы, соглашаются выдать аманатов и изъявить покорность, но не иначе, как на тех условиях, которые ими были выговорены когда-то через Мехти-шамхала. Корганов, по его словам, "зная характер их и желая понизить спесь гордого и ничтожного сего народа", поручил самому Абу-Муселиму вести переговоры на следующих условиях: 1) искренняя преданность и верность русскому правительству; 2) прекращение разбоев и хищничества, а также разных сборищ и ополчений, которые доселе часто существовали; 3) отречение от Кази-муллы и ему подобных; 4) доставление в аманаты лиц взрослых, женатых и почетных — из Унцукуля четырех человек, из Балаканы двух, из Араканы двух, из Гимры двух, а из остальных по одному 33.

Койсубулинцы задумались. Замедление их подало повод генералу барону Розену 4-му предполагать, что они намерены сделать нападение на ближайшие к Таркам деревни и угнать тамошний скот, чтобы этим поквитаться с нами и вознаградить себя. Для предотвращения такого случая он составил отряд из 400 чел. пехоты, с двумя пешими и двумя горными орудиями, 300 казаков и ста кумыкских всадников и, поручив его командиру Моздокского казачьего полка подполковнику Скалону, направил его 28 апреля [35] из д. Андреевой в с. Торкали, отстоявшее в 18 верстах от резиденции шамхала Тарки, приказав находиться там до

прибытия в Параул или Казанище отряда полковника Мищенко; маиору же Ивченко он велел командировать на усиление войск Скалона еще 300 человек пехоты, с двумя орудиями.

Оставив койсубулинцев состязаться с русскими на поприще переговоров, и обеспеченный относительно их посредничеством своего приятеля и сообщника Абу-Муселима, Кази-мулла, окружив себя двадцатью преданными ему муталимами, продолжал свое дело среди ближайших горских обществ, которые, примирившись с хунзахскою неудачею, опять принимали его сочувственно. Одного же из своих друзей, удостоенного некогда званием шиха, Шабана, он отправил в Анкратль для удержания от выдачи нам аманатов обществ Таип, Тебель и других, которые изъявили покорность через белаканского старшину Мамеда Муртузали-оглы и обещали выслать их по открытии в горах дорог. Шабан был уроженец общества Бохнады, из деревни Хунада, и имя его уже пользовалось среди глуходар достаточною известностью, поэтому он быстро успел уладить дело имама среди своих ближайших соплеменников. Утвердившись на время в своей родной деревне Хунада, он послал прежде всего воззвание к джарцам, приглашая их присоединиться к святому делу и быть готовыми явиться по первому зову под знамя Кази-муллы, а затем обратился к анкратльцам. Он скоро убедил последних в том, что всякое повиновение русским составляет преступление против веры, и они, "дав ему обещание восстать против неверных, когда от них это потребуется", отменили свое обещание о высылке нам аманатов. Таким образом, побуждение их к покорности исчезло так же быстро, как неожиданно родилось. Джарская же молодежь, [36] увлеченная ожиданием всяких выгод, предвозвещенных Шабаном, в особенности огорченная февральским событием — отнятием нами у джарцев твердыни и заложением крепости, весьма охотно протянула руку проповеднику, и если только незаметно было пока нигде явного нарушения порядка, то потому, что он продолжал охраняться некоторыми старшинами и опытными в обществах людьми, изведавшими уже всю горечь разных неудач своего народа. Для общего соединения Шабан назначил курбан-байрам (праздник жертвоприношения Авраама), припадавший около 25-го мая. Исполнив свою задачу, он отправился к Кази-мулле, "чтобы вместе о ним начать решительные действия. Г. м. кн. Бекович-Черкаский, тотчас по получении сведений о похождениях Шабана, отправил к анкратльцам Мамеда Муртузали-оглы и прапорщика Сосия Андроникова и поручил им возвратить отложившиеся общества на точку прежнего их благонамеренного решения 34.

Одновременно с этим на противуположном горизонте в духе Шабана усердно содействовали целям имама некоторые другие его приверженцы, среди которых преимущественно и в особенности продолжал подвизаться затмевавший их всех своею ученостью и популярностью мулла Мустафа герменчукский. Не ограничиваясь первым своим воззванием, он разослал по всем углам Чечни и частью в Дагестан еще одно, хотя во всем тожественное с предыдущим, но более сильное, убедительное и грозное. Рядом с ним изощрялся и Авко — но в усилиях своеобразного и противуположного свойства. Желая испытать прочность произведенной им подготовки в народе с политической точки зрения, он в конце апреля кликнул ему тревогу и объявил выступление навстречу Кази-мулле, [37] будто бы придвигавшемуся к Чечне. По этой тревоге в один день собралось четыреста человек, которые, осенив себя значками, двинулись в поход. По мере их следования, к ним приставали десятки других почитателей шариата, и скопище быстро увеличилось до весьма солидных размеров. Видя такой успех и сообразив, что можно им воспользоваться для наживы и хорошей добыча, а также для укрепления своей власти и приобретения неограниченного доверия среди соплеменников, Авко предпочел, вместо объявленного, им будто бы присоединения к имаму, разграбить деревню Андрееву или

отбить у кумыков стада. Остановив свое войско у старого Аксая, он объявил ему это намерение. Но в толпе нашлось не мало людей гораздо более его благоразумных, которые отказались от подобного сумасшедшего предприятия, так как сочли вполне нелепым бесполезно отдавать себя на расправу русского отряда, стоявшего у Андреевой. С ними согласились все прочие — и разбойничьи наклонности Авко на этот раз остались неудовлетворенными. Так как известие о приближении имама к Чечне было им конечно вымышлено, то ничего не оставалось более, как объявить, что имам неожиданно прислал ему приказание присоединением к нему повременить. Так Авко и сделал, а затем распустил свое скопище по домам, приказав ему быть готовым к новому сбору с наступлением курбан-байрама, так как имам прибудет именно в это время и должен быть встречен населением со всеми подобающими ему почестями. Противоречия ни от кого не последовало.

Когда эти сведения дошли до ген. лейтенанта барона Розена, он тотчас составил один отряд при кр. Грозной, под своим личным начальством, из 800 чел. Московского и 400 чел. Тарутинского пехотных полков, шести орудий легкой № 8 роты 14-й артил. бригады и 200 [38] казаков, с двумя конными орудиями, и другой при кр. Внезапной, под командою командира Бутырского пехотного полка полковника Дурова, из частей вверенного ему полка, шести орудий легкой № 2 роты 22-й артил. бригады и 250 казаков, с двумя конными орудиями. Полки 2-й бригады 14-й дивизии и артиллерию подвинул он на места полков 1-й бригады и расположил по станицам от Моздока до сел. Паробачевского, сформировав из них таким образом третий отряд, который вверил генерал-маиору Каханову 2-му. В самой же крепости Грозной образован был еще небольшой отряд из остальной части Московского пехотного полка и четырех орудий, под командою командира 43 егерского полка полковника Сорочана, который должен был предупреждать набеги чеченцев в этой стороне. Для подкрепления, в случае надобности, этого отряда назначен Бородинский пехотный полк, расположенный в ст. Наурской. Не думая предпринимать никаких боевых действий без крайней необходимости, барон Розен приказал Дурову и Каханову, в случае появления в Чечне Кази-муллы, выдвинуться к немирным аулам и придержать население на местах его жительства 35.

Но Кази-мулла не торопился пока ехать в Чечню, приверженностью которой был обеспечен весьма достаточно, а выжидал в Дагестане разрешения койсубулинского вопроса. Последний же, благодаря нашей нерешительности и деликатности, а также противодействию нашим видам Абу-Муселима, складывался пока для него к лучшему. Не проходило дня, чтобы Абу-Муселим не устраивал в казанищенских мечетях поголовные собрания для суждения о текущих делах. Результатом этих совещаний било возвращение эрпелинцев и казанищенцев к прежнему образу их [39] действий, который ясно доказывал нам уже в сотый раз, как ничтожны для этих людей всякие присяги, явка с поданною и т. д., и как скоро оне забываются. Чтобы в действиях своих развязать себе руки, жители этих двух деревень, а за ними шуринцы и некоторые другие, вывезли свое имущество в Эрпели и погнали все свои стада, равно и абу-муселимовские, в койсубулинские трущобы. Вместе с тем Абу-Муселим отправил 1-го мая к Скалону, будто бы для приветствия, чанку Айдемира, поручив ему собрать сведения о численности отряда. Когда подполковник Скалон узнал о столь рановременной перекочевке стад, то не мог не придти к заключению о скрытных и неблаговидных против нас намерениях шамхальцев, и пятого мая перевел отряд в Казанище. Расположив его у переправы через реку Озен (Эзень), он этим удержал от перегона в горы те стада, которые еще паслись на плоскости; одновременно с тем он послал предложение Ахмет-хану занять с мехтулинцами хребет, через который казанищенцы могли иметь сношения с койсубулинцами.

Все это еще более возмутило жителей селений обоих Казанищ, и они дошли до такой дерзости, что даже решили произвести 7-го мая нападение на лагерь Скалона. Узнав об этом, Ахмет-хан поспешил предупредить его и посоветовал перейти к Параулу, куда сам не замедлил прибыть с Сулейман-пашою, в сопровождении таркинской и табасаранской конной милиции. Таким образом, нападение было предотвращено. 8-го мая прибыл в Параул и отряд подполковника фон-Дистерло. Присоединив к себе войска Скалона, Дистерло выступил с ними в Казанище. Когда он поравнялся с этим селением, жители подхватили свои семейства и стали уходить по койсубулинской дороге. Остановив соединенные отряды между Эрпели и Казанище, Дистерло отправил кавалерию возвратить бегущих и потребовал к себе [40] двух кадиев и четырех старшин. Уличив их в неблагонамеренности казанищенцев, которою они постоянно отличались в течение десяти лет, он задержал вызванных им лиц у себя аманатами и потребовал еще десять семейств по назначению Сулейман-паши.

Эрпелинцы, приняв в свои объятия казанищенцев, тотчас приступили к укреплению селения завалами. Владетельный князь эрпелинский Улубей, не будучи в состоянии успокоить их, бежал под покровительство наших штыков, оставив в селении детей и имущество, которых ему не позволили взять с собою. 11-го мая эрпелинцы отправили в наш лагерь лазутчика для разведок, замаскировав его миссию предложением порции для солдат. Дистерло, проникнув их замыслы, приказал им ответить, что "русские солдаты не нуждаются в пособии мужиков и получают от своего Государя все, что им нужно; правительство же требует от эрпелинцев не порций, а безусловную покорность и усердие". В заключение он приказал лазутчику передать эрпелинцам, что знает о их приготовлениях и намерениях и дает 24 часа срока для явки к нему кадия и старшин; если же они в назначенное время не прибудут, то с жителями будет поступлено как с непокорными.

Затруднения, встреченные нами среди казанищенцев и эрпелинцев, были последовательно сообщаемы Скалоном и Коргановым генерал-лейтенанту барону Розену, который, по первым от них сведениям предписал полковнику Дурову двинуться с отрядом из Внезапной к с. Торкали и по прибытии туда отправить обратно баталион Московского полка, с двумя пешими орудиями, обеспечив заранее переправу через р. Сулак высылкою из Казиюрта к д. Костек ста человек егерей и 50 кумыков. Колонна эта должна была присоединить к себе одно орудие из числа [41] двух, назначенных к баталиону Московского полка, и. охранять стада, отнятые у койсубулинцев и находившиеся на костековских полях. Кроме того, Дурову было велено — в случае надобности присоединиться к отряду полковника Мищенко, а если бы обстоятельства того не потребовали, то оставаться в Торкали до распоряжения Мищенко и вообще до улажения всех дел с койсубулинцами. Получив эту инструкцию, Дуров немедленно двинулся по назначению и 12-го мая прибыл в лагерь подполковника фон-Дистерло. Так как суточный срок, назначенный эрпелинцам для высылки кадия и старшин, уже истек, то решено было двинуться к Эрпели, чтобы не дать времени жителям окончательно укрепить селение и получить секурс от койсубулинцев. Но предположение это не состоялось, так как старшины, во главе с кадием Гасаним-Магома, которого прислала Паху-бике в Эрпели после хунзахского дела, прибыли в лагерь и еще раз принесли повинную, представив также и четырех аманатов. Каранайцы, с своей стороны, прислали письменное заявление о покорности, объявляя, что они отрекаются от эрпелинцев и готовы исполнить все наши требования 36.

Но эти уверения были сущею ложью, и Кази-мулла далеко уже перевешивал нас в доверии и искренности к нему наших затаенных недоброжелателей. В то самое время, когда эрпелинцы

и каранайцы уверяли нас в своей покорности, они были в постоянных и весьма подозрительных сношениях с койсубулинцами, а именно с гимрынцами, унцукульцами и ашильтинцами, приготовившимися поголовно "к поднятию знамени бунта", и обязались снабжать их всяким продовольствием. Надежды Кази-муллы росли очень быстро,— и действительно, каждый день [42] доставлял ему приращение его единомышленников, "приходивших к нему толпами и обещавших умереть или истребить русские войска". Эрпелинцы и каранайцы не действовали пока открыто только потому, что не видели к тому предлога, но "положили под присягою защищаться до последней крайности", если бы нога хоть одного нашего солдата показалась в их селениях. Сам Улубей, в письме к г. л. барону Розену, удостоверял, что "на эрпелинцев нельзя иметь надежды, и они всегда готовы изменить нашему правительству". В доказательство их явного расположения к Кази-мулле он приводил тот факт, что когда имам прислал в Эрпели своего агента, и Улубей его арестовал — жители собрались поголовно, освободили его и отпустили домой 37. И зная все это, мы однако продолжали, так сказать, любезничать с этим народом, вымогая у него бесполезную, мнимую и вовсе ненужную нам преданность. Понятно, что при таких обстоятельствах койсубулинцы продолжали затягивать с нами переговоры и этим, может быть, даже невольно давали возможность Кази-мулле воспользоваться временем и постепенно привлечь к себе вновь старых своих последователей. Грустнее всего, что в этом случае помог ему совсем нечаянно один из преданнейших нам людей — все тот же эрпелинский Улубей. Желая исполнить главнейшее стремление нашего начальства, оказать нам громадную услугу и тем отличиться перед нами, он ,,с большим трудом подкупил двух гимрынцев, чтобы они убили Кази-муллу". 4-го мая они подстерегли его при выходе из Гимры и сделали по нем дружный залп. Но увы! ни одна пуля не зацепила угодника. Конечно, эти оба неудачника скрылись с своими семействами под защиту и покровительство князя Улубея и [43] вознаграждения никакого не получили, а Кази-мулла, по распространившемуся тотчас известию о чудесном спасении его от смерти, вырос в глазах правоверных на целый аршин сразу и в несколько дней приобрел себе последователей даже и в среде тех, которые до сих пор громогласно отвергали в нем избранника божия. Таким образом, медвежья услуга Улубея и его сообщников принесла нам столько же ущерба, сколько пользы и славы нашему опасному противнику 38.

Наконец, главнокомандующий увидел, что такой порядок вещей к добру не поведет, и приказал г. л. барону Розену и г. м. фон-Краббе открыть наступательные действия в земли койсубулинцев, арестовать Кази-муллу и наказать гимрынцев и унцукульцев. Для этого назначались, кроме действовавших уже отрядов, и войска вверенные полковнику Мищенко, который должен был выступить с ними 15-го мая и к 20-му числу, т. е. незадолго до праздника курбан-байрама, в соединении с другими отрядами, под общим начальством г. л. бар. Розена, подступить к убежищу имама и предупредить его поездку в Чечню, где он должен был окончательно устроить свое дело. Но и при этом бесповоротном решении не обошлось без всякого рода оттяжек и без того снисхождения и уступок, которые не раз на деле доказали нам всю их бесполезность. Прибыв в крен. Внезапную, генерал-лейтенант барон Розен вызвал к себе — должно быть, согласно совету Паху-бике — салатавских и гумбетовских старшин, и навел справки об отношениях их обществ к Кази-мулле. Старшины объявили, что он присылал к ним воззвание, в котором предлагал восстать и присоединиться к койсубулинцам, но они благоразумно ему в том [44] отказали. Чтобы фактом подтвердить свою преданность, старшины просили разрешения остаться им при начальнике отряда и содействовать покорности койсубулинцев. Барон Розен, не анализируя всесторонне эту просьбу, которая

могла иметь целью наблюдение за ходом дел и умытие рук, если бы гумбетовцы и салатавцы в отсутствие своих представителей примкнули к имаму, не только изъявил на желание старшин согласие, но даже находил, что их присутствие при войсках обеспечивает ему спокойствие Гумбета и Салатавии. Мало того, предпринимая движение для решительных и окончательных расчетов наших с гимрынцами, командующий войсками, следуя повелению графа Паскевича, поставил однако себе в обязанность,— по соединении всех отрядов употребить возможные средства к покорению гимрынцев и заарестованию возмутителя Кази-муллы без неприязненных действий и прибегнуть к оружию только в случае неуспеха 39.

Не забыты были в общем ходе дел и непосредственные соседи койсубулинцев — акушинцы, имевшие с ними постоянные мирные сношения. В интересах наших необходимо было знать, как посмотрят они на наш разрыв с койсубулинцами, и можем ли мы и на этот раз быть покойны насчет Акуши. Для этой цели в лагерь полковника Дурова был вызван Магомет-кадий и ему объявлено, "чтобы койсубулинцев считать неприятелями и прекратить с ними всякого рода сообщения". Кадий послушно принял это предложение, но при этом попросил дозволить ему войти в сношение с столь близкими для акушинцев соседями и посоветовать им прислать аманатов и исполнить наши требования. И тут, как во всех других случаях, не найдено ничего предосудительного: кадий уехал с полным [45] согласием Дурова и повез с собою условия, объявленные уже Коргановым 40. В заключение барон Розен поставил себе еще один вопрос: что будет тогда, если при движении отрядов в Гимры к койсубулинцам присоединятся эрпелинцы, каранайцы, в особенности казанищенцы и все другие соседние горцы? Вопрос этот он сам же и разрешил следующим образом: тогда придется уж действовать против всех восставших обществ, и конечно встретить разные неудобства, которые и затруднят успех в предприятиях. А чтобы знать, будут ли действительно эти неудобства, он сообщил свое мнение маиору Корганову и потребовал от него заключения. Ответ Корганова был успокоительный, и барон Розен двинулся наконец 15-го мая с отрядом, стоявшим у Внезапной, в шамхальские владения 41. На другой день он прибыл к с. Эрпели и, пройдя его, соединился с отрядом полковника Дурова и расположился лагерем. Этот соединенный отряд состоял из рот полков 14-й пехотной дивизии — Московского, Бутырского, Тарутинского и 21-й дивизии Куринского (до 4 т. штыков), сотен Моздокского, Гребенского и Семейного казачьих полков (свыше 500 шашек), 6-ти орудий легкой № 3 р. 14 артил. бригады, 4-х легкой № 3 роты 21-й артил. бригады, 6-ти леткой № 2 роты 22-й артил. бригады, 4-х конно-артиллерийской казачьей № 6 роты, шести кегорновых мортирок, 350 дагестанских, преимущественно шамхальских, и 64 кумыкских всадников, с Сулейман-пашою, полковником Сурхай-ханом и другими владельцами. 21-го мая к этим войскам присоединился и отряд полковника Мищенко, из 1200 штыков Апшеронского полка, ста коней донского казачьего № 13 полка и трех орудий [46] легкой № 3 роты 21-й артиллерийской бригады, увеличивший собою силы генерал-лейтенанта барона Розена до шести тысяч человек.

Комментарии

1. См. "Кавказский Сборник" т. XI.

2. Отзыв гр. Паскевича к гр. Чернышеву 7 марта № 140,

3. За эту экспедицию Сурхай-хан и Ахмет-хан получили ордена св. Анны 2 ст., а Махмет-хан чин поручика.

4. Рапорты гр. Паскевичу ген. лейтенанта барона Розена 25 февраля и 7 марта №№ 42 и 53.

5. Донесение маиора Корганова 17-го марта № 17.

6. Д. арх. окр. шт., 1 отд. ген. шт., 1830 г., № 37.

7. Донесение Корганова 5-го марта № 10.

8. Донесение барона Розена гр. Паскевичу 27-го марта № 99.

9. Там же.

10. Донесение Корганова гр. Паскевичу 18-го марта, № 21, из Акуши.

11. Донесения Корганова 28-го марта и 1-го апреля №№ 25 и 29.

12. Из донесения Карганова гр. Паскевичу 26-го мая 1830 г. № 100.

13. Д. арх. окр. шт., 2 отд. ген. шт., 1830 г., № 30.

14. Д. арх. окр. шт., 1 отд. г. шт., 1830 г. № 68.

15. Донесение маиора Корганова 10-го апреля 1830 г. № 32 и отзыв гр. Паскевича к ген. адъют. гр. Чернышеву 7-го мая № 252.

16. Донесение гр. Паскевичу г. от к. Эмануеля 28-го марта 1830 г., № 289.

17. Предписание б. Розену 27-го марта, № 169.

18. Донесение гр. Паскевичу барона Розена 27 марта 1830 г. № 97.

19. Донесение барона Розена 31 марта № 110.

20. Рапорт барона Розена гр. Паскевичу 27 марта № 99.

21. Должно быть, тот самый фирман, который поднял на ноги Бейбулата и был читан им в Чечне при собрании народа.

22. Вероятно, это был гимрынец Доудил-Магома, бывший эрпелинский кадий, а, может быть, и Шамиль, который в это время постоянно и неотлучно при нем находился.

23. Донесения гр. Паскевичу 7 и 24 апреля №№ 117 и 139.

24. Донесение 2-го мая № 64.

25. Донесение писано 15-ге апреля № 38.

26. Кум-Тер-Кале или правильнее Кум-Торкали — селение в шамхальстве. Кум — значит лесок, а Торкали — название нескольких селений; значение слова неизвестно. (Сб. стат. свед. о Кавказе, т. 1).

27. Рапорт гр. Паскевичу 16-го апреля № 70.

28. Т. е. Джемал-Эддин.

29. Месяца и числа под этим письмом в переводе не означено.

30. Деревня в даргинском обществе, где Кази-мулла склонял жителей к принятию своего учения.

31. Часть Московского, Бутырского и Тенгинского пехотных полков и 100 человек 43-го егерского (всего 1297 чел.), казаки моздокского казачьего, гребенского и семейного войск (285 ч.), орудия легкой № 2 роты 22-й арт. бриг. и конно-казачьей № 6 роты (всего 6 орудий).

32. Донесения гр. Паскевичу маиора Корганова и г. л. барона Розена 22-го и 24 апреля №№ 139 и 49.

33. Донесения гр. Паскевичу г. л. б. Розена 27-го апреля № 133 и маиора Корганова 26-го и 30-го апреля №№ 54 и 57.

34. Донесение г. м. кн. Бековича гр. Паскевичу 3 мая 1830 г. № 7.

35. Донесение гр. Паскевичу г. л. б. Розена 4 мая 1830 г. № 149.

36. Донесения г. л. бар. Розена 8 мая № 187 и м. Корганова 12 мая № 81.

37. Донесение гр. Паскевичу г. л. бар. Розена 15-го мая № 225.

38. Донесение маиора Корганова 12 мая 1830 г. № 82.

39. Донесение г. л. барона Розена 15-го мая № 225.

40. Донесение гр. Паскевичу м. Корганова 12-го мая № 81.

41. Донесение барона Розена 15-го мая № 225.

Текст воспроизведен по изданию: Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник, Том 12. 1888

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

ВОЙНА НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

С 1824 ПО 1834 г.

В СВЯЗИ С МЮРИДИЗМОМ

XII.

Положение в Дагестане сторон, заинтересованных текущими событиями. Подступ отряда к селению Гимры и действия его. Покорность койсубулинцев. Фанатические происки сподвижников имама в Чечне. Военные предположения на 1830 год и общий план покорения на Кавказе горских племен. Деятельность Кази-муллы среди чеченцев. Всенародный скандал в Дагестане по случаю арестования, по проискам маиора Корганова, сына шамхала тарковского Абу-Муселима. Последствия этого события. Распоряжение гр. Паскевича. Раскрытие преступных деяний маиора Корганова. Положение Кази-муллы. Действия прапорщика Корганова. Поступок барона Розена 4-го. Перемены в личном составе главных начальников. Награды представителям аварцев. Состав отряда в северном Дагестане к концу года и роспуск его на зимние квартиры.

Лишь только соединение отрядов обнаружило наши цели, т. е., другими словами, показало, что пора любезностей миновала, и дело доходит до серьезных расчетов, общества и отдельные лица, заинтересованные событиями, напрягли все свое внимание и приступили к разного рода мероприятиям и ухищрениям, кто какие считал для себя более выгодными. Кази-мулла, с гимрынцами, унцукульцами и вообще койсубулинцами из других деревень, которых набралось до 600 человек, приступил к поспешному укреплению селения Гимры и приведению его в возможно сильное оборонительное положение. Затем, он устремил свои [47] взоры на Аварию. Зная все нерасположение к нам аварского ханского дома и тяготение к себе населения, он забывал на этот раз свою хунзахскую неудачу и распрю с Паху-бике и, во имя святого дела, т. е. противодействия завоеваниям неверных, приглашал ее к оружию. По указанию его руки, туда же, к ханше, направились и предложения некоторых отдельных обществ, в особенности тех, на которые успел повлиять преданный имаму ших Шабан. Письма эти получены ею и ее сыном "от унцукульского кадия, от старшин, духовенства и всего народа джунд-калалальского" (Карата), от общества андалальского и от Нур-Махмеда "гараханского, управляющего обществом кавадинским" (Куяда). Эти письма как нельзя более проливают свет на тогдашнее отношение к нам дагестанских обществ и на интриги против нас в Аварии, которая, с усердным тогда приверженцем имама Гамзат-беком и многочисленными сподвижниками сего последнего, наделала нам бездну хлопот, преимущественно в Джаро-белаканской области. Унцукульский кадий писал:

"Мы наверное узнали, что нарочный, отправленный неблагонамеренным русским сардарем, старается завладеть нашими сторонами и горами. Вам известно, что настоящая их цель состоит в вас, в доме вашем и во всех тех, кои вам подчинены. Часть их войск вошла уже в наши земли, где произошло столкновение между нами и ими. Если это делается без вашей хитрости, то нужно вам принять меры, обнажить саблю, выставить ваши победоносные шатры, дать знать поспешно всем мусульманам и доказать вашу помощь как можно скорее".

Второе письмо, заключая в себе почти то же самое, разнообразится лишь следующими заявлениями:

"Вам нужно прислать к нам нарочного, чтобы все до единого выступили для прославления нашей веры. Хотя мы имеем аманатов в руках сих проклятых русских, но мы не будем на это [48] смотреть, ибо тот, кто поступает неприятельски с мусульманами, делается противником Богу".

В третьем письме было сказано:

... "Просим вас приготовиться и выступить к нам на помощь, когда будет сражение; Бог даст нам успех в обуздании неприятеля и попрании его ногами. Сии проклятые явились в окрестностях наших деревень. Мичиковцы и чеченцы пришли к нам и обещали, что число их войск простирается до нескольких тысяч человек храбрых и знающих. По получении сего письма немедленно выступите, ибо мы имеем всякое право сражаться и помогать. Непременно поспешите, так как уже время выступить и начать войну. Медленность в выступлении не принесет никакой пользы".

Кадий же Нур-Махмед, свидетельствуя ханше свое почтение, извещал ее, что еще пока не выступил против русских, но выступит не иначе, как с Нуцал-ханом, когда ей угодно будет его прислать к нему — для чего предварительно дать знать ему с нарочным. Письмо заключалось словами: "мы будешь жертвовать нашею головою ради вашего сына". Но мудрая и лукавая

правительница не отвечала на эти письма никому, таила про себя свои замыслы и считала за лучшее выжидать, чем все это кончится, и на чьей стороне останется преимущество и победа. Однако в то же время она не прочь была, оставаясь в стороне от всякого влияния, допустить еще раз своих подвластных к гласному выражению их настроения и желания, которые были столь необходимы для ее соображений в случае какого-нибудь кризиса. Большинство койсубулинцев выражало видимую наклонность к примирению, тем более, что главному их достоянию, т. е. стадам, грозила явная опасность и, в случае их потери, материальная и имущественная сторона их быта являлась непоправимою. Но они, так сказать, о честью желали выйти из своего затруднения, т. е. остаться все-таки самостоятельными и [49] независимыми и даже отвоевать себе особого правителя, подобно шамхальцам, аварцам и проч.— в лице Абу-Муселима. Кази-мулла в этом случае, т. е. в наклонности их к примирению с нами, не мешал и не препятствовал им, понимая все свои личные выгоды, если койсубулинцы достигнут своей цели; он только наблюдал, чтобы они не перешли границ своей уступчивости. Что касается Абу-Муселима, то, нет сомнения, что он, в виду тех же целей, даже готов был оказать нам всякие услуги, тем более, что это его примиряло с нами и побуждало нас простить ему и забыть все его недавние козни и вредные против нас деяния. Аварское население видимо готово было поддержать своих соседей койсубулинцев, а чеченцы оставались пока спокойны, в ожидании, подобно ханше, "какое следствие будет иметь возмущение гимрынцев".

Вот на какой ночве главные лица драмы стояли с нами лицом к лицу.

19-го мая командующий войсками левого крыла кавказской линии генерал-лейтенант барон Розен 4-й произвел рекогносцировку трех дорог к деревне Гимры: правой через Каранай, средней, ближайшей — через высоту Тау-юль и левой, проходившей сперва на Ирганай, и потом сворачивавшей к Гимры по тесному ущелью. Рекогносцировка показала, что убежище Кази-муллы, которое он в эти минуты решился защищать сам, представляло слишком мало данных для быстрого и успешного овладения им. Селение лежало между утесистых скал, и хотя движение артиллерии на хребет по правой и средней дорогам до самой вершины казалось возможным, но во-первых, с чрезвычайными затруднениями, а во-вторых, при двойной запряжке; левая дорога была недоступна. Спуск же с каменистого хребта представлял все крайние неудобства: справа, над Койсу, пролегала только тропа для [50] одного пешего человека; посередине была необыкновенная крутизна, которая допускала движение лишь горных орудий — и то после тщательной ее разработки, а левый спуск, ниспадавший зигзагами, хотя и имел некоторую отлогость, но был доступен для артиллерии только при содействии людей и воротов и опять-таки после усиленной и усердной разработки. Словом, чтобы достигнуть имамского гнезда, необходимо было преодолеть все те природные преграды, борьба с которыми была тяжелее самого штурма. Два последние спуска сходились в ущельи, ведущем в Гимры, перегороженном громадным каменным завалом, осмотреть который подробно было нельзя, потому что с нашей стороны он был прикрыт особою возвышенностью, отделявшеюся от главного хребта. Во время рекогносцировки произошла небольшая перестрелка, ясно доказывавшая, что защитники Гимры пока не думали оставаться в долгу у нас. С нашей стороны ранен один шамхальский милиционер.

Вслед затем койсубулинцы неожиданно прислали письмо на имя Сурхай-хана, в котором предлагали свою готовность вступить с нами в переговоры. Сурхай был тотчас отправлен к ним и вскоре возвратился, доставив барону Розену письменные условия, которые ему вручили

койсубулинские депутаты. Хотя на этот раз условия оказались более сообразными с нашею целью чем прежде и давали надежду на взаимное соглашение, но командующий войсками, внимательно вникнув в них, все-таки нашел, что они для нас не вполне выгодны. Из них он вывел заключение, что они не могли быть писаны иначе, как под влиянием наставлений Кази-муллы, и что в случае наступления отряда к Гимры, все койсубулинцы не откажут ему в содействии. "Желая сколь возможно воспрепятствовать соединению койсубулинских деревень с гимрынцами, барон Розен тотчас вручил их маиору Корганову и [51] поручил ему вести переговоры на основании указаний, преподанных ему фельдмаршалом, и предложений, сделанных койсубулинцам месяц назад. В то же время он приказал подполковнику Скалону приступить к разработке дорог в убежище Кази-муллы и отправил письмо к койсубулинским депутатам, а также воззвание к народу и ко веем остальным горским обществам, в том числе и к аварцам, от которых у нас были аманаты, но солидарность которых с койсубулинцами всегда была возможна. Корганов же, с своей стороны, послал письмо к Кази-мулле с эрпелинским жителем Муртузали, который был в его скопище во время похода в Аварию. Но, как видно, письмо не подействовало, и имам дал на него бессодержательный и уклончивый ответ — хотя, по словам Корганова, смутился при чтении его и заявил посланному, что "не знает, что ему делать, а отдаться русским боится" 1. В ожидании результата от разосланных воззваний и писем, барон Розен решил продолжать рекогносцировки по всем направлениям, чтобы, утомляя бдительность возмутителей и заставляя их быть в сборе, затруднить их продовольствие. Наконец, согласно с волею графа Паскевича, он поставил своею обязанностью ждать терпеливо результатов этих мероприятий и прибегнуть к оружию в самом крайнем случае — хотя, по ого убеждению, следовало бы без замедления уничтожить селение Гимры, "служившее гнездилищем смут" 2.

В воззвании койсубулинцам требовалось то, что уже предложено им было в апреле: принести присягу на верноподданство, не давать убежища возмутителям (т. е. Кази-мулле и его сообщникам) и выдать аманатов из [52] хороших фамилий. В особом же письме на имя койсубулинских депутатов, в ответ на представленные ими через Сурхай-хана условия, командующий войсками разрешил им вести переговоры при посредстве Абу-Муселима, согласился не брать аманатов от всех селений вообще, а только от Гимры, Унцукуля, Араканы и Ирганая и склонялся к принятию тех обязательств, какие были даны некогда койсубулинцами шамхалу Мехти-хану. Письмо это он заключил так:

"Ежели вы желаете получить отбитый ваш скот, который по нынешнему времени года может быть истреблен, поспешайте повиновением вашим великому Государю всероссийскому. Положение ваше вам самим известно, что вы, лишась плоскостей, где стада ваши ходят зимою, и свободного сношения с соседними вам местами, придете в крайнее разорение и ничтожество".

В воззвании к прочим горским народам, в том числе и к аварцам, было сказано:

..."Да известно будет вам, что правительство российское, приняв от вас аманатов в залог пребывания вашего мирными, ручается всегда за спокойствие и безопасность вашу. Полчище Кази-муллы-Магомы, под предлогом учения веры, хитростью его для принятия в руки браздов правления составленное, потрясло спокойствие многих и совратило мирных жителей с пути истины. Правительству нашему нельзя было быть равнодушным насчет обще-вредного того поступка, и великому Государю, принявшему Аварию под сильную свою защиту, невозможно оставить без внимания событие сие. Великодушные правила убедили главнокомандующего,

против народу, последовавшему по неведению за Кази-муллой, объявить чрез посланного его сиятельством маиора Корганова и самому Кази-Магоме, что если он явится к его сиятельству — поступок его будет предан забвению, и безопасность его, при хорошем содержании, будет обеспечена. Нарушитель общественного спокойствия, отвергая предложения сии разными отговорками, с одной стороны уверен, что он против правительства нашего ничего не [53] предпринимал, а с другой — возмутительные его письма, перехваченные нами, изобличали его во лжи. Вот святой нынешнего времени! Поступки сии заставили человеколюбивое правительство наше обратиться к справедливому мщению, предписанному и священным писанием. Я уверяю вас, горские жители, что отряд сей не имеет другой цели, как наказать нарушителя порядка и место, где он имеет пребывание. Вы же оставайтесь спокойными. Каменистые и бесплодные жилища ваши нас не обольщают, и в верности нашей удостоверяют нас несколько сот человек аманатов ваших. Победоносные войска наши не потревожат мирное жительство ваше".

Воззвание это к аварцам было отправлено с владельцем полковником Сурхай-ханом, которого барон Розен снабдил между прочим письмом к Паху-бике, прося ее возвратить Сурхаю его холопов. Последнему было поручено узнать также о настроении и намерениях аварского народа. Вместе о ним отправлен был "испытанный в верности к нашему правительству и многоуважаемый горцами приверженец наш Гусейн-хан, с тем, чтобы доставил нам вернейшие сведения о всем происходящем в Аварии". Посланные прибыли в Хунзах как раз в то самое время, когда там происходило народное собрание, "и ханша Паху-бике секретно сама принадлежала к сему сборищу". Когда она узнала, что приехали Сурхай и Гасан, "то тотчас отдала секретное приказание, чтобы до отъезда их собрание отменить". Но приказание ее, по несвоевременности ли его, или по другим причинам, не достигло цели, и собрание все-таки состоялось. Гусейн-хану удалось быть его личным свидетелем, и услышать решение народа, заключавшееся в том, чтобы наконец подать помощь койсубулинцам. Тогда Гусейн обратился к находившимся там сыновьям "первостатейных аварских узденей Али-бека и Аджиева" и спросил у них: [54]

— Каким образом аварцы, будучи облагодетельствованы русским правительством, отправив в Петербург депутатов и дав в залог верности своей аманатов, решаются восстать против русских?

Спрошенные отвечали:

— Аварцы покорились с тем, чтобы русские войска никогда не входили ни в Аварию, ни к койсубулинцам. Но как они готовятся ныне вступить в койсубулинские деревни, то аварцы находят себя обязанными вспомоществовать койсубулинцам, нимало не дорожа ни посланными в Петербург депутатами, ни выданными аманатами.

В действительности оказалось, что нечем было и дорожить, так как предусмотрительная Паху-бике выдала нам в аманаты, под видом почетных аварских беков, таких лиц, которые не имели ни малейшего значения и влияния в народе и принадлежали или к простым холопам, или к числу разбойников, укрывавшихся от кровомщения. Осторожная ханша уклонилась от всякого свидания с Гасаном, и пока никакого ответа барону Розену ни на воззвание его, ни на письмо к ней не послала, придерживаясь в этом случае раз предвзятой ею политики выжидания 3.

Тем временем, разработка дороги к с. Гимры продолжалась и 21-го мая была доведена почти до левого спуска, который предполагалось отделать собственно для артиллерии. В этот же

день Абу-Муселим был отправлен для переговоров с койсубулинцами и предложил им, между прочим, выдать в число аманатов: от унцукульцев — старшого сына Али-Султана, а от гимрынцев — главного сподвижника Кази-муллы кадия Доудил-Магому. Взамен их он обязывался дать койсубулинцам в [55] заложники, по примеру своего отца, родного брата своего Махмет-бека, при чем объявил, согласно приказанию Розена, что до выполнения народом всех наших требований вершины гор заняты будут нашими войсками. Последнее условие было для койсубулинцев крайне неприятным, тем более, что у них распространился слух, будто мы намерены построить в Эрпели крепость и, по их мнению, конечно не построим, если им удастся заставить нас удалиться. Может быть, они незадолго перед сим и переварили бы в себе как-нибудь эту неприятность, но на этот раз поступили несколько иначе, потому что к ним вдруг подошли из разных деревень толпы вооруженных жителей в числе до двух тысяч человек, а также услышали они, что аварцы готовятся с своей стороны поддержать их. При таком счастливом обороте для них дел, они сейчас же набрались духу и решимости, ободрились и заиграли назад: они выслали навстречу Абу-Муселиму трех своих депутатов, которые объявили, что народ до тех пор не вступит в переговоры, пока поставленный на высотах наш отряд не сойдет обратно вниз; пока им не возвратят баранов и пленных, и пока Абу-Муселим, в обеспечение всего этого, не выдаст им в аманаты своего брата. При этом депутаты присовокупили, что, сойдя в ущелье, русские не должны наказывать гимрынцев, иначе все койсубулинцы возьмутся за оружие.

Барон Розен увидел, что начинается неожиданный обмен ролей, и что положение его становится затруднительным. Уклоняясь по-прежнему от решительных действий, он опять прибегнул, вместо оружия, к перу и послал койсубулинцам вообще и гимрынцам в частности новые воззвания. Первым он писал:

"Войска на горе нисколько не препятствуют вам представить требуемых от вас аманатов. Действия войск предназначены [56] противу тех, кои отвергнут наши предложения. Представьте аманатов — и войска наши сойдут с горы, а до того времени они останутся на оной. Медленность в исполнении требований моих открывает мне истинное ваше намерение: вы надеетесь на ущелья ваши и на толпу собравшуюся к вам. Безрассудные! Будучи теснимы войсками нашими в ямах ваших, доколе можете продовольствовать себя! Голод и недостаток заставят вас раскаиваться, но страшитесь, чтобы раскаяние не было поздно. Не думайте, чтобы ваши нужды не были нам известны: вы существуете и обогащаетесь продажею продуктов жителям Кизляра и покорных деревень; ваши каменистые ямы не могут достаточно снабжать вас хлебом; ваши бараны, в особенности в зимнее время, не могут обходиться без пастбищ на плоскостях. Спешите исполнить немедленно предложения мои и, еще повторяю вам, не принуждайте принять меры, которые будут для вас тягостны. Повторяю, что войска не сойдут с высот, отряд останется на месте; и что один выстрел со стороны вашей или гимрынцев заставит меня приказать стрелять по вас из пушек. Покорность безусловная и немедленное исполнение требований доставят вам спокойствие".

Гимрынцам последовало воззвание в том же роде, даже почти слово в слово такое же; но в конце его барон Розен обращался непосредственно к Кази-мулле:

"Ты, Кази-мулла, проповедующий, как говоришь народу, исполнение обрядов магометанского закона! Ответствуй: дозволяет ли закон вам восставать против могущества, которому вы не в силах противуборствовать, и от коего зависит ваше существование? Не долг ли твой, если намерения твои чисты и сообразны с законом, проповедуемым тобою, удерживать народ от

бедствий, кои его ожидают — когда надолго запрется в своих бесплодных местах и раздражит кроткое правительство"? 4.

Отправив эти воззвания, барон Розен принял меры к тому, чтобы прекратить доставку койсубулинцам всякого [57] рода продовольствия и уничтожить сношение с соседями; с тем вместе он усилил и свои действия относительно деревни Гимры. Продолжая быстро разработку дороги до среднего и левого спусков, он поставил на высоте две батареи для прикрытия работ, так как гимрынцы не переставали стрелять из завалов, возведенных под этою высотою, и ранили у нас двух милиционеров; подполковник же Скалон, произведя рекогносцировку хребта вправо, нашел возвышенность, с которой деревня Гимры совершенно открывалась в расстоянии пушечного выстрела. Барон Розен решил воспользоваться этою находкою и возвести здесь также батарею, которая могла иметь значительное влияние на уступчивость и сговорчивость гимрынцев. Наконец, по неимению горной артиллерии, он приказал разобрать несколько полевых орудий и приготовить их для спуска вниз на канатах, с помощью воротов, в деревянных корытах, окованных железом. К этой последней мере он решил приступить на другой же день, если бы не получил от койсубулинцев удовлетворительного ответа на свое воззвание 5. Но на утро пошел сильный дождь, который прекратил работы, а к вечеру койсубулинцы надумались и прислали ответ, что согласны дать аманатов. Тогда 25-го мая Абу-Муселим был снова отправлен к ним и, после длинных разговоров, успел получить четырех аманатов от Унцукуля и, к удивлению, даже двух от селения Гимры — но только не кадия Доудил-Магому, которого мы так ревниво желали; им же Абу-Муселим отдал в залог своего младшего брата. С этого дня перестрелки с гимрынцами прекратилась; содействовавшее им скопище разошлось, и партии, спешившие из разных мест на помощь к койсубулинцам, были остановлены и возвращены обратно ими [58] самими. Абу-Муселим, по приказанию барона Розена, успел склонить трех старшин из Унцукуля и двух из Гимры прибыть к нам в лагерь и принести присягу на верноподданство. Это имело решающее влияние и на другие деревни, которые тотчас последовали примеру двух главных представительных и руководящих своих обществ. Мало того, к покорившимся койсубулинцам присоединились жители селений Караная, Эрпели, Ишкарты и даже Гергебиля, которые также были приведены к присяге в присутствии Абу-Муселима и терского кизлярского войска есаула Филатова. Пять гергебильских аманатов были отправлены в кр. Бурную, так как они считались заложниками слишком важными и не могли быть оставлены внутри приведенного в покорность края. Всем, принявшим присягу, было объявлено, что так как с этой минуты они считаются подданными русского Государя, то не должны давать убежища врагу нашего правительства Кази-мулле, во избежание строгого наказания. Старшины обещали исполнить это обязательство. После этого старшины были одарены деньгами и отпущены домой, с приказанием явиться через семь дней за получением своих стад в кр. Внезапную. Срок этот был необходим барону Розену для получения соответственных приказаний гр. Паскевича. Всеми этими успехами мы преимущественно были обязаны Абу-Муселиму, "особенное усердие которого, готовность содействовать нашим целям и энергическое исполнение требований" барона Розена заставили последнего отозваться о нем весьма лестно в донесении графу Паскевичу.

"После этого, писал командующий войсками, можно надеяться, что спокойствие в здешнем крае водворено, если не надолго, так по крайней мере на некоторое время" 6. [59]

Против последнего выражения барона Розена фельдмаршалом поставлены на донесении два знака — вопросительный и восклицательный.

Спокойствием и покорностью неожиданно повеяло даже из Хунзаха. Всегда любезная к нам на словах и на бумаге ханша Паху-бике, узнав о совершенном примирении с нами койсубулинцев и в особенности гимрынцев, сочла своевременным и необходимым, вместе с своим сыном, ответить не только барону Розену на его воззвание и письмо, но даже и известить Корганова о своей беспредельной преданности русскому престолу. Мало того, ханша оказалась на этот раз даже чрезмерно миролюбивою и доброжелательною к нам, для чего не пощадила репутации всех лиц и обществ, обращавшихся к ней за помощью, и препроводила на распоряжение Розена письма, полученные ею в половине мая от унцукульского кадия и от других. Эта умная, но дикая женщина, омраченная избытком лукавства и вероломства, вполне была уверена, что барон Розен все уверения ее примет за совершенно чистую монету; но донесение этого генерала не подтверждает такого заключения 7. Нуцал-хан писал к Корганову:

... "Не смотря на похищение войсками вашими баранов, лошадей, оружия и пастухов у аварских жителей, мы старались не допустить их подать помощь сообщникам Кази-муллы... Мы просим, чтобы вы возвратили все похищенное; и если полагаете, что без доклада начальству и главнокомандующему не можете возвратить жителям их имущество, то мы чрез своих посланных о том ему доложим. Я ревностный слуга Государю Императору и принудил всех моих подвластных оставаться в домах своих, так что ни один не выходил из оных; я усмирил равномерно многих, которые не были [60] мне подвластны, и полагаю, что это может почесться надлежащею заслугою. Касательно дела Сурхая я хотя и не нашел ничего в письме вашем, но Гусейн-хан объяснил мне оное изустно. Я отвечал ему, чтобы он перешел на родину свою Сивут и не оставался в с. Мушули, поелику оно принадлежит койсубулинцам, кои суть враги мои" (!).

Нуцал-хан, высчитывая количество баранов, взятых нами у подвластных ему обществ, доводит их до 4300 голов, из которых половина, по его словам, находилась в ведении Ахмет-хана мехтулинского. Повторяя в письме к барону Розену то же самое, он начинает его следующими словами;

... "До получения сего письма вашего я не знал о вашем прибытии в сей край".

Требуя настоятельно возвращения стад, он говорит:

"Маиор Корганов, выискивая разные предлоги, каждый день откладывает возвращение их до завтра. Подвластные мне жителя начинают наконец подозревать в сих поступках обман. Посему, не губите имущества их замедлением, не обижайте сердец мне подвластных и не застаньте их соединиться с мятежниками Кази-муллы".

Мать владетеля, в своем письме, ко всему этому присовокупляет:

"Из содержания письма в. пр. было видно, что дошло до сведения вашего, будто войско аварское, по убеждению возмутителя Кази-муллы и с его помощью, выступает из аварского владения. Но сие совеем несправедливо, ибо аварский народ, оставя нас, никогда не послушает другого, и сын мое Нуцал-хан, с своим войском, до сего времени и после сего есть и будет в непоколебимой верности к Государю Императору. В этом случае вы должны не сомневаться и предотвратить всякие неприятности, могущие произойти от невозвращения народу ограбленных у него баранов с пастухами, лошадей и других вещей — в чем я уверена,

не оскорбите моего сына, [61] преданность коего не безызвестна великому Монарху, и вы узнаете ее из содержания при сем прилагаемых писем, кои написаны некоторыми дагестанскими обществами. Однако мы слышали от народа, что российское войско идет против нас, тогда как мы, кроме усердия и верности к российскому правительству, никакого преступления и измены не сделали. Если же это известие, распространенное неблагонамеренными людьми, окажется справедливым, то мы увидим то, что нам Всевышним определено".

По поводу этих настояний, барон Розен тотчас предписал воинскому начальнику кр. Бурной возвратить стада аварцам, а самые письма поспешил представить на усмотрение главнокомандующего.

Когда генерал Розен подступил с войсками к с. Гимры, Кази-мулла, разослав своих приверженцев за помощью койсубулинцам в разные дагестанские общества и преимущественно в аварские деревни, не упустил из вида и чеченцев. Не доверяя безусловно некогда юродивому Авко, так как он своими действиями доказал имаму, что лелеет замыслы, направленные к личным его политическим видам, но не к общим целям проповедника, Кази-мулла командировал в Чечню жителя койсубулинской деревни Ашильты шиха Абдуллу, с десятью товарищами, снабдив его соответственною инструкциею. Однако он все-таки поручил ему иметь в виду также и Авко и призвать его на всякий случай к услугам на пользу общую. Абдулла, прибыв в ичкеринскую деревню Баян во время празднования курбана, воспользовался этим моментом как нельзя лучше. Он явился в мечеть, приступил к торжественному служению при собрании народа, сбежавшегося из ближних деревень и хуторов, и своим красноречием, а также необыкновенно восторженными телодвижениями дервиша, поразил сердца и глаза слушателей. Все подражали его гимнастике кто как мог, и в [62] заключение, надев на себя белые чалмы, единогласно провозгласили его угодником божьим, а себя самих — смиренными его последователями. Выйдя из мечети, Абдулла приказал зарезать преподнесенных ему для жертвоприношения двух быков и пять баранов и мясо роздал своим новым сподвижникам. На другой день он отправился с ними на гору Кечен-Корт, находящуюся близь селения Завантар, еще раз помолился со всеми вчерашними жестикуляциями и прочитал правоверным проповедь, которая воспрещала горячие напитки и курение табаку, как деяния противные воле аллаха, и указывала на сближавшееся знаменательное время. В заключение он требовал, чтобы из десяти человек один был непременно грамотный — для проповедывания шариата, и чтобы из каждого ичкеринского дыма был выслан на Кечен-Корт один человек с чалмою на голове, хорошо вооруженный и снабженный провиантом. Семейство, которое бы этого не исполнило, должно было, по повелению шиха, внести в виде штрафа на первый раз одного быка. Между прочим Абдулла уверил податливых слушателей, что у него с Кази-муллою существует невидимое святое общение, в силу которого имам, через посредство его воли и мысли, будет знать все поступки чеченцев, как равно он, Абдулла, будет знать все хотения и намерения великого имама. Уверенные в возможности такого чуда, чеченцы пришли в неописанный экстаз. Абдулла же, не тратя напрасно времени, в тот же день разослал воззвания по всей Чечне, призывая население к шариату и свидетельствуя ему, что этого через его особу требует сам Бог и его пророк. К авантюристу Авко он послал особого нарочного для передачи личного поручения Кази-муллы. Авко очень обрадовался случаю быть руководителем нового приключения, тотчас собрал свою четырехсотенную партию, которую недавно [63] распустил до востребования, и явился к Абдулле. Отсюда эти оба деятеля имели намерение направиться на

помощь койсубулинцам прямо через Гумбет, но гумбетовцы выслали к ним навстречу депутата с объявлением, что не пустят их чрез свою землю. Тогда они направились в Маюртуп и, утвердившись там, начали проповедывать шариат и призывать под свое знамя всех чеченцев.

Генерал Розен, получив эти известия от проживавшего в Чечне сына Мехти-шамхала Шабаза и от и. д. главного кумыкского пристава шт. кап. Арешева, приказал сему последнему усилить на главных пунктах караулы, собрать кумыкскую конницу и держать ее в таком месте, чтобы, в случае надобности, можно было отразить нападение чеченцев. Одновременно с этим он предписал Бородинскому пехотному полку выступить из ст. Наурской, следовать через Щедрин к укреплению Таш-Кичу, присоединить к себе из этих пунктов по одному орудию и расположиться вблизи Таш-Кичу лагерем 8.

Все эти события в глазах графа Паскевича по-видимому не имели большого значения, потому что в самый разгар их он не счел нужным не только ожидать их разрешения, но даже находиться поближе к ним. 27-го мая он выехал на линию, поручив общее командование войсками и направление всех дел в закавказском крае тифлисскому военному губернатору генерал-адъютанту Стрекалову, а в Дагестане — начальнику 21-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту князю Эристову. Главный повод к его отъезду заключался в тех требованиях времени, которые с той минуты и далее в течение четырех лет составляют весьма важную страницу и в исторической [64] жизни Кавказа, и в особенности в нашем управлении им. Требования эти вытекали из общего плана военных действий на 1830-й год 9, послужившего основанием для многосложной переписки и разносторонних соображений по покорению на Кавказе враждебных нам племен.

В марте месяце 1830 года управляющий главным штабом Его Величества сообщил графу Паскевичу, что Государь Император, "удостоверенный, что и новому внутреннему беспокойству (т. е. мятежной деятельности Кази-муллы) будет положен скорый конец", соизволил пожелать, чтобы нимало не отлагать военных действий против горцев, начатых в феврале покорением джаро-белаканских племен, и в течение лета и осени, привести в исполнение предначертания относительно одновременного поиска в горы и покорения всех враждебных народов. 10. Главнокомандующий, соображая всю трудность этого предприятия в столь короткий срок, в то же время признавал невозможным приступить к нему ранее сентября, так как войска из Турции могли прибыть на линию только в августе месяце. Что же касается до времени, в которое возможно было окончить задуманный обширный план, то оно представлялось еще более сомнительным и вполне неизвестным, так как на опыте оказалось, что "самые верные расчеты могут быть изменены малейшими неблагоприятными обстоятельствами". В доказательство этого гр. Паскевич приводил перемены, последовавшие в октябре 1829 года, т. е. с того времени, как он сам подал мысль и представил Государю план одновременного и возможно быстрого покорения Кавказа. Перемены эти, по его словам. заключались в следующем: 1) Дагестан находился тогда [65] в покое, но появился Кази-мулла, назвавшийся пророком, и возмутил народы, там обитающие; 2) возмущение Кази-муллы, кажется, писал он, колеблет уже и чеченцев,— и это другое обстоятельство, которое нельзя было предвидеть (!); 3) абхазцы были спокойны, а "теперь до трех тысяч находится их в сборе"; 4) турецкий паша Сеид-Ахмед, находившийся за Кубанью между горскими непокорными племенами, по трактату, заключенному нами с Портою, должен был оттуда удалиться, но он не только продолжал оставаться там, а даже именовал себя "управляющим закубанскими

деревнями и аулами" и был главною причиною всех нападений со стороны закубанцев в течение истекшей зимы.

Далее, в отзыве графа Паскевича к графу Чернышеву излагается тот отчасти своеобразный, но в то же время весьма интересный его взгляд на покорение горцев, который, не будучи передан еще до сих пор в историю, тем настоятельнее вызывает на необходимость всецело с ним ознакомиться. Фельдмаршал говорит:

" Известно, сколь трудно вести войну и горах с народами, обладающими оными и решившимися на упорное сопротивление. Предпринимая покорение горцев, незнающих нас, можно еще надеяться успеха: их можно устрашить и привести в изумление неожиданностью, превосходством войск, оружием и даже с пользою употребить политику, деньги и подарки. Потому, я желал бы лучше, чтобы сии горцы вовсе нас не знали, и чтобы прибытие русских для их покорения было еще к первый раз. Но уже более пятидесяти лет, как они имеют дела с нами, и, к сожалению, были случаи, которые достаточно поселили в них мнение не в пользу нашу. Одна мысль лишиться дикой вольности и быть под властью русского коменданта приводит их в отчаяние. С другой стороны, пятидесятилетняя борьба, без успеха проникнуть в горные их убежища, дает им уверенность, что горы их для нас недоступны. Обе сии причины [66] достаточны побудить их к упорнейшему сопротивлению. Нет сомнения, что мелкие владельцы могут быть покорены видами личных своих выгод; но покорение вольных племен, ни от какой власти независимых, представляет более трудностей. Чем больше я делаю наблюдений и вхожу в познание сих народов, тем более удостоверяюсь, что направление политики и отношений наших к ним были ошибочны и не имели ни общего плана, ни постоянных правил. Жестокость в частностях умножала ненависть и возбуждала к мщению 11; недостаток твердости и нерешительность в общем плане обнаруживали слабость и недостаток силы. Опыт четырехлетнего моего управления оправдал политику мою 12, которая в том единственно состояла, что в частности я был снисходителен, но в общем угрожал твердостью и решимостью, поддерживая притом связи, которые их между собою разделяли. От сего, при всей малости войск наших 13, занятых войною против персиян, а потом против турок, горцы удержаны в покое 14. Исключая набегов частных, ничего важного соединенными силами со стороны Грузии они не предпринимали, не взирая на то, что с 1824 года политика тегеранская и константинопольская не переставала истощать всевозможные средства, дабы возбудить их к всеобщему восстанию и к нападению совокупными силами на границы наши".

Приняв все это в соображение, Паскевич предлагал два плана к покорению горцев. Первый состоял в том, чтобы .,войдя стремительно в горы, пройти оные во всех направлениях". Горцы, по его мнению, не имея ни богатых селений, которые бы стоили того, чтобы защищать их, ни даже прочных жилищ, будут уходить все далее в [67] глубь гор, займут высоты или разбегутся во все стороны, даже сами предадут огню "свои хижины"; но, при удобном случае, не перестанут наносить вред войскам. Этот план, взятый отдельно, фельдмаршал не одобрял, потому что хотя при выполнении его в войсках не могло бы быть большой потери, но, гоняясь, так сказать, за призраком, они бы только утомились и вернулись назад без успеха. Другой план заключался в том, чтобы, войдя в горы, занять выгоднейшие пункты, господствующие над окрестными странами, возвести укрепления для защиты гарнизонов, и, устроив безопасные сообщения, приготовить для будущих кампаний сборные места войскам.

"Таким образом — пишет фельдмаршал — подаваясь вперед с осмотрительностью и покоряя одну область после другой, завоевание горцев будет хотя медленнее, но вернее и

благонадежнее. По сему же плану, собрав первые войска, которые были не заняты, я употребил их для покорения джарских лезгин. На будущее же время полагаю пользоваться обоими сими планами в совокупности, смотря по обстоятельствам... и постараюсь подвинуть линию укреплений далее в Чечню. Когда успею построить там укрепление, тогда можно надеяться, что покорение чеченцев так же совершится, как и джарских лезгин".

В этом состояла задача, начертанная для себя графом Паскевичем относительно покорения края. Из нее истекали и частные предположения его о военных действиях, которые состояли в следующем:

1) Малая экспедиция против койсубулинцев отрядом полковника Ефимовича и другая со стороны Дербента до границ Аварии и далее, если обстоятельства того потребуют.

В описываемое время, т. е. в начале мая 1830 года, эти две экспедиции уже производились, и гр. Паскевич считал покорение койсубулинцев совершившимся фактом — чего, впрочем, в действительности еще не было. [68]

2) Третья экспедиция со стороны военно-грузинской дороги против тагаурцев и джераховцев, в наказание за беспрестанные их нападения. 3) Четвертая со стороны Имеретии против осетин, "обнаруживших неприязненность свою похищением нескольких проезжих грузин и укрывательством хищников". 4) Пятая экспедиция в июле месяце в Абхазию.

Все эти экспедиции граф Паскевич предполагал произвести до возвращения на линию 20-й пехотной дивизии; с прибытием же ее он намерен был предпринять главнейшую экспедицию против чеченцев, для которой имел в виду собрать сорок тысяч войск в один отряд. Решение его относительно этой грандиозной экспедиции сложилось еще в начале года, вскоре по взятии Закатал, вследствие чего в конце марта он предложил командующему войсками на кавказской линии и в Черномории генералу от кавалерии Емануелю, чтобы он, "впредь до удобного для совокупных предприятий времени", ограничился по линии одними оборонительными действиями, а наступательных, без предварительного его разрешения, не предпринимал, "разве в таком токмо случае, когда того потребовала бы крайняя необходимость". Одновременно с открытием экспедиции в Чечне он думал послать другой отряд, не столь многочисленный, со стороны Кахетии, который, пройдя через Хевсурию, направился бы в Чечню или в Аварию, смотря по обстоятельствам; еще один отряд — против кабардинцев и смежных с ними народов; еще один — для прохода из Имеретии в Кабарду через Осетию. Когда же успокоятся абхазцы, то произвести большую экспедицию в горы со стороны Абхазии и в то же время со стороны Анапы.

Таковы были гигантские предначертания графа Паскевича, которые, конечно, хотя он и не ожидал выполнить в [69] одно лето, но от которых отступить не намерен был. Но и при осуществлении их он все же полагал невозможным "считать покорение горцев совершенным, пока постоянные укрепления не будут устроены в важнейших пунктах и снабжены достаточным гарнизоном" 14.

План этот был Высочайше одобрен и главнокомандующему разрешено для выполнения его воспользоваться прикомандированными к корпусу 20-ю и 14-ю пехотными дивизиями 15.

Граф Паскевич выехал из Тифлиса не дождавшись Высочайшего утверждения его предположений и сделав необходимые распоряжения на основании соображений, предложенных ему Его Величеством еще в конце минувшего [70] года. Уезжая, он был уверен,

как выше замечено, что дагестанские, а в особенности джаро-лезгинские затруднения порешены 16, а остающийся какой-то пустой бараний вопрос возможно будет покончить барону Розену 4-му без всяких хлопот. Удаление его от места событий на восточном Кавказе повело, конечно, к получению им в Петербурге запоздалых донесений, а также к несоответственным и несвоевременным распоряжениям, которые не могли не отозваться для нас невыгодно не только в Дагестане, но и в Чечне, где он связал руки генералу Емануелю. Последний, в силу наложенных таким образом на него вериг, оставался в совершенном бездействии, и только начальник левого фланга линии барон Розен воспользовался этим периодом. чтобы сделать что-нибудь хоть в пользу наших крепостей и укреплений, которые были в весьма плачевном состоянии.

Из числа шести укреплений 17, бывших у нас на левом фланге линии, крепость Внезапная играла самую важную роль, и она же была в наихудшем состоянии, в особенности после землетрясения, бывшего 25-го февраля, которое совершенно разрушило все постройки, так что гарнизон пришлось расположить в кибитках. Казиюртовское укрепление только что было начато; Таш-Кичу, с восемнадцатью орудиями, и Амир-Аджи-юрт, также с 18-ю, с водяным рвом и отличною перекрестною обороною, требовали многих частных исправлений и сооружений; Горячеводское, с четырьмя орудиями, было "в чрезвычайно дурном [70] положении", а крепость Грозная, с 34 орудиями, не имела почти ни одного, так сказать, здорового места. Барон Розен с особенным вниманием отнесся к кр. Внезапной, находя крайне необходимым перенести ее даже на другой ближний пункт, и просил графа Паскевича допустить его и дать средства для настоятельных в этих шести крепостях и укреплениях работ; но фельдмаршал приказал ограничиться только самыми необходимыми для обороны поправками, а все остальное отложить до его приезда летом на линию. Весьма неблагоприятные последствия такого распоряжения не замедлили выразиться в следующем году, при осаде шихом Абдуллою ашильтинским крепости Внезапной, которая была освобождена Емануелем только после сильного кровопролитного боя 18.

Хотя генерал Розен, по снятии осады деревни Гимры и выступлении к Внезапной, и доносил графу Паскевичу, что расположение двух небольших отрядов у крепостей Грозной и Внезапной удержит чеченцев от всяких враждебных покушений, но это оказалось не более, как предположение, потому что чеченцы, увидев, что мы спокойно и стойко держимся своих мест и ни к какому военному предприятию не готовимся, дали полную волю своим хищническим наклонностям, мятежному настроению и вообще безобразному своему поведению. Не проходило дня, чтобы разбойничьи проделки этого народа не нарушали нашего спокойствия на линии. Оне ослабевали только во время полевых работ, но этот промежуток слабого затишья был исключением весьма ничтожным в общей массе всех чеченских деяний. Внимая дагестанским событиям, чеченцы не упускали случая сочувствовать Кази-мулле и, подобно тому, как некоторые дагестанские и преимущественно [72] аварские общества предлагали свои услуги Паху-бике для совместной борьбы против русских, они поступали точно также по отношению к имаму, с которым имели постоянные сношения. Трудно нам было противодействовать этим сношениям, потому что из числа трех дорог, проходивших из Койсубу в Чечню, мы имели в своем распоряжении только две, а третья, пролегавшая через чиркатский мост и Ичкерию, была вполне свободна для наших неприятелей. По ней то и дело летели письма и воззвания Кази-муллы; по ней же явился в Чечню и ших Абдулла, который бросил довольно надежные семена возмущения среди праздного и склонного к авантюризму народа. К счастью, в конце июня он убрался из

Маюртупа восвояси, потому что не мог выносить жаров, постоянно от них болея, и считал пока свое пребывание в Чечне излишним по случаю примирения с нами койсубулинцев, которым помощь чеченцев уже оказывалась ненужною. С отъездом его барон Розен приказал Бородинскому полку, выдвинутому на передовую линию для удержания чеченцев в повиновении, возвратиться в ст. Наурскую и там расположиться по-прежнему.

Отъезд Абдуллы, впрочем, не успокоил разгоряченных им чеченских мозгов. Сорок человек, в виде депутации, в начале июля прибыли в с. Ашильту, куда явился к этому времени и Кази-мулла, и настоятельно просили имама пожаловать к ним в гости. Кази-мулла, верный своим всегдашним соображениям, что исключительно одних чеченцев для его целей недостаточно, отклонил на этот раз приглашение депутатов, но объявил им, что непременно прибудет попозже. Затем, оставив при себе семь человек из них, остальных отпустил домой с своим напутственным благословением 19. [73]

Наконец, в августе месяце начались приготовления к сбору отрядов для действий на кавказской линии. Но пока они происходили, холера развилась в ужасающей степени, охватила собою преимущественно станицы гребенского войска, закралась в полки 14-й пехотной дивизии, проникла в Чечню и вообще немилосердно бичевала и население, и солдат. Даже заболел и барон Розен 4-й. Паника распространилась повсюду. Главнокомандующий убедился, что при таких обстоятельствах никакие военные действия невозможны и отложил их до другого времени. Таким образом, обширная чеченская экспедиция не состоялась.

Эти затруднения и истекавшее из них наше новое бездействие были как нельзя более на руку Кази-мулле, который успел извлечь из них для себя выгоды, подобно тому, как извлек из землетрясения. В конце августа он, согласно своему обещанию. был уже в Ичкерии и в Беное принимал от сбежавшегося отовсюду населения разнообразное и обильное угощение. Тут он в первый раз воочию убедился, насколько его агенты и сподвижники, а также частью и он сам, успели воспламенить и склонить на его сторону чеченцев. Не обошлось, конечно, без речей и воззваний со стороны имама, которые были приняты с полным восторгом. Электризация была так велика, что многие разрывали на себе одежды, немилосердно колотили себя в грудь, царапали до крови свое тело и, обливаясь слезами, с раскаянием припадали к ногам проповедника, испрашивая прощения в своих проступках и заблуждениях. Когда же из Беноя Кази-мулла выехал в Кишень-Аух. масса народа сопровождала его по пути, оглашая воздух неистовым "ля-илляхи". В Кишень-Аухе повторилось то же самое, и единственные лица, которые думали воспрепятствовать торжеству имама, были родственники наших аманатов, содержавшихся в крепости Внезапной. Но они скоро [74] умолкли и смирились перед угрозами всего остального населения, которое за счастье считало видеть у себя святого гостя. Последний, преподав всем правила шариата, вступил, по просьбе жителей, в разбор их разного рода дел, споров и раздоров, определил по каждому вопросу свое решение и снискал общее благоговение за неслыханные дотоле справедливые, снисходительные и разумные приговоры. Из Кишень-Ауха он двинулся в покорную нам деревню Зандак, опять сопровождаемый толпами народа, возгласами и ружейными выстрелами, так что этот переезд представлял собою в полном смысле слова торжественное шествие, напоминавшее вступление победителя в только что покоренный им край. Имам остановился в Зандаке и, к крайнему удовольствию народа, объявил его своим местопребыванием. Никакого противодействия Кази-мулле мы выразить не могли, и единственное, что предприняли для отрезвления местного населения — это арестование аманатов в крепости Внезапной и отобрание там и сям

у виновных домашнего скота и лошадей. Но, без сомнения, первая из этих мер, вполне оправдавшая для аманатов поговорку "в чужом пиру похмелье", могла только поселить неудовольствие как среди них, так равно и среди их родственников, которые хотели перед нами отличиться своею преданностью. Генерал Вельяминов 3-й, вступивший уже в командование 14-ю пехотною дивизиею и войсками левого фланга линии, донося Емануелю об этих происшествиях, находил, что "для наказания виновных оружием теперь не время, ибо имеются в виду другие занятия и заботы",— и генерал Емануель совершенно с этим согласился 20. Занятия эти относились преимущественно к хозяйственной части полков, которую не допустила устроить на зиму [75] надлежащим образом все та же холера, а заботы заключались в том, чтобы по возможности оградить войска от этого бича. Для этого генерал Вельяминов полагал скорее расставить полки по зимним квартирам. Главнокомандующий одобрил эту меру, и они были расквартированы следующим образом: Московский — в станицах Стодеревской, Галюгаевской и Ищорской; Бородинский — в Наурской, Мекенской и Калиновской; Тарутинский — в Червленной, Щедринской и в селениях Паробачевском и Шелкозаводском; Бутырский — в станицах Новогладковской, Старогладковской, Каргалинской и Курдюковской, а состоявшие при дивизии артиллерийские роты: легкая № 2 — в станице Ищорской и легкая № 3 — в станице Щедринской. При расквартировании этом имелось в виду главным образом охранить протяжение линии между Науром и станицею Новогладковскою, где происходила большая часть разбоев и хищничества чеченцев. Кроме полков 14-й п. дивизии, с их артилериею, в станице Щедринской была расположена на зиму рота 43-го егерского полка, выведенная из укр. Амир-Аджи-юрта, по недостатку там зимнего помещения, и в Старогладковской семь орудий легкой № 2 роты 22-й артиллерийской бригады 21.

В то время, когда войска наши располагались поудобнее для зимовки, Кази-мулла спешил округлить и завершить в Чечне так хорошо удавшееся дело его пропаганды. Ближайшим сподвижником его на этот раз оказался уже известный в горах своею ярою преданностью к мюридизму Хаджи-Ягья, услуги которого имаму были весьма полновесны, а ревностными апостолами его — мулла из селения Ноэн-Берды но имени Кайсун, бейбулатовский пророк Авко и разные другие духовные лица. Кайсун "успел [76] возмутить три четверти жителей своего селения и склонить их к неповиновению правительству", а Авко, не смотря на то, что уже не пользовался в народе прежним доверием, выбивался из сил, чтобы поспевать везде, куда только устремлялся взгляд имама. Кази-мулла и Хаджи-Ягъя очень удачно успевали убеждать народ, что землетрясение и холера ниспосланы ему Богом в наказание за холодность к религии и за отступление от наставлений корана; что желающие избегнуть казни в будущей жизни должны усердно исполнять все обряды магометанской веры и быть между собою единодушны, а затем, для очищения себя от прежних поступков они обязаны претерпеть телесное наказание — довольно, впрочем, легкое, и наконец надеть вокруг шапки повязку, которая послужит к спасению столько же, как и путешествие в Мекку для поклонения гробу Магомета. Хаджи-Ягья проповедывал преимущественно в чеченских деревнях по правую сторону р. Сунжи, а Кази-мулла в глубине большой Чечни, и хотя оба они между Сунжею и Тереком еще не являлись, но жители многих деревень на этом пространстве поспешили облечься в чалмы. Генерал Емануель, доводя об этом до сведения графа Паскевича 22, высказал между прочим следующие замечания:

"Сим ограничиваются внушения, кои муллы делают народу. По-видимому, в них нет ничего возмутительного; но, вникнув в тайный смысл оных и приняв в соображение неприязненное

расположение горцев к русскому правительству, нельзя не понять, что единодушие между магометанами, представляемое им как средство к достижению блаженства в будущей жизни, есть главная пружина, коею возмутители надеются возбудить народ к всеобщему вооружению, когда, по соображениям их, нужно будет им это сделать. Если [77] достигнут они сей цели, и если удастся им произвести хоть не всеобщее, но довольно значительное вооружение, то повязка на шапке, без сомнения, будет знаком соединения магометан".

Хотя генерал Емануель не видел ничего предосудительного в поучениях Кази-муллы и его сообщников, но он упустил из вида, что их внушения сильно разжигали в народе ненависть к нам и предрасполагали его к открытой с нами вражде. Это доказывалось беспрерывным и нескончаемым рядом разных нападений, которые часто не имели никаких хищнических целей, а носили характер чисто военных действий. Из числа их наиболее выдающееся произошло 18-го сентября в ханкальском ущельи, при рубке дров нашею командою. В этот день мы лишились в непродолжительной, но жаркой схватке четырнадцати убитых нижних чинов, одиннадцати раненых и двух без вести пропавших 23. Для предприятий подобного рода чеченцы собирались нередко в довольно значительные партии, и это ясно приводило к заключению, что единодушие, проповедуемое Кази-муллою якобы для скорейшего и вернейшего достижения райского блаженства, обрываясь самым вредным образом прежде всего на нас самих и на спокойствии нашего края, имею свою политическую подкладку.

Фанатическим настроением чеченцев в данный период преимущественно пользовались выдающиеся среди них авантюристы, в роде карабулакского абрека Астемира, которые нигде не упускали случая своею вооруженною рукою содействовать слову и идее проповедников шариата. В первых числах ноября, но призыву Астемира, вокруг него сгруппировалась огромная партия, которая произвела нападение на покорных нам карабулаков и отбила у них много скота и лошадей. "В сем предприятии, доносит [78] генерал Вельяминов 24, участвовали жители почти всех чеченских деревень, как покорных, так и непокорных". Случай этот оставлен нами без внимания, так как Вельяминов и Емануель отнесли его к возмездию чеченцев за провинности относительно их карабулаков. Как ни снисходительно взглянул на него и граф Паскевич, но все же он дал знать Вельяминову 25, что если такое происшествие повторится, то он предоставляет его усмотрению подать помощь карабулакам — "с тем однакоже, чтобы сие не было сопряжено с изнурением войск". Но наконец и сам Паскевич убедился, что брожение, господствующее в Чечне, нельзя признавать невинным и допустительным, так как оно отзывается достаточною для нас опасностью, выражая "необузданность нравов" народа, который "очень часто нарушает обязанности свои против правительства, оказывая оному неповиновение и делая при том набеги в самые границы наши". Поэтому он приказал в конце года генералу Вельяминову 26: "когда потребуют обстоятельства, делать в земли сих народов временные экспедиции и дозволить также мирным чеченцам, кумыкам и казакам время от времени делать набеги на непокорных". В виду же необходимости усилить надзор на кавказской линии вообще, обнимать которую, по ее чрезвычайно большому протяжению, не могли успешно два начальника флангов, граф Паскевич произвел новое деление ее на четыре части, которое продержалось затем целую четверть века.

Вся кавказская линия от берегов Черного моря и крепости Анапы до Каспийского моря была разделена на 1) правый фланг, 2) центр, 3) левый фланг и 4) [79] управление владикавказского коменданта. Правый фланг включил в себя пространство от Анапы и Фанагории вверх по р.

Кубани до границы Черномории. Центром наименовано пространство от границы Черномории вверх по Кубани, по сухой границе до р. Малки и до поста Ардонского (в 35-ти верстах от Владикавказа), также вниз по рр. Малке и Тереку до Моздока, со включением и этого города; сюда же вошла и Кабарда. Для левого фланга была отрезана часть линии от Моздока до Каспийского моря по Сулаку. Управление владикавказского коменданта простиралось от р. Ардона и Назрановского укрепления до поста Коби на военно-грузинской дороге 27. Но так как, кроме того, и центр кавказской линии оказался слишком обширен, то для удобнейшего охранения его от набегов горцев он был разделен на три дистанции: 1) от границы Черномории вверх по реке Кубани до устья Джегуты, включая укрепления при Длинном лесе и все прочие на левом берегу Кубани; 2) от Джегуты до каменного моста на Малке (в 5 верстах от ст. Прохладной); 3) от каменного моста на Малке по всей большой Кабарде до военно-грузинской дороги, от Ардонского поста до Екатериноградa и вниз по Тереку до Моздока включительно. Начальниками были назначены: правого фланга — командир 3-й бригады 20-й пехотной дивизии генерал-маиор Берхман, которому подчинены — черноморское войско и анапский комендант; центра — начальник 22-й п. дивизии г. м. Фролов; левого фланга — начальник 14-й п. дивизии г. л. Вельяминов 3-й (Алексеи Александрович); управления владикавказского коменданта — временно г. м. князь Абхазов, впредь до прибытия владикавказского коменданта г. м. Оранского; первой дистанции [80] центра — генерал-маиор Раль, второй — генерал-маиор Энгельгардт, а третьей — подполковник Ушаков. Это деление Государь Император Высочайше утвердить соизволил. Начальнику центра было предоставлено право, без предварительного испрошения разрешения, производить движения войск и действовать по своему усмотрению в тех случаях, а) когда неприятель прорвется через кордонную линию в наши границы, и б) при преследовании хищников, возвращающихся с добычею — и на этот раз даже за кордонною линиею; делать же особые поиски вне кордонной линии дозволено ему было не иначе, как с разрешения начальства 28. Этим пока и завершился 1830-й год в Чечне.

Что же касается Дагестана, то спокойствие, водворившееся там после нашего примирения с койсубулинцами, едва не рухнуло со всеми нашими в пользу его построениями, вследствие совершенно неожиданных обстоятельств и преимущественно преступных деяний маиора Корганова. Во всяком случае эти обстоятельства принесли значительную пользу противодействующей нам силе в образе Кази-муллы и вредно отозвались на нашем влиянии в горах, дав нам себя почувствовать в огромных сборах против нас лезгин и в их обширных нападениях на Джаро-белаканскую область. О событиях в Дагестане, которые, к слову сказать. шли довольно быстро, барон Розен в первый раз донес графу Паскевичу 17-го и затем 21-го мая 29. Главнокомандующий отвечал ему 30-го мая из Коби, и этот ответ барон Розен мог получить только тогда, когда экспедиция была совершенно окончена. Предписание фельдмаршала представляло собою [81] длинное поучение о том, как подступить к селению Гимры, как ого осаждать, когда употребить мантелеты, фашины, туры; даже указание, чтобы туры набить шерстью, а ничем иным, и т. д. Условия, предложенные койсубулинцами, гр. Паскевич нашел для нас невыгодными, но так как барон Розен их утвердил, то он, для устранения в койсубулинцах всякого к нам недоверия, на них все-таки согласился. При этом он выразил желание, чтобы койсубулинцы избрали себе в правители кого-либо другого из сыновой шамхальских, но только не Абу-Муселима; в случае же, если бы они не согласились, то "не противодействовать им и уступить", а к Абу-Муселиму приставить пристава для секретного наблюдения за всеми его действиями и в особенности за сношениями с аварским

ханским домом. Маиору Корганову он приказывал возвратиться к нему в главную квартиру в Екатериноград, так как миссию его признавал оконченною. Через два дня после этого, именно 1-го июня, получив от Розена донесение от 23 мая 30, в котором последний извещал об усилении гимрынцев вновь прибывшими к ним койсубулинцами, он предписывал ему отложить решительные действия против Гимры на две недели; но если бы это приказание застало его в готовности бомбардировать Гимры артилериею, то поступить согласно прежнему предписанию. В заключение он писал:

"В случае, если койсубулинцы не дали еще аманатов, и условия с ними не подписаны, нужно стараться отклонить их от избрания в правители себе Абу-Муселима, а вместо него можете предложить меньшего брата его Зубаира или другого из его братьев; самого же Абу-Муселима арестовав, отправить со всем семейством в кр. Бурную, для жительства там под присмотром. Стада, отобранные [82] у койсубулинцев, должны быть им возвращены в целости, когда условие с ними заключено будет. Если вы имеете предписание генерала Емануеля отправить их для пастбища в Кабарду, я разрешаю вам, в отмену тому, оставить стада сии по близости Андреева" 31.

Ничего еще не ведая об этом новом распоряжении, и покончив дела в Койсубу, барон Розен 4-го июня отправил отряд командира Апшеронского полка полковника Мищенко в с. Параул, чтобы оттуда наблюдать за спокойствием жителей и за Кази-муллою. Мищенко, придя в Параул, не нашел там удобной лагерной стоянки, поэтому передвинулся к селению Темир-Хан-Шуре и там остановился в десяти верстах ниже Эрпели. По следам Мищенко двинулся в тот же день и сам барон Розен с остальными войсками, имея в виду оставить в кр. Внезапной отряд полковника Дурова, и затем, с последними частями, следовать в кр. Грозную. Удаляясь из примиренных и успокоившихся мест, он искренно обласкал Абу-Муселима, "оказавшего величайшее усердие и готовность в исполнении всех возлагавшихся на него поручений", и, уверив его в особенном покровительстве фельдмаршала, возложил на него новое поручение — уговорить койсубулинцев, с пособием денег, выдать нам Кази-муллу или по крайней мере принудить его к выезду из Койсубу и тем доставить способ предпринять другие средства к поимке его. Абу-Муселим дал слово, что исполнит это приказание и, конечно, не затруднился бы в эти минуты променять своего приятеля, в особенности под влиянием честолюбивой тещи, на титул владетельного хана койсубулинского. Наконец, барон Розен поблагодарил от имени гр. Паскевича всех владельцев и главных лиц, участвовавших в экспедиции, и обещал им в скором времени заслуженные ими награды, Вдруг, 5-го июня, на походе, [83] он получил второе предписание главнокомандующего об арестовании Абу-Муселима. Такой сюрприз поставил его сначала в тупик, но когда он вникнул в смысл предписания, то сейчас же убедился, что приступить к этой мере должен только в том случае, "если койсубулинцы не дали еще аманатов, и условия с ними не подписаны". А так как все это исполнилось, то, значит, арестование Абу-Муселима являлось излишним. Опираясь на это заключение и усматривая, что предписание гр. Паскевича запоздалое, барон Розен оставил его без последствий и ограничился тем, что назначил к Абу-Муселиму, как бы в помощь при исполнении наших требований, особого пристава. Прибыв в крепость Внезапную, он оставил здесь Бутырский полк полковника Дурова, казаков спустил на линию, а Бородинский подполковника Куприянова полк возвратил в Наур. Что касается задержанных у койсубулинцев и гергебильцев стад, сберегавшихся у дер. Андреевой. равно и пастухов, то их он велел отдать по принадлежности, кроме стад, принадлежавших селению Ашильте, которые задержать до тех пор, пока жители отзовут из Чечни мятежного шиха Абдуллу. Но Абдулла,

как уже известно, в конце июня явился сам, и таким образом и последнее затруднение устранилось. Прочие койсубулинские (или лучше сказать, аварские) стада он приказал полковнику Мищенко принять от воинского начальника Ивченко и от Ахмет-хана мехтулинского и также немедленно возвратить покорившимся жителям 32. Уладив таким образом все дела, барон Розен, совершенно счастливый их неожиданным и благополучным исходом, выехал в Грозную. Прошла неделя. Все было тихо, и Розен находил, [80] что спокойно может отдаться своему важному делу о приведении кордона в более надежное состояние. Вдруг, он получает предварительное частное сведение, что Абу-Муселим арестован, и что эту вескую услугу оказал нашему правительству никто иной, как маиор Корганов. Можно себе представить положение Розена, так дружески успокоившего Абу-Муселима относительно благоволения фельдмаршала, и так сердечно свидетельствовавшего ему о заслугах этого полезного для нас в последнее время пособника. Барон Розен положительно недоумевал, как все это могло случиться. Наконец, дело постепенно разъяснилось, и сущность его состояла в следующем: маиор Корганов, при исполнении поручений главнокомандующего, не забыл и о своих личных интересах, и для того, чтобы иметь везде глаза и уши, пристроил при себе прежде всего родного брата своего прапорщика Грузинского полиса, а потом двух наперсников в лице нухинских беков Алиджана и Абди, е которыми и делал всякие дела. В случае своего отсутствия он им предоставлял действовать от его имени, и они, посвященные во все его секреты, не нуждались в особой инструкции. К сожалению, в силу данных Корганову графом Паскевичем полномочий и оказанного ему беспредельного доверия, наши власти, даже высшие, исполняли их представления и содействовали предприятиям этой шайки, не имея права критиковать их, а владетельные особы Дагестана поневоле молчали и покорялись, так как в лице "Иван-бека" без преувеличения видели самого графа Паскевича. В непродолжительное время этот Иван-бек, по роду армянин, вышедший в люди из ничтожества, благодаря случайности и своей ловкости, до того успел раздражить их своекорыстными действиями, что они начали доводить слухи о том через посторонних лиц и до барона Розена. Но последний не придавал им особенного значения, так как [85] формальных заявлений не было, а письменные сношения Корганова доказывали, что, напротив, он пользуется даже благорасположением всех владетельных особ. Может быть, услышал что-нибудь и граф Паскевич, так как нельзя иначе объяснить отозвание им Корганова из Дагестана в то время, когда он получил только первые донесения Розена и видел из них, что в нашу пользу пока ничего не сделано. Но Корганов так сумел обойти фельдмаршала, что тот, приняв его в Екатериноградe, взял назад свое распоряжение и разрешил ему вновь ехать в Дагестан "для окончания возложенных на него поручений". После этого граф Паскевич покатил в Петербург, а его агент, вместо того, чтобы поспешить по назначению, очутился в Тифлисе. Здесь он явился в управление штаба отдельного кавказского корпуса и попросил дать ему, для передачи г. л. барону Розену, дубликат предписания фельдмаршала за № 360, в котором было сказано об арестовании Абу-Муселима — на том-де основании, что получение подлинного предписания, вследствие смутного времени, могло замедлиться, или даже оно могло быть перехвачено в пути горцами. В штабе, естественно, знали все доверие гр. Паскевича к Корганову, и так как, кроме того, отправление дубликатов вслед за подлинными предписаниями практиковалось в то время всеми начальниками в самом широком объеме, то канцелярия штаба была даже очень рада вручить важную бумагу столь надежному лицу. И. д. начальника штаба г. м. Жуковский 1-й подписал ее, не подозревая затаенных целей Корганова, тем беспрепятственнее, что вовсе ничего не знал о последних

событиях в Дагестане. Таким образом, документ перешел в руки " Ваньки-Каина" — как его впоследствии именовал весь Кавказ, и полетел вместе с ним в шамхальство. [86]

В эти минуты резиденция шамхалов была облечена в глубокий траур, и со всех концов Дагестана спешили стар и млад, чтобы почтить память Мехти-хана, умершего на пути из Петербурга, тело которого было привезено в Тарки. Полковник Мищенко зорко следил из Шуры за народным движением и за течением самого торжества, потому что последнее было тесно связано с вопросом о наследстве власти, за которую доселе пререкались два родные брата. Но все проходило спокойно, и по-видимому не предстояло никаких опасений насчет благополучного вступления во владение шамхальством Сулейман-паши. Вдруг, 11-го июня является к полковнику Мищенко незваный гость в образе прапорщика Корганова и предъявляет, но не выдает ему, роковой дубликат, привезенный его братом, с присовокуплением от имени сего последнего, что главнокомандующий "весьма недоволен за неприведение до сих пор в исполнение подлинного его повеления". Пробудив этим способом, посредством брата, в Мищенко особенную ревность, Ванька-Каин в тот же день вечером прислал ему предъявленный утром документ уже при своем формальном рапорте. Мищенко, все еще находясь под влиянием слов прапорщика Корганова о неудовольствии Паскевича, и усматривая из рапорта обвинение Муселима в том, что койсубулинцы "до прибытия нашего отряда" имели с ним тайные сношения, а теща его Паху-бике поддерживает их и до настоящего времени, проморгал самое важное условие, которым начиналось предписание. Ему вообразилось, что Абу-Муселим, со всем своим семейством, должен быть арестован в предупреждение беспорядков при вступлении во владение шамхальством Сулейман-паши и за свои прежние деяния; но он "никак не думал — по его словам — чтобы предписание относилось к общему делу о койсубулинцах". [87] Вследствие всего этого он приказал воинскому начальнику кр. Бурной маиору Ивченко немедленно арестовать не только Абу-Муселима с его семейством, но и пятерых приближенных ему лиц, на которых указал Корганов, но о которых вовсе не упоминалось в предписании главнокомандующего. Маиор Ивченко явился в Тарки 13-го июня, и в то время, когда Абу-Муселим, обласканный бароном Розеном и вполне уверенный, что за свое усердие получит большую награду, оплакивал, по обычаю, своего родителя, Ивченко объявил ему приговор главнокомандующего, арестовал его и пятерых его друзей и немедля отправил их в Бурную. Что касается жены Абу-Муселима, то маиор Корганов сообщил полковнику Мищенко, что "находит приличным задержать ее в доме Сулейман-паши" и обязать последнего иметь за нею строжайший присмотр. Таким образом свершился, в полном смысле слова, всенародный скандал.

Полковник Мищенко, получив донесение маиора Ивченко о благополучном исходе задуманной Ванькою-Каином постыдной экспедиции, сообщил Сулейману, уже вступившему. по распоряжению графа Паскевича, в управление шамхальством, чтобы тот принял в непосредственное свое ведение селение Казанище и все прилегающие к нему деревни, принадлежащие Абу-Муселиму, а также койсубулинских аманатов, и уведомил бы аварскую ханшу о заарестовании на самое короткое время ее зятя — "для собственной его безопасности".

Устроив всю эту комедию, Корганов поспешил разослать донесения о ней главнокомандующему, начальнику штаба, генералу Розену и с наглою бесцеремонностью уверял их, что он отправил к Мищенко дубликат предписания за № 360 только "для местного его соображения"; генералу же Жуковскому, кроме того, он имел дерзость писать, как бы сваливая на него последствия своего гнусного [88] поступка, что тот ему сам вручил дубликат

предписания — тогда как, по заявлению впоследствии Жуковского, никогда ничего подобного не было.

Чтобы умалить значение своего поступка и отвести глаза начальствующих лиц на события будто бы более важные, Корганов послал графу Паскевичу и генералу Жуковскому особые письма, в которых, замазывая свою проделку, извещал, что Паху-бике вновь "секретно согласилась со всеми горскими народами действовать против нас при военных действиях"; что Сулейман-паша, вступив в управление владением, делает некоторые распоряжения, вызывающие на необходимость наблюдать за ним в этом случае; что сборище койсубулинцев не перестает существовать; что Абас-Мирза сменен Гасан-Али-Мирзою, и новость эта имеет не малое влияние на горских жителей; наконец, что бывший в Андрееве главный пристав есаул Филатов интригует против нашего правительства и содействует Кази-мулле, подобно тому, как интриговали Мадатовы в прошлую персидскую войну,— словом, что Филатов изменник, и т. д., и т. д.

Подучив донесение Корганова, а затем и объяснение полковника Мищенко, барон Розен писал генералу Эмануелю:

"Арестование Абу-Муселима и пяти его сообщников неминуемо учинит волнение в койсубулинском народе, который покорился через Абу-Муселима, и у коего находились данные ими в залог их верности аманаты. Если надобность востребует снова действовать против койсубулинского народа, то, потеряв ныне между оным доверенность чрез заарестование Абу-Муселима, я не могу ручаться за успех в приведении сего народа к покорность без неприязненных противу сих горцев действий".

В письме же к начальнику штаба генералу Жуковскому он сообщал:

"Предсказания мои сбылись. Маиор Корганов, поехавши в [89] Дагестан, успел воспользоваться дубликатом на имя мое от главнокомандующего писанным и чрез него посланным... 13-го числа июня Абу-Муселим, с пятью его сообщниками, арестованы и отправлены в Бурную. Из письма маиора Корганова видно, что он известен о поданных на него жалобах, а вышеозначенный поступок его доказывает, что он желает непременно в Дагестане возмущения, дабы сим закрыть свои поступки и выставить дагестанских владельцев непреданных нашему правительству. Смерть шамхала и арестование Абу-Муселима и пяти его сообщников (без сомнении,. знатнейших его приближенных) неминуемо произведут в Дагестане, а в особенности между койсубулинцами, возмущение. Какую доверенность теперь может иметь народ койсубулинский к нашему правительству, когда, после заключения с ним условий, дачи аманатов и присяги на подданство Государю, князь Абу-Муселим, чрез коего они покорились, и у коего находятся их аманаты, арестован и посажен в крепость с своими приближенными.... Положение мое слишком затруднительно. Все мое старание состояло в том, чтобы везде было спокойно, и дабы не предпринимать никаких неприязненных действий до возвращения его сиятельства; но ныне полковник Мищенко, не вникнув в повеление главнокомандующего, арестовал Абу-Муселима. Сим проступком правительство наше лишилось доверенности койсубулинского народа, который, будучи возбуждаем, Кази-муллою, неминуемо произведет всеобщее в горах возмущение".

Командующему войсками в Дагестане барон Розен сообщал, что находит Мищенко наиболее виновным в неправильном арестовании Абу-Муселима, и полагал бы его удалить от командования отрядом, дав ему строгий выговор за несоображение с предписанием

главнокомандующего, а вместо него назначить г. м. Каханова, которому поручить ласкою снискать вновь доверие горцев. При этом он присовокуплял:

"Маиор Корганов, чтобы оправдать себя во всех своих действиях, имел дерзость обвинять полковника Ефимовича, будто бы он [90] чрез есаула Филатова, находящегося при мне, старался возбудить владельцев к подаче на него просьбы его сиятельству,— в несправедливости чего я совершенно уверен".

Первым последствием проделки Корганова был побег 15-го июня из Казанищ трех аманатов Гимры и Унцукуля. Полковник Мищенко приостановил, вследствие этого, возвращение койсубулинцам стад и пленных; то же самое он просил сделать полковника Дурова относительно стад, находившихся на кумыкской плоскости, а гимрынцам и унцукульцам дал знать, чтобы возвратили бежавших. По поводу этого все койсубулинцы 17-го июня собрались в Унцукуле и решили так: что русские, арестовав Абу-Муселима, не хотят, значит, возвратить стад; что если они не уходят из края, то имеют в виду против народа какую-нибудь вредную цель; что если они не уйдут и не освободят Абу-Муселима, то не выдавать им бежавших аманатов и стараться всячески вредить. Исходя из этого решения, они писали Мищенко:

"Вы должны знать, какие проделываются дела, когда, взяв у нас аманатов и дав нам такового, верили ли вы нам, или нет? В наших книгах пророк Магомет не приказывает, заключив с кем-либо мир, нарушать его — что видно сие от вас. Быть может, в ваших книгах противное написано — того мы не знаем. Мы слышали, что бек наш Абу-Муселим ныне содержится под арестом, и чрез сие наши аманаты убежали от вас из Казанищ. Мы от слез не можем осушить глаз своих по сему случаю. Сего не должен делать храбрый воин. Мы прежде всего, собравшись все и советуясь между собою, дали вам аманатов и принесли присягу великому государству. Подвластные таким образом не должны поступать. Наше главное удовлетворение то, чтобы освободили нашего бека Абу-Муселима с его приверженцами, и мы пошли бы по своим местам, оставя Абу-Муселима по-прежнему в Казанищах. Тогда будем по-прежнему с вами в ладу. Если же вы всего этого не выполните, [91] как сказано в общем условии нашем, тогда увидим то, что предначертано Богом. Мы все вверяем нас Ему, который всегда с нами. Повторяем еще об освобождении Абу-Муселима, и когда его освободите, то тогда вступим в новые переговоры по условию общему. Неприлично вам арестовать Абу-Муселима, и то что не уходите — для вас полезно. Если будете исполнять условие, то вы, как и мы, будем спокойны; если же не будете основываться на заключенных условиях, то и мы не будем прятаться под платьями наших женщин, и нам вторично не быть в утробах наших родительниц".

Независимо того, от унцукульцев он получил особое письмо почти того же содержания, но лишь с следующим добавлением:

"Если вы сие выполните 33, то мы дадим вам и более аманатов. Неужели вы шутите? Приняв нашу присягу, вы не исполняете условий и по сие время продолжаете высылку караулов на гору Тау-юль. Ужасно смешно! Вы умные люди и сами это хорошо понимаете".

После этого барон Розен предписал Мищенко оставить бесполезные сношения с койсубулинцами и, до разрешения командующего войсками на линии генерала Емануеля, никаких неприязненных действий не предпринимать, а в случае с их стороны нападения — отразить таковое оружием. Койсубулинцы также прекратили с нами всякие сношения и даже перестали являться в лагерь полковника Мищенко, как делали доселе, за получением своих стад. Жители селений Казанищ, предполагая, что возвращение аманатов будет одним из

поводов к освобождению их владетеля, просили о том койсубулинцев, но те отвечали, что так как аманаты даны ими чрез посредство Абу-Муселима, то возвратят их не прежде, когда он сам им о том напишет. Независимо от письменного требования, [92] койсубулинцы отправили в Тарки двенадцать своих депутатов, чтобы понудить Сулейман-пашу просить нас об освобождении Абу-Муселима; акушинцы также просили об этом, доказывая, что он столько же полезен для России, сколько и для Дагестана. Однако без разрешения главнокомандующего нельзя было удовлетворить ни тех, ни других.

Нет никакого сомнения, что главные действующие лица противной стороны тем менее оставались спокойными и безответными среди всех этих передряг. Одновременно они отозвались с разных сторон: Абу-Муселим писал Розену, что он недоумевает, за что именно арестован после всех услуг, оказанных русскому правительству, дав в залог одного брата в Дагестане, имея другого в Чечне, а третьего при дворе Государя — и, конечно, просил освободить его, ни в чем неповинного; ханша писала о том же к полковнику Мищенко и, вместе с своим сыном Нуцалом, также к барону Розену и к Емануелю. Говоря сему последнему о том, что к жене Абу-Муселима в Тарках приставлен караул, она замечает, что "никогда еще не слыхала подобных сему поступков".

"Если она виновата — пишет Паху-бике — то уведомьте нас скорее; в противном случае трудно нам перенести сие. Быть может, сие есть воздаяние за многие наши заслуги или за то, что не подали помощь народу Койсубоюна"?

Барону же Розену, между прочим, мать и сын, писали несколько сильнее и резче:

"Клянемся Богом, творцом священной каабы, что мы не понимаем сих гнусных поступков. Такого рода поступки не только не слышны в законе Государя Императора, но даже неприличны Августейшему Его престолу".

Вторым последствием коргановской проделки было отправление ханшею и ее сыном, в Унцукуль и ко всем [93] койсубулинцам заявления, что если дочь ее не будет освобождена "то она, со всеми своими подвластными, присоединится к ним для общего действия против русских". Наконец, откликнулись даже и чеченцы, которые сделали койсубулинцам такое же предложение и с своей стороны 34.

На явную дерзость ханши г. л. барону Розену, выраженную в письме ее, ему приходилось, конечно, молчать, а Емануелю — отвечать даже любезностью, так как ни один, ни другой, за отъездом Паскевича, не были уполномочены ни на какие окончательные действия, и маиор Корганов на самом деле оказался полновластнее и более их покровительствуем фельдмаршалом — что все увидели по возвращении графа Паскевича из Петербурга. Барон Розен и генерал Емануель, конечно, знали и постигали Паскевича очень хорошо, если решились бесследно пережевать и переварить неуместные выражения Паху-бике и ее сына касательно "Августейшего престола" и, вероятно, они не пожалели о том впоследствии. Генерал Емануель понимал, что нельзя дать ханше оружие в руки, сознаваясь, что мы сделали непростительную шалость — чтобы не сказать более — и поэтому писал ей:

"С крайним соболезнованием получил я донесение об арестовании зятя вашего, и для меня весьма было прискорбно узнать. что он навлек на себя неблаговоление фельдмаршала. Я однако же приятным долгом считаю вас уверить, что, при известной справедливости и беспристрастии его сиятельства, без сомнения оказано будет ему полное удовлетворение, если,

по рассмотрении дел его, обвинения окажутся несправедливыми, и надеюсь даже, что если бы он действительно имел какие-нибудь неблагонамеренные умыслы против российского [94] правительства, то, по великодушию и милосердию Государя Императора, и из уважения к заслугам сына вашего Нуцал-хана, в недавнем еще времени оказанным, сделано будет Абу-Муселиму всевозможное благоснисхождение. Просьбу вашу я представил главнокомандующему и ожидаю в непродолжительном времени решения его сиятельства. В ожидании сего прошу вас усугубить усердие к пользам службы Государя Императора и тем изгладить неосторожное поведение Абу-Муселима, вовлекшее его в неприятное положение, и поведением вашим доказать на деле неосновательность подозрений, павших на зятя вашего. Что же касается до сестры Нуцал-хана, то я не думаю, чтобы она в чем-либо была виновата, иначе бы не оставалась вероятно в замке Ферджан-Ханум. А если караул поставлен был к ее дому, то сие сделано было для собственной ее безопасности".

Но ханша настаивала и вторично отнеслась к Емануелю, сообщая ему:

"Находящиеся в сем крае частные малые чиновники наносят нам обиды и оскорбления, уверяясь словом ненавидящих врагов наших, через что взяли под арест сына нашего Абу-Муселима и задержали дочь нашу в Тарках. Полагаем, сей непристойный поступок происходит взяткою воспользовавшихся людей".

К кому именно относилось это заявление, оказавшееся впоследствии справедливым — раскрыло только следствие.

Не получая затем никакого удовлетворения, ханша и ее сын обратились к графу Паскевичу, изложив ему в четырех письмах полную безвинность Абу-Муселима, сделавшегося жертвою его врагов и взяточников, и убедительно просили освободить его. К удивлению, главнокомандующий отказал им наотрез, ссылаясь на прежние деяния Абу-Муселима, клонившиеся к нарушению общественного порядка в Дагестане, и на сношение его с Кази-муллою.

"Обнаружив с давнего времени и неоднократно [95] неблагонамеренность в России — писал он,- он двуличными своими поступками заслужил наконец справедливый гнев Государя Императора, и настоящее наказание послужит ему наилучшим уроком для будущих поступков".

Таким образом, Корганов был оправдан, а действия его найдены правильными и отнесены к "гневу Государя". Так же точно граф Паскевич отстаивал законность преступного деяния даже и и отзыве к графу Чернышеву, посланном для всеподданнейшего доклада. Упомянув сперва о своем предписании барону Розену и об условии, поставленном в нем для арестования Абу-Муселима, он затем сообщал то же, что писал ханше, т. е., что прибегнул к аресту в возмездие за прошлые деяния виновного. При таком явном противоречии самому себе, главнокомандующий невольно возбуждал вопрос: почему же это арестование произведено столь несвоевременно? Коснувшись его заслуги по приведению к покорности койсубулинцев, Паскевич затушевал ее выражением, что "Абу-Муселим показывал только вид усердия, надеясь получить от нас звание правителя над койсубулинским народом, на собственный выбор коего, по частным с ним сношениям, он совершенно не мог полагаться" — что, как видно из всего вышеизложенного, совеем неверно. Далее Паскевич говорит:

"Между тем, дела с койсубулинцами приведены были к окончанию (кем?), и Абу-Муселим по-видимому старался усердно содействовать восстановлению спокойствия в той части Дагестана; но открылось вскоре после того, что он снова вошел в тайные сношения с Кази-муллою и обещал сему возмутителю пособие койсубулинского народа, если он успеет только подвинуть чеченцев против России, надеясь, в свою очередь, с помощью Кази-муллы, завладеть шамхальским достоинством. По получении от маиора Корганова достоверного (!) сведения о сей новой измене, я приказал арестовать его с главными сообщниками" и т. д. [96]

Тут граф Паскевич явно уклонился и от истины, и от справедливости: относительно Абу-Муселима был собственный и непринужденный выбор койсубулинцев; Абу-Муселим в последнее время не имел никаких сношений с Кази-муллою, и в летописях не оставлено о том никаких данных, а тем более донесений Корганова; если бы эти сношения были, то койсубулинцы едва ли примирились бы с нами; не будучи правителем Койсубу, он не мог обещать Кази-мулле помощь этого народа, тем более, что последний сам имел весьма значительное влияние среди койсубулинцев; наконец, Абу-Муселим но мог не понимать, что невозможно ему быть в одно время и правителем Койсубу, и владетелем шамхальства; в заключение же, об аресте сподвижников Кази-муллы никогда нигде не упоминал Паскевич, и сам Корганов об них не знал бы, если бы ему не прислужился в этом случае втихомолку кадий селения Казанищ. Словом, Паскевич, пользуясь своим полновластием, выгородил окончательно Корганова, и все преступление его принял на себя. Главнокомандующий решил содержать Абу-Муселима под арестом, как сообщал гр. Чернышеву, или "до личного удостоверения в поступках и намерениях его во вред правительства нашего", т. е. удостоверившись уже раз и арестовав его, стремился удостовериться еще другой раз,— "или до совершенного покорения горцев со стороны Дагестана". Жена его была освобождена в первых числах октября.

Только отъезд Паскевича с Кавказа развязал впоследствии всем руки и дал возможность восстановить истину посредством расследования, произведенного по Высочайшему повелению, в котором, между прочим, требовалось заменить Корганова другим более благонадежным штаб-офицером. По сведениям, собранным генерал-маиором [97] князем Бековичем-Черкаским и генерал-адъютантом Панкратьевым, оказалось:

"Богатство шамхала убедило Корганова обвинить Абу-Муселима пред начальством. Во время пребывания своего в Дагестане он был дерзкий ругатель не токмо народных прав, но и самого закона их; в особенности озлоблены поведением его в отношении к женскому полу. Он обещал ханше Паху-бике дать тысячу червонцев, будто бы от начальства присланных для вознаграждения ее при разбитии Кази-муллы, и не отдал".

Нуцал-хан аварский, называя Корганова изменником и лжецом, сообщил ряд ужаснейших преступлений, содеянных этим Иван-беком, в которых главную роль играет взяточничество, любодеяние, обман и т. д.; то же самое подтвердили почти все владельцы, а Ахмет-хан доказывал, что Корганов взял с Сулейман-паши тысячу червонцев и карету, чтобы обвинить и арестовать Абу-Муселима, и насильно отнял у последнего невольницу; что данные главнокомандующим Корганову деньги употреблены им на картежную игру, на пьянство и разврат и т. д.

К сожалению, вся эта масса ужасных преступлений Корганова и обвинений против него народа и владельцев не составляет прямой задачи настоящего описания, хотя крайне

интересна и представляет собрание таких сведений, от которых буквально волос становится дыбом. Они выставляют Корганова каким-то ненавистным хищником, изменником нашему правительству и вообще экземпляром, которому еще весьма снисходительно дано название Каина. Они открывают нам прямую причину неблаговидного арестования злополучного Абу-Муселима, состоявшую в том. что Сулейман подкупил его, Корганова, чтобы избавиться ему от своего совместника в самую горячую минуту. Тут ясно обнаруживается, кого именно ханша подразумевала во втором письме своем к Емануелю под [98] гнусным именем "взяточников", а также и "ненавидящих". Видно, что она давно и сразу проникла своего "любезного послушного сына", и что дружба ее с ним была вполне фиктивная и основывалась на одних практических расчетах и эгоистических целях. Баран Розен 4-й оказался совершенно прав во взглядах своих на Корганова и на порожденные его действиями злосчастные для края события, вскоре затем последовавшие. Главноуправляющий барон Розен 4-й, сообщая обо всем этом в 1832 году управляющему главным штабом для всеподданнейшего доклада, писал:

"Самые донесения маиора Корганова показывают, что он вышел из границ возможного полномочия и часто приступал к самым непозволительным распоряжениям. Нельзя также не обратить внимания на неприличие письма маиора Корганова к мятежнику Кази-мулле, в котором, между прочим, вызывая его к себе, он предлагает ему в аманаты родного своего брата, прапорщика Грузинского гренадерского полка. Что касается до заарестования сына покойного шамхала, Абу-Муселима, то действия по сему предмету Корганова делаются более нежели непозволительными... Из ответа дагестанских владельцев легко усмотреть, что, не взирая на существующее между ними несогласие, все они выставляют Корганова главною причиною усиления мятежа в Дагестане. Мнение сие разделяется и другими знающими сие дело лицами, да и самые обстоятельства указывают, что сей чиновник употребил во зло доверенность начальника. Он заслуживает примерного взыскания, а потому я полагал бы удалить его вовсе от всякого рода службы и не делать ему впредь никакого доверия и поручения, и притом не дозволять ему никогда возвращаться за Кавказ, где он может быть всегда вреден хитрыми своими происками" 35. [99]

Не смотря на целый ряд неблагоприятных для нас обстоятельств, последовавших в Дагестане по случаю ареста Абу-Муселима, взрыва там пока никакого не произошло, и именно потому, что ханша Паху-бике, уверенная в близком освобождении от ареста своего зятя, гласно выражала полную к нам преданность и покорность. Многие горские общества, в том числе и койсубулинцы, предполагали, что она, будучи обижена этим арестом, тотчас же восстанет против нашего правительства, предлагали ей свой услуги, но она их отвергла и о своем подвиге поспешила довести до нашего сведения. Отказ ли ее повлиял на унцукульцев и гимрынцев, или же просьба казанищенцев, а может быть, и давление самого Абу-Муселима — неизвестно; но как бы там ни было, а 26-го июня первые из них возвратили бежавшего от нас аманата и просили отдать им стада. Но полковник Мищенко объявил им, что так как они представители всего койсубулинского народа, то должны с своей стороны склонить и гимрынцев, а до тех пор стада им возвращены не будут. Унцукульцы согласились, и в начале июля все беглые аманаты были доставлены, и все бараны были возвращены по принадлежности. Но, сдавшись на это решение, унцукульцы и гимрынцы, на происходившем у них собрании, твердо постановили, между прочим, препятствовать силою оружия всякому движению в горы русских войск. Даже акушинцы зашевелились немного — по случаю все того же недоверия, которое было возбуждено у горцев нашими деяниями. Они также имели собрание. на котором поставили вопрос: "в виду пребывания наших отрядов в Дагестане и в

Джарской области, и решения нашего двинуться в горы одновременно с разных пунктов, какое положение им следует предпринять?" Но ни к какому результату они пока не пришли. Хотя испытанная преданность нам [100] акушинцев не подлежала сомнению, тем не менее выраженная ими в данном случае искра недоверия к нашему правительству была для нас и неприятною, и даже отчасти подозрительною. Это подозрение получило свою точку опоры 9 июля, когда среди пятерых человек, посланных Кази-муллою из Гимры для того, чтобы убить преданного нам князя Улубея эрпелинского, оказался один акушинец Магома-кади. Хищникам этим не удалось предприятие, но за то удалось убить у нас одного солдата в цепи, охранявшей наш лагерь у Темир-Хан-Шуры. К сожалению, этот случай не был единичный и исключительный, так как Мищенко доносил, что "и прежде делаемы были днем и по ночам вблизи отрядного табуна и в других местах выстрелы". Все это доказывало, что отряд наш стоял не среди благоприятелей, которыми мы доверчиво считали соседние общества 36.

В краткий период всех происшедших в Дагестане недоразумений Кази-мулла проживал у себя в сакле почти затворником, только прислушиваясь и присматриваясь ко всем текущим событиям, а также выжидая их последствий. Он даже очень редко ходил в мечеть, так как и среди койсубулинцев имел врагов, готовых посягнуть на его жизнь за потерю родственников под Хунзахом, а также вообще за его жесткость — что нам было известно в свое время от разных лиц и преимущественно от ханши, предлагавшей Корганову убить имама при помощи десяти приверженных к ней унцукульцев. В поведении его усумнился даже и преданный ему ших "Абдулла, который в письме к нему упрекал его за то, что он будто бы помирился с русскими". Кази-мулла [101] решительно отверг это обвинение и отвечал ему, что минутная неподвижность его происходит оттого, что унцукульцы и даже частью гимрынцы ого не слушают, и чтобы вследствие этого Абдулла послал бы им воззвание и пристыдил их,— что, конечно, было исполнено без замедления 37. Через несколько дней Кази-мулла сам поехал в с. Ашильту и на обратном пути убедился, что имеет в Унцукуле порядочное число врагов, так как его едва не убили. Но это не помешало ему, по возвращении в Гимры, исподволь, продолжать прежнюю работу и рассылать свои воззвания. Они принесли ему пользу,— и к началу августа он уже успел повлиять на многих отшатнувшихся гимрынцев и на некоторых бывших своих учеников в Унцукуле, проповедуя им о бессилии русских при осаде Гимры и о необходимости вследствие этого воспользоваться благоприятною минутою 38. Впрочем, это были только пока крупицы его успехов, так как последним значительно препятствовала распространившаяся повсюду в то время холера. Она навела такую панику на койсубулинцев, что большая часть их удалилась с семействами в глубину горных трущоб, прекратила всякое сообщение с плоскостью и никого из посторонних не допускала к себе 39. 28-го июля прибыл к отряду, расположенному в северном Дагестане, начальник 21-й п. дивизии г. л. князь Эристов и принял его под свою команду. Ненормальное положение дел вообще и наших порядков в частности не могло тотчас же не броситься ему в глаза, в особенности когда на другой день он неожиданно получил донесение от какого-то прапорщика Корганова, что тот уполномочен рассылать повсюду лазутчиков, сноситься [102] непосредственно с Мищенко и с бароном Розеном, вникать во все дела шамхальства, держать владетельных особ в той готовности к службе Государю, в какой оне были доселе. и т. п. Князь Эристов ужаснулся этому полномочию и дал знать Корганову, что, по молодости его, никак не может его допустить чем-либо распоряжаться.

"Странно — писал он ему — что вам поручено о происшествиях здешнего края доносить г. л. барону Розену 4-му для местного соображения, тогда как войска, находящиеся в Дагестане, не

подчинены его превосходительству, да и соображений вы никаких ему не в силах делать: в сем состояла обязанность командовавшего отрядом г. полковника Мищенко. Порученность, сделанная вам, превышает силы ваши, и ни место, ни чин ваш не позволяют делать вам подобные доверенности" и т. д.

Остановив таким образом сотрудничество прапорщика Корганова его преступному братцу, князь Эристов уведомил о том генерала Жуковского. Но запрещение Эристова продолжалось недолго: 11-го августа он выехал в Тифлис, поручив отряд подполковнику фон Дистерло, а последний в тот же день восстановил все права и полномочия прапорщика Корганова, и таким образом два брата продолжали орудовать в Дагестане еще целый месяц, пока граф Паскевич дал наконец знать старшему из них 40, "что данное ему поручение уже кончилось", и чтобы он отправился на левый фланг линии в распоряжение ген. лейтенанта барона Розена. На этот раз фельдмаршал был поставлен в необходимость отозвать Корганова, так как злоупотребления его наконец вывели из терпения дагестанских владельцев, и двое из них — Ахмет-хан мехтулинский и Ибрагим-бек карчагский рискнули даже подать письменную жалобу о ого [103] мошенничествах. Что же сделал барон Розен? Оправдал Корганова и бросил тень неблаговидного подозрения на обоих жалобщиков 41. Такова была сила временщика, известное всем пристрастие к нему графа Паскевича и боязнь даже высокопоставленных лиц, каким был барон Розен 4-й, обнаружить преступления Ваньки-Каина.

Граф Паскевич лично и непосредственно действовал на Кавказе уже целый месяц. Он возвратился из Петербурга к первому августа, и 2-го числа, в Пятигорске, вступил в командование корпусом. Он привез с собою целый ряд разного рода перемен в личном составе, о которых объявил на третий же день 42. Перемены эти были очень важны: на основании Высочайшего приказа в 18-й день июня, командир 2-й бригады 14-й пехотной дивизии генерал-маиор Каханов 2-й назначен командиром 1-й бригады 21-й пехотной дивизии на место генерал-маиора фон-Краббе, который, после долголетней своей полезной деятельности в Дагестане, окончательно сошел с поприща и уехал с Кавказа в Полтавскую губернию. 42-го егерского полка полковник Остроухов назначен командиром Апшеронского пехотного полка на место полковника Мищенко 1-го 43. На основании же Высочайшего [104] приказа в 1-й день июля, начальник 21-й пехотной дивизии генерал-лейтенант князь Эристов назначен присутствовать в сенате — чем и объясняется его поспешный выезд из Дагестана и возвращение дел к старому порядку. Начальник 22-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Мерлини 1-й назначен состоять по армии; состоящий по армии генерал-лейтенант Вельяминов 3-й — начальником 14-й пехотной дивизии, а генерал-лейтенант барон Розен 4-й — начальником 21-й пехотной дивизии. До прибытия Вельяминова, Розен сдал дивизию старшему по себе генерал-маиору барону Таубе. Командиром 2-й бригады 14-й пехотной дивизии 16-го июля Высочайше назначен генерал-маиор Фези. Полковник Дуров умер.

Не были забыты, между прочим, и наши "высокостепенные благоприятели": Сурхай-хану аварскому и Ахмет-хану мехтулинскому. "за преданность российскому престолу и оказанные оному услуги", пожалованы ордена св. Анны 2-й степени, а Мехмет-хану каракайтагскому — чин поручика. Депутаты, находившиеся в Петербурге — Нур-Магомет кадий аварский и родственник ханский Магомет-бек произведены в маиоры, с жалованьем по 780 рублей ассигнациями в год каждому, а состоявший в свите их кумыкский уздень Девлет-Мурза награжден чином прапорщика 44. [105]

Каханов 2-й прибыл в Дагестан к отряду 20-го сентября и оттуда донес, что "все обстоит благополучно, и горцы никаких движений и сборов не предпринимают". Он принял отряд в следующем составе: Апшеронского полка 1198 штыков, Куринского полка 1326 шт., донского казачьего подполковника Шурупова полка 84 строевых н. чинов, легкой № 3 роты 21-й артиллерийской бригады семь орудий, мусульманской конницы 957 всадников. Из числа этих войск, шесть рот Куринского полка, с четырьмя орудиями и казаками, 27-то октября отправлены на зимние квартиры в селение Казанище, а шесть рот Апшеронского полка и 3 орудия — в старую Кубу. Отряд в сел. Казанище поручен Куринского полка маиору Ивченко, а вместо него в кр. Бурную назначен воинским начальником того же полка маиор Цыклауров 45.

Комментарии

1. Из донесения Корганова главнокомандующему 26 мая 1830 г. № 100.

2. Донесение графу Паскевичу 20 мая № 232.

3. Донесение г. л. барона Розена главнокомандующему 30 мая 1830 г. № 263.

4. Донесение бар. Розена гр. Паскевичу 24 мая 1830 г. № 239.

5. Донесение барона Розена гр. Паскевичу 23-го мая 1830 г. № 236.

6. Донесения барона Розена главнокомандующему 28-го и 29-го мая и 3-го июня 1830-го г. №№ 258, 259 и 272.

7. 3-го июня № 271.

8. Донесения барона Розена гр. Паскевичу 26-го, 28-го и 29-го мая №№ 250, 255 и 259.

9. См. "Кавказский Сборник", т. XI, стр. 150.

10. Отзыв 21-го марта № 9.

11. Нельзя не быть уверену, что под этими замечаниями таится воспоминание преимущественно о Ермолове.

12. К сожалению, граф Паскевич не предусмотрел скорых последствий этой политики.

13. Эта "малость войск", а никак ни что иное, вызывали иногда на необходимость такой политики даже и при Ермолове.

14. Записка гр. Паскевича, представленная при всеподданнейшем донесении 6 мая 1830 года.

Вообще же, этот обширный план совсем не удалось выполнить фельдмаршалу, и пока он разрешился хоть в некоторых своих частях — прошло слишком четыре года. В течение их происходила лишь одна переписка, в которой приняли участие своими проектами: барон Розен 1-й, подполковник Бюрно, адмирал Мордвинов и наконец г. л. Вельяминов 3-й. Когда препровождена была фельдмаршалу на заключение мемория Бюрно, то он на этот раз сделал возражение против нее и против себя самого о постройке укреплений в земле горцев, находя их бесполезными и даже вредными, так как они заставили бы нас раздроблять войска. Вельяминов, с своей стороны, возражал фельдмаршалу, ссылаясь на свою меморию 1828 года, и проект его был, как известно, одобрен. Но дело не в этом, а в том, что Вельяминов сделал весьма верное и меткое замечание о Паскевиче такого рода: "несогласие мое в мнении с г.

фельдмаршалом может происходить от того, что его сиятельство, будучи почти во все время начальства своего на Кавказе занят сперва войною персидскою, а потом турецкою, не имел довольно свободы, чтобы коротко ознакомиться с кавказскою линиею и, можно сказать, мимоходом только видел войну горцев". (Арх. окр. шт., секр. дело 1834 г., ч. 1, 2 отд. ген. шт. "О предположениях к прочному утверждению в кавказском крае").

Обстоятельства 1830 года и некоторые распоряжения гр. Паскевича показали действительно, что он не только мимоходом видел войну горцев, но даже иногда мимоходом вникал и в управление кавказским краем.

15. Рапорт г. ад. Адлерберга 1-го фельдмаршалу 30 мая 1830 г. № 156.

16. Это видно из предписания его генерал-адъютанту Стрекалову в конце года.

17. Седьмое укрепление Казах-Кичу, между кр. Грозною и бывшим Преградным Станом, было предположено к постройке во второй половине описываемого 1830-го года, но, по случаю холеры, а затем, позднего времени годя, отложено до лучших обстоятельств.

18. Донесение барона Розена 15 марта 1830 г. и предписание ему графа Паскевича 9 апреля № 200,

19. Донесение барона Розена Емануелю 6 июля 1830 года № 314.

20. Донесение Емануеля графу Паскевичу 15-го сентября 1830 г. № 844.

21. Отзыв генерала Вельяминова 3-го и. д. начальника штаба г. м. Жуковскому 1-му 24-го сентября 1830 г. № 1133.

22. Донесение 6-го октября 1830 г. № 352.

23. Донесение генерала Емануеля гр. Паскевичу 5-го октября № 339.

24. 5-го ноября № 395.

25. 20-го ноября № 722.

26. Предписание 29-го ноября № 743.

27. Приказ по отдельному Кавказскому корпусу 20-го декабря 1830 года.

28. Д. арх. окр. шт., 2 отд. ген. шт., 1830 г. № 82.

29. № 227.

30. № 232.

31. 1-го июня № 360.

32. Донесения барона Розена главнокомандующему 3-го и 12-го июня №№ 272 и 278.

33. Т. е. освободите Абу-Муселима и сами уйдете.

34. Донесение г. л. барона Розена генералу Емануелю 2-го июля 1830 г. № 308.

35. Дело архива штаба отд. кавк. корп. 1830 г.. 2 от. ген. штаба, секр., № 31 и общ. № 61.

36. Рапорты полковника Мищенко 1-го г. л. барону Розену 10-го июля 1830 г. №№ 176 в 178.

37. Донесение Мищенко барону Розену 8-го июля № 158.

38. Донесение бар. Розена гр. Паскевичу 6-го августа № 331.

39. Донесение прапорщика Корганова маиору Корганову 12-го августа № 34.

40. Предписание 28-го августа № 535.

41. Донесение барона Розена 4-го графу Паскевичу 11-го сентября 1830 т. № 1 (Дело 1830 г., арх. шт. отд. кавк. корп. по дежурству. особ. отд., № 31

42. Приказ по корпусу 4-го августа 1830 г № 112.

43. Фон Краббе и Мищенко пострадали конечно не вследствие последних событий в Дагестане, а по случаю прежних беспорядков, о которых дознание производил г. м. Завадовский. О "поступках" этих двух лиц граф Паскевич сообщил управляющему главным штабом для всеподданнейшего доклада еще 1-го мая 1830 года и просил об удалении их. Жаль, что нет сведений о том, были ли эти "поступки" доведены до главнокомандующим маиором Коргановым в бытность его в Дагестане, или же были причиною командирования его в Дагестан — "для поправления наших дел".

44. Не смотря на все эти милости и поощрения аварскому народу в лице его представителей, о Высочайше пожалованном Аварии знамени, как видно, все позабыли. Только в 1851 г. оно было найдено в штабе командующего войсками в Прикаспийском крае, и князь Аргутинский возбудил вопрос о нем, так как в старых делах никаких сведения об этом знамени не оказалось, и грамота на него, вероятно, утрачена была при истреблении аварских ханов в 1833 году и разграблении их дома. Только в декабре 1851 года канцелярия военного министерства уведомила что инвеститурными грамотами на имена Сурхай-хана и Абу-Султан-Нуцал-хана, от 25 и 26 февраля 1829 года, знамена пожалованы им для хранения наследственно в их доме. (Дело канцелярии начальника главного штаба кавказской армии 1851 года № 5, лит. Б., по наград. отд.).

45. Донесение г. м. Каханова 2-го 27-го сентября 1830 г. № 12.

Текст воспроизведен по изданию: Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник, Том 12. 1888

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

ВОЙНА НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

С 1824 ПО 1834 г.

В СВЯЗИ С МЮРИДИЗМОМ

XIII.

Мятежная деятельность Шабана у глуходар и среди джарцев. Сборы неприятеля. Меры противодействия ему. Движение скопища к селению Белаканы. Неудачная для нас стычка. Поражение горцев 21-го июня. Открытие джаро-белаканского областного управления. Изъявление покорности некоторыми обществами. Виновники возмущения. Новые волнения в области. Сборы Гамзат-бека. Нападение на шт. р. кн. Андроникова. Состояние населения. Вступление Гамзат-бека со скопищем в пределы области. Уловка обществ Бохнады и Ухнады. Наше положение. План Гамзат-бека. Нападение на пост у сел. Бежаньяны. Открытие неприятелем военных действий. Бой 13-го октября. Нападение на драгун на урдонской переправе. Поражение наших войск 15-го октября и отнятие у нас четырех орудий. Предусмотрительность графа Паскевича и его распоряжения. Неудовольствие Государя. Обвинение фельдмаршалом генерала Стрекалова. Милостивая резолюция Императора 1.

"Святой" Шабан — как называли его в горах — после непродолжительной отлучки в Дагестан снова возвратился к глуходарам, где положил такое удачное и прочное начало "козиевой" пропаганде. Лучшего сподвижника и помощника имаму трудно было найти, поэтому он вверился ему безусловно и предоставил действовать самостоятельно. Шабан не только оправдал, но и превзошел все надежды своего патрона; он делал поистине чудеса не только среди немирных лезгин, но даже и джаро-белаканцев, где, впрочем, почва для него была вполне благодарная и с избытком вознаграждала всякое зерно, занесенное на нее невзначай даже ветром. Почва эта, как замечено выше, была — потеря джарцами старых Закатал, с которою они [107] никак не могли примириться. Объявив нам наружно свою покорность, они тотчас же возбудили у управляющего джарскою и белаканскою провинциями князя Бековича-Черкаского опасное для нас подозрение тем, что медлили возвращаться в свои дома и приняться за обычные мирные занятия. Князь Бекович должен был собрать старшин и объявить им свое решительное желание, чтобы население немедля возвратилось в свои места, иначе ослушание его будет принято за недоверие к нашему правительству. Старшины, как и всегда, обещали тотчас привести в исполнение это приказание. Действительно, они по возможности понуждали в тому жителей, и те понемногу стекались к своим очагам — но, как показали нам последующие обстоятельства, не для мирной и спокойной жизни, а для обсуждения вредных для нас мероприятий, частью для мелких разбоев, и в особенности для составления против нас нового заговора — преимущественно под давлением шиха Шабана.

Князь Бекович хотя пока ничего не знал положительного о настоящем настроении джаро-белаканцев, но, как генерал опытный, осторожный и разумный, не доверял этому опасному, мятежному, твердому и мужественному народу, составлявшему совершенную противуположность с чеченцами. Первая мера, которую он считал необходимою для

ограждения спокойствия в провинциях, заключалась в соответственном распределении состоявших в его распоряжении войск: двух действующих баталионов пехотного генерал-фельдмаршала графа Паскевича-Эриванского полка (2518 человек), шести рот 41-го егерского полка (1717 человек), шести орудий донской конно-артиллерийской № 3 роты, четырех орудий 5-й резервной батар. роты 21-й арт. бригады, части донского казачьего № 28 полка (170 человек), двух рот кавказского саперного баталиона и [108] милиции (50 казахцев, 50 тушин, 56 человек дворян Телавского и Сигнахского уездов). Руководясь частью своими соображениями, а частью указаниями фельдмаршала, он расположил в с. Белаканы одну роту пехоты (4-ю егерскую 41-го егерского полка), с небольшою конною командою и с двумя конным орудиями; у переправы через р. Алазань близь сел. Муганло — одну роту с несколькими казаками и пионерною командою, а все остальные затем войска стянул невдали от с. Джары, на высоте, избранной для постройки крепости. Здесь же, в селении Джары, предназначен был склад всех военных и продовольственных запасов. В случае каких-либо беспорядков в области князю Бековичу было предоставлено требовать подкреплений из царско-колодскоге лагеря. Для наблюдения за разбойничьим белаканским населением была учреждена должность пристава, на которую назначен войсковой старшина Мещеряков. Последующие затем мероприятия князя Бековича состояли в следующем: он заставил джарских старшин написать письменные предложения в селения большой Кусур, Карах и в общество Тленсерух, через которые проходили важнейшие караванные и стратегические пути, чтобы они склонились к покорности нам; занял караулами из джарцев все выходы с гор на плоскость и из 150 человек конных учредил разъезды от сел. Джары до речки Лагодехки; пригласил покорных нам тогда джурмутцев и изъявивших желание покориться ташлинцев к охранению пространства и горных проходов от речки Лагодехки до с. Гавазы — на что джурмутцы выразили согласие, а ташлинцы обещали с открытием дорог в горах прислать для переговоров своих старшин; воспретил появление без билетов на левой стороне Алазани жителей Телавского и Сигнахского уездов; испросил разрешение Паскевича на водворение среди [109] покорных нам глуходар наших приставов и предназначил на эти должности в общества Анцух и Капучу прапорщика князя Иосифа Вачнадзе, а в Джурмут прапорщика Сосия Андроникова, отправление которых к местам их назначения, впрочем, замедлилось.

Но как ни были необходимы и рациональны все эти мероприятия, они, к сожалению, не могли оправдать наших ожиданий, потому что бессильны были составить преграду слову и идее, которые свободно перелетали от Шабана во все намеченные им углы; кроме того, они влияли на джаро-белаканцев вполне отрицательно, потому что раздражали их, представляя затруднения к осуществлению их заветного замысла — отнять у нас Закаталы и не допустить нас к устройству там крепости, Шабан отлично знал эту тайну джарцев,— и не успели мы еще в апреле привести в исполнение большую часть наших преднамерений, как он поставил нам первую запятую в образе посланного в Джары и в другие общества воззвания такого рода:

"О любезные братья и друзья нагая, начальники исламизма! Не бойтесь и не печальтесь. Всевышний объявил в Коране, что после трудов следует великая радость. Потерпите до тех пор, пока снег сойдет с гор, и тогда, если Богу угодно будет, я приду с большим войском и с старейшинами, которые не оставляют богатство неверных на земле и младенцев в колыбели, не взирают на положение неверных и не смотрят на сопротивление, по словам Бога, что "если из вас будет двадцать терпящих, то победите двести человек; если вас будет сто, то победите тысячу неверных, ибо вы боитесь Бога, а Бог помогает терпящим. Терпение есть ключ рая, и нет силы и крепости токмо от Бога". Я прошу всевышнего Творца, дабы он прислал ко мне

одного из нас для назначения месяца и дня, в который должны выступить войска. С божиею волею, я ничего не упущу для сего: войско уже готово и смотрит на дорогу, как кошка на добычу. Вы, чорельцы — начальники [110] исламизма, и шествуйте по пути истины. Проклятие же и гнев божий да будут над дженгило, берущим взятки, и над прочими, явившими себя неверными. О вы, одаренные благоразумием! помните, что вы правоверные; прилепитесь к религии вашей: нет чести тому, кто не имеет веры, Уже приближается время долгого похода".

Прокламация эта была доставлена джарскому казию неизвестным глуходаром в то время, когда он заседал в совете старшин. Человек этот был нам предан и, кроме того, опасался всякого постороннего совместничества и влияния, которые могли бы умалить его власть и значение в народе переходом их в чужие руки. Поэтому он тут же отнесся к этому воззванию очень недружелюбно; но, вместо того, чтобы его уничтожить или скрыть от населения, он сделал непростительную ошибку, приказав собраться всем жителям и прочитав им депешу Шабана всенародно. Правда, он его обозвал лже-святым, порицал его, разорвал прокламацию в куски и с сердцем швырнул ее под ноги; но поведение его в этом случае далеко не всеми было одобрено, и он вскоре в этом убедился на деле. Некоторые лица подняли с земли куски разорванной бумаги, склеили их и прислали князю Бековичу чрез белаканского старшину Мамеда Муртузали-оглы.

Это случилось почти в то самое время, когда, по словам маиора Корганова 2:

"Джарцы прислали койсубулинцам и прочил вольным горским обществам присягу, что они, с наступлением лета, если получат из гор подкрепления, приступят к неприязненным действиям и дадут помощь и им (т. е. койсубулинцам и прочим), если русские сделают натиск на обитаемые ими места".

Степень противодействия, которое ших Шабан поставлял мероприятиям князя Бековича-Черкаского, очень скоро [111] стала для последнего ясною и вполне видимою. Дождавшись открытия в горах дорог, и не дождавшись ташлинских старшин, которые обещали явиться для переговоров об охранении ведущих в их общество горных проходов и даже о принесении нам покорности, командующий войсками отправил к ним прапорщика Сосия Андроникова и белаканского старшину Мамеда Муртузали-оглы. Они посетили не только Тебель и Таш, но даже и другие глуходарские общества и были приняты везде радушно, так как попали в счастливую минуту, когда Шабан выехал на короткое время в Дагестан для свидания с Кази-муллою. Возвратясь, они доставили и интересные, и неприятные для нас новости. Первые состояли в следующем: тебельский старшина Хочерой-Магома, который до прибытия к глуходарам Шабана присылал к нам сына с изъявлением покорности, успел убедить свое общество, что полезнее примкнуть к России, чем заблуждаться вместе с Шабаном. Тебельцы послушались и доверили ему прибыть к нам с выражением покорности, а вслед затем, и выдать аманатов. Действительно, Хочарой-Магома вскоре после того явился в Белаканы. Ташлинский старшина Захал-Махды-Магомет-оглы обещал также придти с аманатами. Жители большого Кусура, Караха и Тленсеруха дали подобный же ответ по поводу письма к ним джарцев, говоря, что явятся на горные границы джарских владений для переговоров, а до того времени обязуются не пропускать через свои земли и через мост на Самуре никаких партий, идущих на разбой в Грузию. Вторые же новости, не совсем благоприятные для наших домогательств в горах, изображали собою ту силу и влияние, которые успел завоевать себе над глуходарами "святой Шабан хунадинский". Тебельские и ташлинские старшины заявили

нашим парламентерам, что они и прежде готовы были явиться к нам [112] с покорностью, но ших проклял даже их помысел о том и старался восстановить против них буйные толпы, увлеченные его фанатизмом. Он успел уверить своих последователей, что наступило время побеждать магометанам неверных, и что он сам первый поведет народ на поражение их. На громадное общество Анкратль он повлиял еще сильнее: большинство населения надело чалмы, перестало курить табак и употреблять хмельные напитки, с доверчивостью и благоговением передало дела свои на разбирательство духовного суда, т. е. шариата, и перестало следовать адату. Для поднятия оружия против русских назначен был Шабаном курбан-байрам, который и начался в тот день, когда посланные возвратились от глуходар, а именно 21-го мая.

К сожалению, князь Бекович не придал особенного значения последним известиям. Шабан же, возвратившись к глуходарам тотчас по отъезде Сосия Андроникова и Мамеда Муртузали, одним взмахом порешил все данные нам ташлинцами, тебельцами и прочими жителями заявления и обещания и постарался нам доказать, что во-первых, они не более, как миф, а во-вторых, что глуходары и преданнее, и послушнее ему, чем нам.

Граф Паскевич в это время собирался к отъезду в Петербург и делал прощальные распоряжения по краю. Уверенный, что в Джаро-белаканской области дела поставлены хорошо, и спокойствие не будет нарушено никаким крупным событием, он счел только необходимою одну последнюю меру — оградить и самое население от случайных грабежей и разбоев. Для этого он командировал туда своего адъютанта, лейб-гвардии казачьего полка штабс-ротмистра князя Яссе Андроникова, которому поручил охранение границ Сигнахского уезда и джарских владений от покушений хищнических партий. Признавая [113] в то же время, что задача и самая роль князя Бековича в области окончены, а Дагестан нуждается в разумном начальнике и распорядителе — тем более, что в это время койсубулинский вопрос не был еще разрешен и, кроме того, "открылись беспорядки, допущенные генералом Краббе и полковником Мищенко" — главнокомандующий приказал князю Бековичу выехать в Дагестан "для восстановления там спокойствия", а управление джарскою и белаканскою провинциями поручил войска донского генерал-маиору Сергееву 1-му; тифлисскому же военному губернатору генерал-адъютанту Стрекалову, которого оставил по себе в Грузии и за Кавказом, он поручил немедля открыть экспедицию против осетин. 27-го мая Стрекалов сделал первые распоряжения о движении войск в Осетию, над которыми сам принял главное начальство, а Сергеев в этот же день прибыл в Закаталы и вступил в управление джарскою и белаканскою провинциями и в командование войсками.

Вновь строющуюся закатальскую крепость он нашел в следующем виде: с северо-восточной стороны был вырыть ров и возведена стена от двух до двух с половиною аршин, а с северо-западной, от оврага, только был заложен фундамент и выведена стена в некоторых местах не свыше полутора аршина; орудия для вооружения крепости еще не прибыли 3. Из этого было видно, что мы не торопились упрочиваться на занятом пункте, уверенные, что для этого время не уйдет. При отсутствии, таким образом, всякой обороны в новых Закаталах, у нас, кроме того, и вся Кахетия была открыта вторжению партий, так как к устройству предположенной [114] кордонной линии от с. Мухахи до с. Бежаньяны, о которой гр. Паскевич предписал князю Бековичу еще 20-го марта, не было даже и приступлено. Между тем с 1-го июня стали носиться повсюду зловещие предзнаменования, выражавшиеся, главным образом, в неповиновении джарцев, в их подозрительных сходках, в мелких происшествиях и т. д. Пока Сергеев

соображал, чему все это приписать, и какие меры предпринять для поддержания, в случае надобности, спокойствия, он получил 3-го июня, во время поездки своей в Белаканы, известие о том, что в Дагестане, по приглашению джарцев, собирается сильное скопище, цель которого — во что бы ни стало помешать нашему утверждению в новых Закаталах. Это сведение заставило Сергеева тотчас возвратиться в Закаталы для распоряжений по обороне области. С прибытием его, к нему со всех сторон стали стекаться новые вести из верных источников, что джарцы и закатальцы приготовились к открытому восстанию и ожидают только гостей, чтобы немедленно присоединиться к ним, а главное — что эти гости, в огромном скопище, уже находятся в Джурмуте, во главе с шихом Шабаном, и намерены двинуться прямо на Белаканы. Тогда для усиления этого последнего пункта, командующий войсками отправил 9-го июня еще одну роту графа Паскевича-Эриванского полка, с одним орудием, под командою маиора Бучкиева, приказав ему укрепиться там наскоро и быть готовым встретить неприятеля. Бучкиев живо приступил к возведению редута, который представлял собою хотя маленькое и тесное, но, по положению своему, весьма важное укрепление, потому что к нему сходились дороги из гор. Редут состоял из двух бастионов с ломаною куртиною, а прочими частями примыкал к речке Белакан-чай. Так как на левом фланге линии, в Кварели, и в других местах находились [115] три роты Грузинского гренадерского полка, которые были разбросаны на весьма большом пространстве, то Сергеев вытребовал из Мухровани в Кварели еще одну роту гренадер, а для прикрытия муганлинской переправы, которую, по сведениям, джарцы намерены были занять при вторжении дагестанцев и тем прекратить всякое сообщение с Грузиею, выслал роту графа Паскевича-Эриванского полка и два орудия; на Царские Колодцы же дал знать, чтобы два дивизиона драгун и четыре орудия немедля прибыли в Закаталы. Драгуны не заставили себя долго ждать и 11-го июня уже стояли на назначенном месте, видимо озадачив джарцев своим внезапным появлением.

11-го июня часть сил Шабана заняла урочище Рогно-ор, в 25-ти верстах от Белаканы и в 40 от Джары. Он сам проживал пока в джурмутском селении Салта и набирал вооруженные толпы из Анкратля, Анцуха, Капучи, большей части Ханали, Хидв, Бохнады, Таш, Канадаля (Канады), Ухвады и Анцросо и в заключение даже самого Джурмута. Паника, распространившаяся по линии, определяла числительность этого скопища от десяти и даже до тридцати тысяч человек, независимо от тех, которых, по словам белаканского старшины Мамеда Муртузали-оглы, Кази-мулла быстро набирал в Тленсерухе, Карахе и Андалале для присоединения их к Шабану в течение трех дней 4. Хотя эти слухи были явно преувеличены и верить им не представлялось возможности, генерал Сергеев все же счел необходимым прибегнуть к противодействию свободному движению неприятеля на плоскость, которое состояло в том, что он устроил впереди белаканского [116] форта, для придания ему большей твердости, укрепленный лагерь и усилил Бучкиева еще одною ротою графцев и ста человеками обывательской конницы. Это не было не кстати, потому что 12-го июня разъезды лезгин показались уже в 15-ти верстах от сел. Белаканы, на горе Моуров-даг, откуда шла особая дорога и на с. Джары. Но сам ших Шабан еще не трогался с места. Считая нужным поддержать энергию белаканцев, которые несколько приуныли с прибытием к нам подкрепления из Царских Колодцев, он послал к ним из Джурмута следующего рода воззвание:

"Свидетельствуем наше почтение и желаем вам божией милости. Наше желание состоит в следующем: 1) дабы все общество осталось по прежнему обыкновению в законе мусульманском, а не руководилось неверными русскими законами; 2) объявляем вам, что мы

двинулись к вам по милости всевышнего Бога, дабы русских удалить от вас и от семейств ваших — чего мы надеемся, по достаточному числу людей, могущих противостать русским; 3) просим, чтобы старшины ваши в наискорейшем времени пришли к нам для совещания, дабы успеть в предполагаемом нами деле".

Воззвание это, как видно, ободрило белаканцев, потому что они смело выразили неповиновение своему приставу войсковому старшине Мещерякову, когда он приказал им выслать 30 человек для разъездов и 25 арб для перевозки провианта от новых Закатал до Белаканы, а старшина Мамед Муртузали, на требование маиора Бучкиева о доставлении вернейших сведений о скопище шиха, отвечал, что "неприятель идет не на них, а на русских". Донося об этом графу Паскевичу, генерал-адъютант Стрекалов заметил, со слов генерала Сергеева, что "белаканские жители явно обнаруживают свое неповиновение". При этом, решительных распоряжений он никаких не сделал, потому что "не знал правил, которые даны [117] Сергееву сообразно с местностью для руководства в подобных обстоятельствах", и все, чем он ограничился, состояло в том, что подтвердил Сергееву об особенном внимании к бдительности кордонов и снабдил его некоторыми тактическими наставлениями.

После отказа, данного белаканским старшиною Мамедом маиору Бучкиеву, последний, а также и Сергеев должны были изыскать другие средства для получения сведения о силах противника, которые составляли для нас самый жгучий вопрос. Сергеев нашел среди джарцев двух лазутчиков, которые за хорошие деньги взялись побывать в гостях у шиха. Они были снабжены письмом от "чарских ученых старшин и общества", к обществам сомнительного поведения и к самому Шабану. В письме этом ученые и старшины просили, для общей пользы, оставаться в покое и не приходить в область, так как пред сим — заявляла они — "мы получили обиды и потерпели большие убытки, которых вы были единственною причиною". Но в этом письме было одно выражение, которое указывало самому недальновидному человеку, что оно составлено не по убеждению, и исключает в себе всякую искренность. Это выражение заключалось в словах: "мы за долг поставили, по приказанию управляющего нами генерала, писать это письмо". Нет сомнения, что Шабан проник всю эту мистификацию и послал ответ, который далеко не был им противен, следующего рода:

"Свидетельствуем вам наше почтение и вместе с сии просим всевышнего Бога, чтобы вы были победителями неверных. Желание наше, равно и большого войска, состоит в том, чтобы предприятие ваше исполнилось. Повинуясь законам пророка нашего, мы идем к вам, любезные братья и друзья наши. Не бойтесь и не думайте ни о чем: русские имеют в виду другую цель. Вы знаете, что закон нам велит помогать и поддерживать друг друга, и потому, [118] призываю всевышнего Бога во свидетели, что вы не будете раскаиваться в предпринимаемом нами деле. Бог поможет тому, кто поддерживает свои законы; известно вам, что Он крепок и велик. Каждый татарин обязан теперь идти для исполнения закона нашего и пожертвовать своею жизнью. Пусть придут старшины ваши и ученые люди для совещания в наш лагерь"... И т. д.

На другое длиннейшее письмо, писанное джарскими старшинами в предыдущем же роде и тоне, Шабан отвечал:

"Сколько на небе звезд, столько раз я преклоняю главу мою перед вами. Желаю, чтобы божия милость излилась на вас столько же обильно, как бывает велико число капель в проливном дожде. Если вы не придете к нам для совета и не примите слов наших, а будете заодно с

русскими, то для нас никакого вреда не принесете, и сбудется сказанное Богом, что от неверных не произойдет ни блага, ни зла. Надеюсь, что неверные будут нами побеждены, и что, по милости Его, мы будем от них в покое"... И прочая.

Нет ничего удивительного, что Сергеев, которому были доставлены на редакцию письма джарцев, а потом и ответы на них, убедился, что Шабан слишком тверд в своем решении; но удивительно то, что на самые письма джарцев он взглянул очень доверчиво и пришел к заключению, что население раскаивается, и что "объявление от печальных старшин, ученых людей и прочих жителей джарского общества" соседям их и самому Шабану вполне искреннее — о чем и не замедлил донести Стрекалову. Лазутчики, возившие письма и получившие ответы, застали шиха в первый раз в селении Салта, всего лишь с пятью стами вооруженных воинов; остальные партии находились в близлежащих деревнях. Шабан объявил посланным, что он не замедлит и сам лично прибыть на Рогно-ор, где назначил сборный пункт дли всего скопища. Бучкиев также приискал двух лазутчиков, которые [119] доставили ему сведения более серьезные и обстоятельные: они встретили двухтысячную партию лезгин, которая спешила уже занять Моуров-даг; по ее сказаниям, вслед за нею должен был двинуться сам ших, общее число войск которого будет достигать до десяти тысяч человек и возьмет направление через ущелье Кафисдара к селению Катехи. В виду этого последнего обстоятельства Сергеев приказал катехцам, чтобы они при первом появлении лезгин отразили бы их оружием; но старшина Ибрагим-Цодар-оглы отвечал ему, что жители бессильны оказать Шабану свое противодействие. Настоящий смысл этих слов Сергеев понял очень скоро и хорошо, так как одновременно с ответом Цодар-оглы получил достоверное известие, что катехцы не только держат себя в стороне, но даже снабжают неприятеля продовольствием. Чтобы нагляднее убедиться в настроении катехцев, он 17-го июня послал к их главному селению разведочную конную партию. В двух верстах от Катехи она наткнулась на двести человек глуходар, захвативших, между прочим, выставленный в ущельи Кафисдара обывательский караул. К ночи часть неприятельских сил заняла ближайшие к сел. Белаканы высоты, предоставив возможность отряду Бучкиева издали полюбоваться многочисленными своими кострами. Генерал Сергеев думал сперва идти навстречу Шабану к урочищу Рогно-ор, но тотчас же и отказался от этого, так как пришел к заключению, что подобное движение по непроходимому лесу было бы по меньшей мере несообразностью. Он решил ожидать противника на плоскости и тем временем употребил самые энергические меры для приведения крепости новых Закатал в такое оборонительное положение, чтобы она при наступательном нашем действии могла соответствовать покушению, "которого надобно было ожидать от покорных [120] нам жителей чрез производимое возмущение шихом, и держать их в полном повиновении".

Этот ших не заставил нас долго ждать себя. 19-го июня, с толпами в две тысячи человек, он спустился с гор и остановился в ущельи при урочище Кафисдара, против селения Катехи. Навстречу ему были посланы казаки и часть местной конницы, под начальством подполковника Платонова, а два дивизиона драгун поставлены у с. Катехи в резерве. При входе в ущелье Платонов встретил передовой отряд шиха в числе двухсот слишком человек. Глуходары открыли по нем таков сильный ружейный огонь, что он не устоял и должен был повернуть обратно. Ободренные этою первою нашею неудачею, катехцы тотчас же выразили нам полную враждебность, отказав наотрез в высылке затребованных у них в тот день подвод для перевозки материалов к строившейся крепости. Пример их подействовал и на жителей всех других деревень, находившихся у новых Закатал с их подводами: они тотчас же

разбежались — и постройка крепости остановилась. Чтобы удержать катехцев в повиновении и не допустить до явного возмущения остальные селения, генерал Сергеев приказал вооружить крепость орудиями, прибывшими с драгунами из Царских Колодцев, и думал на другой день с частью войск предпринять наступление к Катехам. Маиору Бучкиеву он велел также на следующее утро отправить из форта в сел. Белаканы, к в. ст. Мещерякову, одну роту с двумя орудиями, а самому, с двумя ротами и горным единорогом, следовать за ним в Катехи для восстановления порядка и наказания возмутителей.

Но этим распоряжениям не суждено было осуществиться, так как Шабан поспешил предупредить их. По словам Сергеева, можно думать, что это предупреждение [121] явилось вполне нечаянным для самого Шабана; но на самом деле это трудно сказать, и Сергеев едва ли мог знать истину, так как действия шиха с того дня, как он получил письма от джарцев через наших лазутчиков, вообще носят отпечаток скрытности и некоторой загадочности, доказывающих всю ловкость и проницательность его. Сергеев говорит, что Шабан, будто бы не надеясь на успех своего предприятия, в ночь на 21-е июня прислал к нему джурмутского старшину Дабир-Магомета с выражением своего желания передаться нам и вступить в подданство России, если только наше правительство дает ему средства к жизни. Кроме того, посланный заявил Сергееву от имени шиха, что последний призван самими джарцами и закатальцами, которые просили его выгнать русских и не позволить им строить крепость. Сергеев не мог не обрадоваться такому неожиданному обороту дел, обласкал старшину, одарил его и велел сказать шиху, что он готов ходатайствовать за него у фельдмаршала, если он обещает быть усердным и верным слугою. Мало того, доверчивость Сергеева к предложению Шабана была настолько велика, что он на другой день обещал сам прибыть — впрочем, с отрядом, в Катехи. чтобы видеться с ним в ущельи Кафисдара и лично услышать от него все желания.

"Но до возвращения сего посланного старшины Дибир-Магомета — пишет в своем донесении Сергеев — белаканцы прибежали к шиху с донесением, что русские оставляют Белаканы: драгуны ушли, пехота с маиором Бучкиевым также уходит, и для поднятия тяжестей уже вытребованы арбы. Они просили его, чтобы он поспешил идти навстречу Бучкиеву, захватил бы его в лесах и вырезал, уверяя, что все белаканцы готовы примкнуть к нему".

На этом основании Шабан, отказавшись, по словам Сергеева, от свидания и переговоров с ним, с [122] рассветом 21-го июня бросился по дороге на Белаканы и, действительно, на пути присоединил к себе толпы ожидавших его джарцев, катехцев, мацехцев и закатальцев. Проходя леса, он нигде не нашел маиора Бучкиева, который, получив весьма поздно распоряжение Сергеева, не успел выступить из форта к селению Катехи. Прибыв к селение Белаканы, Шабан также не встретил там наших войск, а между тем и здесь усилился всеми жителями, которые увеличили и без того громадное его скопище до восьми тысяч человек 5, и просили его тотчас же атаковать редут. Бучкиев поспешил заключиться в редуте, имея под ружьем 719 человек, при трех орудиях 6, и будучи совершенно приготовлен к бою. Не мало удивился генерал Сергеев, когда в десять часов утра получил известие, что ших Шабан, вместо того, чтобы выждать ответ на предложенную им покорность, показался на плоскости и следует к селению Белаканы. Подхватив тотчас две роты графа Паскевича-Эриванского полка (450 штыков), под командою полковника Кошкарова, приготовленные для сопровождения его в Катехи на свидание с шихом, два дивизиона Нижегородских драгун, три орудия, две кегорновых мортиры и часть казаков подполковника Платонова полка, командующий

войсками в три часа пополудни двинулся о ними форсированным маршем по следам неприятеля.

В этот самый момент все скопище Шабана, с девятнадцатью разноцветными значками, развернулось перед [123] белаканским редутом. Унылая песня мюридов огласила собою окрестности, за нею последовал отчаянный гик — и вся масса, во главе с своим предводителем, понеслась на укрепление. Шабан, выхватив из рук следовавшего рядом с ним мюрида свой значок, подлетел ко рву на двадцать саженей и с размаха всадил его в землю. Моментально зареяли возле него и все остальные значки. Загремела бешеная ружейная пальба, пронесся визг картечи — и небольшой редут окунулся в густом пороховом дыму. Не смотря на град пуль, нашего гарнизона и на учащенные картечные выстрелы орудий, которые поражали атакующих в упор, вырывая из их густой толпы разом десятки жертв, глуходары, большею частью спешившиеся, лезли в ров и на бруствер в полном смысле слова закрывши глаза. Но ничего они поделать не могли и только напрасно истощили запас своей энергии. Опомнившись после данного им отпора, они быстро отступили, заняли позицию вне нашего орудийного выстрела и приступили к устройству завалов. В самое непродолжительное время в лагере их появилось огромное число арб, на которых услужливые жители спешили доставить им бревна, хворост, камни и тому подобный материал, необходимый для укрепления их лагеря и для осады редута. Закипела самая оживленная работа, и туры, подвижные щиты, фашинник рождались один за другим и укладывались на арбы так проворно, как будто они изготовлялись на заводе паровою машиною. С наступлением ночи начались новые атаки горцев, но, благодаря мужеству гарнизона и распорядительности Бучкиева, все оне были отражены. Так продолжалось до рассвета, когда, по приказанию отважного Шабана, новый всеобщий штурм должен был, наконец, решить участь защитников, при пособии для неприятеля устроенных им за ночь вспомогательных осадных средств. [124]

Сергеев следовал безостановочно, без привала. С наступлением вечера он получил на половине дороги записку от маиора Бучкиева, писанную в три часа пополудни, в которой тот доносил, что скопище находится перед редутом, и гарнизон приготовился к бою. Сергеев и рад был бы усилить марш, но на беду хлынул проливной дождь, окрестности скрылись в глубоком мраке, речонки разлились, и вскоре по дороге образовалась густая грязь на четверть аршина. Однако отряд, не взирая на все препятствия, встречавшиеся на каждом шагу, подвигался с необыкновенною энергиею. На бродах, где невозможно было перейти пехоте, ее размещали на драгунских лошадях — и речка за речкою быстро исчезали позади. Наконец, к четырем часам утра, когда Шабан приготовился нанести решительный удар злополучному редуту и уже двинул ко рву на арбах щиты, намереваясь забросать его фашинником, гарнизон услышал впереди раскат сигнального выстрела. Впечатление, произведенное этою неожиданностью на горцев, было так велико, что они, не дождавшись приказании своего предводителя, рассыпались в одно мгновение в разные стороны и бросились частью к горам, а частью и по дорогам на плоскость. Генерал Сергеев тотчас отрядил роту егерей, с горным единорогом, дивизион драгун, казаков и часть обывательской милиции, под командою подполковника Платонова, и приказал ему гнать неприятеля до пределов возможности. Настойчивое и назойливое преследование продолжалось на протяжении двенадцати верст, "до самых неприступных гор".

В своем донесении Сергеев говорит:

"Потеря с нашей стороны в течение двенадцати часов штурма весьма незначительная 7; неприятель же потерял при неоднократных [125] своих покушениях взять редут более шестисот человек убитыми и ранеными. Находившиеся в сем деле две роты г. фельдм. графа Паскевича-Эриванского полка и одна рота 41-го егерского полка в течение двенадцати часов дрались с неимоверною храбростью и присутствием духа, в чем я, при осмотре редута и войск, защищавших оный, лично удостоверился, поелику земля противу двух фасов, на которые неприятель несколько раз с азартом бросался, вея покрыта была неприятельскою кровью и еще дымящеюся".

Вслед за этим г. м. Сергеев доносил, что потеря неприятеля гораздо значительнее шестисот человек, потому что, кроме этого числа, в селении Белаканах и в окрестности, в густых лесах, открыты были ямы, наполненные каждая 5-10 убитыми глуходарами, которых Шабан успел схоронить в течение ночи. Вероятность этого донесения может и не подлежать сомнению, если взять во внимание, что наш гарнизон бил лезгин по большей части в упор, действуя в массу, и израсходовал 13412 патронов и 113 артиллерийских зарядов, из которых 47 картечей.

Ших Шабан, как оказалось, не в меру поторопился, и этим, к сожалению для себя, испортил все дело: приятель его Гамзат-бек стоял у него в тылу с трехтысячным скопищем дагестанцев, столь нетерпеливо жданным, и готов уже был подкрепить его; но узнав, что его сотрудник потерпел постыднейшую неудачу, тотчас распустил свои толпы и ускакал в Аварию. Когда тих Шабан, с своими двумя братьями и с четырьмя приближенными к нему мюридами, прискакал в с. Кашелуг (джурмутского общества), где должен был встретить гоцатлинского бека, то там, к прискорбию, не застал уже никого. Запершись наглухо в одной из сакль преданного ему глуходара, он отказался от всякого общения с живым миром — не потому, впрочем, что обрек себя [126] молитве, а потому, что опасался пасть под кинжалом какого-нибудь огорченного отца, не остывшего еще от негодования и раздражения по случаю бесцельной потери своего единственного сына.

Поражение скопища 21-го июня тотчас произвело свое действие на джаро-белаканцев: они притихли и на другой же день обратились к послушанию нам. Опять пригнали они свои арбы к строющейся крепости, стали усердно подвозить материал и не прекословили нашим требованиям и распоряжениям ни единым словом. Это доказывало, что спокойствие установлялось. Сергеев однако думал, что скорое нарушение его возможно, почему оставил в селении Белаканы две роты и два орудия; два дивизиона драгун он отпустил на Царские Колодцы, а сам, с остальными войсками, 23-го июня возвратился в новые Закаталы.

Водворившееся затишье было лучшим моментом для Сергеева, чтобы привести в исполнение распоряжение гр. Паскевича, последовавшее еще в марте месяце, об открытии джарского областного временного управления. Желая обставить этот случай особенною торжественностью, которая бы выгодным для нас образом подействовала на воображение местного населения, командующий войсками назначил для этого 25-е число июня — день рождения Государя Императора, заблаговременно известив о том джамат и пригласив к празднику старшин всех селений. К объявленному часу масса народа наполнила собою недостроенную крепость и ее окрестности. Две тысячи наших солдат стояли в параде под ружьем. После литургии отслужено было молебствие о здравии Государя и Августейшего Дома, и во время исполнения священной песни "Тебе Бога хвалим" ежеминутно производился из орудий один выстрел. Затем, из церкви последовал церемониальный крестный ход к приготовленному для правления дому. По прибытии на [127] место, где возле аналоя

красовались портреты Государя, Государыни и графа Паскевича, была провозглашена, среди благоговейной тишины, сперва на русском, а потом на татарском языке, речь, с изложением в ней цели учреждаемого гражданского правления, и отслужено вновь благодарственное молебствие с коленопреклонением и водосвятием. После всего этого лица, заранее избранные в члены правления из русских чинов и туземных старшин, были приведены к присяге на должность при непрерывном беглом ружейном огне, нарочно открытом для большей торжественности, и при громе ста одного салютационного пушечного выстрела. Сергеев говорит:

"Благоговение и удивление попеременно изображались на лицах здешних обывателей; место, украшенное портретами, и умилительный вид русских чиновников располагали сердца к чувствам доселе ими неиспытанным".

С этой минуты началось фактическое существование Джаро-белаканской области.

Как ни был Сергеев мало знаком с населением, вступившим в гражданское его управление, но последние события и поучение предшествовавших им обстоятельств дали ему возможность составить о нем довольно интересное мнение, из которого истекали дальнейшие затем его распоряжения. Он отзывается о джаро-белаканцах следующим образом:

"Узнав короче горцев, которые смотрела неравнодушно на построение крепости в Закаталах, я пришел к убеждению, что от них должно было всегда ожидать, что сей подлый народ, сверх меры от фельдмаршала облагодетельствованный, будучи вольный, привыкнув к разбоям и грабежам, имея большое влияние по богатству своему. в. Дагестане, и почти не занимавшийся никогда домашними и полевыми своими работами, которые обрабатывали у него приходящие из Дагестана глуходары за ничтожную плату, не будет никогда [128] покойный и верный к нам, кроне как будет всегда поджигать дагестанцев, готовых по бедности своей ко всем возмущениям и набегам в наши границы".

Действительность и верность этого взгляда сказалась в особенности в 1830 году.

"По обстоятельствам сим", Сергеев предположил как можно поспешнее привести к окончанию крепостные работы и тем временем сблизить с нами пограничные дагестанские общества, которым было бы выгодно находиться всегда под нашим покровительством. Орудием для достижения этой последней цели Сергеев избрал белаканского старшину Мамеда Муртузали-оглы, который имел с джарцами вечную вражду, по происхождению его из тухума Тебель, принадлежавшего джарцам, а с дагестанцами большое родство и связи. В последних числах июня он отправил его в Дагестан, приказав навестить Гамзат-бека и Шабана и осведомиться об их намерениях и желаниях. Мамед со всем усердием взялся за возложенное на него поручение, тем более, что оно было для него весьма выгодно в денежном отношении,— и нельзя сказать, чтобы он не имел значительного влияния на заявления о покорности, сделанные нам некоторыми обществами.

Прежде всего явились к маиору Бучкиеву старшины Канады и, принеся раскаяние в том, что увлеклись обманщиком Шабаном, просили прощения и предложили в знак будущей верности своих аманатов. Бучкиев обратил их к высшему начальству. После них родной брат Шабана, бохнадальский старшина Мамед-Гасан, прислал к Сергееву уполномоченного своего, джурмутского старшину Дибир-Магомета, с тем же предложением от себя и от Пяти горных магалов: Анцуха, Капучи, Таш, Тебель и Джурмута. Сергеев обласкал посланного и снабдил его

условиями, на основании которых могла быть [129] принята покорность Гасана и магалов. Генерал-адъютант Стрекалов одобрил эти условия, приказал генералу Сергееву держаться их на будущее время при изъявлении покорности новыми обществами и сим последним объявлять, что "злодейства, содеянные ими прежде сего, предаются совершенному забвению". Это послужило к руководству начальнику области в самом непродолжительном времени, когда прежде всех других прибыли с просьбою о прощении старшины из Джурмута, а с ними вместе, с выражением вторично желания покориться нам — и представители Таш и Тебель. Сергеев объявил первым, что прощает им присоединение их к Шабану и неприятельские действия против нас при Белаканах, а последним, что принимает их навсегда под покровительство России. Общества, в числе 33 деревень ташлинского и 8 тебельского магалов, принесли присягу, и к ним, а также к джурмутцам, отправлен был наконец приставом прапорщик Сосий Андроников. Ему не замедлили представиться все старшины джурмутских деревень, за исключением Кашелуга, Кешеурха и Гоноколо (Ченекело), отказавшихся от всяких сношений с нами и с нашим приставом. Гамзат-бек, узнав об этом перевороте среди глуходар, хотел воспрепятствовать ему. Набрав наскоро до тысячи человек из Кусура, Караха и Мукраха, он в первых числах июля явился с ними в Джурмут, но увидев, что опоздал, повернул назад. Мамед Муртузали уверил начальника области, что скоро явится к нему и сам Шабан с братьями, и что будто бы джарцы, желая показать свое усердие, готовятся сблизить с нами Кусур, Карах, Мукрах и даже самого Гамзат-бека — что, впрочем, являлось мало вероятным.

Когда граф Паскевич получил донесение об этих событиях, то прежде всего сделал Сергееву выговор за [130] то, что он простил джурмутцам их преступления, на том основании, что "никто из частных начальников, кроме главнокомандующего, не имеет права прощать бунтовщиков". Когда же вскоре явились к Сергееву с изъявлением покорности и с предложением аманатов жители Анцуха и Капучи, то он отклонил их заявление, "не имея на сей предмет никакого разрешения от начальства". За это он вновь получил замечание главнокомандующего, который. указав ему на сделанную ошибку, велел тотчас вытребовать аманатов. Приказание это было исполнено, и к анцухо-капучинцам отправлен был приставом прапорщик князь Иосиф Вачнадзе.

Наконец, в первых числах сентября явились два брата Шабана, с выражением желания не только от Мамед-Гасана, но даже и от самого шиха вступить в наше подданство и с извинением, что запоздали — хотя не по раздумью своих верителей, а по случаю господствовавшей в горах холеры. Приняв от Сергеева весьма выгодные для Гасана и Шабана условия, они объявили, что сами просители явятся через десять дней. Вслед за ними прибыли и депутаты от обществ Ухнады, Бохнады, Анцросо и Канады, которые подкрепили свои заверения о преданности нам, выраженные маиору Бучкиеву уже два месяца назад. На этом и остановилось всякое миролюбивое движение в горах, прерванное в своем течении новою неожиданного бурею, повернувшею назад всю нашу подготовительную для сближения с горцами механику.

Между прочим, мы много были обязаны Мамеду Муртузали также за обнаружение им главных виновников бывшего возмущения. Всех их оказалось свыше пятидесяти человек, и среди них до десяти собственно джарских старшин, которые были в непосредственных сношениях с шихом, посылали к нему письма, уговаривали народ [131] присоединиться к нему и т. п. Против каждого из этих лиц сделано было Сергеевым то или другое замечание, в роде "сей подлец главный разбойник в Дагестане" (бохнадальский старшина Фирдас-Магомет) или

"возил письма к шиху", "был при шихе во время нападения на Белаканы". Эти замечания давали возможность Стрекалову, а за ним и гр. Паскевичу, судить о степени вины их и о мере заслуженного ими наказания. Преданности к нам, по донесению Сергеева, не изменили только джарские старшины: Гаджи-Махмуд, Магомет-Али-Оцо-оглы, Хошов-Цетов-мулла-Али-оглы, мулла Магомет и белаканский Мамед Муртузали, которых он даже просил наградить за это медалями. Первоначальное распоряжение графа Паскевича о бунтовщиках, которое он сделал в Пятигорске 5-го августа, по пути из Петербурга, получив донесение о событии 21-го июня, состояло в том, чтобы предать их военному суду, а проживавших в Тифлисе аманатов верхних дагестанских обществ, которые участвовали в нападении Шабана, арестовать. Но Стрекалов, на основании представления Сергеева, находил, что эта мера может еще более восстановить против нас население, которое опять начало вести себя скромно, послушно, старается загладить свой поступок, само нарубило в два дня 500 саженей дров и доставило в новые Закаталы для выжигания извести, и пр., и пр. Вследствие всего этого он просил, чтобы назначенное им наказание за проступки только объявить — чтобы они знали, чему подвергаются при будущих подобных случаях, а потом "поступить с ними великодушно", и наказать их лишь в крайности, отложив, впрочем, это наказание до января месяца, как по случаю холеры, так и потому, чтобы, при арестовании, не дать им возможности уйти в Дагестан и там вновь волновать умы. Граф Паскевич, соглашаясь на отсрочку, тем не менее обязывал [132] Стрекалова непременно привести в исполнение его распоряжение к 1-му января, так как джарцы не в первый раз изменяют своей клятве, и если будут вновь прощены, то опять поднимут против нас оружие. При этом гр. Паскевич велел объявить Сергееву, что так как вся область не в состоянии выставить более двух тысяч вооруженных людей, а отряд его состоит из трех тысяч человек, то он не только не должен ничего опасаться, но, напротив, может действовать гораздо решительнее. Снисходительность Сергеева относительно народа, которого он так дурно, но вполне верно охарактеризовал, будучи явною непоследовательностью в среде его распоряжений, принесла нам один только вред. В то время, когда он так милостиво относился к открытым нашим врагам, в кругу которых многие давно были у нас на счету отъявленных разбойников, они быстро и энергично приготовлялись к новому возмущению, взывая о помощи к глуходарам, к дагестанским обществам и к Шабану. Всем анкратльским обществам они писали:

"Просим вас идти на русских на общий бунт, для истребления их, которые противны нашей вере. На этот раз выходите без всякой отговорки и в ту же минуту с получения сего, в понедельник 17-го числа, в день, назначенный к бунту, а мы, начиная от Конны-Кабы до Белакан, все готовы к сему числу, в чем дали друг другу присягу. Вы не смотрите на тех людей, которые хотят с ними мириться, почему лучше и полезнее исполнить божию волю, нежели мириться с неверными, если вы верите Богу и Пророку нашему. Ура, ура, ура! Остальные наши слова скажет вам податель сего".

К канадальскому и джурмутскому обществам они послали такого рода воззвание:

"Почтенные братья! Наша просьба к вам состоит в том, чтобы вы с получением сего вышли в действие на бунт с [133] русскими. Не отговаривайтесь и не занимайтесь другими вашими делами и хозяйством. Бог даст, будет вам здесь большая добыча и имущество. Ура, ура, ура! Если вы имеете душу и правосудие, исполните нашу просьбу".

Один из джурмутских старшин Усуль-Омар первый отозвался на эту просьбу и даже от себя лично тотчас же сообщил призыв в Дагестан.

Но интереснее всех было письмо "от старшин джарской области и елисуйского владения" к дагестанцам:

"Мы плачем от божьего наказания, что к нам привел русских и посылал солдат к нашим женам. Вы нам помогите. Мы перед Богом создателем нашим клянемся, что для нас и имущество наше ничего не значит — только жены и дети. Вы не оставьте нас, ради Бога и пророка, по сей бумаге, Многие из нас оставили имущество свое ради отечества и ушли от неверных. Ты, ших Шабан, выходи с своим войском! Теперь мы зубы свои во рту грызем, и нам это не стыдно, а, напротив, почитаем за долг, потому что мы обиженные люди. Остальные наши поручения вам передает податель сего. Только делайте сие для Бога, для Бога и для Бога".

С письмами этими были отправлены десять надежных депутатов, на ловкость которых возмутители полагались вполне. Они, действительно, очень скоро сумели повлиять на дагестанцев, и в то самое время, когда Сергеев утешался поведением кающихся глуходар, ближайших к нашим границам, в Дагестане в конце июля опять происходили оживленные сборы в пользу джарцев, а старый наш знакомец белад Бегай, созвав в верхних глуходарских обществах до 1000 человек, намеревался произвести нападение на кистин, с которыми имел какие-то счеты. Хотя собственно кистины, будучи нам непокорными, нас не интересовали с точки зрения их поражения и разорения Бегаем, и мы сами даже готовились открыть против них экспедицию, но сборище белада было для нас не [134] совсем приятно, потому что оно не могло не иметь связи и с новыми затеями дагестанцев. Это оправдалось вполне, так как Ахмет-хан, Аслан-хан и Сосий Андроников сообщили нам тотчас же о действительности этого факта и о том, что Гамзат-бек, в расстоянии одного дня езды от Джурмута, в районе действий Бегая, стоит с двумя тысячами дагестанцев, намереваясь низринуться в Джаро-белаканскую область и оттуда пройти в Кахетию; кроме того, будто бы независимо от него, жители Тленсеруха, Караха, Мукраха и Бохнады дали взаимную присягу, чтобы и с своей стороны произвести такое же нападение по миновании жаров и по уборке хлеба. Скопище Гамзата должно было значительно усилиться аварцами. которых он ожидал со дня на день. Но, к счастью для нас, все это предприятие расстроила весьма благодетельная на этот раз холера. Она живо охладила все порывы аварцев и заставила их разойтись по домам; а так как без них Гамзат-бек не решился открыть свои действия, чтобы не восчувствовать и на себе всех невыгод, испытанных Шабаном 21-го июня, то последовал примеру своих соплеменников и убрался в Аварию, распустив свои толпы и объявив им, что соберет их в непродолжительное и более удобное время.

Между тем "холера-морбус" стала поражать и наши войска. В виду сильной смертности Сергеев расположил их на высотах и крепостные работы прекратил. Джарцы, узнав, что наш отряд, вследствие массы больных и частью умерших, уменьшился (по словам Сергеева) наполовину, послали в Дагестан новых своих агентов с неотступною просьбою к разным обществам и к Гамзат-беку поспешить к ним на помощь и с обещанием подарить им за это своих подвластных энгилойцев и енисельцев, населявших алазанскую долину; сами же, [135] между тем, стали собираться в Закаталах дли решения, как им поступить в виду столь выгодных для них обстоятельств. Одни советовали, не упуская времени и не ожидая дагестанцев, ночью напасть на наш ослабленный отряд и вырезать его, другие требовали непременно подождать дагестанцев. Три раза собирались они в мечети, а также в доме старшины Чанко-оглы и в других местах для решительного нападения и каждый раз, по

разногласию, оставляли свое намерение. Сергеев, узнав об этих замыслах, поспешил свести отряд к одному пункту, а больных расположил в домах, находившихся внизу крепости, и в балаганах, которые оградил завалами. Гамзат-бек обещал джарцам исполнить их просьбу, но велел немного подождать и в то же время еще раз подтвердил дагестанцам, что они должны будут явиться на тот пункт, где он будет сам, когда пошлет к ним приказ о немедленном выступлении. Об этих треволнениях Сеид-кадий араканский сообщил генералу Краббе, а сей последний генералу Стрекалову, с присовокуплением, между прочим, что Гамзату усердно содействует мулла Магомет ярагский, который, забравшись в Курах, "наставляет всех приходящих к нему восстанию против русских". Но генерал Стрекалов взглянул на эти сведения с полною беспечностью и относительно собственно Гамзата и его приготовлений донес графу Паскевичу, что "известие сие не может иметь ничего важного". Подобного же мнения был и Сергеев, так как видел, что время уходит, сентябрь в разгаре, джарцы ни к чему решительному не приступают, а Гамзата с дагестанцами не видно и не слышно. Но вдруг, он получил донесения от наших приставов князя Иосифа Вачнадзе и Сосия Андроникова, что, вследствие призыва джарцев, Гамзат-бек 12-го сентября выехал с конвоем из ста дагестанцев и 13-го числа [136] прибыл в сел. Мукрах, и что здесь к нему должны собраться до истечения десяти дней несколько тысяч человек для движения в Джары. На этот раз факт, действительно, не подлежал сомнению, вследствие чего некоторые преданные нам джурмутские старшины советовали Андроникову поскорее выбраться из гор по добру, по здорову. Хотя Сергеев дал знать ему, чтобы он оставался в Джурмуте до крайней опасности, но оставаться было нельзя: опасность оказывалась уже вполне крайнею, потому что Гамзат-бек вознамерился захватить и самого Андроникова. Последний поспешил ретироваться на плоскость, и если только доехал благополучно, то этим обязан джурмутцам и тебельцам, которые в числе 350-ти человек сопровождали его до селения Белаканы. Приезду Андроникова предшествовали сведения, полученные от лазутчиков и подтвержденные затем и самим Андрониковым, что скопище Гамзат-бека достигло уже двух тысяч человек, устроилось и не замедлит открыт свои прогулки на плоскость сперва отдельными партиями, чтобы поближе ознакомиться с положением наших дел, а потом низвергнется с гор и всею своею массою. Джарцы подняли головы и явно, видимо заговорили с нами другим языком.

По первым сведениям об этих новых тревогах и беспорядках в области, генерал-адъютант Стрекалов выехал в Закаталы для личного во всем убеждения и для необходимых распоряжений. Там он застал следующие войска: шесть рот графа Паскевича-Эриванского полка, баталион 41-го егерского, роту сапер, две мортирки и два горных единорога резервной батарейной № 5 роты, 4 батарейных орудия 1-й батарейной роты 21-й артил. бригады и две сотни донского казачьего Платонова полка. Будучи в новых Закаталах, Стрекалов нашел возможность лично убедиться, что гроза недалека, так как почти на глазах [137] у него штабс-ротмистр князь Яссе Андроников 9-го сентября, во время ночлега в селении Мацехи с десятью казаками и шестидесятью конвойными лезгинами, был атакован партиею глуходар, состоявшею из ста человек. Нет сомнения, что лезгинский конвой тотчас же убежал, и казакам пришлось отстаивать себя одним. Благодаря домохозяину, который спрятал Андроникова на потолке, последний сберег свою жизнь, но все имущество его было ограблено и захвачены в плен: бывший с ним князь Заал Баратов, один урядник, четыре казака и его слуга. Из числа глуходар двое были убиты. Стрекалов поспешил из новых Закатал к месту происшествия в селение Мацехи и после этой поездки обрисовал графу Паскевичу, в донесении из Тифлиса от 19-го сентября, следующим образом состояние и настроение населения:

"Вообще, все люди, встретившиеся нам, были в полном вооружении и казались совершенно чего-то ожидающими. Даже можно было заметить, по мере приближения к вышеозначенному месту (т. е. к с. Мацехи), что некоторые из жителей уже были собраны партиями. По всем обстоятельствам видна неблагонамеренность к нам жителей означенного селения. На другой день, во время сбора джамата, также видны были толпы рассеянные по всей долине".

Ко всему этому нужно прибавить, что бывший уже у нас в подозрении, по случаю его сомнительного поведения, катехский старшина Рамазан-Тунуч-Мусали-оглы одновременно с этим бежал со всем своим семейством в Дагестан. Побег его, между прочим, был поводом к пространной переписке с местными и дагестанскими властями, которой в сущности не стоили — ни он сам, ни все его семейство. В виду такого явно враждебного и подозрительного поведения народа, Стрекалов сделал замечание старшинам о неуместности поголовного вооружения, приказал прибыть из Кара-Агача в Катехи одному [138] дивизиону драгун и двум орудиям, а из Мухровани двум ротам Грузинского гренадерского полка и поручил ген. Сергееву арестовать и отправить в Царские Колодцы всех тех, наказание которых было отсрочено до 1-го января; сам же 14-го числа возвратился в Тифлис. Сергеев, приступив к исполнению его распоряжения, предписал 16-го сентября командующему Нижегородским драгунским полком подполковнику Доброву, чтобы он придвинул на ковалевскую переправу, устроенную на Алазани при первых сведениях о сборах Гамзат-бека в конце июля месяца, одну роту графского полка с двумя орудиями, а на урдовскую переправу — дивизион драгун также с одним орудием.

Едва были сделаны эти распоряжения, как Сергеев получил от начальника белаканского редута маиора Лашкевича рапорт, что в ночь с 15-го на 16-е сентября триста глуходар ворвались в селение Белаканы и ограбили торгующих армян. На следующий день тот же Лашкевич донес, что войска Гамзат-бека уже прибыли на речку Рогно-ор-чай, в 40 верстах от Белаканы, а передовой отряд занял гору Ахки-Молдах, в 18 верстах от селения. Последствием этого нового шага Гамзат-бека было предписание Стрекалова командиру 20-й арт. бригады полковнику Семчевскому, чтобы на ур. Царских Колодцах орудия донской казачьей № 3 роты были в ежеминутной готовности к выступлению; генерал-маиору Карпову велено направить к монастырю Степан-Цминда (в 12 верстах от Кара-Агача) донской казачий Александрова полк, а Сергееву дано знать, что если силы неприятеля будут так велики, что этих войск окажется недостаточно, то чтобы он немедленно донес для составления особого отряда, который Стрекалов намеревался привести сам. При этом последний снабдил Сергеева наставлениями на тот [139] случай, если бы неприятель вторично подступил к белаканскому редуту.

Но Гамзат-бек пока не торопился, потому что ему нужно было заручиться для успеха дела и для благополучного обратного отступления из области доверием и содействием ближайших к нам глуходарских обществ, а также и самых джарцев. Достигнув первого условия привлечением опять на свою сторону большей части покорившихся нам тебельцев, ташлинцев и анцухо-капучинцев, он 28-го сентября двинулся вперед и остановился в десяти верстах от селения Катехи. Отсюда он заявил джарцам, что не спустится с гор, пока они явно не восстанут против нас и не выдадут ему аманатов, для того, чтобы он мог убедить дагестанцев в единодушии с ним населения и в присоединении его к нему и этим способом понудить их прислать ему новые подкрепления. Задача была немного трудная, и джаро-белаканцы призадумались. Немногие старшины, остававшиеся, как и прежде, преданными нам, пользуясь замешательством народа, попытались образумить его и заставить обратить оружие

вместе с нами против дагестанцев; но это им не удалось, потому что как ни тяжелы были для бунтовщиков предложения Гамзата, а все же они казались им удобоисполнимее, чем сближение с нами и восстание против своих единоверцев, которых они сами призвали. Усматривая из этого, что джарцы, передумав основательно, непременно сдадутся на требование Гамзата, генерал Сергеев просил Стрекалова образовать особый отряд на Царских Колодцах или у монастыря Степан-Цминда. который, в случае надобности, мог бы быстро подкрепить его. Вместе с тем, для поддержания белаканского гарнизона он сблизил к редуту находившиеся на переправе под командою Доброва: дивизион драгун, два орудия и роту пехоты, а против [140] селения Катехи, для наблюдений за неприятелем и за поведением джаро-белаканцев, поставил четыре роты пехота, из коих две прибыли из Мухровани 23-го сентября, три орудия и части, казаков, поручив эта войска подполковнику Платонову.

Внимание Сергеева и даже самого Стрекалова в этот последний период времени до такой степени было поглощено массою разнородных и разнообразных явлений в области, что они не уразумели несообразность одного случая, который при спокойном наблюдении за текущими событиями мог бы навести их на полезные для нас выводы. В те минуты, когда Гамзат-бек, обеспечив свой тыл, не мог не полагаться на сочувствие к нему глуходарских обществ, вдруг явилась депутация от Ухпады и Бохнады с предложением еще раз своей покорности. Не нужно было особенной дальновидности, чтобы понять настоящую цель депутатов, которые имели в виду выгородить свое население в том случае, если бы Гамзат-бек, подобно Шабану, потерпел поражение, и если бы оказалось впоследствии, что в его толпах участвовали жители этих обществ. Но Сергеев и Стрекалов взглянули на этот факт с полным доверием и упустили совсем из вида донесение Сосия Андроникова о том, что второе из этих обществ дало присягу анкратльскому союзу совсем в противуположном роде й духе. Депутация была принята, обласкана и обязалась, по предложению Сергеева, выслать из каждой деревни по три почетных лица, а с ними вместе и аманатов, но конечно не выслала. Эта мистификация не могла не иметь своего усыпляющего влияния на Сергеева, который почему-то вообразил, что "не допустит Гамзат-бека произвести между жителями бунт", и полагал, "что он не решится спуститься в долину". В виду этого он изменил свои недавние намерения и не считал нужным сближать с его [141] отрядом войска из Грузии, "находя достаточным своих собственных средств к отражению Гамзата, если бы он осмелился спуститься с гор, и к удержанию жителей в полном повиновении". Но самонадеянность его разом рухнула не далее как через два дня, когда он узнал, что Гамзат усилился уже до четырех тысяч, и жители Джары, Закаталы, Катехи и Мацехи, надумавшись прежде других, решили отложиться от нас и выдать Гамзату шесть аманатов. А когда, вследствие этого обещания, Гамзат-бек подвинулся еще немного вперед и объявил населению, что намерен устроиться у него на зиму и укрепить свой лагерь близь мечети, в том месте, где некогда был убит генерал Гуляков, тогда тон Сергеева совсем переменился, и он писал Стрекалову, что "вторжения неприятеля и удержания жителей от общего возмущения по местным обстоятельствам предварить не было возможности". Граф Паскевич не разделял этого мнения. По его заключению, восстание жителей можно было бы предотвратить заблаговременным арестом и преданием суду всех заподозренных и изобличенных в измене, и он требовал, чтобы Стрекалов это немедленно исполнил; но последний получил это приказание тогда, когда мятеж был в полном разгаре, и осуществить приказание фельдмаршала было уже невозможно, и когда, по его словам, требовались меры более решительные и серьезные. Сергеев же тем временем вновь просил прибавить ему войск и доставить побольше провианта, "поелику подвоз оного из Пиразов и других мест неверен". В

виду столь неожиданного его разочарования, Стрекалов тотчас же заключил в тюрьму проживавших в Тифлисе аманатов всех четырех отложившихся селений, а Сергееву велел вызвать и удержать при себе двух старшин из возмутившихся селений (что было не так легко, как казалось) и объявить им, что, в [142] случае измены их обществ, "мы будем в необходимости приступить к жестоким мерам, и первыми жертвами будут сии старшины". Наконец, он двинул из Тифлиса к монастырю Степан-Цминда два баталиона Эриванского карабинерного полка, с четырьмя орудиями легкой № 2-го роты кавказской гренадерской артил. бригады, и сам обещал прибыть на Алазань к 10-му октября.

В эти минуты Гамзат-бек с большею частью своего скопища занимал гору Месельдегер; другую же часть, с своим братом Мурат-беком, спустил в Катехи, жители которых приняли ее тотчас на свое продовольствие. Первыми союзниками неприятеля явились конечно джарцы, вооруженные толпы которых не замедлили присоединиться к скопищу. По настоянию их, за ними, к удивлению нашему, последовали и елисуйцы из цохурского магала, измена которых была до сих пор для нас весьма гадательною. В Катехи Гамзат-бек принял аманатов от всех отложившихся от нас селений и затем отправил их в Дагестан. Джарцы с тем вместе разослали своих агентов не только к жителям тальского магала, остававшимся пока спокойными, но даже в Алиабат, Муганло, Падар и в другие селения, находившиеся на равнине, и требовали, чтобы все они последовали их примеру. Сергеев не на шутку стал опасаться всеобщего, поголовного возмущения. Он поспешил отправить на алазанскую долину, в виде громоотвода, пространнейшую прокламацию, в которой, не щадя слов для достойного чествования изменивших нам обществ, приглашал энгилойцев и енисельцев остаться верными нашему правительству и вооружиться для отражения бунтовщиков и их союзников. Ответ был получен от них весьма утешительный, и Сергеев значительно успокоился; а когда, кроме того, он узнал от подполковника Доброва, что белаканцы поклялись на алкоране не нарушать присяги и [143] действовать вместе с нами против неприятеля, и что джурмутцы удостоверили его через своих депутатов, якобы "ни один из них не пристал и не пристанет к неприятелю", тогда и подавно он повернул вновь к прежнему заключению, что окружающая нас обстановка не совсем страшная и не крепко грозная. В противуположность Сергееву, Гамзат-бек действовал спокойнее и увереннее. Усевшись на Меседельгере и в Катехах, он построил там для себя план такого рода: выждать из Дагестана новые толпы, которые должны были усилить его весьма выразительно. (Это усиление сторонники его определяли в семнадцать тысяч человек — но, конечно, тут было мало вероятия). Подкрепившись таким образом, он затем намеревался частью войск задержать наш отряд у новых Закатал, а главною массою броситься на Белаканы; если же бы Сергеев в это время послал редуту подкрепление, то последнее приостановить в пути и, "полагая его (Сергеева) отделением сих войск ослабленным", ударить на новые Закаталы.

В ожидании, пока судьба приведет его осуществить этот смелый и разумный план, Гамзат, чтобы облегчить катехцев относительно продовольствия его скопища и не дать засидеться своим нетерпеливым воинам, разрешил им производить частные нападения на плоскость. Они не заставили его повторять это разрешение и, выделившись в числе пятисот человек, ночью 3-го октября спустились с гор и бросились на заманчивую алазанскую долину. Но, к счастью на этот раз мирных алазанских жителей, их выручили предусмотрительность и распорядительность командовавшего в Кахетии тремя ротами Грузинского гренадерского полка капитана Скуратова. Еще в последних числах сентября он имел сведение от хороших лазутчиков, что с прибытием Гамзата опасность для [144] Кахетии не будет подлежать

сомнению, так как он не упустит ее из вида, заблаговременно подстрекаемый, между прочим, к тому и анцухцами. Вследствие этого капитан Скуратов, для охранения ближайших к выходу из гор селений Гавазы, Чеканы и Кучетавы, 23-го сентября командировал на урочище Бежаньяны, в подкрепление находившемуся там обывательскому караулу из 100 человек, сорок рядовых, с одним горным орудием. под командою прапорщика Салтыкова. Команда эта расположилась в лагере милиционеров.

Ночь 3-го октября было чрезвычайно темная и туманная, и партия спустилась по бежаньянскому ущелью совершенно незамеченною. Подступив к лагерю Салтыкова и, обойдя его без всяких препятствий, она бросилась на него с тыла. Но здесь она неожиданно нарезалась на секрет, которым и была обнаружена. Сделав по нем залп и отбросив его, она кинулась в кинжалы прямо к пирамидам, надеясь захватить солдатские ружья; но грузинцы предупредили ее и встретили штыками. Немногие смельчаки, отделившись от прочих, метнулись к единорогу, но опять неудачно, потому что из этой горсти храбрых никто не увидел более сближавшегося уже рассвета. Бой продолжался около получаса, пока наша картечь и молодецкие отпоры грузинцев совершенно рассеяли неприятеля. Он оставил внутри лагеря одиннадцать тел и в руках милиционера Григория Хорулишвили — один значок. По сведениям, полученным от некоего аварца Махмед-Али-Абас-оглы, который, проходя в это время в Кахетию по торговым делам, встретил партию на обратном пути в бежаньянском ущельи, лезгины увезли с собою более тридцати человек тяжело раненых и в том числе анцухского белада Гаджи и его сына, которые нам, таким образом, доказали, насколько крепка и надежна покорность, [145] изъявленная нам анцухо-капучинцами. У нас убито рядовых 3, ранено 3 и контужено 2; из милиционеров убито 5 и ранено 10. Кроме того хищники захватили в плен на кучетанском пикете одного спящего грузина.

Неудача эта несколько охладила охотников Гамзат-бека, и они не повторяли своей попытки, тем более, что на алазанской долине были приняты меры, при которых неприятельские партии не всегда удобно могли тайком пробираться в селения. Меры эти заключались в том, что в каждом селении был учрежден денной и ночной караул из десяти человек пеших и трех конных, и на переправах поставлены милиционеры: на ковалевской 84 пеших и 40 конных, на урдовской 55 пеших и 28 конных, на муганлинской 70 пеших и 33 конных и на пейкарской 35 пеших и 20 конных. Кроме того, ингилойцы, вследствие прокламации Сергеева, собрали для караулов 400 человек пеших, а для разъездов 30 конных и поставили одну половину у сел. Алиабата, а другую у Карачан; тальский магал также выставил для охраны своих границ сто человек. Для подкрепления этих небольших отрядов в Сигнахе находился резерв из ста милиционеров. 5-го октября к муганлинской переправе прибыл из Башкичета донской казачий Леонова полк, который тотчас был вытребован в новые Закаталы и занял там лагерь с войсками, отозванными из Катех. в составе шести рот гр. Паскевича-Эриванского полка, двух рот Грузинского гренадерского полка, одного взвода драгун и части донского подполковника Уткина полка; баталион же 41-го егерского полка занимал гарнизон крепости.

Гамзат-беку не предстояло более надобности испытывать счастье своих отдельных партий, так как наступила пора приняться за осуществление главной цели, тем более, что силы его возросли до пяти тысяч человек. 8-го [146] октября он занял позицию у старых Закатал и отсюда открыл свои действия. Вечером раздались из леса по нашей крепости первые неприятельские ружейные выстрелы, которые поддерживались понемногу всю ночь. Вместе с глуходарами и дагестанцами не щадили своих патронов джарцы и закатальцы, которые,

рассеявшись в лесах, окружающих крепость, очень усердно напоминали нам о своей измене. 9-го октября стрельба по крепости продолжалась, и произведено даже нападение на наши пикеты; но, конечно, оно было отбито. У нас убит один казак. Дерзость лезгин все возрастала, и 10-го числа они решились повторить вчерашнее нападение в более широких размерах: они накинулись на нашу целую роту, прикрывавшую рабочих у кирпичных сараев. Хотя атака была отбита и даже с чувствительного потерею, но и мы лишились одного убитого и четырех раненых нижних чинов.

Обстоятельства становились довольно серьезны и требовали настоятельно личного присутствия генерал-адъютанта Стрекалова, поэтому он не стал более медлить и 10-го числа выехал на Царские Колодцы. С дороги он направил в Закаталы прибывшие накануне в Кара-Агач два баталиона Эриванского карабинерного полка и четыре орудия, а также предписал прибыть туда трем ротам Грузинского гренадерского полка, находившимся в Мухровани, и ротам того же полка, расположенным в Тифлисе. Об этом он дал знать командующему кавказскою гренадерскою бригадою генерал-маиору графу Симоничу и велел прибыть также и ему самому.

В Закаталах Стрекалов прежде всего осмотрел строившуюся крепость, чтобы узнать, насколько она может служить твердым для нас оплотом. Крепость возводилась при соединении двух дорог, проходивших в Джары, и прикрывала сообщение с Царскими Колодцами и Белаканами, [147] так что вообще представляла весьма важный стратегический пункт. Она имела три фронта. Один из них, бастионного расположения, состоял из одного бастиона и двух полубастионов, обращенных к с. Закаталам, и других бастионов, приноровленных к местности; левый фронт состоял из нескольких теналей, а правый был кремальерирован. Крепостная стена стожена была из камня на извести, и высота ее простиралась от девяти до девятнадцати фут, а толщина от трех с половиною до четырех фут и более; банкет по большей части был деревянный, с перилами, и только в некоторых местах земляной; под ним внизу были устроены бойницы для обстреливания рва бастионного расположения крепости. Пушечная оборона состояла из четырнадцати орудий, которые все почти стреляли через банк. Сторона, расположенная по тенальной системе, имела против себя высоту, командующую частями левого полубастиона и частью внутренностью крепости. Для прикрытия первых устраивался траверз, а внутренность предполагалось закрыть сильными строениями. Вообще, постройка произвела на Стрекалова выгодное впечатление, и он вынес заключение, что крепость может противустать большим силам неприятеля, если он не будет располагать хорошею артилериею.

Первоначальное намерение генерала Стрекалова состояло в том, чтобы преградить неприятелю все дороги в заалазанские места и, построив для этого укрепления по пути от кр. Закатал к сс. Белаканы и Талы, как бы держать его в блокаде. Этою мерою он думал стеснить его скопище в продовольствии и вызвать его к покорности или по меньшей мере заставить разойтись. Но, прибыв в новые Закаталы, он убедился, что нужно поступить более решительно и строго. Случай. указавший ему эту надобность, произошел 13-го октября. [148]

В этот день для прикрытия фуражиров были посланы двести человек пехоты графа Эриванского полка, с одним орудием донской казачьей конно-артиллерийской № 3 роты, под общею командою капитана Фокина. Едва он занял возможно удобную позицию на поляне и выслал стрелков, как они мгновенно были атакованы сильною неприятельскою партиею в восемьсот человек. Ружейная перестрелка продолжалась недолго, так как горцы живо

опрокинули цепь и приблизились к резерву, прикрывавшему орудия. Не смотря на одиннадцать картечных выстрелов, сделанных по ним под прикрытием ружейного огня, они не отступили ни на шаг и, наконец, с шашками наголо и с кинжалами, прикрепленными к древкам, схватились с резервом в рукопашном бою. Но в эту минуту на выручку графцев уже летел подполковник Платонов с частью казаков своего и Леонова полков и с двумя конными орудиями донской № 3 роты, а по пятам его следовал подполковник Овечкин о двумя ротами пехоты. Удалая атака Платонова хотя и вывела из затруднения Фокина, а подоспевшее сильное подкрепление и вовсе отбросило горцев, но они не думали уступать нам своей позиции и продолжали бой, по выражению Сергеева, "с бешенством". Впрочем, это сопротивление было последним вздохом отходящего в вечность: через четверть часа они отступили поневоле и ушли в лес, потому что двести убитых и раненых, устилавших собою небольшую площадь, где происходила битва, весьма назидательно доказали им, что удачи ждать трудно. Наша потеря также была не малая: убито 14-ть нижних чинов, без вести пропало 3 и ранено 49; контужено обер-офицеров два и нижних чинов два; лошадей убито 10 и ранено 9. Все были изумлены тем ожесточением, с которым в этот день дрались лезгины. Но разгадка последовала очень [149] скоро, так как оказалось, что большая часть партии, сделавшей нападение на нашу фуражирную колонну, состояла из джарцев, катехцев и закатальцев, которые сразу хотели сорвать и облегчить свое наболевшее сердце.

Не прошло после того и шести часов, как другая партия, в числе трехсот человек, налетела на урдовскую переправу, где стояли драгуны, и преимущественно атаковала их лесную команду, состоявшую из тридцати человек. Но и здесь пожива оказалась не так-то легка, и хотя нижегородцы лишились двух пленных, трех убитых и одного раненого, но отступили в лагерь счастливо.

О 8-го по 13-е октября было достаточно времени, чтобы слухи о решительных действиях Гамзата и его скопища распространились среди подвластных джарцам энгилойцев и енисельцев. Хотя они обещали нам в подмогу свою вооруженную руку и выставили даже караулы, но теперь призадумались и перешли в положение нейтральное. Вследствие этого "все работы — пишет Стрекалов — приостановились; мы же должны были каждую потребность свою омывать кровью". Рассыпанные по лесам, лезгины препятствовали всем нашим действиям, и мы не могли безопасно и безнаказанно срубить даже одного дерева; "на всяком шагу они с ожесточением встречались с нами". Ослепление их было так велико, что, по полученным Стрекаловым сведениям, они были вполне уверены в отнятии у нас крепости и в изгнании нас за Алазань. Для того, чтобы разубедить их в этом и наказать за постоянное нарушение присяги, а с тем вместе оградить наши интересы в этой земле на будущее время. Стрекалов признал единственным средством — во что бы ни стало уничтожить их разбойничье гнездо старые Закаталы.

К старым Закаталам, находившимся в трех верстах от крепости, вели две дороги: главная и прямая шла [150] среди самого населения, а другая выходила на катехскую дорогу, преграждение которой было вполне необходимо, потому что по ней доставлялось неприятелю продовольствие из с. Катехи. Стрекалов решил так: оставить часть войск в крепости и внизу у нее, в укрепленном лагере — для охранения наших строительных заведений и для удержания за собою воды, так как лезгины и без того отвели все другие источники — частью остальных войск двинуться вперед таким образом, чтобы показать вид, будто мы направляемся по первой дороге; но в то же самое время главными силами пойти по второй, занять выгодную позицию,

укрепить ее и расчистить от леса на картечный выстрел. На следующий день так же точно подвинуть другой эшелон по прямой дороге, устроив между ними сообщение посредством милиции и нестроевых команд, вырубить все сады и уничтожить каменные стены, составляющие их ограду, а потом продолжать далее такие же подступы до самого неприятельского лагеря. Но этого оказывалось недостаточно: нужно было лишить джарцев не только одних естественных для них закрытий, но и более существенных для нас преград, заключавшихся в их нравственной силе, в той живой стене, которую они имели в подвластных им энгилойцах и енисельцах, становившихся уже для нас подозрительными вследствие своего безмолвия и неподвижности. Для этого Стрекалов послал к ним прокламацию еще длиннее, чем то сделал Сергеев, предлагал ополчиться против своих утеснителей и, на худой конец, ограничиться хотя защитою своих собственных домов. Он им объявил, что всякий, поднявший против нас оружие, будет предан суду, сослан в Сибирь и лишен права на свое достояние, а все лица, которые пребудут нам верными, будут освобождены от рабства. То же самое он послал сказать и мятежникам, но они, [151] уверенные в своих силах и в святости своего народного призвания, ответили ему на это, так оказать, "улыбкой гордого презренья".

Стрекалов не счел нужным надолго откладывать свое намерение относительно взятия и уничтожения старых Закатал и 14-го октября вечером объявил войскам диспозицию (приложение IX). 15-го числа, в девять часов утра, по выстрелу из крепостного орудия, направленному в селение, по прямой дороге к нему двинулась сперва демонстративная колонна командира графа Эриванского полка полковника Кошкарова, состоявшая из баталиона этого же полка, с двумя орудиями донской № 3 роты, которая, свернув на катехскую дорогу, должна была ввести неприятеля в заблуждение и дать время главной колонне продвинуться вперед. Эта же последняя, из двух баталионов Эриванского карабинерного полка, четырех орудий легкой № 2 роты кавк. гр. артил. бригады, команды сапер с шанцевым инструментом и двух сотен донского казачьего Платонова полка, под командою командира Эриванского полка флигель-адъютанта полковника князя Дадиани, двинулась вслед за нею. Начальствование всеми войсками Стрекалов возложил на ген. Сергеева, под личным своим наблюдением. По вступлении войск на высоту, находившуюся с северо-западной стороны крепости, Сергеев считал нужным остановить их здесь, укрепиться лагерем, и отсюда вырубкою леса подвигаться вперед, находя, что занятие этой важной позиции стеснит неприятеля в селении и отнимет у него продовольствие. Но Стрекалов, признавая это место весьма близким к крепости, и желая лично обозреть окрестности и самые Закаталы, оставил здесь две роты 1-го баталиона Эриванского полка с одним орудием, для прикрытия тыла, а с остальными шестью ротами эриванцев продолжал следовать вперед еще версты две. Здесь он велел генералу Сергееву [152] занять цепью стрелков высоту влево от дороги. Вслед затем на эту же высоту были введены две роты 1-го и две 2-го баталионов, с двумя орудиями, а остальным двум ротам 2-го баталиона и одному орудию приказано занять кладбище вправо от высоты, не в дальнем расстоянии, с цепью стрелков впереди. Стрекалов находил, что занятая им позиция, "по крепости своей и в других отношениях", не заставляла желать ничего лучшего. Она, по его мнению, дефилировала всею окрестною местностью, не подвержена была ни с какой стороны ружейным выстрелам и окружена крутыми, обросшими густым лесом, обрывами; под выстрелами ее проходили две дороги из закатальской башни и от мечети; при соединении этих дорог была площадка, занятая двумя ротами 2-го баталиона карабинер, на картечный выстрел от кладбища, почти с готовым природным укреплением; она также была обеспечена от ружейных выстрелов и, с помощью первой позиции, т. е. высоты, занятой нами

влево от дороги, "являлась недоступною". Тут оставалось только уменьшить с боков густоту леса, чтобы видеть неприятеля на более далекое расстояние. Вскоре прибыли две роты с орудием, оставленные в тылу, которых заменили там графцы; оне присоединились к ротам своего баталиона, а две роты 2-го баталиона, с орудием, отправлены к своему другому полубаталиону, на кладбище. Таким образом, второй баталион Эриванского карабинерного полка занял правый фланг позиции, на кладбище, против закатальской мечети, под командою своего командира полковника князя Дадиани, а первый баталион, с Сергеевым — левый фланг. Оба баталиона были в расстоянии один от другого не более 35-ти саженей и имели между собою свободное сообщение через неглубокую балку. При занятии позиции на кладбище, цепь стрелков, под командою подпоручика [153] Корсуна, прошла вперед на усмотренную ею там площадку, которая. впрочем, по словам Стрекалова, по отдаленности своей не представляла для нас никакой пользы. Едва стрелки заняли ее, как были атакованы сильною партиею, которая открыла беспощадный огонь. Услышав ату трескотню, князь Дадиани подскакал к цепи, и когда увидел ее затруднительное положение и усиливавшегося постепенно неприятеля, а также возможность быть ей отрезанною от кладбища, то послал к генералу Сергееву попросить в подкрепление один взвод. Но взвод этот почему-то замедлил, а неприятель, ободренный незначительностью стрелков, бросился на них в шашки и тотчас же опрокинул их. В эту минуту подоспело подкрепление, которое приняло на себя отступавших и навело наседавших горцев прямо на баталион, где они были встречены картечными выстрелами и тотчас же отброшены назад в сады. Схватка продолжалась недолго, но в ней мы лишились убитыми подпоручика Корсуна и восьми рядовых и ранеными двенадцать нижних чинов. Сам Дадиани едва не сделался жертвою своей отваги. Цепь более не занимала роковой площадки и отведена ближе к баталиону.

После этого наступило затишье, и войска занялись устройством батареи, укреплением занятого места и вырубкою леса. Работы производились очень энергично. Скоро на левом фланге, где находился Сергеев, батарея на два орудия была окончена, и занятое место большею частью укреплено, а правый был только очищен от густого леса, и часть баталиона продолжала дальнейшие работы. Но командовавший цепью усмотрел. что неприятель собирается впереди ее. Он послал об этом доложить князю Дадиани. Последний, приказав баталионному командиру подполковнику Клюки собрать немедленно рабочих и быть готовым встретить неприятеля, сам отправился к Стрекалову, [154] находившемуся на высоте, занятой 1-м баталионом, и просил позволить ему с одним баталионом двинуться вперед и оттеснить неприятеля, пока он еще не крепко усилился; но Стрекалов не согласился на это и приказал продолжать работы. Спустя еще один час, Стрекалов послал разъезды для открытия неприятеля, но они, возвратясь, донесли ему (как и он, в свою очередь, доносил графу Паскевичу), что неприятеля нигде не видно. Тогда Стрекалов поручил войска Сергееву, и сам уехал для осмотра позиции полковника Кошкарова. Прибыв сюда, он поставил две роты графцев на высоте, противулежащей восточному фасу крепости; две роты, с одним орудием, и команду драгун, под начальством маиора Бучкиева, для прикрытия тыла расположения войск, а, в случае надобности, и для подкрепления их, и вслед затем уехал в крепость.

В три часа пополудни, когда работы на правом фланге не были еще окончены, и второй баталион был совершенно открыт на кладбище, где была выведена только одна каменная стенка, не прикрытая с флангов, три тысячи лезгин, обойдя позицию баталиона густым лесом, перерезанным многими оврагами, бросились на карабинер с фронта и с фланга. Смешав сильным ружейным огнем нашу цепь, они мгновенно отрезали ее от баталиона. Орудия едва

успели сделать три картечных выстрела и больше стрелять не могли, потому что командовавший ими подпоручик Опочинин был ранен пулею в грудь, и вся прислуга перебита и переранена. Рабочие все были также сбиты и перемешались с неприятелем, бросившимся на них в шашки и кинжалы. Видя отчаянное положение второго баталиона, Сергеев двинул ему на подкрепление две роты 1-го баталиона с полковником Кошутиным, приказав ему действовать во фланг неприятеля и, если возможно, [155] восстановить орудийный огонь. Но последнего исполнить было нельзя. Тем временем ужаснейший ружейный огонь лезгин жестоко поражал эриванцев со всех сторон и в несколько мгновений вынес из строя обоих баталионных командиров и почти всех ротных. Эриванцы однако продолжали мужественно и счастливо отражать атаки неприятеля; но когда последний быстро усилился и всею своею массою в третий раз ударил на них в шашки и в кинжалы — они не устояли, дрогнули и обратились в беспорядочное бегство. Увидев это, генерал Сергеев приказал последним двум ротам, остававшимся в резерве под командою капитана Житинского, вступить в бой под прикрытием его батареи и стараться удержать неприятеля хоть на несколько минут, чтобы собрать бегущие роты и построить их; но остановить их не было никакой возможности, а Житинский скоро был ранен. Тогда и его обе роты, лишенные своего командира и подавляемые массою, кинулись за предыдущими шестью, не сообразив, что "могли бы найти спасение у Сергеева на батарее, с двух сторон природою и работами укрепленной". Оне пронеслись по дороге в нескольких саженях от батареи, оставив Сергеева только с сорока саперами, которые, конечно, защищаться не могли: лезгины атаковали батарею, в две минуты перебили и переранили всю прислугу и оставили при Сергееве только восемнадцать защитников. Отстаивать с этого горстью людей мертвую батарею было невозможно, тем более, что сам Сергеев был контужен в ногу и ранен в пятку — хотя и легко; поэтому она была брошена на произвол судьбы. Нагнав эриванцев, Сергеев, вместе с Дадиани, употребили все усилия, чтобы остановить их, но ничего не могли сделать; к несчастью, еще и лесистая местность, с узкою и тесною дорогою, была такова, что не позволяла собрать и устроить даже одной роты. [156] Только в полуторы версте от поля битвы князь Дадиани наконец остановил оба баталиона, дал им опомниться, устроил и с барабанным боем повел обратно. Но едва прошел он саженей двести, как получил приказание Стрекалова остановиться и подождать подкрепление, с которым он шел из крепости. Когда подкрепление прибыло, князь Дадиани два раза просил Стрекалова позволить ему двинуться вперед и возвратить орудия, но в это время неприятель показался на противуположной стороне крепости, и Стрекалов не согласился. Повернув войска назад, он приказал им отправляться в лагерь.

Так кончилось это несчастное событие, которое далеко не поправило наши дела, как думал накануне Стрекалов. Потеря наша, сообразно числительности войск, находившихся в бою, была громадная: убито шесть офицеров 8 и ранено десять 9; нижних чинов убито 243, ранено 139, контужено 2; лошадей убито 36 и ранено 3.

Граф Паскевич предвидел эту неудачу и, будучи хорошо уже знаком с джарцами и с местностью, на которой действовал Стрекалов, он пророчески предсказал ему сомнительность успеха, когда тот донес о своих соображениях накануне битвы. К сожалению, фельдмаршал раскрыл глаза ему уже после понесенного нами поражения, так как целый месяц понадобился для того, чтобы получить от него ответ на донесение, [157] предшествовавшее постигшему нас погрому. Предписание гр. Паскевича слишком важно для того, чтобы обойти его молчанием.

Прежде всего он заметил, что всеобщее восстание в области могло произойти не иначе, как от дурного управления народом и от непринятия своевременно мер к предупреждению беспорядков — и в этом была значительная доля справедливости. По поводу же направления действий против старых Закатал фельдмаршал дал Стрекалову следующее, к сожалению, позднее наставление:

"При движении туда нужно оставить в крепости до 1500 человек, а с прочими войсками действовать на один из флангов неприятеля. Подобный маневр весьма скоро заставит его оставить свою неприступную позицию. Подходить же вперед по лощине и рубить лес, как в. пр. намерены делать, есть способ гораздо опаснейший, ибо в таком случае представятся неприятелю все средства не только действовать вам во фланг на половину ружейного выстрела, но даже и обойти отряд ваш в тыл, Точно так и построение укреплений на дорогах, ведущих от Закатал в Белаканы и Талы, как вы сие полагали, не принесло бы никакой пользы, ибо нельзя преградить путь людям, кои, не имея никаких тягостей, могут везде проходить свободно. Напротив, гораздо лучше бы было, по оставлении 1500 человек в новых Закаталах, с остальными занять с. Катехи или Белаканы, чрез что у неприятеля отнимутся средства к продовольствию, и он неминуемо принужден будет рассеяться. Оттуда равномерно можно действовать и во фланг старым Закаталам".

Находя, что при тогдашних обстоятельствах не следовало более щадить лезгин, граф Паскевич приказал Стрекалову срыть до основания все дома жителей, которые подняли против нас оружие: скот и имущество отдать на разграбление энгилойцам, энисельцам и милиционерам, которых собрать немедленно и занять ими все лезгинские селения; самих же лезгин, их жен и детей брать в плен и отправлять в Тифлис арестованными. Разорению и [158] уничтожению, впрочем, должны были подвергаться только те жилища, которые препятствовали свободному и безопасному сообщению наших войск через джаро-лезгинские селения, а остальные велено было отдать в собственность грузинам, обязав их защищать эти дома как свое достояние. Главнейших виновников возмущения приказано было предать военному суду и, по окончании его, расстрелять в 24 часа до двадцати пяти человек, для примера прочим, а остальных содержать в Тифлисе закованными в железо. Кроме всего этого, фельдмаршал распорядился, чтобы из энгилойцев и енисельцев сформировать ополчение, разделив его на сотни, и если наберется их до 1000 человек, то образовать из них два полка 10, и чтобы лезгинам, не участвовавшим в возмущении, воспретить ношение оружия, кроме одного кинжала, а для отличия их от мятежников, позволить иметь при себе оружие не иначе, как по печатным билетам. В заключение, главнокомандующий давал знать Стрекалову, что если, по его усмотрению, Сергеев не может соответствовать всей важности его назначения, то заменить его генерал-маиором графом Симоничем.

Нет сомнения, что если бы все эти решительные на этот раз распоряжения последовали вовремя, то поражение, понесенное нами 15-го октября, легко бы могло быть предотвращено. Насколько оно было принято близко к сердцу Императором Николаем, видно из рапорта графа Чернышева к фельдмаршалу, где было сказано:

"Государь Император с крайним прискорбием и неудовольствием усмотреть изволил, что Эриванский карабинерный полк, столь отличавшийся в последние кампании под личным предводительством вашего сиятельства, ныне, в деле 15 октября против лезгин, оставил вверенные ему орудия в руках неприятеля и, не внимая гласу [159] начальников своих, обратился в бегство, будучи преследуем незначительным числом горцев; почему Высочайше

мне повелеть соизволил: известить ваше сиятельство, что Его Величество, не постигая, какие обстоятельства могли побудить русских солдат к столь постыдному бегству, желает, чтобы в. с. сделали подробнейшее исследование сего происшествия и о всем донесли бы Его Величеству".

По поводу этого генерал-адъютант Стрекалов потребовал объяснений от Сергеева и князя Дадиани. Каждый из последних, видя, что скрывать истину неудобно, изложил в своем рапорте ход боя, как он происходил в действительности, не считая возможным скрыть тех ошибок Стрекалова, которые были причиною нашего поражения. Сергеев действовал в этом случае более или менее деликатно, но князь Дадиани довольно бесцеремонно, хотя и вежливо — что видимо доставило Стрекалову большое неудовольствие. Представляя эти объяснения в подлиннике и оправдывая себя довольно слабо и не совсем основательно перед главнокомандующим, Стрекалов заявил, что не находит нужным говорить что-либо против некоторых объяснений Дадиани, "ибо они совершенно фальшиво поняты и не согласовались с тем предназначением, для которого от него требовались".

Как ни старался Стрекалов свалить всю нашу неудачу 15-го октября на своих подчиненных, но гр. Паскевич не мог не признать его одного виновником ее, и в письме к графу Чернышеву 31-го декабря 1830 года сообщил для всеподданнейшего доклада:

"Главнейшею причиною сего несчастья генерал-адъютант Стрекалов, тем, что слишком раздробил отряд и завел малыми частями и такое место, где невозможно было действовать. Малочисленная команда, будучи рассыпана в стрелках и для срубки дерев, внезапно была окружена со всех сторон многочисленным неприятелем, и при сем случае не была в свое время подана им помощь". [160]

Когда граф Чернышев получил все эти сведения, обстоятельства уже переменились к лучшему: мы успели загладить наши промахи, и вопрос о 15-м числе октября утратил спою жгучесть. Вследствие этого Государю Императору угодно было на донесение фельдмаршала ограничиться милостивою резолюциею: "принять к сведению".

Комментарии

1. Материалом для составления всего последующего описания о возмущениях в 1830 г. в Джаро-белаканской области послужили дела архива штаба кавк. в. округа: 1) 2 отд. ген. шт. №№ 13 и 39, 2) 1 отд. ген. шт. № 72 и 3) всеподданнейшие донесения.

2. Донесение графу Паскевичу 2-го мая 1830 г. № 64.

3. Оне были высланы из Тифлиса только 12-го июня, когда скопище Шабана почти сидело у нас на плечах.

4. Это сведение белаканского старшины о Кази-мулле, конечно, неверно, потому что имам в это время сидел по большей части в с. Гимры и мог содействовать Шабалу только пером. Вернее, что все эти толпы набирал Гамзат-бек.

5. В первом донесении ген. ад. Стрекалову г. м. Сергеев определяет числительность скопища в пять тысяч человек, а во втором, после полученных им достоверных сведений, в восемь тысяч.

6. Три роты пехоты, команда донского казачьего подполк. Платонова полка, волонтеры и казаки терского семейного войска, 2 орудия донской конно-арт. № 3 роты и один горный единорог 5-й резер. батар. роты 21-й арт. бригады.

7. Убит 1, ранено 6 и контужено 6 нижних чинов.

8. Эриванского полка: шт. капит. Потебня 2-й, подпоручики — Литвинов, Шребер, Секлестионов, Корсун и саперного баталиона 1-й пионерной роты прапорщик Попов.

9. Полковник Кошутин, подполковник Клюки, капитаны Антонов и Житинский, штабс-капитан князь Гурамов, подпоручики Гулах и Бережной (последний камнем; от сильного удара он упал и через него переехал патронный ящик, раздавив ему грудь и ноги); прапорщик Шматов и 2-й легкой роты кавк. гренад. артил. бригады подпоручик Опочинин.

10. Это послужило контингентом для Грузинского пешего полка джар, переименованного потом в Грузинскую пешую дружину.

Текст воспроизведен по изданию: Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник, Том 12. 1888

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

ВОЙНА НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

С 1824 ПО 1834 г.

В СВЯЗИ С МЮРИДИЗМОМ

XIV.

Выгоды неприятеля. Сомнительное поведение тальцев и белаканцев. Нападение на Алиабат. Прибытие подкреплений. Рекогносцировка. Обуздание белаканцев. Ряд фуражировок. Состав отряда. Дело 5-го ноября. Заложение редута. Сдача шиха Шабана. Диспозиция. Сдача Гамзат-бека. Взятие с боя 14-го ноября старых Закатал. Покорность мятежников. Роспуск отряда. Аресты. Гамзат и Шабан в Тифлисе. Заступничество Аслан-хана. Экспедиция Сергеева в Белаканы. Вторжение скопища Аличулы-Магомы и занятие Белаканы. Назначение г. л. барона Розена начальником линии. Поражение скопища Аличулы. Прокламация графа Паскевича и освобождение от рабства энгилойцев и енисельцев.

Несчастное для нас событие у старых Закатал не могло не иметь благоприятного влияния на положение противника. Его самонадеянность и уверенность в своих силах, а также в возможности успешного достижения цели, возросли до невероятности; толпы его, и без того громадные, с часа на час увеличивались фантастически; энгилойцы и енисельцы окончательно приуныли и на требования джарцев не смели отказывать им в продовольствии; тальское общество [161] видимо начинало склоняться на сторону своих соплеменников, а среди белаканцев началось какое-то подозрительное движение, смысл которого, впрочем, нока определить было довольно трудно.

Теперь более чем когда-либо Стрекалов не мог и не должен был отказаться от главной своей цели — взять старые Закаталы. Так как он на опыте убедился, что для этого предприятия

средства его недостаточны, то на другой же день после битвы 15-го октября послал приказание поскорее явиться в отряд: шести ротам Грузинского гренадерского полка, бывшим в Тифлисе и в Мухровани, а также донскому казачьему Карпова полку и двум баталионам 4-егерского полка, расположенного в мусульманских провинциях. Подкрепления эти были тем необходимее, что холера чрезвычайно ослабила войска, и в четырех баталионах — двух карабинерных и двух графских — едва набиралось две тысячи двести человек; в двух ротах Грузинского полка было 240 нижних чинов, а в баталионе 41-го егерского до семисот пятидесяти. К счастью, эта страшная эпидемия в то время почти прекратилась, иначе бы положительно пришлось нам сидеть сложа руки.

В ожидании подкреплений Стрекалов обратил особенное внимание на охранение наших сообщений с Грузиею и на предотвращение разорения преданных нам жителей алазанской равнины. Для этого он занял муганлинскую переправу одною ротою Грузинского полка, с орудием, а в Алиабате поставил сильный наблюдательный пост под командою подполковника Платонова: для успокоения же жителей он посылал время от времени особые колонны, которые также и охраняли транспорты наши с провиантом, доставляемым из Пиразов. Урдовскую и ковалевскую переправы продолжали занимать драгуны, под командою шт. кап. Завалишина и под общим начальством маиора [162] Казаси, а также милиционеры, и первые из них с тем вместе рубили лес для устройства своей штаб-квартиры в Кара-Агаче.

Лезгины, усмотрев наше намерение преградить им дороги для получения продовольствия, поспешили предупредить нас и послали за ним в разные селения на долину отдельные партии, а также и письменные приказания своим подвластным, чтобы те беспрекословно исполняли требования этих партий. Но в то же время немногие преданные нам джарцы: старшины Гаджи-Махмуд, мулла Цетов, Опо-оглы, почетные лица Юзбаши-оглы, Кази и мулла Магомет, отправили к енисельцам контр-воззвание такого рода;

"Извещая вас о переменах и о возмущении, предваряем: сохраните спокойствие наше, не склоняйтесь ни на какие предложения возмутившихся дураков, лишившихся рассудка; преимущественно, отвергайте предложение к вспомоществованию им жизненным продовольствием, и все требования помещиков ваших мимо нас не исполняйте и не давайте хлеба".

Наставление старшин подействовало, и большая часть джарских прокламаций переходила в наши руки от тех же жителей. Только одни тальцы не считали нужным выдавать их нам и беспрестанно сносились с закатальцами, чем ежеминутно усиливали сложившееся у нас на их счет подозрение. Для острастки им Стрекалов поставил еще один сильный казачий пост между сс. Талы и Закаталы, который во всякое время можно было подкрепить из нашего лагеря: но это не помешало партиям разгуливать по долине, и одна из них 18-го октября явилась в с. Лаич, с намерением пробраться оттуда даже в Алиабат, где у нас был продовольственный склад. По сообщению об этом подполковника Платонова, Стрекалов немедленно командировал туда роту графа Паскевича-Эриванского полка, которая расположилась на алиабатском укрепленном посту. [163] С тем вместе он вызвал тальских старшин и потребовал у них объяснения насчет их поведения. Они объявили, что сношение о старыми Закаталами поддерживают потому, что там живут некоторые из тальцев; но что все их население предано России и не намерено восставать против нее, хотя в то же время находит неудобным поднимать оружие против своих соплеменников. Таким образом, тальцы ясно дали нам

понять, что на сомнительную преданность их мы рассчитывать не должны. Вскоре они подтвердили это гораздо осязательнее.

Когда партия, прибывшая в Лаич, узнала, что к алиабатскому посту направлена рота пехоты, она с своей стороны живо потребовала подкреплений. Гамзат и Шабан не заставили себя долго упрашивать и тотчас же распорядились о высылке ей в подмогу двух тысяч человек. Но нашлись благодетельные для нас лазутчики, которые, зная цену русскому золоту, в ту же минуту сообщили о распоряжении предводителей в новые Закаталы, вследствие чего Стрекалов также не поскупился: 20-го октября он отправил в Алиабат еще две роты графцев с двумя орудиями, и команду драгун, под общим начальством капитана Луневского. Обе стороны выслали свои подкрепления почти одновременно, так что из нашего лагеря было видно простым глазом, как лезгины потянулись из старых Закатал по направлению к Талы. Однако капитан Луневский опередил их и, подойдя к этому селению за полчаса до них, остановился и построился в боевой порядок, а Стрекалову дал знать, что готовится принять бой. Чтобы отрезать двухтысячной толпе путь отступления, была выслана на промежуточный пост между Закаталами и Талами еще одна рота карабинер с одним орудием, которая таким образом и обеспечила дальнейшее движение Луневского к селению Алиабату. Лезгины же, увидев, что попали [164] между двух огней и не могут двинуться ни вперед, ни назад, повернули вверх по тальскому ущелью. Карабинеры послали им в догонку несколько снарядов, и сами тронулись вслед за колонною Луневского, давая этим знать, что намерены прикрывать ее тыл. Скопище, втянувшись в ущелье, пришло к заключению, что для него дорога в Алиабат окончательно закрыта, поэтому, переночевав на прохладе, на другой день вразброд, почти поодиночке, возвратилось в старые Закаталы.

Между тем партия, прибывшая в Лаич, была случайно усилена другими партиями, рыскавшими на плоскости, и вследствие этого, не ожидая секурса от Гамзата, поспешила в Алиабат, где была для нее соблазнительная приманка в образе нашего склада. Она приблизилась к нашему посту через полчаса после того, как вступила туда рота графцев, и тотчас же атаковала его. Первая атака была отбита; за нею последовала вторая — и опять отбита, Что было бы далее — неизвестно, так как подоспел с колонною Луневский и партия, под молодецким ударом драгун, бежала в окрестные леса, едва подхватив своих убитых и раненых — да и то не всех. У нас же ранено два рядовых и контужен хорунжий Малахов, а два казака Леонова полка, по донесению Платонова, "неизвестно где поделись".

После этого случая, генерал адъютант Стрекалов, по причинам, которые он, впрочем, не объясняет, счел излишним держать войска в Алиабате, поэтому велел Платонову возвратиться с ними в крепость и взять с собою все продовольственные запасы. На встречу ему он выслал маиора Бучкиева, с двумя ротами графцев и двумя орудиями, и приказал ему — пройдя скрытно от неприятельских наблюдательных постов, остановиться в десяти верстах и выжидать транспорт: если же какая-нибудь [165] партия осмелилась бы сделать на этот транспорт нападение, то стараться ударить ей во фланг. Однако все обернулось благополучно, и никаких покушений не последовало. Транспорт прибил 21-го октября: с ним вместе жители долины, желая показать свое расположение к нам, доставили до трехсот арб сена, ячменя и камыша, добывание которых стоило нам много хлопот и нередко крови. Утром явилась и депутация от тальцев. Заявив о преданности к нам общества, она принесла извинение в том, что население не могло противодействовать нападению лезгин, так как было на полевых работах, но что на будущее время постарается отклонить всякое посещение какой бы то ни

было партии и даже выставит для предосторожности свои пикеты. Стрекалов сделал вид, что удовлетворился этою любезностью старшин и, обласкав их, отпустил домой. Наконец, начали подходить подкрепления. 23-го октября командир Грузинского гренадерского полка полковник Юдин привел в Кара-Агач четыре роты из числа тех шести, которые были вызваны из Тифлиса и Мухровани; остальные две роты должны были прибыть с артиллерийским парком. Вечером явился в новые Закаталы и г. м. граф Симонич с другим баталионом и с донским г. м. Карпова полком. Он сейчас же был назначен начальником всей пехоты отряда, а г. м. Карпов — начальником кавалерии. На другой день штабс-ротмистр кн. Андроников привел на муганлинскую переправу 1107 милиционеров, которые, по приказанию Стрекалова, были собраны в Сигнахском уезде. Лезгины не только видели все эти подкрепления, но даже получили чересчур преувеличенные о них сведения, и, не взирая на это, все-таки не помышляли о каких-либо уступках, а тем более о смирении. 26-го числа выступил из мусульманских провинций, с двумя баталионами 42 егерского полка, и полковник Миклашевский, который захватил [166] с собою из каждой провинции по десяти и более бекских сыновей, как бы для того, чтобы дать им случай отличиться и доказать нам свою преданность, а в сущности для того, чтобы отвлечь их от края и от населения и иметь заложниками в верности их отцов и других родственников, оставшихся в домах. Эта мера была предпринята вследствие распространившегося в Карабахе весьма тревожного и близкого к сердцу народа слуха о предстоящей междоусобице между персидскими принцами Гасан-Али-Мирзою и Абас-Мирзою, первый из которых даже собрал шестьдесят тысяч войска. В виду всех усилений действующего отряда, свершившихся уже и предстоявших, Стрекалов счел возможным спустить на Царские Колодцы драгун, эскадроны которых были в значительном расстройстве, и из них оставил на алиабатском посту только сто конных и 150 пеших. Находившаяся там рота также была возвращена к своему полку.

Постоянное и давнее вероломство лезгин Джаро-белаканской области могло бы уже войти в поговорку, и о нем не знал в то время разве только человек, никогда не интересовавшийся событиями нашего тридцатилетнего господства в крае. Поэтому, не смотря на уверения тальцев и на сомнительную сдержанность белаканцев, ген. ад. Стрекалов не доверял ни тем, ни другим, и если до сих пор снисходил к ним и при удобном случае ласкал, а также отворачивался от мелких происшествий в этих двух обществах, то для того только, чтобы усыпить их, не возбуждать без надобности и ради их не отвлекать войска от крепости, где они были нужны, и где доселе их было надо. С усилением же их теперь, он счел необходимым изменить свою тактику, взять эти два общества как бы на привязь, и держать их под страхом нашего наказания. Для этого прежде всего нужно было прекратить их сношения с [167] закатальцами, чего возможно было достигнуть только возведением укрепления в том месте, где разветвлялась дорога, проходившая из старых Закатал к селениям Катехи и Мацехи. Укрепление это должно было прикрывать также наши работы во всей окрестности. Удобнейшим для него пунктом была та высота против восточного фаса крепости, у которой 15-го октября мы потерпели неудачу, поэтому Стрекалов 28-го числа предпринял к ней рекогносцировку с баталионом Грузинского гренадерского полка, двумя орудиями и двумя сотнями казаков. Лишь только отряд вступил на высоту, лезгины встретили его ружейным огнем и поддерживали его весьма долго, не предпринимая, впрочем, ничего решительного. Когда пункт окончательно был избран, и окрестность исследована, войска возвратились в крепость, имея трех убитых казаков. Потеря неприятеля была несколько чувствительнее и имела для нас тот интерес, что в числе убитых, оставленных им на месте, оказались и жители

селения Талы. Таким образом, с этой минуты не подлежало более сомнению, что преданность к нам тальцев весьма призрачна.

Теперь оставалось обратиться к белаканцам, неблагоприятные сведения о которых стали доходить до нас тотчас после 25-го октября. Оне заключались в донесениях войскового старшины Мещерякова и маиора Лашкевича, а также в известиях местного старшины Мамеда Муртузали. Последний, по отзыву генерал-адъютанта Стрекалова:

"При нападении Шабана на Белаканы первый был возмутителем сего селения, но потом поведением своим заставил просить о награждении его и ныне один из тех старшин, кои заслуживают внимания начальства".

Сведения Мещерякова и Лашкевича сводились к тому, что белаканцы ведут деятельные сношения с дагестанцами, преимущественно чрез посредство брата старшины и [168] некоего жителя Мамад-Кара-Али-оглы, который в этом уличен и посажен в тюрьму; Муртузали же сообщал, что скопище Гамзата и входящие в него толпы джарцев, мацехцев, катехцев и других, терпят сильный недостаток в продовольствии, и что, вследствие этого, закатальский джамат решил потребовать его от белаканцев, а последние прекословить не намерены. Это известие было едва ли не важнее предыдущего, поэтому Стрекалов отправил в Белаканы ночью на 29-е октября две сотни казаков, как для разведок, так и для удержания жителей от сообщения с закатальцами, а сам на утро предпринял туда обширную фуражировку под прикрытием двух рот графа Паскевича и двух 41-го егерского полков, равно и всей прибывшей с князем Андрониковым милиции. Неприятель выступил из своего лагеря на встречу нашим войскам в весьма значительных силах и думал, вероятно, разыграть второй акт драмы 15-го октября, так как сразу приступил к действиям весьма энергичным; но в этот день он ошибся и получил жестокий отпор, при чем в рукопашной схватке милиционеры отбили у него один значок. После этого колонна прибыла и Белаканы, и тут жители селения, подобно тальцам, подтвердили все наши относительно их подозрения и сведения, так как решились противустать нашему движению открытою силою. При такой явной враждебности милиционеры получили приказание зажечь селение и исполнили это без труда и замедления. Неожиданная расправа видимо произвела удручающее влияние на белаканцев, а успешное исполнение ее подало мысль Стрекалову повторить ее и относительно с. Джары. Это новое поручение он возложил на охотников, вызванных из среды милиционеров, и они в ту же ночь вполне оправдали его ожидание. Хотя при отступлении они и были атакованы джарцами, но, будучи поддержаны вышедшими на помощь [169] к ним нашими войсками, отделались благополучно, а джарцы оставили на месте четырех убитых. На первый раз Стрекалову не нужно было других данных для убеждения в действительном настроении белаканцев, и не понадобилось для них другого внушения, вследствие чего он отступил с колонною в Закаталы. Но когда вслед затем маиор Лашкевич, а также возвратившиеся с разведок казаки донесли о их новых проделках и преимущественно о захвате в плен одного нашего солдата, неосторожно удалившегося от редута, то он нашел нужным отправить для обуздания их, в виде экзекуции, три роты карабинер, следовавшие из штаб-квартиры на пополнение их баталионов, а также и телавских милиционеров; кроме того, он преднамерился навестить их лично еще один раз.

Следующий день доставил отряду новые и весьма существенные подкрепления: в десять часов утра прибыли из Тифлиса две роты грузинцев с артиллерийским парком, а вскоре за ними почти ворвались в лагерь, с песнями, зурною и литаврами, две сотни тушин в числе 268 человек. По заповедной храбрости этих милиционеров и по крайнему недружелюбию их к

лезгинам вообще и к джарцам в особенности, они были для нас приобретением очень ценным. Ненависть их к джарцам происходила вследствие давних и постоянных столкновений, по поводу которых тушины считали за ними в долгу сорок тысяч рублей за разновременные их хищничества. При нашем вмешательстве и посредстве, половина этих денег была уже уплачена, но другая половина оставалась еще за ними и свидетельствовалась выданным ими тушинам векселем, Не смотря на все требования и наше содействие, тушины никак не могли получить этих остальных денег и теперь очень обрадовались случаю окончательно рассчитаться [170] с своими врагами хоть по крайней мере натурою. Едва только тушины стали на бивак, как в лагерь явилась новая милиция в образе пятисот шекинцев, под командою Бала-бека, Агарза-бека и Ноби-бека и под общим начальством капитана князя Вачнадзе, собранная, с разрешения ген. ад. Стрекалова, комендантом шекинской провинции капитаном Скаржинским. И этот дар случая был для нас приятен не менее предыдущего, во-первых, потому, что джарцы имели у себя перед глазами тех единоверцев, которых считали своими приятелями, устраняя возможность всякой с их стороны к ним неприязни, а во-вторых потому, что отвлечение такого большого числа шекинцев из мусульманских провинций, в дополнение к подобному же мероприятию Миклашевского, было крайне необходимо. Перевороты в Персии всегда производили влияние на пограничные наши мусульманские провинции, а теперь, сверх того, могли даже возбудить и волнение, так как, в дополнение к слухам о междоусобии двух принцев, прибавилось еще известие и о том, будто шах умер, и Абас-Мирза, с войсками, двинулся к Тегерану. Удалением шекинцев и в особенности многих беков из мусульманских провинций, которых вед с собою Миклашевский, мы почти вполне обеспечивали спокойствие ненадежного для вас пограничного с Персиею края и могли быть уверены, что событий в нем не произойдет, а следовательно и предприятия наши у старых Закатал парализованы не будут. Прибытие же в отряд значительного числа милиции, в особенности мусульманской, не могло не повлиять на всех вообще лезгин, проживающих в области, и это сказалось прежде всего на тальцах, которые, ублажая нас доселе только одними обещаниями, и уклоняясь под разными предлогами от исполнения наших требований, теперь сдались моментально: прежде всего они тотчас доставили в лагерь [171] массу топоров для рубки леса, которых мы до сих пор у них добиться не могли, а затем и сами явились большою толпою к услугам нашим. Это фактическое, хотя и не искреннее, конечно, выражение нам покорности со стороны тальцев дало возможность тотчас же приступить к рубке садов и леса вокруг крепости, которая назойливо и усердно продолжалась с той минуты каждый день.

Значительное пополнение наших войск вызвало необходимость и усиленных фуражировок, к которым приступлено с 31-го октября. В этот день фуражировала к стороне Мацехи почти вся милиция и казаки, под прикрытием сводного баталиона из двух рот гренадер и двух рот карабинер. День прошел без приключений и без потерь, так как жители удалились и оставили свои поля на наше усмотрение. На другой день фуражировка повторилась, и в слабой при этом перестрелке у нас ранен один рядовой графа Паскевича-Эриванского полка; милиционеры опять успели зажечь несколько домов в селении Джары и отбили немного скота, который предоставлен в их пользу. 2-го, 3-го и 4-го ноября войска фуражировали по направлению к сед. Катехи и никаких особых затруднений не встретили. Это благонравное отношение к нам неприятеля происходило, по словам Стрекалова, будто бы вследствие того, что жители разных деревень, пришедшие к нему на помощь, будучи крайне стеснены недостатком продовольствия, понемногу оставляли его и уходили в свои дома. В этом не было ничего мудреного, так как Гамзат-бек не мог послать на равнину за хлебом даже самой малой партии

без того, чтобы она не наткнулась на наши пикеты и не подвергалась бы опасности быть истребленною. Единственный способ, который представлял неприятелю кое-какие слабые виды на успешное добывание продовольствия, заключался в том, чтобы отправлять на [172] равнину одиночных людей; но, понятно, что они многого доставить не могли и едва прокармливали в течение дня скудным образом самое ограниченное число товарищей; а остальным приходилось дежурить в нужде и в голоде. Вследствие этого лезгины кормились посменно, и если только удовлетворялись таким положением, то единственно по привычке в умеренности и к терпению, с которым преследовали свою цель, а также в надежде на счастливый случай и лучшее будущее — что доказывало, впрочем, отсутствие среди них пока всякого разочарования и деморализации. Менее всего они получали содействие из Белакан, так как мы зорко следили за этим селением и, наконец, поймали и арестовали главного виновника всех тамошних неурядиц — брата старшины. С упрятанием его в тюрьму спокойствие среди жителей установилось, и Стрекалов поэтому отозвал оттуда в лагерь к новым Закаталам три роты карабинер, думая, что этим, между прочим "произведет также большое влияние на жителей по всей дороге обитающих".

Наконец, 4-го ноября прибыли из Карабаха, с полковником Миклашевским, шесть рот 42 егерского полка 1; остальные две роты следовали при транспорте, отправленном из Пиразов, и должны были явиться на место [173] только к 12-му числу. С этого дня состав отряда, за неприбытием пока трех рот, отозванных из Белакан, а также и сверх гарнизона крепости, был следующий: два баталиона графа Паскевича-Эриванского полка, два баталиона Эриванского карабинерного, два баталиона Грузинского гренадерского и полтора баталиона 42 егерского полков; донских казачьих Леонова и Карпова полков 400 человек; сигнахской, тушинской и шекинской милиций две тысячи человек. Что касается неприятеля, то силы его в точности определить довольно трудно, потому что сам Стрекалов подает в этом случае повод к недоразумению: он говорит, что оне значительно уменьшились по случаю ухода жителей разных деревень, вследствие чего горцы в начале ноября не оказывали нам большого сопротивления; но почти в то же время, в другом донесении 4-го ноября, упоминает, что толпы Гамзата простирались до десяти тысяч человек. Если эта цифра хоть сколько-нибудь правдоподобна, то нельзя отнести поведение скопища в первых числах ноября к ослаблению его, даже если бы его и оставили жители многих деревень, а должно искать в этом другой причины или просто приписать случаю и обстоятельствам. Но так или иначе, а лезгины, наконец, проснулись после нескольких тихих дней, в особенности, когда крепко восчувствовали влияние голода.

"Ожесточенные сим (т. о. голодом) и нашими мероприятиями, джарцы и пришедшие в ним на помощь дагестанцы, поняв естественную причину такового хода дел, решились и с своей стороны употребить меры для приведения нас в затруднение доставать для всех находящихся в отряде лошадей фураж".

Затруднение это они поставили нам без замедления — хотя и не с особенною для себя выгодою.

5-го ноября утром была предпринята фуражировка к стороне селения Катехи, под прикрытием двух рот [174] графа Паскевича-Эриванского полка и двух орудий, вверенных общему командованию маиора Бучкиева. Едва фуражиры принялись за свое дело, как были атакованы высланною из неприятельского лагеря партиею глуходар, которая успела пробраться незамеченною. Пока Бучкиев отражал ее довольно успешно, белаканский старшина Мамед

Муртузали в десять часов утра дал знать генералу Стрекалову, что вслед за сим должно выступить все скопище, с намерением истребить фуражиров и их прикрытие. Отправив тотчас на подкрепление Бучкиева две роты 42 егерского полка, и приказав ему принять всевозможные предосторожности, Стрекалов, для преграждения дороги скопищу, послал на высоту, противулежащую северо-восточному фасу крепости, сигнахскую и тушинскую милиции, а вслед затем и баталион Эриванского карабинерного полка, с двумя орудиями донской казачьей ,№ 3 роты, под командою полковника князя Дадиани. Главное распоряжение этими войсками он поручил генерал-маиору графу Симоничу. Не успел еще последний прочно занять позицию и выставить "застрельщиков", как из леса открылся ожесточенный огонь и последовала атака за атакой на наш левый фланг, который неприятель видимо старался обойти. Не будучи в состоянии, по малому числу людей, отделить часть карабинер в подкрепление левого фланга, генерал Симонич послал туда сигнахскую милицию и с тем вместе потребовал из лагеря баталион 42 егерского полка. По прибытии его он подкрепил застрельщиков Эриванского полка одною ротою, которую скрыл позади строений, чтобы в случае нападения лезгин на цепь ударить им во фланг, а остальные роты расположил позади карабинерного баталиона. Нападения на сигнахскую милицию были до того сильны и ожесточенны, что она, наконец, не могла удерживать за собою позицию и начала понемногу ее очищать. Получив [175] об этом известие от командовавшего ею штабс-ротмистра князя Яссе Андроникова, граф Симонич быстро двинул вперед на помощь сигнахцам три роты 42 егерского полка; но милиционеры в это время уже почти бежали и так потеснили эти роты, что им нельзя было шага двинуться вперед. В эту весьма опасную минуту выручили всех распорядительность и хладнокровие генерала Симонича. Он скомандовал 3-й егерской роте "налево", вырвал ее таким образом из среды остальных рот и бросил неприятелю в лицо в виде заслона — чем и задержал его, а вместе с тем дал возможность сигнахцам рассеяться по сторонам и отступить благополучно. Когда же они очистили дорогу, неустрашимый Миклашевский бросился с другими двумя ротами в штыки, отбросил горцев и занял на плечах у них довольно выгодную позицию, на которой и остановился. Между тем прибыл и генерал Стрекалов с баталионом Грузинского гренадерского полка. Так как движение наше не имело другой цели кроме обеспечения фуражиров, то этот баталион, примкнув к колонне графа Симонича, стал вместе с прочими ожидать их возвращения. Но через четверть часа неприятель появился вновь еще в больших против прежнего силах и "с яростью" напал на цепь стрелков, стараясь на этот раз охватить колонну уже со всех сторон. Увидя, что атаки его слишком решительны, Стрекалов послал в лагерь еще и за 2-м баталионом грузинцев, а до прибытия его велел Миклашевскому употребить все меры для недопущения горцев к обходу нам в тыл. Миклашевский, признавая лучшею для этого мерою действие русского штыка, стал во главе трех своих рот и, поддержанный баталионом гренадер, под командою их командира полковника Юдина, на целый ряд нападений неприятеля ответил ему одною только атакою, но такою, что тот, устлав место [176] боя изрядною кучею своих жертв, вынужден был оставить позицию на большой дороге и совсем стушеваться. Назидание было до того внушительное, что целых два часа после этой молодецкой атаки лезгины не сделали ни одного выстрела, и войска наши, дождавшись фуражиров, благополучно возвратились в лагерь, прикрытые явившимся к ним в помощь вторым баталионом гренадер. Неприятель оставил на месте 65 тел, преимущественно исколотых штыками; общая же потеря его доходила до 200 человек. Наш урон был следующий: на фуражировке убито 6, ранено 2 и без вести пропало 14 нижних чинов; в сражении убито 16 рядовых; ранены: один обер-офицер, один милиционер из князей — Георгий Андроников, один чиновник и 77 нижних чинов; контужено князей и дворян 8,

рядовых 10; без вести пропало 6 милиционеров. Лошадей убито 4, ранено 6, без вести пропало 31. Выпущено артиллерийских зарядов 42 и патронов 2072. В этом бою особенно отличились тушины, которые, во время нападения, произведенного неприятелем на колонну Бучкиева, бросились к нему на помощь, без выстрела ударили в шашки на толпу, атаковавшую цепь, и этим первым удачным отпором значительно парализовали энергию лезгин.

Дав двухдневный отдых войскам, Стрекалов решил приступить к постройке предположенного им укрепления на той местности, которую рекогносцировал 28-го октября. 8-го ноября он выступил из лагеря с десятью ротами Эриванского карабинерного полка, включая сюда три роты, прибывшие из Белакан 6-го числа, с двумя баталионами графа Паскевича-Эриванского полка и четырьмя орудиями донской казачьей № 3 роты. Движение к высоте и занятие ее были произведены беспрепятственно. Только после этого уже неприятель показался в разных местах небольшими партиями, но тотчас же был отбит и рассеян [177] орудийным огнем. Он, впрочем, успел сделать четыре ружейных выстрела, но таких метких, что ранил у нас четырех человек: трех рядовых и смертельно Эриванского карабинерного полка штабс-капитана Толмачева. Это были единственные жертвы, окупившие своей кровью постройку редута. Начались затем работы, которые продолжались беспрепятственно также и на другой день; преимущественно вырубались сады — что, впрочем, не мешало в то же время быстро подниматься и укреплению. Неприятель увидел, что теперь помешать нам не может, и так как возникавший редут предвещал ему безусловный голод и прекращение всяких поддержек со стороны наиболее важных для него пунктов, то эмиграция тотчас же закралась на этот раз даже в среду дагестанцев, и они тихонько и понемногу начали оставлять своих предводителей и уходили в горы.

Гамзат-бек и ших Шабан не могли не думать точно также, как и их войска, и вследствие этого не могли не почувствовать, что вера их в свои золотые замыслы сильно колеблется. Понимая, что может придти тот час, когда им суждено будет остаться с одними джарцами и с немногими глуходарами, они сочли благоразумным не допустить себя до такого положения: а так как при этом отступление их с пустыми руками являлось также неудобным, милосердию же русского правительства нет меры, то и решили они избрать наиболее благую часть и последовательно предложили себя нам в подарок. Первый шаг сделал к этому Шабан на другой же день после понесенного им последнего поражения. Посредником для переговоров он избрал ловкого белаканского старшину Мамеда Муртузали. Последний заявил, что Шабан, независимо от принесения нам своей покорности, обещает даже вывести из старых Закатал свои войска. Генерал Стрекалов, имея в виду, что решение Шабана сильно [178] повлияет на дагестанцев, которые должны будут значительно рассеяться и лишить джарцев средств к дальнейшей обороне, принял его предложения, но при этом объявил, что дает ему право ходатайствовать только за себя лично, но никак не за мятежников джарцев. Шабан согласился на все наши требования — настоящие и будущие, и просил выслать к селению Талы "чиновника" для переговоров с ним, т. е. другими словами, для бесплодных разговоров. Для этого был назначен генерал-маиор Сергеев, который совершенно успокоил шиха насчет его дальнейшей участи, вследствие чего Шабан вывел из старых Закатал тех дагестанцев, которых привел под своим непосредственным начальством, а 10-го ноября явился и сам к нам в лагерь. Согласно его просьбе, выведенным им лезгинам открыт вполне свободный проход в горы, чем они не замедлили и воспользоваться тотчас же. Что касается Гамзат-бека, то он, вероятно, оценивая себя и по заслугам, и по происхождению гораздо дороже Шабана, обставил желание свое о покорности тем необходимым условием, чтобы вместе с ним получили пощаду и прощение все

джарцы. Естественно, ему послан на это безусловный отказ — и он призадумался на целых три дня.

Тем временем Стрекалов получил весьма тревожные сведения о событиях в Персии, которыми не мог не интересоваться, так как множество ханов наших мусульманских провинций, по его словам, всегда готовы были явиться соучастниками персидских передряг и "первыми возмутителями против нашего правительства" — а это, без сомнения, могло бы неблагоприятно повлиять и на наши дела в Джаро-белаканской области. Исходя из этого заключения, он признал необходимым поспешить окончанием своих предприятий и поскорее уничтожить старые Закаталы. Это казалось теперь тем удобнее, что неприятель, [179] а с ним и мятежники, более или менее обессилели; мы же, наоборот, еще подкрепились прибытием 12-го числа двух рот 42-го егерского полка, которые, между прочим, доставили нам из Пиразов и транспорт с продовольствием.

Занятие старых Закатал было назначено на 18-е ноября. Так как теснота дорог между высокими извилистыми оградами и беспрерывное продолжение садов не позволяли развернуть в одном месте более двух баталионов, то все войска были разделены на три колонны: левый фланг, под начальством г. м. графа Симонича, составили два баталиона Грузинского гренадерского, два графа Паскевича-Эриванского полков, грузинская милиция, шесть орудий донской казачьей № 3 роты и две кегорновых мортирки; центр, под начальством полковника князя Дадиани — десять рот Эриванского карабинерного полка, с тушинскою милициею и четырьмя орудиями той же донской роты; правый фланг, полковника Миклашевского — шесть рот 42-го егерского полка, с шекинскою милициею и двумя горными единорогами. Общее командование всеми этими войсками вверялось генерал-маиору Сергееву, под наблюдением и главным руководством самого Стрекалова.

Едва были сделаны эти распоряжения, как в крепость неожиданно явился надумавшийся Гамзат-бек, да не один, а еще и с братом своим Мурат-беком; оба они, засвидетельствовав нам свое почтение и преданность, обещали, так же как и Шабан, вывести свои партии из старых Закатал на долину в полдень следующего дня — и не только для принесения покорности, но даже для принятия присяги на верноподданство. По словам Гамзата, общая числительность этих партий, не смотря на все побеги, а также и на удаление скопища Шабана, все еще простиралась до трех тысяч человек. Оба брата были [180] приняты весьма любезно, и так как они не пожелали более возвратиться к своим сподвижникам, то получили у нас вполне гостеприимный приют. Для вывода же из селения их партий был ими послан один из лезгин их свиты, некто Абдулла Аджиев, житель Согратля, серебряк по ремеслу, давно нам известный своим плутовством и пройдошеством. Одно время он находился при князе Бековиче-Черкаском, когда тот управлял джарскою и белаканскою провинциями, затем был пестуном и посредником между джарцами и дагестанцами, и наконец, участником в последних сношениях Шабана и Гамзата с нашими властями. 18-го ноября, в полдень, он возвратился из старых Закатал и объявил, что партии не иначе оставят селение, как в то время, когда к ним прибудет сам Гамзат. До Стрекалова же дошли слухи, будто все трехтысячное скопище, объявленное Гамзатом, есть не более как миф, потому что партии разбрелись уже, а прибытие к нам их представителя есть уловки и обман с целью выманить у нас подарки. Ко всему этому у Стрекалова явилось и свое собственное соображение, что Гамзат, получив эти подарки и испросив позволение отправиться к своему войску, убежит в Дагестан и там будет разглашать, что русские его подкупили. Для Стрекалова эти подозрения казались вполне основательными,

поэтому, чтобы не упустить такое приобретение, как Гамзат, и наказать его за обман, он объявил его, а также и Шабана, военнопленными, и отправил их в Тифлис. Фельдмаршалу же он донес:

"Гамзат-бек есть сын Алисканта (Али-Эскендер-бека), бывшего первым любимцем Омар-хана аварского, и известен по прежним своим разбоям. Действия его в пользу Кази-муллы против Хунзаха, а также участие в мятеже горцев, есть два дела, по которым он, по всей справедливости, может быть отдан под суд".

Неблагоприятели Гамзата, отсутствием которых не [181] страдает никогда ни один выдающийся деятель, были настолько услужливы, что в тот же день доставили Стрекалову целую коллекцию его писем, которые он рассылал дагестанцам, приглашая их к восстанию и сбору против русских. Среди них нашлось одно письмо, писанное после несчастного дела карабинер даже к Абас-Мирзе, из которого было видно, как сильно разгулялось тщеславие этого человека вследствие удачного для него случая.

Слухи относительно препровождения в Тифлис военнопленными двух фанатиков быстро достигли Дагестана в преувеличенном и извращенном виде и подали повод к довольно дерзкому письму братьев Шабана к генералу Сергееву, которое хотя и было напрасным звуком без отголоска, но тем не менее сохраняет за собою некоторый исторический интерес (приложение X).

Отделавшись от Гамзат-бека, шиха Шабана и их ближайших наперсников, Стрекалов счел нужным тотчас же приступить к взятию Закатал, тем более, что упрямству джарцев не было конца, и добровольной покорности от них ожидать было невозможно. Хотя в течение последних дней некоторые из них вовсе не пробовали хлеба и готовы были сдаться, но, подстрекаемые фанатиками, преимущественно муллами, пробовали держаться. Эти муллы, в особенности изменивший недавно Цетов, проповедывали, что до тех пор, пока они будут жить в согласии с русскими, молитва их не будет молитвою и пост постом, и что одно только оружие, поднятое против нас, может избавить их от вечного бесславия и доставить спасение их душам. Понятно, что от такого заблуждения можно было отрезвить также ни чем иным, как только оружием. Деление войск на колонны и диспозиция остались те же, которые были отданы на 13-е число. Действия всех трех колонн направлялись к одной точке — к [182] знаменитой и неприступной закатальской башне. Самую важную часть отряда представлял собою наш левый фланг, так как имелось в виду, что неприятель, из боязни быть отрезанным от дорог, ведущих в Дагестан, употребит против него главные свои силы, вследствие чего в колонну, составлявшую этот фланг, и были включены четыре баталиона. По мере того, как эта колонна будет вести бой, средняя должна была идти по прямой дороге, а правая — обходить хребет высокого кряжа, отделявшего Закаталы от тальского ущелья, и затем, явясь у неприятеля в тылу, ударить на него в то время, когда он будет иметь дело с предыдущими двумя колоннами.

В ночь на 14-е ноября прежде других выступила колонна полковника Миклашевского по ущелью, идущему вверх от селения Талы к снеговому хребту, разделяющему собою ущелья тальское и закатальское. Дойдя до этого пункта, колонна должна была перевалиться через хребет по вьючной дороге и, по расчету времени, явиться у неприятеля в тылу тогда, когда прочие две колонны вступят уже в дело. В семь часов утра двинулась левая колонна, при которой находился и сам Стрекалов. Выйдя на катехскую дорогу и пользуясь чрезвычайно

густым туманом, колонна ускорила шаг, а милиция пошла по отлогостям гор, тянувшихся еще левее, чтобы при нападении нашем на неприятеля содействовать баталионам обходом его с правого фланга. Но весь путь до передового неприятельского лагеря был пройден без всяких встреч, и самый лагерь оказался пуст — вероятно потому, что лезгины боялись внезапной атаки среди непроглядного тумана и вследствие этого переменили позицию. Когда левая колонна достигла этого пункта, тогда только выступила двумя эшелонами колонна князя Дадиани. Ей предназначено было занять мечеть, расположиться на позиции и ожидать дальнейших [183] приказаний для следования к дому главного бунтовщика Чанко-оглы, к которому примыкал левый фланг неприятеля; правый же фланг его прикрывал собою вое пути, идущие в Дагестан, и простирался до закатальской башни.

Прежде всех других была открыта неприятелем наша левая колонна, которая, переправившись через овраг, наткнулась на него чуть не в упор. Гренадеры, предводимые своим командиром полковником Юдиным, стремительным ударом опрокинули его и заняли его позицию. В это время князю Дадиани было приказано быстро двинуться вперед по указанному ему назначению, а грузинской милиции присоединиться к левой колонне. Неприятель однако живо оправился, вновь собрался и, в числе до 2000 человек, атаковал левую колонну с фронта, а другими небольшими партиями силился охватить ее с флангов. Но Симонич предупредил его: он бросил ему с фронта два баталиона гренадер, а 2-й баталион графцев, с полковником Кошкаровым, направил на его левый фланг; подоспевшая же в эту минуту грузинская милиция была противупоставлена партии, обходившей наш левый фланг. Отбитый таким образом вторично, неприятель побежал к закатальской башне; но граф Симонич пустил войска ему вослед и с налета захватил башню, не дав времени лезгинам приготовиться к защите и отрезав их от их левого фланга. Прежде чем известие об этом достигло до скопища, находившегося у дома Чанко-оглы, карабинеры были уже у своей цели. Без выстрела бросились они к змеиному убежищу и в минуту прибрали его к своим рукам; другие пять минут понадобились для того, чтобы захватить неприятельский лагерь, где оказалось и одно орудие из числа отбитых у нас горцами 15-го октября. Подвигаясь все вперед, карабинеры нашли еще два орудия, без лафетов, установленные для стрельбы на арбах; четвертое орудие было взято графцами [184] при следовании к закатальской башне. Лезгины, сбитые с позиции гренадерами и вытесненные из лагеря карабинерами, бросились на хребет, отделяющий Закаталы от тальского ущелья, чтобы пробраться к селению Мухахи, но там встретили колонну Миклашевского, повернули назад и рассеялись в ущельи, ведущем к снеговому хребту, едва успев спасти туда только свои семейства и оставив нам в добычу все остальное. Стрекалов их не преследовал, как по случаю сильнейшего тумана, не допускавшего различать предметы в двадцати шагах, так еще и потому, что суровая погода в высоких ущельях должна была поневоле заставить их сдаться; но все же он приказал милиционерам заглянуть в глубину ущелья и побеспокоить их. Войска же между тем заняли все пространство между башнею и домом Чанко-оглы. Сергеев получил приказание — Джары и Закаталы снести с лица земли.

Так свершилось вторичное занятие недоступной джарской твердыни, убедившее, между прочим, Стрекалова, что Гамзат-бек не солгал, и что трехтысячное скопище не было мифом. Победа этого дня отразилась у нас только чувствительно на ружейных патронах, которых выпущено 43187, и частью на артиллерийских снарядах, которых израсходовано 140; в остальном же она была незначительная: убито три рядовых, ранены два офицера и пятнадцать рядовых, контужено четыре нижних чина.

Не прошло и трех часов после свершившегося события, о котором Стрекалов на другой день донес главнокомандующему в восторженных выражениях, как к генералу Сергееву явились депутации от разных изменивших нам окрестных деревень с поздравлением по случаю победы, с изъявлением покорности и с просьбой о помиловании. Генерал Сергеев им объявил, что оне могут рассчитывать на прощение только при безусловной [185] покорности и беспрекословном выполнении всех наших требований, как бы суровы они ни были; при малейшем подозрении в неблагонадежности, все их селения подвергнутся той участи, которую вслед за сим они увидят на Джарах и Закаталах. На другой день прибыли из глубины ущелья и старшины этих обоих селений, скрывшиеся там от нашего преследования вместе с остальным населением, где оно, при жестоком холоде, ужасно страдало и от голода, и от всех прочих лишений. Им было объявлено, что хотя с изменниками и мятежниками не следовало бы нам иметь сношений, а должно было бы подвергнуть их всех законной и строжайшей каре; но, в виду отчаянного положения их семейств и в расчетах на милосердие Государя, им будет оказано некоторое снисхождение, и они будут выпущены из теснины, если представят главных виновников возмущения - старшин Чанко-оглы, Оден-оглы, муллу Цетова и других. Прибывшие удалились с поникшими головами, а милиционеры отправились по их следам и произвели такой переполох в ущельи, что навели панику на всех приютившихся там изменников, и в особенности на женщин. Это подействовало лучше всяких угроз и увещаний, так как представители мятежа на другой же день прислали сказать, что они готовы явиться, но боятся, что не дойдут благополучно до нашего лагеря, так как будут наверное растерзаны ожесточенными милиционерами или даже солдатами. Чтобы этого и в самом деле не случилось, Сергеев обезопасил их личности особо отданным на этот предмет распоряжением и дал им знать, что их не тронут. На следующий день, 17 ноября, после того, как на отбитой у неприятеля позиции было совершено благодарственное молебствие, у передовой нашей цепи явились два перла возмущения — Чанко-оглы и Оден-оглы, и просили позволения [186] "представиться генералу". Но представления не последовало, а они были отправлены в крепость. В то же время в ущелье дано знать всем скрывавшимся там беглецам. что они могут выйти оттуда, но без предварительного обещания им помилования. Немедленным исполнением всех наших распоряжений они обязывались снискивать себе только надежду на ходатайство у главнокомандующего об улучшении их участи, но никак не о полном прощении тех, которые его не заслужили. Мятежники и их семейства подчинились и этому ограниченному снисхождению, потому что положение было вполне безотрадное, и постепенно стали вылазить из своего добровольного заточения. С ужасом взирала большая часть из них на свои разрушенные жилища и на всеобщее опустошение. Погром был так чувствителен, что многие даже не узнавали своих прежних владений. С проклятием взывали они к тем лицам, которые были причиною их ужасного положения, и едва не закопали живым в землю одного из них — Сулейман-Нур-оглы, но мы его вырвали у них из рук и спрятали в крепость до решения его участи. Муллу же Цетова они никак не могли разыскать, потому что он все время продолжал прохлаждаться на высшей точке снегового хребта и не решался оттуда сделать ни шага. Мы должны были так или иначе исполнить наше обещание, что лишим мятежников их достояния, и продолжали истребление садов и жилищ даже и тогда, когда все успокоилось — чтобы этим на долгое время оставить впечатление в уме и в сердце народа. Для удобного же в будущем движения к заветным пунктам джарцев было приступлено и к проложению дороги от закатальской башни вверх по ущелью и даже по совершенно прямому направлению до самой крепости. Протяжение этой дороги было до четырех с половиною верст, а ширина ее до двенадцати саженей. [187]

Распоряжения относительно самых мятежников были следующие: генералу Сергееву поставлено в обязанность поспешнее арестовать главных возмутителей и всех виновных старшин и предать их суду, а также узнать, какие энгилойцы принимали участие в восстании, чтобы иметь их в виду при освобождении от ига лезгин этого подвластного им народа. Выходящим из ущелья джарцам, катехцам и другим велено селиться с их семействами не на прежних местах, а на равнине у селений Талы, Гогами и Таначи, а названия селений Джары и Закаталы предать забвению. Вместе с тем приказано им уплатить все недоимки, числившиеся до того времени на их обществах, внести контрибуцию для дополнения военных издержек и на выкуп пленных в горах и возвратить тех пленных, которые взяты ими самими; доставить аманатов из главнейших семейств и содержать их в дальнейшем времени на свой счет; являться к нам, равно в Грузию и в другие провинции, без оружия; разработать дороги и устроить своими средствами удобные и безопасные сообщения от с. Джары до Муганло и до Белаканы и от Белаканы к Урдо и до речки Кобаны; не испрашивать вознаграждения за истребление нами их имущества и достояния и иметь в виду, что при малейших новых беспорядках меры строгости относительно всех жителей вообще будут удвоены. Все это было объявлено в особой прокламации. Как ни суровы была эти распоряжения для народа, избалованного своим довольством и милостями нашего правительства, но, делать нечего, нужно было им подчиниться — и джаро-закатальцы, скрепя сердце, постепенно приступили к их выполнению. Первым шагом в этой новой жизни была выдача в аманаты тридцати шести мальчиков из семейств тех старшин, которые участвовали в возмущении,— что для нас было важнее и нужнее всего. [188]

Не считая более необходимым своего присутствия в области, Стрекалов 24-го ноября возвратился в Тифлис, сделав еще ранее последние распоряжения относительно войск, составлявших отряд. На основании этих распоряжений баталионы 42 егерского полка, имея в Дагестане особое назначение, были отправлены обратно в кр. Шушу еще 20-го ноября и того же числа распущена и милиция; 26-го числа выступили в свою штаб-квартиру, а также и в Тифлис, шесть рот Эриванского карабинерного полка, люди, прибывшие на усиление действующих баталионов графа Паскевича-Эриванского полка, и восемь орудий донской казачьей № 3-го роты — последние на урочище Кара-Агач. 30-го ноября должен был двинуться в спою штаб-квартиру и один баталион Грузинского гренадерского полка; другой же баталион и остальные четыре роты Эриванского карабинерного полка оставлены пока в распоряжении генерал-маиора Сергеева. Драгун и милицию, занимавших переправы, приказано было отпустить при первой возможности.

По отъезде Стрекалова генерал Сергеев нашел настоятельным прежде всего арестовать главных виновников мятежа и произвести подготовку для предстоявшего освобождения энгило и енисели от рабства джарцев и закатальцев. Для осуществления последнего мероприятия он поручил советнику областного правления губернскому секретарю князю Андроникову объехать всю алазанскую плоскость и доставить ему сведения о крестьянских дворах, подвластных лезгинам, поднявшим против нас оружие, а также, между прочим, всмотреться в дух и в поведение жителей и в действия старшин. В помощь князю Андроникову он избрал Мамеда Муртузали-оглы и других ему подобных общественных представителей, все время остававшихся нам верными, которые теперь более чем когда-либо [189] стремились показать нам свое усердие. В двадцати семи деревнях, разбросанных на плоскости, оказалось до полуторы тысячи дворов, которые платили джарцам подать. Впрочем, это количество, равно и самое исчисление, были далеко неокончательные. На первый раз были взяты десять

главных зачинщиков мятежа, а непосредственно затем арестованы и заключены в тюрьму еще 22 руководителя бунта, оказавшиеся весьма почетными лицами из джарских тухумов Чанарели, Нугли и Чемчели. Но приятнее всего было то, что не миновали наших рук и кандалов два самые первостатейные вожака восстания — катехский старшина Кутур-Сулейман-оглы, который ездил в Дагестан с письмами от жителей для собрания войск и привел оттуда Гамзат-бека и Шабана, и приятель его Ибрагим-Загер-оглы, который соревновал ему во всех самых выдающихся явлениях бывшего мятежа и кроме того был опасный разбойник. В заключение схвачены ближайшие поверенные Гамзат-бека — братья серебряки Абдулла и Сафар Аджиевы, имевшие весьма сильное влияние на мятежную деятельность джарцев; они отправлены в Тифлис в дополнение к Гамзату, Мурату и Шабану.

Нельзя сказать, чтобы положение этих последних лиц было очень дурное. Они пользовались свободою, имели разрешение письменно сноситься, при известном ограничении и под строгого редакциею, с своими родственниками, и насчет будущего лелеяли даже некоторые розовые надежды, не зная, впрочем, того, что граф Паскевич решил уже отправить их в Казань. Так, например, Гамзат и брат его Мурат писали "в свои дома и к своим обществам":

"Мы находимся в Тифлисе здоровы и благополучны. Между русскими и нами последовал мир, а потому вы не печальтесь и не думайте об нас, ибо с помощию божиею мы скоро к вам прибудем, [190] а именно в течение месяца. Остальные обстоятельства узнаете со слов Мамада-Хиднат-оглы".

Шабан же писал "к своим родственникам":

"Я нахожусь в Тифлисе жив и здоров и весьма доволен от русского начальства, а особливо от господина губернатора, коменданта и прочих. Для нас здесь весьма приятно, ни в чем не нуждаемся и хорошо одеты, а, все это потому, что служим Государю великому. Я весьма доволен поступком моим в подвержении себя покровительству русских, и нашел здесь более того, о чем говорили. Между русских лжи нет; слово их единое и два не бывает; они умны, просты и велики на словах. Если о положении моем спросите — слава Богу от начала и до конца. Я надеюсь на помощь божию, что скоро к вам прибуду, и именно через полмесяца, потому что губернатор обещал нас отпустить. Поклонитесь от меня братьям моим и скажите, что для меня нет никакого убытка, кроме большой пользы от щедрот великого Государя. Угощающий меня офицер Георгий-бек человек весьма хороший, доброжелательный и для меня лучший человек между русскими".

Но очень понятно, что, в виду решения главнокомандующего об отправлении пленников в Казань, ни Шабан, ни Гамзат не могли скоро дождаться позволения на возвращение в горы, и по этому случаю первый из них отнесся к Стрекалову с просьбою поторопиться этим обещанием. Он напомнил ему о "своих услугах" и между прочим писал, что крепко болен, и что "жители его магала, соседи, подвластные, родственники и семейство ожидают его с нетерпением". Его нетерпеливое ожидание тем более заставляло нас опасаться за безвредность в будущем отчаянного шиха и сподвижника Кази-муллы, поэтому и письмо его на время осталось без последствий — не смотря даже на то, что Аслан-хан казикумухский рекомендовал нам Гамзата и Шабана точно также, как некогда муллу Магомета ярагского. Его интересное послание было явно [191] направлено к покровительству первым двум лицам и весьма не согласовалось ни с истиною, ни с действительностью (приложение XI).

Неблагоразумно было бы с нашей стороны в данную минуту делать какие-либо веские уступки, а тем более давать свободу Гамзату и Шабану на горячих следах, потому что, не смотря на уверенность Стрекалова в прочном спокойствии Джаро-белаканской области, там, напротив, не все еще успокоилось окончательно, а из гор опять стали доноситься разные тревожные сведения. Народ в области присмирел — это правда, но странно было бы думать, что он, скованный по заслугам прочными цепями, сразу сделался покорным и не подумывает разорвать эти цепи.

Прежде других обратили на себя наше внимание белаканцы, которые не выдавали нам аманатов и не исполняли наших требований, указанных в прокламации, касавшейся, между прочим, также и их — хотя и не во всех своих частях. Независимо того, до нас дошли слухи, что они содействуют укрывательству в горных местах близь их селения партии глуходар, во главе еще с одним отпрыском тесной фанатической семьи Кази-муллы, по имени Хала-Магомы, который нам стал известен только недавно и получил на нашем языке название "славного дагестанского разбойника". В виду этого обстоятельства, генерал-адъютант Стрекалов разрешил Сергееву предпринять в Белаканы экспедицию с баталионом Грузинского гренадерского полка, назначенным к возвращению в свою штаб-квартиру, и с баталионом графа Паскевича-Эриванского полка — согласуясь с теми распоряжениями, которые были преподаны ему для приведения тамошнего края к повиновению. Сергеев прибавил к этим двум баталионам еще два орудия и часть казаков Карпова полка и 30-го ноября направился на Таначи. Хотя Хала-Магома, узнав о [192] выступлении его из Закатал, поспешил удалиться с своею партиею в глубину гор, но это не изменило предпринятого Сергеевым решения побывать в Белаканах и понудить жителей этого селения к удовлетворению наших требований. Он двинулся далее, облегчив себя отправлением, между прочим, казаков и всех тяжестей Грузинского баталиона, с одною ротою его, в их штаб-квартиры. По прибытии в Белаканы, он был встречен жителями сумрачно и равнодушно, так как они, "зная в полной мере свои подлые и непростительные проступки, полагали, что и дли них настало время наказания, какое потерпели джарцы и закатальцы". Чтобы успокоить их в этом случае, Сергеев расположил отряд близь укрепления, а в селение вошел с одною только ротою. Вечером явились к нему лишь немногие старшины и жители — преимущественно те, которые не чувствовали за собою большой вины, а остальные не показывались, и только на другой день предстал с покорностью весь джамат. "Весьма приметен был в них — доносил Сергеев — дух неблагорасположения к нам". Не обращая, конечно, на этот дух никакого внимания, начальник области объявил им, что они вели себя очень дурно и обязаны теперь представить аманатов, в обеспечение своего будущего благонравия и в доказательство своей верности. Но они даже и здесь не исполнили этого решительного требования и замолкли на целых двое суток. Генералу Сергееву отчасти было это на руку, так как он в. неповиновении их видел повод арестовать тех, которые были у него давно на примете, и тотчас же велел взять под стражу и отправить в Царские Колодцы четырех старшин и трех почетных обывателей, намеченных у него в списке в числе главных возмутителей. После этого аманаты, конечно, были выданы беспрекословно. Установив таким образом порядок, [193] генерал Сергеев 3-го декабря отправил грузинцев и орудия в их штаб-квартиры, а графцев — в новые Закаталы, и сам поехал в Урдо для осмотра переправы и дорог. Во время двухдневного ожидания от белаканцев аманатов, Сергеев имел случай принять депутацию от тебельцев, которые, согласно своему обещанию, данному нам еще и начале августа, представили двух аманатов и

просили считать их самыми верными нашими друзьями — конечно, до удобного только случая.

Не прошло после всего этого и несколько дней, как загадка пребывания Хала-Магомы среди белаканцев и их подозрительное поведение не замедлили разрешиться вполне: оказалось, что этот сподвижник Кази-муллы и Гамзат-бека толкался возле белаканцев для того, чтобы подготовить ночву для нового возбуждения. Достигнув этого довольно удачно, он удалился в джурмутское общество и остановился с своею партиею в с. Кашелуге, в ожидании скопища из Дагестана, о призыве которого хлопотали весьма усердно не только беглые джарцы, но и многие их жены, успевшие пробраться для этой цели в Хунзах и одолевавшие своими неотступными просьбами ханшу Паху-бике. К Хала-Магоме присоединился с небольшою партиею своих соплеменников богозцев белад Бегай, и их толпы, под сенью четырех значков, составили ядро нового ополчения. Сергеев опять отнесся недоверчиво ко всем этим затеям, и зная, что в то время зимние сообщения в горах крайне затруднительны и неудобны, не ожидал от этих сборов ничего важного. Между тем в Кашелуг прибыл с большою партиею главный богозский старшина и белад Аличула-Магома, принял формировавшееся скопище под свое начальство и послал к анцухцам и канадальцам прокламации такого рода:

"Выступили мы с бесчисленным множеством войска против [194] неверных русских. Хотя и следовало вам прежде нас выйти против них, но вы единодушно с ними живете и помогаете им во всех случаях. Вы должны раскаяться в этих худых деяниях, не быть с ними единодушными и не помогать им, а напротив, быть таким неприятелем, как мы. Берегите свои имения и места ваши от неверных неприятелей, а то вы будете также им подобны, и потому Бог соберет всех неверных и их подчиненных в ад. Скажите, читатели, всем: его божья воля".

Подействовало ли это воззвание сполна и на всех к кому относилось — неизвестно; но довольно того, что в толпах Аличулы появились анцухцы, и к 10-му декабря скопище увеличилось до двух тысяч человек, с выдающимися в среде его беладами: Еленоуром, анцухским старшиною Паца-Махмат-оглы и священною особою Кази-Хитино (Хутн) Магометом. За богозским же хребтом быстро собирали новое ополчение дети Бегая и белад верховьев чанты-аргунского района Алдам. У нас на плоскости дела также переменились: все селение Цаблуани (за исключением, впрочем, трех семейств), находившееся в пяти верстах от Белаканы и состоявшее из 60 дворов, во главе с старшиною Джан-Вели, ушло в горы — и большею частью примкнуло к скопищу; туда же последовали трое джарских старшин с ватагою своих односельцев и многие жители из Катехи и Белаканы. Положение являлось опять тем более смутным, что заколебалось наиболее преданное нам глуходарское общество, —джурмутское, значительная часть которого наконец отложилась от нас и, распродав за бесценок свое достояние, присоединилась к Аличуле-Магоме. Пристав же князь Вачнадзе получил от него не совсем приятную записку такого содержания:

"Знаешь, неприятель! Я слышу от людей, что ты приятель русских, начальник со стороны их здесь и веришь их словам. Ей [195] Богу, если Бог меня усилит против них, то я тебя и родственников твоих убью и истреблю деревню твою и подчиненных твоих. Словом, не возвращусь в настоящее мое жительство, пока вас не истреблю".

После этого Сергееву волей-неволей приходилось верить, что неудобство сообщений в горах не мешает делам принимать оборот довольно важный. Хотя в это время явились к нему с покорностью и представили даже аманатов и трех наших пленных солдат жители малого

Кусура, всегда враждебные и опасные для нас в минуты фанатического брожения в области и в горах, но во-первых, искренность их теперь подлежала большому сомнению, а во-вторых, среди усложнявшихся быстро наших затруднений кусурское благорасположение не представляло для нас ни особенной выгоды, ни важности. А к тому же, Сергеев поступил относительно кусурцев более чем нерасчетливо: вместо того, чтобы в такие минуты приласкать их, он, в наказание за участие жителей этого селения в джарском возмущении, арестовал пятерых важных лиц из числа двадцати прибывших депутатов и объявил им, что они будут содержаться в крепости Закаталах до совершенного водворения в области спокойствия. Естественно, что этим он озлобил депутатов, ожидавших от своего визита совершенно иных результатов, и фактически уничтожил всякое значение их миссии.

Состав наших войск в это время собственно в области был следующий: в кр. новых Закаталах — 2-й бат. Грузинского гр. полка, 1-й Эриванского карабинерного, 1-й и 2-й графа Паскевича-Эриванского, второй баталион 41-го егерского полков и 1-я пионерная рота кавказского саперного баталиона, 2 горных единорога и 2 мортирки резервной батарейной № 5 роты 21-й артиллерийской бригады, донского казачьего № 28 подполковника Платонова полка [196] две сотни, донского казачьего № 30 г. м. Карпова полка три сотни (получившие, впрочем, предписание выступить на Храмский пост) и в Кара-Агаче четыре орудия донской конно-артиллерийской № 3 роты.

15-го декабря мы имели уже достоверные сведения о том, что скопище Аличулы двинулось к границам области, а 18-го Сергеев известился от маиора Лашкевича через преданных нам людей, что 1200 человек лезгин накануне вечером прибыли в с. Цаблуани и требовали продовольствия от белаканцев, угрожая в противном случае разграбить и сжечь селение; другая часть скопища заняла в это время в лесу дорогу, проходившую из Белаканы в Закаталы, чтобы преградить движение наших войск, если бы они решились выступить к белаканцам на помощь, и намерена была действовать на переправы урдовскую и ковалевскую; особая же партия, под начальством анцухского старшины Адемиула-Махмуда, была направлена к с. Гавазы, где находился пристав князь Вачнадзе. Лазутчики из белаканцев — Арух-Али и Нур-Магома, посланные маиором Лашкевичем узнать о положении дел на плоскости, были перехвачены неприятелем и отпущены только под условием — объявить джамату и старшине Мамеду Муртузали-оглы, чтобы они присоединились к Аличуле и действовали сообща против русских, и чтобы первый, в знак своей преданности, выдал бы аманатами двух своих сыновей. Все сомнения Сергеева относительно намерений неприятеля рассеялись теперь окончательно, и он, приготовив два баталиона пехоты и два горных единорога для выступления с ними в Белаканы, предписал полковнику Кошкарову и подполковнику Доброву, находившимся в своих штаб-квартирах, принять все меры предосторожности, и первому из них, кроме того, составить отряд из 400 человек пеших и 100 конных [197] драгун, 200 человек пехоты 3-го баталиона командуемого им полка и четырех орудий донской конно-артиллерийской № 3 роты и стать на урдовской переправе по правой стороне Алазани, а в случае надобности подать помощь белаканскому укреплению. Одновременно с этим он послал из Закатал две роты для препровождения на муганлинскую переправу взвода конных орудий донской № 3 роты, чтобы присоединить их к себе при движении в Белаканы и, до получения других достоверных сведений о неприятеле, "всматривался, по его словам, в мысли жителей, на верность которых нельзя было положиться, так как они все напитаны были одним духом мщения к нам при первом удобном случае".

Очень понятно, что Мамед Муртузали-оглы и затруднился, и не пожелал исполнить требований Аличулы, а счел более выгодным и благоразумным собрать до шести сот человек вооруженных жителей и расположить их возле своего дома. Но и суровый Аличула также не медлил. Узнав, что ему встреча уже приготовлена, он в ночи, на 19-е декабря подступил к Белаканам с скопищем из трех тысяч человек. Вся партия, на сопротивление которой неприятелю Мамед Муртузали полагался вполне, сейчас же разбежалась, и старшина остался почти беззащитным. Увидя свою беспомощность, он быстро собрал семейство и заключился вместе с ним и с немногими из своих приближенных в крепкой башне, находившейся в его дворе, намереваясь защищаться до последней возможности. Но Аличула вовсе и не думал об атаке этой твердыни. Сообразив, что не для чего даром проливать кровь своих сподвижников, он поджог башню, и она под развалинами своими погребла все приютившиеся в ней жертвы. Так кончилась судьба бедного Муртузали, оказавшего нам в последнее время много важных услуг. [198] Толпы лезгин пустились грабить селение, выживая из него всех тех, которые не успели спастись бегством. На утро часть скопища потянулась к селению Катехи. Лашкевич слышал из укрепления выстрелы в течение всей ночи и видел широкое зарево над селением, но "по случаю ночного времени и неизвестности о числе неприятеля, движения никакого не сделал". Сергеев, получив об этом на другой день донесение Лашкевича, предписал Кошкарову, с отрядом, который приказал собрать на урдовской переправе, тотчас двинуться на помощь к белаканскому укреплению, а сам все-таки не трогался, поджидая конные орудия с муганлинской переправы.

Аличула-Магома распоряжался в Белаканах как у себя дома. Ежечасно подходили к нему дагестанские лезгины небольшими партиями, а 20-го декабря в полдень явилась толпа в шестьсот человек, с шестнадцатью значками, которая дерзко прошла к нему под орудийными выстрелами из белаканского укрепления, с неистовою песнью "ля-иллахи". По сведениям, полученным маиором Лашкевичем от цаблуанского старшины Кураба-Магмада, оставшегося нам верным в числе трех семейств, отважный Аличула решил подождать остальные подкрепления и тогда атаковать белаканский форт со всех сторон. Для этого он быстро готовил туры, фашины, лестницы, бревна, массы камня и т. п. Хотя джарцы и закатальцы, находившиеся на плоскости, не выражали явного возмущения, но содействовали ему продовольственными и в особенности перевозочными средствами, доставляя на многочисленных арбах саман, сено и разные продукты. Таким образом у Аличулы оказалось до двухсот арб, которые он поспешно нагружал всевозможными заготовляемыми им осадными принадлежностями.

Подробности об этих событиях граф Паскевич [199] получил 21 декабря, и насколько он был недоволен Сергеевым, видно из всех его распоряжений, последовавших в тот же день. Первым делом его было предписать полковнику Кошкарову, чтобы он не оставлял урдовской переправы и ожидал бы там особых распоряжений; затем он дал знать генерал-лейтенанту барону Розену 4-му, чтобы тот поспешнее прибыл в Закавказье и вступил вместо Сергеева в управление Джаро-белаканскою областью, подчинив себе последнего в качестве начальника кавалерии отряда, подобно тому, как графа Симонича в звании начальника пехоты. Назначение Розена не исключало командования им 21-ю пехотною дивизиею, равно как Симонича кавказскою гренадерскою бригадою. Розен должен был по прибытии установить порядок и деятельно поддержать и привести в исполнение все предыдущие распоряжения фельдмаршала. Между прочим еще было велено: в случае занятия неприятелем селений Катехи и Мацехи, не идти с отрядом из Закатал прямо и непосредственно в Белаканы, а подать

помощь форту по присоединении к себе колонны Кошкарова, находящейся на урдовской переправе; не давать пощады бунтовщикам; в деле с неприятелем поменьше прибегать к ружейному огню, употребляя преимущественно картечь и затем удар в штыки, с барабанным боем — и т. д., в этом роде. К сожалению, не упущен был из вида и маиор Корганов, который все еще продолжал благодушествовать под крылом барона Розена, и ему было приказано следовать неотлучно при своем принципале. Для подкрепления же войск в области предписано было собрать на Царских Колодцах отряд из баталиона Грузинского гренадерского полка, спущенного из Закатал, двух рот Эриванского карабинерного полка и четырех легких орудий кавказской гренадерской артиллерийской бригады, а на урочище [200] Кара-Агаче до 1500 человек сигнахской и телавской милиции.

В то время, как свершались в Тифлисе все эти поспешные распоряжения, в Джаро-белаканской области готовился последний акт длинной и кровавой драмы текущего года. 21-го декабря генерал-маиор Сергеев выступил из Закатал с баталионом Грузинского гренадерского, двумя ротами Эриванского карабинерного, баталионом графа Паскевича-Эриванского полков, сборною командою, в числе 40 человек, донских казаков, двумя орудиями донской конно-артиллерийской № 3 роты и с одним горным единорогом резервной № 5 роты 21-й артиллерийской бригады. Следуя по прямой дороге, Сергеев вскоре увидел, что она сильно преграждена неприятелем, вследствие чего он свернул влево и пошел лесом. Здесь не было никаких препятствий, и отряд к вечеру благополучно сделал переход и остановился биваком на ночлег в семи верстах от Белаканы. Полковник Кошкаров, не получив еще, конечно, предписания фельдмаршала, в свою очередь, в тот же день двинулся с урдовской переправы с двумя ротами графа Паскевича-Эриванского полка, пятью стами пеших драгун, составлявших два полубаталиона пятидесятью конными драгунами и четырьмя орудиями донской конно-артиллерийской № 3 роты. 22-го декабря на рассвете, когда войска Сергеева вступили на белаканскую долину, с противуположной стороны показался и отряд Кошкарова. Подойдя к селению и осмотрев его насколько было возможно, Сергеев увидел, что скопище, которое, по сведениям, состояло из трех тысяч человек, занимало преимущественно окраины его и успело довольно сильно укрепиться в трех пунктах. Наивыгоднейшая для нас атака представлялась с северо-запада, откуда пришел Кошкаров, и хотя расстояние между двумя отрядами было не [201] более полуторы версты, но овраги и глубокие канавы не давали возможности провезти артиллерию и таким образом препятствовали соединению отрядов. Сергееву оставалось одно — провести войска под крепкими заборами, за которыми сидели горцы, и он поневоле решился на это рискованное средство; но чтобы скрыть свои намерения, он направил отряд к центру селения, и когда подошел к нему на картечный выстрел, то выставил батарею, открыл огонь и, под прикрытием его, повернул в обход ограды. Присоединившись к Кошкарову, он приказал ему атаковать ближайший к нам первый укрепленный бивак неприятеля. Обстреляв его сильным артиллерийским огнем, Кошкаров бросился в штыки и молодецки выбил горцев из их закрытий; но, отступив к своему второму укрепленному биваку, они открыли такую жестокую пальбу, что нашей колонне по необходимости пришлось и с своей стороны прибегнуть к отнятым у них закрытиям и пока ограничиться одною обороною. Сергеев, убедясь, что атака на неприятеля с фронта была бы нам не по силам, приказал Кошкарову с тремя полубаталионами обойти его с левого фланга, взяв направление на мечеть, где был третий бивак; подполковнику Нечволодову, с полубаталионом драгун (250 человек), поддерживать его атаку; подполковнику князю Аргутинскому, с двумя полубаталионами Грузинского гренадерского полка, тремя орудиями и

другим полубаталионом драгун — действовать внутрь селения и, наконец, подполковнику Хамутскому с полубаталионом карабинер и одним орудием, следовать между колоннами Кошкарова и Аргутинского на третий укрепленный пункт и, в случае надобности, поддержать того или другого. Бой разгорелся в полном смысле слова на славу, и неприятель, не смотря на ужасные потери, отстаивал себя с неимоверным мужеством, так что мы подвигались к цели [202] поистине черепашьим шагом, не взирая на то, что маиор Лашкевич сделал вылазку из укрепления и много содействовал общей атаке войск. Уже время близилось к вечеру, а мы все продолжали бороться почти безуспешно. Аличула, вероятно выводя из этого свои заключения о нашей слабости и о недостатке мужества, двинул наконец вперед все толпы, занимавшие второй укрепленный пункт селения, и, с дикими воплями, бросил их в рукопашный бой на ближайшие к ним три роты графа Паскевича-Эриванского полка, которыми распоряжался подполковник Овечкин. Но последние лихо встретили горцев штыками; поддержанные нашею картечью, оне отшвырнули их назад и на плечах у них ворвались во второй бивак, заняли его и стали здесь твердою ногою. Таким образом половина селения перешла в наши руки; в другой же половине продолжал еще господствовать Аличула. Настала темная ночь, и бой прекратился сам собою.

Густой и холодный туман окутал все окрестности и темною пеленою прикрыл обе враждебные стороны. Нигде ни огонька. После громового треска и грохота наступила необыкновенная тишина, как будто все без исключения погрузились в глубокий сон — хотя, конечно, противникам было не до сна, потому что каждый из них ежеминутно мог ожидать нечаянного нападения, а к утру должен был приготовиться для нового состязания. Но, вероятно, Аличула сообразил, что это состязание не пойдет ему впрок, и лишь только наступила полночь, он тихо стал сниматься с позиции, еще тише выбирался из селения и к рассвету совсем исчез. Сергеев узнал о его отступлении только тогда, когда уже рассвело, и раздались орудийные выстрелы, которыми маиор Лашкевич дал ясно понять, что сделал вылазку и преследует неприятеля. Вмиг войска стали в ружье и пустились по направлению [203] этих выстрелов — полковник Кошкаров по ближайшему ущелью к горе Губах, а подполковник князь Аргутинский по цаблуанскому ущелью. Но догнать горцев было трудно, потому что они бежали без оглядки и были уже далеко от нас, вне опасности. Грузинцы и карабинеры дошли до самых неприступных мест, и только вечером возвратились назад в Белаканы. К этому времени мы получили возможность безошибочно заключить о причинах, заставивших Аличулу отказаться от продолжения боя: считая и подбирая целый день оставленные неприятелем тела, мы едва к четырем часам окончили эту операцию и записали в свой походный дневник до восьмисот лезгинских покойников. Наша же потеря сравнительно была весьма ничтожная: убит Нижегородского драгунского полка прапорщик Казаков и разных частей войск шесть рядовых, ранено же сорок пять нижних чинов. Сильная и весьма опасная гроза пронеслась на этот раз довольно счастливо.

Через три дня, 24-го декабря, г. л. барон Розен прибыл на Царские Колодцы и вступил в командование войсками и в управление областью. В числе убитых у неприятеля в сражении 22-го числа оказалось, как бывало и прежде, довольно много джарцев и закатальцев. Это давало нам возможность опять вывести заключение о степени участия их в предприятии Аличулы. Генерал Сергеев готов был не обратить на это внимания и вновь проявить милость, которая нами так долго руководила, но граф Паскевич, получив о том посторонние сведения, предписанием барону Розену 25-го декабря, помимо генерал-адъютанта Стрекалова, предупредил эту неуместную гуманность. Он велел ему "без снисхождения отнестись к

бунтовщикам", забирать их в плен с семействами и отправлять в Тифлис, оставляя на Царских Колодцах для [204] предания военному суду тех из них, кои показали наиболее ожесточения и дерзости, "и отменить распоряжение Сергеева о прощении виновных, если он сделал таковое". Вместе с этим главнокомандующий, убедившись продолжительным опытом, что угрозы и предупреждения, которые нами были постоянно делаемы джаро-белаканцам, не произвели на них никакого благодетельного влияния, признал необходимым раз навсегда порешить судьбу этого беспокойного народа — и исполнил это в собственной знаменательной прокламации того же 25-го декабря, составляющей весьма важный исторический документ. В ней, между прочим, было выражено:

"Российское правительство, употребив многие способы и великодушия, и самого страха к утверждению между жителями Чарской и Белаканской области повиновения и спокойствия, согласно неоднократным торжественным клятвам, изъявленным ими начальству нашему, к сожалению испытало, наконец, что прощение вины и оставление их при прежних правах и преимуществах нимало не удерживает народ сей от новых измен и возмущений, и что дальнейшее снисхождение нисколько не может способствовать к укоренению в сих землях тишины и порядка, а потому считает ныне необходимым привести в исполнение нижеследующие меры:

1) Каждый из лезгин, имевший доселе какую-либо власть над энгилоями и ениселями, лишается отныне таковой, и племена сии должны уже будут впредь вносить в казну все подати, кои платились ими до сего времени лезгинам.

2) Главнейшие возмутители и зачинщики бунта, обнаруженные областным правлением, предаются военному суду, как нарушители общественного спокойствия, изменившие присяге, неоднократно данной Государю Императору, и виновники происходившего с обеих сторон кровопролития.

3) Все содействовавшие им или поднявшие оружие противу войск наших, лишаются своего движимого и недвижимого имения и отсылаются в Тифлис для дальнейшего решения их участи. [205]

4) Всем вообще как лезгинам, так и энгилоям, которые не участвовали в возмущении, воспрещается впредь носить оружие без позволения областного правления, кроме кинжалов; кто же, отправляясь в дорогу, найдет нужным для предосторожности иметь вооружение, тот обязан испросить от областного правления билет, в котором будет объяснено: куда, по какой надобности и с каким именно оружием дозволено кому отправиться. Засим, все пойманные вооруженными, но без билетов, будут предаваемы суду, как ослушники, изыскивающие случая к нарушению общественного спокойствия. Та же самая строгость распространится впоследствии и на тех, кои осмелятся вступить в злоумышленные сношения с неприязненными к нам горскими и другими народами. Да знает и помнит каждый, что от бдительности областного правления не скроется ныне никакой вредный умысел против России. Награждая и благодетельствуя мирных, добрых подданных, правительство российское имеет средство наказывать во всякое время непокорствующих".

Прокламация эта была распубликована в последних числах декабря, и с нею воспрянула наконец от глубокой трехвековой летаргии часть Грузии, томившаяся в непробудном рабстве. За то, для джаро-белаканцев она была далеко не отрадным поздравлением с наступившим новым, годом. Да и поделом: значить, доигрались.

Н. А. Волконский.

(Продолжение будет)

Комментарии

1. И. д. окружного начальника мусульманских провинций и командир 42 го егерского полка полковник Александр Михайлович Миклашевский был личностью выдающеюся и многообещающею, погибшею к несчастью прежде времени. Сын известного под Рымником полковника Стародубского карабинерного полка он родился в 1796 г., воспитывался в кадетском корпусе и на тридцать втором году своей жизни был уже полковником. Персидская и турецкая кампании дали возможность Миклашевскому стяжать себе славу вескими заслугами, выказавшими все его обширные военные способности и в особенности беспредельное мужество и вполне достойную удивления храбрость. Нет сомнения, что Кавказ был бы весьма многим обязан этой светлой личности, и Россия видела бы ее на высшей ступени нашей военной иерархии, если бы чрезмерная отвага не сгубила его в полном рассвете его возраста, на тридцать пятом году его славной и полезной жизни.

Текст воспроизведен по изданию: Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник, Том 12. 1888

ПРИЛОЖЕНИЯ

к статье

"ВОЙНА НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ С 1824 ПО 1834 г".

VII.

Прокламация чеченцам Мустафы-муллы кадия герменчукского.

Во имя всемогущего Бога! Слава Господу Богу, который принимает раскаяние и исповедует рабов своих, прощает их грехи и направляет течение заблудших на путь закона и заповедей. Поклоняемся пророку нашему, правителю закона и шариата и уничтожителю прочих религий в сем мире, и наследникам его, кои были светящими звездами истинного пути и соучастниками пророка нашего, как тогда, так и после.

Описание сие составлено вкратце от здешнего раба герменчукского Мустафы, главного духовника (имама), для всех мусульман, благоверного народа и старших, и младших лиц, из коих да приношу каждому порознь благословение и желаю им как доброго здравия от всякого злого приключения, так равно, чтобы они имели направление на путь истины сходно желанию.

О чистосердечный и вольный народ магометанский! Умножились среди нас беззакония и грехи; усилилась между нами ненависть и несогласие; наполнились в сердцах наших зависть, вражда, [207] несправедливость и междоусобное злодеяние; произошли у нас обольщение и возмущение, и уменьшилась польза добродетели. Сим самым мы испортили путь благодати, богослужения, справедливое исповедание и раскаяние. Опороченный грехом наследует гибель

и несчастье; равным же образом, грехи будут преграждать и богослужение; иго греха удалит от всякого к Богу повиновения, добродушия и восхищения; произведение грехов очернит, как тьма, человеческое сердце, в коем останется мало истины и наслаждения правдою, а если Бог не помилует его, то оно вступит в беззаконие и в самую гибель — от чего Боже сохрани! Все сие послужит чувством и доказательством тому, который станет мыслить в своем сердце и увидит блестящими и истинными глазами свое действие и поведение. Мы все ныне находимся чрез сей дурной поступок и действия противниками повеления законодателя нашего. Мы народ отверженный. Теперь нам показываются чрез отступление от сего пути признаки пришествия, имеющего быть весьма трудным, как сказал пророк наш: "тогда будет великое пришествие, когда народ и верющие в меня сделают возмущение и зло". Как мы видели, в месяце рамазане было сильное землетрясение, от коего пало много строений, померло много людей на горах и на степях. Господь Бог наш повелевает в алкоране: "о дети адамовы! молитесь Богу: трясение великого пришествия трудно и важно". Следовательно, покоритесь и убегайте гнева его потому, что подобное сильное землетрясение, после которого солнце станет восходить с западной стороны, есть признак второго пришествия, и тогда тягостно воскресение людей. А также Бог повелевает: "увидишь на том свете тех людей, кои забыли своих родственников и следуют своим деяниям, и найдешь их пьяными в страхе от вина". Но ужасен гнев божий — от чего конечно и страшитесь. Мы не слыхали и не видели в описаниях подобного землетрясения после пророка нашего, и только Бог сим землетрясением стращает своих созданных, дабы они пришли в раскаяние и испрашивали помилование и вступление в повиновение его впредь до запирания двери прощения, до восхождения солнца с запада, равно и до явления [208] страшного животного дабуталара и других признаков, которые при втором пришествии явятся. Бог жестоко накажет того, кто не раскается в своих грехах и не испросит прощения, ибо Господь Бог наш повелевает: "ниспосылаю алкоран в страх к тем, кок не будут раскаиваться и не будут просить пощады в грехах своих; кто будет молиться, тому он послужит в пользу его души, а кто откажется от сего, тот подвергнется вечной гибели".

Ныне надлежит, любезные мои братья, нам оплакивать себя ради грешной души нашей и умолять Господа Бога тайно и явно оставить всю непристойную подлость и зависть, просветиться добрым поступком и благонравием так, чтобы мы поспешили просить раскаяние и прощение прежде, до запирания нам двери пощады, и пока не случилось нечаянно второе пришествие, как повелевает пророк наш: "поспешай чинить добро: прибудет волнение с истреблением ночью". Также повелено три дела, а именно: когда окажутся сии знаки, то уже человек не может доставлять себе пользы или добра своей душе, - то есть: 1) после восхождения солнца с запада, 2) по явлении антихриста и 3) животного дабуталара. Бог повелевает в алкоране: "не принесет религия пользы тогда, когда жестокий гнев мой приключится". А также повелевает пророк наш, что кто с раскаянием просит прощения, будет уважен; равно Бог повелевает: "Бог любит просящих прощение и святых"; также в алкоране подтверждается: "я прощаю того, кто с раскаянием просит меня и, приняв веру, поступит добропорядочно и приобретет истинный путь". Следовательно, прилично вам. благоверные братья, прибегнуть к Богу с раскаянием, просить прощения с тем, чтобы не чинить отнюдь грехов во веки; недоброжелателям благодетельствовать; испросить прощение у тех, с коими имеете зависть или неудовольствие по торговле, равномерно иметь вам расположение и любовь как с семействами, с отцом, с сыном, с братьями, с сестрами, так и с родственниками, добрым образом и с кротостью, а более с теми товарищами, кои друг друга обижают, в особенности же с теми, кои благоверны и благонравны — хотя таковые редки. Отправляйте

молитву [209] и давайте зякат, то есть с имущества десятую часть нищим и бедным людям, как в законе сказано; держите пост в месяце рамазане во всех городах, в дистанциях и деревнях; отправляйте в день пятницы общее моление, тем самым докажется мусульманство; идите за мертвецом для предания его земле; помогайте притесненному и обиженному; обласкайте друг друга и будьте между собою в добром согласии; кланяйтесь и свидетельствуйте друг другу почтение; поступайте дружно между собою и посещайте больных, а если этого не сделаете и не исполните, то вера упадет, ослабится сила наша, и другой народ возьмет верх над магометанами, как и Господь Бог наш подтверждает и повелевает. О православные! Когда потребуют вас в день пятницы на молитву, то вы должны ходить и молится; не дерзайте коснуться до определенных Богом запрещений, кои суть следующие: убийство, блудодеяние, злословие и другие большие грехи. Следовательно, вы должны избегать их до того времени, пока раскаяние не принесет вам пользы. Убегайте от хмельных напитков, особливо от порочной водки, которая, отвлекая от божественной славы и моления, введет вас в большой грех и причинит вам величайший вред; предоставьте ваши дела духовному суду шаро; убегайте от правил идолопоклонников, кои возмутят веру и ниспровергнут основание исламизма. Кто посягнет на сие, лишится своего имения, права на законный брак, равно как не дозволено будет ему свидетельствовать, и назовется он изменником и противником мусульманской веры. Подобные сему люди хотя бы и исполняли приказание мусульман в сем мире, но на том свете будут беззаконниками, как Господь Бог наш повелевает в алкоране: "все вероломные в религии будут в последнем месте ада и в страшном огне"; равным образом "Бог соберет неверных и вероломных в аде". По сему есть несколько повелений божиих и пророка, в особенности же для удаления идола и образопоклонников. Господь Бог наш повелевает в алкоране: "покоритесь Богу, пророку и самодержавному Государю вашему, и когда имеете какой-либо спор, то представьте Богу и пророку его, если верите Богу и великому [210] пришествию. Сие для вас полезно и добро. Не видишь ли тех, кои полагают, что они сделали дела мною повеленные тебе или прежде тебя, но для своей власти идут для поклонения идолу, чем самым дьявол хочет свести их с истинного пути, тогда как сказано народу: стойте на том, которое есть повеление Божие и пророка; видишь: вероломные отвращаются от тебя,— они суть неправоверные". Кои не исполнят того, что повелел Бог и пророк, то те суть беззаконники, неправые, опороченные и вероломные; хотя они и говорят, что веруют в Бога и пророка и суть покорные, но после некоторые из таковых отказываются от них яко неблаговерные. Пророк наш повелевает: "никто не будет благоверным, если не полюбит души своей, как любезного любовника". Следовательно, знайте, любезные братья, и выслушайте толикие повеления божии и пророка нашего! Не будьте противниками и вероломными — от чего Боже сохрани вас! Убегайте от всех грехов, чтобы быть благоверными! Уведомляю вас, братья и приятели: я не пишу сего лицемерно и пристрастно, также не из любви к достижению власти и приказания — от чего Бог до сохранит меня! Но я собрал из любви единоверных моих братьев, и для предосторожности от несчастия, чтобы те, кои не ведут таковой жизни, приняли мою проповедь и наставление чрез письмо и посланных людей — на что народ мой, по милости божией, принял сие наставление и подкрепил свою обязанность. Следовательно, прошу духовных кадиев, молл, равномерно правителей и владельцев, привести в исполнение законные повеления и убегать от грехов рукою, языком и сердцем. Господь Бон повелевает в алкоране: "есть между вами такие народы, кои вызывают на дело благое и с благодатью сопряженное, то таковые и получат блаженство". А также наш святой пророк Магомет повелевает: "когда люди увидят притеснителя, не воспретят и не уничтожат, то таковые подвергнут себя гневу божию". Горе тому, кто покоряется своему телу, исполняет его прихоти

и оставляет свою душу без надежды творением грехов — от чего Бог да избавит нас и вас от всякого подобного гордого греха и гибели! Поступайте по правде и [211] доброте, и будьте здоровы и благополучны под защитою единого Бога. Аминь.

Посылаю искреннему и почтенному терскому кадию много моих поклонов. Так как я собрал сии доказательства из алкорана, из приказаний пророка, и уважится проповедь с просьбою и умолением от единоверных братьев моих, то отправляю к вам сие письмо с тем, чтобы вы сделали наставление вашему народу, и если признаете за нужное, то отправьте сие к жителям на берегах реки Терека обитающим; к народу из чеченских деревень я сам отправил с требованием; равномерно таковою же бумагою я дал знать народу на горах обитающему и предоставил все их дела суду шаро, и тем я уверил их.

Приложена печать Мустафы.

VIII.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ЧЕЧЕНСКОМУ НАРОДУ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА БАРОНА РОЗЕНА 4-го.

Зломыслящие люди распускают между вами разные ложные слухи, между коими и то, что якобы российское правительство намеревается вас истребить, и что бывшее землетрясение есть будто бы предзнаменованием вашей и света кончины.

Будучи по воле господина главнокомандующего генерал-фельдмаршала прислан для командования войсками и управления здешними народами, поставляю себе за обязанность предостеречь вас, дабы вы не давали веры сим неправдоподобным слухам.

Воля нашего великого Государя Императора состоит в том, чтобы все народы, имеющие счастье быть под Его скипетром, наслаждались счастьем и благополучием, жили бы мирно, вели себя честно, занимаясь торговлею и земледелием. Чеченцы! Исполняйте [212] означенную июлю Государя Императора, будьте верны данной вами на подданство присяге, и не слушайте поучения лжепророков. Тогда, уверяю вас, что никто не воспретит вам исполнять обряды вашей религии, и войска российские не только не причинят вам никакого вреда и утеснения, но, напротив того, станут еще защищать мирных жителей.

Вам, чеченцы, самим предоставляю судить: может ли великий Государь терпеть, чтобы между вами в одной деревне были непокорные жители, убийцы, воры и такие, у коих находятся в плену солдаты и казаки. Не потерпите и не дозвольте подобным людям проживать между нами; ваша собственная польза и долг данной присяги сего от вас требуют. Если не будет между вами означенных людей, и вы уничтожите кровомщение, как гнусный обычай ваших предков, то в то время каждый из вас, не страшась ничего, может заниматься свободно хлебопашеством и торговлею, от коих происходит благосостояние народа.

Еще повторяю вам, что войско, состоящее под моим начальством, есть только защитник мирных и верных данной присяге жителей. Всякий из вас найдет во мне справедливого судью; я буду стараться отвращать от вас нужду и ходатайствовать у высшего начальства о поправления вашего состояния и о награде людей отличных и преданных правительству.

Поучения лжепророка Кази-муллы Магомы некоторых из вас заставили последовать оным, и желать его к вам прибытия. Подобный ему возмутитель, старающийся ниспровергнуть спокойствие мирных жителей, не должен быть терпим между вами. А посему каждого из вас, мирные чеченцы, обязываю, по данной вами присяге, не принимать в свои дома лжепророка Кази-муллу Магому и его сообщников и стараться, поймав их, представить нашему правительству для достойного наказания. Если же я узнаю, что мятежный Кази-мулла Магома и его сообщники были приняты в какой-либо деревне или прошли через оную, то жители сих деревень не должны ожидать от меня никакой пощады: я строго накажу всех, кои осмелятся поступить [213] противно моим приказаниям, а в особенности старшин деревень и аманатских хозяев: первые подвергнутся строжайшему взысканию.

Мне весьма приятно будет, если поведение ваше, чеченцы, не принудит меня показать вам, что я и войско, код моим начальством состоящее, принадлежим к тому славному корпусу, который, под начальством бессмертного и великого полководца, потряс два сильнейших государства. И Арарат, и Соганлуг не удержали его быстрого полета. Что же теперь значат ваши горы, на кои вы так крепко полагаете свою надежду, ежели оне, и сравнении с Араратом и Соганлугом, суть маленькие только холмики?

Предваряю вас, чеченцы, сим объявлением о вашей верноподданнической обязанности для того, дабы вы не могли впоследствии отказаться неведением, что вышепоясненные поступки суть противны нашему правительству.

IX.

Диспозиция на 15-е октября 1830 года.

Завтрашнего числа предполагается произвести усиленную рекогносцировку занимаемых неприятельскими войсками мест и укрепить левый фланг нашей позиции,— чрез что прекратить сообщение неприятеля с жителями селения Катег и приготовить наши действия для будущих операций.

Для сего назначаются войска: два баталиона Эриванского карабинерного полка, команда сапер, 4 орудия легкой № 2-го роты кавказской гренадерской бригады и команда казаков донского казачьего Платонова полка. Сверх того, для содействия оным со стороны ближайшего фронта крепости вышлется баталион пехотного генерал-фельдмаршала графа Паскевича-Эриванского полка, с двумя орудиями донской казачьей № 3 роты.

Войскам сим быть готовыми к 9-ти часам утра по первому [214] выстрелу из орудий, находящихся на вышеозначенном фронте. Они выступают с места теперешнего расположения и следуют: первые два баталиона с орудиями и казаками к нижнему лагерю, показывая, что направление им дано к селению Закаталам, а баталион пехотного графа Паскевича-Эриванского полка, с артилериею, выходит пред вышеозначенным фронтом и становится в боевом порядке у гласиса, выслав стрелков к самой оконечности экспланады; дальнейшее его действие будет зависеть от обстоятельств. По прибытии к нижнему лагерю, два баталиона Эриванского карабинерного полка останавливаются, присоединяют к себе означенных казаков и о дальнейшем следовании дожидают особого приказания.

Во все сие время крепостная артиллерия, находящаяся на вышеозначенном фронте, производит пальбу, стараясь сколько возможно не терять выстрелов понапрасну,— что поручаю артиллерии полковнику Семчевскому.

Демонстрационный отряд поручается полковнику Кошкарову, а остальные войска флигель-адъютанту полковнику князю Дадиани. Всеми войсками начальствовать г. м. Сергееву, под главным моим наблюдением. Одному баталиону Эриванского карабинерного полка иметь по числу людей топоры. Если оных недостаточно, то заблаговременно дать знать и распорядиться о принятии таковых, по назначению г. м. Сергеева, от маиора Эспехо из здешнего арсенала.

Команде пионер иметь шанцевый инструмент для устроения укрепления на месте, которое окажется выгодным; при отряде оном назначается корпуса инженер путей сообщения маиор Эспехо.

В оставляемом лагере внизу крепости должно соблюдать всевозможную строгость, равно как и не отвлекать внимания и гарнизона самой крепости, даже содействуя, в случае нужды, обороне лагеря — что возлагаю на распоряжение пехотного графа Паскевича-Эриванского полка подполковника Овечкина, поставляя однако же в обязанность, чтобы работы в крепости не прерывались, производились по тому назначению, по коему оне будут распределены с вечера, для чего [215] употребить людей из рот внутри крепости расположенных, а из нижнего лагеря ничего не брать.

X.

Письмо к генералу Сергееву братьев шиха Шабана Мамад-Гасана и Мамеда.

Ваше превосходительство, по письмам вашим, писанным к нам, и по словам, переданным чрез посылаемых от вас людей, касательно приезда к вам шиха Шабана, уверяли, что кроме добра ничего ему худого у вас не может случиться, и чтобы он приехал к вам с братьями своими для личного свидания с вами и должного объяснения; также, что вы не хотите иметь с ним дела посредством посторонних людей, и обещали исходатайствовать ему, вместе с братьями, у всемилостивейшего Государя Императора вечный кусок хлеба. Мы, уповая на Бога, верили ваши словам, переданным вам через посланных к нам чиновников, и приехали к вам в крепость новые Закаталы с старшинами нашими. Но, напротив, случилось с ними то, что мы не знали и не ожидали от вас, и, по отправлении вами, брат наш ших Шабан уже находится в Тифлисе. Обстоятельство сие изменило обещание ваше и заставило народ в нашем крае живущий думать совершенно противное. Пока не приедет сам ших Шабан и не скажет нам лично, что сие значит, мы не придем в покорность российского Государя Императора; а когда приедет ших Шабан, мы, посредством его и Дабир-Магомета, покоримся Государю Императору. Хотя теперешнее положение наше известно, но после зимы есть весна и лето. Между прочим, мы желаем иметь шиха Шабана у себя, и народ наш нуждается в нем. [216]

XI.

Письмо генерал-маиора Аслан-хана казикумыхского.

Высокостепенный, высокопочтенный, высокоблаженный и превосходительный господин генерал-маиор и кавалер Сергеев.

Почтеннейшее письмо вашего превосходительства я имел удовольствие получить и, прочитав, понял все, что объяснено было в оном, на которое имею честь ответствовать, что Гамзат-бек человек бедный и не имеющий никакого состояния. Когда чарцы звали к себе на помощь болходар и хотели бунтовать против вас, то я давал ему наставление и говорил, чтобы он не слушал чарцев, не делал бы такую глупость, ибо он не может с русскими войсками противиться; но он не послушал меня, обманулся словами чарских жителей и поехал туда. Двоюродный же брат его, называемый также Гамзат, по моему приглашению приехал ко мне, за что я его благодарю и уважаю, что он меня послушал; в это время и жил у меня довольно. Не ногу молчать и в том, что сей человек гораздо умнее и храбрее сего Гамзат-бека, а имя Гамзата до сего у нас даже и не существенно, равно и шиха Шабана. Только когда шихи явились на свет, тогда я слышал, что есть еще один ших Шабан. А впрочем, Гамзат-бек и ших Шабан в Дагестане не из тех людей, которые бы могли своими влияниями собрат войско и предводительствовать против какого-либо войска. Ваше превосходительство, увидев их качество и образование, можете быть известными, что они бедные люди и не могут иметь в Дагестане большого голоса, а только по обману чарцев принялись за сие дело и тщетно хотели их защищать, поелику ежели наблюдать порядком за Чарами и иметь их в своем повиновении, то в таком случае после сего никогда нельзя ожидать вторжения дагестанцев в ваши провинции.

При чем имею честь присовокупить, что в предстоящем времени, если какое-либо неблагонамерение против вас в Дагестане будет существовать, я не миную вас известить.

Текст воспроизведен по изданию: Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник, Том 12. 1888

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

ВОЙНА НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

С 1824 ПО 1834 г.

В СВЯЗИ С МЮРИДИЗМОМ

(Продолжение.) 1

XV.

1831-й год. Чечня. Зимняя экспедиция. Дагестан. Прибытие туда чеченского отряда. Путаница в делах. Отступление чеченского отряда. Возобновление пропаганды и постепенное развитие мятежа. Неудача при овладении убежищем Кази-муллы. Измена койсубулинцев. Быстрое усиление имама. Вторая неудача в том же предприятии. Измена шамхальцев. Схватка с мятежниками 4-го мая. Отъезд гр. Паскевича и новые назначения. Прибытие в Дагестан подкреплений с левого фланга линии. Бой у Атлы-Боюна. Отступление подкреплений обратно на линию.

Политическая жизненность Кавказа в 1831-м году, в связи с мюридическою пропагандою, охватывает собою пространство от границ Персии за Кубань. Это замечательный год, повторения которому более не встречается. Необыкновенная деятельность Кази-муллы в продолжение его достигает так их обширных размеров, что перед нею становится в тупик всякое соображение.

Хотя Дагестан был кратером, из которого ручьи [153] лавы разливались по всему краю, тем не менее, и даже, несмотря на то, что в предыдущем году там произошла масса разнородных брожений, к началу 1831 года в нем было спокойнее всего. Тишина водворилась также и в Закавказье, где джаро-белаканцы были, наконец, совсем приглушены, и менее всего, по-видимому, было надежды на спокойствие в Чечне. Ших Абдулла, взбудораживший чеченцев в половине минувшего года, а по его следам Мустафа-кадий герменчукский, Хаджи-Ягья и в заключение сам Кази-мулла, заложили в глубине страны так удачно и так много взрывчатого материала, что, как известно уже 2, даже сам Паскевич убедился, наконец, в «необузданности нравов народа» и вынужден был приступить к крайней мере — дозволить мирным чеченцам, кумыкам и казакам предпринимать время от времени набеги на непокорных. Но генерал Вельяминов 3-й не разделял этого взгляда и находил, что подобного рода предприятия нужно предоставить исключительно соображению местного начальника, который в этих случаях должен принимать во внимание с своей стороны и известную степень доверия к нему высшей власти. Граф вполне согласился с этим мнением и оставил его действовать пока по собственному усмотрению, но с тем, чтобы при каждой перемене своего образа действий он испрашивал разрешения.

Одною из первых задач Вельяминова, которую он себе начертал еще в ноябре минувшего года, было обуздание карабулакского абрека Астемира, давнего и достойного сподвижника Бейбулата, поселившегося среди чеченцев и возбуждавшего их к разного рода набегам, т.е. другими словами, продолжавшего их волновать, как и в [154] старые годы. Это была лицевая сторона задачи, а изнанка ее заключалась в том, чтобы хорошенько прижать и самих чеченцев, которые, облекшись в чалмы и стекаясь то там, то сям в многолюдные собрания, не обещали ничего для нас благоприятного и благонамеренного. Последняя мысль просвечивает в самом донесении Вельяминова 3, где он говорит о необходимости наказывать чеченцев в их собственных домах, «чтобы успехи их не послужили ободрением к дальнейшим предприятиям». Осуществление ее для начальника левого фланга стало настоятельным в половине декабря, так как, во-первых, чеченцы вновь собрались, под предводительством Астемира, и произвели нападение на покорную нам карабулакскую деревню Шельчихи или Дарбиш, а во-вторых, так как к месту оседлости Астемира присоседился прибывший опять из Дагестана Абдулла, который приступил к устройству на р. Рошне землянок для своих шихов, чтобы вместе с ними распространять из этого логовища учение Кази-муллы 4. Предвидели ли чеченцы собиравшуюся над ними грозу, или просто получили о ней от кого-либо сведение — неизвестно; но только еще в начале декабря депутация их, в числе семи человек, была у андийцев для соглашения о решительной защите против русских. Андийцы дали им «святое» обещание содействовать всем их предприятиям и затем отправили от себя, вместе с ними, депутацию к ханше Паху-бике. По словам одного из наших лазутчиков, губденьского жителя Шамхал-Али-оглы, которого посылал в горы майор Ивченко, ханша решила, так: если [155] русские пойдут в Чечню, то аварцы и андийцы должны присоединиться к чеченцам, а если пойдут в Аварию, то чеченцы и андийцы присоединятся к аварцам. Для обеспечения взаимного единодушия этого оборонительного и наступательного союза ханша обещалась по

первому требованию выслать войска и отдать в аманаты чеченцам своего сына, а с их стороны взять из лучших семейств четырнадцать человек 5. Эти сведения генерал Вельяминов получил вполне своевременно и не счел нужным откладывать более предположенную им экспедицию, начав ее конечно с убежища Астемира.

18-го декабря в кр. Грозной был собран отряд из 3981 человека пехоты (полков Московского, Бутырского, Бородинского, Тарутинского и 43 егерского), 36 орудий (легких рот №№ 2 и 3 14-й арт. бр., по 12 от каждой; 6 орудий легкой № 2 роты 22-й арт. бригады, 6 орудий конно-артиллер. казачьей № 6 роты) и 516 казаков (Моздокского казачьего полка, Гребенского казачьего и терского Семейного войск). В тот же день, в девять часов пополудни, войска выступили, со всеми предосторожностями, к аулу Дзалгай-юрт, местопребыванию Астемира. Чтобы придти к деревне прежде, чем чеченцы узнали бы о движении отряда, Вельяминов приказал казакам следовать с конною артиллериею независимо от пехоты до Алхан-юрта, переправиться там через Сунжу и расставить пикеты так, чтобы из этой деревни никто не мог выехать и уведомить чеченцев о том, что происходит. Казаки исполнили приказание с совершенным успехом.

Пехота пришла на переправу около часа пополуночи, и хотя брод был довольно мелок, но, по непривычке к водяным путешествиям, она переходила чрез Сунжу [156] весьма медленно, несмотря даже на то, что имела еще в пособие мост — впрочем, не очень надежный. Обоз едва начал переправляться в три часа пополуночи, а до предназначенного места оставалось более двадцати верст. Это понудило Вельяминова оставить при обозе весь Тарутинский пехотный полк, с 12-ю орудиями 14-й артиллерийской бригады, а с остальными войсками идти далее. Верстах в трех от сунженской переправы должно было еще перейти вброд реку Гехи и потом два отводных канала, весьма топких, которые пришлось запружать хворостом. Это снова потребовало много времени, так что в пять часов утра успели переправиться только казаки с конною артиллериею и сводный батальон 48-го егерского полка с четырьмя орудиями 22-й артиллерийской бригады. Оставалось еще 18 верст, а между тем рассвет приближался, и нельзя было терять ни минуты. Вельяминов велел казакам следовать с конною артиллериею полным ходом и, подойдя к Дзалгай-юрту, атаковать его немедленно; с егерями же и четырьмя орудиями он пошел по следам казаков, приказав прочим войскам переправляться сколь возможно поспешнее.

Командир терского Семейного войска подполковник Усков, которому поручено было начальство над казаками, никак не мог ранее рассвета достигнуть до Дзалгай-юрта. При приближении его к нему, в окрестных деревнях разнеслась тревога, и в трех верстах от аула он встречен был шестью чеченцами, которые, увидев казаков, бросились назад и известили жителей об опасности. Тогда и Усков пустился с казаками и с конною артиллериею в карьер и мгновенно атаковал аул. Казаки едва дали возможность сделать артиллерии один только залп, как влетели в аул и по трупам десяти защитников, некстати подвернувшихся под руку, [157] ворвались в саклю Астемира. Но не только он сам, а даже большая часть жителей, со свойственными горцам ловкостью и проворством, уже исчезли из аула и засели в примыкавшем к нему лесу. Казаками было захвачено живьем только 39 человек, в числе которых малолетние сын и дочь Астемира, внук его и двоюродная сестра; сверх того, свыше 250 штук рогатого скота и все имущество жителей. Когда, Вельяминов прибыл с егерями, весь аул был уже в наших руках, и казаки вели лишь слабую перестрелку с чеченцами, скрывавшимися в лесу. Он тотчас отозвал их и заменил егерями. Через полтора часа пришел

Бутырский полк, который занял ту часть деревни, где был дом Астемира; остальные войска подходили медленно, задерживаемые отчасти артиллериею, а отчасти встречами с неприятелем, и окончательно стянулись у аула только в четыре часа пополудни. Последнюю попытку к нападению чеченцы произвели против обоза, следовавшего под прикрытием Тарутинского полка, с его командиром полковником Степановым; но несколько выстрелов из орудий совершенно рассеяли их. Наша потеря в течение дня состояла из двух убитых и восьми раненых нижних чинов. Отряд, кроме бутырцев, расположился лагерем в поле за деревнею, выставив передовую и боковые цепи. Утром 20-го числа одна из последних была атакована неприятелем, скрывавшимся в соседнем лесу, и потеряла трех раненых. В четыре же часа пополудни, по совершенном уничтожении Дзалгай-юрта, Тарутинский полк, 6 орудий легкой № 3 роты 14-й артиллерийской бригады и часть казаков произвели истребление, при слабом сопротивлении, трех аулов, носивших общее название Галгай-юрт.

21-го декабря, в десять часов утра, Московский и [158] Бородинский полки, вся кавалерия и № 3 рота 14-й артиллерийской бригады, под личным начальством г. л. Вельяминова, тронулись по дороге к деревне Катар-юрт, в расстоянии полторы версты от лагеря. На этот раз чеченцы, по-видимому, ожидали нас в полной готовности и, благодаря лесистой и пересеченной местности, не думали дешево продать свой угол. Но картечь быстро разрешила все недоумения, а вслед за нею Бутырский полк и две роты Московского полка, под командою подполковника Киприянова, молодецкою атакою блистательно завершили поражение неприятеля. У нас ранено шесть казаков, а у неприятеля убито четверо, двое взято в плен и захвачено 50 штук скота. Деревня сожжена дотла. Последствием этого налета в малую Чечню было то, что шихи, начинавшие утверждаться на реке Рошне, мгновенно рассеялись, и лишь весьма немногие из них, во главе с Абдуллою, остались на месте — следить за последующими действиями Вельяминова и помогать чеченцам 6.

22-го числа, в восемь часов утра, отряд, испепелив Дзалгай-юрт, двинулся к деревне Пхан-Кичу, на реке Шалаж. По заведенному обыкновению, арьергард подвергся нападению сильной партии, состоявшей из пеших и конных, которая выстрелами 2-й роты 22-й артиллерийской бригады была отброшена. При переправе через Валерик неприятель встретил войска ружейным огнем с фронта и с правого фланга — и опять был рассеян картечью 8-й роты 14-й артиллерийской бригады. Батальон Бутырского и две роты 43-го егерского полков, прикрыв фланги отряда, дали ему возможность беспрепятственно совершить переправу и благополучно достигнуть до Пхан-Кичу, которое без сопротивления было [159] занято бородинцами и бутырцами. Только по овладении деревнею в цепи произошла сильная перестрелка, которая, впрочем, не причинила нам вреда. На, другой день, во время отдыха войск, такая же перестрелка повторилась в цепи Бутырского полка, и на этот раз у нас был контужен один обер-офицер и ранен один рядовой. Вечером Вельяминов получил известие, что значительная партия непокорных горцев скрылась, со всем своим имуществом, в густом лесу близ аула Даут-юрт, в шести верстах от позиции отряда. 24-го числа на рассвете он направил туда один батальон 43-го егерского полка, Тарутинский полк, 6 орудий легкой № 2 роты 14-й бригады, 6 орудий легкой конно-казачьей роты и казаков, под начальством старого, давно испытанного в боях кавказца полковника Сорочана. Ему отдано было единственное лаконическое приказание «разбить», — и он исполнил его в точности: пятнадцать тел осталось на месте, а один чеченец и затем довольно значительное количество рогатого скота доставлены в лагерь.

Едва только забрезжило утро первого дня Рождества Христова, как Пхан-Кичу картинно зарделся пламенем в разных концах. Вскоре густой дым наглядно засвидетельствовал наблюдавшим издали чеченцам об участи еще одного из их приютов — и вслед затем войска двинулись в путь, сопровождаемый перестрелкою. Впрочем, она весьма скоро прекратилась. Вельяминов, задавшись решением не оставлять нетронутым ни одного неприятельского гнезда по пути своего следования, а если возможно то и в стороне от этого пути, отрядил для всесожжения казачий полк в непокорную деревню Един-юрт, а батальон 43-го егерского полка, с шестью орудиями легкой № 2 роты, в Даут-юрт. Оба аула были истреблены без сопротивления. Отряд прибыл к дер. Шельчихи [160] и расположился лагерем на левом берегу Ассы. Пройдя на другой день к Казах-Кичу, и следуя 27-го числа по левому берегу Сунжи, войска незадолго до вечера остановились на ночлег у дер. Алхан-юрта. 28-го декабря они прибыли к Амир-Хан-Кичу, переправились в этом ауле через Сунжу, стали лагерем в одной версте от него и здесь забастовали на шесть дней, вознаграждая пропущенные святки — насколько это в походе оказалось возможным. В течение всего времени по 1-е января общая наша потеря заключалась в двух убитых и 23-х раненых нижних чинах, в трех обер-офицерах и 9-ти рядовых контуженными.

4-го января генерал-лейтенант Вельяминов, окончив расчистку леса от кр. Грозной к сел. Алды, предпринял смелое движение на Аргун, в те места, которые были ознаменованы походом Ермолова при усмирении сподвижников Бейбулата. Через аул Алды он направился к большой Атаге и потом по левому берегу Аргуна к деревне Дачу-Барзой, где впоследствии, в 1858 году, по взятии аргунского ущелья, было возведено укрепление. Но все попытки переправиться через бешеную реку, катившуюся среди высоких отвесных берегов, оказались напрасными, а других подступов к Дачу-Барзою не оказалось. Отступив назад на четыре версты к аулу Чахкери, отряд остановился и передневал. 7-го числа, в три часа пополуночи, Вельяминов, оставив в лагере часть войск, двинулся с Бутырским и Бородинским полками, 6-ю орудиями легкой № 2 роты 14-й арт. бригады, двумя конно-казачьими и двумястами казаков, к с. Мартану. При приближении авангарда, под начальством майора Зубкова, жители скрылись в соседнем лесу, разделявшем аул от другого аула Джарган-юрта, куда, между прочим, с дороги был направлен [161] Бутырский полк, конные орудия и казаки, под начальством командира этого полка подполковника Пирятинского. Мартан и Джарган были заняты почти без сопротивления и сожжены, а затем лес охвачен с двух сторон, и произведена травля укрывшихся в нем чеченцев. Но она не дала обильных результатов, и поиск, после небольшой перестрелки, завершился для неприятеля тремя убитыми, двумя пленными и угоном большого количества рогатого скота; у нас же ранен один рядовой. Продолжая следовать далее, войска уничтожили аул Энгели и в восьмом часу вечера возвратились в лагерь у Чахкери. На другой день они переправились через Аргун у большой Атаги и расположились лагерем на правом берегу реки, возле малой Атаги. 9-го числа, продолжая опустошение малой Чечни, Вельяминов, отделив Московский и Тарутинский пехотные полки, батальон 43-го егерского полка, легкую № 3 роту 14-й арт. бригады и сотню казаков, отправился с ними к деревне Узахан-юрт. Неприятель думал отстаивать ее и встретил колонну довольно бойкою перестрелкою; но, спустя немного, отступил и отдал деревню без дальнейшего сопротивления. Она была сожжена вместе с большими запасами хлеба. Узнав, что жители скрылись в ближайшем лесу, Вельяминов отрядил туда командира 1-й бригады 14-й п. дивизии г. м. Таубе, с Московским и Тарутинским полками и сотнею казаков, который

разогнал их, захватил четырех в плен и отбил немного скота. Потеря его заключалась в одном раненом нижнем чине.

Пройдя в течение трех недель по разным направлениям малую Чечню, и дав почувствовать жителям всю невыгоду близких отношений к Кази-мулле и его апостолам, г. л. Вельяминов решил перенести свою деятельность в большую Чечню. В девятом часу утра, 10-го [162] января, он послал г. м. Таубе, с половиною отряда, к деревне Шали и приказал ему остановиться в четырех верстах от нее и ожидать его прибытия, а сам, с Тарутинским и Бородинским полками, с батальоном 43-го егерского полка и сотнею казаков, направился через сожженный накануне Узахан-юрт к аулу Хасы-Ирзау. Едва он отошел версты две от пепелища Узахан-юрта и по узкой тропе вступил в лес, как был встречен ружейным огнем. Цепь, преодолевая всевозможные затруднения и вынося почти на себе одной все натиски неприятеля, в самой середине леса наткнулась на засеку, преграждавшую дальнейший путь. Хотя войска без труда овладели ею, но, потратив для уничтожения ее драгоценное время, доставили тем неприятелю возможность вывезти из Хасы-Ирзау все имущество и оставить его нам на жертву совершенно пустым. Полковник Степанов, с командуемым им Тарутинским полком, был послан для преследования неприятеля, но поиски его остались напрасными. По совершенном разорении аула, колонна направилась к Шали и присоединилась к войскам генерала Таубе. На следующий день приступлено к расчистке леса по дороге к большому Чеченю. 12-го числа, при некотором сопротивлении чеченцев, был уничтожен аул Бесенбер и прилегавшие к нему пять хуторов, а 13-го числа отряд двинулся в глубину б. Чечни и расположился лагерем в виду резиденции многоречивого фанатика Мустафы-кадия. В течение двухдневной стоянки возле этого аула неприятель несколько раз возобновлял из леса ружейную пальбу по нашему лагерю; но она, не принося, по отдаленности, никакого вреда, выражала собою лишь одно недружелюбие хозяев к их непрошенным гостям. Цепь наша даже не отвечала на эти выстрелы. Однако это вялое противодействие чеченцев вовсе не [163] послужило для Вельяминова признаком их дальнейшей апатии — что вскоре и оправдалось.

15-го января, оставив на позиции у Герменчука подполковника Пирятинского, с командуемым им Бутырским полком, шестью орудиями легкой № 2 роты 22-й артиллерийской бригады и со всем обозом, Вельяминов с остальными войсками направился к непокорному и многолюдному селению Автуры. Движение на протяжении четырех с половиною верст по ровной и открытой дороге не ознаменовалось никаким явлением; но лишь только отряд приблизился к густому лесу, который тянулся на две версты до самой деревни, как в цепи моментально затрещала самая оживленная перестрелка. Вельяминов тотчас остановил войска, осадил цепь и приказал орудиям легкой № 2 роты очистить лес картечью. Когда это было исполнено, он велел майору Пантелееву быстро двинуться вперед с батальоном 43-го егерского полка и, в случае надобности, штыками проложить себе дорогу. Оно так и случилось, как ожидал начальник отряда: движение Пантелеева сопровождалось рядом атак с обеих сторон, и в заключение неприятель был опрокинут, а батальон, переправившись, под прикрытием орудий легкой № 2 роты, через р. Хулхулау, прорвался в деревню и овладел левою стороною ее. Части, следовавшие непосредственно за батальоном, не встретили особенного сопротивления, но арьергард, бывший под начальством майора Зубкова, и состоявший из 400 казаков и шести конных орудий, не вступая еще в лес, был вполне неожиданно атакован Бог весть откуда появившеюся кавалериею. Впрочем, она не долго наседала на него, так как беглый картечный огонь живо подавил ее энергию. Когда войска оказались вне всяких покушений со стороны неприятеля, в Автуры был отряжен [164] Московский полк, под командою своего командира

полковника Любавского, с легкою № 3 ротою 14-й артил. бригады, чтобы усилить Пантелеева и овладеть правою стороною селения, где находился неприятель, а к Пирятинскому был послан нарочный с приказанием — выступить тотчас же на присоединение к отряду. Для прикрытия же обоза, на дороге, в лесу, был оставлен полковник Степанов, с командуемым им Тарутинским полком и с легкою № 2 ротою. Любавский и Пантелеев соединенными силами очистили и заняли всю деревню, а вагенбург прошел почти без выстрела. В лесном бою мы потеряли ранеными четырнадцать нижних чинов. На другой день, по случаю сильного тумана, войска оставались на месте, время от времени тревожимые безвредными выстрелами чеченцев.

Хотя автурский лес показал, что дело принимает оборот серьезный, тем не менее, нельзя было отказаться от погрома ближайшего соседнего и также весьма людного и важного в стране аула Гельдыгена. Отряд двинулся к нему 17-го января, уничтожив предварительно Автуры. Неприятель ожидал нас в густом лесу, через который проходила дорога, и встретил передовую цепь сильною пальбою, грохот которой доказывал, что он здесь впервые собрался в весьма значительных силах. Увидев это, генерал Вельяминов приостановил цепь и дал полный простор картечи. Выстрелы чеченцев замолкли; но когда цепь вновь открыла движение, они загремели с удвоенною бойкостью. Усматривая, что подавить неприятельскую стрельбу невозможно, начальник отряда не задерживал более войск, а, напротив, повел их ускоренным маршем, содействуя наступлению, где было возможно, орудийным огнем. По мере того, как они втягивались в лесную чащу, с фронта и с флангов [165] начали раздаваться дикие возгласы сотен голосов, и последовала, атака за атакой. Описывая этот бой, Вельяминов выражается следующим образом:

«Около двух с половиною верст по всему протяжению дороги, идущей через лес, чеченцы, защищая места, укрепленные самою натурою, дрались с величайшим ожесточением. Несколько раз кидались они с яростью в шашки; но цепь войск наших, а в особенности Тарутинского полка, отразила их штыками, и только мужество им противопоставленное могло остановить их».

Арьергард, под командою полковника Любавского, состоявший из Московского пехотного полка, 6-ти конно-казачьих и 6-ти орудий легкой № 3 роты 14-й артиллерийской бригады, шел исключительно под прикрытием картечи, и только она одна, при достаточном количестве орудий, могла сдерживать сильные и частые напоры массы горцев. Наконец, лес был пройден, все испытания прекратились, и войска стянулись у оврага, пересекавшего дорогу вблизи аула. Так как это был вновь весьма удобный пункт для нечаянных нападений чеченцев, то начальник отряда приказал шести орудиям легкой № 2 роты быстро переправиться через овраг и занять позицию вправо от деревни; другие шесть орудий легкой № 3 роты расположил впереди оврага, арьергард оставил позади его, а густые цепи спустил на дно, приказав им занять оба фланга. Только с устройством такого ящика обоз получил возможность переправиться через овраг с полною безопасностью и вытянуться на дорогу без всякой торопливости. Когда переправа окончилась, а Вельяминов увидел, что неприятель сосредоточился в ауле, он приказал обстрелять его ядрами и, после нескольких десятков снарядов, двинул на штурм Бородинский пехотный полк и батальон 43-го егерского полка, [166] под начальством подполковника Киприянова, прикрыв их 6-ю орудиями легкой № 2 роты 22-й артиллерийской бригады. Штурм достался нам довольно легко, и вскоре Гельдыген был нашею собственностью. В этот день отряд потерпел первую более или менее

чувствительную утрату: убито 4 рядовых, ранены —1 обер-офицер и 86 нижних чинов. У неприятеля одних убитых было 49 человек 7.

Упорство, с которым горцы отстаивали в последние дни доступ в глубину б. Чечни, объясняется прибытием сюда шиха Абдуллы, который руководил действиями народа 8. Узнав об этом, г. л. Вельяминов имел основание рассчитывать, что и впереди предстоит переход не менее кровавый, поэтому отряду дана была дневка, чтобы привести себя в порядок и собраться в дорогу со свежими силами. Предав сожжению обширный Гельдыген, и уничтожив найденные в нем громадные запасы продовольствия, свидетельствовавшие, что здесь был своего рода провиантский склад, войска 19-го января, в восьмом часу утра, двинулись к Маюртупу. Опять, прежде всего такой же заповедный лес, как и у Гельдыгена, и опять та же быстрая и внезапная встреча. Отряд шаг за шагом пробирался преимущественно на штыках, так как нападения неприятеля были вполне нежданные, и орудиям не всегда и не везде возможно и удобно было развернуться. Исторический и священный для чеченцев маюртупский лес, служивший природною охраною мюридического селения, месторождения всех фанатических бредней, должен был дать нам почувствовать себя слишком тяжело; но, к счастью, изменил нашим ожиданиям — и [167] опять-таки благодаря хорошо рассчитанному и обставленному движению, а также невозмутимому спокойствию и порядку, с которыми отряд пробирался через него. Но, осилив одно препятствие, войска наткнулись на другое: впереди был громадный завал, венчавший собою окраину глубокого оврага, через который пролегала дорога. Овраг этот, примыкая с правой стороны к аулу Кулиш-юрт, а с левой к самому лесу, был наполнен чеченцами и давал им все способы безнаказанно вредить нам. Конечно, Вельяминов не настолько был неосторожен, чтобы удовлетворить желанию неприятеля, и поэтому сперва обстрелял аул огнем 6-ти орудий легкой № 2 роты, а потом отправил для занятия его майора Пантелеева, с вверенным ему батальоном 43 егерского полка; командиру же легкой № 2 роты 22-й артиллерийской бригады капитану Карлгофу он велел следовать непосредственно за батальоном и, по занятии Кулиш-юрта, избрать удобную позицию и действовать из шести орудий вдоль по оврагу. Пантелеев и Карлгоф исполнили свои задачи с отличным успехом, и когда Вельяминов увидел, что цель достигнута, то, для обеспечения войск при следовании через овраг, велел занять его батальону Московского полка, под командою полковника Любавского, которого подкрепил шестью орудиями легкой № 2 роты. На этот раз неприятель выказал необыкновенное проворство и искусство: пользуясь самым коротким промежутком времени, он так быстро вынырнул из всех закрытий, куда загнали его орудия Карлгофа, что лишь только цепь батальона спустилась в овраг и заняла опушку прилежащего леса, как была встречена таким густым ружейным огнем, что поневоле остановилась. Чеченцы подхватили это замешательство и бросились в шашки. Наша цепь приняла удар и отразила его, но [168] когда последовали после того, одна за другою, шесть новых атак, цепь не выдержала, смешалась и беспорядочно подалась назад. Разбушевавшиеся чеченцы на плечах ее оросились к батальону и в мгновение окружили орудия; но московцы одним залпом отнесли их в сторону, а картечь довершила остальное. От Вельяминова не ускользнул этот момент — и он, не допустив цепи до окончательного бегства, бросил в овраг на подкрепление Любавскому 2-й батальон Московского полка и еще шесть орудий легкой № 3 роты 14-й артиллерийской бригады. Только совокупными усилиями всех этих войск удалось отразить и рассеять не в меру одушевившихся чеченцев.

Когда аул Кулиш-юрт был сожжен, войска продолжали свое движение. На протяжении двух верст в лесу неприятель оспаривал каждый их шаг, и цепь буквально не выходила из жаркого

огня. Что же касается арьергарда, состоявшего из Бутырского полка и шести конно-казачьих орудий, то он на второй половине лесного перехода выдержал пять атак сосредоточившегося против него неприятеля, «кидавшегося — по словам Вельяминова — с неистовым мужеством». Все эти атаки были отбиты картечью и частью штыками, и, должно быть, сорвались на самих же чеченцах очень невыгодно, так как они их более не возобновляли. Впрочем, мгновенную сдержанность их следует, может быть, отнести и к прибытию в арьергард подкрепления, которое выслал Вельяминов, под командою генерал-майора Таубе, в составе Бородинского полка и шести орудий легкой № 3 роты 14-й артил. бригады. Отряд, выйдя из леса на поляну, расположился лагерем впереди небольшого аула Анто-юрт и вскоре привел в известность свою потерю. Оказалось, что в этот день он лишился убитыми одного обер-офицера и трех рядовых, ранеными двух [169] обер-офицеров и 59-ти нижних чинов; неприятель же, но донесению Вельяминова, потерял 80 человек одними убитыми 9.

Длинная зимняя ночь оказалась довольно короткою, потому что едва лишь к девяти часам войска успели порешить дело со своею походного кашицею, а к четырем часам утра были опять на ногах. Оставив в лагере обоз под прикрытием Бородинского полка и легкой № 2 роты 14-й артиллерийской бригады, вверенных подполковнику Киприянову, Вельяминов, с остальными войсками, в пять часов утра предпринял движение в сторону, на расстояние двух верст, к небольшим деревням Моцо-Ирзау и Оздемир, которые, должно быть, обеспокоивали его своим излишним существованием. Не доходя версты до первого из этих аулов, он командировал майора Зубкова, с 400 казаков, в лес, окружавший деревню с левой стороны, и приказал ему отрезать жителям путь бегства, а майора Пантелеева, с батальоном 43-го егерского полка, послал по прямому направлению. Но жителей нам не удалось захватить, так как они были предупреждены выстрелами своих бдительных пикетов и разбежались; кавалерия же запоздала, потому что с большим трудом могла переправиться через овраг, пресекший ей доступ к аулу. Таким образом, и Моцо-Ирзау, и Оздемир достались нам вполне эвакуированными — что, однако, не помешало казакам зажечь их со всех сторон. Чеченцы, спрятавшись в лесу, вымещали оттуда на нас свое неудовольствие ружейным огнем; но вскоре прекратили его вследствие картечных опустошений шести конно-казачьих орудий. При отступлении отряда от аулов они снова напомнили о себе довольно назойливым преследованием [170] арьергарда — и опять остались далеко неудовлетворенными. По возвращении в лагерь и присоединении к себе обоза, с его прикрытием, Вельяминов тронулся к Маюртупу. Цепь не прошла и одной версты, как была неожиданно приветствована пулями из деревни Асхор-юрт, приютившейся невдалеке от дороги. Но огонь шести орудий капитана Карлгофа быстро очистил деревню от беспокойных чеченцев, а батальон майора Пантелеева сравнял ее с землею. Выждав конца этой экзекуции, войска продолжали свой путь и, уничтожив еще один встретившийся им аул, при небольшой перестрелке достигли реки, переправились через нее и через глубокий овраг, под охраною батальона 43 егерского полка и 6-ти орудий легкой № 2 роты, а затем расположились лагерем на маюртупской поляне, в двух верстах от деревни. В этот день потеря наша заключалась в одном обер-офицере и пяти нижних чинах ранеными.

Чеченцы, вместе с шихом Абдуллою, наконец, поняли, что не могут ни остановить нашего опустошительного нашествия, ни причинить нам существенного вреда, который бы отучил нас от посещения их страны, и поэтому сочли за благо не тратить пока понапрасну свои силы. Это было тем более естественно, что популярного распорядителя, в роде Бейбулата, они у себя не имели, а ближайшие сторонники Кази-муллы ратовали в это время на пользу ему в Дагестане

или даже отдыхали. Вследствие всего этого, сопротивление которое они выразили нам в остальные дни экспедиции, было далеко не столь значительное, как при движении к Автуры и Гельдыгену. 21-го числа Маюртуп (Храбрый Стан) отдался подполковнику Пирятинскому, с его Бутырским полком и батальоном 43 егерского полка, без особенных с нашей стороны хлопот, и занятие его обошлось нам двумя ранеными, а защитникам — двумя [171] убитыми. Обратив его в груду пепла, генерал-лейтенант Вельяминов на другой день, 22-го января, отрядил генерал-майора барона Таубе, с Московским и Бородинским пехотными полками, при 6-ти орудиях легкой № 2 роты и сотне казаков, к аулу Лачи-юрту. Хотя при приближении к нему в цепи и произошла перестрелка, но наши ядра, очистив аул, прекратили ее, а затем пехота без боя овладела им. По истреблении жилищ и кое-какого имущества, колонна возвратилась в лагерь. Дав ей немного отдохнуть, Вельяминов поднял все войска, прошел пепелище Маюртупа и, переправившись чрез протекавшую в нем речку Искерик, направился к с. Аку-юрту. Без преследования, конечно, не обошлось; но оно лишило нас всего двух убитых и трех раненых нижних чинов. 28-го числа генерал Таубе, с Московским полком и четырьмя орудиями легкой № 2 роты, сжег дома некоторых непокорных акуюртовцев, и после этого отряд, переправившись через р. Мичик, расположился у Даты-юрта. Отсюда Пирятинский был послан, с командуемым им полком и двумя орудиями легкой № 2 роты, истребить соседний с лагерем еще один аул Бата-юрт, где был найден довольно большой запас хлеба, и исполнил это поручение с точностью. 24-го числа такая же участь постигла селение Алесхан-юрт, а 25-го войска, перейдя в брод через Гудермес и через несколько рукавов Шавдона, расположились лагерем в небольшом расстоянии от аула Мискир-юрта, на Джалке. 26-го января экспедиция была закончена переходом через селения Голбоин, Мискир-юрт и Устар-Гордой, переправами через рр. Джалку и Аргун и прибытием к деревне Сунженской. В знак покорности и в обеспечение будущих миролюбивых к нам отношений, Вельяминов получил аманатов от следующих деревень: Джарган-юрта, шалинских хуторов, Саит-юрта, Ахин-аула, хуторов [172] Чалы, деревни Пхан-Кичу, хутора Кизека, Устархан-юрта, Атаба-юрта, Гертмели, Голбоина, Чурич-юрта, Эпгели-юрта и мезоинских хуторов (Мезоин-юрт).

Сквозное движение генерала Вельяминова 8-го через малую и большую Чечню, сопровождавшееся безусловным опустошением страны не только по пути следования отряда, но и в стороне от дорог, весьма резко отличалось от обыкновенных наших набегов тогдашнего и позднейшего времени и, сообразно своей цели, имело особый характер. Цель эта, получившая свое начало в стремлениях Вельяминова наказать чеченцев за нападение с Астемиром в 1830 году на карабулакскую деревню Курий-юрт, обратилась затем в поголовное наказан не населения за участие вообще во враждебных против нас предприятиях Кази-муллы и его ближайших приверженцев, а также в предупреждении всяких дальнейших злонамеренных затей, которые мы имели повод и основание ожидать в ближайшем будущем. Другими словами, вся цель вельяминовской экспедиции состояла в установлении общего спокойствия на всем пространстве большой и малой Чечни, при котором ограниченные по количеству кавказские войска могли бы с удобством и без труда, охранять наши завоевания в крае после того, как, с окончанием персидской кампании, предстояло возвратить в Россию высланные временно на Кавказ подкрепления. Цель эта была достигнута, так как в Чечне, действительно, установилось относительное спокойствие, и если затем жители ее возобновили против нас свои враждебный действия, то уж не по собственному почину, а по подстрекательству шихов и их представителя и, пользуясь случаем удовлетворить лишь своей мести и ненависти к нам, а в особенности прирожденному им хищничеству. В [173] данном

случае у них политических целей не существовало, и это заранее предвидел г. л. Вельяминов, когда после экспедиции доносил гр. Паскевичу:

«Во всяком случае, можно, кажется, ручаться, что чеченцы не примут участия в предприятиях горцев на Дагестан или Чарскую область. На некоторое время покушения их должны ограничиваться хищничеством на Тереке или в землях кумыкских. Надеюсь, что они и тут не будут иметь значительных успехов» 10.

Этим лучше всего объясняется задача, которую имел в виду командующий войсками на левом фланге. Она заключалась, между прочим, также и в стремлении поселить в буйных чеченских головах, после их многолетней разнузданности и распущенности, зачатки благоразумия, при котором они бы поняли возможность доступа нашего без особенного труда и без крайних жертв во все отдаленные уголки страны, а, следовательно, и необходимость ладить и сообразоваться с нашими требованиями. Такое побуждение вело непременно к умиротворению страны или, по меньшей мере, к сознанию необходимости этого умиротворения, — и в данном случае та грандиозная экспедиция, которую предполагал предпринять сам Паскевич, едва ли имела бы более существенные результаты, чем неожиданная для населения домашняя расправа Вельяминова, так скромно и беспретендательно изложенная в его негромких и некрасноречивых, но точных и обстоятельных донесениях. Может быть, Вельяминов, действительно, поддержал бы спокойствие Чечни, благодаря хорошему началу, и в течение лета; но случилось так, что он оставил Кавказ, и обещания его, а наши ожидания не совсем-то оправдались. [174]

Успехом своей экспедиции начальник левого фланга был значительно обязан услугам многих мирных чеченцев, также и мулл, бывших у нас на жалованье, которых он не замедлил представить к наградам. По поводу этого представления со стороны корпусного штаба возник вопрос и о Бейбулате, который, считаясь преданным нам человеком, не был у помянут в реляциях. Вельяминов отвечал, что он не мог, по справедливости, просить ему какой-либо награды, потому что когда был на Аргуне, то получил известие, что Бейбулат опять принялся за старое ремесло, рассылал в горы разные воззвания и созывал горцев на защиту деревень, ожидавших нашего нападения. Впрочем, Вельяминов не ручался за правдивость этих сведений, хотя и имел их с двух разных сторон; но он удостоверял, что, во всяком случае, если Бейбулат не старался вредить нам, то и полезного для нас ничего не сделал.

Войскам левого фланга крайне необходимо было отдохнуть и оправиться после сорокадневного тяжелого зимнего похода; они готовы были уже торжествовать свои успехи в мирном быту старого времени, так редко выпадавшем на долю прошлого Кавказа — как вдруг, тревожный оборот наших дел в Дагестане не допустил их до необходимой, вполне заслуженной и, так сказать, законной передышки.

Хотя в конце 1830-го года, как замечено выше, в Дагестане было тихо и спокойно, и никаких явных неудовольствий в присмиревшем народе не проявлялось, а Кази-мулла по-видимому все только молился Богу, вследствие чего граф Паскевич послал ему разные подарки, надеясь этим окончательно умирволить его и сделать нашим приверженцем; но, несмотря на все это, на самом деле было иное, и плоды, порожденные насаждением майора [175] Корганова, продолжали зреть и расти. Койсубулинцы, ханша Паху-бике, Абу-Муселим, наконец Кази-мулла и его приверженцы — вот главные факторы того брожения, которое мы только заглушили, но не задушили, и которые лишь зимовали в подпольях, чтобы при первом

удобном случае вынырнуть на свет божий. Расположение и отношения к нам ханши уже известны из того тройственного союза, который она установила между ею самою, чеченцами и андийцами. Койсубулинцы, по словам г. л. барона Розена 4-го 11, хотя и решили придерживаться обрядов Сеида араканского, потому что приглашенный ими на религиозное состязание с ним Кази-мулла не явился и тем дал повод быть уверенными в неустойчивости его воззрений; но в то же время выражали к нам полное неудовольствие за невозвращение им всех баранов и положили возместить свой убыток угоном наших собственных стад или же шамхальских и мехтулинских. Барон Розен 4-й и рад был удовлетворить претендателей, да не из чего было, потому что большая часть баранты от сильных жаров пала, а появившаяся в прошлом году в кумыкском владении холера лишила его совершенной возможности возвратить оставшийся от падежа койсубулинцам скот. Так, по крайней мере, выражался барон Розен, предоставляя догадываться, что вина холеры состояла в прекращении сообщения между нами и горцами. Таким образом, неудовольствие против нас койсубулинцев все продолжало тлеть, а в последних числах декабря 1830 г. стало даже понемногу вырываться наружу, судя по донесению шамхала Сулейман-паши, в такой форме:

«Койсубоюнцы, в особенности же Кази-мулла и [176] унцукульский старшина Али-Султан, со всем зависящим от них народом, имеют между собою тайный совет и намерение. Сей Али-Султан, поставив над своим домом знамя и отнесясь ко многим, приглашает их на войну, в поход, но неизвестно к какой именно стороне они возьмут направление».

Командир же Апшеронского полка полковник Остроухов, со слов командовавшего отрядом в сел. Казанище майора Ивченко, доносил 9-го января 1831 года 12, что все койсубулинцы, исключая араканцев, находятся в волнении и намерены в начале февраля сделать нападение, под начальством Кази-муллы и Али-Султана, на наш небольшой казанищенский отряд; что ханша имеет тайные переговоры с Кази-муллою, а сей последний «возобновляет вводимую им секту, и по настоянию его у многих унцукульцев вылиты на землю водка и вино». Сын покойного шамхала продолжал все содержаться под арестом в кр. Бурной и, возмущаемый ежеминутно этою несправедливостью, уверял свою тещу ханшу Паху-бике, что лишь только будет освобожден, как тотчас же «решительно примется за окончание своих намерений, надеясь также, что и ханша дело свое приведет к концу» 13. Словом, было видимо и ясно, что опять что-то такое зарождалось, и принятие в данном случае своевременных мер было столько же полезно, сколько и необходимо. Гр. Паскевич понимал это хорошо и поспешил предписать барону Розену, чтобы, по стоимости баранов, удовлетворить койсубулинцев деньгами, а от Абу-Муселима потребовать объяснение. В случае же опасности со стороны Кази-муллы и Али-Султана, он разрешил Розену усилить отряд майора Ивченко, находившийся [177] в сел. Казанище, по его усмотрению, двумя или четырьмя орудиями 21-й бригады и батальоном Апшеронского пехотного полка. Барон Розен, конечно, тотчас принял меры к исполнению воли графа Паскевича относительно удовлетворения койсубулинцев, и даже известил их об этом особым воззванием. Но пока он рассылал в разные концы предписания об оценке баранов, ханша и койсубулинцы продолжали свое дело: первая вызвала, в Цатаных на совещание из каждой койсубулинской деревни по два жителя — будто бы для примирения по случаю прошлогоднего участия народа в скопище Кази-муллы под Хунзахом, а последние поставили на очередь своему народному собранию вопрос о том, быть ли покорными русскому правительству, или поднять против него оружие 14. Приглашение ханши не состоялось по случаю наступления уразы, и она назначила вторичный срок после байрама, а койсубулинцы пока еще не остановились ни на чем, но все же до окончательного решения своего острого

вопроса согласились, по внушению Кази-муллы и Али-Султана, послать подкрепление чеченцам. Пока оно снаряжалось и затем пробиралось в большую Чечню, преодолевая все трудности горного зимнего похода, Вельяминов уже был на Мичике, и в их содействии чеченцам надобность миновала, вследствие чего они возвратились назад без дела 15. По поводу всего этого граф Паскевич не счел нужным более тратить время на выжидания и дал знать одновременно: 1) военно-окружному начальнику в Дагестане г. м. Каханову, чтобы тот сейчас командировал в Казанище, на усиление отряда Ивченко, состоявшего из шести рот Куринского пехотного полка, четырех орудий 3-й легкой роты 21-й артиллерийской бригады и сотни [178] донского № 13 полка — батальон апшеронцев и 4 орудия той же роты; 2) генерал-лейтенанту Вельяминову 3-му — что если он получит достоверные известия о сборе койсубулинцев, то следовал бы немедленно с тремя или четырьмя батальонами и восемью или двенадцатью орудиями на помощь к майору Ивченко 16. Это приказание и решило дальнейшее положение чеченского отряда.

Вельяминов получил предписание гр. Паскевича 27-го января в полдень, в то время как закончил свою экспедицию и находился в деревне Сунженской. Рассчитав, что до уразы остается только пять дней, и неблагоразумно терять время в разведках о том, точно ли койсубулинцы намерены напасть на казанищенский отряд, он решил двинуться немедленно, так как находил, что «лучше сделать даже ненужное движение, чем подвергать опасности войска, находящиеся в Казанище». Но, не располагая все-таки прибыть в Казанище своевременно, он дал знать майору Ивченко, чтобы тот с отрядом отошел немедленно к кр. Бурной, где будет в полной безопасности 17. Затем он подхватил Московский и Бутырский полки, легкую № 2 роту 14-й артил. бригады, два конных орудия и сотню казаков и 28-го января повел их форсированным маршем на Новый-юрт. Первый ночлег его был в Старом-юрте, второй, по переправе через Сунжу у деревни Брагуны — в Таш-Кичу, и наконец, 30-го января в д. Андреевой. Здесь генерал Вельяминов получил донесение майора Ивченко, наделавшего столько тревоги разными известиями, почерпнутыми им у лазутчиков, что «в северном Дагестане все обстоит благополучно, и собрание у горцев для нападения [179] на отряд, по несогласию их, не может состояться»; но если бы сборище в 1500 или 2500 человек и решилось произвести нападение, то эти силы для него столь незначительны, что он и сам может с ними справиться 18. В донесении же графу Паскевичу он на этот раз вполне выгораживал Абу-Муселима, делая его агнцем отпущения; подкупал дальнейшее усердие Сеида араканского просьбою у фельдмаршала высылать ему периодически в награду по 200 рублей; наконец, в противоречие самому себе, присовокуплял, что аварцы, сюргинцы, койсубулинцы собирают свое войско для движения в Джары, и из них сюргинцы уже выступили, а прочие только собираются. О Кази-мулле он писал, что тот хотя и продолжает читать свой Коран, и даже будто бы отказал в содействии против нас жителям северного Дагестана, которые приходили к нему с этою просьбою, но выражает полное негодование против русских.

... «и при всяком слове, где упоминается о них, приходит в волнение и не хочет продолжать и слышать сего разговора. А потому — присовокуплял Ивченко — с отсылкою мне врученных для него подарков я удержался, потому более, что таковых, по мнению моему, он не заслуживает» 19.

Словом, Ивченко путал как только мог лучше, сбивая всех с толку, и видимо не давал себе труда проверить ни одного сведения, хотя имел на это полную возможность. Вследствие всех

этих слухов и г. м. Каханов остановил отправление в Казанище апшеронцев и артиллерии; но Вельяминов все-таки продолжал подвигаться вперед, хотя и медленнее, с тем расчетом, что когда дагестанцы увидят такое быстрое прибытие подкреплений, [180] то ни они сами, «ни ханша не покусятся ни на какое против нас злое предприятие». 31-го января он ночевал в Чирюрте, а 2-го февраля прибыл в Казанище. Отсюда, согласно своим соображениям, он повернул на Тарки и там остановился в ожидании дальнейших событий в крае. Прибытие его не могло не повлиять на ослабление злонамерений всех наших противников; но в то же время оно затянуло вопрос о примирении нашем с койсубулинцами, так как они не решились придти в наши укрепления, согласно требованию Розена, для бараньего расчета, боясь быть арестованными, и вследствие этого оставили самый вопрос и свои отношения к нам в прежнем положении.

События между тем шли своим чередом и доказывали, что не все обстоит благополучно, как думал Ивченко, и что мы сами постепенно запутывались в массе разнородных и разнохарактерных сведений, не умея выбраться из них на торную дорогу — что нужно было несомненно приписать недостатку нашего внимания ко всем явлениям и ловкости, с которою опутывали нас горцы. 2-го февраля Кази-мулла и Али-Султан, вновь утвердив в Гимрах на одной из сакль призывное знамя, разослали повсюду воззвания, приглашая народ присоединиться к ним для разных предприятий. В чем состояли эти предприятия, они не объясняли, и лишь сборным пунктом для своих приверженцев назначали таинственный и недоступный чумкескентский (маткинский) лес, в двенадцати верстах от Эрпели и в 10-ти от Казанище, в котором, как слышно было, Кази-мулла вознамерился укрепиться со всевозможными свойственными его уму измышлениями. Несмотря на старания гимрынцев добиться откровенности от Кази-муллы и от Али-Султана, они так и остались неудовлетворенными, вследствие чего, заподозрив их в желании произвести лишь новые беспорядки, [181] невыгодные для жителей, они понудили их снять знамя, а кроме того, Али-Султана выехать из Гимры — за что впоследствии получили благодарность Паскевича. О происшествиях в сел. Гимры, не торопясь, сообщал нам Сулейман-паша, препровождая подлинное письмо к нему старшины Доудил-Магомы, почему-то отложившегося от Кази-муллы и принявшего присягу на верность нашему Государю. Извещая о столь важном для нас обстоятельстве, кадий Доудил-Магома, между прочим, писал шамхалу, что «не видно никого вновь покорившегося Кази-мулле, кроме старых его сообщников» — как будто и в самом деле этого было мало, чтобы в руках такой личности, как Кази-мулла, предприятие его не могло получить полного и грандиозного осуществления. Успокаивая шамхала, Доудил-Магома не знал одного важного обстоятельства, — что, кроме старых сообщников, у Кази-муллы явился один новый и весьма опасный для нас, который стоил сотни всех других, и своим сближением с имамом доказывал, что последний умеет ценить, выбирать людей и пользоваться ими. Этот новый был никто иной, как преданнейший нам доселе князь эрпелинский Уллубей, измена которого была для нас неожиданным и чувствительным ударом. Он разошелся с нами вследствие интриг и козней своих завистников, и преимущественно каранайского кадия, которые оклеветали его перед шамхалом и заставили этого нищего духом человека лишить его должности правителя Эрпели. Далее кадий Магома, вкрадываясь в доверие Сулеймана и ублажая его, старался в то же время польстить и нашему могуществу, и с авторитетом уверял, что жалкий и заброшенный имам

... «никакого действия произвести не в состоянии, кроме того, что всегда будет побежден постыдным образом. Я, во всяком случае, стараюсь отвлекать наставлением своим на его [182]

сторону склоняющихся людей. Я слышал, что он хочет открыть движение 5-го марта а, потому спешу сим письмом вас уведомить, дабы вы не полагали меня человеком неверным и от вас скрывающим таковые известия. Намерение Кази-муллы между умными людьми есть самое ничтожное и, просто сказать, шуточное дело».

Но насколько это было шуточное дело — показали последствия. Вместе с тем вскрылась для нас и интрига ханши, которая, как оказалось, вызывала к себе койсубулинцев вовсе не для примирения, а для того, чтобы убедить их не выдавать нам аманатов и ограничиваться лишь словесными уверениями нас в своей покорности, поселяя в то же время в народе страх, что

... «если выданы будут аманаты, то русские свободно войдут в их пределы и, утвердившись в оных, отяготят жителей разными налогами и будут брать в солдаты».

Вообще же, интриги против нас в аварском ханском доме г. м. Каханов приписывал исключительно обеим ханшам — Паху-бике и Гигили, говоря, что они «имеют участие во всех переговорах в Дагестане». В этом не было, конечно, ничего странного, если обратиться к действительному душевному настроению к нам обеих дам; но странны были два обстоятельства, которые нас ставили совершенно в тупик: 1) что ханша Паху-бике, несмотря на сильную вражду к Кази-мулле, принимала его у себя, по достоверным сведениям, вместе с Али-Султаном, и 2) что во всем этом сумбуре являлось весьма подозрительным поведение даже Аслан-хана. Оно выразилось тайными переговорами его с близким родственником Гамзат-бека Чобан-беком, который для этого приезжал к нему в гости, и заседанием у него в доме целого сонма заговорщиков, состоявшего из курахских и койсубулинских старшин, хунзахского старшины Алибека, ограбившего в прошлом году имение в Табасарани у преданного нам [183] подпоручика Ибрагим-бека, и других подобных лиц. Все они, как достоверно оказалось, совещались с ним о том, как им поступить в случае нашего движения в горы. Если в посещении Чобан-бека можно оправдать Аслан-хана неприязнью его и интригами против аварской ханши, то посещение остальных лиц, нам недружелюбных, во всяком случае, навлекало сомнение в добрых намерениях к нам хана, давно известного своим коварством и двуличностью. Подливал масла в огонь также и Абу-Муселим, советуя ханше не посылать к нам своего сына, во избежание его задержания, и ни в каком случае также не давать аманатов. Об этих новых замешательствах майор Ивченко и частью начальники, креп. Бурной майор Цыклауров довели до сведения г. л. Вельяминова, который продолжал отсиживаться в Тарках, а Ахмет-хан, кроме того, сообщал ему, что Кази-мулла назначил сбор койсубулинцам на третий или на четвертый день после байрама. Все три лица вполне надеялись, что Вельяминов примет меры рассеять зарождающееся сборище; но, к сожалению, ошиблись: он не поверил ни одному из сообщений, так как имел сведения совершенно противные. В заключение он даже находил, что если бы койсубулинцы и в самом деле нагрянули на шамхальство или на Мехтули, то это не только не причинило бы большого вреда, а отчасти могло бы быть полезно, так как дало бы нам основательную причину действовать против них решительно. Исходя из этого воззрения и дав Ивченко, с видимым неудовольствием, надлежащие наставления, Вельяминов, согласно разрешению гр. Паскевича, поднял свой отряд и 4-го марта выступил с ним из Тарки на линию. Но лишь только он достиг деревни Андреевой, как прискакал к нему нарочный от Сулейман-паши, извещавшего, подобно Ахмет-хану, что Кази-мулла, [184] действительно, призывает койсубулинцев к новому собранию. На этот раз Вельяминов приостановил войска и отправил нарочного за справками к майору Ивченко, а лазутчика — в самое местопребывание имама.

Ивченко, на запрос генерала Вельяминова, сделал донесение вполне успокоительное — будто на призыв Кази-муллы одни общества послали ему решительный отказ, а другие уклонились под благовидными предлогами, и вследствие этого имам, с несколькими десятками (от 50 до 100 человек — достоверно неизвестно) с трудом набранной им «сволочи», оставил Гимры; 9-го марта занял возле этого селения урочище Кака и, расположившись там в скотных сараях, выставил два значка, «служащие маяком для собрания его единомышленников»; эрпелинцы же, каранайцы и казанищенцы обязались еще раз своею нам преданностью и даже добровольно выслали по шести аманатов от своих обществ. Этого было достаточно, чтобы Вельяминов всецело убедился в благоприятном для нас положении дел и продолжал дальнейшее движение на линию. 15-го марта он прибыл в Старый-юрт и на другой день распустил войска по квартирам 20.

Несмотря, однако, на все будто бы пока благоприятное положение дел, генерал-лейтенант барон Розен 4-й счел необходимым потребовать от обеих аварских ханш, а также от Нуцал-хана и от Аслан-хана, разъяснения их подозрительного поведения. Первые три лица ему отвечали тождественно, что «почтеннейшее письмо его им доставило полное удовольствие», и они спешат его уверить в своей преданности и верноподданстве русскому [185] престолу, которого «суть усердные рабы вместе со всем народом» — чему доказательством служит отправление к Государю ханшею родного своего сына, а к главнокомандующему, для переговоров, сына умершего на службе майора Аджи-Мусы Ахмеда; Аслан-хан же уведомлял, что он не имел никаких неблаговидных переговоров со своими гостями, и они являлись к нему лишь для того, чтобы «стращать» его. Но что это было за «стращанье», по поводу чего и с какою целью оно было произведено — так и осталось не разъясненным, несмотря даже на вторичное истребование объяснения от Аслан-хана. В виду этого гр. Паскевич ограничился только тем, что предупредил ханшу на счет ответственности, если и в самом деле ее намерения окажутся недобропорядочными. Имели ли все эти обстоятельства близкую связь с последующими событиями — неизвестно; но довольно того, что эти события вполне незаметно для нас и быстро слагались далеко не в нашу пользу. Если бы мы были внимательнее, осторожнее и дальновиднее, а, главное — поменьше верили бы разным ханшам и ханам, то, может быть, предупредили бы, или, по крайней мере, задержали разлитие той лавы, о которой сказано вначале; но, к сожалению, политических и дипломатических деятелей у нас на этой окраине не было, а славные боевые офицеры, наполнявшие ряды дагестанских войск, для экстренных в то время подобных надобностей были непригодны.

В тот день, как Вельяминов распускал свои войска, т.е. в половине марта, партия Кази-муллы, продолжавшая проживать в скотных хлевах, увеличилась еще двадцатью его приверженцами. У нас это, конечно, было известно, но оставлено без всякого внимания, тем более, что подробных сведений о намерениях имама мы не получали, «ибо в стан его имели вход те только люди, кто изъявит [186] желание участвовать во враждебных предприятиях» 21. Вследствие этой замкнутости, майор Ивченко мог только издали наблюдать за двумя призывными значками, для чего истребовал от Сулейман-паши 90 человек милиционеров, прибавил к ним еще несколько десятков людей из Казанищ, Эрпели и Караная и расположил их пикетами по дороге из Койсубу в шамхальство. Не взирая на то, 26-го марта стан Кази-муллы украсился еще тремя новыми значками, и хотя Ивченко уверял, что под сенью их «прибыло к нему не более 40 человек из деревень Игали, Кодуха и Ашильты» 22, но весьма сомнительно, чтобы каждый из этих значков принадлежал всего лишь 18-14 воинам. Самый близкий свидетель всех этих явлений тот же Ивченко опять не придал никакого значения

этому усилению враждебной нам толпы, тем более, что получил сведение о готовности некоторых койсубулинских селений войти в приязненные сношения с шамхалом и, в лице своих депутатов, принести ему в Каранае даже присягу. Но граф Паскевич уже начал терять доверие к кажущемуся в стране спокойствию и 1-го апреля предписал генералу Каханову собрать в шамхальстве милицию и подкрепить ею казанищенский отряд, а Уллубея, проживавшего в Гимрах, непременно привлечь к нам обратно 23. Каханов ранее того и сам догадался приласкать Уллубея, а последний не заставил себя долго уговаривать: 31-го марта, по вызову его, он приехал к нему в Кубу для участия в действиях нашего отряда против изменника Мир-Гасан-хана талышинского. За такой «похвальный поступок» генерал Каханов просил соизволения графа Паскевича наградить Уллубея пятидесятью [187] голландскими червонцами и сукном, которые были высланы в подарок Кази-мулле, на этот раз уже более «не заслуживавшему малейшего внимания начальства». Уважив эту просьбу, главнокомандующий, кроме того, предписал Каханову войти в сношение с Сулейман-пашею о непременном возвращении Уллубею прежнего достоинства правителя Эрпели 24. Что же касается сведения о соглашении койсубулинцев с шамхалом, то хотя оно, действительно, отчасти осуществилось, потому что несколько депутатов, прибыв в Каранай, признали его своим ханом и принесли ему присягу, даже обещали возвратить Кази-муллу в Гимры и заставить его жить спокойно или же уйти туда, откуда пришел к ним его отец, т.е. в с. Таяки; но все это ни мало не влияло на дела имама, который в три-четыре дня усилился до 300 человек 25 и, не ожидая, пока его прогонят в родной аул его отца, сам направился на встречу нашему отряду. 5-го апреля он расположился на урочище Чумкескент-Кель (Джум-Гескен), принявшись сейчас же за приведение его в оборонительное состояние. Приступив к этому перемещению своей партии, Кази-мулла отправил письмо в Табасарань, к проживавшему там мулле Магомету ярагскому, своему учителю, прося его поднять на ноги табасаранцев и с ними поспешить к нему на помощь. Хотя генерал Каханов уверял гр. Паскевича, что жители Табасарани отказались от приглашения 26 и даже грозили выгнать от себя муллу Магомета, но это опять не ослабило успехов имама, потому что едва он расположился окончательно на избранном им пункте, как толпы его в один день возросли до 500 [188] человек 27 и, к удивлению, почти из одних койсубулинцев — как бы в насмешку всем тем их соплеменникам, у которых на устах не остыла, еще присяга, данная шамхалу. Теперь майор Ивченко начал убеждаться, что дело является не столь шуточным, как уверял Сулейман-пашу Доудил-Магома. Он быстро вывел свой отряд с квартир в поле, еще быстрее собрал из ближайших деревень милицию и 6-го апреля решил двинуться против Кази-муллы, чтобы «разбить появившегося в шамхальском владении возмутителя народов» 28. Но, к сожалению, теперь это было уже не так легко, как думал начальник казанищенского отряда.

Известившись об этих жгучих явлениях, г. м. князь Бекович-Черкаский, находившийся с Сулейман-пашею в Каранае, быстро прибыл в селение Казанище. Остановив намерения Ивченко, он усилил войска еще мехтулинскою и шамхальскою милициями, под предводительством их владетелей, и 7-го апреля сам выступил с ними к Чумкескенту, а Ивченко приказал сделать туда диверсию с батальоном Куринского пехотного полка, с двумя полевыми орудиями и небольшою командою казаков. Приблизившись к позиции неприятеля, «называемой Кончуке», Бекович увидел, что она со всех сторон окружена глубокими и крутыми оврагами, а за ними с трех сторон горами, покрытыми лесом. Самая поляна среди этих оврагов, где расположен был неприятельский стан, кроме того, была кругом опоясана окопами и положительно заткана заповедными деревьями. Для атаки этой позиции кн.

Бекович выдвинул часть шамхальской милиции к оврагу, находившемуся прямо против дороги из Казанищ, [189] и велел ей отвлекать горцев ружейным огнем, а мехтулинцев, поддержанных остальными шамхальцами, расположил правее, приказав им перейти овраг и атаковать скопище во фланг. Но шамхальцы, подойдя к оврагу и будучи встречены ружейным огнем, бросили мехтулинцев на произвол судьбы, повернули назад и объявили, что переехать на противоположную сторону нельзя; мехтулинцы же, «будучи более усердны, сделали сильный натиск» и открыли бойкую перестрелку. Но это не послужило ни к чему.

«Койсубулинцы, имея выгодную для себя защиту — овраги, и будучи в лесу, упорно обороняли свое место, где убито и ранено 16 человек мехтулинцев 29. Не ожидая ни малейшего успеха в перестрелке жителей, и видя явно, что шамхальцы не оказывают никакого усердия, кн. Бекович приказал возвратиться батальону в Казанище, а жителям в свои деревни» 30.

Пехота и артиллерия участия в деле не принимали. Понятно, насколько наша, неудачная попытка, должна была ободрить имама и его сподвижников. Описывая ее весьма кратко генералу Вельяминову и вовсе умалчивая о перестрелке, кн. Бекович-Черкаский сообщал, между прочим, что милиция едва ли, без особенной приверженности к нашему правительству и своим владельцам, может выгнать Кази-муллу из Чумкескента; пребывание же его в шамхальстве, «ежедневно умножая его партию, будет вредно и для умов местного населения». В виду этого, и, не имея у себя достаточно средств, он просил Вельяминова 31 прислать ему подкрепление; но тот отвечал, что он уже приготовил полки 14-й п. дивизии к выступлению в Россию и без разрешения фельдмаршала двинуть их в противную сторону не вправе, а если [190] казанищенский отряд не может прогнать Кази-муллу и его сборище, то лучше всего отступить ему к кр. Бурной и «там ожидать подкрепления от войск, находящихся в Кубинской провинции, или от главнокомандующего» 32. В донесении же своем графу Паскевичу кн. Бекович высказал очень важное замечание по поводу отношений шамхала к своим подвластным, которое, с одной стороны, ярко характеризует личность Сулейман-паши, а с другой — указывает на корень народного брожения в шамхальстве, которого, наконец, мы таким образом доискались как бы вполне нечаянно. Князь Бекович доносил так:

«Сей случай ясно доказывает, что шамхал хотя и рад бы оказать усердие свое правительству нашему; но, не пользуясь расположением к себе своих подвластных и не имея при себе людей, имеющих доверенность в народе, которые могли бы ему (народу) указать пользу приверженности его к нашему правительству в подобных случаях, исполнить желаний своих не может. Подвластные его, будучи удерживаемы, кроме немногих из них, одним только страхом от нашего правительства, оказывают ему некоторое наружное повиновение. Ни на шамхальских подвластных, ни на уверение койсубулинцев совершенно положиться нельзя» 33.

Замечание это оправдалось на деле очень скоро и в этот раз вполне соответствовало намерениям Кази-муллы, который, стремясь вовлечь в свое скопище шамхальцев, послал для этого в разные их деревни находившихся при нем чеченцев. Кн. Бекович, для противодействия ему, отправил к шамхальцам акушинского кадия и старшин, чтобы они предостерегли их на счет всяких сношений с «бунтовщиком»; кроме того, он сам разъяснил [191] их сельским представителям всю невыгоду этого сближения и даже убедил их выставить по дорогам обывательские караулы, которые бы преградили жителям все способы к сообщению с ними имама. Но в результате он увидел, что это не приносит никакой пользы,

так как Кази-мулла очень исправно находил для себя вполне удобные лазейки. Представляя это на благоусмотрение графа Паскевича, он излагал ему такого рода разумное заключение:

«Не наказавши Кази-муллу, нельзя ожидать никакого порядка во владениях шамхала. Для наказания Кази-муллы нельзя найти удобнее места, как теперь им занимаемое: как ни укреплено оно самою природою, но от позиции его предлежащая сторона почти до самых завалов есть чистая поляна. Отлагательство времени может усилить его партию» 34.

По этому представлению кн. Бековича, который между тем оставил шамхала и уехал в Дербент, фельдмаршал не замедлил сделать распоряжение об усилении казанищенского отряда батальоном апшеронцев, кубинскою конницею, двумя орудиями резервной батарейной № 5 роты 22-й артил. бригады и четырьмя орудиями 8-й легкой роты 21-й бригады, приказав вместе с тем вступить в командование отрядом генерал-майору Каханову; мало того, он, не желая тревожить Вельяминова по случаю предстоявшего выступления его с 2-ю и 3-ю бригадами в Россию, непосредственно предписал командиру 1-й бригады 14-й дивизии г. м. Таубе, задержанному им временно на линии, чтобы тот, если узнает от ген. Каханова, что скопище неприятеля значительно увеличилось, следовал бы с бригадою немедленно в сел. Казанище. Вместе с тем, чтобы не оставить левый фланг без должной обороны, он приказал командующему войсками на линии ген. от [192] кавалерии Емануелю «сколь можно поспешнее» командировать на Терек три батальона 40-го егерского полка, под начальством полковника Шумского, бывшие на зимних квартирах в селениях Ставропольской губернии, а команды 39-го и 40-го егерских полков, находившиеся на военно-грузинском тракте, присоединить к своим полкам, заменив их командами или от линейных батальонов, или от Кабардинского пехотного полка 35. Но энергичный имам упреждал нас во всем, и пока мы развили в Дагестане наши боевые силы, жители Эрпели, Казанищ, Караная, Кафыр-Кумыка и других деревень уже были вполне наготове присоединиться к нему, и если только пока удерживались от того, то благодаря лишь пребыванию возле них нашего отряда. Усиливаясь ежедневно приходившими к нему койсубулинцами и людьми «других горских народов и отчасти чеченцев», Кази-мулла не стеснялся захватывать шамхальцев на дорогах даже силою и к 12-му апреля включил их в свое скопище таким образом до 85-ти человек. Сулейман-паша, напуганный всеми этими явлениями, и зная мирные отношения к Кази-мулле своего брата, обратился к нему с просьбою отвратить от его владений все враждебные посягательства имама. Абу-Муселим согласился, несмотря [193] даже на нерасположение к брату, и запросил Кази-муллу — зачем он перехватывает людей подвластных шамхалу. На это последовал ответ такого рода:

« Шамхал не долго будет в незнании, для чего я это делаю. Скоро или я буду у него в Тарках, или он ко мне прибудет» 36.

Этого было достаточно, чтобы окончательно переполошить слабого шамхала. Весьма естественно, он сейчас же бросился с просьбою к графу Паскевичу о защите его и о присылке побольше войск; но на это получил наставление следующего содержания:

«Вам, как владетелю 37, нужно стараться привязать к себе подвластных и утвердить ваше над ними влияние, особенно над койсубулинцами. Ваш покойный родитель успел в том своими средствами, и я ожидаю, что и вы, следуя его примеру, употребите все, что только от вас зависит, для ограждения вверенных вам владений от вредных народных волнений».

В эти минуты, когда несчастный шамхал был вне всякого сомнения, что его отдают на жертву Кази-мулле, последний, увеличивая не по дням, а по часам свое скопище, приступил у него под боком к постройке «довольно пространного укрепления, которое обносил палисадом и выкладывал с внутренней стороны положенными плашмя несколькими бревнами»; усердно заготовлял продовольствие, пока неизвестно откуда ему доставляемое, и даже не упустил из вида всякого рода посуду для варки пищи 38. Все это, однако, не смущало нас, так как вслед затем лазутчики, посланные майором Ивченко в стан имама и в Койсубу, принесли самые утешительные вести, что скопище неприятеля нимало не усиливается, хотя и [194] ожидает к себе чеченцев, а главное — что «все почти койсубулинцы не намерены поддерживать Кази-муллу», а некоторые даже предложили ему оставить всякие затеи и мирно возвратиться восвояси 39 . Но все это было сущею ложью, которая не замедлила обнаружиться не далее как через день. Действительные и громадные успехи Кази-муллы, равно положение его дел к половине апреля представлялись совсем в ином виде: койсубулинцы сразу демаскировались перед нами и, собрав народную сходку на горе Дюз-тау, порешили отправить к Кази-мулле, по словам Ахмет-хана, «людей из всех койсубулинских селений» — и немедля привели это в исполнение 40. Шамхальцы же сперва уклонялись и на призыв имама отвечали, что присоединятся к нему тогда, когда число его войск будет превышать их собственные силы, чтобы при этом условии иметь у себя предлог к оправданию перед нашим правительством, будто уступили необходимости; но имам понял их уловку, а вместе с тем и осведомился, что главное препятствие ему составляют эрпелинцы или, лучше сказать, их Уллубей. Вследствие этого он отправил к ним и к их кадию Мустафе весьма интересные и внушительные послания. Первым он писал:

«Я извещаю вас, что мусульманская вера есть истинная, а христианская ложная. Постарайтесь быть настоящими мусульманами и не соединяйтесь с неверными, не служите русским и удалитесь от них сколько возможно — отчего и будет вам хорошо на том свете».

«Вы знаете, что ныне дела русских берут худой оборот; умы их вовсе ослабли, и все их притворства обратятся против [195] них. Если вы в этом не уверены, то подождите один или два месяца, и тогда вы узнаете, что их и наши дела примут другой оборот. А если вы не верите и будете помогать неверному народу, то вы вскоре раскаетесь и будете преданы муке на том свете. Вам известно, что наша мусульманская вера есть справедливая, и милость божия пребывает с нами, и что воинство Его сильнее воинства неверных, хотя бы оно и превозмогало. Если же вы не примете сего моего наставления, то ожидайте конца. Мы удивляемся вам, по каким причинам вы от нас удалились. Не будьте, как прочие».

Мустафе же он сообщал:

«Мы полагали, что у тебя хорошие мысли, а однако ж теперь видим, что ты занят глупым делом. Ты думаешь, что тот, кто старается о духовных делах, будет обижен? Так знай же, что мы стараемся о том для приобретения себе милости божией, а не богатства на сем свете. Ты видишь русские силы и оттого им повинуешься по наущению дьявольскому; но ты должен знать, что Господь Бог всегда с верными мусульманами. Если ты раскаешься во всех своих делах, то это будет для тебя полезно, и не будешь в этом отвечать перед Богом; а если ты не раскаешься, тогда Бог тебя накажет или посредством нас, или сам собою».

Намекая в письме к эрпелинцам на перемену обстоятельств, Кази-мулла подразумевал при этом новый разрыв наш с Персиею, о котором, по словам кн. Бековича-Черкаского 41, в то

время все гласно говорили в Дагестане и положительно утверждали, что «персияне имеют частую переписку с Кази-муллою». Вследствие последнего обстоятельства, предсказанию имама верили вполне, и он, пользуясь этим, расшатывал умы и быстро группировал вокруг себя приверженцев. Приведенные два письма вывели шамхальцев из всяких затруднений [196] и решили для них вопрос быть или не быть: они последовали примеру койсубулинцев. Мало того, благодаря обильным воззваниям имама во все концы Дагестана, заколебались, наконец, и мехтулинцы; даже сам их владетель Ахмет-хан был уверен, что «если Кази-мулла останется долее в шамхальских владениях, то и они пристанут к нему». Все это подтвердилось на деле в последовавшем тотчас же с нашей стороны пассаже, который был настолько благоприятен для Кази-муллы и так неблагополучен для нашего влияния в стране, что и в самом деле можно было подумать, будто на этот раз Бог покровительствует мусульманами. Этим пассажем мы обязаны майору Ивченко, уже неоднократно доказавшему свою мало способность во всех отношениях — разве кроме личной храбрости.

Когда генерал-майор Каханов получил сведение о занятии Кази-муллою Кончуке и Чумкескента, а затем узнал о неудачном деле 7-го апреля князя Бековича, и о постепенном, тогда еще впрочем слабом, распространении пожара, то предписал майору Ивченко собрать шамхальцев и мехтулинцев, присоединить их к отряду и совокупными силами разогнать неприятельское сборище. Предписание это последовало 10-го апреля и, конечно, требовало безотлагательного исполнения, пока скопище было в зародыше; но Ивченко собирался целую неделю и только 19-го апреля назначил выступление. Ахмет-хан, по его приглашению, явился к нему с милициею в числе более тысячи человек, но от Сулейман-паши до последнего дня не было никакого известия, и никто из шамхальцев не прибыл. Не обратив внимания на это загадочное явление, так как не знал настоящего положения дел среди шамхальцев и койсубулинцев и воображал их вполне нам преданными, майор Ивченко 18-го апреля наскоро [197] набрал из окрестных деревень до 400 человек и на другой день с этим ополчением, с пятью ротами куринцев, тремя орудиями легкой № 3 роты 21-й артиллерийской бригады и 50 казаками донского № 13 полка, двинулся к Чумкескенту. Диспозиция была такого рода, чтобы повести атаку с трех сторон одновременно: Ахмет-хан, со своею милициею, должен был следовать по верхней дороге, пролегавшей по лесистым горам, обойти стан неприятеля и, переправившись в тылу у него через овраг, пересекающий дорогу, выйти на поляну впереди убежища Кази-муллы и содействовать майору Ивченко в атаке завалов, во множестве преграждавших доступ к фронтальному оврагу; Айдамир-бек муселимский, с двумястами шамхальцев, должен был охватить глубокий и обрывистый овраг на правом фланге неприятеля и, в случае если окраины его не оборваны, переправиться на противоположную его сторону. Когда оба эти лица достигнут цели, тогда только Ивченко положил себе переправиться через овраг, ограждавший левый фланг позиции имама. Сделав эти распоряжения и предоставив засим Ахмет-хана и Айдамира их личному усмотрению, Ивченко, с колонною, в которую вошли и остальные шамхальцы, прибыл на поляну к соединению оврагов, пролегавших по обе стороны позиции неприятеля, и остановился в ожидании, пока Ахмет-хан начнет спускаться с горы. Он прождал очень долго — а движения Ахмет-хана не было даже и признаков. Встревоженный этим обстоятельством и видя, что день клонится к концу, Ивченко решил со своей стороны на этот раз ничего не предпринимать, отступить, переночевать и только на утро атаковать горцев. Он послал сказать Ахмет-хану, чтобы тот присоединился к нему — и после этого повернул свою колонну назад. Но едва он отошел сажень [198] сорок, как вдруг из леса, облегавшего дорогу, градом посыпались ружейные пули.

Часть шамхальцев, шедших на фланге, опрометью бросилась к ротам, а другая, не задумываясь долго, кинулась в лес, присоединилась к неприятелю и открыла оттуда огонь по нашему арьергарду, который состоял из взвода стрелков. Ивченко остановил колонну, выслал от всех рот застрельщиков и некоторое время поддерживал огонь, в ожидании, что оставшиеся при нем шамхальцы также вступят в дело; но они, собравшись вдали на возвышенном месте, с полным равнодушием взирали на развернувшуюся перед ними картину. Все понуждения Ивченко остались напрасными, и шамхальцы словно издевались над ним.

«Видя явное уклонение жителей от обязанностей на них возложенных, и сомневаясь, чтобы при наступлении ночи большая часть оных не могла присоединиться к неприятелю для нанесения нам вреда, я — пишет Ивченко — нашел полезным следовать в место расположения лагеря».

Неприятель провожал его на протяжении пяти верст густым огнем, который, как оказалось впоследствии, все усиливался по случаю постепенного присоединения к Кази-мулле прибывавших эрпелинцев. Только наступившая ночь прекратила это курьезное сражение и дала нам возможность уйти или, попросту сказать, убежать с потерею лишь двух раненых, в числе которых был Куринского полка прапорщик Аглинцов. В донесении об этом деле графу Паскевичу 42, Ивченко, в простоте души, испрашивал даже награды наиболее отличившимся, уверенный, что они «будут осчастливлены милостивым на сие вниманием». [199]

Такова была наша вторая неудачная попытка одолеть Кази-муллу, приверженцы которого не могли не торжествовать ее в ущерб нашему самолюбию.

На другой день Ахмет-хан явился к майору Ивченко с объяснением, что, при всем своем старании и усердии, он не мог перейти через овраг, пересекавший дорогу, так как противоположный край его был срыт почти перпендикулярно. Что же касается до Сулейман-паши, то наивное оправдание его невольно вызывало улыбку. По его словам, он до последнего дня все собирал своих подвластных, и когда увидел, что собрал их очень достаточно, то объявил цель призыва и поставил им вопрос такого рода: «с охотою ли они пойдут, или имеют какие-либо причины, не дозволяющие им сего сделать»? На это они отвечали, что, пожалуй, пойдут, но драться с неприятелем не будут, потому что позиция его очень сильна. В утешение ему они заключили, что лучше подождут, когда он выйдет на более открытое и удобное место. Сулейман, по его словам,

... «слыша таковые отзывы и не видя ни малейшей расположенности от подвластных ему к российскому правительству и к нему, нашел за лучшее, не понуждая их к исполнению назначенного предприятия, оставить при их мнении».

Майор Ивченко, усматривая, что его ближайшие пособники и сподвижники также остались каждый при мнении, не находил возможным держаться более у Казанище и также «почел за лучшее» 24-го апреля отступить с отрядом еще на восемь верст назад. Он расположился ниже Кафыр-Кумыка, «на открытом месте, имея в виду наблюдение за поведением жителей Казанищ, Шуры и Кафыр-Кумыка» 43. Но за жителями первого из этих [200] селений не нужно было наблюдения, потому что, увидев удаление отряда, все они поспешили собрать свое имущество и вознамерились двинуться вслед за ним — как вдруг нагрянул Кази-мулла, задал им маленькую экзекуцию, арестовал имущество и велел сидеть пока на месте 44. Делать нечего — казанищенцы вернулись в свои дома. Этот случай, конечно, в два дня разнесся по Дагестану, и когда вслед за ним повсюду появились новые прокламации имама — народ стал к

нему стекаться беспрекословно; даже из Чечни прибыл в стан его, со свитою из 30 человек, известный и влиятельный Рази-бек, сын тогда уже умершего казанищенского князя Хаспулата. Одна из главных побудительных причин такой податливости народа состояла в том, что Кази-мулла, достаточно укрепившись в своих силах и средствах, уже не стеснялся с ним, и для примера казнил четырех шамхальцев, которые, по словам майора Ивченко, «не совершенно верили его лживым предсказаниям». Благодаря всем своим мероприятиям, Кази-мулла в четыре дня насчитывал уже в своем полчище до трех тысяч человек. Князь Бекович начал убеждаться, наконец, что

... «он скоро произведет общий бунт в Дагестане, так как все горские народы каждое даже ложное известие на счет успеха его предприятия принимают с большою радостью, и даже акушинцы на усиление его партий смотрят хладнокровно» 45.

Это предсказание Бековича стало оправдываться без малейшего замедления. Начало его осуществлению положили все жители Темир-Хан-Шуры, которые, при содействии койсубулинцев, присланных имамом, собрали свое имущество и 28-го апреля открыто передались неприятелю. [201] Караул, находившийся у селения в числе 40 человек, не только не мог воспрепятствовать их побегу, но и сам поплатился частью оружия и лошадей, которые были отняты у него отложившимися соплеменниками и койсубулинцами. Партия сих последних, с Али-Султаном и Рази-беком, не ограничиваясь этим успехом, направилась в Кум-Теркале, захватила его врасплох, отобрала у жителей их жен и дочерей и отправила в горы, а мужчин, в числе которых был и племянник шамхала, присоединила к себе. Пленники не особенно противились этому захвату, так как, «питая нерасположение к русскому правительству и решительно отказавшись поднять оружие против своих единоверцев», рады были отделаться в то же время и от своего владетеля. Одновременно с сс. Шурою и Кум-Теркале добровольно отдалось имаму, наконец, Эрпели, а за ним тотчас же покорились ему: Параул, Карабу-дахкент, Гели и Губден; остальные ждали только первого случая, чтобы последовать их примеру 46.

Случай этот представился прежде всего казанищенцам, которые, после своей неудавшейся попытки выселиться к Кафыр-Кумыку вслед за нашим отрядом, терпеливо сидели на месте и ожидали приказания. Они дождались его, наконец, 4-го мая, когда увидели перед собою сильную партию, пригласившую их отправиться, под ее прикрытием, на Кончуке. Казанищенцы быстро собрались, не замедлили частью уже последовать за койсубулинцами, как вдруг невдали от их селения появился наш казачий разъезд в числе пятидесяти человек. Неприятель, полагаясь на свое превосходство, смело встретил эту команду и, после непродолжительной перестрелки, атаковал ее. Казаки спешились и стали отступать. [202] По выстрелам, майор Ивченко тотчас же двинулся из лагеря с полутора ротою пехоты и одним орудием легкой № 3 роты. Увидев приближение войск, неприятель отступил в лес; но так как казанищенцы не прекращали своего передвижения, то небольшая часть его, для прикрытия их, спряталась в овраге, мимо которого пролегала дорога. Усмотрев эту засаду, майор Ивченко рассыпал в цепь целую роту застрельщиков, двинул ее вперед, атаковал горцев и заставил их очистить овраг. Но в это самое время вся толпа, скрывавшаяся в лесу и ежеминутно усиливавшаяся вновь прибывавшими людьми, спустилась с другой стороны в овраг, к реке, с намерением скрытно обойти колонну и ударить ей в тыл. Этот маневр был замечен вовремя, и наперерез неприятелю направлен был один взвод пехоты, а рассыпанная рота, с орудием, имея в резерве другой взвод, повернула в пол-оборота направо и, примкнув к речке, прикрыла

людей, спускавшихся в овраг. Горцы попробовали атаковать последних холодным оружием, но были встречены их штыками и беглым огнем застрельщиков. Тем временем, из лагеря спешили на выручку скрытными путями еще две роты куринцев, которые на всякий случай ранее были поставлены в ружье. Приблизившись незаметно к месту боя, они, с криком «ура», бросились прямо в овраг, потом в лес, выбили неприятеля из всех пунктов и гнали его на протяжении четырех верст. Только отсутствие у нас кавалерии не допустило перерезать ему дорогу, и он успел скрыться, оставив по пути бегства двенадцать тел. Из числа их четверо были привезены в лагерь для предъявления жителям Кафыр-Кумыка, которые опознали в двух из них казанищенцев, в одном койсубулинца и в одном каранайца. Это было лучшим свидетельством [203] отношения к нам шамхальцев. В деле 4-го мая у нас ранено четыре и контужено два нижних чина. В наших рядах сражался, между прочим, и Уллубей эрпелинский, которого майор Ивченко представлял к награде в числе отличившихся; но вместо ожидаемых наград Ивченко получил через генерал-майора Каханова замечание за нарушение основных тактических приемов, не допускающих рассыпать в цепь большую часть наличных сил, оставляя их почти без резерва — так как из двух взводов один находился в прикрытии орудия, т.е. в пассивном состоянии, а другой нельзя было и назвать резервом 47.

В таком положении были наши дела в Дагестане, когда граф Паскевич оставил край, будучи отозван Государем Императором для начальствования армиею в Царстве Польском. Приказом 28-го апреля он назначил по себе для командования войсками в Закавказье и в Дагестане начальника штаба корпуса генерал-лейтенанта Панкратьева, а на кавказской линии, в Черномории и Астрахани — генерал-от-кавалерии Емануеля, которым велел сноситься друг с другом и «во всем согласовать свои действия». По случаю выступления в конце апреля в Россию 2-й и 3-й бригад 14-й пехотной дивизии, он возложил временное начальствование левым флангом линии на командира 1-й бригады той же дивизии г. м. Таубе. Одновременно с этим генерал-майор Каханов назначил вместо майора Ивченко командира, Куринского полка подполковника фон-Дистерло, вступившего в свою новую обязанность 4-го мая.

Первым делом Панкратьева было распоряжение об усилении отряда в северном Дагестане возможным [204] числом войск со всех сторон, а затем — напоминание генералу Таубе предписания гр. Паскевича. Благодаря усмирению в это время г. м. Жуковским талышинского ханства, он отозвал оттуда через Кубу в шамхальство батальон апшеронцев, 4 орудия резервной батарейной № 5 роты 22-й артиллерийской бригады, донской казачий полковника Басова полк, кубинскую и бакинскую милиции. Генерал -майор Каханов, в свою очередь, приказал поспешно собраться в шамхальстве конной милиции из владений Аслан-хана и Ибрагим-бека карчагского, и 12-го мая сам выступил из Дербента с 5-ою и 6-ою мушкетерскими ротами Куринского полка 48, двумя орудиями легкой № 3 роты 21-й артиллерийской бригады и 700 человек табасаранской и кубинской конной милиции.

Генерал-майор Таубе хотя не получил еще предписания Панкратьева и даже не знал, что он вступил в командование войсками, но от верных лазутчиков известился, что дела наши в Дагестане довольно плохи, а Кази-мулла усиливается неимоверно быстро. Этого было ему достаточно, чтобы сняться с места, и двинуться в поход, не дождавшись даже прибытия на линию 40-го егерского полка. Он выступил 3-го мая с Бутырским пехотным полком (808 шт.), четырьмя орудиями конноартиллерийской казачьей № 4 роты и двумя сотнями Моздокского (125 ч.) и Гребенского (84 ч.) полков; Московский же пехотный полк оставлен им в дистанции гребенского казачьего войска с тем, чтобы он следовал за ним в Дагестан тогда, когда прибудет

и сменит его 40-й егерский полк. Последний однако не долго заставил себя ждать и [205] 11-го мая был уже в станице Червленной. Командование левым флангом, до возвращения своего, Таубе передал командиру 43-го егерского полка полковнику Сорочану 1-му. Отряд шел форсированным маршем и 6-го мая был уже в Костеке. Здесь г. м. Таубе получил известие от Сулейман-паши, что Кази-мулла, с 500-ми человек, 4-го числа передвинулся из Чумкескента к деревне Атлы-Боюн, отстоящей от резиденции шамхала в 8-ми верстах, и намерен, по присоединении к себе жителей этой деревни, накинуться на Тарки. «Дабы не допустить мошенников исполнить свои замыслы», он сейчас же сообщил майору Ивченко (не зная еще, что его сменил Дистерло), чтобы тот, пригласив Ахмет-хана с милициею, двинулся к позиции неприятеля и преградил бы «зловредному скопищу путь отступления». 7-го же мая генерал Таубе, уведомляя шамхала с поста Озени, что на утро намерен атаковать горцев, просил его собрать милицию и занять позицию в тылу неприятеля, а также высоты по дороге к селению Атлы-Боюн в оба пути; затем, не начиная дела, ожидать прибытия отряда, «чтобы общими силами напасть на мошенников». На рассвете 8-го мая он получил уведомление от шамхала, что ночью высоты будут им заняты, вследствие чего, оставив вагенбург в Озени, Таубе двинулся к Атлы-Боюну. В двух верстах от этой деревни он был встречен сильным огнем неприятеля, который укрепился за завалами вправо от дороги, у подошвы горы. Чтобы вытеснить его оттуда, Таубе поставил одно конное орудие, под прикрытием роты, правее завалов и приказал действовать из него во фланг горцам, а сам, с двумя другими орудиями и батальоном, приняв влево, подвинулся к ущелью, находившемуся с правой стороны деревни, из которого неприятель вел оживленную перестрелку, и, в свою [206] очередь, открыл огонь гранатами. После нескольких удачных снарядов толпы очистили завалы и потянулись вверх к деревне. Таубе, оставив одно орудие с ротою пехоты вправо от завалов, с остальными войсками двинулся к ущелью, которое вело прямо в Атлы-Боюн. Приблизившись к нему на картечный выстрел, и будучи встречен сильным огнем с обеих боковых высот, он остановил отряд и расположил всю артиллерию, под прикрытием шести рот, таким образом, чтобы она могла действовать «направо, налево, по покатостям гор и в середину ущелья», а одну роту передвинул влево на двести сажень от колонны. Обоз и тыл были прикрыты казаками.

После нашего сильного артиллерийского огня неприятель оставил покатости гор, а кавалерия шамхала тарковского в это время обошла по высотам и стала у него в тылу. Таубе, полагая, что шамхал введет в дело свою милицию и тем отвлечет часть неприятельских сил, который к этому времени, как обнаружилось впоследствии, возросли уже до двух тысяч человек, счел этот момент наиболее удобным, чтобы пробиться к деревне прямо по ущелью, и задачу эту возложил на 1-й батальон Бутырского полка. Но лишь только этот батальон дошел до входа в тесное ущелье, как увидел перед собою высокий завал, преграждавший всю дорогу, который невозможно было обойти. Пока передовые люди, под прикрытием ружейного огня остальных, разбрасывали завал, горцы опять заняли покатости гор с обеих сторон ущелья и, притаившись за камнями и кустарниками, сыпали на бутырцев град пуль. Но молодецкий батальон одолел, наконец, каменную преграду, пробился через нее и быстро двинулся вперед. Вдруг, он почти в упор нарезался на другой завал, за которым [207] красовались еще два новые, и сразу окунулся в перекрестном огне с трех сторон — с фронта и с флангов. Бутырцы не дрогнули, не отступили, но усилия их овладеть передовым завалом были бесплодны, и они гибли безнаказанно. Шамхал в это время оставался со своею милициею в полном бездействии, в одной версте от деревни, а отряда подполковника Дистерло не было и признаков. Не желая отдавать на жертву храбрые войска, которые в короткое время понесли сильные потери, Таубе

подкрепил первый батальон сотнею спешенных казаков и кое-как вывел его из жаркого дела. Отступив из ущелья и став вне выстрела, г. м. Таубе приказал собрать убитых, перевязать раненых, а затем двинулся назад и остановился в семи верстах от места боя, у шамхальских мельниц. Потеря наша была весьма чувствительная: убиты — один обер-офицер 49 и десять рядовых; ранены — пять обер-офицеров и 68 нижних чинов; контужены — 1 обер-офицер и 14 нижних чинов. О потере горцев носились только слухи, будто они имели до 80-ти убитых и до 100 раненых, но верных сведений собрать было невозможно 50. Подполковник фон-Дистерло, как оказалось в тот же день, не мог прибыть к месту боя потому, «что получил предписание о выступлении только в шесть часов утра 8-го числа и, при расстоянии в 80 верст, отделявшем его от Таубе, ни в каком случае не поспел бы своевременно». Оправдание это было, конечно, не вполне уважительное, но с ним необходимо было примириться.

Несмотря на нашу крупную неудачу, г. м. Таубе не [208] оставлял своего намерения выгнать Кази-муллу из Атлы-Боюна и в тот же день сделал для этого соответственные распоряжения. Он предписал подполковнику фон-Дистерло — на рассвете 10-го мая непременно стать на высотах в тылу неприятеля, затем по сигнальному пушечному выстрелу открыть действия и как можно поспешнее занять Атлы-Боюн; шамхалу же тарковскому поручил, со всею его милициею, присоединиться к нему и, при пособии отряда, «напасть вторично с того же места», откуда поведено было наступление 8-го мая. Но шамхал, явившись к Таубе, объявил, что у него нет более милиции, так как она ушла к Кази-мулле, а если и можно набрать сколько-нибудь из числа жителей, то на них положиться опасно, потому что наверное изменят; даже 30-40 человек его приближенных не подавали ему полной надежды на приверженность и верность нам. Этим он лучше всего обрисовал положение шамхальства и успехи Кази-муллы. Находя невозможным возобновить действия без помощи шамхальской милиции, а в то же время, признавая положение маленького отряда в Кафыр-Кумыке не вполне безопасным, и видя, что Кази-мулла угрожает резиденции шамхала, Таубе отказался от своего предприятия и отозвал Дистерло в Тарки, куда вслед затем выступил и сам со всем отрядом. 10-го мая Дистерло присоединился к нему с шестью ротами Куринского полка, четырьмя орудиями легкой № 3 роты 21 артиллерийской бригады и сотнею донского казачьего № 13 полка. Численность войск соединенных отрядов доходила, таким образом, до 2300 строевых нижних чинов, при восьми орудиях. Таубе, находя эти силы весьма недостаточными, чтобы предпринять против неприятеля какое-либо наступление, решил, по его словам, «вести войну оборонительную до прибытия значительного числа войск и только [209] наносить вред взбунтовавшимся деревням». Но он даже и этого не делал, а оставался исключительно в одном лишь созерцании целую неделю, собирая только разные сведения. Сущность их состояла в том, во-первых, что Кази-мулла отправил в Чечню за усилением для себя бывшего при нем Андреевского беглеца Кякя-муллу и сына Учара-Гаджи, убийцы Грекова и Лисаневича, которые сразу завербовали и послали ему пока 60 человек; а во-вторых, что вслед за ними поднимается значительное число чеченцев, и имам намеревается произвести нападение на наши владения в глубине Чечни. Устрашенный этим последним обстоятельством, г. м. Таубе поспешил донести г. от к. Емануелю, что считает крайне необходимым иметь отряд у кр. Внезапной; но так как для этого на левом фланге линии нет свободных войск, то и выступает туда сам, тем более, что по полученным им сведениям, на смену его отряда в Тарки идет с войсками г. м. Каханов. От слова Таубе немедленно перешел к делу, и 16-го мая, по прибытии г. м. Каханова, действительно, выступил из Тарки обратно на линию 51. Генерал-лейтенант

Панкратьев не крепко огорчался отбытием Таубе, так как, по его мнению, «он привел дела в Дагестане в худшее положение, чем они были дотоле» 52.

Комментарии

1. См. «Кавказский Сборник» т. XII.

2. «Кавк. Сб.», т. XII, стр. 78.

3. 3-го декабря 1830 г.

4. Донесение г. л. Вельяминова гр. Паскевичу 21-го февраля 1831 г.

5. Донесение гр. Паскевичу г. л. бар. Розена 4-го от 30-го декабря 1830 г. № 15.

6. Донесение 21-го февраля № 22.

7. Донесение Вельяминова 21-го февраля № 22.

8. Дело арх. окр. шт. 2 отд. ген. шт. 1831 г. № 79.

9. Там же, журнал в. д.

10. Донесение 21-го февраля № 22.

11. Донесение 21 февраля № 21.

12. Рапорт г. м. Сергееву № 16.

13. Донесение гр. Паскевичу г. л. бар. Розена 30-го декабря 1830 года № 15. Д. 1830 г., 2 отд. г. шт. № 16.

14. Донесение майора Ивченко 8-го февраля № 36.

15. Донесение г. м. Каханова 9-го марта № 57

16. Предписание 21-го января № 74.

17. Донесение гр. Паскевичу 27-го января № 8.

18. Донесения полк. Остроухова и г. л. Вельяминова гр. Паскевичу 20-го января № 23 и 2-го февраля № 12.

19. Донесение 16-го февраля № 51.

20. Донесения: гр. Паскевичу г. л. Вельяминова 3 и 15 марта 1831 г., №№ 36 и 40, г. м. Каханова 22 февраля № 21 и 14 марта № 62, майора Ивченко 22 февраля № 55; г. л. Вельяминову — майора Ивченко 10 марта № 23.

21. Донесение гр. Паскевичу м. Ивченко 15-го марта № 92.

22. Донесение гр. Паскевичу 29-го марта № 106.

23. Предписание № 282.

24. Предписание 18-го апреля № 384.

25. Донесение Ивченко Вельяминову 5-го апреля.

26. Донесение 14-го апреля № 139.

27. Донесение кн. Бековича Вельяминову 7-го апреля № 15.

28. Донесение Вельяминову 8-го апреля № 123.

29. У шамхальцев было также два раненых.

30. Там же.

31. Рапорт м. Ивченко 7-го апреля № 15.

32. Отзыв Вельяминова кн. Бековичу 11-го апреля № 55.

33. Донесение 7-го апреля № 16.

34. Донесение 12 апреля № 20.

35. Предписание Емануелю 2-го апреля № 298. — Высочайшее повеление о возвращении в Россию 14-й пехотной дивизии, «по происшествиям, случившимся в Царстве Польском и вообще по политическим обстоятельствам Европы», последовало еще 12 декабря 1830 года. Исполнение его замедлилось потому, что гр. Паскевич всеми силами стремился отстоять ее пребывание на Кавказе. Не успев в этом, он в конце марта сделал распоряжение об отправлении 2-й и 3-й бригад и с ними двух легких ар. рот, а 1-ю бригаду оставил и расположил в станицах по Тереку, войдя с представлением об оставлении ему хоть ее одной. Вместо двух легких рот 14-й артил. бригады, на левый фланг была назначена батарейная № 1 рота 20-й арт. бр., восемь батарейных орудий которой заменены двенадцатью легкими, выданными ей из георгиевского арсенала.

36. Донесение г. л. Вельяминову майора Ивченко 12 апреля № 126.

37. Сулейман утвержден шамхалом по просьбе своего покойного отца, Высочайшим указом 17-го апреля 1830 г., с пожалованием чина полковника. (Д. № 16, 2 отд. г. шт., ч. I).

38. Там же.

39. Донесение Ивченко гр. Паскевичу 18 апреля № 75.

40. Донесение его же 20 апреля № 145 и письмо Ахмет-хана к кн. Бековичу.

41. Донесение гр. Паскевичу 2-го мая № 37.

42. 20 апреля № 142.

43. Донесение гр. Паскевичу м. Ивченко 25 апреля № 139.

44. Донесение кн. Бековича 2-го мая № 37.

45. Донесение гр. Паскевичу 24-го апреля № 33.

46. Донесение м. Ивченко 16 мая № 16.

47. Донесение майора Ивченко гр. Паскевичу 4-го мая № 192 и предписание г. л. Панкратьева 18-го мая № 510.

48. Последняя была под начальством шт. капитана Козловского, будущего командира Кабардинского пехотного полка и затем командующего войсками на правом фланге кавказской линии.

49. (Должно думать, что шт. к. Орловский, так как он был прострелен семью пулями.

50. Дневник (секретный журнал) г. м. Таубе. Дело арх. шт. к. в. окр., 1831 г., 2 отд. ген. шт. № 16.)

51. Там же.

52. Донесение гр. Паскевичу 28-го мая № 585.

Текст воспроизведен по изданию: Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник, Том 13. 1889

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

ВОЙНА НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

С 1824 ПО 1834 г.

В СВЯЗИ С МЮРИДИЗМОМ

XVI.

Левый фланг. Волнения. Выступление в Россию 14-й п. дивизии. Формирование скопища. Открытие военных действий шихом Абдуллою. Диверсия полковника Сорочана. Отложение кумыков. Нападение на нашу колонну. Обложение кр. Внезапной. Усиление гарнизона. Вылазки. Прибытие Кази-муллы. Еще вылазки. Положение гарнизона. Осада. Штурмы. Покушения на Кизляр. Отпадение ногайцев. Освобождение Внезапной. Сражение 1-го июля. Пассивные действия. Происки Кази-муллы в Чечне, Кабарде, у ингуш и за Кубанью. Отложение м. Чечни. Прибытие салатавцев. Отъезд Кази-муллы. Набеги. Возвращение на линию 1-й бр. 14-й п. дивизии. Поражение ногайцев. Бой у с. Кошкельды. Случаи. Вступление в командование войсками на линии г. л. Вельяминова 3-го. Положение левого фланга. Новое брожение. Возвращение Кази-муллы и его приготовления 1

Хотя генерал Панкратьев, крайне нуждаясь в половине мая в усилении дагестанского отряда, видимо сомневался в том, чтобы г. м. Таубе имел основательные причины оставить шамхальство, тем не менее, в действительности Таубе был прав, потому что ежедневно и последовательно получал сведения о серьезных затеях Кази-муллы относительно кр. Внезапной, об отложении от нас гумбетовских и салатавских деревень и о сборе чеченцев в горах не вдали от дер. Андреевой. В сущности, эти сведения были вполне справедливы, и намерения Кази-муллы состояли в следующем: через своих сподвижников поднять к вооруженному сбору чеченцев, возмутить мирных и послушных нам дотоле кумыков и ногайцев, подготовить этим путем среди них себе твердую почву, пройти горами к с. Казиюрту, [211] присоединить к себе его жителей, овладеть укреплением и, обеспечив, таким образом, свой тыл, захватить деревню Андрееву и крепость Внезапную. Впредь до выполнения первой половины этих предначертаний, Кази-мулла лично и всецело отдался своим дагестанским операциям, а в Чечне оставил действовать за себя шиха Абдуллу. В первой половине мая он

прислал ему в помощь своих приверженцев Кякя-муллу, Крым-хана и др. и с ними письмо к некогда юродивому Авко — теперь ревностному и хорошо выработавшемуся его сподвижнику. Он велел ему приступить к сбору населения. Вместе с этим письмом последовала и прокламация к чеченцам такого рода:

«Божьею милостью всякое наше моление приносим Богу, который каждому, кто Ему верует из басурман наших, все предприятия исполняет. Бог сказал нам, что кто будет исполнять Его закон, тому Он и поможет. Посылаем к вам богоугодных людей, которых Бог поручил нам, а именно: Аджи-Енджи, шиха Абдуллу-муллу, Кякя-муллу, Крым-хана. Просим весь чеченский народ, андреевский народ и всех андреевских кадиев, мулл и ученых людей, находящихся ныне под игом русских, — которым посылаем от Бога поклон и желаем, чтобы Бог в душе вашей вселил желание достигнуть прямого пути и в сердцах ваших покаяния — дабы всем возвратиться в прежнее спокойствие ваше. Мы вас извещаем, что мы дали Всевышнему Богу присягу на алкоране, чтобы непременно драться до последней минуты нашей жизни. Мы вас умоляем, чтобы вы не усмирялись, пока не достигнете басурманской веры. Для приведения к вере нет насилий, так как ложь и справедливость уже известны: кто верует в одного только Бога, тот взялся за надежную опору. Мы посмотрим ваши намерения. Если вы иметь будете доверие к христианам, тогда мы со всех четырех сторон окружим вас нашими войсками, против которых никто не может действовать — и Бог будет в том помощником нашим, против которого никто не в силах упорствовать. В [212] противном случае (т. е. если будете нам упорствовать — так нужно разуметь) мы не оставим, чтобы не выгнать вас из ваших земель».

Авко тотчас принялся за дело, и на призыв его без затруднения откликнулись мичиковцы и жители большой Чечни. Первые из них тотчас выдвинулись к деревне Андреевой, а последние, приступив к устройству значков, под сенью которых должны были формироваться партии отдельно от каждого аула, дали слово, что, окончив полевые работы, не замедлят явиться к услугам Кази-муллы. Жители Андреевой, а также все другие деревни кумыкского владения, не видя вблизи наших войск и страшась разграбления и разорения, пришли в смятение и стали колебаться, понимая хорошо, что только покорностью имаму могут спасти и свои головы, и свое достояние. Тем не менее, некоторые из них отважились отодвинуть от себя партию мичиковцев, которая была не очень велика, и, собравшись толпою, отправились атаковать ее. Но попытка их кончилась тем, что они были прогнаны, потеряв одного убитого, одного раненого и несколько пленных. Это обстоятельство имело решающее влияние на положение кумыков. А когда вслед затем появился в кумыкском владении и среди аксаевских ногайцев ших Абдулла и сын Учара-Гаджи — для нас пропала всякая надежда придержать за собою население и предотвратить зарождавшуюся бурю, тем более, что эти два лица вели за собою до двух тысяч салатавцев. Последние, под предводительством черкеевского старшины Джамала и муллы Чалова, составили столько же кадр желаемаго Кази-мул-лою скопища, сколько и достаточно грозную силу для наказания противящихся и неповинующихся. К концу мая мы имели положительные сведения от главного кумыкского пристава штабс-капитана Муртузали Аджиева, что не только чеченцы, но и кумыки преданы Кази-мулле, и [213] если до сих пор не предприняли против нас никаких решительных действий то потому только, что «ожидают, какой перевес возьмут к северном Дагестане дела Кази-муллы», подступившего тогда к Таркам и к кр. Бурной. Аджиев даже несколько смягчил неблагоприятное положение наших дел среди чеченцев, так как в тот же день получено другое известие, что жители Герменчука, благодаря влиянию Авко, уже гласно отказались от исполнения всех наших

требований, а толпы Джамала, усилились еще зубутовцами, под предводительством их кадия Али-Магомат Аджиева.

Генерал-майор Таубе прибыл в кр. Грозную 22-го мая. Думая удержать кумыков от мятежа, он, для подкрепления гарнизона кр. Внезапной, отрядил туда три роты 40 егерского полка, только что прибывшего из Ставропольской губернии, с двумя орудиями легкой № 2 роты 22-й артиллерийской бригады, под командою майора Сипайло, и предписал воинскому начальнику Внезапной майору Ковалеву арестовать гумбетовских и салатавских аманатов, проживавших в крепости. Но так как в это время и 1-я бригада 14-й п. дивизии готовилась к выступлению в Россию, потому что для оставления ее на Кавказе Высочайшего соизволения не последовало, то Таубе вместе с тем донес генералу Эмануелю, что, за недостатком войск на левом фланге, не имеет никакой возможности составить отряд для обеспечения безопасности деревни Андреевой, хотя в этом, по ходу дел, встречается существенная необходимость. Эмануель, находившийся в то время на правом фланге, а, следовательно, довольно далеко от текущих событий, в виду этого донесения, предложил князю Бековичу, возвратившемуся из Дагестана за вступлением в командование войсками генерала Каханова, составить отряд и занять деревню [214] Андрееву. Началась переписка сверху вниз и обратно, и все распоряжения, а тем более осуществление их, происходили медленно и вяло. Может быть, это случилось оттого, что Бекович не считал себя обязанным и не находил удобным вмешиваться в дело, так как, за выступлением г. м. Таубе, командующим войсками на левом фланге остался полковник Сорочан, которому Таубе, отправляясь в Россию, также как и при движении в Дагестан, передал по старшинству свои обязанности. А тем временем, агенты Кази-муллы, в противоположность нам, продолжали действовать быстро и энергично. Эмануель, получая тревожные сведения одно за другим, и, как впоследствии обнаружилось, будучи не совсем расположен к кн. Бековичу, писал ему:

«Удивляюсь крайне, почему не предприняты до сих пор никакие меры, чтобы остановить при начале своем волнение, появившееся в народе? Предлагаю в. с. в пример другим наказать немедленно герменчуковскую деревню и впредь, в случае подобного ослушания какой-либо деревни, стараться в то же время принимать строгие меры к приведению жителей в повиновение, не ожидая на то моего разрешения».

Удивление Эмануеля являлось несколько странным, так как он хорошо знал положение левого фланга и крайнее оскудение его боевых средств. Издали ему, действительно, могло казаться, что и герменчуковцев не трудно наказать, и другие аулы проучить; но на самом деле это было уже не так легко. Хотя таким образом из его предписания видно, что он пока не придавал той важности положению дел на левом фланге, которая была неоспорима, тем не менее, описывая его графу Чернышеву и замечая, что Кази-мулла, с большим успехом восстановляет народ, и что кумыки легко могут последовать остальным обществами, обрисовывал дело так: [215]

«Фанатизм распространяется приметно по всей Чечне. Все чеченцы, даже живущие в окрестностях Грозной, ожидают только появления Кази-муллы, чтобы действовать против нас открытою силою. Успехи его неимоверны; предприятие его подчинить всех чеченцев шариату, в случае исполнения, влечет за собою отторжение от нас сего народа. При изменении его правления, которое будет тогда как бы единодержавное, покорение его сделается весьма затруднительным и стоить будет больших пожертвований, чем усиление левого фланга».

Относя преимущественно такое положение дел к выступлению с Кавказа 2-й и 3-й бригад 14-й пехотной дивизии, Емануель просил по крайней мере оставить первую бригаду на линии хотя бы на некоторое время, так как иначе не находил никаких способов усилить оборону Терека. Государь Император уважил это представление, и командиру 1-й бригады г. м. барону Таубе дано знать, чтобы он возвратился на Кавказ; но Таубе получил это предписание на походе в Егорлыке только 30 июня, когда главный акт драмы на левом фланге уже разыгрался. А разыгрывался он чрезвычайно быстро, потому что и Абдулла торопился, в свою очередь, воспользоваться недостатком у нас боевых сил. 26-го мая он поставил передовую партию в тысячу человек невдали от Андреевой на урочище Чумлы и здесь, угрожая Внезапной, ожидал присоединения чеченцев. Главный пристав, а за ним армянские и еврейские торговцы деревни Андреевой, бежали в крепость под охрану гарнизона.

Крепость Внезапная была выстроена в 1819 году на левом берегу Акташа, против деревни Андреевой, раскинувшейся на противоположной стороне реки, и состояла из пяти бастионов и трех отдельных люнетов на высоте, командовавших ими. Так как впоследствии оказалось, что место занятое крепостью противоречить всем [216] санитарным условиям, то генерал Ермолов, в бытность свою в 1825 году в Чечне, не имея возможности перенести крепость на другое место, велел ее оставить, а помянутые три люнета соединить между собою и прикрыть их тыл бруствером. Главное неудобство этой новой крепости состояло в том, что неприятель мог легко отвести у нее воду. Во время землетрясения, бывшего 25-го февраля 1830 года, большая часть деревянных построек разрушилась, и уцелели только в турлучных зданиях столбы — да и те оказались подгнившими. Хотя граф Паскевич тогда же приказал озаботиться ремонтировкою зданий и для этого велел выдать барону Розену 4-му тысячу рублей ассигнациями; но в сентябре 1830 года, признав излишним производить какие-либо исправления, приостановил их, так как «находил Внезапную пунктом неважным». В виду решенного им тогда вопроса об устройстве в 1831-м году укрепления в Чечне, он признавал достаточным устроить впоследствии на месте, занятом крепостью, только укрепленный пост для сообщений с Дагестаном. Таково было положение одного из серьезных наших военных пунктов, владевшего однако сорока крепостными орудиями, на котором лежала охрана кумыкских владений и в особенности многонаселенной и торговой деревни Андреевой, называвшейся всеми не иначе как городом.

Расположившись на Чумле, ших Абдулла тотчас направил партию качкалыковцев и мичиковцев, в числе 300 человек, на р. Ямансу для пресечения сообщения между Внезапною и Таш-Кичу. На следующий день, 27-го мая, он открыл свои операции нападением на андреевских кумыков, бывших на фуражировке; двое из них были ранены, а девять попали в плен. Пристав Аджиев преследовал эту партию, но безуспешно. 28-го числа она отогнала скот [217] у Моцал-аула, что ниже Андреевой, и захватила в плен ехавших из Терекеме андреевских князей: Уцмия, сына его Биереслана и племянника Айдемировых. С этой минуты цели неприятеля вполне выяснились, а разнесшееся повсюду в народе обещание Кази-муллы прибыть к 20-му июня в кумыкские владения и лично распорядиться участью Внезапной, заставили полковника Сорочана немедленно отправить в подкрепление гарнизону еще и 3-й батальон 40-го егерского полка, с двумя орудиями, под начальством капитана Неверовского; сам же Сорочан решил предпринять кратковременное движение за Сунжу, «чтобы отклонить тамошних чеченцев от соединения с Кази-муллою и дать им понять, что мы еще имеем силы действовать». Так он выразился в своем донесении.

Движение Неверовского произошло благополучно на всем пути; но в семи верстах от крепости, в Воровской балке, он 31-го мая был неожиданно встречен и атакован частью сил Абдуллы, в числе 800-1000 человек. Подкрепив авангард и очистив впереди себя лес беглым ружейным и картечным огнем, Неверовский заставил горцев открыть ему дорогу; но едва прошел около полуверсты, как они всею массою атаковали батальон с тыла. Подкрепив его в свою очередь из авангарда, и отбиваясь на каждом шагу, Неверовский кое-как выбрался из леса, но следовать далее не мог, потому что неприятель окружил его с трех сторон. Рассчитывая на помощь из крепости, где с выходом батальона из лесистой балки не могли не быть услышаны орудийные выстрелы, Неверовский остановился и стал выжидать. В продолжение двух часов он отражал неприятеля, предпринявшего ряд атак «с ужасным ожесточением», и несколько раз на шашках врезывавшегося в ряды стрелков. Наконец, действительно, подоспели [218] из крепости три роты 40-го егерского полка, с майором Сипайло, которые вывели своих товарищей из крайнего затруднения. При приближении их Абдулла отступил, и дальнейшее следование батальона во Внезапную было беспрепятственное. Потеря егерей заключалась в одном обер-офицере (капитан Карев) и четырех рядовых убитыми и в двадцати трех нижних чинах ранеными.

Полковник Сорочан, усматривая из этого случая, что дела серьезнее, чем можно было ожидать, просил Емануеля — или прислать ему какой-нибудь пехотный полк, или обратить назад 1-ю бригаду 14-й пехотной дивизии, справедливо замечая, что если сам Кази-мулла не постеснялся в то время атаковать кр. Бурную в виду целого отряда, то и подавно не будет затрудняться с креп. Внезапною, где войск значительно менее. В ответ на это Емануель велел ему собрать три батальона, с кавалериею и артиллериею, и отправиться в кр. Внезапную самому. Он находил эти силы весьма вескими, «так как во время турецкой и персидской войн те же три батальона его полка были вполне достаточны, чтобы отразить все покушения неприятеля». Сам Емануель обещал прибыть по окончании операций в центре.

Пока достигло до Сорочана это «повеление», он успел произвести предвзятую им диверсию, собрав для этого в кр. Грозной отряд из батальона 40 егерского полка, 400 человек вверенного ему 43-го егерского полка, 4-х орудий конно-казачьей № 6 роты, 2-х орудий батарейной № 1 роты 20-й и двух легкой № 2 роты 22-й артиллерийских бригад, двухсот казаков Моздокского полка, сотни Гребенского и двухсот терских чеченцев. 4-го июня в полночь он выступил за Сунжу и к рассвету был за Ханкалой, против покорной нам деревни Шавдона. Отсюда он проследовал мимо Атаги и Ставноколя, в трех [219] верстах от последнего, и, став лагерем в шести верстах от большого Чеченя, ожидал прибытия к себе с приветствием старшин; но последние не явились. Из этого Сорочан заключил, что «в народе непокойно». 7-го числа он повернул к аулу б. Атаге с тем, чтобы следовать к Энгелику и потом в Грозную; но узнав, что за Аргуном, в лесу, у сел. Белгатоя, собралась партия в пятьсот человек, чтобы воспрепятствовать его переправе, если бы он пошел туда, а другая такая же в лесу против Энгелика, он двинулся к этому последнему селению. При приближении к нему, отряд был встречен ружейным огнем, и наши терские чеченцы, следовавшие в авангарде, были отброшены. В атаку были посланы казаки, с двумя конными орудиями, под начальством командира Моздокского полка подполковника Засса, которые, после короткой рукопашной схватки, заставили партию укрыться в лесу. У нас убит один и ранено двое: убито 2 и ранено 5 лошадей. Не желая усложнять дела, Сорочан отступил, повернул на Алды и 8-го числа, прибыв в Грозную, отпустил войска на линию. Из этой экспедиции он окончательно убедился в полном

нерасположении к нам народа, который везде встречал его во всеоружии; даже аманатские хозяева видимо выказывали свою неблагонадежность.

Пока Сорочан диверсировал в Чечне, на кумыкской плоскости мятеж разгорался с особенною силою, и дела Абдуллы подвигались с прогрессивным успехом. Партии его не упускали случая перехватывать по дорогам всех неосторожных андреевцев и, приблизившись к Хасав-юрту, требовали от жителей, чтобы они или очистили это селение, или выбрались бы в Костек и в деревню Андрееву, иначе они лишатся всего скота. Хасав-юртовцы, подумав, предпочли с покорностью отдаться в распоряжение Абдуллы, [220] которому не могли противодействовать, потому что скопище его уже возросло до трех тысяч человек. Они были все выпровожены в Аух, а князь их Хасав-Амзат бежал под нашу защиту. Что касается андреевцев, то они сделали еще одну попытку к противодействию неприятелю, по случаю отбития у них части скота; но получили хороший урок, и опять потеряв одного убитого и двух раненых, отказались не только от дальнейших покушений в этом роде, но и от всякого повиновения своему приставу Муртузали Аджиеву. К пятому июня дороги в Андрееву и к Казиюрту были заняты, всякое сообщение прекратилось, и кумыки решительно покровительствовали мятежникам, не сопротивляясь даже и тогда, когда они их грабили и разоряли. Мало того, оказалось, как доносил вслед за тем Сорочан, что «все без исключения горские народы, обитавшие против левого фланга линии», судя по их поведению, приняли сторону Кази-муллы, с намерением теснить нас на всех пунктах. Некоторые же общества, как например жители громадного Герменчука, вооружали даже своих детей, начиная с пятнадцатилетнего возраста.

Сорочан, получив сведения о событиях, происшедших в отсутствие его среди кумыков, опять просил Емануеля о подкреплении; сам же отклонил от себя выезд из Грозной, так как не считал возможным оставить ее в положении, которое было не менее опасно и подвергло бы ее, по его мнению, неизбежному нападению, если бы чеченцы заметили ее сколько-нибудь ослабленною. Вместо себя он приказал немедленно следовать во Внезапную полковнику Шуйскому, с батальоном вверенного ему 40 егерского полка и четырьмя орудиями батарейной № 1 роты 20-й артиллерийской бригады, принять там начальство над гарнизоном и действовать по обстоятельствам. Сорочан не дал ему даже казаков, так как они составляли [221] единственный резерв, которым можно было располагать в случае крайности. Конечно, Сорочан получил за это выговор, и совершенно основательный, потому что упускал момент для поражения неприятеля в главном пункте его сборов, и притом в то удобное время, когда он еще не превозмогал наших сил. Но это делу нимало не помогло, потому что Емануель, личное присутствие которого было столь необходимо, ничего не видя собственными глазами, оставался прикованным к правому флангу и центру и удовлетворялся пока перепискою и заочными распоряжениями. Все, чем он ограничился на этот раз, состояло в приказании — приготовить к его прибытию всех казаков.

Наконец, уже и андреевцы, окончательно убедившись в своем беззащитном и беспомощном положении, совсем склонились на сторону неприятеля и послали сказать Абдулле, что если он будет блокировать крепость и отведет у нее воду, то они не только ему не воспрепятствуют, но сами постараются створить ворота. Все же другие кумыки и частью ногайцы также начали постепенно примыкать к скопищу и в вознаграждение за это получали обратно захваченный у них скот и пленных. В это время сообщения были до такой степени стеснены, что даже батальону с артиллериею невозможно было беспрепятственно пробраться по дороге, как это и подтвердилось случаем, последовавшим 6-го июня. В этот день из Внезапной были высланы

300 человек 43 егерского полка, при двух орудиях, под начальством штабс-капитана Быкова 1-го, на встречу 40-го егерского полка майору Сипайло, возвращавшемуся с двумя ротами из казиюртовского укрепления, куда он был командирован с тремя, чтобы одну оставить там в подкрепление гарнизону. Быков и Сипайло соединились у Моцал-аула, в 12 верстах от Внезапной, и затем прошли без [222] приключений еще пять верст. Но здесь передовая цепь наткнулась на неприятеля, засевшего в канавах, покрытых густым кустарником. Обстреляв их несколькими картечными зарядами, Сипайло ударил в штыки и выбил горцев из их ложементов, вырвав у них при этом большой значок, в виде знамени, на котором с обеих сторон красовались две короны и надпись «vive le roi»; но едва роты прошли полверсты, как уже окончательно были окружены двухтысячным скопищем, насевшим на них с необыкновенною дерзостью. Не взирая на, картечный огонь и на чувствительные потери, неприятель повторял атаку за атакой и преследовал егерей буквально по пятам. В седьмом же часу вечера, когда пошел сильный дождь, и пальба из кремневок по необходимости прекратилась, мятежники перешли в целый ряд рукопашных схваток, прекратившихся только у входа в деревню Андрееву. Подходя к ней, Сипайло рассчитывал, по обыкновению, на содействие жителей, но на этот раз ошибся: андреевцы не оказали ему никакого пособия, а некоторые из них, по словам Сорочана, даже с каким-то злорадством любовались затруднительным положением нашей колонны. Это был еще один решительный факт измены, который ясно доказывал, чего именно мы должны ожидать от кумыков в будущем. В пятичасовом непрерывном бою, подвигаясь шаг за шагом, колонна Сипайло потеряла 5 убитых, 32 раненых и 4-х контуженых нижних чинов. На другой день оказалось, что в рядах неприятеля участвовали и многие андреевцы, а остальные, которые не отходили от деревни, приготовились окончательно истребить колонну, если бы увидели ее поражение. Впрочем, хотя эти сведения требовали подтверждения, потому что были и другие им противоположные: но в результате все же выходило, что мы не [223] имели ни основания, ни права рассчитывать более на громадное население Андреевой, так как оно ясно видело, что защитить его мы не можем, а Абдулла имеет все средства безнаказанно распорядиться его полями, стадами, имуществом и жилищами. Некоторые андреевцы объявили об этом воинскому начальнику крепости Внезапной вполне чистосердечно, и на напоминание им присяги отвечали, что сила обстоятельств разрушает иногда и самую присягу, тем более, что Кази-мулла обещает уничтожить всякие сословные преимущества, установить равенство и наделить бедных за счет богатых — что для большинства представляется весьма заманчивым. Все эти сведения в подробности были сообщаемы генералу Емануелю. Он изумлялся бездеятельности Ковалева; возмущался невозмутимостью Сорочана, неподвижно сидевшего в Грозной, и делал ему жесткие указания и замечания; в третий раз приказывал ему немедленно отправиться «к угрожаемому пункту» и объяснял, как он должен поступать — а, в то же время сам не двигался с места. Немудрено, что при этих условиях дерзость, самонадеянность и силы неприятеля возрастали ежедневно; к половине месяца они достигли до 8000 человек, включая андреевцев, а также костековских ногайцев и кумыков, которые, между прочим, под предводительством князя своего Чепалова, убили пристава, терского кизлярского войска хорунжего Батырева, и с ним 9 евреев, торговавших в Костеке.

14-го июня, в восемь часов утра, толпы неприятеля наподобие саранчи обложили крепость Внезапную, развернув свои аванпосты не далее трех четвертей версты от нее. Через час после того гарнизон остался уже без воды, которая была отведена в полторы версты от крепости.

Колонна полковника Шумского, выступив из станицы Червленной в ночь с 11-го на 12-е число, 14-го [224] прибыла в Таш-Кичу. Отсюда он послал нарочного в кр. Внезапную узнать о положении дел и объявить Ковалеву, чтобы тот вышел к нему на встречу с батальоном егерей; но нарочный, возвратясь в тот же день, донес ему, что Внезапная находится в тесной блокаде, и нет лазейки, через которую можно было бы пробраться в крепость. Шумский поставлен был в необходимость обойтись собственными средствами и 15-го числа, в три часа пополуночи, двинулся вперед. Едва он, в десять часов утра, прошел Воровскую балку, как мгновенно был окружен плотною массою неприятеля, приблизительно до пяти тысяч человек, ожесточение которого при первой же атаке ясно доказывало, что он решился совсем истребить колонну, и в этом заранее был вполне уверен. Шумский, предвидя жестокий бой, со своей стороны принял соответственные меры, а его удалые егеря с первого же момента ознаменовали себя чудесами храбрости. Нападения следовали одно за другим с такою быстротою на всех фасах колонны, что не было возможности заряжать ружей, и картечь да штыки только и пролагали дорогу батальону, который подвигался черепашьим шагом. Потери его усложнялись ежеминутно; потери неприятеля от губительной картечи на полуружейный выстрел были также громадны, — но ни одна сторона ими не смущалась и продолжала с полною решимостью преследовать свои цели. До какой степени тяжело пришлось злополучному батальону, видно из того, что семь верст он едва прошел только в течение восьми часов и, весь окровавленный, в пять часов вечера прибыл в крепость, не оставив однако в пути ни одного раненого и по возможности подобрав всех своих убитых. Урон его заключался в 14 убитых, 62-х раненых и 14 контуженых нижних чинах и в четырех раненых обер-офицерах. [225]

В то самое время, когда невдали от Внезапной егеря 40-го полка покупали у неприятеля каждый шаг дорогою кровавою ценою, гарнизон произвел вылазку охотников и покушался или обеспечить себя водою хоть на несколько дней, или и вовсе отбить ее у скопища; но попытка его оказалась напрасною: против нижнего крепостного фаса старое укрепление, рвы которого не были засыпаны, равно блокгауз и возле него обрывистый берег Акташа были буквально усеяны горцами, и путь к воде закрыт безусловно, так что наши охотники, лишившись одного обер-офицера и одного рядового убитыми, шести раненых нижних чинов и одного контуженого, вернулись назад с пустыми руками. С прибытием в крепость колонны Шумского состав ее гарнизона возрос до 14-ти рот пехоты (40 и 43 егерских полков) и до восьми полевых орудий. Но тем чувствительнее стала потребность в воде, потому что маленький запас, оказавшийся в хозяйстве, нужно было разделить на всех и тотчас же истощить его. Шумский велел немедленно рыть колодцы в нижнем укреплении, как наиболее удобном, и хотя 16-го числа, на глубине трех слишком сажень, получил воду, но ее было так недостаточно, что на каждого пришлось не более полкрышки. Офицеры и солдаты братски, поровну, поделились этим достоянием, но зато животным не досталось ни капли.

В ночь с 16-го на 17-е число явился Кази-мулла и привел с собою еще до четырех тысяч человек, так что к этому времени толпы неприятеля, усиливавшиеся чуть не ежечасно, простирались уже до 12-ти тысяч. Поселившись в Андреевой, имам гласно объявил мюридам свои намерения, который состояли в том, чтобы уничтожить последовательно Внезапную, Казиюрт, Таш-Кичу и Кизляр, в сторону которого он сейчас же отправил [226] несколько сот человек, чтобы прервать всякие с ним сообщения, а также притянуть к себе по пути многочисленные ногайские юрты. Кази-муллу встретили все восторженно, — и увлечение народа было невероятное; находившиеся же у него в скопище герменчуковцы убедительно упрашивали его поскорее двинуться к крепости Грозной, чтобы, лишив нас этого главного

опорного пункта в Чечне, освободить ее от всякого русского влияния. Из числа доселе покорных нам чеченских аулов мы могли кое-как положиться только на аул Бейбулата, который продолжал считаться нашим большим приятелем, да на Аксай; остальные или вовсе отпали, или были вполне неблагонадежны. Деятельность же у крепости Внезапной оживилась: огонь неприятеля, преимущественно с блокгауза и из старого укрепления, не прекращался ни на минуту и давал себя чувствовать гарнизону иной раз весьма внушительно.

17-го числа, с зарею, по распоряжению имама, горцы стали закладывать шанцы в семидесяти саженях с левой стороны крепости. Для воспрепятствования их работам Шумский выслал сильный батальон, с четырьмя орудиями и, после непродолжительного боя, разогнал толпы. Потеря наша состояла из шести раненых нижних чинов. 18-го и 19-го июня толпы горцев производили вокруг крепости разные передвижения, видимо отыскивая более удобные подступы для штурма; но артиллерия постоянно их разгоняла. С 19-го июня положение гарнизона стало невыносимым и, по словам Шумского «ужасным». К счастью, в течение пяти-шести дней раза два перепал небольшой дождь, но тем не менее люди томились сильною жаждою. Чтобы облегчить их страдания, полковник Шумский решил еще раз произвести отчаянную попытку для возвращения воды и 20-го июня, в три часа утра, опять произвел вылазку из 800 человек. С горячим [227] рвением ринулся этот сводный батальон на неприятеля прямо в штыки и атаковал его у блокгауза и обрывистого берега. Но по мере того, как длилась рукопашная схватка, толпы горцев прибывали и плотною массою облегали солдат, которые с явным равнодушием, а иные даже как бы с охотою, погибали под ударами мюридов. Офицеры, по словам полковника Шумского, превзошли всякий героизм; отвага и распорядительность их были необыкновенны. Но ничто не помогало, и бой с каждой минутой клонился все более и более на сторону неприятеля. Наконец, пришлось прекратить это бесполезное состязание. Шумский с трудом отозвал изнуренных людей и отступил в крепость, не достигнув цели ни на волос. Мы понесли ужасную потерю: из строя выбыла почти половина охотников. Убиты: 40-го егерского полка прапорщик Тарасевич и обоих полков, с артиллеристами, 88 нижних чинов; ранены: 40-го полка кап. Бирзуль, шт. кап. Остаповский, пор. Шангирей, прапорщики Майборода и Болотников; 43-го полка шт. кап. Быков, пор. Ярцов, подпор. Калиш-оглы; 22-й арт. бриг, подпор. Редутский и 264 нижних чина; контужено 15. Гарнизон обессилел и пал духом. «Терпение его к перенесению недостатков и мужество к защите крепости поддерживались — пишет Шумский — только увещаниями моими и гг. офицеров». В особенности страдали несчастные больные и раненые, которых набралось в крепости свыше 400 человек. По донесению Шумского, «они терпели неизъяснимую нужду не только в продовольствии, но и в лечении, потому что все средства были пресечены». А тут, на беду, снарядов оставалось очень мало, и приходилось скоро вовсе прекратить действие артиллерии. «Выше поясненные причины, по заявлению Шумского, были к продолжительному охранению крепости ненадежны». Колодцы, однако, продолжали рыть, но [228] бесполезно, и единственное утешение для гарнизона в этот и на другой день заключалось в благодати божией, доставившей запас дождевой воды дня на четыре, так что пришлось крепко пожалеть о кровавой и бесплодной вылазке. Толпы неприятеля все прибывали, и 22-го числа разом прихлынула их еще тысяча человек; но на это уже мало обращали внимания.

В ночь на 23-е число неприятель успел провести шанцы от крутизны Акташа и от блокгауза, правее старого укрепления, к нижней части крепости, также с левой стороны ее и вверх, параллельно левому фасу, укрепив их фашинами. Таким образом, крепость почти кругом была

обведена траншеями; кроме того, в трех местах возникли крепкие засеки, в которых находились главные силы Кази-муллы. В течение дня и потом 24-го числа он усердно изощрялся в воспроизведении принадлежностей для штурма и, между прочим, устроил 140 катов, назначавшихся для закидывания рвов, каждый в 2 аршина ширины и в 1 1/2 длины, из бревен, помещенных между двумя колесами. На следующий день, в два часа пополуночи, масса неприятельской пехоты незаметно приблизилась оврагом против люнета к самому гласису и бросилась на штурм; но егеря этого ожидали давно и встретили ее беглым огнем, а картечь им помогла. Скопище было отброшено, не причинив гарнизону никакого вреда. К вечеру люди значительно ожили и укрепились духом, потому что вновь пошел дождь, и они, с разными ухищрениями, еще сделали хороший запас воды.

Генерал-майор князь Бекович-Черкаский узнал о блокаде Внезапной из письма к нему полковника князя Мусы Хасаева только 17-го июня. Одновременно с этим он получил через барона Розена 4-го предписание графа Паскевича, из г. Александрова, от 3-го мая — [229] вступить в начальствование левым флангом линии и в командование войсками. Прибыв 19-го числа в крепость Грозную, он взял из шести рот ее гарнизона 400 человек 43-го егерского полка, присоединил к ним 600 казаков Моздокского полка, Гребенского и Семейного войск, восемь орудий конноартиллерийской казачьей № 6 роты, и 21-го июня выступил в Таш-Кичу. Для обороны Грозной, которая находилась в крайне дурном состоянии, осталось всего 600 человек пехоты. Кизляр не имел почти никакой защиты, поэтому кн. Бекович предписал командиру Семейного войска подполковнику Ускову, чтобы он, как знает, собрал сколько окажется возможным казаков и, присоединив к ним три орудия легкой № 2 роты 22-й артиллерийской бригады, защищал бы город и его окрестности. Резервов не осталось нигде, так как в этот момент все войска левого фланга были раздроблены по укреплениям, очутившимся, к слову сказать, среди мятежников. Сильный разлив Терека не допустил кн. Бековича прибыть в Амир-Аджи-юрт ранее 23-го июня. Здесь, в виду опасности, угрожавшей Кизляру, кн. Бекович отправил назад, в распоряжение подполковника Ускова, сто человек казаков терского Семейного войска и часть артиллерии, а взамен последней взял из укрепления три орудия 1-й батарейной роты 20-й артиллерийской бригады и 24-го июня прибыл со своим отрядом в Таш-Кичу. Появление наших солдат чрезвычайно обрадовало жителей Аксая, которые, не будучи в состоянии удерживаться против понуждений Кази-муллы, уже готовы были к нему присоединиться, и если этого не сделали, то благодаря лишь князю Мусе Хасаеву, который постоянно ободрял их скорым прибытием наших войск. Аксаевские князья, желая поскорее развязаться со своим положением, в котором они стояли между двух огней, уверяли кн. Бековича, что [230] его отряд, несомненно, может пробиться к Внезапной; но он, не поддаваясь их увериям, и зная, что для малочисленных войск весьма неудобно пробиваться через неприятельский район на протяжении двадцати семи верст, где были четыре глубоких перекопа, устроенные Кази-муллою, не уступил их убеждениям и остался в укреплении Таш-Кичу. Генералу же Емануелю по поводу этого он донес:

«Имея в виду весьма сильного неприятеля, в деле с которым неминуемо должно потерять много людей, и пришедши с незначительным числом войск в крепость, я, не сделав достаточного подкрепления гарнизону, должен быть и сам без воды. А потому, дабы, по крайней мере, удержать от мятежа деревню Аксай и спасти гарнизон укрепления Таш-Кичу, я остаюсь в теперешнем моем расположении, откуда всячески буду стараться, ежели найду возможным, наносить вред неприятелю».

Вместе с тем он просил его поспешить на левый фланг линии с достаточным числом войск, так как малейшее замедление легко могло нам сделать, писал он, величайший вред. Но Емануель, наконец, сам распорядился о движении войск из центра и с некоторых пунктов левого фланга форсированным маршем к Амир-Аджи-юрту, а затем и лично выехал туда. Кази-мулла, узнав о прибытии князя Бековича и, вероятно, прослышав о сборе еще другого отряда, 26-го июня расположил часть своих сил, до пяти тысяч человек, на половине дороги от Таш-Кичу к Внезапной, в деревне Хасав-юрте. Партия же, направленная им к Кизляру, состоявшая преимущественно из аксаевских, костековских и тарковских ногайцев, не имея у себя, как видно, хорошего руководителя, произвела лишь несколько хищнических проделок и не сделала ничего особенно важного, хотя перетревожила город, с окрестным населением, и [231] могла бы причинить, по своей многочисленности, существенный вред. О приближении ее кизлярский комендант подполковник Широков узнал 18-го июня, после нападения, произведенного ею на ватаги в Кузнецовом рынке, которые она сожгла, перерезав всех находившихся там ловцов и рыбопромышленников. Тотчас он послал на разведку плац-майора Ходжаева, с единственною находившеюся у него командою казаков, в числе 20 человек, и имел возможность окончательно удостовериться, что Кизляр не в безопасности, так как Ходжаев был атакован скопищем свыше шестисот человек и должен был с казаками искать спасения в море. Погрузившись в воду по самые плечи, они все кое-как добрались камышами до рыбачьих лодок и там укрылись. В городе произошел переполох; все жители заперлись в крепости, а подполковник Широков обратился за помощью к Сорочану. 19-го числа мятежники сожгли дрюковскую ватагу и намеревались переправиться через Терек для нападения на Кизляр; но высокая вода спасла на этот раз город. После денных и ночных тревог кизлярцы впервые перевели дух только 21-го числа, когда к ним прибыла на защиту передовая команда казаков, в числе 25-ти человек, а 24-го июня почти успокоились, потому что явился подполковник Усков, с двумя сотнями и с пятью орудиями. Это, однако, не помешало неприятелю, в ночь под 25-е число, сжечь пост Долобинский и возле него станицу Александрию, в 45 верстах от Кизляра, из которой, впрочем, жители были выведены заблаговременно. Усков, примкнув к себе из кизлярского гарнизона 150 человек линейного № 8 батальона, с 26-го июня стал теснить неприятельские партии вниз по Тереку к Каспийскому морю и расположился в окрестностях Александрии. Этим маневром он отрезал партии от кизлярского района. 28-го июня население [232] города оставило крепость, возвратилось в свои дома и там зажило по-прежнему — хотя не без страха и опасения.

У Внезапной в течение трех суток, по 29-е июня включительно, продолжались атаки последовательно на все фасы крепости. Гарнизон, хотя крайне ослабленный, держался в полном смысле геройски, так как кн. Бекович нашел возможность, через надежного и весьма дорого стоившего нам лазутчика, ободрить его известием, что на выручку не замедлит прибыть сильный отряд с генералом Емануелем. Благодаря в высшей степени усердному содействию артиллерии и необыкновенной распорядительности Шумского, егеря за все эти дни потеряли всего лишь 12 раненых нижних чинов и одного контуженого обер-офицера. Безуспешность неприятельских штурмов следует, конечно, отнести отчасти также к тому, что при осадных войсках не было Кази-муллы, который, обеспечив свои замыслы у крепости, и поручив осаду Абдулле, продолжал находиться в Хасав-юрте, уверенный в непременном и неизбежном следовании прямо к нему в руки слабого отряда князя Бековича. Но последний держался крепко раз взятого решения и не давался в ловушку. 26-го же числа он послал подполковника Засса, со всею кавалериею, с тремястами егерей и четырьмя орудиями, под

видом фуражировки, на рекогносцировку впереди Аксая, к стороне дер. Андреевой, и в результате получил точные сведения, что в этот день и накануне передалась Кази-мулле еще новая весьма значительная часть аксаевских ногайцев. Вечером же, кроме того, ему доставлено несколько запоздалое известие от подполковника Широкова о явной опасности, грозящей Кизляру, и о беспомощном его положении. По поводу этих двух обстоятельств кн. Бекович тотчас же, в семь часов, выступил на урочище Хасалай. Здесь он узнал, что отдавшиеся имаму ногайцы в этот день утром [233] бросили свои аулы и направились с ним к Урчаковскому посту, находящемуся ниже Кизляра, чтобы там переправиться через Терек и, конечно, напасть на город. Таким образом, кизлярцы, немного успокоившиеся по случаю прибытия подполковника Ускова, никак не подозревали, что им готовится нежданное посещение. Только выступление из Таш-Кичу князя Бековича отвело от них грозу, потому что Кази-мулла, узнав о его движении, повернул обратно к Хасав-юрту степью, раздробив свои толпы на отдельные партии и разослав их по разным дорогам. Но одна из этих партий была усмотрена зоркими казаками кн. Бековича, которые бросились ей наперерез, атаковали, рассеяли, семерых положили на месте и одного взяли в плен. Бекович повернул назад и ночевал в 25-ти верстах от Таш-Кичу, так как, за утомлением своего отряда, сделавшего в восемнадцать часов более ста верст, далее следовать не мог. 27-го июня он возвратился в укрепление.

Тем временем войска, поднятые генерал-от-кавалерии Емануелем из центра и частью с левого фланга линии, следовали без устали днем и ночью, делая переходы в сто верст — пехота на подводах, с шестичасовым роздыхом, а казаки и артиллерия — с восьмичасовым привалом раз в сутки. 27-го июня они стянулись в Амир-Аджи-юрте 2. В этот же день приехал к ним из Ставрополя генерал Емануель, тотчас выступил с ними далее и к 10 часам пополудни прибыл в Таш-Кичу. В полночь, присоединив к себе отряд кн. Бековича, он двинулся к Внезапной двумя колоннами в следующем порядке: [234] в первой — в авангарде освещали путь сто казаков терского Семейного войска; потом шли: рота 7-го линейного батальона, рота кабардинцев, одно пешее орудие, две роты крымцев, одно пешее орудие, две роты севастопольцев, одно конное орудие, гребенцы, одно конное орудие, казаки Горского полка, два конных орудия, казаки Волгского полка; вторая колонна — 43 егерского полка две роты, два пеших орудия, рота егерей, одно пешее и одно конное орудия, рота егерей, два конных орудия и 500 казаков. Емануель решил зайти скопищам Кази-муллы во фланг и в тыл, для чего взял кружное направление на аулы: Сала, Бата-юрт, Байрам и Моцал. Он имел возможность лично убедиться в бесконечно враждебном к нам настроении всех жителей, так как ни одного из этих аулов не пришлось пройти иначе, как при содействии штыков, а Байрам защищался даже весьма упорно. Он был взят штурмом, с потерею, впрочем, для нас одного только убитого и нескольких раненых нижних чинов. В этих четырех аулах захвачено в плен 69 человек и отбито до 800 штук рогатого скота. Кази-мулла положил себе сначала выждать наш отряд в поле, не снимая осады; но когда узнал, что его скопищу готовится удар в тыл, то в десять часов утра, 29-го июня, мгновенно отозвал его от крепости и отступил на правую сторону Андреевой. Здесь он стоял до четырех часов пополудни, а вслед затем, руководимый какими-то соображениями, разделил свои толпы на две неравные части, двинулся еще далее, по направлению к ауховским деревням, и занял первоначальную и крепкую позицию Абдуллы на урочище Чумлы. Таким образом, злополучный гарнизон, выдержав шестнадцатидневную тяжкую осаду, получил наконец возможность отпраздновать свое освобождение. С пятнадцатого июня, когда он имел под ружьем 1365 [235] человек, он лишился, отбиваясь от

неприятельского скопища в четырнадцать тысяч человек, убитыми, ранеными и заболевшими 474, кроме тех, которые отягощали его своим пребыванием в крепости после полевых дел 31-го мая, 6-го и 15-го июня. Общая же потеря его, включая и эти дела, одними только убитыми и ранеными, без заболевших, простиралось до 576 человек. С освобождением Внезапной окончательно очистились от неприятеля окрестности Кизляра.

Блокада крепости Внезапной показала все несоответствие последней ее назначению. Емануель велел тотчас же снести блокгауз, находившийся в ста саженях от крепости, послуживший неприятелю твердым опорным пунктом, затруднявший действие нашей артиллерии и вообще служивший нам помехою. Вместо него он приступил к устройству передового укрепления и прикрытого пути, чтобы, в случае нового нападения, по крайней мере, обеспечить гарнизон водою. В июле того же года Государю Императору угодно было повелеть — или усовершенствовать оборону Внезапной, или избрать для крепости другой более выгодный пункт. Кавказское начальство остановилось на первом из этих распоряжений и приступило к составлению, через инженеров, соображений и сметы. Дело это тянулось долго, и только в 1835-м г. Государь утвердил проект исправления и улучшения обороны Внезапной, а к концу 1837-го года были окончательно произведены и все работы.

До освобождения от осады кр. Внезапной, ни князь Бекович, ни Емануель не имели никаких сведений об участи казиюртовского укрепления, потому что никто из лазутчиков не мог туда пробраться, под опасением лишиться головы — и это конечно немало всех беспокоило. Однако оказалось, что, несмотря на разные попытки Кази-муллы, укрепление осталось целым и невредимым и отделалось [236] от неприятеля, при постоянных денных и ночных тревогах, без всякого для себя ущерба. Начиная с 20-го июня и переходя в июль месяц, партии, подъезжавшие к укреплению или для рекогносцировки его, или с хищническою целью, при особенной бдительности гарнизона и распорядительности воинского начальника штабс-капитана Тарасевича, были разгоняемы и не воспользовались ни одним бараном; жители же селения Казиюрта, передавшиеся Кази-мулле и оставившие свою деревню, не смели появиться в ней ни для какой нужды, так как их тотчас приветствовали наши орудия и заставляли убираться вон. С освобождением Внезапной значительно облегчилось и положение казиюртовского гарнизона.

Емануель не мог удовлетвориться одним отступлением Кази-муллы. Нужно было или вовсе удалить его из кумыкских владений, или, по меньшей мере, разбить его скопище, дав мятежникам чувствительный урок. Для этого 1-го июля, в два часа пополуночи, войска выступили из лагеря при крепости Внезапной к ур. Чумлы двумя колоннами в следующем порядке: 1) сотня казаков, два конных орудия, рота Крымского полка, два пеших орудия, рота кавказского линейного № 7 батальона, две роты Севастопольского полка, четыре сотни казаков; 2) две роты егерей, два пеших орудия, рота егерей, пешее орудие, конное орудие, рота егерей, два конных орудия, триста казаков. На рассвете, в четырех верстах от крепости авангард был встречен засевшим в лесу неприятелем, который сразу осыпал его массою пуль. Загорелась бойкая перестрелка, среди которой стрелки наши, переходя время от времени в штыки, последовательно вытесняли горцев из лесной чащи. Но движение это происходило чрезвычайно медленно, потому что личное присутствие Кази-муллы, одушевляя его толпы, придавало [237] им особенное упорство. Чтобы ускорить следование авангарда, Емануель выехал вперед и сейчас же был ранен пулею в грудь навылет. Князь Бекович, приняв начальствование над войсками и подвинув к стрелкам резервы, выслал вперед часть орудий, в

поддержку цепей, и, при содействии их картечи, пошел на штыках. Он достиг цели очень скоро: лес был очищен; завалы, устроенные при выходе из него, взяты один за другим; урочище Чумлы поступило в наше распоряжение, и оставался только впереди сильно укрепленный аул Акташ-Аух, в котором заседал самый цвет скопища имама. Обстреляв его густым орудийным огнем, князь Бекович направил к нему тех самых егерей, которые уже трижды пролагали себе дорогу сквозь толпы Абдуллы в кр. Внезапную — и Акташ был также взят после десятиминутного, но жестокого рукопашного боя.

Пока войска опустошали селение, а потом, заложив в разных местах горючие снадобья, давали ему время разгореться, и сами отдыхали — Кази-мулла повернул свои толпы назад, опять овладел лесом, с необыкновенною поспешностью перегородил дорогу засеками и перерезал ее глубокими рвами. Князь Бекович, узнав о том, взял другое направление; но, к удивлению, Кази-мулла и здесь его предупредил тем же порядком, так что едва вытянулись войска, как были схвачены огнем по всему пути их движения. Тяжело досталось им это отступление, в особенности с той минуты, как они втянулись в дефиле, пролегавшее между горами, покрытыми непроходимым лесом. Здесь, чтобы задержать нас на каждом шагу и ознаменовать его новою жертвою, Кази-мулла не упускал из вида ни одного сколько-нибудь объемистого дерева, не оставлял без внимания ни одной густой верхушки его и, благодаря своей четырнадцатитысячной [238] массе, поражал нас жестоко. Мы не знали, куда нам удобнее отстреливаться, потому что град пуль несся и с высот, и с отлогостей, и как бы откуда-то снизу — что доказывало стрельбу лежмя или на коленях. Под таким адским огнем устоять было трудно даже кавказским солдатам — и они, наконец, смешались и пришли в беспорядок. Князь Бекович употреблял все усилия, чтобы возвратить войскам присутствие духа: сам, как простой солдат, бросался вперед с обнаженною шашкою и переменил под собою две убитых лошади; наскоро собирая то там, то сям расстроенные роты, он успевал их ободрять, водил в штыки — и все-таки не мог добиться того, чтобы дать решительный отпор неприятелю. Наконец, оставшись в арьергарде с последнею частью, и приняв на себя непосредственное командование ею, он здесь достиг кое-какого порядка и по возможности восстановил равновесие боя, — как вдруг получил донесение, что авангард атакован и далее следовать не может. Передав начальство над арьергардом командиру Волгского казачьего полка полковнику Ушакову, он поскакал вперед, вскоре и здесь устроил войска, а затем открыл им дальнейшее движение. Пользуясь его отбытием, Кази-мулла стянул назад несколько тысяч человек и с необыкновенною решимостью опять ударил на арьергард, бросившись в то же время на орудие батарейной № 1 роты 20-й артиллерийской бригады. Полковник Ушаков был убит; артиллерийские лошади и вся прислуга мгновенно пали; вдобавок к этому, по какому-то несчастному случаю переломилась под одним орудием ось — и оно очутилось в руках у горцев. Напрасно офицеры истощали все силы, чтобы возвратить нижним чинам их стойкость. По словам Емануеля 3: [239]

«Они ободряли их беспрестанно, приводя в возможный порядок и заступая нередко место простых солдат — отчего мало кто из них не был ранен или контужен, и почти у каждого были побиты или лошади, или прострелены платья».

Но все-таки мы не могли возвратить орудие, которое осталось предметом торжества Кази-муллы, вместе с зарядным ящиком и двумя патронными. Что было бы далее — трудно сказать; но на счастье подоспел из Байрам-аула резерв, в составе батальона 40-го егерского полка, двух рот Севастопольского и двух орудий — и обстоятельства переменились. Оградив усталые

войска густою цепью, и в этом построении опрокидывая все атаки неприятеля, прибывшее подкрепление дало возможность отряду вырваться, наконец, из рокового дефиле и устроиться. В пять часов вечера он прибыл в лагерь. В этом жарком деле мы лишились убитыми одного штаб, двух обер-офицеров и 111 нижних чинов; ранеными — одного генерала, трех штаб-офицеров, восьми обер-офицеров и 249 нижних чинов; контуженными — семи нижних чинов. Рана Емануеля была хотя и сильна, но не опасна, и он в скором времени рассчитывал получить «совершенное исцеление».

Виновником злополучного исхода сражения Емануель считал кн. Бековича; но последний, в свое оправдание, донес ему, что с изнуренными солдатами, которые без воды сражались 12 часов, он не нашел возможным выручить орудие и ящики, тем более, что все остальные орудия солдаты во время дела тащили на себе. Обиженный упреком, кн. Бекович просил расследования, так как обвинение считал для чести своей оскорбительным, и, в случае действительной его виновности, требовал предания его суду. Но дело улеглось без последствий, и разве только послужило новым материалом [240] для обострения отношений между двумя генералами, которые и без того были достаточно натянуты.

После 1-го июля Кази-мулла стал укрепляться у деревни Болтугай, возле старой канавы, на правом берегу Акташа. Кумыки убедительно просили его, чтобы он выдвинулся в поле и этим предоставил бы им возможность убрать с полей хлеб; но имам, не будучи в состоянии исполнить это потому, что значительная часть чеченцев выбыла из его скопища для полевых работ, обещал удовлетворить их требование лишь тогда, когда из Дагестана прибудут к нему ожидаемые подкрепления в числе будто бы 20 тысяч человек. Кумыки теперь только увидели, что сами себя поставили между двух огней: им нельзя было возвратиться к прежней покорности, потому что они допустили Кази-муллу выслать все их семейства в Салатавию и, в случае ослушания ему, рисковали их потерять; также нельзя было позаботиться о прокормлении себя и этих семейств в будущем. После некоторого размышления они, наконец, решили приняться за уборку хлеба и без покровительства Кази-муллы; но Емануель, узнав об этом, направил к Костеку летучую колонну кн. Бековича. Последний 8-го июля, действительно, захватил жителей в поле на работе, рассеял их, положил на месте до десяти человек, 17 взял в плен и отбил 78 штук рогатого скота. Тогда кумыки совсем пришли в отчаяние, а Емануель, пользуясь этим случаем, послал им прокламацию такого рода:

« Кумыки! Будучи издревле покорными России, вы оставили ныне свои жилища и свои поля, содержащие ваше пропитание. Увлеченные обманщиком и изменниками владельцами вашими в горы, вы забыли данную вами присягу. Внимая к причине вашего заблуждения и постигшего вас несчастья, Высочайшим именем великого Императора я объявляю вам всепрощение, если [241] только вы тотчас же возвратитесь в дома свои с чистосердечным раскаянием и беспрекословно исполните требования российского правительства; в противном случае страшитесь всех предстоящих вам бедственных несчастий».

Чтобы эта прокламация возымела свое действие — нужно было время и толчки извне; но этих толчков, для нас благоприятных, пока не было. Между тем Кази-мулла, отказав кумыкам в пособии, сейчас спохватился — так как нельзя, в самом деле, бросать на волю судьбы народ покорный — и велел своим сподвижникам оказывать им содействие; поэтому кумыки, за исключением немногих, примирились с ним и не дали значения воззванию Емануеля. Видя это, кн. Бекович просил Панкратьева, чтобы он приказал Каханову произвести диверсию к Янгиюрту, в надежде, что рассеявшиеся жители Андреевой, Костека и Казиюрта оставят жатву

хлеба и, будучи затруднены приисканием себе надежного приюта за Сулаком, возвратятся к нашему покровительству и подчинению. Это, легко статься, могло бы послужить одним из тех толчков, которые нам были нужны; но дело в том, что, при событиях в Дагестане, подобная диверсия была не совсем возможна, а зоркое наблюдение Кази-муллы за кумыками, и в особенности за андреевцами, не давало надежды на успех предприятия. Партии, которые он привел из Дагестана, то и дело рыскали по кумыкской плоскости и в особенности вблизи деревни Андреевой; но, приветствуемые нашими крепостными орудиями, быстро удалялись. Наконец, около половины июля Емануель узнал из верного источника, что Кази-мулла намерен даже прервать наши сообщения с Тереком. Для противодействия ему он разделил отряд на две колонны: первая, при которой находился он сам, состоявшая из восьми рот 40-го егерского, двух сотен Волгского казачьего полков, двух [242] терского Семейного войска, трех Гребенского, полусотни Кизлярского, двух орудий № 1 батарейной роты 20-й артиллерийской бригады и семи конно-казачьей № 6 роты, была расположена при укр. Таш-Кичу для охраны наших сообщений с Тереком и наблюдения за окрестными аулами; вторая же, под начальством князя Бековича, из роты Севастопольского, двух рот 40-го егерского, четырех рот 43-го егерского полков, трех сотен Моздокского, двух сотен Горского казачьих полков, трех орудий батарейной № 1 роты 20-й артиллерийской бригады и пяти орудий конно-казачьих № № 5 и 6 рот, оставлена в лагере у Внезапной, где, угрожая неприятельским сообщениям, должна была удерживать за собою деревню Андрееву и препятствовать возмутившимся жителям убирать хлеб.

16-го июля полковник Шумский, с частью первой колонны, произвел усиленную рекогносцировку к слиянию Гудермеса с Сунжою, но неприятеля нигде не нашел. Так как вслед затем он показался в значительных силах возле Хасав-юрта, то 17-го числа вечером была поспешно командирована туда вся вторая колонна, с князем Бековичем, а из первой колонны батальон 40-го егерского полка, 400 казаков и пять орудий, вновь под командою Шумского. Последний пошел в обход правого фланга неприятеля, а князь Бекович ему в тыл. Обе колонны должны были соединиться на рассвете 18-го июля и произвести внезапное нападение на Кази-муллу; но когда они явились, он успел бежать. Емануель, видя, что его воззвание действует на кумыков весьма слабо, передвинул первую колонну на Ямансу, к Баташ-юрту, для содержания сообщения с крепостью Внезапною и для более удобного противодействия кумыкам в уборке хлеба; вместе с тем он изыскивал и всякие другие способы, чтобы оторвать от Кази-муллы передавшееся ему население и возвратить его [243] к прежней покорности. Хотя все его деяния были бледны и представляли собою меры палиятивные, но во второй половине июля казиюртовские князья прислали к шт. кап. Тарасевичу переговорщика, прося позволения возвратиться в свои дома и уведомляя, что половина жителей селения Казиюрта переправилась уже на правый берег Койсу, в уповании на известное давно и испытанное милосердие и всепрощение русского правительства. Тарасевич, без сомнения, не мог удовлетворить просьбу князей и предоставил это усмотрению кн. Бековича; со стороны же последнего своевременных распоряжений последовать не могло, так как Кази-мулла продолжал перехватывать всех и каждого, а с лазутчиков снимал головы. При таком условии трудно было даже за несколько червонцев найти надежного человека для сообщений с ближайшими к нашим войскам пунктами на кумыкской плоскости. В особенности в осадном положении был левый берег Сулака, как нормальная пограничная черта левого фланга кавказской линии, за которою Кази-мулла считал уже себя вполне обеспеченным. Берег этот поручен был охране костековских ногайцев, которые, нужно отдать им справедливость, с

полною добросовестностью исполняли это назначение и не пощадили даже своих тарковских соплеменников, когда они, 14-го июля, под предводительством Сулейман-паши, перегоняли его баранту на правый берег реки 4. Перехватив весь конвой оробевшего шамхала, едва спасшегося бегством, они доставили его своему имаму, а последний не замедлил воспользоваться этим случаем, чтобы казнить пленников и, повлияв таким террором на [244] тарковских ногайцев вообще, заставить их преклониться перед собою. К удивлению, он достиг своей цели этим странным путем.

Следуя данной Емануелем инструкции, кн. Бекович 21-го июля в полночь отправил на рекогносцировку к р. Сулаку подполковника Засса с 250 казаков, 200 егерей и тремя орудиями. Засс прямою дорогою прибыл на рассвете к Темир-аулу и обнаружил там весьма значительные толпы неприятеля, которые, засев в густых садах и вокруг деревни за плетнем, прикрывали полевые работы жителей Костека и Казиюрта. В виду явного неравенства сил, подполковник Засс не решился завязывать дела и возвратился в лагерь. Но князь Бекович не думал оставить безнаказанным покровительство, выраженное мюридами кумыкам, и на другой день двинулся по вчерашним следам Засса.

23-го июля, на рассвете, он подступил к Темир-аулу. Горцы, увидев колонну, снялись с места и потянулись в горы к Болтугаю. Бекович послал 200 казаков, под начальством Засса, чтобы выманить их в поле и навести на нашу пехоту, скрытую в засаде с двумя орудиями и сотнею казаков. Маневр удался как нельзя лучше, и в то время, как пехота и артиллерия встретили неприятеля жестоким беглым огнем, Засс с казаками ударил на него во фланг. Поражение было полное, и партия, расстроенная и разбросанная, бежала в горы. Колонна направилась вверх по берегу Сулака и, не доходя двух верст до ущелья, расположилась у реки лагерем.

В два часа пополудни мятежники снова начали выходить из ущелья и, собравшись толпами на покатостях гор перед Болтугаем, потянулись к деревне Андреевой, с намерением пресечь колонне возвратный путь. [245] Бекович, однако, не думал пока об отступлении. Оставив на месте вагенбург с достаточным прикрытием, он с остальными войсками, при шести орудиях, направился вслед за неприятелем и скоро нашел его в попутном овраге. Построив пехоту в дивизионные колонны, он двинулся вперед и, подойдя на близкий ружейный выстрел, открыл картечный огонь. После кратковременной беглой пальбы он бросил пехоту с фронта, моментально выбил толпы из оврага и пустил на них кавалерию с флангов. Они бежали без оглядки, оставляя на поле битвы тела своих убитых и десятками бросаясь в бурный Сулак. Мы обошлись без всякой потери, а горцам причинили между тем весьма чувствительный урон. Бекович решил остаться пока на избранном им месте у р. Сулака, чтобы прекратить неприятелю выход из ущелья к Костеку и на поля. Эта угроза подействовала и на кумыков, убиравших жатву по правому берегу реки, и они, оставив работы, стали уходить к салатавцам. Князь Бекович донес Емануелю, что пока салатавцы не будут возвращены к покорности, они не позволят жителям Андреевой, Костека и других деревень выходить из гор, и мы не увидим их на плоскости. Последствия показали, что такое заключение вполне справедливо, и мы, действительно, бились с кумыками без результатов до октября месяца, пока не заглянули в Салатавию.

Кази-мулла, стремясь удержать при себе кумыков, измыслил для этого весьма странный прием: уничтожать их аулы, чтобы, лишив жилищ, принудить поселиться в горах. 24-го июля он, в виду наших войск, произвел первый опыт на деревне Андреевой и испепелил третью часть этого громадного населенного пункта. Князь Бекович в это время сжигал хлеб кумыков

на покатостях гор и увидел пожар только тогда, когда, [246] повернув обратно, прибыл на реку Акташ и тронулся к переправе. Конечно, никакой помощи Андреевой он оказать не мог — что крайне возмутило генерала Емануеля, который выразил ему свое неудовольствие в довольно жестком упреке, последовавшем уже не в первый раз. Он велел ему немедленно возвратиться к Внезапной и оберегать д. Андрееву, как важнейший пункт, от которого зависит покорность кумыков. Вследствие этого, вторая колонна, 25-го числа, тотчас по получении этого приказания, повернула обратно и в полночь прибыла на место своего прежнего лагеря. По поводу этого обстоятельства между кн. Бековичем и генералом Емануелем возникло крупное пререкание, при котором, как бывает обыкновенно, личные счеты пошли в ущерб делу. Князь Бекович доносил, что не имеет возможности отстаивать Андрееву на ее трехверстном протяжении, не занимая ее войсками к стороне неприятеля, и «одною военного хитростью» спасать ее не может.

«Из сего же повеления вашего вскпр. — писал он — к совершенному моему прискорбию, вижу, что вы недовольны моими действиями. Когда действия мои не оправдывают меня перед в. высокопр., я нахожу бесполезным снова оными занимать вас. Не может быть более неприятности для чиновника, движимого усердием к пользе службы, когда он не может оправдать доверенность своего начальства. Как я вижу, опытность и дальновидный гений вашего вскпр. требуют при теперешних обстоятельствах генерала для командования отрядом с высшими способностями, чем я одарен; но дабы по части мне вверенной служба не могла упустить что-либо из вида и из предположений в. в., неугодно ли будет командуемый мною отряд поручить другому» 5.

В то время, когда мы всеми способами старались отторгнуть кумыков от Кази-муллы, он, наоборот, [247] стремился вновь поднять жителей большой Чечни, значительная часть которых, по снятии осады кр. Внезапной, возвратилась домой для полевых работ. Вместе с тем он употреблял все меры, чтобы отвлечь от нас на свою сторону население малой Чечни и Качкалыковского хребта, которое впрочем оставалось нам лишь наружно преданным, и именно потому, что не хотело, подобно кумыкам, попасть среди двух давлений. Разница между нашими усилиями и стараниями нашего противника состояла в том, что мы ни в чем не успевали, а он, наоборот, в непродолжительное время достиг весьма многого.

Кази-мулла по необходимости отпустил чеченцев по домам, так как иначе они сами разбежались бы для обеспечения своих семейств на зиму. Он это понимал хорошо. Но толпы, оставившие его, были ему крайне необходимы — во-первых, в виду сравнительного бессилия нашего отряда и возможности, вследствие этого, устроить нам какую-нибудь весьма невыгодную проделку; а во-вторых, для того, чтобы ими придерживать ненадежных кумыков, которые без подобного влияния легко могли отпасть. В силу последнего обстоятельства, считая свое личное присутствие на кумыкской плоскости крайне необходимым, Кази-мулла в половине июля возложил новый призыв чеченцев на своих шихов и других помощников, которых было теперь довольно: Мустафа-кадий герменчукский, Абдулла, Авко, Иса гельдыгенский, мулла Алхадур мамакай-юртовский, Аджи-Енджи и др. В особенности он много рассчитывал на эту последнюю личность, которая оказалась завзятым мюридом, преданнейшим своему имаму, и притом усердным, решительным и ловким агитатором. Все эти ревностные пособники его разъезжали по деревням с приказанием, чтобы каждые десять человек выставили от себя одного хорошо вооруженного и [248] направили бы составленную таким образом партию к старому Аксаю, для отвлечения нас от Андреевой. Мустафа-кадий

герменчукский и приближенные к нему его односельцы в особенности поджигали легковерное население, чтобы не им одним отвечать перед нами за измену, а Аджи-Енджи, между прочим, начертал заранее чеченцам диспозицию такого рода: он приведет к ним беглых кабардинцев и карабулаков, к которым тотчас отправляется; когда они прибудут, то все вооруженные люди зааргунских деревень должны идти в кумыкские владения, а остальные, с явившимся к ним подкреплением — на Грозную; если же кабардинцы и карабулаки не прибудут, то чеченцы могут обойтись и без них — не нарушая, однако, предначертанного плана.

Жители малой Чечни не совсем единодушно приняли это предложение, но и вполне игнорировать его также не могли, тем более, что Кази-мулла прислал к ним небольшую партию гумбетовцев, во главе с преданным ему мюридом Энглик-Гака, и обещал еще выслать до 500 человек будто бы для усиления их и содействия им, а в сущности для надзора и угрозы — прием, который впоследствии практиковал часто и Шамиль, зная легковерность и непостоянство чеченцев. Малочеченские старшины, под влиянием Мустафы-кадия и Аджи-Енджи, назначили народу место для общего собрания между сс. б. Атага и б. Чечень — и к указанному времени обширная равнина закипела массою пеших и конных. Но, как обыкновенно бывает в такой громадной сходке, мнения разделились, и окончательного, категорического решения не последовало. Хитрые чеченцы положили так, чтобы никому не было обидно, а именно: прекратить с нами сношения и допустить поездку в Грозную только одним аманатским хозяевам; всякого же другого штрафовать за это [249] пятидесятью рублями; Кази-мулле они просили доложить, что готовы взяться за оружие, но лишь тогда, когда к ним явится солидная партия, к которой бы они могли присоединиться и иметь перед нами оправдание, что принуждены были к тому необходимостью и силою. Но Кази-муллу не легко было усладить или усыпить разными обиняками: он приказал Мустафе-кадию собрать герменчуковцев и других большечеченцев, явиться с ними к аулу малый Чечень и прочитать населению его решительную рекламу. Мустафа, с партиею до шестисот человек, 24-го июля прибыл по назначению и в точности исполнил волю имама. В воззвании к малочеченцам было сказано, что им предлагается в третий и последний раз исполнить требование имама, с тем, что если они уклонятся, то лишатся всего имущества, а более виновные и старшие среди них — и своих голов. Рассуждать далее было нечего и на другой же день от покорности нам отказались шестнадцать аулов, преимущественно малочеченских. Аджи-Енджи тем временем весьма успешно повлиял на кабардинских абреков и на ингуш, а именно — цоринцев, карабулаков и галгаев. Первые из них собрались в деревне Катар-юрте и, пристроив к себе часть герменчуковцев, атагинцев и других чеченцев, пустились в землю ингуш для соединения с ними, образовали партию свыше пятисот человек и открыли свои похождения вдоль всей военно-грузинской дороги от Екатериноградa до Дарьяла, с целью, между прочим, напасть на имения кн. Бековича-Черкаского и других кабардинских владельцев 6. Хотя их экскурсии были неудачны, потому что все они нами предупреждены, но цель Кази-муллы оказалась достигнутою, потому что мятеж разгорелся с новою силою. Более существенным [250] проявлением его было сожжение близ Грозной наших нефтяных колодцев и всех при них строений.

Генерал Емануель, в виду этих явлений, приказал колонне полковника Шумского двинуться к Гудермесу, чтобы оттуда действовать на Старый-юрт и на наши терские аулы, если бы пламя бунта перекинулось на Терек; при Баташ-юрте он велел оставить только две роты пехоты, сотню казаков и два орудия, поручив князю Бековичу поддержать их, если Кази-мулла направится к старому Аксаю. 28-го июля Шумский прибыл к Гудермесу и расположился

лагерем по дороге в кр. Грозную. В тот же день Аджи-Енджи узнал из верных источников, что состав вновь прибывшего отряда Шумского ограничивается в общей сложности пятьюстами человек пехоты и казаков, и живо разослал гонцов собрать партию в окрестностях, чтобы произвести нападение на эти войска. В девять часов утра, 29-го июля, партия человек в 400-500 была уже готова и показалась вдали на хребте гор, в виду нашего лагеря. Полковник Шумский, не надеясь, в случае нападения, отстоять свою позицию с столь незначительным числом войск, тотчас снял лагерь и двинулся к укреплению Амир-Аджи-юрту, куда прибыл в час пополудни. Таким образом, Аджи-Енджи без боя вытеснил нас из мест, занятие которых нами считал для своих видов неудобным. Последствием этого было удаление в горы более половины жителей Гудермеса, а также и Умахан-юрта, под предлогом, что они боятся прибытия к ним Кази-муллы. По следам же Шумского разнесся слух, что Кази-мулла приблизился от Акташ-Ауха к старому Аксаю; но наша рекогносцировка опровергла это известие. В действительности, имам соображал нечто иное: направив опять дела в Чечне на надлежащую дорогу, и не опасаясь пока за отпадение от него кумыков, он 1-го [251] августа взял с собою все тяжести и орудие, отбитое у нас 1-го июля, и отправился в Черкей — как говорили, для того, чтобы набрать там партию, которую салатавцы, не взирая на его требования, будто бы ему не высылали. Садясь на коня, он получил письмо от Умалат-бека кум-теркаленского, чтобы непременно прибыть в Дагестан, так как отсутствие его вредно влияет на преданных ему жителей, которые, думая, что он более не вернется, стремятся к прежней нам покорности. Тем не менее, Кази-мулла не изменил своего маршрута, обещав вернуться через 3-4 дня. Абдулле он приказал привлечь к тому времени наши мирные качкалыковские деревни и действовать в этом же духе на аулы по Гудермесу; жителям д. Андреевой велел селиться и строиться на указанных им местах, под опасением жестокого наказания за ослушание; в заключение, избрав четырех надежных мюридов, он их отправил, с одним из шихов во главе, с воззванием к закубанским горцам.

По отъезде имама партия малочеченцев, кабардинцев и ингуш, имевшая свое местопребывание, в ожидании усиления ее для нападения на Грозную, в пятидесяти верстах от этой крепости, в горах, расстроилась, и жители Атаги, Чах-кери, Мартана, четырех аулов по р. Рошне и некоторых других оставили ее; атагинцы, кроме того, прислали в Грозную своих представителей с извинением за нефтянский набег и с просьбою о прощении. Из жителей большой Чечни также многие опять ушли в дома доканчивать прерванные работы, и если бы не Мустафа-кадий и не Аджи-Енджи, то, пожалуй, и все бы они разошлись; но эти два лица придержали все-таки значительную часть из них, в ожидании приезда имама и его дальнейших распоряжений. Кумыки, претерпевая страшную нужду, также готовы были все возвратиться к нам; но, будучи рассеяны повсюду, [252] они не имели распорядителя, который бы исполнил для них роль Моисея и вывел бы из тяжкого плена мюридов. Зато главнейшее желание Кази-муллы осуществилось весьма удачно: качкалыковцы не отказались от предложения усердного шиха Абдуллы, но объявили ему вновь то же, что говорили и прежде, а именно — что примкнут к имаму тогда, когда он приведет с собою лезгин. Абдулла удостоверял, что это будет непременно — и не обманул, так как 4-го августа Кази-мулла, действительно, прибыл из Черкея с старшиною Джамалом и с муллою Чаловым и привел с собою 400 конных салатавцев, которых поставил в Аухе для наблюдения за андреевцами, обязанными там устраиваться. Качкалыковцы сдались. Едва имам думал приняться за дальнейшие распоряжения, как опять получил письмо из Дагестана, на этот раз, по догадкам нашим, от муллы Магомета ярагского, чтобы скорее приехать, иначе отложившийся от нас

народ не в силах сопротивляться нам и должен будет смириться. Настояние было настолько решительное, что Кази-мулла тотчас же выехал, оставив своим представителем в Чечне Абдуллу, а у ауховцев Джамала. Последний немедля потребовал у населения аманатов, чтобы обеспечить его верность своему имаму на случай неблагоприятного для него оборота дел; но они ему отказали, и вышло маленькое недоразумение, заронившее между двумя народами семя выгодного для нас неудовольствия. Благодаря пребыванию Джамала на нашей почве, мы узнали степень отношения и доверия салатавцев к Кази-мулле. Джамал говорил андреевскому первостепенному узденю Сотову Кандавурову, что привязанность дагестанцев к имаму далеко не та, что прежде, и многие понимают, что вовлечены в заблуждение; но пока он силен — все стараются угодить ему и держатся его власти из опасения жестоких наказаний, [253] которыми он вообще не стесняется. За Кубанью, однако, где горцы не были еще близко знакомы с Кази-муллою, и куда доходили о нем разные сведения в увлекательном и фантастическом виде, как о каком-нибудь сказочном герое, он сразу нашел отголосок. Не прошло и десяти дней после отправленного им туда воззвания, как абадзехи с восторгом ответили ему на призыв, стали быстро вооружаться и составлять значительные сборища против центра кавказской линии; к ним начали присоединяться и прочие народы. По поводу этого Емануель доносил управляющему главным штабом графу Чернышеву:

«Общее волнение колеблет покорные нам народы — что особенно заметно между бесленеевцами, которые, впрочем, до сих пор не изменили нам».

Быстро подходила 1-я бригада 14-й пехотной дивизии. 11-го июля г. м. Таубе 1-й повернул из Егорлыка, назад и следовал на линию с сокращением десяти дней против прежнего своего маршрута. Генералу-от-кавалерии Емануелю было также послано очень лестное предписание 7, что Государь Император, «желая преподать ему все средства к скорейшему исцелению от раны», соизволил освободить его от всех служебных обязанностей и назначил командующим войсками на линии генерал-лейтенанта Вельяминова, которому об этом и предписано. Но до прибытия Вельяминова и вступления в должность, Емануель продолжал оставаться на своем посту, значительно успокоенный оборотом дел в Чечне, которые он находил вполне удовлетворительными. Тем не менее он не оставлял своего решения относительно набегов на поля для понуждения кумыков возвратиться к прежней покорности и, как в силу этого, так равно и по случаю приближения бригады Таубе, на 4-е [254] августа преподал войскам особую диспозицию (приложение IX). На основании ее все войска левого крыла, вместе с прибывающими, разделялись на два отряда — генералов барона Таубе и кн. Бековича, и из них последний, кроме того, на две колонны; каждому из отрядов указаны район и даже направление действий.

В силу подтверждения о производстве набегов, подполковник Засс, которому пока была вверена, во втором отряде вторая колонна, в полночь на 4-е августа, с пятьюстами казаков и четырьмя конными орудиями, предпринял поиск к Темир-аулу. Хотя колонна была открыта неприятельским пикетом за две версты до деревни, и тотчас выстрелом сообщена тревога; но это не спасло укрывавшуюся в ауле партию, которую Засс все-таки успел атаковать и рассеять. У нас потери не было, а у неприятеля убито 5, взят в плен 1 и захвачено свыше 40 штук скота. Через сутки, в ночь на 5-е число, набег был повторен к аулу Костек, с пятьюстами казаков, тремя конными и одним пешим орудием, и с двумястами человек пехоты. Подойдя к деревне, Засс приказал двум сотням казаков ее обскакать и преградить выход мятежникам к Сулаку. Когда же он услышал за деревнею перестрелку, то двинулся на помощь казакам еще с одною

сотнею и с двумя конными орудиями, окончательно рассеял партию, взял в плен двух человек и захватил 16 штук скота. У нас ранен 1 казак; неприятель оставил три тела. Переправившись затем на правый берег Сулака, Засс разыскал там другую, более значительную, толпу, которую тотчас разбросал беглым картечным огнем.

Первым вступил в кр. Грозную 7-го августа Московский пехотный полк. Прибытие на линию бригады, отсутствие Кази-муллы, ослабление неприятельских сил, [255] тяжкое положение кумыков и охлаждение чеченцев обещали нам возможность приведения в порядок дел на левом фланге линии. Оставалось только энергично идти к цели и, так сказать, добивать ее до конца, пока дела Кази-муллы не поправились вновь. Емануель решил начать с костековских ногайцев, которые как бы подали сигнал другим народам к возмущению и первые изменили нам, примкнув вместе с кумыками к партии Кази-муллы. Расположившись между Тереком и Сунжею, они занимали дорогу от Кизляра в северный Дагестан и тем прервали наши сообщения с Дербентом. Бековичу было поручено двумя скрытными ночными переходами достигнуть места их расположения, и если они добровольно не сдадутся, то принудить их к тому силою оружия.

Князь Бекович выступил из Таш-Кичу к с. Костек 9-го августа с двумя батальонами 40 егерского полка и пятью орудиями батарейной № 1 роты 20-й артил. бригады. В Костеке он присоединил к себе кавалерийскую колонну подполковника Засса, прибывшую из Внезапной, в составе донского казачьего Шурупова № 8 полка, 250 казаков Моздокского полка, 200 Горского и трех орудий конно-казачьей № 6 роты. С рассветом 12-го августа отряд был против маяка; но так как неприятеля здесь не оказалось, то он обратился к урочищу Ашимайлы. Здесь, на равнине, открылись перед ним кибитки костековских, тарковских и аксаевских ногайцев. Князь Бекович бросился к ним с казаками и конными орудиями, приказав полковнику Шуйскому следовать за ним с пехотою и пешею артиллериею. В кибитках, впрочем, почти никого не было, а все ногайцы, со своими стадами, находились при Учинской ватаге. Несмотря на их громадную численность, Бекович открыл бой, пустив несколько орудийных зарядов. [256] Ногайцы массою бросились в шашки на наших казаков, не сделав ни одного выстрела.

«Борьба произошла с остервенением с обеих сторон — доносил начальник отряда. Наконец, казаки, хотя с трудом, но превозмогли их усилия, причем подполковник Засс личною храбростью ободрял и подавал собою пример нижним чинам».

Атаки мятежников не прекращались в течение целого часа, несмотря на то, что были отражаемы преимущественно картечью. Когда же они увидели подходившую пехоту, то обратились в бегство, оставив нам в добычу до 15000 штук рогатого скота. Потеря их, вследствие положительной бестолковости атак, была чрезвычайная; у нас же убит казак 1 и ранено 7 нижних чинов. Спустя несколько часов, к князю Бековичу прибыли старшины костековских ногайцев и принесли совершенную покорность, предав себя русскому милосердию. Тогда имущество им было возвращено, но с тем, чтобы они в течение 24-х часов, с семействами, перешли бы к Лащурину и присоединились к тамошним ногайцам. Большая часть из них тотчас же двинулась по указанию 8. Сообщение с северным Дагестаном было открыто.

Преследование неприятельских партий производилось деятельно везде, где было возможно. В этот же день, т.е. 12-го августа, по сведениям о том, что одна из них, очень большая, собралась

в сел. Кошкельды, туда выступила в два часа пополуночи из лагеря при Таш-Кичу колонна полковника Пирятинского, из батальона Бутырского полка, 250 казаков Семейного войска и четырех конных орудий №№ 5 и 6 рот. Дело, впрочем, обошлось без боя, потому что с приближением наших [257] войск партия бежала. Но так как все же этот случай показал нам, что селение Кошкельды, в неблагонамеренности которого не было доселе признаков, явно сочувствует Кази-мулле, а затем мы узнали, что Абдулла присоединил к себе и старый Аксай, то, чтобы предотвратить новое распространение мятежа, Емануель с 13-го на 14-е августа командировал полковника Пирятинского, с батальоном бутырцев, 350 казаков и тремя конными орудиями, опять к селению Кошкельды.

На этот раз предприятие наше было несколько удачнее. Прибыв к деревне на рассвете, Пирятинский захватил там в полном сборе громадную партию, состоявшую из салатавцев, кумыков и чеченцев. Теперь она уж более не побежала, а при приближении нашем завязала жаркую перестрелку, по которой сейчас же можно было догадаться, что предводительствует войсками сам ших Абдулла. Загоревшийся бой привлек скоро подкрепления к горцам из разных мест, и когда они таким образом усилились, то с отвагою и дерзостью открыли свои атаки. После трех попыток, отбитых штыками и картечью, они, наконец, отступили, устлав поле своими трупами и оставив в наших руках 22 пленных и до 1500 штук рогатого скота. Немного отдохнув и приведя колонну в порядок, полковник Пирятинский направился обратно в Таш-Кичу. Абдулла не думал ему простить урона и обиды и поспешил заранее занять лес, через который пролегал наш путь. Едва войска втянулись в него, как горцы окружили их со всех сторон — и началось повторение боя 1-го июля, хотя с перипетиями для нас несколько более благоприятными. Скопище истощало все свои силы в беспрестанных атаках, несло огромные потери от наших штыков и артиллерийского огня, но не унималось в течение четырех [258] часов, до выхода колонны из леса, и с каждым разом становилось назойливее и ожесточеннее. По достоверным сведениям, дошедшим до нас на другой день, оно потеряло более 200 убитыми и около 500 ранеными 9. У нас убито 17 нижних чинов, ранены 4 обер-офицера и 91 рядовой, контужены три офицера и 8 нижних чинов.

«Сборище горцев после этого расстроилось — доносил генерал Емануель. Мятежники положили до возвращения Кази-муллы ничего не предпринимать против нас. Чечня осталась спокойною; одни кумыки были на стороне неприятеля, по причине рассеяния их в салатавских владениях. Покорение их не может быть совершено прежде глубокой осени, когда они будут принуждены от свирепствующих холодов в горах выгонять стада свои на равнины».

Уверенный в безошибочности своего убеждения, Емануель 16-го августа выехал на правый фланг, передав войска и дела в исключительное распоряжение кн. Бековича и предписав ему продолжать действия против кумыков в прежнем духе и направлении.

Однако же, не все обстояло в таком благополучии, как думал Емануель, и Чечня вовсе не была спокойною в тесном смысле этого слова. Партии рыскали по Тереку нередко в довольно солидных силах, и мы имели о них сведения, что они выделялись из одного большого скопища. Это доказывало, что сборище горцев вовсе не расстроилось. Они блуждали преимущественно вокруг станиц, но добычи имели мало. 20-го августа было произведено дерзкое нападение шестьюстами конных чеченцев на батальон 40-го егерского полка, прикрывавший при Амир-Аджи-юрте переправу скота, отбитого у ногайцев на Учинской ватаге. Так как пожива была довольно важная и [259] интересная, то партия несколько раз бросалась в шашки, думая расстроить батальон, но покушения ее были бесплодны. Потеряв

довольно людей и видя невозможность кавалерийскими атаками одолеть пехоту, она, наконец, удалилась в горы, ограничившись двенадцатью кое-как отбитыми волами и двумя лошадьми. Наша потеря в этом деле состояла из 18-ми убитых и 7-ти раненых нижних чинов.

Враждебное для нас настроение чеченцев усиленно поддерживалось, как и прежде, герменчуковцами, а затем и маюртупцами. Упорство их было до такой степени велико, что, например, несмотря на всевозможные ласковые, выгодные и уступчивые предложения, которые делал последним из них полковник Сорочан, они и знать не хотели никакого примирения — конечно, независимо от личных побуждений, вследствие влияния Абдуллы. Отложившиеся от нас маюртупцы пробавлялись в лесах за Сунжею и оттуда предпринимали против нас и свои похождения. 22-го августа Сорочан узнал, что часть из них вышла на левый берег реки для уборки хлеба. Он тотчас подхватил триста человек Московского полка, сотню егерей, 150 казаков и два орудия и отправился на поиск. Благодаря быстрому и удачному наскоку с казаками чеченского пристава есаула Золотарева, маюртупцы были накрыты в балках и оврагах в трех верстах от дороги. Предприятие их расстроено, и они разбежались, лишившись 17-ти пленных и 12-ти штук скота.

Наконец, 1-го сентября Абдулла, по вызову имама, убрался в Дагестан, где присутствие его считалось крайне необходимым. Уезжая, он обещал скоро возвратиться назад вместе с Кази-муллою, а до того времени поручил салатавцам строго следить за андреевцами, охранять их на полевых работах и в точности исполнять [260] веления имама. Тогда только стало тише, обширные собрания прекратились, и ни о каких важных предприятиях пока сведений до нас не доходило. Только Авко сидел в верховьях Мартана с шайкою герменчуковцев, человек в сорок, и там, выжидая событий, влиял понемногу на малочеченцев, не давая им остыть до приезда Кази-муллы. Выставив в разных местах караулы, он в то же время внимательно следил за нашими движениями, чтобы в случае опасности дать возможность жителям, ежечасно ожидавшим нашего возмездия, укрыться от наказания и спасти свои семейства. Сорочан, желая проверить это, 4-го сентября двинулся с небольшим отрядом в 450 человек пехоты, с двумя орудиями и 50 казаками, на рекогносцировку в ханкальское ущелье, и, действительно, убедился, что караулы есть, и даже очень исправные. При приближении его они дали сигнал, и жители ближайших мелких деревень тотчас разбежались в леса, где было скрыто их имущество. Но тут, между прочим, он увидел и веяние иное, доказывавшее, что и самое присутствие Авко не безусловно влияло на удержание в порядке дел имама: жители сел. Бердыкеля явились к нему с повинною, и, по получении обещания о пощаде, представили аманата, а также, по требованию нашему, и значительное количество строевого леса для крепостных построек в Грозной.

В начале сентября в командование войсками па кавказской линии и в Черномории вступил, наконец, генерал-лейтенант Вельяминов 3-й. Твердою и опытною рукою он взял в свое управление половину кавказского края, но не мог не изумиться положению, в котором застал ее. Он осторожно обрисовал его, спустя немного, в письме своем к корпусному командиру, где также слегка охарактеризовал и своего предместника: [261]

«Не хочу описывать официально бедственное состояние, в котором принял кавказскую линию; но почитаю себя обязанным сказать, что оно произошло от ошибочных распоряжений, продолжавшихся более четырех лет, и теперь без значительного прибавления войск дела не могут быть восстановлены. Долго и бесполезно было бы разбирать все действия генерала Емануеля во все время его командования 10. Но взгляните на распоряжения его в последнее

время: мятеж Кази-муллы мог бы немедленно быть прекращен, если бы без потери времени приняты были против оного меры. Но ему дали усилиться, а потом неудачными военными действиями еще более ободрили народ к участию в сем мятеже. Сначала участвовали в оном несколько человек из деревень койсубулинских и салатавских; но как при сем начале не были употреблены приличные к прекращению мятежа средства, то в оном принял участие почти весь Дагестан, все салатавцы, кумыки и чеченцы. Теперь при появлении Кази-муллы готовы присоединиться к нему почти все кабардинцы и все закубанские народы, с которыми находится он почти в беспрестанных сношениях. Средства, которые в прежнее время достаточны были для сохранения спокойствия по всей кавказской линии, теперь должны быть, по крайней мере, удвоены. После сего в. вскпр. не удивитесь, если я нахожу нужным по теперешним обстоятельствам требовать на кавказскую линию от двенадцати до пятнадцати тысяч пехоты и, по крайней мере, десять казачьих полков, из коих самая большая часть нужна на правом фланге. Сими средствами можно было бы скоро восстановить спокойствие. Что же касается до решительного покорения горцев, то на оное нужны еще другие способы», — о которых Вельяминов обещал донести впоследствии.

С тем вместе новый начальник линии приступил тотчас же к приготовлениям для утверждения полного спокойствия пока с теми средствами, которые оказались у него под рукою. Весть об этом быстро облетела весь [262] левый фланг, центр линии и Салатавию и еще быстрее достигла Кази-муллы. Тотчас же энергичный имам, со своей стороны, приступил к новым решительным распоряжениям по сбору войск и главное внимание обратил прежде всего на ногайцев, чтобы обратно привлечь их к себе. По его поручению, бежавший из деревни Костек отставной поручик Хан-Амызов стал собирать близ селения Миатлы толпы салатавцев, чтобы с ними направиться к ногайцам, переселить их на указанное имамом место и получить от них контрибуцию в числе 200 арб хлеба; если же бы ногайцы на это не согласились, то ему велено угнать у них скот и этим способом невольно заставить их идти туда, где будет укрыто все их достояние и средства к прокормлению. Мустафа-кадий выслал Хан-Амызову еще и сто человек чеченцев, а затем производил дальнейший сбор, направляя формируемые им партии в селение Болтугай. К 19-му сентября явился в Черкей и сам Кази-мулла, так как конечно для него уже не могло быть секретом, что первый удар за все неудовольствия, доставленные нам в недавнем прошлом, должны будут понести салатавцы.

Таким образом, брожение на левом фланге началось вновь и заняло собою все время, без выдающихся происшествий, до половины октября.

Комментарии

1. Дела: ставр. арх. 1831 г. № 96 и журн. в. происшествий на кавказской линии; военно-ученого архива главного штаба, отд. 2, №№ 3990, 3991, 3995, 3997.

2. 3-й батальон Севастопольского, две роты 3-го батал. Крымского, рота Кабардинского полков, рота 7-го линейного батальона, 250 казаков Волгского, 200 Горского, 50 Моздокского, 200 Гребенского казачьих полков, 3 орудия батарейной № 1 роты 20-й арт. бр., два № 5-го и два № 6-го конно-казачьих артиллерийских рот.

3. Донесение гр. Чернышеву 6-го июля 1831 г. № 597.

4. Тарковских ногайцев считалось 12 юртов; они кочевали на землях, принадлежащих шамхалу, по обеим сторонам р. Сулака. Южной границей кочевья можно считать устье р. Шура-Озень, а северной Аграханский залив и косу Уч.

5. Продолжение этой, в своем роде интересной, переписки внесено в приложение VIII.

6. Донесения Сорочана 26-го июля №№ 984, 985.

7. 21-го июля № 923.

8. Набег этот, между прочим, ознаменовался тем, что во время переходов у казаков пало от какой-то ядовитой травы 23 лошади.

9. Журн. в. д. Дело воен. уч. арх. гл. шт., 2 отд. № 3995.

10. Генерал Емануель был начальником линии ровно пять лет.

Текст воспроизведен по изданию: Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник, Том 13. 1889

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

ВОЙНА НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

С 1824 ПО 1834 г.

В СВЯЗИ С МЮРИДИЗМОМ

XVII.

Дагестан. Рекогносцировка. Измена с. Параула. Занятие Кази-муллою г. Тарки. Осада кр. Бурной. Поражение скопищ и освобождение крепости. Усмирение Талыши. Новый призыв имама. Волнение в южном Дагестане. Ряд нападений. Отложение мехтулинцев. Усиление отряда. Возвращение к покорности мехтулинцев и части шамхальцев. Меры к усмирению остальных шамхальцев. Пассивное положение нашего отряда. Возмущение в Табасарани. Приведение жителей ее в прежнее повиновение. Восстание Кайтага и вновь Табасарани. Письма Кази-муллы. Осада Дербента. Вылазки. Освобождение. Ослабление сил Кази-муллы. Его мероприятия к новому округлению дел. Быстрое возрастание сил.

По выступлении отряда Таубе из Дагестана, в ведении г. м. Каханова остались два батальона куринцев, 6 орудий легкой № 3 роты 21 арт. бр., сотня казаков и 700 всадников, которые он расположил лагерем близ Тарки. На другой день, по представлению воинского начальника кр. Бурной, он командировал две роты для сопровождения к берегу моря Абу-Муселима, который был посажен на военный бриг и отправлен в Астрахань. По исполнении этого поручения, роты возвратились в лагерь. Вслед за тем Каханов, получив сведение от и. д. дербентского коменданта, что кайтагцы приглашают вольных табасаранцев для нападения на наши сообщения между Дербентом и Тарки, а также лично убедившись в самом неблагоприятном

для нас положении дел, настоятельно просил Панкратьева поскорее усилить его войска, так как «только одними наступательными действиями мог убедить непокорный народ в ничтожестве его скопища». Панкратьев, вполне разделяя его взгляд, и указывая ему на предстоящее прибытие Апшеронского и казачьего Басова [264] полков, как бы ободрял его тем, что он к 1-му июля сосредоточит сильный отряд близ старой Шемахи, и если обстоятельства не изменятся — сам прибудет с ним в Дагестан. Г. м. Каханов, видя, что всего этого придется ждать довольно долго, а дела между тем требовали безотлагательного разрешения, заключил пока обойтись своими наличными средствами, «полагаясь на помощь божию». 20-го мая он взял с собою две роты, два орудия, 25 казаков и 400 человек мусульманской конницы и отправился с ними «осмотреть место при селении Атлы-Боюн, где так сильно заперлись мятежники». Подойдя к роковому для нас ущелью, ознаменованному боем 8-го мая, он послал охотников обозреть завалы. Они оказались пусты. Тогда он двинул свою колонну и приблизился к самому селению. Но и здесь никого не было, даже жителей, а следы свежего еще опустошения удостоверяли, что скопище исчезло отсюда час или два назад. Испепелив деревню, Каханов возвратился в лагерь.

Кази-Мулла оставил позицию у Атлы-Боюна не потому, что устрашился нашего отряда, а вследствие приглашения жителей селения Параула и их кадия Гасан-Гусейна. Прибыв к ним беспрепятственно, он, первым делом, учинил кровавую расправу над начальником караулов, гелинским беком Султан-Мута; потом сжег шамхальский дом, разграбил имение Абу-Муселима и приближенных к нему людей и 22-го числа, со всеми жителями, удалился в Казанище. Частью по убедительной просьбе шамхала спасти от погрома мятежников жителей Карабудах-кента и Гели, а более для того, чтобы предотвратить их измену и присоединение к скопищу, г. м. Каханов 23-го мая выступил из Тарки в Параул, запросив предварительно Сулеймана, может ли он удержать прямую дорогу через горы в свою резиденцию, и получив от него на [265] это твердый и уверенный ответ, 25-го мая отряд прибыл в Параул, но и здесь не нашел никого: часть скопища Кази-муллы уже перенеслась в Буглень, к Муселим-аулу и Казанище, а он сам, с другою частью, направился прямою дорогою в Тарки. Сулейман-паша, вместо того, чтобы преградить ему путь, поспешно бежал в крепость Бурную со всем своим семейством и с пятидесятью нукерами; значительная часть населения, в числе до тысячи человек, также искала спасения в стенах крепости, но воинский начальник майор Федосеев, не рассчитывая на ее преданность нам, не впустил никого; он расположил ее на высотах с правой стороны, под нашими пушечными выстрелами, и велел защищать город. На глазах шамхала Кази-мулла, пустив разъезды по шамхальской равнине, безнаказанно разграбил аулы Теркале, Альборю-кент и другие предместья, угнал их скот и предал огню на берегу моря наш карантин, с имуществом и складами, находившимися на пристани. К счастью, караул успел спастись на лодках и отплыть в море на рыболовные суда. Через час после того Кази-мулла обложил Тарки с левой стороны и вступил в слабую перестрелку с жителями, которые, будто бы повинуясь приказание воинского начальника, засели в домах, оставив на горе свои семейства и имущество. Таким образом, имам сдержал свое слово, данное Абу-Муселиму.

Майор Федосеев, усмотрев явную опасность для крепости Бурной, хотя и имевшей 25 орудий (24 шестифунтовых чугунных пушки № 4 роты 12-й гарнизонной артиллерийской бригады и одна 6-ти-фунтовая медная легкой № 3 роты 21-й артиллерийской бригады.), но предоставленной сравнительно слабой живой силе, в числе всего 516-ти защитников, включая офицеров и торговцев, распределил оборону следующим образом; за [266] пороховым погребом — грузинского линейного № 11 батальона 10 рядовых, при одном унтер-офицере;

для прикрытия нижних ворот и двух башен — Куринского п. полка обер-офицер 1, унтер-офицер 1, рядовых 19 и грузинского линейного № 11 батальона унтер-офицер 1, барабанщик 1, рядовых 15, с одним дербентским жителем; при главных воротах — Куринского пехотного полка обер-офицеров 2, унтер-офицеров 7, музыкантов 2, рядовых 80 и армян 12, при одном орудии легкой № 3 роты 21 артиллерийской бригады; на первом бастионе и по куртине к воротам, для обороны и в помощь артиллеристам — Куринского пехотного полка обер-офицер 1, грузинского линейного №11 батальона унтер-офицеров 9, музыкант 1, рядовых 82 и при орудиях — гарнизонной артиллерии офицер 1; по стенам крепости до второго бастиона, в помощь к орудиям и по бойницам — Куринского пехотного полка обер-офицер 1, грузинского линейного №11 батальона унтер-офицеров 10, барабанщиков 3, рядовых 90; в резерве ко вторым воротам — унтер-офицер 1, рядовых 10; на втором бастионе, по неимению фронтовых — провиантский офицер 1, а в помощь к орудиям и для обороны — Куринского пехотного полка унтер-офицер 1, рядовых 30, донских казаков Шурупова полка 10 и дербентских персиян 4; по стене и до последней батареи, в помощь к орудиям и для обороны — за артиллерийского офицера из разжалованных Куринского пехотного полка, рядовой, для действия пушечными выстрелами, и команда того же полка — офицер 1, больничный надзиратель и 6 его служителей, а также грузинского линейного № 11 батальона — тоже больничный надзиратель с тремя служителями и 5 рядовых; на главной гауптвахте, в карауле, для присмотра за арестантами — Куринского пехотного полка унтер-офицер 1, рядовых 15; [267] на отводной батарее за крепостью из разных рот Куринского полка унтер-офицеров 5, рядовых 16 и линейного № 11 батальона рядовых 5. Так как при наличных силах гарнизона нельзя было занять людьми всех бойниц, которых насчитывалось свыше 800, то остальные нижние чины, свободные от караульного распределения, стянуты были в резерв для оказания пособия тем пунктам, где надобность укажет.

Ночь прошла спокойно. В полдень, 26-го мая, Кази-мулла отрядил до пятисот человек и направил их к вольной ватаге, лежавшей у моря по дороге к Дербенту. По сигнальному выстрелу из крепости, люди успели спастись на лодке, но ватага была истреблена. В четыре часа пополудни для осмотра неприятельского расположения был послан поручик Куринского пехотного полка Гашбан, с вверенною ему ротою и одним полевым орудием. Он принес известие, что шамхальцы продолжают изредка перестреливаться с неприятелем, и последний пока ничего решительного не предпринимает. Вечером перестрелка прекратилась, жители куда-то исчезли и в одиннадцать часов ночи город окончательно был занят Кази-муллою. 27-го числа на рассвете скопище начало обходить Тарки с правой стороны, а затем полезло на гору, где находился обоз жителей. При доносившейся издали слабой перестрелке, из крепости видно было, как половина этого обоза отделилась и потянулась в горы, а другая быстро направилась к крепости. Большая толпа, сопровождавшая ее, была допущена к самым стенам, в уверенности, что она состоит из одних тарковцев, ищущих нашей защиты, — как вдруг часть этой толпы вскочила на плечи остальных, перепрыгнула за погребом стену и положила на месте караул из одного унтер-офицера, и трех рядовых; одновременно с этим другая [268] часть заняла извне все бойницы до первого бастиона и открыла по гарнизону сильный ружейный огонь. Среди атакующих оказались даже женщины, стрелявшие по гарнизону из пистолетов. Тогда стало ясно, что мы сделались жертвою самой гнусной измены.

Желая спасти погреб, Федосеев быстро призвал с других постов, где не было перестрелки, двух унтер-офицеров и тридцать рядовых линейного батальона, присоединил их к резерву и бросил за крепость на неприятеля в штыки. Короткий бой был молодецкий и жестокий; но сила

превозмогла, и наши солдаты, будучи опрокинуты, отступили к воротам. На фасе и на бастионе также грохотал неумолкаемый ружейный и пушечный огонь; но здесь картина являлась отраднее, потому что продольная стена за пороховым погребом была, наконец, очищена. Зато неприятель успел проломать заднюю стену и кинулся внутрь погреба, обольщенный заранее лакомою для него и крайне необходимою добычею. Воспламененный своим успехом также и у ворот, он ожесточенно стал наседать на отступавший резерв. Уже был близок момент, когда, усилившись быстро свежим подкреплением, горцы готовы были порешить участь резерва холодным оружием, — как вдруг раздался потрясающий гул, над погребом взлетело черное облако с десятками человеческих силуэтов, здания в крепости зашатались, повсюду пронеслись треск, бряцанье, дребезжанье — и затем на мгновение все притихло. Когда первое общее оцепенение миновало, Федосеев увидел, что в главных крепостных воротах сорвано несколько досок, и образовалась удобопроходимая брешь, а в стене также произошло два пролома; горцы же, приготовившиеся броситься в шашки на резерв, пришли в видимое замешательство и оставались пока, почти неподвижными. [269] Подхватив эту минуту, и видя, что запирать ворота бесполезно, воинский начальник успел добавить к резерву еще одного офицера, трех унтер-офицеров и сорок рядовых и вновь, с единодушным «ура» двинул их в штыки, поддержав картечью из орудия. На этот раз удар был меткий, неотразимый, а храбрость сломила силу: неприятель, приготовившийся ворваться в крепость по трупам резерва, был смят, отброшен и оставил ему в трофей шесть значков; на левом фасе другая атака также была отбита орудийным огнем. Наступило новое затишье, которое дало возможность майору Федосееву бросить взгляд на внешнюю сторону крепости: он был поражен невольным удивлением, когда увидел, что почти вокруг всей линии огня горцы, так сказать, сидели друг на друге. Когда и откуда их столько явилось — конечно, некогда было рассуждать.

При таких громадных силах противника и при малочисленности гарнизона нечего было и думать об охране проломов в стене. Исправив наскоро лишь ворота и все время, не прекращая орудийного огня, Федосеев отозвал резерв в крепость. По следам его горцы поспешили занять все прежние места, но ворота сейчас же захлопнулись и были завалены камнями и брусьями. Затем Федосеев приказал живо прорезать в них амбразуру для пальбы из орудия — и через четверть часа картечь готова была беспощадно встретить всякое новое дерзкое покушение сподвижников имама; на крышах же строений, прилегавших к воротам, были проворно набросаны завалы, которыми прикрылась часть резерва. Необыкновенная распорядительность Федосеева и быстрота, с которою приводились в исполнение его приказания, спасли в этот день крепость от явной погибели, потому что едва были окончательно устроены завалы, как снова повторились смелые подступы [270] громадного скопища. Но куринцы и линейцы, видимо, уже обошлись, и каждый раз на исступленные выходки неприятеля отвечали спокойною, рассчитанною пальбою, среди которой не пропадала ни одна пуля; картечь также хладнокровно сеяла смерть через свою импровизированную амбразуру, а редкая, но верная пальба из двух башен, прикрывавших путь к воде, дополняла общность и дружность действий гарнизона. При таких условиях все новые атаки озлобленного неприятеля обратились на его же голову. Сделав все распоряжения по обороне крепости, Федосеев вызвал охотника для доставления сведений генералу Каханову, и на это рискованное дело с самоотвержением выступил акушинский житель «лезгин Магомет». Сильный огонь не умолкал с обеих сторон всю ночь, но он лишь давал повод к одушевлению гарнизона, который отразил еще несколько атак упрямого и обиженного

неудачею Кази-муллы. На другой день через лазутчика выяснилось, что потеря неприятеля была почти невероятная: он лишился до девятисот убитых и раненых — и в этом можно было не сомневаться, так как тела его были не убраны и валялись вокруг крепости на значительном пространстве. Ближе всех других к стене красовался труп дворецкого шамхала Уруз-бека. Мы же, сравнительно, отделались довольно счастливо: убиты в Куринском полку — прапорщик Лифантьев, 2 унтер-офицера, барабанщик, 20 рядовых и нестроевой, а ранены — 3 обер-офицера, 4 унтер-офицера и 33 рядовых; в грузинском линейном № 11-го батальоне убиты — 2 унтер-офицера и 11 рядовых, и ранены — 2 унтер-офицера, 17 рядовых и 1 нестроевой; легкой № 3-го роты убит 1 фейерверкер и ранен 1 бомбардир; № 4-го роты 12-й гарнизонной артиллерийской бригады убиты 2 и ранен 1. Всего выбыло из строя 103 человека и, кроме того, контужены четверо. [271]

28-го мая огонь не умолкал в течение целого дня все на тех же пунктах, а с левой стороны был еще сильнее. Неприятель, раздраженный своею потерею, «с остервенением», как выразился Федосеев, повторял свои натиски, но всегда был отражаем картечью и ружейным огнем. В бою принял, наконец, участие и Сулейман-паша, который со своими людьми занимал второй бастион. Горцы в особенности энергично атаковали несколько раз верхнюю башню на водном пути, но каждый раз получали молодецкий отпор. Видя невозможность одолеть ее открытою силою, они, наконец, пытались обкладывать ее дровами, чтобы поджечь и тем принудить защитников к сдаче; но спокойная и удачная пальба не допустила их привести в исполнение свой замысел. В семь часов вечера покушения Кази-муллы ослабели, и толпы его потянулись вниз, к Тарки. Вскоре загрохотавшие вдали два сигнальных пушечных выстрела вполне объяснили загадку — и гарнизон, ответив на них своими двумя, приободрился как нельзя более. От семи до десяти с половиною часов ночи покушения на крепость были незначительны, но зато ружейный треск, гик и крики не прерывались. Ночью атаки возобновились с удвоенною силою — и опять бесследно для горцев, потому что гарнизон, зная о прибытии отряда, с особенным мужеством отражал их. Убыль наша в течение суток состояла из 9-ти раненых нижних чинов (Донесение майора Федосеева генерал-майору Каханову 5 июня № 396.).

27-го мая, генерал-майор Каханов, ничего пока не зная о проделках Кази-муллы, с благородною решимостью преследовал его по направлению к Муселим-аулу. Подойдя к этой деревне, он занял ее при незначительной перестрелке и остановился ночевать. Был [272] третий час утра, когда к нему прискакал молодец «лезгин Магомет» и сообщил роковую весть, присовокупив, что скопище имама состоит из шести тысяч пехоты и двух тысяч кавалерии. Нимало не задумываясь о том, что имел у себя всего лишь седьмую долю сил неприятеля (Подлинное заявление Каханова о его боевых силах в донесении г. л. Панкратьеву 31-го мая № 217.), Каханов, уверенный в могуществе русского штыка и в беззаветной храбрости кавказского солдата, в особенности куринцев, с рассветом смело двинулся выручать осажденных. Путь предстоял в сорок пять верст, но он и этим не смущался, зная хорошо, что всегда поспеет вовремя, так как и в Бурной сидели те же куринцы, у которых не легко было вырвать крепость, а с нею и старую славу, хотя бы в шестнадцать раз сильнейшему неприятелю. Кази-мулла, следуя в Тарки, предвидел, конечно, с кем будет иметь решительную развязку, и принял все меры, чтобы замедлить движение нашего отряда или даже и вовсе приостановить его. Лишь только последний вытянулся на Кафыр-Кумык, как пешие и конные толпы, в числе 1500 человек, посланные им при наступлении в Тарки к Бугленю и Казанище, показались на высотах в тылу отряда. Они, впрочем, не устрашили Каханова, который, будучи занят своею

задачею, даже и не думал их тревожить, а следовал все вперед. Когда же это скопище пропустило мимо себя войска и насело на арьергард, где был батальон с четырьмя орудиями и 300 человек мусульманской конницы, Каханов поневоле обратил на него внимание и должен был открыть ружейный и даже артиллерийский огонь. Двадцать пять верст горцы не переставали упрямо, назойливо преследовать наш небольшой отряд, в особенности в узком, [273] частью лесистом, ущелье, и двадцать пять раз заставляли его приостанавливаться, чтобы дать им столько же отпоров. Понятно, что при таких условиях движение отряда сделалось медленное, трудное и крайне утомительное. Видя, наконец, что натискам неприятеля нет предела, и они, пожалуй, в самом деле, отнимут у нас золотые минуты и не допустят засветло прибыть в Тарки, Каханов бросил ему на усмотрение большую часть отряда, а сам, с двумя взводами пехоты, двумя орудиями и четырьмя сотнями доброконных мусульман, двинулся вперед. Задача этого лихого движения состояла в том, чтобы, прибыв к цели как можно скорее, ободрить гарнизон и отвлечь от крепости неприятеля, который, по словам лазутчика, назначил в предстоящую ночь решительный штурм. Командование оставленною частью отряда было поручено командиру Куринского полка подполковнику фон-Дистерло, которому дано лишь одно приказание: пройдя ущелье, послать вперед на подкрепление колонны еще три роты. Дистерло твердо исполнил эту несложную диспозицию, и роты явились как раз в то время, когда два сигнальных выстрела возвестили гарнизону, что он имеет полную надежду на свое спасение. Приближаясь к городу, Каханов открыл артиллерийский огонь по домам, занятым неприятелем, который, спустившись от крепости в ближайшие сады, завел сильную перестрелку с бывшею впереди мусульманскою конницею. Пехота, орудия и спешенные кубинцы угомонили горцев очень скоро, и ровно в десять часов ночи Каханов успокоился на биваке против Тарки после своего дневного орлиного полета. Вслед затем явился и Дистерло. Во время перестрелки на марше и у города ранено семь всадников и контужен один обер-офицер.

Ночью Каханов получил известие от лазутчиков, [274] что крепость находится в крайнем положении, и гарнизон уже двое суток лишен воды, а также истощил и артиллерийские снаряды. Сгорая нетерпением поскорее спасти злополучных защитников, а с ними вместе и провиантский магазин, без которого отряд мог быть поставлен в чрезвычайное затруднение, потому что имел продовольствия только на двенадцать дней, Каханов, оставив в стороне вопрос о чрезмерном превосходстве противника, решил атаковать его. Он знал, что бой предстоит жестокий и неравный, так как все тысячи Кази-муллы сидели в укрепленных и закрытых пунктах на утесистой горе, стлавшейся уступами на протяжении полторы версты, и обрекли себя на смерть за своего предводителя; что каждый дом, каждое возвышение придется брать силою штыка (Подлинные выражения Каханова.), — тем не менее он положил завладеть городом во что бы ни стало.

С рассветом, устроив вагенбург под прикрытием двух рот пехоты и одного орудия, Каханов построил войска в боевой порядок и двинул вперед цепь стрелков, с штабс-капитаном Корсаковым, прямо на завалы, красовавшиеся перед городом. Бодро, одушевленно подошли куринцы к этим смертоносным сооружениям, бросились в штыки, выбили фанатиков и привели их в расстройство; артиллерия еще более увеличила их смятение — и они обратились в бегство по направлению к с. Теркале. Уловив этот момент, начальник отряда приказал подполковнику фон-Дистерло, с двумя орудиями, под прикрытием двух рот и трехсот мусульман, занять высоту, разделяющую часть города Алакай-аул от другой, называемой Истису-аул, и стараться очистить правый фланг позиции горцев; майору [275] Ивченко, с

одним орудием, под прикрытием двух рот пехоты и 200 мусульман, велено занять выгодный пункт на левой стороне деревни, стараясь войти в связь с крепостью; центр поручен был майору Цыклаурову, с одним орудием, одною ротою пехоты и ста человеками всадников; наконец, в резерве оставлены два орудия, под прикрытием сборной команды из 120 человек пехоты, сотни донских казаков и ста мусульман.

Начался знаменитый штурм грозной позиции. Ивченко, заняв назначенное ему место, тотчас открыл пальбу из орудия по домам, где сидели мятежники, и беглым огнем двух рот принудил расположившихся за оврагом, на горе, скрыться в домах на левой стороне города. Атаке этой содействовала и вылазка гарнизона, произведенная с левой стороны крепости командою из 43 нижних чинов, при одном обер-офицере. 3-я мушкетерская рота, с поручиком Робаконовым, штыками проложила себе путь на самую вершину горы, выбивая горцев из домов и завалов, и, наконец, очистив от них стены крепости и поставив возле нее цепь, возвратила гарнизону воду. В это самое время наши застрельщики, рассыпавшиеся по оконечности Истису-аула, неожиданно окунулись в ужасном огне из сакль и завалов. Видя их критическое положение, Ивченко кинулся к ним с 1-ю гренадерскою ротою, при дружном, отрывистом «ура» ударил в штыки, очистил дома и завалы и дал свободно вздохнуть атакованным. Но в эту решительную минуту он получил сильную рану в ногу, а командир 1-й гренадерской роты капитан Бруевич — три пули и две контузии. Несмотря, однако, на свои смертельные, но славные украшения, и на крайнее ослабление сил, Бруевич не оставил строя и «находился в рядах до окончания атаки». Видя себя обескураженным [276] и пораженным на обоих флангах, неприятель устремил все силы на застрельщиков, бывших в центре под командою шт. к. Корсакова; но Каханов, зорко следивший за всеми изворотами боя, тотчас подкрепил их ротою, бывшею в распоряжении Цыклаурова. Как ни велики были натиски неприятеля, но стрелки не уступили ему и шага земли; напротив, орудие, подкрепляя их удачною и частою картечью, дало им возможность все подвигаться вперед и постепенно очищать нижнюю часть города. Несколько брандскугелей зажгли ряд строений, занятых сподвижниками Кази-муллы, которые погибли в пламени, не пожелав сдаться русскому солдату. Орудие, действовавшее здесь под командою штабс-капитана Харламова, было сильно повреждено пулями, и он сам был контужен.

Ивченко, бесспорно, стяжал себе в этот день свежий и завидный лавр, но и Дистерло нимало не уступил ему. Руководя боем на правом фланге неприятельского расположения, он разделил надвое 6-ю мушкетерскую роту (шт. к. Козловского), и одну часть направил вправо по нижней дороге, а другой велел очистить верхнюю, еще занятую неприятелем, препятствовавшим свободному сообщению отряда с крепостью. Под страшным огнем и при сильнейшем сопротивлении горцев, рота, наконец, овладела высотами, прилегающими к скату горы, на которой была расположена крепость; но в это время пятисотенная партия, обращенная в бегство к селению Теркале, одумалась, вернулась назад и хотела прорваться в город. Рота встретила ее залпом и штыками, опрокинула — и она вновь бежала, оставив на месте груду тел. Таким образом, правый фланг был очищен. После этого подполковник фон-Дистерло, оставив за себя при колонне артиллерии капитана Греченевского, поехал к Каханову за приказаниями. Последний велел ему свезти на [277] курган орудия, находившиеся на левом фланге, и действовать преимущественно на ту часть города, где укрепился сам Кази-мулла с отборнейшими своими приверженцами, в числе которых было несколько сот чеченцев. Увлеченные фанатизмом и желая вполне отличиться перед своим повелителем, они решились умереть, но не оставлять занятых ими мест — и с честью выполнили это решение. Каханов, в своем донесении, говорит: «зверство и остервенение, с коими защищались они, превосходят

всякое описание». Подполковник фон-Дистерло, видя, что в одном доме засело их значительное число, и, желая примером своим одушевить и ободрить стрелков, уже значительно ослабленных боем, сам бросился с ними в штыки. Но лишь только раздалось громкое «ура» — роковая пуля в грудь сразила наповал неустрашимого командира Куринского полка. Начальство вместо него принял майор Цыклауров.

Сражение продолжалось уже десять часов; улицы города были буквально усеяны трупами, и солдаты видимо теряли силы. Не желая вдаваться в излишние потери, Каханов приказал взводу 6-й мушкетерской роты и части казаков, находившихся в резерве, зажигать ту часть города, где упорная защита фанатиков, независимо от удобств местности, была поддерживаема еще более присутствием их главы. Большая партия тотчас же бросилась против куринцев и казаков, чтобы не допустить их до сожжения домов; но прапорщик Евдокимов, не потеряв присутствия духа и вполне игнорируя сильнейшее противодействие горцев, в точности исполнил возложенное на него поручение — за что получил сильную рану в левую руку навылет.

В седьмом часу вечера приказано было отступить из города. Отступление произошло благополучно под [278] прикрытием части кавалерии. Победители вышли из кровавого двенадцатичасового побоища ликующие, торжествующие, осеняемые двумя отбитыми ими почетными знаменами Кази-муллы и четырнадцатью значками, при сравнительно незначительных потерях: убиты — один штаб-офицер, 2 унтер-офицера, 25 рядовых и 5 всадников; ранены — 1 шт. офицер, 2 обер-офицера, 57 нижних чинов и 15 всадников; контужены — два обер-офицера. Гарнизон же крепости во время блокады, происходившей после первого штурма, прибавил к своим потерям всего лишь девять человек убитых и раненых. Урон наш в день освобождения крепости от осады был, в сущности, незначителен, если взять во внимание, что, по словам Каханова, «солдаты, возбужденные примером храбрых офицеров, грудью и штыками пробивали себе дорогу». Между прочим начальник отряда не оставил втуне и заслуги лекаря Потехина, который «с хладнокровием и примерным присутствием духа перевязывал раненых под градом неприятельских пуль». Из чинов мусульманской конницы обратили на себя внимание своею отвагою и преданностью нашему оружию: начальник ее капитан Нурцал-ага, подпоручики Ибрагим-бек карчагский, Джеват-бек Казаров и табасаранский владетель Бала-хан Муртазалиев. В это тревожное и сомнительное время верность нашему престолу этих беков имела важное значение и не могла не быть поставлена им в особенную заслугу.

Поражение Кази-муллы было полное и решительное. Мало того, что он лишился 29-го мая до полторы тысячи своих отчаянных сообщников (Только под стенами крепости подобрано гарнизоном 684 тела, которые им же преданы земле.), он, к душевному своему прискорбию, потерял убитыми лучших и главных [279] сотрудников и товарищей своих — Али-Султана унцукульского и Рази-бека казанищенского, имевших столь сильное влияние на умы народа. В плен было взято всего лишь 11 человек — и то случайно, так как фанатизированные толпы имама предпочитали геройскую смерть постыдной неволе. В течение всей блокады гарнизон выпустил 1969 снарядов, ружейных патронов 28460, сжег фитиля 500 сажень и скорострельных трубок 3600.

На другой день в Тарках не осталось ни одного последователя Кази-муллы (Донесение генерал-майора Каханова 31 мая № 217.).

Одновременно с этим предприимчивый имам понес и другое поражение — хотя не своих скопищ, но своих широких замыслов. Тогда никто не ведал, с каким размахом действовал и какой грандиозный план лелеял этот замечательный в своем роде человек, которого все считали не более как возмутителем, разбойником. Немного спустя, перед осадой им Дербента, обнаружилось, что цели его состояли в том, чтобы не только свергнуть русскую власть и сделать независимым, под своим теократическим господством, весь Дагестан; но, овладев Дербентом, соединиться вслед затем с Аслан-ханом казикумухским, изгнать нас из мусульманских провинций, захватить бывшие ханства Ширванское, Кубинское, Талышинское и создать одно общее царство ислама, возвратив ханов или их наследников, в особенности сына Ших-Али-хана, к прежнему владычеству. Сведения эти были собраны и представлены генерал-майору Каханову и. д. дербентского коменданта (Донесение 19-го августа № 53.); но им, конечно, трудно верилось тогда, и только немного спустя мы имели в наших руках уже осязательные данные, что, [280] действительно, Кази-мулла вел непрерывную переписку не только с изгнанными нами ханами, но даже и с персидским правительством. От этого и происходили в то время вновь напряженные наши отношения к Персии, доказывавшие, что мы стоим у разгорающегося очага, который усердно раздували из Тавриза и Тегерана. Граф Паскевич чувствовал это неблагоприятное веяние, но сообщал гр. Чернышеву, что нет основания ожидать разрыва, потому что к нему не существует никаких поводов, и в сношениях наших с персидским двором не встречается недоразумений; но в то же время и сам сомневался в твердости своего убеждения по случаю уже испытанного вероломства тегеранского двора. Затем Паскевич, а после его отъезда Панкратьев, вовсе и не подозревали, что они совершенно нечаянно предотвратили эти поводы или, лучше сказать, не допустили персидское правительство до нового возможного вероломства успехами нашего оружия в Талышинском ханстве, и в зародыше подавили его возмущение, которым преимущественно мы были обязаны затеям Кази-муллы и его заговору против нас с Мир-Гасан-ханом. Последний совершенно неожиданно явился в наших границах в половине марта, именно тогда, когда имам деятельно, при помощи Али-Султана, вербовал себе последователей, не открывая пока настоящих своих замыслов, а лишь обещая нечто очень важное, и когда Доудил-Магома уверял нас, что предприятие его «между умными людьми есть самое ничтожное и, просто сказать, шуточное дело».

Проникая постепенно от Астары в глубину своих недавних владений, талышинский экс-хан распускал, по словам и. д. обер-квартирмейстера отдельного кавказского корпуса подполковника Гене, «нелепые», но, в сущности, весьма основательные, слухи о новом вторжении [281] персиян и призывал к оружию свое прежнее население, равно и «другие мусульманские провинции».

«Увлеченные обманом, жители Талыши пристали к нему, и возмущение там сделалось к исходу марта уже явным».

Это побудило гр. Паскевича сделать распоряжение о сосредоточении войск в следующих пунктах: в Зардобе, к 8-му апреля, восьми рот 42-го егерского полка, всего донского № 30 генерал-майора Карпова полка, восьми орудий бат. № 1 роты кавказской гренадерской артиллерийской бригады и двух горных единорогов; в Елисаветполе — двух рот 41-го егерского полка, находившихся в Тифлисе для содержания караулов; в Сальянах — одной роты Апшеронского и двух рот 42-го егерского полков, при одном орудии резервной батарейной № 5 роты 22-й артиллерийской бригады. Вслед затем должны были прибыть в

Сальяны еще шесть рот Апшеронского полка, шесть орудий резервной батарейной № 5 роты 22-й артиллер. бригады и донской казачий Басова № 11 полк, которые вверялись исправлявшему должность начальника штаба корпуса генерал-майору Жуковскому, с разрешением ему, в случае надобности, притянуть из сел. Зардоба еще четыре роты 42-го егерского полка.

Между тем из Талышинской провинции получены были сведения, что хотя Мир-Гасан-хан успел склонить на свою сторону большую часть жителей, но они неохотно сражаются с нашими войсками, и после небольших перестрелок 5-го и 6-го апреля у сс. Балабур и Селали, происшедших с небольшими отрядами, бывшими под командою войска черноморского полковника Матяшевского, часть из них отделилась и разошлась по домам; в прочих же мусульманских провинциях хотя и носились слухи о предстоящем у нас разрыве с персиянами, но население оставалось совершенно покойным. На основании [282] этих донесений главнокомандующий остановил в Елисаветполе назначенные к Зардобу две роты 41-го егерского полка, шесть орудий и донской Карпова полк; в Зардобе же остался только 1-й батальон 42-го егерского полка, так как другой батальон был взят Жуковским в Сальяны, в талышинский отряд, как равно и из Елисаветполя были вытребованы туда же и два горных единорога. Кроме того, на усиление отрядов зардобского и талышинского приказано было графом Паскевичем сформировать из жителей Карабахской, Ширванской и Шекинской провинций два конно-мусульманских полка, по примеру, как они были сформированы в турецкую войну 3, и из них первый присоединить к батальону 42-го егерского полка в Зардобе, а второй отправить в распоряжение генерал-майора Жуковского.

Талышинский отряд собрался в Сальянах к 14-му апреля. Мир-Гасан-хан, узнав о движении наших войск, и понимая, при видимом нерасположении населения к войне, что упрочиться в бывшем своем ханстве он не может, вошел первоначально с нами в сношения, предлагая явиться к нашему правительству на известных условиях; но оказалось, что этим он только желал [283] выиграть время до разрешения событий в Дагестане и до наступления жаров, когда наши действия в Талыши были бы сопряжены с большими затруднениями. Уразумев это, Жуковский решил открыть экспедицию тотчас же и 22-го апреля двинул отряд к Амборани и Миану, где находились главные сообщники Мир-Гасана. Войска выступили тремя колоннами: первая через селения Балабур и Хазавуа, вторая через Варевул и третья из Кизил-Агача через Аркевань. Все три колонны 23-го числа соединились в Амборани. Мятежники решились остановить движение наших войск в сс. Хазавуа и Варевуле, но были прогнаны и рассеяны. В перестрелке с ними у нас убит один офицер грузинского линейного № 8 батальона и три рядовых Апшеронского пехотного полка. Неприятель удалился в дрыхский магал, к селению Улум, и утвердился в горах.

По прибытии в Амборани генерал-майор Жуковский издал прокламацию, в которой приглашал жителей в свои дома, под опасением, в противном случае, лишить их имущества и подвергнуть жестокому наказанию. Мера эта произвела некоторое действие, и часть мятежников вернулась в свои места; в ожидании же остальных отряд оставался в Амборани еще несколько дней и только 29-го апреля двинулся в дрыхский магал, через селения Улум, Гейрак и Курдасар. По мере его наступления Мир-Гасан, с своим скопищем, все углублялся в горы, оставляя по пути тела своих воинов, пораженных холерою, которая в это время сильно свирепствовала в Талыши. Она, наконец, закралась и в наши войска, так что к четвертому мая мы имели больных: одного штаб-офицера, двух обер-офицеров и сто человек нижних чинов,

кроме мусульман. Жуковский, для сбережения людей от эпидемии, остановился на [284] некоторое время у селения Алиабата, где, по сведениям, в минувшем году холеры не было, и можно было воспользоваться хорошею лагерною стоянкою. Болезненность, действительно, начала быстро уменьшаться и к восьмому числу мая цифра больных понизилась до 53-х, а из всех, пораженных эпидемиею, умерло только восемнадцать человек; новых же жертв не было. Не оставаясь праздным у Алиабата, Жуковский старался всеми мерами возвратить жителей, выселенных в горы, в свои дома, а для разыскания Мир-Гасана, который скитался в лесах ленкоранского магала, имея при себе не более двадцати всадников, отрядил кавалерию, под начальством полковника Басова, на селения Балабур и Селали. Мир-Гасан-хан, узнав о направлении наших войск, бежал 5-го мая из ленкоранского магала в с. Астару. Басов преследовал его форсированным маршем почти по пятам и вытеснил за персидскую границу, где бунтовщик взял направление на с. Гиляны. Тогда Басов немедленно известил о побеге его ближайшего военно-пограничного начальника Сафар-Али-хана, а Жуковский написал о том же к Баграм-Мирзе, прося его сделать распоряжение о поимке беглеца и доставлении в Тифлис.

Жители, наконец, образумились и целыми партиями спешили водвориться вновь в своих жилищах, предоставляя себя милосердию нашего правительства. Заблуждение их было, конечно, прощено. Спокойствие начало быстро установляться, и Жуковский счел возможным отпустить из отряда роты Апшеронского полка, четыре орудия резервной батарейной роты 22-й арт. бригады, донской казачий полк, бакинскую и кубинскую конницу; до совершенного же водворения порядка он оставил на некоторое время в Талыши батальон 42 егерского полка, 2-й конно-мусульманский полк, два легких и два горных [285] орудия. Вслед затем генерал-лейтенант Панкратьев приказал ему отправить в Шемаху и большую часть остальных войск где, по случаю дагестанских событий, он назначил сбор особого отряда. Басова полк, с кубинскою и бакинскою конницею, выступил 21-го мая; апшеронцы и артиллерия 24-го числа; батальон 42-го егерского полка, с двумя орудиями 5-й резервной батарейной роты 22-й арт. бригады, с двумя горными единорогами и конно-мусульманский полк — 14-го июня. В Талыши же остались: грузинский линейный № 8 батальон, два орудия резервной батарейной № 5 роты 22-й бригады и команды казаков Шурупова, Александрова и астраханского войска полков, в числе 150 человек. Отряды в Зардобе и Елисаветполе распущены — первый еще 28-го апреля, а второй 14-го мая.

Таков был исход одного из частных предприятий Кази-муллы, которое, в числе многих других подобных, должно было привести к осуществлению им обширного плана о мусульманском царстве на Кавказе. Но смотря, однако, на эту неудачу, он не прекращал своих сношений с персиянами, и они до конца года отвечали ему своею нравственною поддержкою и разными происками в наших мусульманских провинциях. Мало того, он вошел в сношение даже с турецкими властями, и, как удостоверял г. л. барон Розен 4-й (Донесение Панкратьеву 2-го сентября № 149. Д. арх. окр. шт., 2 отд. г. шт., 1831 г., № 11, ч. 2.), в сентябре месяце получил письмо от эрзерумского паши. Но все это не подорвало отношений наших к двум державам, у которых недавние уроки были еще в свежей памяти, а Кази-мулле не принесло никакой существенной пользы.

Генерал-лейтенант Панкратьев смотрел на мусульманские провинции и на сношения Кази-муллы, при их [286] содействии, с персиянами более подозрительно, чем граф Паскевич, поэтому и не видел возможности сейчас после талышинского усмирения отозвать из

провинции в дагестанский отряд все находившиеся там войска. Вследствие этого затруднения он писал генералу Каханову:

«Поставить себе непременным правилом не иначе сражаться с полудикими народами, как будучи совершенно увереным в победе; даже по прибытии войск из Талыши ограничиться оборонительными действиями, наблюдая только по возможности, дабы Тарки и Бурная не были стесняемы мятежниками» (Предписание 5-го июня № 642.).

Хорошо, что Каханов получил это предписание уже после своей блистательной победы — иначе бы, конечно, оно его весьма стеснило, лишило бы возможности разгромить Кази-муллу и дало бы последнему новые способы к усилению, а, следовательно, к дальнейшим быстрым успехам. Если таркинское поражение не предотвратило вполне этих успехов, то, по крайней мере, несколько задержало их, вместе с тем значительно деморализовало мятежников, а главное — спасло кр. Бурную, случайное овладение которою неприятелем повело бы, Бог знает, к каким неприятным для нас последствиям. Когда Панкратьев получил донесение Каханова о победе, одержанной нашим незначительным отрядом над громадным скопищем, и притом без содействия талышинских войск, он пришел в необычайное удивление и, естественно, приписывая ее распорядительности Каханова и заповедной храбрости русского солдата, в то же время не мог не отнести ее и к особенной для нас случайности. Может быть, с последним соглашался отчасти и сам Каханов, потому что не хотел более пытать счастья: ограничиваясь своею славною победою, он сознавал невозможность [287] дальнейших наступательных действий, по крайней мере, до прибытия Апшеронского полка — о чем поспешил донести Панкратьеву. Но, тем не менее, не желая упускать случая воспользоваться влиянием своей победы на мятежное население, он разослал прокламации, убеждая его возвратиться к покорности, «так как оно должно было почувствовать, сколь много обмануто зловредными обещаниями Кази-мул-лы». Одни из первых начали водворяться на прежнем месте жители с. Тарки, и все дело пошло бы хорошо, потому что и другие шамхальские деревни, смотря на них, готовились последовать их примеру; как вдруг, шамхалу почему-то вздумалось ни с того, ни с сего оставить свою резиденцию и вывезти оттуда мать и семейство. К сожалению, брат его майор Зубаир, который мог бы повлиять на народ гораздо лучше самого владетеля, 31-го мая умер, и не осталось никого, кто бы мог руководить тарковцами. Вследствие этого они опять направились, даже «со знаменами», к Кази-мулле и приостановились только в Карабудахкенте потому, что один из приверженных нам кадиев, встретив их на дороге, уверил, что имам куда-то сбежал. Несмотря на все увещания г. м. Каханова, Сулейман-паша и близко не хотел подъехать к своей столице. По словам начальника отряда (Донесение Панкратьеву 9-го июня № 245.),

... «он, кажется, и вовсе готов был от всего отказаться, чтобы быть в бездействии и иметь свободу предаваться закоренелому уже в нем дебоширству».

Противоречить последнему заявлению Каханова, конечно, невозможно; но, с другой стороны, бегство Сулеймана из Тарки нельзя не приписать также и тому паническому страху, который нагнал на этого слабого [288] человека «решительный и сильный в предприятиях своих», по выражению Каханова, Кази-мулла. Эти, действительно, неотъемлемые качества представителя мюридизма выражались в нем даже и при его неудачах — что он дал почувствовать всем в 1830-м году после хунзахского поражения и теперь во второй раз после погрома его у кр. Бурной. Каханов свидетельствует:

«Хотя бунтовщик Кази-мулла и разбит, но не оставляет вредных своих замыслов против нашего правительства в Дагестане, и все горские народы к Дербенту заражены его злыми поучениями истреблять русских».

В виду этого начальник отряда, сознавая свое бессилие, несмотря даже на то, что 6-го июня к нему прибыл полковник Басов со вверенным ему полком и сотнею бакинской конной милиции, «не только не в состоянии был истреблять пагубные замыслы возмутителя, но и просто что-либо предпринять против него». Кази-мулла, как видно, сам это хорошо понимал, потому что, не смущаясь ни мало нанесенным ему поражением и истекшими из него затруднениями, он не замедлил приняться за расширение своего основного предприятия. Одно из затруднений было то, что большая часть его деморализованного скопища разошлась, и он остался лишь с несколькими сотнями человек; другое — что и эти немногие подняли против него ропот по случаю продажи им отбитых их руками баранов и отказа им в вознаграждении, а третье — что он получил приглашение от акушинцев оставить Дагестан, «ибо довольно подверг его несчастью; в противном случае они сами заставят его это исполнить». На последнее предложение он не обратил никакого внимания, а первые два затруднения преодолел решительным и кратким приказанием — собраться вновь и ожидать его повелений. Из бывших его [289] сподвижников ослушаться никто не посмел, а из числа новых добровольно примкнули к нему 700 человек из цохурского магала и среди них два старых наших знакомца, джарские беглецы и весьма опасные головы, Тунуч-Рамазан-оглы мулла катехский и Шейтан-Рамазан-оглы мулла джарский. Некоторые другие джарские мятежники, счастливо унесшие свои головы от нашей виселицы, собирали скопище в Тленсерухе — но цель и направление последних оставались пока неизвестны (Донесение Панкратьеву г. л. барона Розена 29 июня № 48.). Таким образом, пожар проник в глуходарские общества, на лезгинскую линию, и даже нашел пищу для себя в Джаро-белаканской области. Если бы Кази-мулла, при счастливых обстоятельствах, мог бы действительно заручиться общим содействием дагестанцев, то, по мнению командира Апшеронского полка Остроухова, мы бы имели против себя тридцатитысячную армию.

Но пока еще все ограничивалось предприятиями по дороге между Дербентом и кр. Бурною, которые имам открыл, при помощи муллы Магомета ярагского, незадолго до наступления своего на Тарки. Когда же он потерпел неудачу, то тем более считал необходимым расширить их в этом районе, чтобы в особенности не дать охладеть фанатизированным им умам и занять их какою-нибудь работою. Самые надежные и верные сотрудники его — Магомет ярагский и Джемал-Эддин казикумухский, с самоотвержением приняли на себя содействие ему в южном Дагестане и, по взаимному согласию, начертали такого рода диспозицию: производить беспрестанные нападения на ближайшие к Дербенту деревни, на казачий пост при с. Великенте и на наш дарбахский кордон (Отзыв дербентского коменданта к командиру дербентской инженерной команды 29-го мая № 714.), а [290] 23-го мая, сгруппировавшись возле сел. Машати, положили сделать набег на Великент и терекемейские деревни, чтобы понудить их склониться на свою сторону. Они достигли цели, и в сборище, возросшем в первых числах июня до 1500 человек, участвовали, благодаря усердию Магомета ярагского, почти исключительно кайтаго-табасаранцы, осененные знаменем, присланным им от имама, на котором красовалась надпись: «кто под ним пойдет, тому ни пуля, ни ядро вредить не будут». В особом же письме к этим бунтовщикам Кази-мулла, со своей стороны, приказывал непременно произвести нападение на жителей подвластных Ибрагим-беку карчагскому, а также на дербентскую крепость, на стенах которой поставить это знамя (Рапорт дербентского

коменданта г. м. Каханову 10 июня № 26.), и наконец, на наш отряд, продолжавший находиться в Тарки.

Отзывчивая деятельность кайтаго-табасаранцев в начале июня совершенно прекратила сухопутное сообщение между Дербентом и Бурною и заставила мирных жителей ближних к дороге деревень выселяться в более затаенные места. 9-го июня скопище, под начальством прапорщика Навруз-бека, налетело на дарбахский кордон, угнало 178 штук рогатого скота и лошадей, принадлежавших Куринскому полку, убило 24 и ранило 6 человек куринцев. Должно быть, подобные похождения, обильно подслащаемые разными одобрительными прокламациями имама, были вполне по душе дагестанцам, так как, к крайнему нашему удивлению, вслед затем сразу поднялись все без исключения мехтулинцы, не оказывавшие до сих пор никакого видимого сочувствия имаму, и 10-11 июня присоединились к «бунтовщику» —чего только и недоставало, чтобы целому Дагестану, как предсказывал князь [291] Бекович, очутиться в пламени. Владетель мехтулинский лейб-гвардии гусарского полка ротмистр Ахмет-хан бежал в Акушу, ища себе убежища; но акушинцы его не приняли. Тогда, для спасения своей головы, он 12-го июня прибыл в Тарки и нашел пристанище под защитою наших штыков у генерал-майора Каханова (Рапорт Панкратьеву г. м. Каханова 13-го июня № 269.). Можно думать, что на отпадение от нас мехтулинцев имел особенное влияние Джемал-Эддин казикумухский, как вследствие приязни его к Аслан-хану казикумухскому и нерасположения сего последнего к Ахмет-хану, так и потому, что Джемал давно уже стоял гораздо ближе к мехтулинцам, чем сам Кази-мулла.

Округлив так хорошо свои дела в Дагестане, Кази-мулла вверил часть своего скопища Магомету ярагскому и Джемал-Эддину, дав им надлежащую инструкцию, а с другою частью 14-го июня направился к кр. Внезапной. Следуя распоряжениям энергичного имама, сподвижники его поспешили усилить себя еще новыми приверженцами и решили произвести диверсию против отряда Каханова, задержав в то же время следовавших на присоединение к нему апшеронцев. 16-го июня на рассвете они заняли лес к стороне Дербента, в том ущелье, по которому Каханов, когда получил известие об опасности Бурной, из Муселим-аула проходил в Тарки. Каханов выслал тотчас сильную кавалерийскую партию, приказав ей удостовериться в численности неприятеля, но не вступать с ним в бой. Как только горцы увидели наши войска — немедленно по опушке леса раскинули пехоту, а конницу выдвинули двумя большими толпами навстречу нашему разъезду. Каханов, получив об этом донесение, в час пополудни отправил с [292] полковником Басовым всю кавалерию, и сам выступил вскоре за ним с пятью ротами куринцев и пятью орудиями. Приблизившись к ущелью, он получил от Басова известие, что неприятель отступил в лес. Зная, что этот лес тянется на три версты и повсюду наполнен холмами, Каханов, удовлетворившись рекогносцировкою, счел излишним и опасным атаковать неприятеля, почему и отступил в лагерь без выстрела. Но все же он достиг того, что облегчил движение шести рот апшеронцев и дивизиона, легкой № 5 роты 22-й артиллерийской бригады, которые, под командою майора Авраменко, 17-го июня прибыли в с. Буйнаки и расположились там на ночлег. Лишь только они устроились на биваке, Авраменко позвал к себе местного бека и приказал ему доставить несколько арб для облегчения перевозки артиллерийского парка. Бек обещал, ушел и более не явился, а вместо доставки арб жители в течение ночи услали свои семейства, со всем имуществом, в лес, дали знать в Карабудахкент и другие селения о прибытии русских и стали укреплять все входы в деревню завалами. Это обнаружилось ночью же, почему Авраменко, чтобы предупредить ожидаемый буйнакцами сбор их соседей, кое-как устроил свой обоз и до рассвета выступил в поход. Лишь

только колонна вытянулась по нижней дороге, как встречена была от подошвы гор сильным ружейным огнем, который постепенно усиливался, так как к буйнакцам быстро подходили подкрепления. Наконец, толпы атаковали колонну с трех сторон. Рассыпав густую цепь и поддерживая ее неумолкаемым артиллерийским огнем, Авраменко в таком положении подвигался вперед шаг за шагом в течение восьми часов. Видя затем чрезмерную усталость людей, он остановился для отдыха у речки Аманас. Во время [293] привала все было тихо; но когда колонна двинулась вперед, неприятель опять показался у подножия гор, следовал равномерно с нею всю дорогу и не оставлял ее в покое до прибытия на ночлег. Утром 19-го июня колонна на полпути к крепости Бурной была опять встречена сильным огнем горцев, засевших толпами в близлежащих балках, но выбила их оттуда стрелками и рассеяла кавалериею, присланною ночью из тарковского отряда. На этот раз неприятель оставил на месте несколько тел.

«Необыкновенная отважность наших стрелков и казаков — доносил Каханову майор Авраменко (20-го июня № 136.) — до того устрашила мятежников, что они не смели нисколько отодвинуться от гор и собрались уже в ущелье против фонтана».

Во время последнего дела у нас убит один казак, а 18-го числа ранен один и контужено два нижних чина.

Генерал-майор Каханов получил донесение от Авраменко о следовании его колонны в ночь с 17-го на 18-е июня из с. Буйнаки. 18-го числа, в пять часов утра, он услышал в той стороне раскаты орудийных выстрелов. Догадавшись в чем дело, Каханов, чтобы не допустить скопище, находившееся в трех верстах от него, присоединиться к тем партиям, которые преследовали апшеронцев, в одиннадцать часов командировал майора Цыклаурова, с тремя ротами и тремястами всадников, при трех орудиях, приказав ему занять позицию против мятежников, но по возможности не вступать с ними в дело. Едва Цыклауров явился на место, как они начали выбегать из ущелья кучками, и заняв у дороги балки, открыли отовсюду огонь — впрочем, на такое [294] расстояние, что пули их не приносили колонне вреда. С нашей стороны им не было никакого ответа, вследствие чего, вероятно, они набрались смелости и попробовали произвести несколько открытых атак. Но выходки их были каждый раз охлаждаемы картечным огнем, а кавалерия весьма удачно довершала окончательное их отражение. В шесть часов пополудни майор Цыклауров был отозван обратно в лагерь, так как г. м. Каханов пришел к заключению, что Авраменко в этот день не придет. В восемь же часов он получил от него донесение, что войска, за усталостью обоза, остановились для ночлега на половине перехода и весьма нуждаются в кавалерии, которой у него нет. Каханов тотчас послал к нему 140 казаков Басова полка и сотню кубинцев, которые прибыли благополучно ровно в полночь.

19-го числа, в шесть часов утра, Каханов, услышав опять орудийные выстрелы, приказал быть наготове трем ротам, трем орудиям и четырем сотням всадников. Как раз в это время мятежники заняли овраги по пути следования апшеронцев и вступили с ними в бой. Когда Каханов увидел издали, с горы, приближение Авраменко, то, поручив лагерь полковнику Басову, с приготовленными им частями выступил на соединение с апшеронцами. Увидев его приближение, мятежники бежали в ущелье и заняли впереди его овраги и завалы, которые успели нагородить, вследствие чего Каханов стал на позиции против них на высоте, параллельно дороге, против ущелья. Вскоре подошли апшеронцы и соединились с ним. Видя, что у них слишком обширный и тяжелый обоз, Каханов велел Авраменко следовать с

батальоном в лагерь, а сам продолжал оставаться на позиции. Мятежники довольно долго ничего не предпринимали, но вдруг начали выходить из оврагов и открыли огонь из [295] завалов — хотя пули их и не долетали. Заметив, что они собрались местами в порядочные кучки, и многие из них потянулись влево, генерал Каханов все стоял спокойно; но когда они подошли к нему на верный выстрел, он сделал залп картечью и пустил в атаку всю кавалерию. Последняя, в полном смысле слова, бешено ринулась за ними и «с удивительною смелостью» гнала их по ущелью слишком на три версты. Только лес, в который вскочил неприятель, избавил его от дальнейшего преследования. По пути бегства он оставил до 150-ти тел и семь человек пленных. С нашей стороны ранено одиннадцать нижних чинов и в том числе смертельно два казака, которые, увлекшись желанием отбить у горцев значок, с храбрым своим хорунжим Зубовым несколько раз хватались за древко его, но в то же время получали новые раны.

Этим блестящим эпизодом завершилось давно ожидаемое усиление наших войск в северном Дагестане, которое, наконец, развязывало Каханову руки.

Пока Кази-мулла пробавлялся на кумыкской плоскости, скопище его, оставленное в шамхальстве и столь значительно усилившееся мехтулинцами, исполнив свою задачу относительно отряда Каханова и колонны майора Авраменко, и получив в конце концов внушительный урок, по-видимому не знало, что ему далее делать. Впрочем, недоумение это продолжалось очень недолго, и уже 21-го июня Каханов получил сведение, что оно большею частью разошлось. Обстоятельство это приобрело достаточное вероятие, когда в тот же день в лагерь к нему явилась депутация от мехтулинцев, составлявших значительную часть скопища, с заявлением, что соплеменники ее раскаиваются в заблуждении и предают себя воле русского правительства. Эта покорность побудила генерал-майора Каханова [296] предложить Ахмет-хану и Сулейман-паше отправиться в их резиденции и возвратить своих подвластных к прежнему положению. Получив надлежащие наставления, оба они выехали по указанию. По следам их Каханов отправил к шамхальцам и мехтулинцам примирительные прокламации, в которых извещал их, что если они примут присягу и выдадут аманатов, то заблуждение их будет прощено. Мехтулинцы, обрадованные такою развязкою, не замедлили склониться перед своим владетелем и 27-го июня были приведены к присяге, обязавшись не уклоняться более от своих обязанностей, а к 1-му июля возвратились к повиновению и жители шамхальских селений Карабудахкента, Буйнаки, Гели, Параула, Дургели и нескольких других, но аманатов все-таки не выдали, а лишь ограничились присягою. Эта ничтожная в глазах горцев формальность, ни к чему их никогда не обязывавшая, была торжественно исполнена в присутствии шамхала, при усердии старца Алиб-Кач-бека. Сулейман донельзя восхищался таким исходом дела, после которого не могло не только произойти измены — как уверяли его подвластные — «но даже весь народ будет при нем неотлучно в выгодах и вредах и не малейшей ослушности не произведет против его и российского великого Императора повелений». Сообщая об этом Каханову, Сулейман-паша уверял его, что он «в полной мере остается уверенным» в твердости и неизменности данной ему присяги.

Выпроводив от себя владетелей и успокоившись наполовину вследствие столь благоприятных перемен, Каханов получил возможность, вследствие просьбы из Чечни генерал-майора князя Бековича-Черкаского, произвести диверсию к Янгиюрту для отвлечения скопищ от кр. Внезапной. 25-го июня он направил к Черкею, под [297] начальством полковника Басова, батальон Апшеронского полка, дивизион резервной батарейной № 5 роты и четыре сотни

казаков. Прибыв на ночлег в с. Кум-Теркале, Басов отрядил две сотни и послал их на рекогносцировку по черкеевской дороге. Но они далеко не прошли, потому что, прибыв к Койсу, усмотрели по сию сторону моста сильную партию, преграждавшую всякое сообщение с Салатавиею и Чечнею, вследствие чего и повернули назад. Басов, со своими малыми силами, также не решился пускаться в далекое предприятие и на другой день возвратился в лагерь. Дав колонне отдых и получив в это время последние успокоительные сведения от Сулеймана и Ахмет-Хана, Каханов решил подняться из Тарки и направиться для «совершенного усмирения» остальных мятежников, как то: эрпелинцев, казанищенцев, и других, даже и койсубулинцев. 3-го июля отряд выступил через ущелье Талгин-Елчи, в 7 часов вечера благополучно достиг с. Кафыр-Кумыка и расположился лагерем в полуверсте от него, по дороге в Атлы-Боюн. Жителей в Кафыр-Кумыке не оказалось: они преимущественно скрывались в Чумкескенте и только частью в Эрпели. 4-го числа он послал к ним и ко всем другим, через Айдемир-бека, внушительные письма с приглашением покориться и возвратиться в свои места, но ответа от них не получил. 5-го числа он произвел рекогносцировку до селения Казанище, но оно также было пусто; все жители его, расположившись в версте за рекою, на горе, позади леса, как видно, и не воображали ни о каком примирении с нами или со своим владетелем. Не трогая упрямых казанищенцев и все-таки ожидая влияния на них своих писем, Каханов возвратился в Кафыр-Кумык. Между тем оказалось, что письма его были перехвачены Умалатом, а Айдемир [298] им убит, вследствие чего Каханов отправил к ним дубликаты с одним шестидесятилетним пленным капчугайцем. Не дождавшись в течение суток ответа и на эти вторые письма, и видя неприязненные караулы жителей на горах близ нашего лагеря, он 7-го числа послал кавалерию прогнать их. Приказание, правда, было исполнено; но когда кавалерия, преследуя горцев, перевалила за хребет, то вдруг была встречена около Темир-Хан-Шуры сильным скопищем. По малочисленности своей она отступила. Каханов в ту же ночь решил уничтожить это скопище и за час до рассвета, на 8-е число, направился двумя дорогами к Шуре. Несмотря на тишину в отряде и на все предосторожности, движение его было открыто, и скопище исчезло. Предав пламени, «в пример бунтовщикам», селение Шуру, уничтожив сады и запасы хлеба, Каханов возвратился в лагерь. Вслед затем он осведомился, что между народом идет пререкание, и бедные, которых понуждал сильный голод, заставлявший продавать их свое имущество и дома, желали бы покориться; но их удерживают беки и богатые люди, а в особенности Умалат и некто Мамат, угрожая разграблением. Не взирая на такое выгодное для нас обстоятельство, Каханов однако не решился двинуться на помощь первым из них, так как пришлось бы приблизиться к Чумкескенту, рискуя потерпеть там явное поражение. Он пришел к заключению, что лучше всего оставить в покое и бедных, и богатых и ожидать прибытия обещанных ему Панкратьевым двух батальонов 42-го егерского полка, с полковником Миклашевским. Но Панкратьев, как видно, передумал и решил усмирение мятежников и умиротворение Дагестана предоставить самому себе. Вследствие этого он предписал командующему войсками на лезгинской кордонной линии генерал-лейтенанту [299] барону Розену 4-му выслать из Царских-Колодцев в старую Шемаху два батальона Эриванского карабинерного полка, с шестью полевыми и двумя горными орудиями, под командою флигель-адъютанта полковника Дадиани, которому присоединиться в Шемахе к отряду полковника Миклашевского, прибывшему туда в конце июня, после усмирения Талыши. Каханову же он дал знать, чтобы тот не предпринимал никаких дальнейших и ненадежных экспедиций до его прибытия, к 1-му сентября, с главным отрядом, а ограничивался бы только приведением жителей к повиновению около Тарки и Дербента (Предписание 28-го июля №

860.). Связанный в своих действиях и этим распоряжением, и недостатком войск, Каханов поневоле засел молча и только производил разъезды, не приносившие ему никакой пользы и лишь раздражавшие мятежников.

15-го июля разъезды, посланные по трем дорогам — к стороне Черкея, к Эрпели и к Казанище, открыли в последних двух направлениях сильного неприятеля. Интересуясь узнать, в каком числе горцы находятся возле Эрпели, так как с 8-го июля близ лагеря они не показывались, и можно было думать, что часть из них отправилась к Кази-мулле, Каханов на другой день взял 6 рот апшеронцев, 6 орудий легкой № 3 роты и 600 человек кавалерии и с ними двинулся по эрпелинской дороге. Выйдя на равнину, в пяти верстах от селения, он увидел значительные партии у теснины, через которую пролегал путь, и на высотах вокруг деревни. Они тотчас же заволновались и угнали подальше скот, видимо приготовляясь к бою. Зная хорошо эту теснину, Каханов повернул на каранайскую дорогу, которая также приводила к сел. Эрпели с другой, более [300] доступной стороны, и едва не наткнулся в упор на лагерь мятежников, а также на завалы, устроенные под прикрытием густого леса. Здесь он остановился и построился в боевой порядок, ожидая, что горцы будут его атаковать; но они залегли в завалах, заняли опушку и терпеливо выслеживали, ничего решительного не предпринимая. Наскучив этим взаимным созерцанием, г. м. Каханов повернул назад и дождался небольшой перестрелки лишь тогда, когда удалился на довольно далекое расстояние, при котором для обеих сторон она составила нечто в роде маленького развлечения (Донесение 19-го июля № 412.). Разъезды, производившие свои поиски и в последующие дни, иногда видели издали неприятеля, но столкновений с ним не имели. 27-го июля одна из наших партий была встречена у разоренной дер. Темир-Хан-Шуры новою толпою мятежников и в столкновении с нею потеряла двух раненых. Думая перехватить эту толпу, Каханов тотчас двинулся ей на встречу с тремя ротами пехоты и частью кавалерии, при двух орудиях, но, придя на место, не застал уже никого — что, конечно, и следовало ожидать. Так шли дела у Каханова до 22 августа, и в течение этого периода не произошло ни одного выдающегося приключения.

Все бесцельные движения нашего отряда, естественно, только развивали самоуверенность и дерзость мятежников, которые не могли не понимать, что они составляют последствие нашего бессилия. Кази-мулла, возвратившийся с кумыкской плоскости, пользовался всем этим с большим уменьем. Совершенно довольный тем, что привел нас в пассивное состояние, он, сидя в Чумкескенте, рассылал воззвания, запасался всеми средствами для обеспечения своих дальнейших действий и выжидал той минуты, когда его усердные сподвижники настолько [301] подготовят ему почву в Кайтаго-Табасарани, что он в состоянии будет без малейшего опасения осуществить свою радужную мечту относительно Дербента. Эти сподвижники, согласно его инструкции, данной им перед отъездом на левый фланг линии, открыли свою энергичную деятельность первоначально против владений Ибрагим-бека карчагского. В первых числах июля хорошо организованные и сильные их толпы спустились с гор, под предводительством сына бывшего майсума прапорщика Мамасан-бека и его товарища Аслан-бека (брата Шах-Гирея) и под общим начальством муллы Хан-Мамеда сулакского, которого назначил вместо себя Магомет ярагский, не будучи в состоянии на этот раз, за болезнью и дряхлостью, принять участие в походе. Они низринулись на деревню Хулух, разгромили ее, оттуда перенесли свои удары на отнятия у бывшего майсума и отданные Ибрагим-беку селения Тиниты, Ташлу-Кент, Бергин-Кент и Чаг-дых и, наконец, утвердились в Хюрюхе. Таким образом, они заняли и разорили весь этекский магал. За отсутствием Каханова, исправлявший должность военно-окружного начальника в Дагестане командир Апшеронского

полка полковник Остроухов, не имея в своем распоряжении никаких подвижных сил, не мог воспрепятствовать успеху мятежников и ограничился лишь тем, что обратился за пособием к Аслан-хану; вместе с тем он предложил кубинскому и дербентскому комендантам усилить наблюдение на границах управляемых ими провинций и просил полковника Миклашевского поскорее прибыть из Шемахи с двумя батальонами вверенного ему 42-го егерского полка, которых с нетерпением ожидал уже давно и г. м. Каханов. На последнее распоряжение генерал Панкратьев дал ему знать, что Миклашевскому предписано находиться с его отрядом в с. [302] Гилляре, собственно в его, Панкратьева, распоряжении, и «он не отдан в команду г. м. Каханова», к которому в скором времени прибудет с батальонами полковник кн. Дадиани, «а, следовательно, и не должен предпринимать никакого дальнейшего движения — писал Панкратьев — без особенного моего повеления». Таким образом, мы могли пока оказать преданному нам Ибрагим-беку весьма малое содействие, и его владения, в сущности, оставались беззащитными и предоставленными его личному усмотрению и собственной обороне. Последней же не произошло потому, что Ибрагим-бек в это время находился в отряде Каханова. Когда же он получил письмо от матери, извещавшей его и Каханова о постигшем ее ударе и о невозможности удержать деревни в повиновении, по случаю сильного натиска мятежников, тогда только он прискакал со всеми нукерами в свои владения. Хотя в это время ему трудно было соперничать со скопищем, усилившимся, по его словам, до трех тысяч человек; тем не менее он собрал всех, кого мог поставить в ружье, и, усиленный, по распоряжению Каханова, дербентскою милициею, выжидал случая захватить своих врагов врасплох или враздробь. Последние, в отвращение всякого серьезного им противодействия, обратились к подпоручику Авдурзах-бек-кадию, приглашая его пристать на их сторону и тем порешить вопрос об отпадении от Ибрагим-бека его подвластных, на которых кадий имел сильное влияние. Но Авдурзах сказал им на это:

«Я всегда готов быть с вами, но только не начинайте с меня первого. Ибрагим-бек прибыл уже в свое владение; ступайте к нему и старайтесь увлечь его лестью или силою — а тогда и я согласен» (Рапорт Ибрагим-бека Каханову 20-го июля № 37.). [303]

Однако мюриды Кази-муллы не пошли к Ибрагим-беку, а толпою, в числе тысячи человек, напали 17-го июля в полдень на селение Сыртич. Ибрагим-бек вышел к ним навстречу и после перестрелки, продолжавшейся до вечера, заставил их отступить и удалиться в Хулух. Здесь они заняли сильную позицию и ожидали подкреплений из Каракайтага, с намерением произвести тогда нападение на Карчаг, находившийся в расстоянии всего двадцати пяти верст. Бала-хан уверял Каханова, что он отклонил каракайтагцев от всяких злых намерений, и они образумились; но, к сожалению, время было настолько смутное, а народ повсюду настолько ненадежен, что мы, со своей стороны, не давали уже полного вероятия всякого подобного рода заверениям жителей и заявлениям их представителей. Так отнесся к этому вопросу даже и Ибрагим-бек, который ежедневно чуть не два раза посылал мольбы Миклашевскому прибыть скорее к нему на выручку. Он писал, что истощил почти все свои силы к удержанию скопища мятежников, которые, разграбив многие его деревни, приблизились к последнему его убежищу и требуют от него, чтобы он соединился с ними и действовал заодно. Миклашевский отнесся с полным участием к злополучному карчагскому владельцу, всегда нам преданному, и соображая, что «бунтующий табасаранский народ, увлекши и остальных людей, оставшихся ему верными, может, наконец, распространить грабежи свои до самого Дербента» и прекратить сообщение между им и Кубою, направился не к Каханову в Дагестан, а к Ибрагим-беку. Прибыв к ному в последних числах июля, он рассеял скопище, встретившее его при

селении Сыртич, оттуда двинулся в горную часть Табасарани, наказал некоторые деревни и привел к повиновению весь дерчинский магал. Старшины [304] некоторых деревень явились к нему с повинною, а жители двух из них, им сожженных, просили позволение возвратиться на свое пепелище. Затем он решил остаться в карчагских владениях еще на несколько дней, чтобы окончательно успокоить этот край; возвратиться же в Гилляр до прибытия туда из Царских-Колодцев Эриванского карабинерного полка он не считал удобным, так как это могло бы вновь возбудить к бунту табасаранцев, всегда имевших возможность выставить в поле до 5000 человек вооруженной силы (Донесение Миклашевского Панкратьеву 29-го июля № 95.).

Панкратьев не выразил никакого неудовольствия Миклашевскому за его самовольные действия. Напротив, подтверждая Каханову еще раз не предпринимать до прибытия его экспедиций, и требуя, чтобы он кроткими мерами внушал жителям доверие к правительству, командующей войсками находил, что северный Дагестан уже почти успокоен, а табасаранская экспедиция Миклашевского, имевшая такой хороший успех, конечно, упрочит это спокойствие. Может быть, в виду этих обстоятельств, а может быть и по другим причинам, Панкратьев отложил свой приезд в Дагестан до 1-го октября и приказал отряду, собиравшемуся в Гилляре, оставить это селение и следовать опять в старую Шемаху (Предписание Каханову 11-го августа № 943.).

Этому ослеплению и новым нашим ошибкам и заблуждению мы обязаны теми успехами Кази-муллы, которые, наконец, упрочили за ним непоколебимый авторитет в населении и дали ему средства не терять на него влияния даже и в тех случаях, когда он терпел самые неудачи. В то время, когда Панкратьев был уверен, что спокойствие, наконец, быстро водворяется, [305] Кази-мулла вел деятельные переговоры с Магометом ярагским через посредство двух своих приближенных мюридов — Сухту-Али-оглы и Аджи-Мамет-оглы, обещаясь скоро прибыть в Табасарань и лично руководить всеми операциями (Рапорт майора Васильева Каханову 19-го июля № 33.). Успехи Миклашевского в Табасарани заставили его не откладывать более своего приезда в Дагестан, и в начале августа он с тысячною партиею, почти исключительно одних чеченцев, прибыл в Эрпели. По словам Каханова (Донесение Панкратьеву 12-го августа № 469.), эрпелинцы «приняли его с торжеством» и, нет сомнения, тотчас примкнули к его толпам. Отсюда он двинулся в Губдень и расправил свои крылья не только над селениями, присягнувшими недавно Сулейман-паше, но даже и над кюринцами и казикумухцами. Аслан-хан и Сулейман-паша одновременно воззвали к Каханову, прося к себе «победоносные русские войска». Первый из них утверждал, что, в противном случае, народ его, «будучи не в силах противостоять мюридам, принужден будет обратиться к ним», а второй — что «проклятый Кази-мулла скоро учинит большое дело через обман народа». Каханов тотчас же отнесся к полковнику Миклашевскому и предложил ему немедленно прибыть к с. Каякент и там ожидать дальнейших приказаний. Но отважный имам предупредил все эти распоряжения и 12-го августа, с двухтысячным скопищем, был уже в селении Башлы. Жители последнего, вместе с остальными терекемейскими деревнями (Два магала (волости, приходы) Терекеме — в нижнем Кайтаге, к которому принадлежит еще и магал Гамри. Терекеме населено выходцами из Ширвани, пришедшими сюда, по преданию, из Трухмении. От последнего слова произошло и их название. Услар.), не замедлили [306] присоединиться к нему «для совместного действия», усилили его скопище до трех тысяч человек, 13-го числа двинулись к Дербенту и уничтожили, в двенадцати верстах от него, часть дарбахского кордона, вследствие чего он был снят, а нижние чины Куринского полка переведены к Дербенту на высоты Кифар. В Табасарань же имам послал письма, уведомляя преданных ему мулл — Хан-Магомета

чуйменского и Кирима ханаглинского, с которыми все время не прекращал переписки, что вышлет в помощь населению четыреста мюридов для нападения на селение Карчаг. Табасаранские беки очень рады были этому обещанию и вновь отправили послов к Авдурзах-бек-кадию, прося его присоединиться к ним — на что не встретили теперь никакого противоречия. Опасаясь совершенно основательно за целость Дербента, и. д. коменданта майор Васильев просил Миклашевского прибыть скорее на помощь, но Миклашевский нашел его опасения преувеличенными и, следуя предписанию Панкратьева, 15-го августа вступил в с. Зейхур, чтобы на утро следовать далее в Шемаху. 23-го августа он уже был у караван-сарая Алты-Агач.

Но то, что Миклашевскому казалось издали преувеличенным, в Дербенте находили неизбежным, и поэтому с 14-го августа начались все меры к обороне: гарнизон крепости, носившей название «Рынкалы», был усилен чинами линейного № 10 батальона, под командою шт. к. Ковалевского, которым сделано распределение на случай тревоги; к берегу моря выслана особая команда из чинов того же батальона, в числе 50 человек, под командою прапорщика Сухорукова; у главных городских ворот, против кифарской стороны, поставлен резерв с одною шестифунтовою пушкою; слабейшая часть от моря сильно укреплена турами; быстро производилась [307] достройка стен в крепости и в городе, в которых принимали деятельное участие и сами жители; наконец, произведено «в первый раз» артиллерийское ученье с пробною пальбою. Решительное намерение Кази-муллы завладеть Дербентом и со всех сторон стекавшийся к его скопищу народ окончательно поколебали дух жителей всех провинций, приготовившихся к измене. Главными из них были Табасарань, со своим Авдурзах-кадием, и Кайтаг, население которых, вместе со своими беками, чуть не поголовно вступило под знамена имама; за ним пошли кабодергцы, сюргинцы и даже часть акушинцев. Изменник прапорщик Навруз-бек занял по-прежнему деревню Падар, а управление Кайтагом Кази-мулла вверил Умар-беку, возведя его в сан уцмия и отдав приказание, чтобы жители не повиновались никому иному. Умар тотчас объехал всю провинцию, собрал хлеб с деревень и отправил в стан Кази-муллы; взыскал с откупщика нефтяных колодцев 202 руб., следуемые в суммы распоряжения главнокомандующего, и подтвердил ему строго, чтобы без его приказания за эту статью дохода никому денег не давал; взысканную же сумму он добросовестно также препроводил имаму. Кази-мулла решил немедля извлечь пользу и из остальных передавшихся ему беков. 16-го августа он отправил некоторых из них, в том числе и двух сыновей Навруз-бека, во главе 200 лихих всадников, на рекогносцировку к Дербенту. Они спустились с гор и явились в семи верстах от города, но после трехчасовой перестрелки были рассеяны и прогнаны дербентскими жителями, высланными им на встречу в числе 300 человек, под командою прапорщика Фергат-бека, некоторых других беков и переводчика Лаврилова. На, другой день, выделив своим новым толпам, согласно обещанию, часть мюридов, Кази-мулла снарядил [308] довольно сильный отряд, во главе с Муртузали-беком, Айда-беком, Александер-беком (сыном Ахмет-паши) и сыном Авдурзах-кадия Муртузали-беком, и 17-го августа послал его в Карчаг для доставления ему головы Ибрагим-бека. Но последний, с племянником своим прапорщиком Султан-Ахмет-беком и 50 нукерами, успел бежать в Дербент; Карчаг же был сожжен. Ужас начал распространяться по всем отдаленным местам при одном имени Кази-муллы, так что даже жители Кубинской и Шемахинской провинций прислали к нему своих депутатов с выражением желания принять его к себе беспрекословно. Обнаружил ему свое сочувствие даже и Аслан-хан казикумухский, так как он также «прислал к мятежнику Кази-мулле своих людей», и одновременно с этим, желая,

конечно, осуществить при столь удобном случае свои давние стремления относительно захвата карчагских владений, обратился с письмом к и. д. дербентского коменданта и к полковнику Остроухову, упрекая Ибрагим-бека в трусости и прося их отправить его обратно в свою резиденцию т.е. на жертву мюридам. Но Васильев и Остроухов были настолько благоразумны, что этого не сделали (Донесения Панкратьеву полковника Остроухова 24-го и 27-го августа №№ 219 и 225 и майора Васильева Каханову 16-го августа № 52.). Последний из них, между прочим, предписал вверенного ему полка майору Лещенко, чтобы он, с двумя ротами и двумя орудиями, отправился в с. Зейхур, наблюдал бы оттуда за действиями мятежников и препятствовал бы им переправиться по сию сторону Самура, если бы они того захотели.

Кази-мулла, упоенный своими успехами, и считая заранее Дербент своею собственностью, 19-го августа послал через шиха селения Калы два письма — одно к [309] майору Васильеву и другое к дербентскому обществу. Содержание этих интересных писем было такого рода:

I. «От бедного или ничтожного раба божия, признающегося в своем немогуществе, Кази-Мамеда (да подкрепит его всемогущий Бог!) начальнику войск, дербентскому коменданту.

Да будет мир тому, кто последует воле божией. Аминь.

Я приглашаю тебя и тех, которые с тобою, к мусульманской религии. Будете мусульманами — останетесь невредимыми, не отрекайтесь — пойдете в рай. Покайся ты с твоими последователями в своих грехах — и обратитесь к долгу нам и вам равному. Не поклоняйтесь никому, кроме единого Бога, и не полагайте ему товарища. Можно ли сомневаться в Боге, сотворившем небо и землю, или в пророке его, для которого Он создал их? Еще знайте, наверное, что вы получите наказание от Бога, если не послушаетесь и не обратитесь. Дожидайтесь; мы также дожидаемся. 20 рабиль-авель 1247».

II. «От бедного или ничтожного раба божия Кази-Мамеда ко всем дербентским жителям секты сунни и шия.

Да будет вам от Бога мир и помилование. Аминь.

О мусульмане! Есть ли в вашей книге иметь врагов божьих друзьями и поклонников идолов повелителями? Позволено ли мусульманам служить неверным, и позволительно ли оставаться там, где невозможно торжествовать шариату? Если вы скажете, что точно непозволительно, то вам необходимо искать оного. Что сии предметы, которыми вы заняты? Обратитесь — да Бог вас помилует! — к долгу нам и вам равному: не иметь божьих врагов последователями, оставляя Бога; возобновить учет обрядов религии, как то: салатт (молебствие), зякят (духовная подать), урючи (пост) и другие обязанности мусульманства, и быть нам рабами всевышнего Бога, а не идолопоклонников. Еще знайте, наверное, что никому из поклонников Мекки-шии, такой или другой секты, мы не повредим, если только они повинуются нам в повелениях шариата, придерживаясь оного».

Угроза, предъявленная дербентскому коменданту, носила характер решительный, поэтому он тотчас собрал [310] на совет всех штаб и обер-офицеров и, вследствие их общего решения, снял с высоты Кифар воинский пост из куринцев и перевел его в Дербент. Вместе с тем сняты в городе остальные посты, занятые линейным № 10 батальоном, и сданы в ведение командира 3-го батальона Куринского полка майора Черникова-Анучина, который расположил свой батальон в Дербенте по стенам с обеих сторон до берега моря; в помощь к нему присоединена часть жителей, которым розданы порох и свинец. Весь грузинский линейный № 10 батальон,

под начальством своего командира майора Пирятинского 1-го, занял крепость Рынкалы следующим образом: 1-й фас, с мусульманской стороны, под начальством подпоручика Соловьева — командою из 64 нижних чинов; 2-й фас, от главной башни и под горскими воротами — 73-мя нижними чинами, под командою подпоручика Максимова; 3-й фас, от горской и кифарской сторон — 67-ю нижними чинами линейного № 10 батальона, и 39-ю куринцами, под командою штабс-капитана Ковалевского; 4-й фас, с кифарской стороны до водяных ворот — 73-мя нижними чинами, под командою поручика Карабакова. В число означенных нижних чинов вошли и все нестроевые, не исключая даже писарей. Часть людей, кроме того, была назначена в помощь артиллеристам, а к гарнизонной артиллерии прапорщику Романову наряжен был и. д. плац-адъютанта Куринского пехотного полка прапорщик Дыньков. Для смены дневных командиров и на случай привлечения их к другим обязанностям был назначен штабс-капитан Жуков.

19-го августа неприятельская партия сожгла остальную часть кордона Куринского полка. На тревогу была послана городская конная милиция, которая, после небольшой перестрелки, должна была уступить многочисленности [311] горцев и возвратиться без всяких результатов. С этой минуты сообщение между городами Кубою, Дербентом и Тарки, бывшее и без того крайне затруднительными безусловно прекратилось, и гарнизону крепости, в ожидании неминуемого нападения, естественно, оставалось положиться на себя и на помощь божию — впредь до времени, когда счастливый случай даст возможность снестись с отрядом Каханова. К сожалению, надежда на этот случай еще более отдалилась, когда 20-го августа, около десяти часов утра, конная пятисотенная партия показалась возле кифарских высот, а за нею валили густые толпы пехоты в несколько тысяч человек — и Дербент был сразу атакован с кифарской стороны. Не прошло затем получаса, как кифарские высоты и две башни против Рынкалы были в руках неприятеля. Быстро устроившись на этих господствующих пунктах частью своих сил, Кази-мулла двинул остальных своих сподвижников, под начальством Авдурзах-кадия и других, так недавно будто бы преданных нам беков, к водяным и главным воротам, с явным намерением овладеть городом без всякого замедления. Против этой массы отважно выступила горсть жителей, в числе всего лишь ста человек, под командою поручика Амераслан-бека, с переводчиком Егором Лавриловым, и, поддержанная со стен крепости беглым ружейным и сосредоточенным артиллерийским огнем, вступила с нею в перестрелку. Но, конечно, храбрые дербентцы устоять не могли и скоро, обданные густыми залпами из садов и завалов, отступили в город, увенчав, впрочем, свой подвиг в среде неприятеля двадцатью убитыми и ранеными. По следам их атакующие опять приблизились к водяным воротам, но здесь встретили сильный ружейный огонь жителей, которых ободряли своим примером Куринского полка штабс-капитан [312] Жуков, Ибрагим-бек со своими нукерами, письмоводитель городового суда Тернов, коллежский регистратор Сипайло-Рудницкий, прапорщик Фергат-бек и некоторые другие, имена которых достойны полного уважения. У главных ворот защитою из жителей и таможенной команды руководил губернский секретарь Серебряков, который также с честью отстаивал свой пост. Атаки, сопровождаемые неистовою пальбою с обеих сторон, продолжались до двух часов пополудни. После этого неприятель отступил и, под пушечными выстрелами, потянулся к морю, засел в завалах, а также обложил вокруг крепости остальные господствующие высоты; часть его зашла с мусульманской стороны и заняла сады под самым городом. С этой минуты опять открылась непрерывная перестрелка со всех сторон, которая продолжалась до двух часов пополуночи. В промежутке этого времени мы успели, под руководством начальника инженерной команды подполковника Остроградского, устроить

бруствер в тех местах, где его не было, употребив для этого все, что нашлось под рукою, и возвести три батареи, каждую на одно легкое орудие — две с кифарской стороны и одну с мусульманской; кроме того, при усердии городничего Фергат-бека, исправлены на берегу полуразрушенные стены с бойницами по длине до 10-ти сажень и в вышину от 7-8 фут; наконец, подведены под один уровень волчьи ямы перед воротами со съемкою и подсыпкою земли в восемь квадратных сажень. Караул в крепости Рынкалы был также усилен. Неприятель тем временем не развлекался одною лишь перестрелкою, а достиг и других результатов: он сжег все строения на кифарских высотах, возведенные для женатых нижних чинов, истребил часть садов, уничтожил в них все жительские постройки и в заключение отвел воду от крепости и города. В общем, однако, день [313] этот обошелся для нас счастливо: при первой встрече скопища убит один из жителей и на втором фасе ранен аудиторский писарь Басов. События дня дали возможность определить силы неприятеля примерно в восемь тысяч человек.

В течение ночи лезгины опоясали город цепью завалов, устроенных ими возле башен против крепости Рынкалы, на татарском кладбище против главных ворот и возле ханских мечетей. В шесть часов утра они низринулись с высоты Кифар к крепости и к стенам города; часть же скопища, численностью до тысячи человек обоих родов оружия, направилась к берегу моря, намереваясь ворваться в город через главные ворота. Первые толпы, встреченные убийственным огнем из крепости и с городских стен, отхлынули, залегли в своих завалах и открыли сильную перестрелку, под покровительством которой часть полчища пробовала приблизиться к стенам города. Чтобы разом охладить решимость неприятеля и отвадить его от злостных покушений, около семи часов утра была произведена из водяных ворот вылазка небольшою командою линейного батальона и ста человеками жителей, под начальством штабс-капитана Жукова и поручика Ибрагим-бека. Быстро поднявшись на крутизну под прикрытием сильного артиллерийского огня, охотники приблизились к завалам, ограждавшим две занятые неприятелем башни, и ринулись вперед по следам рядового линейного № 10 батальона Александра Бестужева (Марлинского), который, несмотря на обильный свинцовый дождь, первый вскочил в завалы. В одно мгновение последние были очищены, обе башни взяты штурмом, и неприятель бежал, преследуемый нукерами Ибрагим-бека, из которых один, по имени Муртузали, вырвал из толпы значок. В то же [314] время в главных воротах атакующие были встречены пятидесятью дербентцами, под начальством Фергат-бека, остановлены ружейным огнем и, оставив на месте до двадцати человек и трех пленных, удалились при полной неудаче. Однако в одиннадцатом часу горцы вновь заняли завалы и, при неумолкаемой до самой ночи перестрелке, несколько раз подступали к крепости и к стенам города, преимущественно из садов с горной стороны. Подобно тому, как и накануне, все покушения их остались бесследны. Вечером к дому городничего Фергат-бека был вывезен единорог, а другое орудие поставлено на стене у таможни, и открыт был огонь по башням, по завалам и по ближайшей лощине, в которой засела неприятельская кавалерия. Завалы снова были очищены — хотя, конечно, на время, а кавалерия оставила свой приют и удалилась в сады. В течение дня у нас убиты двое и ранены четверо. В крепости при башне № 10 переделана вновь деревянная платформа и исправлена самая башня; от городской угловой башни № 6 до башни № 10 вся западная и северная линии по длине 170 сажень подняты на высоту от четырех до шести фут.

22-го числа, в семь часов утра, с мусульманской (западной) стороны показались большие толпы конницы и пехоты, сожгли часть форштадта, спустились к кладбищам и в сады и засели

в завалах с видимою решимостью произвести серьезную атаку города. С кифарской стороны открыта была сильная перестрелка, имевшая, по-видимому, значение демонстрации, которая не умолкала до самой ночи. Крепость действовала преимущественно из батареи, устроенной в жидовской слободе. В девятом часу было выслано 150 человек дербентцев, под командою члена городового суда Авдурзах-бека и при участии некоторых других беков, для выбития неприятеля из [315] завалов и из-за камней, откуда он в особенности беспокоил город. Вылазка достигла цели, и лезгины, оставив свои убежища, скрылись в садах, понеся потерю до 35-ти человек. Ночью неприятель покушался с кифарской стороны поджечь хворостом главные ворота, но попытки его были парализованы таможенною командою, при участии некоторых беков, а также картечным огнем. У нас ранены два нижних чина и один из жителей. В крепости поставлены у пушек щиты для ограждения людей от боковых и тыльных выстрелов; на западной стороне, в первом и втором фасах, сделаны две амбразуры, и поставлены два орудия; под некоторыми орудиями настланы платформы, а под другими положены дощатые настилки.

Непрерывная и энергическая деятельность гарнизона и жителей, сопровождаемая постоянным боем, давала себя чувствовать весьма сильно. Люди быстро изнурялись, надежды на скорую выручку из беды никакой не было, и мощный дух солдат явно требовал уже поддержки, потому что они столько же им пользовались сами, сколько и делились с жителями, которые при малейшем их ослаблении сейчас бы опустили руки. Майор Васильев видел и понимал все это; он находил, что только наши успехи и неожиданный перевес незначительного гарнизона над скопищами, вдесятеро его сильнейшими, могут прибавить осажденным сил и мужества для дальнейшей борьбы. По его мнению, иного средства не было для достижения желаемой цели, как периодические вылазки, если они будут успешны — тем более, что гарнизон их сам желал для лучшего обеспечения своего положения. В последнем случае вылазка была, действительно, необходима, чтобы отнять у неприятеля высоту перед северною частью крепости и башни, за которыми он сидел [316] вполне безнаказанно, а также выгнать его из садов и траншей против города. Васильев объявил свое решение совету офицеров, но встретил сильное противоречие со стороны инженер-подполковника Остроградского, который доказывал невозможность и бесплодность подобной вылазки с фактической стороны. В опровержение его доводов майор Пирятинский представлял всю пользу и необходимость вылазки с практической и потом строго научной точки зрения — и мнения, таким образом, разделились. По обсуждении в совете тех и других представлений, заключение Пирятинского одержало верх и решено было не отказываться от вылазок до тех пор, пока это будет возможно и удобно.

В ночь на 23-е число лезгины усилили завалы и все закрытия, устроенные ими с кифарской стороны возле башни против крепости и главных ворот, а также на татарском кладбище и у мечетей, и с наступлением утра удвоили из них огонь. Непрерывная и неумолкаемая пальба, сопровождаемая попытками к штурму городских стен, ясно доказывала, что действия их направлены к ослаблению и даже обессилению гарнизона. С мусульманской же стороны было тихо. Для разыскания и обнаружения неприятеля в этом последнем направлении майор Черников-Анучин выслал 50 человек, под командою стоявшего на приморской батарее штабс-капитана Юматова. Пройдя форштадт до самых садов, охотники не открыли горцев и возвратились в свои места. Между тем с кифарской стороны перестрелка и подступы к стенам города не прекращались вплоть до четырех часов пополудни. Майор Васильев приготовил вторую вылазку — и около пяти часов выступили из города 200 человек жителей, под

командою прапорщика Фергат-бека, при содействии Зейнал-бека, Ага-бека, Мамурзы-бека и дворянина [317] Абрамова; в помощь им майор Черников-Анучин направил от берега моря сто человек куринцев, при одном орудии легкой № 3 роты 21-й артиллерийской бригады, под начальством штабс-капитана Юматова. Едва охотники выступили из города, как пальба неприятеля приняла ужасающие размеры — как будто он стрелял не заряжая. Но это не остановило наших солдат, которые, теряя ежедневно терпение, в то же время сильно жаждали боя. Разрядив два-три раза свои кремневки и не видя от них никакого толку, они дружно и твердо ударили в штыки. Под этим вполне геройским натиском масса горцев, сидевших за закрытиями, заколебалась наподобие волн, сообщающих друг другу последовательные толчки, и вслед затем, охваченная общим замешательством, бросилась вон из всех своих завалов. Восторженное «ура» охотников еще более воодушевило их, и они бросилась за нею в погоню, покровительствуемые орудиями из цитадели и со стен крепости. При овладении мечетью, Куринского полка рядовой Соколов вынесся впереди команды, вскочил на мечеть и, поддержанный в этот момент несколькими своими товарищами, сорвал зеленое знамя, которое в общей панике правоверные уступили без боя. Таким образом, вылазка увенчалась блистательным успехом. Неприятель потерял убитыми и ранеными свыше 70-ти человек; с нашей стороны ранено 5 нижних чинов, убиты два дербентца и ранен Аликпер-бек-Фет-Алибеков. Васильев с особенною похвалою отзывался между прочим о дербентском городничем, который, внушая жителям о строгом исполнении их обязанностей, поспевал всюду. Своим выдающимся подвигом гарнизон отвоевал себе сравнительное спокойствие на целую ночь.

24-го числа до полудня неприятель не предпринимал [318] ничего особенного и ограничивался лишь небольшою перестрелкою из завалов, устроенных в разных местах вокруг крепости и города; во втором же часу он покушался сделать подступ для отвода воды, протекавшей из фонтана в стене крепости, и в то же время произвел большими силами наступление к городу от моря с мусульманской стороны, намереваясь зажженными головнями поджечь третьи и четвертый (дубарские) ворота. На обоих пунктах он был отбит и отступил обратно в сады и завалы без всякого для себя результата и только с потерею людей, которую впрочем определить было довольно трудно. В пятом часу пополудни он потянулся сильными толпами в гору, на Кифар, обходя вокруг крепости под пушечными выстрелами, с целью отнять последний фонтан воды, протекавшей возле стен крепости в город; но и это ему не удалось, хотя он прикрывался сильным огнем из садов и завалов, не прекращавшимся затем до самой ночи. В этот день мы истощили последние наши картечные заряды и приступили к снаряжению новых. К ночи для восемнадцатифунтовой пушки было изготовлено их, вместе со шпиглями, 33, для 6-ти-фунтовой также 33 и для трехфунтовой 44.

Таким образом продолжалось заготовление их и в последующие дни.

В течение пятидневной блокады лезгины истребили много городского имущества и естественно вызвали против себя крайнее неудовольствие жителей, проникнувшихся желанием отомстить им за все эти убытки и не жалевших о них только потому, что рассчитывали на наше вознаграждение. Действуя систематически, Кази-мулла производи л свои опустошения понемногу и последовательно, думая этим победить упрямство дербентцев и заставить их склониться на свою сторону; но они, по словам майора [319] Васильева, продолжали «терпеливо переносить все притеснения неприятеля» и, к чести их, «с отличным усердием и ревностью защищали город». 25-го августа имам изыскал новую пищу для своих

сокрушительных замыслов: он выслал из садов с мусульманской стороны многочисленные толпы своих сподвижников для угона баранов, пасшихся у городских стен; с кифарской же стороны тем временем он поддерживал сильную перестрелку. Баранья экскурсия, однако, не удалась Кази-мулле, как и все предшествовавшие его покушения, и хотя мы лишились четырех раненых, но зато лезгины, кроме того, что не достигли цели, потерпели урон, преимущественно от наших орудий, в несколько раз более. На другой день происходило у нас с утра сильное состязание с толпами, занимавшими кифарские высоты, а также сады и завалы возле башен против крепости Рынкалы, и одним удачным орудийным выстрелом сорван значок, поставленный возле башен в завалах, и убито несколько лезгин. Какой смысл был этой пальбы со стороны неприятеля — трудно было отгадать, потому что он сам оставался неподвижен и только в десятом часу выделился несколькими небольшими толпами и сжег в садах еще часть виноградных заводов и жительских строений — что, впрочем, мог сделать и без всякой траты пороха. С мусульманской стороны он опять не показывался, вследствие чего для открытия его был послан Ибрагим-бек карчагский с тридцатью своими нукерами. На этот раз его встретили в садах до двухсот человек, которые и заставили разъезд возвратиться обратно в город — впрочем, без всякой потери. Стрельба с Кифара продолжалась до полуночи, и у нас ранен один унтер-офицер. День этот заключился в гарнизоне маленьким недоразумением, которое однако разрешилось [320] благополучно и не оставило по себе никаких последствий. Мусульманам шиитам почему-то показалось, что сунниты могут, наконец, изменить нам, передаться имаму и впустить его в город, вследствие чего они заявили об этом и. д. коменданта. Последний, по проверке этого подозрения, нашел его не заслуживающим вероятия, а сунниты поспешили вполне сгладить его тем, что добровольно дали от себя в аманаты тридцать почетнейших лиц. Относясь критически к этому обстоятельству, и взяв во внимание, что нет дыма без пламени, можно, действительно, подозревать среди суннитов начало охлаждения к нам и желание, в силу тяжкой необходимости, порожденной безнадежностью в улучшении своего положения, спасти остаток своего достояния и вообще переменить худшее на лучшее; но, к счастью, такое намерение, если оно и в самом деле было, не получило дальнейшего роста, потому что 26-е августа было последним днем тяжкой блокады злополучного города.

Когда неприятель подступал к Дербенту, и майор Васильев уже убедился, что блокады не миновать, он послал с известием о том к г. м. Каханову двух нарочных — казака и чапара; но первый был убит, а, второй взят в плен, и вследствие этого Каханов остался в неведении об участи Дербента. А так как, кроме того, ему не велено было предпринимать дальних экспедиций, а обстоятельства требовали приведения в порядок дел в шамхальстве, где, как уже известно, эрпелинцы и казанищенцы стояли против нас во всеоружии — то 22-го августа он оставил лагерь в сел. Кафыр-Кумыке, отправил обоз по прямой дороге к Параулу под прикрытием четырех рот куринцев, четырех орудий и казикумухской милиции, а сам с остальными войсками двинулся к с. Казанище. Цель этого движения состояла в том, [321]

... «дабы в день коронации Его Величества разорить до основания сие гнездо мятежников, где собрались со всех окрестных селений жители, по невозможности проживать в домах своих, потому что отряд наш стоял в центре шамхальских владений».

Подойдя к сел. Казанище и увидев на горе толпу мятежников, он одним выстрелом из орудия обратил их в бегство и занял гору кавалериею, а три роты апшеронцев, с одним орудием, под командою майора Авраменко, двинул в самое селение. Лишь только они вступили туда, как

были встречены сильным ружейным огнем из всех домов. Но трудно было поколебать храбрых солдат, руководимых отличными офицерами. Дом за домом были взяты ими приступом, и часть мятежников, спасшихся от штыков, бежала на гору; немногие только фанатики остались в саклях и продолжали упорствовать. По бегущим был открыт сильный артиллерийский огонь с противоположной высоты, а селение расчищено одним орудием, поставленным у шамхальского дома, и затем предано пламени. При отступлении отряда к Параулу в арьергарде произошла небольшая перестрелка. Потеря наша заключалась в одном убитом и восьми раненых нижних чинах.

Узнав вслед затем об окончательной и поголовной измене кайтаго-табасаранцев, и получив известие от Миклашевского, что он в Каякент не прибудет, Каханов 24-го августа сосредоточил свой отряд в селении Губдень, чтобы при первой надобности подкрепить Бурную или Дербент. Эта надобность сказалась тотчас же, так как он, наконец, получил частные, но верные сведения, что Дербент в блокаде и в большой опасности. Нимало не медля, он 25-го августа двинулся к нему форсированным маршем через Каякент, потом по береговой дороге через Истису и кордон Куринского [322] полка, через р. Бугам — и 27-го августа, в 6 часов пополудни, был восторженно встречен у кизлярских ворот жителями города и гарнизоном. Кази-мулла, услышав о приближении, бежал в три часа ночи, оставив для развлечения осажденных лишь одни караулы, которые до рассвета маскировали пальбою его бегство. Последнее было настолько поспешно, что лагерь неприятеля остался не убран и целиком поступил в наше распоряжение с несколькими оседланными лошадьми, частью рогатого скота, с двумястами штурмовых лестниц и разными другими предметами для штурма, которыми имам не успел воспользоваться. В семь часов утра для преследования неприятеля были высланы двести человек конных дербентцев, под начальством поручика Гусейн-бека и Ибрагим-бека карчагского, с нукерами сего последнего, которые хотя и настигли скопище в сс. Рукель и Джалган, но, по многочисленности его, не решились вступить с ним в дело и возвратились в город без потери.

По собранным сведениям, в последние три дня блокады у Кази-муллы было до пятнадцати тысяч человек. Потеря в линейном № 10 батальоне состояла в одном убитом и четырех раненых нижних чинах; выпущено батальоном 20460 патронов (Остальных подробностей, касающихся гарнизона и жителей, не имеется. Донесения Панкратьеву г. м. Каханова 23-го и 30-го августа и 1-го октября №№ 499, 521 и 620, с представлением журнала о блокаде Дербента. Д. арх. шт. к. в; окр. № 16, ч. 3, 1831 г., 2 отд. г. шт.).

Несмотря на неудачу, понесенную у Дербента, Кази-мулла не думал распускать своего громадного полчища. 29-го августа он оставил в с. Рукель 300 человек конницы и пехоты, под начальством Муртузали-бека, Алескендер-бека и сына Авдурзах-кадия Муртузали, для [323] пресечения сообщения с Кубою и для грабежа проезжающих, а сам передвинулся с остальными толпами в табасаранское селение Илоди. Основав там свое пребывание, он стал устраивать лагерь у ближайшего к нему пункта Джалган, а также в ущелье при д. Бильгады и у д. Камахи, в 12-ти верстах от Дербента. На рекогносцировку его позиции был послан Авдурзах-бек Дербентский, с командою из двадцати всадников; но мюриды не допустили его до своего бивака даже на несколько верст, прогнали и преследовали до нефтяных колодцев. Имам разослал повсюду своих приближенных набирать еще новых людей, объявив, что намерен напасть на отряд Каханова, разбить его и во что бы ни стало взять Дербент. Даже он наметил ему коменданта в лице Авдурзах-бек-кадия табасаранского. Не так, впрочем, взглянули на это

дело жители вольной Табасарани и некоторые их беки: часть первых, не взирая на распоряжение о новом сборе, тотчас же удалилась в свои дома, а из числа последних четверо явились к генералу Каханову 4-го сентября с повинною и с изъявлением покорности. По сведениям, полученным от лазутчика, дербентского жителя из персиян Мамат-Исмаил-оглы, при Кази-мулле остались неотлучно, в виде охраны, двести завзятых табасаранских мюридов, обрекших себя на смерть. Боевая же сила его была пополнена четырьмя сотнями новых пришельцев из кумыкского владения, присланных шихом Абдуллою, которые значительно возместили ему происшедший ущерб. Он их направил в кайтагскую деревню Сумси, и 7-го сентября сам выехал туда же. Имея, кроме того, вблизи своего недоступного убежища в Чумкескенте надежный пока контингент для своего войска в эрпелинцах, каранайцах и казанищенцах, Кази-мулла, вместе с Магометом ярагским и со всем его семейством, направился из Сумси [324] на другой же день в селение Башлы, а затем в Губдень и далее в Тарки. Отъезжая, он приказал бекам Эльдару и Умару уничтожить в тылу у себя все мосты и переселить терекемейцев в горы, а если не пожелают — наказать их разграблением и уничтожением их жилищ. В селении Кала он оставил для наблюдения за движением наших войск сто отборных и преданных ему сподвижников, вверив их начальствованию Эльдар-бека, а жителям Каякента, Утимиша и других деревень велел оказывать всевозможное содействие башлынцам в случае их столкновения с нашими войсками. Через месяц он обещал прибыть вновь в Кайтаго-Табасарань и привести с собою сильные подкрепления (Донесение Каханову м. Васильева 10-го сентября № 2079. Д. 2 отд. г. шт. № 78, ч. 1.).

Вступление Кази-муллы в шамхальские владения и приближение его к Тарки не могли не ознаменоваться некоторыми явлениями, доказавшими, что он, несмотря на то, что занят был очень серьезными задачами, не забывал и о личности своего главнейшего врага — Сулейман-паши. В ночь на 10-е сентября он командировал к нему его ближайшего родственника Умалата, который, с партиею из двухсот человек, приехал в самую резиденцию своего двоюродного брата и угнал у него 2500 баранов. Тарковцы не только не препятствовали ему в этом, но даже о происшествии не известили воинского начальника кр. Бурной. Сделав такой значительный запас продовольствия, имам, не придавая ни малейшего значения присяге буйнакцев, карабудахкентцев и губденцев, 15-го сентября послал к ним приказание — собраться к нему в Чумкескент. Все три населения ни мало этому не противоречили, но просили разрешения лишь убрать предварительно [325] с полей хлеб; в сущности же, они просто хотели выиграть время и выждать событий, так как узнали о сборе нашего отряда для движения в горы и о прибытии генерал-адъютанта Панкратьева (Панкратьев возведен в звание генерал-адъютанта Высочайшим приказом 25-го августа 1831 года.) в Кубу. Знал это, конечно, и Кази-мулла, и в предвидении будущих явлений торопился обеспечить свои толпы всеми необходимыми для борьбы с нами средствами, в особенности продовольствием. Для этого он сам, прежде всего, отправился к эрпелинцам, затем к койсубулинцам и, наконец, в Салатавию. Отъезжая для округления своих дел, он приказал Умалату продолжать в шамхальстве поиски с продовольственными целями — и верный его слуга тотчас вновь отправил в Тарки партию в сто человек. Она подкралась к городу и опять угнала свыше трехсот штук рогатого скота, хотя на этот раз с небольшим затруднением: старик Алиб-Кач-бек, находившийся в резиденции шамхала, поспешно собрал также сто всадников, «догнал мошенников», отбил обратно почти весь скот и возвратил хозяевам, а сам, между тем, поехал в крепость сказать о случившемся. Когда он вернулся назад, то оказалось, что тот же самый скот вновь был угнан неприятелем. По расспросам обнаружилось, что переход добычи обратно в

руки похитителей произошел без труда потому, что «мошенники сии» были сами же шамхальские жители из деревень Кум-Теркале, Амир-Хан-Кента, Али-Буракента и Атлы-Боюна. Явление это для нас, а в особенности для шамхала, не обещало в будущем ничего благоприятного.

Кази-мулла, прибыв в Эрпели, по словам Сулейман-паши, «произвел на жителей сильное влияние»; но в [326] чем оно состояло — неизвестно. Отсюда он отправился в Гимры, оставив за себя в шамхальстве Умалат-бека. Последний до того стеснил не только шамхала, но даже и крепость Бурную своими разъездами и пикетами, что гарнизон лишился возможности выпускать на пастьбу скот, добывать себе дрова, перевозить провиант с берега моря и, наконец, показываться непосредственно за стенами крепости (Донесение генерал-майора Каханова 27-го сентября № 704.). Из Гимры Кази-мулла возвратился к эрпелинцам и, между прочим, желая более укрепить за собою этих доселе надежных последователей, предложил им выбраться в горы; но на такое бесцеремонное и весьма неудобное к исполнению приглашение, связанное с окончательным и безусловным разорением жителей, они отвечали ему так:

«Если ты довел нас и прочие деревни до расстройства с русским правительством и до разорения, то защищай и оправдай свои предсказания».

Настаивать было неловко — и имам, внутренне соглашаясь с доводами эрпелинцев, заронивших однако в нем искру сомнения и недоверия, приказал Умалату держаться у Казанище и наблюдать за ними, а костековскому беглецу отставному поручику Хан-Амызову послал приказание, как уже известно (См. назад, гл. XVI, стр. 262.), собрать партию в 500 человек и, независимо от истребования у ногайцев 200 арб хлеба, еще отобрать скот у андреевцев и доставить его к нему «для поощрения дагестанских жителей, которые от него начали отказываться», подразумевая под этими жителями главным образом эрпелинцев. Но мясное поручение Хан-Амызову не удалось, потому что партия его была предупреждена лазутчиками и во Внезапной встречена нашим подвижным резервом, который дал ей отпор и [327] заставил удалиться без всякого успеха (Донесение генерал-майору Каханову майора Федосеева 27-го сентября № 747.). Но эта маленькая неудача не особенно повлияла на имама, потому что, благодаря усердию Умалата, он стяжал успех на другом поле: этот преданный мюрид навербовал ему вновь массу сподвижников в Эрпели, Казанище и в других враждебных — а может быть и не враждебных доселе — нам деревнях шамхальства и намеревался даже проникнуть для этой цели к Ахмет-хану в Дженгутай. Удовлетворенный в своем главном стремлении, Кази-мулла, оставив его действовать и далее по собственному усмотрению, так как был уверен, что он ошибки не сделает, поспешил в свой надежный и излюбленный Черкей, потому что предвидел два удара, которые в это время готовились салатавцам с двух разных сторон. Ему нужно было и подготовить их к этим ударам, и воспользоваться их услугами, пока очередь дойдет до них, в других районах. Вечно мятежный «велик, богат аул Джемат» встретил его, как и всегда доселе, покорно и радостно, но искренно ли — неизвестно.

Н. А. Волконский.

(Продолжение будет).

Комментарии

3. В 1829-м году, на время войны, были сформированы четыре конно-мусульманских полка: 1) из карабахцев и сопредельных куртин, 2) из провинций Ширванской и Шекинской, 3) из

татарских дистанций, прилежащих к Грузии и Елисаветпольской губернии, 4) из татар и куртин армянской области. В каждом полку полагались: полковой командир, его помощник, 5 султанов (сотенных командиров), 5 наибов (их помощников), 10 векилей (урядников) и 500 всадников. Оба полка были сформированы 17-го марта, и командирами их назначены: 1-го-подполковник кн. Баратов, а 2-го-майор Эссен.

Между прочим, достойны замечания сведения о том, сколько милиции возможно было набрать во всякое время в 1831-м году как для сформировали полков, так вообще и для образования других иррегулярных частей. (См. приложение X).

Текст воспроизведен по изданию: Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник, Том 13. 1889

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

ВОЙНА НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

С 1824 ПО 1834 г.

В СВЯЗИ С МЮРИДИЗМОМ

(Продолжение).

XVIII.

Сбор войск у Дербента. Силы неприятеля. Влияние кадия акушинского. Усмирение Табасарани. Покорность северного Кайтага. Поражение скопища при сел. Эрпели. Взятие Чир-юрта. Сдача Черкея. Дело при сел. Ачехи. Нападение на Кизляр. Положение дел на левом фланге. Неудача имама в народе. Замыслы на его жизнь. Возрождение и усиление его власти. Дислокация. Третья наша неудача у Чумкескента. Нападение на Эрпели. Взятие штурмом Чумкескента. Смерть Миклашевского. Новая дислокация. Заблуждение г. ад. Панкратьева. Деятельность мюридов в Чечне. Покорность части кумыков и всех ногайцев. Возмездие им со стороны шиха Абдуллы.

Генерал-адъютант Панкратьев, получая ежедневно из Дагестана сведения одно другого неблагоприятнее и тревожнее, решил наконец сократить срок своего выезда из Тифлиса на целый месяц. 4-го сентября он прибыл в старую Шемаху и в тот же день двинул в Кубу отряд полковника Миклашевского, состоявший из двух баталионов 42 егерского полка, одного Эриванского карабинерного, восьми орудий и 1-го и 2-го конно-мусульманских полков, а но следам его, 6-го сентября, и [82] другой отряд полковника князя Дадиани, в составе баталиона вверенного ему Эриванского полка, четырех орудий кавказской гренадерской артиллерийской бригады и 3-го конно-мусульманского полка, сформированного в июле под командою маиора Мещерякова. Рассчитав прибытие этих войск в Кубу к 12-му сентября, Панкратьев приехал туда к этому дню и тотчас же призвал к содействию себе, особыми письмами, Аслан-хана, Ахмет-хана, Нуцал-хана и Сулейман-пашу, с их милициями, а отряду г. м. Каханова велел

приблизиться к Дербенту. 13-го сентября он обнародовал прокламацию "вольным мусульманским обществам и разным племенам, обитающим в Дагестане". В ней Панкратьев призывал их к исполнению своих обязанностей и к покорности русскому правительству; выставил им "все ничтожество, все мерзости и обманы Кази-муллы, который безрассудными предприятиями своими приводит весь Дагестан к совершенной погибели", и заключил, что все, кто окажет убежище мятежнику, будут считаться изменниками и подвергнутся строжайшему наказанию, а тот, кто выдаст его правительству, получит 1200 руб. вознаграждения и будет, со всем семейством и своими родственниками, всегда пользоваться покровительством нашего начальства.

Миклашевский прибыл в Кубу 13-го сентября и, по случаю проливных дождей, расположился в окрестных деревнях. Запасшись продовольствием, он 16-го числа выступил к Дербенту. На этот раз в отряд его вошли два баталиона вверенного ему полка, четыре орудия кавказской гренадерской артиллерийской бригады и 2-й конно-мусульманский полк; в Зиахуре же он присоединил к себе выступившие из Кубы 16-го числа две роты Апшеронского полка, два орудия резервной батарейной № 5-го роты 22-й артиллерийской бригады и 1-й [83] конно-мусульманский полк, а оставил там при главной квартире 2-й конно-мусульманский полк. 20-го сентября он прибыл к Дербенту. В Зиахуре видоизменился также и отряд полковника князя Дадиани: выступив оттуда 19-го числа с двумя баталионами карабинер, четырьмя орудиями кавказской гренадерской артиллерийской бригады и двумя горными единорогами, он вступил в Дербент 22-го сентября. По соединении отрядов они были вверены общему командованию г. м. Каханова, который оставил по себе в шамхальстве полковника Басова. Последний, согласно приказанию Панкратьева, выступил 17-го сентября к с. Хан-Мамед-Кала (в нижнем Кайтаге, в магале Терекеме) и невдали от этого селения встретил до 750 человек пеших и конных башлынцев, которые из опушки леса открыли по его войскам сильный огонь. Несколько орудийных выстрелов заставили их замолчать и рассеяться, и Хан-Мамед-Кала было занято без сопротивления. 19-го и 20-го чисел к отряду Басова присоединились отправленные по распоряжению Панкратьева 300 казикумухских всадников и 150 кубинских нукеров.

Едва Басов устроил свой лагерь, как к нему явились старшины селения и заявили, что в непродолжительном времени жители с своими семействами по-прежнему водворятся в своих домах. Но, конечно, ничто не обеспечивало этого обещания: они хотя не присоединялись к полчищу, стоявшему под ружьем, но и нам не выражали явной покорности, а оставались таким образом пока в неопределенном положении, выжидая дальнейших событий. Самое же полчище было немалочисленное; по словам лазутчиков, оно было расположено в десяти верстах от отряда Басова, при речке Дарбах, тремя колоннами, под начальством Омар-Эльдар-бека, Устар-хана и Кичик-хана: одна колонна на урочище Башлы, [84] в составе четырех тысяч пехоты и конницы, другая на ур. Сумси, в числе тысячи кайтагцев, и третья у с. Булах — до трех тысяч табасаранцев. Беки, начальствовавшие колоннами, отправив нарочных к Кази-мулле, чтобы он явился на место сбора, одновременно с этим послали приглашение и Авдурзах-беку табасаранскому, заявляя ему, что они не знают, на что им решиться: просить ли пощады у русских, или защищаться. Кадий, занятый в это время укреплением своей деревни Имейды и отправлением своего и жительского имущества в горы, хотя и объявил им, что 27-го сентября прибудет, но и сам не мало думал о том, как ему поступить. Посланный нами лазутчик Байрам-бек узнал от брата своего, находившегося в услужении у Авдурзах-бека, что последний, действительно, желает подраться с нами, с тем, чтобы, в случае неудачи, бежать в горы; но в то же время и не прочь был бы помириться, если бы заранее его обеспечили нашим

милосердием. Словом, кадий находился в том же состоянии, в каком пребывало и все население вообще. Другие же изменники, как например, Заал-бек, Муртузали-бек, Ахмет-паша и Айды-бек даже собирались уже писать к Панкратьеву умилостивительные письма 1. Словом, по всем этим признакам было ясно, что мятежные толпы и их представители остаются пока без своего головы.

Среди общего хаотического состояния у дагестанцев, сложившегося из разнородных и частью противуположных элементов, главнейшим из которых было, впрочем, все-таки крайнее нерасположение к нам населения, рельефно выдвигалась лишь одна личность, издавна верная своей задаче, на которую мы исключительно могли [85] положиться. Это был Мамед-кадий акушинский, который чистосердечно и единолично ратовал за, нас повсюду. Воззрения этого почтенного человека всегда освещали нам дела партий и самые события настоящим светом, и он очень много мог бы оказать нам существенной пользы, если бы мы умели его направить и употребить в дело надлежащим способом, поставив на втором плане необходимость при первом ненормальном среди населения явлении прибегать непосредственно к оружию. В данный период времени эти воззрения, а затем и самые действия Мамед-кадия, имели для нас весьма важное значение. Высказывая их в письме к Каханову, он выражал повсюду гласно и твердо, и тем весьма много содействовал нашим целям, направленным к умиротворению народа. Письмо его состояло в следующем:

«Кази-мулла человек фальшивый, распутный, сатана и бестии подобный; он, учиняя среди мира мятеж, совратил народ с пути истины и напрасно проливает кровь мусульман, из которых большая часть, не послушав моего совета, уподобилась сему известному глупцу и простерла ему свои шеи — хотя мы были их наставниками.

Вообще жители, оставив своих владетелей, отшатнулись от них к Кази-мулле, будучи увлечены разными хитростями и фальшивыми рассказами известного мятежника — в каковом случае остались в прежнем положении только генерал-маиор Аслан-хан и его подвластные. Я удивляюсь, для чего жители покоряются сему мятежнику. Неужели они не постигают, что в сем мятежнике нет шариата, совести и веры, кроме хитрости, коею проливает невинно кровь мусульман? Да, конечно, они его не знают. А таковых жителей сберечь от хитрости мятежника Кази-муллы и держать их в беспорочности труднее срывания с колючих деревьев листвы.

Когда случается болезнь, то надобно употреблять для излечения или уничтожения ее какое-либо средство, и поэтому я [86] несколько раз собирал всех казиев и почетных лиц Дерке (Акуши) и советовал отправиться со мною в местечко Копдан (Губдень), где, собрав общества Кумух, Мехтули, Хейдах и пр., разными стараниями отвлекать их от хитрости вышесказанного мятежника,— в чем все собранные мною кази и почетные старшины совершенно согласились. После сего совета мы отправили двух посланников к обществу Койсубоюн, дабы оно также для исполнения такового предприятия было с нами единогласно, и надеемся, что оное общество в сем случае нам не откажет, ибо ему пора успокоить своих глупцов и мятежников. Ежели я успею в своем предприятии, то сие будет для меня похвала, а в противном случае, конечно, отнесется к моему стыду. Если же народ не изъявит на то своего согласия, то он останется виновным. Однако, есть надежда кончить это дело».

Мамед акушинский не только не обманул Каханова, но даже почти достиг цели. В двадцатых числах сентября он с казиями и почетными лицами Акуши был в Губдене и Буйнаки, собрал жителей и, наставляя их на путь, в заключение сказал:

— Оставьте мятежника Кази-муллу; не позволяйте ему прийти в ваши деревни и, не покоряясь ему никогда, не слушайте его советов, потому что они причиняют вам великую беду 2.

Внушения подействовали — и жители селений Губденя, Карабудахкента, Буйнаки, Гелли, Падара, Параула и Дургели 24-го сентября присягнули в том, что будут служить верно Сулейман-Мирзе, и каждый неприятель его будет их же врагом. "В случае надобности" они обязались даже сражаться против Кази-муллы — но за всем тем не согласились отказаться от обрядов и богослужения им предписанных, т. е. от шариата. Таким образом, к сожалению, едва ли не самый важный пункт [87] остался открытым — хотя среди общего брожения ничего более нельзя было желать ни от кадия, ни от народа.

30-го сентября Панкратьев приехал в Дербент, где сосредоточился отряд из 3500 человек пехоты, 3000 конницы и 20 орудий. К этому времени из мусульманских провинций явилось так много беков и простых лиц для участия в предстоящей громкой экспедиции, что их положительно некуда было девать. Чтобы не обременять ими конно-мусульманский полк, Панкратьев приказал тотчас же сформировать из них отдельный "волонтерный полк", начальство над которым вверил своему адъютанту лейб-гвардии Гренадерского полка штабс-капитану Юферову. Полк составлен был из трех сотен: первая из шекинцев, вторая из шестой сотни 2-го конно-мусульманского полка, третья из армянской конницы, с дополнением во всех трех сотнях ширванских беков с их нукерами. По сформировании этого полка войска получили следующее назначение: шесть рот карабинерного полка, 3-й мусульманский и волонтерный полки, два орудия кавк. гр. арт. бригады и два горных единорога, под командою флигель-адъютанта полковника князя Дадиани, должны были следовать в деревню Хушни (северной Табасарани); другой отряд, под командою полковника Миклашевского, из двух баталионов 42 егерского полка, баталиона куринцев, 1-го и 2-го конно-мусульманских полков, четырех орудий кавк. гр. артил. бригады и двух горных единорогов 5-й рез. батарейной роты 22-й арт. бригады, с саперною командою, направлен в с. Дювек (тоже северной Табасарани); для прикрытия этого последнего движения со стороны Каракайтага приказано полковнику Басову, со вверенным ему отрядом, выдвинуться из Хан-Мамед-Кала к Маджалису (в верхнем Кайтаге) и содействовать Миклашевскому по его требованию. [88]

Согласно этому последнему приказанию, Басов выступил 3-го октября и, пройдя благополучно большую часть пути, в семи верстах от Маджалиса, при ур. Сумси, был встречен выстрелами засевшей в лесу партии из тысячи человек. После двухчасовой перестрелки, сопровождавшейся с нашей стороны и орудийным огнем, неприятель не обнаружил никакого намерения оставить свое убежище, вследствие чего полковник Басов, обстреляв лес картечью, должен был прибегнуть к всеразрешающему штыку. Только тогда он освободился от горцев, которые спаслись от преследования в глубине леса и в ущельях; у нас было два раненых. Селение Маджалис было занято без сопротивления, и все жители оказались налицо. Оставив их нетронутыми, Басов повернул обратно на ур. Сумси, сопровождаемый безвредною перестрелкою горцев, скрывавшихся в лесу но обеим сторонам дороги, и остановился на ночлег, с намерением на утро, согласно просьбе Миклашевского, двинуться ему на помощь к сел. Дювек.

Князь Дадиани, направившись на сел. Марагу, 4-го октября подступил к Хушни. Медленность движения произошла от крайне затруднительной и дурной дороги, пролегавшей через пять высоких лесистых хребтов, ширина которой едва позволяла трем человекам идти в ряд. Хорошо еще, что, предвидя все неблагоприятные обстоятельства, Дадиани оставил в Мараге

весь обоз, кроме зарядных и патронных ящиков и двух лазаретных фур,— в противном случае ему пришлось бы испытать много горя. В четырех с половиною верстах от Хушни он увидел на горе до 700 человек пехоты и кавалерии, которыми руководил Авдурзах-бек табасаранский. Построив войска в боевой порядок, Дадиани открыл огонь из четырех орудий и, [89] под прикрытием его, двинул в атаку оба мусульманские полки, поддержав их пехотою. Неприятель мгновенно был опрокинут и бросился в селение, но кавалерия выбила его и оттуда, а затем преследовала до высот, на которых он думал дать ей отпор. Но на этот раз кавалерия уступила дело пехоте, и последняя расчистила эти высоты штыками. Неприятель, по словам Дадиани, потерял убитыми и ранеными до 200 человек и оставил в наших руках 5 пленных, среди которых был и местный старшина, пользовавшийся большим уважением среди табасаранцев. Наша потеря состояла из одного убитого и семи раненых нижних чинов. Селение отдано было на жертву отряда.

5-го октября войска, выступив из Хушни по дороге, которою шли накануне, были атакованы четырьмя тысячами табасаранцев, под личным предводительством озлобленного Авдурзах-бек-кадия. Неприятель выказал столько энергии и стойкости, что в течение жаркого боя, продолжавшегося с шести часов утра до одиннадцати вечера, наш маленький отряд никоим образом не мог одолеть его и прекращением боя скорее обязан глубокой ночи, чем успеху его. Артиллерия поддерживала неумолкаемый огонь в то время, как пехота отбивала атаку за атакой; мусульманские полки показали себя также вполне молодцами,— и эти три условия, вместе взятые, доставили неприятелю громадную потерю в шестьсот человек убитых и раненых. Нападения на отвратительной дороге при следовании отряда происходили преимущественно на арриергард, где был убит капитан Бржезинский и контужен еще один обер-офицер: из числа нижних чинов, всадников и волонтеров убито 6, ранено 57 и контужено 6. Эту большую потерю, равно и упорство боя, Панкратьев относил к медленности движения Дадиани, при которой он [90] дал возможность собраться столь сильному скопищу: но Дадиани, оправдывая себя, донес ему, что перешагнуть через пять хребтов скорее, чем он это сделал, было нельзя. Тем не менее командующий войсками, признавая его затруднительное и "неприятное" положение, приказал полковнику Басову двинуться ему на встречу как можно поспешнее, с двумя орудиями и без ранцев. 6-го октября отряд кн. Дадиани прибыл в Марагу без всяких приключений и на другой день направился к резиденций Авдурзах-бека Имейде (Химеди), чтобы снести ее с лица земли. Толпы неприятеля ожидали наши войска на прямой дороге, которая на протяжении восьми верст проходила густым лесом, загромождена была срубленными деревьями и в трех местах перегорожена громадными завалами. К счастью, Дадиани вовремя узнал об этих страшных затруднениях, угрожавших ему, быть может, поражением, и направился обходною дорогою через селения Мугарты и Митага, где его пока не ожидал ни один табасаранец. Дорога эта вела сначала к Дербенту, и движение по ней во всяком случае было бы неприятелю загадкою — куда именно следуют войска; с того же пункта, где она поворачивала к резиденции кадия, дальнейшее нападение на отряд становилось запоздалым и бесполезным. О направлении своем князь Дадиани сообщил полковнику Басову. Последний выступил ему на встречу 6-го числа, в три часа пополудни, с баталионом апшеронцев, казачьим своего имени полком и частью милиции при двух орудиях, и в тот же день, в 8 часов вечера, прибыл к Имейде и остановился в виду ее. Князь Дадиани явился на следующий день и тотчас произвел рекогносцировку селения. Оказалось, что жители большею частью оставили его, вывезя имущество и угнав скот, и только небольшая часть фанатиков засела в [91] саклях на верхней террасе и решилась сопротивляться. Это безумное предприятие

было в самом непродолжительном времени порешено артиллерийским огнем и штыками апшеронцев, которые потеряли при этом трех раненых нижних чинов; кубинские всадники лишились также двух раненых. Овладев селением и предав его огню, князь Дадиани послал кавалерию для розыска скота, отбил часть его и роздал на порции войскам. Присоединив к себе отряд полковника Басова, он 8-го октября прибыл в с. Хан-Мамед-Кала.

Первый прием наказания табасаранцев и их предводителя был исполнен. В течение нескольких дней у них истреблено до двадцати селений, нанесена огромная потеря в людях, взято в плен до ста человек, отбито достаточное количество скота и уничтожено много разного имущества. Войска в продолжение семи дней совершили 150 верст по недоступным горам и трущобам, и хотя заплатили за успех экспедиции несколькими десятками людей, но за то и парализовали всякую уверенность мятежников в их силах и в их предводителях 3.

Второй прием экспедиции, честь осуществления которого принадлежит отважному Миклашевскому, обещал заранее много трудностей, тем более, что предстояло иметь дело с "неприступною твердынею Табасарани", в безопасности и необоримости которой все население было уверено еще со времен Надир-шаха. Но, не смотря на все это, он был выполнен так блестяще, как этого только можно было ожидать от такого вождя, каким был в то время всем известный в горах и популярный в южном Дагестане Александр Михайлович. И свои, и чужие офицеры никогда не называли его иначе, [92] как обыкновенно называли других по чину и по фамилии, и достаточно было этих двух слов, чтобы каждый знал, о ком идет речь. С радостью и уверенностью все следовали за ним в самые опасные предприятия, и с торжеством он выводил всех из этих предприятий, начиная с 1826 года. С такими же чувствами двинулся за ним отряд из лагеря вблизи Хан-Мамед-Кала в ночь со 2-го на 3-е октября. Дорога лежала на Великент, урочища Гяур-тапу, Казыбек-Керпи, Алмалы-Улам и в сел. Дювек — всего тридцать пять верст. Ночь была до крайности темная, и войска безмолвно, неслышно брели по глубокой грязи, цепляясь за терновники, опутывавшие лес по крутому берегу Дарбаха. Изредка только раздавалось в чаще леса бряцанье пушечной цепи. Так все продолжалось до Алмалы-Улама, но от этого урочища пошло еще хуже: дорога сузилась и представляла едва вылазную топь; артиллерийские лошади окончательно выбились из сил, и орудия во многих местах приходилось вывозить на плечах солдат; наконец, под артельными повозками лошади совсем пристали, и вследствие этого арриергард сильно оттянулся. Налетел Миклашевский — и часть повозок исчезла под топорами солдат, и довольствие и разные другие предметы были разобраны по рукам или переложены на другие фуры; свободных лошадей пристегнули под орудия и под оставшиеся повозки прибавили к ним верховых офицерских — и пошли свободно. Однако все эти затруднения дали возможность приблизиться к цели путешествия едва лишь около часа по полудни 3-го октября.

Дювек стоит в развале ущелья, на скате большой горы. Над ним, на полтора пушечных выстрела, лепится деревня Хустиль. Речка Дарбах, извиваясь в крутом и широком русле, образует перед Дювеком [93] колено. Правый ее берег против селения, от множества ключей, не имеющих истока, затянут вязким болотом, а дремучий лес обнимает всю окрестность. Это селение было складом и хранилищем всего имущества возмутившихся деревень, и понятно, что его свезли сюда не даром. В семи верстах от Дювека раздался где-то в трущобах глухой неприятельский выстрел — и отряд был открыт. Это было сигналом и для Миклашевского, который немедленно пустил вперед ускоренным маршем оба конно-мусульманские полка как для открытия неприятеля, так и для овладения селением — если это окажется возможным. Не

доходя полуторы версты до Дювека, всадники наши были встречены сильным ружейным огнем; но, не придавая ему значения и не взирая на все затруднения местности, продолжали наступление. На нашем правом фланге неприятель отодвинулся и сосредоточился на господствующих высотах, а другая часть его удерживала наступление кавалерии с фронта и левого фланга, везде пользуясь с искусством всеми выгодами, предоставляемыми ей местностью. Однако конница наша, наконец, решительно двинулась в атаку. 2-й конно-мусульманский полк, под командою маиора Эссена, бросился в обхват селения с левого фланга, но, встреченный сильнейшим огнем и потеряв помощника командира полка Мамад-Ага-Омер-Али-оглы и достаточное число других убитых и раненых, отступил; Карабахский полк (1-й конно-мусульманский) в то же время отброшен был сильным неприятелем, засевшим по гребню лесистого хребта. Видя невозможность овладеть крепким селением посредством одной мусульманской конницы, Миклашевский ограничился тем, что приказал ей удерживать за собою, до прибытия пехоты, прежде занятую позицию при спуске к аулу. Лишь только показались [94] три роты куринцев, он велел маиору Цыклаурову — с подкреплением ширванской конницы теснить неприятеля по дороге, идущей к Дювеку влево, а второму баталиону 42-го егерского полка, тянувшему на себе артиллерию. лошади которой пристали вновь — сколь возможно поспешить прибытием по дороге вправо.

Между тем неприятель, стараясь развлечь наши силы, группировался против правого фланга и тыла позиции, на которой Миклашевский предрешил устроить батарею. Карабахский полк не в состоянии уже был удерживать этого пункта, а потому, лишь только показалась голова колонны, где был 2-й баталион, начальник отряда выслал вперед стрелков, подкрепив их двумя ротами, и велел непременно овладеть лесистым гребнем; спустя немного, он усилил атакующих еще одною ротою Куринского полка. Неприятель, понимая всю важность этой позиции, несколько раз бросался на стрелков в шашки, но всегда был предупреждаем и опрокидываем штыками. Наконец, "утопавшая в грязи" артиллерия приползла к остальным войскам, заняла указанную ей позицию и открыла огонь по садам и селению из четырех орудий. В это время Миклашевский приказал маиору Кандаурову с двумя ротами 2-го баталиона 42-го егерского полка двинуться на штурм селения по дороге вправо, а маиору Цыклаурову, встретившему неодолимое препятствие у оврага, облегающего Дювек с левой стороны — спуститься с тремя ротами по окраине этого оврага и, не переходя его, где возможно будет, сосредоточить свое наступление с Кандауровым; кроме того, маиору Эссену с его ширванцами, велено содействовать обеим пехотным колоннам, поднимаясь вверх по оврагу рассыпным строем и обходя селение с левой стороны.

Распоряжение это увенчалось полным успехом. [95] Цыклауров, с тремя ротами, успел наконец обойти овраг и, сблизившись с Кандауровым, ударил в штыки. Атака на этот раз была неотразимая, и под стремительным натиском куринцев и егерей неприятель отлетел в селение и укрылся в домах. Несясь на его плечах, войска штыками выбивали его из каждого закрытия и преследовали до самого леса, густо покрывавшего окрестные горы. Лишь только селение было таким образом очищено — солдаты и всадники, с разрешении начальника отряда, очистили его также догола и от всех таившихся в нем избытков, а затем зловещие огненные языки, вознесшиеся к облакам во мраке наступившей ночи, доказали табасаранцам и их семействам, любовавшимся на эту картину из Хустиля, что твердыня их не недоступна. По словам Миклашевского, "богатство, найденное в селении, превзошло ожидания. Оба мусульманские полка обовьючились добычею совершенно". Кроме того, были найдены также и значительные запасы хлеба, который истреблен по невозможности доставить его в Дербент.

Ожесточенный неприятель все-таки не прекращал перестрелки, и она поддерживалась им против нашего правого фланга до наступления полной темноты. В десятом часу ночи войска отступили от Дювека, разложили повсюду огромные костры, имевшие целью убедить табасаранцев, что они располагаются на ночлег — и в десять часов ночи тихо двинулись обратно. Так как Миклашевский предвидел, что истощенные донельзя артиллерийские лошади не в состоянии будут тянуть орудия и ящики, то он приказал уничтожить еще две повозки своего полка и двое артиллерийских дрог, и лошадей их предоставил в распоряжение артиллеристов. Неприятель, вполне уверенный в нашем отдыхе после продолжительного и жестокого боя, и дважды уверенный, что на утро мы [96] будем атаковать Хустиль, занялся приготовлениями к новому бою и дал нам возможность отступить без малейшего преследования. Перед рассветом отряд достиг урочища Алмалы-Улам и 4-го октября, в пятом часу пополудни, стал лагерем на прежнем месте при селении Хан-Мамед-Кала.

В бою 3-го октября против нас ратовало до двух тысяч горцев: потеря их в точности неизвестна, но, судя по сто пятидесяти трупам, оставленным на месте, должна быть очень чувствительна. Мы лишились убитыми: Куринского полка поручика Рыбакопова, помощника командира 2-го конно-мусульманского полка, шести нижних чинов и одного всадника; ранеными: и. д. полкового адъютанта в 1-м конно-мусульманском полку хорунжего Каменьщикова, девять нижних чинов, одного наиба, 3-х векилей и 31-го всадника; лошадей убито и ранено 63 4.

Показав на табасаранцах пример быстрого и решительного наказания виновных, Панкратьев 6-го октября распространил по Дагестану следующую прокламацию:

«Лезгины! Вы видите, что российское непобедимое войско проникает везде, и что ему нет никаких препон; неприятели наши нигде не могут от нас скрыться — ни на вершинах снеговых гор, ни в самых глубоких долинах. Вы полагали, что Дювек есть неприступное место, и скрыли там все имущество ваше. Я приказал уничтожить сие гнездо разбойников, оно уже не существует. Лезгины, просите Бога и великого Государя нашего о помиловании; придите ко мне с раскаянием покорности — и вы будете прощены. Русское правительство не желает вашего несчастья; напротив, великий Государь наш хочет, чтобы вы жили покойны и счастливы. Перестаньте верить [97] ложным обещаниям изменника Кази-муллы, которого не Бог, а черт возбудил проливать мусульманскую кровь и наносить несчастье всему Дагестану. Каждое селение, которое пришлет депутатов с покорностью, будет великодушно прощено; но горе тем, кои осмелятся противиться приказаниям русского начальства и в безумии своем поднимут оружие против непобедимого русского воинства».

Разослав эту прокламацию, Панкратьев приступил к приготовлениям и распоряжениям для уничтожения другого гнезда, подобного Дювеку — селения Башлы, возле которого, как носились слухи, сосредоточивалось пятитысячное скопище. Для предстоящего движения войска главного действующего отряда были разделены 7-го октября на следующие части: первая колонна, под начальством г. м. Каханова, из шести рот Куринского, двух баталионов Апшеронского полков, донского казачьего Басова полка, 6-ти орудий 21-й артиллерийской бригады, двух орудий 22-й бригады и двух горных единорогов; вторая колонна, полковника Миклашевского, из двух баталионов Эриванского карабинерного и двух 42-го егерского полков, 1-го конно-мусульманского полка, 6-ти орудий кавказской гренадерской, 4-х орудий 22-й артиллерийских бригад и двух горных единорогов; резерв — кавалерия, под командою генерал-маиора Келбали-хана, из 2-го, 3-го и волонтерного мусульманских полков.

Подполковник Влахопуло был назначен начальником артиллерии отряда. Двум ротам эриванцев, двум орудиям кавказской гренадерской и двум 22-й артиллерийских бригад, находившимся у Дербента, велено выступить 8-го октября к сел. Хан-Мамед-Кала для присоединения к своим частям. При предстоящем выступлении для прикрытия вагенбурга были назначены: из второй колонны рота карабинер, рота егерей и два орудия 22-й [98] артиллерийской бригады, а из резервной кавалерии — две сотни 3-го мусульманского полка, под общим начальством 42-го егерского полка маиора Снаксарева. Командиру Куринского полка полковнику Гофману приказано находиться при шести ротах его полка, состоявших в 1-й колонне. Больные и раненые были отправлены в Дербент, в лазарет линейного № 10-го баталиона.

Едва отдано было по отряду это приказание, как в тот же день, 7-го октября, в лагерь явились депутаты от селения Башлы, заявив о желании своего общества принести покорность. Панкратьева это не могло не порадовать, так как новый Дювек, возле которого по слухам сосредоточивалось до пяти тысяч лезгин, стоил бы нам огромных жертв — и он снизошел на просьбу парламентеров, для чего имел еще и многие другие доводы. Пользуясь этим случаем, чтобы привлечь к покорности еще и другие общества, он, отпустив депутатов, сейчас издал вторую прокламацию такого рода:

«Жители Дагестана! Извещаю вас, что многочисленное башлынское общество, вняв гласу рассудка и раскаиваясь в своих преступлениях и вероломстве против российского правительства, прислало ко мне депутатов своих просить пощады. Руководясь неизмеримым милосердием великого Государя нашего, я дал им прощение, с условием, что если когда-нибудь явится к пим богопротивный изменник Кази-мулла, то чтобы они его схватили и представили русскому начальству, или если в сем не успеют, то убили бы его. Сей подлец послан самим дьяволом для несчастья и разорения Дагестана. Легко поверите вы сему, когда узнаете, что сей изверг убил родного отца своего самым ужасным образом, влив ему в рот кипящее масло, и что сей изменник прежде сего торговал водкою и вином. Дагестанцы, образумьтесь! Стыдно и грешно верить изменнику, посланному дьяволом».

Вместе с тем, чтобы ускорить принесение [99] покорности башлынцами, Панкратьев 11-го октября двинул весь отряд по дороге в Башлы и первую половину остановил в Джемикенте, а вторую в Уллу-Терекеме; резерв оставил же пока на месте. Башлынцы, действительно, не замедлили явиться и принести присягу, приняв и начертанные им условия, а примеру их, побуждаемые прокламациями, последовали и жители северного Кайтага, депутаты которых обещались пригласить к покорности и прочих дагестанцев. Решив придержать отряд на короткое время в Джемикенте и Уллу-Терекеме, пока башлынцы исполнят условия по исправлению дорог, поставке для войск продовольствия и пр., Панкратьев после этого намеревался направиться в северный Дагестан и действовать одновременно с двух сторон при помощи г. л. Вельяминова 3-го, который приблизился к Внезапной и расположил свой отряд лагерем при с. Таш-Кичу. Повлияли ли, действительно, каракайтагцы на другие общества, или же последние действовали по собственному убеждению — неизвестно; но довольно того, что вслед за ними прибыли с испрошением прощения табасаранцы и большая часть их беков. Они также были помилованы — за исключением тех, которые или взяты на поле битвы с оружием в руках, или оказались руководителями мятежа — с условием, не принимать к себе Кази-муллу и преследовать его так же, как и Авдурзах-бека. Взамен сего последнего приказано было

табасаранцам избрать себе другого кадия и представить на утверждение Панкратьева, с передачею вновь избранному всего достояния Авдурзаха.

Не смотря однако на примирение с нами главного мятежного контингента, из которого Кази-мулла черпал свои силы, у него оставалось еще слишком достаточно приверженцев и сподвижников, чтобы продолжать с [100] нами борьбу. Партии его, утвердив главное свое местопребывание в Агач-ауле (возле Тарки) и Кум-Таркали, рыскали в районе действий наших войск и не упускали случая для внезапных нападений, в особенности там, где предвиделась какая-нибудь пожива. 4-го октября одна из них в пятьсот человек, пользуясь густым туманом, приблизилась к крепости Бурной, и выждав, когда этот туман поднялся кверху, без выстрела, с одним холодным оружием, бросилась на казенный табун. Конвойная команда ответила ей учащенною пальбою, на которую выбежала из гарнизона сводная рота куринцев и линейного баталиона из 150 человек. После жаркой перестрелки неприятель оставил на месте 8 тел и был прогнан, не воспользовавшись добычею; у нас убито три и ранено семь нижних чинов. 10-го октября партия, численностью в 600 человек пеших и конных, неожиданно появилась от деревни Таркали и бросилась на табун, принадлежавший гарнизону кр. Бурной и пасшийся возле Алакай-аула. Прикрытие, впрочем, не допустило отбить скот, и только неприятелю досталось не более шести штук. По тревоге маиор Федосеев выслал в подкрепление команде еще 50 человек при офицере, которые подоспели как раз в то время, когда горцы повторили свое нападение. Произошла оживленная перестрелка, которая продолжалась около трех часов. Наконец, партия отступила и заняла другие удобный места, подкарауливая транспорт, следовавший с берега моря; но пушечными выстрелами из крепости была рассеяна, оставив на обоих пунктах боя тринадцать тел; у нас же убит один рядовой. Из орудия было выпущено 10 снарядов, а ружейных патронов 3512 — чем и определяется продолжительность боя и устойчивость нападающих. Интереснее всего, что это происшествие [101] показало нам достоинство нашего тогдашнего оружия, с которым мы покоряли край: два ружейных ствола были измяты неприятельскими ружейными пулями и четыре разорвались 5. Независимо от этих случаев в шамхальстве, Панкратьев получил известие, что неприятель вновь стал показываться между Кубою и Дербентом. Для охранения сообщения между этими городами он вызвал из 1-й колонны действующего отряда кубинских всадников и расположил их, под начальством поручика Мамет-хан-бека и подпоручика Джеват-бек Казарова, на промежуточных пунктах. Хотя это последнее обстоятельство доказывало, что разгоряченная долгим волнением почва, не взирая на снисходительность Панкратьева, далеко еще не остыла настолько, чтобы спокойствие в примирившемся будто бы с нами районе можно было считать обеспеченным, тем не менее войска нельзя было долее задерживать на месте, так как на другом горизонте, именно в северном Дагестане, с каждым днем становилось все сумрачнее и тревожнее.

17-го октября главный действующий отряд, в составе обеих колонн и резервной кавалерии, находившейся в с. Хан-Мамед-Кала, выступил в Каякент, а 18-го прибыл в с. Отамыш; донской же Басова полк подвинулся еще на пять верст вперед, к отселку Мюрага, для заготовления фуража. Подойдя к нему, Басов увидел громадное сборище жителей, которые вели о чем-то оживленные прения. Когда он к ним приблизился, то был встречен ружейным огнем и, вследствие этого, с своей стороны открыл перестрелку. Вскоре однако часть жителей положила оружие, а большая часть бежала в [102] леса; у нас было убито два казака и один тяжело ранен. На следующий день, направив отряд к селению Губдень, Панкратьев, с частью кавалерии, прибыл в Мюрага, но на этот раз, вместо противодействия, все население припало

к нему с покорностью и с испрошением помилования за свой "необдуманный поступок". Командующий войсками простил их "заблуждение", наглядно доказывавшее, что и на мирных нам жителей мы могли положиться очень слабо, и в обеспечение их дальнейшего благонравия задержал при себе их старшин. 21-го числа отряд перешел к с. Параулу, а Басов, с своими и 3-м мусульманским полками, послан к с. Буглень, о подозрительном поведении которого были получены точные сведения. По приближении его к деревне, которая оказалась опустелою, небольшая партия встретила его ружейными выстрелами и бежала по дороге в Казанище. На следующий день Басов атаковал это последнее селение, выгнал засевших там мятежников, с потерей для них до тридцати убитых, и взял в плен семь человек. Остальные, пользуясь густым туманом, успели скрыться в леса без преследования, а Казанище сожжено до тла. Отступив оттуда, Басов в Муселим-ауле присоединился к отряду, и вечером в тот же день все войска расположились у разоренной деревни Темир-Хан-Шуры, вокруг которой рыскали небольшие партии, наблюдавшие за отрядом 6. [103]

Здесь Панкратьев получил приказ о назначении 13-го сентября генерал-от-инфантерии, генерал-адъютанта барона Розена 1-го командиром отдельного кавказского корпуса, главноуправляющим в Грузии, на Кавказе и во всех прочих областях и провинциях. Новый представитель края прибыл в Тифлис 8-го октября и в тот же день дал знать о себе Панкратьеву, предписав ему доставить сведения об экспедиции и о дальнейших предположениях его. Вместе с тем он разослал во все горские общества прокламацию, в которой призывал их к верности, указывал им на других мусульман, пользующихся в России благосостоянием, устранял от Кази-муллы и его учения, требовал выдачи "бунтовщика" и наконец, в случае противоречия и противодействия, угрожал строгим наказанием.

В день вступления отряда в Темир-Хан-Шуру силы мятежников, простиравшиеся до десяти тысяч человек, под начальством Умалат-бека, возведенного Кази-муллою в звание шамхала, стояли в селении Эрпели, оберегая свезенное сюда имущество и все стада окружного населения — так как Эрпели считалось в своем роде неприступным пунктом. Оно действительно находилось в самом крепком местоположении, окруженное глубокими оврагами, горами и густым лесом, в котором с давнего времени приготовлены были завалы, шанцы и засеки. Овладение этим селением и рассеяние скопищ Умалата бесспорно должно было иметь решительное влияние на спокойствие Дагестана; но за то, неудача могла повести за собою гибельные последствия. Однако все-таки Панкратьев решил взять Эрпели приступом.

Войска выступили 23-го числа на рассвете в следующем порядке: донской Басова полк, кюринская и бакинская конницы, два баталиона 42-го егерского полка, 6-ть [104] орудий кавказской гренадерской артиллерийской бригады, 7-ми рот Эриванского карабинерного полка и два орудия 22-и артиллерийской бригады, под начальством полковника Миклашевского. Колонна эта назначена была в обход Эрпели по каранайской дороге. За нею следовала другая колонна, под начальством г. м. Каханова, в составе баталиона Куринского и двух баталионов Апшеронского пехотных полков, трех орудий 21-й и четырех 22-й артиллерийских бригад; 1-й, 2-й, 3-й и волонтерный конно-мусульманские полки составляли резерв, под командою генерал-маиора Келбали-хана. Вагенбург был оставлен при селении Темир-Хан-Шуре под прикрытием двух рот Куринского полка, 2-х орудий 21-й артиллерийской бригады, 4-х горных единорогов и 150 конных мусульман. Хотя необыкновенно густой туман препятствовал различать предметы в самом близком расстоянии,

но войска не потеряли указанного им направления, чему много способствовал корпуса топографов прапорщик Колоколов, хорошо знакомый с местностью. Доведя войска на пушечный выстрел до позиции неприятеля, Панкратьев приказал полковнику Басову, с кавалериею, двинуться рысью налево, переправиться чрез ручей и овраг; и атаковать селение с левой стороны; сам же, с колонною генерал-маиора Каханова, подвинулся прямо к завалам, находившимся вправо от большой дороги и, выслав вперед цепь стрелков, открыл по ним огонь из орудий сперва ядрами, а потом, постепенно сближаясь, картечью. Действием артиллерии распоряжался подполковник Влахопуло. Когда полковник Миклашевский, следовавший по каранайской дороге, услышал первые раскати наших орудий, то, согласно полученному заранее на этот случай приказанию, двинул с своей стороны на штурм завалов карабинер и егерей 42-го полка. Они без [105] выстрела, с дружным "ура", бросились на шанцы и живо выбили неприятеля штыками. Услышав беглый огонь со стороны каранайской дороги, полковник Гофман, по приказанию Панкратьева, кинулся с баталионом Куринского полка на завалы, находившиеся в центре, и очистил их в несколько минут. Пользуясь смущением оторопевшего неприятеля, командующий войсками, чтобы скорее порешить дело занятием деревни, послал по большой эрпелинской дороге 3-й мусульманский полк, под командою маиора Мещерякова, и один баталион Апшеронского пехотного полка, с двумя орудиями 21-й артиллерийской бригады, под командою маиора Авраменко. Проходя через овраг по узкой плотине, защищаемой неприятелем, колонна сбросила его с этого пункта и ворвалась в селение в то самое время, когда полковник Басов подходил к нему с левой стороны. Одновременно с этим 2-й конно-мусульманский и волонтерный полки были посланы вслед за колонною Миклашевского по каранайской дороге, чтобы отрезать неприятеля, бежавшего от Караная. Не ожидая такой решительной и быстрой повсюду атаки, скопище на всех пунктах обратилось в бегство и спаслось от совершенного истребления только благодаря необыкновенно густому туману, который, застлав окрестность, дал ему возможность скрыться в лесах и кустарниках. Таким образом все дело продолжалось не более двух часов. У нас убито рядовых 4, всадников 4; ранено обер-офицеров 2, нижних чинов 9 и всадников 22; лошадей убито и ранено артиллерийских 8, мусульманских 33. Неприятель оставил на месте сражения и в селении свыше полутораста тел, почетное знамя Умалат-бека и несколько десятков пленных; войскам досталась огромная добыча в вещах и до десяти тысяч штук рогатого скота. [106]

Теперь, по предначертанному Панкратьевым плану об усмирении северного Дагестана, ему предстояло двинуться к Черкею. Сообщая до сих пор о каждом своем деянии командующему войсками на кавказской линии генерал-лейтенанту Вельяминову, он уведомил его также и об этом движении. Вельяминов, не зная до того времени, что оно будет предпринято, но имея в виду свои собственные предприятия и необходимость согласования их с деятельностью наших войск в северном Дагестане, сам просил Панкратьева подвинуться к Сулаку до облегчения его операций против салатавцев, гумбетовцев и кумыков. Таким образом оба командующие войсками одновременно сошлись в своих воззрениях и нечаянно угадали их друг у друга; разница .была только в том, что Вельяминов начал немного ранее. В письме своем к корпусному командиру 7 он сообщал, что несколько опоздал в своих предприятиях потому, что "насилу мог соединить до 2500 человек пехоты и до 60 казаков с артиллериею". Так как этот отряд был слишком слаб, чтобы действовать решительно при продолжавшемся на левом фланге возмущении, то он просил прибавить ему еще столько же пехоты и немного

артиллерии, единственно на тот случай, если придется оперировать в местах пересеченных и лесистых.

3-го октября близь укрепления Таш-Кичу стянулся маленький чеченский отряд, состоявший из Московского, Бутырского пехотных и 40-го егерского полков; казаков Горского, Моздокского, Семейного, Гребенского и Кизлярского полков, одиннадцати орудий батарейной № 1-го роты 20-й, двух орудий легкой № 2-го роты 22-й артиллерийских бригад и пяти орудий [107] конно-артиллерийской казачьей № 6-го роты. 4-го октября был отправлен в кр. Внезапную отрядный транспорт под прикрытием Бутырского пехотного полка. На р. Ярык-су он подвергся нападению неприятельской партии в тысячу человек, которую однако полковник Пирятинский опрокинул и рассеял. 6-го октября в лагерь у Таш-Кичу прибыл генерал Вельяминов и оставался здесь десять дней, занятый разными предварительными распоряжениями, в особенности по рассылке транспортов. Только 15-го числа он мог двинуться в поход и в этот день прибыл к оставленному жителями селению Хасав-юрту. 16-го октября, ночью, проходя мимо крепости Внезапной, Вельяминов присоединил к себе около 300 человек 43-го егерского полка и перед рассветом 17-го числа подошел к Сулаку. Он приказал немедленно начать переправу, с тем, чтобы без потери времени напасть на деревню Чир-юрт, которая, по трудности местоположения, считалась малодоступною и вследствие этого составляла одно из главнейших убежищ возмутившихся. Казаки, вступившие в реку, были встречены огнем неприятельских караулов, но артиллерия скоро удалила их. Хотя казаки благополучно перебрались на противуположный берег, но переправа для всех других войск оказывалась чрезвычайно опасною вследствие необыкновенного возвышения воды. Как ни печально было это обстоятельство, но останавливаться не приходилось, и пехота пустилась в брод. Не перешла она еще и третьей части реки, как многие солдаты были опрокинуты силою течения и едва спасены от погибели. Увидев, что одолеть стихию трудно, Вельяминов возвратил назад на левый берег реки всех казаков и пехоту, и дав войскам небольшой отдых, направился с ними к Темир-аулу. [108]

Кази-мулла, находившийся в эти минуты в Чир-юрте, увидев, что глубина воды препятствует переправе наших войск, но зная, что они могут найти ее в другом месте, задумал отвлечь генерала Вельяминова. Для этого он переправился на левую сторону Сулака с несколькими сотнями конницы и потянулся к кр. Внезапной. Командующий войсками видел это движение, но, не имея достаточных причин опасаться каких- либо серьезных от того последствий, продолжал пока идти к Темир-аулу, куда и прибыл во втором часу пополудни. По пути он слышал пушечные выстрелы из Внезапной, которые окончательно объяснили ему намерение имама. Соображая, что к партии, с которою он приехал, могла присоединиться и пехота из ауховских деревень, хотя и не особенно в значительном числе Вельяминов счел своевременным подкрепить гарнизон крепости, имевший под ружьем не более двухсот человек. Дав отдохнуть войскам, сделавшим переход в 45 верст, он отправил во Внезапную, под начальством полковника Шумского, девять рот вверенного ему 40-м егерского полка, со всеми егерями 43-го полка и с 150 казаками Моздокского полка, при четырех орудиях. Шумскому приказано было оставить в крепости половинное число егерей 43-го полка и, отдохнув два или три часа, повернуть назад к Темир-аулу. Распоряжение это были исполнено без малейшего затруднения, и Шумский, возвратясь к отряду 18-го числа, доставил известие, что Кази-мулла, действительно, произвел нападение на Внезапную, но был отражен с потерею нескольких человек; у нас же контужен один рядовой.

18-го числа, в десять часов утра, отряд без приключений переправился через Сулак, последовал вверх по правому берегу и в пяти верстах от Чир-юрта [109] остановился на ночлег, устроив вагенбург под прикрытием 1-го баталиона Московского п. полка. На утро он двинулся в следующем порядке: сводная рота 43-го егерского полка составила две стрелковые цепи с двумя по флангам резервами; затем шли 18 орудий, за ними девять рот 40-го егерского полка, 2-й баталион Московского полка, Бутырский полк и все казаки. Подступ к Чир-юрту был затруднен глубокими крутоберегими оврагами, а самый вход в селение прегражден каменною невысокою стеною, местами усиленною палисадами; на этой стене в разных пунктах были наложены бревна как для защиты от ружейных выстрелов, так и для сбрасывания их на войска в случае приступа. В полуверсте от стены сделаны были на высотах два завала, из которых, при приближении цепи, вынесся град пуль. Вельяминов приостановил отряд и открыл по ним огонь из четырех орудий. После нескольких выстрелов он приказал егерям 43-го и баталиону 40-го полков взять эти завалы приступом. Быстро двинулись они вперед, в пять минут взошли на высоту и очистили ее штыками. После этого они были отозваны и поставлены на дальний ружейный выстрел от стены, а все орудия правее их, в расстоянии ста сажень от стены; прочие войска подвинуты немного вперед в прежнем порядке. Открыв орудийную пальбу по укреплению, Вельяминов приказал Бутырскому полку спуститься к Сулаку, потом подняться от реки к деревне и ударить в тыл защитникам, сидевшим за стеною. Когда бутырцы были невдали от деревни, Вельяминов направил в атаку с фронта егерей 40-го и 43-го полков. Неприятель, потерпевший уже чувствительный урон от артиллерии, но с упорством державшийся доселе за стеною, видя нападение с двух сторон, обратился в бегство. Сверх ожидания, [110] он ни на минуту не остановился в своих каменных саклях, в которых мог бы еще защищаться некоторое время. Казаки были отправлены для преследования его.

Мятежники, будучи уверены в неодолимости своего убежища, не вывезли из него, вопреки обыкновению, ни семейств, ни имущества и тогда только стали отправлять их, когда раздались первые пушечные выстрелы. Вследствие этого все их достояние, среди которого было много ценных вещей и даже денег, досталось нашим войскам вместе с 480 пленными, преимущественно женщинами и детьми, с полутора тысячью рогатого скота и четырьмя тысячами овец и коз. На поле битвы осталось более двухсот тел; кроме того, многих при преследовании поглотил Сулак. По словам Вельяминова, пехота в течение всего боя едва ли сделала более ста выстрелов и почти исключительно дралась штыками. Эта отвага, свойственная впрочем старому кавказскому солдату, была причиною нашей незначительной потери: убито 5 рядовых; ранены — генерального штаба полковник Занден, 2 обер-офицера и 17 нижних чинов; лошадей убито 9 и ранено 14. Вельяминов в особенности рекомендовал генерал-маиора князя Бековича-Черкаского, в котором имел "отличнейшего помощника" 8. В Чир-юрте отряд простоял два дня, выбирая хлеб для отряда и для пленных, и уничтожая дома, которые, быв построены из дикого неотделанного камня, и имея мало дерева, трудно поддавались огню; оставить же их не уничтоженными — значило бы не в полной мере наказать бунтовщиков. Обремененные добычею и пленными, войска по необходимости 22-го числа повернули обратно к Тереку и в этот день ночевали в Янгиюрте. Вследствие высокой воды в [111] Сулаке переправа у Темир-аула происходила двое суток, и только 25-го числа отряд прибыл в Хасав-юрт, а 26-го вступил в Таш-Кичу.

В эти последние два дня влиянию и власти имама в горах был нанесен еще один удар, но уже во всех отношениях серьезнее и существеннее чир-юртовского. 24-го октября дагестанскому отряду был дан отдых в лагере при селении Темир-Хан-Шуре, а 25-го числа он выступил к

Черкею в составе 2500 чел. пехоты, 12-ти орудий и 1500 чел. кавалерии. Баталион Апшеронского и две роты Куринского пехотных полков, 5 орудий 21-й, два орудия 22-й артиллерийских бригад, 4 горных единорога и все слабоконные оставлены были в вагенбурге при сел. Кафыр-Кумыке, под командою маиора Лещенко. Осведомясь, что на Койсу находится только один деревянный мост, чрез который можно пройти к Черкею, командующий войсками имел намерение внезапно захватить его, для чего отправился вперед с кавалериею и 4-мя орудиями; но неприятель, заранее извещенный о том своими караулами, встретил его в числе до 500 человек за версту от моста в устроенных им каменных завалах за кладбищенскими памятниками. Мусульманская кавалерия, часть которой спешилась, во главе с сыном Аслан-хана Нуцал-ага, бросившимся вперед со знаменем в руках, молодецки атаковала горцев и принудила их отступить к мосту. Вслед затем для охраны и сбережения этого моста Панкратьев поставил 4 орудия, чтобы открыть огонь, в случае если неприятель захочет сломать его; но оказалось, что он предвидел это и к истреблению моста приготовился заранее, так что нам не удалось спасти его. Панкратьев, заняв прибывшими войсками правый берег Койсу, приказал приготовить материалы для устройства ночью нового моста. [112]

Кази-мулла не упустил из вида нашего движения к Черкею и после чир-юртовского дела не замедлил прибыть туда для распоряжений. Но он не выждал там решения его участи и 24-го числа выехал в Чечню. Кажущийся на вид странный отъезд его в столь важные для Салатавии минуты объясняется тем, что в Черкее, где между прочим было его семейство, находился тесть его мулла Магомет ярагский, на которого он полагался также, как и на себя самого. Но, к сожалению Кази-мулла на этот раз не сообразил, что почтенный старец уже давно выветрился, и бывшее влияние его в народе почти стушевалось перед могучею нравственной силою самого имама, которая только одна была в состоянии располагать волею десятков тысяч людей. Не взирая однако на это, мулла Магомет принял все меры к обороне Черкея, в которой впрочем не отказала ему и сама природа, так как с одной стороны селения протекала в глубоком русле Койсу, над которой возвышались перпендикулярные скалы, а с других сторон находились большие каменистые горы, представлявшие на всяком шагу природные шанцы и завалы. В ущельи этих гор покоился Черкей, окруженный глубокими оврагами. Ко времени прибытия отряда жители его были усилены чеченцами и салатавцами и насчитывали в своих толпах по крайней мере четыре тысячи человек. Скопище заняло самые выгоднейшие места на левом берегу Койсу, в особенности против разрушенного моста, где устроены были шанцы и ложементы в природных скалах и в самых крепких пунктах. По ним был открыт усиленный беспрерывный огонь стрелков и артиллерии, но он оказался ничтожным и не мог удалить мятежников с занятой ими позиции. В таком виде состязание с обеих сторон продолжалось до наступления ночи. [113]

В виду своего решения устроить переправу на левый берег Койсу, генерал Панкратьев послал инженер-штабс-капитана Горбачевского и кавказского саперного баталиона поручика Вильде 9 обозреть местность около разрушенного моста, который концентрически обстреливался из всех неприятельских завалов над ним устроенных. Согласно донесению этих офицеров о способах овладения переправою, командующий войсками приказал устроить эполемент над самою рекою против неприятельских шанцев. К рассвету он был совершенно готов и вооружен двумя орудиями кавказской гренадерской артиллерийской бригады, из которых открыт по завалам сильный огонь ядрами и картечью. В то же время Панкратьев сосредоточил десять орудий, под командою подполковника Влахопуло, против самого Черкея, которые картечью и гранатами наносили неприятелю сильный вред. Под покровительством этого огня он

приказал отыскивать броды, которые должны были существовать на реке по показанию проводников. Баталион 42-го егерского полка, под командою маиора Кандаурова, бросился в воду, предшествуемый несколькими мусульманскими всадниками и линейными казаками, между тем как полковник Басов, с своим полком и частью мусульманской конницы, отыскивал броды выше Черкея. Неприятель, поражаемый сильным огнем артиллерии, и усматривая принятые нами меры к устройству моста, выслал на берег почетных старшин просить о прекращении кровопролития и о даровании ему пощады. Видя крайнее затруднение совершить переправу без большой [114] потери людей, Панкратьев воспользовался этим благоприятным случаем, чтобы прекратить сражение и показать жителям великодушие русского правительства.

Таким образом черкеевцы сдались. Нами предложены были следующие условия: 1) Черкей покоряется и обещается исполнить все приказания начальника кавказской линии, к управлению которого он принадлежит по месту положению своему, находясь на левом берегу Койсу; 2) черкеевцы обязуются не принимать к себе ни Кази-муллу, ни его сообщников; 3) они должны возвратить орудие, отбитое Кази-муллою 1-го июля у отряда генерал-от-кавалерии Емануеля и доставить его в лагерь. Эти условия были приняты беспрекословно и завершили собою весьма трудное и важное предприятие, достигнутое с малым числом войск и без особенного кровопролития; но главное — у Кази-муллы вырвано надежное гнездо, служившее рассадником всяких смут и волнений. Семейство имама при приближении отряда бежало в Андию. В течение 25-го и 26-го октября потеря наша состояла из десяти убитых нижних чинов и 73-х раненых; лошадей артиллерийских убито и ранено 10-ть, мусульманских 63. Урони неприятеля, по показанию старшин, простирался до 300 человек убитыми и ранеными.

Панкратьев, уверенный, что последствия черкеевской победы скажутся для него везде, где бы он ни находился не стал задерживать войска в Салатавии и 27-го октября отвел их к вагенбургу, расположенному у Кафыр-Кумыка. Считая затем, что цель достигнута, и в дальнейшей экспедиции надобности не встретится, он отпустил по домам бакинскую и кюринскую конницы и приступил к удовлетворению хозяйственных нужд отряда. Ему, действительно, не очень долго привелось ожидать результатов своих деяний: прежде всех других [115] откликнулась ханша Паху-бике, которая, поздравляя его с победами, и благодаря за присланные ей подарки, положительно распиналась в уверениях о своей дружбе к нам, в покорности и в полном спокойствии ее народа. Вслед за ее письмом 29-го октября явились в лагерь черкеевские старшины и депутаты, возвратили нам орудие, отбитое у генерала Емануеля, и приняли присягу на верноподданство. За ними в тот же день не замедлили прибыть с покорностью старшины и почетные лица всех мятежных селений шамхальства, Койсубу, Салатавии, Гумбета и других соседних обществ. Все они, в присутствии войск, под знаменами, с целованием корана, были также приведены к присяге. Словом, по донесению генерала Панкратьева, жители различных провинций и обществ поспешили наперерыв принести раскаяние в своих поступках и умоляли о пощаде, которую он и даровал им именем Государя Императора. Из помилования он исключал только импровизованного шамхала Умалат-бека, Авдурзах-бека табасаранского и Навруз-бека каракайтагского, а затем оставлял в сильном подозрении хотя и раскаявшихся в своих заблуждениях, но давших повод сомневаться в своей благонадежности: Ахмет-пашу, арестованного в Дербенте, и Айдамир-бека табасаранских, Заал-бека и Муртузали-бека.

Не смотря на то, что после всего этого Панкратьев считал спокойствие в Дагестане водворившимся окончательно, он все-таки сомневался, чтобы Кази-мулла мог отказаться от своих целей, "имея средство скрыться в неприступных ущельях среди очарованных фанатизмом горских мусульман". Поэтому он и не распускал пока войск, а расположил их в первых числах ноября следующим образом: в с. Отамыше — отряд полковника Миклашевского, отправленный из Кафыр-Кумыка [116] 30-го октября, в составе двух баталионов 42-го егерского полка, 1-го конно-мусульманского полка и шести орудий кавказской гренадерской артиллерийской бригады в Карабудахкенте — отряд полковника Гофмана, из шести рот Куринского, двух баталионов Апшеронского полков, семи орудий 21-й, трех орудий 22-й артиллерийских бригад и одной сотни 2-го конно-мусульманского полка; в с. Буйнаки — отряд князя Дадиани, в составе двух баталионов эриванцев, трех орудий 22-й артиллерийской бригады, четырех горных единорогов и четырех сотен 2-го конно-мусульманского полка; казачий Басова полк выступил на Дон, волонтерный полк расформирован, и состоявшая при нем кубинская милиция отправлена по домам. Спустя несколько дней, именно 13-го ноября, был расформирован и 2-й конно-мусульманский полк. Сам генерал Панкратьев, с 3-м конно-мусульманским полком оставался пока в Дербенте до получения сведений о дальнейших действиях генерала Вельяминова и совершенного удостоверения, что Кази-мулла не предпримет больше ничего 10. Этого удостоверения ни он и никто другой не дождались ранее конца будущего года, когда неугомонный и неутомимый имам сошел с жизненного поприща. А что касается сведений от Вельяминова, то у него было, действительно, о чем ему сообщить.

24-го октября Вельяминов получил известие, что Кази-мулла, крайне стесненный в Дагестане и у кумыков, бросился в Чечню и, явясь на Гудермес, призвал жителей ко всеобщему восстанию. Оттуда он переехал в Герменчук, потом в малую Чечню к аулу Хан-Кале и везде имел громадный успех в своей пропаганде. Даже [117] полуидолопоклонники ингуши, не имея ничего общего с шариатом — и те оказали ему сочувствие и содействие. Собрав таким образом довольно значительное скопище, Кази-мулла перешел Сунжу и хребет гор, отделяющий ее от Терека, и начал орудовать и пропагандировать также и в чеченских деревнях между этими двумя реками. Так как последнее движение его угрожало опасностью станицам Моздокского и Гребенского казачьих полков, то Вельяминов 27-го октября двинул отряд из Таш-Кичу в с. Брагуны с тем, чтобы в тот же день переправиться там через Сунжу. Но дождливая погода и необыкновенная грязь поставили трудно одолимые преграды быстрому и свободному движению войск, не смотря даже на то, что все тяжести и пленных он оставил по дороге в Амир-Аджи-Юрте, так что едва только в восемь часов вечера приблизился к селению Брагуны. А тут, на беду, случилось другое препятствие: Сунжа, удобопроходимая в брод еще поутру, от беспрестанного дождя разлилась и поднялась так высоко, что переправа сделалась невозможною. Весь следующий день был потрачен на розыски другого брода, и едва только к вечеру удалось его найти. Среди этих хлопот Вельяминову 28-го октября дали знать, что скопище Кази-муллы напало на небольшую мирную деревню Новый Юрт, расположенную на Тереке против Червленной станицы, выгнало оттуда жителей и потребовало у населения громадного аула Старого Юрта (Давлет-Гирей), чтобы и оно перешло со всем имуществом за Сунжу. Переправив уже в это время кавалерию, он тотчас отправил ее с тремя конными орудиями, под начальством г. м. князя Бековича-Черкаского, к месту деяний Кази-муллы, а когда переправились пехота и артиллерия — двинулся туда же с остальными войсками и 29-го числа соединился с князем [118] Бековичем. Кази-мулла, тем временем, усилился еще более,

преимущественно пешими людьми, и расположился на правой стороне Сунжи, против деревни Чертугая, ожидая новых подкреплений. 30-го и 31-го октября отряд простоял у Старого Юрта без всякого дела, в ожидании обоза из Амир-Аджи-Юрта, движение которого замедлилось отвратительными дорогами. Скопище также ничего не предпринимало, но под вечер 31-го числа вдруг исчезло. По розыскам лазутчиков оказалось, что оно переправилось на левый берег Сунжи: пехота его расположилась в с. Ачехи, а конница потянулась по направлению к Брагунам. Уверенный, что последняя имеет намерение напасть или на это селение, или на станицу Щедринскую, Вельяминов отправил на левую сторону Терека командира гребенского казачьего войска полковника Волжинского, с 160 казаками и тремя конными орудиями, приказав ему присоединить к себе казаков, находившихся близи червленской переправы, следовать к станице Щедринской и действовать сообразно с обстоятельствами.

1-го ноября, в три часа пополуночи, Вельяминов двинулся из Старого Юрта к с. Ачехи, с намерением разогнать засевшую там пехоту. Когда отряд перешел через гору, отделявшую его от Сунжи, и стал подвигаться к Ачехи, то был встречен ружейными выстрелами, на которые впрочем почти не отвечал, поспешая обойти деревню и приблизиться к ней со стороны кр. Грозной. Лишь только движение это начинало достигать цели, трехтысячное скопище чеченцев, имевшее по-видимому сначала намерение сопротивляться, начало отходить к Сунже, боясь потерять с нею сообщение, которому угрожал отряд. Обойдя деревню, Вельяминов тотчас выдвинул на позицию 11 орудий 20-й артиллерийской бригады и открыл беглый огонь вдоль деревни для изгнания засевшего [119] в домах неприятеля: казакам же, подкрепленным баталионом Московского пехотного полка, при четырех орудиях, велел двинуться к Сунже и овладеть мостом, к которому стремились чеченцы. Когда они подошли к крутому обрыву, находившемуся в недалеком расстоянии от берега, на встречу им вынесся неожиданно ружейный залп. Князь Бекович-Черкаский, во главе казаков, бросился на горцев с решимостью и отвагою, обратил их в бегство и преследовал до реки. В это время действие нашей артиллерии заставило чеченцев бежать и из деревни, которая тотчас же была занята двумя баталионами 40-го егерского и Московского полков. Потеря наша состояла из 1-го убитого и 4-х раненых нижних чинов; неприятель оставил в наших руках только трех убитых, но весьма много потерял от нашей картечи при переходе через Сунжу. В ауле был найден обильный запас хлеба и фуража, но никакого имущества не оказалось. Большая часть скопища разошлась по домам, и только жители деревень Сунженской, Ачехи и Чертугая удалились в близлежащие леса 11.

Занятие Кази-муллою селения Ачехи и оставление в нем для развлечения нашего отряда сильного скопища чеченцев было превосходно придуманною демонстрациею, посредством которой умный имам замаскировал настоящий свой план и обманул даже такого опытного и предусмотрительного генерала, обладавшего бесспорно большими военными талантами, каким был г. л. Вельяминов 3-й. В то время, когда он направил все свое внимание на ачехинское скопище, а Волжинский, двинувшись к с. Брагуны и оттуда к ст. Щедринской, собирал по пути побольше казаков, Кази-мулла, с тысячью доброконных [120] и отважных мюридов, быстро и таинственно подвигался к Кизляру. Этот интересный уголок, примкнувший к Тереку и лежащий на одном с ним уровне, окруженный массою своих виноградных садов, совершенно открытый и почти беззащитный, по довольству и богатству своих жителей, преимущественно армян, представлялся самым удобным пунктом для нападения, грабежа и всякой поживы. Патриархальный быт населения, широкое

хлебосольство и почти ежедневное ликование интеллигентного люда то в одном, то в другом пункте города были лучшим вспоможением для поддержания той беспечности, которою они отличались всегда. Так было и в день 1-го ноября 1831 года 12, когда, по случаю именин одного из зажиточных и выдающихся лиц, к нему собралась масса народа, включая всех служащих, и в числе их унтер-цейхвахтера, который, крепко-накрепко заперев в крепости пороховой погреб, спрятал ключи от него подальше. Было около полудня, и подходило уже время для расправы с вкусными пирогами из самой лучшей красной рыбы, которою без конца обилует благословенный дарами природы Кизляр — как вдруг к коменданту, подполковнику Широкову, прискакал с Лащуринского форпоста казак и доложил, что какие-то четыре человека подожгли там некоторые здания. "Для поймания сих людей и вообще для узнания о сем происшествии", Широков командировал кизлярского терского войска штабс-капитана Мещерякова, с командою казаков. Пока они пробирались по невылазному и почти никогда невысыхаемому в Кизляре болоту, не дающему возможности осенью и зимою сообщаться людям иначе как верхом [121] или на арбах, в особенности при поездке на семейные вечера, Кази-мулла, порешивший уже участь Лащуринского поста, был у самого Терека. Лишь только Мещеряков, ничего не предвидя, взошел с своими людьми на паром и отъехал на половину реки, как вдруг был встречен с противуположного берега самым оживленным ружейным огнем; паромный же канат был в это время перерублен кинжалами — и казаки предоставлены течению Терека. Не видя никакой надобности плыть к Каспийскому морю, Мещеряков, раненый между прочим пулею, бросился с командою в воду, возвратился обратно на берег и, с своей стороны, открыл огонь по неприятелю, который в это время переправлялся по его следам. Одновременно с этою партиею другая переходила реку в брод у так называемой топольской рощи, в которой построена часовня с чудотворным в ней образом св. Великомученика Георгия, а третья — против окочинской части города.

Самое пылкое воображение не могло бы себе представить той картины, которая произошла в злополучном Кизляре. Оторопелое население, потеряв всякое сознание, вместо того, чтобы скрываться в затаенных местах, выбегало из своих жилищ, металось туда и сюда и разносило всюду раздирающие душу вопли; раздавшийся на колокольнях трезвон, изображавший собою набат, вовсе излишний в эти минуты, еще более усиливал переполох и суматоху. В крепости, расположенной на окраине города, возле русской слободки, барабаны наперехват разносили тревогу, и захваченные врасплох нижние чины части линейного № 8-го баталиона и инвалидной команды бегали в разные стороны, ожидая прибытия офицеров и не будучи заранее извещены о своем сборном пункте. По улицам раздавалась ружейная трескотня [122] вломившихся уже в город партий, которые, поражая встречного и поперечного, врывались в дома, преимущественно армянской и татарской частей, в храмы, в магазины и лавки, которых в Кизляре весьма достаточно, опустошали их и с навьюченными лошадьми спешили безнаказанно к другим жилищам, не зная границ своей алчности. Некоторые хищники, пресыщенные уже добычею, бежали к берегу Терека, уводя или угоняя перед собою по несколько пленных и в редких случаях набрасывая на вьюки одних только молодых женщин, которым по необходимости отдавали преимущество, потому что иначе пришлось бы их волочить арканами по непроходимой грязи. В дополнение всего этого невообразимого хаоса из крепости раздались наконец орудийные выстрелы; но, к сожалению, они не могли причинить неприятелю вред, потому что он был прикрыт городскими зданиями. В русской слободке также кипела перестрелка с нашими солдатами линейного баталиона — и опять не совсем для нас удачная, потому что имела характер оборонительный. Неприятель потерпел

кое-какой урон только от одних тезиков 13, которые, загородив арбами переулок, пролегавший в их маленькую слободку, стойко отбивали все его нападения Эта тяжелая божья кара над несчастным населением города неотразимо и безнаказанно продолжалась три часа. Наконец — по донесению Широкова 14 — все неприятельские толпы, с добычею и пленными, переправились обратно за Терек и потянулись по дороге к Лащуринскому форпосту; "но преследовать их, по недостатку войск, не было никакой возможности". Так плачевно завершилась [123] ужасная катастрофа, о которой старики без содрогания не могли вспоминать даже тридцать слишком лет спустя.

Потери после этого крушения оказались слишком тяжкие для населения: убитых 126, раненых 38, взятых в плен 168, преимущественно женщин. Кроме того, на Лащуринском форпосте, по донесению, за болезнью командующего терским казачьим войском, зауряд-хорунжего Петанова, "заграничный мошенник Кузу-мулла" также произвел опустошение, и притом поголовное, во время которого в команде казаков убит один офицер и три нижних чина; в команде Мещерякова убито 2 офицера и 5 казаков, и ранены, кроме Мещерякова, три казака. Это число пострадавших лиц могло бы быть еще значительнее, если бы часть жителей не успела по первой тревоге и даже во время самого опустошения города скрыться в крепости. Разграблены до 30-ти домов и три церкви. В особенности пострадала Троицкая церковь, из которой похищены пять полковых знамен, сорваны с икон серебряные оклады и унесена вся утварь. Первоначальная сумма понесенных жителями убытков показана до 25 тысяч рублей, но впоследствии полицейским управлением она исчислена в двести слишком тысяч — чему, впрочем, Вельяминов не придавал вероятия. Паника, произведенная набегом и погромом, была так велика, что после происшествия 1-го ноября большая часть жителей переселилась в крепость, где разместилась как на биваке в казенных зданиях и в соборной церкви, а частью в кибитках и палатках, и провела там всю зиму, не переставая ежедневно служить молебны о предотвращении нового бедствия. Выкуп пленных доставил Кази-мулле и его сподвижникам весьма солидную сумму денег в звонкой монете. [124]

Полковник Волжинский, преследуя Кази-муллу 1-го ноября, узнал на Ключевском посту, находившемся между станицами Червленною и Щедринскою, что он, с конною партиею, потянулся вниз по Тереку и, не предвидя никаких от того особенных последствий, крепко не торопился. Только на другой день, получив сведение о направлении скопища к Кизляру и даже о сожжении Лащуринского карантина, он кинулся за ним форсированным маршем. Одновременно с этим и Вельяминов командировал из отряда подполковника Ускова, с 300 казаков, приказав ему как можно поспешнее идти на Брагуны, переправиться там через Сунжу и стараться встретить неприятеля на возвратном пути, но ни тот, ни другой не настигли Кази-муллу и не видели его партии. Вообще, на этот раз судьба донельзя покровительствовала имаму, на горе кизлярцам, таким несчастным для них совпадением разных обстоятельств, хуже которого и быть не может. В те минуты, когда хищники, разграбив город, быстро удалялись к Лащуринскому форпосту, в Кизляр приехал, с довольно большим конвоем, аксаевский ногайский кадий. Узнав, или лучше увидев несчастие города, он повернул назад и пустился преследовать горцев. Проехав Лащуринский карантин, он встретил невдали от Магометова моста донской казачий № 11-го Басова полк, который, возвращаясь из Дагестана на Дон, должен был в этот день придти в Кизляр не позже полудня и, конечно, накрыть грабителей на месте преступления; но, по случаю ужасной дороги и крайнего утомления и без того давно измученных лошадей, запоздал на несколько часов. Кадий объявил Басову о происшествии и советовал ему преградить дорогу горцам, которые, по его мнению, должны

были скоро подойти к мосту; но полковник [125] Басов ему не только не поверил, а счел за подозрительного человека и арестовал со всею его командою. Придя на Лащуринский форпост и увидев там догоравшие здания и тела убитых, Басов мог бы, наконец, увериться в своей ошибке, но, к сожалению, и тут выказал полное упрямство. Только прибыв в Кизляр не более двух часов спустя после того, как ушел Кази-мулла, он не мог не убедиться в горькой истине. Вместо того, чтобы пуститься по следам неприятеля тотчас же, он выступил только на следующий день в девять часов утра, когда получил от коменданта формальный отзыв о постигшем город несчастии. Конечно, такая услуга ни к чему не повела, кроме нового бесконечного утомления людей. Пройдя за Лащуринский форпост, полк возвратился назад без всякого успеха, бросив по дороге пять лошадей, и лишь разведав, что Кази-мулла, отступая проселочною дорогою, перешел через Магометов мост только в три часа пополуночи, а затем принял вправо и исчез в горах. Таким образом, Кази-мулла был бы положительно в наших руках, если бы ему не помогли достойные упрека действия полковника Басова. Вельяминов узнал обо всем этом только в конце декабря, а до того времени крайне недоумевал, как это Басов не встретил скопища Кази-муллы. Если бы в свое время он получил все эти сведения, то загадка тогда же разъяснилась бы для него, и он бы ясно убедился, что Басов мог поправить дело, не не захотел, потому что пожалел лошадей 15.

Для безопасности Кизляра в дальнейшем времени и для успокоения его жителей Басова полк остановлен был [126] там впредь до особого распоряжения. Для восстановления порядка и упрочения безопасности города был тотчас послан туда г. м. князь Бекович-Черкаский, которому, между прочим, велено Вельяминовым уговорить жителей очистить крепость и возвратиться в свои дома, так как казенные помещения в ней предстояло занять присутственными местами, лазаретом и городскою больницею. Жители не обратили на это внимания, и хотя уступили занятые ими в крепости казенные здания, но продолжали оставаться в своем импровизованном лагере, в церкви и везде, где только не могли быть стеснены распоряжениями власти. Не ожидая, когда им указаны будут меры и способы к охранению себя от возможных в будущем новых нападений горцев, они позаботились о себе сами и решили: 1) огородить город плетнем и колючкою своими собственными руками и выбрать для этого из среды себя рабочих от всех сословий — от дворянского 55 человек, от армян 450, от грузин 48 и от тезиков 50; 2) для содержания в окрестностях города пикетов назначить от тех же сословий 340 человек; 3) составить из среды себя ополчение, третья часть которого должна была постоянно и безотлучно находиться в городе для обороны; 4) для сохранения должного порядка в наряде людей и для разведок о неприятеле выбрать из всех сословий 16 человек и 5) все свои распоряжения и действия в этих случаях подчинить коменданту и городничему.

Эти похвальные мероприятия говорили сами за себя, но взгляды и понятия золотого старого времени, как нельзя лучше характеризующие его, не дали им возможности осуществиться. Из весьма ценных и интересных на этот раз документов оказывается следующее: Вельяминов не согласился или, просто сказать, отказался утвердить [127] все эти меры, так как, по его словам, "хотя в них нет ничего, могущего служить ко вреду, но заключаются общественные сборы". Приостановив эти распоряжения и представляя их на усмотрение корпусного командира, он в то же время высказал такое мнение:

«Зная кизлярских жителей, я не могу быть уверен, чтобы они хотя четвертую часть своего предположения привели в исполнение».

На чем основывалось это "знание" Вельяминова — он не объясняет; из всей же деятельности его до того времени не видно, чтобы он когда-либо посещал Кизляр. Корпусный командир барон Розен 1-й пошел еще далее. Он дал знать командующему войсками, что 1) разрешает огородить город, но с тем, чтобы "отнюдь не допускать дворян" к производству этих работ; 2) допускает коменданту наряд обывателей для содержания пикетов — но лишь "обыкновенным полицейским порядком", т. е., другими словами, принудительным; 3) в случае нападения он может принимать все меры для отражения, "но сие должно производиться по приказанию его, а не по собственному распоряжению различных сословий — что ни в каком случае не должно быть допускаемо"; 4) равномерно запрещает учреждение из жителей какого-либо комитета для обеспечения безопасности города; 5) вообще, все вышеозначенное должно производиться только в крайности и без назначения особенных денежных сборов. В заключение, было предписано Вельяминову принять меры, чтобы под предлогом обеспечения безопасности города не произошло злоупотреблений тягостных для жителей 16. Конечно, после такого предписания город остался [128] в прежнем положении, и большая часть его населения до окончательного покорения восточного Кавказа держала все свое ценное имущество в замкнутых сундуках. При малейшем слухе о Кази-мулле, Гамзат-беке, Шамиле, Хаджи-Мурате и тому подобных лицах, эти сундуки сейчас спроваживались в крепость, и хозяева их располагались там биваком.

Кизлярцы имели полное основание сомневаться в своей безопасности, потому что редкий день на Тереке обходился без хищнических приключений, весть о которых сейчас же доходила до них в виде катящегося с горы снежного кома, а орудийные выстрелы ближайших постов и соседних станиц, возвещавшие тревогу, еще внушительнее подтверждали им о возможности повторения событии 1-го ноября. И действительно, поощренные и обольщенные успехом этого рокового для кизлярцев дня, чеченцы сами без пособия Кази-муллы, пробовали счастье то там, то сям и собирались для этого даже в весьма значительные и грозные, при нашем бессилии на линии, партии. Далеко не остыло еще впечатление "козьмо-демьянской катастрофы", как в городе было уже известно от заезжих караногайцев, джембулуковцев и других окрестных к Кизляру кочевников, что по Тереку снова рыскает Кази-мулла чуть не с тысячною партиею. Что там не было и не могло быть Кази-муллы — это в действительности не подлежало сомнению; но что было очень опасно и тревожно, и что большая партия — конечно, далеко не тысячная — не расходилась — это также было вполне верно. Эта партия, в числе 150 человек, в ночь с 6-го на 7-е ноября, безнаказанно угнала на левой стороне Терека табун лошадей, принадлежавший караногайцу Тогунчеева аула Ясинбеку, и может быть, подхватила бы еще что-нибудь и в станицах, но была открыта разъездом Растяжного поста, [129] который тотчас дал знать о ней на Ключевский пост полковнику Волжинскому. Последний, с казаками и двумя конными орудиями, настиг ее между Маковским и Роговицким постами и отбил табун; но она, быстро перебравшись за Терек, не только не намерена была уйти подальше, а даже открыла пальбу. Тогда Волжинский на кайках переехал с казаками реку, прогнал ее и преследовал до подножия хребта. В этой схватке у нас был убит один и ранено шесть казаков.

Вельяминов все это время находился с отрядом при сел. Ачехи, обеспечивая захваченным в нем хлебом и фуражом не только свои войска, но и крепость Грозную. Только 8-го ноября он переправился на правый берег Сунжи и расположил отряд у деревни Сунженской. Не предвидя затем крайней необходимости действовать более на кумыкской плоскости, и не имея возможности, если бы встретилась нужда, употребить кавалерию в чеченских лесах, он

отправил на линию всех казаков, и к половине ноября образовал в разных местах следующие резервы для охранения ее от вторжения хищников: на Татаринском посту 60 человек с од

ним медным орудием, на Албецком 40 чел., на Сухом 100 чел. с одним орудием, на Ключевском 200 чел. при двух орудиях и на Дубовском 150 человек. Давая корпусному командиру отчет в своих действиях и в неосуществившихся некоторых намерениях, он в то же время знакомил его и с положением вверенного ему района. Из слов его видно, что чир-юртовским успехом он думал достигнуть больших результатов, и должен был сознаться, что ошибся в ожиданиях, так как влияние Кази-мулы на умы народов не вдруг могло быть уничтожено" — до того глубоко он запустил корни в их убеждения. В те минуты, когда, после [130] наших успехов в Дювеке, Эрпели, Черкее и Чир-юрте, казалось нам, что проповедник шариата неизбежно должен затереться и затушеваться — он вдруг нашел возможность соединить под своим знаменем массу чеченцев и, игнорируя существование нашего отряда, угрожавшего населению в его собственных жилищах, произвел отважное нападение на многолюдный сравнительно город. Из этого ясно усматривалась вся сила его влияния на народ, который жертвовал своими очагами, своим семейством и имуществом, лишь бы исполнить его волю, какова бы она ни была, хотя бы истекала из простой фантазии. И кизлярский погром, столь удачный для него, еще более подчинил ему слабые и легковерные умы чеченцев — что немедленно и прежде всего отразилось на жителях Нового Аксая, поселенного возле Таш-Кичу: после чир-юртовского дела они совершенно отклонились от имама, а после кизлярского выразили намерение вновь к нему присоединиться, лишь бы он показался в окрестностях их аула. Того же ожидал Вельяминов и от качкалыковских деревень, лежавших по хребту, отделяющему Чечню от кумыкской плоскости.

«Такое расположение здешних народов — писал командующий войсками — даст сему мятежнику возможность по произволу его собирать вооруженные скопища и повторять набеги за Терек».

Каждый из таких набегов, даже малыми партиями мог остаться безнаказанным, потому что пограничная цепь наша на кавказской линии была крайне слаба, во второй линии резервов не было никаких, а вся огорожа станиц заключалась в обветшалой и запущенной колючке. Единственное сродство, которое находил Вельяминов чтобы положить предел подобным предприятиям с основательною надеждою на успех, состояло в значительном [131] увеличении числа войск на левом фланге линии и в центре: — вечная, неумолкаемая и вполне правдивая песня нашего кавказского начальства до конца пятидесятых годов. На левом фланге линии нужны были одновременно действия и наступательные, и оборонительные — а первых предпринять было нельзя по недостатку войск. Находя необходимым придержать в Кизляре Басова полк до совершенного прекращения мятежа, возженнего Кази-муллою, Вельяминов просил на этот раз прибавить в его отряд от 12-ти до 15-ти тысяч пехоты и по крайней мере десять казачьих полков, а также хотя бы шесть орудий, для замены ими конно-казачьих, лошади которых пришли в безусловную негодность. При таких средствах он надеялся довольно скоро смирить возмутившиеся народы, а в противном случае — не ручался ни за спокойствие края, ни за возможность предупреждения новых набегов неприятеля, подобных кизлярскому. Обрисовывая вместе с тем положение и отношения к нам каждой кавказской народности отдельно и некоторых правителей — чем крайне интересовался барон Розен 1-й, видимо вовсе незнакомый с краем и прибывший словно в неслыханную им дотоле землю —

Вельяминов, между прочим, останавливал его внимание на Нуцал-хане аварском, рекомендуя его незаслуживающим ни малейшего доверия 17.

Барон Розен 1-й очень быстро отозвался на представление Вельяминова, и в то время, когда Панкратьев, удерживая свой отряд в сборе, ждал вестей с левого фланга и дорожил каждою ротою в виду какого-нибудь крайнего и непредвиденного случая, корпусный командир предписал ему 10-го ноября направить в кр. Внезапную [132] столько пехоты, сколько обстоятельства позволят, примерно до четырех баталионов, с соответствующим числом артиллерии, и до 500 человек мусульманской конницы в составе одного полка. Но так как за спокойствие Дагестана ручаться было также нельзя, то барон Розен приказывал Вельяминову — в случае появления там Кази-муллы оказать с своей стороны содействие дагестанскому отряду; а чтобы не допустить возмущения в Кабарде, он, кроме того, отправил к нему из Закавказья два баталиона и 4 конных орудия донской № 3-го роты. Других усилений из закавказских войск произвести пока было невозможно, так как постоянно доходили известия, что между глуходарами идут оживленные толки о набеге на Кахетию по наущениям сообщников Кази-муллы и по настояниям беглых джаро-белаканцев. Представляя такое положение края на Высочайшее воззрение, и прося возвратить на Кавказ из действующей армии на Дунае сборный линейный, два конных черноморских и один пеший казачий полки, барон Розен вместе с тем выразил и свой план, который полагал себе в руководство для дальнейших действий: скорее восстановить спокойствие, утишить общее раздражение горцев; привести линию в надежное оборонительное положение, а потом уже направить действия к укрощению народов — но не оружием, а путем мирных сношений и торговли, частью только примерным наказанием обществ наиболее нам враждебных, а частью и постепенным утверждением нашим на пунктах, где обстоятельства и силы наши позволят. Таким образом, наступательной войны, с целью покорения края и утверждения в нем нашего полного господства, новый главноуправляющий не допускал, так как находил ее [133] невозможною при шестидесяти тысячах пехоты, бывшей в то время в крае с прикомандированными войсками и линейными баталионами, разбросанной на пространстве от Абас-Абада, Эривани и т. д. до Анапы и Геленджика 18.

Как ни были благодетельны мирные преднамерения и цели барона Розена относительно горцев, но текущие обстоятельства далеко не соответствовали им, в особенности при жгучей и настойчивой деятельности Кази-муллы, который так же спокойно и характерно относился к своим успехам, вовсе не увлекаясь ими, как мало огорчался и разными неудачами. Последние начались для него в Дагестане, в противуположность тому, как это было в Чечне, сейчас же после кизлярского погрома. Население, уже несколько отрезвленное, выразило ему иные чувства, чем те, которыми он пользовался до настоящей минуты среди чеченцев, и какие оно проявляло ему постоянно. В полдень 2-го ноября он переправился выше Костека на правый берег Сулака, разделил здесь добычу и отпустил чеченцев, а затем с остальными мятежниками намерен был идти в Черкей; но жители этого селения, узнав о его маршруте, и опасаясь с одной стороны, что могут подвергнуться мщению за изъявление нам покорности, а с другой — боясь и нашего возмездия за новую измену, объявили ему, что не впустят к себе ни его, ни находящихся при нем черкеевцев. Имам был настолько благоразумен, что пока не стал препираться с своими отщепенцами и направился в Зубут. Но и здесь для него оказалось не лучше: зубутовцы разделились надвое, и одна половина стала за, а другая против него. Видя в этом подражание Черкею, Кази-мулла повернул обратно к этому аулу и, остановившись в одной версте от него, [134] послал Таймасхан-кадия и муллу Иса Чалова для переговоров с

жителями. Лица эти прибыли в селение, и в собрании общества второй из них сделал вопрос: кто посмел отдать русским орудие? На это ему отвечали, что отдал его отец. Дальнейшие переговоры со стороны парламентеров в пользу их владыки были для него вполне неблагоприятны, так что в заключение черкеевцы даже пригрозили ему призывом наших войск, если он позволит себе явиться к ним. Оставив в покое неблагодарных своих недавних последователей, имам направился в шамхальство, надеясь найти здесь для себя почву менее шаткую, и в ночь на 8-е ноября, с партиею в 200 мюридов, прибыл в Каранай. Но, к удивлению его, встреча здесь населения была уж совсем отвратительная: оно вышло к нему с оружием в руках и вступило в перестрелку; в то же время Улубей с эрпелинцами сделал засаду по пути к своему селению, а Сулейман, находясь в Карабудахкенте, послал каранайцам подкрепление, наскоро собрав для того жителей соседних аулов. Но пока последние прибыли в Каранай — Кази-мулла бежал, потеряв несколько убитых, достаточное число лошадей и 7 человек пленных, которые, в назидание всем прочим мятежникам, по приказанию генерала Панкратьева, были тотчас повешены. Эрпелинцы и каранайцы преследовали своего имама до входа в ущелье Бужуна, в котором он, наконец, перевел дух и оттуда прямою дорогою направился в Гимры, "где находилась его старшая жена и часть семейства" 19. При этом движении он следовал, конечно, заранее [135] составленному им плану, так как в те минуты в Гимрах ратовал за него Гамзат-бек гоцатлинский, с партиею аварцев, склоняя гимрынцев и других койсубулинцев к содействию своему старому приятелю 20. Появление в Дагестане беспокойного и неотвязчивого возмутителя заставило наши войска, немного отдохнувшие в его отсутствие, снова стать в ружье. Колонны получили приказание быть готовыми к выступлению, а Вельяминову послан отказ в подкреплении, не смотря даже на прибытие 10-го ноября донского казачьего № 8-го полка, явившегося на смену № 13-го Шурупова полка. Отказ мотивировался Панкратьевым переменою обстоятельств, ослаблением его отряда вследствие расформирования некоторых частей и предстоявшим в скорости отправлением двух баталионов Эриванского карабинерного полка в их штаб-квартиру. Корпусному же командиру он по поводу этого изложил взгляд, направленный совершенно в разрез с мнением Вельяминова, и некоторым образом разоблачающий изнанку дела:

«По ближайшему усмотрению обстоятельств левого фланга кавказской линии я полагаю, что нет никакой надобности усиливать находящиеся там войска, ибо число оных весьма достаточно, никогда такового прежде там не бывало. Кази-мулла был чрезвычайно опасен для Дагестана, где народ имел к нему большую приверженность, видя в нем пророка; но на линии сего никогда не могло быть, ибо чеченцы весьма мало привязаны к магометанской вере и побуждаются к набегам единственно желанием добычи. Если Кази-мулла ограбил Кизляр, то сие произошло от того, что он успел ложно распространяемыми слухами отвлечь внимание г. л. Вельяминова. Теперь же нельзя [136] предвидеть, чтобы Кази-мулла мог сделать какое-либо важное предприятие» 21.

Шамхалу, Ахмет-хану мехтулинскому, Улубею эрпелинскому в особенности, и наконец черкеевцам были разосланы внушительные письма об истреблении Кази-муллы каким бы то ни было образом, так как, при ничтожном числе находившихся при нем приверженцев, это представлялось теперь наиболее удобным и возможным. В этих письмах Панкратьев выразился, что тот, "кто убьет Кази-муллу, будет озолочен и получит другие большие награды". Более всего он рассчитывал на Улубея и просил его, собрав партию удальцов, "отправиться ночью секретным образом для нападения на мятежника". В заключение он предписал Каханову — как можно поспешнее перейти с отрядом к Темир-Хан-Шуре и

распустить слух, что сам Панкратьев выступает из Дербента с огромными силами для совершенного и окончательного истребления Кази-муллы. Вслед затем направлена в Шуру и колонна Миклашевского 22.

Только в Гимрах Кази-мулла нашел сочувствие, и то лишь со стороны одной половины населения, которая, не смотря на противоречие другой, все-таки приняла и приютила его. Благодаря этому обстоятельству, а также новым воззваниям преимущественно к койсубулинцам, дела имама опять уладились настолько, что двухсотенная партия его приверженцев быстро усилилась еще четырью стами, и он распустил слух, что намерен предпринять движение для наказания эрпелинцев и каранайцев. Улубей, узнав об этом от старшины Доудил-Магомы, предвидя невозможность устоять против Кази-муллы, так как в Эрпели было только всего 100 человек пехоты [137] просил Каханова придти к нему на помощь. Последний получил это приглашение 12-го ноября, по прибытии с отрядом из Карабудахкента в Шуру, и должен был отложить выступление до утра, с тем, чтобы заодно пройти прямо и непосредственно к убежищу Кази-муллы; но Ахмет-хан явившийся к этому моменту в лагерь, сообщил ему, что он накануне был в Чумкескенте, сжег его, и все укрепления истребил до основания. Тогда Каханов приостановил движение отряда и направил в Эрпели Ахмет-хана с тридцатью состоявшими при нем всадниками, а каранайского бека Юсуфа, находившегося в Шуре, послал в его деревню собрать жителей и также оказать содействие эрпелинцам. Не доверяя однако вполне Ахмет-хану, и решив лично удостовериться в действительности его подвига, он все-таки намерен был посетить Чумкескент — как вдруг получил приказание Панкратьева следовать в Эрпели. В это же время, 13-го ноября, прибыли в Шуру с отрядами полковники Миклашевский и князь Дадиани, направленные Панкратьевым также в Эрпели, но с тем, чтобы первый из них пока расположился на дороге, ведущей в Гимры, а Дадиани — у Караная, оставив по пути при отряде Миклашевского два горных орудия, Каханов выступил 14-го числа, в 6 часов вечера, и стал на бивак в четырех верстах от Караная с двумя баталионами апшеронцев, при шести орудиях, рассчитывая на другой день подвинуться к самому селению, а пять рот куринцев, с четырьмя орудиями, тотчас отправил к Эрпели. При таких обстоятельствах намерение его насчет логовища Кази-муллы осталось неисполненным до удобного случая 23.

Генерал-адъютант Панкратьев не намерен был [138] предпринимать движения на Гимры, так как “предвидел невозможность выгнать оттуда Кази-муллу силою оружия”. Стянув войска в Эрпели, он ограничился тем, что послал письмо и подарки к почетным лицам койсубулинского общества, чтобы они убеждениями своими отклонили народ от союза с возмутителем, а в самое селение Гимры отправил, при посредстве шамхала, благонадежное лицо, с настоятельным требованием, чтобы Кази-мулла был выгнан оттуда. 16-го ноябри командующий поисками сам прибыл в Эрпели. Сюда явились к нему посланные от Доудил-Магомы с уверением, что гимрынцы не намерены терпеть у себя бунтовщика. Действительно, вследствие ли понуждений гимрынцев. или по иным своим соображениям, имам оставил Гимры и с своею партиею удалился в Ирганай, где уже ожидал ого Гамзат-бек с аварцами и койсубулинцами, а также и другая его жена, выехавшая туда из Черкея. За усердие, выраженное Доудил-Магомою, Панкратьев послал ему подарок и обещал свое покровительство всему гимрынскому обществу, а сам поспешил донести корпусному командиру:

«Кази-мулла совершенно потерял свое прежнее влияние на умы дагестанцев, и он теперь ничто иное, как начальник разбойничьей шайки, скитающейся по ущельям Кавказа» 24.

В виду этого убеждения, а также по случаю большого снега и сильного холода, генерал-адъютант Панкратов распустил по домам все остальные мусульманские милиции, а регулярные войска решил расположить частью на зимних квартирах, а частью отправить в их штаб-квартиры. После целого ряда распоряжений, нередко сбивчивых и одно другое отменявших, а иногда и взаимно противоречивых, между 21-м и 27-м числами [139] ноября войска установились следующим образом: 42-й егерский полк, с четырьмя орудиями 22-й артил. бригады, оставлен в Карабудахкенте и причислен к отряду Каханова, занявшему Мехтули, впредь до приказания корпусного командира об отправлении его в свою штаб-квартиру; два баталиона Эриванского карабинерного полка, команда кавказского саперного баталиона, шесть орудий кавказской гренадерской артиллерийской бригады и два 5-й резервной батарейной роты 22-й бригады, передвинутые в Дербент к 25-му ноября, должны были 27-го числа следовать в свои штаб-квартиры; четыре горных единорога 22-й артиллерийской бригады оставлены в Дербенте, дабы, в случае движения, иметь их ближе к войскам генерал-маиора Каханова. Две роты Апшеронского пехотного полка, с одним полевым орудием, занимавшие посты в селении Зиахуре, отправлены 30-го ноября, для обеспечения сообщения, обратно в Кубу; по присоединении к ним 2-го декабря других двух рот, находившихся в северном Дагестане, расположенный в Кубе грузинский линейный № 5-го баталион должен был выступить 3-го декабря в свою штаб-квартиру, в гор. Эривань.

Не взирая на то, что Панкратьев считал теперь Кази-муллу обездоленным и для нас безвредным, он все-таки не хотел оставить северный Дагестан, не уничтожив его самого и его шайку — что, при текущих обстоятельствах, казалось ему весьма легко. 21-го ноября он поручил г. м. Каханову произвести ночное нападение на возмутителя в ущельи возле Ирганая и предписал о том же Ахмет-хану, предлагая Каханову всевозможными способами поощрить его к тому. Но одновременно с этим Каханов получил известие, что полуотверженный имам в ночь с 22-го на 23-е ноября, с партиею до 600 человек, преимущественно койсубулинцев, спустился к с. [140] Эрпели. Нимало не мешкая, он тотчас же подхватил баталион Апшеронского полка, с двумя орудиями, и выступил с ними из Дженгутая в Муселим-аул. В этом селении он известился, что Кази-мулла прошел в Чумкескент, отхватив по пути у жителей 25 штук рогатого скота. Хотя Ахмет-хан и удостоверял, что он уже уничтожил это убежище, но Каханов, не имея до сих пор никаких других данных в подтверждение этого заявления, не рискнул двинуться туда с одним баталионом, а перешел пока в с. Казанище, приказав полковнику Гофману явиться еще с баталионом куринцев и двумя орудиями. Части эти прибыли ночью 23-го числа. Теперь Каханов получил возможность двинуться в Чумкескенту, но для обеспечения полного успеха в столь серьезном предприятии ему недоставало только надежного резерва, почему он предписал полковнику Миклашевскому поспешить в Казанище с шестью ротами вверенного ему полка и тремя орудиями. Затем, не ожидая его, он с рассветом 24-го ноября двинулся к Чумкескенту с двумя баталионами апшеронцев и куринцев, при четырех орудиях легкой № 3-го роты 21-й артиллерийской бригады, и с несколькими сотнями эрпелинцев, казанищенцев и каранайцев, из коих первые были под начальством Улубея, а остальные — Али-бека.

При приближении отряда к завалам, устроенным впереди чумкескентского леса, неприятель с разных пунктов своего заповедного убежища открыл сильный ружейный огонь. Три орудия

выехали на позицию и стали громить картечью и гранатами все пространство, охваченное мюридами вдоль опушки, и самую глубину леса, а баталион апшеронцев с одним орудием, направлен был им во фланг по ту сторону уже знакомого нам рокового оврага; впереди же леса фланги были [141] заняты — справа у Чумкескента, от с. Эрпели, Улубеем, а слева — Али-беком, которые, с своей стороны, поддерживали сильный огонь. Артиллерия, действуя быстро и весьма удачно, видимо ослабила неприятельский огонь и вполне достаточно подготовила атаку завалов и флангов противника, так что оставалось только куринцев двинуть с фронта, а потом жителям преследовать расстроенного неприятеля — и, казалось, дело бы вышло хорошо; но вдруг спустился такой густой туман, и с ним вместе повалил такой обильный снег, что вся местность перед глазами наших войск мгновенно скрылась как под непроницаемым одеялом. Бой невольно прекратился с обеих сторон сам собою — и апшеронцы были отозваны назад, а вскоре затем, в пять часов вечера, началось и отступление отряда. Тут-то Кази-мулла развернул свою энергию и всем скопищем, в составе до тысячи человек, ударил на уходившие войска. Часть его, быстро перебежав по опушке леса на правую сторону дороги, кинулась на пехоту в шашки и кинжалы: назойливость и дерзость ее были так велики, что самые дружные отпоры не могли окончательно ее отбросить, и она все продолжала провожать арриергард по узкой и лесистой дороге на протяжении почти пяти верст. Естественно, что со стороны импровизованной нашей милиции не было сделано никакой попытки поддержать пехоту, и последняя, будучи предоставлена своему штыку, одна вынесла на себе всю тягость боя. Ночь и снег, по словам Каханова, были единственным препятствием остановить отряд и опрокинуть дерзкого неприятеля. Мы лишились одного убитого, 26-ти раненых и восьми без вести пропавших нижних чинов. Теперь только Каханов убедился в полной лживости сообщения Ахмет-хана о разорении Чумкескента. Какая цель была этому гвардейскому ротмистру так нагло обмануть начальника отряда и подвести [142] его и наши войска под крайнюю неприятность — осталось неизвестным, потому что некогда было расследывать. Каханов же ограничился только тем, что сделал ему строгое замечание 25.

Неудача однако не парализовала настойчивости Каханова, и он, отправив 24-го числа, одну роту в кр. Бурную за провиантом, отступил в Казанище и решил после небольшого отдыха войск, 25-го числа повторить свое движение. Не имея хлеба и фуража ни на людях, ни в вагенбурге, он рассчитывал до возвращения роты найти его в Казанищах, чтобы хоть на один день подкрепить силы голодных людей и лошадей, но не нашел ни зерна, ни клочка сена. А тем временем снег продолжал все плотнее и гуще устилать землю; мороз достиг 15-ти градусов, и рота не прибыла даже в ночь на 26-е число. При таких условиях новое нападение на Чумкескент становилось положительно невозможным, не смотря даже на то, что вовремя явились к отряду шесть рот 42-го егерского полка — и Каханов должен был от него отказаться, тем более, что “не полагался на верность собранной им милиции". Вместо Чумкескента он направился назад — к Дженгутаю, Параулу и Карабудахкенту, для обеспечения себя продовольствием. Кази-мулла как бы предвидел эту развязку и зорко подстерегал наши войска. Чуть только они двинулись из Казанищ в ночь на 26-е число, он тотчас направил по их следам партию в 300 человек и, торжествуя, что может наконец расплатиться с эрпелинцами, а в особенности с Улубеем, приказал ей напасть на Эрпели. Перед рассветом, когда все жители покоились безмятежным [143] сном, мюриды ворвались в соление, вырезали несколько человек и разграбили некоторые дома. Эрпелинцы их отразили, по предусмотрительный Кази-мулла подослал к этому моменту еще сотню мюридов — и нападение повторилось. Улубей, но главе своих нукеров и жителей, дрался как уязвленный лев; даже мать его, пылая

мщением и злобою против злодеев, кинулась на них с топором и сразила одного, но за это поплатилась несчастная своею жизнью. Партия опять была отражена, с потерею в оба раза 9-ти убитых и двух взятых в плен, которые тотчас же от руки Улубея погибли жестокою казнью. Эрпелинцы лишились четырех человек. При начале нападения вслед за Кахановым поскакал гонец, прося его возвратиться для подания помощи, но начальник отряда был бессилен оказать свое содействие и только экстренно послал от себя другого нарочного к шамхалу и Ахмет-хану. Но пока они подошли с своими всадниками — толпы укрылись уже в Чумкескенте 26.

Панкратьев, узнав о “неудачном" предприятии Каханова и о “бесполезной потере" людей, не мог не взволноваться до глубины души, так как этот случай значительно подрывал недавние успехи нашего оружия. Он писал ему:

«Я нахожусь в необходимости объяснить в. пр., что подобные безуспешные действия и возвращение войск на квартиры заставляют терять все выгоды успешно совершенной экспедиции и воскрешают Кази-муллу и сообщников его. По слабости здоровья моего не будучи в состоянии скоро прибыть в селение Казанище, я предписываю в. пр., собрав все четыре баталиона с артилериею вверенного вам отряда, как можно поспешнее атаковать Кази-муллу в Чумкескенте и непременно разбить его, чего [144] бы то ни стоило — что и возлагаю на ответственность вашу. Предлагаю вам поручить атаку Чумкескента полковнику Миклашевскому. Если вы не надеетесь на шамхальских людей, то в таком случае лучше не брать их в помощь. Весьма сожалею, что сильный туман препятствовал в. пр. довершить победу, коей последствия могли быть столь блистательны и славны». 27

Это суровое и, в заключении своем, ироническое предписание решило судьбу Чумкескента, но честь славного поражения Кази-муллы досталась не Каханову: обиженный резкостью Панкратьева, он сказался больным и, ”будучи не в состоянии по расстроенному здоровью выполнить волю” командующего войсками, 29-го ноября сдал войска, расположенные при Дженгутае, Парауле и Гелли, полковнику Миклашевскому, препроводив ему к “точному исполнению и копию" данного ему предписания. Между прочим он предупредил его, что “Чумкескент укреплен весьма сильно". Миклашевский решил на другой же день выступить в Казанище, чтобы “1-го декабря, с божьею помощью — так он выразился — атаковать Кази-муллу в его убежище" 28. Для прикрытия вагенбурга в Казанище и для того, чтобы не ослаблять своего отряда, он вызвал из кр. Бурной две роты апшеронцев под начальством маиора Лещенко. Панкратьев, с своей стороны, тотчас несколько изменил дислокацию войск. предписав двум ротам апшеронцев и одному орудию, находившимся в Зиахуре, следовать не в Кубу, а в Дербент, а баталионам Эриванского карабинерного полка повернуть назад и остановиться близь Дербента у селения Куллара.

Вечером 30-го ноября отряд Миклашевского прибыл в Казанище. Готовиться к бою было нечего, поэтому [145] солдаты и частью офицеры предались отдыху. Только Александр Михайлович с немногими приближенными просидел далеко за полночь. Они-то передали в потомство, что время от времени мрачная дума невольно скользила по лицу его, и рассказ его о виденном накануне сне просвечивал явным предчувствием какой-то роковой доли. Однако все это в заключение сгладилось радужными мыслями о непременной победе, в которой он был уверен, безусловно полагаясь на мужество и преданность к нему солдат, а также о разрешенном ему для женитьбы отпуске, предстоявшем через несколько дней.

Отряд поднялся на ноги еще до рассвета и с восходом солнца двинулся на гору. Вагенбург остался под прикрытием двух рот куринцев, вверенных начальству маиора Снаксарева. Подходя к Чумкескенту, Миклашевский усмотрел вдали на левом фланге неприятельской позиции несколько сакль и землянок и, оставив против тропы, ведущей к ним, роту куринцев, распределил милицию следующим образом: шамхала и Ахмет-хана он поставил на дороге от Казанищ, а Улубея с эрпелинцами и каранайцами — по пути от Гимры; сам же с прочими войсками двинулся вперед. Лишь только он удалился от своего резерва на некоторое расстояние, по гимрынской дороге показалась партия приблизительно в двести человек, оказавшихся потом аварцами, которая спешила на поддержку имаму. Улубей смело направился ей на встречу, открыл бойкий огонь, быстро разбросал ее в стороны и обратил в бегство, захватив шесть пленных. В это время Миклашевский, подойдя к оврагу, произвел рекогносцировку подступов к убежищу неприятеля. Он увидел, что провезти орудия через овраг невозможно, а если бы и удалось, то впереди, по словам посланного им для дальнейшего обзора [146] местности маиора князя Бебутова, предстояло с большим трудом расчищать дорогу, которую преграждали два громадных бревенчатых завала. Не желая терять на это дорогое время, так как зимний день и без того короток, Миклашевский решил атаковать неприятеля одною пехотою. Избрав позицию, с которой возможно было удобно действовать по завалам артиллериею, начальник отряда расположил на ней восемь орудий, открыл огонь и затем отправил три баталиона, под командою подполковника Михайлова, через ров по дороге вправо. Апшеронцы и егеря, под сильным беглым огнем, на штыках ворвались в первый завал, мгновенно очистили его, выхватили из-под кинжалов мюридов другой завал и на плечах их понеслись далее. Но тут неожиданно предстало перед ними в лощине, закрытое от орудийных выстрелов, укрепление Агач-Кала. Оно находилось на краю утеса и состояло из высокого трехстенного бревенчатого сруба, обстреливаемого по углам из сакль, сложенных в виде башен, и обнесенного палисадом, а с южной стороны оврагом или, лучше сказать, природным рвом в пятьдесят сажень глубины. Сверху оно было накрыто суковатыми пнями, увенчанными целою системою значков, и между бревнами имело брусочки, образовывавшие во всю длину просветы, которые представляли собою одну непрерывную бойницу. Большая часть бежавших мюридов успела безнаказанно проскочить в это убежище, а те, которые опоздали, были отрезаны и погибли на штыках и под прикладами. За то, дорого достался атакующим этот первый успех: десятки их сразу устлали собою подножие неодолимого укрепления — и ожесточенная атака оборвалась, сменившись беглою пальбою с расстояния трех-четырех десятков шагов. Но это продолжалось лишь несколько мгновений, пока соображение не подсказало всем, [147] что никакого исхода кроме победы быть не должно. Быстро очнувшись от неожиданного отпора со стороны невидимого неприятеля, солдаты, предводимые своими достойными офицерами, кучками бросались к стенам укрепления с разных пунктов, частью успевали вскарабкаться наверх, срывали окровавленные значки — и тут же погибали, пробитые десятками пуль. Суковатая кровля была непроницаема, а ожесточению мюридов не было границ. Увлеченные бешеною отвагою, они, в свою очередь, вылезали из укрепления и с шашками и кинжалами кидались на атакующих, как бы с явною целью умереть героями. К чести их нужно сказать, что они вполне достигали этой цели. Потери было много, а результата никакого, и наши бесплодные атаки начинали принимать отпечаток нерешительности.

Миклашевский в это время находился по ту сторону оврага и с нетерпением ожидал известий. Увидев быстро приближавшегося к нему офицера, он выступил несколько шагов вперед, налету подхватил от него три-четыре слова и крикнул: "коня"! Приказав маиору Бебутову

броситься с двумя ротами куринцев в непроходимый овраг и подать помощь апшеронцам и егерям, Миклашевский вслед за ним вскачь спустился с крутизны и вскачь поднялся на противуположный утес по такой тропинке, по которой и пешком взобраться было трудно. Во время этого лихого перескока он был ранен пулею в руку, но не обратил на это никакого внимания. Куринцы почти не отставали от него. Он налетел в тот критический момент колебания боя, когда одна или много две новые наши неудачи могли составить полное торжество неприятеля. Услышав мгновенно над собою только два слова: "вперед, молодцами"! и угадав по этому магическому возгласу своего обожаемого командира, [148] егеря, а за ними и апшеронцы, с воскресшими и освеженными силами, все как один, кинулись в последний раз к неприступной твердыне и охватили ее по всему фасу с дружным, единодушным "ура". Подоспели куринцы — и на этот раз затрещали уже не выстрелы, а самые бревна укрепления, там и сям обнажавшие его внутренность. Миклашевский был в первом ряду увлеченных отвагою солдат, между куринцами и егерями, и в запальчивости "сам рубил палисад и разбрасывал руками бревна" 29. Но этот пример беззаветного мужества, во всякое другое время совершенно лишний для начальника, а в данный момент приведший солдат в безграничное одушевление, был прощальным актом славной жизненной деятельности Миклашевского. В то время, когда сквозь образовавшееся в срубе отверстие он хотел поразить шашкою искаженное от злобы лицо одного мюрида, из-за плеча последнего вынеслась роковая пуля — и Миклашевского не стало. Единственное слово, которое он громко и отчетливо произнес, падая на груду тел своих сподвижников, было "возьмите", а опустившаяся по направлении к неприятелю шашка пояснила и довершила настоящий смысл его. Понятно, что завещание было исполнено тот час же, хотя, к отягощению общего горя, не без новых и усиленных жертв, которыми были: подполковник Михайлов, маиор Кандауров, пять обер-офицеров и сотни две нижних чинов. Руководимые маиором Цыклауровым, принявшим начальство над отрядом, солдаты, наконец, развернули надвое грозную твердыню и всецело дали почувствовать последним защитникам ее, насколько им близка и дорога потеря незаменимого [149] вождя и виновника их блистательной победы. Побоище прекратилось только тогда, когда некого было больше бить — чему наилучшим доказательством служили сто пятьдесят тел и семьдесят лошадей, устилавших собою внутренность и окраины укрепления. Фанатики предпочитали смерть постыдному плену и поэтому не давались живыми, так что с трудом нам удалось захватить и обезоружить только десять человек. Кази-мулла и Гамзат-бек успели скрыться; в пещере, где первый из них молился во время боя, найдены следы крови и на разостланном ковре несколько духовных книг. Все полагали, что имам по меньшей мере ранен, но впоследствии оказалось, что и на этот раз судьба его сохранила невредимым для дальнейшего злополучия Дагестана.

Было темно, когда ударили отбой. Все стремились к тому месту, где на раскинутом плаще покоился с пробитою грудью Миклашевский. Не только офицеры и солдаты, даже татары плакали над трупом героя, перед высоким мужеством которого они всегда благоговели. Подполковник Михайлов, вступивший в командование полком после Миклашевского, в официальном письме своем к Панкратьеву, называя полк "осиротелым, лишившимся несравненного и всеми обожаемого начальника", просил позволения "тело покойного доставить в кр. Шушу, чтобы покоящийся там прах служил всегда напоминанием каждому из нас примерной добродетели и доблести геройской" 30. Панкратьев конечно согласился, и драгоценные останки своего представителя офицеры 42-го егерского полка доставили в Шушу 4-го января 1832 г. и там предали земле. На просьбу убитого горем его отца принять деньги

для сооружения памятника, общество [150] офицеров отвечало тем прочувствованным письмом, которое, составляя знаменательный исторический документ, лучше всех реляций обрисовывает заслуги покойного, равно высокие и завидные чувства к нему его сослуживцев. Подобное письмо едва ли когда-нибудь воспроизводилось подчиненными относительно своего ближайшего начальника, и поэтому является вполне поучительным и назидательным. Содержание его таково:

«Ваше превосходительство, милостивый государь! Благоговея к памяти покойного сына вашего, несравненного нашего начальника Александра Михайловича, мы, исполненные живейшей признательности к неусыпным его попечениям о нас в счастливейшее время командования его полком нашим, приемлем смелость всепокорнейше просить ваше превосходительство дозволить лишь нам воздвигнуть благодарный памятник над драгоценным прахом незабвенного начальника нашего, покоящегося среди нас, в усладу горестнейшей потери. Ваше превосходительство! Не лишите единственной отрады, оставшейся нам в изъявлении глубоких чувств благодарности тому, который не щадил ни трудов, ни самой жизни для благосостояния своих подчиненных. Как герой, он стяжал неувядаемую славу, совершая подвиги истинно блистательные; как начальник, он преисполнил сердца всех подчиненных любовью чистейшей, как гражданин, он украсил себя наилучшим именем друга человечества. Но можем ли достойно вознести память всяких дел его и вполне излить беспредельную признательность? О да услышит Господь непрестанно воссылаемое сердечное моление наше и воздаст ему по великости его жертв и деяний! Мы же сохраним навеки в сердцах наших чувство умиления к незабвенному его имени.

Примите, ваше превосходительство, благоговейную признательность нашу за лестный отзыв, коим угодно было удостоить нас. Глубоко тронутые сим знаком вашего к нам благорасположения, мы сохраним и за пределами гроба те чувства отличного почтения и совершенной преданности, с коими [151] навсегда имеем честь пребыть вашего превосходительства, милостивый государь, покорнейшие слуги — общество офицеров 42-го егерского полка. Капитан Михайлов, командующий оным полком. Мая 21 дня 1832 года. Крепость Шуша».

Нет сомнения, что отец покойного героя уступил его товарищам и сослужащим, любовь и преданность которых и доныне свидетельствуется памятником, украшающим его могилу.

Не сразу могли быть приведены в известность потери наши под Чумкескентом, потому что оне были велики. Только к 5-му декабря мы успели свести наши счеты, и оказалось: убиты, кроме Миклашевского, 42-го егерского полка штабс-капитан Рагозин и вообще 92 нижних чина (из них 42-го егерского полка 58); ранены: Апшеронского полка капитан Синельников (умерший от раны), прапорщик Тимошевский и 115 нижних чинов; Куринского полка — 24 нижних чина; 42-го егерского полка — подполковник Михайлов, маиор Кандауров (умерший от раны), капитан князь Баратов, поручик Балогов и 153 нижних чина. Всего выбыло из строя офицеров и нижних чинов 392, т. е. целый баталион по тогдашнему походному составу. Утрачено до 120 ружей, большое количество амуниции, шанцевого инструмента и разного другого казенного имущества. Выпущено артиллерийских зарядов 305 и боевых патронов 67438. Эти почтенные цифры весьма ясно и наглядно определяют степень боя, продолжавшегося по меньшей мере 8-9 часов. Главные трофеи наши заключались в трех почетных знаменах, взятых с боя, из которых одно принадлежало Гамзат-беку, в разном вооружении, в богатом имуществе и во

множестве лошадей, в числе которых были лошади Кази-муллы и Гамзат-бека, причем первая в чрезвычайно богатом уборе. [152]

По разрушении Агач-Кала отряд 2-го декабря прибыл в Казанище, 4-го выступил в места своего прежнего расположения и затем, в виду решительного окончания экспедиции, к 10-му числу был размещен по следующей дислокации: пять рот Куринского полка, с двумя орудиями 21-й артиллерийской бригады, в Карабудахкенте; баталион Апшеронского полка, с двумя орудиями в с. Джемикенте; две роты того же полка, с одним орудием, в сел. Билиджи; остальные же две роты, с двумя орудиями 21-й артиллерийской бригады, возвращены в Кубу. Два баталиона 42-го егерского полка, пришедши в состав не более одного баталиона, были донельзя расстроены во всех отношениях после восьмимесячного похода, так что их невозможно было удерживать в Дагестане, не рискуя благосостоянием целого полка, и вследствие этого они, с четырьмя орудиями 22-й артиллерийской бригады, были сначала направлены в свои штаб-квартиры, в Шушу и Сагияно, но последующие обстоятельства заставили приостановить их движение и заменить это распоряжение другим: из двух баталионов был составлен один сводный в 600 человек и, с двумя орудиями батарейной № 5 роты 22-й артиллерийской бригады, придержан в шамхальстве, а все остальные люди от двух баталионов и другие два орудия той же роты отпущены в штаб-квартиры. Двум ротам куринцев маиора Лещенко, вытребованным Миклашевским, велено возвратиться в Дербент, а донскому № 8 полку — в Кубу. Затем Панкратьев предписал г. м. Каханову по-прежнему вступить в заведывание всеми военными и политическими делами Дагестана и доносить обо всем, между прочим, также и Вельяминову: командующим же действующим отрядом в северном Дагестане остался маиор Цыклауров, потому что полковник Гофман, по болезни, был [153] отпущен Кахановым в Дербент. Довершение истребления Чумкескента и вырубку леса Каханов возложил на шамхала и Ахмет-хана, подвластные которых, впрочем, не очень усердно отдались этому делу по случаю сильного снега и морозов.

Опять, как и прежде, Панкратьев пришел к заключению, на основании своих выводов и вследствие ложных известий услужливых ради денег лазутчиков, что Кази-мулла обессилен навсегда, окончательно утратил свою власть и влияние и приподнять разбитой головы более не может, а равно, что в Дагестане водворилось полное и безусловное спокойствие. Так он и донес барону Розену, присовокупив, что этот жалкий предводитель разбойничьей шайки скитается после чумкескентского дела, покинутый всеми и только с своими двумя нукерами, в глубине гимрынского ущелья, где заранее приготовил себе убежище. Но в несколько дней обнаружилось, что убеждения и заключения Панкратьева были не более как приятною — и притом только для него одного — иллюзиею, а разосланные им по всему Дагестану прокламации о славном поражении "богопротивного мошенника" и приглашение всех жителей принести сообща с нами благодарение Богу за спасение семейств "от разбойников", не произвели ни малейшего эффекта. Не только последователи Кази-муллы, остававшиеся доселе ему верными, но и те, которые отшатнулись от него, взглянули совсем иначе на чумкескентское дело. Они, сообразно свойственным всем горцам понятию и взгляду на мужество и храбрость каждого воина, видели в чумкескентском побоище новую славу, которою покрыл себя имам, а в жестокой нашей потере далеко не радужный успех для нас, даже неудачу. В силу этого приверженцы имама не только не оставили своего учителя и владыку, но проникнулись к нему еще [154] большим обаянием и в чумкескентском деле нашли предлог сильнее чем прежде ратовать в его пользу и скликать ему новых бойцов. Кази-мулла, действительно, после поражения удалился в гимрынское ущелье, но не дли того, чтобы

скитаться там на бездольи, а чтобы оправиться, собраться с новыми силами и пуститься на новые предприятия. Улубей, более всех других не спускавший с него глаз, а за ним и шамхал, сообщали 6-го и 7-го декабря Каханову, Цыклаурову и Авраменко, что Кази-мулла тотчас после дела при Чумкескенте привлек к себе не только гимрынцев, но и каранайцев, даже частью эрпелинцев, и намерен напасть на Эрпели, а "его племянник Гамзат-бек" отправился в Аварию собирать новую дружину. Улубей, отлично и лучше самого Сулеймана знавший шамхальцев, удостоверял, что, в случае нападения, он не надеется не только на остальных каранайцев и казанищенцев, но даже и на всех эрпелинцев, за исключением каких-нибудь тридцати человек ему вполне преданных. Последующие сведения, доставляемые теми же лицами, шли, так сказать, crescendo, и к половине декабря полковник Сулейман-Мирза дал нам знать о таких вещах, которые, конечно, Панкратьеву никогда и в голову не могли придти — что в тайные сношения и в переговоры "с богопротивным разбойником" вступили даже акушинцы.

«А тавлинский и койсубулинский народ весь взбунтовался и послали дать знать Кази-мулле, что они готовы составить ему партию в три тысячи человек. Гамзат-бек аварский тоже с партиею около тысячи человек расположился между Чумкескентом и Эрпели».

Но направление этих скопищ пока было неизвестно 31. [155] В заключение же всех неутешительных для нас известий Вельяминов доносил корпусному командиру в конце декабря 32, что салатавцы совершенно не исполняют своих обязательств, данных Панкратьеву. Исключая Черкея и Чир-юрта, жители которых пока явно не противодействовали нам, все прочие салатавские деревни имели беспрерывные сношения с Кази-муллою и участвовали в его сборищах и во всех его действиях. Таким образом, в результате оказывалось, что никакого обеспечения желаемого спокойствия в Дагестане мы в руках наших не имели; напротив, ежеминутно мы должны были ожидать нового взрыва и не могли вполне опереться даже на преданные нам общества, в роде акушинского. Тем не менее все это и даже явное содействие Кази-мулле значительного числа аварцев, с Гамзат-беком во главе, не помешали корпусному командиру написать в конце декабря весьма лестное послание к Нуцал-хану аварскому, в котором он, на основании донесений Панкратьева, благодарил его и Паху-бике за преданность и благонамеренные относительно нас поступки, а также "за отвлечение их подвластных от сообщества с мятежниками", и препровождал им довольно ценные подарки. Независимо того, по представлению корпусного командира, Сулейман-паша, за понесенные им бедствия и особенное усердие к службе, произведен в генерал-маиоры (7-го февраля 1832 г.), а сын последнего каракайтагского уцмия прапорщик Джамов-бек — в поручики (14-го февраля 1832 г.), с назначением состоять по кавалерии и с производством ему жалованья по грузинскому положению (1345 р. 50 к. ас). Но важнее всего было то, что наконец вполне были доказаны все неблаговидные поступки [156] маиора Корганова и несправедливое удаление злополучного Абу-Муселима от управления принадлежащим ему уделом, принесшее, по словам Панкратьева, "столь вредные последствия в Дагестане". По этому случаю Высочайше повелено: "Абу-Муселима, по удостоверении приверженности его к нашему правительству и несправедливости сделанных на него маиором Коргановым доносов", возвратить из Саратова на его родину 33. Этот сюрприз был для Паху-бике лучше и дороже всех преподнесенных ей подарков и не мог не быть весьма неприятным толчком для самолюбия и затаенных своекорыстных и властолюбивых целей Аслан-хана казикумухского.

Все вполне неожиданные тревоги в Дагестане, происшедшие в особенности в течение последнего месяца, а отчасти упрямство генерал-адъютанта Панкратьева, лишили возможности усилить войска левого фланга частью дагестанского отряда, не взирая даже на то, что корпусный командир, во время затишных перерывов, сделал к тому несколько решительных попыток. Подкрепление же из Закавказья подвигалось на линию очень медленно потому что переход через горы, по случаю постоянных снежных заносов и обвалов, представлял невероятны затруднения. 2-й баталион Херсонского гренад. полка, под командою капитана Завойки, прибыл во Владикавказ только 5-го декабря, а 3-й баталион Эриванского карабинерного полка (подполковника Хамутского), с четырьмя орудиями донской конно-артиллерийской № 3 роты — 7-го декабря. Таким образом, Вельяминов все время обходился своими наличными силами, держась на самом деле оборонительного положения, и даже иногда не будучи в состоянии [157] оказать должную защиту мирным жителям, которых сподвижники Кази-муллы не оставляли в покое. Заседая в Чечне, Аухе и на кумыкской плоскости, они, как злые духи, без умолку нашептывали населению борьбу с неверными, преданность шариату и послушание его проповеднику. И действительно, своими неустанными порождениями они оказывали неоцененные услуги Кази-мулле, не забывая в то же время отвлекать внимание Вельяминова от ближайших к Дагестану провинций, в роде Салатавии, и от самого Дагестана, и наконец, развлекая чеченцев постоянным грабежом и подвигая их все к новым вредным для нас предприятиям. Деятельность их закипела с удвоенною силою в особенности с той минуты, когда Абдулла возвратился из Дагестана и стал опять во главе их, за отсутствием и по поручению Кази-муллы. Она проявлялась, по словам Вельяминова, преимущественно к стороне Кизляра, и сообщение с последним вооруженных путников даже такими партиями, как 20, 30 и более человек, никогда не было безопасным. Для Абдуллы племенность была безразлична, и все одинаково подвергались его грабежу и разбою — и ногайцы, и кумыки, и казикумухцы, и мехтулинцы, и салатавцы, и даже сами чеченцы, если только они были мирные. Когда нельзя было придержать словом и внушением население какого-либо непокорного аула от преданности к Кази-мулле и от послушания ему, то ших не стеснялся, по мере возможности, прибегать к силе и к разного рода наказаниям, в роде нечаянных нападений, убийств, разграбления имущества, сожжения домов и пр. Понятно, что большинство вовсе не желало подпасть этому террору и продолжало стоять на стороне имама. Из-под его ферулы удалось ускользнуть только немногим кумыкам и ногайцам — первым по случаю отсутствия Абдуллы и под [158] шумок всевозможных тревог, опережавших одна другую, а последним потому, что, раз завладевши ими, мы их берегли и охраняли со всею бдительностью. Много влияния на кумыков и на остальных ногайцев, доселе нам упорствовавших, имело также разгромление Чир-юрта и провозглашение нашего всепрощения совратившимся с пути истинного. В силу всех этих обстоятельств, а также необходимости прокормить зимою на плоскости свои стада, с ноября месяца отложившиеся кумыки и ногайцы стали постепенно водворяться на прежних местах. Казиюрт начал населяться прежде других, и к 10-му ноября туда возвратились до 145 семейств, затем в Чонт-аул до 70 семейств, а в Костек до 30. Нет сомнения, что и все кумыки поголовно возвратились бы на свои места, если бы Абдулла не сторожил их зорко и энергично. Партии его рыскали повсюду, перехватывая на пути следования их семейства, стада и имущество, а если почему либо не успевали в этом, то низвергались на их жилища и там рассчитывались с ними за измену имаму. Тут в особенности кровожадный Абдулла не щадил уж никого и ничего. К началу декабря кн. Бекович представил клятвенное обещание, данное на верноподданство

нашему правительству ногайцами аксаевскими, костековскими и тарковскими; но до подобного документа со стороны всех кумыков было для нас еще далеко.

Кази-мулла, после принесения нам покорности дагестанцами в ноябре, увидев свое несколько затруднительное положение в Дагестане, имел решительное намерение перебраться в Чечню с оставшеюся при нем небольшою толпою его последователей, и Абдулла крепко хлопотал в это время о снаряжении и сборе для него сильных партий. Что нового думал предпринять в Чечне имам — неизвестно; но тем не менее ших, [159] имевший свою резиденцию в Аухе, объявил всем о предстоящем его прибытии и группировал вокруг себя ауховцев, мичиковцев, ичкеринцев, беглых андреевцев, костековцев и салатавцев, на которых по поводу этого жаловался генерал Вельяминов, находя их вновь отлагающимися от нас. Все они, в ожидании Кази-муллы, перебивались пока мелкими грабежами и хищничеством. Но во второй половине ноября, когда, в особенности благодаря Гамзат-беку, дела имама начали быстро поправляться, он оставил мысль о своей поездке в Чечню, потому что находил возможным безопасно проживать в Дагестане, поддерживать, развивать и улучшать благоприятно слагавшиеся для него обстоятельства. В конце же ноября ему и вовсе нельзя было отлучиться, потому что наш отряд начал свои посягательства на его главное убежище. Абдулла же тем временем все держал партии в сборе, поощряя их к разным злодеяниям. Когда же свершился 1-го декабря погром Чумкескента, ловкий и разумный ших тем более не счел возможным распустить собранные им толпы, чтобы иметь, с одной стороны, надежную точку опоры для своего представителя на случай, если бы дагестанцы приняли это событие в неблагоприятном для него смысле, а с другой — чтобы сосредоточеннее и успешнее повлиять на население плоскости росказнями о поражении имамом наших войск под Чумкескентом. Словом, он воспользовался этим делом для интересов Кази-муллы в Чечне точно также, как им воспользовались приближенные имама в Дагестане. Таким образом, благодаря политическим дарованиям Абдуллы, поражение Кази-муллы 1-го декабря обратилось ему в пользу и среди чеченцев.

Но так как неудобно и невозможно было шиху держать долго в сборе партии в суровое время года, [160] потому что, сидя без дела, оне бы могли разбежаться от недостатка продовольствия, то он, чтобы с выгодою и избытком заменить им хорошею поживою скудное домашнее продовольствие, объявил систематические набеги на возвратившихся в свои деревни кумыков и ногайцев. Он открыл их 3-го декабря, с партиею в 400 человек, нападением на четыре ногайских аула, у которых отбил скот. Ногайцы пустились его преследовать, но конечно издали, а тем временем дали знать об этом в Казиюрт, откуда, в помощь им, тотчас выступил воинский начальник с полуротою (в сто человек) пехоты, при одном орудии, и с 50-ю пешими и конными жителями. Когда ногайцы увидели вдали русских солдат, то набрались смелости и решились приблизиться к партии, чтобы задержать ее; но Абдулла дал им такой отпор, что они сразу всем сонмищем своим обратились и спасительное бегство. Приказав быстро угонять отбитый скот, Абдулла прикрыл его всею своею партиею и не выразил ни малейшего намерения уступить нам без серьезного боя хотя бы одного барана. Воинский начальник, находя, "что он держится в таком расстояния от нашей пехоты, что его достигнуть невозможно", возвратился обратно в укрепление. Польщенный этим успехом и легкостью поживы, Абдулла, с своею партиею, 8-го декабря накинулся на Костек. Но на этот раз счастье ему изменило: жители встретили его сильным ружейным огнем и заставили отступить. Тогда он поклялся что соберет партию побольше и непременно истребит костековцев 34. В этом роде шли дела на кумыкской плоскости до наступления нового года.

Комментарии

1. Донесения Каханова 27-го сентября и 1-го октября №№ 608 и 618.

2. Рапорт Каханова 1-го октября № 619. Д. арх. окр. шт. 2 отд. г шт. 1831 г. № 78, ч. 1.

3. Донесения кн. Дадиани №№ 1130, 1137, 1138, 1140, 1145, 1146 и 1147. Д. арх. окр. шт. 1831 г., 2 отд. г. шт. № 78, ч. 1.

4. Донесение п. Миклашевского 4-го октября 1831 г. № 217.

5. Донесение Панкратьеву г. м. Каханова 14-го декабря № 638.

6. К 23-му октября состав действующего отряда был такой: 6 рот Куринского, 2 баталиона Апшеронского, 2 бат. Эриванского, 2 бат. 42 егерского полков, донской казачий Басова полк, сотня д. каз. № 13 Шурупова полка, 1-й, 2-й, 3-й и волонтерный конно-мусульманские полки, кюринской и бакинской конницы 400 всадников, 19 легких и 4 горных орудий батар. № 1 роты кавк. гренадерской, легкой № 3 роты 21-й и батар. № 5 роты 22-й артил. бригад.

7. 16-го октября, из лагеря на Ярык-су.

8. Донесение барону Розену 21-го октября № 1002.

9. Егор Егорович Вильде с 1827-го по 1846-й год не сходил с боевого поля на Кавказе и был выдающийся саперный офицер. Война была его стихиею; солдаты его любили как отца. Оп умер в 1847 г. в Тифлисе от холеры, в чине полковника.

10 Донесение Панкратьева корпусному командиру 6-го ноября № 1141 Д. № 73, 2 отд. г. шт.

11. Из донесения Вельяминова 5-го ноября № 1034.

12. Подробности об этом происшествии почерпнуты, между прочим, также и из рассказа одного лица, проживавшего в то время в Кизляре и благополучно доживающего свой век в Тифлисе.

13. Эта незначительная племенная отрасль проживает только в Кизляре, и происхождение ее относят к кумыкам.

14. Рапорт Вельяминова барону Розену 5-го октября № 1035.

15. Донесение полковника Басова Панкратьеву 3-го ноября № 952 и донесение Вельяминова корпусному командиру 22-го декабря 1831 года № 33. Д. № 4, ч. 1, 2 отд. г. шт.

16. Донесение Вельяминова 26-го октября № 532 и предписание Розена 8-го декабря № 226.

17. Донесения 5-го ноября №№ 1041 и 1048.

18. Отзыв к графу Чернышеву 12-го ноября № 137.

19. Донесение Панкратьева корпусному командиру 17-го ноября № 1170. Последнее сведение, исходящее от командующего войсками, о старшей жене семействе Кази-муллы, конечно, бесспорное, но оно, между прочим, противоречит напечатанным в начале этой статьи известиям о семействе имама.

20. Донесение Панкратьеву полковника Гофмана 2-го от 9-го ноября № 1274.

21. Донесение 20-го ноября № 1176.

22. Предписание Каханову 10-го ноября № 1145.

23. Донесение Панкратьеву г. м. Каханова 1 декабря № 665.

24. Донесение 17-го ноября № 1170.

25. Донесения Каханова Панкратьеву 24-го ноября и 1-го декабря №№ 342 и 665.

26. Донесения Каханова Панкратьеву 26-го и 27-го ноября №№ 656 и 645. Д. № 78, ч. 2.

27. 27-го ноября № 1192.

28. Донесение 29-го ноября 284

29. Донесение г. ад. Панкратьеву маиора Цыклаурова 2-го декабря № 285, с бивака у Чумкескента.

30. Д. арх. окр. шт. 1831 г., I отд., № 533.

31. Донесение Панкратьеву м. Федосеева 15-го декабря 1831 г. № 1004, Д. № 78, ч. II, 2 отд. г. шт.

32. 24-го декабря № 1192. Д. № 73, 2 отд. г. шт.

33. Предписание корпусного командира генерал-адъютанту Панкратьеву 8-го декабря 1831 года № 224.

34. Донес. г. л. Вельяминова 18-го декабря № 1183. Д. № 4, ч. V, 2 отд. г. шт.

Текст воспроизведен по изданию: Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник, Том 14. 1890

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

ВОЙНА НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

С 1824 ПО 1834 г.

В СВЯЗИ С МЮРИДИЗМОМ

(Продолжение).

XIX.

Лезгинская кордонная линия. Характеристика года. Установление порядков в Джарской и Белаканской областях. Освобождение Шабана и Гамзата. Враждебная деятельность беглецов в сообществе с дагестанцами. Наклонность глуходар к покорности. Содействие в этом Шабана. Воззвание Кази-муллы. Нападение на Белаканы. Новое воззвание. Покорность анкратльского союза и немногих других обществ. Численность и расположение войск. Две экспедиции полковника Эспехо 1-го. Расправа имама с Шабаном.

Крайним негодованием и местью кипели против нас джаро-белаканцы после оглушительных для них событий 1830-го года. Генерал-лейтенант барон Розен 4-й, быстро ознакомившись с положением дел в области, и несколько присмотревшись к направлению умов населения, и встретил среди последнего ничего утешительного. По его заключению 1, все неудачи и тяжкие потери нимало не вразумили его, и оно ожидало только лета, чтобы снова приняться за старое дело вероятно даже с большим "остервенением".

«Многие в порывах злобы не скрывали, что потеря жилищ и имущества для них вовсе нечувствительна, и два-три месяца они кое-как перебьются».

Нет сомнения, что барон Розен не ошибался. Но он упустил из вида, что джаро-белаканцы понесли весьма сильное, так сказать, органическое повреждение — а после таких операций потерпевший приходит в себя и восстановляется в силах не очень скоро. Это и сказалось на беспокойном населении в течение всего 1831 года. Как ни стремилось оно повернуть на прежнюю дорогу, но [162] наши настойчивые и решительные мероприятия, клонившиеся к точному и даже, в деталях, более широкому приведению в исполнение главной задачи, положенной Паскевичем в основание народного быта в конце предыдущего года, не давали ему ни опомниться, ни собраться с духом и сосредоточиться. Как ни старалось оно, при помощи своих беглецов и нарочито засылаемых в Дагестан агентов, призвать к себе на помощь и Кази-муллу, и сильные скопища своих соплеменников — это ему удавалось очень слабо и мало, потому что в Дагестане и без них было чересчур много дела. Как ни изощрялся сам Кази-мулла, в особенности посредством своих воззваний, выбросить из гор в Кахетию и в Джаро-Белаканскую область толпы хищных глуходар — он успевал в этом едва наполовину, потому что сам прибыть на лезгинскую линию не мог, а в лице шиха Шабана лишился надежного и ревностнейшего себе помощника. Вследствие этого в течение 1831-го года хотя и были в области и на лезгинской кордонной линии попытки к возмущению и даже раза два к обширным нападениям, но все же этот год резко отличался от предыдущего своим относительным спокойствием — в чем и состоит его характеристика.

Генерал-лейтенант барон Розен 4-й был фактически в должности начальника Джарской и Белаканской областей всего только полтора месяца, и в течение этой времени деятельность его ограничилась распоряжениями к внутреннему устройству края, наказанию и умиротворению населения — при помощи, конечно, войск, численность которых в кр. Н. Закаталах и в с. Белаканы к 1-му января 1831 года была следующая: два баталиона Грузинского гренадерского, один Эриванского карабинерного, полтора баталиона ген. фельдм. гр. Паскевича-Эриванского и [163] один баталион 41-го егерского полков; рота сапер, четыре легких и два горных орудия кавказской гренадерской артиллерийской бригады № 2-го роты и пять орудий донской конно-артиллерийской № 3-го роты, кегорновых шестифунтовых мортир 2, команда Нижегородских драгун в 13-ть человек и полусотня донского казачьего подполковника Платонова 1-го полка; сверх того, в гарнизоне белаканского укрепления находились две роты гр. Паскевича-Эриванского полка. Всего пехоты, артиллерии и кавалерии до четырех с половиною тысяч человек, и в заключение при отряде милиция Телавского и Сигнахского уездов, в числе 2400 человек, собранная по распоряжению гр. Паскевича, последовавшему на имя г. ад. Стрекалова 21-го декабря 1830 года, под начальством гвардии штабс-ротмистра кн. Яссе Андроникова.

Первоначальные деяния барона Розена должны были состоять в задержании и отправлении на Царские Колодцы или в Тифлис всех жителей, изобличенных в измене, преимущественно белаканцев. Для исполнения этого Розен 2-го января прибыл из Закатал в Белаканы с двумя

баталионами грузинцев, двумя ротами графцев, двумя ротами эриванцев и баталионом егерей, при одиннадцати орудиях; но в селении он не застал почти никого и отступил обратно в Закаталы, давая время мятежникам выйти из гор и водвориться на прежнем месте жительства. 10-го января, когда они прибыли к своим очагам, он двинулся вновь с тем же отрядом, захватил 65 владельческих белаканских и цаблуанских семейств и отправил их в Тифлис; тех же жителей, которые не были прикосновенны к измене, он переселил к броду Урдо, а всем остальным подвластным лезгинам муганлинцам объявил освобождение от крепостной зависимости и обязанность внесения подати в [164] казну; главных же зачинщиков восстания отправил в Царские Колодцы для предания суду. После таких распоряжений, в с. Белаканы не осталось ни одного лезгинского семейства, и только зажили там свободною и мирною жизнью триста муганлинских дворов, "совершенно нам усердствующих". Так же точно было поступлено и с некоторыми жителями селения Каписдара, Катехи и Мацехи. После этого барон Розен, не находя нужным обременять себя милициею, оставил только при отряде 700 человек, а остальных распустил по домам и 19-го января возвратился в Закаталы, ожидая, по представлению своему, окончательных распоряжений графа Паскевича на счет: 1) обезоружения всего населения — но не условного, как было предположено вначале, а безусловного, и 2) освобождения от крепостной зависимости джарских энгилойцев. Тем временем он приступил к совершенному уничтожению сожженных, но не разрушенных домов в селениях Джары и Закаталы, очистке дорог, вырубке закатальского ущелья и вообще к устройству военных сообщений в обеих областях и преимущественно между Закаталами, Белаканами, муганлинскою и урдовскою переправами.

Наказывая виновных, граф Паскевич не оставил без внимания тех лиц и обществ, которые в течение всех передряг минувшего года пребывали нам преданными. В этом случае он велел прежде всего объявить благодарность джурмутцам, которые охранили пристава кн. Сосико Андроникова и спасли ему жизнь, и простил им подать за весь 1830 год; выразил свою признательность за хорошее поведение жителям Тебеля, а старшину их, которого сын был убит при защите в Белаканах Муртузали-оглы, наградил ста пятидесятью рублями серебром в звонкой монете. Сверх того, чтобы привязать [165] к нам и прочие общества, он счел необходимым войти в сношения с шихом Шабаном, имевшим громадное на них влияние, и для этого избрал посредником члена областного правления князя Андроникова, которого и выписал в Тифлис. 19-го февраля ших Шабан был освобожден из тюрьмы, получил обратно свое имущество и оружие и оставлен на свободе, с отпуском в день по одному рублю суточных, впредь до прибытия из Дагестана аманатом его родного брата. Условие, заключенное с Шабаном, состояло в том, что он обязан всеми средствами поддерживать к нам расположение анкратльского союза и не допускать его ни до сближений с враждебными нам обществами, ни до нанесения нам какого бы то ни было вреда. За это Шабану назначена была ежегодная пенсия в двести рублей серебром, с выдачею вперед пополугодно, до тех пор, пока он того будет заслуживать. В конце марта в Закаталах был произведен обмен двух братьев, и Шабан отпущен в Дагестан, а старшины бохнадальский, ташлынский и джурмутский, доставившие нам в аманаты его брата Дибир-Магомета, были одарены и отпущены восвояси. Дибир препровожден в Тифлис и там оставлен на свободе в особо отведенной для него квартире, с отпуском на него лично и на его нукера по 2 р. 20 к. в сутки кормовых денег. Вслед за дарованием Шабану свободы был освобожден из метехского замка 8-го марта также и Гамзат-бек, с своим братом, которые поселены в городе на квартире под военным строгим

присмотром, но при тех же материальных условиях, как и Дибир-Магомет. В мае месяце брат Гамзата Мурат-бек был совершенно освобожден и отправлен с подарками к своему деверю Чобан-аге, а Гамзату дана почти совершенная свобода и значительно улучшено его положение. [166]

23-го февраля, по предписанию графа Паскевича 2, в управление Джарской и Белаканской областями и в командование войсками в них расположенными вступил командир 2-й бригады 21-й пехотной дивизии генерал-маиор Реутт, а барон Розен 4-й отозван в Тифлис. Реутту пришлось довершить те распоряжения, которые ожидал его предместник. Оне состояли в следующем: 1) из энгилойцев и муганлинцев сформировать ополчение под названием Джар; 2) безусловно обезоружить жителей селений Джары и Белаканы; 3) допустить ношение оружия для самообороны только жителям ближайших к горам деревень и отбирать его у всех тех, которые не будут иметь на то билетов; 4) для отличия грузинских милиционеров от лезгин, первым из них носить на шапках нашивной крест; 5) в летнее время переселить по сю сторону Алазани тех жителей Джары, Закатал и Гогами, которые, по истреблении их жилищ, проживали в лезгинских деревнях у своих родственников, чтобы, в случае возмущения жителей этих деревень, они не могли ссылаться на пришельцев: 6) из всех тех фамилий, из которых участвовал в возмущении хотя бы один член, отобрать имения и подвластным их даровать свободу подобно тому, как это сделано с белаканцами; 7) подвластных владельцам обществ Талы, Мухахи и Дженихи также освободить от рабства, но самим владельцам, равно и всем другим, оставшимся нам верными, определить пенсии; 8) всех лезгин, участвовавших в возмущении и лишенных своих крепостников, обложить платежом подати в казну наравне с энгилойцами; 9) воспретить всем лезгинам делать у себя собрания (джаматы) без разрешения [167] начальства и допустить их 2-3 раза в месяц, с тем, чтобы при каждом собрании находились или пристава, или доверенные от нашего правительства лица.

Понятно, что при таких условиях, которые показались джаро-белаканским лезгинам тяжелее всяких оков, у них поневоле должна была вылететь из головы мысль о тех предприятиях, о которых писал в начале года барон Розен 4-й, хотя ненависть к нам и желание освободиться от нашего господства не могли в то же время не усилиться еще более. Но последних двух своих побуждений они лично нам выказать не смели и ограничивались только тем, чтобы вредить мирному населению и производить беспорядки в области чужими руками, содействуя, конечно, этим рукам по мере сил и возможности до того предела, у которого не могли быть обнаружены. Этим способом они не переставали сноситься с дагестанцами, с Кази-муллою, с глуходарами и с своими беглецами. Последние прежде всех других откликнулись на их призыв и двадцатого марта, не смотря на довольно глубокий снег, лежавший еще на горах, в числе двухсот человек, под начальством цаблуанского старшины Джан-Вели, пробрались на плоскость так, что их никто не заметил. Но пожива в такое неудачное время года, а равно и воспроизведение какого-нибудь крупного происшествия после строгих мероприятий, только что входивших в силу, оказались невозможными. Партия хотя и разделилась, для удобства, на несколько шаек, но последние, нигде не находя приюта, проблуждали несколько дней в холоде и в голоде и кончили тем, что, вновь соединившись, 26-го марта произвели нападение на команды 1-го и 5-го эскадронов Нижегородского драгунского полка, находившиеся на работах в лесу на левом берегу Алазани. После получасовой перестрелки [168] лезгины оставили драгун в покое, причинив им потерю в одном убитом нижнем чине, а спустя затем около двух недель, "почувствовав большую нужду в продовольствии", и вовсе убрались в Дагестан, не имея в течение этого времени никаких нигде столкновений, и только взяв в плен по пути,

выкупа ради, одного армянина и одного татарина 3. После этого случая, для предупреждения всяких дальнейших похождений хищников, грузинская и джарская милиции заняли наблюдательные у предгория пункты и открыли обходы и разъезды.

В продолжение всего мая месяца деятельность глуходарских обществ, в связи с действиями некоторых дагестанских, и отношения к нам тех и других распадаются на две противуположные друг другу по существу своему категории: в то время, как одни лица, а за ними и целые партии, стремятся к исключительному дли нас вреду, преимущественно поджигаемые беглыми джаро-белаканцами и поощряемые их соплеменниками, живущими ни плоскости,— другие общества, напротив, постепенно склоняются к примирению с нами и к желанию выразить покорность, хотя все их побуждения, равно и лиц, руководящих ими, видимо имеют подкладку своекорысти и иных подобных мыслей и целей. Обе категории одна другой не мешали, и каждая шла своею дорогой. Стремления первой из них преимущественно направлялись на Белаканы, так как этот бывший центр мятежа представлял много удобств для того, чтобы быстро раздувать пламя по всем окрестностям, а в случае неустойки и неудачи скрыться безнаказанно в горы. В конце апреля в аварском магале Гид происходило совещание, касавшееся исключительно Джарской и [169] Белаканской областей. Одним из главных поводов к нему послужили возмутительные воззвания скрывавшегося в горах муллы Цетова, который, приглашая население к нападению на русских, вместе с тем особым письмом просил и Кази-муллу поддержать его священные требования. Кроме жителей Гида (Гидатль) на совет собрались андалальцы и карахцы. Одни утверждали, что война не принесет никакой пользы, а вред от нее будет тот, что жители лишатся способов мирным путем получать из областей хлеб и иные жизненные продукты; другие и слушать ничего не хотели, настаивая на войне и непримиримой вражде. Не вмешайся в эти прения такой существенный вопрос как хлеб, вторая партия, конечно, осилила бы, потому что была многочисленнее и следовала господствующему в горах поветрию; но на этот раз пререкания окончились ничем: каждому пока было предоставлено действовать по своему личному побуждению, а решить вопрос окончательно постановлено после байрама, который предстоял 10-го мая 4.

Мулла Цетов, Джан-Вели и прочие подобные проживавшие у глуходар беглецы, а также белады Бегай, Хала-Магома, Аличула и др., имена которых пользовались влиянием и известностью, зорко следя за побуждениями дагестанцев и за результатом своих настояний, с открытыми объятиями встречали каждого нового присоединявшегося к ним для разбоев пришельца, и едва только партия, группировавшаяся вокруг них, получала солидные размеры, как они тотчас же не упускали случая употребить ее в дело. Так было вскоре и после гидовского совещания, которым они не преминули воспользоваться для влечения к себе возможного числа наших [170] недоброжелателей. Лишь только всех их, вместе с некоторыми глуходарами и джаро-белаканскими беглецами, набралось до трехсот человек, они решили произвести попытку относительно селения Белаканы. 8-го мая, с наступлением ночи, они двинулись к злополучному селению в числе ста человек; прочие же остались на высотах, ограждавших цаблуанское ущелье.

С чрезвычайною осторожностью спустились хищники на плоскость и, пользуясь ужасною темнотою, безнаказанно подошли к селению; затем берегом реки, по высокому бурьяну, и далее сухою канавою, они незаметно пробрались между двумя секретами к нашим кирпичным заводам и засели за сложенными в саженях дровами и массою камня, приготовленного для выжигания извести. Заводы эти отстояли от селения на 1 1/4 версты, а от редута на 3/4 версты;

на заводах находилась рабочая команда графа Паскевича-Эриванского полка, из 45 рядовых, при двух унтер-офицерах, и кроме того в разных местах были положены залоги, за исключением, впрочем, главного пункта — между селением и заводами. Партия подкралась с такою невероятною таинственностью, что ни секреты и ни один солдат из команды не заметили ни одного человека из ее состава. В первом часу ночи, среди глубокой тишины, в цаблуанском ущельи неожиданно раздался глухой выстрел. Начальник редута маиор Неженец, предполагая, что это сигнал нашего милиционного пикета, вызвал по тревоге гарнизон в ружье и поставил его на фасах в ожидании нападения. Но прошло немного времени — и никаких признаков чего-либо враждебного кругом не обнаруживалось. Вдруг позади, на кирпичных заводах, раздались другие два выстрела. Поспешно сняв с барбетов 60 человек рядовых, и придав им двести милиционеров, Неженец [171] направил их, под командою подпоручика Грекова, к выжигательным печам. Как ни проворно пробежали они незначительное расстояние, но на заводах уже не застали никого, и только 17 тел наших несчастных солдат свидетельствовали, что здесь сию минуту произошла страшная бойня. По возвращении Грекова в редут оказалось, что еще два унтер-офицера и 14 рядовых пропали без вести; остальные же нижние чины успели благополучно скрыться. На выстрелы, произведенные, как потом обнаружилось, часовым и одним из унтер-офицеров, ближайшие секреты бросились к месту нападения, чтобы подать помощь; но когда увидели большую толпу горцев — бежали к укреплению. Преследовать неприятеля ночью было невозможно, и только утром Неженец послал за ним погоню по цаблуанскому ущелью, но конечно она осталась без результата, а прискорбное событие — вполне безнаказанным. Неженец получил строжайший выговор, был смещен и лишен права на командование частью 5. Случай этот был сам по себе частный, но он не мог не иметь ободряющего и поощряющего действия на разных Джан-Вели и их сподвижников, а что хуже всего — возбуждал невольное подозрение относительно белаканских муганлинцев, которые, по убеждению Панкратьева, не могли не знать о движении мимо их селения такой значительной партии.

Прошло несколько дней — и плоды первого успеха неприятеля не замедлили сказаться — что видно из следующего предписания Панкратьева генералу Реутту 6:

«Дагестанские хищники везде прорываются в наши пределы и наносят вред как жителям, так и войскам нашим. [172] Я прошу вас принять деятельнейшие меры для отвращения подобных происшествий».

Оправдывая себя положительною невозможностью предупредить все движения партий на плоскость, так как они выбирали для этого хорошо им известные тропинки, где не было никаких способов расставить наши караулы — иначе бы пришлось у предгория растянуть непрерывную цепь – г. м. Реутт, как бы в подтверждение ожиданий Панкратьева, доносил ему, на основании письма, полученного от Аслан-хана казикумухского, и других достоверных сведений, что в непосредственно ближайшем времени горцы решительно намерены вторгнуться в наши границы и пунктом нападения опять избрали Белаканы. Значит, байрам и вторичное гидовское совещание разрешились нам не в пользу. В заключение Реутт заявлял с полным чистосердечием, что если произойдет ожидаемое нападение, то он не в состоянии будет подать помощь из Закатал белаканцам и самому редуту, потому что из десяти некомплектных рот составить отряда не может, а с малым числом войск не смеет пускаться на риск в местах трудных, лесистых и по нерасчищенной дороге; кроме того, с удалением его от Закатал неприятель может вторгнуться туда с правой стороны мухахским ущельем из

Кейсеруха (Тленсеруха) "где, как известно, предполагается другое сборище дагестанцев по подстрекательству джарских беглецов", тридцать человек из которых то и дело снуют по всем деревням и, "со слезами" умоляют глуходар и дагестанцев, в особенности кейсерухцев, избавить их от русских. Панкратьев не мог не согласиться с этими справедливыми доводами и тотчас же предписал начальнику 21-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту барону Розену 4-му немедленно командировать в Белаканы две комплектные [173] роты графа Эриванского полка с двумя орудиями донской казачьей № 3-го роты, а командиру того полка полковнику Кошкарову и командиру Нижегородского драгунского полка подполковнику Доброву велел перевести к броду Урдо паромы вверенных им частей, находившиеся несколько ниже по реке, чтобы возможно было направлять войска из Царских Колодцев прямою дорогою. Независимо того он сделал распоряжение о сборе на Царских Колодцах особого отряда, под командою генерал-маиора гр. Симонича, на обязанность которого легло наблюдение за действиями дагестанцев, если бы последние покусились произвести нападение, и уничтожение их всяких в этом роде предприятий, для чего ему предстояло быть в непрерывных сношениях с генералом Реуттом; наступательные же действия из соображений Панкратьева совершенно исключались.

Пока распоряжения эти нисходили по команде — прошло несколько дней, и две роты с маиором Бучкиевым, при двух орудиях, едва могли выступить из Царских Колодцев только 21-го мая; Белаканы же до того времени оставались в полубеззащитном положении и все при прежнем пока маиоре Неженце. Джан-Вели и его давний приятель Хала-Магома не замедлили этим воспользоваться и опять, и с партиею из 80 человек белаканских беглецов и дагестанцев, совершенно незамеченные пробрались 16-го мая в полночь в Белаканы, разграбили дом тамошнего муллы Байрам-Талалы-оглы, подхватили его самого и гостившего у него армянина — и исчезли. По пятам их пустился пристав кн. Сосий Андроников, с шестидесятью вооруженными жителями, а за ним, с командою из 100 человек пехоты, и маиор Неженец. Хищники были настигнуты в горах, в пятнадцати верстах от Белаканы, и после [174] кратковременной перестрелки лишились одного убитого и четырех раненых и разбежались, оставив муллу Байрама и похищенные у него шесть штук рогатого скота; армянина же увлекли в горы. Не остыло еще у белаканцев впечатление этого последнего случая, как князь Андроников 19-го числа получил известие из гор от преданного нам почетного джурмутца Абдул-Хадыря, что пятьсот человек дагестанцев и глуходар, собиравшихся в Кейсерухе, явились уже "со знаменами" в деревню Генакало, и когда там усилятся еще более, тотчас низринутся опять на Белаканы под начальством Джан-Вели Хала-Магомы, Бибила и Таира. В достоверности этого сведения не было сомнения, так как оно подтверждалось еще и нашими верными лазутчиками, которые, между прочим, присовокупляли, что никогда еще в Дагестане не было среди народа такого сильного волнения, как в этом году, и что со стороны Кази-муллы приняты все меры, чтобы сборы производились втайне. Поэтому, если будут доставляемы сведения, что сборов нет, то им ни в каком случае не верить и ежедневно быть готовыми к отпору, так как дагестанцы и глуходары поставили для себя обязанностью не оставлять нас в покое, сколь можно чаще низвергаться на плоскость и не упускать ни одного случая к нападению, а сверх того тревожить и разорять белаканцев до тех пор, пока не принудят их восстать против нас. Панкратьев приказал Реутту как можно скорее окончить перестройку белаканского редута, и впредь до прибытия гр. Симонича полковнику Кошкарову быть готовым к выступлению из Царских Колодцев по первому известию о появлении неприятеля. Вместе с тем главное начальство над отрядами Симонича и Реутта 7 и направление их действий он вверил [175] генерал-лейтенанту барону Розену 4-му, с предложением не

подвергать частным движениям первого из этих отрядов, который назначается более для наблюдения и должен быть тронут только в самую решительную минуту. Непосредственно затем к царско-колодскому отряду присоединен еще Нижегородский драгунский полк с шестью орудиями конно-артиллерийской № 3-го роты.

Сведение, доставленное Абдул-Хадырем, осуществилось очень скоро. Не прошло и трех дней, как кейсерухская партия уже оказалась на плоскости, а как и когда она прорвалась — оставалось неизвестным. Но на этот раз Джан-Вели не рискнул подступить к Белаканам, так как узнал, что гарнизон укрепления уже усилен двумя ротами с артиллериею, и повсюду приняты меры для встречи. По совещании между собою, белады решили произвести нападение на с. Талы и поживиться армянскими торговцами и их имуществом, но и это им не удалось по случаю все тех же наших мероприятий. Просидев еще день-два в лесах, и совсем изнурившись от голода, белады с 26-го на 26-е мая направились обратно в горы по катехскому ущелью. Проходя мимо селения Катехи, неприятель ворвался в три ближайших к дороге дома, рассчитывая найти все тех же злополучных армян, за которых всегда получал богатый выкуп, но ошибся и не сыскал ни одного из них. Удовлетворившись кое-каким скарбом, найденным в этих домах, он ускорил свое бегство, преследуемый, впрочем, катехцами на [176] некотором расстоянии 8. Но должно полагать, что не вся партия убралась в горы, потому что 27-го мая кварельский юзбаш Харитон Игришвили, находясь с жителями селения и милиционерами за речкою Бурсою, встретил порядочную толпу лезгин. Он немедля атаковал ее, убил трех человек, а остальных разогнал.

Такова была в течение мая деятельность в горах безусловно враждебных нам элементов. Противуположная же им категория хотя выражалась значительно слабее и медленнее, но не менее того подавала значительные надежды на благополучные результаты, в особенности при участии и усердии Шабана, который хотя несколько и злоупотреблял своими новыми отношениями к нам и нашим довольно слепым доверием к нему, однако все же усердствовал и подвигался к успеху.

К заслуге Реутта нужно отнести, что, понимая свое назначение, он не задавался одними только военными и стратегическими целями, но преследовал также и политическую сторону дела, поддерживая всевозможные мирные дипломатические сношения с непокорными горцами. Уже в начале мая некоторые общества стали засылать к нему своих депутатов или с письмами, или для личных переговоров о покорности. Реутт, не вполне доверяя их побуждениям, неподкрепляемым никакими осязательными данными, и зная корыстолюбие горцев, стремившихся всегда легким путем, без всяких серьезных обязательств, выманить у нас побольше денег, требовал, чтобы эти общества подтвердили выражение своих желаний существенными доказательствами — и тогда получат награды. Главными условиями покорности он ставил им: [177] жить тихо и мирно, не пропускать хищников через свои земли, давать знать о наших недоброжелателях и предупреждать о неблагонамеренных действиях этих лиц и самых обществ. После некоторого колебания, на эти предложения согласилось прежде всего уллу-кусурское общество 9, которое обещало в скором времени прислать своих старшин. Вслед затем Нуцал-хан аварский препроводил несколько человек из сугрaхского общества, которые привезли с собою письма от старшин и мулл о ненарушимой покорности и преданности их соплеменников, если только будут отпущены на свободу братья серебряки Абдулла и Сафар Аджиевы, вместо которых общество предлагало особых аманатов. Эти два лица были арестованы Розеном 9-го февраля в числе прочих пособников возмущения селений

Талы, Мацехи и Катехи, хотя явных доказательств их проступков и не имелось. Реутт, с своей стороны, не находил препятствий к удовлетворению просьбы суграхцев, но предложил им условия, без которых покорность общества принята быть не могла. Условия эти были более или менее шаблонные: присяга, выдача беглых и пленных, высылка аманатов, круговая ответственность за них, сообщение известий недружелюбного для нас свойства и т. п., и во всем этом некоторая гарантия ходатая суграхцев Нуцал-хана. За суграхцами имелось в виду у нас более важное и серьезное приобретение в лице ункратльского старшины Ибайдулы Алдама-швили, который предлагал нам подданство семи состоявших в его ведении, и кроме того десяти кистинских деревень, в числе 2500 дымов, если только ему будет производима ежегодная пенсия в 400 р. серебром. Этот [178] человек был для нас необходим, так как Ункратль, и в нем в особенности аул Хушеты, были самыми безопасными сборными пунктами для дагестанцев, служили прямым путем в Кахетию и соприкасались с Тушетиею, деревни которой Дикло, Шенако и Агеурт, в отвращение разорения их ункратльцами, платили подать Ибайдуле деньгами и баранами. Сверх того, в Ункратле же проживал известный белад Бегай, который, за покорностью общества и его старшины, не осмелился бы продолжать свои разбои. Панкратьев был чрезвычайно рад такому приобретению, велел воспользоваться им как можно скорее, назначил Ибайдуле по 300 р. в год жалованья, обещал подарки, чины и знаки отличия. Вообще он предписывал Реутту, пользуясь благоприятным случаем и временем, склонять в нашу пользу сколь можно более независимых дагестанских обществ и для того не жалеть старшинам денежных подарков в размере 100-200-300 рублей, обещая им эту сумму ежегодно, если они того будут заслуживать. В особенности он рекомендовал вниманию Реутта таких личностей как Бегай, Аличула-Магома, Алдам и др.

Действия шиха Шабана по приведению в покорность нам анкратльского союза выразились уже в двенадцатых числах апреля — но сперва как-то странно и подозрительно. Уверяя Реутта письмом в безграничном своем усердии, он извещал, что приступил к привлечению в подданство населения Анкратля, начав с своего родного общества Бохнады, и надеется увенчать свою мяв сию полным успехом. С тем вместе он препроводил несколько писем, присланных к нему гидовским обществом, Аличула-Магомою и еще другими обществами и лицами, в которых все поздравляли его с возвращением свободы, просили выступить в поход, а [179] некоторые, узнав, что он действует в нашу пользу, выразили ему изумление и неудовольствие. Кроме этих писем было еще шесть его собственных по разным предлогам, сущность и цель которых понять было очень трудно. Эти самые письма и породили у нас некоторое недоверие к Шабану. А к тому еще прибавились слухи, что анкратльцы не поддаются его влиянию; что большая часть из них, преимущественно подстрекаемая беглыми джарцами и даже их женами, непременно ищет войны и т. п. Все это вместе взятое подавало нам мало надежды на успех предприятия нашего агента. Однако эти обстоятельства не мешали нам поощрять Шабана подарками, высылать ему деньги на расходы, не отказывать ему почти ни в какой просьбе, в роде освобождения от ареста тех или других лиц, и вообще ублажать его всеми способами..

Предприятию Шабана в особенности противодействовал другой ших, некто Кази-Магомет, который, разъезжая по деревням, склонял жителей к газавату и достигал цели гораздо скорее, чем наш миссионер. Доходили также слухи, что Шабан потерял значительную долю уважения среди анкратльцев — и это отчасти могло быть справедливо, так как он никак не мог добиться от населения общей сходки на черельском урочище, которую ему только сулили — тогда как в прошлое время достаточно было для того одного его слова. Однако в действительности, как

оказалось потом, Шабан нам служил добросовестно и энергично, не обескураживаясь маленькими неудачами, твердо и последовательно вел свое дело, уверенный, что капля воды камень долбит, и простирал свою пропаганду даже за пределы Анкратля. В последнем случае одно из первых обществ, на которое он обратил свое внимание, было кейсерухское. [180] Убеждения его видимо повлияли на кейсерухцев, потому что они призадумались и обратились за советом к Аслан-хану. Казикумухский владетель им ответил так: "ничего не предпринимать, не вести наступательной войны, но и не прибегать к покровительству России" 10. Аслан-хан этим доказал, что сам выжидает, чем кончатся наши дела в Дагестане. Следовательно, солидарность его с Кази-муллою и сведения о том, что он входил в основные его соображения по устройству на Кавказе мусульманского царства, имели значительную долю правды. Наконец, в начале июня, не взирая на всевозможные тормозы, ших Шабан, много поборовшийся, как видно, с анкратльцами, достиг таки того, что они хотя и не изъявили своего желания покориться нам, кроме одного только канадальского общества, но все же решили послать к нам своих старшин и депутатов для предварительных переговоров о том, каких особенных милостей, которые бы обеспечили их быт, положение и безопасность, они могут ожидать от нас. С тем вместе каждый представитель общества, кроме канадальского, привез с собою просьбу об освобождении арестованных нами лиц, замеченных или заподозренных в джаро-белаканском восстании, и Шабан, независимо того, просил прислать к нему Гамзат-бека, так как "это было единственное средство для водворения спокойствия в Дагестане". Панкратьев склонялся по возможности на все просьбы депутатов и этим, при разумном ведении дела Реуттом, положил прочное начало дальнейшим успехам Шабана; но в Гамзат-беке ему отказал, дав знать, что наш пленник сам желает оставаться в Тифлисе, чтобы сопровождать его во время похода в Дагестан. [181]

Таким образом, нам представлялось много случаев, без особенного с нашей стороны труда и усилия, установить добрые отношения к весьма важным для нас горским обществам и их представителям путем миролюбивым, а тем самым и парализовать враждебные против нас побуждения джаро-белаканцев и дагестанцев, которые к этим лицам тяготели. Но, к сожалению, то, что так легко давалось нам в руки, осуществлялось трудно, туго и долго — не потому, чтобы мы не понимали своих выгод или не умели пользоваться благоприятными обстоятельствами — чего Реутту никак приписать нельзя, а потому, что дела военного свойства отвлекали нас от политических целей и не давали возможности исключительно сосредоточиться на них, отдаться им всецело. Конечно, едва ли многие из деятелей на этом последнем поприще были уверены в прочности и долговечности отношений, которые мы покупали за деньги, потому что сколько-нибудь сведущие и опытные люди знали, что устойчивая покорность азиятца, и притом преимущественно дикаря того времени, могла быть достигнута только оружием, а не присягою или, при корыстолюбии и ненасытности его, золотом, равно могла быть поддерживаема только мерами строгости; но необходимо было, в виду быстро разливавшегося пожара, не стесняться средствами к достижению цели и поддержать живучесть ее по крайней мере хоть до той минуты, пока притихнет пламя, с которым не было сил и средств бороться на обширном пространстве восточного Кавказа и Закавказья. При этом последнем условии и Реутт, и Розен, и Панкратьев делали что могли, но при постоянных внешних помехах не доделывали, и такие вопросы, как сугрaхский или алдамо-швильский, за которые мы очень горячо ухватились, вслед затем остановились на точке замерзания и [182] продолжали оставаться в этом положении довольно долгое время, а анкратльский вопрос еще крепче задерживался и затягивался. Впрочем, последнее

обстоятельство проистекало отчасти по случаю чересчур сложной и многосторонней переписки "по команде" и по случаю большого количества разных, "инстанций", частью же и оттого, что ближайшего и непосредственного участия в анкратльском вопросе мы не принимали, а доверчиво и сполна предоставили его алчному Шабану и его сотоварищу и сотруднику ташлынскому старшине Захал-беку, действовавшим из личных расчетов, и имевшим, конечно, интерес по возможности длить это дело.

Нельзя было не отдать полного предпочтения вопросу о поддержании спокойствия в крае, об обороне и охране его, равно и о противодействии неприятелю, потому что редкий день проходил без получения нами сведений крайне тревожного свойства. Едва только мы успели устранить все покушения Джан-Вели и его помощников в роде Хала-Магомы, Цетова и других, как получили новое известие от преданного нам деятеля-лазутчика Алиджан-бека, а также от Аслан-хана казикумухского, что громадные толпы, которые собрал в Дагестане Кази-мулла, разделились надвое, и большая часть их направилась в Тарки и к крепости Бурной, а остальные — в Джарскую область. Кроме того, "часть Аварии приведена в недоумение" вследствие "воплей" беглецов и их жен. Нуцал-хан "колеблется в своей к нам преданности и старается разведать о духе" джаро-белаканцев, т. е. о направлении их умов и о намерениях; в Кейсерухе, где пробавлялась большая часть беглецов, было громадное собрание народа, своего и пришлого, на котором единогласно решено вторгнуться на плоскость через Мухахи и Дженихи или, на худой конец, избрать в мухахском [183] ущельи на возвышенности выгодный пункт, расположиться там и делать время от времени набеги с целью совершенного разорения энгилойцев. Мухахский старшина Хамал-Мамуд дал знать, что уже до восьми тысяч дагестанцев находятся в сборе в Уллу-Кусуре и скоро намерены низринуться в область. К довершению всего, джаро-белаканцы начали оказывать неповиновение, а деревня в обществе Илянхеви (дидойском) Генитль отложилась, и жители ее, вместе с партиею джарских беглецов, спустились в Кахетию и стали производить грабежи и разбои 11. Всем этим затруднениям нашим в области предстояло непременно осложниться в будущем, так как неотвязчивый Кази-мулла прислал глуходарам воззвание для поголовного восстания такого рода:

«Пишу бумагу сию я, нижайший и грешный гимрынский Кази-Махмад, ко всем православным мусульманским обществам.

Единоверные мусульмане. Время наступило, проснитесь и не будьте праздны. Стыдитесь и бойтесь Господа создателя Бога нашего; уверьтесь в том, что последует второе пришествие, пока вы живы и не предались глубине земли, где черви станут есть тела ваши; души же ваши останутся бессмертными до пришествия. А потому ныне я, явясь в Агджа-Кала, при помощи божией, имею намерение прибыть в Чары к половине настоящего месяца. Любезные братья! Зачем вы праздны и оставили войну и вражду против неверных наций? Вам надлежит стараться о истреблении наших общих врагов, как повелевает Господь наш в алкоране: «воюйте противу неверных ради Бога, душою и имением вашим». Бог поставил за долг всем мусульманам продолжать беспрерывно войну против неверной нации, следовательно вы обязаны проповедывать [184] друг другу и не обольщаться земными благами. Блажен тот, который для приведения в исполнение сего божьего повеления подвинет мусульман к войне; но проклят тот, который не примет повеления Господа нашего и его пророка — чрез что откроется, что в сердце такового не существует уже веры, ибо Господь нам повелевает: «кого Бог не удостоит света, тот и не может пользоваться блеском веры». Пророк же наш повелевает:

«кто не имеет света к принятию веры, у того сердце не примет проповеди». Богом будут прокляты кадии и духовенство семи земель (т. е. Анкратля) или деревень и прочие, кои не проповедуют народу о войне против неприятелей и не исполняют алкорана. Я весьма удивляюсь, что подобные особы ищут имения и оставляют тот свет. Вы, почтенные духовные! Я нахожусь в сильном изумлении, что вы покорились и следуете тем, которые волнуют вселенную, и не удаляете от себя земных диаволов, и делаете ослушность доброму шариату нашему. Я объявляю вам, дабы вы приложили свое старание о просвещении веры нашей и о послушании повелению пророка нашего Магомета. Обратите на сию проповедь внимание ваше и признайте в полной мере алкоран, в коем Господь наш повелевает: «кои откажутся от приказаний божиих — в таком разе действия их на том свете не будут ценимы и поведут их прямо в ад». Также Господь наш в алкоране повелевает: «те, кто не внушает повелений божиих, суть неверные». Следовательно вы, почтенные духовные, зачем не страшитесь и не понимаете, что теперь чрез ваше неприличное действие последовало затемнение солнца и луны. Бог постигает правду и ложь. Я прошу Его о пособии тому, кто окажет содействие вере и шариату нашему, и о истреблении тех, кои осмелятся пренебрегать нашею верою, а также о даровании нам побед над неверными нациями».

После этого воззвания нам стало еще понятнее колебание анкратльцев, а затем и усилившаяся дерзость беглецов, с которою они не только проникали в предгорные деревни к своим соплеменникам, но даже и вошли в [185] сношения с джарцами и белаканцами, переселенными на плоскость.

«Впрочем, народ в областях казался спокоен, но нельзя ручаться — доносил генерал Реутт — что при первом вторжении дагестанцев не произойдет и в оном волнения 12.

При таких обстоятельствах генерал-лейтенант барон Розен 4-й прибыл 17-го июня на Царские Колодцы и принял главное начальство над отрядом, там находившимся, и над войсками, расположенными в Джарской и Белаканской областях, общая численность которых в конце июня была такова: на Царских Колодцах — Эриванского карабинерного и графа Паскевича-Эриванского полков по два баталиона, 41-го егерского один баталион, команда кавказского саперного баталиона, Нижегородский драгунский полк и 16 орудий батарейной № 1 роты кавказской гренадерской артиллерийской бригады и донской конно-артиллерийской № 3 роты; у Новых Закатал — Грузинского гренадерского и 41-го егерского по одному баталиону, Эриванского карабинерного две роты, кавказского саперного баталиона одна рота, донского казачьего подполковника Платонова 1-го полка полусотня и 10 орудий 1-й батарейной и 5-й рез. батар. рот 21-й, легкой № 2 роты кавказской гренадерской, абас-абадской № 7 роты 13-й артиллерийских бригад и донской конно-артиллерийской легкой № 3 роты; при белаканском укреплении — графа Паскевича-Эриванского полка один баталион, пять человек сапер, около 450 человек грузинской милиции и два орудия донской конно-артил. № 3 роты; на муганлинской переправе — команды Нижегородского драгунского и донского казачьего Платонова полков и 6 человек [186] сапер; при сел. Кварели — полубаталион Грузинского гренадерского полка и три горных единорога тифлисского артиллерийского гарнизона; в селении Сабуи рота того же полка. На вооружении в кр. Новых Закаталах — девять орудий и одна персидская мортира; в укреплении Белаканы — три орудия тифлисского артиллерийского гарнизона 13. Но в начале июля два баталиона Эриванского карабинерного полка, команда сапер и четыре орудия кавказской гренадерской артиллерийской бригады под командою флигель-адъютанта полковника князя Дадиани были откомандированы из Царских

Колодцев в Шемаху, в отряд полковника Миклашевского, а взамен их прибыли из Тифлиса две роты Грузинского гренадерского полка, из которых составлен сводный баталион под командою Грузинского гренадерского полка капитана Агиевского.

Все эти войска до последних чисел июля месяца оставались в напряженном и выжидательном состоянии, не смотря на тревожное положение областей и на двусмысленное поведение глуходарских обществ, не исключая и анкратльского союза. Первым вестником тревог был Аслан-хан казикумухский, который уведомил нас о сборе и движении аварцев. Должно полагать, что это известие относилось к кейсерухскому скопищу, которого мы уже ожидали, но Аслан-хан лишь запоздал нам сообщить о нем. Действительно, 6-го июля оно выступило из Кейсеруха и 17-го авангард его, в числе 500 человек, прибыл на урочище Динди, находящееся на полдня езды от селения Мухахи, а главные силы, в количестве около шести тысяч человек, остановились в 15-20 верстах оттуда на урочище Бабиталах, в [187] ожидании присоединения к ним жителей некоторых анкратльских деревень, где в это время происходило сильное брожение ко вреду нашему, впрочем скоро утушенное усилиями Шабана. Появление неприятеля над Джаро-Белаканскою областью, как оказалось, произошло с согласия наших нагорных деревень, почему, во избежание влияния их на предгорное население, относительно последнего были приняты тотчас все предупредительные меры. Но, к счастью для области, дела Кази-муллы потребовали в это время возможного усиления его полчищ, вследствие чего две трети главного скопища были им поспешно отозваны в Дагестан, а остальная часть отступила в кейсерухское общество, где предводительствовавшие ею муллы надеялись пополнить ущерб призывом новых людей; передовая же партия осталась на месте, ничего пока решительного не предпринимая и пользуясь не только полным благоволением наших нагорных жителей, но даже и их по возможности обильным продовольствием. Присутствие ее не могло не порадовать джаро-белаканцев, поселенных у таначинских лесов, которые тотчас же вступили с нею в сношения и успели увлечь за собою даже и енисельцев, настойчиво приглашавших дагестанцев спуститься на плоскость и обязывавшихся им тотчас поднять против нас оружие — каких бы жертв это для них ни стоило. Но партия медлила, не полагаясь на свои силы, и только 11-го июля, когда была подкреплена двумя стами человек, приблизилась на половину перехода и расположилась у селений верхних Мухахи и Дженихи, видимо сондируя предгорные деревни и вызывая их на почин. Конечно, ближайшая и непосредственная опасность угрожала Белаканам, но в данном случае мы этим уже не крепко затруднялись, потому что новый редут у селения, постройка которого началась два с половиною месяца назад и 8-го мая [188] обошлась нам немножко дорого, был почти окончен и молчаливо, но внушительно выражал свое влияние на окрестное население. Однако все-таки, во избежание дальнейшего усиления партии, Реутт обратился к услугам сугрaхского кадия, а в особенности Шабана, прося его уговорить анкратльский союз противодействовать усилению неприятеля и не пропускать через свои земли аварцев, обещая ему, в случае успеха, большие награды и предварительно предлагая деньги, если он имеет в них надобность. Это далеко не было некстати, так как прежде всего сведения о самых анкратльцах были опять неутешительны, и преданный нам джурмутский старшина, общество которого входило в состав союза, удостоверял вполне решительно, что на покорность Анкратля нет надежды. Шабан же, напротив, уверял в своих письмах, что действует вполне успешно, и вероятно это было справедливее, потому что слухи об усилении двух тысячного скопища замерли, а сугрaхский кадий написали к толпам, сторожившим Джаро-Белаканскую область у верхних наших деревень, что оне поступают безрассудно, решаясь на рискованное предприятие

вследствие только одних внушений джарских беглецов, и не имея никакого надежного приглашения и обеспечения со стороны сильных обществ и деревень области. Подействовали ли на неприятельские толпы эти разумные убеждения, или же наша полная готовность, которую они ясно видели, встретить их в любое время с большою для них невыгодою, а, может быть, наконец, пронесшиеся в то время на лезгинской линии слухи, что дела имама в Дагестане очень неудачны — неизвестно; но как бы там ни было, а двадцатого июля семисотенная партия, не взирая на приказания Кази-муллы держать нашу область в осадном положении и выжидать от него подкреплений, [189] отступила в глубину гор и тем пока сняла с нас довольно томительное бремя 14.

Но только пока, потому что не прошло и десяти дней, как эта же партия, предводимая Джан-Вели и Курку-Шабаном, 30-го июля, в десять часов утра, быстро спустилась с гор и направилась к с. Белаканы. Увидя ее движение, маиор Бучкиев прежде всего отправил нарочного с известием на Царские Колодцы к барону Розену, а затем приготовился к бою. Не в дальнем расстоянии от Белаканы партия разделилась натрое и единовременно атаковала селение и оба редута. Последние встретили ее орудийным огнем, а маиор Бучкиев, находившийся в новом редуте, не взирая на то, что был почти окружен, решил двинуться на защиту селения и этим маневром также отрезать неприятелю путь отступления в горы. Подхватив 2-ю гренадерскую роту графа Эриванского полка, 150 человек грузинской милиции и одно орудие, он смело выступил в поле, предоставив оборону редута другой роте и артиллерии. Обстреляв себе дорогу, Бучкиев подошел к Белаканам на ружейный выстрел, обдал атакующих картечным огнем и, прикрыв роту высланными вперед стрелками, отважно стал приближаться к самому селению с намерением ударить в штыки. Неприятель, видя себя с одной стороны отрезываемым, мгновенно оборвал свое нападение и бежал к лесу. За ним были посланы жители селения и милиционеры, которые, однако, нагнать его не могли. Потеря наша состояла. из одного казака Платонова полка, изрубленного шашками, одного раненого милиционера и захваченного в плен армянина; неприятель же потерял шесть убитых 15. [190]

Получив донесение маиора Бучкиева, барон Розен выступил из Царских Колодцев в два часа пополуночи с тремя баталионами пехоты, 150 конными и 200 пешими драгунами, при восьми орудиях. Дождь и грязь сильно мешали безостановочному движению, так что от. ряд прибыл на урдовскую переправу только в полдень 31-го июля. Здесь Розен получил донесение Бучкиева. что хотя атака отбита, но опасность не миновала, так как скопище в две тысячи человек, составлявшее главные силы горцев и находившееся в глубине гор, приблизилось опять к Мухахи и намерено повторить нападение. Вследствие этого известия отряд тем скорее продолжал следовать далее, чтобы, прибыв в Белаканы, показать неприятелю наши войска и разочаровать его в возможности успеха. Цель была достигнута, и скопище опять повернуло к Кейсеруху, а затем и разошлось по домам. Розен выступил с отрядом обратно на Царские Колодцы 2-го августа, предписав, между прочим, генералу Реутту выслать из Закатал в Белаканы еще две роты Эриванского карабинерного полка для окончательной достройки нового редута. Но Реутт выслал только одну, и Розен с этим согласился. Генерал Панкратьев, имея в виду благополучный оборот дел на лезгинской линии и настоятельную потребность усиления войск в Дагестане, 6-го августа предписал Розену — не обращая внимания на открывающуюся холеру, немедленно возвратить из Царских Колодцев в Тифлис 1-й баталион 41-го егерского полка, а в Манглис — 3-ю карабинерную роту Эриванского полка; взамен их 12-го числа велено командиру Грузинского полка полковнику Юдину выступить в состав отряда

барона Розена с двумя ротами вверенного ему полка. Того же числа г. м. Реутт, по случаю предстоявшего Панкратьеву выезда в Дагестан, был [191] отозван в Тифлис, а управление областями и командование в них войсками возложено безраздельно на г. л. барона Розена 4-го, который вступил в эти обязанности 14-го августа, а 26-го прибыл в Закаталы и основал там свое пребывание, Начальствование отрядом на Царских Колодцах принял полковник Юдин.

Панкратьев, не считая нужным держать на лезгинской линии значительное число войск в ущерб Дагестану, радостно приветствовал водворившееся, по его мнению, спокойствие в областях и на линии еще и потому, что главнейшая наша задача, состоявшая в покорности анкратльцев, разрешалась довольно успешно и даже по-видимому должна была завершиться очень скоро, судя по письмам Шабана и Захал-бека. Они извещали, что прибудут с старшинами для принятия присяги, причем последний из них обещал привести их в числе 150 человек. Откуда бы он их набрал, так как и во всех глуходарских обществах не насчитывалось их даже и половины — это уж его дело. Но при этом поставлялись условия: отпустить предварительно на свободу арестованных по случаю возмущения их соплеменников и выслать 450 червонцев. Относительно последнего требования руководством Шабану послужило наше собственное предложение — просить сколько угодно денег; но когда он этим предложением не замедлял воспользоваться, Розен призадумался, потому что сумма была весьма солидная. Просителю было объявлено, что она, впрочем, будет отпущена, но лишь тогда, когда старшины примут присягу, подпишут условия и выдадут аманатов. Хотя Шабан настаивал на том, чтобы могучее и всесильное золото было ему дано тотчас же, потому что джарские беглецы, с своей стороны, предлагают анкратльцам две и даже три тысячи рублей (что по тогдашнему курсу [192] вполне соответствовало 450 полуимпериалам, которые Шабан пригнал рубль в рубль), лишь бы только они подняли оружие против русских; но и на этот репрессив он не склонил нашего начальства, и червонцев пока не получил. Гораздо умереннее был в этом случае белад Бегай, который, явясь в половине июля в Кварели к командиру третьего баталиона Грузинского гренадерского полка маиору Зеничу, объявил ему, что готов вступить в подданство российской державы — не более как за две пары в год нового платья. Конечно, Панкратьев не имел к тому никаких препятствий. В этих мелочных переговорах, среди которых анкратльцы стремились подороже продать нам свою дешевую и ненадежную преданность, прошла вторая половина июня и целый июль месяц. Времени было так много, что Кази-мулла получил наконец полные и достоверные сведения как о действиях Шабана, так равно и о намерениях анкратльцев, старшины которых, наконец, согласились на наши условия и совсем приготовились выехать к нам для принесения присяги. Находя необходимым и своевременным отрезвить вероломных своих последователей, Кази-мулла, не взирая на то, что был всецело поглощен Дагестаном и своим грандиозным планом, нашел возможность уделить время и для того, чтобы написать и отправить к изменившим ему анкратльцам воззвание такого рода:

«Во имя Бога, которому предоставил я все мои дела! Нет другого Бога, кроме всемогущего и всесильного Творца нашего Господа, которому приносим поклонение и славу с совершенным усердием, при предстательстве его пророка и главы всех пророков Магомета арабского. Из алкорана: «Бог вседержец и создатель неба и земли дарует иному землю, а у иного отбирает; также некоторых по соизволению своему счастливит, [193] а некоторых унижает. Все находится в руках Господа Бога, над всеми Он властен.

Письмо это от Кази-Махмада шиха-эфендия ко всем мусульманским нациям, православным и послушным повелениям алкорана и его пророка Магомета, а особливо к жителям семи земель (т. е. Анкратля) или деревень, славящимся мужеством и храбростью против врага. Старшинам, кадиям, старикам и отрокам приношу благословение и прошу Бога защиты тому, кто станет защищать закон, и обиды тому, кто принесет обиду религии нашей. Православные мусульмане! Я посвятил душу свою на возвышение алкорана и обратил тело свое к раю. Мы уже составляем войско божие. Бог даровал нам силу над врагами нашими: мы разорили города, осиротили детей их; не осталось им пристанища для укрывательства. Мы имеем крепкие горы и довольно силы; те, которые противились нам, разорены и пришли в раскаяние, а послушные нам остались в покое. Если будете послушны нам и выступите с нами в поход, то будет вам хорошо и выгодно; а если вы откажетесь и станете сопротивляться, то учините тем большие грехи, пропадут ваши души и получите возмездие. Мы, выступив в поход, разорили Ендери, Мог, Азнию, Вахдаль, Костань и другие общества. Никто не остался из неверных в дагестанских землях, кроме в крепостях нами осажденных н стесненных, которым преградили путь к получению съестных припасов. Клянемся мы Богом, что не только никакого страха не имеем мы от тех неверных, но даже они сами в наших руках и составляют нашу добычу. Следовательно, и вы обязаны ополчиться и, следуя в Чары и Талы, подвизаться против неверных и проклятых русских, где приобретете много добычи, ибо теперь настало наше время, и Богом даруются нам победы. Возвысится только закон мусульманский, а не неверных, и истребятся те нации, кои суть неправославные. Если же вы не ополчитесь и не будете повиноваться алкорану и приказанию пророка, тогда я вынужден буду заколоть носы кадиям, старшинам и уши молодым людям, потому что [194] вы употребляете неправильную пищу, продаете закон и чините грех, и теперь подвергаетесь наказанию за вашу ослушность, Посему виновные узнают, когда я немедленно прибуду к ним».

Неожиданный сюрприз имама, находившегося в то время у берегов Каспия и так живо откликнувшегося на затруднения, происходившие у глуходар, как громом поразил не только анкратльцев, но даже и самого Шабана. Первые впали в недоумение и робость, и началась у них агоническая борьба между газаватом и русским золотом, а последний, спасая свою голову, пустился на очень тонкую выдумку, на которую мог бы всегда сослаться впоследствии в доказательство своей преданности шариату, а с тем вместе и его представителю. Он отправился в Анцух, Капучу и Джурмут и там, не стесняясь даже присутствием нашего пристава, начал разводить наставления в смысле поучений имама: не пить водки, не курить табаку, не есть печеного грузинского хлеба и т. п. Когда же кн. Вачнадзе заметил ему, что он, укрепляя в мусульманах шариат и мюридизм, тем самым противодействует нашим видам, то Шабан отвечал ему спокойно и, на свой взгляд, очень логично, что он это делает для того, чтобы у правоверных было больше религиозного единения, и чтобы они как-нибудь не передрались между собою 16. Анцухский же старшина заявил князю Вачнадзе, что Шабан врет и только прикидывается нашим сторонником и пособником, а на самом деле:

«Ездит повсюду и скрытно старается возмутить народ против нас, говоря оному, что хотя находится у русских брат его аманатом, но он им жертвует и просит — если кто не хочет быть мирным с русскими, то по примеру прошлого года собрались бы и шли против нас вместе с ним». [195]

Это обстоятельство не только слегка разочаровывало Панкратьева в созданном им, согласно личному выводу, спокойствии на лезгинской линии, но и заставляло сомневаться в самом

Шабане, тем более, что налицо являлся живой пример, ясно доказывавший, насколько можно привязать к нам услугами даже таких личностей, как ших, и насколько можно им доверяться: полковник Миклашевский доносил из южного Дагестана 17, что Гамзат-бек, столь обласканный нами, писал к своим родственникам в Аварию, чтобы они прислали за ним несколько удалых нукеров, с которыми он берется уйти из Тифлиса, не ожидая, пока Панкратьев возьмет его с собою в экспедицию для заслуг и отличий.

Но впечатление, произведенное на анкратльских старшин манифестом Кази-муллы, ослабело довольно скоро, во-первых в виду нашего золота и особо от него произведенных подарков; во-вторых потому, что имам был очень далеко, и угроза его до времени должна была оставаться только на словах — а там, что Бог даст. Обсудив все это с разных сторон, и преимущественно понуждаемые ташлынским Захал-беком, старшины Анкратля двинулись в путь и, остановившись 20-го августа в тридцати верстах от Белаканы, дали знать, что они ожидают от нас последнего слова и денег. С ними явился и Шабан, но почему-то поссорился с Захал-беком и уехал назад в свою бохнадальскую резиденцию Гиндиб.

Барон Розен дал знать Бучкиеву из Закатал, чтобы пригласить старшин в Белаканы и там покончить с ними дело: но они под разными предлогами отказались от нашего гостеприимства. Тогда Розен был [196] поставлен в необходимость послать к ним особую комиссию, в состав которой вошли: бывший при нем по особым поручениям Куринского полка штабс-капитан Корганов, пристав кн. Сосий Андроников, заседатель областного суда Махмад и три офицера грузинского пешего полка Джар. Не взирая на все опасности в пути от партии Джан-Вели, лица эти благополучно прибыли в стан старшин и, после некоторого пререкания по двум-трем пунктам предложенных им условий и обещания с нашей стороны новых наград, они наконец 1-го

сентября приняли присягу на верноподданство нашему Государю. Выдав после того нам 25 аманатов из лучших фамилий (исключая однако части джурмутцев, оставшейся, как и прежде, непокорною), старшины спустились в Белаканы и там получили от Бучкиева 450 червонцев, но с оговоркою в подписке, что деньги эти приняты в счет аманатского содержания. В результате всего этого считая почему-то себя обиженным один только Шабан, "дерзко требуя от нас тысячу рублей денег и хорошие материи". Он даже угрожал нам в письме:

«Вы думаете, что я незначительный человек? Конечно, я таков; но вы узнаете, при помощи Бога, великость и значительность мою».

Впрочем, корпусный командир барон Розен 1-й успокоил его, прибавив ему к ежегодному жалованью еще сто рублей серебром. Такое же содержание было назначено и Захал-беку. Вознаграждение это сравнительно невелико, если взять во внимание, что мы приобрел в подданство семьдесят деревень, заключавших в себе 3500 дворов. По поводу этого события генерал-адъютант Панкратьев доносил графу Чернышеву 18: [197]

«Занимая главные ущелья, по которым хищники делали набеги на Джарскую область и Кахетию, анкратльцы, так сказать, держат в руках ключи сего края, и потому приобретение их будет иметь весьма важные последствия как в отношении спокойствия наших пределов от внешних нападений, так и в отношении сохранения порядка и тишины на будущее время в самой Джарской области. Сверх того, пример их произведет весьма полезное влияние на другие соседственные племена лезгин».

Последнее сказалось гораздо скорее, чем можно было окидать. Едва весть о наших щедротах облетела Дагестан, как прежде всего полковнику Сурхай-хану аварскому вздумалось разыграть роль Шабана или Захал-бека по отношению к каралальскому обществу и какому-то Чобан-беку, будто бы искавшим нашего покровительства. Но на донесении барона Розена 4-го о предложении Сурхай-хана Панкратьев 17-го сентября написал характеристичную и знаменательную резолюцию такого рода:

«Так как Сурхай-хан весьма неблагонадежен и пустой хвастун, то о сем деле должно быть весьма осмотрительным».

Резолюция оказалась удачною, потому что, как выяснилось после, Чобан-бек был никто иной, как канадальский старшина Тино-Махмад, сын которого уже был у нас тогда в аманатах. Кроме того, Сурхай предлагал нам еще покорность, на невыгодных впрочем для нас денежных условиях, общества Таш, входившего в анкратльский союз и уже присягнувшего на подданство, и даже Анцуха, бывшего давно покорным. В этом случае нужно было удивляться только или наглости этого аварца, или его крайнему невежеству. Разумеется, дело это не подвинулось далее предложения Сурхая. Не понравился же, как видно, весь этот процесс сугрaхскому кадию Махмаду, который был задет за живое и даже обижен тем, что, не смотря на услуги, [198] нам оказанные, просьба его о выдаче ему двух братьев серебряков, с обещанием только в этом случае принести покорность, остается неразрешенною, а предпочтение перед ним и сугрaхским населением отдано Шабану и анкратльцам. Лишь только в конце августа вновь зашевелились против нас в Кейсерухе враждебные элементы, сугрaхский кадий поспешил прислать туда письмо, приглашая присоединиться к нему население для военных против нас действий, и в предстоящем месяце накинуться на Белаканы через мухахское ущелье. Перспектива была не совсем приятная, так как сугрaхские деревни, по словам лазутчиков, могли выставить до пяти тысяч воинов. Барон Розен 4-й не мог не обеспокоиться этим и отправил в Кейсерух и в Дагестан своих агентов за нужными сведениями и для привлечения кейсерухцев к покорности. Но в это время дела Кази-муллы, после дербентской неудачи, пошатнулись, и кейсерухцы, понизив тон, заявили, что они не прочь мириться, а сугрaхский кадий, уже собравший толпы в помощь имаму, распустил их. Момент был удобный для того, чтобы им тотчас же воспользоваться, и Розен не преминул это сделать, отправив приглашение в Кейсерух, Уллу-Кусур и в дагестанские общества, соседние с глуходарами, чтобы желающие принести покорность прислали бы своих старшин. На этот раз почти первыми из всех откликнулись сугрaхцы, которые выслали в Закаталы четырех главных представителей своего общества и трех аманатов. Прибывшие четверо гостей были приведены к присяге, подписали условие о верноподданстве и, щедро одаренные, возвратились домой, получив наконец и серебряка Абдуллу; брата же его они не застали, так как он не задолго до их прибытия умер от холеры. Кадию Махмаду было послано в подарок: сукно, [199] парча, серебряные часы и 50 рублей монетою. И так, мы приобрели еще 800 дворов, составлявших наличность сугрaхского общества. Кадий Махмад, чрезвычайно довольный нами, поторопился склонить к покорности нам еще одно общество, также состоявшее в его ведении, которое вместе с сугрaхским было известно в горах под названием индальского магала. Это было последнее выражение покорности со стороны лезгинских обществ в 1831-м году. От Абайдулы Алдама-швили мы не получили пока ничего окончательного, потому что только 24-го октября спохватились послать ему через маиора Зенича наше согласие и условия.

В начале октября генерал-маиор Реутт вновь вступил в управление Джарскою и Белаканскою областями, но опять не надолго: 21-го числа того же месяца он выехал в Тифлис, поручив начальствование областями и командование в них войсками корпуса инженеров путей сообщения полковнику Эспехо 1-му. Оставаясь в Тифлисе до конца года, он однако принимал ближайшее участие в делах вверенного ему отдела края, где впрочем нельзя уже было ожидать никаких обширных предприятий со стороны глуходар и дагестанцев, так как горы покрылись снегом, и сообщение с плоскостью быстро прекращалось. Октябрь прошел в мелких и незначительных лишь хищнических проделках, и с наступлением ноября еще более явилось расчетов на невозможность серьезных покушений из Дагестана, так как после удачных экспедиций Панкратьева и Вельяминова, повлекших за собою покорность значительной части населения, роль, значение и боевые силы Кази-муллы понизились. Это хорошо знали и все глуходарские общества, которые, по доставленным нам о них сведениям, перестали обращать внимание на воззвания имама и вообще не слушались [200] его. Не унимался только один Джан-Вели с джаро-белаканскими беглецами. Последние, не имея ни оседлости, ни даже постоянного и надежного пристанища в глубине гор, держались ближе к плоскости и укрывались преимущественно в наших верхних лезгинских деревнях, а также среди немирных джурмутцев, выискивая случаев для грабежей, которые бы их прокормили, и для мелких нападений, которые бы удовлетворили их озлоблению и мщению. Решив избавиться от этого предводителя голодной стаи разбойников, корпусный командир назначил за его голову до 150 червонцев; но, к удивлению, даже такая большая сумма пока никого не соблазнила, что ясно доказывало сочувствие и даже уважение народа к отважному цаблуанцу.

Не смотря однако на некоторое затишье и на наступление холодов, отряд не расходился, хотя состав его уменьшился. Численность же и расположение войск в областях и в Кахетии также несколько изменились: в Новых Закаталах — шесть рот Грузинского гренадерского, команда князя Варшавского, баталион 41-го егерского полков, полурота сапер, команда донского казачьего Платонова полка, два единорога и две мортирки 5-й резервной батарейной роты 21-й, четыре орудия легкой № 2-го роты кавказской гренадерской артиллерийских бригад и два орудия донской конно-артиллерийской легкой № 3 роты; в укр. Белаканах — баталион князя Варшавского полка, три сотни грузинского пешего полка Джар, команда сапер и два орудия донской № 3 роты; на Бахтальском посту — команды Грузинского гренадерского, 41-го егерского и донского казачьего Платонова полков; на муганлинской переправе - рота кн. Варшавского полка, команды — сапер, Грузинского гренадерского и Платонова полков и два орудия легкой № 2 роты кавказской гренадерской артиллерийской бригады; [201] на урдовской — рота князя Варшавского полка — на обеих переправах для постройки там редутов; в Кварели — две роты Грузинского гренадерского полка и три горных единорога гарнизонной артиллерии.

Казалось бы, что следовало воспользоваться установившимся затишьем, облегчить войска, распустить их и не предпринимать ничего такого, что могло быть сопряжено с новыми, вовсе ненужными и ничем не вызываемыми трудами и беспокойствами; но полковник Эспехо, по-видимому, думал иначе, и из его деяний ясно, что он решил создать что-нибудь из ничего, лишь бы проявить свою деятельность, засвидетельствовать фактически свое кратковременное командование войсками, отличиться и, выражаясь просто и чистосердечно — получить награду, не жертвуя ничем. Словом, честолюбие видимо нс давало покоя этому человеку, и он, будучи калиф на час, и зная, что этот час впереди повторяться часто не может, затеял то, без чего совершенно можно было обойтись — целые две экспедиции. И хорошо бы, если бы

поводом к ним послужили какие-нибудь серьезные осложнения в областях, а то он не только выискал, но даже создал повод для них в поступках одного-единственного лица — катехского старшины Цодор-оглы, захватив которого вовремя, арестовав и предав суду, мог бы обойти все затруднения и даром не тревожить войска.

Полковнику Эспехо поведение этого человека показалось — а, может быть, и на самом деле оно было — подозрительным. Он узнал, что Цодор принимает в Катехах беглых джарцев и немирных джурмутцев, укрывает их и даже снабжает продовольствием — что было весьма естественно в то время со стороны каждого негодующего джарца; мало того, что Цодор распускает вредные для правительства нашего слухи — в чем также [202] не было ничего странного. Желая испытать верность и преданность к нам этого Цодора, и тем убедиться в справедливости дошедших до него слухов, Эспехо поручил Цодору "препроводить транспорт в белаканский редут". Старшина, конечно, мог бы взяться за это дело и, злоупотребив выраженным ему доверием, так сказать, продать нас на третьей версте; но он этого не сделал и прямодушно отказался от возложенного на него поручения. Этого было достаточно для полковника Эспехо, чтобы увериться в его неблагонадежности и иметь повод заметить ему "из под руки" о его подозрительных и неблаговидных деяниях по отношению к беглым джарцам. Цодор обещал ему выпроводить из Катехи всех этих пришельцев, но через два дня уведомил, что не мог этого исполнить, потому что, проезжая в Катехи, упал с лошади, ушибся и должен был вернуться в селение Мацехи. Эспехо потребовал его к себе для личных объяснений, но так как он уже надоел старшине своею беспричинною назойливостью, то последний счел за лучшее не только не являться, а даже и совсем удалиться в более уютное и спокойное место, именно в Каписдара, куда и перевез с собою семейство и имущество. Полковнику Эспехо донесли, что он оттуда распространяет слухи о намерении нашем выселить катехцев в другое место и тем волнует их и заставляет бежать сперва в Каписдара, а потом неизвестно куда. Этого было достаточно, чтобы открыть экспедицию в наше мирное нагорное селение. Словом, курьезное, но интересное и поучительное дело, нисколько впрочем, не рекомендующее управление народом со стороны полковника Эспехо.

”Для предупреждения такового зла, от чего можно было ожидать худых последствий" — так доносил [203] Эспехо генералу Реутту 19 — временно управлявший областями выступил в ночь на 20-е ноября в каписдарское ущелье с 250 грузинцами, 75 саперами, ста человеками 41-го егерского полка, десятью казаками и 50 милиционерами, при двух горных орудиях и двух кегорновых мортирках. С рассветом он достиг каписдарского ущелья и загородил дорогу катехцам, которые должны были проходить по нем, а чтобы иметь на всякий случай резерв, приказал подполковнику князю Аргутинскому-Долгорукому выступить вслед за ним с двумя стами человек пехоты и двумя орудиями донской конно-артиллерийской № 3 роты и остановиться на белаканской дороге перед селением Мацехи. При приближении Эспехо к Каписдара, Цодор-оглы бежал оттуда с тремя своими сообщниками, а собиравшиеся вслед за ним катехцы, навьючившие уже на лошадей свое имущество, были возвращены назад — "и ничего особенного не произошло". Вступив затем в Катехи, Эспехо убедил население в ложности распускаемых Цодором слухов и велел старшинам предупреждать всякие попытки к побегу. Затем, вслед за Цодор-оглы он отправил двух диванных беков, требуя его прибытия к нему без всякого опасения и возвращения к своим обязанностям. Беки нашли его за разоренным Каписдара и получили в ответ, что он не желает служить русскому правительству и не возвратится на прежнее жительство, а уходит в Дагестан, куда отправил уже и свою жену.

Успокоив катехцев, полковники. Эспехо 21-го ноября произвел рекогносцировку каписдарского ущелья. Пройдя разоренное селение Каписдара, он переправил пехоту и артиллерию на правый берег реки Катех-чай, а [204] милиционерам велел идти по левому берегу. В расстоянии трех верст от Каписдара он увидел на высшей точке хребта партию лезгин в числе до двухсот человек, которая наблюдала за движением отряда. Но Эспехо, "не видя никакой пользы сбивать ее" оттуда, не рискнул на это предприятие еще и "по ограниченности своего отряда", и все дело покончил тем, что повернул назад. На привале у речки Катех-чай партия, преследовавшая войска, открыла но ним ружейный огонь, но высланными против нее стрелками была отбита. У нас ранен один рядовой. Возвратясь в Катехи и переночевав там в опустелом доме Цодор-оглы, Эспехо 22-го ноября собрал старшин, опять сделал им внушение и возвратился в Закаталы, оставив в селении подполковника князя Аргутинского с тремя стами человек пехоты и двумя конными орудиями — впредь до распоряжений генерала Реутта — для наблюдения за жителями и устранения на них влияния Цодор-оглы.

Описав чрезвычайно пространно свою экспедицию, Эспехо доносил о необходимости 1) построить редут при входе в каписдарское ущелье, который бы преграждал сообщение неприязненных нам горцев с селениями Катехи и Мацехи, и 2) предпринять новую экспедицию для истребления джарских беглецов, приютившихся в ущельи, которые, не имея возможности бежать в глубину гор по случаю закрытия дорог, неизбежно будут нашею добычею. "Сей способ, присовокуплял Эспехо, наведет страх и заставит опасаться иметь там (т. е. в ущельи) впредь какое-либо убежище". И Реутт, и корпусный командир согласились с этим. Последний разрешил Эспехо произвести новую экспедицию в каписдарское ущелье для решительного рассеяния собравшейся там шайки и приказал барону Розену 4-му усилить [205] войска, состоявшие в ведении Эспехо, баталионом князя Варшавского полка. Получив это усиление, начальствовавший Джарскою и Белаканскою областями тотчас же приступил к осуществлению созданного им предприятия.

1-го декабря, в семь часов пополудни, отряд выступил налегках, с двухдневным провиантом, тремя колоннами: первая, левая, под начальством командующего князя Варшавского полком подполковника Авечкина, состояла из 300 человек варшавцев и 50 человек отборных милиционеров, при двух кегорновых мортирках; центральная, под командою подполковника Петрова, из 70 сапер с шанцевым инструментом, ста человек гренадер, 40 егерей, 62 милиционеров и 8 казаков; наконец правая, маиора Бучкиева, из 100 егерей и 100 милиционеров; резерв, под начальством Грузинского гренадерского полка подполковника князя Аргутинского, состоял из 200 гренадер, двух горных единорогов, двух конных орудий, 12 казаков и 20 милиционеров. В голове каждой из колонн шли милиционеры полка Джар, на обязанность которых было возложено отыскивать неприятеля по скалам и в лесу. Полковник Эспехо находился в хвосте центральной колонны. Диспозиция была отдана такого рода; левая колонна, пройдя селения Катехи и Мацехи, и переправясь через реку Катех-чай должна была направиться по горе и перейти хребет, лежащий против каписдарского ущелья к стороне джурчугской дороги, потом занять эту дорогу, лишив таким образом лезгин единственного пути отступления в глубину гор; в заключение зайти в селение Каписдара с тыла и очистить от горцев укрепленный пункт в центре его, называемый Сигнах, с которого они могли нанести большую потерю центральной колонне, обязанной атаковать этот пункт с фронта. Правая же колонна [206] должна была двинуться от разоренного Каписдара по крутизне левого берега реки Катех-чай, с тем, чтобы, если возможно будет, войти в каписдарское ущелье с правой

стороны, обойдя горами неприступную скалу Сигнах, и содействовать отнятию у хищников этого трудно доступного убежища.

Войска двинулись. Средняя колонна, устроив мост на реке Катех-чай, перешла его с рассветом и начала подниматься на гору для овладения Сигнахом. Когда она прошла известный исторический завал, который в 1822 году стоил нам так много крови, и приблизилась к Сигнаху на ружейный выстрел, с высоты ее раздались ободрительные песни и вслед за ними брань, насмешки, доказывавшие, что неприятель намерен держаться стойко и упорно. Эспехо, избегая лишней потери, приказал встащить на гору орудие, чтобы предварительно обстрелять позицию неприятеля артиллерийским огнем, а в то же время послал к лезгинам сказать, что если они не явятся с покорностью и будут сопротивляться, то он их разгромит и подвергнет жестокому наказанию. Хотя на подобное предложение лезгины не сдались, но осведомясь, что колонна подполковника Авечкина их обходит, бросили свою позицию и бежали — чем значительно облегчили нас, потому что для поднятия орудия на крутую гору представлялись неимоверные затруднения. Подполковнику Петрову велено тотчас занять Сигнах и ожидать пока подвинутся орудия; но затем оказалось, что далее их и вовсе поднять нельзя, почему они спущены обратно с полугоры вниз и, под прикрытием от гренадер и милиционеров из резерва, возвращены к разоренной деревне Каписдара. В это время маиор Бучкиев дал знать, что его колонне нет никакой возможности проникнуть в ущелье, где гнездились беглецы, по случаю [207] встреченных по пути неприступных утесов и стремнин. Полковник Эспехо послал сказать ему, чтобы он присоединился к центральной колонне и вместе с нею, а также с резервом, направился бы для преследования хищников и решительного на них нападения в их жилищах. На неприступной же скале Сигнах оставлены 100 егерей под командою капитана Красницкого.

Центральная колонна, пройдя версты три крутым косогором, с милицией во главе, спускалась потом версты две по полувертикальной отлогости и по едва заметным тропинкам, проложенным пешеходами. По этой ужасной крутизне с большим усилием и особыми пособиями кое-как удалось провести в поводу лошадей, часть которых, конечно, сорвалась под кручу и там исчезла навсегда; даже люди проходили с большою опасностью, потому что тропы заледенели, и едва возможно было держаться на ногах. Лезгины, в числе 150 человек, достигнув тем временем речки Бачагель, и переправившись через нее, сосредоточились несколько пониже древней церкви, где находился их бивак, на краю возвышенности, но которой следовало подниматься колонне, и приготовились к бою. Эспехо приказал части милиции, подкрепленной егерями и саперами и бывшей под командою Грузинского гренадерского полка подпоручика Яковлева и князя Вачнадзе, сбить неприятеля с позиции — и она под сильным огнем полезла на утес. В несколько минут храбрые милиционеры Джар добрались до позиции горцев, ударили в шашки, прогнали и преследовали их до самого бивака; не дав им даже приостановиться там, они все продолжали гнать их вдоль ущелья по левому берегу р. Бачагель. Боясь быть отрезанными от Джурмутской дороги, в которой видели все свое спасение, лезгины с отвагою и решимостью бросились на правый [208] берег реки через маленький полувоздушный мостик, висевший над пропастью между двух стремнин, тотчас же сорвали его и, засев на противуположном берегу, на возвышенности хорошо укрепленной природою, открыли ружейный огонь. Таким образом они очутились вне всякой возможности быть атакованными, потому что реку нельзя было перейти ни здесь, ни в другом месте; при том, находясь на командующей над левым берегом позиции, они имели на своей стороне все преимущества боя. Не взирая однако на это, Эспехо рассыпал стрелков по левому

берегу реки и перестреливался с ними без всякой надобности до самой ночи. В продолжение дня у нас убиты два милиционера, ранены подпоручик Яковлев и три милиционера, контужен князь Захарий Андроников; трофеи же наши состояли из запаса соленой и копченой баранины, нескольких мешков муки и некоторого домашнего хлама.

Колонна подполковника Авечкина, не будучи в состоянии пробраться на джурмутскую дорогу по случаю большого снега и охватить неприятеля с тыла, выведена была на тот пункт, откуда центральная колонна начала спускаться в каписдарское ущелье. В то время, когда лезгины были атакованы, полковник Эспехо, отозвав резерв гренадер с подполковником князем Аргутинским и присоединив к нему двести человек из колонны Авечкина, примкнул их к центральной колонне, а Авечкину велел стать на месте, где был резерв, и там ночевать; центральная же колонна расположилась в балаганах джарских беглецов, вокруг церкви, устроенных в двадцати верстах по ущелью от сел. Катехи.

Всю ночь на неприятельской стороне царила полная тишина, и утром не обнаружилось никакого покушения для возобновления вчерашнего состязания. Вследствие этого [209] начальник авангарда подполковник Петров приказал милиционерам восстановить по возможности мост и перейти на правый берег реки. Увидев что неприятельская позиция опустела, милиционеры двинулись вперед, по джурмутской дороге, добрались кое-как через три версты до снегового хребта, разделяющего Джурмут от каписдарского ущелья, и настигли лишь несколько джарцев, торопливо пробиравшихся за перевал с имуществом и запасом продовольствия. После небольшой перестрелки беглецы оставили все это на жертву своих преследователей и скрылись за хребтом, а милиционеры возвратились в лагерь. Истребив затем жилища джарских скитальцев, Эспехо приказал Авечкину — с баталионом командуемого им кн. Варшавского полка возвратиться через Закаталы на Царские Колодцы. Вскоре за этим баталионом двинулся и весь отряд, с центральною колонною в арриергарде. По пути полковник Эспехо оставил на Сигнахе всю милицию впредь до того, когда ей на смену будет выслан караул в 20 человек из жителей селений Катехи и Мацехи. 3-го декабря отряд ночевал в разоренной деревне Каписдара, а затем прибыл в Катехи. Сделав здесь распоряжение о немедленном переселении в Таначи неблагонадежных джарцев, и впредь до приведения этого в исполнение оставив в Катехах князя Аргутинского с 200 гренадер, полковник Эспехо с остальными войсками выступил в Закаталы и прибыл туда 5-го декабря. Чтобы на будущее время доступ к Сигнаху был менее опасен, Эспехо выслал двести человек жителей из Катехи и Мацехи, которые вырубили и выжгли лес, образовав таким образом просеку и открыв недоступную вершину на далекое расстояние. Общую потерю неприятеля за все время определить было трудно, но должно полагать, что она была для него [210] чувствительна, потому что, сверх замеченных при начале переправы шести убитых, по переходе на правый берег в завале и в других убежищах найдены места, орошенные кровью, на которых по-видимому лежали раненые. Более других тяжелую утрату понес Цодор-оглы, сын которого, между прочим убивший у нас недавно часового, во время бегства с Сигнаха слетел под кручу вместе с лошадью и там покончил свое существование.

Эспехо доносил, что произведенная им экспедиция принесет в будущем большую пользу, поселив страх в хищниках и беглецах, которые не посмеют более искать убежища в каписдарском ущельи, считавшимся у лезгин дотоле недоступным. Пожалуй, полковник Эспехо имел основание быть в этом уверенным, потому что немирные джурмутцы, сидевшие в одном переходе от места наших действий, и в недавней анкратльской покорности не

принявшие никакого участия, были крайне изумлены решимостью русских проникнуть в такие заповедные и неприступные трущобы и притом в суровое время года. Они говорили, что, значит, после этого и для них опасность неминуема — и поневоле призадумались 20.

К слову сказать, анкратльская покорность не прошла даром главному виновнику ее, потому что Кази-мулла был не из тех людей, которые легко мирятся с такими событиями. Ему нужен был только человек, который бы добросовестно рассчитался с шихом Шабаном, потому что у него самого не было свободной для того минуты. Он, наконец, дождался этого человека в лице Гамзат-бека, который весьма удачно исполнил свой замысел о побеге и явился к услугам своего мюршида [211] в минуты полного торжества Панкратьева в Дагестане. После чумкескентского погрома Кази-мулла тотчас командировал Гамзат-бека для расправы с Шабаном, которому он был обязан столь значительным ослаблением своих сил и своего влияния в глуходарских обществах. Достойный сподвижник и сотрудник имама, вместе с своим деверем Чобан-беком, блестяще исполнил возложенную на него миссию: явясь в родной аул Шабана Гиндиб, он без снисхождения разнес в пух и прах все достояние коварного и вероломного шиха, который едва спас свою собственную голову, но не успел спасти всех русских червонцев, частью доставшихся злобному мстителю. По сведениям из гор Эспехо доносил, что скопище Гамзата при этом нападении простиралось до семи тысяч человек; но это вполне невероятно, потому что такого сбора не допускало ни время года, ни политическое время в горах, ни самая надобность. Это преувеличение, впрочем, факта не изменяет, и хотя бы у Гамзат-бека было всего 70 человек — все же возмездие свершилось, закончив собою все тревоги на линии и в глуходарских обществах в 1831-м году.

Н. А. Волконский

(Продолжение будет).

Комментарии

1. Донесение графу Паскевичу 31-го декабря 1830 года № 21.

2. Предписание 13-го февраля № 135.

3. Донесение г. м. Реутта гр. Паскевичу 12-го апреля 1831 г. № 854.

4. Донесение Реутта Панкратьеву 3-го мая № 64.

5. Донесение Реутта 10-го мая № 1090.

6. 15-го мая № 490.

7. В отряд Реутта входили: баталион Грузинского гренадерского, две роты Эриванского карабинерного, баталион графа Паскевича-Эриванского, баталион 41-го егерского полков, рота кавказского саперного баталиона, 4 орудия л. № 2 р. кавк. гр. артил. бр., два горных единорога и две мортирки рез. бат. № 5 роты 21-й арт. бр., сотня донского каз. Платонова полка и полк Джар из грузин Телавского и Сигнахского уездов.

8. Донесение Реутта Панкратьеву 27-го мая № 85. Д. 2 отд. г. шт. № 11, ч. 2.

9. Уллу — большой.

10. Донесение Реутта Панкратьеву 18-го мая № 78.

11. Донесение Реутта Панкратьеву 6-го, 15-го и 17-го июня №№ 93, 1435, 105 и 106.

12. Донесение Панкратьеву 17-го июня № 105.

13. Донесение барона Розена 4-го от 27-го июня № 19.

14. Донесение Реутта в деле арх. окр. шт. 2 отд. ген. шт., 1831 г. № 11, ч. 2.

15. Донесение г. м. Реутта 31-го июля № 168.

16. Донесение генерала Реутта Панкратьеву 5-го августа № 145.

17. 27-го июля № 93.

18. 3-го октября 1831 г. № 358.

19. 21-го ноября 1831 г. № 180.

20. Донесение г. м. Реутта 10-го декабря 1831 г. № 193.

Текст воспроизведен по изданию: Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник, Том 14. 1890

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

ВОЙНА НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

С 1824 ПО 1834 г.

В СВЯЗИ С МЮРИДИЗМОМ

(Продолжение).

XX.

Затруднительное положение барона Розена. Непонимание кавказским начальством главных целей мюридизма. Личность Кази-муллы. Значение восточного Кавказа. Мысли Розена о состоянии края и первоначальные соображения к водворению в нем нашей власти. Начало проектов покорения Кавказа. Мемория генерала Вельяминова 3-го. Путаница во взглядах барона Розена. Мнение генерала Панкратьева. Разноречие в вопросе о времени для действий в Чечне. Военные предположения на 1832 год и новое расположение войск кавказского корпуса. Одобрение Императора Николая. Его взгляды. Прямодушный ответ Розена. Вопрос о частных экспедициях.

Барон Розен прибыл на Кавказ 1 совершенно незнакомый ни с видами правительства, ни с краем и его управлением, но с благим намерением разобраться в многообразных и сложных отношениях к нам и между собою его разноплеменного населения. В наследство от графа Паскевича он получил обширный план всеобщего покорения горцев, которого не в состоянии был осуществить его всесильный предместник, но которого тем не менее упорно держался, считая его основным и руководящим для будущих действий на [507] Кавказе 2. Все, что удалось совершить Паскевичу из своего плана в течение 1830 и отчасти 1831 годов — это

занять берег Абхазии до Бомбор, водворить сравнительное спокойствие в джаро-белаканской области и прочно утвердить нашу власть в Осетии, по обе стороны хребта. Последнее, конечно, имело чрезвычайно важное значение, так как, врезавшись в центральную часть гор, мы отделяли восточный Кавказ от западного, приобретая выгоды более безопасных внутренних сообщений, но до окончательного умиротворения всех вообще горских народов, о чем мечтал Паскевич, было еще очень далеко. В Абхазии наше положение продолжало быть шатким и неопределенным; черноморская линия оставалась слабой и неустроенной; кабардинцы вели себя двусмысленно, а в Чечне и Дагестане гремели проповеди Кази-муллы и его сподвижников, стремившихся образовать обширное государство из всех мусульманских племен Кавказа и Закавказья. Связанный неосуществимым проектом Паскевича, барон Розен принужден был, кроме того, считаться с инструкциями, преподанными бывшим главнокомандующим генералам Емануелю и Панкратьеву перед выездом его с Кавказа, в которых не только широко задуманная экспедиция в Чечню была отложена на неопределенное время, вследствие уменьшения кавказских войск, частью выведенных для усмирения польского мятежа, но обоим генералам вменялось в безусловную обязанность держаться оборонительно и без крайней необходимости не предпринимать действий ни в Дагестане, ни в центре, ни на левом фланге кавказской линии. Емануелю фельдмаршал писал 3: [508]

"Ваше высокопревосходительство, поставив войска, расположенные на сем фланге, в оборонительное состояние, имеете подтвердить кордонному начальству о сохранении строжайшей бдительности для недопущения хищников прорываться в переделы наши, к чему, без сомнения, тамошние средства и пребывание 40-го егерского полка будут в настоящее время достаточны; если же поведение чеченцев достигнет опять той степени, на которой строгое для них наказание является необходимым, то советую вашему высокопревосходительству, не раздробляя тогда войск на мелкие части и не посылая слабых отрядов, действия коих редко бывают успешны, собрать значительную массу и оную употребить для экспедиции против чеченцев, продолжая, по усмотрению, эту меру от времени до времени.

Таким точно образом наши действия и в центре не могут принимать отныне наступательного вида. Здесь те же оборонительные средства и то же возмездие непокорным и более дерзким должны руководствовать наше поведение против горцев."

В обширной инструкции, преподанной Панкратьеву для управления закавказским краем, к которому присоединялся и Дагестан, главное внимание обращено было на поддержание дружественных связей посредством ласковых писем и подарков с различными дагестанскими владетелями и отводилось слишком мало места для Кази-муллы. Положение единственного подвижного резерва в северном Дагестане, казанищенского отряда, усиленного 1000 человек из 1-й бригады 14-й пехотной дивизии, с 6-ю орудиями, он находил опасным в случае сильного движения Кази-муллы, а потому писал Панкратьеву 4:

"Я полагаю, что в теперешних обстоятельствах, при повсеместном недостатке войск и в случае значительного умножения шайки Кази-муллы, надобно будет приказать казанищенскому отряду отойти, по усмотрению опасности, к крепости Бурной и, [509] держась оной, действовать оборонительно. Отсюда сношения ваши с генералом от кавалерии Емануелем должны быть сколь возможно часты, ибо от него зависит содействие вам войсками с левого фланга кавказской линии против возмущений Кази-муллы и других беспокойств в северном

Дагестане, а если отношения Чечни не будут препятствовать сему, то по новой дороге, пройденной в последний раз генерал-лейтенантом Вельяминовым, войска могут оттуда поспеть в восемь переходов в Казанище. О сем важном обстоятельстве я теперь же сообщаю генералу Емануелю, и ваше превосходительство с своей стороны обязаны равномерно, в случае спокойствия в Дагестане, давать из тамошних полков пособие, при нужде, в Чечню."

Сущности мюридизма и степени опасности, которою это учение угрожало нам на Кавказе, Паскевич, очевидно, не постигал, быть может, относя его к области религиозных вопросов. Мало знакомый с Кавказом вообще и с Дагестаном в частности, он не знал, что дагестанские горцы никогда ничего не предпринимали без положительных, ясно определенных политических целей. Поглощенный внешними войнами, он не заметил или не мог заметить, как под влиянием мюридизма, давно уже подготовившего себе прочную почву на восточном Кавказе, из слабых и разобщенных между собою хищнических племен стал вырастать народ, объединяемый религиозно и стремившийся выделить из себя сильную и единую власть. Теологическая подкладка нового учения была тем опаснее для нас, что вела нарождающуюся единоличную власть к жестокому деспотизму, неизбежному при всяком духовном господстве, воодушевляла непокорных нам и устрашала людей мирных или явно враждебных распространяемому учению. Из пламенной проповеди Кази-муллы горцы, быть может, впервые узнали, что ненависть, которую они могли питать к [510] нам, являлась для них, по завету пророка, религиозным долгом, и что постоянная война с нами должна составлять основу их существования. При крайне умеренных потребностях горцев, их воинственности и наклонности к грабежам, беспрерывная война с нами, беспощадный газават, за которыми скрывалась идея мусульманского царства, были грозным явлением на Кавказе. Ближайшая опасность, впрочем, угрожала не нам, а тем владетельным лицам Дагестана, над которыми начала подниматься новая власть имамов. С прозорливостью, свойственною азиятцам, они быстро разгадали суть движения и поспешили теснее примкнуть к нам; но авторитет их оказался слабым в среде подвластных, увлекаемых всеобщим стремлением к независимости, которую они не сумели отстоять против русских. Естественная невозможность нашим немногочисленным войскам поспевать везде и оставаться всюду победителями, блокируя миллионное население на пространстве полуторы тысячи верст, по обе стороны Кавказа, поощряла мятежных людей к подвигам и колебала преданность к нам представителей владетельных домов. То же самое беспрестанно случалось и с замиренным, по-видимому, населением. Чуткое, восприимчивое и привыкшее повиноваться силе, оно склонялось то на нашу, то на противную сторону, смотря по мимолетным успехам, но разница в характере подчинения его была огромная: властное слово Кази-муллы покоряло сердца, к нам же заставляли идти материальные расчеты или страх перед наказанием. Конечно, Кази-мулла не стеснялся в средствах, даже менее чем кто другой, но и тут за ним имелось важное преимущество в способе и степени возмездия. Он истреблял своих врагов варварски и беспощадно, тогда, как для нас [511] своевременное заявление покорности всегда почти служило достаточным поводом к полному прощению. При всеобщем хаосе и метании из стороны в сторону, личные качества имама, твердого в беде и настойчивого в своих целях, поселяли еще большую смуту в умах. Так, после страшного чумкескентского побоища обаяние его, вопреки здравому смыслу, не только не пало, но, напротив, возвысилось, благодаря лишь тому, что в этом несчастном для Кази-муллы сражении мы понесли большие потери. Сам Кази-мулла, при всем своем фарисействе, искренно верил в свое призвание, лучше нас сознавал свою силу и ни на минуту не сомневался в окончательной победе предпринятого им

трудного, неосуществимого дела. Заблуждения его были так велики, что однажды, упоенный успехом, он воскликнул: "Когда я создам на Кавказе мусульманскую державу — пойду в Стамбул, свергну нечестивого султана и восстановлю там истинную веру." Личность Кази-муллы мало кому была понятна. Одни считали его святым, другие злодеем и бунтовщиком; владетели лицемерно называли его "мошенником," втайне соображая, из под чьей руки им выгоднее управлять своими народами — по милости ли русского правительства, до поры до времени ласкавшего их, или по воле самодержавного имама. Кази-мулла был настоящим вождем народа, дикарем-Саладином, правда, фанатичным и не рыцарственным, но одинаково искусным в проповеди, в политике и на войне. Предтеча Шамиля, он из самых разнородных элементов, почти из ничего, заложил прочное основание редкому в летописях истории военно-теократическому государству, которое в течение 30-ти лет успешно сопротивлялось могущественной европейской державе. Конечно, сама природа содействовала успеху сопротивления, но [512] выработанный впоследствии, под влиянием развившегося мюридизма, новый тип горцев, идеи и религиозное рвение в горах были исключительным созданием этого даровитого человека.

Первые шаги барона Розена, как и следовало ожидать, не имели и не могли иметь характера самостоятельности. В первоначальных своих донесениях к управляющему главным штабом, графу Чернышеву, он, видимо, шел по следам Паскевича и нередко ссылался на его взгляды. К счастью, в генерале Вельяминове он нашел талантливого сподвижника и знатока Кавказа, мнения которого были более или менее верны и всегда согласованы с текущими обстоятельствами. Вступая в управление краем, барон Розен так обрисовал положение дел в горах:

"Я прибыл сюда в самое беспокойное время. Никогда горские племена не были столь дерзки и столь настойчивы в своих предприятиях; они раздражены предшествовавшими событиями. Наши действия, не имевшие последствий или неудачные, ободрили их и возвысили лжепророчество Кази-муллы. Если в последнем деле 5 он не погиб, то с наступлением весны горцы не останутся в бездействии. Мы должны будем иметь повсюду сильные отряды и стоять на часах, особенно на линии; самим же предпринимать новые экспедиции я не предвижу ни пользы, ни возможности. Одно постоянство в правилах и постепенность в приобретениях могут покорить необузданных."

Итак, начинания Паскевича, вызвавшие небывалые до того дерзость и раздражение в горах, не имели благоприятных для нас последствий; но как поступать иначе, что положить в основу своих действий, пока не пришли точные указания из Петербурга — вот вопрос. Познакомившись с документами, относящимися к эпохе [513] правления фельдмаршала, не трудно определить, откуда заимствована была бароном Розеном необходимость "постоянных правил," под которыми следует разуметь принципы Паскевича, положенные в основание проекта покорения гор. К несчастью для Розена, настоящая борьба только что начиналась на Кавказе, и мы еще не знали в достаточной мере ни края, ни своих противников, сильно изменившихся под рукою Кази-муллы. На положение наше среди многочисленных и враждебных нам горских племен Кавказа барон Розен сразу усвоил себе чрезвычайно серьезный взгляд, сообразно обстоятельствам, и считал необходимым принять "деятельнейшие" меры в предохранение линии от "самых гибельных последствий." Причину всеобщего движения против нас он искал с одной стороны в невозможности держаться на всех занимаемых нами местах, атакуя горы во многих пунктах, с другой — во временных

экспедициях, которые, не достигая конечной цели наших стремлений, способствовали лишь раздражению против нас горского населения. Он находил также, что занятие многочисленных пунктов рассеивало и ослабляло наши войска. Верность доводов барона Розена не подлежала сомнению с обще-военной точки зрения, не принимая в расчет мюридизма и коренных изменений, произведенных им в характере горцев прикаспийского Кавказа, но в чем могла заключаться новая система действий и куда следовало направить паши главные удары — Розен не мог еще себе уяснить. Обстоятельства между тем прямо указывали на восточный Кавказ, как на главнейший источник всех волнений в прошлом и опасного мюридизма в настоящем, против которых и предстояло употребить наибольшие усилия, двинуть не воображаемую, как это предлагалось Емануелю, а [514] действительную массу войск и, утвердившись в крае, занять его сильными гарнизонами с не менее сильными подвижными резервами. К сожалению, события, предостерегавшие нас против грозного Дагестана, промелькнули перед взором нового правителя края, не оставив глубокого следа в его соображениях о покорении Кавказа. Подобно Паскевичу, он остановил свое исключительное внимание на линии и, указывая графу Чернышеву на ее неустроенность и беззащитность, доносил 6:

"Ныне не только большие скопища, но самые малые партии хищников, прорвавшись через слабую пограничную цепь, могут безбоязненно производить разбои, ибо во второй линии нет уже никаких резервов; на самой же пограничной черте станицы и укрепления почти все без исключения не могут сопротивляться решительному нападению: вся оборона их состоит из плетневой, обвалившейся и запущенной ограды."

Конечно, барон Розен желал как можно скорее "восстановить спокойствие, утишить общее раздражение горцев" и устроить линию; но для этого в его проектах имелись пока слишком общие и потому совершенно бессильные средства, вроде мирных сношений, торговли, наказания непокорных и наиболее нам враждебных племен, утверждения в таких пунктах, которые "обстоятельства и силы наши позволят занимать, без ослабления на прежних пунктах," и т. п. Чувствуя себя не подготовленным к решительной постановке военных вопросов края и озабочиваясь более всего состоянием линии, он предложил генералу Вельяминову изложить свое мнение об этом предмете. Вельяминов не замедлил ответом и между прочим писал 7:

"По теперешнему положению дел на кавказской линии [515] средства наши так малы, что нет возможности скоро восстановить спокойствие. Сего не иначе можно достигнуть, как показав в нескольких местах вдруг отряды войск довольно значительные, а потому полагаю необходимым прибавить на кавказскую линию от 12-ти до 15-ти тысяч пехоты и по крайней мере 10 казачьих полков, ибо без сильной конницы нет возможности отражать конные набеги, наносящие столь значительный вред жителям кавказской области."

Польское восстание исключало всякую возможность подобного усиления линии, вследствие чего барон Розен ограничился ходатайством перед графом Чернышевым о возвращении на Кавказ только двух конных казачьих полков из действующей армии и одного пешего и казачьего полка, состоявшего при дунайской флотилии, рассчитывая облегчить этими частями крайне тяжелую сторожевую службу линейного и черноморского казачьих войск.

Что барон Розен не понимал смысла разыгрывавшихся на Кавказе событий и, подводя их под один общий уровень, не отличал важного от второстепенного, в этом ничего не было

удивительного; но нельзя не удивляться тому обстоятельству, что вокруг себя он не нашел ни одного лица, свободного от мнений Паскевича и способного проникнуть в истинное положение дел. Даже Вельяминов, вообще не разделявший теоретически построенных планов фельдмаршала, не мог еще с достаточною ясностью определить стремлений мюридизма и поставить недавние события в Чечне и в Дагестане на подобающее им место. Впрочем, задача умиротворения Кавказа сама по себе была настолько обширна, а край до того нам мало знаком, что едва ли можно поставить кому бы то ни было в упрек бессилие ее разрешить сообразно данным обстоятельствам. [516]

В следующем донесении своем графу Чернышеву 8 прямодушный Розен более подробно коснулся управляемого им края и даже рискнул представить на высочайшее благоусмотрение свои первоначальные мысли об утверждении нашей власти в горах, но зная, что оне подвергнутся рассмотрению самого Паскевича, пользовавшегося безусловным доверием Императора Николая, спешил оговориться, что предположения его направлены к выполнению высочайше предназначенных предприятий и что лишь по собрании основательных сведений для точного определения средств к осуществлению их, он позволит себе подробно войти с всеподданнейшим представлением. Горы все еще составляли для него загадку, и потому план действовать в Абхазии и в джарской области в то время, когда в Дагестане продолжали назревать самые серьезные события, ничуть не соответствовал действительности; но мысли его о необходимости преследовать "постоянные цели" вне зависимости от перемены руководящих на Кавказе лиц заслуживали полного внимания. Он писал Чернышеву:

"Вникая постепенно в положение разных частей здешнего управления, не вижу однакоже общих видов, на коих бы основывались частные предположения. Полагаю полезным и даже необходимым определить постоянную общую цель, к которой я должен здесь стремиться. Определение оной даст возможность судить с большею основательностью о пользе частных предприятий и составить постоянный план действиям. Без сего с каждою переменою главных здесь начальников могут изменяться и направления дел, одни предположения будут заменяться другими, значительнейшие пожертвования на предприятия, в частности полезные, останутся бесплодными, между тем, как ошибочное, но [517] постоянное стремление к одной цели почти всегда оканчивается успехом."

Окинув беглым взглядом положение края, барон Розен находил в Закавказьи его непрочным, а на линии требующим значительных и безотлагательных жертв. В закавказском крае его озабочивала малая преданность нам христианских народов, явная враждебность мусульманских племен и близость внешних границ; на линии — необеспеченность русского населения от набегов, настоятельно требовавшая усиления средств к ее обороне.

"Кавказская линия — справедливо доносил он Чернышеву— есть край русский; обеспечение безопасности оного, хотя бы с большими пожертвованиями, кажется, может быть признано необходимым и постоянным предметом действий наших. Впрочем, и всякое другое пожертвование будет полезно, ибо умножает средства края, коими вполне правительство располагает."

Постоянный план, по мнению Розена, должен был состоять: 1) в обеспечении безопасности кавказской линии ценою каких бы то ни было жертв; 2) в обеспечении положения наших войск в Закавказьи, "с сохранением коего и весь край будет всегда в покорности," и 3) в

развитии мирных и торговых сношений с горцами или в постепенном занятии их земель. Для проведения задуманного плана, который не мог осуществиться без "продолжительных и особых усилий", барон Розен считал необходимым содержать в полном комплекте войска отдельного кавказского корпуса, с причислением к нему 20-й пехотной дивизии, согласно ходатайству князя Паскевича, подробно объяснявшего свои мнения об этом предмете важными и побудительными причинами.

Граф Чернышев отвечал отзывом от 11-го [518] января 1832 года 9. Сообщив барону Розену, что Государь Император, вполне соглашаясь с его мнением о необходимости постоянно иметь в виду общую цель относительно управления краем, для согласования с нею всех частных предприятий и распоряжений, находил однако, что в обширном смысле цель эта существовала давно и сама собою определялась занятием и владением края.

"Она заключается — писал Чернышев — в приобретении границ безопасных со стороны азиятских соседей наших, а вместе с тем и средств к большему развитию народной торговли и промышленности. Перенесением рубежа нашего на берег Аракса и признанным, по последнему с Портою мирному договору, владычеством России над Абхазиею и всеми горскими народами положено основание для достижения того и другого, а засим все частные распоряжения, относительно того края предпринимаемые, должны клониться к упрочению приобретенных выгод посредством усмирения полудиких племен Кавказа, постепенного введения как между ними, так и вообще во всем кавказском крае гражданского устройства, раскрытия всех источников промышленности и торговли для обоюдной пользы вновь приобретенных земель и собственно Империи, так чтобы со временем первые, связываясь с последнею взаимными выгодами и нуждами, представляли единое целое без всяких следов насильственного присоединения."

Высокие, вполне государственные идеи, изложенные в приведенных строках, не применимы были к закореневшим в своих формах жизни горским народам, исповедывавшим, кроме того, исламизм, вообще враждебный всяким нововведениям, не устанавливаемым кораном.

Указав затем барону Розену, что, сообразно с приведенными началами, Государем разрешались все [519] представления князя Паскевича о предприятиях на Кавказе и что, на основании этих разрешений, генерал-фельдмаршалом составлен был общий план действий как на линии, так и в закавказском крае, одобренный Его Величеством и поставленный в руководство генерал-адъютанту Панкратьеву по выезде Паскевича с Кавказа, граф Чернышев добавлял:

"Посему Его Императорское Величество соизволяет, чтобы предначертания, в плане сем содержащиеся, были приводимы в действия и вашим высокопревосходительством без всякого изменения. Впрочем, Его Величество уполномочивает вас, м. г., в случае признаваемого вами неудобства которой либо из предположенных мер, войти об отмене оной с представлением, объяснив со всею подробностью причины замеченного неудобства и способы исправления."

В заключение управляющий главным штабом сообщал, что Государь, ожидая подробных предположений от барона Розена, хотя и оставляет в полном его распоряжении 20-ю пехотную дивизию, но вопрос об окончательном присоединении ее к отдельному кавказскому корпусу предоставляет Себе разрешить впоследствии.

Не менее важные и еще более стеснительные указания заключал другой отзыв графа Чернышева, от того же 11-го января 10, в котором он уведомлял барона Розена, что Государь ожидает конечного усмирения горцев единственно от общих против них действий, и что частные экспедиции, разорение жилищ и поиски, раздражающие горское население и не достигающие общей цели, приказал воспретить.

"Вследствие сего Государю Императору благоугодно, чтобы ваше высокопревосходительство, по внимательному просмотрению высочайше одобренного плана действий генерал-фельдмаршала князя [520] Варшавского графа Паскевича-Эриванского для покорения горцев в 1830 году, и мнения Государя Императора, изложенного им в отзыве моем его светлости от 29-го ноября 1829 года и 30-го мая 1830 года и других по сему предмету уведомлений, и сообразив все вышеозначенные высочайшие назначения с нынешними обстоятельствами и с настоящею силою отдельного кавказского корпуса, представили бы Государю Императору предположения ваши к успешнейшему общему усмирению горских племен, на основании предначертаний князя Паскевича."

С этих пор наступает пятилетний, чрезвычайно любопытный период всевозможных планов, проектов и предположений к окончательному покорению горцев. Много верных и дельных мыслей было выражено в этот долгий промежуток времени, но благодаря предначертаниям Паскевича, в непогрешимость которых верил Император Николай, дела наши на Кавказе не подвинулись ни на шаг вперед.

Приступая к исполнению воли Государя и не полагаясь на свои силы в разрешении столь трудной задачи, барон Розен счел необходимым потребовать мнения об этом предмете двух ближайших своих сподвижников — генералов Панкратьева и Вельяминова. Уведомив обоих о высочайшем воспрещении частных экспедиций, не преследующих конечное занятие той или другой части края, он предложил им представить как общие соображения об умиротворении Кавказа, так и частные на текущий 1832 год. В двух предписаниях своих 11 он изложил Вельяминову между прочим и свои взгляды, не удаляясь, конечно, от общих руководящих идей, которые находил нужными положить в основу своей программы. По мнению корпусного командира, набеги и грабежи горцев следовало наказывать не [521] нападениями, а экспедициями, предпринимаемыми в значительных силах и с непременною целью совершенного усмирения неприязненных нам племен. Но так как при таком условии одновременные действия в нескольких пунктах были не по силам кавказских войск, то прежде всего являлась необходимость ограничить число открыто враждебных нам племен, посредством существования в возможно широких размерах так называемых "мирных," частные хищничества которых легче было сносить, чем вражду с ее последствиями целых народов. Лучшею мерою для сближения с горцами он считал привлечение на нашу сторону влиятельных лиц и попечение правительства о благе населения.

"Трудно — писал он Вельяминову — одною силою покорять воинственные и независимые поколения, на кои поощрения и награды большею частью сильнее действуют, нежели страх наказания. Конечно, меры сии сопряжены с значительными издержками, и ныне я излагаю вам мнение об оных, дабы ваше превосходительство объяснили нужные для сего средства, при составлении требованного мною от вас предположения об общем усмирении горцев, в коем благоразумная политика, конечно, столь же может действовать, как и сила оружия."

Вельяминов, занятый в это время экспедициею в Чечне, отправил предварительно барону Розену свою меморию, представленную им в 1828 году Государю Императору и заключавшую, между прочим, мысли о покорении горцев, а затем представил соображения о задуманной корпусным командиром экспедиции против чеченцев 12. Панкратьев изложил свои взгляды в форме краткой записки, ограничившись в ней указаниями на действия в текущем году и коснувшись затронутого [522] вопроса о времени, наиболее удобном для экспедиций в Чечне 13.

Замечательная во многих отношениях мемория Вельяминова давала барону Розену два ответа: один на мысли его о покорении кавказских народов мирными средствами, другой,— на запрос графа Чернышева касательно общей системы военных действий на Кавказе 14. В этом любопытном документе, написанном, по обыкновению, горячо и убедительно, Вельяминов прежде всего поспешил встать в ряды безусловных противников всяких мероприятий, основанных на идее мирного разрешения вопроса о кавказских горцах. Убежденный десятилетним опытом кавказской войны в необходимости энергично продолжать ее до полного умиротворения непокорных племен на всем протяжении Кавказа, он выдвинул на первый и выдающийся план силу, и если допускал мирные приемы в сношениях с горским населением, то не иначе как в качестве вспомогательных мер, применяемых с большим разбором. Для нас, унаследовавших Кавказ после 34-х-летней непрерывной войны с горцами 15, взгляд Вельяминова кажется естественным и необходимым, мы даже не можем представить себе других мер к покорению такой обширной и воинственной страны, кроме силы оружия, но между современниками Вельяминова существовало не мало своего рода "идеологов", веровавших во всепобеждающую силу цивилизации и потому считавших кавказскую войну ненужною и вредною затеею честолюбивых [523] генералов. Не зная Кавказа и характера сложившейся в его горах жизни, они смотрели на кавказских горцев как на всяких дикарей, подобно тому как в настоящее время мы смотрим на ашантиев или зулусов, и, примешивая к своему незнанию умозрительные приемы, конечно, впадали в самые странные и грубые заблуждения. Суровому, прямолинейному и даровитому Вельяминову противны были все эти ухищрения, измышляемые большею частью праздными или несведущими людьми. Ему мало понятны были даже торговые сношения с горцами, которым, по выражению его мемории, "продавать почти нечего и у которых денег почти нет." Он хорошо знал, что если за мирными средствами не стоит грозная сила, то они только разжигают аппетит хищников и — что всего хуже — укореняют в них убеждение в нашей слабости. Не без иронии написаны им следующие строки, относившиеся к проекту адмирала Мордвинова, считавшего возможным смягчить нравы горцев соблазном роскоши и денег:

"Генерал Ртищев, командуя на кавказской линии, сделал перед самым назначением своим к командованию всем кавказским корпусом мирный договор с чеченцами, чрезвычайно обласкал главнейших и знаменитейших из них в разбоях, одарил их щедро; вслед засим, отправляясь в Тифлис, был атакован на первых переходах через горы сими самыми чеченцами."

К числу причин, поощрявших горское население упорно продолжать с нами борьбу, Вельяминов относил непонимание горцами сил и средств России, успех кое-каких хищнических набегов в наши пределы, не всегда удачные экспедиции наших войск в горы и склад понятий самих горцев, заставляющий их думать, что оказываемое им гостеприимство,

ласки и [524] подарки — ни что иное как дань бессилия, если они не соединены с постоянным успехом оружия.

"В истине сего — писал Вельяминов в мемории — убежден всякий, хотя немного знакомый с нравами кавказских горцев. Неоднократные опыты показали, что подарки в случае неудач еще более возбуждают горцев к хищничествам, как средству получать деньги. Во все продолжение правления генерала Ртищева чеченцы не переставали делать хищничества по военно-грузинской дороге и опустошать Терек, и тогда только смирились, когда генерал Ермолов выстроил крепость Грозную, которая дала возможность иметь лучший надзор за так называемыми мирными чеченцами; дала более удобств приходить с войсками в жилища хищников и там наказывать их оружием; дала способ при набегах отрезывать им отступление, о котором хищники в предприятиях своих помышляют гораздо более, нежели какой-нибудь полководец. Чтобы убедиться в истине сего, стоит взглянуть в донесения о происшествиях по Тереку до построения Грозной и после построения оной. Итак, оружие есть главное средство к обузданию кавказских народов. Вопрос состоит в том только, каким образом употреблять оное, дабы достигнуть сей цели."

"Кавказ — продолжает Вельяминов — можно уподобить сильной крепости, чрезвычайно твердой по местоположению, искусно огражденной укреплениями, обороняемой многочисленным гарнизоном. Одна только безрассудность может предпринять эскаладу против такой крепости. Благоразумный полководец увидит необходимость прибегнуть к искусственным средствам, заложит параллели, станет подвигаться вперед сапою, призовет па помощь мины и овладеет крепостью. Так, по моему мнению, должно поступать с Кавказом; а если бы ход сей не был предварительно начертан, дабы постоянно сообразоваться с оным, то сущность вещей вынудит к сему образу действия, только успех будет гораздо медленнее, по причине частых отклонений от истинного пути." [525]

Постепенное приближение к горам, при прочном устройстве новых линий, и нанесение противнику ударов в тех пунктах, где этого требовал верный расчет — вот основные мысли Вельяминова, опередившего в этом отношении своих современников. Дальнейшие события с поразительною точностью оправдали его пророческие слова. Сначала под влиянием неосуществимой мечты Паскевича, а затем под впечатлением успехов Шамиля, перепутавшего наши представления о кавказской войне, мы часто отклонялись от "истинного пути," блуждали в потемках, ходили с закрытыми глазами и нередко били в пустое пространство; но уж такова была "сущность вещей," что, действуя даже на ощупь и наугад, по "предварительно начертанному плану" или вовсе без всяких планов, мы беспрестанно сворачивали на путь, указанный Вельяминовым, закладывали новые или совершенствовали старые параллели и наконец завершили борьбу верно задуманным походом, во время которого оглушительными ударами взорванных "мин" покончили с восточным Кавказом, и устройством таких же "параллелей," при частых, но не столь громких взрывах "мин," загнали население западного Кавказа к морю и овладели всею совокупностью гор.

Кавказскую линию, какова она была до 1810 года, т. е. до управления Ермолова, Вельяминов называет первою параллелью, заложенною против Кавказа. Она направлялась через укр. Ивановское, кр. Моздок, укрепления Екатериноградское, Георгиевск, Константиногорск и Кисловодск, редут Покоривший, штерн-шанец Куликби, укрепления Баталпашинское, Невинный Мыс, редут св. Николая, укрепления Григориполисское, Темнолесское, Прочно-Окопское и Кавказское на Усть-Лабу. Далее, вдоль Кубани, простиралось Черноморье,

находившееся под [526] особым начальством графа Ланжерона. Со времени основания Кизляра и кизлярской крепости, послужившей началом этой линии, устройство ее подвигалось с такою медленностью, что к 1816 году многие укрепления на ней успели придти в совершенную ветхость. Описанная линия, несмотря на то, что имела много недостатков, происходивших, по мнению Вельяминова, отчасти от обстоятельств, частью же от неспособности лиц, руководивших ее устройством, принесла нам не мало выгод. Хищничества стали повторяться реже, а набеги, не простираясь так далеко, ограничивались большею частью приграничною полосою. Эта сравнительная безопасность на линии дала возможность поселить в кавказской области значительное число русских крестьян, которые могли еще более увеличиться, если бы колонизации не препятствовало отсутствие воды.

Заложение второй "параллели" принадлежало Ермолову. В 1817 году возведено им укр. Преградный Стан, в следующем году построена Грозная, а в 1819 году крепость Внезапная, близь деревни Андреевой, и небольшое укрепление для прикрытия переправы через Терек у Амир-Аджи-юрта; в 1820 году возведены укрепления на Аксае и при Горячеводской деревне, а в 1821 году построена крепость Бурная; в следующем году проведена новая линия вдоль Кабарды, от Ардона до Каменного моста на Малке, и, сверх того, устроены укрепления на Бургустане, у Хахандукова аула и близь вершины Тохтамыша. Здесь оканчивалась, по выражению Вельяминова, "вторая параллель," не доведенная Ермоловым по разным обстоятельствам до конца и не коснувшаяся, таким образом, западного Кавказа.

Результаты, достигнутые проложением указанной линии в связи с успехами нашего оружия против [527] горцев были, на взгляд Вельяминова, весьма значительны и серьезны. Караногайцы, едиссанские и джамбулукские ногаи совершенно замирились, предались мирным занятиям и нередко помогали нашим войскам своими перевозочными средствами. Чеченцы, жившие на правом берегу Терека под именем "мирных," не только перестали участвовать в набегах, но, открывая хищников, преследовали их вместе с нашими войсками. В кумыкских владениях мы сделались полновластными хозяевами, сменяя, по своему усмотрению, князей, владевших, по обычаю, тремя городками — Аксаем, Костеком и Эндери 16 — и заменяя в суде, в случае надобности, единоличную княжескую власть выборным началом. Процветавший в Эндери торг пленными, сбываемыми оттуда через Анапу в Анатолию и Стамбул, совершенно прекратился, чего, как справедливо замечает Вельяминов, "никаким гостеприимством, никакою ласкою и никакою щедростью нельзя было достигнуть." Крепость Бурная сдерживала весь северный Дагестан. В Кабарде увеличилось спокойствие на пространстве между Моздоком и Александровым и уничтожен шариат, взамен которого учрежден суд из князей, узденей и русского чиновника, решавший дела на основании обычного права — адатов.

Развернув картину магического действия силы, соединенной, конечно, с твердым и разумным правлением главного деятеля той эпохи, Ермолова, Вельяминов заканчивает свою отповедь сторонникам мирного завоевания Кавказа меткою характеристикою горцев и предсказанием бесплодности нашей мирной миссии в кавказских горах:

"Недостаточно одного упорства во мнении своем, нужно еще [528] большое ослепление, чтобы после всего описанного мною не согласиться, что оружие необходимо против народов, кои по воспитанию своему, понятиям и обычаям, даже и в среде своих обществ не признают никакой власти, кроме силы оружия, никаких обязанностей, кроме тех, к исполнению коих можно принудить их оружием, кои, несмотря на множество присяг, не исполняют никаких условий,

коль скоро находят возможным нарушать оные. Нет сомнения, что здравый рассудок должен управлять оружием, что строгое правосудие должно отличать все действия начальствующего на Кавказе, что ласки и приветливость к тем, кои заслуживают оные поведением своим, соединенные с денежными и другого рода нуждами, доставят ему людей усердных; но без оружия, без успехов военных все средства останутся навсегда бессильными к обузданию кавказских пародов и соделанию их мирными соседями."

Переходя к плану военных действий, Вельяминов указал лишь на ближайшие задачи, которые, по его мнению, должны были заключаться: в центре и на левом фланге в усовершенствовании линии, проложенной Ермоловым, а на правом фланге в перенесении линии с Кубани на Лабу. На восточном Кавказе Вельяминов держался предположений Ермолова, не успевшего осуществить главную задачу, состоявшую в улучшении и обеспечении сообщения восточной части Чечни с северным Дагестаном, посредством заложения промежуточного укрепления между Бурною и Внезапною крепостями у лучшей переправы через Сулак — в Болтугае. Он находил, что с устройством здесь моста и с переменою направления дороги устранялись неудобства, соединенные с переправою через эту реку у Янги-юрта, Костека и Кази-юрта, а также трудности движения по безводной и пустынной местности от всех трех упомянутых пунктов к кр. Бурной. На сунженской линии, с целью [529] обеспечить надзор за карабулаками и стеснить чеченцев в набегах со стороны Наура, Моздока и Владикавказа, Ермолов считал необходимым перенести укрепление Преградный Стан ближе к Казах-Кичу и устроить укрепление на 500 человек при выходе Ассы из ущелья на плоскость; для безопасности же сообщений между Грозною и новым укреплением близь Казах-Кичу — выставить посты у Алхан-юрта и у теплинской переправы. Кабардинскую линию следовало усовершенствовать, также согласно мнению Ермолова, перемещением Баксанского укрепления к устью Гунделена и постройкою укрепления у Каменного моста на Малке, а линию между Кабардою и Кубанью обеспечить заложением укреплений: на р. Канжале, чтобы преградить главный путь из Кабарды в Карачай и оттуда к закубанцам, на р. Хасауте н на р. Кичмалке, по дороге от Каменного моста на Кубани в Кисловодск; Тохтамышское укрепление уже было перенесено к устью Джегуты. По мысли Ермолова, Вельяминов предлагал также испортить на пространстве между Кабардой и Кубанью некоторые тропы, обвалить наиболее практикуемые горцами выезды к бродам, улучшить в наших пределах дороги и тщательно осмотреть местность. Линия, лично предложенная Вельяминовым, направлялась от устья Джегуты через оба Зеленчука и Уруп, близь выходов этих рек из ущелий, на Чамлык у Каслева брода и, повернув оттуда к устью Акорты, упиралась в укр. Калмышок на Лабе. Главное достоинство этой линии состояло в том, что она была вдвое короче старой кубанской черты, вследствие чего устранялось много неудобств, сопряженных с прикрытием станиц и управлением кордонными войсками. Новую линию Вельяминов полагал продолжать до Черного моря, но, не зная в [530] достаточной степени местности, не мог указать на ее направление. Анапу он считал важным приморским пунктом и предлагал укрепить ее "весьма хорошо", во всяком случае не но образцу кавказских "крепостей", и обеспечить со стороны моря сильными береговыми батареями. Таким образом в мемории Вельяминова, вместе со многими верными мыслями, барон Розен имел полную программу действий, программу тем более ценную, что она принадлежала лицам, хорошо знавшим Кавказ, чуждым всяких теорий и понимавшим всю трудность покорения края; но универсальные планы Паскевича успели к описываемому времени бесследно вытеснить дельные соображения Вельяминова, и барону Розену ничего более не оставалось, как сочетать действительное положение дел с

предначертаниями фельдмаршала. К несчастью, сущность текущих дел, сильно измененных Кази-муллою, не поддавалась правильной оценке даже людям, имевшим большой боевой опыт на Кавказе, а предначертания Паскевича имели свойство никогда не согласоваться с какою бы то ни было действительностью. Естественным последствием такого порядка вещей являлись противоречия, путаница во взглядах, непонимание главных задач и боязнь высказаться сполна — характерные черты одного из первых донесений барона Розена графу Чернышеву, от 11-го мая 1832 года 17. Так, выразив мысль о необходимости сосредоточить главные действия на восточном Кавказе, Розен был, конечно, близок к истине, если бы не обошел молчанием Дагестан, религиозно-политическое движение в котором грозило нам самою серьезною опасностью, и не выдвигал на первый план разбойнической, неспособной к самостоятельной политической роли Чечни, которую он [531] считал "средоточием мятежа." Далее, верная мысль о сборе наших сил на восточном Кавказе парализовалась предполагаемыми действиями в центре, против галгаевцев, беспокоивших военно-грузинскую дорогу, а на нравом фланге — открытием сообщений между Анапою и Геленджиком, предпринимаемых в угоду князю Паскевичу, "предначертавшему" себе эту операцию на 1832 год, в случае невозможности проложить линию от ольгинского тет-де-пона к Геленджику. То же противоречие выразилось и в дислокации, по которой, вопреки основному своему мнению, барон Розен сосредоточивал главную массу войск не на восточном Кавказе, а в центре линии. Путаница произошла также в определении основных и второстепенных задач: общие предположения, как "требовавшие внимательных соображений," он не решался еще повергнуть на высочайшее благоусмотрение и не обмолвился о них графу Чернышеву, а частные, применяемые к 1832 году, назвал общими. Особенного внимания заслуживают шаткие основания, положенные Розеном для открытия действий в Чечне, что также входило в "предначертания" Паскевича на текущий год. "По слухам," Кази-мулла намерен был действовать в Чечне, "дабы из оной распространить снова возмущение в северном Дагестане, а также между всеми народами левого фланга кавказской линии и в случае успеха взбунтовать осетин, кабардинцев и, соединясь с закубанцами, сделать общее, повсеместное нападение на линию. С другой стороны распространяет он слухи о намерении своем вторгнуться в джарскую область, казикумухские владения, шекинскую и кубинскую провинции."

Так как обширность подобных затей сама собою исключала возможность их исполнения, то барон Розен полагал, что "мятежник сей" начнет "по всей [532] вероятности" с Чечни, где мог ожидать наибольшего успеха, имея " сообщников, готовых всюду за ним следовать." Обращаясь к Дагестану, он доносил:

"В прибрежном Дагестане хотя обитают народы воинственные, но богатые, промышленные, не разбойники. Главнейшие владетели, многие значительные лица и жители городов решительно держатся нашей стороны. В горах дагестанских сильнейшие владения — акушинские, г.-м. Аслан-хана казикумухского и аварские. Акушинцы с 1819 года остаются нам верными; г.-м. Аслан-хан в продолжении 30-ти лет неоднократно доказывал преданность свою российскому правительству; аварцы в 1830 году разбили скопища Кази-муллы, хотевшего к нам проникнуть, и по сие время нет причины подозревать их в злоумышленности против нас. Прочие поколения гор дагестанских, хищные, но бедные и не весьма многолюдные, могут удобно беспокоить нас набегами легких партий, но, по причине неудобства сообщений, с трудом могут предпринять что-либо значительное."

Итак, богатый и промышленный прибрежный Дагестан с его городами, вольные "республиканские" общины Акуши, генерал-маиор Аслан-хан казикумухский с своим тридцатилетним испытанным двоедушием и сильный аварский народ, традиционно, но далеко не преданно державшийся даже своих собственных ханов — наши союзники и друзья. Кто же рискнет броситься из центра гор к их окраинам, имея в "тылу" у себя, как полагал Розен, столь грозные силы? Свободолюбивые акушинцы, конечно, постоят за свои вековые адаты против покушений духовенства и его излюбленного шариата; аварский, казикумухский и прочие ханы по-прежнему станут извлекать свои выгоды, придерживаясь правила слабого — стоять на стороне сильного; прибрежный Дагестан останется в стороне от главных событий; — но все эти "республики" и все эти ханы, как [533] показали опыты, вовсе не отличались такою предупредительностью к нашим властям, чтобы без всякой надобности для себя выходить за пределы своих владений и, по первому слуху, лететь за Кази-муллою на окраины Дагестана, любезно подставляя лоб под винтовки мюридов.

Но если барон Розен не успел еще узнать края и разобраться в великом разнообразии лиц, событий и условий войны на Кавказе, то главного двигателя этих событий, Кази-муллу, он сумел оценить по достоинству. В официальном документе, вместо презрительных названий мошенника, бунтовщика и злодея, обыкновенно присваиваемых даровитому имаму, говорится о нем как о противнике отважном, предприимчивом, влиявшем на умы горских народов, умевшем искусно скрывать свои цели и обладавшем военными дарованиями, совершенно не свойственными простому горцу.

Еще большая путаница вносилась в соображения барона Розена мнениями, высказанными генерал-адъютантом Панкратьевым и на этот раз даже самим Вельяминовым, по поводу предприятий на текущий год и задуманной корпусным командиром экспедиции против чеченцев. Панкратьев находил, что действия в Чечне до спада листа в лесах сопряжены будут с большими потерями и не приведут ни к каким результатам. Войска, собранные в отряды у Грозной, Темир-Хан-Шуры, Владикавказа, Пятигорска и Темнолесска, должны в течение лета оставаться под ружьем в наблюдательном положении, отражая набеги; осенью же отрядами, сосредоточенными у Грозной и Владикавказа, открыть концентрическое движение в Чечне, а остальным войскам сидеть смирно и наблюдать.

"Главнейшая забота начальства во время нынешнего лета — [530] доносил Панкратьев барону Розену — должна состоять в совершенном обезопасении Пятигорска и большой ставропольской дороги от покушений хищников, ибо малейшая в этих местах тревога во время съезда к водам может произвести большое беспокойство в России и дать самое невыгодное понятие о здешнем начальстве."

Странность подобного взгляда в связи с бездействием, на которое обрекал Панкратьев главную массу кавказских войск чуть ли ни на целый год, следует приписать, конечно, не намерению его жертвовать интересами войны в пользу общественного мнения в России, притом из частных видов кавказского начальства, а боязни этого начальства вызывать осложнения, крайне неудобные при зависимости его от "предначертаний" Паскевича. В частном вопросе о действиях против Чечни генерал-адъютант Панкратьев выразился весьма определенно:

..... "нет никакой возможности действовать в Чечне летом без огромнейшей потери людей и нельзя ожидать от того ни малейшей пользы. Уничтожать чеченские посевы и занимать в

теперешнее время названные места — значило бы начать самую кровопролитную войну без всякой надобности, ибо если предполагается решительная экспедиция против Чечни, то гораздо выгоднее для нас будет найти в чеченских селениях огромные скирды хлеба и сена и лишить их одним ударом всей собственности, т. е. хлеба и скота."

Что касается Вельяминова, то им была высказана смелая и едва ли оправдываемая обстоятельствами мысль об открытии военных действий против чеченцев летом. О спорном вопросе барон Розен доносил графу Чернышеву так:

"Касательно действий в Чечне издавна в кавказском корпусе утвердилось общее мнение об опасности и даже [535] невозможности действовать летом в земле лесистой. Действительно, в лесу мы имеем менее против горцев выгод, нежели на открытом месте, оттого что артиллерия мало может действовать и что, по причине невозможности видеть собственные войска в лесу, затруднительно исправлять ошибки их и поддерживать нужную в действиях их связь. Но сие одно не должно быть причиною чрезмерных потерь; могут быть потери несколько больше тех, кои бывают в местах открытых, но не должны быть слишком велики. и в случае большой потери причину оной надобно более искать в каком-нибудь несчастном обстоятельстве или в ошибке начальника. Наши войска не раз уже с успехом действовали в лесах летом и осенью, покуда не опал лист. Во время управления генерала Ермолова неоднократно предпринимались летом экспедиции за Кубань — и леса тамошние не были нам гибельны. В 1820 году бунт в Имеретии усмирен г.-м. Вельяминовым летом, с незначительною для нас потерею, а Имеретия лесистее Чечни. В 1830 году г.-м. князь Абхазов летом действовал против кистин, джараховцев, галгаевцев и осетин — в их землях есть места также весьма лесистые — но они вскорости покорились. В прошедшем году во время экспедиции г.-л. Панкратьева наши войска с большим успехом действовали в Табасарани, где также большие леса, причем генерал Панкратьев направил в обход войска через лес и сие вскорости решило успех сего дела.

Полагаю, что в позднее осеннее и зимнее время, т. е. когда нет на деревьях листьев, почитаемых столь опасными, сражения в лесах представляют почти те же неудобства, какие существуют и летом. Там, где лес состоит из одних больших деревьев и не очень густ можно довольно видеть действующие в оном войска как зимою, так и летом; но когда между большими деревьями есть мелкий, частый, колючий кустарник или когда весь лес состоит из подобного кустарника, то в нем ни зимою, ни летом на некотором расстоянии ничего различить нельзя. Едва [536] стрелковая цепь войдет в опушку, как уже оной не видно; артиллерия как в редком лесе, так и в чаще мало может действовать и зимою, и летом, и посему едва ли зимою в лесистых местах потери должны быть гораздо менее, нежели летом. Впрочем, если осенью и зимою листья делают леса более открытыми, то дожди, снега и холода представляют другие, может быть, важнейшие препятствия; наконец горцам стоит только истребить фураж — и нам тогда действовать невозможно. Недостаток фуража принудил г.-л. Вельяминова остановить последнюю экспедицию свою, в коей, притом в одну ночь, при внезапном сильном холоде более или менее обморозилось довольно большое число людей. Князь Паскевич, вероятно имевший в виду все упомянутые затруднения, полагал однакож в 1830 году действовать в Чечне летом, и только по причине позднего возвращения войск из Турции отложил экспедицию до августа; но тогда холера воспрепятствовала совершить оную."

Построение речи и сущность мыслей, высказанных в приведенном извлечении, заставляют предполагать, что над донесением 11-го мая самолично трудился неопытный Розен; участие же Вельяминова в его соображениях, по-видимому, не простиралось далее проекта летней

экспедиции против чеченцев, которую он находил возможною, рассчитывая, надо думать, на слабое сопротивление неприятеля. По обыкновению, доводы свои Вельяминов подкрепил историческими указаниями, имеющимися в донесении Розена, и между прочим опирался на успех летней экспедиции генерала Панкратьева в 1831 году в лесистой Табасарани.

Конечный вывод из всех рассуждений барона Розена был следующий: 1) Предпринять летнюю экспедицию против чеченцев, соединив отряды, которые будут расположены у Владикавказа и Грозной, так как одно "наблюдательное положение против этого буйного [537] племени будет иметь вредное влияние на других горцев." Поощрить кумыков, карабулаков, ингушей, осетин, даже кабардинцев к содействию в преследовании тех чеченцев, которые станут скрываться в лесах, и, затем, приведя чеченцев к покорности, оштрафовать их за хищничества, наложить на них ежегодную подать н обязать их по делам своим относиться в Грозную, где учредить управление, подобно владикавказскому. Все это казалось Розену легко, возможно и доступно. 2) Правый фланг, по его убеждению, будет в это время покоен и не станет отвлекать наше внимание, "по причине весенних вод и жаров;" осенью же, с понижением вод, когда закубанцы возобновят набеги, а экспедиция в Чечне окончится — "предпринять деятельные меры" в центре, и тогда только приступить к открытию берегового сообщения между Анапою и Геленджиком. Какое отношение имели закубанцы к центру и какую связь со всем этим имело проведение дороги от Анапы к Геленджику — барон Розен не объясняет, да вряд ли и мог объяснить, так как знал Кавказ лишь по карте и по универсальным предначертаниям Паскевича, которыми подводились под один общий уровень все кавказские племена, точно между ними не существовало никаких различий. 3) Наказать галгаевцев, умертвивших в предыдущем году, по общему заговору, нашего пристава хорунжего Константинова с большею частью находившихся при нем людей, в том числе нескольких тагаурских старшин. 4) В северном Дагестане, успокоенном прошлогодними успехами генерала Панкратьева, барон Розен полагал достаточным расположить у Темир-Хан-Шуры наблюдательный отряд со включением в него милиции из жителей, чтобы "не допустить неблагонамеренных нам людей снова [538] возбудить возмущение." В состав этого отряда, под начальством г.-м. Каханова, предназначались: баталион Апшеронского, 9 рот Куринского, 2 баталиона 42-го егерского полков, донской казачий Шурупова № 13 полк и 7 легких орудий. В Дербенте держать расположенный там линейный № 10 баталион с 3-мя ротами Куринского полка; в Тарках — линейный № 11 баталион; в кубинской провинции — 6 рот Апшеронского полка и часть донского Шурупова полка с 7-ю легкими орудиями. 5) На лезгинской кордонной линии, со стороны которой Розен также не ожидал никаких беспокойств, военные действия устранялись и положение ее считалось более или менее обеспеченным в виду того, что в Закаталах, белаканском редуте и по кордону были расположены 9 рот Грузинского гренадерского, 5 рот князя Варшавского и баталион 41-го егерского полков, при которых находились 4 конных, 4 легких и 2 горных орудия. Но для того, чтобы совершенно предотвратить возможность каких-либо враждебных стремлений со стороны лезгин против джарской области, Кахетии и шекинской провинции, корпусный командир решил содержать на Царских Колодцах наблюдательный отряд из 7-ми рот князя Варшавского и баталиона Тифлисского пехотного полков, Нижегородского драгунского полка, части донского казачьего Платонова № 28 полка с 8-ю батарейными, 2-мя легкими и 4-мя конными орудиями, под начальством г.-м. Карпова, которому поручить, по случаю болезни и отпуска генерала Реутта, и управление джарскою областью. 6) В Тифлисе и вблизи его для содержания караулов, производства работ и, в случае надобности, для подкрепления угрожаемых пунктов расположить, кроме линейного № 12

баталиона, 3 роты Херсонского гренадерского и часть Грузинского гренадерского подков, [539] учебный баталион, составленный из команд всех полков, находящихся в Закавказьи, 2 роты кавказского саперного баталиона, 12 батарейных и 12 легких орудий. 7) В бакинской провинции и в талышинском ханстве — линейные баталионы №№ 8 и 9; в ширванской провинции 1-2 роты Апшеронского полка, 5-я резервная батарейная рота 22-й артиллерийской бригады (12 орудий налицо и 6 в командировке); в Нухе — одна рота 42-го егерского полка с 2-мя легкими орудиями. В случае надобности предполагалось притянуть сюда три роты 42-го егерского полка, занимавшие Шушу вместе с линейным № 7 баталионом, и собрать местную милицию. Казачьи полки Александрова № 2 и Победнова № 29 расположить в мусульманских провинциях, на постах и на границе для содержания карантинно-таможенной охраны. 8) В армянской области — 2 баталиона Тифлисского полка и линейные №№ 5 и 6 баталионы с казачьим Шамшева № 27 полком и 4-мя легкими орудиями. 9) На границе карсского и ахалцыхского пашалыков — линейные баталионы №№ 2, 3 и 4 с частью казачьего г.-м. Сергеева № 31 полка, подкрепленного командами казаков из других полков. 10) В Карталинии и по военно-грузинской дороге до Кайшаура — баталион Херсонского гренадерского полка с частью казачьего Сергеева полка, а на почтовых постах и в других местах Грузии — казачьи полки г.-м. Леонова № 7 и Студеникина № 26. 11) В Имеретии, Мингрелии, Гурии и Абхазии — по-прежнему 3-я бригада 22-й пехотной дивизии с 12-ю легкими, 2-мя горными орудиями и казачьим Попова № 50 полком. 12) На кавказской линии: а) на правом фланге, за Кубанью и в Черноморьи — баталионы 1-ой и 2-ой бригады 20-й пехотной дивизии, кавказские линейные №№ 1 и 2 баталионы и черноморские казаки с 28-ю легкими и 12-ю конными [540] орудиями, кроме гарнизонных; б) в центре, от Черноморья до Моздока и по военно-грузинской дороге до Кайшаура — 4 баталиона 1-ой и 2-ой бригад 20-й пехотной дивизии, 39-й егерский, Тенгинский, Навагинский и Кабардинский пехотные полки, линейные кавказские №№ 3, 4, 5 и 6 баталионы, 7 донских, 4 черноморских, 5 линейных казачьих полков и, кроме гарнизонных орудий, расположенных по укреплениям и станицам, 12 батарейных, 12 легких и 12 конных орудий; в) на левом фланге линии — 43-й егерский полк, кавказские линейные №№ 7 и 8 баталионы и 4 казачьих линейных полка с 6-ю легкими и 6-ю конными орудиями, кроме гарнизонных.

За исключением перечисленных войск, оставались свободными в Закавказьи: по два баталиона Эриванского карабинерного и 41-го егерского полков, рота сапер, 8 орудий кавказской гренадерской легкой № 2 роты и донской казачий Карпова полк. В течение мая месяца они должны были выступить к Владикавказу и вместе с 6-ю горными орудиями обеспечивать эту крепость, охранять военно-грузинскую дорогу и угрожать всем окрестным горским народам. Для удержания же чеченцев от нападений на линию барон Розен решил сосредоточить в Грозной 2 баталиона Херсонского гренадерского и Эриванского карабинерного полков, 4 баталиона Московского и Бутырского подков, 3 баталиона 40-го егерского полка, 17 легких, 10 конных орудий и нужное, по обстоятельствам, число линейных казаков.

В дополнение к войскам имелось в виду собрать охотников из наших мусульман, турецких и персидских переселенцев и грузин.

Таковы были предположения барона Розена о военных действиях на 1832 год и дислокация войск, составлявших отдельный кавказский корпус. Войскам, [541] назначенным в действующие отряды приказано быть готовыми в течение июня, но самые действия барон

Розен "не осмеливался начать без высочайшего соизволения, ибо частные экспедиции воспрещено предпринимать." На этот раз воспрещения однако не последовало: Император одобрил как предположения, так и дислокацию войск. Уведомляя об этом барона Розена, управляющий главным штабом писал 18:

"Его Величество, рассмотрев предложения ваши во всей подробности и вообще одобряя оные, изволил насчет некоторых объявить следующие назначения:

1) Если невозможно будет в сем году провести к Геленджику линию через горы от ольгинского редута, то весьма желательно было бы открыть временное береговое сообщение между Анапою и Геленджиком через Суджук-кале, но в таком только случае, когда может быть некоторая уверенность в успехе.

2) Начать действия против чеченцев лучше всего в конце июля или в начале августа месяца, когда уже жары не столь изнурительны и наступит время самого поспетия хлеба, дабы тем не дать им возможности собрать оный и скрыть свои запасы.

3) Преследовать непокорных чеченцев, срывающихся в лесах, соседними горскими поколениями, предоставляя сим последним всю добычу, которую они приобресть могут, Его Величество считает и возможным, и полезным, ибо оно укоренит между ними вражду и помешает общему соединению против нас; зажигать же леса, в которых чеченцы искать будут убежища, по мнению Его Величества, будет затруднительно.

4) Наказать галгаевцев нужно непременно, но притом преимущественно действовать через обиженных и враждебных с ними горцев."

Одновременно с этим граф Чернышев писал [542] барону Розену особое письмо 19 с указанием будущей системы действий, которое имеет тем большее историческое значение, что излагает взгляды Императора Николая на благоприятные перемены, последовавшие в кавказском крае за время управления им графа Паскевича. Эти взгляды, конечно, основаны на донесениях фельдмаршала, которые никогда не заключали в себе невыгодных для него частностей. Письмо было следующее:

"М. Г. барон Григорий Владимирович. Государь Император, сравнивая положение закавказского края до 1826 года с тем, до коего край сей доведен с того времени, во многих отношениях изволит находить разительную между сими двумя эпохами противоположность. Так, с одной стороны, татарские поколения. населяющие пограничные с Турциею и Персиею провинции наши, в неприязненном к правительству нашему расположении при вторжении персиян в 1826 году, обратили оружие свое против войск российских и всемерно облегчали неприятелю быстрый вход в средину земли и первоначальные его угодья. Спустя два года сии же татарские поколения стремились уже к цели противоположной. С начала этого же года из среды их почетнейшие люди начали появляться в рядах наших войск, а в 1829 году они образовали несколько полков отборной конницы, которая храбро и верно служила нам против своих единоверцев. С другой стороны, не менее успешно утверждена была внутренняя безопасность и тишина за Кавказом. В продолжении войн персидской и турецкой, когда в областях, правительству нашему подвластных, по удалении войск можно было опасаться злонамеренных покушений разноплеменных народов, оные населяющих, спокойствие не было нарушаемо. Напротив того, предпринятые распоряжения повсеместно исполнялись беспрекословно и успешно.

Таковое положение дел не могло не иметь сильного влияния и на частное благосостояние жителей, а вместе с тем должно [543] было внушить и утвердить всеобщую доверенность к правительству, ближайшим последствием коей было переселение в наши пределы до 150 тысяч армян, толпами стремившихся в Грузию как из Персии, так из окрестностей Эрзерума, Карса и Баязета. Восходя к причинам событий столь благоприятных, Его Императорское Величество изволит находить оные в различии правительственных систем — действовавшей прежде и впоследствии принятой. Недостатки первой обнаружены и доказаны опытом; последнею, напротив того, опасные по многочисленности своей и воинственному духу обитатели пограничных наших областей превращены в верных оберегателей оных, возвышено внутреннее благосостояние закавказского края вообще, наконец утверждена доверенность к правительству и сим положено прочное основание всякому будущему усовершенствованию внутреннего устройства.

По сим уважениям, почитая всякое возвращение или даже приближение к прежней системе решительно невозможным, Его Императорское Величество в твердой пребывает надежде, что ваше высокопревосходительство, разделяя таковые Государя Императора виды, расположили все действия и предприятия свои по началам, основательность коих дознана опытом пятилетних успехов. Впрочем, Его Величество, не стесняя нисколько вас, милостивый государь, в распоряжениях ваших во всех тех случаях, где по стечению обстоятельств могут сделаться неизбежными частные изменения в предначертаниях, изволил признать нужным, в дополнение к прежним указаниям, по высочайшей воле вам сообщенным, поставить ваше высокопревосходительство в ближайшую известность о мнении Своем насчет того, какими правилами главное начальство закавказского края должно бы руководствоваться в различных отношениях своих к вверенным оному разноплеменным народам, и вообще в исполнении и дальнейшем развитии предстоящих оному распоряжений по всем частям управления."

Барон Розен отвечал Чернышеву прямодушным [544] письмом 20, в котором обрисовалось истинное положение дел на Кавказе далеко не в том виде, в каком доносилось о нем Государю при князе Паскевиче. О доверии к нашему правительству разноплеменных народов Кавказа Розен выразился так:

……. "Может быть оно и более возросло между поколениями спокойными, но горские непокорные нам жители, зная обнаруженное в 1830 году намерение к общему покорению их, не могут иметь никакого к нам расположения, но напротив, пришли в общее против нас раздражение, как сие объяснено в отношении к вашему сиятельству князя Паскевича от 22-го января 1831 года, № 81.”

Касательно успешного привлечения к нам на службу временной милиции из туземцев в письме сказано:

"Народы здешние, имевшие собственных самовластных владельцев и приученные ими к беспрекословному повиновению, с давнего времени исполняют смело все распоряжения начальства, но только нужно с особенною осторожностью н незаметным образом приступать к изменению их обычаев; малейшая неосторожность в сем последнем может легко произвести здесь беспокойство. В 1829 году князь Паскевич сделал, сообразно с местностью, распоряжение для сбора ополчения из грузин и мусульман. Последнее произведено было военным начальством успешно, но небольшие опрометчивые отступления от правил

грузинским гражданским начальством произвели недоверчивость и беспорядки в народе, и главнокомандующий предпочел отменить сбор грузинского ополчения.

Верная служба мусульманских полков в прошедшую турецкую войну не удостоверяет еще вполне постоянную и неизменную преданность здешних магометан. Со времени Петра I, при благоприятных для нас обстоятельствах, народы здешние всегда принимали нашу сторону, поощряемые наградами и [545] вниманием начальства, часто усердно служили нам. В 1826 году при самом вторжении персиян, грузины и мусульмане дистанций, не занятых персиянами, служили вместе с войсками нашими, были в сражениях при Шамхоре и Елизаветполе, где многие отличились. В прежнее же время не было составляемо здесь полков оттого, что конница здешняя, всегда служившая с войсками нашими, не получала от казны никакого содержания, выключая провиант в некоторых особенных и весьма редких случаях, а посему нельзя было оной собирать на долгое время в виде полков; в 1829 же году, сверх наград, на месте отличия полученных, назначено для мусульман значительное содержание, что дозволяет удерживать их на службе в более правильном составе. Вообще же только могущество наше, а более страх наказания удерживает закавказских мусульман в повиновении: изуверство и веками укоренившиеся предрассудки заставляют их видеть в нас непримиримых врагов своих, и при всяком неблагоприятном обстоятельстве долго еще должно будет опасаться общего против нас восстания их. Убедительным доказательством служит вторжение в талышинское ханство в начале 1831 года Мир-Гассан-хана, который, войдя и не имев при себе и 50-ти человек, успел вскорости возмутить весь округ сей. Впрочем, кроме частью образовавшегося и вообще начинающего образовываться грузинского дворянства, вполне полагаться нельзя и на христиан. Полудикое состояние, в коем мы нашли их и в коем значительная часть оных и поныне находится, заставило нас принимать деятельные меры для приведения их в порядок и в устройство, в чем уже сделано много успехов; но сие борение с укоренившимися предрассудками и обычаями не доставило еще нам общей привязанности."

С полною откровенностью высказался барон Розен также о переселении армян, поставленном в заслугу князю Паскевичу, беспристрастно оценил состояние внутренней безопасности в Закавказьи и впервые указал [546] на армянские происки с вредным для нас политическим направлением.

"Армяне еще при генерал-фельдмаршале графе Гудовиче и впоследствии переходили к нам в довольно значительном числе, но никогда для сего не были столь благоприятны обстоятельства, как в 1828 и 1830 году; знаменитые победы и блистательные военные успехи, сделанные им обещания, доставленные от правительства пособия, особенно опасение мщения со стороны персиян и турок, решили их почти к общему переселению, побуждавшемуся непомерным властолюбием корыстолюбивого духовенства. Между тем, хотя правительство и нашлось в необходимости пожертвовать большими для сих переселенцев издержками, которые и до сего времени продолжаются, но состояние их, особенно переселенцев эрзерумских, далеко еще от посредственного положения, которым бы они были довольны. При сем нельзя не сказать, что при переходе армян в наши границы весьма многие мусульмане в то же время удалились в Персию и Турцию из вновь присоединенных к нам земель; особенно в ахалцыхском пашалыке почти вовсе не осталось турок, кроме тех санджаков, которые, по неокончанию разграничения, неизвестно кому еще достанутся.

Утверждение внутренней безопасности в закавказском крае начало водворяться при генерале от инфантерии Ртищеве, по усмирении кахетинского бунта в 1812 году, и, по заключении им Гюлистанского трактата постепенно возрастая, имело очевидное влияние на частное благосостояние жителей. Может быть, сия внутренняя безопасность и спокойствие и не поколебались бы и при вторжении персиян в 1826 году, если б, по принятой перед тем системе, не были удалены из ханств своих ханы, которые служили нам в самое беспокойное время Грузии и во время войны с французами, когда средства наши были весьма здесь ограничены. Опасаюсь, чтобы ныне европейская таможенная система не остановила успехов благосостояния, а уничтожение военного управления и учреждение новых губерний и уездов в магометанских [547] провинциях и в армянской области на положениях, приноровленных к нашим, если оное последует, может по крайней мере в течение весьма продолжительного времени казаться для закавказских жителей совершенно обременительным, более расположит их к неудовольствиям и ропоту и усилит в мусульманах ненависть к христианам, а армян поощрит к распространению происков, им сродных, и найдутся между ними такие, которые, видя неудовольствие своих, будут распространять мысль, о какой-то возможности для сего народа самобытности. Мысль сия издавна гнездится в умах всех армян, где бы они ни находились, и всегда поддерживается их главными лицами духовенства из видов властолюбия над народом, погруженным в невежество, но помнящим, по преданиям, самобытность свою и полагающим, что власть духовная заменила у них власть правительственную."

Донесение заканчивалось следующими полными преданности Государю и долгу словами:

"Высочайшая воля Государя Императора для меня всегда была и будет священна; но, ознакомившись уже несколько с здешним краем, счел я всеподданнейшим долгом повергнуть на высочайшее Его Императорского Величества благоусмотрение истинное положение оного."

Правдивое возражение барона Розена, изложенное в строгом соответствии письма графа Чернышева и потому не касавшееся северного Кавказа, где было несравненно хуже, чем в Закавказьи, пророчески предсказывая будущие восстания против нас мусульман и точно обрисовывая армянское население с его стремлениями к независимости, обращало в ничто все восхваления эпохи графа Паскевича и указывало на шаткость того начала, из которого они были почерпнуты; самого же Паскевича оно низводило с пьедестала выдающегося правителя края, который во внутреннем управлении едва ли был ему многим обязан. [548]

Однако не все вопросы, возникнувшие с новым управлением, были разрешены и покончены. Оставался один, притом очень важный — о частных экспедициях, которые были высочайше воспрещены. Этот вопрос, решительно связывавший руки командующим войсками на линии, отзывался также неудобством и на общем военном управлении. Но благодаря случайному обстоятельству, в котором выразились ум и энергия Вельяминова, и этот вопрос разрешен был Государем утвердительно, хотя и с некоторыми ограничениями.

Случайным обстоятельством, о котором здесь говорится, была экспедиция, предпринятая Вельяминовым в январе описываемого года против чеченцев, и переписка, возникнувшая по этому поводу, с оправдательными объяснениями Вельяминова.

Комментарии

1. Вступил в командование отдельным кавказским корпусом 8-го октября 1831 года.

2. Секр. дело 2-го отд. ген. шт. 1830 г. № 1/99.

3. Дело 2-го отд. ген. шт. 1832 г. № 26.

4. Дело 2-го отд. ген. шт. 1832 г. № 47.

5. Чумескентском.

6. 12-го ноября 1831 г. Дело 2-го от. ген. шт. 1831 г. ч. IV. № 4.

7. Там же.

8. 24-го декабря 1831 года. Дело 2-го от. ген. шт. 1832 г. № 20.

9. Дело 2-го отд. ген. шт. 1832 г. № 26.

10. Дело то же.

11. От 1-го и 13-го февраля 1832 года. Дело 2-го от. ген. шт. 1332 г. № 20.

12. Документа этого в архиве окружного штаба не нашлось, но о нем упоминается в донесении барона Розена графу Чернышеву от 11-го мая 1832 года, № 361.

13. Записка помечена 2-м апреля 1832 года. Дело от. ген. шт. 1832 г. 26.

14. Мемория озаглавлена Вельяминовым: "О Кавказе и о кавказской линии". Она до сих пор не появлялась в печати ни полностью, ни в извлечениях. Один из дубликатов ее, за подписью самого Вельяминова, имеется в архиве штаба кавказского военного округа, в секретном деле 2-го от. ген. шт. 1834 г. № 30, ч. I.

15. Считая с 1830 года.

16. Городок Эндери мы переименовали в деревню "Андрееву."

17. Дело 2-го отд. ген. шт. 1832 г. № 26.

18. 27-го мая № 761. Дело 2-го отд. ген. шт. 1832 г. № 26.

19. Там же.

20. 16-го июня, № 24. Дело 2-го от. ген. шт. 1832 г. № 26.

Текст воспроизведен по изданию: Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник, Том 15. 1894

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

ВОЙНА НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

С 1824 ПО 1834 г.

В СВЯЗИ С МЮРИДИЗМОМ

XXI.

Прибытие на левый фланг незначительных подкреплений. Поиск подполковника Засса. Зимняя экспедиция Вельяминова против чеченцев: действия его в Аухе и Салатавии; уничтожение аулов на Сунже 21. Неудовольствие Государя и оправдания барона Розена. Ответ Вельяминова. Государь разрешает частные экспедиции.

Известно, что Вельяминов постоянно жаловался на недостаток войск на левом фланге, не допускавший его действовать в размерах, соответствовавших необходимости. В усилении из Дагестана ему было отказано, а взамен того высланы из Закавказья 2-й [549] баталион Херсонского гренадерского, 3-й баталион Эриванского карабинерного полков и 4 орудия конно-казачьей № 3 роты. Эшелон этот прибыл в отряд, расположенный близь кр. Грозной, 14-го декабря 1831 года. На всеподданнейшее ходатайство барона Розена об усилении войск левого крыла получен в январе 1832 года решительный отказ, но вместе с тем сделана необходимая уступка — оставлен на линии донской казачий Басова полк до усмирения мятежа или до с.мены его другим полком. Вельяминов подчинился необходимости и, не распуская отряда у Грозной, решил беспокоить неприятеля и отвлекать внимание его от наших пределов. Так, 23-го декабря 1831 года он направил в набег командира Моздокского казачьего полка подполковника Засса, который разорил по правую сторону Сунжи несколько чеченских хуторов, лежащих против с. Чертугая, и доставил в лагерь трех пленных женщин и до 250 голов скота. При этом набеге неприятель оставил на месте 7 тел, кроме унесенных им убитых и раненых, а мы с своей стороны лишились ранеными двух офицеров и 27 нижних чинов.

В отсутствие Засса в Грозную пришло известие о новом сборе в ауховских деревнях скопища горцев. Этого было достаточно, чтобы энергический Вельяминов на другой же день, 24-го декабря, двинулся в путь. В состав колонны, которую он взял с собою, вошли: вновь прибывшие баталионы Херсонского и Эриванского полков, по баталиону от Московского и Бутырского полков, 10 рот 40-го егерского и сводная рота 43-го егерского полков, 300 казаков Моздокского полка, 11 орудий № 1 роты 20-й и 2 орудия № 2 роты 22-й артиллерийских бригад, 3 орудия конно-артиллерийской казачьей № 6 и 4 орудия донской казачьей № 3 рот. В день [550] выступления войска ночевали в Старом-юрте, а 25-го числа в Брагунах. Далее дорога оказалась до того плохою, что к полудню следующего дня отряд достиг только Амир-Аджи-юрта, а обозы, следуя по мерзлой грязи и глубоким колеям, стянулись лишь к вечеру. Не ожидая обоза, которого приказал задержать на ночлег в укреплении, Вельяминов направился к Таш-Кичу. Проведя здесь весь день на отдыхе и выждав прибывший к 9-ти часам вечера обоз, он выступил в 11 часов ночи к главному населенному пункту Ауха — деревне Ярыксу-Аух, насчитывавшей не менее 500 дворов. Чтобы облегчить движение отряда, он взял с собою весьма небольшое число повозок. Переправа у Баташ-аула через Яман-су благодаря

оледенелому подъему, продолжалась слишком долго, около 3-х часов, а потому к рассвету войска находились по крайней мере в 15-ти верстах от Ярыксу-Ауха. Хотя Вельяминов и не надеялся скрыть движение отряда, тем не менее продолжал идти с решительным намерением истребить деревню, служившую одним из важных неприятельских притонов. Опасения его однако не оправдались, и отряд беспрепятственно проследовал более 10-ти верст, не заметив никаких мер предосторожности со стороны горцев. В верстах 4-х от селения находился небольшой неприятельский караул, поспешивший скрыться при появлении казаков — обстоятельство, указывавшее на внезапность набега, в чем мы и удостоверились по занятии аула, в котором нашли не тронутым все имущество жителей. Между расположением караула и селением простирался версты на две лес, в котором беспрестанно попадались засеки. Растаскивая их, войска замедлили движение, что дало возможность горцам собраться на последних четырех засеках в числе 500 человек и вступить с нами в [551] бойкую перестрелку. Приближаясь к аулу, Вельяминов вызвал из авангарда два орудия для действия по ближайшим постройкам, а баталиону Московского пехотного полка приказал занять дома, находившиеся на двух соседних с деревнею возвышенностях. Занятие позиций, особенно артиллериею, происходило весьма медленно, но развязка не заставила себя долго ждать. Лишь только Бутырский и 40-й егерский полки со сводною ротою 43-го егерского полка спустились к деревне, как началось бегство жителей с семействами в ближайшие ущелья и леса. Оказавшие сопротивление были очень скоро выбиты посланными полками, без помощи подкреплений, а прибывшие затем баталионы Херсонского гренадерского и Эриванского карабинерного полков заняли уже очищенную часть аула. Артиллерия, по свойству местности, мало могла содействовать пехоте, отчего потеря наша была несколько значительнее обыкновенного. У нас убиты Бутырского пехотного полка прапорщик Марковский и 6 нижних чинов; ранены того же полка капитан Андреевский-Милевский и штабс-капитан Восецкий и 40-го егерского полка прапорщик Карсакевич; нижних чинов — 33. Неприятель оставил в наших руках 30 тел. По занятии Ярыксу-Ауха горцы ежедневно тревожили нас перестрелками, во время которых убиты у нас 2 и ранены 24 нижних чина. Это не помешало, впрочем, старшинам явиться к Вельяминову с покорностью и согласиться на все его требования, испрашивая одной лишь милости — нескольких дней для сбора рассеявшихся жителей и окончательного улажения с ними дела. Вельяминов согласился на отсрочку, но прибытие к ним сподвижника Кази-муллы Гамзат-бека с некоторым подкреплением, прекратило переговоры. Было очевидно, что горцы воспользовались отсрочкою не для [552] сбора своих семейств, на что не требовалось более одного дня, а для сношений с имамом, который и не замедлил поддержать их небольшими партиями, отправленными с Гамзат-беком. Значительное число раненых воспрепятствовало Вельяминову продолжать истребление ауховских деревень, почему, приказав совершенно уничтожить Ярыксу-Аух со всеми оставшимися в нем хлебными запасами, он выступил обратно, 4-го января, в Таш-Кичу. Во время следования отряда мелкие партии несколько раз пробовали атаковать арриергард, но были отбрасываемы картечным огнем, благодаря которому потеря наша ограничилась 2-мя убитыми и 6-ю ранеными нижними чинами.

Пробыв в Таш-Кичу 5-е и 6-е января и отправив раненых на линию, Вельяминов выступил 7-го числа в сумерки к д. Акташ-Аух. Проходя мимо Внезапной, он присоединил к себе сводный баталион 42-го егерского полка с 2-мя орудиями резервной батарейной № 5 роты и с ними продолжал движение дальше. Несмотря на дурную дорогу, пролегавшую по густому кустарнику и мелколесью, отряд на рассвете 8-го января находился уже в 4-х верстах от

деревни, где также не ожидали наших войск, что доказала встреча с жителями, сопровождавшими арбы, нагруженные сеном. Из них казаки захватили 8 человек в плен и 4-х, не хотевших сдаться, убили; остальные успели скрыться в лес. В 2-х верстах от Акташ-Ауха крутой и обледенелый спуск значительно задержал отряд. Тем временем караул, находившийся на другой стороне р. Акташа, дал знать о нем, вследствие чего приблизившийся к аулу авангард был встречен выстрелами из готового окопа. Осмотрев местность, Вельяминов приказал баталиону Эриванского карабинерного полка [553] обойти окоп вправо, по скату горы, куда ввезли также и 4 орудия для действия по закрытию продольным огнем. После нескольких пушечных выстрелов защитники бежали в деревню, преследуемые сначала карабинерами, а затем и остальными войсками. Деревня быстро перешла в наши руки, а неприятель удалился за р. Акташ, к новому поселению беглых андреевцев, для обороны которого также были устроены два завала на подъеме крутого берега речки. При занятии Акташ-Ауха урон наш заключался в 2-х убитых и 6-ти раненых нижних чинах; потеря горцев определялась в 10 человек. Семейства жителей со всем имуществом скрывались в лесах еще со дня занятия нами Ярыксу-Ауха.

На другой день Вельяминов решил занять деревни новую Андрееву и лежавшую в 2-х верстах от нее, по ту сторону р. Акташа, Юрт-Аух. Чтобы ослабить оборону противоположного берега реки н тем уменьшить нашу потерю, которая могла быть весьма значительною, судя по местности, очень удобной для защиты, он устроил батарею на 3 орудия для продольной стрельбы по обоим упомянутым завалам. Вместе с тем он приказал зажечь Акташ-Аух, а войскам расположиться в боевом порядке вне его, против завалов. Устрашенные пожаром деревни и приготовлением к бою, старшины Акташ и Юрт-Ауха, а также и андреевские беглецы явились к нам 10-го числа на рассвете с совершенною покорностью и заявили, что горцы, видя невозможность держаться в устроенных ими завалах, бежали; оставил их и Гамзат-бек с своею партиею. Вельяминов объявил им требования, на которых они могли получить пощаду: 1) дать новых аманатов, не получая обратно прежних; 2) возвратить наших пленных; 3) заплатить по 5 рублей серебром с двора штрафа и [554] впредь ежегодно платить подать по рублю серебром с двора. Так как, по недостатку денег, горцы не в состоянии были выполнить последнее условие, то Вельяминов согласился принимать оружие и брать в залог людей из лучших семейств. Нуждаясь, кроме того, в продовольственном скоте и рассчитывая увеличением мясной дачи уменьшить пропорцию хлеба, чтобы с имевшимся десятидневным провиантом продлить в случае надобности поход, он приказал им доставить 200 голов рогатого скота взамен тысячи рублей серебром. Дозволено было также андреевцам вернуться на прежнее жительство, чем и воспользовались многие семейства, немедленно тронувшись в путь. Пока акташ-ауховцы собирали оружие, Вельяминов ввел в поселение андреевских беглецов 40-й егерский полк и предал его истреблению; затем уничтожены были все завалы и окопы, возведенные для защиты этого разбойничьего гнезда. Устроив таким образом дела, по-видимому исключавшие необходимость возвращаться целым отрядом к какому-либо из наших укреплений для пополнения запасов, Вельяминов решил двинуться прямо в Салатавию, откуда стали приходить тревожные слухи, но недостаток в продовольствии принудил его отправить 14-го января Московский пехотный полк в кр. Внезапную и в укрепление Таш-Кичу за провиантом и за частью остававшегося там обоза. В это время пришло известие что Гамзат-бек снова собрал партию, составленную из рассеявшихся после занятия нами Акташ-Ауха аварцев и жителей Черных гор, и остановился с нею в салатавской деревне Дылым, в 8-ми верстах от Акташ-Ауха. Туда же 13-го числа прибыл и Кази-мулла с

другою небольшою партиею, тотчас приказавший жителям укрепляться и собирать [555] продовольствие в окрестных деревнях. Прибытие его, конечно, поколебало готовых подчиниться нам горцев и усилило волнение в Салатавии, тем более, что утвердившись в Дылыме, имам разослал во все окрестности воззвания, приглашавшие жителей к сбору. Вельяминов не стал медлить. В тот же вечер, 14-го числа, он начал переправляться через Акташ к Ново-Андреевой, рассчитывая ночью подойти к Дылыму, а с рассветом напасть на Кази-муллу. К сожалению, весьма крутые берега речки, при очень скользкой дороге, до того замедлили переправу, что она окончилась только в 10 часов утра 15-го числа. К довершению неудачи, впереди предстояла другая переправа, еще более затруднительная, через речку Сала-су, отделяющую ауховцев от салатавцев и впадающую в Акташ. В облегчение последней переправы Вельяминов поспешно устроил три батареи, каждую на 2 орудия, для обстреливания части хребта, называемого Гебек-кала, который возвышался на противоположном берегу Сала-су и был покрыт лесом. Неприятель, против ожидания, встретил нас на переправе огнем одного лишь караула, вследствие чего авангард, состоявший из 40-го егерского полка и сводной роты 43-го егерского полка, беспрепятственно поднялся на береговые возвышения и, обогнув хребет, остановился на плоскости, давая артиллерии и обозам время стянуться к месту своего расположения. Прибывшие тем временем из Дылыма новые толпы горцев заставили Вельяминова усилить стрелков и резервы 40-го егерского полка, занимавших вершину Гебек-кала, баталионом того же полка, но едва успел посланный баталион подняться до полугоры, как сильный неприятель, маскированный местностью, открыл меткий огонь. Находя невозможным овладеть с этой стороны [556] вершиною без большого урона, Вельяминов приказал баталиону возвратиться назад, но медленное исполнение отданного приказания командиром 40-го егерского полка подполковником Сипайло повело к тяжелым и напрасным потерям: прапорщик Щеголев и сам Сипайло, оказавший большие заслуги в минувшем году у Внезапной, были убиты; тут же в короткое время легло 6 убитых и 32 раненых нижних чина. Между тем баталион Херсонского гренадерского полка, посланный в обход Гебек-кала, молодецки достиг ее при содействии 2-х орудий 5-й резервной батарейной роты 22-й артиллерийской бригады. Горцы, видя усилия, с которыми гренадеры взбирались на крутую гору по глубокому снегу, всеми силами старались опрокинуть их и даже несколько раз бросались в шашки, но не имели ни малейшего успеха. В то же время 40-й егерский полк, подвигаясь вперед, постепенно занимал высоты. Неприятель, опасаясь попасть под перекрестный огонь, начал отступать и, без сомнения, оставил бы в наших руках не мало пленных, если бы горно-лесная местность не помешала употребить в дело казаков. В бою участвовало до 2-х тысяч горцев, которыми лично руководил Кази-мулла; общую потерю их определяют в 80 человек, из коих на месте осталось 32 тела. Наш урон, сверх ,вышеприведенных потерь баталиона Сипайло, состоял из 3-х убитых и 19-ти раненых нижних чинов.

По окончании дела, отряд остановился на ночлег в 5-ти верстах от Дылыма, а 16-го числа занял его без всякого сопротивления. Салатавцы прислали к Вельяминову депутатов с выражением покорности, но он отказался принимать их предложения до тех пор, пока будет терпим между ними Кази-мулла, находившийся тогда с остатками своей партии в ауле Гуни. По [557] неизвестным причинам Кази-мулла удалился, и Вельяминов объявил салатавцам свои требования: они обязаны были возвратить всех пленных, взятых и доставшихся на их долю в Кизляре, внести с каждого двора по 5 рублей серебром штрафа н ежегодно платить по рублю серебром подати. Распоряжение было принято, но через день жители Зубута и

небольшого аула Иха остановили Кази-муллу и отказались выполнить наши требования. Вельяминов, пробыв в Дылыме до 23-го числа, выступил к Зубуту и поднялся на гору Дюз-тау. Этого было достаточно, чтобы зубутовцы поспешно выпроводили от себя Кази-муллу и принесли полную покорность. Вельяминов возобновил свои требования, которые на этот раз были беспрекословно выполнены салатавскими и ауховскими деревнями. К 1-му февраля он собрал штрафных и податных за полгода денег 1232 рубля серебром, принял оружия в залог на 211 руб.иен серебром и получил скота, нужного для войск, на 1183 рубля 50 копеек серебром. Рогатый скот, принимаемый в счет штрафных денег, облегчая жителям выполнение наших требований, избавлял нас от необходимости возвращаться к магазинам и беспрестанно прерывать ход военных действий. На жителей Черкея, добросовестно выполнивших обязательства, данные ими генералу Панкратьеву, Вельяминов наложил одну только ежегодную подать, предложил обменяться пленными и приказал представить вознаграждение тем из кумыкских князей и узденей, которые во время прошлогоднего мятежа потерпели от них убытки. От прочих салатавских деревень взяты без всякого обмена 16 кизлярских пленников и 15 кумыкских семейств. В обеспечение не полученных еще денег салатавцы выдали 9 заложников из [558] значительнейших семейств; аманаты же их, на основании условия заключенного с генералом Панкратьевым, подлежали замене другими. От аулов, участвовавших во всех предприятиях Кази-муллы, Вельяминов взял новых аманатов, не возвращая прежних. Жители Андреевой, Костека, Кази-юрта, Темир-аула, Чонт-аула и прочих кумыкских селений, перешедшие во время мятежа к ауховцам и салатавцам, все почти возвратились на прежние места жительства. Небольшая часть их, еще остававшаяся между салатавцами, беспрестанно выходила оттуда, и не подлежало сомнению, что скоро все кумыки возвратятся в свои дома. Они находились в самом жалком положении и, по замечанию Вельяминова, могли сколько-нибудь поправиться не ранее пяти или шести лет.

Окончив дела в Салатавии, отряд выступил 10-го февраля из Таш-Кичу в Амир-Аджи-юрт, где остановился для пополнения фуража, а также для беспрепятственного сношения полков с их штабами, что вызывалось различными потребностями войск, находившихся в походе. 11-го числа он передвинулся к селению Брагуны, а на другой день к Горячеводскому укреплению, куда вместе с ним, по предварительному распоряжению, пришли казаки от Моздокского, Гребенского и Терского Семейного полков, в числе более 800 человек, которые во время пребывания войск в Таш-Кичу, по недостатку там фуража, отпущены были на линию. 13-го февраля отряд прибыл к Грозной. Вельяминов намерен был в ту же ночь выступить в Чечню, чтобы с рассветом неожиданно напасть на деревню Ачхой, в 55-ти верстах от Грозной, вверх по Сунже, но сильная метель задержала его на один день. 15-го вечером он выступил со 2-м баталионом Херсонского [559] гренадерского, 3-м Эриванского, одним баталионом Московского и одним Бутырского полков, 11-ю орудиями № 1 роты 20-й артиллерийской бригады, 2-мя орудиями № 2 роты 22-й артиллерийской бригады, 8-ю орудиями донской № 3 и казачьей линейной № 6 конных батарей и с 800 казаками упомянутых трех полков. С восходом солнца отряд прибыл, двигаясь по глубокому снегу, к Казах-Кичу, в 40 верстах от Грозной. Заметив приготовления к обороне, Вельяминов выставил батарею из 12-ти орудий и, обстреляв ими аул, приказал занять его баталионам Эриванского карабинерного, Московского и 40-го егерского полков. Приказание было исполнено в течение получаса, после чего пехота с артиллериею разместились на более важных пунктах. В деревне найдено было много фуража и хлеба в зерне, а потому отряд простоял в ней весь следующий день, уничтожая запасы. 17-го числа он двинулся вверх по левому берегу Сунжи для истребления возмутившихся чеченских

аулов. Мороз доходивший вечером до 17°, во время марша и особенно к утру до того усилился, что в отряде оказалось 49 тяжело и 153 легко обмороженных нижних чинов; сверх того, совершенно замерзли 1 унтер-офицер и 3 рядовых, бывшие в нетрезвом виде. Уничтожив попутный аул Алборю, войска заняли того же 17-го числа большие, а 18-го и малые Самашки, куда стали приходить жители ближайших деревень с покорностью и согласием принять все требования Вельяминова. Командующий войсками пощадил их дома и имущество, но жилища и собственность непокорных продолжал предавать истреблению. Так были уничтожены: 19-го числа с. Гала-юрт, 20-го Закян-юрт, 21-го большой Кулар, 22-го малый Кулар и 23-го Алхан-юрт. Позиции, на которых горцы оказывали сопротивление, вообще ничтожное, при занятии [560] всех этих селений, сначала подвергались артиллерийскому огню, а потом без особенного труда были занимаемы пехотою. Едва наши войска вступали в аул, чеченцы удалялись за Сунжу, в леса, покрывавшие правый берег ее, откуда вступали в перестрелку с цепью наших стрелков и с прикрытием, обыкновенно высылаемым во время водопоя. 24-го февраля отряд возвратился в Грозную, потеряв с 15-го числа ранеными одного обер-офицера и 27 нижних чинов и убитыми 2-х рядовых. Потеря неприятеля, по собранным сведениям, доходила до 30-ти убитых; о раненых верных известий не имелось. Совершенный недостаток в сене вынудил Вельяминова отложить окончание экспедиции до изобильного подножного корма, которого нельзя было ожидать ранее июня месяца, особенно в том году, по случаю позднего наступления весны.

Отъезжая в Пятигорск для распоряжений по делам ставропольской комиссии, а также для пользования минеральными водами, вследствие сильно расстроенного здоровья, Вельяминов расположил войска по Тереку следующим порядком: в Моздоке — Бутырский пехотный полк; в станице Стодеревской — 1-й баталион Московского пехотного полка; в станице Галюгаевской — 2-й баталион этого полка и 4 орудия донской конно-артиллерийской казачьей № 3 роты; в ст. Ищорской — 2 роты 2-го баталиона Херсонского гренадерского полка; в ст. Наурской — 2 роты того же баталиона, 6 орудий 20-й артиллерийской бригады батарейной № 1 роты и 2 орудия линейной конно-артиллерийской казачьей № 6 роты; в ст. Мекенской — две роты 3-го баталиона Эриванского карабинерного полка и 2 орудия линейной конно-артиллерийской казачьей № 6 роты; в ст. Калиновской — две роты того же баталиона, 5 орудий 20-й артиллерийской бригады батарейной № 1 [561] роты и 2 орудия линейной конно-артиллерийской казачьей № 6 роты; в ст. Червленной — 1-й баталион 40-го егерского полка; в ст. Щедринской — 2-й баталион и в ст. Новогладковской 3-й баталион этого полка; на ключенском посту — одно орудие и на татаринском посту 2 орудия линейной конно-артиллерийской казачьей № 6 роты; в г. Кизляре — Донской казачий полковника Басова полк и 3 орудия линейной конно-артиллерийской казачьей № 6 роты. Орудия этой роты размещены были в расположении тех казачьих подков, при которых они состояли: 6 в расположении Моздокского полка, 3 в Гребенском войске, одно, причисленное к Терско-Кизлярскому войску, и два от Терского Семейного войска — в Кизляре. В укреплении Горячеводском оставлены 2 орудия 22-й артиллерийской бригады легкой № 2 роты, находившиеся в отряде. Баталионы Херсонского гренадерского и Эриванского карабинерного полков задержаны были на линии вследствие весьма затруднительного и опасного перехода через горы по военно-грузинской дороге, загроможденной завалами, а также потому, что, не окончив усмирения Чечни, Вельяминов полагал возобновить против нее действия с наступлением более удобного времени.

Барон Розен остался чрезвычайно доволен экспедициею Вельяминова, благодарил его в теплых выражениях, отдавал справедливость трудам и храбрости войск и предписывал поспешить представлением о наиболее отличившихся, чтобы заслуги их и успех, достигнутый Вельяминовым, повергнуть на высочайшее воззрение. Но Государь не так взглянул на это дело и не ласково принял известие о совершенном походе. В письме графа Чернышева к корпусному командиру 22 выражено было положительное неудовольствие и в форме довольно [562] грозной поставлен следующий вопрос: по какой уважительной причине предпринял Вельяминов отдельную экспедицию, вопреки высочайшего повеления, особенно в такое суровое время года, не обеспечив отряд продовольствием и не приняв мер к сбережению людей от стужи. При этом еще раз была подтверждена решительная воля Государя о воспрещении частных экспедиций, "ожесточающих против нас чеченцев." Такое важное обстоятельство, как ослушание воли Государя Императора, не могло не смутить корпусного командира, а требование от него объяснения в столь серьезном тоне не обещало, по-видимому, ничего утешительного в будущем. Немедленно предписав начальникам всех отделов края отнюдь не предпринимать частных экспедиций, барон Розен поспешил отправить управляющему главным штабом собственное оправдание в самом пространном виде и, с своей стороны, потребовал объяснений от Вельяминова. Некоторые частности донесения корпусного командира заслуживают безусловного внимания. Так, например, он обрисовывает положение, в каком оставил ему граф Паскевич кавказский край, о благосостоянии которого в последние годы правления фельдмаршала был столь высокого мнения Государь.

"При проезде моем нашел я кавказскую область в ужасе от усилившейся дерзости горцев. По причине общего восстания кумыков, салатавцев, ауховцев и чеченцев, предводительствуемых предприимчивым изувером Кази-муллою, передовые наши укрепления беспрестанно были обеспокоиваемы мятежниками, сообщение оных с линиею сделалось крайне опасным, а с Дагестаном вовсе прекратилось; неблагоприятнейшие слухи о бессилии нашем волновали кабардинцев, осетин и другие племена, из коих галгаевцы осмелились предать смерти пристава хорунжего Константинова с большею частью находившихся с ним людей. В [563] Дагестане возмущение более или менее распространилось от Сулака до кубинской провинции, и предстояла необходимость действовать безотлагательно (как в Дагестане, так и на линии), иначе пламя бунта могло разлиться далее и нельзя было ручаться за удержание в спокойствии всех мусульманских провинций."

Это была главная причина для решительных действий на левом фланге линии, и если Вельяминов не предпринял их тотчас по прибытии своем на линию, последовавшем одновременно с приездом в край барона Розена, то только потому, что он видел у себя недостаток войск для крупного предприятия и ожидал прибытия из Закавказья подкреплений. Далее барон Розен пояснял, что на экспедицию Вельяминова он не смотрит как на частную или отдельную, а считает ее началом всеобщего покорения края и подчинения горцев нашей власти, в доказательство чего приводил дословные выдержки из инструкции Паскевича Емануелю и ссылался на план фельдмаршала, в котором чеченская экспедиция стояла на первом месте.

"Находя действия генерал-лейтенанта Вельяминова совершенно сообразными с словами и смыслом повеления князя Паскевича, я не мог остановить оных; я видел, что и тогда (т. е. в 1830 г.) его светлость почитал экспедицию против чеченцев главнейшею, но, по обстоятельствам, не мог совершить оной."

Недостаток, встретившийся в продовольствии лошадей барон Розен оправдывал тем, что Вельяминов, вступивши в командование линиею лишь в сентябре предшествовавшего года, не успел приготовить запасов фуража, а обморожение людей — внезапным и неожиданным в течение одной ночи усилением мороза. Что касается выбора времени для экспедиции, то здесь корпусный командир вступил в явное противоречие с своим собственным мнением, изложенным в отзыве к графу [564] Чернышеву 11-го мая № 361, говоря, что зимнее время было избрано по примеру всех прежних предприятий такого же рода против чеченцев и согласно видам князя Паскевича, который одобрил экспедицию, совершенную Вельяминовым в начале 1831 года.

Конечно, не оправдания барона Розена, а данные ему Вельяминовым и представленные Государю объяснения придали веское значение предпринимаемым экспедициям и решили участь их в более благоприятном для спокойствия на линии смысле 23. Прежде всего Вельяминов задался вопросом: если набеги горцев на станицы, как показали многочисленные примеры, всегда почти сопровождались успехом, то что же будет удерживать хищников от нападений, когда исчезнет у них страх равного возмездия? Против частных экспедиций возражают, что оне, не способствуя решительному покорению горцев, только раздражают их и еще более побуждают к мщению и что эти экспедиции сопряжены с чувствительными для нас потерями. Разумеется, подобные экспедиции недостаточны для завоевания края, но нельзя не согласиться и с тем, что, ослабляя горцев, оне, при несомненных успехах нашего оружия, способствовали покорению Кавказа. Весьма возможно, что от такого рода действий несколько развивалась свойственная горцам страсть к хищничеству, но следовало ли заключать отсюда, что, во избежание излишнего озлобления их против нас, необходимо отказаться от набегов?

"Я готов согласиться с сим заключением — возражал Вельяминов — если кто-нибудь докажет, что горцы оставят нас в покое, когда мы не будем нападать на них. К сожалению, опыт показывает противное." [565]

До построения Грозной — продолжал утверждать Вельяминов — чеченцы беспрестанно опустошали Терек на пространстве между Моздоком и Кизляром и военно-грузинскую дорогу от Владикавказа до Моздока. С возведением этой крепости и конечным истреблением некоторых аулов на левой стороне Сунжи, хищничества уменьшились, что следует приписать влиянию потерь, понесенных чеченцами летом 1818 года. С уменьшением грабежей, уменьшились нападения и с нашей стороны. Это дало возможность чеченцам восстановить свои силы и в 1825 году прибегнуть к всеобщему восстанию. Снова побитые и разоренные Ермоловым, они сидели спокойно во время персидской и турецкой войн, но, опять оправившись, приняли деятельное участие в возмущении Кази-муллы. Акушинцы до 1819 года ни разу не встречались с нами и потому не могли питать к нам никакого озлобления; однако, это не помешало им присоединиться в 1819 году к восстанию Султан-Ахмета аварского и сражаться против нас в Башлах. Ермолов разбил акушинцев и в знак зависимости их от России наложил на них небольшую дань. В 1821 и 1823 годах дважды волновалась соседняя с Акушою Мехтула. В обоих случаях акушинцы, при сильном искушении, могли принять участие в мятеже, однако, испытав в своих собственных владениях силу нашего оружия, воздержались. Они оставались спокойными и во время наших войн с Персиею и Турциею, но в 1831 году пристали к Кази-мулле и, в числе 500 человек, участвовали в скопище, атаковавшем крепость Внезапную.

На западном Кавказе было то же самое. Со времени Бухарестского договора, в 1812 году, по 1823-й год войска наши не переступали Кубани, следовательно не [566] давали закубанским народам никакого повода к раздражению. Напротив, местное начальство терпеливо сносило хищничество горцев, ограничиваясь жалобами анапскому паше, которого никто из них не хотел слушаться. В 1823 году, после нападения на с. Круглолесское, Ермолов принужден был послать войска за Кубань для наказания хищников в их собственных жилищах. Успешные экспедиции 1823, 1824 и 1825 годов позволили выменять у горцев значительное число наших пленных и вознаградить жителей кавказской области за все хищничества закубанцев, начиная с 1812 года. Грабежи их в течение указанных годов значительно уменьшились, но ослабление войск на правом фланге линии в 1825 году, вызванное восстанием Чечни, было причиною возобновления набегов, которые особенно усилились с 1828 года, несмотря на ласки и снисходительность генерала Емануеля. Наконец, в начале прошлого года возникло общее возмущение в северном Дагестане, в землях кумыков и чеченцев. К восстанию присоединились акушинцы, не имевшие, как полагал Вельяминов, никакой причины к действиям против нас, койсубулинцы, гумбетовцы, салатавцы и ауховцы, у которых наши войска никогда не бывали, а также кумыки и подвластные шамхала, никогда не испытавшие от нас ни малейшего истребления. На вопрос, что же заставило все эти разнообразные племена соединиться против нас, Вельяминов дает хотя эмпирический, но верный ответ — "желание ниспровергнуть владычество русских на Кавказе и грубейшее невежество, подающее надежду сие достигнуть."

Такою же верностью отличался и вывод, сделанный Вельяминовым из всех вышеприведенных исторических данных: [567]

"Описанные мною события показывают, что кавказские горцы не тогда усиливают свои нападения и грабежи, когда мы подаем к тому повод какими-нибудь неприязненными против них действиями, но тогда, когда, по соображениям своим, надеются на успех своих предприятий. В сем случае одно оружие может положить предел их хищничествам. Итак, тщетная была бы надежда, что горцы оставят нас в покое, если мы не будем вредить им. Если бы это могло быть, то я первый сказал бы, что не справедливо и, следовательно, не должно нарушать их спокойствия. Но опыт показывает, что чем более оказывается им снисхождения, чем менее видят они возмездия за свои грабежи, тем становятся предприимчивее. Это есть необходимое следствие грубого их невежества и происходящих оттого ложных понятий. Никогда снисходительность не почитают они следствием великодушия, но приписывают оную бессилию. Чтобы не оставлять их в сем заблуждении, необходимо нужно делать от времени до времени экспедиции в их жилища, разумеется, в таких случаях, когда грабежами своими подают они основательные к тому причины."

Указав на пользу экспедиций, как средства обменивать наших пленных и способствовать выселению жителей разоренных аулов в наши пределы, Вельяминов коснулся вопроса о степени опасности и размера потерь, сопряженных с частными экспедициями. Основываясь на опыте своей службы, он доносил:

"Главное затруднение набегов в жилища горцев состоит в том, чтобы придти в назначенное место внезапно. Самое основательное соображение предприятия, величайшая тайна в приготовлениях, скрытные ночные переходы, всевозможная быстрота в движении, одним словом — никакие предосторожности не могут ручаться, что движение отряда не будет открыто. Достаточно встретиться с кем-нибудь из горцев, достаточно кому-нибудь из них

наехать нечаянно на след отряда, чтобы тревога [568] немедленно распространилась на значительное пространство — и тогда ни в одном селении не найдем уже ни жителей, ни имущества. Все скроется либо в лес, либо в горы, в коих отыскивать их было бы совершенно бесполезно, ибо ничто не мешает бегущим удаляться более и более по мере приближения войск, следовательно настигнуть невозможно. Итак, набеги в жилища горцев могут быть безуспешны, т. е. легко случиться может, что отряд не найдет на местах жителей того аула, который предположено было разорить; но этим и ограничивается вся неудача в подобных предприятиях. Когда дело доходит до сражений, то вся выгода остается на нашей стороне. Отряды для подобных предприятий составляются из пехоты, артиллерии и казаков. Горцы по большей части имеют одну кавалерию, иногда кавалерию с небольшим количеством пехоты, либо пехоту с небольшим количеством кавалерии; ни артиллерии, ни штыков у них нет. Если, сверх того, принять в соображение выгоды, происходящие от устройства наших войск, то очевидно, что в случае сражения перевес должен быть всегда на нашей стороне. Конечно, нельзя обойтись без убитых и раненых, но число их должно быть всегда умеренное. Доказательством сего могут служить экспедиции, сделанные в 1824 году артиллерии полковником Коцаревым, и нападение генерал-маиора Фролова в прошедшем 1831 году на аул Бибердова. Значительные же потери могут быть либо случайно, от какого-нибудь несчастного обстоятельства, чего нельзя было предвидеть, либо от решительной неспособности начальника экспедиции. То и другое должно весьма редко случаться."

Если и не все доводы помещенной выписки отличались верностью взгляда, то последние слова донесения Вельяминова не могли не обратить на себя особенного внимания:

"В заключение долгом почитаю объяснить, что запрещение делать частные экспедиции в жилища горцев не может остаться надолго для них неизвестным. Запрещение сие, отняв у них [569] страх наказания, сделает их весьма предприимчивыми в набегах, и тогда едва ли кто-нибудь может ручаться за спокойствие кавказской линии."

Все выраженные здесь мысли Вельяминова отличались большею или меньшею убедительностью и удостоились одобрения Государя Императора; но самое важное, что исключало всякую надобность в столь длинной и талантливой защите экспедиций, по-прежнему ускользало от проницательности кавказского начальства. Даже Вельяминов, яснее других представлявший себе дело на Кавказе, не чужд был общего непонимания совершавшихся событий. Не без удивления останавливаешься на следующих строках донесения, относившихся к измене акушинцев:

"Что заставило их изменить присяге и поднять против нас оружие? На какие разорения или притеснения могут они жаловаться со времени покорения их? Самый беспристрастный следователь не найдет никакой причины к сей измене."

Беспристрастная история отметит, что Вельяминов, при всем своем знакомстве с краем и уменьи оценивать военные события, не сумел разгадать смысла и значения мюридизма, преследовавшего государственные цели и объявившего нам непримиримую войну, на которую мы обязаны были ответить не пассивною обороною наших границ, подкрепляемою частными экспедициями за нашими пределами, а такою же войною, наступательными действиями, безусловным вторжением в неприятельские земли и окончательным овладением края. О соседстве и упорядочении обоюдных отношений теми или другими средствами уже не могло быть и речи. Нам предстояло открыть против восточного Кавказа с его возникающим

мюридизмом настоящую кампанию, действовать многочисленными войсками, направляя главные удары на [570] опасный Дагестан, и не отступать от задуманной цели до окончательного водворения в нем нашей власти. Четверть века спустя мы открыли такую кампанию и завершили ее победою, доведенною на этот раз до полноты результатов. Не следует забывать, что Дагестан в 1832 году был доступнее для нас, чем в эпоху окончания борьбы на восточном Кавказе при князе Барятинском. Поражения, испытанные в предшествовавшем году Кази-муллою, не могли пройти бесследно, по крайней мере в среде людей, не окончательно ослепленных фанатизмом; ханы, о которых упоминал в своем донесении Чернышеву барон Розен, нуждались только в сильной поддержке, чтобы отказаться от двойственной роли и нелицемерно служить нашим интересам; акушинский кадий и гимринский старшина с своими сторонниками не боялись действовать открыто в нашу пользу и также ожидали проявления нашей силы; наконец прибрежный Дагестан, более открытый нашим ударам и далеко еще не связанный общностью интересов с центральным Дагестаном, клонившимся на сторону Кази-муллы, не в состоянии был играть значительной роли во время занятия нами внутренности гор. Обстоятельства, таким образом, благоприятствовали более широким действиям в Дагестане, но мы решили довольствоваться достигнутыми в 1831 году результатами, т. е. временным затишьем и сомнительною полупокорностью слабых без нашей помощи владетельных лиц. Наши войска были малочисленны; в Казикумухе, сердце Дагестана, мы совершенно не имели войск; стратегически важное аварское плато, окруженное грозными горами, над которыми оно господствовало, было не занято нами; даже владения наиболее преданного нам шамхала не были в достаточной мере ограждены нашими войсками. Наша система была [571] непонятна. Мы всеми средствами старались приводить к покорности горцев, но, когда достигли этого, отказывались занимать войсками земли, заявлявшие свою зависимость от нашей власти. Отсюда происходили беспрестанные измены, на которые жаловался не один Вельяминов, и множество неисполненных договоров. Мы забывали, что действовали в мусульманской Азии, привыкшей повиноваться одной только силе, притом не внешней и отдаленной, а постоянно пребывающей в самом сердце страны, и потому оставляли покоряющиеся племена на произвол судьбы, в жертву случая, который, при избытке беспокойных элементов в еле доступных горах, ежеминутно мог представиться и повести к отпадениям. Мы строили свое здание на песке, сильно хлопотали, когда оно обрушивалось, при первой возможности старались восстановить его, разумеется, на таком же непрочном основании, опять присутствовали при его разрушении, и продолжали эту сизифову работу, за весьма малыми исключениями, ровно 25 лет.

Барон Розен, представляя доводы Вельяминова о частных экспедициях на благоусмотрение Государя Императора, дополнил их лишь немногими соображениями, совершенно исчезающими перед умною и энергическою защитою Вельяминова. Он находил только их неизбежными "до совершенного утверждения нашего в горах," точно после утверждения могла продолжаться еще война, и как-то неопределенно ставил их в зависимость от командующего войсками на кавказской линии.

"С моей стороны — доносил он графу Чернышеву 24 — полагаю таковые экспедиции неизбежными до нашего утверждения в горах, но с тем, чтобы начальник линии наблюдал, дабы оные делались только в случае необходимости, для наказания [572] дерзости неприязненных нам поколений отнюдь не из видов хищничества, и (не?) против народов нам не враждебных, какового правила держался и генерал-фельдмаршал князь Варшавский граф

Паскевич-Эриванский, как сие известно вашему сиятельству из предыдущих отношений моих."

Мысли Вельяминова были благосклонно приняты Императором — и судьба частных экспедиций, этого единственного средства к ограждению безопасности на линии, была спасена. Правила о производстве их сведены были в строгую систему и поставлены в ясно обозначенные пределы, переступать которые было безусловно воспрещено. Новые распоряжения Государя, на много лет определившие ход наших военных действий на Кавказе и потому имевшие руководящее значение для истории кавказской войны, изложены были барону Розену военным министром графом Чернышевым в следующем документе 25:

"По всеподданнейшему докладу моему препровожденного вашим высокопревосходительством мнения генерал-лейтенанта Вельяминова относительно частных экспедиций против неприязненных нам горских народов, Его Императорское Величество, найдя изложенные в оном виды справедливыми и допуская неизбежность производить, сверх общих наступательных предприятий на Кавказе, временные частные экспедиции, высочайше повелеть соизволил руководствоваться в подобных случаях следующими постоянными правилами:

Государю Императору угодно, чтобы предметы, могущие служить поводом к предпринятию частных экспедиций, рассматриваемы были с 4-х главнейших точек:

1) Как мера вспомогательная главным предначертаниям о приведении в покорность кавказских народов; по сему, если бы среди исполнения общих на сей конец видов представился [573] удобный случай нанести удар какому-либо неприязненному племени и тем уничтожить хотя сколько-нибудь опасное для нас его влияние, то частная экспедиция, совершенная с благоразумием и осмотрительностию, может быть весьма полезна, на каковой предмет и надлежит снабдить начальствующего на линии общим планом действий для всех пунктов тамошней границы, сообразно с чем должен он приспособлять все частные экспедиции сего рода.

2) Как мера необходимого наказания за грабежи и разбои, в пределах наших произведенные.

3) Как мера предупредительная, для разрушения приготовляемого горцами впадения в границы наши, когда скопища их, собравшись в известном пункте, будут угрожать опасностью.

И наконец, 4) как мера оборонительная, для встречи и отпора производимого неприятелем набега, отнятия добычи и пленных и преследования хищников во внутрь собственных их земель для приобретения дальнейших выгод после нанесенного им поражения.

Из поименованных здесь четырех случаев, первый должен быть подчинен общей инструкции действий, данной начальствующему на линии генералу, второй зависеть будет от собственных соображений сего последнего, третий и четвертый, требующие исключительной решительности и быстроты, принадлежать должны до некоторой степени непосредственному исполнению других ближайших начальств.

Основываясь на сем, Государю Императору благоугодно, дабы оборона кавказской линии сохранила разделение на три части, т. е. правый фланг, центр, левый фланг и особенно четвертый участок, образуемый Черномориею, сходно с разделением, бывшим во время командования отдельным кавказским корпусом графом Паскевичем-Эриванским. Каждый из

упоминаемых отделов, находясь в ведении особого генерала, на сих последних лежать уже будет прямая обязанность ближайшей защиты и охранения вверенных им частей. Но дабы не стеснять пограничной обороны [574] в обстоятельствах, требующих поспешности в распоряжениях в случае удаления начальника линии от того или другого пункта, Его Величество полагает нужным уполномочить заведующих сими последними действовать оружием по собственному усмотрению только в случаях, обозначенных под 3-ю и 4-ю статьями, но с тем, дабы каждый из вышеозначенных 4-х отдельных начальников непременно был снабжен от главного командира линии всегдашнею инструкциею — до какой степени предоставляется благоразумию и власти его употреблять вверенные ему войска и способы в различных обстоятельствах, чем самым отвращены будут те напрасные нападения, кои из частных видов и злоупотреблений власти могли бы быть предпринимаемы.

Что же касается до произведения экспедиций в остальных двух случаях, то Его Величеству благоугодно, дабы таковые отнюдь не были исполняемы частными начальниками без разрешения командующего линиею, но предварительно представлялись ему собранные частными начальниками сведения о представляющихся удобствах к наказанию или совершенному покорению какого-либо племени. Сим средством командующий на линии, по соображении положения дел вверенного ему края, будет иметь возможность распорядиться предприятием по мере настоящих способов, предоставляя исполнение экспедиции или тому из 4-х отдельных начальников, которого средства находятся ближе к цели, или особому чиновнику, заслуживающему таковую доверенность, или наконец собственно самому себе.

Сообщая вашему высокопревосходительству таковую высочайшую волю относительно главных поводов к произведению частных экспедиций против горцев, имею честь в заключение присовокупить, что вообще, по мнению Его Величества, наступательные предприятия подобного рода, вне собственных границ наших, тогда только могут принести желаемые выгоды, когда кордонная оборона линии будет пользоваться непременною и благонадежною безопасностию. Государь Император остается в полном убеждении, [575] что ваше высокопревосходительство усугубите возможные меры заботливости, дабы упрочить защиту оной и тем утвердить владычество наше в крае, попечению вашего высокопревосходительства вверенном."

Приведенный документ не нуждается в пространных комментариях. Частные экспедиции, даже в наиболее широком их применении, соответственно первым двум категориям, совершенно основательно признавались вспомогательным средством, подспорьем, к общему плану действий, от выполнения которого ожидался главнейший успех. Но так как общий план принадлежал князю Паскевичу и от него допускалось отступать в одних только частностях, притом с разрешения самого Государя, то всеобщему покорению горцев не суждено было осуществиться, по крайней мере при бароне Розене, не имевшем никакой опытности в делах кавказской войны и потому бессильным пошатнуть "предначертания" авторитетного фельдмаршала. С другой стороны строгая регламентация правил, направленных к ограничению инициативы частных начальников второго и ниже разряда, неминуемо влекла за собою крайнюю осторожность в действиях, что, в свою очередь, ставило линию во множестве случаев в неловкое и вредное для нас оборонительное положение. Между тем война продолжалась, войска оставались в прежнем своем составе, а враг возрастал в своих силах, ежедневно обнаруживая все большую энергию в борьбе с нами, надо было действовать во что бы ни стало, теми или другими средствами,— и вот, вытекая из естественного порядка

вещей, стали практиковаться экспедиции первых двух родов, с вспомогательными и репрессивными целями. Из года в год учащаясь, оне обратились наконец в преобладающий способ военных действий на Кавказе и охарактеризовали собою весь [576] последующий период кавказской войны вплоть до эпохи князя Барятинского и графа Евдокимова.

Из того же документа видно, когда Государь Император впервые утвердил подразделение кавказской линии на 4 отдела, существовавшие до того времени в силу частного распоряжения князя Паскевича в бытность его главнокомандующим на Кавказе.

Ф. фон-Климан.

(Продолжение будет).

Комментарии

21. Действия генерала Вельяминова в эту экспедицию изложены им в рапортах барону Розену от 31-го декабря 1831 г. № 1204, 14-го января 1832 г. №№ 4 и 5, от 1-го февраля №.№ 19 и 20, 1-го марта №№ 43, 61 и 62 и 2-го марта № 103. Дело 2-го отд. ген. шт. 1832 г. № 9.

22. 5-го апреля 1832 г. № 544.

23. Рапорт ген. Вельяминова барону Розену 7-го июля № 75. Дело 2-го отд. ген. шт. 1832 г. № 26.

24. 15-го июня 1832 г. № 11. Дело 2-го отд. ген. шт. 1832 г. № 26.

25. Отношение 2-го октября 1832 г. № 1141. Дело 2-го отд. ген. шт. 1832 г. № 26.

Текст воспроизведен по изданию: Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник, Том 15. 1894

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

ВОЙНА НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

С 1824 ПО 1834 г.

В СВЯЗИ С МЮРИДИЗМОМ

(Продолжение).

XXII.

Зимнее затишье. Противоположные впечатления чукмескентского боя. Награды, полученные почетными туземцами. Сведения о Кази-мулле. Наши союзники и друзья. Присяга шамхальских кумыков и дела в Койсубу. Неповиновение ахтынцев. Усиление кубинского гарнизона. Состав и расположение войск в Дагестане в начале марта. Выбор Темир-Хан-Шуры опорным пунктом и полковою штаб-квартирою. Доудил-Магома гимринский старшина. Наемные убийцы. Умерщвление Доудил-Магомы. Неудача Кази-муллы в Гоцатле. Его

воззвания. Тревога шамхала. Аслан-хан. Меры, принятые бароном Розеном для сохранения спокойствия в северном Дагестане.

Зимнее время года не могло не ослабить неугомонной энергии Кази-муллы и во всяком случае не приостановить военные действия в Дагестане. Снега занесли тропы и дороги, сообщения стали в высшей степени затруднительны, а сборы больших партий, особенно для отдаленных предприятий, невозможны. Но зима имела свои удобства для распространения нового учения, неизменно соединенного с непримиримою враждою к нам и с безусловным продолжением начатой с нами борьбы. В продолжительное зимнее безделье горец не знал, куда девать свои досуги. Он запасся хлебом, сыт, имеет много времени, чтобы помолиться и еще более, чтобы поболтать, особенно о политике, к толкам о [406] которой в высшей степени склонны все вообще простолюдины Востока. Он чувствует, как и всегда, избыток сил, но остается неудовлетворенным, прикованный к своему аулу, далеко за пределы которого не раз уводила его причудливая воля имама. И вот, вместо зимней сказки, приходят к нему слухи о новых замыслах учителя, рассказы о блаженстве страдальцев, умирающих за веру, о беспримерном могуществе их единоверца и союзника падишаха, перед которым все тление и прах, о добрых намерениях персиян, ожидающих только единодушного движения Дагестана, чтобы вторгнуться в наши пределы и отомстить за поражения 1827 года. Имам имеет свои виды, он воспользуется выгодами этих обстоятельств, чтобы сделать Кавказ могучим и непобедимым. Утвердится истинная вера и наступит неизъяснимое счастье, из которого каждый участник войны возьмет свою долю. Пробуждается в горце фанатизм, жажда жизни и деятельности, желание участвовать на пиру, обильном и славою, и земными благами. И снятся ему сны Шахерезады, и томится он своим бездействием, и с нетерпением ожидает, когда спадут снега и откроют ему дорогу для подвигов.

Чукмескентский бой произвел на обе стороны впечатление победы, хотя горцы были разбиты и рассеяны. Каждый противник смотрел на это кровопролитное побоище с своей точки зрения и, кажется, горцы ошибались менее нас. Мы одолели — это правда — и нам казалось, что эта громкая победа умалит обаяние Кази-муллы, возвысит наше значение в горах и усилит число наших сторонников. Кази-мулла рассуждал правильнее — в его глазах эта победа ни к чему не вела. Был бой с большими потерями с обеих сторон, особенно с нашей; горцы удалились с поля битвы, оставили его своему врагу, не имея возможности сопротивляться, и чукмескентская позиция перешла в наши [407] руки. Но разве это шаг к завоеванию, разве русские утвердятся в горах и эта позиция увеличит их силу? Разве Дагестан не изобилует на каждом шагу твердынями, где горсть решительных людей может останавливать целые русские отряды? Народная война в еле доступных горах имеет свои законы, которые лучше нас понимал Кази-мулла. Он знал, что успех, не сопровождаемый прочным занятием той или другой части края, остается бесплодным, ничего не дает победителю, кроме чести победы, и потому с непонятным для нас равнодушием переносил наносимые ему удары, наперед уверенный в нашем бессилии окончательно овладеть страною. С другой стороны, как истинный горец, он придавал особенно важное значение потерям. Солдата, даже такому большому государству как Россия, нужно создать, обучить и содержать, он на счету у русского падишаха, его не скоро заменишь; а горцев — бесчисленное множество, как песку в море, и каждый из них природный воин, одушевлен фанатизмом, дерется отчаянно и ничего не стоит своему повелителю. Отсюда вытекал естественный вывод: та сторона проигрывала, которая, не достигая никакого результата, кроме победы, имела больше потерь.

Кавказское начальство иначе понимало дело. Для него на первом плане стояла личность имама и то обаяние, которым окружено было его имя в горах. Стоило только рассеять это обаяние, разбить где-нибудь Кази-муллу, наконец убить его — и все поколеблется, расшатается, станет преклоняться перед победителем, благо он такой щедрый и милосердный. Успехи нашего оружия не заставили себя долго ждать. Даже в самый счастливый для Кази-муллы 1831 год мы нанесли ему несколько ударов, но они прошли как-то мимо, и нередко после поражения имам выступал против нас с большими силами, увлекая в свои скопища наших [408] вчерашних подданных и друзей, словно наши удары рассекали воздух и только обессиливали нас самих. И точно, мы били в пустое пространство. Мы видели перед собою бунтовщиков, предводимых талантливым “мошенником," и не замечали как против нас грозно поднималась настоящая народная война и на наших глазах грубо, первобытно, но прочно и цепко сколачивался в горах государственный организм. Для борьбы с этими новыми явлениями требовались новые силы, а их не давали, и этим естественно играли в руку горцам, до бесконечности затягивая войну. А тут еще скудность наших географических сведений и слабая оценка лиц, которых мы имели основание считать своими сторонниками.

Обрадованный чукмескентской победой, барон Розен, по представлению генерала Панкратьева, нашел возможным и необходимым вознаградить лиц последней категории, как бы в доказательство того, что победа осталась за нами, а не за горцами. Прежде всего главнокомандующий вспомнил о действительных заслугах своекорыстно, но нелицемерно преданного нам эрпелинского Улубея. Посылая ему ценный подарок, он коснулся трагической смерти его матери, убитой мюридами Кази-муллы в предшествовавшем году, и в письме своем собственноручно приписал следующие строки:

“Не могу не присовокупить и того, что славная смерть почтенной из женщин, матери вашей, есть мне полным удостоверением, что храбрый сын и все потомство ее навсегда будут верными и преданными великому Государю нашему."

Аварское ханство по-прежнему приковывало к себе исключительное внимание главнокомандующего, вследствие чего щедро были осыпаны милостями лица аварского владетельного дома: Абу-Муселим возвращался из ссылки, Нуцал-хан получил богатые подарки; особенное внимание, подкрепленное подарками, оказано было матери последнего, знаменитой [409] ханше Паху-Беке, участвовавшей во всех политических интригах Дагестана и обыкновенно игравшей в них видную и коварную роль. Любопытно то место письма барона Розена к ханше, в котором упоминается о Гамзат-беке, будущем убийце Паху-Беке и безжалостном истребителе ее рода:

“При сем считаю нужным присовокупить, что до меня дошли слухи о неблагонамеренном поведении Гамзат-бека, сына Алексендерова, который, будучи обласкан здесь, в Тифлисе, и отпущен единственно во уважение ходатайства сына вашего, ныне преступил долг свой и, набрав шайку легкомысленных людей, старается нарушать спокойствие между мирными жителями. Вместе с богопротивным изменником Кази-муллою он уже испытал безрассудность таковых замыслов при Чумкисене, где сообщники его совершенно были разбиты и сам он спасся постыдным бегством; но, несмотря на сие, он продолжает свои злонамеренные действия.

Столь предосудительные поступки Гамзат-бека я поставляю вам на вид единственно для того, что уверен, по благородным мыслям вашим, что вы примете с своей стороны всевозможные

меры к обузданию сего изменника, который, воспользовавшись ходатайством вашего сына, ведет себя так постыдно и тем поставляет вашего сына в неприятное положение пред правительством.

Я совершенно уверен, что от вас и сына вашего зависит опять обратить Гамзат-бека на путь истины; в случае же непослушания — наказать его достойным образом. Вот для вас случай показать, сколь вы чувствуете оказываемые вам правительством милости и сколь готовы служить великому и всемилостивейшему Государю Императору нашему."

Насколько свойственно было такой женщине руководствоваться благородным образом мыслей и принимать советы русского главнокомандующего — покажет последующий рассказ; здесь же можно заметить, что на Востоке люди живут, думают и действуют по-своему, что приемы их не изменяются из века в век и что, несмотря на [410] бесчисленное множество горьких опытов, они с каким-то роковым отупением продолжают держаться в своих поступках системы лжи, низости, измены и лукавства. В том же духе было написано письмо Нуцал-хану, которому рекомендовалось, к сожалению, слушаться советов его матери в отношении Гамзат-бека. Оба письма показывают, что в Тифлисе достаточно познакомились с Гамзат-беком, и если не предвидели той роли, которая ожидала его в недалеком будущем, то во всяком случае придавали ему не малое значение, всемерно стараясь вернуть его “на путь истины", т. е. отклонить от участия в смутах, распространяемых Кази-муллою. Не забыты были и другие приверженцы наши в Дагестане. В феврале месяце произведены полковник Сулейман-мирза тарковский в генерал-маиоры и Джамов-бек каракайтагский в поручики, с производством содержания обоим по грузинскому положению. Ежегодное жалованье в 150 червонцев назначалось Мамед-кадию акушинскому, Джамалу старшине черкейскому, Осман-кадию унцукульскому и Сеид-эфенди кадию араканскому. Гимринский старшина Доудил-Магома получил пенсию в 100 червонцев 1. Все эти лица, отчасти из чувства самохранения, отчасти из ненависти, старались следить за деятельностью Кази-муллы и Гамзат-бека, то пользуясь слухами, то подсылая к ним своих доверенных людей. Сведения, получаемые таким образом, сосредоточивались у разных начальствующих лиц, преимущественно у генерала Каханова в самом Дагестане, у генерала Вельяминова на левом фланге кавказской линии, у генерала Реутта в Закаталах, у дербентского коменданта маиора Шнитникова и у маиора Циклаурова, стоявшего с отрядом северного Дагестана в Карабудахкенте, ближе всего к Гимрам, излюбленной резиденции имама. Удалившись [411] сюда после чукмескентского поражения, Кази-мулла не столько предавался молитвам и чтению душеспасительного корана, сколько заботился о закреплении своей власти и духовного авторитета, рассылая своих мюридов с воззваниями и письмами по разным углам Чечни и Дагестана. Ревностным сотрудником его по-прежнему являлся Гамзат-бек, посетивший Аварию, свою родину, в то время, когда мюршид предавался своему уединению в Гимрах. Отсюда с 5-ю или 6-ю товарищами он отправился в Араканы к Сеид-кадию, которого приглашал участвовать в набеге на мехтулинское владение. Осторожный кадий, имевший кроме того личные счеты с Гамзатом, наотрез отказался и тотчас сообщил о затеях его маиору Циклаурову, поясняя, что только строгие наставления удержали араканцев от мятежа. Тут же он доносил, что аварские, андаляльские, каргильские (гергебильские?) и гидские жители решили предпринять с Кази-муллою поход по окончании зимы, и делал веское предостережение по нашему адресу: “Не будьте беспечными и слабыми." 6-го или 8-го января Кази-мулла с Гамзат-беком, перейдя тавлинскую гору, отделявшую койсубулинские земли от шамхальских владений, несколько дней находились в Чолпу-тале, между Чукмескентом, Топою и Эрпели, и 11-го или 13-го

перешли в Чечню, в с. Зубут, что вполне соответствовало донесениям Вельяминова, действовавшего в это время против Ауха. В одном из донесений генерала Каханова, основанного на сведениях шамхала тарковского, говорилось, что имам вел за собою партию в 700 человек, чему, конечно, нельзя поверить, имея в виду ту слабую поддержку, которую он оказал чеченцам. Но не это обстоятельство обращает на себя главное внимание военного историка. Кроме разницы в числах и цифрах, сведения, добываемые всеми этими Сулейманами, Ахметами, Асланами и их агентами, всегда почти несвоевременно приходили по назначению, сильно [412] опаздывали, точно каждый из них выгадывал себе время для размышления. Появление мюршида на границах Койсубу и шамхальства расшевелило Сулейман-мирзу и он, выставив три значка, “пошел с ним сражаться," а потом отправился с победными лаврами в Параул, где принял присягу на русское и свое собственное подданство от шамхальских кумыков. Как происходило “сражение" с Кази-муллою, у которого, вероятно, не имелось под рукою и 7-ми нукеров, и кому присягали кумыкские жители шамхальства, лучше всего видно из донесения самого Сулейман-мирзы генералу Каханову:

”Пишу сие к вашему превосходительству, дабы изъявить вам причину замедления моего письма к вам. Получив известие о прибытии известного возмутителя Кази-муллы в окрестности Эрпели, мы, с тремя знаменами, пошли с ним сражаться; но как скоро мы приблизились, то он, боясь нас, убежал явным или бесстыдным образом. Потом и мы, возвратившись в Параул, посоветовались и переговорили со всеми кумыкскими жителями (шамхалова владения) о соединении и согласии их между собою, которые и согласились на все, что я им предложил, и дали присягу о верности Государю Императору, военноокружному в Дагестане начальнику и мне, а я совершенно раскаялся во всем, что там доселе сделал — я был обманут. Также они обязались для меня дать из каждой деревни по 100 человек для караулов в Эрпели, Каранае и Казанище, каковые уже я поставил в упомянутых деревнях. По окончании всех дел с желаемым успехом, я возвратился на место своего пребывания (Тарки), а Кази-мулла поехал в Зубут” 2.

Приведенное послание как нельзя более определяет личность Сулейман-мирзы, человека ничтожного и никуда не годного. И совсем не он выставил караулы в указанных трех пунктах, а этого потребовал от него генерал [413] Каханов 3. Это один союзник, притом такой, от которого нечего было требовать, благодаря его личным качествам. Другому нашему союзнику, Абу-Султану-Нуцал-хану аварскому мы могли предъявлять требования с большей надеждой на их исполнение, но корпусный командир почему-то очень деликатно обходился с этой особой, иногда ставил ему то или другое “на вид", подавал странные советы слушаться матери и никогда не прибегал к действительным мерам. Вельяминов не понимал таких отношений. Когда ему дали знать, что Гамзат-бек вербует себе людей в аварском ханстве, он просил барона Розена предупредить Нуцал-хана, что если последний не в силах воспретить всякое вооруженное сборище “в земле, вверенной его управлению", не будет удерживать народ в повиновении и не смирит Гамзат-бека и его сообщников, то лишится своего жалованья и по билетам его никого не будут принимать в других частях кавказского края. Против акушинцев, вступивших в сношения с Кази-муллою после чукмескентского дела, Вельяминов рекомендовал крутые меры. Он вспомнил, что 500 цудахарцев с небольшим числом людей из самой Акуши участвовали в осаде Внезапной, а потому советовал корпусному командиру, не прибегая против них зимою к силе оружия, воспретить им в это время года пасти стада на землях шамхальских, мехтулинских и во владениях Аслан-хана кюринского и казикумухского.

Не довольствуясь этим, Вельяминов предлагал запретить акушинцам въезд и торговлю во всех местах, где действовали наши власти.

“Сии меры строгости — заканчивал свое донесение барону Розену Вельяминов — значительно уменьшат средства Кази-муллы, и предпринятый им мятеж тем скорее прекращен будет" 4. [414]

Корпусный командир со свойственным ему великодушием взял под свою защиту и Нуцал-хана, и акушинцев. По его мнению, верность Абу-Муселима достаточно оправдалась в 1830 году, когда он вступил в бой с Гамзат-беком под Хунзахом, затем всегда удалялся от всяких сношений с ним в бытность генерала Панкратьева в Дагестане и принимал меры к ограждению своих владений от мятежников; если же некоторые из его подвластных и находились при Кази-мулле, то это было неотвратимо, ускользало от всякой власти и не могло быть поставлено в вину аварскому владетелю. Что же касается Акуши, то число мятежников в ней так невелико, что все общество ни в каком случае нельзя подозревать в измене и применять к нему столь строгие меры. Кроме того, барон Розен не желал ссориться с единственной общиной, которая не склонялась перед духовною властью имама, твердо отстаивая свои адаты и не желая знать постоянно навязываемого ей шариата. Ко всему этому присоединялась уверенность, что Кази-мулла не имеет уже прежнего значения в Дагестане.

Такую уверенность внушило барону Розену отчасти поведение койсубулинцев. Постоянно участвуя в предприятиях Кази-муллы, они вдруг почувствовали влечение к мирным занятиям и стали жаловаться, что, благодаря своей необдуманности, лишились торговых сношений с русскими и с шамхальством, чем привели себя в бедственное положение. Что койсубулинцы терпели сильную нужду — не подлежало сомнению, но чтобы причина такой нужды заключалась в прекращении торговли с русскими и шамхальцами,— в этом позволительно было сильно сомневаться. К тому же дело велось ими как-то келейно, неопределенно и мы некоторое время не понимали, чего собственно они желают и какие могут нам дать обязательства. Так по крайней мере доносил Циклауров Каханову, а этот последний барону Розену. [415] Вельяминов, не стараясь проникнуть в истинные намерения койсубулинцев, прямо и просто определил главнейшую их обязанность:

“Если генерал-маиор Каханов думает, что народ койсубулинский в самом деле затрудняется изыскать средство, каким образом выйти из стесненного положения, в которое он приведен участием и замыслах Кази-муллы, то предположение это весьма ошибочно. Койсубулинцы весьма знают, что, изгнав от себя Кази-муллу, они выйдут из своего стесненного положения. Кази-мулла ни по знатности своего происхождения, ни по родственным связям с койсубулинцами не может иметь между ними никакого влияния, следовательно легко мог бы ими быть изгнан, если бы они того захотели. Но гимрынцы, надеясь на неприступность своего местоположения, которое, как говорят, непроходимо для артиллерии, держат его у себя совершенно по своей доброй воле. Последние происшествия в салатавских деревнях могут служить тому доказательством: по приказанию моему, сначала селение Гуни, а потом и селение Зубут выгнали от себя Кази-муллу как скоро увидели приближение нашего отряда и возможность лишиться своих домов" 5.

Щекотливая сторона дела заключалась в том, что койсубулинцы желали получить от нас деньги, за которые готовы были продать даже своего имама. Первый намек, к сожалению

оставленный нами без должного внимания, проскользнул об этом в одном из писем шамхала к Каханову, в котором Сулейман-мирза, жалуясь на свое безденежье, говорил:

“Я наверно знаю, что ежели бы были у меня деньги, то все койсубулинское и заримское общества собрались бы ко мне, и тогда дела шли день ото дня лучше."

Позднее о том же сообщил нам Улубей в следующих немногих, но характерных выражениях:

“Койсубулинцы приходили ко мне заключить мир на таком [416] основании, на каком мы желаем. Если бы я мог согласить их деньгами, то, надеюсь, что они поймают Кази-муллу с семейством и с завязанными руками нам отдадут его" 6.

Покуда мы вели бесплодную переписку, шамхал приступил к делу. 9-го февраля он приехал в Эрпели и объявил сбор, на который собралось: из Гимр 120 человек, из Унцукуля 500, все араканцы и часть жителей Балакана, Аргуна и Ирганая — всех вообще 1100 человек; сюда же почему-то явились 105 акушинских и цудахарских кадиев и почетных людей. Сборище присягнуло на верность и подданство Государю Императору, условилось действовать общими силами против Кази-муллы и решило пойти в Гимры и разорить его дом при первом покушении мюршида на их землях 7. В благодарность и в залог ненарушимости принятой присяги каждый получил от шамхала по рублю серебром и с миром отправился восвояси. Сам шамхал так описывал генералу Каханову свой дипломатический подвиг:

”18-го рамазана или 9-го февраля я поехал в Эрпели и собрал все койсубулинские общества, как-то: Аракан, Унцукуль и Гимры, которые вообще дали присягу никогда с извергом Кази-Магометом не соединяться и не идти в поход, даже выгнать сего проклятого от себя. Я уверен, что из сих обществ никто не последует за Кази-Магометом и не даст ему никакой помощи, кроме людей Гамзата, которые, может быть, помогут ему. Я взял от сих обществ аманатов и раздал им сто пятьдесят туманов серебром (1500 рублей). Если на сих днях (Кази-мулла?) не убежит куда-нибудь, то они учинят ему какую-нибудь беду" 8.

Дипломатическое искусство Сулеймана, как и следовало ожидать, дало блистательные результаты: койсубулинцы без [417] особенного труда получили все, чего так страстно домогались, скудная казна шамхала уменьшилась на 1500 рублей, мы остались с присягою и аманатами, т. е. с пустыми руками, а Кази-мулла спокойно продолжал пребывать в Гимрах, занимаясь не только чтением корана, но и раздачею наград находившимся при его особе лезгинам.

В таком же розовом свете обрисовал дела наши в Койсубу и генерал Каханов в одном из донесений своих барону Розену в конце февраля 9:

“Ахмет-хан мехтулинский в письме своем изъясняет, что койсубулинцы, собравшиеся в селении Казанищах 10, приняли присягу и обещались шамхалу тарковскому непременно или убить Кази-муллу, или, захватя в плен, представить к нему, и в доказательство, что они после данной ими присяги будут служить всегда верно, добровольно выдали шамхалу аманатов. Кази-мулла с немногими приверженцами своими находится ныне в с. Гимрах и не иначе намерен действовать против нас, как с наступлением весны.

Сеид-кадий араканский в письме своем прописывает, что он неусыпно старается удержать народ свой в спокойствии и употребляет всевозможные средства вооружить оный против Кази-муллы, и что жители араканские обещались истребить возмутителя; он в этом имеет

несомненную надежду. Сеид-кадий, после получения уведомления о пожалованной ему от правительства нашего пенсии, еще более усугубил старание поселить в народе своем всегдашнюю преданность в правительству и, напротив, ненависть к Кази-мулле.

Наконец, гимрынский старшина Магомет уверяет, что он, по известной с давнего времени ненависти своей к Кази-мулле, всеми мерами старается вместе с преданными ему койсубулинцами истребить Кази-муллу. Для сего он намерен собрать войско и вместе с шамхалом тарковским, Ахмет-ханом мехтулинским и Сеид-кадием араканским, разоря сего мошенника дом, хочет семейство его взять [418] в плен. Об успехах в сем предприятии он нисколько не сомневается со стороны койсубулинцев, ибо они явно видят из всех поступков Кази-муллы одни лишь нелепые и несбыточные его обольщения, влекущие за собою для последователей неминуемую гибель."

Если в северном и нагорном Дагестане в течение зимних месяцев страсти несколько поулеглись и даже койсубулинцы почувствовали некоторую склонность к мирным переговорам с нами, то в южном Дагестане, в селении, которому суждено было впоследствии играть весьма бойкую роль в войне, обнаружилось явное неповиновение нашим властям. Еще в январе генерал Каханов получил сведение, что Кази-мулла, имея в виду возвратить дювекским жителям утраченное ими имущество, намерен двинуться после праздника оруча к владениям Аслан-хана казикумухского, а если этот последний не примет его и не соединится с ним, то, по усилении своего сборища, возьмет направление на Кубу, Ширвань и Карабах, где рассчитывает отыскать взятое у дювекцев добро. Умный имам отлично понимал всю трудность проникнуть в южный Дагестан через кумухские владения при малейшем сопротивлении Аслан-хана, но он знал также, что русские, имея весьма смутные представления о крае, найдут это предприятие весьма вероятным, и в то время, когда они отвлекут свое внимание к южному и западному Дагестану, он бросится в другую, противоположную сторону и там захватит их более или менее врасплох. Но этого мало. Замешивая имя Аслан-хана в свои затеи, Кази-мулла мог думать, что наше естественное неудовольствие на этого хитрого и далеко не преданного нам человека поведет к взаимному охлаждению и, конечно, облегчит ему доступ в южный Дагестан, когда представится удобный случай прибегнуть к такого рода маневру. А чтобы придать своей демонстрации более веский вид, поднять свое значение и вместе с тем [419] создать опорный пункт в южном Дагестане, он решил посеять смуту в недрах кюринского ханства, во владениях самого Аслан-хана. В начале февраля наиб докуз, алты и ахты-паринских магалов Хамбутай-бек, осведомившись, что жители с. Ахты вступили в деятельные сношения с Кази-муллою, распускают слухи о скором прибытии к ним имама и призывают соседние магалы к неповиновению русским, отправился в это селение, чтобы на месте удостовериться в настроении ахтынцев и, кстати, собрать с них следуемые нам подати. Возбуждение было настолько велико, что наиб, опасаясь за свою особу, благоразумно остановился в селении Джеби, а вместо себя отправил в Ахты доверенное лицо. Ахтынцы встретили посланного камнями и прогнали вон с угрозою выпроводить и самого наиба из пределов магала. На обратном пути Хамбутай неоднократно слышал, что ахты-паринские жители разъезжают по мирным деревням прочих магалов, советуя им, в виду ожидаемого прибытия Кази-муллы после праздника уруш-дага (в феврале), со взносом податей и вообще с выражением повиновения русским властям пообождать.

Выбор Ахтов указывал на необыкновенную дальновидность имама. Для нас это был географический термин, а для него — пункт, удобный для быстрого сбора многочисленных

партий и действия по трем направлениям: к Кахетии, к кубинской провинции и к казикумухским владениям, занимающим центральное положение в Дагестане. Последующие события, в эпоху Шамиля и даже в наши дни, во время восстания 1877 года, как нельзя лучше оправдали расчеты прозорливого имама. Но барон Розен иначе понимал дело. Не придавая значения волнению ахты-паринского магала, не способного по своей малочисленности к существенной роли в военных событиях Дагестана, и полагая, что причиною беспорядков могли послужить злоупотребления самого [420] наиба, а также отяготительный размер податей, которые и ранее затрудняли жителей этого магала, он предписал генералу Каханову произвести “дознание," сместить Хамбутай-бека и представить свое мнение относительно податей. Неодобрительно отнесся корпусный командир и к намерению Каханова вызвать в Кубу из отряда северного Дагестана две роты Апшеронского полка и собрать необходимое число местной конницы, если бы донесение Хамбутая подтвердилось. Он не находил нужным без особенной надобности усиливать кубинский гарнизон, состоявший из внушительной силы 4-х рот с 4-мя орудиями, притом войсками из северного Дагестана, где присутствие их могло оказать нам гораздо более пользы. Каханов справился об ахтынцах у Аслан-хана и послал своего лазутчика в Ахты. Оба донесли, что ахтынское общество действительно ведет с Кази-муллою тайные переговоры, вследствие чего Каханов предписал маиору Циклаурову поспешно командировать в Старую Кубу две роты Апшеронского полка со взводом 5-й резервной батареи 22-й артиллерийской бригады, о чем и донес корпусному командиру. Из донесения Каханова не видно, чтобы Аслан-хана беспокоило волнение в Ахтах. Он отнесся к нему с полным равнодушием и даже извлек для себя пользу, покрасовавшись перед нами лишний раз своим значением и верностью. Аслан-хан

“уведомил меня — писал Каханов барону Розену — что упомянутое общество действительно ведет с Кази-муллою тайные переговоры, и ежели Кази-мулла не может прибыть к ним в теперешнее время для приведения в действие вредных своих замыслов против правительства нашего, то потому единственно, что нет никакой другой дороги прибыть к ним с своим скопищем как через владение Аслан-хана кюринского; а как сей последний, по известной с давнего времени преданности своей к правительству нашему, гласно перед всеми горскими народами изъявляющий готовность свою [421] споспешествовать оному противу возмутителей, то Кази-мулла и не надеется, чтобы мог успеть склонить на свою сторону подвластных ему жителей, а потому решился по окончании праздника отправиться в Джарскую область, а потом, прямою дорогою, будто бы намеревается прибыть к ним непременно" 11.

Отчего хан, изъявлявший громогласно “перед всеми горскими народами," о своей готовности споспешествовать нам против возмутителей не принял никаких мер к прекращению волнения в Ахтах и даже своевременно не сообщил о них Каханову — остается неразгаданным. Неизвестно также, по каким причинам он не пренебрегал сношениями с поверенными Кази-муллы и одному из них, на предложение присоединиться к имаму, дал очень уклончивый и двусмысленный ответ: “пусть они возьмут кр. Дербент, тогда сам он отнимет от русских прочие города и отдаст им" 12.

Не придавая серьезного значения покушениям Кази-муллы в южном Дагестане и продолжая не доверять донесениям Каханова о волнении среди жителей Ахтов, корпусный командир ограничился против них одною лишь административною мерою — приказал задержать их стада, пасшиеся в шекинской провинции, впредь до уплаты следуемых с них податей.

Затушевывая, таким образом, участие ахтынцев в замыслах имама и подавая им осязательный предлог к неудовольствию, он вселял в них надежду на безнаказанность всякого мятежного движения и этим широко открывал новому учению двери в южный Дагестан. С совершившимся фактом перемещения апшеронских рот и артиллерии в Дербент барон Розен легко примирился, имея в виду собрать к весне в северном Дагестане [422] значительный отряд, присоединив к нему оба баталиона 42-го егерского полка — один, сводный, временно находившийся на линии в распоряжении генерала Вельяминова, другой, состоявший пока из слабого кадра и расположенный в Шуше. Кроме того, зимнее время, исключавшее действия со стороны Кази-муллы, перемещение одних частей войск по хозяйственным надобностям и удержание на месте других по военным соображениям, вопреки квартирного расписания, приучили корпусного командира снисходительно относиться к нарушению отдельными начальниками его дислокационных распоряжений. Благодаря этим непредвиденным обстоятельствам, к началу марта расположение наше в Дагестане значительно изменилось. 31-го января отряд маиора Циклаурова, состоявший из 5-ти рот Куринского, 4-х рот Апшеронского полков и 5-ти орудий 3-й роты 21-й артиллерийской бригады, за истощением фуража у окрестных жителей, перешел из Карабудахкента в с. Даргали. По той же причине этот отряд принужден был передвинуться 26-го марта из Даргали в Озень. Сводный баталион 42-го егерского полка с 2-мя орудиями 5-й резервной роты 22-й артиллерийской бригады, выступившие 20-го декабря предшествовавшего года на линию и задержанные генералом Вельяминовым в крепости Внезапной на время экспедиции его в Чечне, облегчив операции наши в Салатавии и Аухе, возвратились в Дагестан 22-го февраля. Войдя в состав отряда маиора Циклаурова, они заняли сс. Джемикент и Берикей, но так как и здесь не оказалось достаточного количества фуража, то Каханов приказал перевести их в сс. Отемиш и Мюрага. К 5-му марта состав и расположение войск, находившихся под начальством генерала Каханова, были следующие: в Тарках стояли 1-й баталион Куринского пехотного полка (одна гренадерская и три мушкетерских роты) и одно орудие 3-й легкой роты 21-й артиллерийской бригады; в Дербенте — три [423] роты 3-го баталиона Апшеронского полка и одно орудие 3-й легкой роты 21-й бригады; в с. Нюгедах — две роты 2-го баталиона Апшеронского полка (2-я гренадерская и 4-я мушкетерская); в Старой Шемахе, Ширванской провинции — две роты того же баталиона (5-я и 6-я мушкетерские); в Новой Кубе и в еврейской слободе — 3-й баталион апшеронцев; в Старой Кубе — 5 орудий 3-й легкой роты 21-й бригады и в с. Отемиш и Мюрага, подвуротно, сводный баталион 42-го егерского полка с двумя орудиями 5-й резервной батарейной роты 22-й артиллерийской бригады. 25-го февраля начальнику 1-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту барону Розену 4-му предписано было отправить в Дербент всех чинов, в том числе и рекрут, остававшегося в Шуше баталиона 2-го егерского полка. Туда же корпусный командир пожелал притянуть и сводный баталион этого полка для образования двух полных баталионов и для более успешного их обмундирования.

Неблагоприятные климатические условия северного Дагестана, вредно отражавшиеся на здоровьи наших солдат, ютившихся в грязных обывательских саклях, а также постоянный недостаток фуража, заставлявший части перекочевывать с места на место, внушили корпусному командиру мысль поискать более удобный в этих отношениях и, конечно, соответствующий военным требованиям пункт для устройства в нем постоянной штаб-квартиры на один пехотный полк. Выбор его пал на деревушку Темир-Хан-Шуру, населенную горстью бедных и разоренных прошлогодним восстанием туземцев. В начале февраля генерал

Панкратьев, по поручению барона Розена, потребовал у шамхала сведений о положении, в котором находилась эта деревня. Шамхал ответил следующим письмом:

“Ваше превосходительство изволили писать ко мне о водворении полка в Шуре. Ныне там находится 50 семейств, а остальные [424] жители сей деревни, из числа прежних 200 семейств, находятся в разных местах по случаю ограбления их имущества, не имея средств собраться на прежнем месте жительства. Ваше превосходительство, деревня Шура имеет большое пространство земли, изобилующей сенокосом, хлебопашеством (?), лесом и водою; и климат в оной весьма отличный. Там можно удобно поместиться полку, и деревня сия, как ключ койсубулинского округа, весьма нужна для нахождения полка. Для 50-ти семейств, ныне там находящихся, я намерен назначить местожительство в Казанищах" 13.

Этот нескладный, но ясный по своим данным документ послужил окончательным основанием для образования в Темир-Хан-Шуре твердого опорного пункта и учреждения в нем два года спустя столь известной в летописях кавказской войны штаб-квартиры Апшеронского пехотного полка. 15-го марта барон Розен, известив Сулейман-мирзу о предстоящем сосредоточении в Шуре значительного отряда, предписал ему очистить от жителей эти деревню:

“Для обеспечения спокойствия во владениях ваших — писал оне шамхалу — с наступлением подножного корма имеет собраться значительный отряд войск при Темир-Хан-Шуре. Так как войска наши, сообразно с желанием вашим, изъясненным в письме к господину генерал-адъютанту Панкратьеву, постоянно будут находиться в сем селении до совершенного восстановления спокойствия в Дагестане, то и нахожу нужным, чтобы оные для большего сохранения здоровья людей были помещены в самом селении, почему, сообразно с предложением вашим, прошу оставшихся в Темир-Хан-Шуре жителей перевести в другое удобное для них место" 14.

В начале того же марта случилось само по себе самое обычное на Кавказе, но тем не менее встревожившее [425] барона Розена происшествие. Из всех наших приверженцев, удостоившихся наград и внимания со стороны высшего начальства в крае, особенное рвение обнаружил пылкий, самоуверенный и недалекий Доудил-Магома. Осведомившись, что это начальство не прочь сбыть с рук каким бы то ни было способом Кази-муллу, гимрынский старшина, руководимый, кроме того, своими личными счетами с имамом, решил избавить нас от опасного и неугомонного врага. О своем намерении он не замедлил сообщить корпусному командиру в благодарственном письме по случаю назначения ему пенсии. Вот этот любопытный, ярко обрисовывающий характер горцев того времени, документ:

“Предписание ваше, в коем изъяснены были милости Государя императора и вашего высокопревосходительства, я имел счастье получить и на оное ответствую, что я оказываю Государю Императору верную службу и вы увидите оную в скором времени. Не только не произойдет от меня ни мало сопротивления и вреда в крае Великого Государя пока я жив, но обязываюсь служить Великому Государю и вооружиться противу Кази-муллы, как изменника, возмутителя и вредного в российской земле человека, который имеет быть убит или изгнан из нашей деревни. Всему дагестанскому народу стали известны моя искренность во всех случаях и вражда ко мне Кази-муллы, также ложный обман сего изменника, отчего уменьшились его товарищи и преданные люди и усилились, при помощи Божией, мои единомышленники. Доказательством же моего усердия служит то, что я постарался ныне собрать ополчение, в

коем находится Сулейман-хан шамхал и вали дагестанский, Сеид-эфенди, Ахмет-хан и другие, для разорения дома Кази-муллы и для поимки как самого, так и семейства его. Когда уже приблизилась смерть Кази-муллы, то заключено между шамхалом и койсубулинским народом условие, с представлением от сего народа аманатов и приведением их к присяге. Но я, за всем тем, не оставлю по возможности своей гнать того изменника, и истребление его, при помощи Божией, имеет случиться от меня. Если же [426] вы окажете мне помощь войском и имением, то я несомненно убью его, разорю дом и захвачу семейство его, по милости Бога. Итак, прошу вас вспомоществовать мне в сем случае.

При этом нужным считаю я донести вашему высокопревосходительству, что хотя Кази-мулла пять раз приходил с ополчением своим и желал убить меня, похитить мое имущество и разорить дом мой, но, благодаря Бога, не имел никакого успеха и даже был рассеян с уроном. Теперь он не выходит из своего дома, а я намерен сделать на него нападение, и не буду покоен, пока не лишу его жизни и имущества" 15.

Из приведенного письма видно, что Доудил-Магома, понимая всю трудность добраться до имама, окруженного немногими, но весьма решительными людьми, собирался против него в настоящий поход, составлял целую коалицию, в которую имел честь попасть даже его высокостепенство вали дагестанский, и отчасти рассчитывал на поддержку со стороны наших войск, следовательно действовал открыто, как на войне, и иритом без всяких своекорыстных видов. С своей стороны, Кази-мулла неоднократно прибегал к тем же мерам, стараясь уничтожить своего врага. Таким образом, было очевидно, что два медведя не могли ужиться в одной берлоге и что вражда этих людей рано или поздно поведет к катастрофе. К несчастью для доброй памяти Доудил-Магомы, которого старались обесславить сторонники Кази-муллы прозвищем подкупленного убийцы, в то же самое время шныряли около имама настоящие, наемные убийцы, вступавшие в торг из-за его головы. Так, генерал Каханов доносил барону Розену 16, что один из гимрынских жителей добровольно заявил шамхалу тарковскому о своей готовности убить Кази-муллу, за что Сулейман-мирза обещал ему 3000 рублей или 4 пастбищных места, [427] удостоверив это обещание распискою и выдачею в аманаты малолетнего сына каранайского кадия. Другой убийца, мюрагинский житель Алибек Амиров, представляется в несколько ином виде. Этого горца подсылал к Кази-мулле Мир-Абдул-Баги дербентский, полагая, что “ревностное усердие" его, бека, а также издержки, на которые он решил не скупиться, будут зачтены нашими властями. Алибек подкарауливал Кази-муллу три недели, проживая в Гимрах, но, не найдя случая совершить убийство без риска за свою собственную шкуру, благоразумно вернулся к своему благородному патрону, сообщив ему между прочим, что при Кази-мулле находятся только 30 преданных ему нукеров из разных деревень Дагестана, днем и ночью охранявших его особу. Убедившись в невозможности безнаказанного убийства, Алибек отложил свое “предприятие" до похода, который замышлял Кази-мулла на праздник Пасхи, уверенный в приверженности к себе дагестанцев, “коих, несмотря на присягу, данную русским и шамхалу, множество." Имам нередко писал и пишет во “все" дагестанские деревни, возбуждая народ к восстанию. “У русских — говорил он — теперь нет силы. Будьте готовы нанести им решительный удар. Как выйдет трава, я явлюсь между вами." Собрав скопище койсубулинцев в Хирбаке, Кази-мулла намерен ударить через Сюргу на владения Аслан-хана, а потом перерезать ему дорогу и напасть на Кубу.

“Алибек — доносил дербентский комендант маиор Шнитников генералу Каханову 17 — вполне доверяя обещаниям Мир-Абдул-Багия и желая быть полезным России, хотя бы с потерею

собственной жизни, хочет исполнить свое намерение когда Кази-мулла придет в Хирбаки, и для сего, чтобы быть готовым к походу, просит исправное ружье, доброго коня и пару платья. Мир-Абдул-Баги с своей стороны просит на сей счет вашего превосходительства приказания и при [428] том уверяет, как Алибек имеет дело с одним им для истребления Кази-муллы, то он не пожалеет, пока жив и в Дагестане, ни денег, ни стараний, надеясь, что вы не забудете его ревностного усердия."

Как хотел жертвовать своею жизнью Алибек, тщательно избегая опасности и цепко держась за свою шкуру — про то история умалчивает. Всякое убийство вне честного боя омерзительно, ничем и никогда не может быть оправдано, и все эти скорбные страницы могут вызвать в русском повествователе давнопрошедших событий одно лишь чувство досады и крайнего сожаления. Наша власть на Кавказе никогда не нуждалась в подобного рода мерах и фактически ни разу к ним не прибегала: не таковы наши нравы и не таково русское сердце, умеющее даже в самом злейшем враге признавать человека с его правом на жизнь и существование. Очевидно, кавказское начальство не знало, что делать и, приравнивая Кази-муллу к государственным преступникам, лишенным покровительства законов, не считало грехом его “истребление." К счастью, обстоятельства сложились так, что Кази-мулла погиб не от руки убийцы, а в бою с русскими войсками, простым воином, не осененный ореолом мученического венца.

Во второй раз Алибек отправился в Гимры с тем же замыслом 18-го февраля, но что он там делал — нам неизвестно.

Между тем Доудил-Магома, как свидетельствуют донесение генерала Каханова корпусному командиру 18 и письмо шамхала тарковского Каханову 19, энергически приступил к осуществлению своего плана. Он уговаривал жителей Эрпели и Караная оставаться верными русским и оказать ему помощь против Кази-муллы. С своей стороны, [429] шамхал отправился склонять к миру койсубулинские общества, имея в виду закрепить соглашение обоюдного присягою и взаимным обменом аманатов. Оба сошлись в Эрпели, откуда вели переговоры с жителями. Среди этих переговоров, далеко не безуспешных, судя по сообщениям Сулеймана, Доудил-Магома получил, 7-го марта, известие, что Кази-мулла сжег дом одного из его родственников. Пылкий горец, не задумываясь, поскакал с несколькими приверженцами в Гимры, отбился на дороге от высланных против него Кази-муллою людей, явился в родной аул, укрепился в нем и, после сильной перестрелки, продолжавшейся несколько часов, пал под ударами мюридов. С самого начала гимрынцы разделились — одни примкнули к Кази-мулле, другие стали за Доудил-Магому. Результат схватки указал им сторону, которой необходимо было держаться: старшина пал, родственники его, а также важнейшие из приверженцев взяты в плен — значит сила осталась за имамом, которому и следовало подчиниться. Не долго размышляя, гимрынцы присоединились к Кази-мулле. Последний не побрезгал принять личное участие в деле вместе с Гамзат-беком, откуда-то явившимся к своему учителю в нужную минуту. Надо полагать, что мюршид имел верные сведения о намерениях Доудил-Магомы и поспешил предупредить его, прибегнув к его же оружию — кровавой расправе.

Покончив с гимрынцами, Кази-мулла широко расправил свои крылья. Он разослал возмутительные воззвания в ближайшие общества, призывая их под свои значки и угрожая в случае отказа силою, а сам с 30-ю мюридами отправился в Гоцатль, рассчитывая на хороший прием у земляков Гамзата. Гоцатлинцы, однако, встретили его недружелюбно, окружили дом в котором он поместился, послали к Сеид-кадию араканскому за помощью и от угроз перешли

к выстрелам. Сеид не заставил себя долго ждать, а [430] Сулейман-мирза, извещенный о случившемся, направил в Эрпели 300 вооруженных шамхальцев. Положение Кази-муллы было крайне опасное, почти безвыходное, но судьба на этот раз сохранила ему жизнь: в то время, как одни из его единомышленников вступили в переговоры с противною стороною, “вошли в посредничество," по выражению документа, другие переодели его в женское платье и вывели из аула. В таком наряде он отправился в Шали.

Неудача ничуть не поколебала железной энергии этого неутомимого человека. Убийством Доудил-Магомы он дал предостережение приверженцам нашей власти и, конечно, желал воспользоваться впечатлением своего кровавого подвига в возможно широкой мере. Кроме того, наступала весна — пора для открытия враждебных действий против русских войск — надо было сбить с толку врага и напасть на него там, где его не ожидали. Чтобы приковать наше внимание к Дагестану, а тем временем попытать счастья за его пределами, ему стоило только поселить тревогу своими властолюбивыми домогательствами среди владетелей и влиятельных лиц, от которых мы исключительно почерпали сведения об его замыслах. За этих людей он и принялся, разослав им после гоцатлинской неудачи свои угрожающие послания. Такую крупную личность, как Улубея, нельзя было пройти молчанием. Кази-мулла ему написал:

“От бедного раба Божьего Кази-Магомета к начальнику Эрпели Улубею — да будет вам мир; аминь. Будь мусульманином, ибо ты потеряешь время мусульманства. На тебя, как и на нас, распространяется польза от религии и на тебе, как и на нас, лежат обязанности, возлагаемые ею. Ислам есть правоверие. Оно возьмет верх и не уничтожится — или ты погибнешь наравне с погибшими. Если же примешь ислам, то в пользу твою настоящая и будущая жизнь, и мы услужим тебе, чем только можем. Впрочем, ты скоро увидишь, чем решится твоя участь." [431]

Встревоженный этим посланием, имея, кроме того, сведения о задуманном Кази-муллою “походе" против нас, Улубей отправил письмо имама к Циклаурову с просьбою поспешнее передать его в руки генерала Каханова. В таком же духе, с приправою неизбежных рассуждений о шариате, получил письмо от мюршида и Сеид-кадий араканский. Сеид забил настоящую тревогу. Он сообщил об этом Каханову, Циклаурову, шамхалу, Паху-бике и Ахмет-хану, приказав своим людям, находившимся в Унцукуле и Казанищах, быть настороже. Считая Кази-муллу единственным виновником замешательства в крае, Сеид-кадий выразил Циклаурову свою мысль в весьма энергичных и определенных словах:

“Знайте, что возмущение не утихнет, ибо он (Кази-мулла) еще не умер, как я о сем неоднократно вам сообщал" 20.

Каханову он доносил, что койсубулинцы находятся в беспокойстве, волнуются и не знают к кому примкнуть. О своих намерениях Кази-мулла никому не сообщает. Его же нет в Дагестане, но куда он направился — толкуют различно. Одни думают, что он в Чечне, другие — что намерен напасть на Ахмет-хана и русских, находившихся в Тарках 21. Известие о движении Кази-муллы в Чечню, быть может, заимствовано было Сеид-кадием от аварской ханши, имевшей, как оказалось впоследствии, точные сведения о ближайших намерениях имама, несмотря на непроницаемую тайну, в которую облекались все его военные предположения.

“Почтенное письмо ваше — писала Паху-бике Сеиду — через родственника вашего Гасан-хаджия я получила, за что приношу вам чувствительную благодарность. Да будет Бог вами доволен. Если вам угодно узнать о нашем состоянии, то, слава Богу, мы в полной [432]

радости, удовольствии и благополучии. Что же касается до Кази-Магомета гимрынского, то он с малочисленным войском, состоящим из разных племен, как-то кувяра (?) и проч., отправился в Чечню со стороны Гигела (Игали?). Народ говорит, что он намерен напасть на крепость Бров (Владикавказ) из числа русских крепостей, а впрочем — Бог знает, как будет впоследствии."

Днем позже Сеид-кадий доносил Циклаурову, что Кази-мулла, находясь в Игали, довольно успешно собирает “войска" из людей прибывающих к нему со всех сторон, и весьма определенно заявил, что потерял доверие к койсубулинскому народу. Араканцы, собравшись, предложили прочим койсубулинским деревням общими силами действовать против Кази-муллы, но унцукульцы и другие, под разными предлогами, уклонились от их намерения.

Если Паху-бике находилась в полной радости, удовольствии и благополучии, то далеко не в таком прекрасном настроении почувствовал себя шамхал тарковский, получив послание от духовного совета, состоявшего при Кази-мулле:

“От уповающего на Всевышнего Бога Магомет-эфендия яраглинского, Кази-мирзы и других помощников Кази-муллы к высокостепенному шамхалу Сулейман-паше — да направит его Всемогущий Бог на путь истины и непоколебимой веры в честь святейшего пророка; аминь.

Слушай с должным вниманием приказания возобновителя закона Кази-Магомета о повиновении твердым правилам шаара, покорности Богом поставленной вере, о молении Создателю и дружбе с нашим Кази-Магометом; тогда ты будешь в числе правоверных и счастлив как в сей, так и в будущей жизни.

Перестань быть дружным с русским народом, беспутным и сбивающим других с пути истины; старайся удалить русских от наших владений и по мере возможности очистить от них мусульманский край. Тогда Всевышний Бог облачит тебя в одежды чести и величия и утвердит твое владычество, доколе не совратишься с пути истины. О, [433] благородный юноша, когда ты предстанешь пред Богом в день страшного суда Его, то Он спросит тебя: отчего ты был в дружбе с врагами Моими и просил их помощи для утверждения своего могущества, между тем как, владычествуя землею и небом, Я даю власть тому, кого нахожу достойным, и унижаю, кого захочу. Весь свет, добро и зло, зависят от произвола Моего. Для чего же ты не вел себя как должно, не помогал поборникам закона и не заставлял своих подданных повиноваться шариату и поддерживать веру, будучи обязан ответственностью за их поведение? Будешь ли ты тогда иметь какое-либо оправдание? Да внушит же Бог тебе желание поддерживать шариат и распространять священную Его веру между твоими подвластными, поставляя правосудных кадиев и верных им помощников.

Если ты сего не сделаешь и не будешь вести себя, как тебе объяснено, то мы непременно пойдем против тебя, разорим деревни и убьем тебя, при помощи Всемогущего. Мы знаем бессилие твое и русских, клянемся Богом, что придем к тебе и сделаем то же самое, что сделали под Тарками. Мы знаем, что у вас нет ни могущества, ни силы, и вы будете унижены, милостью Всевышнего” 22.

В эпохи религиозно-политического возбуждения люди менее чем когда-нибудь справляются с законами Творца. Они беспрестанно всуе призывают Его имя и, ослепленные уверенностью в непогрешимость своих целей и поступков, думают, что Господь участвует во всех их делах, даже преступлениях. При помощи Бога Кази-мулла надеялся уничтожить своих политических

врагов; с помощью того же Бога Доудил-Магома рассчитывал покончить с Кази-муллою. Религия в таких случаях сплошь и рядом прикрывает честолюбие и самые реальные политические виды. Руководители движений большею частью хорошо понимают цели, к которым стремятся, и качество средств, к которым прибегают. Тщательно скрывая свои житейские побуждения, они любят указывать своим противникам на будущую жизнь, [434] как на венец стремлений, и, стараясь оторвать их от земли, постоянно сулят им небо. Простосердечные увлекаются заманчивою перспективою загробной жизни и гибнут, оставляя свое наследие на земле более хитрым и пронырливым, но прозорливые и власть имущие имеют прекрасное обыкновение не отказываться от земного, основательно полагая, что оно не мешает небесному и зная, что наследниками их власти и достояния в этой жизни явятся именно те люди, которые с такою убедительностью проповедуют им блаженство царства небесного. В результате такого движения, с религиозными целями для одних и политическими для других, вырабатывались крепкие государственные организмы, светские у культурных народов и теократические у более или менее первобытных племен.

Потомок Магомета, преемственный вали древнейшего калифата, шамхал почувствовал себя глубоко оскорбленным притязаниями какого-то плебея, говорившего с ним языком повелителя и угрожавшего ему наказанием в случае неповиновения его воле. Быть может, в последний раз проснулась в этом ничтожном человеке гордость — и он приказал Улубею убить того, кто отважится привезти ему оскорбительное письмо мюршида. Но злоба дня и бессилие перед “проклятым" Кази-муллою быстро охладили пыл шамхала, и он в том же письме, в котором жаловался на дерзость имама, с деловитостью подчиненного изложил генералу Каханову о своих распоряжениях по обороне шамхальских владений и представил сведения, имевшиеся у него о намерениях Кази-муллы. По его словам, койсубулинцы не решались присоединиться к имаму, но он успел привлечь к себе андийцев и другие племена верхнего Дагестана. В Эрпели и Каранае Сулейман-мирза поставил для содержания караулов 300 человек своих подвластных. В шамхальстве все было спокойно. [435]

Зашевелился и Ахмет-хан мехтулинский. Он донес генералу Каханову, что часть койсубулинцев, желая остаться в повиновении, продолжает обращаться к нему, но остальные “сего не желают." Кази-муллы нет “в здешних горах;" с малым числом товарищей, он куда-то удалился — в Джары или во Владикавказ — неизвестно. Ходили слухи, что он намерен был идти в Аварию, на владельцев, но, узнав о готовящемся сопротивлении, отказался от задуманного предприятия. Очевидно, и Ахмет-хан находился, подобно Паху-бике, в полном благополучии и довольствии. Нельзя, однако, не обратить внимания на последнее его сообщение. Очень возможно, что истребление аварского владетельного дома уже тогда было задумано Кази-муллою, и Гамзат-бек, совершивший два года спустя это злодейское дело, был не инициатором его, а исполнителем заветной мечты своего неразборчивого, но дальновидного предшественника. Покушение 1830 года на Хунзах еще более подтверждает эту догадку. Новому властителю, всюду заявлявшему свои притязания на первенствующую роль в крае, необходимее всего было овладеть аварским плоскогорьем, чтобы господствовать над большею частью малодоступного и грозного нагорного Дагестана. В 1843 году Шамиль, при более трудных обстоятельствах, успешно разрешил эту важную, намеченную Кази-муллою и подготовленную потом Гамзат-беком задачу. Те же твердыни нагорного Дагестана послужили последнею ареною борьбы нашей на восточном Кавказе.

Спокойнее всех отнесся к новым затеям Кази-муллы Аслан-хан. Ему удалось придумать бесподобную комбинацию, по которой и волки могли быть сыты, и овцы целы. Письмом от 11-го марта 23 он уведомлял генерала Каханова, что не может препятствовать покушениям [436] Кази-муллы на Кубу, но встретит его вооруженною рукою, если он нападет на его владении. В следующем письме своем, представленном Кахановым корпусному командиру 6-го апреля, он сообщал, что Кази-мулла отправился в Чечню и, после остановки в с. Алды, двинулся с своими “бродягами" в Назран и к ингушам. Сведения эти были верны, соответствуя уже совершившимся фактам, но слишком поздние и потому ненужные ни Каханову, ни барону Розену, никому. Далее сообщалось, что ингуши и назрановцы пригласили имама, чтобы производить беспокойства на дороге из Гори к Тифлису и что Кази-мулла намерен пробраться через Гори в Константинополь 24.

Таковы были наши союзники и друзья — в лучшем случае не по разуму усердные, вообще же бестолковые и двоедушные, отчасти коварные и жестокие, всегда плохо осведомленные о противной стороне и пребывавшие, когда не угрожала им опасность за стеною русских штыков или за спиною мюршида, в полной радости, удовольствии, благополучии и, надо прибавить — близорукой простоте.

В убийстве Доудил-Магомы барон Розен не мог не видеть удара, направленного против нашей власти, а из получаемых донесений, нельзя было не заключить, что ближайшая опасность угрожала Дагестану. Озабоченный и встревоженный неблагоприятно слагавшимися для нас обстоятельствами, он писал в конце марта Каханову:

“Вашему превосходительству известно, что непринятие в самом начале возмущения Кази-муллы довольно деятельных против него мер наиболее способствовало его успехам; почему должен заметить вам, что, по получении известий, сообщенных в рапорте вашем, от 11-го сего марта за № 79, вам бы следовало самим отправиться в [437] Тарки, дабы, находясь вблизи места происшествий, иметь возможность действовать по обстоятельствам. Ваше прибытие ободрило бы преданных нам людей, коих смерть Давид-Магомета 25, как видно, привела в большое беспокойство. Почему предлагаю вашему превосходительству с получением сего отправиться в северный Дагестан и принять там нужные, по обстоятельствам, меры. Усердие шамхала тарковского полковника Сулейман-мирзы и капитана Ахмет-хана мехтулинского вам известно; ободряйте и поддерживайте их сколько возможно; с Сеид-кадием араканским и другими преданными нам лицами будьте в частых сношениях. Они испытали уже, какое внимание правительство обратило на заслуги их; теперь должны они оправдать оказанные им милости и усердием и постоянством сделаться достойными новых наград" 26.

Для сохранения спокойствия в северном Дагестане в течение лета, а также для обеспечения этой части края и на будущее время он приказал генералу Каханову привести в исполнение следующие распоряжения:

1) С появлением подножного корма отряд, находившийся в Даргали, перевести в Темир-Хан-Шуру.

2) Все войска в северном Дагестане поручить командованию полковника Мищенко, которому состоять под общим начальством Каханова.

3) Два действующих баталиона 42-го егерского полка, под командою Эриванского карабинерного полка полковника Майбороды, назначить в отряд северного Дагестана.

4) Полковнику Гофману выступить со всеми частями Куринского пехотного полка в Темир-Хан-Шуру, оставив в Дербенте две роты, все лишние тяжести и лазарет этого полка.

5) Отряд северного Дагестана расположить отчасти в [438] Темир-Хан-Шуре, частью же в лагере вблизи этого селения.

6) Немедленно приступить к исправлению строений, необходимых для долговременного пребывания полка в Шуре, ибо “оный во всяком случае не будет выведен из сего места до совершенного восстановления спокойствия в северном Дагестане" 27.

Покуда велась вся эта переписка, из которой мы вышли с пустыми руками, и покуда собирались войска в отряд, Кази-мулла успел спуститься в Чечню, побывать у Владикавказа, Назрана и Грозной и вернуться обратно в Дагестан.

Комментарии

1. Журнал подробный исходящий генерального штаба 2-го отделения 1832 г. № 66. №№ документов 13, 14, 15, 16 и 17.

2. Дело архива окружного штаба 1832 года № 3, ч. I, стр. 124.

3. Письмо барона Розена 1-го военному министру, 14 января 1832 года № 28. Дело архива окружного штаба № 3, ч. I.

4. Там же. Рапорт генерала Вельяминова № 1205, 31 декабря 1831 года.

5. Там же. Рапорт генерала Вельяминова барону Розену, 7 февраля 1832 года № 31.

6. Дело тоже, стр. 161. Письмо Улубея к генералу Каханову, 18 января 1832 года.

7. Рапорт генерала Вельяминова корпусному командиру, 2 марта 1832 года № 75. Дело тоже.

8. Письмо от 21 февраля 1832 года.

9. Рапорт от 29 февраля № 64. Там же.

10. Очевидно, ошибка — в Эрпели.

11. Рапорт генерал-маиора Каханова барону Розену, 16-го февраля 1832 года № 51. Дело то же.

12. Донесение нухинского полицеймейстера, представленное при рапорте и. д. шекинского коменданта 27-го марта 1832 г. № 6.

13. Письмо от 22-го февраля 1832 г. Дело штаба отдельного кавказского корпуса по ген. шт. 2-го отд. № 3, ч. I. 1832 года.

14. Там же. Предписание Сулейман-мирзе № 184.

15. Письмо помечено 25-м февраля 1832 года. Дело то же.

16. Рапорт от 8-го января 1832 г. № 12. Там же.

17. Рапорт его от 22-го февраля 1832 г. № 6. Дело то же.

18. От 9-го марта № 74. Дело то же.

19. От 10-го марта, без №. Дело то же.

20. Там же.

21. Дело то же. Письмо помечено 10-м марта.

22. Дело то же; числа не имеется.

23. Рапорт генерала Каханова корпусному командиру, 19-го марта 1832 г. № 90. Дело то же.

24. Не имеет ли это сведение прямую связь с известными словами Кази-муллы: “Пойду на Константинополь, свергну султана и восстановлю там истинную веру." Аслан-хан нередко лукавил, но нелепостей никогда не доносил.

25. Доудил-Магомы.

26. Предписание корпусного командира генералу Каханову, 22-го марта № 108. Журнал подробный исходящий ген. шт. 2-го отд. № 66, 1832 г.

27. Предписание корпусного командира генералу Каханову, 15-го марта № 185. Журнал подробный исходящий ген. шт. 2-го от. 1832 г. № 66.

Текст воспроизведен по изданию: Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник, Том 16. 1895

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

ВОЙНА НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

С 1824 ПО 1834 г.

В СВЯЗИ С МЮРИДИЗМОМ

XXIII.

Назрановские ингуши. Тревога, произведенная внезапным появлением Кази-муллы в окрестностях Владикавказа и Назрановского укрепления. Загадочность его целей. Движение отрядов кн. Бековича-Черкаского и генерала Вольховского. Покушение имама против Грозной и возвращение в Дагестан. Новые беспокойства в Чечне. Советы и воззвания Кази-муллы. Набег Засса у Албул-юрта. Заблуждения Каханова. Каранайские изменники н Мищенко. Неизбежные результаты неопределенности, в которой держал Кази-мулла край. Отряд северного Дагестана. Виды имама на даргинский союз. Измена цудахарцев. Прибытие Кази-муллы в Куппу. Магомет-кадий акушинский.

В начале марта генерал Вельяминов обратил особенное внимание на ингушей, поселенных за несколько лет перед тем на речке Назране, впадающей в Сунжу с левой стороны. Ингуши сами просили принять их под наше покровительство и позволения выйти из гор на плоскость. Для защиты их построено было небольшое укрепление, подчиненное вместе с поселившимися около его ингушами владикавказскому коменданту. Такое подчинение мотивировалось очень просто: место находилось в 30-ти приблизительно верстах [439] от Владикавказа и у Сунжи, на

которой, кроме этого пункта, нс существовало тогда ни одного поста. Ингуши вышли из гор в небольшом числе и в самом беднейшем положении. С тех пор многое изменилось. Население быстро увеличилось, отчасти естественным путем, частью новыми выходцами из гор. Пользуясь плодородною землею и не участвуя ни в каких повинностях, народ оправился, разбогател и в описываемое время мог выставить около 1000 всадников. В знак признательности за благосостояние, которым пользовались назрановские ингуши под защитою и покровительством русской власти, они принимали к себе разбойников, укрывавшихся в далеких чеченских деревнях и отправлявшихся оттуда для хищничеств на военно-грузинскую дорогу, между Ардонским укреплением и Владикавказом.

Неизвестно, имел ли Вельяминов в своем распоряжении положительные сведения об укрывательстве ингушей, но в единственном документе, касающемся этого предмета, он указал лишь на то обстоятельство, что без содействия назрановцев набеги не имели бы места на указанном пространстве. Чтобы держать в руках назрановское население и прекратить разбои, Вельяминов просил барона Розена передать начальство над укреплением назрановским, с находившимися там войсками и окрестным населением, командующему сунженскою линиею генерал-маиору кн. Бековичу-Черкаскому 28. Последний, по мнению Вельяминова, имел более средств держать ингушей и соседних с ними покорных карабулаков в должном повиновении, следить за связями их с неприязненными племенами и, коротко зная нравы горцев, скорее находить способы для достижения цели, не прибегая к силе оружия, “если только это [440] возможно." Надзор за назрановцами был слаб, и вот по какой причине:

“Сколько мне известно — доносил тут же Вельяминов корпусному командиру — владикавказские коменданты никогда не имели военных способностей и достаточного количества войск в своем распоряжении, чтобы принудить вероломный народ сей исполнять обязанности свои против благодетельствующего им правительства и прервать связи с хищниками."

Ходатайство Вельяминова не имело успеха. Барон Розен отказал ему, ссылаясь на Высочайшее повеление, по которому назрановцы подчинены были владикавказским комендантам. Вельяминов замолчал.

В то же время те же самые назрановские ингуши понадобились и Кази-мулле. Невозможно с точностью сказать, чего желал он от этого разбогатевшего и потому тяжелого на подъем населения, но есть основание предполагать, что имам задумал вторгнуться в Кабарду, овладев предварительно Владикавказом или Назраном и заручившись преданностью к себе назрановских ингушей 29. Впоследствии, 14 лет спустя, этот в высшей степени смелый и крайне опасный для нас план осуществлен был, хотя и неудачно, Шамилем.

В середине марта непроницаемая завеса, за которою таились намерения Кази-муллы, начала мало по малу раскрываться. 13-го числа генералу Вельяминову донесли, что имам будет через 2 дня на Мичике, куда вызывает жителей из окрестных деревень. Хотя командующий войсками на линии и не допускал значительного сбора партий в такое время года, тем не менее в обеспечение нижней Сунжи и владений кумыков он приказал князю Бековичу-Черкаскому расположить баталион Эриванского карабинерного полка в ст. Старогладковской, а Херсонского гренадерского — [441] в Кизляре 30. Надо полагать, что вслед затем Вельяминов получил новые и более важные сведения, указывавшие на Кабарду, как на конечную цель движения Кази-муллы, так как уже 22-го марта находим части довольно сильного отряда кн.

Бековича-Черкаского на походе с сунженской линии к Моздоку 31. Направление сюда этих частей не может быть иначе объяснено, как опасением Вельяминова за Кабарду, покушение против которой, по странному противоречию с первоначальными распоряжениями, он ставил в узкие рамки ничтожной задачи, которую едва ли преследовал Кази-мулла. За участь Владикавказа, он не тревожился. Назрановское укрепление могло, пожалуй, сделаться добычею горцев, но лишь в крайнем случае, при полной оплошности коменданта, чего не допускал Вельяминов, основываясь на постоянных предписаниях, отдаваемых им всем вообще воинским начальникам, находиться в полной готовности против нападения. Кроме того, он сильно рассчитывал на отряд кн. Бековича-Черкаского и ни на одну минуту не сомневался в его успехе. Последнее обстоятельство не помешало ему, впрочем, сделать распоряжение командующему кабардинскою линиею генерал-маиору Горихвастову — отклонять кабардинцев от сношений с мятежниками и от участия в мятеже, а екатерино-градскому воинскому начальнику маиору Алехину — приостановить отправление денег, посылок, обозов и транспортов, следующих из Екатерино-града в Грузию, как только военно-грузинской дороге станет угрожать серьезная опасность от партий Кази-муллы. Барону Розену он доносил:

“Вообще я полагаю, что сии слухи о намерении Кази-муллы [442] напасть на Владикавказ, Назрановское укрепление и военно-грузинскую дорогу распускаются ложно, а вероятнее всего, что он сделает нападение в Малую Кабарду, и собственно для разорения имения князя Бековича, в оной находящееся" 32.

Гораздо серьезнее смотрел на новое предприятие Кази-муллы кн. Бекович-Черкаский. 3-го апреля, когда гроза пронеслась мимо и представилась возможность собрать более или менее точные сведения о происшествии, которое не могло повториться в ближайшем будущем снова, он доносил корпусному командиру: 33

“Намерение Кази-муллы было, как он уверял чеченцев, сперва взбунтовать ингушей и, усиливши как ими, так и чеченцами своих сообщников, истребить крепость Владикавказ и Назрановское укрепление, чтобы тем пресечь всякое сообщение по военно-грузинской дороге, потом действовать в Кабарде и на чеченские деревни, по Тереку населенные."

Когда имам тронулся с места и откуда выступил — трудно определить. Вероятнее всего, он вышел из Гимр в промежуток между 10-м и 12-м марта, быстро прошел Андию и показался в Чечне 13-го числа. Партия, с которой он перевалил в Чечню была, ничтожна. Она состояла из койсубулинцев, кудалинцев, гумбетовцев и андийцев; в ней попадались жители Чирката, Дануха, Сиуха, Анкидатля, Ансальты, Унцукуля, Игали и других селений, счетом до 29-ти 34.

17-го марта полковнику Сорочану, командиру 40-го егерского полка и старшему начальнику в кр. Грозной, дали знать, что Кази-мулла прибыл в с. Чахкири-Варандой, лежащее в верховьях Аргуна. 18-го съехались к имаму все почти нерасположенные к нам старшины чеченских [443] деревень, упрашивая его приблизиться к Грозной, отрезать от нее и наказать преданное русским население и, если возможно, прервать сообщения этой крепости с линиею. Такому намерению, пожалуй, соответствовало скопище, быстро возросшее до 2000 человек, при деятельном содействии Гамзат-бека, Шейх-Абдулы и кабардинского князя Хамурзина, присоединившего к толпам мятежников до сотни своих кабардинцев, но Кази-мулла, преследовал, по-видимому, другие, более широкие цели. Не обращая никакого внимания на просьбы чеченских старшин, мюршид того же числа вечером повернул к с. Чинагой-Гойте и на другой день, усилившись вновь сбежавшимися толпами чеченцев, прибыл в с. Ачхой.

Отсюда, имея в виду поднять против нас карабулаков 35 и вместе с ними напасть на Назрановское укрепление или на Владикавказ, он двинулся вверх по р. Арштой-Мартану и 21-го числа вступил в с. Галашки. 22-го скопища его появились в с. Закхи, в 7-ми верстах от Владикавказа.

Владикавказский комендант г.м. Оранский был извещен движении горцев только накануне, 21-го марта. Ему донесли, что огромное скопище раскинулось биваком у Пхан-кичу, покушаясь на преданные нам аулы; о самом же Кази-мулле не имелось достоверных известий: одни говорили, что он находился при скопище, но “еще не показывается открыто народу," другие утверждали, что он скоро прибудет к Урус-Мартану. Полагая, что горцы имели “другое" намерение и тревожась за Владикавказ, укрепления которого находились в самом жалком состоянии, а форштаты и вовсе не укреплены, Оранский приказал завалить чем попало бреши и устроить на бастионных насыпях завалы из бревен, приготовленных для постройки церкви. Вместе с [444] тем он отправил ингушевского пристава подполковника Щелкачева с конвоем из 32-х человек на разведки к Назрановскому укреплению. К рассвету следующего дня пришло известие, что Кази-мулла приблизился к Арчи-юрту с намерением напасть на крепость. Тревога распространилась по окрестностям Владикавказа. Жители ближайшего к нему осетинского аула поспешили укрыться с своим имуществом под защиту крепостных валов; гарнизон стал в ружье. Пять офицеров милиции, из осетин, высланные Оранским к стороне Арчи-юрта, встретились у деревни Шальхи, в 4-х верстах от Владикавказа, с тремя горцами из скопища мятежников. Одного из них они убили, прочие умчались. Сведения, полученные затем от Сорочана из Грозной и от Щелкачева из Назрана, подтверждали известия о намерении горцев овладеть, при содействии ингушей, Назраном и Владикавказом. Карабулакское население, жившее по Ассе, присоединилось к мятежникам, но ингуши, более всего нужные Кази-мулле, колебались. В тот же день разъезды, беспрестанно высылаемые из крепости, донесли что кавалерия Кази-муллы отчасти рассыпалась по ингушевским равнинам, частью же потянулась по Камбилеевке; пехота мятежников свернула на тарскую дорогу и заняла с. Закхи, жители которой разбежались. Густой туман, покрывавший окрестности Владикавказа, не позволял хорошенько разглядеть движений скопища и определить его численность.

Так прошел день 22-го марта. Гарнизон ожидал нападения и находился в полной готовности встретить горцев, но в чем заключалась эта готовность — документы не объясняют. Еще менее известно, кого посылал генерал Оранский на разведки и какие он принял меры в защиту окрестного, преданного нам населения. Надо думать, что, по обычаю старого времени, он замкнулся в крепости, приготовился, как мог и как умел, к отпору и, не желая рисковать [445] ни одним солдатом из своего гарнизона, посылал на разведки служивших у нас осетин, кистин и ингушей. Еще меньшую предприимчивость обнаружил он на следующий день, узнав, что вся плоскость между Камбилеевкою и Сунжею покрыта толпами горцев, численность которых, по донесениям, простиралась до 4000 человек. Цифру эту он, конечно, считал более или менее преувеличенною, но не сомневался в том, что скопища Кази-муллы значительны. По сведениям, ингуши с верховьев Сунжи и Камбилеевки, а также некоторые карабулаки отправились с неизвестною целью к мюршиду, но семейства их остались дома. В отношении жителей Кази-мулла держал себя осторожно и с большим тактом. Никого не притесняя и не насилуя ничьей воли, он объявил им, что ожидает от них содействия только в том случае, если одолеет русских: “вас не трону, а держитесь тогда меня, когда будет мой верх" 36. Носились слухи, что он ожидает царевича Александра, с войсками которого думает соединиться и

открыть действия выше Дарьяла. Прибытию царевича Александра, конечно, могли верить одни только простодушные горцы, но мысль проникнуть в дарьяльские теснины была зрелая, вполне стратегическая, грозила нам большою опасностью и могла прийти только в голову умного имама. В 1846 году Шамиль, вторгнувшись в Кабарду, предпринял такой маневр, поручив для этого большое скопище лучшим своим наибам, но предприятие не имело успеха, вследствие чего, быть может, Шамиль и потерпел неудачу в самой Кабарде. Разъезд высланный 23-го марта к Назрановскому укреплению, не обнаружил присутствия горцев в этом направлении вплоть до деревни Судиевой. По рассказам жителей, мятежники “ужинали" подле с. Кита, а в 10-м часу вечера внезапно [446] удалились в ущелье Ассы, к галашевцам. Сведения эти согласовались с донесением Щелкачева, извещавшего, кроме того, о неудачной попытке Кази-муллы вступить в сношения с назрановскими ингушами. Щелкачев еще раз подтверждал, что мятежники готовы ударить на Назран, но владикавказский комендант не нашел никакой возможности в данное время оказать ему помощь, ссылаясь на слабость владикавказского гарнизона, на обширность пространства, охватывавшего крепость с форштатом, и на жалкое состояние крепостных верков. Но если бы Кази-мулла бросился со всеми своими силами на это укрепление, то генерал Оранский обещал отправить к Назрану сильный отряд. Совсем не сложная, но довольно тонкая тактика почтенного коменданта, надо полагать, была в достаточной мере понята и Щелкачевым, и корпусным командиром, которому Оранский ежедневно посылал свои донесения.

Самым наглядным признаком того, что скопища ушли и опасность миновала, могло служить воинственное настроение, вдруг охватившее жителей селений, находившихся по кабардинской плоскости, Камбилеевского, Ново-Осетинского и Киржинского. Явившись к Оранскому, они заявили о своем намерении устроить в Камбилеевке укрепление, чтобы дать в нем отпор Кази-мулле в случае нового покушения, и просили коменданта снабдить их патронами. Оранский приказал отпустить им из артиллерийского парка “до 620" патронов.

Одновременно с появлением скопищ Кази-муллы у Владикавказа, мятежники заняли окрестности Назрановского укрепления, расположившись в виду аулов Кирей-юрт, Базыр-юрт и селения Хасаева. Старшины этих деревень прибежали к поручику Кардановичу, остававшемуся начальником укрепления во время отсутствия Щелкачева, и объявили, что Кази-мулла отнимает у них скот для [447] продовольствия и фураж для лошадей, угрожая полным разорением, если н течение двух дней они не присоединятся к его скопищу. Карданович донес Оранскому, что жители “решительно" просят помощи, иначе поставлены будут в необходимость уступить требованиям бунтовщиков.

“Я дал ответ — так доносил владикавказский комендант корпусному командиру — что это пустой страх и что, может, они сами желают к ним присоединиться. Ежели они хотят доказать верность, то пусть выберутся с имуществом под защиту Назрановского укрепления (хотя это трудно на 25 верст), а коли передадутся — будут строго наказаны. Я дал такое наставление, какое нашел нужным, но, осмеливаюсь доложить, что с крепости никакой им помощи дать нельзя, на расстоянии 50-ти верст, и эти люди в критическом положении: передадутся — отвечают перед правительством, не передадутся — мятежники их разорят" 37.

Страх ингушевских старшин был не совсем напрасен. Горцы Кази-муллы уже сожгли четыре деревни — Тали-юрт, Джурджи-юрт, Цолите и Тарги-юрт — в 15-ти верстах за Назрановским укреплением, и, конечно, не задумались бы над остальными, если бы их повелитель продолжал нуждаться в повиновении ингушей, а они почему-либо вздумали упорствовать. К

счастью для назрановцев, Кази-мулла поторопился своим смелым, далеко еще не созревшим предприятием и, заметив свою ошибку, тотчас же, не давая времени судить о постигнувшей его неудаче, повернул свои скопища назад, в горы.

Таким образом все кончилось благополучно не только для Владикавказа, покушение против которого едва ли обещало успех, но и для назрановского укрепления, разнести которое не представляло, по-видимому, особенного труда. Пользуясь таким исходом, верхне-сунженские и верхне-камбилевские ингуши, ездившие к Кази-мулле, постарались придать [448] своей поездке разведочный характер, за что удостоились внимания высшего начальства, а перед одним из них мы даже остались в долгу за описание особы имама, избегавшего, на манер восточных деспотов, без надобности показываться народу:

“А Асланука говорит — доносил Оранский Вельяминову 38 — что видел самого Кази-муллу, описывает его небольшой рост, рыжую бороду, чалму, обернутую ситцем, синюю (?) бурку, на хорошей лошади, вооруженного весьма отлично."

Насколько соответствовал этот туманный портрет оригиналу — судить не беремся.

В последующих донесениях генерала Оранского корпусному командиру, попадаются указания, проливающие некоторый свет на причины, заставившие Кази-муллу отказаться от своего рискованного предприятия и вообще на все это невыясненное дело. Так, в донесении владикавказского коменданта от 25-го марта 39 читаем: “Когда Кази-мулла был близь Владикавказа, то ожидал к себе галгаев, но те не успели." Тем менее могли поспеть акинцы и цоринцы, запрятанные в самой глубине гор, а между тем вместе с галгаевцами их могло собраться до 800 человек. Если эта толпа в 800 человек составляла до того крупную единицу в расчетах имама, что остановила его у самой цели, то скопища его были далеко не так многочисленны, как сообщалось об этом со всех сторон. С ними трудно было подействовать на назрановцев, увлечь которых могла только одна внушительная сила или удачный набег, например, на Назрановское укрепление. Очевидно, Кази-мулла не располагал этой силой даже настолько, чтобы овладеть Назраном. За исключением четырех деревень, сожженных в [449] первоначальном чаду заманчивых планов и надежд 40, он не тронул назрановцев, не наказал их даже за убийство по крайней мере 25-ти чеченцев и за угон лошадей из его скопища, и чем свидетельствовали донесения кн. Бековича-Черкаского. Он ушел неслышно и мирно, оставив после себя ничтожный след и не озлобив назрановских ингушей, мирная развязка с которыми могла пригодиться ему впоследствии для обеспечения тыла при движении в Кабарду. Наоборот, если бы цель его заключалась в нападении на Назран или Владикавказ, он не остановился бы перед крутыми мерами, чтобы потом, при вторичном покушении на эти укрепленные пункты, найти в ингушах большую склонность к повиновению. Эта мысль косвенно подтверждается также донесением Оранского от 14-го апреля 41. Один из его лазутчиков отправился к известному по своим связям с Кази-муллою цоринцу Бехо Амиеву и, без труда овладев его доверием, узнал, что “первое их покушение на Владикавказ было неудачно потому, что преждевременно предпринято, как о нем написано было в книге святой, о чем объявил им Кази-мулла." Так как имам имел прекрасную привычку скрывать свои намерения даже от самых преданных и близких ему людей, о чем единогласно свидетельствуют тогдашние документы, то тем менее мог знать о планах его какой-то цоринец, Бехо Амиев, пожалуй, человек ему известный и у себя влиятельный, но ограниченный и живший в страшной трущобе; поэтому в “книге святой" приблизительно было сказано

следующее: “Бехо, как человек болтливый, должен думать, что имам покушался против Владикавказа; об этом полезно знать и русским."

Главнейшим препятствием, остановившим развитие [450] действий Кази-муллы, следует считать быстрый сбор наших войск к Моздоку, в прикрытие Кабарды, и движение отряда кн. Бековича-Черкаского к Назрановскому укреплению. По роспуске войск, участвовавших в зимней экспедиции генерала Вельяминова в Чечне, кн. Бекович-Черкаский приехал из Грозной в Червленную станицу. Узнав о движении Кази-муллы к Владикавказу, он поскакал 22-го марта в Моздок, чтобы соединить в нем баталионы Московского, Бутырского, Херсонского и Эриванского полков с артиллериею и, переправившись с ними через Терек, следовать к назрановскому укреплению, которое, по донесениям, могло быть атаковано уже ночью 20-го числа. 1-й и 2-й баталионы 40-го егерского полка он оставил на месте, имея в виду усилить ими в случае надобности гарнизоны Таш-кичу или Внезапной и обеспечить амир-аджи-юртовскую переправу, а 3-й баталион этого полка отправил в ночь с 19-го на 20-е в Грозную, по просьбе полковника Сорочана. Все полученные им до того времени известия подтверждали слухи о намерении Кази-муллы напасть на Владикавказ или Назрановское укрепление и прервать сообщения по военно-грузинской дороге с линиею. Спустившись в Чечню через с. Чахкири, он радостно встречен был населением и ежедневно увеличивал свое скопище чеченцами и карабулаками. Его пехота собралась в прежнем укреплении Преградного Стана, который и думал атаковать кн. Бекович-Черкаский, в предупреждение дальнейших успехов мюршида 42. 24-го числа Бекович прибыл в Моздок и немедленно, не ожидая прочих войск, переправил Московский и Бутырский полки на правый берег Терека, а с рассветом 25-го марта послал баталион Эриванского полка с 3-мя орудиями батарейной № 1 роты 20-й артиллерийской бригады вниз по правому берегу реки к наурской переправе, где они должны были [451] расположиться лагерем и поступить в распоряжение полковника Сорочана. Утром того же числа, с отрядом из Московского и Бутырского полков, одного баталиона Херсонского полка, 4-х орудий донской № 3 роты и взвода батарейной № 1 роты 20-й артиллерийской бригады, он тронулся к Назрановскому укреплению, на полпути остановился переночевать и 26-го вечером прибыл в Назран. Здесь он узнал что Кази-мулла, извещенный об его движении, спустился к Сунже, занял деревню Куллар, в 25-ти верстах от Грозной, и отбил 700 баранов у галашевских жителей. Не находя возможным перенести действия на Сунжу но совершенному недостатку фуража 43 и надеясь на силу грозненского гарнизона, который мог быть усилен 40-м егерским полком и баталионом Эриванского полка, кн. Бекович-Черкаский отправил обратно свой отряд за Терек, а сам прибыл в Грозную.

Предприятие Кази-муллы не обещало успеха еще потому, что ему не удалось, по невыясненным обстоятельствам, организовать действия в дарьяльском проходе или в одном из соседних с ним ущелий для перерыва военно-грузинского пути. Быть может, случайные причины, вроде снежных обвалов, прекративших сообщения горных обществ с этими теснинами, расстроили здесь его смелый замысел, но, вероятнее, неудача произошла от неготовности самих обществ, еще не привыкших к единодушным действиям и к повиновению дагестанскому повелителю. Так как в первоначальных сведениях, полученных высшим кавказским начальством о покушении против Назрана и Владикавказа вовсе не упоминалось о намерении Кази-муллы пробиться в дарьяльские теснины, то оно и приняло меры, необходимые только к сохранению свободных сообщений по [452] военно-грузинской дороге между Кайшауром и Владикавказом. О безопасности расположенных на этом протяжении постов позаботился генерал Вельяминов, предписав владикавказскому коменданту при

первом известии о больших скопищах у военно-грузинской дороги свести команды из редута невинского, а также с постов архонского и балтинского во Владикавказ, с ларсского поста в Дарьял и с казбекского в Коби. Барон Розен получил первое известие о движении Кази-муллы к Владикавказу 24-го марта 44. Не теряя времени, он предписал подполковнику Челяеву собрать в Квишете пеших и конных хорошо вооруженных осетин, принять нужные меры к обеспечению военно-грузинской дороги и разузнать, что делалось вокруг Владикавказа. В тот же день предписано было двум ротам, 1-й гренадерской и 9-й мушкетерской, Херсонского гренадерского полка следовать из Гори к Квишету, а 2-м орудиям 2-й легкой роты кавказской гренадерской артиллерийской бригады поспешно двинуться на соединение с ними из Гомбор; туда же направлена была и конвойная сотня корпусного командира. Командование этим отрядом, а также частями, разбросанными по военно-грузинской дороге, барон Розен поручил обер-квартирмейстеру генерал-маиору Вольховскому, от которого ожидал тем большей пользы, что генерал Оранский, недавно прибывший на Кавказ, не успел еще познакомиться с краем. Последнему предписывалось вполне сообразовать свои действия с словесными приказаниями, преподанными бароном Розеном генералу Вольховскому 45.

Челяев без труда набрал в течение двух дней до 150 человек горской милиции, но не двигался далее, даже не собирал эту милицию в сборный пункт, так как [453] против военно-грузинской дороги никто никаких покушений не предпринимал. Вольховский, прибывший 25-го числа в Квишет, мог убедиться, что проезд по дороге вплоть до Владикавказа действительно свободен. Не зная, однако, в каком положении находятся дела у этой крепости, он приказал команде из 40 человек Кавказского линейного № 6 баталиона направиться из Кайшаура в Коби, а милиции Челяева н конвойной сотне, усиленной казаками, взятыми в Кайшауре, собраться к 27-му числу в с. Казбек. Хотя вечером ему доподлинно стало известно, что в окрестностях Владикавказа уже нет скопищ, тем нс менее, допуская возможность вторичного покушения горцев, находившихся между Сунжею и Ассою, он не нашел нужным остановить движение команд. Он полагал также, что джераховцы сообщат о следовании наших войск кистинам и галгаевцам и этим удержит последних от всякого покушения на военно-грузинской дороге, если бы, “сходно с прежними известиями они имели сие намерение." Из этих слов видно, что Вольховскому уже были известны поползновения Кази-муллы на дарьяльский проход. Галгаевцы, однако, не шевелились, а люди, посланные Челяевым на разведки к Владикавказу, донесли, что Кази-мулла окончательно удалился в Чечню, поспешно следуя с конною партиею впереди своего скопища. Основываясь на этих сведениях, Вольховский приостановил 9-ю мушкетерскую роту Херсонского полка и собранных Челяевым осетин в Кайшауре, а 1-ю гренадерскую роту того же полка — в Душете. Конвойную сотню он решил провести далее, “дабы убедить жителей, что войска действительно были в движении" 46. 27-го числа, узнав уже во Владикавказе о приближении отряда кн. Бековича-Черкаского к Назрановскому укреплению, он распустил осетин Челяева, [454] отправил конвойную сотню в Тифлис, а ротам Херсонского полка приказал оставаться на местах до особого распоряжения корпусного командира. На другой день барон Розен приказал взводу 2-й легкой роты кавказской артиллерийской бригады, задержанной в Тифлисе, возвратиться в свою штаб-квартиру.

Далеко не отрадное впечатление произвело на Вольховского состояние владикавказской крепости и оборонительных постов, содержимых на военно-грузинской дороге. Во Владикавказе, по заложении бревнами слабейших мест полуразвалившихся укреплений, кое-где устраивались палисады и штурмфалы из дровяного леса, приготовленного для госпиталя, и, где можно, насыпался вал. Форштаты генерал Оранский рассчитывал обнести плетнем, для

которого уже заготовлялся хворост. Строения дарьяльского поста окружены были каменною кладкою, которую предполагалось поднять на высоту, достаточную для защиты против нечаянного нападения. В прикрытие трех мостов, имевшихся в дарьяльском ущельи, решено “выложить" три каменных башни 47.

В тот же день, 27-го марта, получив известие о прибытии кн. Бековича-Черкаского в Назрановское укрепление, Вольховский выехал туда, чтобы обстоятельнее донести о всем случившемся барону Розену.

Оставляя окрестности Владикавказа и Назрана, Кази-мулла не сразу потянул в горы. Разорив с. Закху за то, что жители ее разбежались, он направился к карабулакам и провел у них два дня. Скопище его нуждалось в продовольствии и фураже, но он его еще не распускал. В ночь с 25-го числа на 26-е он передвинулся в с. Даут-юрт, в 20-ти верстах от Грозной. Пешие толпы расположились по деревням и забивакировали в лесу, а конные готовились переправиться у с. Куллара на левый берег Сунжи для более [455] удобного продовольствия лошадей. Окрестное население удалилось с своим добром частью в с. Старый юрт, отчасти под защиту Грозной. Полковнику Сорочану донесли, что скопище доходит до 10-ти слишком тысяч человек, вследствие чего он приказал 3-му баталиону Эриванского полка, оставленному кн. Бековичем-Черкаским у наурской переправы, прибыть в Грозную. Между тем Кази-мулла перешел в с. Дикин-Каж, оставив скопище на прежних местах и выдвинув конные ведеты на левый берег Сунжи. О предположениях его нельзя было узнать, так как, кроме самых ревностнейших последователей, у него никто не бывал и не говорил с ним. К нему везли из чеченских деревень много печеного хлеба 48. 28-го утром Сорочан получил известие, что мятежники тянутся вниз по Сунже к Грозной и что деревни Амир-хан-кичу и Бурун-юрт уже ими заняты. Сильный туман, препятствовавший видеть движение горцев, держал гарнизон за крепостными валами. К 11-ти часам туман очистился, причем оказалось, что Кулиева деревня, в 2-х верстах от крепости, занята значительными силами неприятеля и зажжена. Горели также Амир-хан-кичу и Бурун-юрт. Конные и пешие толпы не переставали стягиваться к Кули-юрту, останавливались там и располагались в его окрестностях. Горцы сделали попытку зажечь Сарачан-юрт, но выстрелами из крепостных орудий и ружейным огнем с полуострова были прогнаны. Смелость наездников доходила до того, что они подъезжали почти на ружейный выстрел к крепостным валам.

Заметив, что горцы усиливаются свежими партиями и намерены, по-видимому, утвердиться в деревне, Сорочан решил действовать. В час пополудни он приказал капитану 40-го егерского полка Неверовскому, с 400-ми егерями 43-го полка при 3-х орудиях, выгнать неприятеля из [456] деревни. Лишь только отряд вышел из злобненских ворот и двинулся вверх по левому берегу Сунжи, как мятежники, не желавшие принимать боя, начали стягиваться к оконечности селения, подальше от крепостных валов, к стороне Хан-кала. Тогда Сорочан послал Неверовскому приказание ускорить движение колонны. Пехота взяла ружья наперевес и тронулась бегом, а орудия, рысью подскакав на близкую картечь, обдали ею горцев. В то же время открыла стрельбу крепостная артиллерия из люнета. Мятежники, поражаемые удачными выстрелами артиллерии, менее чем в четверть часа оставили деревню и поспешно потянулись к хан-кальскому ущелью. У входа в это ущелье они остановились, но минут через пять Кази-мулла с аргунцами пустился в путь через Хан-калу, а карабулаки и чеченцы с дихийских полей повернули опушкою леса к с. Алды и затем разошлись по домам. Со стороны мятежников были убитые и раненые; мы же потерь не имели 49.

По объяснению кн. Бековича-Черкаского, располагавшего всегда довольно верными сведениями, Кази-мулла приблизился к Грозной с тем, чтобы направиться от Кули-юрта на Терек и выселить оттуда все деревни в Чечню. Но едва ли Кази-мулла имел такое намерение. После неудачи у владикавказских ингушей, расстроивших до некоторой степени его главный, еще не назревший план, ему ничто не мешало побывать у Грозной, распространить тревогу в окрестных аулах и лишний раз посмотреть, как русские войска замкнутся перед ним в крепость. Такие маневры, кроме того, приучали чеченцев к повиновению, к сборам и переходам, закрепляли связи с имамом и, без всякого риска, давали ему обильный материал для соображений на будущее [457] время. Покончив с совершенно второстепенным делом у Грозной и не рассчитывая на успех в ближайшем будущем, он искал случая возвратиться назад под каким бы то ни было предлогом. Энергическое действие грозненского гарнизона как нельзя лучше соответствовало его намерению — и он также быстро ушел с плоскости, как и появился на ней. Чеченцам он говорил, что войска его терпят большой недостаток в продовольствии, лошади его лезгин изнурены, корма в скором времени не предвидится, а между тем чеченцы не исполняют своих обещаний и не во всем оказывают ему содействие. По сведениям кн. Бековича-Черкаского, чеченцы поссорились с Кази-муллою и разошлись, а тавлинцы, обманутые в своих ожиданиях, отправились большими партиями по разным дорогам обратно к себе в горы. Сам Кази-мулла, нигде не останавливаясь, шел через мичиковские деревни на Мискит и оттуда через Алмак в Шали, к своему учителю и тестю Гази-Магомету яраглинскому. Гамзат-бек с 29-го на 30-е марта отправился через Ичкерию прямо в Аварию. Дорогою Кази-мулла не переставал уверять чеченцев, что непременно явится к ним к 10-му числу будущего лунного месяца 50.

Чеченцы, конечно, не могли питать благодарности к дагестанскому имаму за бесплодный исход предприятия, да не без того, чтобы и лезгины их порядком не объели, но до крупной ссоры было еще далеко. Наоборот, судя по многим документам, есть основание думать, что Кази-мулла в этот мимолетный и неуспешный поход еще более закрепил свои связи с чеченцами, внушил им доверие к себе, водворил у них своего ставленника и преподал им такие советы, которые неизбежно вели к упорной и [458] продолжительной борьбе. 8-го апреля Сорочан доносил генералу Вельяминову 51:

“Сего числа приезжал ко мне закан-юртовский житель Сара-Али и объявил, что в Гойте остался из скопища Кази-муллы какой-то ученый закубанец, который уверяет чеченцев с клятвою на алкоране, что он оставлен здесь для того, чтобы иметь наблюдение за ними и поддерживать их своими советами; имеет с Кази-муллою переписку, который обещает якобы после курбан-байрама непременно быть в Чечне; до того же, чтобы чеченцы не покорялись русским, а старались выгонять покорных из домов, жили бы непременно в лесах и занимались посевом кукурузы, чтобы в случае истребления русскими посеянного на полях хлеба можно было заменить недостаток оного. Что действительно Кази-мулла писал о сем чеченцам подтверждает сие алдинский житель Кузубаки, на сих днях прибывший из Кубачи. Слух о сем разнесся до самого Назрана, и народ, по глупой легковерности своей, не перестает думать, что Кази-мулла доставит ему все выгоды."

Советы Кази-муллы имели чрезвычайную важность для обеих враждующих сторон. Ими определялись условия дальнейшего существования народа и новые способы его борьбы с нами. Отныне чеченцы будут селиться в глубине еле проходимых лесов, устраиваться следовательно кое-как, отвыкая от прочного крова и оседлой жизни и ограничивая свои

скудные потребности до последнего предела. Они ничего не станут терять в случае уничтожения своих жилищ и приобретут сноровку быстро возобновлять эти бивачные постройки на прежних или на других местах. Те же леса легко укроют бежавшие от опасности семейства, спасут скот и тот ничтожный домашний скарб, которым, при рекомендуемом образе жизни, обзаведется чеченское население. Таким образом в обширном, неисследованном, труднопроникаемом по своей могучей растительности крае, с [459] полумиллионным населением, возникнет бесчисленное множество таборов, одичавших, бдительных, всегда готовых сражаться или бежать, и мало чувствительных к разорениям, которые будут причинять им мимолетные экспедиции наших отрядов. Уже одно это обстоятельство могло затянуть войну на целые десятки лет. Переход от пшеницы к кукурузе был, конечно, рассчитан на сохранение недоступности края, ограничивая размеры культурных полос. Богатые урожаи кукурузы на девственной почве расчищенных лесов с лихвою могли прокормить население и даже возместить потерю хлебов, подвергавшихся уничтожению на более доступных и обширных полях. Против нас организовывалась незамысловатая, но верно задуманная система народной войны, как нельзя лучше отвечавшая местным условиям, а также выносливости и первобытному складу жизни чеченских племен, система, не обещавшая близкого исхода войны и тем более опасная, что, не довольствуясь самозащитою и хищническими набегами, подготовляла непокорных к нападениям на примирившееся с нами население, прикрывать которое, благодаря предначертаниям князя Паскевича, мы были не в силах. Она грозила постоянными неожиданностями и отпадениями, стремилась к приобретению потерянного, следовательно имела наступательный характер, и логически вела к последней цели мюридизма — намерению сбыть нас с Кавказа. Кази-мулла понимал, что Чечня представляла обширную авангардную позицию Дагестана со стороны главного средоточия наших средств и сил, понимал, что с падением ее наступит конец главному источнику и оплоту борьбы на восточном Кавказе — самому Дагестану, и потому не пренебрегал ничем, не отступал ни перед какими средствами, чтобы сделать Чечню неуязвимой. Отсюда же, только из Чечни и представлялась возможность протянуть руку Кабарде и к закубанским народам, [460] соединить восточный и западный Кавказ в одном дружном усилии против нашей власти. Недаром в Гойте сидел ученый закубанец и недаром посадил его в Чечню Кази-мулла.

О дальнейших намерениях мюршида ходило много толков, часто противоречивых. Известный уже нам Бехо Амиев продолжал таинственно напевать лазутчику генерала Оранского все ту же песню. Будут атакованы два пункта: Бехо с горными племенами покажется у Дарьяла или Ларса, а Кази-мулла с главными силами вторгнется в окрестности Владикавказа и нападет на эту крепость. Игривая фантазия Амиева не допускала и мысли о новой неудаче, а раз Владикавказ вырван у русских — осетины и кабардинцы присоединятся к мятежным горцам, и край перейдет в их руки 52. Последняя вариация указывала, что в горах быстро усваивали планы имама, придавали им огромное значение, ласкали себя его заманчивыми мечтами, но для успеха находили нужным предварительно овладеть Владикавказом. В 1846 году Шамиль обошелся и без этой более чем трудной операции. С линии сообщалось совсем другое. Сорочан доносил Вельяминову, что Кази-мулла обещает прибыть после курбан-байрама к черкеевскому мосту, откуда начнет действовать на салатавские деревни и вместе с ними проникнет к кумыкам. Салатавцам он грозил конечным истреблением, если они откажутся присоединиться к нему, но не гневался на одну только деревню Алмак, в которой проживал андреевский беглец Тома-Важи, орудовавший, вероятно, с большим успехом в пользу имама.

Надо думать, что Тома-Важи бросил здесь те первые семена непримиримой вражды к русским, которые таилась в алманских жителях более четверти века и обнаружились даже в наши [461] дни, во время чеченского восстания 1877 года. Недаром князь Меликов, глядя на это последнее возмущение, указывал начальнику терской области на алмакцев как на исконных и закоренелых бунтовщиков. Салатавцы, собравшись близь с. Миатлы, решительно объявили посланным Кази-муллы, что не последуют за ним и при насилии с его стороны единодушно возьмутся за оружие 53. Благим намерениям салатавцев не суждено было, однако, осуществиться. Уже 29-го апреля кн. Бекович-Черкаский уведомил Вельяминова, что в Салатавии партия Кази-муллы оказалась настолько сильной, что парализовала все попытки людей осторожных, желавших держаться в стороне от всякого мятежа 54. В Кишень-Аухе читалась “бумага" мюршида, приготовлявшая ауховцев к встрече его после курбан-байрама. “Бумага" читалась не в одном Аухе, а повсеместно в Чечне, о чем единогласно доносили Вельяминов, Сорочан и Оранский. Вообще кратковременное пребывание Кази-муллы у чеченцев оставило, по-видимому, глубокий след. Он всюду встречал покорность, поучал и наказывал, как власть имущий. В одном из воззваний Кази-мулла требовал, чтобы чеченцы откровенно сознались, как приняты ими “все роды наказаний, которые он для общего блага производил во время своего пребывания в Чечне" 55. Вероятно, наказания пришлись по вкусу, так как ичкеринцы, не колеблясь, заявили посланным Кази-муллы, что готовы во всем повиноваться его воле, а герменчукцы пошли еще дальше. Они избрали из своей среды тургаков, которым вручили от каждой фамилии лучшее оружие и вещи в залог верности Кази-мулле и условились не только лишить этого залога, но и наказать целым обществом всякого, кто изменит своему обету. [462] Любопытны мысли воззвания, которое до такой степени воодушевило герменчукцев: если чеченцы будут соблюдать во всей точности наставления имама, то и с малым числом войск, при Божьей помощи, истребят русских; в противном же случае и с большими силами не нанесут нам вреда. Очевидно, Кази-мулла стремился сплотить этот сырой, разбросанный и с разбойничьими задатками материал воедино, приучить чеченцев к единодушным действиям, к пренебрежению личными выгодами для общего дела и бестрепетным жертвам во славу того учения, в туманном мистицизме которого отчетливо обрисовывалось государство, обещавшее навсегда сохранить за каждым его привычки и первобытный, полудикий строй жизни. Неспокойно было у тагаурцев и в Миските. Костековский Хан-Актоллоив собирал к 5-му мая из разных мест чеченцев.

Из Игали имам отправился в Гимры. Здесь он поднял на своей сакле значок, но окружил себя одними только учениками. Сборным пунктом назначен был Унцукуль. Ичкеринцам, салатавцам, чеченцам с Мичика и непокорного Ауха он приказал следовать прямо в эту деревню, забирая преданных нам жителей и их имущество. Чеченцы потянулись, уверенные, что им предстоит дело по окончании курбан-байрама (10-го мая), но не зная, куда их поведет мудреный имам. Не знали и мы, в какую сторону он направит этот сбор. По одним сведениям, он собирался прибыть в Чумлы, по другим — намерен был вторгнуться в тарковские владения. Утверждали также, что он отправил из Унцукуля 40 человек для набега на покорные деревни джарской области. 8-го мая кн. Бекович-Черкаский представил Вельяминову целую массу поистине невероятных известий, которые Вельяминов изложил барону Розену в следующем рапорте:

“Командующий сунженскою линиею генерал-маиор кн. [463] Бекович-Черкаский рапортом от 8-го мая за № 598 доносит мне, что посланные им к койсубулинцам лазутчики возвратились и донесли, что Кази-мулла с учениками и тестем своим в первых числах сего мая, расположась

на горе Крех, лежащей под деревнею Балаканом, рассылал по всем местам с приглашением к себе войска, но число их не превышало 500 человек до отправления его в деревню Хутчатль 58, принадлежащую ченке Амзату аварскому, куда прибыл он 5-го мая, и что от сей деревни имеет намерение отправиться к чарским 59 лезгинам для присоединения к себе горних деревень нухинского ханства, называемых Кабаля. Генерал-маиор кн. Бекович-Черкаский присовокупляет к тому, что некоторые правдоподобные сведения подтверждают, что народы акушинский, зудакаринский 58, каракайбакский 59 и табасаранский готовы уже присоединиться к Кази-мулле; жители же ханств кубинского, шемахинского и нухинского, принадлежащие к секте омаровой, имеют с ним сношения, и письма, полученные из сих ханств, были показываемы Кази-муллою его сообщникам" 60.

Если не все, приписываемое Кази-мулле, принадлежало его изобретательному уму, то, надо сознаться, что в горах уже существовали люди, мечтавшие о громадном восстании на всем протяжении восточного Кавказа и в мусульманских провинциях Закавказья. Все подготовлялось, все назревало и все вело к необычайным успехам Шамиля, облегчая ему борьбу с нами и труды но организации его удивительного, небывалого государства в горах, бок-о-бок и среди войны с могущественнейшею империею в мире. Немного спустя воинский начальник крепости Внезапной донес кн. Бековичу-Черкаскому, что Кази-мулла, ожидавшийся в Чумлах, намерен идти на андрееву деревню. Андреева! Как не припомнить [464] отчаянные приступы Шамиля в 1843 году на эту деревню и его торжествующий крик, когда ему показалось, что он одолел: “Андреева моя!" И тут Кази-мулла был настоящим предтечею Шамиля. Андреева нужна была обоим, чтобы держать в повиновении кумыков.

Переходя от Чечни к событиям в Дагестане, нельзя не упомянуть об удачном набеге полковника Засса к албул-юртовской деревне. Этот набег стоял особняком, не имел прямой связи с описываемыми событиями и совершенно не согласовался с знаменитыми предначертаниями Паскевича, но в общей войне на восточном Кавказе занимал свое небольшое, скромное место. 30-го мая Зассу донесли, что, горские хищники, находясь в большом сборе, намерены отбить у теречных деревень скот. Ничуть не стесняясь какими бы то ни было предначертаниями, Засс выступил 1-го июня из Червленной с “двумястами пехоты Московского полка," 3-мя конными орудиями и 550-ю казаками на гребни “первых гор." Здесь он оставался целый день 2-го числа, укрываясь в ущельи и разведывая о неприятеле. Узнав, что сбор наполовину разошелся, а между тем жители Албул-юрта занимаются по сю сторону Сунжи полевыми работами, имея при себе на пастьбе скот, он перешел на вторую гряду гор, оставил на них пехоту с орудиями и сотнею казаков, а с остальными сотнями спустился к Сунже. Движение его по открытой местности скоро было замечено. Работавшие чеченцы убежали в лес, но не успели спасти своего скота, который, в количестве 150-ти отборных быков и до 400 баранов, отбит был у самой опушки леса. При отступлении чеченцы сначала малыми, а потом большими партиями, сбегавшимися со всех сторон, следовали за отрядом. Не рискуя вступать с нами в бой, они шли с выстрелами, вследствие чего Засс отрядил сто пехотинцев, одно орудие и сотню казаков в ариергард. В таком [465] порядке отряд отступал около 12-ти верст. Но вот местность изменилась не в нашу пользу, а между тем к неприятелю прибыли значительные конные подкрепления. Не долго думая, чеченцы бросились в шашки на цепь, но приняты были ружейным огнем и отброшены назад. Несколько раз они повторяли свои атаки, но их опрокидывали меткими выстрелами и штыками. Офицеры подавали пример храбрости солдатам, а штабс-капитан Козловский 61, командуя пехотою, обратил на себя особенное внимание Засса своею исполнительностью и хладнокровием. Казаки отчаянно вступали в

рукопашный бой. Наконец горцы отстали, и колонна благополучно вернулась домой. Неприятель бросил на месте 19 тел; их оружие и “более 10-ти лошадей" с седлами достались казакам. С нашей стороны убиты Моздокского полка, которым командовал Засс, хорунжий Назаров и 1 казак; легко ранены 7 казаков; Московский пехотный полк потерял ранеными 6 нижних чинов. По сведениям, скопище состояло из нескольких тысяч человек, но Засс этому не верил; по его мнению, за ним следовало не более полуторы тысячи, в том числе несколько сот кабардинских абреков. Урон неприятеля простирался до 40 человек только убитыми. Добросовестный Засс представил даже кн. Бековичу-Черкаскому именной список некоторым из убитых чеченцев 62.

До конца апреля в Дагестане все было спокойно. Кази-мулла, занятый чеченскими делами, не имел ни времени, ни наличных сил, состоявших из немногочисленных учеников, для деятельной пропаганды в других местах, даже в ближайших к себе районах Дагестана. Это [466] обманчивое затишье ввело прежде всего в заблуждение генерала Каханова. 19-го апреля, не зная где находился и что делал Кази-мулла, он писал корпусному командиру:

“Вашему высокопревосходительству честь имею почтительнейше донести, что в северном Дагестане ныне между жителями совершенно спокойно. Они ведут себя хорошо и занимаются обрабатыванием полей своих к посеву хлеба. Владельцы и прочие беки, правительству нашему преданные, стараются всеми мерами обуздывать народы свои, и последние, разуверившись вполне в мнимых обольщениях возмутителя Кази-муллы, приметно раскаиваются в своих преступлениях. Одни только неблагодарные каранайские кадий и житель Улубей, бывше облагодетельствованные по окончании прошедшей экспедиции господином генерал-лейтенантом Панкратьевым, первый — денежным награждением, а последний, кроме денег, еще золотою медалью на георгиевской ленте, по уверению здешних владельцев, оказались сомнительными в верности к правительству нашему, и если бы легковерные люди сии решились впоследствии предпринять что-либо вредное к разрушению народного спокойствия, восстановляемого ныне в Дагестане, то я с сим вместе же отнесся к шамхалу тарковскому генерал-маиору Сулейман-мирзе заарестовать их, как неблагонадежных людей."

О каранайском кадии Кази-Ших-Магомете и его зяте Улубее дает некоторые сведения командующий отрядом войск в северном Дагестане полковник Мищенко. Донесение его, заключая в себе второстепенный исторический материал, имеет цену лишь в бытовом отношении. Многое заставляет думать, что это ничто иное как забавный шарж храброго чудака, ирония над канцелярским слогом того времени и над официальными прозвищами Кази-муллы, которые, как видно, не усваивались войсками, привыкшими по достоинству оценивать своих врагов. Сама личность Мищенко, человека оригинального, умного, отважного, отмеченного еще Ермоловым и принадлежавшего первой генерации кавказских храбрецов, стоит того, чтобы остановиться на его канцелярском [467] произведении. В мастерских рассказах Бриммера 63 он вышел как живой; на этих страницах пусть он заговорит сам, своим стародавним, вышедшим уже и тогда из употребления официальным языком.

”Из рапорта моего вашему превосходительству от 1-го мая за № 26 известно — доносил Мищенко Каханову 64 — что каранайский Кази-Ших-Магомет выпустил с намерением кумыкских абреков, при Кази-мулле находящихся, убивших и ограбивших на пашне казанищенских жителей, что все не только Улубеем эрпелинским и Юсуфом каранайским, но и многими из жителей тех и деревни Ахат, мною по прибытии в Темир-Хан-Шуру опрашиванными, совершенно подтверждено; и сверх сего, все единодушно, не только

означенные беки, но Абу-Муселим казанищенский и Ахмет-хан дженгутайский и многие из жителей эрпелинских, каранайских и акотских (?) объявили, что он, имея родственников своих в Гимрах, Кази-мулле приверженных, имеет беспрестанные с ними и с прочими мошенниками сношения ко вреду нашему, уведомляя о всех наших движениях и о расположении к ним здешних народов; также зять его, уроженец гимрынский, имеющий там всех своих родственников, но, по случаю женитьбы на его дочери, живущий в Каранае — Улубей-Султан-бек-оглы — действует с ним заодно в пользу Кази-муллы и его приверженцев; и как Улубей эрпелинский, по приказанию превосходительного шамхала тарковского, убил родного брата Улубея каранайского, привезшего от Кази-муллы соблазнительные письма, то сей изменник уже несколько раз тайно, в ночное время, приводил к Эрпелям по нескольку человек гимрынцев, дабы убить Улубея эрпелинского; и хотя они, неизвестно по чьей рекомендации, не только за злодеяния в прошлом 1831 году, ими творимые (ибо они первые из кумыкцев приняли к себе Кази-муллу и склонили к тому народ, везде сопутствовали ему и участвовали во всех его злодеяниях), [468] получили от бывшего здесь начальника корпусного штаба господина генерал-адъютанта Панкратьева не только во всем прощение, но, сверх того, и награждены, первый 100 рублями серебром, а последний — золотою на георгиевской ленте медалью, но и после того от прежних изменнических и злодейских своих дел не отстали, а продолжают оные, по-прежнему беспрестанно настраивают против нас народ, наклоняя его в пользу мошенника Кази-муллы. Почему я, дабы положить таковым изменническим их делам конец и избавить край сей, от таковых усердных сотрудников Кази-муллы и тем заставить и других подобных им злодеев раскаяться и отстать от оных, также дабы сохранить в целости известного вашему превосходительству усердием и преданностию к правительству нашему, неоднократно доказавшего то на деле, хотя с большим для себя вредом эрпелинского Улубея, на жизнь которого посягал уже неоднократно Улубей каранайский,— признал необходимостью вышеупомянутого Кази-Ших-Мамеда и зятя его Улубея-Султан-бек-оглы под разными предлогами вызвать к себе в лагерь и, заарестовав сего числа, отправил для содержания под строгим караулом в крепость Бурную. О чем донося вашему превосходительству, прошу покорнейше сих злодеев предать военному суду, дабы они получили достойное за дела свои наказание, по всей справедливости ими заслуженное, и чтобы не только не были они возвращены на прежнее их жилище, но были бы вовсе удалены из своего края куда-либо в край сибирский, на поселение; в противном же случае, если они будут отпущены с наказанием или без оного в свои дома, то никогда не достигнем мы столь желанного в оном спокойствия. Селение же Каранай я поручил в смотрение коренному беку Юсуфу, на верность и преданность его, доказанные им в прошедшем годе, весьма положиться можно и коего иметь начальником народ желает; но Кази-Ших-Мамед совершенно было власть от него отнял и управлял народом по своему желанию, во вред нам и в пользу мошенника Кази-муллы."

Недаром артиллеристы, соратники этого чудака, назвали его — “Задонския орды непобедимым ханом." Мищенко [469] заманил каранайских изменников в лагерь и посадил в Бурную под замок. Так и следовало поступить всякому решительному и толковому начальнику.

По 27-е апреля Кази-мулла находился в Гимрах. Отсюда он угрожал Аварии, Мехтуле и шамхальству; отсюда не трудно было проникнуть в Чечню, на Аргун или в Ичкерию через горные общества Андии и Гумбета, а также к кумыкам, в Тарки, к Бурной и Внезапной; отсюда же направлялись, минуя Кумух и кюринские владения, доступные в летнее время тропы к

границам Кахетии, в долины Иоры и Алазани. Тут же, под боком, находилась Салатавия, а в стороне, пройдя владения даргинского союза, прибрежный Дагестан — Каракайтаг с Табасаранью. Ко всему сказанному следует прибавить малую доступность гимрынского ущелья и невозможность провезти по нем артиллерию, в чем, однако, сомневался Вельяминов. Мюршид никогда не держал при себе значительных сборищ, окружая себя большею частью ближайшими учениками, но везде старался находить приверженцев, которым приказывал держать своих людей наготове. Такая система вполне соответствовала народной войне и характеру всех вообще народных ополчений. Только немногие партизаны имеют возможность во всякое время и повсюду следовать за своим предводителем; остальных удерживают на месте обычные занятия и работы, которые опытный вождь не станет без надобности нарушать. Из этой массы людей не трудно составлять большие скопища, но держать их в продолжительном сборе нельзя. На сборные пункты вдали от родины горец шел неохотно, но легко присоединялся к партии, проходившей через его аул, и нередко увлекался ею даже в далекие предприятия. Крайне воздержанный в пище, он шел всегда налегках, брал с собою несколько чуреков, довольствовался у жителей, когда истощался этот запас, или выходил мелкими партиями на грабеж, если находился в [470] наших пределах. Как всякого партизана, его не могла не томить неизвестность, и потому он всегда желал знать, с какою целью зовут его в сборище и куда направят. С этою стороною дела не мог не считаться Кази-мулла и, быть может, она долго причиняла ему много хлопот; но в конце концов он ловко справился с нею, даже извлек из нее огромные выгоды, решивши держать край в постоянном, ежеминутном ожидании призыва к оружию. В донесении Мищенко 6-го мая читаем: собрав до 500 разных беглецов и гимрынцев, Кази-мулла поднялся вместе с Гамзат-беком, Кази-Магометом яраглинским и кадием каранайским 65 на гору Арактау; Гамзат сзывает людей, чтобы двинуться в Джарскую область, Кази-мулла намерен идти в кумыкские владения, принадлежащие шамхалу, Магомет яраглинский — в Кюринское ханство, а кадий каранайский — в Аварию; не желая уступить друг другу, они решили бросить жребий — куда идти всеми силами прежде и, конечно, жребием не торопились. Таким образом власть как будто разделялась, затушевывая волю имама, а решение второстепенных вопросов отдавалось на произвол судьбы. Отчего же при таких условиях и не попытать счастья тому, кто имел досуг и чье отсутствие не могло существенно отразиться на благосостоянии семьи? Кахетия манила к себе дидойца, чеченец не прочь был поживиться шамхальским добром, аварцу не всегда приятно было оставаться стриженой овцой своих ханов и ханш, наконец весть о походе в кюринские владения могла взволновать не только жителей ахтынских магалов, но даже кое-кого из союзников самой Акуши. А между тем эта неопределенность, при обилии целей, держала повсеместно людей наготове, соединяя сначала каждого для самого себя, а затем каждого для всех. В наши дни один из величайших дипломатов находил нужным держать [471] могущественное и высоко культурное государство под ружьем, чтобы приучить составные части его к единодушным действиям и закрепить в нем единство, достигнутое трудом нескольких поколений и кровавой войной.

Расположение Кази-муллы на плоскости Арактау демонстративно указывало на возможность вторжения в Аварию или движение к кахетинским пределам. Говорили, что Гамзат-бек уже тронулся в путь к Джарской области, а ко многим сведениям о готовящемся покушении на эту область присоединилось известие о появлении партии хищников на горе Акимал, в 30-ти верстах от Белаканского укрепления. Барон Розен начал стягивать войска к Царским Колодцам, но Кази-мулла вернулся назад, преследуя, по-видимому, совсем другие, более

близкие цели. Прежде всего он хотел избавиться от эрпелинского Улубея таким же способом, как и от Доудил-Магомы. По словам Сеид-кадия, несколько эрпелинцев обещали выдать Улубея живым или мертвым Кази-мулле, если он займет “в лесу крепкое место" близь Эрпели. Сам мюршид тайно осмотрел леса, но, кажется, с другим намерением. Затем он вернулся в Гимры, из которых тотчас же вышел со значком и расположился у подошвы койсубулинской горы, приглашая к себе жителей окрестных деревень. Узнав от Улубея, что самым крепким местом между Эрпели и Чукмескентом считается Чалпу-тала, Мищенко приказал Абу-Муселиму и Ахмет-хану немедленно отправить туда достаточное число людей, чтобы вырубить и сжечь окружающий лес и проложить к нему удобные для проезда нашей артиллерии дороги. На особенную ревность обоих лиц Мищенко, конечно, не рассчитывал, так как наиболее деятельный из них Абу-Муселим послал к Чалпу-тале всего лишь 50 вооруженных людей с топорами.

Еще менее мог полагаться Мищенко на верность [472] сведений, доставлявшихся ему о Кази-мулле. В этом отношении заслуживает внимания следующая выдержка из его донесения генералу Каханову 66:

”О предприятиях или намерениях мошенника Кази-муллы ваше превосходительство из представляемых при сем в оригинале писем от Абу-Муселима, Ахмет-хана дженгутайского и Сеид-кадия араканского усмотреть соизволите все различное, ибо сие есть ничто иное как пойманные слухи, самим Кази-муллою распущенные; настоящего же его намерения никто узнать не может, ибо он, как известно, весьма тщательно оные и от самых близких и преданных ему людей скрывать старается. Другою к тому препоною есть то, что никто из здешних жителей, которым можно доверить, из опасения быть узнанными и истребленными, ни за какие деньги и обещания в местопребывание мошенника Кази-муллы идтить не соглашается; почему здешние беки получают известия через посылаемых ими в Унцукуль и Гимры пожилых женщин, которые доставляют им слышанное от таковых же из молвы народной."

В числе многочисленных сведений к Мищенко попадали, разумеется, и верные, но для безошибочной оценки их требовалось основательное знание края, чем даже и Мищенко не мог похвалиться. Впрочем, боевая опытность ему тотчас же подсказала, где следует ожидать Кази-муллу, когда пришло донесение, что имам простирает свои виды на Акушу. Он пожалел, что не вступал до тех пор в сношения с Магомет-кадием акушинским и доложил Каханову:

“На случай же если сии мошенники, согласясь, хотя и не склонив на свою сторону акушинцев, пойдут, пробираясь через их владения, в Каракайтаг или в Кюринское ханство, то покорнейше прошу ваше превосходительство один раз навсегда предварительно разрешить мне повелением своим, должен ли я со всем отрядом или, оставя какую часть при Шуре (разумеется, по присоединении к оному [473] егерских баталионов, без чего я здесь ничего уже оставить не могу), идтить к Дербенту, или же оставаться со всем отрядом здесь" 67.

Дело выходило сложнее, чем можно было предполагать. Задача отряда заключалась в сохранении спокойствия в северном Дагестане, границы которого были весьма растяжимы и не поддавались даже приблизительному определению, а между тем мятежники, пользуясь согласием акушинцев, могли пройти через их земли в западный Дагестан и даже проникнуть к Дербенту. Мищенко не хотел пропустить случая напасть на них во время движения и, очевидно, боялся, чтобы действия его за пределами северного Дагестана не прировняли к

частным экспедициям, которые были строго запрещены. Каханов отвечал уклончиво — разрешил Мищенко “оказать в случае надобности помощь Дербенту или другому атакованному пункту," под которым, вероятно, подразумевал Тарки или Бурную. В Тарках находился 1-й баталион Куринского полка, а в Бурной квартировали 3 роты Грузинского линейного № 11 баталиона. По расчету Каханова, отряд северного Дагестана имел возможность прибыть к последнему из этих пунктов в один переход. Не менее осторожный ответ получил Каханов от барона Розена на донесение свое об этом предмете:

“По рапорту к вашему превосходительству Апшеронского пехотного полка полковника Мищенко, от 6-го мая за № 44, одобряю сделанное вами распоряжение, чтобы в случае надобности подать помощь Дербенту или другому атакованному пункту, следовал к оному весь отряд, находящийся в с. Темир-Хан-Шуре, не останавливаясь предположенными там работами, из коих ныне можно производить только самые необходимые для помещения людей."

К 3-му мая собрался отряд северного Дагестана. Он состоял из 5-ти рот Куринского пехотного полка (579 наличных строевых н. ч.), 4-х рот Апшеронского пехотного [474] полка (377 стр. н. ч.), 2-х баталионов 42-го егерского полка (1118 стр. н. ч.), 5-ти орудий 3-й легкой роты 21-й артиллерийской бригады, 4-х орудий 5-й резервной батарейной № 5 роты 22-й артиллерийской бригады и Донского казачьего № 13 полка (248 стр. каз.). С такими силами не трудно было обойти опасный запрос о частых экспедициях, главное же — одержать успех и победою оправдать уклонение от воли Государя. Все чего мог добиться Мищенко в смысле активных действий, заключалось в разрешении действовать решительно, частью или всем отрядом, если бы неприятель вздумал укрепиться у Чалпу-талы. Немного спустя, этим разрешением воспользовался подполковник Клюки-фон-Клюгенау, разбивший Кази-муллу в тех же местах, у Иол-Сустава.

С возвращением Кази-муллы в Гимры, Мищенко неустанно следил за ним и ежедневно сообщал Каханову о получавшихся известиях, стараясь очищать их от плевел и противоречий. Наши туземные союзники не жалели бумаги и чернил. Они переписывались между собою, доносили Каханову, уведомляли Мищенку и сносились с дербентским комендантом маиором Шнитниковым. Каждому из них казалось, что главная опасность угрожает ему, хотя бы ближайшие цели Кази-муллы, даже по их понятиям, и были другие. Заметное исключение из этого дружного концерта составляли аварские ханы с Паху-бике и отчасти Сулейман-мирза тарковский. Почтеннейшая ханша перешла в это время к примирительной политике с Гамзат-беком, а шамхал пользовался благоприятной минутой, чтобы поживиться на чужой счет. Сулейман приказал отогнать скот черкейских жителей за то, что они ограбили каранайцев, посланных им же самим для ограбления учеников и приверженцев Кази-муллы. Так как черкейцы не имели счастья находиться в числе подвластных шамхала, то наскок его на чужую [475] собственность прежде всего не понравился Каханову, который и попросил его воздержаться на будущее время от действий, несовместных ни с видами нашего правительства, ни с его собственными нравами 68. Через несколько дней Мищенко доносил Каханову, что черкейцы решили овладеть стадами кумтаркалинских жителей и напасть на скот, принадлежавший нашему отряду, у Темир-Хан-Шуры.

Из обычных известий, относящихся к этому времени, обращают на себя внимание рапорты и. д. дербентского коменданта генералу Каханову. В одном из них говорится, что Кази-муллу ожидают на курбан-байраме в Акуше. Толпы его состоят из чеченцев, аварцев, дагестанцев и

осетин, обращенных в мусульманство. Народ убежден, что Аслан-хан казикумухский действует заодно с имамом и охотно верит что Тифлис уже занят войсками двух турецких пашей 69. Последнее живо напоминает 1877 год, когда такие же точно слухи поддерживали горцев восточного Кавказа в безумной борьбе с нами. Кази-мулла собирается в Цудахар и Акушу, откуда думает проникнуть через Мюрагу в Кайтаг. Каракайтагские беки решили ехать ему на встречу. Имам говорит:

“Акушинцы более всех мне преданы, а в прочих деревнях Дагестана мало кто меня не желает; большая же часть меня любит" 70.

Кажется, Кази-мулла не ошибался в своих скромных выводах, за исключением, пожалуй, одних только общин Акуши, туго подчинявшихся учению, с которым соединялась идея главенства над ними имама. Но на них-то в настоящую .минуту и обратил свое особенное внимание Кази-мулла. Спустившись в конце апреля с Арактау, он [476] остановился на короткий срок в Балаканах, затем передвинулся к Араканам и наконец появился в Унцукуле. Араканцы, присягнув своему кадию, единодушно решили встретить возмутителей с оружием в руках, но это не успокоило Сеида, опасавшегося ненависти к себе Кази-муллы. Он предложил Абу-Муселиму, Ахмет-хану и Улубею эрпелинскому воспользоваться отсутствием имама из Гимр, собрать подвластных и ударить с ними на эту твердыню. Этот план, однако не удался, благодаря равнодушию владетелей и особенно Улубея, роль которого в данном случае остается совсем непонятной. Между прочим Улубей уверял, что Кази-мулла вел за собою ничтожную партию, состоявшую из одних только гимрынцев, тогда как из многих источников было известно, что у него под рукою имеется от 200 до 300 человек. Направление, принятое имамом, ясно указывало на поползновения его против владений Акуши. Магомет-кадий акушинский находился в это время на зимних пастбищах, в кишлаках. Получив известие, что Кази-мулла с Кази-Магометом яраглинским и Гусейн-Али-кадием башлынским решили посеять смуты в даргинских владениях и, пройдя их, вторгнуться в Каракайтаг, он быстро спустился с гор и ночью 29-го апреля прибыл в д. Акушу. На другой день утром гонцы его полетели в Цудахар, Мекягу, Усушу, Меге и к “другим маленьким деревням, заключающимся в Дарге." На сборе кадиев, старшин и почетных людей Магомет-кадий держал пылкую речь, предостерегал их от гибельных увлечений, призывал к оружию против бунтовщиков и грозил отказаться от своей власти, если они не последуют его советам.

“Когда я говорил сии слова — доносил почтенный кадий генералу Каханову — они, посоветовавшись между собою, приняли их и дали слово, повинуясь моему велению, драться с Кази-муллою, если он придет в сии деревни." [477]

Представители обществ тут же положили штраф в пользу даргинских шурути (есаулов) по 22 руб. сер. с каждого, кто не явится на битву, и по 44 руб. сер. с тех, кто перейдет к возмутителям 71. О таком постановлении свидетельствовал также и Сулейман-мирза, отправивший акушинцам письмо, в котором советовал держаться присяги, если они не желают навлечь на себя бедствий. Само собою разумеется, что достигнутый результат шамхал приписал самому себе, уверяя, что посланные его нашли кадия в большом смущении. В свою очередь дербентский комендант, извещенный о замыслах Кази-муллы против Кайтага, послал к наиболее склонным к мятежу башлынцам своего переводчика Лаврилева, как видно, человека русского, хорошо знакомого с горцами и не раз уже с успехом исполнявшего трудные поручения. Лаврилев действовал смело, не стесняясь, прибегал к угрозам и добился согласия кабадаргинских магалов не участвовать в мятеже 72.

Между тем Кази-мулла продолжал подвигаться вперед. Существует известие, по которому он направился из Унцукуля не прямо к акушинским владениям, а сначала сделал попытку проникнуть к укрепленной деревне Салты. Жители этого прогремевшего впоследствии аула, своевременно предупрежденные против измены, не допустили его к себе. Тогда он повернул назад и явился к цудахарской деревне Куппа-Макхи, приблизив Гамзат-бека с другой стороны к самому Цудахару 73. В Куппе образовалась партия в пользу Кази-муллы, которая и призвала его в свою деревню, а в Цудахаре обнаружил свою вредную деятельность единомышленный ему кадий, уверявший до тех пор Магомет-кадия, что он давно отказался от всяких связей с [478] своим бывшим учителем. К счастью, сила была на стороне Магомет-кадия, и затея Кази-муллы не удалась. Едва приблизились акушинцы к Куппе, как имам вышел оттуда и удалился в Гергебиль, которому также суждено было приобрести в недалеком будущем громкую известность. Полный успех по-видимому, увенчал решительный образ действий акушинского кадия.

О последствиях, которые грозили нам в случае удачи Кази-муллы в обществах даргинского союза, можно до некоторой степени судить по донесению шамхала, умевшего, несмотря на всю его бесхарактерность, довольно верно оценивать положение дел в ближайших к себе районах. Он писал генералу Каханову 74:

“Если акушинцы соединятся с ними 75 и сделают покушение на крепость Бурную, то для русского войска невыгодно будет оставаться в Шуре, ибо за изменою акушинцев все жители сей страны и даже другие глупцы соединятся с ними, невзирая на последствия. Тогда прекратится и сообщение между Тарками и Шурою, затруднение встретится в доставлении провианта и дела пойдут дурно."

Положим, Сулейман-мирза более всего опасался за свои Тарки, о чем свидетельствует то же письмо его к Каханову, но во всяком случае измена даргинцев действительно могла повернуть наши дела в дурную сторону. Угрожая нашему положению в пределах северного Дагестана, она открывала Кази-мулле свободный путь в прибрежный Дагестан и ставила его у ворот Кумуха. При своих географических условиях, сильная своим стародавним союзом, Акуша могла считаться завидным и желательным сторонником не только для Кази-муллы, но даже и для нас. Впоследствии Шамиль неустанно добивался признания своей власти этим союзом, но склонил его на свою сторону лишь после долгих усилий и [479] осторожно подготовленного труда. Эти же свободолюбивые общины в числе первых и отпали от него при окончательном покорении восточного Кавказа, что, впрочем, не помешало Цудахару разыграть весьма выдающуюся роль в событиях 1877 года на почве посеянного Кази-муллою и Шамилем мюридизма. Барон Розен благодарил акушинские общества за верность и обещал им наше особое покровительство, если они и впредь будут вести себя таким образом. Осыпая похвалами Магомет-кадия, он донес о случившихся графу Чернышеву, а военный министр доложил Государю. Его Величество приказал объявить Магомет-кадию и акушинскому народу монаршее благоволение и дозволил барону Розену войти с представлением к наградам тех, кто удержал общества в повиновении нашей власти. Ровно через две недели Государь, всегда отзывчивый и благодарный к действительным заслугам, вторично приказал запросить корпусного командира, считает ли он нужным наградить акушинского кадия, но барон Розен, ссылаясь на пенсию, недавно полученную кадием, нашел более удобным наградить его лишь после новых заслуг 76. Причину отрицательного ответа великодушного и щедрого на награды барона Розена следует искать в дальнейших донесениях самого кадия. Дело в том, что выгнать

Кази-муллу из Куппы было гораздо легче, чем справиться потом с его довольно многочисленными приверженцами в цудахарских деревнях. По удалении мятежников, Магомет-кадий решил оштрафовать куппинцев, согласно постановлению обществ, правда, не всех и собранных на скорую руку, второпях. Жители Куппы, в которой сидел тогда Кази-мулла, не участвовали в этом собрании и потому находили необязательным для себя его приговор. Они отказались от уплаты штрафа за изменивших [480] односельчан и объявили себя вышедшими из даргинского союза. Конечно, сама Куппа не в силах была отказать требованиям большинства союзных обществ и, оторвавшись от них, не смела и думать об отдельном существовании, но ее поддерживал сильный Цудахар, от которого в это время трудно было добиться какого-нибудь толку, так как в нем царила внутренняя смута. По словам Магомет-кадия, сын не шел за отцом, младший брат за старшим; никто не повиновался почетным людям и старшинам; раздор дошел до того, что цудахарцы чуть не убивали друг друга. Дело обещало затянуться и вряд ли могло прийти к благоприятным для нас результатам без особенных усилий со стороны акушинского кадия и его единомышленников. С Куппою он кое-как поладил, разумеется, отказавшись от неуместного штрафа, но цудахарцы продолжали отбиваться от его рук.

Ф. фон-Климан.

(Продолжение будет).

Комментарии

28. Рапорт генерал-лейтенанта Вельяминова корпусному командиру, 9-го марта № 98. Дело шт. отд. кавк. корп. по ген. шт. 2-го отд. 1832 г. № 9.

29. Рапорт генерал-маиора князя Бековича-Черкаского барону Розену, 3-го апреля № 204. Дело то же,

30. Рапорт его барону Розену 1-му, 13-го марта № 111. Дело то же.

31. Невероятно, чтобы кн. Бекович-Черкаский, подчиненный генералу Вельяминову, предпринял это движение по собственному побуждению. Кроме того, по характеру донесений кн. Бековича-Черкаского начальнику линии об этом движении и о последующих действиях, видно что он поступал по указаниям Вельяминова, которых, к сожалению, в делах архива окружного штаба не оказалось.

32. Рапорт его корпусному командиру, 23-го марта № 149. Дело то же.

33. № 204. Дело то же.

34. Там же.

35. Надо думать, что Кази-мулла больше рассчитывал на галашевцев, к которым и направился, оставляя несколько в стороне карабулаков.

36. Рапорт генерал-маиора Оранского корпусному командиру, 23-го марта № 841. Цело шт. отд. кавк. кор. по ген. шт. 2-го отд. 1832 г. № 29.

37. Рапорт от 24-го марта № 854. Дело то же.

38. Рапорт его от 24-го марта № 857. Дело то же.

39. Рапорт его за № 800. Дело то же.

40. Вельяминов полагал даже, что сожжены были не деревни, а сараи, иначе не обошлось бы без перестрелки.

41. Рапорт его корпусному командиру, № 1004. Дело то же.

42. Рапорт его генералу Вельяминову, 22 марта № 507. Дело № 29.

43. Донесение корпусного командира графу Чернышеву, 31-го марта 1832 г. № 227. Дело то же.

44. Первый рапорт генерал-маиора Оранского.

45. Предписание корпусного командира генерал-маиору Вольховскому, 24-го марта № 209 и донесение его гр. Чернышеву того же числа № 210. Журн. подробн. исход. ген. шт. 1832 г. № 66.

46. Рапорты его барону Розену, 23-го и 26-го марта №№ 7, 9 и 12. Дело шт. отд. кав. кор. по ген. шт. 2-го отд. 1832 г. № 29.

47. Рапорт г.м. Вольховского корпусному командиру, 27-го марта № 10. Дело то же.

48. Рапорт полковника Сорочана барону Розену, 31-го марта № 105. Дело № 9.

49. Рапорты полковника Сорочана кн. Бековичу-Черкаскому, 29-го марта № 94, и барону Розену, 31-го марта № 105. Рапорт г.л. Вельяминова корпусному командиру, 3-го апреля № 181. Дело шт. от. кав. корн. по ген. шт. 2-го отд. 1832 г. № 9 и дело 2-го отд. ген. шт. 1832 г. № 33.

50. Рапорт г.м. кн. Бековича-Черкаского корпусному командиру, 3-го апреля № 204. Дело шт. отд. кав. кор. по ген. шт. 2-го отд. 1832 г. № 9.

51. Рапортом № 115. Дело то же.

52. Рапорт генерал-маиора Оранского барону Розену, 14-го апреля № 1054 и 20-го апреля № 1174. Дело шт. отд. кав. кори. по ген. шт. 2-го отд. 1832 г. № 29.

53. Рапорты полковника Сорочана генералу Вельяминову, 15-го апреля № 261 и 22-го апреля № 301. Дело шт. отд. кав. корп. по ген. шт. 2-го отд. 1832 г. № 9.

54. Рапорт от 29-го апреля № 533. Дело то же.

55. Рапорт г.л. Вельяминова барону Розену, 26-го апреля № 292. Дело то же.

56. Гоцатль.

57. Джарский.

58. Цудахарский.

59. Каракайтагский.

60. Рапорт от 28-го мая № 378. Дело то же.

61. Тот самый, который отстоял от Шамиля Андрееву деревню, скоро после того командир Кабардинского пехотного полка, а в конце службы — начальник 14-й пехотной дивизии.

62. Рапорт подполковника Засса князю Бековичу-Черкаскому, 4-го июня № 156. Дело то же.

63. См. XV т. “Кавказского Сборника."

64. Рапорт его 6-го мая № 43. Дело шт. отд. кар. кор. по ген. шт. 2-го отд. 1832 г. № 3. Ч. I.

65. До арестования последнего.

66. Рапорт 6-го мая № 44. Дело то же.

67. Там же.

68. Рапорт г.м. Каханова барону Розену, 7-го мая № 169. Дело шт. отд. кав. кор., по ген. шт. 1832 г. № 3. Ч. 1.

69. Рапорт его от 30-го апреля № 23. Дело то же.

70. Рапорт и. д. дербентского коменданта генералу Каханову, 29-го апреля № 29. Дело шт. отд. кав. кор. по ген. шт. 2-го отд. 1832 г. № 3. Ч. 1.

71. Дело шт. отд. кав. кор. по ген. шт. 2-го отд. 1832 г. № 3, ч. I, стр. 519 и 563.

72. Дело то же. Рапорт г. Каханова барону Розену, 12-го мая № 181.

73. Там же.

74. 3-го мая. Дело то же.

75. С мятежниками.

76. Отношения военного министра барону Розену, 9-го июня № 821 и 23-го июня № 866. Дело то же, ч. II.

Текст воспроизведен по изданию: Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник, Том 16. 1895

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

ВОЙНА НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

С 1824 ПО 1834 г.

В СВЯЗИ С МЮРИДИЗМОМ

(Продолжение).

XXIV.

Сведения о джарской области. Денежные дела. Незнакомство наше с южным Дагестаном. Вопрос об участии лезгин в наших действиях на правом фланге, против закубанцев. Новое направление лезгинской кордонной линии. Отчет о пей полковника Эспехо 1-го. Расположение войск. Поиск милиционеров полка Джар у Акимала. Стычка маиора Бучкиева с глуходарами. Отбитие скота. Сведения о намерениях Кази-муллы. Усиление линии. Инструкция г.-м. Карпову.

Опираясь на шаткий договор, заключенный с джарцами в 1803 году, и получая с них ничтожную подать 1, мы не считали нужным входить в подробные исследования этой маленькой и спокойной окраины, а потому до 1832 года наши сведения о ней были крайне скудны. Восстание джарских лезгин в 1830 году заставило нас ближе познакомиться с их численностью и внутренним устройством, а главное — обратить эту окраину в русскую область и ввести в нее наши войска. В начале 1832 года мы располагали уже данными, по которым могли судить о размере джарского населения, его податной способности и подразделении на [324] составные части. Благодаря этим данным даже в настоящее время, когда столько стерто следов от прошлого, не трудно определить приблизительное пространство всей области, указать границы между отдельными обществами и ясно представить себе район, занимаемый бывшим элисуйским султанством.

Во время своего полунезависимого существования джарские владения разделялись на три магала или геча. Первый заключал в себе три общества — джарское, катехское и белаканское; второй состоял также из трех обществ — талинского, мугахского и дженихского; в третий входили владения элисуйского султана. Джарское общество составляли деревни Закаталы, Гогами, Дардоказы, Сумайлы, Карагаджлы, Мацехи и Каписдара, всего 1500 дворов; в белаканское общество входили сс. Белаканы, Цаблуани, Рекоталы и Чандрис-хеви, около 700 дворов; Катехи вместе с вольными деревнями Кайбулааба, Гудоахара и Тонгуручи имели 400 дворов; Талы и Киргели — 900 дв., нижние и верхние Мугахи и Сапунчи — 600 дв., Дженихи с вольными селениями Гулахи, Кутбарахи, Мамрик, Джинджибахи, Алиаскари и Байджениxи — 900 дворов. Этим шести обществам были подвластны и платили подать: джарцам — 21 деревня 2, талинцам — 4 деревни 3, мугахцам — одна деревня и незначительная часть другой, принадлежавшей джарцам 4, и дженихцам — 3 деревни 5. Белаканцы не имели подвластных деревень, но входившие в состав их общества селения Цаблуани, Рекоталы и Чандрис-хеви, как населенные выходцами из Дагестана, [325] обрабатывали им поля. Катехцы также не имели подвластных, но им принадлежало до 100 дворов, разбросанных в ингелоевских деревнях и плативших им повинность. Кроме того, в нагорных местностях существовало 4 селения, принадлежавшие разным обществам 6. Селение Чардахи (350 дв.) состояло из вольных лезгин, живших в “братстве" с мугахцами и плативших вместе с последними нам подать. Элисуйскому султану подвластна была 31 деревня 7.

Во время восстания 1830 года сс. Джары, Закаталы и Каписдара были уничтожены и население их перешло отчасти на хутора, называемые Таначи, частью рассеялось по разным деревням или бежало в Дагестан. Туда же отправилось много белаканцев, большая часть которых, впрочем, выслана была в Тифлис для поселения, по усмотрению начальства, а меньшая, преданная правительству, перешла на Шамбул, близь урдовской переправы. Сверх того, некоторые семейства из бывших подвластных лезгинам переселились, по занятии нами области, в наши татарские дистанции. Преданными нам оставались только мугахское и дженихское общества, особенно же ингилоевцы и муганлинцы, ожидавшие от нашего правительства освобождения от рабства лезгин и затем освобожденные нами от этой зависимости. В течение 1831 года джарцы сидели тихо, не только не обнаруживали к нам “неприязненных видов," но, напротив, беспрекословно повиновались властям и исполняли все приказания начальства. До этих пор, благодаря подвластным, они жили праздно; теперь, с переходом подвластных [326] в казенное ведомство, занялись хозяйством и устройством жилищ и хуторов (таначей). В начале 1832 года, в виду полного умиротворения области, генерал Реутт не находил нужным прибегать к каким бы то ни было новым средствам для

поддержания в ней спокойствия, а указывал только на необходимость держать в повиновении анкратльский и джурмутский магалы и привлечь на свою сторону соседние с ними общества южного Дагестана 8.

В смысле этих указаний и начался 1832-й год на лезгинской кордонной линии. Удачный почин с анкратльскими общинами, подчинившимися нашей власти в предшествовавшем году, давал нам некоторое основание предполагать, что он останется не одиноким, и что при посредстве влиятельных лиц союза, особенно Ших-Шабана, главнейшие затруднения в сношениях с другими, соседними обществами южного Дагестана будут устранены. Анкратльские старшины посмотрели, однако, на это дело своими глазами. Войдя во вкус русского рубля, они приурочили все к своим нуждам и, надоедая нам своими переговорами, стали прибегать к неблаговидным денежным уловкам. Жаловаться на это обстоятельство нам, впрочем, не приходилось. Это были дикари и вчерашние враги; пенсии и подачки они получили ни Бог весть какие, к тому же и ухищрения их были тотчас же обнаружены. Гораздо хуже доставалось казенному сундуку от наших исконных друзей, к содействию которых мы иногда прибегали. Известный любимец Паскевича штабс-ротмистр Андроников, получив в предшествующем году 27,897 руб. 99 коп. на удовлетворение милиционеров, собранных им в джарской области, доставил только 206 руб. 50 коп. для раздачи тем из них, которые [327] не были еще удовлетворены; о расходовании же остальной суммы никаких сведений не дал и даже не представил списка милиционерам, “коим сумма сия принадлежала в раздачу." В свое оправдание Андроников сослался на особое доверие к себе князя Варшавского графа Паскевича-Эриванского, указывал на удавшийся сбор милиции, чего без расходов достигнуть было нельзя, и просил грузинского гражданского губернатора, возбудившего это дело “по долгу звания," верить ему на слово. Что же касалось злополучного списка, то он его не вел и даже не знал, “кто именно из каких селений собраны сии милиционеры, так как сбор оной производился скоропоспешно и люди часто переменялись другими, по назначению сельских начальников." Губернатор, извещенный о том, что не все милиционеры были удовлетворены, “хотя сведениям сим нельзя дать полного доверия," настойчиво требовал списка, но барон Розен, довольствуясь тем, что на Андроникова никаких жалоб не предъявлялось, сам же он давно уволен от командования полком, приказал не требовать от него дальнейших объяснений. Тем и кончилось бестолковое хозяйничанье туземца, поставленного вне всякого контроля 9.

Лезгинские старшины начали пробовать казенный сундук с другой стороны. Во главе их стоял Ших-Шабан, который и открыл, по предположению генерала Реутта, весь этот денежный поход. Недовольный тем, что при замирении семи общин анкратльского союза средства, отпущенные казною в вознаграждение влиятельным лицам, прошли не через его руки, он подбил Захал-бека ташлынского, Магомета анцлосского и других анкратльских старшин на письменные вымогательства новых денег. К ним присоединился и Ших-Шабан, но составил письмо свое в [328] умеренных выражениях, ссылался на собственные расходы в количестве 1400 р. при умиротворении анкратльских общин, упоминал о “бумаге," будто бы данной ему генералами Реуттом и Сергеевым с обещанием отпускать ежегодно самому шиху пенсию в 600 р. и по 2 р. суточных его аманату, ожидал этих денег почему-то как милости и уверял в своей преданности нашему правительству. Совсем в другом духе писали Захал-бек и Хала-Магомет. Они прямо, без всяких ухищрений требовали, первый 500 р. с. пенсии и по 2 р. суточных на аманата, а второй 300 р. пенсии и по 1 р. в день на аманата, или же возвращения своих заложников. Оба ссылались на свидетелей, в том числе на другого любимца Паскевича,

известного своею недобросовестностью Корганова. Послание анкратльских старшин было грубо до непристойности. Нельзя не привести его здесь, как образчик языка, которым говорили с нами наши новые подданные.

“Мы собрались в Чирил — место нашего собрания — для совещания между собою и исполнения того, в чем мы обязались касательно службы и приведения наших дел в порядок. Мы сие окончим, как увидим добрые поступки ваши. Удивляемся словам и обещаниям вашим, которых вы не исполняете насчет содержания аманатов и жалования Ших-Шабана, Захал-бека и Узун-Мамада. Для чего слова ваши противны поступкам и почему вы (ничего?) не приказываете чиновникам вашим, в Чаре 10 находящимся, коими мы недовольны? Обещание ваше состояло в освобождении жителей 11, назначении содержания аманатам по рублю серебром в день и, сверх того, в отпуске на каждого аманата по 10-ти туманов (100 р. сер.). Отчего вы не подумаете (о себе?) и (как?) смотрите на положение ваше? Божимся Богом, что по причине неоконченного еще условия мы не соединились с дагестанцами, которые в том нас и упрекают. Если вы не хотите нашей службы, то пришлите наших аманатов. Из [329] трех наших деревень не имеется у вас аманатов, а которые были, те возвращены вашими чиновниками. Об остальном уведомит вас вручитель сего."

Из объяснений генерала Реутта видно, что Ших-Шабану и Захал-беку назначено было по 300 руб. сер. каждому в год, Хала-Магомету, кроме внимания начальства по мере его услуг, ничего не было обещано, аманаты получали по 50 коп. в день, а наиболее влиятельным анкратльским старшинам выдано при замирении свыше 1500 руб. Более всего удивило Реутта письмо Захал-бека, который незадолго перед тем просил у нас только должного. Такое противоречие привело его к предположению, что письма Захал-бека и Хала-Магомета писались под диктовку Ших-Шабана. Ших получил за эту проделку выговор, что, впрочем не изменило наших взаимных отношений, не помешало нам по-прежнему пользоваться услугами пронырливого Шабана, а ему продолжать свои вымогательства и, конечно, достигать цели теми или другими путями. Не прошло и 2-х месяцев, как он явился в роли ходатая за джурмутцев, вдруг соблазнившихся нашими деньгами. В январе предшествовавшего года, когда разыскивались бежавшие в горы семейства белаканских бунтовщиков, грузинскою милициею ограблено было несколько джурмутцев, вероятно принятых грузинами за белаканских беглецов. Джурмутские старшины принесли жалобы и пострадавшие тогда же с лихвою были вознаграждены: им выдали 9 кинжалов и ружей, 2 пистолета, 80 баранов и, по распоряжению графа Паскевича, снята с них подать, в размере 100 руб. на каждого, за пастьбу скота на нашей стороне. Об убитых во время этого происшествия сначала не упоминалось, но потом джурмутцы начали вставлять их, желая, разумеется, выпросить у нас побольше денег. В марте месяце описываемого года Ших-Шабан опять зашевелил это дело и стал просить барона [330] Розена вознаграждения за “убитого" грузинами джурмутца. Вместе с тем он возобновил свое ходатайство об удовлетворении анкратльских обществ и, не довольствуясь одним своим аманатом, Дибир-Магомою, предлагал еще другого, одного из своих родственников; того же добивались и анкратльские старшины. Очевидно, в своих аманатах они видели не залог верности, а доходную статью, своего рода пенсионеров русского правительства, которые после праздной жизни у нас возвращались с значительными денежными сбережениями и даже с подарками восвояси. Этим объясняется и беспрестанный обмен аманатов. Есть документы, указывающие, что по возвращении их домой шел дележ, в котором старшины имели свою долю. В ответ на эти вымогательства корпусный командир предписал генералу Реутту войти в соглашение с джерехинским кадием и удовлетворить анкратльские деревни, если оне в

течение лета останутся нам верны и сохранят спокойствие. Ших-Шабан, однако, и после этого не угомонился. В мае он опять потревожил барона Розена, но на этот раз получил от корпусного командира укоризненное письмо.

“Мне известно прежнее состояние ваше — писал он шиху — и теперешнее положение, до которого вы достигли милостями правительства, вам оказанными. За услуги ваши при успокоении анкракских обществ вы весьма щедро награждены. Вам должно заслужить сделанные вам милости, а не беспокоить начальство беспрестанными неосновательными требованиями. Впрочем, ведите усердно и верно — и заслуги ваши не останутся без внимания моего."

Не один Ших-Шабан надоедал просьбами о деньгах. В середине января генерал Реутт, донося корпусному командиру, что некоторые старшины ближайших к джарской области лезгинских обществ получали иногда от него небольшие деньги и подарки, ходатайствовал об ассигновании особой суммы для выдачи 12-ти старшинам джурмутского, [331] тебельского, анцлосского, бохнадальского, ташлынского, конадальского и ухнадальского обществ, хотя бы по 100 руб. сер. на каждого, применяясь к обстоятельствам и в случае явки кого-либо из них для личного с ним объяснения. Барон Розен разрешил Реутту делать “временные" подарки, но находил вредным ввести их

“... в постоянное для сего положение, ибо по свойственной алчности горцев к корыстолюбию подобное распоряжение может поселить мысль, что мы, не имея средств к обузданию силою неприязненных к нам обществ, привлекаем деньгами на свою сторону имеющих влияние в народе, а сие самое возбудит множество требований, неудовлетворение которых можем подать повод к усилению хищничества."

Постоянное содержание он допускал только для лиц, оказавших нам особенные заслуги, и разрешил Реутту входить о таких лицах с отдельными представлениями 12.

Самым подходящим временем для охоты за русским рублем была зима. Она заносила дороги, тропы и перевалы глубоким снегом, и ничто, кроме голода, не могло принудить горцев спускаться сколько-нибудь значительными партиями в наши долины. С не меньшими препятствиями сопряжены были сообщения и южного Дагестана с нагорным, откуда повелевал Кази-мулла. Таким образом, не опасаясь давления со стороны сурового имама, лезгины могли с спокойною совестью уверять нас в своей преданности и понемногу надбавлять за нее цену. Летом они собирали материал для таких вымогательств. Если скопища Кази-муллы были значительны — все колебалось, приходило в волнение, готово было изменить нам и изменяло, подчиняясь силе обстоятельств и не без основания рассчитывая на прежнюю благосклонность русских при новом и неизбежном повороте дел; если же имам подсылал к ним слабые партии или [332] одиноких проповедников — картина изменялась самым счастливым для обеих сторон образом: с первым снегом в горах незваные гости удалялись, а лезгинские старшины посылали нам известия о неудавшихся происках неблагонамеренных людей, объясняя спокойствие обществ своим усердием и верностью, а за новые заслуги просили новых подарков и денежного вознаграждения. И мы, и горцы понимали, что власть наша была призрачна за хребтами, что как бы мы не устраивались на лезгинской линии, у нас всегда будет мало войск, чтобы предупреждать прорывы и неизбежные с ними разорения долин. Мы даже не всегда знали, какие общества нам подчинялись и какие оставались свободными, вне нашего влияния и нашей власти. Так, барон

Розен, извещенный в начале января о бегстве в Кейсерух Джан-Вели и о вредной деятельности его против нас, поручил генералу Реутту запросить кейсерухское общество,

“Зачем оное, изъявляя преданность к нам, принимает к себе наших беглецов и позволяет им не только проживать, но даже делать возмутительные воззвания.... таковое поведение заставляет иметь невыгодное о сем обществе мнение и не доставит оному благоволения нашего правительства."

Реутт отвечал, что Кейсерух не состоит в подданстве России и до сих пор, при всех стараниях и сношениях его с старшинами, этот магал остается непокорным.

“Хотя же я — продолжает Реутт — во исполнение воли вашего высокопревосходительства, написал к старшинам, выставив им на вид поведение их, не соответствующее их пользе и выгодам, коих они ожидать могут от спокойной жизни, но, как я полагаю, что сие мало подействует на их образ мыслей в отношении к нашему правительству, покорность коему они еще не изъявляли" 13. [333]

При таких условиях денежные жертвы становились необходимостью, и можно пожалеть только, что при возможности расширять сферу нашего денежного воздействия в Лезгистане, мы в недостаточной мере пользовались этим оружием и мало заботились об увеличении наших сведений о лезгинских горцах и их стране. Лезгины отлично понимали, что мы их не знаем, что сведения наши о них скудны, что следить за поведением их мы не могли, и потому не пренебрегали никаким случаем, чтобы поживиться на наш счет. Они были удалены от центра восстания, запрятаны в страшных трущобах, предавались хищничеству и не прочь были помириться на рублях, если эти рубли с лихвою возмещали им стоимость того, что они могли награбить. Надо еще удивляться ничтожности сумм, расходываемым нами на лезгин, и их положительно скромным вымогательствам. В 1831 году, следовательно в один из самых беспокойных годов на лезгинской кордонной линии, мы издержали на покорившиеся нам общества южного Дагестана 1561 червонец и 804 рубля 50 коп., т. е. 5486 руб. сер. с копейками, как свидетельствует о том подробный отчет, представленный генералом Реуттом барону Розену в 1832 году 14. В эту сумму вошли 858 червонцев, 3 рубля 50 1/ коп. сер. на подарки, угощение и содержание 130-ти старшин анкратльского союза, вступившего тогда в подданство России, а также на много мелких расходов, на лазутчиков, путевые издержки посыльных, приносивших нам письма из гор, за поимку беглых солдат и т. п. На содержание аманатов пошло из той же общей суммы 240 червонцев, 13 руб. 56 кон. сер. или 733 руб. 56 коп. Эти цифры показывают, что не все полезные нам люди получали столь ценимые лезгинами деньги. Отсюда вытекал естественный результат: кто считал себя обделенным или обиженным, тот [334] шел на грабеж и этим путем возмещал свои недостатки. В упомянутом выше письме Хала-Магомета (он же Узун-Мамад) к барону Розену старшина не стесняясь говорит, что он беден и живет грабежами или получаемыми за мир и покорность деньгами 15.

Последнюю вылазку за русским рублем в текущее полугодие сделали анкратльцы в начале мая. В числе семи человек, включая сюда двух старшин, Аккило и Кура-Мамада, они явились в Тифлис с письмами к барону Розену от Ших-Шабана и Хала-Магомета, выражавшими “претензии" на разные будто бы обещанные им награды, сверх уже полученных от нашего начальства. Корпусный командир объявил им, что претензии их неосновательны, приказал выдать каждому по 6-ти червонцев с придачею халата и отпустил домой, приказав полковнику

Эспехо, временно заменявшему генерала Реутта в управлении джарскою областью, впредь не пускать в Тифлис без особенной надобности такого рода посланцев.

Частые сношения с лезгинами южного Дагестана внушили барону Розену мысль привлечь лезгинские общества к участию в наших экспедициях против закубанцев. Предполагалось собирать из них “ополчения" только на летнее время, “с приличным жалованьем и содержанием." Поручая генералу Реутту провести эту мысль в горах, при посредстве Ших-Шабана и преданных нам старшин, корпусный командир писал начальнику джарской области:

”В прежние времена лезгины подобным образом служили в соседних владениях 16; бедность и воинственный дух лезгин побудит их и ныне на сие решиться, если выгоды для них будут надлежащим образом объяснены и они будут уверены в точном [335] исполнении делаемых им предложений. Содержание должно стараться назначить самое умеренное и отнюдь не более или гораздо менее получаемого ратниками грузинского пешего полка Джар; на 50 человек может быть назначен старшина, с значительнейшим содержанием, а также могут быть употреблены главными начальниками известные лица, с особенными выгодами. Отличающиеся храбростью и усердием будут награждаемы подобно другим лицам, состоящим в российской службе" 17.

По-видимому, и в этом случае все сводилось к рублю, к размеру того вознаграждения, за которое докупалась служба лезгин; по крайней мере в предписании своем полковнику Эспехо барон Розен пояснял:

“В бытность в г. Тифлисе анкракских старшин Аккило и Кура-Мамада, по разговорам с оными можно было заметить, что в сем не встретится особенных препятствий и что предложения сии могут быть приведены в исполнение" 18.

Долго ожидался ответ; наконец, в конце июня, барон Розен его получил. Как и следовало ожидать, приманка оказалась слабой, пожалуй даже обидной для лезгин, которых оценивали “гораздо" ниже грузинских милиционеров полка Джар — и полезное дело не состоялось.

“Ныне старшины сего народа отвечали — доносил корпусный командир военному министру — что они на сие согласиться не могут, потому что отличие их им воспрещает воевать с христианами против своих единоверцев, мусульман, но что они во всякое время готовы идти с нами против других иноплеменных народов, хотя бы то были и европейцы" 19.

Вытянуть лезгин из трущоб на свет Божий так и не удалось: “приличное жалованье и содержание" не настолько их соблазнило, чтобы пойти против своих, а [336] столкновения с европейцами пришлось еще долго ждать. Но не этим определяется значение описанного факта: уже в те времена лезгины готовы были служить нам в походах, что, без сомнения, повело бы к сближению их с нами, расширяло бы их кругозор и возвращало на родину далеко не прежними дикарями. Об этом далее и доносил корпусный командир графу Чернышеву.

Стараясь поддерживать преданность к нам в покорных обществах Лезгистана, лаская и награждая их старшин и влиятельных людей, барон Розен тем не менее хорошо сознавал непрочность такого порядка вещей и потому не забывал самой действительной меры против своеволия, хищничества и набегов всех этих мирных и немирных общин — упорядочения и усиления лезгинской кордонной линии. Плодородная Кахетия, а за нею и долина Куры с давних пор ежегодно подвергались сильному разорению. Едва мы вступили в Грузию, как

беспрестанные набеги лезгин заставили нас располагать отряды в телавском и сигнахском уездах. В последнем уезде генерал Ермолов избрал Царские Колодцы местом постоянного квартирования пехотного князя Паскевича полка, батарейной № 1 роты 21-й артиллерийской бригады, Нижегородского драгунского и одного из казачьих полков, а в верхней Кахетии, в сс. Сабуи, Кварели и Чеканы, расположил 3-й баталион Грузинского гренадерского полка. Наблюдательные посты содержались кахетинскими жителями, караулы которых в верхней Кахетии примыкали к земле преданных нам тушин, а от Чекан спускались к Алазани и шли вдоль этой реки до муганлинской переправы, находившейся на дороге из Царских Колодцев в Закаталы. В 1830 году, по занятии нашими войсками джарской области, граф Паскевич предполагал придвинуть алазанскую часть линии к подошве лезгинских гор, почти в прямом [337] направлении от Чекан через Белаканы и Закаталы до владений элисуйского султана. Предположения фельдмаршала не успели осуществиться — и наши посты по Алазани, на расстоянии почти 60-ти верст между Чеканами и Белаканами, лишены были необходимой связи с крайними, выдвинутыми вперед частями линии. Лезгины спускались в этот промежуток без всякого затруднения, скрывались в приалазанских лесах и производили оттуда нападения не только на жителей, но и на команды, как это случилось в ночь с 5-го на 6-е ноября предшествовавшего года 20. Вследствие таких же хищнических набегов значительное пространство земли между Чеканами и Кварели, по ту сторону Алазани, оставалось ненаселенным, кроме нескольких небольших хуторов, приютившихся у самой реки.

В марте месяце барон Розен решил привести в исполнение предположения графа Паскевича и вместе с тем вообще упорядочить лезгинский кордон. Он разделил всю линию на три дистанции: 1) Бежанъянскую — от Тушетии до с. Картубани, 2) Лагодехскую — от с. Картубани до Белакан, и 3) Закатальскую — от Белакан до границ элисуйского султанства. Первая дистанция вверялась командующему тремя ротами Грузинского гренадерского полка, расположенными в верхней Кахетии; охрана второй дистанции поручалась грузинскому пешему полку Джар; защита третьей дистанции возлагалась на гарнизоны Белаканского и Закатальского [338] укреплений, а также на милицию из окрестных жителей джарской области. В верхней Кахетии посты оставлялись в пунктах прежнего своего расположения, но роту Грузинского гренадерского полка, квартировавшую в нездоровой местности с. Чекан, решено перевести в Бежаньяны. Расположение обывательских караулов в 1-й дистанции хотя и признавалось “весьма хорошим," тем не менее генералу Реутту предоставлялось дальнейшее размещение их, конечно, не обременяя жителей содержанием бесполезных постов. Для нового продолжения кордонной линии от верхней Кахетии до Закатал барон Розен приказал постоянно занимать Лагодехи четырьмя сотнями полка Джар, а пятую сотню того же полка расположить в Картубани. По обычаю того времени, сами войска должны были позаботиться об устройстве своих штаб-квартир; грузинам предлагалось вырубать лес и свозить его к месту построек на казенных или жительских арбах, по наряду. В Лагодехах корпусный командир, по мысли полковника Эспехо, нашел “полезным" расположить сотни Джар в древнем укреплении, а помещения Картубани приспособить к обороне от нападений хищнических партий. К расчистке дороги между Белаканами и Картубанью следовало принять всевозможные меры, но без особенного отягощения жителей и войск. Для безопасного сообщения между Картубанью и Бежаньянами учреждался промежуточный пост, по усмотрению генерала Реутта, с обывательским караулом, а между Картубанью, Лагодехами и Белаканским укреплением такие же посты велено занять милиционерами полка Джар. Резервный милиционный пост в Сигнахе, как ненужный с передвижением линии вперед, был

упразднен. Всю лезгинскую линию предписано “содержать самым деятельным образом," “производить" денные и ночные патрули от поста до поста, выставлять секретные караулы в местах, удобных для прорыва хищников, при [339] известии о лезгинских партиях делать засады, преследовать их как можно дольше в горы, о прорыве извещать сжиганием маяков и т. д. Вместе с тем корпусный командир находил весьма полезным пропускать к нам горцев не иначе, как через главные посты, притом только с видами от старшин; на постах у них следовало отбирать огнестрельное оружие и удерживать виды, вместо которых выдавать билеты для дальнейшего следования. Так как последняя мера могла заставить даже самых благонамеренных людей избегать посты, где их будут обезоруживать и пропускать по бумагам, т. е. подвергать крайне стеснительным для каждого горца мерам, то барон Розен предложил генералу Реутту представить ему “о сем" свои соображения.

Таким образом, в начале 1832 года разумная мысль графа Паскевича была приведена в исполнение: мы перешли Алазань на всем ее протяжении, приблизились к подножию кавказского хребта, ввели в общую линию Белаканское и Закатальское укрепления, служившие до этих пор в сущности передовыми опорными пунктами, придали этим пунктам большее значение и устойчивость, а главное — поставили позади себя и старались прикрыть опасное пространство между Чеканами и Белаканами занятием Картубани и Лагодех. Барон Розен, хотя и не мог ручаться за будущее, но в смысле дальнейшего передвижения линии имел основание донести военному министру:

“Польза и необходимость настоящего образования лезгинской линии столь очевидны, что, не распространяясь об оных, считаю однако же нужным присовокупить, что по всей вероятности сим ограничатся все наши предприятия в сию сторону гор" 21.

Малочисленность наших войск явственно обнаружилась при новом устройстве кордонной линии. Почти половину ее [340] корпусный командир передвигал к подошвам хребта и при этом не находил возможным ни занять ее новыми войсками, ни передвинуть вперед, на новый участок линии те главнейшие посты, которыми она прикрывалась по течению Алазани. Для занятия вновь устраиваемой части он брал войска с правого фланга линии, из Закатал и Белакан, чем, конечно, ослаблял эти важные укрепления, а главное — затруднял сбор войск и уменьшал силу подвижных колонн, столь необходимых в партизанской войне с смелым и многочисленным неприятелем. Но и того, что сделал барон Розен, было пока достаточно. Новое направление линии все-таки не могло не стеснять мелкие действия горцев, а крупных событий с этой стороны он не ожидал. Реутт, как мог, так и занял пространство между Белаканами и Картубанью. Он поставил между первыми из этих укреплений и Лагодехами 50 милиционеров полка Джар, между Лагодехами и Картубанью столько же и в Картубани 100 человек. В Лагодехи перешли три сотни того же полка Джар. В этих сотнях хотя и числилось налицо 300 милиционеров, но из них следовало посменно отделять не менее полусотни на урдовскую переправу, отряжать команды на мельницы для перемола провианта и беспрестанно высылать частями в штаб-квартиру за получением жалованья; кроме того, им предстояло ежедневно патрулировать между постами и строить себе помещения, следовательно подвозить или конвоировать необходимые для построек материалы. Само собою разумеется, что при таких условиях успех охраны самого опасного и удобного для прорыва партий пространства новой линии становился проблематичным и потому ставил нас в необходимость по-прежнему рассчитывать на Алазань и надежно прикрывать ее главнейшие переправы. Озабочиваясь этим обстоятельством, а также ослаблением гарнизона

Белаканского укрепления, из [341] которого предстояло увести полк Джар, генерал Реутт приказал командующему этим укреплением маиору Бучкиеву отправить на Урдо команду от кн. Варшавского полка и просил корпусного командира о возвращении в Белаканы одной из рот того же полка, выведенную незадолго перед тем в свою штаб-квартиру. Кроме того, он считал необходимым собрать в мае месяце милицию из жителей джарской области и элисуйского султанства, в числе 500 человек, по примеру предшествовавшего года. Барон Розен согласился в свое время вернуть в Белаканы просимую роту, но на урдовскую переправу предлагал поставить грузин полка Джар, а на муганлинскую — ингелоевцев, когда они будут в сборе. Паромы на этих переправах он желал обеспечить каменными караульнями.

О тогдашнем состоянии линии, прикрывавшей Кахетию со стороны Дагестана, оставил нам кое-какие сведения полковник Эспехо. Командированный в предшествовавшем году корпусным командиром из Закатал для “ определения" сообщения с левым флангом этой линии, он осмотрел дороги от Белаканского редута до селения Сабуи и от бежаньянской долины обратно до Белакан, вдоль Алазани. С отрядом из 250-ти человек и двух орудий Эспехо выступил 9-го ноября из Закатал и того же числа прибыл в Белаканы, где присоединил к себе 150 человек из белаканского гарнизона. 10-го он направился по верхней дороге к Кварели и остановился у небольшого древнего укрепления Лагодех; здесь место представляло довольно обширную и чистую поляну, обращенную к горам. На другой день он был в Картубани, где также нашел старое укрепление и большую плоскость, а 12-го прибыл в Чеканы через бежаньянское поле, на котором содержался пост из жителей сигнахского и телавского уездов. Здесь он оставил отряд, а сам с небольшим конвоем отправился в Кварели и [342] дальше, в Сабуи, с тем чтобы осмотреть расположение рот Грузинского гренадерского полка и кордонные посты, содержимые жителями. Вот, что он нашел. В Сабуи рота хотя и расположена на весьма выгодном месте впереди селения и прикрывает его со стороны ущелья, откуда можно ожидать нападений, но, не имея никаких закрытий, не в состоянии без надежного обеспечения своих казарм оказывать помощь ни жителям Сабуи, ни ближайшим селениям. Эспехо считал необходимым обнести ротную штаб-квартиру земляным валом или палисадом. Другая рота, квартировавшая в Кварели, расположена у входа в ущелье, откуда горцы ни разу не прорывались, а делали нападения на деревню с других сторон. Она могла быть обойдена лесом с двух сторон, причем неприятель имел возможность ворваться в середину селения прежде, чем рота успела бы прийти на помощь; да и помощь она могла оказать не иначе, как оставив для обороны своего помещения сильную команду и пройдя узкие улицы с садами, что не могло обойтись без больших потерь. Госпиталь имел соломенную крышу; к нему легко было подобраться садами и произвести пожар. Эспехо предлагал переместить роту в старинную крепость, которая имела много удобств и почему-то оставалась без всякого внимания. Она была довольно обширна, составляла четыреугольник с башнями по углам для “фланговой" обороны, имела крепкие, около 4-х сажень в высоту и в одном месте даже двойные стены, обеспечивалась водою, которую неприятель отнять никак не мог, и окружена была открытою местностью. В Чеканах расположение роты оказалось совершенно невозможным, благодаря жестоким лихорадкам и бесполезным “по отдалению от надлежащей точки" хищнических набегов. Эспехо находил, что с перемещением роты в Бежаньяны, где содержался тогда главный жительский пост, она не только будет находиться в [343] местности, но много выиграет и в военном отношении — прикроет Чеканы и население по р. Гавазы, куда с большою охотою желает выселиться до 500 дымов. И здесь необходимо укрепиться, чтобы в случае движения, оставлять для защиты своего расположения лишь небольшую команду

людей. Временную милицию из жителей, содержавшую в Бежаньянах пост из 200 человек, следовало поставить в картубанский замок, оставив незначительные караулы между Чеканами и Бежаньянами для наблюдения за тропами, по которым проникают хищники, для патрулирования к стороне Лагодех и Горис-Цвири и для прикрытия дороги к р. Кабале. Если бы хищники стали пробираться между Лагодехами и Картубанью на мацинское ущелье или по другим путям — тогда действовать из Белакан. Многие наблюдательные караулы на всей вообще линии Эспехо нашел расположенными “в весьма выгодных пунктах" и потому считал лишним их трогать, но беспорядки на них подвергнул осуждению. На бежаньянском кордоне он нашел вместо 200 человек только 120. Ему объяснили, что люди, назначаемые с правой стороны Алазани, не зная ни дорог, ни расположения караулов куда им следовало явиться, по несколько дней блуждают и затем возвращаются назад, пропустив недельный срок в этом бесполезном шатаньи; другие же, съевши свой паек во время таких блужданий, уходят домой, полагая, что они этим исполнили свою обязанность. “Смотря на сие, и ожидавшие смены делают то же, считая, что и они также вполне выполнили свою очередь," добавляет Эспехо. Главная причина беспорядков среди милиционеров заключалась в следующем:

“Милиция кордонной линии и ее начальник не подчинены военному ближайшему начальству и действует от оного совершенно независимо. Начальник оной имеет предписание от грузинского гражданского губернатора, чтобы относиться только к нему и во всем [344] непосредственно зависеть от его приказаний. В таком случае, если военная кордонная линия, содержимая упомянутыми милиционерами, не будет защищаемая в совокупности с прочими войсками и подчинена военному начальству, которое может употреблять с лучшею пользою, когда и как прилично,— то от оной, кроме вреда, нельзя ожидать никакой пользы, тем более, ежели начальник милиции всегда будет испрашивать и ожидать себе из Тифлиса наставлений, через 150-ти верстное расстояние, что противно воинской системе, и сие может родить иногда самые дурные последствия."

Испанец Эспехо, конечно, плохо владел русским языком и любил вдаваться в теоретические подробности, тем не менее был прав, возмущаясь странным вмешательством в военные дела гражданского губернатора, да еще за 150 верст.

Обратно вернулся он в Закаталы нижним путем, придерживаясь берегов Алазани. От Бежаньян до белаканского укрепления дорога оказалась во всякое время удобною для следования войск с артиллериею; нужно было только исправить четыре маловажных моста. Дорогу следовало считать тем более полезною, что она, по показаниям жителей, соединялась с верхним путем через леса на мацинское, лагодехское и картубанское ущелья. В заключение Эспехо коснулся полка Джар. Из селений телавского уезда, лежащих по левую сторону Алазани, т. е. из Сабуи, Шильды, Кварели, Гавазы и прочих, высылалось в полк 180 милиционеров, а для содержания кордонной линии от Сабуи до Бежаньян приходили жители с той стороны Алазани, большею частью из сигнахского уезда, коим местность линии и дороги ее были совсем неизвестны. Эспехо предложил содержать линию местными уроженцами, чего последние также желали 22.

Крепость Новые Закаталы устроена была на гарнизон [345] в 2 тысячи человек; из них 1200 ч. назначались к занятию стен, а 800 для резерва. Белаканский редут рассчитан на 250 человек, из коих 150 для обороны стен и 100 для резерва. По мнению полковника Эспехо 23, положение Ново-Закатальской крепости невыгодное, но сильный перекрестный огонь с смежных фасов крайне затруднит приближение неприятеля. Чтобы прикрыть нижних чинов на банкете и

вместе с тем “значительно возвысить" стену, он предлагал устроить бойницы. Ему казалось также, что с устройством бойниц можно сократить численность гарнизона до 1200 человек, рассчитывая, конечно, на неуменье горцев вести осаду и на отсутствие у них артиллерии.

Расположение войск на лезгинской линии в начале 1832 года осталось почти без перемен. В Закаталах стояла рота Грузинского гренадерского полка, 1-й баталион 41-го егерского полка, 4 орудия 5-й резервной роты 21-й артиллерийской бригады, два донских конно-казачьих орудия и команды от пехотного кн. Варшавского и донского Платонова полков; в Белаканах 1-й баталион пехотного кн. Варшавского полка и два конно-донских орудия; на бахтальском посту команды Грузинского гренадерского, 41-го егерского и донского Платонова полков; на муганлинской переправе рота кн. Варшавского полка, команды от Грузинского гренадерского и донского полков; на урдовской переправе рота кн. Варшавского полка и в верхней Кахетии 3 роты Грузинского гренадерского полка с 3-мя орудиями гарнизонной артиллерии, находившейся в Кварели. Дивизион 2-й легкой роты кавказской гренадерской артиллерийской бригады (подполковника Бриммера) и саперная рота (капитана Ведениктова) выведены были в свои штаб-квартиры. Взамен ушедшей артиллерии корпусный командир приказал назначить из Тифлисского [346] артиллерийского арсенала 6 легких пушек в 1-ю батарейную роту 21-й артиллерийской бригады, расположенную в 45-ти верстах от Закатал 24.

В первые шесть месяцев 1832 года только три случая нарушили спокойствие на лезгинской кордонной линии. В половине марта партия глуходар и беглых джарцев, человек до 30-ти, пробравшись в наши пределы, направилась по лагодехской дороге к кахетинским кордонам. Подполковник кн. Аргутинский-Долгорукий, желая погнать их к стороне Белакан, где они могли быть перехвачены, приказал маиору Зеничу отделить против них часть милиции и поручить анцухскому приставу прапорщику кн. Вачнадзе произвести поиски между кочующими на границе Кахетии горскими жителями. Тем временем, 17-го числа, прибыл в Закаталы Эспехо и к сделанным распоряжениям присоединил свои. Он послал командующего полком Джар шт.-кап. кн. Челокаева с 125-ю милиционерами на акимальскую дорогу наблюдать за тропами из Белакан и цаблуанского ущелья, которыми могли пробраться находившиеся в Каписдаре беглые лезгины, а 75-ти милиционерам с таначинцами и белаканцами, в числе около 100 человек, приказал произвести поиск в лесах белаканской низменности. Челокаев, пройдя между Акималом и Мавровдахом по очень трудной тропе, достиг горы, покрытой глубоким, в 2 арш. снегом. Заметив там следы от людей и буйволов, он отрядил прапорщика Нацвалова с 50-ю милиционерами и 30-ю белаканцами для дальнейшего движения по дороге, а сам направился по горе с другой стороны. Поиск Нацвалова был удачен; он открыл пристанище хищников и, не теряя ни минуты, напал на них. Горцы не ожидали нападения; одни из них не успели захватить с собою оружия, другие бежали [347] полунагими. Челокаев, отделенный от места схватки глубоким снегом и топким грунтом, успел только разыскать стрелков, на которых и наткнулись хищники. Одного они взяли в плен, другого убили; прочие бежали в горы. Судя по кровавым следам, милиционеры полагали, что лезгины унесли с собою около 20-ти раненых. С нашей стороны убит 1 милиционер и 1 ранен. У хищников отбито около 50-ти пуд. муки, много съестных припасов и часть оружия, оставленного в шалашах 25. Эта была первая схватка полка Джар, и барон Розен, в поощрение “усердия и храбрости" милиционеров, благодарил особенно отличившихся Нацвалова и кн. Андроникова в приказе по корпусу. 27-го мая комендант Белаканского укрепления маиор Бучкиев получил известие, что партия глуходар намерена проникнуть в наши пределы. С ротою пехоты, одним горным единорогом, несколькими

милиционерами полка Джар и с 40 белаканцами он пошел навстречу хищникам и застал их на спуске горы Герекляр. Хищники заняли опушку леса, но были прогнаны ружейным огнем и несколькими орудийными выстрелами. Преследование их Бучкиев поручил милиционерам и белаканским жителям. У нас потерь не было. 12-го июня лезгины в числе 60-ти человек угнали в 20-ти верстах от лагодехского поста до 2000 баранов, принадлежавших белаканцам. Хищников никто не преследовал, а генералу Карпову, временно управлявшему областью, дали знать о случившемся только на другой день. Потеря была весьма чувствительна для белаканцев; но барон Розен, зная, что две немирные джарские деревни, лежащие на главном сообщении с нагорным Дагестаном, пропускают хищников и делятся с ними добычею, решил вознаградить белаканцев на счет этих деревень, [348] когда летние жары заставят их спустить свой скот к Алазани 26.

С середины апреля начали приходить известия о затеях Кази-муллы. И сюда сообщали, что имам не имеет постоянного пребывания, а переходит с места на место, везде возбуждая народ. Из выдающихся соучастников его, всюду следовавших за ним, называли Гамзат-бека, Абдуллу и Кази-Курбан-оглы. Он старался собрать “большие силы," чтобы вторгнуться в джарскую область, но приносившие нам эти сведения не верили в возможность больших сборов и потому находили спокойствие в области и в южном Дагестане обеспеченным. Замечательно, что успех Кази-муллы по сю сторону гор сами лезгины ставили в прямую зависимость от больших сборищ. Такой расчет основан был не на размере препятствий, которые необходимо было преодолеть на лезгинской кордонной линии, а на географической замкнутости южного Дагестана, стоявшего вдали от нового религиозного движения, непривыкшего к единодушным действиям ради общей цели и пока еще преследовавшего свои личные или общинные интересы. Чтобы увлечь его в серьезное предприятие против нас требовалась внушительная сила, за которою бы он пошел, рассчитывая не только поживиться чужим добром, но и остаться безнаказанным после своих грабежей. Вот почему, убедившись в незначительности сборов Кази-муллы, наши лазутчики прибавляли, что действия его направлены будут не на джарскую область, а в обратную сторону гор. С своей стороны Кази-мулла не мог не видеть второстепенного значения южного Дагестана и не знать характера его жителей, разрозненных, хищных, жадных и продажных. Не в его духе было действовать опрометчиво, наугад, напрасно разбрасывая силы. Он находил более [349] полезным постепенно, не торопясь вводить лезгинские общества в круг своих замыслов и нередко сдерживал нетерпеливого Гамзат-бека, которому хотелось похозяйничать в Джарах, чтобы под шумок вывести в горы семейства лезгин, не желавших оставаться в области. К такому же образу действий склоняли его и джарские беглецы, перебежавшие к нему из Аварии, но пока он пользовался советами их только с демонстративными целями. Его общее воззвание, разосланное во все концы Дагестана после убийства Доудил-Магомы, не произвело особенного впечатления на лезгин, вследствие чего он даже воспретил анцухскому и капучинскому обществам всякие сношения с Кахетиею, под опасением своего гнева. Какие последствия имело такое запрещение среди анцухцев и капучинцев — не беремся сказать, но общество Бежиты,

“видя невозможное из прокламации Кази-муллы, отказалось от предложений его, с объяснением, что если он в состоянии будет доставить все те выгоды, какими пользуются они в Кахетии уже несколько лет и без коих обойтись не могут — тогда они будут согласны с ним" 27.

В чем заключались “выгоды" бежитцев, помимо обычных грабежей в Кахетии, трудно себе представить. Очевидно, целое общество думало, выводило заключения и поступало одинаково

с анкратльским старшиною Хала-Мамадом; только с суровым имамом опасно было говорить резко и напрямик.

Такая же почти неудача постигла Кази-муллу и в Кейсерухе. Он известил кейсерухцев, что скоро пришлет к ним “храброго полководца, дагестанского старшину Чобана," которому они обязаны собрать войско, дать продовольствия на 10-16 дней и отправиться с ним к стороне [350] Мугаха. Общество отвечало, что, не полагаясь на Чобана, оно “не согласно" идти против русских, но готово на все его требования, если действиями его станет руководить сам Кази-мулла с Гамзат-беком. Не доверяя посланцам имама — двум джарским беглецам — кейсерухцы отправили к нему своего старшину.

Все эти переговоры, не особенно благоприятные для мюршида, ничуть не тревожили полковника Эспехо; но когда ему дали знать, что сугрaхский старшина собирается ехать на совещание к имаму — он просил корпусного командира потребовать от Аслан-хана казикумухского самого серьезного воздействия на кейсерухский магал. С своей стороны Эспехо отправил в нагорные деревни джарской области преданных нам старшин с приказанием усилить в них караулы и общими силами преградить путь кейсерухцам, если они покажутся у джарских границ. Важное значение Суграха заключалось в том, что через эту общину пролегала, по заявлениям лазутчиков, единственная дорога из нагорного Дагестана в южный, минуя казикумухские владения. С конца мая известия о покушениях против джарской области начали принимать более тревожный и определенный характер. В письме от 27-го мая Нуцал-хан уведомил корпусного командира, что Чобан аварский, племянник Гамзат-бека, уже направился к границам области, приглашенный туда жителями, решившими нарушить присягу; за ним собирается туда же и Кази-Дибир каратинский. Мюршид с Гамзат-беком аварским находился недалеко от Агач-кала. 20-го июня и. д. шекинского коменданта подполковник Бракель сообщил, что Кази-мулла остается в Гимрах, Гамзат-бек перебрался в Белаканы (Дагестан), а Чобан аварский с скопищем в 800 ч. расположился на горах, принадлежащих Кейсеруху. Вслед затем, 23-го июня, Бракель доносил, что Чобан с большим числом аварцев остановился дней 10 [351] тому назад на горе Кодор, имея при себе сыновей Алискендера Гамзат и Мурад беков и племянника их Гамзат-бек-Дорло-оглы. К ним прибывают толпы аварцев и они намерены напасть на русских с трех сторон: через горы Каралыгаваз на Кисых, на Белаканы и Новые Закаталы. О том же доносил барону Розену 1-му, 24-го июня, Каханов. Чобан намерен соединиться с 200 аварцами и 500 джарскими беглецами и напасть вместе с своим дядею Гамзат-беком на джарскую область, чтобы дать время родственникам джарских беглецов перебраться с семействами и скотом в Кейсерухский магал на постоянное жительство. В вознаграждение джарцы обещали людям Чобана с каждого двора по 10-ти рублей и по одной голове крупного рогатого скота “на порции." В июле из всей совокупности сведений, получаемых корпусным командиром с восточного Кавказа и Закавказья, не трудно было заключить, что Кази-мулла, преследуемый неудачами в центральном и северном Дагестане, решил наконец уступить Гамзату и попытать счастье в джарской области. 13-го июля кн. Георгий Баратов, командированный к дагестанским владетелям, уведомил грузинского гражданского губернатора кн. Палавандова, что жители хунзахского, аварского, сугрaхского и чухлынского обществ присоединились к Гамзат-беку. 18-го июля Каханову уже было известно, что Гамзат-бек отправился в джарскую область, а, по донесению кубинского коменданта, скопища его являлись перед этим в окрестностях Цудахара, собирая продовольствие не только из цудахарских деревень, но даже из деревни Катрух, принадлежащей Аслан-хану казикумухскому. О сборе продовольствия Каханову дали

знать следующее: провиант с рутульского магала уже был доставлен Гамзат-беку сполна; кроме того с каждых трех дворов взято по одному быку или корове, а каждые два дома дали по одному барану и по одной мере (така) перемолотой [352] пшеницы. Сбор продовольствия производился и в джарской области. Скопище, под начальством Гамзата, расположилось в горах, называемых рутульским эйлагом, граничащих с нухинскою и кубинскою провинциями, куда вели весьма “хорошие" дороги для пеших и конных. Аслан-хан с двумя или тремястами конницы ездил к Гамзат-беку для каких-то переговоров и в самое короткое время вернулся в Кумух. Этому донесению не противоречит другое, представленное подполковником Гимбутом генералу Каханову, в котором говорится, что Аслан-хан, в виду намерения Гамзат-бека вторгнуться в кубинскую провинцию, выставил вооруженных людей на границе цудахарских владений и отогнал табуны лошадей у жителей, которые снабдили Гамзата провиантом: играя в двойную игру, казикумухский хан не пропустил только случая поживиться на счет слабого, быть может с согласия Гамзат-бека, и в то же время наглядно доказать свою преданность русскому правительству. Наконец появились и воззвания. Они были доставлены зейхурубашским магальным наибом прапорщиком Али-паша-агою кубинскому коменданту при письме от 23-го июля, следовательно после вторжения неприятельских скопищ в джарскую область. Поздняя доставка их нашим властям объясняется очень просто: первое место между ними занимало воззвание Гамзат-бека, обращенное к рутульскому бегей-беку; пока шли сборы и рутульское население деятельно помогало бунтовщикам, бегей-бек молчал, но как только Гамзат-бека постигла неудача в Джарах, рутульский бек в очистку своего участия в этом деле поспешил отправить воззвания прапорщику Али-аге. Главе рутульского магала Гамзат-бек и Чобан писали:

“От уповающих на Бога Амзат-бека и Чобан-бека к почтенному владельцу, главному из сверстников своих, первому между храбрыми и преимущественному своею властью и словами бегей-беку [353] рутульскому. Да помилует тебя Бог в тот самый день, когда богатство и дети тебя от погибели избавить не могут, кроме одного чистого сердца, с которым обращаешься ты к Нему.

Приблизилось время к Джихаду: выступаю против неверных возмутителей и (к?) возвышению Божьих слов. В сем случае следует подобному тебе владельцу выйти и восстановить народ против неверных, дабы не уничтожилась мусульманская вера темнотою неверия и властью их над магометанами. Главное желание наше от истинной твоей дружбы состоит в том, чтобы ты поспешил к Джихаду и пригласил к нему народ единственно для исполнения воли Всевышнего, как сказано в коране: 1) учините на пути Божием Джихад с имуществами и душами вашими; 2) сражайтесь с неверными вообще; 3) убивайте неверных и 4) приглашайте правоверных к сражению. Ты знаешь все, что в сем написано, ибо ты из знающих. А мы, Бог даст, въедем в горы в субботу и объявим тебе, Зуто-эфенди, все, что там делается. Да (будет?) Бог с нами.”

Второе воззвание принадлежало зухурдаринским жителям и обращено было к рутульскому, шиназскому, ансорскому (анцросскому?) и лучекскому обществам.

”От зухурдаринских почетных лиц, как-то: старшин и духовенства, к обществам рутульскому, шиназскому, ансорскому, лучекскому и других деревень.

Объявляется вам, что мы из Кеура прибыли в Зухур, где, по общему нашему совету, изменили неверным и соединились с дагестанскими войсками для вспоможения мусульманам и их вере.

А посему вам непременно следует, собрав своих храбрых молодцов, прислать к войскам Дагестана, с коими вместе помогать вере очистить мусульман от пакостей неверных. Да ниспошлет Всевышний Свою помощь тому, кто старается помогать вере и поможет нам с удачею действовать против неверных."

Оба воззвания отправлены были почтенным Зуто-эфенди рутульским при письме, в котором между прочим говорится: [354]

“Пришел к нам со стороны дагестанского ополчения человек, который, приглашает нас идти с ними в поход; но мы на то сказали ему: из нас никто не пойдет с вами в поход, ибо мы не имеем толикой силы стоять против войска Российского Императора и не смеем выйти из повиновения."

Такая приписка, конечно, должна была совершенно обелить рутульского бека. О верноподданническом подвиге Аслан-хана также упоминается в его письме:

“Если вы изволите спрашивать об Аслан-хане, то сей хан находится на горе Гуртей, выше деревень Зухура и Джених, где ограбил он лошадей Зухуру и баранов Джениху принадлежащих, за то, что жители сих двух деревень изменили элисуйскому султану" 28.

Из всех этих известий можно вывести одно только более или менее вероятное заключение: было два сбора; один, в мае, который, очевидно, не удался; другой, предпринятый месяц спустя в больших размерах, шел беспрепятственно, волнуя нагорные деревни джарской области и увлекая в предприятие мелкие общины южного Дагестана.

Хотя в одном из донесений военному министру барон Розен и упоминал о мерах, принятых в начале мая на лезгинской линии против вторжения горцев, вследствие чего имам отправил лишь незначительную разведочную партию на Акимал, но в чем заключались эти меры, последующие документы не поясняют. В это время корпусный командир занят был приготовлениями к экспедициям против карабулаков и галгаевцев, согласно общему плану действий текущего года 29, и отдавал уже распоряжения о сосредоточении войск на левом фланге кавказской линии. Желая до некоторой степени обеспечить и джарскую область, он приказал отправить туда 1-й баталион Тифлисского полка, но разлитие [355] речек задержало этот баталион на марше, и барон Розен решил заменить его 3-м баталионом 41-го егерского и 1-м баталионом Херсонского гренадерского полков; в то же время 1-й баталион 41-го егерского полка уводился из Царских Колодцев во Владикавказ. Таким образом лезгинская линия усиливалась одним только баталионом Херсонского гренадерского полка, да и тот прибыл в Царские Колодцы по частям, и не в мае, когда зашевелился Кази-мулла, а в начале июня и июля месяцев: две роты, взятые из Ахалцыха и Ацхура, выступили из Тифлиса на линию 8-го июня, а две остальные роты 4-го июля, после того, как получились новые известия о серьезных замыслах Гамзат-бека против джарской области. Обмен баталионов 41-го егерского полка произошел так, что оба баталиона выступили из Тифлиса 27-го мая — 1-й во Владикавказ, 3-й в Царские Колодцы — следовательно на несколько дней лезгинская линия не только не была усилена, но, напротив, ослаблена на один баталион. С прибытием 9-го июля последних двух рот Херсонского гренадерского полка наблюдательный отряд в Царских Колодцах состоял из 7-ми рот князя Паскевича полка, 1-го баталиона Херсонского гренадерского, 3-го баталиона 41-го егерского полков, Нижегородского драгунского и части Донского казачьего № 28 Платонова полка, батарейной № 1 роты 21-й артиллерийской бригады и 4-х орудий донской конноартиллерийской № 3 роты.

По случаю болезни и отпуска генерала Реутта, управление джарскою областью и командование отрядом на Царских Колодцах поручено было войска донского генерал-маиору Карпову. В руководство ему предписывалось следующее: 1) наблюдать за продолжением построек в Закаталах, Белаканах и на новой лезгинской кордонной линии, избегая изнурения работами солдат, милиционеров и жителей; 2) не допускать хищников производить разбои в джарской [356] области и Кахетии, имея в виду, что с учреждением “беспрерывной" кордонной линии от владений элисуйского султана до тушинских земель слабым партиям трудно проникать далеко в наши границы, а большие скопища могут быть заблаговременно открыты преданными нам людьми и лазутчиками; появления небольших партий близь линии “не дозволять," но, открывши их, “ преследовать и рассеивать;" в случае больших сборищ, опасно с малыми силами “ходить в горы," а потому, приняв нужные меры осторожности, допустить их спуститься с гор и решительно действовать войсками, расположенными на кордоне, а в случае надобности и резервами, собранными на Царских Колодцах; 3) отряд, собранный в Царских Колодцах, корпусный командир считал довольно сильным для отражения “всяких горских скопищ;" в нем не следовало допускать никаких “излишних откомандировок," войска держать всегда готовыми к выступлению, не лишая однако их возможности заниматься хозяйственным обзаведением и наблюдая за сбережением здоровья людей; 4) в случае вторжения больших скопищ в джарскую область, Кахетию, элисуйское владение и даже в Шекинскую провинцию допускалось действовать всем отрядом, расположенным в Царских Колодцах, избегая “всегда" опасного раздробления сил; при этом следовало предварительно удостовериться в действительном направлении неприятеля, чтобы не подвергать войска напрасному изнурению и не быть обманутым “фальшивым движением оного;" во избежание затруднений на переправах через Алазань, наблюдать за исправностью и безопасностью муганлинского и урдовского перевозов и озаботиться постройкою караульных башен у этих переправ; 5) в случае необыкновенно больших сборищ, требовать для усиления отряда кахетинскую милицию и тушин прямо от сигнахского и телавского окружных начальников; но к этой [357] обременительной для жителей мере прибегать только при явной опасности и недостатке времени на разрешение 30.

“Я назвал вам — продолжал барон Розен — элисуйское владение и Шекинскую провинцию единственно из предосторожности, дабы при каком-нибудь непредвиденном происшествии вы не теряли времени на испрошение разрешения и обращали надлежащее внимание на происходящее там. Но, по всем вероятностям, оным не предстоит никакой опасности, ибо самый отважный хищник едва ли решится удалиться от гор, оставляя за собою войска, стоящие под вашим начальством, и преданными нам владениями г.-м. Аслан-хана казикумухского и элисуйского султана, с коими будьте в частом сношении. Земли последнего входят в состав джарской области и посему он сам подчинен вам. Прошу вас, однако же, оказывать ему благосклонное внимание, которое он заслуживает усердием своим правительству" 31.

О полке Джар корпусный командир писал г.-м. Карпову особо. Если бы лагодехское укрепление было атаковано “гораздо превосходными" силами неприятеля, милиционерным сотням предписывалось отступить к чаурской переправе и присоединиться к роте, которую следовало немедленно командировать в этот пункт от пехотного кн. Варшавского полка. Мера эта признавалась тем более полезною, что отряд из баталиона пехоты, дивизиона драгун и 4-х конных орудий № 3 роты, уже высланный г.-м. Карповым из Царских Колодцев на урдовскую переправу, не мог оказать своевременной помощи (непроходимые леса и узкие дороги) полку

Джар, если бы он был отрезан от белаканского укрепления. Названный отряд барон Розен приказал отвести назад в Царские Колодцы и впредь не разбрасываться силами, чтобы при вторжении неприятеля в наши [358] пределы действовать целым отрядом, которому корпусный командир, очевидно, придавал значение подвижного резерва. Вместе с тем он назначил генерального штаба полковника Рокосовского командовать отрядом, собранным в Царских Колодцах, разрешив ему действовать по усмотрению в случае перерыва сношений с г.-м. Карповым, в ведении которого он должен был состоять 32.

Комментарии

1. 100 литр шелку; впоследствии эта подать заменена была деньгами и хлебом, считая литр шелка по 12 рублей.

2. Сс. Чобанкали, Кемури, Патара Лаиджи, Карабалдури, Курдемури, Падари, Баяматло, Киндергала, Каталнарехи, Лалало и Гоглар, Алмало, Бабало, большой Ланч и алиабатские или ингелоевские деревни — Алиабат, Мосули, Ингиани, Верхиани, Тамасло, Дзагани, Курегани и Шатевар; всего 1328 дворов. Из них самое большое селение, Алиабат, заключало в себе 360 дворов.

3. Сс. Муганло, Палдаро (75 дв. ингелоевских), Кандахи и Капапахчи; всего 370 дворов. Самое большое — с. Муганло, 200 дворов.

4. С. Базар и 10 дворов в с. Ингиани; всего 70 дворов.

5. С. Чудулло, ингелоевская деревня Марсани и с. Лалапашо; всего 80 дворов.

6. Дд. Мешлит — джарцам и дженихцам; Калалы — мугахцам и дженихцам; Суаким — дженихцам и Косури — талинцам и мугахцам.

7. Сс. Курдуло, Кильмиц, Михах, Хиах, Цахур, Сугут, Мислих, Суагид, Адвержа, Азгили, б. Малаги, Кашхачай, Амбарча, Зарха, Лахиты, Кумы, Сарибаш, Элису, Ахчай, Эмирджахо, Ибахло, два сс. Катухло, Кахи (смешанное, с преобладанием ингелойцев) и собственно ингелоевские деревни — Саскани, Агатай, Мешабаши, Алибегло, Изумтала и Баглари; всего около 3000 дв. В 1831 году элисуйский султан ежегодно платил нам подать в количестве 4400 руб.

8. Дело шт. от. кав. кор. по ген. шт. 2-го отд. 1832 г. № 4, ч. I. Рапорт г.-м. Реутта барону Розену 1-му, 31-го января 1832 г. № 76. Из этого же рапорта заимствованы и вышеприведенные сведения о населении джарской области.

9. Дело шт. отд. кав. кор. по ген. шт. 2-го отд. 1832 г. № 14. Отнош. грузин. гражд. губернатора обер-квартирмейстеру, 4-го января № 16, и отзыв последнего, 8-го января № 12.

10. В Джарах (джарская область).

11. Мятежных белаканцев.

12. Там же. Рапорт г.-м. Реутта барону Розену от 17-го января № 39 и предписание корп. ком. от 27-го января № 71.

13. Дело то же. Предписание корпусного командира г.-м. Реутту, 15-го января 1832 г. № 23 и рапорт г.-м. Реутта барону Розену, 17-го января № 42.

14. При рапорте от 25-го апреля № 369. Дело то же.

15. Все письма анкратльских старшин были представлены г.-м. Реуттом корпусному командиру при рапорте от 25-го января № 62. Дело то же.

16. В Грузии и разных ханствах.

17. Журнал подробный исходящий ген. шт. 2-го отд. 1832 г. № 66. Предписание корпусного командира генералу Реутту, 21-го марта № 196.

18. Там же, № 355.

19. Там же, № 628.

20. Дело ген. шт. отд. кав. кор. 1832 г. № 19. Команда состояла из 30-ти солдат пехотного кн. Паскевича полка, при офицере, 6-ти канониров тифлисского артиллерийского гарнизона и 72-х милиционеров полка Джар. Она сопровождала транспорт из 60-ти ароб, нагруженных артиллерийским поделочным лесом; при каждой арбе было 2 погонщика. Колонну вел прапорщик тифлисского артиллерийского гарнизона Лозинский, а грузинами командовал командир 4-й сотни полка Джар дворянин Кайхосро Гвелесиани. Ночью, когда колонна стояла близь урдовской переправы окруженная секретами от милиционеров, на нее напала партия лезгин в числе от 300 до 400 человек. Милиционеры в беспорядке бежали, а потом рассеялись по лесу; гренадеры приняли на себя удар и штыками вытеснили лезгин из лагеря. Перестрелка продолжалась еще 2 часа. Мы потеряли 13 ч. убитыми, 14 ранеными и 12 без. вести пропавшими; все почти потери пришлись на долю гренадер, артиллеристов и погонщиков. Распоряжением корпусного командира Гвелесиани был исключен из полка, как недостойный служить “вместе с храбрыми грузинскими князьями и дворянами."

21. Там же. Рапорт его графу Чернышеву.

22. Дело 1832 г. № 34, по 2-му отд. ген. шт. Рапорт полк. Эспехо ген. Реутту № 107, 24-го декабря 1831 г.

23. Дело 1832 г. № 4, ч. I. шт. отд. кав. кор. до ген. шт. 2-го отд. Рапорт г.-м. Реутта корпусному командиру, 31-го января 1832 г. № 76.

24. За выделением еще при гр. Паскевиче 4-х орудий на укреп. Закаталы и Белаканы, рота состояла только из 8-ми орудий.

25. Дело шт. отд. кав. корп. по ген. шт. 2-го отд. 1832 г. № 4, ч. I. Рапорт полковника Эспехо барону Розену 1-му, 21-го марта № 187.

26. Жур. подробный исходящий по ген. шт. 2-го отд. 1832 г. № 66.

27. Дело шт. от. кав. кор. но ген. шт. 2-го отд. 1832 г. № 4, ч. I. Рапорт полковника Эспехо барону Розену 1-му, 9-го мая № 435.

28. Дело шт. отд. кавк. кор. по ген. шт. 2-го отд. 1832 г. № 3, ч. II. Рапорт г.-м. Каханова корпусному командиру, 25-го июля № 293.

29. См. XV т. “Кавк. Сбор." Донесение корпусного командира военному министру 11-го мая, стр. 536.

30. Журнал подробный исходящий ген. шт. 2-го отд. № 66. Предписание г.-м. Карпову, № 488.

31. Там же.

Текст воспроизведен по изданию: Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник, Том 17. 1896

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

ВОЙНА НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

С 1824 ПО 1834 г.

В СВЯЗИ С МЮРИДИЗМОМ

XXV.

Пребывание Кази-муллы в урочище Каланчар. Рекогносцировка. Нападения хищников на жительские стада и возвращение Кази-муллы в Гимры. Шаткость каранайцев. Неудовольствие Государя. Ответ Розена. Вступление подполковника Клюки-фон-Клугенау в командование отрядом северного Дагестана. Бой на ур. Эльсус-тав. Вопрос о Гамзат-беке.

Покуда акушинский кадий улаживал дела с Куппою и Цудахаром, Кази-мулла медленно, шаг за шагом отходил к Гимрам. Пребывание его в Гергебиле было кратковременно. Уже 13-го мая полковник Мищенко доносил генералу Каханову, что Абу-Муселим казанищский и Ахмет-хан мехтулинский, осведомившись о нахождении мюршида в Гергебиле, собрали своих людей и выступили туда, но Кази-мулла, уклонившись от встречи, “бежал" в деревню Кутуг. Отсюда он задумал напасть на Араканы, но предупрежденный Сеид-кадием и теми же двумя владетелями, успевшими занять этот аул, удалился в Гимры.

На этот раз изобретательный имам не засиделся в своей излюбленной резиденции. 15-го числа Мищенке дали знать, что он с партиею в 300 человек занял урочище Каланчар, в 7-ми верстах от Эрпели, и намерен в нем укрепиться. На следующий день, отправив шт.-кап. [359] генерального штаба Ковалевского на рекогносцировку Каланчара, Мищенко решил немедленно вступить в бой, если местность окажется удобопроходимою. Ковалевский донес, что подступить к Каланчару с артиллериею возможно не ближе как на два пушечных выстрела; далее идет большой и густой лес, в котором не заметно дороги; за ним небольшая поляна и крутой подъем на высокий лесной курган, занятый горцами; справа и слева от него направляются чрезвычайно глубокие и крутые овраги, поросшие лесом. Со стороны ирганайской дороги хотя и существовала открытая поляна, доходившая до самого кургана, но, вследствие указанных оврагов, к ней подойти не могла даже пехота. Опасаясь напрасной потери людей, Мищенко приказал Абу-Муселиму и Ахмет-хану выставить против Каланчара 1500 чел., окружить его и прервать сообщения между урочищем и койсубулинскими деревнями, обещавшими Кази-мулле свою помощь после уборки хлеба. 18-го числа имам выслал из Каланчара до 150-ти горцев, приказав им отогнать стада, принадлежащие эрпелинцам. Набег кончился удачно и, несмотря на погоню, хищники привели в свое становище до 3000 баранов. Часть их Кази-мулла оставил в Каланчаре для продовольствия, а остальных отправил в Гимры. 24-го мая Мищенко лично произвел рекогносцировку

Каланчара и убедился в его неприступности. Заметив, что люди, собранные Абу-Муселимом и Улубеем, расположились далеко от урочища, он приказал им придвинуть их к неприятелю на ружейный выстрел, чтобы теснее окружить Каланчар и наносить противнику возможно больший вред.

“Помянутые жители изъявили на сие свое несогласие, говоря, что за невысылкою многих из собственно принадлежащих шамхалу тарковскому деревень вооруженных людей, коих из сс. Буйнах, Карабудах и Губдень, вместо ожидавшихся 1000, пришло только до 300 человек, они одни не намерены подвергать жизнь свою опасности; а [360] если бы сам шамхал тарковский г.-м. Сулейман-мирза прибыл с своими подвластными жителями и предводительствовал бы ими, как прежде сего водилось по ихнему обычаю, то бы они с большою охотою исполнили все его приказания."

Мищенко дал знать об этом шамхалу; но если простые мужики не намерены были подвергать свою жизнь опасности, то тем менее такое намерение могло руководить самим шамхалом. Он ответил, что по причине одержимой болезни не может прибыть в отряд, но вместо себя посылает доверенное лицо, Алибкач-бека, которому поручил собрать в большом числе жителей шамхальства и “уговорить народ, собравшийся близь Каланчара," повиноваться Абу-Муселиму. Осторожность, даже просто трусость шамхальцев и болезнь самого шамхала ясно показывали, насколько был прав Мищенко, уклонившись от решительных действий против Каланчара. Ночью на 28-е число Кази-мулла, внезапно покинув Каланчар, спустился к Чумкескенту. Здесь он напал на каранайские кутаны и отогнал находившиеся в них огромные стада. В 7 ч. у. Юсуф-бек каранайский известил Мищенку, что Кази-мулла пробирается в Гимры, но он, Юсуф, отрезал ему дорогу к спуску с каранайского хребта, ведет с ним сильную перестрелку и нуждается в помощи. Не теряя времени, Мищенко перешел с баталионом Апшеронского полка, 6-ю ротами 42-го егерского, 150-ю казаками Донского № 13 полка и 5-ю орудиями на эрпелинскую равнину и выслал оттуда штабс-капитана Ковалевского с сотнею казаков в поддержку Юсуф-беку. Следуя дальше, он приблизился к Каранаю, но здесь получил записку от Ковалевского с известием, что Кази-мулла успел уже спуститься к Сулаку и поднимается к Гимрам, что жители хотя и считали еще возможным преградить ему дорогу, но когда Ковалевский дошел до спуска, они его бросили, и он возвращается назад. Дальнейшее [361] движение становилось бесполезным — и Мищенко прибыл обратно в Темир-Хан-Шуру.

Судя по потерям, каранайцы не так-то легко уступили Кази-мулле свое добро. По сведениям, доставленным дня через три, горцы, уходя с Каланчара, отбили 8 тысяч баранов и 260 голов рогатого скота, взяли в плен 8 пастухов, убили 2-х и ранили 10 каранайцев; сами же потеряли 9 убитыми, 22 ранеными и 2-х взятыми в плен. Во время схватки Гамзат-бек упал “в яр" и расшибся о камни; говорили, что он ранен пулею в голову и кинжалом в плечо, а Мищенко, донося Каханову 33, выразил даже надежду, “что он жив не будет." Однако, Гамзат уцелел. На другой день каранайцы посылали своих людей к Кази-мулле с просьбами не истреблять отбитые стада, но имам ответил, что все им вернет лишь в том случае, если они перейдут на его сторону. Он соблазнял их также перспективою дальнейших подвигов и грабежей, обещал повести их против Эрпели, потом явиться с ними в Атлы-Буюн, а оттуда в Тарки. Хозяева отбитых баранов (до 100 чел.) не прочь были принять заманчивые предложения Кази-муллы, но остальные жители Караная, составляя значительное большинство, решили не соглашаться ни на какие предложения из противного лагеря и не допустить к измене пострадавших. Кончилось тем, что Кази-мулла разделил добычу между своими сподвижниками и “каждый с

полученною долею отправился восвояси," т. е. имам распустил свое сборище по домам. Если отбитые стада действительно принадлежали только 100 собственникам, то, надо думать, число баранты было сильно преувеличено, быть может, самими же каранайцами, с очень понятными целями. В виду шаткости каранайских жителей, Мищенко просил генерала Каханова переселить их в Эрпели, полагая, что вместе с эрпелинцами они [362] приобретут большую силу и станут лучше сопротивляться покушениям Кази-муллы.

По удалении горцев из Каланчара, Абу-Муселим поднялся туда и зажег их укрепления; но Мищенко, не довольствуясь этим, приказал ему и Улубею, каждому с 200 человек, вырубить и сжечь лес, окружавший курган.

О целях, какие преследовал Кази-мулла, желая укрепиться в Каланчаре, не имеется достоверных известий. По показанию одного из перебежчиков, мюршид явился туда без всякого приглашения со стороны местных жителей, с намерением возмутить кумыков и мехтулинцев по примеру прошлого года 34. Многое говорит в пользу этого показания, хотя, быть может, он не прочь был повторить Чумкескент, который горцы понимали по-своему, или просто считал Каланчар пунктом, удобным для наблюдения за отрядом северного Дагестана, Эрпели и Каранаем. Заняв Каланчар, он с такою поспешностью начал приводить его в оборонительное положение, что уже в этот день было готово главное укрепление. С этого же дня он стал ожидать к себе своих сторонников из Мехтулы и кумыкских владений, но оттуда никто к нему не прибывал. Раздраженный, он грозил истребить непослушных и кончил тем, что, несмотря на увеличение своих сил до 500-600 ч., удалился из Каланчара. Нападения на жительский скот, очевидно, не входили в его главные расчеты. Было поползновение напасть на войсковые табуны, но от него отказались из опасения быть побитыми русскими. Тот же перебежчик вместе с одним из пленных горцев 35 дают чрезвычайно любопытные сведения о характере укреплений, устроенных Кази-муллою на Каланчаре: [363]

“По приходе на Каланчар, хотя место то само собою очень крепкое, окруженное глубокими и крутыми оврагами и дремучим лесом, шайка начала немедленно делать и в тот же день кончила из весьма толстых бревен, кладя на два бруса рядом, один на другой, вышиною в рост человека, сингер т. е. укрепление"...

“.. место же, где находится Кази-мулла, окружено скалами, ровом глыбоким и лесом, из которого он начал делать балаганы для убежища и по обрыву рва укрепления, из бревен, а землю осыпает с амбразурами для ружей и поверх оного крышку на подобие каких домов."

Другими словами, Кази-мулле принадлежит честь если не изобретения, то во всяком случае первого применения на Кавказе блиндированных траншей. Быть может, он и раньше прибегал к подобного рода сооружениям, зная на опыте, что толстый бревенчатый сруб превосходно сопротивляется действию разрывных артиллерийских снарядов.

Сохранились и некоторые указания о продовольственной части в ”шайке" Кази-муллы:

“Для продовольствия разбойники имеют каждый по нескольку горстей кукурузной и ячменной муки, которой вообще может достать им на пять или на шесть дней... для приготовления пищи имеют только два небольших котелка, в которых варят галушки, а сверх того, каждый для себя замешивает из той же муки тесто и ест оное. Соли имеют весьма мало."

О самом Кази-мулле перебежчик рассказывает так:

“Если бы выискался кто, то легко бы мог Кази-муллу тайно убить или другими средствами истребить, ибо, хотя он и окружен самыми близкими и преданными ему людьми, но никаких особенных предосторожностей насчет своей безопасности не предпринимает; и будто он так ко всем недоверчив, что сам пищу для себя приготовляет — это несправедливо: ему приготовляют и подают находящиеся при нем люди."

Государь выразил крайнее сожаление, что войсками, [364] действовавшими у Каланчара, пропущен был удобный случай захватить Кази-муллу и уничтожить его партию. Вместе с тем Его Величество приказал узнать, по какой причине отряд не принимал участия в действиях местных милиций и почему столь важное дело было возложено исключительно на эту последнюю, тогда как, по мнению Государя, трудно доступная местность, по которой прошла милиция Абу-Муселима и Улубея, не могла послужить препятствием к содействию нашей пехоты 36. Ответ на поставленные вопросы барон Розен отложил до своего прибытия в Дагестан и личного осмотра местности. В конце октября он донес графу Чернышеву, что на месте убедился в невозможности совместных действий наших войск с милициею, не подвергая их большой опасности,

“ибо дабы занять все места, по которым неприятель, рассеявшись, мог уходить, должно было раздробить отряд свой на малые части, которые, будучи отделены одна от другой глубокими и лесистыми оврагами, друг другу не могли подать помощи, и в случае решительного нападения неприятеля на которую либо из отдельных частей, оная могла быть истреблена. Сверх того, горцы, по привычке своей ходить по горам, пробираются по таким скалам, по которым наши солдаты никак не могут преследовать их, имея притом одежду и вооружение менее к тому удобные" 37.

Между тем Кази-мулла, отпустив одних людей по [365] домам, усердно и успешно собирал других. 3-го июня Мищенко донес Каханову, что в Гимры вновь прибыло до 200 пеших и конных горцев из самых отдаленных народов. Это было последнее донесение старого воина; в тот же день он сдал командование отрядом подполковнику Эриванского карабинерного полка Клюки-фон-Клугенау. Новому начальнику дагестанского отряда предписывалось сохранять спокойствие в Дагестане и в случае появления мятежников действовать решительно, чтобы в самом начале уничтожать их скопища. “Известное благоразумие, опытность и храбрость ваши укажут вам подробности ваших действий" — прибавлялось в предписании.

9-го июня подполковнику Клугенау дали знать, что Кази-мулла, после небольшого отдыха, намерен перейти нашу границу и укрепиться в урочище Гонюша, на эрпелинской горе, влево от селения Эрпели. Клугенау произвел рекогносцировку этой местности и, найдя ее неприступною, приказал, по примеру Мищенки, Улубею и Ахмет-хану вырубить весь лес около Гонюши. Несколько дней спустя ему сообщили, что Кази-мулла построил между сс. Ашарта и Чиркатом мост для беспрепятственных сообщений с гумбетовским обществом и неблагонамеренными жителями из Черкея и Зубута, обещавшими соединиться с ним на р. Койсу. С баталионом пехоты и 60-ю казаками он прибыл в Каранай, откуда, ночью, командировал 200 человек в прикрытие каранайцам, которым приказал разрушить мост. Сведения оказались верными — и мост был на рассвете сломан. В то же время ему донесли, что имам делает сбор в койсубулинских деревнях, обещая каждому горцу по 2 руб. в месяц, и старается склонить на свою сторону араканского кадия, предлагая ему 500 р. с. в год. В ответ на это предложение Сеид-кадий, а также Улубей уведомили подполковника Клюки-фон-Клугенау, что Кази-мулла, [366] “собрав шайку бродяг" и соединившись с Гамзат-беком,

намерен отнять у черкейского старшины Джамала скот и напасть на Эрпели или Каранай. Имея в виду всегда предупреждать неприятеля, Клугенау составил колонну из одного баталиона 42-го Егерского полка, 2-х орудий и 60-ти казаков, под начальством того же егерского полка маиора Снаксарева, приказав ему разделить эти войска поровну и расположить за Каранаем и на высотах за Эрпели. Казанище и прочие селения, как достаточно обеспеченные, не требовали особенного прикрытия, а потому он расставил только наблюдательные пикеты из жителей; сам Клугенау остался с войсками у Темир-Хан-Шуры, ожидая какое направление примет скопище Кази-муллы. 18-го июня слухи о намерении мюршида перейти нашу границу подтвердились, а 19-го передовые пикеты уведомили, что партия более 1000 человек, спустившись с гор, расположилась в 5-ти верстах выше Эрпели, на урочище Эльсус-тав (Иол-сус-тав). Зная из опыта, до какой степени вредна медленность с нашей стороны в подобных случаях, Клугенау счел необходимым безотлагательно атаковать горцев и разбить их прежде, чем поспеют к ним новые партии, которые, как было известно, собираются в койсубулинских деревнях и в непродолжительном времени должны прибыть к Кази-мулле. Он тотчас отрядил от Куринского, Апшеронского и 42-го егерского полков 8 рот, в числе 900 человек, с 2-мя орудиями, приказал взять с собою 6-ти дневный провиант, к каждому орудию, ящику и повозке припречь по паре лошадей, и, поручив этот отряд подполковнику Майбороде, направил его на соединение с маиором Снаксаревым, находившимся с двумя ротами и одним орудием близь Эрпели. В тот же день он отправился на рекогносцировку, которую и производил до позднего вечера. Позиция Кази-муллы находилась на горном выступе, [367] окруженном с трех сторон лесистыми крутизнами; один только тыл, спускавшийся со стороны Гимр, доступен был нападению. Этот пункт и решил атаковать Клугенау. Во время рекогносцировки он наехал в лесу на неприятельский пикет; горцы дали залп и контузили двух казаков. В 8 часов вечера колонна подполковника Майбороды, с которой следовал и начальник дагестанского отряда, прибыла в лагерь маиора Снаксарева. Отсюда вели в тыл неприятеля две дороги: левая, служившая обычным путем из Эрпели в Гимры, и правая — мимо Караная. Первая из них была короче и удобнее для проезда артиллерии, но пролегала через лес вблизи неприятеля. Подполковник фон-Клугенау предпочел последнюю, как более безопасную, а главное — соответствовавшую его намерению скрытно обойти горцев. С рассветом 20-го числа началось движение всего собранного у Эрпели отряда, кроме 2-х рот Апшеронского полка, 20-ти казаков и одного орудия, оставленных на месте, под командою штабс-капитана Войцеховича. Последнему было приказано: наблюдать с этой стороны за неприятелем, выйти, по рассеянии утреннего тумана, из лагеря, пошире построить роты и, демонстрируя, медленно приближаться к неприятелю; когда же будет замечено, что действующий отряд готов вступить в дело — свернуться в колонну, быстро перейти мост и, заняв гору, открыть орудийный огонь во фланг неприятеля, стараясь в то же время прикрыть себя завалами для обеспечения от нападения. Подходя к Каранаю, Клугенау притянул к себе две роты егерей и орудие, прикрывавшие это селение, отчего составился отряд из 10-ти рот пехоты, 3-х орудий артиллерии и 160-ти казаков. Отсюда, во избежание частых и крутых оврагов, отряд оставил влево дорогу, ведущую к гимринскому спуску, и, поднявшись на вершину хребта, прямо, без дороги, в 3 часа пополудни стоял уже над самою позициею неприятеля. В обеспечение своего тыла, [368] а также для пресечения пути ожидавшимся Кази-муллою партиям, приказано было одной роте и 50-ти казакам занять спуск в Гимры и Ирганай.

Для объяснения распоряжений, сделанных подполковником Клюки-фон-Клугенау, необходимо заметить, что зайдя в тыл неприятеля, ему предстояло действовать на длинном и узком отроге, ограниченном оврагами, которые, будучи наверху мелки и безлесны, по мере протяжения сближались между собою, становились круче и лесистее и наконец, соединяясь, образовывали лесистый мыс, на котором горцы были расположены за укреплением. План атаки заключался в следующем: поставить артиллерию против укрепления, разбить его ядрами, а потом, когда неприятель начнет колебаться, бросить справа и слева, опушкою леса, две сильные колонны, под покровительством картечного огня, и овладеть укреплением. Штабс-капитану Войцеховичу, действовавшему отдельно, приказано было очистить навесными выстрелами мыс и противоположный атакуемому фас укрепления. Необыкновенно густой туман, продолжавшийся трое суток, заставил подполковника Клугенау несколько изменить этот план и принять другие, более соответствовавшие ходу дела меры.

В 4 часа пополудни войска построились в боевой порядок и, соблюдая тишину и осторожность, в густом тумане, начали спускаться к мысу. Неприятельский пикет, выставленный с этой стороны, открыл наше движение лишь после того, как передовые стрелки дали по нем залп. Заключая из этого о близости неприятеля, Клугенау приказал, не останавливаясь, снять два орудия с передков и, спуская их на лямках в голове колонны, производить пальбу но очереди. Скоро через туман мелькнули деревья и с опушки леса неприятель открыл огонь. Колонна остановилась. После четырех картечных выстрелов стрелявшая цепь, [369] усиленная двумя ротами егерей, овладела опушкою леса, которую горцы оставили без особенного сопротивления, и, перестреливаясь, медленно отступали по краю оврагов. Убедившись из этого слабого сопротивления, что все силы и средства обороны сосредоточены на одном только мысу, Клугенау сообщил офицерам свои догадки и приказал стрелкам, не слишком опережая колонну, теснее держаться к краю оврага и каждую минуту быть готовыми встретить неприятеля; с прочими же войсками он продолжал наступать на “середину бугра," стреляя из орудий по направлению, где предполагалось укрепление. От дыма туман сгустился до такой степени, что в 20-ти саженях нельзя было различать предметов. По мере движения наших войск вперед, неприятельский огонь все усиливался и наконец превратился в ряд непрерывных залпов. Направление линии этого огня убедило подполковника Клугенау, что, противник устроил завалы на опушке леса, параллельно дороге, обороняя ими подступы к главному укреплению. Чтобы овладеть этим укреплением следовало взять завалы. “Приказание и исполнение — было делом одной минуты: завалы взяты, и егеря, залегши в них, стреляли в самое укрепление." Чувствуя важность потери завалов, неприятель пытался взять их обратно, но офицеры, командовавшие стрелками, хладнокровно встречали его залпами и отбрасывали штыками. В последнюю из атак, когда бой сделался рукопашным, несколько солдат было заколото и ранено кинжалами; но неприятель дорого поплатился за свою дерзость. Отказавшись от новых покушений, он сосредоточился внутри и позади укрепления, а для командования над потерянными завалами разместился на деревьях, с которых ограничился, однако, редкою стрельбою. Наша артиллерия, поставленная на ружейный выстрел, все время производила сильную пальбу по укреплению и картечью расчищала деревья от горцев. Штабс-капитан Войцехович, имевший [370] приказание содействовать главному отряду только в ясную погоду, целый день оставался вследствие тумана на эрпелинских высотах.

Наступила совершенная темнота. Избегая бесполезной потери людей, Клугенау прекратил дело и остался ночевать на месте сражения, в надежде, что рассеивавшийся туман позволит

ему разрушить укрепление на другой день. Сомкнув войска в колонну, он приказал сменить стрелков, занимавших завалы, другими, в большем числе, орудия зарядить картечью, а для успокоения раненых устроить в нескольких стах шагах позади колонны вагенбург из ящиков и трех полуфурков. Войцеховичу приказано было прибыть из Эрпели в отряд на рассвете. Неприятель, ожидавший “секурса," всю ночь оставался покоен, исправляя укрепление и не отвечая на выстрелы охотников, старавшихся мешать его работам. Утром 21-го числа туман еще более сгустился. Около 8-ми часов завязалась перестрелка, но скоро прекратилась. В 11 часов, вслед за прибытием Войцеховича, Клугенау получил с вершины хребта уведомление, что ожидаемые Кази-муллою горцы, подымаясь большими массами по ирганайской и гимринской дорогам, вступили в жаркое дело с ротою и казаками, оборонявшими спуски этих дорог, и что командовавший ими офицер ранен. В подкреплении им тотчас отправлена была рота, с приходом которой неприятель отступил. Между тем Кази-мулла, угадывая причину пальбы в горах, произвел вылазку. Предвидя ее заранее, Клугенау придвинул резервы и приказал орудия зарядить картечью. Как только горцы показались перед своим укреплением — всеобщий залп встретил их и произвел такое поражение, что они, не успевши сделать ни одного выстрела, стремительно обратились в бегство. Эта попытка неприятеля была последнею. Видя невозможность пробиться открытою силою или получить помощь извне, он [371] замкнулся в укреплении, ожидая наступления ночи. Остаток дня войска провели спокойно перед укреплением, закрытым густым туманом, изредка беспокоя неприятеля выстрелами. Около полуночи туман начал редеть и Клугенау подтвердил эрпелинцам и каранайцам приказание наблюдать за горцами со стороны оврагов. Отряд с нетерпением ожидал наступления утра, но на рассвете из стрелковой цепи заметили, что укрепление опустело: ночью, пользуясь туманом, неприятель рассеялся на мелкие партии и спасся бегством по разным направлениям, бросив несколько лошадей и едва успев засыпать землею своих убитых. Часть бежавших, преследуемая на горах ротою, спустилась к Гимрам без дорог, по утесам.

Осматривая поле сражения и неприятельские укрепления, Клугенау пришел к убеждению, что взятие их штурмом сопряжено было с “ужасным кровопролитием." Главное укрепление было четыреугольное, имело в длину 20 сажень, в ширину 16 и в высоту 1 1/2 сажени; сложенное из толстых бревен, скрепленных деревянными кольями и болтами, оно имело двуярусные бойницы — первый ярус на 1/2 аршина от поверхности земли, второй на половине высоты стен; для стрельбы из верхних бойниц устроены были подмостки. Вход в укрепление запирался особым срубом. “Во всю длину стен, со внутренней стороны, поделаны навесы, которые, закрывая неприятеля от погоды, делали штурм еще менее возможным," т. е. все укрепление состояло из глубоких блиндированных траншей. Кроме этого укрепления, протянута была длинная линия завалов в конце мыса, над обрывом, обращенным к стороне Эрпели 37.

Предав огню укрепление, отряд в полдень 22-го июня тронулся в обратный путь и, переночевав в Эрпели, на [372] другой день прибыл в Темир-Хан-Шуру. В деле на Эльсус-таве мы потеряли: убитыми нижних чинов 31, ранеными 3-х офицеров и 98 нижних чинов и контуженными 14 нижних чинов. По полкам потеря распределялась: в Куринском пехотном полку ранены поручик Кондратий Ундринцов, 2 унтер-офицера 38, и 11 рядовых; 1 рядовой убит и 1 контужен; в Апшеронском полку убит 1 рядовой; в 42-м егерском полку ранены баталионный адъютант подпоручик Дмитрий Чертков, прапорщик Егор Гавриленко, 7 унтер-офицеров и 77 рядовых 39; убиты 2 унтер-офицера и 27 рядовых; контужены 9 рядовых; в

Донском казачьем № 13 полку контужено 2 казака и в 5-й резервной батарейной роте 22-й артиллерийской бригады ранен 1 канонир 40.

О потере неприятеля утвердительно сказать невозможно, но, судя по упорному сопротивлению и отчаянным вылазкам, она была все же значительна. Так как скопище состояло из койсубулинцев, салатавцев и андийцев, которые после неудачи разошлись по домам, то о раненых лазутчики не могли доставить положительных сведений; что же касалось убитых, то варварское любопытство эрпелинцев, потревожив могилы на Эльсус-таве, открыло 36 тел, из коих большая часть поражена была артиллериею.

Полученные подполковником Клюки-фон-Клугенау известия о влиянии на народ нашей новой победы были до конца июня весьма благоприятны. Рассказывали, что до поражения горцы, ободряемые прежним успехом и подстрекаемые жаждою добычи, толпами стекались к Кази-мулле. Уступая их усиленным просьбам, мюршид не дождался прибытия прочих и 19-го июня перешел хребет с скопищем, [373] доходившим до 1200 человек, в том числе 300 конных. 21-го числа из Ирганая и Гимр выступило к нему на помощь еще около 1000 человек, но задержанные на подъеме двумя ротами и казаками, возвратились, оставив Кази-муллу на произвол судьбы. После бегства имам объявил себя больным и никому не показывался в Гимрах. Он был одинок, почти брошен. По слухам, жители некоторых койсубулинских деревень отправили Кази-мулле послание, в котором указывали ему, что со времени войны с русскими они не только не разбогатели, но, напротив, разорились, а попадавшая к ним добыча не вознаграждала убытков, и потому советовали имаму отказаться на будущее время от своих предприятий, всегда оканчивающихся потерею их родственников и друзей 41.

Молодецкий натиск подполковника Клюки-фон-Клугенау на скопище Кази-муллы, как и жестокое поражение, нанесенное ему Миклашевским у Чумкескента, не привел к существенным результатам и не изменил общего положения дел; он временно, на один, много, на полтора месяца угомонил в Дагестане Кази-муллу, который не мог удержать при себе рассеявшихся горцев. А между тем успех у нас был полный и горцам не мешало подумать о бесплодности затей своего учителя. Порядком поколоченные, они избегнули решительного поражения только благодаря своевременному бегству в ночное время, втихомолку и в разброд. В короткое время они дважды могли разубедиться в недоступности позиций, избираемых имамом; ожидания новой добычи также не сбылись. Всего этого было достаточно, чтобы поколебать доверие к человеку, которому, по-видимому, изменило счастье и у которого стали портиться военные дела. Но горцы по-прежнему не обращали внимания на [374] случайные неудачи. Они верили в Кази-муллу не как в предводителя своих материальных сил, а как в религиозного главу и учителя, верили не в его военное счастье, а в его святость и непреложность его народных стремлений. Здесь авторитет его был несокрушим. Нужды нет, что он вчера улизнул в женском платьи, а сегодня скрылся, как преследуемый вор; главное, что он жив, а с ним живет и его дело. Нужды нет, что он ошибается в выборе позиций, считая их недоступными,— ведь это только начало Дагестана, почти равнина, на которой сподручно драться русскому солдату; но что будет дальше, когда враг попробует втянуться в настоящие горы, где малейшая неудача легко ведет к роковым последствиям? Да он и не втянется в горы, а если и проникнет кое-куда, то пребывание его в недрах Дагестана будет во всяком случае непродолжительно. А разве прочно стоят его дела у кумыков, в Акуше, Эрпели, Каранае и в других немногих местах, где сидят их единомышленники? Все держится на волоске и на преданности одиночных людей, которые рано или поздно сойдут со сцены; известна также

была и ненадежность подчиненных нам ханов. К чему же терять веру в будущее, особенно когда глава показывает такую необыкновенную твердость после всякого поражения и ни на минуту не оставляет веры в свое окончательное торжество? Теперь он одинок, опять уединился в Гимрах, читает коран и обдумывает свое положение. Он наверно поправит дела, если не здесь, то где-нибудь в таком месте, где его совсем не ожидают. Кроме того, победители ушли, значит не надобно торопиться заключениями, следует пообождать.

Вскоре после боя Клюки-фон-Клугенау донес, что койсубулинцы обнаружили желание примириться. Действительно, главная деревня их, Унцукуль, выслала в Темир-Хан-Шуру своих представителей, заявивших о своем [375] намерении вновь подчиниться нашей власти и даже выдать аманатов. Клугенау отправил депутатов к шамхалу, считая его законным их повелителем. Те явились, вели с ним разговоры на тему о верности “великому русскому Государю," сулили аманатов, даже ручались за спокойствие целого Дагестана, потом убрались домой и замолчали. Заинтригованный податливостью унцукульцев, Клугенау сам вступил с ними в переговоры, обещая полное прощение Государя койсубулинским беглецам, которых считал зачинщиками неприязненных действий всего общества, но горцы туго поддавались на обещания и наконец объявили, что без нашей вооруженной помощи не могут водвориться на прежних местах, так как Кази-мулла везде выставил против них караулы и отдал их ирганаевцам на поруки. Клугенау предложил им воспользоваться первою тревогою, чтобы, под защитою особого отряда и казанищенских жителей, выселиться к нам, но ответа от унцукульцев не дождался. Колебание Унцукуля имело, впрочем, и хорошую сторону. В конце июля, когда чеченцы, угрожаемые экспедициею самого корпусного командира, обратились к Кази-мулле с просьбою о помощи и мюршид склонился на их просьбы, его остановило нежелание койсубулинцев участвовать с ним в новом предприятии против русских, и он не рискнул двинуться с места.

В описываемый промежуток времени главное внимание дагестанского начальника обращено было не на Кази-муллу, а на Гамзат-бека. К генералу Каханову стекались известия со всех сторон о готовящемся покушении Гамзата на джарскую область. Было известно, что скопище его возрастает, но не знали, куда он направится — к стороне Джар или в шекинскую провинцию. За ним следили из разных мест, но самые частые сведения получались от подполковника Клугенау, который, без сомнения, лучше других умел [376] пользоваться лазутчиками и вообще обнаруживал недюжинную энергию и в этой отрасли военного дела. Главнейшие сведения, полученные в течение июня и июля месяцев в Дагестане, изложены в предыдущей главе; здесь же будет уместно сказать о заключительной переписке барона Розена с Нуцал-ханом аварским о Гамзат-беке. Требования, предъявляемые корпусным командиром Нуцал-хану относительно Гамзата, не отличались определенностью, хотя, по-видимому, носили довольно решительный характер. Полагая, что от аварского хана зависит обращение Гамзата “на путь истины," барон Розен выражал ему уверенность, что он примет все меры “к обузданию" мятежника и, в случае непослушания, “достойным образом" его накажет. Бесполезнее всего было говорить о наказаниях. Нуцал-хан мог действовать на Гамзата убеждением, мог схватить его и выдать нашим властям, но применять к нему наказания был бессилен, если не подразумевать под “достойным" наказанием смертную казнь. На последнюю меру он, конечно, не отважился, а чтобы скрыть свое бессилие перед мятежным подданным, принужден был с нами лукавить:

“Хотя мы можем наказать Гамзата, когда сделает нам сопротивление — писал он барону Розену — но чрез сие нация наша переменит мнение свое и будет обижаться, ибо Гамзат считается духовным ефендием, и чрез наказание его мы должны выступить из закона магометанского. За всем тем, мы можем только препятствовать подвластным нашим, желающим пристать к нему, как и поныне сделаны от нас препятствия и воспрещения на следование к Кази-мулле и Гамзату" 42.

Барон Розен отвечал в наставительном духе, ссылаясь на коран:

”Вы пишите, что не можете наказать Гамзат-бека, назвавшегося духовным эфендием, не оскорбив тем закона, вами исповедуемого, [377] и всех мусульман. Он принял на себя титул, совершенно ему несвойственный, ибо всякий знает, что, сделавшись клятвопреступником, он, из худо понятых им личных своих выгод, пристал к возмутителю Кази-мулле и наносит более вреда мусульманам, чем нашему правительству, разоряя одних и ведя других на неминуемую гибель. Ужели почитать человека, подобного Гамзат-беку, какое бы он звание ни носил, достойным хотя малейшего уважения? Обратитесь, высокопочтенный хан, к вашему закону, который строго запрещает разбой и обиды и который велит каждому человеку наказывать разбойника для общего спокойствия. Помните слова пророка: “да проклянет Бог того, кто нарушит спокойствие народа." Поэтому я удивляюсь, что вы, вопреки правилам вашей религии и долга подданства вашего русскому Государю, отзываетесь о Гамзате как об человеке, которого религия вам запрещает наказывать" 43.

Матери-ханше, женщине умной и решительной, корпусный командир выразил свои желания сполна и в совершенно определенной форме:

“Что касается до Гамзата, весьма мне странно, что наказание его полагаете противным закону магометанскому, ибо для точного исполнения оного нужно стараться об истреблении сего возмутителя спокойствия мусульман. Я уверен, что вы, вникнув в предписание закона, перемените ваше мнение об нем и будете стараться истребить его для общей пользы" 44.

Вовсе не двусмысленные требования, выраженные, надо полагать, неоднократно и ханше, и ее сыну, вызвали наконец последнего на откровенные признания:

“Почтеннейшее письмо 45 вашего превосходительства — писал он корпусному командиру — насчет Гамзата гутзатлинского (гоцатльского) и о прочем имел я честь чрез Ибрагима получить и ответствую:

Известно, что когда отец его, Алискандер-бек, управлял [378] упомянутою деревнею и предпринимал поход в Грузию, то дед мой, Омар-хан, старался делать по возможности своей препятствие ему и приверженцам его в предприятии, но и тогда не мог усмирить их; равномерно и отец мой, по вступлении своем в покровительство России, старался обуздать их, и я, делая Гамзату препятствие и преграду, домогаюсь его (ему?) везде вредить, не допускаю аварцев пристать к нему и лишаю его, как птицу, крыльев, в той надежде, что таковая служба будет принята российским правительством, почему я (и?) препятствовал упомянутым желаниям не приставать к Кази-мулле, и когда он пришел (пошел?) против меня за приверженность мою к русским, то я и аварцы имели с ним сражение, и оказанная мною служба вовеки не происходила бы от тех, кои владеют моею землею; также я много оказал заслуг, но российские начальники не принимают оных, а службу других лиц предпочитают больше. Предложение же вашего высокопревосходительства о поимке и наказании Гамзата

весьма для меня затруднительно, ибо он, будучи мой родственник и духовное лицо и имея со мною соседство, живет самовольно в своей деревне между своими подвластными, а если стану (вздумаю?) убить или захватить его, то жители горные будут мною недовольны и произойдет возмущение. Из переписок известно, что мне были обещаны чин генерал-маиора и пять тысяч рублей серебром в год, но я получил только с трудностью по 2 тысячи рублей, а обещание о прочем оставлено без внимания к смеху (всех?). Если бы моя степная земля была под моею властью, то я мог бы предохранить оную без войска российского от Кази-муллы"...

Письмо ясно обнаруживало корыстные виды Нуцал-хана. Ему не дали генеральского чина и вместо 5-ти тысяч, будто бы обещанных, отпускали меньше половины; он обманут и над ним смеются; ему легко обойтись без помощи русских войск, если возвратят прежнюю власть, если он выйдет из-под нашей зависимости, которой без сомнения тяготится. Причиною всему генеральский чин и пять тысяч [379] рублей серебром. С гоцатльскими беками ни дед его, ни отец, ни сам он справиться не могли: беки имеют свою деревню и своих подвластных, а Гамзат, кроме того, неприкосновенен как лицо, облеченное духовным саном. Создавалось таким образом в Аварии для Гамзат-бека особое положение какого-то независимого владельца, соединявшего в себе и неприкосновенную духовную особу. Ослепление Нуцал-хана блеском генеральских эполет было полное. Против него поднимались волны мюридизма, во главе движения стояла даровитая личность Кази-муллы, а он, ничтожный пигмей, не имевший силы справиться с маленькой деревушкой одного из своих подданных, мечтал удержать свою власть без нашей поддержки против поползновений человека, бесстрашно вступившего в единоборство с Россией. Слабый между двумя сильными, он играл в руку тех и других, создавал в честолюбивом Гамзат-беке опасного себе соперника, умалял свое значение и авторитет своей власти и скользким, роковым путем приближался к катастрофе.

Комментарии

32. Там же. Предписания № 686 и № 688.

33. Дело то же. Рапорт 3-го июня, № 112.

34. Дело шт. отд. кав. кор. по ген. шт. 2-го отд. 1832 г. № 3, ч. II. Показание приложено к рапорту г.-м. Каханова корпусному командиру, 2-го июня № 215.

35. Там же. Приложение к рапорту г.-м. Каханова барону Розену 1-му, 30-го мая № 206.

36. Неудовольствие Государя, конечно, было бы отнесено непосредственно к полковнику Мищенке, если бы корпусный командир, донося графу Чернышеву о происшедшем у Каланчара, упомянул и о том, кто командовал дагестанским отрядом. Но предусмотрительный Розен собственноручно вычеркнул из чернового рапорта (от 16-го июня № 570; д. 2-го отд. ген. шт. № 10) фамилию Мищенко, а вместе с нею и Ковалевского — и гроза миновала. К такой редакции донесения побуждало барона Розена еще одно обстоятельство. Мищенко когда-то в чем-то провинился, вследствие чего ему запрещено было давать в командование отдельные отряды. Вероятно барон Розен сначала упустил это из виду, но, спохватившись, поспешил назначить вместо Мищенко подполковника Клюки-фон-Клугенау. Последнего он торопил прибытием в Темир-Хан-Шуру и неоднократно доносил гр. Чернышеву о скором вступлении его в командование отрядом северного Дагестана. Клугенау, однако, не торопился и только месяц спустя по назначении принял отряд.

37. Отношение от 26-го октября № 306. Дело то же.

(сбой в нумерации примечаний в оригинале – прим. расп.)

37. Рапорт подполковника Клюки-фон-Клугенау г.-м. Каханову, 30-го июня № 248. Дело шт. отд. кав. кор. по ген. шт. 2-го отд. 1832 г. № 3, ч. II.

38. Оба умерли от ран.

39. Из них умерло от ран 7 человек.

40. Дело то же. Ведомость при рапорте г.-м. Каханова корпусному командиру, 27-го июля № 299.

41. Дело то же. Рапорт подполковника Клюки-фон-Клугенау г.-м. Каханову, 30-го июня № 248.

42. Дело шт. отд. кав. кор. по 2-му отд. ген. шт. 1832 г. № 3, ч. II,

43. Там же. Письмо корпус. ком, от 24 июня № 641.

44. Там же. Письмо № 640.

45. Письма этого в делах не сохранилось.

Текст воспроизведен по изданию: Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник, Том 17. 1896

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

ВОЙНА НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

С 1824 ПО 1834 г.

В СВЯЗИ С МЮРИДИЗМОМ

XXVI.

Первоначальные предположения о летних действиях в Чечне. Новый план действий. Приготовления к походу. Сбор местных милиций. Передвижения войск из Закавказья. Действия корпусного командира против галгаевцев и г.-л. Вельяминова против карабулаков и галагаевцев. Неуспех кн. Эристова.

Тотчас по усмирении ауховцев и салатавцев генерал Вельяминов донес корпусному командиру о своем намерении предпринять в июне месяце экспедицию против чеченцев. Соглашаясь с доводами Вельяминова, барон [380] Розен разрешил ему “иметь в виду" действие в Чечне, согласно представленного предположения, с тем однако же условием, чтобы во время экспедиции были в достаточной мере обеспечены минеральные воды и главный наш путь из Ставрополя к Екатериноградy. К вопросу о времени открытия действий корпусный командир предпослал свои собственные соображения. Хотя общее мнение склонялось к осенней экспедиции, но барон Розен, полагая, что к осени могли потребоваться войска для действия

против закубанцев, а наше бездействие в продолжении целого лета могло послужить к распространению мятежа в Кабарде и подвергнуть опасности военно-грузинскую дорогу, о чем получались неоднократные извещения, остановил свой выбор на летнем времени. Действия должны быть решительные, а потому Вельяминову предлагалось употребить “на оные все, что возможно." С своей стороны корпусный командир обещал отправить из Грузии во Владикавказ 4 баталиона пехоты и полк донских казаков с соответствующим числом артиллерии. Для обеспечения продовольствием экспедиционных войск было уже предписано генерал-интенданту принять нужные меры; Вельяминову же поручалось озаботиться скорейшим усилением магазинов во Владикавказе, в Грозной, Амир-Аджи-юрте и в других пунктах, по его усмотрению, а также приготовлением при них достаточного количества сухарей. Особенное внимание следовало обратить на успешный подвоз провианта из Екатеринодара во Владикавказ. Находя необходимым иметь при отряде госпиталь, корпусный командир предписал Вельяминову своевременно сформировать его, ”сообразно с прежними примерами." При отряде необходима рота сапер и часть понтонов. Артиллерийские запасы следовало усилить, если в этом встречалась необходимость.

“С отправленным мною нарочным — писал в заключение барон Розен Вельяминову — я покорно прошу ваше превосходительство [381] сообщить мне о намерении вашем относительно действий против чеченцев, с изъяснением всех ваших предположений" 46.

Вельяминов, по обыкновению, ответил весьма подробно и обстоятельно 47. В состав отряда для действий в Чечне он предполагал соединить бригаду 14-й пехотной дивизии, 40-й егерский полк, баталион Херсонского гренадерского полка, баталион Эриванского карабинерного полка, сводную роту 43-го егерского полка, обещанные бароном Розеном из Грузии четыре баталиона, 9-ю пионерную роту Кавказского саперного баталиона, батарейную № 1 роту 20-й артиллерийской бригады, шесть орудий легкой № 2 роты 22-й бригады, шесть орудий линейной конно-казачьей № 6 роты, четыре орудия донской конно-казачьей № 3 роты, артиллерию, которая прибудет с войсками из Грузии, и две сотни казаков Моздокского полка. Все эти войска, численностью около 7500 человек под ружьем, следовало сосредоточить в половине июня в крепости Грозной. Истребление домов и полей Вельяминов считал сильнейшим средством принудить чеченцев к повиновению, а потому, собрав отряд в Грозной, действовать оттуда постепенно по всем направлениям в пространстве между рр. Аргуном и Ассою. Если бы эти действия не убедили чеченцев, живущих между Аргуном и кумыкскими землями, в необходимости покориться, тогда перейти в Амир-Аджи-юрт и оттуда действовать на последнем пространстве, также по различным направлениям, сообразуясь с обстоятельствами. В случае упорного сопротивления, на которое рассчитывал Вельяминов, действия могли продлиться три месяца или несколько более. 3 тысячи кос на много облегчили бы истребление неприятельских полей и могли ускорить вообще всю операцию, если бы оне имелись в [382] отряде. Необходимую для действий конницу Вельяминов ограничивал двумя сотнями казаков, полагая, что в лесистой Чечне, где нет простора для кавалерии, и двух сотен будет довольно; высылаемый же из Грузии казачий полк просил обратить на обеспечение дороги между Георгиевском и Екатериноградом. Понтонов совсем не следовало брать, так как на быстрых чеченских реках, с дном, загроможденным толстым слоем наносного камня, они совершенно не применимы. Для “составления" подвижного госпиталя можно набрать 50 ароб в покорных чеченских деревнях и от кумыков, причем выдача некоторой платы вполне обеспечила бы нам эти перевозочные средства. Так как действия против чеченцев Вельяминов желал начать не прежде половины июня, то баталионы, высланные из Грузии просил

временно расположить по военно-грузинской дороге, в Казбеке, Дарьяле, Ларсе и во Владикавказе, в каждом пункте по одному, а перед открытием действий присоединить их к войскам, собранным в Грозной. В обеспечение минеральных вод Вельяминов предполагал, кроме отрядов на Хасауте и Кичмалке, поставить еще отряд в Эшкаконе и усилить войска в Пятигорске, Кисловодске, на железных водах и в шотландской колонии, а для обеспечения дороги от среднего Егорлыка до минеральных вод расположить четыре казачьих полка и, при размещении высылаемого из Грузии донского полка между Георгиевском и Екатериноградом, усилить первый из этих постов.

“Думаю — оканчивал он донесение корпусному командиру — что сего числа казаков достаточно для обеспечения дороги, если начальники будут бдительны, деятельны, отважны при встречах с неприятелем и усердны в преследовании оного. К сожалению, нельзя на это надеяться, ибо войска, привыкши в течение нескольких лет сряду видеть беспрестанно успехи на стороне неприятеля, привыкли исполнять [383] предписываемые распоряжения как-нибудь или вовсе не исполнять их. Этого нельзя иначе исправить как строгим взысканием за упущения в случае неприятных происшествий; следовательно нужно время. Для скорейшего достижения желаемого успеха в обеспечении главной почтовой дороги мне было бы нужно три штаб-офицера, кои имели бы означенные выше свойства; но я ни одного такого не имею.”

Повеление Государя не допускать частные экспедиции без общей цели покорения горцев, заставило барона Розена если и не отказаться от задуманных Вельяминовым летних действий в Чечне, то во всяком случае несколько изменить и расширить их и даже принять в них личное участие. Предписанием от 11-го мая, предлагая Вельяминову продолжать приготовления к экспедиции, он предупреждал его не приступать к действиям впредь до приказания, а 19-го июня, уведомив об утверждении Государем Императором предположений, касавшихся действий в текущем году против некоторых горских народов, предписал следующее:

1) Из большей части войск, собранных во Владикавказе, составить отряд, которому пройти через земли джерахов, кистинцев и галгаевцев и спуститься по Ассе в галашевские или чеченские деревни для соединения с главными силами. Эта первая владикавказская колонна назначалась для наказания галгаевцев.

2) Одновременно с этою колонною вторая колонна, также из Владикавказа, направляется в карабулакские или галашевские деревни для усмирения их совместно с войсками, которые Вельяминов предполагал собрать у Грозной.

3) Из Грозной войска направить с таким расчетом, чтобы, соединясь со второю владикавказскою колонною, они могли принять участие в усмирении карабулаков, галгаевцев и чеченцев, обитающих по Мартану, Гехи и вообще на запад из Аргуна. Первая владикавказская колонна, исполнив [384] свою задачу, присоединяется к главным, и действия будут продолжаться сообразно с обстоятельствами.

4) Действия открыть в начале июля. Между 1-м и 3-м числами этого месяца Вельяминов вызывался во Владикавказ для совещания с корпусным командиром, предварительно сделав нужные распоряжения для сбора войск, назначенных в экспедиции.

5) Обратить внимание на обеспечение кр. Внезапной, чтобы нападением на нее неприятель не отвлек наших действий против чеченцев. Иметь при отряде войск левого фланга 200 линейных казаков и столько же во Владикавказе.

6) Для предстоящих действий призвать соседние горские племена, предоставив им всю взятую ими добычу, “дабы через то укоренить между ними вражду и не опасаться общего их против нас соединения." При первой владикавказской колонне иметь осетин управления подполковника Чиляева и владикавказского коменданта, а при второй владикавказской колонне — назрановцев, кабардинцев и, при возможности, кумыков.

7) Из Грозной войскам взять возможно более провианта и иметь при себе повозки для больных. Из подвижного артиллерийского парка на первый случай не брать с собою артиллерийского запаса, но патроны, запасный порох для взрыва камней и устройства “мостов" (переправ?) должны находиться при войсках.

8) Из войск, расположенных во Владикавказе и на военно-грузинской дороге, барон Розен полагал взять в начале экспедиции один баталион и поручил Вельяминову направить туда же баталион или по крайней мере две роты Кабардинского пехотного полка, с тем чтобы оне имели с собою шанцевый инструмент и могли поднять на вьюках, кроме натронных ящиков, и 10-ти дневный провиант 48. [385]

Экспедиция против галгаевцев была задумана давно, еще с тех пор, как они умертвили пристава Константинова; карабулаки навлекли на себя грозу своими беспрестанными грабежами и участием в апрельских действиях Кази-муллы в центре кавказской линии; что же касается кистин, то мысль проникнуть к ним явилась, очевидно, в последнее время, почти перед самым походом в Чечню, и вот по каким причинам. В середине июня пшаво-хевсурский пристав маиор кн. Авалов донес, что кистины, уверенные в безнаказанности набегов на пшавов, которым запрещено было прибегать к возмездию и без разрешения производить набеги на земли кистин, приблизились к границам Хевсурии, производят постоянные грабежи, угоняют скот, уводят в плен людей и привели одну из хевсурских деревень, Шатиль, в такой страх, что ее жители с наступлением ночи укрепляются в своих башнях и домах. Объясняя дерзость кистин вынужденным бездействием пшавов и хевсур, которые до того времени, вторгаясь в земли кистин, держали их в отдалении от своих пределов, кн. Авалов просил разрешить “пшавскому войску идти в удобное время в Кистинию." Грузинский гражданский губернатор кн. Палавандов подкрепил своим ходатайством просьбу кн. Авалова — и экспедиция против кистин не только немедленно была решена, но даже связана с предполагавшимися действиями в Чечне. В основание этой экспедиции со стороны Хевсурии были положены следующие распоряжения корпусного командира 49:

Телавскому окружному начальнику поспешно собрать в верхних деревнях хорошо вооруженных людей, снабженных провиантом на “достаточное время." Собранные в “удобном месте," они поступают под начальство отставного [386] подполковника кн. Эристова. После 6-го июля (пшавский праздник) кн. Авалов собирает пшавов и поступает с ними под команду кн. Эристова; он же обязан собрать, по указаниям Эристова, и хевсуров. Тушинскому приставу поручику кн. Челокаеву предписано состоять в распоряжении Эристова во время экспедиции. Сборным пунктом назначалась д. Шатиль “или другое пограничное с кистинцами место".

Барон Розен полагал, что ко времени этого сбора кистины, угрожаемые нашими войсками с кавказской линии, приблизят свои семейства и стада к вершинам гор, а сами обратятся против нас. Поэтому кн. Эристову предписывалось сильным движением в земли кистин побудить их к “совершенной покорности," к удовлетворению претензий наших жителей и к выдаче аманатов. В случае сопротивления, Эристов обязан был “нанести им надлежащее наказание" и

удовлетворить потерпевших пшавов и хевсур всею добычею, которая будет приобретена. Эристову следовало “постараться" проникнуть как можно далее в неприятельскую землю и даже открыть сообщение с войсками, “могущими" действовать с той стороны гор. При открытии таких сообщений Эристов подчинялся начальнику нашего отряда.

“Удачное исполнение сей экспедиции — писал корпусный командир грузинскому губернатору — может иметь важные последствия для общего успеха в действиях сего года. Надеюсь, что кн. Эристов оправдает делаемую ему доверенность, жители же телавские, тушинские, пшавы и хевсуры докажут, что они не утратили храбрости предков своих и всегда могут наказать неприязненные им и правительству поколения."

Не трудно убедиться, что все дело было затеяно второпях, кое-как, на скорую руку, на одном лишь непроверенном донесении Авалова, с смутными представлениями о [387] всех этих пшавах, хевсурах, кистинах и им подобных. Тем не менее, корпусный командир придал этой скороспелой затее важное значение, выразил надежду на ее успех и даже подбодрил будущих ополченцев напоминанием о храбрости их предков. В сущности, это был просто узаконяемый набег, которого домогался Авалов с своими пшавами и хевсурами, набег, нисколько не организованный и поручаемый к тому же отставному офицеру, которому могли не подчиниться офицеры из туземцев, состоявшие на действительной службе и вне строя.

Приготовления к походу начались на кавказской линии с конца апреля. К войскам левого фланга, входившим до того времени в экспедиционные отряды г.-л. Вельяминова и г.-м. кн. Бековича-Черкаского, решено было присоединить 1-й и 2-й баталионы Эриванского карабинерного, 1-й баталион Тифлисского и 1-й баталион 41-го Егерского полков с Донским казачьим № 30 г.-м. Карпова 2-го полком и 8-ю орудиями 2-й легкой роты Кавказской гренадерской артиллерийской бригады, отправив их из Закавказья во Владикавказ, а также 2-ю пионерную роту Кавказского саперного баталиона, назначенную на случай надобности в г. Георгиевск 50. Для усиления артиллерии предписано направить из ст. Воронежской во Владикавказ 4 горных 3-х фунтовых единорога и 6 кегорновых 6-ти фунтовых мортир резервной батарейной № 5 роты 21-й артиллерийской бригады, а в обеспечение боевых припасов сформировать подвижный запасный парк с комплектом зарядов на 4 легкие орудия, 2 горных единорога и 2 кегорновые мортиры, с 50-ю т. пехотных патронов, материалами для 10-ти т. кавалерийских патронов, разными запасными вещами, походной кузницей и 3-мя пудами пороху. Личный и конский состав к этому [388] парку назначался из парочной батарейной № 4 роты 20-й артиллерийской бригады. Главное внимание обращено было на заготовление продовольствия. В этом отношении опытность Вельяминова и его практические приемы на много способствовали успеху этой трудной операции. Он предписал ставропольскому полевому провиантскому комиссионерству немедленно озаботиться заготовлением в Грозной и Амир-Аджи-юртовском укреплении сухарей и круп, в каждом из этих пунктов на три месяца для 9-ти тысяч человек; командующему сунженскою линиею г.-м. кн. Бековичу-Черкаскому поручил перепекать в сухари в Грозной и по казачьим станицам всю муку, которая останется от продовольствия местных войск с половины июня, а излишек муки, оказавшийся в моздокском, наурском и амир-аджи-юртовском магазинах, раздать для перепечения и пересушки в сухари Горскому, Моздокскому и Гребенскому казачьим полкам, Терскому линейному и Терскому Кизлярскому казачьим войскам. Из них Горский и Моздокский полки обязывались доставить сухари в Грозную, а остальные полки в Амир-Аджи-юрт. Успешнейшее заготовление и доставка сухарей в назначенные места возлагалась на

командиров казачьих полков. В обеспечение продовольствия для баталионов, вызывавшихся из Закавказского края, во время следования их по военно-грузинской дороге предписано было заготовить запасы сухарей в Душете, Квишете, Ларсе и во Владикавказе. Учреждение подвижного магазина при войсках Вельяминов нашел весьма затруднительным и считал возможным обойтись без него, но на подъем небольшого винного запаса приказал взять нужное число подвод у местных жителей.

Владикавказскому коменданту г.-м. Оранскому корпусный командир предписал:

1) Заготовить поспешнее и в возможно большем [389] количестве сухарей и по первому требованию поднять из них около 300 четв. на вьюках, а остальные на повозках.

2) Иметь в готовности к движению налегках две роты Севастопольского баталиона и две роты линейных баталионов с тем, чтобы оне подняли, сверх 6-ти дневного провианта на людях, еще 10-ти дневный запас на своих собственных вьюках и, кроме полного числа патронов на людях, имели еще 40 патронов на человека, также на собственных вьюках.

3) Заготовить у кайтукина поста достаточное количество леса для устройства моста или кладки через Терек.

4) Доставить, по требованию, несколько вьюков для перевозки запасных патронов, пороха и других нужных предметов.

5) Подготовить к сбору, без большой огласки, побольше хорошо вооруженных людей из подчиненных комендантскому управлению народов, заверив старшин, что вся добыча, которую они приобретут, будет совершенно им предоставлена.

В заключение барон Розен приказал г.-м. Оранскому донести, какое влияние произвело на горцев прибытие войск к Владикавказу, какие ходят между ними слухи о наших намерениях и что они сами думают предпринять 51.

Ответ Оранского был в высшей степени любопытен, рисуя порядки и средства местных войск тогдашнего времени. Еще ранее владикавказский комендант приступил к заготовлению сухарей и к 1-му июня рассчитывал иметь 300 четвертей. “Мешки и веревки для вьюков — докладывал он — готовы, но на чем везти вьюки — способа нет." В 1830 году у кн. Абхазова имелось для ведения вьюков 100 казаков, которые получили за каждую лошадь по [390] 25 руб. асс; теперь требуется поднять 300 четв., значит надо иметь столько же вьючных лошадей с провожатыми. Такое непомерное количество лошадей ставило Оранского в тупик, но он нашелся: объявил, что будет ожидать на этот предмет предписания самого корпусного командира. Повозки можно было иметь “от линейных баталионов собственные солдатские, за прогоны," но оне могут пригодиться только до кайтукина поста; далее идут горы и брать с собою повозок нельзя. Роты линейных и Севастопольского баталионов к движению будут готовы, но в них мало людей, в крепости не хватит на две смены караула и некому будет прикрывать будущий мост у кайтукина поста. Вьюки будут подняты на артельных лошадях, но тут встретятся необходимые издержки (устройство вьюков, ковка и т. д.), а потому роты просят пособия хотя бы по 15 руб. асс. на лошадь. Кроме того, командир Севастопольского баталиона затрудняется во вьючных седлах, которые будут ему доставлены от жителей за плату по крайней мере 50 коп. асс. на каждое седло, бывшее в употреблении.

Ничего утешительного не мог донести Оранский и об участии местных жителей в экспедиции. Он толковал с старшинами, заверял их, “будто без всякой цели," что добыча останется в их распоряжении, но, кроме старшин, народа праздного, мало кто собирается принять наши предложения. Тагаурцы и куртатинцы, враждующие с галгаевцами, могут быть нам полезны, но их надо продовольствовать со дня сбора. Ингуши явятся в малом числе и очень ненадежны, “будучи сами соединены сильными связями знакомства и родства с галгаями."

Опыт сбора милиции из туземцев Закавказского края для предстоявшего похода удался вполне. После отказа джарских лезгин барон Розен решил действовать осторожно и постепенно. Чтобы преждевременно не распространить [391] толков о задуманных экспедициях, он приказал вызвать охотников из мусульманских провинций, армянской области и татарских дистанций Грузии, под предлогом составления личного конвоя при объезде его кавказской линии и Дагестана. Грузины не вызывались, так как и без того обременены были многими повинностями: служили в полке Джар, содержали на лезгинской кордонной линии разные караулы, выводились беспрестанно на работы по военно-грузинской дороге и требовались для развоза провианта. При вызове охотников было объявлено, что они могут рассчитывать на участие в военных действиях, если настанет в этом необходимость. Грузинское дворянство тотчас же выразило свое желание участвовать в походе и предложило собрать из своей среды 300 человек. Сбор шел чрезвычайно успешно, и вместо предполагавшихся 7-ми сотен явилась возможность образовать три конных полка, численностью в 12 сотен. Грузины выставили 4 сотни, сведенные в полк, названный Грузинским конным полком. Жители татарских грузинских дистанций дали 4 конных сотни, из коих одна состояла из армян; эти сотни образовали 1-й Закавказский полк. Из армянской области явились также 4 сотни, две армянские и две других народностей, преимущественно куртин, составившие 2-й Закавказский конный полк 52. Все охотники должны были собраться в Тифлисе к 20-му июня. По прибытии милиционеров, барон Розен нашел их “в таком устройстве, какого только ожидать можно"; они имели воинственный вид, были хорошо вооружены и стоили гораздо дешевле прежних сборов 53.

Таким же успехом увенчался сбор охотников из [392] горских народцев, управляемых подполковником Челяевым, который собрал к 8-му июля у д. Казбек около 200 человек. Но на кавказской линии вышло иное. Вельяминову удалось собрать только кабардинцев, ингушей и осетин с незначительным числом охотников из других инородцев, между которыми назрановцы и кумыки, по-видимому, совсем отсутствовали.

10-го июля, предпринимая экспедицию против галгаевцев, корпусный командир известил генерала Вельяминова, что эта экспедиция продлится от двух до трех недель и вместе с тем указал ему главное направление для действий в этот промежуток времени. На первый случай Вельяминову предстояло движение вверх по Ассе для большей совокупности в действиях с колонною корпусного командира, потом заняться устройством моста на Ассе между Ханже-юртом и Шильчихою, чтобы по окончании экспедиций против галгаевцев, карабулаков и галашевцев свободно продолжать действия далее, в Чечне, чрез которую барон Розен желал пройти от Ассы чрез Гехи, Урус-Мартан и Герменчук к Маюртупу. Сделанные приготовления к устройству мостов и нахождение при отряде двух пионерных рот должны были, по мнению корпусного командира, облегчить переправы колонн через реки, а довольно значительная кавалерия, отряжаемая в колонну Вельяминова, доставить средства к быстрым поискам против неприятеля. Вельяминову поручалось озаботиться продовольствием вошедших в

состав его отряда обоих Конно-Закавказских полков, ингушевской и кабардинской милиций и непременно пустить в дело против карабулаков обе эти милиции 54. Затруднений при этом не могло встретиться, так как связи и [393] сношения ингушей с карабулаками держатся на частных случаях, а “не суть общие." Наконец, чтобы в дальнейших действиях в Чечне не иметь остановки по недостатку провианта, ген. Вельяминову предложено было немедленно озаботиться сформированием подвижного транспорта, от 300 до 350-ти ароб, наймом или нарядом за безобидную для жителей плату 55.

В конце июня генералом Вельяминовым сделаны были следующие распоряжения.

Генерал-маиору кн. Бековичу-Черкаскому предписано оставить для охранения кумыкских владений находившиеся там 2-й баталион Херсонского гренадерского и 3-й баталион Эриванского карабинерного полков, 2 орудия 22-й артиллерийской бригады и 4 орудия донской казачьей № 3 роты. Всю прочую пехоту, расположенную по квартирам на левом фланге кавказской линии, с остальною артиллериею и 200 казаков Гребенского казачьего войска соединить при кр. Грозной, куда прибыть также и отделению запасного артиллерийского парка. В Назрановское укрепление направить из Моздока 1-й баталион Бутырского пехотного полка и 200 казаков Моздокского казачьего полка с 2-мя орудиями батарейной № 1-й роты 20-й артиллерийской бригады. Генерал-маиору Горихвостову поручено распорядиться сбором вьюков в Кабардинском полку для поднятия 10-ти дневного провианта и патронов на комплектный баталион, которые немедленно отправить во Владикавказ. Ему же предписано поспешно собрать из Малой и Большой Кабарды 500 человек хорошо вооруженных конных кабардинцев, которым прибыть к 5-му июля в Назрановское укрепление. Что же касалось сбора кумык, то, по тогдашнему их положению, Вельяминов находил невозможным прибегнуть к вызову их в [394] поход и потому не сделал на этот предмет никаких распоряжений 56.

Части, назначенные из Закавказского края участвовать в экспедициях корпусного командира, прибыли во Владикавказ: 1-й баталион 41-го Егерского полка 10-го июня, 1-й баталион Тифлисского полка с орудиями 2-й легкой батареи Кавказской гренадерской артиллерийской бригады 15-го июня, два баталиона Эриванского полка 17-го июня, Донской казачий Карпова полк 22-го июня, 2-я пионерная рота Кавказского саперного баталиона 23-го июня, Конно-грузинский полк 1-го июля, 2-я рота Кавказского саперного баталиона 2-го июля и оба Конно-Закавказских полка 6-го июля.

К 6-му июля отряды собрались: корпусного командира у поста кайтукина, в 19-ти верстах от Владикавказа, по военно-грузинской дороге, и Вельяминова — у Грозной, откуда следовало передвинуться ему к Назрановскому укреплению. В состав колонны барона Розена вошли 57: 1-й и 2-й баталионы Эриванского карабинерного полка, 1-ые баталионы Тифлисского и 41-го Егерского полков, рота Кавказского саперного баталиона, 4 горных единорога, 6 кегорновых мортир, моздокские и донские казаки 58, Грузинский конный полк, не менее 350-ти осетин и 200 человек грузинской горской милиции подполковника Челяева. Колонну Вельяминова составили Московский, Бутырский и 40-й Егерский полки, две пионерные роты, 8 орудий легкой № 2 роты Кавказской гренадерской артиллерийской бригады, не менее 6-ти орудий конно-казачьей № 6 роты, казаки Гребенского войска и Моздокского полка, 1-й и 2-й Конно-Закавказские полки, кабардинская и ингушевская милиции. [395]

7-го числа утром, для прикрытия моста, устраиваемого на Тереке против кайтукина поста, выступили из Владикавказа, под начальством подполковника Бриммера, баталион Тифлисского пехотного полка, взвод сапер, 4 легких орудия и 20 казаков Донского Карпова полка. 9-го июля мост был окончен.

10-го числа прибыл во Владикавказ корпусный командир. На военно-грузинской дороге старшины джераховских и кистинских деревень, лежащих на пути к галгаевцам, явились к нему и просили не подвергать их наказанию вместе с галгаевцами. Барон Розен успокоил их, а они обещали во время следования войск оставаться с семействами и имуществом в деревнях. На том же пути беглые тагаурцы встретили корпусного командира на коленях, сложив перед собою оружие и умоляя о пощаде. Розен помиловал их, и они тут же просили позволения загладить вину свою участием в походе. 12-е число было назначено днем выступления обоих отрядов, но так как колонна Вельяминова только 11-го прибыла к Назрановскому укреплению, а команда Бутырского полка, командированная во Владикавказ, вернулась к вечеру 12-го числа, то Вельяминов сделал дневку и выступил в поход 13-го июля.

12-го числа отряд корпусного командира перешел Терек по предварительно устроенному мосту, за которым начался крайне трудный подъем вверх по речке Макалдону. Горные орудия почти половину дороги несли на руках, а для прохода вьюков старались разделывать косогоры. Отряд прошел около 10-ти верст и имел ночлег у деревни Обина. Жители всех джераховских деревень встретили барона Розена с хлебом и солью; обинцы также явились, прося пощады. 13-го числа дорога была еще хуже. Отряд проходил большею частью по узким тропинкам вдоль косогоров и пропастей, через весьма глубокие балки с [396] беспрестанными крутыми подъемами и спусками. С трех часов утра до шести вечера авангард успел пройти около 12-ти верст, до деревни Хули, в которой умерщвлен был пристав Константинов. Главная колонна сделала 9 верст, а ариергард, имевший при себе около 400 вьюков с провиантом и другими тяжестями, прошел только 6 верст. Кистинцы остались в своих деревнях и встречали корпусного командира с хлебом и солью, но д. Хули совершенно опустела. От чилихойцев 59, не участвовавших в убийстве Константинова, явилось лишь несколько человек из селений Ляляги и Салги. 14-го числа весь отряд собрался в Хули, поднявшись с величайшим трудом на весьма крутую гору Бей-Магометы, лежащую между селениями Койрах и Хули. Последнее было сожжено, пашни его потравлены, а три крепкие башни, служившие для жителей лучшим убежищем, подорваны порохом. Здесь печальный случай чуть не испортил отношение к нам мирных деревень. Три лялягских жителя, направлявшиеся к нам в лагерь, испугались осетинского разъезда и бросились бежать, но были настигнуты и убиты. Чилихойцы узнали об этом и решили оставаться в горах. Барон Розен призвал родственников убитых, объяснил им причину происшествия и выдал денежное вознаграждение, которым они остались довольны. Другой разъезд открыл в горах скот, принадлежащий чилихойцам и некоторым немирным жителям. Пастухи начали стрелять и ранили двух осетин, которые у них убили трех человек и отогнали несколько лошадей и ослов, 205 штук рогатого скота и около 600 баранов. 15-го июля отряд оставался в Хули, ожидая прибытия вьючного парка с запасными патронами и сведений о нахождении жителей Хули. Чилихойцам объявлено, что они наказаны [397] за принятие к себе скота немирных деревень, но в виду неучастия их в убийстве Константинова, деревни и пашни их останутся не разоренными, кроме небольшого селения Шуан, близь Хули, издавна служившего притоном для хищников и замешанного в злодействе хулинцев и галгаевцев. Жителям Ляляги и Салги барон Розен объявил, что отдает им земли хулинцев, которым никогда не будет дозволено селиться на теперешних местах. Для истребления с.

Шуан послана команда. 16-го числа корпусный командир получил известие, что хулинцы и жители ближайших к ним галгаевских деревень скрываются в лесах, к стороне Хевсурии. Подвинувшись вперед около 6-ти верст по вьючной дороге, более удобной чем на прежних переходах, он остановил отряд близь галгаевской деревни Бешти, откуда отправил для отыскания главнейших виновников убийства Константинова две колонны, под начальством полковника Засса и подполковника Челяева. Обе колонны поднялись по едва проходимым тропинкам к снежным вершинам и открыли следы мятежников. Челяев имел небольшую перестрелку с неприятельским караулом, но наступивший туман помешал преследованию. До полудня 17-го числа стоял туман. Партия осетин, посланная на разведки, донесла, что мятежники перебрались к вершинам Ассы и рассеялись в лесистых ущельях, почему войска ограничились сожжением ближайших деревень и истреблением их пашен. Вечером несколько осетинских фуражиров, неосторожно удалившихся от лагеря, были атакованы галгаевцами, спустившимися в числе около 100 человек со скал хребта Маткоха. В подкрепление им посланы две сотни Грузинского конного полка и, на всякий случай, баталион Эриванского карабинерного полка. Грузины, спешившись, решительно атаковали неприятеля, опрокинули его и гнали вверх по скалам, покуда было возможно. В [398] перестрелках был ранен один грузин, а неприятель потерял 4-х человек убитыми. Галгаевцам дважды объявлялось, чтобы, во избежание совершенного разорения, они выдали виновнейших в убийстве Константинова, внесли наложенную на них в 1830 году подать и уплатили штраф, но они в первый раз обещали собраться и подумать, а вторично не допустили посланных, объявив, что сумеют укрыться от преследования в лесах и ущельях. Барон Розен решил преследовать их далее. 18-го числа, пройдя около восьми верст большею частью по весьма крутому спуску, отряд прибыл к селению Таргим, на Ассе, вблизи которой находились главнейшие деревни галгаевцев. По сведениям, они скрывались в трех местах: одни, вместе с хулинцами, в ущельях и лесах к стороне Хевсурии, другие в скалах хребта Маткоха, подходящего к самой Ассе, а третьи в урочищах Гае и Гала, за скалистым, весьма высоким хребтом по правую сторону Ассы, считавшимся даже для горцев мало доступным. 19-го числа для преследования скрывшихся в Маткохе семейств барон Розен выслал вниз по Ассе, в обход, 200 осетин, а из лагеря направил часть Грузинской горской милиции и две роты Тифлисского пехотного полка, под начальством капитана Пархомова, прямо на скалы, чтобы привлечь в эту сторону внимание неприятеля и дать возможность совершить обход осетинам. Подвигаясь вперед, Пархомов искусно занял неприятеля, несмотря на частый ружейный огонь и камни, сбрасываемые со скал, а осетины обошли горы и захватили около 250-ти штук рогатого скота, 1300 баранов и несколько лошадей и ослов. Неприятель преследовал осетин, но командующий баталионом Тифлисского пехотного полка маиор Борейша вовремя подкрепил их двумя ротами, отразил нападение и доставил добычу в лагерь. В деле у нас легко ранены 4 рядовых и 2 осетина; [399] неприятель потерял убитыми 4-х человек. Одна женщина была захвачена в плен, но бросилась со скалы в воду и утонула. Желая показать горцам, что для русских войск нет непроходимых мест, корпусный командир того же числа выступил к урочищу Гаю, оставив у селения Таргим все тяжести в общем вагенбурге, под начальством маиора Борейши. С бароном Розеном выступили 2 баталиона Эриванского карабинерного полка, баталион 41-го Егерского полка, 200 казаков Моздокского линейного казачьего полка, Грузинский конный полк, 350 человек осетин, 200 человек грузинской горской милиции, 4 горных единорога и 6 кегорновых мортир. Дорога шла беспрестанными подъемами и спусками, по узким тропинкам, на которых несколько раз разбирались орудия. Тем не менее, войска прошли около 16-ти верст и вечером были у подошвы скал, за которыми находилось урочище Гай. С полудороги отправлен был

вперед командир Моздокского линейного казачьего полка полковник Засс, с кавалериею, занять вершину скал, прежде чем неприятель догадается о нашем направлении. Пользуясь туманом, Засс приблизился к самым скалам, оставил здесь лошадей и начал подниматься по тропинке. На половине подъема он был встречен ружейными выстрелами и осыпан “беспрерывным градом огромных каменьев," что, впрочем, не остановило храбрых моздокских казаков и осетин. Так как движение нашей кавалерии было уже замечено, а густой туман препятствовал распоряжениям, то Зассу приказано было остановиться. Наша потеря в этот день состояла из 4-х раненых, 4-х ушибшихся на крутом спуске и нескольких раненых лошадей. 20-го числа утром ясная погода позволила осмотреть путь. Узкая, крутая тропинка извивалась на протяжении трех верст, поднимаясь вдоль огромных скал над крутыми обрывами. Вне этой тропинки в некоторых местах можно [400] было, с камня на камень, взобраться прямо на скалы, но тут горсть храбрецов могла без труда отразить самое отважное нападение. Неприятель занимал хребет, славившийся у горцев своею неприступностью. При таких условиях благоразумнее всего было действовать несколькими частями, имея позади их сильный резерв. Барон Розен с трех пунктов направил грузин и осетин прямо на скалы, в подкрепление им дал баталион 41-го Егерского полка, а в резерв Эриванский карабинерный полк и моздокских казаков. Неприятель встретил нас градом камней, но грузины и осетины, раздвинувшись, смело взбирались на скалы. Горные орудия и мортиры удачным действием производили видимое расстройство в неприятеле. Под покровительством этого огня, стрелки поднимались все выше и выше, пренебрегая сильным неприятельским огнем и падавшими на них камнями; егеря 41-го полка не отставали от осетин. Храбрость войск и удачное действие артиллерии скоро поколебали неприятеля и он обратился в бегство. Грузины и осетины мгновенно очутились на вершине скал, а войска продолжали беспрепятственно подыматься наверх. На штурме высот мы потеряли каким-то чудом только 5 человек. Трудность подъема засвидетельствована была самим корпусным командиром, употребившим два часа на поднятие. Его удивила также отвага, неутомимость и усердие войск; опасности не страшили их, а труды не только не поселяли в них уныния или ропота, но, напротив, возбуждали общее соревнование. С вершины скал можно было рассмотреть все убежища мятежников, но густой туман снова спас их, и отряд направился “по самому большому следу," который привел их к урочищу Гай. Спуск с гор был чрезвычайно труден, туман обратился в дождь и люди едва могли держаться на скользких крутизнах. Отряд, выступивший в 4 часа утра, собрался только около полуночи на [401] место ночлега у с. Гай, пройдя около 10-ти верст. Засс, командовавший авангардом из спешенных казаков и трех рот егерей, преследовал неприятеля еще около 15-ти верст по трудной дороге и успел отбить около 200 голов рогатого скота; взята была также значительная добыча из разного имущества, брошенного неприятелем. В этот же день несколько осетин, самовольно отделившись от отряда, отправились в деревню Цору, где были атакованы скрывшимися жителями, и из них 1 убит и 2 ранены. 21-го числа туман и дождь не позволяли ничего предпринять; разосланы были только партии осетин на поиски. 22-го числа продолжавшийся туман препятствовал производить даже поиски в окрестностях Гая, а потому отряд перешел обратно через скалистый хребет Малку-Гай и расположился лагерем при деревне Цоре. Здесь два жителя заперлись в каменной башне и ни за что не хотели сдаваться. Саперы подвели мину и уже начали забивать заряд, когда мятежники положили оружие. Башня была взорвана. Во время работ у нас ушиблены камнями 4 сапера и ранены 4 человека. 24-го числа истреблено было 17 деревень, чем и закончилась экспедиция против галгаевцев. В тот же день корпусный командир прибыл к вагенбургу у с. Таргим, 25-го

дал войскам дневку, 26-го выступил обратно к Тереку, 27-го перешел реку и 28-го прибыл к Владикавказу.

Чилихойцев, кистинцев и джераховцев нашел барон Розен на местах. Они изъявили полную покорность, а деревня Обин выдала аманата и возвратила захваченного в плен сына одного преданного нам джераховца.

“Вероломное племя галгаевцев — доносил Розен гр. Чернышеву — по мнению самих горцев, наказано примерным образом, лишась значительного числа скота своего, большей части движимого имущества, жилищ и пашен; войска наши проникли в самые скрытные убежища их, доселе почитавшиеся неприступными для нас. Сами [402] галгаевцы знают, что один только туман с 16-го по 27-е число сего месяца продолжавшийся, спас семейства их от плена и остальное имущество от совершенного истребления. Племена, смежные с ними, но не участвовавшие в злодеянии, пропустя беспрепятственно войска, не понесли никакого вреда. Осетины же и горские грузинские жители, находившиеся при отряде, приобрели богатую добычу, что служит им наградою, а нам обеспечением, что они, возобновя вражду свою с соседними племенами, по необходимости должны держаться нашей стороны и искать нашего покровительства."

Генерал-лейтенант Вельяминов, выступив 13-го июля из Назрановского укрепления, рассчитывал в один переход дойти до непокорной деревни Шильчихи и занять ее, но грязная дорога и еще более дурная переправа через Сунжу у д. Малой Яндырке замедлили следование отряда и заставили его ночевать близь переправы. На другой день, подойдя к Шильчихе и заметив, что до 200 мятежников намерены защищать эту деревню, Вельяминов устроил две батареи, одну для 6-ти орудий конноартиллерийской казачьей № 6 роты, другую для 4-х орудий пешей артиллерии, выбил артиллерийским огнем горцев из деревни и без дальнейшего сопротивления занял ее 40-м Егерским полком. После этого неприятельская партия, скрывшаяся в лесах противоположного берега Ассы, вела перестрелку с стрелковою цепью, а часть конных, показавшихся на открытом месте, была разогнана кабардинцами и конно-Закавказскими полками, которые еще до занятия деревни были переправлены на правую сторону Ассы. Другая часть нашей конницы, преследуя горцев, имела с ними перестрелку, в которой у них убито два человека, а у нас легко ранен всадник 2-го конно-Закавказского полка. Деревня была разорена до основания, а найденный в ней и в окрестностях на корне хлеб был истреблен. 15-го числа отряд Вельяминова занял без всякого сопротивления деревню Хайжир [403] или Худаберти, жители которой изъявили покорность. На другой день, пройдя мимо деревень Мужихой и Фаргив, оставленных также не уничтоженными по случаю покорности жителей, Вельяминов приказал истребить небольшую деревушку Цоале с находившеюся в ней каменною башнею и двумя водяными мельницами, принадлежавшими известному между карабулаками разбойнику. Жители многих карабулакских селений присылали просить о пощаде, соглашаясь внести штраф по 5 рублей серебром с двора и платить ежегодно по рублю подати. Многие из них не имели денег, а потому Вельяминов разрешил принимать скот, считая с каждого двора по одной рогатой скотине. В ожидании доставки денег или скота, отряд расположился лагерем у Цоале. Здесь Вельяминов устроил вагенбург, поручив его командующему Московским пехотным полком подполковнику Щеголеву, в прикрытие которому назначил 250 человек этого полка, 4 орудия конно-казачьей артиллерийской № 6 роты и всю кавалерию. В вагенбурге оставлены артиллерийский запасный парк, подвижный провиантский транспорт и все лишние тяжести.

Имея в виду, что при задуманном движении к галашевцам лесной хребет гор, а за ним закрытая и пересеченная местность не представляли никаких удобств для действий конницы, которая могла скорее затруднять войска, чем приносить им пользу, Вельяминов взял с собою только по 50-ти человек из каждого конно-Закавказского полка и такое же число от кабардинцев и линейных казаков. С отрядом он приказал следовать небольшому обозу, состоявшему из наиболее облегченных повозок. В 6 часов утра 18-го числа войска выступили и беспрепятственно дошли до деревни Галашки, которая была оставлена жителями. Затруднения, встреченные от дурной дороги на этом переходе, имевшем около 12-ти верст, были до того велики, что, несмотря на легкость [404] обоза, он прибыл в лагерь поздно вечером. Неприятель, пользуясь густотою леса и теснотою дороги на обрывистых спусках и подъемах, устроил во многих местах завалы, которые однако не защищал; но когда войска подошли к последнему крутому спуску, засевшие в лесу над поворотом дороги мятежники открыли довольно сильный ружейный огонь по авангарду, состоявшему из двух рот Бутырского пехотного полка. Роты “с блистательною храбростью" бросились в штыки и заставили неприятеля отдалиться от дороги. После этого перестрелка с стрелковою цепью не прекращалась до выхода из леса на довольно обширную равнину, на которой, за крутым оврагом, расположена деревня Галашки. Не переходя его, Вельяминов расположил отряд лагерем, а на противоположную сторону послал всю находившуюся с ним кавалерию, приказав сжечь несколько дворов, расположенных над Ассою. В деле 18-го июля мы потеряли: Бутырский пехотный полк 2-х нижних чинов убитыми и 2-х ранеными, Московский полк 4-х ранеными, 40-й егерский и Моздокский казачий полки по одному раненому. О неприятельской потере не имелось известий. Того же числа, оставив неразоренными две покорившиеся деревни, Адыгирей-юрт и Дог-Кочакого-юрт, Вельяминов приказал уничтожить одну каменную башню, находившуюся близь первой из упомянутых деревень, и истребить непокорное селение Меркей, лежавшее на правом берегу Ассы, с двумя такими же башнями. Эти башни, сложенные весьма прочно из больших камней, еле поддавались ломке, и работа задержала войска до самого вечера. Затем отряд, пройдя 5 верст, расположился у деревни Арсамак-Черкеров, жители которой изъявили покорность. Во время разорения деревни Меркей наша конница занимала пикеты на отлогости высокой горы, по гребню которой расположена была в нескольких местах карабулакская партия, [405] в числе не более ста человек конных и пеших. Пешие неоднократно старались занять опушку леса, чтобы вредить нашей кавалерии, но казаки кабардинцы и всадники конно-Закавказских полков, сохранив за собою лесную опушку, продолжали занимать выгодную позицию вне выстрелов неприятеля. Во время своих покушений горцы потеряли убитыми четырех человек.

Деревням Средней и Малой Меркей, изъявлявшим покорность и согласившимся на предложенные условия, дан был срок до вечера 20-го числа для доставки податных денег или вместо них скота. 21-го числа, получив от старшин уведомление, что они не могли склонить жителей на покорность, Вельяминов приказал баталиону 40-го Егерского полка, двум орудиям, линейным казакам и всадникам конно-Закавказских полков переправиться на правую сторону реки и истребить эти деревни. Посылая конницу, он рассчитывал, что толпы карабулаков, всего до 400 человек, занимавшие высоты правого берега реки, заметив наше движение спустятся и займут небольшой отдельный лес, а, выбитые оттуда, станут подниматься на гору по открытому месту, где кавалерия могла нанести им поражение. Так и случилось. Едва мы тронулись из лагеря, как человек 200 конных и пеших карабулаков потянулись в лес; наша конница начала обходить их, а стрелки вошли в чащу и, встретившись

с неприятелем, обратили его в бегство. Тогда кавалерия, поддержанная стрелками, атаковала горцев и гнала их до хребта гор. Крутой подъем, местность, перерезанная оврагами, и недостаточное число кавалерии дали возможность бегущим спастись от преследования. Тем не менее, они понесли значительный урон: 9 тел оставлены были на месте, общая же потеря их простиралась до 12-ти человек убитыми и 25-ти ранеными. Эти сведения были получены от старшин деревень Арслам-бека и [406] Мужихоя, явившихся после боя с аманатом и податью. Наш урон состоял из 1 убитого и 16-ти раненых казаков Гребенского войска, 1 раненого 40-го Егерского полка и 2-х 1-го конно-Закавказского. Лошадей убито 3 и ранено столько же. После дела Вельяминов приказал Бутырскому пехотному полку с конницею и 4-мя орудиями переправиться на правую сторону Ассы и уничтожить деревушку Амгите; но от беспрерывных дождей вода в Ассе сильно поднялась и помешала переправить пехоту. На другой день открылся брод — и деревня, после нескольких безвредных выстрелов со стороны неприятеля, была занята и истреблена. 24-го числа отряд выступил обратно к вагенбургу и остановился на ночлег у сломанной башни близь деревни Галашки. Отсюда Вельяминов послал генерального штаба полковника Зандена с Московским пехотным полком и ротою Кавказского саперного баталиона осмотреть другую дорогу для обратного пути, но она оказалась несравненно хуже пройденной, а потому войска двинулись на другой день по старой дороге. 26-го июля, проходя мимо вагенбурга, Вельяминов присоединил его к отряду и расположился между деревнями Кази и Мужихой, жители которых, а также и других соседних селений, изъявили покорность. Чтобы дать им время исполнить наши требования, отряд 27-го числа дневал. Так как не все жители Мужихоя явились в назначенное время, то дома непокорных были сожжены, а хлеба уничтожены. 28-го июля Вельяминов прибыл в с. Ахимбарз, где нашел удобный для переправы брод, исключавший необходимость моста, постройка которого составляла последнюю задачу его действий 60. [407]

Подполковник кн. Эристов задумал свою экспедицию против кистин довольно широко. Он предложил собрать 600 человек из пшаво-хевсурской дистанции, представить которых обязывался “моурав их маиор кн. Иван Авалов”, 400 человек из тушинской дистанции и 300 человек из телавского уезда. Эти 1300 милиционеров должны были иметь из своих селений месячный провиант, конечно за счет казны 61, и получить по 1/2 фун. пороху. с соответствующим количеством свинцу на человека. Осторожный Розен приказал отпустить половинную пропорцию — 6 п. пороху и 3 п. свинцу, а денег на продовольствие 62 и того меньше — 600 р. с. Так как нельзя быть полководцем без штаба, то к Эристову были назначены: корпуса топографов поручик Тимофеев, Нижегородского драгунского полка подпоручик Иосселиани и губернский секретарь Цицкаров. Иосселиани принял на себя продовольственную часть, Тимофеев назначался, вероятно, для того, чтобы снимать поля сражений и отмежевывать завоеванные страны, а Цицкаров, надо думать, изображал собою представителя гражданской власти, без которой военный человек обойтись не может и которая пристает к нему на войне, как репейник к шерсти. Сборным пунктом для телавской милиции назначены были Тионеты. Сколько явилось туда грузин — сведений не сохранилось, но очень хорошо известно, что тушины с кн. Челокаевым не пришли “по случаю собственной защиты от лезгин”, что несомненно указывало на предпочтение, оказываемое Челокаевым оборонительной войне, в противоположность Авалову, считавшему лучшим способом для самозащиты наступательный образ действий. Это обстоятельство ни чуть не [408] обескуражило Эристова. Он продолжал свой марш, вступил во владения, управляемые маиором кн. Аваловым, присоединил к своему “войску" обитателей этих владений и объявил

кампанию против кистин открытою. “Экспедиция сия — доносил кн. Палавандов — в начале своей имела желательный ход", не поясняя, в чем состояло начало этой экспедиции и каким желаниям соответствовал ее первоначальный ход. 25-го июня, в день назначенный для нападения на кистин, четыре ближайшие их деревни — Митхово, Мизуели, Джераги и Кишело — изъявили покорность и прислали Эристову своих аманатов. Дело шло превосходно, как вдруг, “сверх всякого ожидания", пшавы и хевсуры заволновались, объявили Эристову, что, кроме Авалова, никого не признают своим начальником, стали укорять телавцев в “напрасном приходе", грозили истребить их, а с наступлением вечера произвели выстрелы, желая вовлечь телавских милиционеров в перестрелку. Тут-то и пригодился Эристову его штаб. Он выдвинул его вперед как дипломатическую силу, и не ошибся в своих расчетах: во главе с Цицкаровым, штаб действовал молодцом и в конце концов успел угомонить разбушевавшийся народ. К рассвету — говорит донесение кн. Палавандова — пшавы и хевсуры разошлись, но и Эристов не нашел удобным засиживаться в гостях у своего земляка кн. Авалова. С жителями телавского уезда он отступил к Кахетии до уроч. Цубровани, сопровождаемый верными шатильцами, составившими ему, как видно, охранный конвой. Как на зло, во время обратного следования мимо Шатиля, прибыли к Эристову новые аманаты от кистин и выразили ему покорность. Что он сделал с этими навязчивыми людьми, документы не поясняют.

Виновником своей неудачи Эристов считал кн. Авалова,

“который перед самым началом неохотно принял подчинение его [409] кн. Эристову, а впоследствии явно показал свое неповиновение, ибо, оставаясь покойным зрителем возмущения подчиненного ему народа, не токмо не способствовал к прекращению онаго, но, по-видимому, скрыто противодействовал успехам сей экспедиции 63".

Когда Авалову надоело оставаться “покойным зрителем", он сел на коня и, под предлогом уголовных дел, со всей своей милицией куда-то уехал на сделанные же ему Эристовым “запросы" не дал никакого ответа 64.

Авалов, по представлению кн. Палавандова, был уволен от должности, а кн. Эристов, основательно сообразив, что нет экспедиции без наград, представил своих “чиновников" — Тимофеева, Иосселиани и Цицкарова — к “должным" наградам:

“Они, при неусыпных трудах, требовавших благоразумия, успевали разведывать в опасных местах действия неприятеля, а в особенности оказали пример неустрашимости при возмущении пшав-хевсуров, в которых особенно старался губернский секретарь Цицкаров поселить спокойствие, в чем и успел некоторым образом" 65.

Тем и кончилась экспедиция отставного подполковника кн. Эристова против кистин. До Кистинии он, по-видимому, не дошел, а когда вздумал дойти — ему помешал кн. Авалов. У казны даром пропало 600 р., 6 п. пороху и 3 п. свинца, Авалов лишился места, Эристов остался с честолюбивыми мечтами, а чиновники его не получили “должных" наград. Кн. Николай Осипович Палавандов был в этой экспедиции единственным победителем и не потерпевшим лицом.

Ф. фон-Климан.

(Продолжение будет).

Комментарии

46. Архив кавк. воен. окр. Дело 2-го отд. ген. шт. 1832 г. № 41. Предписание барона Розена ген. Вельяминову 18-го апреля № 272.

47. Дело то же, Рапорт г.-л. Вельяминова корпусному командиру, 27-го апреля № 28.

48. Дело то же. Предписание барона Розена г.д. Вельяминову, 19-го июня № 585.

49. Дело шт. отд. кав. кор. по 2-му отд. ген. шт. 1832 г. № 52. Предписание барона Розена грузинскому гражданскому губернатору, 28-го июня № 660.

50. По прибытии из Тифлиса во Владикавказ, рота не передвигалась далее, а затем вошла в состав отряда барона Розена 1-го.

51. Дело шт. отд. кавк. кор. 2-го отд. ген. шт. 1832 г. № 41. Предписание барона Розена 19-го июня № 586.

52. Журнал подробный исходящий 1832 г. № 66. Донесения барона Розена военному министру, 15-го июня № 571 и 30-го июня № 677.

53. По ведомости, представленной г.-л. Вельяминовым 22-го июля, в обоих Конно-Закавказских полках состояло на провианте 1113 человек. Дело 2-го отд. ген. шт. 1832 года № 52.

54. Каждому милиционеру, по израсходовании им своего домашнего продовольствия, приказано отпускать по 2 фунта пшеничной муки и, взамен мяса и винной порции, со дня сбора, по 2 коп. серебром.

55. Дело 2-го отд. ген. шт. 1832 г. № 56. Предписание корпусного командира г.-л. Вельяминову, 10-го июля № 5.

56. Дело шт. отд. кав. кор. по 2-му отд. ген. шт. 1832 г. № 9. Рапорт г.-л. Вельяминова корпусному командиру, 25-го июня № 460.

57. Состав обоих отрядов, вероятно, неполный, так как точных сведений не имелось в арх. окр. шт.

58. Число их неизвестно.

59. Чилихойцами назывались жители четырех кистинских деревень между с. Хули и галгаевскими деревнями.

60. Источниками для описания экспедиций барона Розена и г.-л. Вельяминова против галгаевцев, галашевцев и карабулаков послужили: отношения корпусного командира военному министру, 15-го июля № 12, 21-го июля № 20 и 22 июля № 42, рапорт барону Розену г.-л. Вольховского 6-го июля (без номера), рапорты подполковника Бриммера Вольховскому 8-го и 9-го июля №№ 543 и 544 (д. 2-го отд. ген.шт. 1532 г. № 51) и рапорты г.-л. Вельяминова корпусному командиру, 14-го июля № 535, 17-го июля № 538, 18-го июля № 530, 20-го июля № 541, 22-го июля № 556, 26-го июля № 564 и 29-го июля № 571 (д. 2-го отд. ген. шт. 1832 г. № 56).

61. По 1 р. 40 к. на человека.

62. По сборе, каждый милиционер получал ежедневно 1 ф. говядины или 2 коп. сер.

63. Дело 2-го отд. ген. шт. 1832 г. № 52. Рапорт грузинского гражданского губернатора барону Розену 1-му, 23-го августа № 5075.

64. Там же. Рапорт Эристова кн. Палавандову, 4-го августа № 10.

65. Там же. Рапорт его кн. Палавандову № 12.

Текст воспроизведен по изданию: Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник, Том 17. 1896

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

ВОЙНА НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

С 1824 ПО 1834 г.

В СВЯЗИ С МЮРИДИЗМОМ

(Продолжение).

XXVII.

Вторжение Гамзат-бека в джарскую область. Положение дел в Кахетии и шекинской провинции. Изменения в расположении войск на лезгинской кордонной линии. Действия г.-м. Карпова против Гамзат-бека. Приезд в джарскую область г.-л. барона Розена 4-го. Донесения его корпусному командиру. Наступление отряда бар. Розена к Алиабату. Движение к с. Мухахи и рассеяние партии Гамзат-бека. Наказание жителей с. Алмало. Инструкция бар. Розена. Происшествия в джарской области после усмирения восстания.

Начавшееся в первых числах июня восстание в горских обществах южного Дагестана быстро распространялось. В конце месяца Гамзат-бек с партиею глуходар и дагестанцев прибыл в джурмутские деревни и, склонив на свою сторону анцухских, капучинских и анкратльских жителей, направил часть своего скопища для нападения на Белаканы или Лагодехи. Однако, узнав, что к этому времени на урдовскую переправу прибыл отряд из Царских Колодцев, он отозвал эту партию и передвинулся к кейсерухскому магалу, где усилился присоединившимися к нему жителями. Отсюда он разослал в нагорные деревни джарской области письма, в которых под угрозою [289] разорения требовал восстать против русских. Многочисленные агенты его распускали слухи будто Грузия осталась без войск, так как Турция объявила России войну, заняла пограничные крепости и двинула войска свои к самому Тифлису; рассказывали также о небывалых победах Кази-муллы, одержанных будто бы в северном Дагестане, и о скором прибытии его в джарскую область. Все это, конечно, принималось горцами за чистую истину, а нерешительность наших властей, ограничивавшихся обильною рассылкою объявлений, составленных по одному образцу, до некоторой степени подтверждала россказни о нашем бессилии. Оставаясь наружно преданными русскому правительству, жители ожидали только прибытия Гамзат-бека, чтобы немедленно перейти на его сторону.

Около 8-го июля Гамзат-бек, с братом своим Мурадом и с Чобан-беком, во главе 1000 человек появился около деревни верхний Мухах. Как и следовало ожидать, его встретили с радостью и не только доставили ему продовольствие, но мухахцы, а за ними жители Джениха и других нагорных деревень присоединились к его скопищу. Усилив таким образом свою партию, состоявшую до того из людей чухского, кейсерухского, бохнадальского, тебельского и джурмутского обществ, Гамзат-бек решил проникнуть в мухахское ущелье, где мог рассчитывать на сочувствие жителей и большие запасы продовольствия и откуда без особого труда мог распространить свое влияние на энгилоевские деревни. Жители деревень, расположенных в мухахском ущельи — Сапунчи, Чардахло, Мухах (нижний) и Алиаскар, побуждаемые главным джарским приставом и почетными старшинами, решили противодействовать вторжению Гамзат-бека, для чего в несколько дней собрали до 1000 вооруженных людей, к которым присоединилось столько же, выставленных нижними энгилоевскими и [290] муганлинскими деревнями. При входе в мухахское ущелье они устроили завал, за которым и расположились, в ожидании Гамзат-бека. На верность этой милиции, да и вообще всех жителей в это смутное время положиться, конечно, было невозможно, и потому г.-м. Карпов приказал отряду на Царских Колодцах приготовиться к выступлению по первому вызову, а жителям деревень мухахского ущелья предложил перевезти свои семейства в нижние деревни. Селение Сапунчи, находящееся у самой подошвы гор, отправило свои семейства в Мухах, но прочие деревни, лежащие позади собравшейся милиции, остались на месте, заявив, что оне достаточно сильны, чтобы не допустить к себе Гамзат-бека. Как ни настаивал г.-м. Карпов, однако ничего не добился; понудить же к выселению силой без особых причин он не считал возможным, хотя и полагал, что благодаря родственным связям между жителями нижних и верхних Мухах, из которых последние уже присоединились к Гамзат-беку, собранная милиция при появлении скопища мятежников не окажет сопротивления. Действительно, едва Гамзат-бек 13-го июля показался в мухахском ущельи, энгилоевцы и муганлинцы разбежались по своим деревням, а лезгины мухахские, чардахлинские и других деревень тотчас же присоединились к скопищу. Таким образом 14-го июля мухахское ущелье со всеми расположенными там деревнями было в руках Гамзат-бека. Одновременно с действиями в джарской области большие силы мятежников появились и в Кахетии, против левого фланга линии. По сведениям, собранным от жителей и полученным от дидоевского пристава кн. Надара Джорджадзе, около 10-го июля скопище лезгин, состоящее из 4-х тысяч пеших и тысячи конных, под предводительством беладов: каратского Газиова, богозского Аличула и известного разбойника Бигая, расположилось в [291] долине Бари, лежащей за главным хребтом, в 25-ти верстах от дд. Шильды и Кварели и в 30-ти от Сабуи; конница же остановилась на высоте Самур, в 15-ти верстах от Кварели. После пятидневного пребывания в этих местах в бездействии, мятежники перешли в дидоевскую д. Хупра, находящуюся в 40-ка верстах от Сабуи, где пробыли сутки, а отсюда, причинив “не малое разорение" жителям, направились к другой дидоевской деревне, Асахо, где находился кн. Джорджадзе. Мятежники потребовали выдачи его, но, получив отказ, потянулись в тушинскую деревню Харсо, из которой успели угнать несколько голов рогатого скота, с потерею, однако, 12-ти человек убитыми. 19-го июля они прошли вторично через дидоевские деревни, откуда их выпроводили ружейным огнем, а 21-го числа направились через гору Шапихо к Шуратам и затем вскоре рассеялись. Таким образом, намерение склонить на свою сторону мирных дидоевцев не только окончилось неудачею, но разбоями и убийствами было положено основание вражде и обычному кровомщению.

Не остался спокойным и правый фланг лезгинской военной линии. Находящийся при Аслан-хане Казикумухском капитан кн. Баратов доносил, что хунзахское, аварское, сугрaхское и чумахское общества составили для Гамзат-бека войско, и хотя хан принял меры к удержанию в покорности кого мог, но увещания и угрозы его подействовали лишь на немногих; большинство же пристало к Гамзат-беку. Наиболее вредное влияние в смысле противодействия Аслан-хану оказали возвратившиеся из Тифлиса аманаты сугрaхского кадия, которые распускали слухи будто все русские войска по случаю войны с Турциею ушли на границу. По словам Баратова, Аслан-хан строго запретил своим подданным иметь сношения с мятежниками, и когда некоторые из них осмелились купить в неприятельских [292] скопищах баранов, то не только отобрал их, но и взыскал с каждого из виновных по сто рублей штрафа, а некоторым приказал отрезать уши. Узнав затем, что Гамзат-бек намерен напасть на елисуйские владения и далее на шекинскую провинцию, он выступил с “войском" на дженихскую гору, откуда послал своего сына Мамад-Мирзу с двумястами человек на помощь элисуйскому султану. Все эти, по-видимому, решительные действия и распоряжения Аслан-хана не помешали, однако, жителям некоторых принадлежащих ему деревень, напр. Джениха, Цухура и др., присоединиться к Гамзат-беку. Неспокойно было и в шекинской провинции. Подполковник Бракель сообщал, что со дня вторжения Гамзат-бека в джарскую область слухи о намерении его напасть через казикумухские владения на шекинскую провинцию волновали жителей, вследствие чего готовность исполнять приказания, отличавшая шекинцев, исчезла. Распоряжение о сборе милиции исполнялось до того медленно и неохотно, что в конце концов вместо требовавшихся 2-х тысяч человек с трудом собрано было 1200 плохо вооруженных и ненадежных милиционеров. Сообщение с Закаталами и елисуйским султаном совершенно прекратилось, отчего Бракель не имел никаких сведений о происходящем на лезгинской линии. В самой Нухе, под влиянием слухов о большом количестве мятежников и слабости русских войск, начались волнения: армяне и магометане-шииты вооружились и построили в городе завалы, опасаясь городских же жителей суннитов, составлявших большинство населения Нухи. Имея для защиты крепости всего одну роту и два орудия, Бракель донес кубинскому коменданту полковнику Гимбуту о всем происходившем в городе и провинции и назвал положение свое критическим. За это донесение, представлявшее будто бы в преувеличенном виде положение дел в провинции, Бракель получил от [293] корпусного командира замечание, едва ли, впрочем, заслуженное. Можно допустить, что под влиянием тревожных слухов и неутешительных известий Бракель несколько и сгустил краски, но во всяком случае положение его с одною ротою вдали от русских отрядов и в центре ненадежного населения, готового под влиянием малейшей удачи мятежников взяться за оружие и истребить преданных нам жителей, было, по-видимому, близко к критическому.

8-го июля корпусный командир выехал на северный Кавказ, поручив командование войсками в Закавказье генерал-лейтенанту барону Розену 4-му. К этому времени мятеж на лезгинской линии охватил большое пространство, а силы Гамзат-бека были уже настолько внушительны, что линии грозила серьезная опасность в нескольких местах. Имея это в виду, барон Розен 4-й решил несколько изменить расположение наших войск на линии, с тем чтобы вместо слабых кордонов, могущих подвергнуться полному истреблению, сосредоточить в нескольких наиболее важных пунктах возможно крупные отряды, способные держаться до прибытия главных сил из Царских Колодцев. Он предписал снять пеший полк Джар с кордона и расположить его в полном составе при Белаканском укреплении, откуда полк мог содействовать гарнизону в защите белаканских жителей, если бы Гамзат-бек покусился на

разорение их, или соединиться с закатальским отрядом, если бы этого потребовали обстоятельства. Левый фланг линии, т. е. Кахетию, Розен 4-й счел необходимым усилить новыми войсками из Тифлиса и, сверх того, выделить их из непосредственного ведения г.-м. Карпова, который по дальности расстояния не мог ни следить за всем происходящим на этой стороне у неприятеля, ни своевременно принимать необходимых для охранения края военных мер. На усиление войск левого фланга Розен выслал в Телав две [294] роты Грузинского гренадерского полка — одну, Его Высочества, со всеми людьми того же полка, находящимися в учебном баталионе, из Тифлиса, а другую, 1-ю фузилерную, из Мухровани, присоединив к ним 4 легких орудия № 2 роты кавказской гренадерской артиллерийской бригады, из Гомбор; охранение же левого фланга поручил состоявшему при войсках г.-м. кн. Чавчавадзе, в распоряжение которого таким образом поступали: 3-й баталион и две роты Грузинского гренадерского полка с четырьмя легкими орудиями, прибывшими в Телав, вся кахетинская милиция в числе 1500 человек, содержащая в Кахетии кордонную линию, и вся грузинская милиция, которую корпусный командир разрешил собрать в случае надобности, назначив ей сборным пунктом с. Кварели. Если бы при вторжении больших скопищ неприятеля этих сил оказалось недостаточно, г.-м. кн. Чавчавадзе разрешалось, по сношению с гражданским губернатором, поголовно вооружить жителей всех селений, лежащих по левую сторону Алазани, и присоединить их к своим силам. В отношении способов охраны Кахетии и действий против неприятеля г.-м. Чавчавадзе предоставлялась полная самостоятельность и лишь для единства действий с закатальским отрядом ему рекомендовалось сноситься с г.-м. Карповым. Для обеспечения нухинской провинции подполковнику Бракелю предписано собрать милицию в количестве, необходимом для защиты ее, если бы Гамзат-бек проникнул в нее через казикумухские владения, и возложить командование этою милициею на состоящего по кавалерии маиора Рейтера. Кроме того, военно-окружному начальнику мусульманских провинции г.-м. Краббе дано знать, чтобы и он с своей стороны принял меры, какие по ближайшему усмотрению признает полезными. Обор милиции в шекинской провинции производился, однако, очень неуспешно — с трудом собрано было 1200 [295] человек, да и те оказались плохо одетыми и дурно вооруженными, а так как защита провинции, по сложившимся обстоятельствам, ложилась только на эту ненадежную милицию, то г.-м. Краббе, получив от подполковника Бракеля сведения о положении дел, немедленно распорядился сформированием карабахского и ширванского конно-мусульманских полков, численностью в 400 человек каждый. Эти два полка предполагалось двинуть к Нухе, но так как дела в джарской области изменились в лучшую сторону, то они были в скором времени распущены. Сбор милиции в Кахетии шел в общем удовлетворительно, хотя и не без некоторых недоимок и проволочек, объясняющихся отчасти совпадением сбора со временем полевых работ, а отчасти и отсутствием точно определенных положений и инструкций о порядке сбора милиционеров.

По сведениям, доставленным лазутчиками, было видно, что возмутившиеся горские общества составили две крупные партии, из которых одна, численностью до 5-ти тысяч человек, расположилась вблизи дидоевских деревень с намерением вторгнуться в Кахетию, другая же, с Гамзат-беком во главе, находилась у кейсерухского магала; намерения ее оставались пока неизвестны. Эта последняя партия могла с одинаковою вероятностью двинуться на Белаканы, в мухахское ущелье и оттуда в нижне-джарские и энгилоевские деревни, или через Казикумух в шекинскую провинцию. В ожидании разъяснения обстоятельств, г.-м. Карпов с главными силами, расположенными в Царских Колодцах, не мог предпринять никаких решительных

действий и до половины июля ограничивался наблюдением за Гамзат-беком. Только 14-го июля стало известно, что главные силы мятежников спустились в мухахское ущелье и жители, решившие не допустить их туда, разбежались или примкнули к скопищу. Это движение вполне разъясняло намерения [296] Гамзат-бека, и г.-м. Карпову не оставалось ничего более, как вытребовать отряд из Царских Колодцев, двинуться в мухахское ущелье и атаковать скопище Гамзат-бека. В случае удачи, один этот удар мог положить конец восстанию, но зато и всякая, даже ничтожная неудача грозила бедствиями, потому что все мусульманское население, сдерживаемое только силою и обаянием русского имени, вспыхнуло бы как порох. Последнее соображение, по-видимому, сильно тревожило г.-м. Карпова и отнимало у него необходимые в подобных случаях смелость и решительность. Получив известие о движении Гамзат-бека в мухахское ущелье, он выступил из Закатал через д. Талы к Мухахам. В состав его отряда, прибывшего из Царских Колодцев 17-го июля, входили 3 роты Грузинского, 3 роты Херсонского гренадерских полков, 2 баталиона пехотного кн. Варшавского полка, баталион 41-го Егерского полка, шесть орудий № 1 батарейной роты 21-й артиллерийской бригады, шесть орудий № 3 донской конно-артиллерийской роты, 30 казаков Донского Платова полка и 200 всадников лезгино-джарской милиции. Отряд, находившийся под непосредственным командованием полковника Рокасовского, выступил в 5 часов утра и, пройдя около 12-ти верст по направлению к д. Мухах, был встречен конницею, которая после небольшой перестрелки с передовою милициею скрылась в эту деревню. Обойдя деревню, не занятую, как оказалось, неприятелем, войска остановились на позиции близь Чебанкеля. В это время между садами справа и слева появились небольшие неприятельские партии, перебегавшие к д. Чардахлы, около которой в скором времени образовалось значительное скопище с значками и знаменами. Хотя несколькими орудийными выстрелами донской конно-артиллерийской № 3 роты г.-м. Карпов и рассеял эту толпу, но не рискнул двигаться вперед, так как узнал, что жители деревень Чардахлы, Сапунчи, [297] Мухахи и других по мухахскому ущелью присоединились к скопищу Гамзат-бека и заняли в ущельи сильные позиции, атака которых, как полагал Карпов, могла повести к большим потерям. Вместе с тем он получил сведение о занятии значительною неприятельскою партиею д. Талы, жители которой, удалив свои семейства в горы, почти все пристали к скопищу. К этому добавляли, что сам Гамзат-бек намерен напасть на форштат закатальской крепости, и только движение нашего отряда к мухахскому ущелью остановило его в Талах. Все эти известия до того обескуражили Карпова, что он в нерешимости простоял на позиции не только до вечера 17-го числа, но и весь следующий день, когда, получив два донесения о приближении сильных скопищ мятежников к границам Кахетии, решил отойти назад к Закаталам. 19-го числа в 4 часа утра отряд его снялся с позиции, и так как через д. Талы, занятую неприятелем, по мнению Карпова, пройти было трудно, то войска направлены были в обход деревни по нижней дороге, а затем влево, по дороге, идущей с бортальского редута. Едва колонна приблизилась к Талам, как засевшие в кустарниках у конца деревни хищники открыли ружейный огонь, а затем бросились на передовую цепь в шашки, но удачными выстрелами артиллерии отброшены были, с потерею до 20-ти человек убитыми и до 50-ти ранеными, и очистили нам дорогу. С нашей стороны убито 2 нижних чина и ранено два обер-офицера и 9 нижних чинов. После этой перестрелки отряд спокойно продолжал движение и в 9 часов утра прибыл в Закаталы.

Отступление отряда из мухахского ущелья самым невыгодным образом отразилось на положение дел в джарской области. Ободренные успехом, мятежники подняли головы, а предоставленные собственным силам деревни области не могли, конечно, даже и при полном

желании, оказать [298] сопротивление и волей-неволей должны были или присоединяться к скопищу Гамзат-бека, или разбегаться в разные стороны, оставляя свое имущество на произвол судьбы. Уже 20-го июля Гамзат-бек с частью своей партии, обойдя горами Закаталы, появился в с. Катехи, где, собрав жителей этой деревни, а также деревень Мухах и Белакан, предложил им отправиться в ущелье Каписдара, что они и исполнили отчасти добровольно, а частью по принуждению. 23-го числа сто человек из его партии появились, по просьбе жителей, в с. Шамбул, вблизи Белакан, и точно также вывезли все семейства в ущелье Каписдара, где были устроены завалы и приготовлены большие запасы продовольствия. Сам Гамзат-бек с партией около 500 человек рекогносцировал кр. Белаканы, но после нескольких выстрелов гранатами удалился в Катехи. О всех этих действиях Гамзат-бека довольно подробно доносил маиор Бучкиев, добавляя, что в скопищах, доходивших, по показаниям лазутчиков, до 12-ти тысяч, по-видимому, не все обстояло благополучно; по крайней мере те же самые лазутчики, которые доставляли маиору Бучкиеву сведения о предприятиях Гамзат-бека, уверяли, что при малейшем наступлении с нашей стороны многие мятежники, особенно из местных жителей, разойдутся по домам. Справедливость этого показания, как нельзя лучше подтверждались слабым сопротивлением, которое выказали мятежники при встречах с нашим отрядом, и если этот последний, несмотря на ничтожное противодействие, все-таки отступил под защиту крепости, то причину этого нужно искать только в нерешительности генерал-маиора Карпова. Несколько дней спустя после отступления его, 23-го июля, следовательно в период наибольшей самонадеянности мятежников, ободренных только что достигнутым успехом, Аслан-хан казикумухский с своею милициею занял верхние джарские деревни, отбил [299] у мятежников до 8-ми отар баранов и принудил некоторых жителей возвратиться домой.

По прибытии в Закаталы, г.-м. Карпов, хорошо осведомленный через лазутчиков о положении дел, сделал распоряжение об усилении насколько возможно своего отряда и об охранении муганлинской переправы и Царских Колодцев, куда Гамзат-бек легко мог пробраться, пользуясь открытыми бродами через Алазань. Для усиления отряда он потребовал в Закаталы всю кахетинскую милицию, а заведывающему постами по кордонной линии от Белакан до Картубани маиору кн. Вачнадзе предписал собрать милиционеров полка Джар и выступить с ним в кр. Закаталы. Затем, чтобы мятежники не прервали нам сообщения с муганлинской переправой, на Царские Колодцы были командированы два дивизиона драгун при двух орудиях донской № 3 роты и баталион пехотного кн. Варшавского полка при двух орудиях 21-й артиллерийской бригады. Командовавшему этим отрядом подполковнику Доброву приказано оставить две роты с двумя орудиями 21-й бригады на муганлинской переправе, расположив одну из них, с орудиями, в редуте на правом берегу Алазани, а другую, для охранения канатов, на левом берегу, построив для последней роты особое укрепление; все же остальные войска предписано отвести в Царские Колодцы. Донося о своих распоряжениях г.-л. Розену 4-му, Карпов находил весьма полезным и даже необходимым иметь здесь конную татарскую милицию из шекинской и ширванской провинций.

В крайне неблагоприятном свете рисует положение дел в джарской области полковник Рокасовский, бывший ближайшим советником г.-м. Карпова в неудачном походе к мухахскому ущелью. В письме своем к г.-л. Розену он высказал мысль о необходимости собрать весь отряд на Царских Колодцах и до осени действовать только [300] на правом берегу Алазани. Положение наше в Белаканах он считал вследствие недостатка воды очень опасным, но не упоминал, однако, о необходимости вывести оттуда гарнизон. Письмо, продиктованное под впечатлением неудачи, Рокасовский закончил просьбой к барону Розену приехать самому или

“дать наставление в обстоятельствах весьма затруднительных." Никакое наставление, конечно, не могло помочь в данном случае, и потому барон Розен решил приехать в область и лично руководить мерами по усмирению мятежа. Прибыв 24-го июля на Царские Колодцы, он по первому впечатлению совершенно разошелся с местным начальством во взгляде на положение дел и нашел его вовсе не таким затруднительным, как это выражалось в донесениях г.-м. Карпова. По его мнению, сведения о поголовном восстании жителей и о силах Гамзат-бека были слишком преувеличены, как и сведения о численности скопища, с которым имел дело отряд в мухахском ущельи; последнее, по рассказам очевидцев, будто бы не превышало 600 человек. На этом основании Розен донес корпусному командиру, что хотя и необходимо теперь же приступить к решительным действиям против Гамзат-бека, но нет никакой надобности в присылке войск с северного Кавказа, так как для успеха дела совершенно достаточно тех сил, которыми он располагает. Однако, не далее как на другой день, очевидно под влиянием донесения маиора Бучкиева, он изменил свое мнение и в рапорте к корпусному командиру выразил необходимость возвращения его с войсками, потому что для усмирения восставших жителей и рассеяния горских скопищ требовались сильные средства; сопоставляя же силы мятежников с числом имевшихся в его распоряжении войск, он находил крайне трудным преодолеть все покушения. Конечно, корпусный командир, получив одно за другим два столь противоречивых донесения, [301] был поставлен в большое недоумение и потому писал г.-л. Розену:

“До прибытия вашего превосходительства на Царские Колодцы неясность донесения и нерешительность действий г.-м. Карпова приводили меня в недоумение насчет положения дел в джарской области. Рапорт ваш от 23-го июля за № 763 убедил меня, что Гамзат-бек с незначительною шайкою спустился в наши деревни; описываемая вами в оном покорность джарских жителей в сем еще более удостоверяла. Донесениями от 25-го июля ваше превосходительство уведомляете меня, что мятежники не имели успеха в покушении на верхнюю Кахетию и г.-м. кн. Чавчавадзе счел возможным даже распустить собранную там милицию, и что с другой стороны г.-м. Аслан-хан казикумухский начал действовать в пользу нашу и имел успехи; тем более удивил меня рапорт ваш от того же числа за № 793, в коем просите о возвращении моем в Грузию, не представляя никаких новых сведений о происходящем у вас, кроме рапорта маиора Бучкиева за № 401, известного и вашему превосходительству неосновательностью и неточностью своих донесений."

Далее корпусный командир, предлагая решительно действовать против Гамзат-бека, прибавлял:

“Если найдете нужным, то разрешаю вам г.-м. Карпова заменить кем-либо другим из гг. генералов или штаб-офицеров, по вашему усмотрению."

Эти предложения оказались однако запоздавшими, так как г.-л. Розен еще до получения их приступил к решительным действиям. Пользуясь предоставленными ему правами, он усилил насколько возможно войска, расположенные в джарской области, для чего приказал учебный баталион, находящийся в Тифлисе, двинуть в Царские Колодцы, конной и пешей шекинской милициям, под начальством маиора Рейтера, переправившись через Алазань у д. Алмало, следовать на соединение с отрядом, конной милиции из казахской провинции, в числе 1200 чел., прибыть к [302] муганлинской переправе, а 3-му баталиону Тифлисского полка из Эриванской области и 1000 чел. милиции из грузинских провинций прибыть в Тифлис.

26-го июля г.-л. барон Розен с отрядом, состоявшим из сводного учебного баталиона (300 чел.), двух рот 3-го баталиона кн. Варшавского полка (200 чел.), трех пеших эскадронов Нижегородского драгунского полка (300 чел.), грузинского полка Джар (500 чел.), сигнахской милиции (1000 чел.) и эскадрона конных драгун Нижегородского полка при 6 орудиях, выступил из Царских Колодцев на муганлинскую переправу. Отсюда он послал приказание г.-м. кн. Чавчавадзе, который не предвидел опасности нападения горцев на Кахетию, двинуться с баталионом Грузинского гренадерского полка и 2-мя орудиями к Белаканам, чтобы этим движением обезопасить крепость от обложения и угрожать скопищам анкратльцев, стремившихся к соединению с Гамзат-беком. Вместе с тем приняты меры к сношению с Закаталами, сообщение с которыми было прервано горцами и возмутившимися жителями. 27-го числа барон Розен переправился через Алазань и 28-го двинулся далее к с. Алиабат, в котором, по сведениям, находился с партиею в 1000 чел. и с восставшими жителями сам Гамзат-бек, только что возвратившийся из Алмало, где накануне он рассеял следовавшую к Закаталам шекинскую милицию маиора Рейтера. У Алиабата барон Розен узнал, что противоположную сторону этого селения занимает скопище Гамзат-бека в числе около 3000 человек. Несмотря на неравенство сил, войска наши после небольшого отдыха атаковали горцев, которые отступили с такою поспешностью, что только конно-милиционерам удалось при преследовании захватить 5 человек в плен, и, вытеснив, почти без боя Гамзат-бека из Алиабата и из других лежащих по пути селений, остановились на [303] ночлег за Алиабатом, близь д. Базар. Успех, достигнутый нами в этот день в материальном отношении был, собственно говоря, незначителен, но нравственное значение его было велико, особенно на жителей энгилоевских деревень, начинавших уже волноваться, так что вскоре за отступлением горских шаек старшины всех окружных деревень явились в отряд с изъявлением преданности и раскаяния. По сведениям, Гамзат-бек со скопищем своим бежал в мухахское ущелье и расположился около д. Сапунчи, где будто бы устраивал завалы. 29-го числа г.-л. Розен перешел к с. Талы и здесь соединился с отрядом полковника Рокасовского, прибывшего из кр. Закатал. К этому времени Аслан-хан казикумухский, не перестававший делать поиски в наших верхних джарских деревнях, прибыл на гору Динды. Поблагодарив его за усердие, барон Розен предложил ему занять вершину мухахского ущелья и действовать против Гамзат-бека одновременно с нашими войсками. 30-го июля отряд двинулся к с. Мухахи, насчитывая в своих рядах 2300 чел. регулярных войск, 1263 милиционеров и 12 орудий. Около этого селения его конный авангард был встречен частью скопища Гамзат-бека, но после небольшой перестрелки и нескольких выстрелов из орудий шайка рассеялась в ближайшем лесу. День уже клонился к вечеру, а потому наш отряд, пройдя д. Мухах, расположился на ночлег. Розен приказал передать присоединившимся к Гамзат-беку джарцам, что если они не возвратятся с семействами в свои деревни, то дома и хлеба их будут уничтожены. На другой день с рассветом отряд двинулся по мухахскому ущелью к д. Сапунчи. На пути к Розену явились старшины сс. Талы, Мухах и Чердахлы и предали участь свою милосердию русского правительства. Им объявлено было прощение, но с тем, чтобы жители немедленно возвратили из гор свои семейства, [304] прислали аманатов в кр. Закаталы, а сами преследовали скопища Гамзат-бека, который, видя решительное наступление наших войск и замечая колебание присоединившихся к нему жителей, переходящих толпами на нашу сторону, поспешно бросился в горы, захватив при этом ограбленное в наших деревнях имущество. Жители с радостью приняли условия и немедленно отправились преследовать мятежников, отняли у них часть награбленного и захватили до 20-ти человек в плен. В числе последних был мулла Цетов, известный сообщник Кази-муллы, бывший главным орудием возмущения 1830 года, а

в числе убитых находился Кара-Цетов, бежавший диванный бек джарского областного правления. Стычкой у д. Сапунчи, где мятежники почти не оказали сопротивления, скопище Гамзат-бека было окончательно рассеяно и военные действия в области прекратились. Те небольшие шайки, которые еще держались в ущельи Каписдара были рассеяны самими жителями сс. Катехи и Мацехи, желавшими этим поступком загладить свою измену нашему правительству. Барон Розен всем этим жителям, кроме конечно главарей восстания, объявил полное прощение. В своем донесении корпусному командиру он таким образом объяснял необходимость кротких мер и прощения:

“Имея в соображении то, что строгое обращение родит в них (жителях) отчаяние и поведет к упорной защите селений, кои, имея каменные дома и твердые таковые же ограды в густых садах, представляли бы к тому большую выгоду; сии преграды надобно бы было преодолевать открытою силою, что сопряжено бы было с неизбежною потерею людей; с тем вместе джарская область подверглась бы гибельному разорению и через опустошение жительств умножились бы хищнические набеги, к которым повели бы жителей мстительность и крайность."

Исключение составило с. Алмало, жители которого, соединившись с шайкою Гамзат-бека, 27-го июля рассеяли и [305] ограбили шекинскую милицию маиора Рейтера. Барон Розен счел невозможным оставить их без наказания, которое поручил выполнить г.-м. кн. Севарсамидзе, снабдив его подробными по этому делу инструкциями. Кн. Севарсамидзе, выступив 4-го августа из Закатал, через два дня прибыл в Алмало. В нескольких верстах от селения отряд его был встречен старшинами и частью жителей, которые признали себя виновными и просили пощады. Им было объявлено, что они будут помилованы, если выдадут главных сообщников Гамзат-бека, возвратят ограбленное у шекинцев имущество и заплатят штраф в размере одного быка и одного барана с каждого двора. Все это было исполнено, и г.-м. кн. Севарсамидзе возвратился в Закаталы.

На левом фланге лезгинской линии, т. е. в Кахетии, дела еще раньше приняли благоприятный для нас оборот. После неудачной попытки склонить на свою сторону мирных дидоевцев, партия лезгин рассеялась, так что г.-м. кн. Чавчавадзе, не предвидя никакой опасности для верхней Кахетии, распустил всю собранную милицию. В шекинской провинции спокойствие водворилось тотчас же, как дошло известие о рассеянии шаек Гамзат-бека. Впечатление, произведенное этим известием в Нухе, по словам Бракеля, было чрезвычайное: армяне и мусульмане-шииты, бывшие в карауле перед городом, бросали свое оружие, обнимались как братья и издевались над суннитами, не выражавшими, конечно, удовольствия при неудаче бунтовщиков.

Таким образом в первых числах августа, т. е. всего в течение нескольких дней, без всяких с нашей стороны потерь, спокойствие было восстановлено по всей линии, и барон Розен отправился обратно в Тифлис, предложив г.-м. кн. Севарсамидзе принять нужные меры к окончательному успокоению области. Инструкция, данная им Севарсамидзеву, заключалась в следующем: 1) жителям всех [306] селений возвратиться в свои дома в течение 10-ти дней; у не явившихся в указанный срок конфисковать имущество; для удержания от дальнейших возмущений с подозрительных обществ взять аманатов из самых влиятельных семейств и содержать их в Закаталах, возложив довольствие их на общества; 2) когда жители возвратятся в свои дома, собрать старшин всех обществ, участвовавших в бунте, и вновь привести к присяге на подданство; между тем негласно разузнавать, кто были главными сообщниками Гамзат-

бека и списки таких лиц, с описанием поступков каждого, представлять по начальству; 3) для безопасного сообщения по-прежнему везде завести караулы из энгилоевцев и лезгин, которые должны отвечать за всякое происшествие на их участках; 4) 3-й баталион кн. Варшавского полка, конный эскадрон нижегородских драгун и 6 орудий батарейной № 1 роты 21-й артиллерийской бригады отправить на Царские Колодцы; полку Джар содержать по-прежнему кордонную линию; в Закаталах оставить, как было и раньше, 2-й баталион 41-го Егерского и 6 рот Грузинского гренадерского полков с 2-мя орудиями № 3 донской конно-артиллерийской роты и 2-мя легкими и 4-мя горными орудиями № 1 роты 21-й артиллерийской бригады. Все остальные войска вернуть в свою штаб-квартиру, Царские Колодцы, прямо из Алмало, куда они были отправлены с г.-м. кн. Севарсамидзе для наказания жителей; 5) милицию, собранную в уездах Грузии по случаю военных действий, распустить по домам.

Все эти меры приводились в исполнение в течение августа и сентября. Тем временем, по заведенному порядку, от горных обществ сыпались письма с изъявлениями преданности, указаниями на разные заслуги нашему правительству и просьбами о вознаграждении за верную службу и за убытки, причиненные шайками Гамзат-бека. Не преминул подать голос и анкратльский Ших-Шабан, [307] поведение которого во время восстания было настолько подозрительно, что о нем производилось расследование, не давшее впрочем улик, так что ему было выплачено следуемое жалованье. Но к этому времени взгляд на пользу денежных выдач и подарков несколько изменился, вследствие чего расчеты влиятельных лиц не вполне оправдались. В предписании барону Розену от 30-го сентября корпусный командир между прочим писал:

“Опыт прошедшего времени доказал, что ласки, подарки, выдача аманатов, получающих богатое содержание, недействительны для удержания в спокойствии горцев; продолжение такового же обращения даже с восставшими против нас обществами без сомнения принято будет только за слабость с нашей стороны"…. “Прошу соблюдать предписанное вам правило, а именно: избегать всяких излишних издержек, не делать никаких обещаний о подарках и наградах и аманатов содержать в Закаталах, производя им по 20 к. в день содержания."

Если это распоряжение и не оказало расхолаживающего действия на горцев, то только потому, что быстрое рассеяние скопища Гамзат-бека и без того произвело разочарование. Когда приехавшего для изъявления покорности и принесения присяги на верность представителя канадальского и сугрaхского обществ кадия Магомета отпустили без подарков, он хотя и прислал письмо, в котором упоминал о вознаграждении за труды и убытки, но тон его письма, скромный и просительный, даже без точного определения сущности желания, был далек от требований, с которыми в подобных случаях позволяли себе обращаться к нашим властям влиятельные в обществах лица. Корпусный командир разрешил выдавать кадию Магомету и другим представителям обществ в некоторых случаях мелкие подарки, могущие возместить путевые издержки приезжающих лиц, но от всяких обещаний и правильной выдачи [308] жалованья предписал воздерживаться. Из свободных обществ, принявших в это время русское подданство, особенно важно было принесение присяги обществами джурмутских деревень Гениколо и Камелюх, расположенных на дороге, ведущей из верхних дагестанских деревень в джарскую область. Предполагалось, что общества эти будут служить преградой в случае неприязненных действий горских хищников против джарской области, и хотя такие надежды редко оправдывались, но на этот раз можно было утешиться тем, что эта надежда обходилась

дешевле прежнего. Пленных лезгин, взятых близ Сапунчи и ущелья Каписдара, а также и присланных впоследствии Аслан-ханом казикумухским, несмотря на просьбы обществ и обещания их служить верой и правдой, корпусный командир приказал отправить в Ставрополь для зачисления способных к военной службе в рекруты, а остальных для ссылки в Сибирь; некоторые из жителей сс. Аллиадо и Ладяли, бывшие зачинщиками восстания, преданы военному суду в Царских Колодцах, а молла Цетов отправлен с тою же целью в Тифлис.

Так окончилось это быстро вспыхнувшее и столь же быстро подавленное восстание в Дагестане и джарской области. К концу августа почти все неурядицы уже улеглись, жители возвратились на свои места, и до конца года только мелкие грабежи, производимые кое-где появлявшимися шайками лезгин, время от времени нарушали общее спокойствие. Некоторые из этих шаек постигла очень печальная участь. Так, 12 каратских лезгин, пробравшихся в окрестности Гомбор и даже Мухравани, произвели несколько грабежей и убийств; но когда на поиски за ними была отправлена партия казаков, лезгины, опасаясь быть перехваченными, скрылись в лесах близь лопотской дороги и здесь, томимые голодом, питались некоторое время травами и древесными листьями. От этой пищи, а может быть и от [309] ядовитых свойств какой-нибудь травы, семь человек умерли там же, а пятеро еле-еле, в самом истощенном виде добрались до своих жилищ. 2-го, 3-го, 10-го и 12-го происходили мелкие нападения лезгин, кое-где нами производились поиски и партии хищников вступали с нашими командами в перестрелки, но все это не выходило из рамки обычных явлений, и область можно было считать успокоенной. Остальная часть 1832 года прошла тихо, без всяких происшествий, благодаря, конечно, зиме и прекращению сообщений.

В личном составе командующего персонала на лезгинской линии осенью произошли довольно крупные перемены: г.-м. Севарсамидзе был отозван с линии; г.-м. Карпов, действиями которого остался недоволен Государь, удален от должности, и на его место назначен г.-м. Антропов; командовавший отрядом в Царских Колодцах полковник генерального штаба Рокасовский уехал в Петербург, по всей вероятности, оправдываться от тех обвинений в нерешительности и ошибках, которые посыпались на него и г.-м. Карпова после их неудачного похода в мухахское ущелье.

Текст воспроизведен по изданию: Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник, Том 18. 1897

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

ВОЙНА НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

С 1824 ПО 1834 г.

В СВЯЗИ С МЮРИДИЗМОМ

XXVIII.

Выступление отряда барона Розена из Владикавказа для действия против чеченцев. Соединение с отрядом г.-м. Вельяминова. Дело в гойтинском лесу. Выступление Кази-муллы из Гимр в Чечню. Прибытие его в ачхоевские деревни и движение вдоль качкалыковского хребта. Гибель полковника Волжинского у Шавдон-юрта. Дело маиора Колачевского. Взятие корпусным командиром Герменчука. Бегство Кази-муллы в Гимры. Занятие Беноя. Переход отряда из Ичкерии в качкалыковские деревни. Соединение с отрядом кн. Бековича-Черкаского 1.

Окончив 28-го июля экспедицию против галгаевцев, корпусный командир предполагал немедленно же выступить [310] на соединение с отрядом г.-л. Вельяминова для действия против чеченцев, но некоторые распоряжения по организации этой новой экспедиции задержали его на несколько дней во Владикавказе. 2-го августа все сборы были окончены, и отряд, под начальством самого барона Розена, выступил из Владикавказа, а 3-го числа соединился с войсками г.-л. Вельяминова у д. Акимбарза на Ассе. Отсюда предположено было двинуться в глубь Чечни, руководствуясь Высочайше одобренным планом военных действий на текущий год. Состояние запасов провианта, собранного распоряжением г.-л. Вельяминова, вместе с запасами, доставленными из Владикавказа, совершенно обеспечивало предназначенные к действию войска до 26-го августа, а, сверх того, в Грозной и Амир-Аджи-юрте было собрано достаточное количество запасов для дальнейшего продовольствия войск.

5-го числа отряд выступил из лагеря на Ассе и, пройдя 17 верст, остановился на ночлег у речки Нитхой. По пути, при приближении к д. Даут-Мартан, населенной частью карабулаками и частью чеченцами, отряд был встречен ружейным огнем, но после нескольких выстрелов картечью скопище рассеялось, и д. Даут-Мартан, занятая без боя, была уничтожена, а посевы ее вытоптаны. В тот же день из лагеря были высланы отдельные отряды для истребления ближайших непокорных деревень. Полковник Засс с линейными казаками, осетинскою и ингушевскою милициями занял без боя д. Пхан-кичу, одна часть которой, не изъявившая покорности, была сожжена, и пашни ее потоптаны. При возвращении в лагерь отряда чеченцы, в большом числе засевшие в лесу, открыли сильный ружейный огонь, но при появлении высланной из лагеря пехоты скрылись в глубину леса. Во время перестрелки с нашей стороны убито 2 и ранено 3, в том числе один офицер. Верстах в 5-ти от лагеря, вправо от главного пути [311] наступления отряда находилось большое чеченское с. Ачхой, для уничтожения которого был отправлен кн. Бекович-Черкаский с Эриванским карабинерным полком, баталионом Бутырского пехотного полка, 8-ю орудиями и 2-м Закавказским конным полком. При появлении войск, засевший в лесу неприятель открыл сильный ружейный огонь, но несколько пушечных выстрелов заставили его скрыться, и деревня занята была без боя. 6-е

и 7-е августа кн. Бекович-Черкаский оставался в Ачхое, истребляя дома и пашни. Неприятель, не оказывая серьезного противодействия, все время, однако, с опушки ближайшего леса вел оживленную перестрелку с нашей передовой цепью. В течение трех дней, употребленных на уничтожение Ачхоя, у нас при перестрелке ранено 4 и контужен один нижний чин.

Полковник Пирятинский 2-й, посланный 6-го августа для истребления деревень Эльмурза-юрт и Алла-эрзо-юрт с отрядом, состоящим из Московского пехотного полка, бататалиона Бутырского полка, 8-ми орудий и грузинского конного полка, исполнил поручение почти без всякого противодействия со стороны неприятеля; только при занятии с. Алла-эрзо-юрт была сделана попытка к сопротивлению, но после обстреливания артиллерийским огнем скопище удалилось в глубину леса. В этом деле чеченцы потеряли убитыми 12 человек, в том числе одного муллу, известного своею преданностью Кази-мулле. С нашей стороны убит 1 грузин и ранено 7 всадников. 7-го августа полковник Пирятинский истребил непокорные сс. Шаудень-Шары и Катыр-юрт. Неприятель, засевший в лесу и беспокоивший отряд ружейным огнем, рассеян несколькими выстрелами картечью.

8-го числа главные силы перешли к д. Пхан-кичу, истребив по пути с. Дзюлгай-юрт, Галгай-юрт и Астемир-юрт. В происходивших перестрелках с нашей [312] стороны было 2 раненых и, сверх того, по приходе на ночлег, ранен один рядовой в лагерной цепи.

“Успешные действия наши — доносил барон Розен графу Чернышеву — несмотря на леса, которые в летнее время полагали для нас непроходимыми, совершенное истребление жилищ и пашен начали производить впечатление на чеченцев, и из отдаленных деревень приезжают ко мне люди с изъявлением покорности 2. 9-го числа деревни Шалаш, Умахан-юрт и карабулакские Батым-юрт и Алкун, а также галгаевцы и хузинцы прислали выборных людей с просьбой о помиловании, представили аманатов н обязались: уплатить по 5 руб. с двора штрафа, по 1 руб. податей, выдать находящегося у них в плену кизлярского жителя и исполнять все приказания русского правительства. В тот же день г.-м. кн. Бекович-Черкаский истребил богатое селение Нурки, жители которого славились своим искусством в лечении. Дорога к этой деревне шла через густой лес и на пространстве целой версты била завалена, но неприятель пропустил отряд без выстрела, а самое селение оборонялось весьма слабо."

10-го числа отряд перешел к большому селению Гехи, по дороге, пролегавшей густым лесом, из которого сделано несколько безвредных для отряда выстрелов. Жители Гехи изъявили покорность и приняли все вышеуказанные условия как за себя, так и от имени всех селений, расположенных по левому берегу речки Гехи. До 15-го августа отряд, благодаря дурной погоде, оставался у с. Гехи. В течение этого времени продолжались переговоры с жителями изъявивших покорность селений, из числа которых девять выполнили все требования и выдали 3-х пленных женщин; для истребления же непокорных селений Шатой-юрт и Вытегри-Рошна был отправлен полковник Шумский с 40-м Егерским полком, баталионом Эриванского карабинерного полка и [313] 1-м. Закавказским полком. При Вытегри-Рошне неприятель, пользуясь выгодным положением, держался довольно упорно, но действием артиллерии и решительным наступлением пехоты был обращен в бегство. С нашей стороны потери ограничились одним убитым и пятью ранеными рядовыми. 14-го числа сожжены непокорные селения Симин-юрт, Исан-юрт, Мирзахан-юрт и Гойн-Отарыш. При последнем завязалась довольно сильная перестрелка с засевшими в лесу чеченцами, причем у нас ранено 2 рядовых. 15-го числа отряд перешел на речку Гойту к д. Ахшибатой. Жители расположенного но пути большого селения Урус-Мартан остались на месте и встретили отряд с хлебом и солью.

За Урус-Мартаном дорога на протяжении 2-х верст шла через густой и болотистый гойтинский лес. Пропустив отряд в глубь леса, чеченцы несколько раз в довольно значительном числе нападали на обоз, бросаясь даже в шашки, но все их натиски были отражены командовавшим ариергардом полковником Шумским, потерявшим при этом 3-х рядовых убитыми и 20 ранеными. По слухам, потеря чеченцев, кроме трех взятых в плен, значительно превосходила нашу. Флигель-адъютант полковник кн. Дадиан, оставленный, не доходя гойтинского леса, с командуемым им Эриванским карабинерным полком, 4-мя орудиями и 1-м и 2-м конно-закавказскими полками для истребления непокорных деревень Хожи и Уразай-Рошни, должен был, исполнив поручение, присоединиться к отряду, следовательно пройти тем же самым гойтинским лесом. Неприятель, конечно, не преминул и его встретить сильным ружейным огнем, но, благодаря удачному действию артиллерии и стрелков, кн. Дадиану удалось пройти эту ловушку без потерь. По прибытии в Ахшибатой, бар. Розен узнал, что жители непокорной д. Топли, лежащей в 25-ти верстах от лагеря на р. Аргуне, с своими семействами и имуществом [314] находятся еще на месте. Желая захватить их врасплох, он отправил на другой день туда г.-л. Вельяминова с 6-ю баталионами, 18-ю орудиями и большею частью конницы. На рассвете 16-го числа г.-л. Вельяминов атаковал деревню и, хотя все жители действительно оказались на месте, но захватить в плен удалось только одну женщину и девочку.

“Дело — говорит г.-л. Вельяминов — могло быть весьма хорошее, если бы не бестолковое татарское войско. Жителей застали в деревне со всем имуществом, но вместо того, чтобы брать пленных, татары бросились за курами, за пуховиками и т. п. вздором, и все упустили."

В этом деле неприятель потерял несколько человек убитыми; у нас убиты 3 закавказских всадника и несколько ранено. На обратном пути в лагерь, при переправе через Аргун, неприятель покушался атаковать ариергард отряда, но действиями артиллерии был рассеян без потерь с нашей стороны. 18-го числа полковник Засс с Московским пехотным полком, баталионом 41-го Егерского полка, 8-ю орудиями и грузинским конным полком командирован для истребления непокорных деревень Чинарой-Устархан, Гойты и Белахай-Гойты. Поручение это исполнено без большого сопротивления со стороны неприятеля, но на обратном пути, когда пришлось проходить тот же, впоследствии знаменитый, гойтинский лес, чеченцы не упустили случая напасть на ариергард, состоявший из Московского полка. Дело доходило до рукопашных схваток и кончилось отражением чеченцев с большими потерями. Дальнейшее движение отряда почти до самого лагеря производилось под сильным ружейным огнем неприятеля, который по пятам следовал за нашими войсками. Двухдневная операция полковника Засса стоила нам двух нижних чинов убитыми, одного без вести пропавшим, одного офицера и 13-ти нижних чинов ранеными. [315]

Со времени появления в Чечне нашего отряда и первых удачных его действий, между жителями начали ходить слухи о скором прибытии сюда самого Кази-муллы с большою партиею дагестанцев. Многочисленные приверженцы имама, с целью поддержать падающую под влиянием ряда неудач веру в возможность одолеть русских, не стеснялись преувеличивать до фантастических размеров силу и значение Кази-муллы и тем поддерживали уверенность в близкую перемену их дел к лучшему. Его отсутствие в Чечне объясняли тем, что он ожидает из джарской области Гамзат-бека, чтобы, соединившись с его партиею, выступить против барона Розена. Находились даже и такие лица, которые, несмотря на очевидные доказательства противного, уверяли будто в Чечне нет корпусного командира, а действующий отряд состоит

из небольшого числа войск, под командою местного начальника. Но как ни легковерны чеченцы, как ни склонны они были верить в святость и могущество Кази-муллы, однако такие факты как разорение многих селений, чувствительные потери при столкновениях с русскими и, наконец, смелое движение отряда в глубь Чечни должны были убедить самых неукротимых фанатиков, что если желанный избавитель не явится среди них теперь же, то дело будет проиграно навсегда. Посланные от чеченских обществ одни за другими начали появляться у Кази-муллы с приглашением скорее ехать в Чечню. Оставаться долее в Гимрах ему было невозможно, но с другой стороны у него не было еще достаточно сильной партии для движения против русских, так как койсубулинцы, на которых он больше всего рассчитывал, решительно отказались следовать за ним. 30-го июля Кази-мулла находился еще в Гимрах, но уже в первых числах августа его с небольшою партиею, всего около 100 человек, видели между Черкеем и Чиркатом, около моста через Сулак. Здесь [316] он пробыл несколько дней, принимая всевозможные меры к сбору партии, и отсюда же он послал объявление горцам, приглашая их идти на истребление русских к крепости Внезапной, конечно, обещая им все блаженства рая. Проученные опытом, черкеевцы ответили полным отказом, весьма дипломатично прибавляя, что если Кази-мулле угодно истреблять русских, то для этого нет надобности ходить за тридевять земель, так как русские стоят у него чуть не под боком. Салатавцы, во владения которых перешел Кази-мулла около 10-го августа, были несколько сговорчивее, хотя, опасаясь русских, оказали предварительно противодействие, для того, конечно, чтобы впоследствии оправдать свой переход на сторону Кази-муллы принуждением и боязнью разорения; зубутцы же чуть не поголовно последовали за Кази-муллой, так что партия его в короткое время возросла до 500 человек. С этим скопищем, увеличивавшимся по дороге присоединением разных искателей приключений и любителей пограбить, Кази-мулла прибыл около половины августа в ауховские деревни. Здесь силы его оценивались уже в 2000 человек. Из ауховских деревень, вероятно с целью отвлечь наши войска, действующие в Чечне, он двинулся вдоль качкалыковского хребта, угрожая отчасти нашим сообщениям с Грозной. Удачным маневрированием маиор Колачевский, оставленный с отрядом для прикрытия кумыкских деревень и наших затеречных укреплений — Таш-кичу, Амир-Аджи-юрта и Внезапной, не допустил мятежников спуститься на плоскость, но тем не менее возможность вторжения скопищ в наши пределы не миновала, а сообщения действующего отряда с Грозной были не безопасны. В виду такого положения дел, для обеспечения транспорта с провиантом, следовавшего из Грозной, был отправлен целый Бутырский полк. Двигаясь к качкалыковскому хребту, [317] Кази-мулла сжег сс. Старый Аксай, Болджалы, Хошкельды, Аллер-аул, Ноень-Берды, Горячеводск и Гудермес, жители которых, не желая присоединиться к нему, ушли с семействами в леса. В с. Кишень-Аухе преданный русским Беркихан-мулла встретил сообщников Кази-муллы с оружием в руках, но после упорного сопротивления был убит, а брат его, захваченный в плен, зарезан. Эти суровые меры навели такой ужас на жителей Чечни, что они не решались оказывать сопротивления, а с приближением Кази-муллы уходили в леса или примыкали к его скопищу.

“Трудно описать — доносил маиор Колачевский барону Розену 3 — в каком страхе находятся самые даже Ташкичу и Андреевск; они неотступно домогались, чтобы в каждом месте оставил я по баталиону. Полковник Муса Хасаев и кумыкский пристав штабс-капитан Чопан Муртузали-Аджиев, следуя своим выгодам, всегда старались доставлять мне такие сведения, которые, не сходствуя между собою, ясно показывали цель их приманить войска к своим жилищам."

Получив известие о движении Кази-муллы к Андреевой и опасаясь за наши станицы по Тереку, барон Розен предписал командиру Гребенского полка полковнику Волжинскому собрать в Ново-Гладковской станице до 500 казаков и, перейдя на правый берег Терека, стараться парализовать покушения Кази-муллы на наши станицы. Собрав команду казаков, полковник Волжинский переправился с ними и двумя конными орудиями через Терек около Амир-Аджи-юрта и узнав, что Кази-мулла хозяйничает в качкалыковских деревнях, произвел 18-го августа рекогносцировку к Гудермесу. Мятежники поспешно скрылись в лесистые ущелья, а казаки возвратились к Амир-Аджи-юрту. На другой день полковник Волжинский выступил к Шавдон-юрту, вблизи которого, по сведениям, [318] доставленным лазутчиками, находился сам Кази-мулла; но, предпринимая это смелое движение, он не известил о нем маиора Колачевского и таким образом с горстью казаков очутился перед главными силами Кази-муллы и далеко, по крайней мере в 20-ти верстах от нашего отряда. При первой встрече казаки опрокинули более чем в пять раз сильнейшего неприятеля, но затем увлеклись преследованием и наткнулись на засаду, приготовленную Кази-муллой в лесу на другой стороне качкалыковского хребта. Несмотря на безостановочное и поспешное отступление, неприятель не мог не заметить, что перед ним всего небольшая кучка казаков, за которыми нет никаких войск. Поэтому, допустив наш отряд перевалиться за качкалыковский хребет, Кази-мулла из леса внезапно атаковал пехотою орудия, а в тоже время конницу бросил со всех сторон на казаков. Атака была произведена так неожиданно и с такою стремительностью, что наш малочисленный отряд не выдержал и начал отступать к Амир-Аджи-юрту, оставив орудия, под которыми были перебиты лошади, в руках неприятеля. Сам полковник Волжинский, окруженный толпою горцев, защищался до последней капли крови и, наконец, покрытый ранами, пал мертвым у орудия. Казаки дрались отчаянно, но к Амир-Аджи-юрту успели дойти в порядке не более 150-ти человек. В этом деле, кроме начальника, отряд потерял убитыми 2-х офицеров и 101 казаков, ранеными 3-х офицеров и 42-х казаков и взятыми в плен, по показаниям очевидцев, не более 3-х человек. Это отношение числа убитых к числу раненых как нельзя лучше указывает на упорство, с каким защищались казаки против несоразмерно больших сил неприятеля. О потерях мятежников точных сведений не имелось, но, по слухам, оне были очень значительны. Маиор Колачевский, бывший в Таш-Кичу, в 5 часов пополудни [319] услышал пушечные выстрелы. Желая узнать, где происходит стрельба, и не нужно ли подать помощь, он тотчас двинулся к Амир-Аджи-юрту и по дороге узнал о несчастии, постигшем полк. Волжинского. Присоединив в Амир-Аджи-юрте к отряду остатки команды Волжинского, Колачевский направился к д. Шавдон-юрту, где 20-го числа утром, несмотря на утомление войск, сделавших около 60-ти верст, атаковал Кази-муллу. После первых же выстрелов скопище бежало за качкалыковский хребет и остановилось на той стороне его при д. Элесхан-юрт, на р. Мичике. Маиор Колачевский преследовал неприятеля до вершины качкалыковского хребта и затем остановился у д. Гудермес.

При известии о поражении и смерти полковника Волжинского бар. Розен немедленно командировал из своего отряда г.-м. Бековича-Черкаского с Донским казачьим Карпова полком, 200-ми гребенских казаков, кабардинскою, осетинскою и ингушевскою милициями, взамен того резерва, который был под командою полковника Волжинского. Так как Кази-мулла был уже отброшен от Терека, то Бекович направился к Гудермесу, где ночевал отряд маиора Колачевского.

20-го числа отряд барона Розена перешел к д. Большой Чечень, 21-го дневал в ожидании транспорта с провиантом, а 22-го выступил к Герменчуку, самой значительной и сильно

укрепленной чеченской деревне, ожидавшей к себе Кази-муллу. Из деревень, находящихся по левую сторону Аргуна, 27 изъявили покорность, внесли наложенный на них штраф и выдали наших пленных. 22-го августа отряд переправился в брод через р. Аргун. Неприятель сделал несколько слабых попыток задержать переправу, но пушечными выстрелами был рассеян. После переправы войска истребили две непокорные деревни: Белгатой или Малый Чечень и Джан-юрт, расположенные [320] около самой реки. Весь дальнейший переход неприятель вел непрерывную перестрелку с нашими фланкерами и, как замечено, потерял несколько человек убитыми и ранеными; с нашей же стороны ранены два всадника. 23-го августа, оставив вагенбург у с. Шали под прикрытием Тифлисского пехотного полка, бар. Розен двинулся к с Герменчуку. Во все время движения отряда партии неприятеля, засевшие в лесу, вели ружейную перестрелку, а при переправе через Джалку сосредоточились довольно значительные силы с целью воспрепятствовать переходу на другую сторону, но бар. Розен, выслав вперед Грузинский полк для перестрелки с неприятелем, перевел отряд вправо от дороги, где и переправился без всякого противодействия со стороны чеченцев.

Герменчук — самая значительная и богатейшая из всех чеченских деревень, имевшая более 600 дворов, представляла для нас в это время чрезвычайно важное значение. Для защиты ее собралось до 3000 человек вооруженных чеченцев, и сюда же со дня на день ожидали прибытия самого Кази-муллы с партиею лезгин. Впоследствии выяснилось, что Кази-мулла действительно был в недалеком расстоянии от Герменчука, но вся помощь с его стороны ограничилась присылкой нескольких десятков мюридов. Разгром такого пункта, защищаемого лучшими силами Чечни, и при том разгром на глазах самого Кази-муллы, конечно, должен был самым удручающим образом подействовать на чеченцев и в значительной степени содействовать падению обаяния имама. Герменчук расположен на правом берегу р. Джалки; он состоял из отдельных домов, построенных в беспорядке, с садами, окруженными крепкими плетневыми заборами; каждый такой дом представлял как бы крепостцу. С северо-восточной стороны селение примыкало к густому лесу; с востока, где шла [321] дорога на Маюртуп, к густому кустарнику; со всех других сторон его окружали обширные кукурузные поля, окаймленные лесом. Все удобные для подхода стороны селения защищались правильно расположенными окопами, доставлявшими хороший фронтальный и фланговый огонь окружающей местности. Только на юго-восточном углу селения фортификационные сооружения еще не были окончены, но густые сады с плетнями и без того давали возможность хорошо оборонять это место. Генерал-маиор Вольховский, сделавший рекогносцировку, пунктом атаки выбрал именно эту сторону селения, а затем, чтобы не дать неприятелю возможности скрыться в лесах, решено было выслать часть кавалерии в обход деревни, на северо-восточную сторону ее.

Тотчас после переправы войска были построены в боевой порядок; полковник Засс с двумя сотнями казаков и грузинским конным полком выслан на дорогу к Маюртупу. Собственно для атаки назначались Бутырский и Московский пехотные полки и баталион 41-го Егерского полка, под командою полковника Пирятинского. Для подготовления атаки против юго-восточного угла селения была выставлена 20-ти орудийная батарея, которая в продолжении получаса громила Герменчук, направляя свой огонь главным образом во фланг окопов, построенных на правой (восточной) стороне селения. Под покровительством артиллерийского огня, двинулись через кукурузное поле войска, назначенные к атаке: с правой стороны батареи Бутырский, а с левой Московский пехотные полки, подкрепляемые в центре баталионом 41-го Егерского полка. Несмотря на жестокий огонь нашей батареи, неприятель не очистил окопов

и, подпустив колонну на близкое расстояние, встретил ее сильнейшим ружейным огнем. Храбрый Бутырский полк, не отвечая на выстрелы, бросился в штыки, в самое короткое время занял окопы и двинулся дальше, вслед за отступавшими [322] чеченцами. Московский полк, тоже без выстрела, на штыках вошел в деревню в том месте, где не было окопов и где неприятель был уже расстроен действием артиллерии. Чеченцы пробовали держаться в садах и узких улицах, но наступление велось с такой быстротой и энергией, что они в самом скором времени обратились в совершенное бегство.

Полковник Засс, двинувшийся в обход деревни, был остановлен густым кустарником по левой стороне маюртупской дороги, занятым значительными силами неприятеля. Попав под огонь отсюда, а также из-за окопов с северо-восточной стороны деревни, он спешил казаков и грузин и повел их на завалы. Атака увенчалась полным успехом, хотя сам Засс был сильно контужен в ногу, а командующий грузинским конным полком штабс-ротмистр кн. Андроников дважды ранен.

В то время как пехота, следуя за быстро отступавшими чеченцами, продвинулась до противоположной стороны селения, одна неприятельская партия, численностью до 60-ти человек большею частью присланных Кази-муллою для ободрения герменчукских жителей, под предводительством известного фанатика муллы Абдурахмана, заперлась в большом доме и была окружена нашими войсками. Московского пехотного полка маиор Филонов с несколькими нижними чинами бросился к дверям, но был убит выстрелами из дома. Партия обрекла себя насмерть и на предложение о сдаче отвечала песнями из корана. Во избежание потерь, велено было зажечь дом. Его подожгли, но так как плетеные жилища чеченцев обыкновенно обмазывались глиной, то дом горел очень медленно. Тогда привезли орудие и сделали несколько выстрелов; но и это не произвело желаемого действия — по-прежнему из дома слышалось заунывное пение и по-прежнему из проделанных в стене отверстий меткие [323] выстрелы выхватывали жертвы из наших рядов. Несколько гранат, брошенных из рук в трубы и лопнувших внутри дома, тоже не поколебали этих отчаянных людей. Наконец генерал-маиор Вольховский приказал набросать в трубы горящие дрова и сено. Это подействовало. Несколько человек, задыхаясь от дыма, вышли и отдались в плен; несколько других, с кинжалами и шашками, в исступлении выбежали из дома, очертя голову бросились на солдат и были заколоты штыками; большая же часть с муллою Абдурахманом погибла в пламени, продолжая петь стихи корана.

Во время штурма Герменчука Кази-мулла находился в ближайших лесах; его люди часто показывались на опушках и стреляли по нашему резерву, но ни на какие серьезные действия не решались. Видя, наконец, что Герменчук взят, Кази-мулла отошел к Маюртупу, а партия его рассеялась по лесам.

В герменчукском сражении, кроме вышеуказанных офицеров, мы потеряли убитыми 11 нижних чинов и ранеными 1-го офицера и 52-х нижних чинов.

Вечером 23-го числа к отряду присоединился вагенбург, оставленный в Шали; 24-го и 25-го войска истребляли дома с. Герменчука, а 26-го августа кн. Дадианом было уничтожено с. Шали, за исключением 11-ти дворов, заплативших штраф и подати. Неприятель, засевший в лесистом овраге у деревни, препятствовал разрушению некоторых домов, но не имел успеха. Во время перестрелки у нас ранено 2 казака.

Генерал-маиор кн. Бекович, присоединив к себе отряд маиора Колачевского, перешел к Амир-Аджи-юрту, где и простоял несколько дней, выжидая сведений о намерениях Кази-муллы. 25-го числа он истребил непокорное селение Шавдон-юрт, а 26-го жители Гудермеса и [324] Шавдон-юрта явились к нему с изъявлением покорности, выдали аманатов и уплатили штраф и подати. Из сведений, доставляемых с разных сторон, можно уже было видеть, что дело Кази-муллы в Чечне окончательно проиграно. Подняв против нас чеченцев и жестоко расправившись с не желавшими подчиниться его требованиям, он не только не оказал им в минуту надобности существенной помощи, но своими грабежами и разорением деревень только усилил ту страшную нужду, в которую впали жители, наказанные русскими за восстание. Истребление Герменчука на глазах всего скопища Кази-муллы сильно подействовало на умы чеченцев, а единственный успех его над отрядом полковника Волжинского не мог, конечно, парализовать впечатления, производимого движением русских в глубь страны. Оставленный почти всеми сообщниками, Кази-мулла 29-го августа вернулся в Гимры, и, как донесли лазутчики, без всякой добычи. Особенно важно было отпадение от Кази-муллы кумыкского князя Хан-Гамзина, который не только сам перешел на сторону русских, но увел с собою около 200 семейств беглых кумыков, отличавшихся особенной преданностью Кази-мулле.

После истребления д. Шали некоторые из близких к Герменчуку селений — Атабай-юрт, Цонцой-Мески-юрт, Шерды-Койсур-юрт и части Хамбудатовой, Белгатоя и Герменчука — выдали аманатов, возвратили наших пленных, заплатили штраф и внесли подать; другие селения отказались выдать пленных и потому наказаны истреблением домов и пашен. Полковник Шумский с полками 40-м егерским, Московским пехотным, грузинским конным, 2-м закавказским и 6-ю орудиями истребил Алхан-юрть, Сана-юрт, Кашар-юрт, Лялсин-юрт, Назар-юрт, Уздень-юрт, Урусбей-юрт и Хызин-ерзо-юрт. Каждая из этих деревень, особенно первые две, оборонялись жителями, и при [325] взятии их мы потеряли одного офицера контуженым, одного убитым и двух раненых нижних чинов. 29-го числа флиг.-адъют. полк. кн. Дадиан истребил сс. Анзели-юрт и Чингарой-юрт, потеряв 2-х офицеров и 3-х нижних чинов. 30-го числа полк. Пирятинский был отправлен для наказания д. Ханкажи-юрта, но жители встретили войска с покорностью и исполнили все наши требования. 1-го сентября главные силы перешли к д. Автур, жители которой хотя и изъявили покорность, но не соглашались выдать наших пленных, за что и были наказаны истреблением посевов и жилищ. 2-го сентября Пирятинский уничтожил с. Саид-юрт, упорно защищаемое жителями. 3-го сентября тот же Пирятинский был послан для захвата жителей с. Автура, скрывавшихся в лесу, в расстоянии около 4-х верст от лагеря. Предпринятое с этою целью ночное движение не было замечено неприятелем, но перед рассветом он открыл колонну и успел удалить семейства в глубину леса; имущество же, несмотря на отчаянное сопротивление чеченцев, построивших завалы, было взято нашими войсками. Неприятель оставил на месте более 10-ти тел, с нашей стороны убито 2 и ранено 19 нижних чинов.

3-го сентября отряд перешел к д. Гельдыгену, жители которой не согласились отдать наших пленных, и без потерь с нашей стороны истребил их пашни и дома. На переходе к Гельдыгену неприятель изредка стрелял из леса по цепи и ранил одного офицера Тифлисского пехотного полка. 4-го сентября барон Розен перешел к Анто-юрту. Дорога шла густым лесом и была завалена огромными деревьями. Чеченцы, собравшись в значительном числе, почти не обороняли ее, так что наши войска, с потерею 2-х нижних чинов убитыми, дошли до избранного пункта и уничтожили вместе с с. Анто-юртом и с. Асхор-юрт. 5-го числа

истреблены сс. Таба-юрт и Кудиш-юрт, а от [326] д. Мецо-ерзо-юрт взяты аманаты и подать по рублю с дыма. 6-го отряд перешел к с. Маюртуп, которое за невыдачу наших пленных сожжено.

В Маюртупе барон Розен подучил известие, что оба орудия, взятые у Волжинского, оставлены Кази-муллою в ичкеринской деревне Беной. Хотя дорога туда была очень трудна, тем не менее, чтобы сгладить невыгодное для нас впечатление, произведенное отбитием орудий, корпусный командир решил проникнуть в Беной и вернуть эти трофеи Кази-муллы. Оставив при Маюртупе, в вагенбурге, 3 баталиона, более половины кавалерии и 19 орудий, он 7-го сентября выступил по направлению к д. Кюрин-Бене с Московским и Бутырским пехотными и 40-м Егерским полками, баталионом 41-го Егерского полка, 100 линейными казаками, 425-ю отборными всадниками конно-грузинского, 1-го и 2-го закавказского полков, с 4-мя легкими, 2-мя конными, 6-ю горными орудиями и 8-ю кегорновыми мортирками. В виду трудности дороги, не было взято никакого колесного обоза, и только для больных и раненых имелось 40 порожних ароб; патроны и артельные котлы подняты на вьюках. Так как прямая дорога на Беной (через Кюрин-Бене) почти непроходима для повозок, то Кази-мулла для доставки отбитых у полк. Волжинского орудий избрал кружный путь, который велел за собой совершенно испортить уничтожением мостов и плотин, а в лесных участках засеками. Таким образом барон Розен, имевший в отряде артиллерию, поставлен был в необходимость идти через Кюрин-Бене по дороге, которая считалась непроходимою для тяжестей. Густой туман скрыл движение нашего отряда, благодаря чему в нескольких верстах от Маюртупа он неожиданно наткнулся на 50 семейств жителей, скрывшихся в лесу при занятии нами этого селения. Заметив войска, жители быстро скрылись в ближайший лесистый овраг, [327] но все имущество их досталось в добычу отряду. В с. Кюрин-Бене войска не застали уже жителей, но нашли все имущество в домах и одного пленного казака из отряда полковника Волжинского. Казак был скован и привязан к дереву близь деревни. Спуск от с. Кюрин-Бене к р. Гудермесу оказался непроходимым для конных, а потому вся ночь на 8-е число была употреблена на разработку дороги, которая и была исправлена штабс-капитаном саперного баталиона Богдановичем. 8-го числа отряд перешел через р. Гудермес и только к вечеру успел подняться на противоположную сторону и занять с. Ешта-кале, которая вместе с ближним с. Ейни-кале выдала аманата, обязалась возвратить одного пленного казака и платить на будущее время подать по 1 рублю с дыма. При переправе через Гудермес значительные толпы чеченцев, занимавших ближайший лес, стреляли по нашим войскам, но закавказская кавалерия и линейные казаки, под командою маиора кн. Бебутова, атаковали их и сбросили в обрывистый овраг. У нас в этом деле убит один всадник и ранены один офицер и 5 нижних чинов. Из Ешта-кале, в ночь на 9-е августа, была направлена в Беной колонна под начальством г.-м. Вольховского. В состав ее вошли: Бутырский пехотный полк, 2-й баталион 41-го Егерского полка, часть кавалерии, 6 горных орудий и 4 кегорновые мортиры. Отряд этот, двигавшийся в полной тишине по весьма трудной дороге, на рассвете прибыл к д. Центерой, жители, которой, открывши наше движение, успели вывезти имущество и скрыться в примыкавший к деревне овраг. При перестрелке с ними убито 3 чеченца, взята в плен одна женщина и отбито 6 лошадей и 50 штук рогатого скота. Отряд, не останавливаясь в Центерое, перешел в д. Белгатой, где и остался ожидать прибытия главных сил, которые подошли сюда к 10-ти часам утра. От [328] Белгатоя начинался крутой каменистый спуск к р. Аксаю, а на другой стороне надобно было версты полторы подниматься по узкой, очень крутой дорожке, проходящей через густой лес. Чеченцы в большом числе заняли вершины оврагов, а самую тропинку,

загромоздив засеками, сделали непроходимой. Таким образом тяжелая по местным условиям переправа, благодаря принятым чеченцами мерам, представила уже едва одолимые затруднения, а между тем нужно было спешить, потому что силы неприятеля ежеминутно увеличивались новыми партиями вооруженных жителей. Устроив на левом берегу батарею, барон Розен приказал открыть сильный огонь по тем пунктам, где появлялся неприятель, а затем двинул передовой отряд, под командой г.-м. Вольховского, к переправе. В голове атакующей колонны шел Бутырский пехотный полк с застрельщиками, потом следовал 1-й баталион 41-го Егерского полка, за ним саперная рота с 3-мя единорогами и 4-мя кегорновыми мортирками, далее кавалерия, баталион 40-го и рота 43-го егерских полков. Главные силы остались в лагере у Белгатоя. С самого начала подъема неприятель, скрываясь за деревьями, обстреливал сильным ружейным огнем наши войска, но это не удержало храбрых бутырцев: они безостановочно подвигались вперед, пробираясь через самый густой кустарник. Так как тропинка была завалена совершенно непроходимыми засеками, то одна часть полка шла левее, а другая правее дороги, сбивая неприятеля с вершины оврагов. Тем временем саперы, под командой шт.-кап. Богдановича, разбирали засеки и завалы и насколько возможно исправляли дорогу. Дело шло так успешно, что к 3-м часам пополудни артиллерия и кавалерия вышли наверх. Далее опять нужно было переходить глубокую балку, заросшую густым лесом, который также был занят неприятелем. Только пройдя эту балку, отряд выбрался на [329] открытое место, простиравшееся до самого Беноя, который и был занят без боя. Тотчас же сделано распоряжение для отыскания пушек. Оказалось, что оставленный Кази-муллой караул из лезгин оттащил их за 1/4 версты от деревни и бросил в обрывистый овраг, глубиною до 60-ти саженей. На траве ясно видны были следы орудий. Спущенная в овраге команда скоро отыскала их, однако, без лафетов, которые были сожжены лезгинами еще накануне. 10-го числа на рассвете орудия были извлечены из оврага и доставлены к отряду, для чего их уложили на один лафет горного единорога, который затем и несли на руках. В полдень началось обратное движение отряда. Неприятель тотчас же появился в больших силах и живо стал преследовать отступающие войска. На открытой поляне за Беноем все попытки его были с успехом отражены баталионом 40-го Егерского полка, но дело значительно усложнилось, когда отряд спустился в лесистую балку, а затем на первый спуск к реке Аксаю; здесь в ариергард поступил баталион 41-го Егерского полка, которому приходилось штыками отбивать атаки чеченцев. Командующий этим баталионом, храбрый и распорядительный маиор Резануйлов, отступал с большим искусством и твердостью, так что, несмотря на медленное движение возвращенных орудий, ни одна пуля не долетала до бывших при них рабочих. На последнем спуске неприятель, в большом числе, с величайшим исступлением бросился на егерей, но они дружно встретили его штыками и опрокинули; в схватке маиор Резануйлов был тяжело ранен в левую руку. При выходе из оврагов пришлось подкрепить егерей баталионом Бутырского полка, а для прикрытия переправы выслан был из лагеря баталион Московского пехотного полка, который и встретил неприятеля, беспрестанно возобновлявшего свои нападения в надежде отбить орудия. [330] Особенное внимание обратил на себя один мулла, в продолжении всего отступления ехавший впереди с кораном в руках. У самой реки он был поражен, наконец, близким ружейным выстрелом, после чего неприятель прекратил преследование. Во время движения к Белгатою и в делах 9-го и 10-го сентября убито нижних чинов 18; ранены: маиор Резануйлов, один обер-офицер 40-го Егерского полка и 90 нижних чинов, контужено: обер-офицеров 6, нижних чинов 27. По недостатку штаб-офицеров, командование баталионом 41-го Егерского полка

барон Розен поручил шт.-кап. Богдановичу, оставив под его начальством и 2 роты сапер, бывшие в отряде.

11-го сентября на левом берегу Аксая показалась большая масса неприятельской кавалерии. По полученным сведениям, это были андийцы и даже гумбетовцы, прибывшие на помощь ичкеринцам. Для рекогносцировки, а также и для истребления д. Дараги, был выслан полк. Шумский с Московским пехотным и 40-м Егерским полками, частью кавалерии и 6-ю орудиями. Неприятель, несмотря на свою многочисленность, не решился вступить в дело и после небольшой перестрелки скрылся в ущельи р. Аксая. Деревня Дараги, пашни ее и сено были уничтожены. На обратном пути в лагерь неприятель не беспокоил Шумского. 12-го числа с. Белгатой было уничтожено, и главные силы двинулись к Центерою. Неприятель снова появился, но в гораздо большем числе: кроме кавалерии, которую видели 11-го числа, показалась и пехота, которая густыми толпами переходила р. Аксай. Дорога к Центерою тянулась по гребню обрывистого оврага, а вправо от нее был ряд командующих высот, заняв которые горцы могли наносить нам большой вред. В предупреждение этого выделен отряд, под командою полковника Пирятинского, которому предписано следовать правее дороги, по линии высот. В [331] состав его отряда вошел Бутырский пехотный полк, две роты 40-го Егерского полка и часть кавалерии; по дороге же отступление главных сил прикрывал Московский пехотный полк, баталион 41-го Егерского полка и две роты сапер, под начальством г.-м. Вольховского. Еще около Белгатоя конный грузинский полк атаковал партию появившегося неприятеля и вогнал ее в лесистый овраг, но в скором времени, в свою очередь, был атакован большою толпою горцев, бросившихся с остервенением в шашки. Полковник Пирятинский двинул вперед баталион Бутырского полка. Неприятель не выдержал натиска нашей колонны и бросился в бегство, понеся большие потери. Другая толпа горцев появилась на дороге, по которой следовал отряд. Она несколько раз с криками бросалась на прикрывавший отступление Московский полк, но каждый раз удачными выстрелами горных орудий ее отбрасывали в глубь леса. Движение к Центерою стоило нам 2-х офицеров и 25-ти нижних чинов ранеными и 3-х офицеров и 4-х нижних чинов контуженными.

Предполагая, что наши войска, случайно отклоненные от прямого пути своего наступления, возвратятся опять к Кюрин-Бене и переправе через Гудермес, чеченцы из разных деревень в большом числе собрались по этому пути для противодействия нашему движению. Но барон Розен, получив об этом известие и хорошо зная трудности пройденной дороги, решил изменить направление и пойти горами между рр. Аксаем и Гудермесом на кумыкскую плоскость. Сообразно с этим, истребив д. Центерой, 13-го числа он выступил к с. Кошкельды. В этот день отряд дошел до с. Шани, которая не изъявила покорности и потому была уничтожена. Богатая ичкеринская деревня Гурдали выдала аманата и обязалась платить подати. Около этой деревни собралось до 2-х тысяч чеченцев и андийцев; пользуясь [332] лесистым оврагом, они приблизились к ариергарду и, когда последняя цепь его начала отступать, в больших силах бросились на нее в шашки. Полковник Пирятинский, предвидя этот маневр, дал три орудийных выстрела как только толпа горцев приблизилась на картечь. Действие картечи было удачно — 30 человек осталось на месте. После этого неприятель следовал за отрядом с большей осторожностью и беспокоил его только ружейной перестрелкой. В этот день у нас убито 5 нижних чинов, ранены один офицер и 11 нижних чинов и контужены 1 офицер и 3 нижних чина. 14-го сентября отряд двинулся к с. Кошкельды. Дорога была испорчена чеченцами, особенно крутой подъем у Шани, заваленный огромными деревьями. Саперы, однако, скоро исправили дорогу, но горцы, воспользовавшись остановкою

для расчистки пути, опередили отряд и засели во многих местах леса, а затем до самого начала качкалыковских земель провожали его ружейной перестрелкой, во время которой убито 6 нижних чинов и ранено 2 офицера и 26 нижних чинов. 15-го числа отряд перешел к качкалыковской деревне Ойсунгур, куда, по предварительному распоряжению, прибыл с отрядом и провиантским транспортом кн. Бекович-Черкаский. 16-го числа была дневка.

Экспедиция в ичкеринские земли произвела сильное впечатление на умы здешних жителей. Никогда еще войска наши не проникали так далеко в горы, считавшиеся для нас непроходимыми как по трудности дорог, так и по малой доступности лесов. Все качкалыковские деревни вновь изъявили покорность, выдали аманатов, заплатили штраф и подати. То же сделали и многие чеченские деревни.

Комментарии

1. Глава эта составлена по донесениям барона Розена военному министру: 4-го августа 1832 г. № 75, 10-го № 86, 17-го № 91, 22-го № 111, 27-го № 131, 3-го и 20-го сентября №№ 147 и 173. Дело 2-го отд. ген. шт. 1832 г. № 60.

2. Донесение корпусного командира военному министру 10-го августа 1833 года № 86. Дело 2-го отд. ген. штаба № 60, стр. 7.

3. Рапорт маиора Колачевского корпусному командиру № 54. Дело 2-го отд. ген. штаба № 60.

Текст воспроизведен по изданию: Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник, Том 18. 1897

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

ВОЙНА НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

С 1824 ПО 1834 г.

В СВЯЗИ С МЮРИДИЗМОМ

XXIX.

Попытка подполк. Клугенау возвратить жителей, бежавших к Кази-мулле. Нападение хищников на каранайцев. Сборы Кази-муллы к походу в Чечню. Отбитие у гимрынцев скота. Переговоры с койсубулинцами. Движение отряда подполк. Клугенау к Кази-юрту. Рекогносцировка 5-го сентября. Возвращение Кази-муллы из Чечни и меры, принятые им для обороны Гимр. Переговоры его с Клугенау. Воззвание корпусного командира к андийцам.

Получив хороший урок при Эльсус-таве, Кази-мулла поневоле успокоился и, распустив свою партию, за исключением мюридов из беглых подданных шамхала, мирно проживал в Гимрах. В северном Дагестане на время восстановилось спокойствие, лишь изредка нарушаемое мелкими грабежами, в которых главным образом принимали участие именно беглецы, остававшиеся при Кази-мулле. Продовольствие этих людей, поселившихся в Гимрах со своими

семействами, требовало не мало средств, а так как расчеты Кази-муллы на добычу не оправдались, то, не имея возможности доставлять им средства к жизни, он отпускал их на грабежи в преданные нам селения. Благодаря бдительности жителей и близости русских, результаты этих грабежей были очень плохие, так что беглецы жили впроголодь и уже тяготились своим положением. Узнавши об этом, подполковник Клугенау послал в Гимры из Казанищ некоего Алия с обещанием всем беглецам полного прощения, если они, раскаявшись в своих проступках против русских, возвратятся к шамхалу. Желающих возвратиться оказалось только десять семейств; из них два действительно перешли с Алием в Казанищи, восемь отложили переход до более удобного случая, а все остальные затягивали переговоры, с очевидною целью протянуть время в ожидании поворота событий к лучшему. Но и Кази-мулла принимал меры к тому, чтобы удержать их при себе. Опасаясь приверженцев убитого [334] Доудил-Магомы, он не мог отпустить этих беглецов, составлявших его охрану и до сих пор беззаветно ему преданных. Он употреблял все средства к улучшению их материального положения, разрешил им добывать средства к жизни грабежами, продавал имущество и пленных, взятых в более счастливое время, и вообще не жалел получаемых средств на продовольствие беглецов; не ограничиваясь этими мерами, он прибег даже к силе, установив караулы на дорогах, ведущих из Гимр к русским границам. Все эти меры принесли, конечно, свою долю пользы, но, с другой стороны, беглецам и не было расчета склоняться на предложения Клугенау. От русских они могли ожидать или строгого наказания, или, в лучшем случае, спокойной жизни в деревнях под строгим надзором властей, а между тем они привыкли уже к свободной, бурной и полной приключений жизни и, кроме того, оставаясь приверженцами Кази-муллы, могли рассчитывать на улучшение своего положения. В конце концов попытки Клугенау вернуть беглых подданных шамхала окончились неудачей.

26-го июля небольшая конная партия, человек в 30, появилась со стороны Черкея, напала на каранайских жителей, которые в числе около 40 человек, с женами, работали в поле. Построив из ароб каре, каранайцы энергично защищались; тем не менее хищники успели захватить в плен трех человек и отбить десять быков. Вероятию, опасаясь прибытия наших войск, партия ограничилась взятой уже добычей и отступила по дороге к Зубуту. На пути к этой деревне один из пленных бежал и впоследствии сообщил, что видел пешую партию по крайней мере в 150 человек. Впоследствии, когда Кази-мулла пошел в Чечню и жители Зубута к нему присоединились, последние два пленника, проломав стену конюшни, в которой их содержали, также бежали из Зубута. При [335] описанном нападении на каранайцев, с их стороны был один убит и четыре ранено; у нападавших ранено четверо. Донося об этом, подполковник Клугенау прибавлял, что партии хищников могут проникнуть только со стороны Черкея, так как с других сторон жители выставили сильные пикеты, которые не пропустят мелких партий неприятеля; черкеевцы же, среди которых много мюридов, преданных Кази-мулле, не задерживают хищников.

Пока все это происходило в Дагестане, над Чечнею собралась черная туча. Прибытие корпусного командира с большим отрядом ясно свидетельствовало, что замышляется не маленькая экспедиция, к каким время от времени прибегали русские, а нечто более опасное и серьезное. Еще в июле месяце, т. е. до выступления нашего отряда в Гимры, как доносил подполковник Клугенау, прибыли 10 чеченцев с просьбою о помощи и приглашением самого Кази-муллы на место действий. Сознавая всю необходимость своего появления в Чечне, Кази-мулла не мог, однако, отправиться туда, так как не имел достаточных для этого сил. Распуская слухи о своем намерении идти в Чечню, он употреблял все усилия для сбора партии, но дело

двигалось туго. Койсубулинцы, на которых он больше всего рассчитывал и к которым посылал своего тестя, решительно отказались следовать за ним и даже вели переговоры о принятии их в наше подданство; салатавцы хотя и волновались, но тоже неохотно шли на призыв Кази-муллы; от черкеевцев присоединились к нему одни мюриды, которые незадолго перед этим выбрали себе кадием Техмес-хана, человека безусловно преданного Кази-мулле; только одни зубутцы чуть не поголовно пошли за Кази-муллой. В первых числах августа, как доносил подполковник Клугенау, Кази-мулла с небольшою партиею вышел из Гимр и остановился в с. Ишалты. Затем черкеевский [336] старшина Джемал донес, что 2-го августа видел Кази-муллу у чиркатского моста, с партией в 106 человек из беглых подданных шамхала, гимрынцев и гергебильцев. Около 10-го августа Кази-мулла перешел мост у Чирката и остановился вблизи разрушенного Бен-юрта. Преданные ему жители Черкея и других селений доставляли сюда провиант, и сюда же стекались все желавшие принять участие в походе. По всей вероятности, охотников было не особенно много, так как, простояв несколько дней у Бен-юрта, 15-го числа он выступил с партией, состоявшей всего лишь из 400 человек, взяв направление сперва на Зубут, а затем на Андреевку. В первых же числах августа вернулся в северный Дагестан и Гамзат-бек, но он не принял участия в походе, а оставался в Гоцатле.

По выступлении Кази-муллы из Гимр, жители сс. Эрпели и Караная решили отбить у гимрынцев скот, пасшийся в горах, но, опасаясь сильного сопротивления и главным образом преследования, просили подполковника Клугенау помочь им. Клугенау послал 600 человек пехоты. Отряд этот, выступив ночью вместе с жителями упомянутых селений, по прибытии на место разделился: часть осталась на хребте, другая спустилась вниз для занятия удобной позиции; жители же селений Эрпели и Караная, пришедшие с отрядом, пользуясь густым туманом, начали спускаться к самым табунам. Все было сделано в полной тишине, так что можно было надеяться на совершенный успех предприятия, но вдруг неожиданно прогремел в горах ружейный выстрел: один солдат, споткнувшись, упал на ружье, которое и произвело выстрел, разрушивший все расчеты нападавших. Тотчас же поднялась тревога, и пастухи отогнали табун вниз, куда нападавшие не могли уже следовать. Темь не менее небольшой табун в 740 голов овец был отогнан без всяких потерь с нашей стороны. [337]

Получив достоверные сведения о том, что койсубулинцы, преимущественно жители Унцукуля, не последовали за Кази-муллой и, судя по некоторым признакам, склонны к покорности, Клугенау послал им объявление, в котором писал, что все их прежние преступления будут забыты и прощены, если только они прекратят сношения с Кази-муллой и дадут обещание жить мирно, подчиняясь своему прежнему владельцу, шамхалу. Унцукульцы ответили, что на днях у них состоится народное собрание, на котором будет выяснено, какие из деревень согласятся на эти условия и какие не примут их, после чего к шамхалу явятся почетные лица для заключения условий. Шамхал с своей стороны предлагал унцукульцам принять русское подданство. На это Шабан-казий от лица всего унцукульского общества отвечал ему, что

“они (унцукульцы) не склонны к возмущению, но желают только спокойствия мусульман и свободного проезда повсюду."

Далее Шабан-казий прибавлял 4:

“Хотя я и опоздал приехать к вам со своими товарищами и быть посредником между вами и Кази-муллой, но не думайте, чтобы я оттого был ему и сообщником, и другом; ежели же вы

помиритесь с Кази-муллой, то я до конца жизни с вами разлучаться не буду, оставаясь помощником вашим во всех отношениях."

Барон Розен, которому шамхал представил это письмо, ответил, что окончательное распоряжение по делу он сделает после свидания с шамхалом, которое состоится в непродолжительном времени.

Сведение о желании койсубулинцев принять русское подданство дошло до наших властей и чрез Нуцал-хана Аварского, который, предлагая в этом деле свое посредничество, писал князю Бековичу-Черкаскому 5: [338]

“Унцукульское общество, из владения Койсубулы, писало ко мне несколько раз и присылало депутатов, изъявляя готовность свою, исключая мюридов, повиноваться мне точно так, как подвластные мои аварцы, дабы получить свободу ездить по своим надобностям в Аварию и в другие российские земли с надлежащими видами; однако я не решился дать им удовлетворительного ответа, не испросив прежде у вашего сиятельства совета."

Князь Бекович-Черкаский препроводил письмо это к барону Розену, который, будучи вообще недоволен поведением Нуцал-хана, нашел посредничество его в этом деле совершенно излишним, о чем и сообщил Нуцал-хану в довольно резких выражениях. Интересно в этом деле лишь то, что койсубулинцы, и во главе их унцукульское общество, в сношениях с русскими властями выражают желание подчиниться прежнему владельцу своему — шамхалу тарковскому, а в сношениях с аварским ханом, высказывали готовность подчиниться этому последнему. В сущности, конечно, они просто тянули время, выжидая, какой оборот примут события в Чечне. Подполковник Клугенау, не перестававший время от времени сноситься с Унцукулем, донес наконец, что общество желает помириться с прежним владетелем своим шамхалом тарковским, но для установления прочных условий мира ждет прибытия барона Розена, и что до того времени он не будет иметь сношений с Кази-муллой. Действительно, впоследствии, по прибытии корпусного командира, койсубулинцы приняли наше подданство и выдали аманатов, но в это время им и не было другого выбора, так как сила Кази-муллы была сломлена и их в случае сопротивления ожидало суровое наказание.

С удалением Кази-муллы в Чечню северному Дагестану не грозила уже опасность нашествия горских партий, но зато кумыкские земли могли подвергнуться разорению, [339] особенно когда партия Кази-муллы двинулась вдоль качкалыковского хребта. В виду этого барон Розен дал предписание подполковнику Клугенау перейти с своим отрядом к Чир-юрту или Кази-юрту, смотря потому, где можно переправиться через Сулак, и затем соединиться с отрядом Бековича-Черкаского. 25-го августа подполк. Клугенау выступил из Темир-Хан-Шуры и 28-го числа прибыл в Кази-юрт, где и переправился через Сулак. Отсюда он предполагал идти в крепость Внезапную. К этому времени, однако, Кази-мулла был уже разбит и удалился в горы, чем совершенно устранялась опасность нападения его на кумыкские земли, а потому Клугенау получил приказание вернуться в Темир-Хан-Шуру. В ту же ночь он обратно переправился через Сулак и двумя колоннами двинулся к Шуре, куда его войска прибыли 31-го августа.

24-го числа Кази-мулла возвратился в Гимры без всякой добычи, потеряв во время своей экспедиции много убитых и раненых, в числе которых было не мало влиятельных лиц, например черкеевский кадий Техмес-хан. Гамзат-бек, остававшийся все это время в своем Гоцатле, по возвращении Кази-муллы начал собирать партию, высказывая намерение идти в Гимры на соединение с Кази-муллой. Остановка была за продовольствием, которого

совершенно не имелось в Гимрах, вследствие чего Кази-мулла решил отнять скот у жителей Караная и Эрпели, что однако не легко было исполнить в виду близости наших войск. Одна из таких попыток увенчалась, впрочем, успехом. 27-го августа ирганайские абреки напали на пастухов Ахмет-хана Дженгутайского, отбили 4000 баранов и 25 эшаков и взяли в плен 9 пастухов. В другой раз сам Кази-мулла с партиею около 400 человек собрался отбить скот у каранайцев и эрпелинцев. По счастливой случайности в это же время эрпелинский старшина [340] Улубей и каранайский Юсуф-бек просили подполк. Клугенау помочь им отбить скот у гимрынцев. Так как сам Клугенау имел намерение сделать рекогносцировку каранайского, эрпелинского и ирганайского спусков, то он охотно согласился соединить свою рекогносцировку с экспедициею, затеянного жителями названных селений. С отрядом в 300 человек пехоты и 150-ти казаков он в полдень 4-го августа выступил из лагеря и поздно вечером прибыл в Каранай, где его ожидала партия, состоявшая из каранайцев и эрпелинцев. Имея в виду к рассвету окончить предприятие, Клугенау лунною ночью выступил далее и, приблизившись к табунам, расположил на вершине холма 100 человек пехоты и два небольших отряда, по 50-ти человек в каждом, на спуске хребта и у подошвы спуска. Каранайцы и эрпелинцы, в числе около 250-ти человек отделившись от отряда, двинулись вперед к самым табунам. Не прошло, однако, и четверти часа, как внизу открылся сильный ружейный огонь, и затем неприятель с двух сторон атаковал нападавших, стараясь отрезать им путь отступления. Очевидно было, что нападавшие встретили не пастухов, а большую партию неприятеля. Каранайцы и эрпелинцы тотчас же бросились назад и навели неприятеля на нашу пехоту. Сила и стремительность нападения неприятеля были так велики, что только благодаря хладнокровию и храбрости командовавшего пехотою поручика 42-го Егерского полка Хвостинова отступавшим удалось благополучно дойти до вершины хребта. Потеря наша в этом деле заключалась в одном убитом, десяти раненых и трех без вести пропавших (в числе последних барабанщик 42-го Егерского полка Шляхтинский) нижних чинов. У каранайцев ранено двое и без вести пропало два человека. Один из этих пропавших пролежал целый день, спрятавшись за камнем, и следующею ночью явился в свое селение. У эрпелинцев потерь не [341] было, но точно также три человека, не успевши подняться на хребет, спрятались за камни и на следующую ночь явились невредимыми домой. Эти четыре невольных наблюдателя передавали, что из разговоров, которые им удалось слышать, надо было заключить, что в этом деле участвовала партия Кази-муллы, при которой находился как он сам, так и его тесть Яраглы-Магомет. Покончив дело, Клугенау следовал с отрядом по хребту, мимо с. Араканы, и 6-го числа вернулся в лагерь. Все нужные места были сняты на план.

Приближалось тяжелое для Кази-муллы время. Отряд корпусного командира, жестоко наказавший чеченцев и ичкеринцев, направлялся к Дагестану. Видевши собственными глазами те страшные трущобы и невозможные дороги по которым проходили наши войска, Кази-мулла не мог, конечно, допустить и мысли, что горы Дагестана остановят русских, если только они решили наказать дагестанские общества; а сомневаться в этом едва ли было возможно. Отсюда следовало, что появление отряда барона Розена перед Гимрами нужно было считать вопросом времени и притом не очень продолжительного. Необходимость заставляла Кази-муллу принять все меры к обороне своего родного селения, и он обратил внимание на это тотчас же по прибытии из Чечни. В скором времени все более или менее доступные стороны Гимр опоясались рядами завалов. Кази-мулла сознавал однако, что этого было мало, что нужно устроить еще ряд укрепленных позиций на пути к Гимрам, чтобы заставить русских потерять много сил и времени, прежде чем они достигнут главной цели

своих действий. В виду этого Кази-мулла, прибыв в половине сентября в Ирганай, понудил тамошних жителей укрепить свое селение и обратился к араканскому обществу с просьбой разрешить ему построить завалы в ущельи, называемом Шура. [342] Араканский кадий решительно отказал в этом и даже выставил караулы для охраны облюбованного Кази-муллой места. Письмо, с которым Кази-мулла обратился к араканскому обществу, чрез руки Клугенау представлено было корпусному командиру:

“До сих пор как вы, так и я жили как братья, теперь этого не будет. Известно вам, что эти беззаконники как для нас, так равно и для вас, есть неприятели. Вы взяли деньги, обещаясь истребить меня, но если меня не будет или же я не останусь здесь, то вам не дадут ни одной копейки. Теперь я хочу построить на вашей земле завал. Как вы об этом думаете? Если там будет сделан завал, то вам не предвидится от русских никакой опасности. Уверяю вас перед Богом, что я не желаю вам худого; если русские придут в больших силах, то и вас, и нас истребят" 6.

Ирганайское общество с своей стороны тоже обратилось к араканцам 7:

“От ирганайского общества к обществу араканскому. Уведомляю вас, почтеннейший сосед, позволить нам построить на вашей земле, называемой Шура, завал. Если там будет сделан завал, то очень много будет пользы как для вас, так и для нас, и никакой опасности не будет от воровства."

Отказ араканского общества в разрешении построить на их земле завал делал большую брешь в общем плане фортификационного усиления местности, предположенного Кази-муллой; с другой стороны нежелание жителей, напуганных происшествиями в Чечне, присоединиться к его партии, ставило Кази-муллу в очень затруднительное положение. Враг был близок и силен, а меры, принимаемые Кази-муллой для обороны края, приводились в исполнение медленно, неохотно и с большими проволочками во времени. Все [343] искусство и организаторский талант Кази-муллы разбивались о тысячи препятствий, создаваемых необходимостью вести переговоры со множеством отдельных и свободных обществ, из которых одни сочувствовали Кази-мулле, другие русским, третьи были равнодушны или из боязни наказания предпочитали выжидать исход событий, чтобы впоследствии присоединиться к победителю. Все это, конечно, действовало на Кази-муллу подавляющим образом, так что он решил наконец, не прекращая организации средств обороны, попытаться другим путем если не совсем устранить надвигающуюся расправу, то хотя оттянуть ее на более или менее продолжительное время. В этих видах он начал переговоры с русскими властями, для чего воспользовался взятым в плен 5-го сентября барабанщиком 42-го Егерского полка Шляхтинским, которому приказал написать подполковнику Клугенау письмо следующего содержания 8:

“Его высокоблагородию господину подполковнику и кавалеру Клюки Казы-Магомета рапорт: донесть честь имею вашему высоблагородию о замирении; хотя я и не боюсь вас, однако объявляю вам, если не будете притеснять одного со мною закона татар своими налогами, то я замирюсь с вами; но шамхал со мною не замирится для того, чтоб больше получить от вашего Государя казны; также и Ахмет-хан то же самое думает, чтобы более получить казны. Если вы хотите так, как я вам объявляю, замириться, то о своем замирении с сим подателем именно пришлите, какое у вас будет намерение, то с сим подателем прислать непременно, и чтобы писал Егерского полка Смольков, чтобы я мог разобрать. Еще объявляю вам, отчего вы

боитесь посылать посланника ко мне? если вы будете посылать, то и я к вам буду посылать, и у нас скорей дело сделается. Кази-мулла. Писал барабанщик, который взят сего месяца сентября 5-го числа 6-й роты Шляхтинский." [344]

По приказанию подполковника Клугенау и, конечно, под его диктовку ответ был написан тем самым Смольковым, на которого указывал Шляхтинский. Вот что он писал своему товарищу 9:

“Твое письмо, любезный Шляхтинский, я получил и по приказанию отрядного командира тебе отвечаю, чтобы ты объявил Кази-мулле, что только одно и самое лучшее остается ему делать то, чтобы по прибытии корпусного командира он лично со всеми абреками явился к нему и отдался на великую милость нашего Государя. Скажи ему, что наш Государь очень милостив и великодушен, и может быть позволит Кази-мулле отправиться в Мекку для избавления своих грехов и мусульманской крови, столько много невинно чрез него пролитой. Равно объяви ему, сколь милостив наш Государь, что простил тоже известного чеченского Бей-Булата и многих ему подобных. Остаюсь твой благоприятель, слава Богу, жив и здоров, и чего тебе желаю. Михайла Васильев Смольков."

Конечно Кази-мулла не удовольствовался таким ответом и в скором времени вновь обратился к Клугенау с письмом, которым просил сообщить условия, на каких русское правительство сочтет возможным заключить мир. Очевидно, Кази-мулла не допускал и мысли, что никаких условий с ним заключать не будут, а потребуют безусловной покорности и явки с повинной головой на великодушие и милость Государя Императора. Как истый азият, он предполагал, что русские вначале потребуют слишком многого, но стоит лишь поторговаться, пойдут уступки, и дело так или иначе будет окончено. Но Клугенау с тем же посланным и немедленно написал Кази-мулле, что если он хочет спасти себя, свое семейство, абреков и жителей с. Гимры с их имуществом, домами и садами, то должен явиться сам к корпусному командиру и предать себя на милость Государя. Донося об этой переписке барону Розену, [345] Клугенау прибавлял, что Кази-мулла живет в Ирганае, и что между жителями происходят большие несогласия: одни из них хотят сопротивляться русским, другие этому противятся; сам Кази-мулла, очевидно не ожидая в будущем ничего хорошего, приказал беглым солдатам приготовить для него лодку, на которой думает спастись, если бы мост через Койсу перешел в руки русских.

Письмо Клугенау опять не удовлетворило Кази-муллу: он очевидно все еще продолжал думать, что это крайнее требование, от которого русские непременно откажутся, если он будет настойчиво торговаться. В этом предположении он вновь написал Клугенау 10:

“Уведомьте меня насчет примирения — каким образом мы должны примириться? Перед Богом клянусь вам, что истинно желаю мириться; что же касается до разорения Гимров и Ирганая, то это будет зависеть от воли Бога. Я вас не боюсь даже на золотник, но считаю лучшим помириться, чем раззорять кумыкскую провинцию. Всех пленных, при нас находящихся, я возвращу, исключая барабанщика; что же касается до абреков, как вы пишите, то они живут очень хорошо, хотя и не будут у кумыкцев грабить скот."

На это письмо последовал ответ Клугенау, в котором он, конечно, не отступает ни на одну ноту от первоначального требования:

“Письмо твое, в котором ты меня спрашиваешь, как помириться и повторяешь, что желаешь этого от искреннего сердца, я получил. Отвечаю: я не в праве с тобой мириться, так как это

предоставлено корпусному командиру, но я уже писал тебе и теперь, желая тебе добра, могу повторить свой совет: явись к корпусному командиру и признайся, что ты один виновник всех разорений мусульман и что впредь не будешь делать того, что делал до сих пор. Еще ты пишешь, что разорение Гимров и Ирганая есть дело Божье. На это скажу тебе, что это не совсем дело Божье, и [346] собственно зависит от тебя: если ты не явишься, то начальство должно будет всех жителей, у которых ты живешь и которые исполняют твои приказания, принимать за своих врагов и во избежание на будущее время разорения и набегов обязано строго наказать их. Если ты, собрав несколько старшин из селений Гимры и Ирганая и несколько абреков, явишься с ними к корпусному командиру, заявишь ему о своем раскаянии, попросишь пощады себе и им, то можешь быть уверен, что такой поступок будет хорошо принят как корпусным командиром, так и самим Государем, и ручаюсь тебе своею честью, что чрез свое раскаяние получишь вместе с другими прощение, а чрез это водворится спокойствие в этом крае, чрез что ты выиграешь во мнении своих единоверцев. Всему есть начало и всему есть конец; кто из нас не грешен, и твое сознание, что ты был причиною всего разорения, но желаешь на будущее время прекратить это, и самоотверженное признание в этом пред народом будет хорошо принято Государем и народом, и всякий будет думать, что у Кази-Магомета еще есть Бог, совесть и честь. Ты пишешь, что на золотник не боишься; вполне верю этому. Кавказ велик и гор много, в которых ты можешь скрыться; знаю, что у тебя готова лодка, чтобы в случае приближения русских, отдав на жертву селения Гимры и Ирганая, переправишься через Койсу с помощью беглых солдат, если тебе не позволят перейти по мосту. Ты предлагаешь мне возвратить пленных солдат, исключая барабанщика. На это отвечаю, что у нашего Государя еще достаточно войска, так что можно и без них обойтись, и впоследствии мы получим не только их, но и всех беглых солдат; но если хочешь начать доказывать истинное свое раскаяние, то докажи его этим поступком, собрав всех русских солдат и выслав их вместе со старшинами селений Ирганая и Гимров сюда; корпусный командир сочтет это за знак твоих честных намерений. Еще ты пишешь, что абреки живут хорошо; на это отвечаю, что нечего нам друг друга обманывать — хотя ты живешь в Гимрах и Ирганае, но мне хорошо известно, в каком они положении; положим даже, что их [347] положение теперь хорошо, но смело могу тебя уверить, что это не надолго; да у них вероятно еще есть Бог, родина и родственники и какая-нибудь совесть и честь. Это мое последнее письмо к тебе, ибо завтра прибудет сам корпусный командир и с прибытием его мне с тобой уже нечего переписываться; поэтому, хотя я тебя лично не знаю, но в последний раз уверяю тебя, что я тебе советую добро, и что вряд ли другой из твоих единоверцев сделал бы это. Будешь ли ты верить слову честного человека и русского полковника или нет, это предоставляю на твое собственное разумение; с этим человеком пиши мне ясно, недвусмысленно о настоящих намерениях твоих, абреков, гимрынцев и ирганайцев, ибо времени осталось мало, и обманывать нет нужды. Есть Бог, есть начало и есть всему конец" 11.

Этим письмом закончилась переписка с Кази-муллой, и вскоре наши войска двинулись в пределы Дагестана.

Очень видное участие в действиях против русских войск, находившихся в Чечне, принимали андийцы. До последнего времени они старались всеми силами сохранять дружеские с нами отношения в виду того, что, занимаясь торговлей, пользовались правом ездить в наши владения для продажи товаров своего производства, главным образом славившихся по всему Кавказу бурок; но в 1831 году Кази-мулла успел привлечь их на свою сторону, так что они стали принимать участие в набегах на наши владения, чего прежде никогда не делали, отчасти

потому, что жили далеко от наших границ, а отчасти из нежелания ссориться с нами. Как только переход их на сторону Кази-муллы дошел до сведения наших властей, тотчас же аманат их был сослан в Сибирь, а их торговые сношения подверглись разным стеснениям и запрещениям. В этом году они вновь поднялись и совершенно открыто двинулись в Чечню на помощь ичкеринцам. [348] Хотя они не успели сделать нам никакого серьезного вреда, тем не менее оставить безнаказанными явно враждебные их действия было невозможно. Но наказать их оружием барон Розен не мог, так как для этого нужна была сильная экспедиция, которая потрясла бы Аварию и Дагестан, а на это у него не было средств; пришлось поэтому прибегнуть к наказанию менее эффектному, но для торговых людей очень чувствительному: предписано было арестовать всех андийских купцов, торгующих в наших пределах, и запретить андийцам вывоз бурок и других товаров домашнего их производства до тех пор, пока они не возвратят находящихся у них наших пленных и беглых, не заплатят штраф по 5-ти рублей серебром с дыма и не обяжутся вносить ежегодно податей по одному рублю с дыма. Нужно заметить, что все кавказские общества считали возвращение пленных и беглых самым тягостным требованием: прежде такого требования горцам обыкновенно не предъявляли, но барон Розен, имея в виду, что похищение пленных есть главнейшая цель их набегов, поставил непременным правилом при всяком удобном случае требовать возвращения пленных и беглых. без всякого выкупа с нашей стороны. Свои распоряжения барон Розен объявил андийцам в воззвании следующего содержания 12:

“Андийцы! По правосудию Божиему, всякое доброе дело приносит хороший плод, а худое не останется без наказания. Жители Андии! вы прежде жили мирно и спокойно, занимаясь торговыми делами вашими, а потому вам позволено было в обширных владениях Великого нашего Государя разъезжать свободно и торговать, где вам было удобно. Ныне, последуя внушениям разбойника и разорителя мусульман безбожного Кази-муллы, многие из вас находились при нем, когда он прибыл в Чечню для возмущения народа и был [349] принужден бежать оттуда со стыдом от победоносного войска Государя Императора, не смея даже вступить с оным в дело, хотя пред глазами его был мною истреблен Герменчук. Для удержания вас в должном повиновении приказываю вам: заплатить штраф за участие в скопище мятежников с каждого двора по пяти рублей серебром, а в случае неимения денег по одной скотине или представить другие равностоющие вещи, например, оружие, бурки и прочее; впредь будете уплачивать по рублю серебром подати с каждого дома, которую за текущий год должны ныне же внести, равно выдать всех могущих быть у вас пленных из подданных Его Императорскому Величеству. И залог же верности вашей на будущее время представить ко мне аманатов. Если же вы не исполните моих приказаний, то с вами будет поступлено как с неприязненным народом."

Объявление это не особенно напугало андийцев. Сознавая как нельзя лучше всю трудность вторжения в их область, они смело отвечали таким письмом 13:

“От почетнейших лиц андийского общества к сардарю. Мы, получив письмо ваше, поняли содержание оного, на что сим отвечаем: что мы, убоясь величия и силы Кази-муллы, нарушили свой договор, пред сим с вами заключенный. Когда Казы-Мамад убил из нас людей и ограбил наше имущество, о чем уже вам известно, тогда мы, избавясь от его несносного наказания, оставались с вами в мире; а ныне весьма удивляемся, что вы письмом своим возлагаете на нас такие тягостные налоги, которых мы исполнять никак не в состояния, даже о подобных налогах от времени предков наших не слыхали. Каким образом требуете вы от нас

исполнения таких тяжелых налогов за малое наше преставление; подобное могут учинить даже те, которые обитают в местах, под покровительством вашим состоящих, но напротив того мы находимся в недре Дагестана и в соседстве Казы-Мамада. Не будите спящего в узких местах дагестанского войска, из коего, Боже [350] сохрани, много храбрых лежат в скалах и густых лесах; однако же мы полагаем, что вы таковых храбрых трогать не будете. Будьте склонны к прежнему миру, утвержденному Великим Государем, и не требуйте от нас таковых налогов, одну из 10-ти частей коих исполнить мы не в состоянии."

На это со стороны корпусного командира последовал ответ следующего содержания 14:

“Андийскому обществу. Андийцы! Вы писали ко мне, что, убоясь величия и силы Кази-муллы, нарушили обязанности ваши к российскому правительству. Сие доказывает бессилие, трусость и неблагодарность вашу. Чего бояться вам было в крепких, занимаемых вами местах столь ничтожного человека, как сей обманщик, который нигде не смеет показываться, если не уверен, что встретит глупцов, которых может куда хочет за нос водить. Но оставим все это. К чему вы послали войско ваше на вспоможение герменчукским жителям, столь заслужившим постигшее их наказание. Не показывает ли сие самую черную вашу неблагодарность к российскому правительству, во владениях коего с давнего времени вы пользовались покровительством и столь выгодною для вас торговлею. Не показывает ли сие вместе с тем и крайнюю глупость вашу: вы испугались разбойничьей шайки Кази-муллы, а осмелились подвергнуться громам всесокрушающего российского оружия. Но познаю, отчего это происходит: всемогущий Творец, желая наказать людей злобных, лишает их зрения и слуха; сие и с вами произошло: вы видели, что прошедший год все дагестанские области, близь моря находящиеся, кумыки, салатавцы, аухи, а нынешний год Чечня и другие страны претерпели жестокое наказание за оказанное вспоможение в разбоях Кази-муллы, вы видели сие и вздумали явиться помощниками его при Герменчуке; но один гром российского оружия устрашил вас. Не желая прибегать к строгости, я требовал, чтобы вы раскаялись в гнусном поведении своем и очистили себя как следует виновным пред могущественным правительством; но вы усугубили вину свою. Вы видели, что ни леса, ни [351] горы ичкеринские не остановили меня, что мы возвратили добро наше из глубины пропасти, в которой бенойцы думали скрыть оное, что я щадил покорных и наказывал только злобных и упорных. Вы видели сие и вздумали беспокоить победоносное российское воинство, находившееся уже на возвратном пути; при первой встрече вы уже испытали могущество российского оружия. Знайте же, что я не имел намерения идти к вам, желая вам дать время размыслить о последствиях неблагодарного и неблагоразумного поведения вашего, но подвиги, совершенные российским воинством в прежние времена и особенно в нынешний год, должны вас убедить, что для нас нет ничего невозможного, и если мы в Чечне и в других местах ходим как у себя дома, то нетрудно будет нам достигнуть и к вам, куда нам все пути известны. В заключение еще раз обращаю к вам слово милости: раскайтесь, признайте вину свою и исполните все объявленные мною вам приказания, иначе увидите, что с вами будет. Не боимся мы разбудить спящего льва дагестанского войска, да не заслуживает оное сего названия и есть ничто более как хищный волк, коего голод заставляет искать добычи, но вы сами знаете, что ни волки, ни львы не суть весьма опасные враги для человека и если бы вы были среди необозримых владений российских, то увидели бы, как там, настоящие львы искусством и мудростию до того укрощаются, что повинуются голосу малых детей."

П. Кублицкий.

(Продолжение будет).

Комментарии

4. Рапорт шамхала тарковского. Дело 2-го отд. генер. шт. № 3, 1832 г. ч. II, стр. 472.

5. Письмо Нуцал-хана к г.-м. Бековичу-Черкаскому. Дело 2-го отд. ген. шт. 1832 г. № 60, стр. 89.

6. Рапорт подп. Клугенау за № 732. Дело 2-го отд. ген. шт. № 3 ч, II. 1832 года стр. 429.

7. То же.

8. Рапорт подполк, Клугенау № 730. Дело № 3, 2-го отд. ген. шт. ч. II, 1832 года стр. 425,

9. То же.

10. Рапорт Клугенау № 918. Дело № 3, 2-го отд. ген. шт. ч. II, 1832 г. стр. 510.

11. То же.

12. Дело 2-го отд. ген. шт. № 60, 1832 г. стр. 96.

13. То же стр. 138.

14. То же стр. 157.

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

ВОЙНА НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

С 1824 ПО 1834 г.

В СВЯЗИ С МЮРИДИЗМОМ

(Продолжение).

XXXVIII.

(Сбой нумерации глав? Thitemar. 2019)

Расположение войск. Действия отряда Цвиленева. Движение полковника Дадиана и генерал-маиора Вольховского. Итоги экспедиции в Чечне и Ичкерии. Действия против салатавцев. Переправа через Сулак. Вступление Розена в Темир-Хан-Шуру. Движение наших войск по каранайской дороге. Исправление пути. Движение отряда Клугенау. План Вельяминова относительно атаки Гимр. Горцы пытаются мешать работам. Действия Ахмет-хана и Абу-Муселима против Ерганая; побеги милиционеров. Атака гимринской теснины; неудачное движение маиора Лазаревича; появление на ирганайской дороге отряда Гамзад-бека; его отступление. Вторичная атака стен и завалов. Смерть Кази-муллы; занятие Гимр. Последние распоряжения Розена и отступление наших войск. Переписка Розена с аварским ханом.

Первые признаки неповиновения койсубулинцев. Пропаганда Гамзад-бека. Переписка его с Кахановым и Гофманом.

К 16-му сентября войска, действовавшие против Чечни и Дагестана, были расположены следующим образом: главный отряд, под начальством корпусного командира, дневал возле качкалыковской деревни Ойсунгур, где находился также отряд князя Бековича-Черкаского; второй отряд действующих войск с вагенбургом главного отряда оставался в д. Маюртупе, под начальством полковника Цвиленева; отряд же Клюки-фон-Клугенау по-прежнему занимал Темир-Хан-Шуру. Цвиленеву было приказано оставаться в Маюртупе до тех пор, пока покорившиеся [98] чеченские деревни не внесут налогов и не представят аманатов. Горцы по обыкновению оттягивали исполнение принятых на себя обязательств, и отряд со дня выступления главных сил к аулу Кюрин-Бене находился почти в полном бездействии. Наиболее выдающимся событием за все это время было движение к хутору Хамеру, предпринятое Цвиленевым 9-го сентября. Хутор и его окрестности были опустошены и войска к вечеру возвратились в свой лагерь. Движение Цвиленева повлияло на горцев, и к 13-му сентября от деревень Мацу-Ирзау, Гемсе-юрта, Энды-юрта, Мазлаги, Анто-юрта, Калла-юрта, Чартой-юрта и хуторов Зандака и Эльдара были получены пошлины и 2 аманата. Сверх пошлин, чеченцы, принимавшие участие в разграблении Кизляра, уплатили назначенный корпусным командиром штраф, деревни Малая Атага, Заршан и Мескер вернули двух пленных армянок, а с. Лечень-юрт выдал беглого солдата. Кроме перечисленных деревень, несколько аулов, лежавших по ту сторону реки Мичика, также выразили желание подчиниться требованиям барона. Горцы пошли навстречу нашим намерениям только для того, чтобы отклонить висевшую над ними грозу. Сроком, который был назначен для выполнения ими условий, они воспользовались, чтобы вывезти в горы свои семейства и имущество. Так как к назначенному дню они не успели окончательно выбраться из аулов, то снова явились к Цвиленеву и просили новой отсрочки. Ничего не подозревая, Цвиленев согласился ждать еще один день. Но горцы более не являлись. Чтобы наказать вероломных чеченцев, Цвиленев отрядил, под начальством маиора Тифлисского пехотного полка Борейши, 2 баталиона пехоты — 1 Тифлисского, другой Эриванского карабинерного полков — с 4-мя легкими орудиями и 200 человек конницы. На рассвете следующего дня, 15-го сентября, отряд Борейши выступил [99] из Маюртупа по дороге, ведущей к Денги-юрту. Недалеко от этой деревни высланные вперед разведчики сообщили, что жители покидают аул и вывозят из домов имущество. Чтобы лишить неприятеля возможности скрыться в лесу, Борейша выслал вперед кавалерию с орудиями и частью пехоты. Остававшиеся в Денги-юрте горцы, не подозревая близости нашего отряда, рассеялись по всей деревне и торопливо вывозили все то, что не успели забрать раньше; поэтому, когда подоспел наш отряд, застигнутые врасплох, они не успели собраться для дружного отпора. Кое-какое сопротивление ими все-таки было оказано, но затем они должны были отступить потеряв одного убитым и 4-х взятыми в плен; кроме того, у них было отбито 140 баранов и 9 штук рогатого скота. С нашей стороны без вести пропал 1 рядовой, 3 всадника получили серьезные раны, а двое рядовых контужены. Разорив совершенно аул, Борейша двинулся дальше, к Али-юрту и Бейбулат-юрту. Обе деревни оказались пустыми. Борейша приказал сравнять их с землей и, когда это было исполнено, двинулся обратно к Маюртупу. События этого дня не остались без результатов: на дороге Борейшу встретили старшины деревни Денги-юрта и, предъявляя аманата, заявили, что их общество готово исполнить все требования русского правительства. 17-го сентября Цвиленевым было получено приказание двинуться к аулу Аку-

юрту, для соединения с главным действующим отрядом, который выступил туда из Ойсунгура. На другой день не успел Цвиленев тронуться в путь, как весть об его движении быстро распространилась между чеченцами, которые последовали за отрядом и сильно беспокоили ариергард своими неожиданными нападениями. Часть дороги на протяжении 4-х верст была покрыта густым лесом; тут горцы сделались смелее; их движения, благодаря густоте леса оставались незаметными для наших [100] войск, и только благодаря своей малочисленности они не успели нанести Цвиленеву серьезного вреда. С нашей стороны ранен только 1 унтер-офицер. 19-го сентября Цвиленев прибыл в Аку-юрт, где уже находился отряд корпусного командира.

20-го сентября барон Розен выслал 4 баталиона пехоты с 6-ю орудиями и 400 человек закавказской конницы для наказания непокорного аула Хелбоин-юрта. Исполнение этой незначительной задачи было возложено на флигель-адъютанта полковника князя Дадиана, который после небольшой перестрелки занял Хелбоин-юрт и разрушил его до основания. 21-го тот же Дадиан с 3-мя баталионами пехоты, 4-мя орудиями и 300 человек конницы разорил непокорные деревни Сагин-юрт, Казбек-юрт и часть Ямурцы-юрта. Жители этих селений также не оказали серьезного сопротивления, и с нашей стороны не было понесено никаких потерь. Зато во время фуражировок, производившихся нашими войсками 20-го и 21-го чисел, были убиты 1 всадник и 1 рядовой и ранено 4 человека. Во всей Чечне оставались не усмиренными или не наказанными несколько деревень, лежащих близ Аргуна и на Аксае. Но так как экспедиция против них потребовала бы несколько дней, то наказание этих деревень было отложено на некоторое время, и войска 22-го числа двинулись за качкалыковский хребет к Бога-юрту. Проведя в этом ауле ночь с 22-го на 23-е, корпусный командир, утром, с большей частью отряда выступил к Таш-кичу, а г.-м. Вольховского отправил к Аксаю с 4-мя баталионами пехоты, 3-мя конными полками, 6-ю легкими и 2-мя горными орудиями. По-видимому, Розен изменил прежний план и решил теперь же окончить усмирение Чечни, тем более, что деревни, против которых выступал Вольховский еще с 1826 года, находились в возмущении и безнаказанно предавались грабежам и разбою. [101] Теперь эти деревни, предоставленные одним лишь собственным силам, не решились вступить в неравную борьбу и предпочли подчиниться нашим требованиям. Поэтому, когда наш отряд появился на Аксае, первые шесть деревень, лежащие по течению этой реки, встретили Вольховского с изъявлениями полной покорности. Только в одном Миските жители, по-видимому, колебались в выборе окончательного решения. Сперва они готовились отстаивать свои жилища, но когда Вольховский объявил, что в случае малейшего сопротивления деревня будет уничтожена, жители представили аманата и обязались исполнить все наши приказания. На следующий день Вольховский, движением которого закончились военные операции в Чечне и Ичкерии, присоединился к главному отряду. Потери, понесенные нашими войсками в этой экспедиции, незначительны сравнительно с достигнутыми результатами и теми препятствиями, которые приходилось преодолевать на каждом шагу, двигаясь в дремучих лесах. Всего покорилось чеченских и ичкеринских деревень более 80-ти, из коих четвертая часть до этой экспедиции была вполне независима; сверх того, 61 селение было уничтожено за нежелание подчиниться нашим требованиям; штрафов и податей собрано на сумму около 5000 рублей и возвращено из плена около 30-ти душ обоего пола. Потери наших войск выразились в следующих цифрах: убито — штаб-офицер 1 и нижних чинов 66; ранено — штаб-офицеров 3, обер-офицеров 15 и нижних чинов 333; контужено — обер-офицеров 17 и нижних чинов 59. Расходы на перевозку провианта не превысили 1000 рублей. Перевозка

производилась главным образом назрановцами, мирными чеченцами, кумыками и ногайцами. Не лишним будет отметить, что осетинская, назрановская и кабардинская милиции, постоянно находившиеся при действующем отряде, с усердием и верностью исполняли возлагаемые на [102] них поручения. Это обстоятельство тем более заслуживает внимания, что осетины и назрановцы впервые принимали участие в действиях вдали от родины. Из Таш-кичу они, а также кабардинцы были распущены по домам. Корпусный командир, желая привлечь их к себе на будущее время, приказал выдать им жалованье наравне с закавказскими полками.

25-го, 26-го и 27-го сентября войскам был дан отдых; в то же самое время формировался провиантский транспорт, пополнялись артиллерийские запасы, а больные и раненые были отправлены в госпитали. Для охранения кумыкских земель и безопасности наших сношений через Чечню, Розен оставил при Таш-кичу г.-м. князя Бековича-Черкаского, в распоряжение которого дал 40-й Егерский и Донской казачий г.-м. Карпова № 30 полк с 12-ю легкими и 6-ю конными орудиями, а сам 28-го сентября двинулся через деревню Темир-аул в салатавские горы. Салатавцы, принимавшие в этом году деятельное участие в набегах Кази-муллы, в виду грозящей опасности прибегли к обычным уверениям в своей верности на будущее время и еще в лагере при Аку-юрте отправили к Розену для переговоров своих старшин. Оправдываясь в своих поступках, они указывали главным образом на то, что не все общество принимало участие в хищничествах Кази-муллы, а только ревностнейшие последователи его учения — мюриды. В ответ на просьбы старшин корпусный командир потребовал: 1) чтобы салатавцы вознаградили кумыкских князей и узденей, имущество которых было разграблено скопищем Кази-муллы, состоявшим преимущественно из самих салатавцев; 2) уничтожили дома и имущество мюридов и впредь не позволяли им селиться в салатавских владениях; 3) должны были принять на себя ответственность за все хищничества, которые произойдут на пастбищах, принадлежащих [103] кумыкским князьям; 4) обязаны были прекратить всякие сношения с непокорными обществами и не пускать в свои владения мятежников. Для наблюдения за точным исполнением этих требований решено было послать доверенных людей, а если бы салатавское общество замедлило исполнить все эти приказания, то Розен грозил прийти с войском для примерного наказания непокорных. Требования были обнародованы в салатавских деревнях посредством объявлений, разосланных кадиям и старшинам. 29-го сентября отряд барона Розена прибыл в Темир-аул. Оставив здесь вагенбург под прикрытием Московского пехотного полка, Розен с 8-ю баталионами пехоты, кавалериею, 6-ю легкими, 2-мя конными орудиями и горной артиллериею двинулся, 1-го октября, вверх по течению Сулака. Жителей попутных салатавских деревень Болгутая и Чир-юрта наши войска застали за мирными занятиями; в переговорах с корпусным командиром они подтвердили готовность исполнить обязательства, принятые на себя всем обществом. От Чир-юрта отряд в тот же день перешел к Зурамакенту. Недалеко от этой деревни Розена встретили старшины и заявили, что салатавцы готовы подчиниться всем его требованиям; вместе с тем они вручили корпусному командиру письмо, в котором между прочим просили пощадить мюридов, виновных, по их мнению, лишь в том, что они легкомысленно позволили ввести себя в заблуждение. Прежде чем вступить в переговоры по этому поводу, Розен расположился лагерем около Зурамакента, а затем, призвав старшин, объявил, что согласится на просьбу салатавцев относительно помилования мюридов только в том случае, если общество поручится за их будущее поведение или же потребует от них двух аманатов. От остальных салатавцев Розен также потребовал аманатов, причем заложники эти были лично им выбраны из членов [104] наиболее

влиятельных фамилий. Выслушав требования корпусного командира, старшины удалились для сообщения их обществу. На следующий день они заявили, что требуемые заложники будут доставлены все, кроме кадия деревни Зубута, который бежал за Сулак. По приказанию Розена, имущество этого кадия было уничтожено самими салатавцами. Насколько тревожные минуты переживали в это время салатавцы, довольно ярко показывает следующий случай. 2-го октября в лагерь корпусного командира прискакал Ахмет-Султан алухтинский и сообщил, что среди салатавцев ходит слух о приближении к Черкею отряда Клугенау и что эта весть вызвала всеобщий переполох. Удивленный полученным известием, Розен ответил, что он подобного приказания Клугенау не давал и что по всей вероятности возникло какое-нибудь недоразумение. Чтобы успокоить салатавцев, он вручил Ахмет-Султану предписание, в котором приказывал Клугенау вернуться обратно в Темир-Хан-Шуру, если он только оттуда выступил, и впредь без разрешения не приближаться к салатавским владениям. В ответ на это предписание Клугенау сообщил, что он из Темир-Хан-Шуры не выступал, так как к этому у него не было ни малейшего повода; что же касается слухов о его движении, то они возникли следующим образом. Два черкеевца отправились по своим надобностям в Каранай; когда они въезжали в селение, то встретившиеся по дороге жители, сообщили, будто отряд, находившийся в Темир-Хан-Шуре, если уже не выступил к Черкею, то сейчас выступит. Испуганные черкеевцы тотчас поскакали обратно, чтобы предупредить односельчан о грозящей опасности. Несмотря на позднее время, жители сбежались к старшине Джемалу и уговорили его немедленно отправиться в Темир-Хан-Шуру и сообщить Клугенау, что корпусный командир даровал им [105] прощение. Еще до рассвета Джемал прискакал в лагерь и просил разбудить Клугенау, сказав, что имеет весьма нужные бумаги. Клугенау немедленно его принял, и старшина на вопрос о причине приезда предъявил прощенный лист, выданный черкеевскому обществу. Клугенау поздравил его с этой милостью корпусного командира и спросил, нет ли у него еще каких-нибудь бумаг. Тогда Джемал рассказал об истинной причине своего приезда. Клугенау его ли, указывая на лагерь, погруженный в мирный сон, сказал: “неужели ты думаешь, что они спали бы так спокойно, если бы я собирался двинуться к Черкею?" 3-го и 4-го октября салатавцы доставили обещанных аманатов, и на следующий день Розен вернулся из Зурамакента в Чир-юрт, так как около этой деревни Сулак делался более доступным для переправы в брод. Остаток дня войска посвятили приготовлениям к сооружению моста, а корпусный командир выехал в крепость Внезапную, чтобы на месте обсудить вопрос об ее перестройке. Вагенбург, оставленный в Темир-ауле, получил приказание вновь присоединиться к главному действующему отряду. Вместе с вагенбургом в Чир-юрт прибыл отряд капитана Дюнанта. Отряд этот, состоявший из части артиллерийского парка, 3-го баталиона Эриванского карабинерного полка и нескольких орудий, до этого времени находился в крен. Внезапной и только несколько дней тому назад был присоединен к вагенбургу в Темир-ауле. Чтобы обеспечить войска фуражом после переправы через Сулак, Розен приказал Клугенау разузнать, можно ли в деревнях, расположенных по дороге от Чир-юрта до Темир-Хан-Шуры, достать фураж или подножный корм в количестве, необходимом для прокормления 3-х тысяч лошадей и 300 пар быков. Кроме того, необходимо было принять меры к обеспечению отряда водой, так как на всем [106] пути от Чир-юрта до Темир-Хан-Шуры почти не было совсем хорошей воды, а колодцы, из которых удовлетворяли свои нужды жители, были слишком маловодны. Розен решил воспользоваться заброшенной оросительной канавой, которая тянулась по дороге от Темир-Хан-Шуры на расстоянии около 20-ти верст. Он приказал Клугенау исправить и наполнить водой эту канаву, принимая однако меры предосторожности, чтобы не размыть дороги. Клугенау не замедлил сообщить, что фураж в

изобилии заготовлен жителями попутных деревень, а для исправления канавы уже выслано 40 человек. 6-го октября корпусный командир вернулся из своей поездки, и в тот же день войска начали переправу через Сулак. Для того, чтобы облегчить движение пехоте, еще накануне было приступлено к устройству двух мостов. Материалом для этой цеди послужили арбы, находившиеся в отрядном обозе. Их втаскивали в воду и крепко связывали одну с другой; когда таким образом ряд ароб был установлен до противоположного берега, образовалось нечто вроде моста, хотя и довольно узкого. На некотором расстоянии от этого моста был сооружен точно такой же другой; промежуток между ними был оставлен для перехода кавалерии, артиллерии и обоза. Несмотря на спешность, с какой производилась переправа, в первый день на ту сторону Сулака перешла только меньшая часть отряда. Переправу тормозила главным образом пехота, медленно двигавшаяся по узким и неудобным мостам. С наступлением вечера движение войск было приостановлено, а с рассветом следующего дня возобновилось. Часть пехоты, желая показать свое усердие, бросилась к реке и, несмотря на ее глубину и быстроту, благополучно переправилась в брод. Это обстоятельство значительно ускорило переправу: к вечеру уже весь отряд собрался на той стороне Сулака. 8-го октября войска [107] двинулись к Темир-Хан-Шуре, куда и прибыли в тот же день.

Приближалась зима — время наиболее неблагоприятное для военных действий в горах. Кази-мулла энергично продолжал укреплять Гимры и Ирганай; время от времени к нему прибывали новые партии горцев. Все это побуждало барона Розена спешить окончанием экспедиции. В ночь с 9-го на 10-е октября он отправил по каранайской дороге, ведущей к Гимрам, генерал-лейтенанта Вельяминова с Московским и Бутырским пехотными полками, 1-м баталион 45-го Егерского полка, 2-мя ротами Кавказского саперного баталиона, 3-мя легкими орудиями 20-й артиллерийской бригады, 4-мя горными единорогами, 4-мя кегорновыми мортирками и с частью всадников грузинского конного полка. Этому отряду было поручено осмотреть путь, спуститься в ущелье Сулака и приступить к разработке каранайской дороги, чтобы сделать ее проходимой для вьючных тяжестей. В то же самое время Розен поручил Ахмет-хану Мехтулинскому и Абу-Муселиму Казанищенскому набрать в Дженгутае из подвластных им горцев милицию и двинуться к Ирганаю. Назначение этого отряда состояло в том, чтобы по мере возможности препятствовать сношениям ирганайцев с Кази-муллой, отчего силы и внимание мятежников должны были раздробиться.

Каранайская дорога, по которой направился Вельяминов, нельзя было назвать дорогой в настоящем смысле этого слова. Поминутно приходилось то спускаться, скользя по размытому дождями грунту, то преодолевать крутые каменистые подъемы. Несмотря на все старания, отряд подвигался очень медленно; люди еле передвигали ноги и в Каранай ариергард прибыл только к 11-ти часам дня. Продолжать движение не было никакой возможности, ибо дальнейший путь представлял еще более затруднений, а вьючный скот, изнуренный [108] только что сделанным переходом, не мог быть употреблен в дело ранее 3-х часов. В виду этого Вельяминов решил остаться около Караная до следующего утра. Получив уведомление об остановке отряда, корпусный командир, желая отвлечь внимание Кази-муллы, отправил на эрпелинскую дорогу отряд полковника Клюки-фон-Клугенау, состоявший из одного баталиона Апшеронского пехотного полка, одного горного единорога, двух кегорновых мортирок и конной команды казаков и грузин. О выступлении этого отряда Розен немедленно уведомил Вельяминова, поручая ему руководство дальнейшими действиями Клугенау. Последний в тот же день вечером прибыл в с. Эрпели и, взяв проводников, начал подниматься на вершину Эрпели-тау. К рассвету отряд взобрался на хребет. Густой туман, окутывавший

гору, и снег, падавший крупными хлопьями, остановили движение наших войск. Несколько часов подряд солдаты стояли в бездействии. Слышно было как перекликивались аванпосты неприятеля, давая знать о приближении врага. Туман сгущался все более и более, посыпал густой снег. Тогда, около 12-ти часов, Клугенау приказал отступать к селению, но в 6 часов вечера прискакал от Вельяминова нарочный с приказанием занять вершину Эрпели-тау. На этот раз Клугенау ограничился тем, что послал на гору только две роты, под начальством маиора Абраменко, а сам расположился у родника на скате хребта. Чтобы не утомлять солдат, находившихся на вершине, он приказал заменять их свежими частями через каждые 12 часов.

В это время Вельяминов достиг уже спуска в глубокое ущелье Сулака. Густой туман, окутывавший окрестности, благоприятствовал движению наших войск. Первым начал спускаться Бутырский пехотный полк, имея перед собой 60 спешенных грузин; за Бутырским полком [109] следовали два горных единорога и четыре кегорновых мортирки в сопровождении 80-ти человек сапер; ариергард колонны составлял баталион 41-го Егерского полка. Московский пехотный полк был оставлен у начала спуска для прикрытия легких орудий. На протяжении первых четырех верст дорога тянулась по косогорам и обрывам; эту часть спуска с трудом преодолевали даже пешие люди. Следующие четыре версты представляли узкую каменистую тропинку, перебегавшую с уступа на уступ по карнизам горы; кое-где тропинка была высечена в голой скале, а в одном месте прерывалась совсем, и, чтобы спуститься на следующий уступ, пришлось прибегнуть к помощи деревянной лестницы. Вскоре затем тропинка разветвлялась. Одна, чуть заметная, вела к Сулаку несколько ниже Гимр. Воспользоваться ею не представлялось возможности, так как в некоторых мечтах она прерывалась и, спускаясь по ней, надо было прыгать с уступа на уступ, на что решались только самые отважные горцы; разработка ее отняла бы слишком много времени и усилий. Другая тропинка тянулась по обрывам на протяжении почти 10-ти верст и затем сливалась с тропой эрпелинского спуска, который до соединения с этой тропой несравненно труднее гимринского (вернее каранайского). Далее дорога пролегала глубоким, извивающимся ущельем, стесненным с обеих сторон высокими обрывистыми скалами хребтов. Недалеко от Гимр эту теснину преграждали три ряда каменных стен, а склоны ущелья были усеяны каменными завалами в несколько ярусов. Укрепления эти были возведены с большим знанием дела, и горцы настолько были уверены в своей безопасности, что у них вошло в поговорку выражение: “русские только дождем могут войти в Гимры." 1-й баталион Бутырского пехотного полка спустился довольно скоро. Две роты этого баталиона остались внизу, а остальные роты и сводная рота 43-го Егерского [110] полка, под начальством полк. Пирятинского, двинулись дальше и заняли находящуюся впереди высоту, под которой лежали Гимры. Горцы не оказали никакого сопротивления, а несколько выстрелов, сделанных ими в наступавший отряд, не причинили никакого вреда. Около 4-х часов к Пирятинскому присоединилась артиллерия, сопровождаемая 2-м баталионом Бутырского полка, который помогал спуску орудий и вьюков. Когда все части отряда спустились в ущелье и расположились лагерем вблизи находившейся там овчарни, рота Бутырского полка поднялась на возвышенность, занятую Пирятинским, и снова присоединились к своему баталиону. Немедленно было приступлено к разработке дороги, чтобы в случае надобности можно было спустить легкие орудия. Работами руководил штабс-капитан Богданович, благодаря распорядительности и энергии которого к 13-му октября первая часть спуска, до лагеря Вельяминова, была расширена и не представляла других неудобств кроме крутизны; сделать же дорогу менее покатой не было никакой возможности.

Получив от генерал-маиора Вольховского сведения о положении дел, Розен, 14-го октября, выступил из Темир-Хан-Шуры с остальными частями войск, назначенными для действий против Гимр. В состав этого отряда вошли Эриванский карабинерный полк, 2-й баталион Херсонского гренадерского полка, 1-й баталион Тифлисского пехотного полка, два горных орудия, 3 кегорновых мортирки, линейные казаки, находившиеся при главном действующем отряде, и 200 спешенных всадников 1-го и 2-го закавказских полков. Расположив для ночлега войска в Каранае, сам Розен проследовал далее, чтобы лично ознакомиться с состоянием спуска. В то же время он послал маиора Эспехо к Вельяминову, узнать мнение последнего относительно дальнейших действий против Гимр. Вельяминов [111] ответил, что самое верное средство проникнуть в Гимры это — спустить в гимринскую теснину 6-ти фунтовые пушки, необходимые для разрушения стен, преграждавших путь к селению. Горные единороги для этой цели недостаточны, так как по существу дела требуются ядра. Спуск 6-ти фунтовых пушек не представлял больших затруднений, но подъем обратно без сомнения оказался бы гораздо труднее, а потому Вельяминов просил у корпусного командира разрешения нарядить от 100 до 200 человек для спуска, в виде опыта, 6-ти фунтовой пушки до лагеря, находившегося в занятом нашими войсками ущельи; для подъема пушки обратно на хребет будут назначены свежие люди. Опыт, по мнению Вельяминова, должен был указать количество времени и людей, необходимых для обратного поднятия орудий. Предлагая произвести спуск орудия только до лагеря, он руководился тем соображением, что дальнейший путь был несравненно легче. Воспользоваться для нападения на Гимры тропинкой, ведущей к Сулаку, Вельяминов считал невозможным, но так как Розен настаивал на повторении изысканий, то он отправил на рекогносцировку маиора Эспехо, Богдановича и поручика Левисона. Вернувшись назад, последние сообщили, что наименьшая высота скалы, с которой нужно спускаться от лагеря к Сулаку, достигает до 12-ти сажен. Но так как измерения производились веревкой с камнем, то весьма вероятно, что камень, цепляясь за выступы, не позволял делать точных определений глубины обрыва; они сообщили также, что, в случае нападения наших войск на Гимры по большой дороге, в этом месте можно будет спустить стрелков для действия по отступающим, для чего следует назначить горцев или грузин, т. е. людей наиболее привычных к лазанью по скалам. Во всяком случае это предприятие было сопряжено с большой опасностью, так как в случае сильного нападения горцев [112] стрелки лишены будут возможности отступить. Розен согласился с доводами Вельяминова и, в виду наступивших уже морозов, приказал ему торопиться окончанием экспедиции, так чтобы взятие Гимр и возвращение войск на горы отняло не более пяти дней. На это предписание Вельяминов ответил:

“На сие долгом почитаю представить. вашему высокопревосходительству, что назначенный срок только что может достаточен быть на овладение Гимрами; на возвращение же войск на гору полагаю нужным еще по крайней мере трое суток. Если по каким-либо соображениям не найдется возможности продержать здесь войска на означенное время, то не угодно ли приказать начать отступление с завтрашнего дня."

15-го октября корпусный командир выступил из Караная. Вся дорога была покрыта глубоким снегом, а на вершине хребта и на всем спуске лежал сдой льда. Все это заставило Розена отказаться от спуска легких орудий, так как обратный подъем в случае неудачи поставил бы войска в безвыходное положение. Орудия эти были оставлены в Каранае под прикрытием линейных казаков и части Московского пехотного полка, который был спущен несколько ближе к Каранаю; две роты этого полка Розен присоединил к своему отряду. С прибытием его разработка дороги значительно подвинулась вперед, так как теперь уже не старались

приспособлять ее для движения легких орудий. Гимринцы между тем вывозили из аула свои семейства и имущество к Ирганаю. Временами к ним продолжали прибывать подкрепления, однако от активных действий они пока воздерживались, ограничиваясь незначительной перестрелкой с нашими разведчиками. Только 15-го числа, когда наши войска приступили к расширению тропинки, ведущей на эрпелинскую дорогу, неприятель в числе 400 человек занял крутой перевал и поспешно возвел [113] на нем каменные завалы. Чтобы выбить горцев из занятой ими позиции, Розен выслал под начальством полковника Пирятинского Бутырский пехотный полк с грузинами влево, в обход завалов, а баталионы Херсонского гренадерского и Тифлисского пехотного полков направил прямо на завалы, по которым в это время довольно удачно действовали два горных единорога. Несмотря на открытый горцами ружейный огонь, пехота наша смело бросилась вперед, и неприятель без сопротивления очистил завалы. Во время этой стычки с нашей стороны был только легко ранен один рядовой, а между тем этот перевал имел большое значение, так как от него тропинка делалась шире и доступнее для движения горных орудий. На другой день была разработана к нему дорога, но движение отряда вследствие сильного тумана пришлось отложить до следующего утра.

13-го числа барон Розен приказал части милиции, собранной Ахмет-ханом, выступить из Дженгутая по дороге, ведущей к Ирганаю. Около 2-х часов пополудни отряд этот расположился на хребте, лежащем недалеко от селения. Высланные вперед разведчики открыли неприятельские пикеты и караулы, расставленные возле деревни, и дали об этом знать Ахмет-хану. Густой туман препятствовал с одной стороны видеть расположение неприятельских сил, а с другой следить за действиями главного отряда. К вечеру прибыла в лагерь другая часть милиции, в числе 1500 человек. Вслед затем явились 6 ирганайских жителей, изъявивших покорность. Ахмет-хан тотчас же воспользовался этим и отправил одного из них лазутчиком в Ирганай, двум другим было приказано вернуться в Ирганай и объявить жителям, что они должны доставить аманатов, а остальных Ахмет-хан удержал в лагере. Из расспросов, которым подвергли ирганайцев, выяснилось, что гимринцы и ирганайцы свои семейства и [114] имущество перевезли в деревню Балак, расположенную по ту сторону Сулака; жители этого аула до появления милиции думали идти на помощь гимринцам, теперь же изменили свое решение и примкнули к ирганайцам. Кроме того, они сообщили, что Кази-мулла рассылает по всем койсубулинским деревням прокламации, в которых просит подкреплений, но, по-видимому, его старания не имеют успеха. В ночь с 13-го на 14-е при сильном морозе выпал глубокий снег. Милиционеры, не имевшие хорошей теплой одежды, взволновались и многие из них ночью покинули лагерь и разбрелись по домам; с наступлением утра побеги не прекратились — и положение становилось критическим. Чтобы удержать в строю остальных милиционеров, пришлось спуститься с хребта и стать лагерем в 6-ти верстах от прежней позиции. Но этим дело мало улучшилось: за побегами, оставалось около 500 человек, да и те поминутно надоедали жалобами, что они не имеют провианта и т. д. Ахмет-хан и Абу-Муселим приняли меры, чтобы обеспечить свой отряд продовольствием и собрать беглецов, но последнее не удалось, побеги продолжались и в отряде осталось только 400 человек. К вечеру вернулся посланный накануне лазутчик и сообщил, что Кази-мулла, узнав о приближении к Ирганаю милиции, послал туда Гамзат-бека с 30-ю лезгинами, а в помощь ирганайцам явились жители койсубулинских деревень Шулатлу и Кодук. Гамзат-бек тотчас же возвел завалы в ущельи, в том месте где соединяются дороги, ведущие в Ирганай из Гимр, Эрпели и Дженгутая. 15-го октября Ахмет-хан предпринял рекогносцировку с отборными нукерамн. Перевалив через хребет, его разведчики спустились на ирганайскую

дорогу, где наткнулись на неприятельские пикеты, которые без сопротивления отступили и скрылись в узком проходе, занятом Гамзат-беком и его лезгинами. Ахмет-хан не решился атаковать этот [115] проход со своими милиционерами и вернулся обратно в лагерь. Ирганайцы и унцукульцы, несмотря на свое обещание, аманатов не доставляли; ясно было, что они ждали исхода нападения на Гимры, чтобы действовать потом сообразно с обстоятельствами. Побеги милиционеров продолжались по-прежнему и к 17-му их осталась незначительная горсть. Впрочем в них уже не было никакой нужды. 17-го октября на рассвете главный отряд двинулся на эрпелинскую дорогу. Решено было в этот день атаковать теснину, занятую Кази-муллой и его сообщниками. Накануне были сделаны все приготовления для предполагаемого движения: войска снабжены провиантом на 8 дней, артиллерийские и ружейные запасы пополнены из парков. Для каждого единорога было взято по 150-ти гранит и по 60-ти картечных зарядов, а для мортир по 60-ти. Для прикрытия сообщения с вершиной хребта, на каранайском спуске были оставлены 3 роты Эриванского карабинерного и 2 роты Московского пехотного полков. Дорога, по которой двигался отряд шла скалистым обрывом; отсюда были видны Гимры и ущелье Кахха. Гимры расположены на правом берегу Сулака, и, несмотря на то, что селение лежит на значительном возвышении, высокие утесы, окружающие аул, скрадывают эту возвышенность. Как было сказано выше, вершина, находившаяся по правую сторону эрпелинской дороги, была в наших руках, но спуститься отсюда к уступам, занятым неприятелем, не было никакой возможности. Противоположная сторона теснины, скалистая и покрытая густым лесом, была усеяна завалами; внизу же три ряда каменных стен преграждали доступ к селению. Число защитников стен и завалов простиралось до 3000 человек. На скалах правой стороны ущелья вскоре было найдено полковником генерального штаба Занденым место для двух горных единорогов, откуда орудия могли стрелять вдоль передней [116] стены и в тыл двух задних стен, но слишком большое возвышение орудий над целью делало наши выстрелы почти безвредными; действие же артиллерии с фронта парализовалось извилинами ущелья. Таким образом успех предприятия всецело зависел от занятия завалов, которые командовали над стенами, преграждавшими дорогу. Когда положение неприятельской позиции вполне выяснилось, Розен приказал Вельяминову атаковать завалы. Атакующая колонна составилась из 4-х баталионов пехоты, 2-х горных орудий на железных лафетах, спешенных грузин, всадников 1-го и 2-го закавказских полков и линейных казаков. Это были те самые казаки, которые участвовали в деле полковника Волжинского; теперь они просили позволения смыть своею кровью тяготевшее на них нарекание. Остальные части войск, под начальством корпусного командира, двигались на некотором расстоянии от колонны Вельяминова. Движение их задерживалось двумя горными орудиями на деревянных 4-х колесных лафетах, которые с трудом двигались по узким горным дорогам. Прочие два орудия были оставлены, под прикрытием одной роты Эриванского карабинерного полка, для действия в тыл неприятельских завалов; орудиями этими командовал корпуса инженеров путей сообщения маиор Эспехо. Меткой стрельбой он сильно беспокоил горцев, засевших в завалах, по которым в то же самое время довольно удачно действовали 4 кегорновые мортирки, порученные подпоручику 21-й артиллерийской бригады Бестужеву. Вельяминов, приблизившись к неприятельской позиции, послал два баталиона Бутырского пехотного полка с грузинами и всадниками закавказских подков с приказанием выбить неприятеля из-за завалов, находившихся на левой стороне ущелья. План его состоял в следующем. Как только бутырцам удастся выбить неприятеля и зайти таким образом в тыл первой стены, [117] баталионы Херсонского гренадерского и Тифлисского пехотного полков с саперами и двумя горными единорогами произведут атаку этой стены с фронта. Розен одобрил

распоряжения Вельяминова, но неудачное исполнение их не позволило нашим войскам сразу овладеть стеною. Командир Бутырского пехотного полка полковник Пирятинский с одним своим баталионом поднимался на самую вершину горы; другому баталиону, под начальством маиора Лазаревича, с грузинами и закавказскими всадниками было приказано следовать несколько ниже, чтобы выбить неприятеля из нижних завалов. Маиор Лазаревич, поднявшись несколько на гору, снова спустился и бросился прямо на первую стену, но атака его была отбита. Командующий баталионом Херсонского гренадерского полка маиор Колачевский и командир баталиона Тифлисского пехотного полка маиор Борейша, видя движение маиора Лазаревича к стене, поспешили оказать ему поддержку, однако и это ни к чему не повело: атакующие снова были отброшены с большим уроном. Вельяминов в это время шел по следам посланных им вперед отрядов. В конце спуска на эрпелинскую дорогу он принужден был на некоторое время остановиться, так как на высотах, находившихся с левой стороны теснины, появился значительный отряд лезгин, спускавшийся по дороге, ведущей из Ирганая. Вскоре затем показался и другой отряд, направлявшийся к Гимрам. Прежде всего нужно было прогнать лезгин, так как в противном случае они могли отрезать Вельяминова и передовую колонну от главных сил. Задача эта была возложена на полковника князя Дадиана с одним баталионом Эриванского карабинерного полка. В то же самое время были посланы два конных татарина узнать, какие войска виднеются на спуске к Гимрам и не был ли это апшеронский баталион, которому приказано было идти на [118] соединение с остальными войсками. Выстрелы, которыми встречены были наши разведчики, обнаружили, что тут находились горцы. Вельяминов дал знать об этом Розену, а сам поспешил к месту сражения, где и застал дело в описанном положении. Видя, что неудачный исход атаки является только следствием опрометчивости, Вельяминов решил атаковать неприятеля по тому же самому плану, а пока насколько возможно укрыл от выстрелов войска в извилинах ущелья. Чтобы ослабить стрельбу горцев, двум горным единорогам было приказано стрелять по ближайшим завалам. Эта мера подействовала; но, к несчастью, под одним из орудий сломался довольно скоро лафет. Между тем неприятельский отряд, замеченный Вельяминовым, продолжал спускаться по ирганайской дороге. Насколько выяснилось впоследствии, это был Гамзат-бек, который должен был действовать нам в тыл, как только войска углубятся в ущелье. Корпусному командиру пришлось поневоле приостановить движение своего отряда. В это время на вершине хребта, по которому пролегала эрпелинская дорога, показался баталион Апшеронского пехотного полка, под начальством подполковника Клюки-фон-Клугенау, которому еще накануне было приказано снабдить свой отряд провиантом на 8 дней, с рассветом, в случае благоприятной погоды, подняться на Эрпели-тау и ожидать там дальнейших распоряжений. На следующий день Клугенау получил приказание следить за движением войск и, как только главный отряд перейдет в наступление, спуститься с Эрпели-тау и идти на соединение с атакующей колонной. В случае, если эта последняя почему-либо будет задержана, ему следовало остановиться, чтобы не потерять возможности обратно подняться на гору. Отряд Клугенау подоспел как нельзя более вовремя и кстати. Гамзат-бек понял, что теперь он не в силах исполнить свою [119] задачу, тем более, что разыгравшаяся еще утром метель усилилась и оставаться на хребте сделалось немыслимым. Гамзат-бек принужден был отступить. Пользуясь этим, Розен тотчас выслал Вельяминову в подкрепление баталион 41-го Егерского полка с 2-мя горными единорогами и 3-й баталион Эриванского карабинерного полка. Три роты Апшеронского полка, входившие в состав отряда Клугенау, были направлены для усиления передовой колонны; одна же рота этого полка и баталион Эриванского карабинерного полка оставлены для наблюдения за ирганайской дорогой.

Вельяминов оставался в томительном бездействии, ожидая появления Пирятинского, который, несмотря на все усилия, с трудом взбирался по крутому склону хребта, лишенному дорог и поросшему густым лесом. Вскоре после прибытия подкреплений, на хребте начал показываться отряд Пирятинского. Тогда Вельяминов вторично поручил двум ротам Бутырского пехотного полка с грузинами н закавказскими всадниками выбить неприятеля из нижних завалов, а баталионам 41-го Егерского и Эриванского полков приказал атаковать горцев, засевших несколько выше. Пирятинский с своей стороны, заметя начавшуюся атаку неприятельской позиции, стал быстро спускаться вниз. Совместные действия этих отрядов дали блестящие результаты. Едва только роты Бутырского полка перешли в наступление, горцы бросили завалы и обратились в беспорядочное бегство. Таким образом линия обороны была разорвана. Пользуясь этим, Вельяминов приказал распространить атаку на остальные пункты неприятельской позиции. Двум ротам Тифлисского пехотного полка приказано было штурмовать завалы, примыкавшие непосредственно к первой стене, а другим двум ротам того же полка и баталиону Херсонского поручено овладеть самой стеною. Солдаты смело бросились на приступ; цепляясь за [120] камни, они взбирались на стену и вступали в рукопашный бой. После нескольких минут отчаянного сопротивления, горцы были сломлены и бросились бежать, в надежде укрыться за второю стеною. Однако тифлисцы преследовали их так быстро, что на плечах неприятеля ворвались в ворота второй стены; горцы не успели остановиться и дать отпор и побежали дальше. В это время одна рота Бутырского полка, выбивала, как было сказано, неприятеля из нижних завалов; задачу эту она выполнила довольно скоро и тотчас же присоединилась к херсонцам и тифлисцам. Войска, растянувшиеся во время преследования, вновь соединились за второю и третьей стеной, которую заняли без сопротивления. Горцы рассеялись по всему ущелью и по склонам гор, расположенных вправо от Гимр. Около первой стены ими были сложены две небольшие каменные сакли. Когда наши войска овладели этой стеной, несколько горцев укрылись в саклях и открыли ружейный огонь. Большая часть атакующих была занята преследованием неприятеля, а здесь оставалось только две роты сапер, два горных единорога и мелкие команды около раненых. Чтобы заставить неприятеля выйти из саклей, Вельяминов приказал единорогам открыть огонь по передним стенам. Несколько горцев, после первых же выстрелов выскочили и бросились бежать, но тут же были переколоты штыками. Остальные продолжали отстреливаться, не обращая внимания на то, что им грозила опасность погибнуть в развалинах. Тогда Вельяминов вызвал охотников, которые решились бы выбить неприятеля штыками. Охотники тотчас же выискались, смело проникли внутрь саклей и перекололи всех скрывавшихся в них. Пока это происходило внизу теснины, баталионы Эриванского, Бутырского и 41-го Егерского полков выбивали неприятеля из верхних завалов. 1-й баталион 41-го Егерского полка, опередивший остальные войска, попал в [121] такое место, откуда засевшие в завалах горцы не имели возможности отступить, а должны были или умереть с оружием в руках, или броситься с высокого утеса. Они дрались с ожесточением, более 60-ти человек легло на месте, а остальные бросились вниз, где большинство разбилось о камни. К сожалению, с нашей стороны в этом деле был ранен командовавший баталионом 41-го Егерского полка Кавказского саперного баталиона штабс-капитан Богданович. Уже стемнело, когда он повел своих егерей на последний остававшийся в руках горцев завал. Пуля сразила его первым. Солдаты, огорченные смертью начальника, с яростью бросились на горцев и всех истребили. Наступила ночь и не позволила войскам продолжать наступление. Баталион Бутырского и 3 роты Эриванского полка спустились вниз, баталион 41-го Егерского полка и рота Эриванского расположились отрядами по всему склону хребта. Передовая колонна, усиленная баталионом апшеронцев, остановилась между 3-й

стеной и селением, а главные силы расположились не доходя первой стены. Передовую часть войск Розен передал в командование подполковнику Клюки-фон-Клугенау. На другой день, 18-го октября, войска подступили к Гимрам; горцы более не сопротивлялись — и аул был занят без выстрела. Взятием Гимр закончилась тяжелая и продолжительная экспедиция этого года. Потери наши выразились в следующих цифрах: убито — обер-офицер 1 и нижних чинов 40; ранено — штаб-офицеров 2, обер-офицеров 16, лекарь 1 и нижних чинов 320; контужено — обер-офицеров 18 и нижних чинов 53. У горцев одних убитых осталось на поле сражения 192 человека. Но эта цифра должна быть менее действительной, так как из слов гимринцев выяснилось, что они не досчитывались 300 человек. В числе убитых находился Кази-мулла и вернейшие его мюриды. Они погибли в тех [122] самых каменных саклях, которые были выстроены за первой стеной.

Со смертью Кази-муллы пламя мюридизма на время угасло и в горах восстановилось спокойствие. Койсубулинские деревни одна за другой спешили заявлять о своей покорности и раскаянии, предоставляя себя милосердию победителя. В виду невозможности продолжать военные действия, Розен ограничился требованием аманатов и выдачи пленных. Только одних гимринцев корпусный командир обязал уплатить штраф по 6-ти рублей с дыма и обложил ежегодной податью в размере одного рубля. В обеспечение исполнения этих обязательств гимринцы представили 8-х заложников, которые были препровождены в Темир-Хан-Шуру и переданы в ведение полковника Гофмана, на которого вместе с тем был возложен сбор штрафов и податей за первый год. С другой стороны гимринцы обязывались прекратить всякие сношения с враждебными нашему правительству племенами и по-прежнему стать в зависимость от шамхала тарковского.

На другой день после взятия Гимр Розен приказал разослать по всем деревням Дагестана следующее объявление:

“Правосудие Божие постигло возмутителя общего спокойствия изувера Кази-муллу. Он, первые последователи его и множество обманутых им людей истреблены победоносным российским воинством в известном неприступностью своею гимринском ущельи. Гимринцы говорили, что русские могут к ним сойти только дождем, но забыли, что и камни с гор ниспадают, и гром, и молния поражают злодеев. Да послужит сие примером для всех врагов спокойствия, да прибегнут они с раскаянием к могущественному российскому правительству и по милосердию Великого Государя будут прощены, но если кто впредь осмелится возбуждать злоумышления, тот подвергнется неминуемому наказанию. Не спасут его ни горы, ни леса, ни ущелья: везде пройдут победоносные российские войска, везде [123] непокорные изменники наказаны будут. Сие испытали галгаи, ичкеринцы, чеченцы, гимринцы и другие. Имеющие уши да слышат и уразумеют."

21-го числа гимринские жители доставили аманатов, выбранных самим Розеном среди наиболее влиятельных фамилий. Аманаты эти поступили под надзор русского начальства, а не шамхала, как это делалось прежде — мера, вынужденная теми поблажками, которые по необходимости делались шамхалом, стесненным связями своих подвластных с койсубулинцами. Начиная с 19-го числа и по 23-е к Розену являлись старшины койсубулинских деревень, прося помилования и обещая исполнить все наши требования. 24-го все они были приведены к присяге на верноподданство Государю Императору, после чего им были розданы охранные листы такого содержания:

“Кадиям, старшинам и всему обществу койсубулинскому.

Так как койсубулинский народ, раскаясь в прежнем заблуждении своем, принес присягу на верноподданство величайшему из Государей земных Всемилостивейшему Государю Императору Всероссийскому, то, приняв оный под высокое покровительство Его Императорского Величества, я приказал всем начальникам соседних с вами земель поступать с вами дружески, предать забвению все прошедшее, не причинять вам обид и отнюдь не делать никаких отомщений за прежнее время, коего самое воспоминание да исчезнет. Сверх того, вам будет дозволено по-прежнему ездить по делам вашим и производить торговлю везде в пределах наших. Вы же обязываетесь в совершенной точности исполнять все данные мною вам приказания и впредь вести себя сходно с данною вами присягою, в уверение чего и дан вам сей лист"...

25-го октября войска начали обратное движение и благополучно дошли до последнего подъема. Здесь Розен оставил отряд и поехал вперед, а командование войсками передал генералу Вельяминову. 27-го числа все войска, [124] бывшие в экспедиции против Гимр, возвратились в Темир-Хан-Шуру. Доставленное сюда тело Кази-муллы было отправлено в крепость Бурную, где и предано земле с соблюдением всех мусульманских обрядов. 28-го было отслужено благодарственное молебствие за успешное окончание экспедиции, а на следующее утро войска начали расходиться по своим штаб-квартирам. Отдавая последние распоряжения перед отъездом в Тифлис, корпусный командир приказал щамхалу тарковскому следить за тем, чтобы койсубулинцы, являющиеся в его владения, были снабжены билетами, выдача которых поручена Сеид-эфенди араканскому и Шабан-кадию унцукульскому. Подобное же предписание Розен послал Ахмет-хану мехтулинскому, владения которого также граничили с землей койсубулинцев. Этой мерой он хотел приучить горцев к порядку и повиновению, тем более, что Сеид-эфенди и Шабан-кадий были известны своею преданностью русскому правительству.

Раньше было сказано, что Розен отложил на некоторое время наказание нескольких чеченских деревень, расположенных близ Аргуна, в виду того, что деревни эти лежали в стороне от направления действовавшего отряда. Теперь же та часть отряда, штаб-квартиры которой находились на северном Кавказе, могла снова вступить Чечню и завершить ее усмирение. Задача эта была возложена на Вельяминова, в распоряжение которого поступили: одна рота Кавказского саперного баталиона, 6 рот Эриванского карабинерного полка и 1-я бригада 14-й пехотной дивизии. Остальные войска направились в Грузию двумя путями: одни через кавказскую линию и Владикавказ, другие через Дагестан и Ширван. В первый отряд вошли 1-я рота Кавказского саперного баталиона, 6 рот Эриванского карабинерного полка, 2-й баталион Херсонского гренадерского, 4 орудия донской конно-артиллерийской № 3 роты и горная артиллерия, [125] принадлежащая 21-й артиллерийской бригаде; отряд этот до переправы через Сулак двигался вместе с колонной Вельяминова. Второй отряд составился из 1-го баталиона Тифлисского пехотного полка, направлявшегося в Закаталы, 1-го баталиона 41-го Егерского полка, Кавказской гренадерской артиллерийской бригады легкой № 2 роты, конных полков грузинского и 1-го и 2-го закавказских. Последние два полка получили разрешение, с прибытием на родину, разойтись по домам. Больные и раненые во время действий против гимринцев были отправлены в крепость Бурную; но так как в госпитале не оказалось достаточного места, то часть их пришлось разместить в казармах. В Темир-Хан-Шуре остались два баталиона Куринского пехотного полка с 5-ю легкими орудиями и 2-мя

горными единорогами. В креп. Бурной и Дербенте поставлено по две роты того же полка. Баталион Апшеронского пехотного полка, бывший в отряде подполковника Клюки-фон-Клугенау, расположился близ Дербента. Таким образом, в северном Дагестане имелось 4 баталиона, которые в случае надобности довольно быстро могли стянуться к Темир-Хан-Шуре. Два баталиона 42-го Егерского полка возвратились в Шушу, а Донской казачий Шурупова № 13 полк был отправлен на родину. Для того, чтобы войска не теряли времени на фуражировки, Розен предписал всем комендантам и окружным начальникам заготовить все необходимое в тех пунктах, через которые должны были проходить отряды. 30-го октября корпусный командир осматривал креп. Бурную, а на следующий день выехал в Тифлис.

Но не успел еще замолкнуть в горах гром русского оружия, как появились первые признаки нового возмущения. После взятия Гимр Гамзат-бек и другие приверженцы Кази-муллы принуждены были бежать в аварские горы. Аварский хан, несмотря на многократные приказания [126] Розена, не принимал никаких мер против мятежников, скрывавшихся в его владениях. Гамзат открыто проживал в деревне “Хунзаках," находившейся в 10-ти верстах от “Хондзака" резиденции самого хана. Укрывая Гамзат-бека, Нуцал-хан постоянно оправдывался тем, что Гамзат его родственник, духовное лицо и живет в своей деревне между своими подвластными. “Если я убью или захвачу его — пояснял он — то горные жители будут мной недовольны и произойдет возмущение." Когда русские войска прибыли в Темир-Хан-Шуру и готовились к нападению на Гимры, Розен приказал Нуцал-хану выдать Гамзат-бека и других мятежников.

“Удивляюсь — писал корпусный командир аварскому хану — что вы, боясь неудовольствия горных жителей, не осмеливаетесь наказать разбойника Гамзат-бека. Если вы не в силах этого сделать, то следовало бы откровенно признаться в слабости своей и не отговариваться от исполнения обязанности своей по причинам вовсе неуважительным, о которых верноподданному Его Императорскому Величеству неприлично и упоминать. А потому опять повторяю приказание и дружественный совет воспользоваться нынешними обстоятельствами, показать верность и усердие к службе всемилостивейшего Государя Императора нашего и наказать Гамзат-бека и других мятежников."

Нуцал-хан и на этот раз не принял никаких мер против этого опасного человека. Когда Гимры были взяты и Гамзат-бек снова укрылся в Аварии, Розен решил обратиться к матери аварского хана Паху-бике, которая, благодаря своему влиянию на сыновей, в сущности управляла всем ханством. Вот содержание его письма:

“Желаю вам и сыну вашему высокостепенному Нуцал-хану успеха против непокорных вам. Об обстоятельствах моих усмотрите из прилагаемых объявлений к дагестанским и другим народам, которые прошу сделать известными в соседних с вами [127] обществах. Теперь для вашего вразумления должен объяснить, что священная воля Государя Императора есть, чтобы повсюду было непременно восстановлено спокойствие. По милости Божией главные виновники возмущения уже наказаны, многие народы уже усмирены, но необходимо, чтобы никто из верноподданных Государя Императора не давал убежища непокорным и чтобы они были везде преследуемы. Посему повторяю вам еще раз требование мое, чтобы вы сами наказали Гамзат-бека или выдали его российскому начальству, коль скоро он возвратиться к вам, ибо безнаказанное пребывание сего разбойника в подведомственном вам крае очернит вас самих перед российским правительством."

Хитрая Паху-бике притворно пошла навстречу желаниям Розена; узнав о взятии Гимр, она тотчас же отправила гонца поздравить корпусного командира с победой.

“Будучи извещена — писала ханша — что ваше высокопревосходительство достигли желаемой как вами, так и нами цели, я с радостью выслушала приятную весть о знаменитых действиях ваших. Этим вы более прежнего приобрели сердечное наше уважение. Остальные враги впредь не избегнут подобной участи и они уже не будут по-прежнему скрываться там, где мы вознамеревались наказывать их. При этом необходимым считаю довести до сведения вашего следующие обстоятельства: дагестанские жители, прибегнув к нам и не получая от нас никакого наставления и уверения, думают, что вы намереваетесь явиться к ним и заявили мне, что все готовы умереть, потому что, если ваше высокопревосходительство пришли только для наказания Кази-муллы, то для чего же до сих пор остаетесь с войсками в Гимрах. Это обстоятельство, по всегдашнему моему к вам доброжелательству, вынуждает меня советовать вашему высокопревосходительству не оставаться долее на том месте, где вы теперь изволите находиться, ибо, по мнению моему, это место для вас не выгодно.

Осведомившись о прибытии вашем в Темир-Хан-Шуру, я в то же время послала человека к сыновьям своим и требовала их [128] к себе, дабы одного из них прислать к вашему высокопревосходительству, но до сих пор посланный мною не возвратился; я полагаю, что сыновья удержаны народом, по обстоятельствам, о которых я сообщила прежде."

Корпусный командир отвечал весьма вразумительно и ясно:

“Рад буду увидеть одного из сыновей ваших, еще более рад, что вы сами изъявляете, наконец, готовность исполнить обязанность вашу как верноподданной Его Императорского Величества и обещаетесь истребить мятежников, которые до сего имели пристанище во владениях ваших сыновей. Повторяю, что вы непременно должны это безотлагательно исполнить. Что же касается до данного вами мне совета скорее возвратиться из Гимров, должен объяснить вам, что не только в этом селении, к которому теперь проложена аробная дорога, но и во всяком другом месте останусь столько, сколько нужно будет, и что победоносному российскому воинству нигде нет опасного места, ибо грудь русского солдата есть крепость сильнейшая гор, ущелий и лесов, как это доказали многие прежние походы и особенно все происходившее в этом году."

В Дербенте барон Розен подучил от Нуцал-хана заведомо ложное письмо:

”Я с братом моим Ума-ханом отправились на некоторое время из своего владения в те места, где необходимо нужно было наказать мятежников и привести всех виновников в повиновение. Получивши радостное известие, что ваше высокопревосходительство взяли Гимры, где убиты были известный возмутитель народа Кази-мулла и многие его приверженцы, я возвратился из упомянутых мест в Хунзах и нашел всех жителей в окрестностях нашего владения в большом волнении — они намеревались идти на помощь гимринцам; в виду этого я счел своим долгом принять всевозможные меры, чтобы возвратить их в деревни; мои старания в данном случае известны Богу и всему народу."

В ответ на это письмо Розен словесно, через [129] посланного, еще раз подтвердил приказание относительно поимки Гамзат-бека. Как было сказано выше, первые признаки неповиновения появились тотчас же по окончании экспедиции. 2-го ноября полковник Гофман доносил уже Розену, что предполагаемый койсубулинцами джегин (собрание) не состоялся. Причиной

этого были жители деревни Унцукуль, примкнувшие большею частью к Гамзат-беку. Корпусный командир писал Гофману, что из получаемых известий этого не видно, по крайней мере Сеид-кадий в своих письмах ничего не говорил об этом, а потому предписывал ему впредь излагать свои донесения так, чтобы они представляли настоящее положение дел, не давая повода к неверным заключениям, могущим возбудить тревогу. Вместе с тем Розен приказал через лазутчиков собрать самые точные сведения о настроении умов в койсубулинских деревнях. 23-го ноября он возвратился в Тифлис. Во время следования через Дагестан, ширванскую и шекинскую провинции, елисаветпольский округ, татарские дистанции и тифлисский уезд он знакомился с состоянием края и находившихся в нем укреплений.

В начале декабря от полковника Гофмана было получено известие что гимринцы не возвращают пленных и не вносят штрафных денег, а у него между тем израсходовались суммы, отпущенные на содержание заложников. Генерал-маиор Каханов послал Гофману 36 рублей и предписал для сбора контрибуции обратиться за содействием к Сеид-кадию араканскому, кадию унцукульскому и шамхалу тарковскому. Что же касалось пленных, то предложил объявить гимринцам, чтобы они доставили их в течение 10-ти дней, или они подвергнутся новому штрафу. Угроза не подействовала: назначенный срок истек, а пленные и штрафные деньги не были доставлены.

Новая экспедиция в Чечню не состоялась. [130] Генерал-лейтенант Вельяминов, на которого было возложено наказание чеченских деревень, лежащих по Аргуну, должен был отказаться от выполнения этой задачи, так как зима наступила рано и солдаты, обносившиеся во время летней экспедиции, едва ли могли перенести все трудности зимнего похода. Прибыв в Ташкичу, Вельяминов донес, 22-го ноября, корпусному командиру о необходимости отказаться от дальнейших операций и вместе с тем распустил войска, входившие в состав его отряда. 1-я бригада 14-й пехотной дивизии расположилась в станицах по Тереку и готовилась к выступлению в Москву, а 6-ти ротам Эриванского карабинерного полка и 3-й роте Кавказского саперного баталиона приказано было вернуться в Тифлис, направляясь через Моздок, Екатериноград и Владикавказ. Этим роспуском закончились военные события 1832 года на левом крыле. Следующий приказ Императора Николая I отметил и вознаградил заслуги войск, действовавших под начальством барона Розена:

“Храбрые воины! Непоколебимому мужеству вашему вверил Я усмирение диких и необузданных племен дагестанских: лезгин, чеченцев, галгаевцев и карабулаков, увлеченных к восстанию изувером Кази-муллою, водворение прочного между сими народами спокойствия и покорности правительству. Подвиг сей совершен вами с успехом, ожиданиям Моим вполне соответствующим. Повсюду поражали вы непокорных и быстрого действия вашего не могли остановить ни бесчисленные препятствия, воздвигнутые на пути вашем самою природою, ни отчаянная храбрость мятежников. Толпы их истреблены на стремнинах и в ущельях Кавказа, в продолжении многих веков почитавшихся неприступными и непроходимыми, а сам глава мятежа, хищный Кази-мулла, пал, тщетно защищая противу вас последнее убежище диких своих однородцев, знаменитое на Кавказе своею неприступностью, Гимры. Воины! Вы стяжали полное право на Мою благодарность, и Я исполняю долг [131] приятный, торжественно изъявляя вам оную столько же за примерную храбрость и неустрашимость вашу, сколько и мужественное терпение н твердость в бесчисленных трудах совершенной вами экспедиции, соблюдение во всех частях строгого воинского порядка и благоустройства и все

похвальные качества, коими вы и в достопамятные кампании 1827, 1828 и 1829 годов стяжали удивление и справедливое уважение окружающих вас иноплеменных народов и упрочили между ними славу оружия российского. Я уверен, что слава сия всегда будет вашим уделом."

Причиной неповиновения койсубулинцев приказаниям наших властей являлось обнаружившееся в среде их разногласие. Тогда как более мирные элементы старались убедить в необходимости повиноваться победителю, другие, настраиваемые приверженцами Кази-муллы, всеми силами старались воздвигать препятствия в стремлении общества исполнить требования русских. Желая сделать невозможным возвращение пленных и беглых, горцы распродавали их по деревням соседних обществ. Клевреты Гамзат-бека, разъезжая по аулам, убеждали сторонников шариата примкнуть к их патрону. Мать Кази-муллы послала к Гамзат-беку одного из верных людей сообщить, что она предоставляет в его распоряжение имущество убитого имама, собранное для целей газавата. Это обстоятельство конечно значительно облегчало задачу Гамзат-бека, указывая на него как на наиболее подходящего преемника власти Кази-муллы. Он поспешил воспользоваться этим преимуществом и разослал своих приверженцев к андийцам, гумбетовцам и койсубулинцам, приглашая их явиться для обсуждения своего положения в д. Гуджак. Собрание не отличалось многочисленностью, из некоторых деревень, например, Араканов н Ирганая никто не явился, но Гамзат-бека это не смутило. Отлично понимая, что здесь собрались люди наиболее ему преданные и что его предложения будут приняты собранием [132] беспрекословно, он обратился к присутствующим с следующими словами:

“Права ваши не связаны с Кази-муллою; его смерть не уничтожила их, и вы должны свято отстаивать их. Когда пришли русские, вы не хотели помочь своим соотечественникам; если русские придут еще раз к нам и вы не поможете, то навсегда сделаетесь рабами врагов н лишитесь своих прав. Вы должны помогать друг другу."

Дальнейшее содержание речи до нас не дошло, но если судить по принятому собранием решению, то можно с уверенностью заключить, что Гамзат-бек потребовал признания себя преемником Кази-муллы. Присутствовавшие поклялись оказывать взаимную помощь, во всем повиноваться Гамзат-беку и даже выработали размер штрафов, которым должны были подлежать селения, не покорные воле нового имама. Чтобы усыпить несколько бдительность русской власти, Гамзат и его приверженцы заявляли через гимринцев, являвшихся в полковнику Гофману, о своем желании покориться нашему правительству и сделаться на будущее время его верными слугами. Получив об этом уведомление, г.-м. Каханов предложил Гамзат-беку явиться для личных переговоров в Темир-Хан-Шуру, куда он выехал для инспектирования Куринского полка, но осторожный и недоверчивый Гамзат-бек ограничился присылкой писем на имя Гофмана и Каханова. Первому он писал:

”Отправленный от вас человек с письмом для примирения прибыл ко мне и я, узнав содержание оного, собрал все общество, имеющее со мною сообщения, и мы, посоветовавшись, изъявили согласие на примирение с вами с тем, чтобы оно не принесло вреда шариату нашему. Мы остановим военные действия, пока будем повиноваться. Впрочем, я весьма стараюсь о распространении нашего шариата и веры и собираю людей из деревень мусульманских для тех, кои противны шариату и делают коварство в их землях. А [133] потому за старание мое для веры нашей вы ничего не должны сказать, если только желаете примириться со мною. В противном случае имеете велю действовать так, как вам угодно."

В этом письме Гамзат-бек намечает в общих чертах программу своей будущей деятельности: принудительная пропаганда шариата, война с теми из обществ, которые откажутся признать власть имама, и, наконец, война с Россией, как только ее интересы столкнутся с интересами вводимой религии. Письмо к Каханову написано в совершенно противоположном тоне. Вот его содержание:

“Присланный от вас человек прибыл ко мне и я изъявил согласие на предложение ваше; повинуюсь вам и что ни прикажете, постараюсь исполнить. Должна быть пощада во всем подобно мне незначущему человеку. А потому прошу вас исходатайствовать мне у Государя прощение за прежние происшествия. И вы также пощадите меня."

Между тем разосланные шамхалом шпионы донесли, что даргинцы, койсубулинцы, цудахарцы и аварские беки находятся в сношениях с Гамзат-беком и поклялись свято исполнять его приказания, что клевреты Гамзат-бека разглашают повсюду о предполагающемся весною движении русских войск в Аварию и что этот слух особенно сильно волнует легковерных горцев. Шамхал убеждал Розена принять теперь же серьезные меры и не допускать распространения мятежа, как это было в прежние годы. Что же касается примирения с Гамзат-беком, то и шамхал понимал, что “не следует доверять ему, так как он с одной стороны вызывает мошенников повиноваться ему, а с другой просит о примирении." Тем не менее корпусный командир приказал Каханову сообщить Гамзат-беку, что если он действительно желает примириться и совершить путешествие в Мекку, то пусть представит аманатом своего сына. Как раз в это время Гамзат-бек обратился к [134] шамхалу и просил его быть посредником и ходатаем перед русским правительством. Он согласился дать в аманаты одного из своих родственников, но только с условием, чтобы и шамхал в свою очередь прислал к нему своего сына; кроме того, он просил для себя и 10-ти спутников по 100 рублей на дорогу. Донося об этом Розену, шамхал присовокуплял, что он согласен дать аманатом своего сына, но только побочного, так как, по дагестанским законам, Гамзат-бек, как джанка, мог получить в залог только джанку. В ответ на это Розен сообщил шамхалу, что находит не совместимым с его достоинством отдавать своих детей в аманаты, тем более, что заложники у горцев вообще скверно содержатся; что же касается Гамзат-бека, то для него должно быть достаточно одного слова русского начальства. На этом пока и прекратились сношения с Гамзатом. Сведения, подучавшиеся о нем и об его клевретах, были слишком неясны и противоречивы. Происходило это потому, что Гамзат-бек не был достаточно силен, чтобы начать наступательные действия, а его предположения, сильно преувеличенные, быстро разносились по Дагестану и сообразно источнику, из которого исходили слухи, принимали ту или иную окраску. Прежде чем приступить к обзору событий следующего года, не мешает в кратких чертах проследить историю наших сношений с аварским владетельным домом. Этот обзор тем более полезен, что деятельность Гамзат-бека главным образом сосредоточилась в Аварии, которая вообще играла видную роль в истории мюридизма.

Текст воспроизведен по изданию: Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник, Том 20. 1899

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

ВОЙНА НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

С 1824 ПО 1834 г.

В СВЯЗИ С МЮРИДИЗМОМ

(Продолжение).

XXIX.

Аварские ханы Гебек и Султан-Ахмет-хан. Авария подвластна двум ханам. Последние события в Дагестане и роль, которую играли в них Паху-бике и Нуцал-хан.

После смерти знаменитого Ума-хана, опустошившего Грузию и разбитого нашими войсками в 1800 году близ речки Иоры, управление аварским ханством должно было перейти к брату Ума-хана Гебеку. Власть и влияние нового хана, и без того незначительные, парализовались происками. вдовы предшественника — Гихили, давно ненавидевшей Гебека. Что подало повод к вражде — неизвестно, но Гихили теперь более чем когда-нибудь искала случая отомстить. Первые шаги к кровавой развязке были сделаны самим Гебеком. Желая упрочить свое положение в Аварии и не сознавая какого врага он имеет в лице Гихили, Гебек решил вступить с нею в брачный союз. Предложение его не встретило отказа со стороны вдовствующей ханши, ибо положение невесты давало ей возможность исполнить заветную мечту. Воспользовавшись удобным случаем, Гихили пригласила жениха к себе в дом и здесь приказала его умертвить. После Гебека остался сын Сурхай, но так как матерью его была дочь простого узденя, то он считался незаконнорожденным и, по обычаям Дагестана, не мог наследовать власти своего отца. Престол аварский оставался таким образом вакантным. Вскоре однако, происками Гихили, аварское ханство досталось Султан-Ахмет-хану дженгутайскому, за которого она вышла замуж. Чтобы еще более упрочить власть своего мужа, Гихили выдала за него дочь Ума-хана, свою падчерицу, Паху-бике. В сношениях своих с русскими Султан-Ахмет-хан старался выказывать наружную покорность и настолько успел внушить к себе доверие, что в октябре 1802 года высочайшим рескриптом на имя [136] кн. Цицианова повелено было выдавать аварскому хану по 5-ти тысяч рублей серебром в год. Дальнейший ход событий вполне обнаружил двуличность Султан-Ахмет-хана, и когда в ноябре 1803 года один из русских отрядов (генерал-маиора Гулякова) подвергся нападению скопища, предводительствуемого родственником хана Алискандером, князь Цицианов отказал хану в дальнейшем производстве содержания. В декабре 1806 года граф Гудович, уведомляя министра иностранных дел о приведении к покорности лезгин, в чем принимал участие и Султан-Ахмет-хан, просил ходатайствовать перед Императором о возвращении аварскому хану права на получение содержания. В январе 1807 года последовало высочайшее разрешение, а в апреле, когда Султан-Ахмет-хан принес присягу на вечное подданство и прислал в аманаты своего родственника, Гудович отправил к нему полугодовой оклад содержания. Вместе с тем аварскому хану пожалован был чин генерал-маиора, а пенсион, получаемый им, был обращен в жалованье. В 1818 году Ермолов вновь приказал прекратить производство содержания, назначенного Султан-Ахмет-хану — распоряжение, вызванное с одной стороны возмущением

Дагестана, в чем, как вскоре обнаружилось, хан принимал деятельное участие, с другой стороны Ермолов был недоволен поведением жены аварского хана, которая не доставляла обещанных сведений о грузинском царевиче Александре. Преследуя хана, Ермолов через преданных нам аварцев разыскал сына Гебека — Сурхая, пригласил его в Тифлис, обласкал и оказал этому претенденту на ханский престол значительную поддержку. Чтобы сделать Сурхая в Аварии необходимым, Ермолов запретил аварцам вступать в торговые сношения с нашими подданными, и когда тяжелое экономическое положение, вызванное этой мерой, сделалось невыносимым, [137] главноуправляющий дал Сурхаю печать и разрешил выдавать приверженным ему аварцам пропускные билеты. Это мероприятие произвело желаемое действие: популярность и влияние Сурхая, опиравшиеся на столь твердую почву, возросли; оставалось только официально обнародовать Сурхая аварским ханом, о чем Ермолов и ходатайствовал перед Государем. На представление Ермолова последовало высочайшее разрешение, но из дел не видно состоялось или нет обнародование нового хана; известно только, что Сурхай со смерти Ахмет-хана до 1830 года пользовался в Аварии наибольшим влиянием. Семейство Ахмет-хана, обладая большими родственными связями, всеми силами старалось сохранить за собой некоторое значение и восстановить свою власть. В 1828 году начальник кавказской области генерал Емануель вступил с семейством Ахмет-хана в переговоры и, когда последнее изъявило желание вступить в подданство России, распорядился приводом его к присяге, которую и приняли: несовершеннолетний Абу-Султан-Нуцал-хан, мать его Паху-бике, ханша Гихили и два младших брата Нуцал-хана. Граф Паскевич, подучив от Емануеля донесение об этих распоряжениях, признал их не соответствующими обстоятельствам и находил, что правительству нашему, признавшему Сурхай-хана владетелем Аварии, неудобно лишать его без всякого повода власти и уважения, которыми он начал было пользоваться. Чтобы отвратить неудобства такого положения вещей, он обласкал семейство Ахмет-хана, признал Нуцал-хана владетелем только той части Аварии, которая повиновалась ему и его матери, а все остальные деревни, подчинившие себя власти Сурхай-хана, утвердил за последним, и на этих основаниях заключил с обоими владетелями акты на верноподданство. Ясно однако было, что власть и значение Сурхай-хана, человека ограниченного и не имевшего значительных родственных связей, должны будут [138] свестись к нулю; поэтому-то Паскевич, желая поддержать Сурхай-хана и оказать видимые знаки уважения человеку, сохранившему в течение 9-ти лет преданность России, признал необходимым наградить Сурхай-хана чином полковника и назначить ему жалованье в 2000 рублей серебром в год. С другой стороны подобные же награды были назначены и Нуцал-хану. Чем вызваны эти непоследовательные действия — трудно объяснить; ясно только, что они не достигали цели, так как не давали Сурхай-хану никаких преимуществ перед соперником. Объявление ханам чинов и отправление к ним подарков было приостановлено до их примирения; однако тревожные происшествия последних дет многое изменили. Как и следовало ожидать, предоставленный собственным силам, Сурхай-хан потерял всякое значение и влияние, между тем на долю Нуцал-хана выпала значительная роль в последних событиях.

Под влиянием волнений последних лет аварское ханство разлагалось и в описываемое время представляло собою небольшое лезгинское общество, лежавшее к западу от владений шамхала тарковского и Ахмет-хана мехтулинского, между Аварским и Андийским Койсу. Это была почти квадратная площадь, тянувшаяся в обе стороны на расстояние около 50-ти верст, гористая, бесплодная, редко населенная, со всех сторон окруженная независимыми

лезгинскими обществами — койсубулинским, гумбетовским, андийским и т. д. Владения, принадлежащие собственно хану, составляли меньшую часть Аварии и состояли из нескольких деревень, платящих ему небольшую подать; остальные аварцы, хотя и считали хана своим владетелем и иногда платили ему дань, но повиновались только в том случае, если он личными качествами умел приобретать народную любовь или посредством родственных связей составлял значительную партию, которая в случае надобности оказывала поддержку. [139] Хан Аварии Абу-Нуцал был молод и не успел еще обнаружить тех способностей, которые могли бы снискать ему любовь и влияние среди подвластных, а потому и не удивительно, что власть его ограничивалась Хунзахом и несколькими принадлежащими ему окрестными деревнями. Другой владетель Аварии, Сурхай-хан, представлял собою не более как помещика с тремя принадлежавшими ему деревнями. Сама Авария, запрятанная в Дагестане и окруженная огромными горами, представляла страну малодоступную, куда еще ни разу не пробирались наши войска; это и было одною из причин, почему ханы и их подвластные находились вне сферы нашего полного влияния, а Авария много лет служила очагом восстаний и хищнических предприятий. Другая причина постоянной смуты в ней чисто экономическая: неплодородная почва, суровый климат и нерадивое отношение к хозяйству вызывали крайнюю бедность, которая нередко заставляла аварцев решаться на участие в набегах и разбоях в наших пределах. Из характерных черт аварцев нужно отметить коварство, своевольство, склонность к праздной жизни, воинственность и любовь к независимости. Прекратить грабежи своих подвластных аварские ханы были не в состоянии, и всякая попытка в этом направлении грозила потерей и того ограниченного влияния, которым они пользовались. Хан силою обстоятельств принужден был действовать в духе народа, а вместе с тем считаться с требованиями нашего правительства, чтобы не лишиться получаемого от России содержания. Таким образом вся политика Нуцал-хана и его матери сводилась к этому опасному лавированию.

В 1830 году Кази-мулла сделал набег на владения Нуцал-хана и требовал, чтобы хан присоединился к его скопищам для нападения на Акушу, Казикумух и для действий против наших войск. Нуцал-хан или, вернее, [140] Паху-бике, мать его, не только не согласились на предложение Кази-муллы, но даже отважились вступить с ним в борьбу и удачно отразили атаку на свою резиденцию Хунзах. Поступок хитрой Паху-бике тогда же был доведен до высочайшего сведения, и Государь повелел отправить присланных от имени Нуцал-хана депутатов обратно в Аварию, вручив им милостивую грамоту и подарки, назначенные ее владетелю. Затем Паскевич письмом от 4-го июня объявил Нуцал-хану об утверждении его в ханском достоинстве, пожаловании чина полковника и о назначении ему пенсии по 2000 рублей в год; что же касается подарков, назначенных ему, то о них он умолчал, в ожидании новых заслуг Нуцал-хана. Впоследствии однако вполне обнаружилось, что Паху-бике вынуждена была сопротивляться скопищу мюридов единственно из личных выгод: Кази-мулла принуждал Нуцал-хана принять шариат, т. е. духовное управление, которое, конечно, не входило в интересы владельцев; потому не удивительно, что Нуцал-хан и мать его не согласились принять требования Кази-муллы и выступили против имама с оружием в руках. В дальнейших возмущениях Дагестана Нуцал-хан лично не принимал никакого участия и потому заслужил особенное доверие г.-ад. Панкратьева, а через него и Розена, который в начале 1832 года отправил хану задержанные Паскевичем подарки. Дальнейшие события этого года заставили однако Розена усомниться в искренности аварского хана и его матери. Несмотря на неоднократные требования, Нуцал-хан уклонялся от выдачи Гамзат-бека,

несвоевременно сообщал о его замыслах и предприятиях и не принимал никаких мер, чтобы удерживать аварцев от участия в набегах других лезгин. Во время экспедиции 1832 года, когда часть наших войск выступила на северную покатость кавказского хребта, Гамзат-бек, пользуясь отсутствием русских, вторгнулся в [141] джарскую область. Как известно, предприятие это не удалось и скопище рассеялось, а Гамзат-бек, потерявший доверенность своих сообщников, принужден был скрыться в свою аварскую деревню. Неожиданное появление наших войск в ичкеринских горах смутило Нуцал-хана и его мать, полагавших, что войска наши двинутся через Андию в Аварию, тем не менее когда наш главный отряд открыл действия против Кази-муллы и аварцы частью присоединились к скопищам имама, частью пристали к Гамзат-беку, Нуцал-хан и Паху-бике готовили новые толпы если не для подкрепления Кази-муллы, то для противодействия нашим войскам в самой Аварии. Когда же Гимры были взяты и путь в Аварию открыт, они поспешили поздравить Розена с одержанной победой и уверить в своей непоколебимой преданности. Позднее время не позволило продолжать военные действия, а потому Розен принужден был вновь ограничиться одним только требованием выдачи Гамзат-бека.

Что касалось другого владетеля Аварии, Сурхай-хана, то, по неизвестным причинам Паскевич не объявил ему о высочайше дарованных милостях, и так как Сурхай по своей незначительности не мог принести нам особенной пользы, то и Розен счел излишним назначение ему столь значительного пенсиона. Не желая однако оставить Сурхая без всякого содержания, тем более, что он был близким родственником Аслан-хана казикумухского, Розен решил выдавать Сурхай-хану содержание сообразно его заслугам, по усмотрению местных властей, и на первый год назначил ему только 600 рублей.

Этим и закончились наши сношения с аварскими владетелями в 1832 году (Статья не кончена за смертью автора).

П. Кублицкий.

Текст воспроизведен по изданию: Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник, Том 20. 1899

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

ТРЕХЛЕТИЕ В ДАГЕСТАНЕ

1849-Й ГОД

(1847-й и 1848-й годы описаны в VI и VII томах «Кавказского Сборника».).

ОСАДА УКРЕПЛЕНИЯ ЧОХ.

I.

Положение дел в горах после 1848-го года. События, предшествовавшие нашей экспедиции. Совещание Шамиля в Анди с наибами и кадиями. Меры неприятеля к обороне. Нападение

большой партии на Темир-Хан-Шуру. Отражение мюридов, покушавшихся отбить наш транспорт, и подвига рядового Уколова. Назначение войск для летних действий в прикаспийском крае. Наши военные предположения. Селения Чох и Согратль. Цели и виды князя Воронцова.

Взятие нашими войсками в 1847-м и 1848-м годах двух главнейших укрепленных пунктов в Дагестане — Салты и Гергебиля хотя несколько и поправило наши дела, расстроенные предыдущими неудачными годами — именно в том отношении, что сильно и благоприятно для нас повлияло на население сомнительно-покорное; но для интересов Шамиля в горах не имело особенного значения: он, в глазах мусульманских народов края, возносился все выше, выше и, наконец, приобрел такую силу и власть над враждебными нам обществами, что даже самые казни [242] совершались по его велению без малейшего прекословия и без явного ропота со стороны лиц, родственных или близких для пострадавших. Вследствие этого, он стал для нас противником еще более опасным. Сообразно его силе и значению, дух непокорных обществ, в особенности при энергичном и удачном содействии такого важного сподвижника его и нашего заклятого врага, как бывший султан Даниельбек, вырос до уровня почти невероятного. Пораженные, разбитые наголову у Салты, Гергебиля, Мескинджи, рассеянные у Ахты, они вовсе не считали себя побежденными — и, конечно, вполне основательно — даже не сознавали, что потерпели громадные неудачи; напротив, они были уверены, что теперь-то и показали себя вполне достойными нас противниками, с которыми всякие столкновения весьма опасны. Они надеялись, что счастливые для них случаи еще впереди — и почти не ошиблись: славная, замечательная осада Чох в 1849-м году была, с другой стороны, по результатам своим для нас, повторением бомбардирования Тилитля в 1844-м году.

Зная дела и положение противной стороны так, как они были на самом деле, командующий войсками зорко следил за неприятелем и усердно оберегал страну. Но пока, вокруг было все тихо: в январе 1849-го года глубокие снега и холода мешали горцам выдвинуться из своих убежищ. Но к февралю уже начались попытки, служившие как бы продолжением преднамерений и действий неприятеля, бывших в 1848-м году.

В ночь на 27-е января партия мюридов внезапно заняла селения казикумухского ханства: Холуеми, Холяки и Хунаши. Правитель ханства Агалар-бек тотчас двинулся с милицией к этим деревням. Мюриды, узнавшие о движении его, бежали, не успев причинить населению какой-либо вред. Другая партия мюридов, под начальством [243] наибов Муртузали и Муса-Хаджи напала на сел. Чукну, вицхинского магала, но была отбита с уроном и также удалилась. В тот же день замечена была и третья партия, в числе более 600 конных, которая подошла к сел. Чонт-аулу с намерением разграбить его, но была открыта секретами из жителей и отступила. Узнав об этом последнем случае, командир нижегородского драгунского полка генерал-майор Круковский, заведовавший войсками на Сулаке, немедля занял пятью эскадронами пространство между Чир-Юртом и Внезапной, опасаясь, чтобы партия не предприняла еще чего-нибудь ниже селения Костека; но утром оказалось, что она бежала в горы окольными путями.

Попытки эти перешли в более серьезные поползновения: с 19-го февраля стали получаться сведения о сборах неприятеля около селений Чох и Салты. Но так как эти известия по большей части противоречили одно другому, то князь Аргутинский не доверял им, тем более, что не получал донесений от Агалар-бека, который один мог достоверно знать обо всем этом. Поэтому, он послал в горы верных людей для положительных известий. Но прежде чем они

возвратились, Агалар-бек донес, что Шамиль должен отправиться 26-го февраля через Андию и Карату в Тилитль, где назначен сборный пункт, и что он имеет намерение произвести вторжение в казикумухское ханство тремя толпами — под личным своим начальством, Хаджи-Мурата и Даниельбека. Этого было довольно для князя Аргутинского, чтобы немедленно перевести три батальона князя Варшавского полка и дивизион горной № 6-го батареи на левый берег р. Самура, и иметь в совершенной готовности к движению по первому востребованию; вместе с тем, велено собрать и приготовить кубинских военных нукеров, кюринскую, [244] кайтагскую и табасаранскую милиции, 3-й батальон самурского, 3-й дагестанского, 2-й апшеронского полков, 4-ю роту стрелкового батальона, шесть орудий горной № 4-го батареи, два ракетных отделения, дивизион драгун и две сотни казаков. Князь Аргутинский, со своей стороны, по первой тревоге намерен был выехать в Казикумух, чтобы быть ближе к месту действий.

Пока приводились в исполнение все эти распоряжения, большие скопища конных и пеших горцев быстро собирались в Салатавии, в селениях Алмаке и Зандаке; но цель их еще была неизвестна. Все это заставило отложить выступление в Казикумух до тех пор, пока обстоятельства разъяснятся и укажут, куда именно следует отправиться нашим войскам. Шамиль же, действительно, выехал из Дарго, но проехал не в Тилитль, а в Анди, и там 2-го марта собрал на совет всех наибов и кадиев и условился с ними насчет обороны этого года. Он предупредил всех представителей непокорных обществ, что войска наши двинутся в горы с трех сторон: от Салатавии, Чечни и Андаляля, почему на совете и было решено — укрепить различные пункты в этих местах. Так как Шамиль не мог одинаково присутствовать на всех пунктах, то начальство над горцами, которые должны были действовать против войск прикаспийского края, поручил Хаджи-Мурату.

Когда эти сведения со всею обстоятельностью дошли до князя Аргутинского, и он убедился, что до решительных действий и приведения в исполнение всех предположенных Шамилем мер еще довольно далеко, то приказал — три батальона князя Варшавского полка перевести обратно на правый берег р. Самура. Разъехавшись из Анди, наибы тотчас воспользовались собранными уже толпами и приступили к работам в Ирибе, Чохе, на уроч. Улиаб [245] и на других пунктах в горах, более доступных нашим войскам. К первому апреля, они достаточно их укрепили, и оставив там гарнизоны, частью разошлись по домам, частью, благодаря везде обнажившимся в горах дорогам, принялись за обыкновенное свое ремесло — нападения на наши окраины, которыми всегда знаменовался период, предшествовавший нашим экспедициям в горы. Одно из таких нападений, 14-го апреля, на Темир-Хан-Шуру произвело у нас большой переполох и даже вызвало некоторые замечания Государя Императора.

В означенный день, в одиннадцать часов ночи, конная партия в восемьсот человек, под предводительством отважного Хаджи-Мурата и закоренелого в боях и во вражде к нам Мусы белоканского, укрывшись не в дальнем расстоянии от Шуры, выжидала лишь более позднего времени, чтобы ворваться внутрь укрепления и разграбить — как уже обнаружено впоследствии — торговые заведения. Хаджи-Мурат был уверен, что его предприятие увенчается успехом, так как хорошо знал, что укрепление не достроено, и гарнизон его слаб. Выслав по дороге в Шуру конный разъезд из пяти человек, а сам притаившись у Муселим-аула, он терпеливо ожидал от него подробных сведений о результате осмотра укрепления со всех сторон. Но разъезду не посчастливилось: он наткнулся на команду охотников апшеронского полка, был встречен несколькими выстрелами, потерял одну лошадь и без

оглядки бежал к своему скопищу. Выстрелы были услышаны в Шуре, и воинский начальник тотчас вышел на юго-восточный бастион, ожидая прибытия охотников. Но они не очень торопились, думая, что появление татар было связано с обыкновенным мелким грабежом или хищничеством, которое повторялось почти каждую ночь. Сняв преспокойно седло с убитой лошади, апшеронцы повернули [246] обратно и методически плавно прибыли, наконец, к валу, дав часовым условный отзыв. Когда же они доложили о случившемся воинскому начальнику, то последний взглянул на это несколько серьезнее: он приказал охотникам, не отдаляясь много от вала, соединиться с другою командою, бывшею в обходе по дороге к селению Кафыр-Кумык, и ожидать — не покажутся ли хищники вторично; сам же, с тридцатью патрульными, взятыми частью из караула у аварских ворот, остался на бастионе.

Хаджи-Мурат, известясь от своего разъезда о встрече и тревоге, приблизился насколько возможно к Шуре, спешил триста отчаянных голов и приказал им навестить гарнизон; всех прочих всадников он оставил в резерве. Отряженная партия, прикрываясь сильною темнотою, подошла незаметно почти к самому валу. Тут только она наткнулась на команду охотников, которые, получив приказание воинского начальника, собирались направиться к Кафыр-Кумыку для соединения со своими товарищами. Гикнув, при дружном залпе, и свалив четырех апшеронцев, горцы опрокинули команду и кинулись по ее следам на бруствер; в одно мгновение они водрузили два значка возле нашей батареи и дерзко полезли через восточную часть вала во внутренность укрепления. Но как отважно было нападение, так молодецки произведен и отпор: горсть людей, окружавшая воинского начальника, встретила их выстрелами и штыками и свалила обратно книзу, а барабанщик, не ожидая приказания, заколотил такую тревогу, что сразу поднял на ноги всю Шуру. Однако из всего этого вышло пока мало проку, потому что часть горцев, не обескураживаясь от первой неудачи, бросилась к стороне вала, более удаленного от бастиона, ворвалась внутрь и через две минуты была у стен лазаретного отделения. Больные переполошились, призвали на [247] помощь все свои слабые силы и, повскакав с постелей, сбились в одну комнату. Тут они поспешно напали загромождать двери кто чем попало. Усердие их увенчалось полным успехом, и как горцы ни хлопотали, а отворить дверей не могли. Таким образом, безоружные больные отстояли себя голыми руками, и поплатился только один несчастный, который не мог подняться с койки и был ранен выстрелом из ружья. Истощив бесполезно всевозможные старания в штурме баррикадированной двери, и видя, что усердный барабанщик распространил тревогу по всему укреплению, хищники кое-как захватили несколько подушек, одеял и кружек и бросились обратно. Но в это время 4-й батальон апшеронцев, под начальством майора Павлова, с одной стороны, а полковник Асеев, с собранным им резервом, с другой — встретили бежавшего неприятеля и приняли его в штыки. Горцы, пользуясь темнотою, разбросались во все стороны и вскоре исчезли за валом; преследовать их в густом мраке решительно было невозможно. Только с рассветом были отправлены за ними драгуны, шамхальская милиция, батальон апшеронского полка и одно орудие, но они бежали, не останавливаясь, и к тому времени уже перевалились через хребет по дороге к Бурундук-кале.

Потеря наша в эту ночь заключалась из двух унтер-офицеров и четырех рядовых убитыми, одного унтер-офицера и семи рядовых ранеными; неприятель потерял до 20-ти человек убитыми и от 30-ти до 40 ранеными. Пять человек из числа убитых принадлежали к почетным жителям аварских селений; двое из них имели знаки отличия, данные Шамилем за военные подвиги.

По докладе Его Величеству об этом происшествии, Государь Император соизволил отозваться, что оно [248] доказывает чрезвычайную оплошность в охранении крепости, и что главнокомандующий, конечно, поставит это на вид начальству крепости и примет меры, дабы впредь подобного случиться не могло. Получив от военного министра такого рода отзыв, князь Воронцов дал знать об этом князю Аргутинскому; но последний, в оправдание себя, донес, что с самого вступления им, в конце 1847-го года, в командовало войсками в прикаспийском крае он обращал все свободные от военных действий способы на устройство в Темир-Хан-Шуре оборонительных казарм, но постройка их не пошла доселе желаемым образом потому, что состояние края вообще требует продолжительного употребления большого числа войск для действий против горцев в поле и тем неизбежно уменьшает средства, обращаемые на устройство обороны Темир-Хан-Шуры; если же еще затем усилить работы по этому укреплению, то это может иметь весьма пагубное влияние на здоровье войск, без того ослабленное свирепствовавшею здесь холерою и потрясаемое местными упорными лихорадками и цингою.

С нашей стороны этим все пока и ограничилось; но горцы не останавливались в своих предприятиях, и в ночь на 28-е апреля опять напали на одно казикумухское селение, где хотя и были встречены караулом, состоявшим из шестидесяти человек, но успели отбить десять штук скота; когда же подоспел на помощь с милициею полковник Агалар-бек, то они быстро бежали — однако уведя с собою добычу. У нас убито три и ранено также три милиционера; неприятель потерял семь человек одними убитыми. Другая же партия, в числе ста мюридов, с двумя значками, в тот же день напала на транспорта с провиантом, состоявший из восьми вьючных лошадей и следовавший из укрепления Ходжал-Махи в цудахарский форт, под командою самурского полка [249] прапорщика Дебашинского и под прикрытием команды из двух унтер-офицеров и двадцати пяти рядовых. До появления транспорта, хищники скрывались на верхних террасах по правую сторону казикумухскаго Койсу, так что с дороги их совершенно невозможно было видеть, и патруль, шедший впереди, их не заметил. Пропустив его беспрепятственно, горцы допустили прикрытие наравне с собою и, сделав залп, бросились в шашки одновременно на авангард и арьергард. Но если патруль и не усмотрел их, за то остальная команда не была так беспечна и, не будучи немало сражена неожиданностью, лихо отбросила мюридов штыками. В ожидании, что нападение может повториться, командующий транспортом прапорщик Дебашинский приказал живо перевязать за поводья вьючных лошадей и, загородив ими прикрытие, сам с унтер-офицером и несколькими человеками расположился за камнями, чтобы уменьшить число людей между вьюками. Дебашинский отгадал: едва только все его распоряжения были исполнены, как хищники, сделав новый залп, опять бросились в шашки. Результата был тот же, что и прежде. После того, атаки повторились еще несколько раз — и все без успеха, потому что живой завал был устроен как нельзя более удачно. Но зато, к несчастью, прапорщик Дебашинский и находившейся при нем унтер-офицер были убиты, а другой унтер-офицер во время рукопашного боя был отхвачен и пропал без вести; остались лишь одни рядовые. Замешательство видимо начало закрадываться в команду, осиротелые чины которой хотя и продолжали отстреливаться и отбиваться, но в то же время озирались на все стороны, как будто что-то разыскивая. Тогда один из рядовых, по фамилии Уколов, видя, что положение становится отчаянным, громко крикнул: «слушаться меня!», принял начальство над командою, [250] мгновенно установил среди нее совершенный порядок, ободрил людей и, не смотря на несоразмерность в силах с неприятелем, кидавшимся с ожесточением в рукопашный бой, продолжал, со своими храбрыми товарищами, отстаивать

вверенный им транспорт. Между тем, передовой патруль, состоявший из двух рядовых, будучи отрезан от транспорта, взбежал на гору и сделал несколько выстрелов. В цудахарским форте их услышали и немедленно выслали к месту дела одну роту, а из укрепления Ходжал-Махи, куда о происшествии дали знать жители, выбежала полурота в числе ста штыков. Хищники, заметив спешившее с обеих сторон подкрепление, бежали обратно на другой берег казикумухскаго Койсу. Прибывший ротный командир тотчас принял начальство над транспортом, а Уколов не только затруднился, в качестве распорядителя, доложить ему подробности дела, но даже побоялся сознаться, что непрошено взял на себя обязанности начальника команды. Только остальные нижние чины единодушно и единогласно засвидетельствовали, что спасением транспорта обязаны своему находчивому и распорядительному товарищу.

Главнокомандующий, получив об этом подробное донесение, предложил князю Аргутинскому, войти с представлением о награде Уколова знаком отличия или унтер-офицерским званием. В команде вся убыль состояла из пяти убитых, включая и Дебашинского, четырех раненых и одного унтер-офицера и трех рядовых без вести пропавших.

Между тем, время для общей летней деятельности в прикаспийском крае быстро сближалось. Участие в ней, по [251] Высочайше утвержденному назначению главнокомандующего, должны были принять следующие войска: все двадцать батальонов 21-й пехотной дивизии (апшеронского, дагестанского, князя Варшавского и самурского полков), 3-й и 4-й батальоны мингрельского егерского полка, 4-й батальон кубанского егерского полка, 2-я и 4-я роты кавказского стрелкового батальона, две роты саперного батальона, драгунский наследного принца Виртембергского полк в десяти эскадронном составе, по две сотни №№ 22-го и 29-го полков, две сотни дагестанских всадников и двадцать две сотни милиции, подвижного запасного парка 21-й артиллерийской бригады двадцать зарядных ящиков, по два орудия от легкой № 1-го батареи кавказской гренадерской артиллерийской бригады, легкой № 6-го батареи 21-й артиллерийской бригады и легкой № 5-го 20-й артиллерийской бригады; по шесть орудий от горной № 4-го батареи 20-й артиллерийской бригады и горной № 6-го 21-й артиллерийской бригады; ракетная команда с двадцатью восемью станками. Независимо этого, для недальних движений внутри края предполагаюсь также взять и четыре орудия легкой № 5-го батареи 20-й артиллерийской бригады. Для бомбардирования укрепленных аулов назначалось без упряжи: два орудия легкой № 6-го батареи 21-й артиллерийской бригады, восемь двенадцатифунтовых пушек, четыре полупудовых единорога, шесть двухпудовых мортир и две двадцатичетырехфунтовые пушки. Все эти орудия, за исключением 24-х фунтовых медных пушек, находились в северном Дагестане. По окончании действий на р. Кара-Койсу, оба батальона мингрельского егерского полка должны были отправиться для работ на военно-ахтынскую дорогу, а батальон кубанского полка—в свою штаб-квартиру. Для потребностей всех этих войск назначен воловий транспорт северного Дагестана из двухсот повозок и черводарский вьючный транспорт в тысячу [252] триста вьюков. Снаряжение и довольствие, а равно распоряжения о всякого рода запасах, были предусмотрены до малейших подробностей и в итоге представляли массу всяких заготовлений (приложение I).

Соображаясь с утвержденными на 1849-й год предположениями, означенные выше войска должны были исполнить следующее: 1) изгнать неприятеля из той части Андаляля, которая находилась в руках его, и для этого овладеть укреплением в ауле Чох и селением Согратль, так

как оба они были постоянными сборными местами для партий, вторгавшихся в даргинский округ или южный Дагестану по близости же их от казикумухскаго ханства, партии эти имели всегда возможность сохранять сношения или тревожить пограничные мирные аулы. 2) Принять меры к охранению края от покушений неприятеля, и для этого произвести те наступательный действия, которые, по обстоятельствам, явятся нужными. 3) Продолжать работы по устройству укрепления Темир-Хан-Шуры и возведению там штаб-квартиры апшеронского пехотного полка. 4) Устроить штаб-квартиру в Чир-Юрте, Ишкартах, Дешлагаре и Петровске. 5) Разработать важнейшие сообщения в крае. 6) Заготовить торф и отыскивать каменный уголь; первым же из них снабдить войска, которые останутся на зиму на передовых пунктах.

Хотя в этих предположениях участь селения Согратля была поставлена на один уровень с укреплением в ауле Чох, но на самом деле, по особому соображению главнокомандующего, которое выразилось вскоре затем, погром должно было потерпеть только чохское укрепление, овладения которым нельзя было иначе и достигнуть; от Согратля же ожидалась добровольная покорность, так как, не смотря на свое твердое положение, он, по мнению князя Воронцова, лишившись в Чохе своей опоры, должен был [253] сам отдаться в наши руки. Эти соображения главнокомандующего истекали из точного познания тех условий, при которых существовал каждый из аулов, и который сопровождали совершенно противоположный быт их жителей. Аул Чох был издавна средоточием боевой силы и всех воинственных начинаний Андаляля. История его терялась в глубокой древности и тесно связана с именем покорителя Дагестана — аравийского полководца Абумуселима. Даже и тогда он был в цветущем состоянии и во всех отношениях заслуживал названия города андаляльского общества. Вокруг него, на протяжении тридцати верст, было шесть маленьких деревень: Подобрадах, Хандул, Хамисаули, Цупрах, Тлет-Хариб и Роглад. Эти деревни вели постоянные и страшные междоусобицы. Для прекращения их, Абумуселим, посоветовавшись с народными старшинами, переселил их, с общего согласия, к селению Чох. К тому времени относится постройка вокруг Чоха громадной стены, окружавшей и старинный замок Буцур, в котором жители защищались от набегов соседних обществ. Возле ворот замка была небольшая площадь, на которой собирался народ в важных случаях для решения общественных дел. На этой же площади был поставлен столб, к которому привязывали виновных и затем, смотря по важности проступка, или убивали их топором, или наказывали палками. Обь одном из подобных преступников сохранилось до позднейших лет много интересных сказаний (Рассказывают следующее: лет 250 тому назад, один молодой житель Чоха, по имени Каспарил-Баглир, известный по всему Дагестану необыкновенной красотой и искусством петь и играть, пленял всех молодых девиц, которыми и был постоянно окружен. Красивый чохец, опасаясь родителей влюбленных в него девиц, много раз должен был убегать и скрываться в пещерах и лесах. Наконец, он сам старался избегать молодых девушек, но те не оставляли пленительного музыканта в покое, бросали родительские дома и беззастенчиво ухаживали за предметом своего обожания. Все жители селения Чох, потеряв терпение при таком поведении своих дочерей, начали его преследовать, поймали, привязали к столбу и заставили его родного отца снять ему голову. Во время кавказской войны девушки в Дагестане еще пели песни, составленные их праматерями, в которых много рассказывалось замечательных и любопытных происшествий, касавшихся Каспарил-Баглира и его почитательниц.).

Позорный столб существовал до [254] 1845-го года, и на нем в нескольких местах сохранялись знаки от ударов топора, которые напоминали о павших здесь жертвах. Приведя закоренелых

между собою врагов шести деревень в положение общежития, и сблизив их житейскими выгодами в одно целое, Абумуселим выстроил в Чохе, в восточном вкусе, огромную двухэтажную мечеть и кроме того шесть обыкновенных мечетей, по одной для каждого квартала. Возле главной мечети находился дом для детей, совершенствовавшихся в знании арабского языка. Для улучшения этого духовного заведения, Абумуселим жертвовал деньги и подарил ему необыкновенное знамя, которое в праздники рамазана и курбан-байрама, по окончании молитвы, выносили из главной мечети (Во время этой церемонии, с правой стороны знамени шел главный мулла, с обнаженною шашкою на плече, часто потачивая ее на своей левой руке, с беспристанными вскрикиваниями; с левой стороны рядами шли обыкновенные муллы и ученики, а за ними все жители селения Чох, начиная со стариков и кончая малолетними. Все они, но примеру главного муллы, вскрикивали и взвизгивали разные изречения. Некоторые из стариков несли красивые кувшины и, по приходе в определенное раз навсегда место, именно на крутой обрыв, откуда виднелась древняя еврейская деревня Ругджаб (Ругджа), главный мулла брал в левую руку один из этих кувшинов, читал над ним молитву, потом подбрасывал его кверху, и, ударив шашкою, с возгласом “кабгар! кабгар"! указывал на деревню Ругджаб. После этого и все бросали свои кувшины с теми же восклицаниями, а другие кидали на них камни и разбивали вдребезги.). Главная мечеть и минарет были разукрашены вставленными снаружи в стены разноцветными камнями, привезенными из Турции, и арабскими надписями; на внутренней стороне стен и на потолке также были написаны [255] разноцветными красками разный молитвы; весь пол был устлан богатыми коврами и паласами. Спустя некоторое время, Абумуселим заставил силою оружия окрестных горских евреев принять магометанскую веру, присоединил их к селению Ругджаб, также обращенному из еврейства в магометанство, и назначил в этой деревне местопребывание нуцала т. е. бека, главного управителя андаляльского общества, который, по данной ему Абумуселимом власти, во время сборищ решал дела по шариату и адату, составленному целым обществом. Андаляльский же кадий, местопребывание которого было в Согратле, должен был следить за всеми беспорядками в обществе и решать дела только по шариату. У него быль помощник, под названием общественного исполнителя, избиравшейся только из жителей селения Чох, а в каждой из деревень — старшина и положенное число молодых людей (алаб), которые состояли под ведением главных мулл и приводили в известность и исполнение всякие приказания. Не смотря на беспорядки и народные волнения, бывшее вообще в Дагестане, андаляльское общество, под управлением названных лиц, пользовавшихся наследственными правами, жило спокойно и благополучно в продолжение нескольких веков — если не в буквальном значении этого слова, то по крайней мере в том смысле, что не подвергалось разорению. С особенным усердием оно занималось в обширных размерах скотоводством, и, войдя мало по малу в торговые сношения с соседними ханствами и с Грузиею, разбогатело более всех прочих обществ Дагестана. Условия такой жизни не подавили однако в андаляльцах воинственных наклонностей, потому что их свято хранили и поддерживали жители Чоха, на которых все остальное население взирало с полною верою в случае малейших политических сотрясений. Эти наклонности чохцев еще [256] более развились со времени Кази-муллы и с утверждением в народе мюридизма, для которого Чох, при недоступности своей, был оплотом не хуже Гергебиля, Тилитля и других подобных пунктов.

Согратль представлял явление иное. В то время, как жители Чоха выражали собою военную силу и внешнюю опору общества — согратльцы предавались исключительно мирным

торговым сношениям и сделали свое селение средоточием и воплощением жизни меркантильной. Вследствие этого, насколько Чох зависел от Согратля в своем домашнем быту, в удобствах и потребностях внутренней жизни, настолько же политическая целость и неприкосновенность Согратля были в зависимости от Чоха. Князь Воронцов знал это хорошо и был уверен, что, с падением Чоха, лежавшего впереди Согратля и его защищавшего своею твердынею, последний раньше или позже сам прекратит свое политическое существование вследствие своих мирных и преимущественно торговых стремлений, и поставлен будет в необходимость или вполне добровольно, или без особенного труда подчиниться нашей власти. В этих видах, он, со времени прибытия своего в край, не считал нужным прекращать торговлю Согратля с Грузиею и белоканским округом и, находя ее безвредною, смотрел на нее снисходительно, не взирая даже на то, что она частью обусловливала собою враждебные сношения дагестанцев с нашими джаро-белоканскими лезгинами. Когда, по этому поводу, сделан был ему военным министром запрос, то князь Воронцов, изложив значение Согратля, уведомил его, что к пресечению этих отношений не представляется пока возможности, как по местному положению пограничных племен, так и потому, что между Дагестаном, Грузиею и белоканским округом нет ни естественных рубежей (в роде Терека или Кубани), ни сплошной [257] кордонной линии, которыми можно было бы воспользоваться для прекращения тайных связей непокорных горцев с нашими провинциями, где они имели даже и родственников. Кроме того, пограничные племена горных магалов элисуйского участка и некоторых магалов казикумухского ханства находились впереди наших укреплений и линии резервов и не могли быть всегда подкреплены нашими войсками. Наконец, приняв меры к прекращению связей дагестанских горцев с нашими мирными аулами посредством уничтожения торговли с ними согратльцев, главнокомандующий, по его заявлению, лишил бы наших лазутчиков свободного доступа в горы и к лицам, там проживавшим, для нас интересным и необходимым, и сам лишился бы возможности иметь подробные сведения обо всем, что делается в горах.

Все эти обстоятельства и воззрения на дело князя Воронцова доказывали, что экспедиция в горы в 1849-м году и овладение Чохом имели за собою более широкие и полезные для нас замыслы, чем безотносительное поражение горцев, ослабление их или принижение власти и влияния Шамиля. Неизвестно только одно: был ли посвящен в эти замыслы главнокомандующего князь Аргутинский, — и в этом случае вопрос едва ли можно разрешить утвердительно, так как тогда князь Аргутинский не ограничился бы одною осадою и разорением этого важного для нас пункта, но, конечно, постарался бы стать на нем твердою ногою и упрочить там нашу власть. [258]

II.

Состав дагестанского отряда. Выступление в горы. Поражение партии хищников близь с. Агач-Кале. Прибытие отряда на Турчидаг. Рекогносцировка путей к укреплению Чох. Прибытие неприятельских партий и Шамиля. Занятие нашими войсками боевых позиций. Начало осады и заложение первой параллели. Укрепление Чох. Представители нашей главной деятельности. Осадные работы. Столкновение с неприятелем и наши потери. Взятие двух завалов, охранявших подступы к укреплению, и заложение второй параллели. Нападение на табун. Конец первого периода осады.

Из войск, назначенных для летней деятельности в прикаспийском крае, в состав дагестанского отряда, собственно для наступательных действий, было отделено14-ть батальонов пехоты, две

роты сапер, две роты стрелков, дивизион драгун, две сотни казаков, 6-ть легких, 12-ть горных, 20-ть осадных орудий и вся милиция. Прочие войска были распределены для охраны края со стороны сулакской линии и для устройства штаб-квартиры драгунского полка в Чир-Юрте, для содержания гарнизонов в укреплениях аймякинском, ходжал-махинском и цудахарском, для работ и других служебных занятий в укреплениях Темир-Хан-Шуре и Ишкартах, на урочище Кусары и в Дешлагаре.

Ко второму числу июня, войска прикаспийского края, назначенные в состав действующего отряда, стянулись у Темир-Хан-Шуры, а 5-го и 7-го чисел выступили двумя отдельными колоннами; 8-го июня колонны соединились у селения Оглы. Одновременно с этим, войска, назначенные в состав отряда из за Самура, прибыли, под командою генерал-майора Чаплица, в с. Ричу и оттуда, со всею милициею, были отправлены прямо на Турчидаг, чтобы обеспечить там позицию до прибытия главных сил и осадной артиллерии. [259]

Чуть только большая часть наших войск оставила места своего постоянного расположения, горцы зашевелились и, пользуясь ослаблением наших пограничных пунктов, начали собираться для хищнических нападений. Одна из партий, в числе четырехсот человек, 10-го июня сосредоточилась для этой цели между с.с. Гимры и Ирганай. Лазутчики не замедлили об этом тотчас сообщить в Шуру генералу Евдокимову, по распоряжению которого была отправлена для разведок команда охотников от 15-й роты дагестанского полка, расположенной в с. Эрпели, и часть жителей этого селения; остальные же жители и рота были приготовлены к выступлению по тревоге. Охотники скрытно засели в засаде.

Наступила ночь. Партия двинулась с места сбора и, не заметив нашей засады, прошла мимо нее с полною беспечностью, направившись на с. Агач-Кале. Тогда выступила 15-я мушкетерская рота дагестанцев и, вместе со ста человеками эрпелинцев, присоединилась к засаде, чтобы отрезать хищникам путь отступления; генерал же Евдокимов, с частью темир-хан-шуринского гарнизона, вышел им навстречу. Узнав о последнем обстоятельстве, партия не решилась продолжать своего пути и повернула обратно. Подпустив ее на самое близкое расстояние, 15-я рота неожиданно сделала залп и бросилась в штыки; эрпелинцы поддержали ее удар своими шашками. Хотя горцы тотчас же увидели, что имеют дело с небольшою частью войск, но сопротивляться не посмели, потому что с минуты на минуту могли ожидать приближения генерала Евдокимова; оставив на месте тринадцать человек убитых, одного раненого, семь убитых и тринадцать других неповрежденных лошадей, девять ружей, несколько шашек и пистолетов, они бросились в ближайшие леса и там исчезли. [260]

Из с. Оглы отряд взял направление на Лаваши, Наскент, Унджугатль, и 16-го июня передовая легкая колонна дошла до последнего подъема на Турчидаг. Через день, отряд, прибывший с генерал-майором Чаплицом (1-й, 3-й и 4-й батальоны князя Варшавского полка, 3-й и 4-й мингрельского полка, 4 легких и 6 горных орудий, ракетная команда, две сотни донского 22 полка, кубинская, кюринская и табасаранская милиция.), перешел по Турчидагу к чохскому спуску и расположился там лагерем, а передовая колонна, следовавшая впереди главных сил и осадной артиллерии, заняла его позицию.

Турчидаг был любимою стоянкою князя Аргутинского. Возвышаясь почти на восемь тысяч фут над поверхностью моря и будучи окружен с двух сторон реками (Кара-Койсу и казикумухским Койсу) он замечателен своим здоровым, более чем умеренным климатом, тучною хорошею травою и чистою ключевою водою. В стратегическом отношении он важен

тем, что служил серединным пунктом между северным и южным Дагестаном и на своем широком плато, имевшем до десяти с половиною квадратных верст, мог без труда дать место 25-ти тысячам войска. Единственный недостаток Турчидага состоит в том, что на нем нет леса. Зато, с голой вершины его вид на далекое пространство восхитительный.

Прибытие наших войск на Турчидаг, как следовало ожидать, произвело в Чохе видимое волнение и суматоху: из него потянулись на ту сторону Кара-Койсу целые вереницы арб, нагруженных семействами и имуществом жителей, и гурты всякого скота, а в разные стороны поскакали конные горцы. На другой день уже было заметно, что Чох опустел, и только кое-как можно было различить, время от времени, одних мужчин, которые сновали [261] в различных направлениях, как бы занимая места в укреплении, и копошились среди каких-то работ. С занятой нашим отрядом позиции об общей силе укрепления судить было нельзя, но и нельзя было не видеть, что для постройки его приложено было много труда и усердия. К сожалению, князь Аргутинский не имел о нем, и в особенности о внутренней обороне его, тех обстоятельных сведений, которые в минувших годах получал от лазутчиков о Гергебиле и Салты, и эта неизвестность, среди которой он, не смотря на последующие рекогносцировки, находился до конца осады, имела чрезвычайное влияние на исход нашего предприятия.

Шамиль, зная сильное положение Чоха, отвагу и многочисленность его жителей, пока не спешил к нему, но, оставаясь в новом Дарго (Дарго-Ведень), то и дело посылал оттуда своих приближенных и нарочных, возбуждая чохцев к упорной защите и обрисовывая им все тяжелые последствия в том случае, если русские отнимут у них надежную и неприступную твердыню. Он обещал им прислать сильное подкрепление из аулов, лежащих между Кара-Койсу и андийским Койсу, и обнадеживал своим личным прибытием. Такая неспешность в противодействии нам ясно доказывала, что Шамиль считал чохское укрепление, с его наличным гарнизоном, на первый раз достаточно обеспеченным и способным нам противодействовать даже при наличных только своих средствах.

Князь Аргутинский пока не предпринимал ничего, ожидая прибытия осадной артиллерии и подвоза военных припасов; но они двигались медленно, и только 23-го июня всползли на Турчидаг и расположились для дневки в шести верстах от отрядного лагеря. В промежуток этого времени подошли: акушинская, казикумухская и ахтынская милиции, а также войска, находившиеся на разработке [262] дороги у Цудахара. Все они стали вечером у чохского спуска. Тогда командующий войсками решил предпринять рекогносцировку — но не укрепления, а первоначально спусков, ведущих к Чоху с северной стороны, т. е. от Кегера и от Цудахара чрез вицхинский магал и селение Чукну. Эти пути он признавал полезными и необходимыми для того, чтобы впоследствии, когда у Чоха застигнет его поздняя осень, подняться по ним и обойти, таким образом, обыкновенный спуск, где тогда стоял лагерь, на котором в зимнее время, при возвышенной и открытой местности, снег и мороз бывали чрезвычайно сильны. Спуски же со стороны Кегера и Чукны хотя также были весьма крутые, но имели то удобство, что были сравнительно короче, достаточно закрыты, а следовательно и стужа здесь предполагалась менее резкая.

Рекогносцировка всей этой местности была произведена 24-го июня и дала возможность, при определении расстояния пушечным выстрелом, за версту осмотреть северную сторону укрепления. Этот осмотр не произвел на командующего войсками приятного впечатления, так как он убедился, что подступы к Чоху с севера почти невозможны; вся местность здесь до крайности была изрезана глубокими балками, крутыми обрывами и пересечена вообще

такими препятствиями, преодоление которых возможно было только для легконогого горца и его привычной лошади. В самом Чохе также все попряталось, словно заснуло, и решительно нельзя было угадать боевых средств, которыми он располагает.

Рекогносцировка привела князя Аргутинского к заключению, что, не смотря на видимую недоступность Чоха с севера, разработка пути со стороны с. Чукны даст возможность спустить к аулу осадную артиллерию легче, чем по обыкновенному прямому спуску, по которому в то же время [263] можно направить пехоту и горные орудия. Кроме того, новый спуск принес бы еще и ту пользу, что от него легко было бы со временем проложить дорогу чрез Чукну прямо в Цудахар, и этим сильно сократить расстояние от Цудахара к Чоху. В виду всех этих соображений, командующий войсками тотчас приступил к разработке намеченной им дороги и распорядился заготовлением туров, фашин, хвороста, леса, которые, между прочим, доставлялись сюда по большей части на ишаках почти за 120 верст.

Наконец, 25-го июня, в полдень, прибыла в лагерь осадная артиллерия, под прикрытием двух орудий легкой № 5-го батареи 20-й артиллерийской бригады, 2-го батальона самурского полка, 2-й и 4-й роты кавказского стрелкового и 3-й роты кавказского саперного батальонов. На следование из Темир-Хан-Шуры к чохскому спуску она употребила двадцать один день, и из них одиннадцать дней для девяностоверстного движения от Цудахара к месту лагеря. Такой продолжительный промежуток времени дал возможность Шамилю во всей точности исполнить свое обещание, и не торопясь, стянуть к Чоху, на левый берег Кара-Койсу, в трех верстах позади укрепления, скопища из нагорного Дагестана, которые, усиливаясь постепенно, в конце июля дошли до десяти тысяч человек. Во главе их явился отважный Хаджи-Мурат, а ближайшим сподвижником его был уже известный нам Муртузали, брат Кибит-Магомы. Из нашего лагеря было видно, как прибывали толпы и в самое укрепление, сопровождая довольно обширные транспорты всяких жизненных и, вероятно, боевых припасов. Вскоре по прибытии к Чоху подкреплений, явился и сам Шамиль. 1-го июля, в полдень, он приехал в чохское укрепление, окруженный многочисленным конвоем, тщательно осмотрел все углы его, [264] ободрил и обнадежил гарнизон, и в тот же день возвратился к своим скопищам, расположенным на левом берегу Кара-Койсу. Во время проезда своего из Веденя через Андию к Чоху, он сделал распоряжение о сборе особой большой партии — для нападения на казикумухское ханство, которое, после выступления в отряд милиции, оставалось значительно обнаженным. Лазутчики на другой же день сообщили об этом князю Аргутинскому, и он вынужден был, 29-го июня, отправить из отряда обратно в Казикумух всю казикумухскую милицию, вместе с управляющим ханством полковником Агалар-беком. Это было заметным ослаблением сил нашего отряда, так как казикумухская милиция, под начальством своего представителя, служила надежным основанием для всей остальной милиции и, отличаясь своею верностью и храбростью, давала возможность с полною безопасностью возлагать на нее более выдающиеся поручения.

Пребывание Шамиля в лагере за Кара-Койсу дало тот час же знать о себе усиленными работами горцев, которые с 3-го июля стали быстро укреплять главные пункты на высотах, находившихся по ту сторону Чоха, в самом близком от него расстоянии (На эти работы нередко являлся и Шамиль, в каком-то длинном белом халате и под белым зонтиком. Когда же он, но обыкновению, отправлялся оттуда в Чох, то там наши беглые горнисты и барабанщики встречали и провожали его разными русскими маршами.).

С нашей стороны также начались все приготовления к осаде: пятого июля с Турчидага к чохскому укреплению были спущены 1-й, 3-й и 4-й батальоны князя Варшавского полка, 2-й, 3-й и 4-й батальоны самурского полка, 4-я рота кавказского стрелкового, 1-я и 3-я роты кавказского саперного батальонов, два орудия легкой № 1-го батареи кавказской гренадерской, два орудия легкой № 5-го [265] батареи 20-й, четыре орудия горной № 6-го батареи 21-й артиллерийских бригад, ракетная команда той же бригады, конная чохская, пешая ахтынская и сюргинская милиции. При этом движении в голове колонны шла чохская милиция и 2-й батальон самурского полка, и им первым суждено было кровавым столкновением с неприятелем открыть дальнейшие общие действия нашего отряда. Горцы, засевшие в завалах в расстоянии от Чоха немного более версты, встретили колонну сильным ружейным огнем. По этому сигналу, из укрепления откликнулась их артиллерия — и мгновенно закипела жаркая перестрелка. Но конная чохская милиция и самурцы подвигались решительно и неотвязчиво и, остановившись на половину ружейного выстрела от завала, обдали его ружейными залпами. В эту минуту подошел 8-й батальон самурцев. Тогда оба батальона, спустившись быстро с террасы на террасу, подскочили к передовому завалу и ударили в штыки. Неприятель, сделав несколько десятков поспешных выстрелов, бросил свою позицию и, быстро перенесясь за следующую гряду завалов, продолжал оттуда поражать самурцев и своих собратов чохцев усиленным огнем. Но данная позиция в четырехстах пятидесяти саженях от укрепления была уже нами занята, и в дальнейшей схватке с защитниками не предвиделось более надобности; поэтому, оба батальона утвердились в отнятом у горцев завале — и с этой минуты положили начало осаде Чоха. Непосредственно за ними стал 4-й батальон самурцев с двумя легкими и двумя горными орудиями, под прикрытием которых приступлено было к укреплению позиции. Как ни противодействовали горцы этим работам, продолжая непрерывный огонь до поздних сумерек, однако передовая наша колонна к ночи благополучно утвердилась на занятом ею пункте и тем обеспечила собою лагерь прочих войск, [266] спустившихся в этот день с Турчидага. Этот первый день был оживленный, жаркий, и обошелся нам немного чувствительно: мы лишились в пехоте убитыми одного обер-офицера и шестнадцати нижних чинов, ранеными — одного штаб-офицера и сорока двух нижних чинов, контуженными — десяти нижних чинов; в милиции ранен один обер-офицер, два помощника сотенных командиров и три милиционера. Едва только к ночи все притихло и успокоилось.

Расположение прочих войск было следующее: у чохского спуска со стороны Турчидага, на месте главного лагеря, занятие которого было важно потому, что возле него проходил путь сообщения отряда с Кумухом и Цудахаром, откуда войска снабжались военными и лишенными потребностями, были поставлены, под начальством генерал-майора Плац-бек-Кокума, 1-й и 2-й батальоны апшеронского полка, 3-й батальон кубанского, 3-й и 4-й батальоны мингрельского полка, шесть орудий горной № 4-го батареи 20-й артиллерийской бригады, два орудия легкой № 6-го батареи, ракетная команда и запасный парк 21-й артиллерийской бригады, дивизион драгун, дагестанские всадники, аварская, кюринская и табасаранская конные милиции, кубинские военные нукера и вся осадная артиллерия; сюда же прибыл из Кумуха и 2-й батальон князя Варшавского полка. На этой же позиции, бывшей вне всякого выстрела со стороны неприятеля, назначено было место для склада разного рода временных запасов.

4-й батальон дагестанского полка, под начальством подполковника Асеева, с двумя орудиями горной № 6-го батареи, двадцать человек кавказского стрелкового батальона и акушинская

конная и пешая милиции были направлены на спуск к селению Чоху со стороны селений Чукны и Кегера. Заняв эти высоты, они обеспечили оттуда [267] отряд, спустившийся к укреплению, и имели возможность наблюдать с этого пункта за неприятелем.

Установив войска на позициях, начальник отряда 6-го июля спустил из верхнего лагеря шесть мортир, инженерный и часть артиллерийского парков, и приступил к разработке дорог между разными частями боевой позиции и устройству двух мортирных батарей, №№ 1-й и 2-й, для четырех мортир, и одной, № 3-й для двух легких орудий, а также избрал пункт для демонтир-батареи № 4-й. Траншей-майором был назначен апшеронского полка полковник Левицкий.

С этой минуты, в особенности спустя дней десять, можно было составить себе довольно точное понятие, по крайней мере, о внешности чохского укрепления, честь устройства которого принадлежала Кибит-Магоме, весьма хорошо понимавшему свое дело, и самим чохцам, считавшимся лучшими каменщиками и строителями во всем Дагестане. Прежде всего, обращал на себя внимание выбор места для укрепления, лучше которого нечего было и желать: с трех сторон, и в особенности справа, оно упиралось в крутые обрывы, и с этих пунктов подступы были невозможны, а если и могли быть одолимы русскими войсками, то с невероятными усилиями и громаднейшими потерями; только позади укрепление соединялось узким перешейком с неприятельским станом, среди которого красовалась зеленая турецкая палатка Шамиля и несколько белых наибских палаток. С левой стороны от укрепления и рядом с ним был расположен на покатости аул Чох — совсем уже пустой и безмолвный. Все стены укрепления были сложены на скале из плитного и булыжного камня и из кирпича на извести и связаны толстыми бревнами. К Турчидагу, откуда спустилась колонна, стена была немного выпукла, а левая и правая стены были совершенно [268] прямые; толщина их доходила до двух аршин, а высота до шести аршин.

К углам переднего фаса были пристроены круглые башни одинаковой толщины со стенами, доставлявшие хорошую фланговую и перекрестную оборону; с внутренней стороны стены были покрыты блиндажами; от стен к середине укрепления проходила скала, которая, все более и более возвышаясь, кончалась конусом, составлявшим цитадель. Впоследствии, по рассказам, стало известно, что под этил конусом были выделаны порохом две комнаты, в одной из которых находился караул, а в другой несколько сот пудов пороха, предназначенного для взрыва во время штурма. Укрепление имело два ряда бойниц, барбеты и амбразуры.

По сравнении, при помощи этого описания, чохского укрепления с салтынским и гергебильским, получаются точные выводы о том, почему князь Аргутинский счел ненужным — а, может быть, и невозможным — после продолжительной и сложной осады, атаковать это укрепление открытою силою.

Но осада все же была необходимою, так как, во-первых, нельзя было отступить, ничего не сделав, а, во-вторых, она одна только должна была убедить в возможности или невозможности штурма. И осада эта началась и производилась с образцовым искусством; ею преимущественно ознаменовалась наша чохская экспедиция 1849-го года. Если большая часть страниц кавказской истории может выставить потомству замечательных вождей, беспримерные битвы, стойкость, мужество, выносливость кавказского солдата, то за осадою Чох остается полное право с гордостью передать последующим поколениям имена наших инженеров и сапер, которым в этом событии принадлежит первое и почетное место. Почти два месяца, [269] днем и ночыо, в праздники и в будни, производились работы под огнем

неприятеля и при всяких других затруднениях и препятствиях. Главнейшими из них были сильные дожди, чрезвычайно твердый грунт пересеченной местности и часто такой крепкий шифер, что с невероятным трудом приходилось его пробивать ломами и кирками. Но это не останавливало работ; они подвигались ежедневно с необычайною быстротою и к открытию, 11-го августа, первого общего бомбардирования, представляли из себя целую систему осадных сооружений. Главным руководителем и представителем этого дела был начальник инженеров отряда, лейб-гвардии саперного батальона капитан фон-Кауфман 1-й; за ним непосредственно стояла целая плеяда молодых инженеров и сапер, из которых многие стяжали себе впоследствии известность или славу: капитаны Типольд, Тотлебен, штабс-капитаны фон-Кауфман 2-й, Девель, поручик Бреннер и другие. Здесь, под Чохом, вся эта специально ученая молодежь столько же практиковалась и закалялась для будущей деятельности, сколько, в некоторых случаях, совершенствовала и самое искусство. Так например, капитан Тотлебен, вопреки принятым, даже научным, правилам осады и обороны, требующим подходить подступами ко всякой защите, строил сперва временное укрепление под градом пуль и снарядов, на расстоянии полуружейного выстрела от неприятельской крепости, а потом уже ведет сообщение к своей параллели (То же самое повторил генерал Тотлебен и под Севастополем.); фон-Кауфман изобретает новые деревянные щиты для прикрытия орудийной прислуги и амбразур и изощряется в усовершенствовании уже известных; другие варьируют над мантелетами или прибегают к импровизированным ими средствам для [270] одежды амбразурных щек в тех случаях, когда является недостаток в турах, и т. п.

По выборе, 6-го июля, пункта для демонтир-батареи № 4-й, ночью была разработана к этому пункту дорога, проделаны летучею сапою траншеи, и к рассвету батарея была заложена на четыре батарейных орудия. На другой день эта батарея была уже готова, а 8-го июля и вооружена. В тоже время была окончательно устроена мортирная батарея № 2-й, намечена брешь-батарея, проложено сюда сообщение и успешно продолжались траншейные работы. Дождь лил неустанно. Этот неотвязчивый противник нашей деятельности до такой степени усердствовал в 1849-м году почти во всем Дагестане, что князь Аргутинский, в донесении своем о нем, выразился, что во все пребывание его в прикаспийском крае не помнит лета с столь проливными и упорными дождями и градом. Эти ливни донельзя портили наши работы и в особенности сообщения между позициями, которые то и дело приходилось саперам восстановлять и улучшать. А неприятель, тем временем, точно и добросовестно исполнял свои обязанности и не пропускал ни одного случая, днем и ночью, чтобы не потревожить нас со всех возможных и доступных для него пунктов не только ружейным, но и орудийным огнем. 9-го же июля он окончательно насел на передовую цепь самурскаго полка, которая прикрывала сапер, исправлявших дорогу между занятыми нами передовыми пунктами. В сильной перестрелке, последовавшей по этому случаю, был ранен пулею в рот командир самурского полка полковник Кеслер, но не оставил своего места до тех пор, пока погнал впереди себя горцев. Наша артиллерийская пальба также не прекращалась, и в этот день преимущественно досталась на долю взвода легкой № 1-го батареи кавказской гренадерской и горной № 6-го 21-й [271] артиллерийских бригад (поручика Проскурякова и подпоручика Игельстрома). Начальник отряда находился возле этих орудий и лично распоряжался действиями войск. Когда неприятель был отбит, он приказал Игельстрому перенести огонь на завалы, бывшие перед укреплением, а также вправо и влево от них, откуда горцы действовали во фланг нашим рабочим. Игельстром сталь наводить орудие. Но в это время к нему подошел командующий полубатальоном сапер капитан Магалов и попросил заменить его только на один раз.

Игельстром, конечно, не отказал. Магалов приник к орудию, поставил прицел и уже готов был считать себя вполне удовлетворенным, как вдруг, из-за большого камня, шагах в 30 или 40 от него, раздался одинокий выстрел — и Магалов пал на месте, не успев даже перевести дух: пуля поразила его прямо в лоб. Вскоре после него были контужены ядрами в голову — сперва поручик Проскуряков, а потом и Игельстром. Вообще же, с 6-го по 10-е число, кроме указанных выше четырех офицеров (Кеслера, Магалова, Проскурякова и Игельстрома) ранены еще: командир 4-го батальона князя Варшавского полка полковник Григорьев, командующий дивизионом горной № 6-го батареи 21-й артиллерийской бригады поручик Кузовлев, ахтынской пешей милиции подпоручик Али-Султан-бек; убит один и ранено 18 нижних чинов.

Частью самое дело, происходившее с неприятелем 9-го июля, а частью и очередь работ побудили начальника отряда обеспечить наши войска от выстрелов неприятеля из левого завала; поэтому, ночью, не смотря на сильный дождь, была устроена в редуте, на левом фланге нашей позиции, батарея на два орудия — для действия по завалу, который, вслед затем, имелось в виду отнять у горцев, и вместе с тем была выдвинута вперед, к чохскому [272] укреплению, траншея зигзагами по крутым террасам. Как ни трудна и ни тяжела была эта последняя работа, но к утру она совершенно была кончена, и траншея занята нашими войсками. С рассветом же, 2-й батальон самурского полка, усиленный двумя ротами четвертого батальона, под командою полковника Ракусы, в чрезвычайной тишине перешел через овраг, находившейся вправо от наших траншейных работ, и занял все пространство включительно до хуторов, лежащих внизу у кегерского спуска. Занятие этой позиции (И) совершилось благополучно; но когда, при восходе солнца, подполковник Ракуса приступил к устройству редута (Ь) на правой стороне оврага и двух башен (Б. Б.) в хуторах, то неприятель спохватился и открыл со стен укрепления по колонне и по рабочим сперва неистощимый ружейный огонь, а вслед за тем и орудийный. Одною из первых пуль был ранен полковник Ракуса, другою пулею тотчас же он был контужен в грудь; но, понимая важность занятой им позиции и необходимость своего личного присутствия во главе вверенного ему батальона, Ракуса не оставил своего места до следующего дня. Работа кипела, самурцы отбивались стойко, и к вечеру, при не прекращавшемся огне неприятеля, цель была достигнута: редут и башни были выведены настолько, что могли совершенно прикрыть работавшие войска. Зато и успех стоил потерь: кроме Ракусы, ранен самурского полка прапорщик Янковский, бывший с командою рабочих мингрельского полка подпоручик Кунцевич и 23 нижних чина; убито два рядовых; контужены: самурского полка поручик Мезенцов, прапорщик Колымбин и 10-ть нижних чинов.

Текст воспроизведен по изданию: Трехлетие в Дагестане. 1849-й год: Осада укрепления Чох // Кавказский сборник, Том 8. 1884

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

ТРЕХЛЕТИЕ В ДАГЕСТАНЕ

1849-Й ГОД

С 11-го по 16-е июля произошло у нас только одно открытое столкновение с неприятелем, и именно 12-го числа, когда Шамиль отрядил партию горцев в [273] пятьсот человек, под начальством Хаджи-Мурата, для угона нашего табуна, находившаяся на пастьбе между кегерским спуском, кудалинскими высотами и Турчидагом. Князь Аргутинский не знал заранее об этом намерении Шамиля, но, как бы по предчувствию, отправил в этот день с рассветом, под начальством управляющего кюринским ханством подполковника Юсуф-бека, 160 человек кюринской конной милиции для осмотра окрестных к табуну мест. Юсуф-бек отделил из общего числа 40 человек и отправил их на кудалинские высоты прямою дорогою, но лощине. Разезд этот, взбираясь на гору, заметил на оконечности ее как бы неприятельский пикет, состоявший из нескольких мюридов. Милиционеры тотчас понеслись за ними насколько позволяла местность, но, поднявшись на вершину, увидели на противоположной скале партию пеших и конных, вдесятеро их сильнейшую. Кюринцы не отступили, но и не завязывали пока с нею перестрелку, а послали дать знать о том Юсуф-беку. Последний, подкрепив себя ротою князя Варшавского полка, находившеюся в прикрытии табуна, бросился по направлению к партии. Тогда она отделила от себя большую половину и вступила с милиционерами в борьбу. На тревогу же из верхнего лагеря была выслана еще часть нашей кавалерии, под командою подполковника Джафар-Кули-ага Бакиханова, которая поскакала наперерез пути отступления горцев. Увидев это, они тотчас прекратили пальбу и начали поспешно уходить к с. Кегер. Но как они ни торопились, Бакиханову удалось настигнуть их хвост, взять двоих в плен и отбить три лошади. Во время же перестрелки, у кюринцев ранен один милиционер.

Остальные действия неприятеля до 16-го июля ограничивались лишь денною и ночною пальбою по нашим работам, которые он однако задержать не мог, и в это время [274] мы успели заложить вторую параллель и утвердиться в ней, Так как из первой параллели трудно было вести по скалистой местности осаду подступами по принятым правилам, не подвергаясь анфиладному огню, то из середины этой параллели повели под прямым углом подступ до десяти фут ширины и в три фута глубины. На конце этого подступа и левее от него, в расстоянии около сорока саженей от параллели, устроили род полупараллели с заворотами, и в ней возвели демонтир-батарею; далее опять вели такой же прямой подступ с полупараллелью влево, а затем третий подступ до второй параллели. Хотя этим работа значительно выигрывалась и быстро подвинулась вперед, но в прямых подступах мы были открыты как для выстрелов из укрепления, так и с боков. Увидев это, капитан фон-Кауфман приказал подступы эти дефилировать в четырех местах щитами; тогда неудобство было обойдено, так как люди, проходившие в подступах, были совершенно закрыты от взоров противника (Ежедневные же наши работы и ход осады с 11-го по 16-е июля происходили постепенно следующим образом: в ночь с 10-го на 11-е число устроена демонтир-батарея № 5-й (вторая) в самой траншее, для действия по батареям, по укрепленному неприятельскому лагерю и по внутренности укрепления. Потом, траншея спущена еще ниже к укреплению Чох летучею сапою. Работа эта была в особенности трудная по причине перемежающихся крутых и

высоких террас и вследствие опять-таки беспрестанного дождя. Вместе с тем, она требовала весьма точного изучения местности в течение дня, чтобы не ошибиться ночью в направлении сапы. — 11-го числа приготовлено место для артиллерийского парка, уширена и углублена траншея, заложенная ночью, возвышены и утолщены брустверы и траверзы в редуте, так как неприятель стал направлять сюда свои орудия. — С 11-го па 12-е число, когда горцы усилили действие своих орудий по левому флангу позиции, для обеспечения данного сообщения его с главными силами устроена закрытая дорога, частью самою местностью, а частью насыпною; траншея же летучею сапою выдвинута вперед. — 12-го числа продолжались те же работы. — С 12-го на 13-е заложена третья брешь-батарея № 6-й венчанием турами крутой террасы, которая представляла единственный до этого места пункт для расположения батареи на восемь батарейных орудий; продолжались работы для сообщения траншей с обоими флангами позиции. — 13-го уширена и углублена батарея № 6-й и траншеи, к ней ведущие. — С 13-го на 14-е устроены четыре амбразуры в батарее № 6-й и ложементы для расположения прикрытия. — 14-го, распространена батарея № 6-й, исправлены дороги и устроены траверзы для прикрытия артиллерийского парка. — С 14-го на 15-е июля устроены еще четыре амбразуры в батарее № 6-й. — 15-го числа окончательно устроена батарея № 6-й с зарядными погребами, и надлежащим образом уширена ведущая к ней траншея.). [275]

В течение пяти суток у нас выбыли из строя: самурского полка прапорщик Романовский, раненый 12-го числа пулею в щеку, шесть нижних чинов и один милиционер убитыми, четырнадцать раненых и девять контуженых нижних чинов.

По заложении второй параллели, начальник отряда поручил командование войсками, расположенными в правом редуте и в двух башнях, устроенных в хуторах, адъютанту главнокомандующего, гвардии полковнику Минквицу, а войсками, занимавшими левый редут — дагестанского пехотного полка полковнику Броневскому. Теперь оставалось только взять завалы, находившиеся вправо и влево от осады, откуда горцы не только препятствовали нашим работам, но и действовали артиллерийским огнем по всему лагерю. Так как левый завал, между нашим левым редутом и чохским укреплением, был для нас важнее, то на него и должен был пасть первый удар.

16-го июля, перед рассветом, колонна, состоявшая из четырех батальонов самурского и мингрельского полков, при двух горных орудиях, сорока стрелков и двадцати сапер, с турами, фашинами и земляными мешками, в полной тишине двинулась к завалу. Наступление было произведено так осторожно, что неприятель, погруженный в сон, встрепенулся только тогда, когда штурмовая колонна была уже под самым завалом. Ужасный треск ружей моментально раздался с двух сторон — и в [276] предрассветном сумраке утренней зари весь завал вспыхнул ярким пламенем. Раздалось наше «ура» — и батальоны опрометью кинулись на завал. Понятно, что горцы спросонья не могли и думать о защите: по первому удару наших штыков завал очистило, как метлою, и оба батальона без дальнейших хлопот утвердились в нем. Множество бурок, шашек, винтовок, пистолетов, и в придачу к ним серебряный наибский знак под чернью, остались на месте. Из аула и из укрепления вынеслась масса пуль и ядер; но было поздно: под этим огнем инженер-капитан Типольд тотчас приступил к закладке редута (d) на один батальон, с двумя амбразурами, с двумя закругленными в исходящих углах барбетами и с траверзами для прикрытия орудий, а с наступлением ночи поручик кн. Бектабеков повел от редута летучею сапою траншею ко второй параллели, на соединение с батареею № 6. При этой работе он наткнулся на трубу, прочно построенную из хороших плит на извести, на аршин под

поверхностью земли. Оказалось, что это был водопровод, по которому прекрасная горная ключевая вода сбегала в обширный бассейн, находившийся впереди чохского укрепления. Родник, конечно, тотчас был отведен в сторону — и осаждающие войска получили возможность иметь под рукою чистую и вкусную холодную воду. Взятие завала и перестрелка целого дня лишили нас восьми убитых, двадцати шести раненых и четырнадцати контуженых нижних чинов. На другой день и редут, и траншея были окончены, и в ночь на 18-е число штабс-капитаном Девелем выдвинута вперед из батареи № 6-й летучею сапою траншея для спуска в лощину, отделяющую эту батарею от атакуемого фаса укрепления Чох. На этот раз опять сильный дождь мешал столько же нашим, сколько и неприятельским действиям; поэтому, у нас потеря дня [277] ограничилась всего лишь двумя ранеными и двумя контуженными нижними чинами.

Утвердившись прочно на левом фланге позиции, князь Аргутинский признал своевременным отбить у неприятеля и правый завал. Для штурма назначены были: 2-й батальон апшеронского, 4-й мингрельского и 3-й кубанского полков, два орудия горной № 4-го батареи, ракетная команда и сотня ахтынской милиции, порученные командованию генерал- майора князя Орбелиани.

Дав этой колонне, после ужина и вечерней зари, трехчасовой отдых, начальник отряда приказал поднять ее без сигнала и после полуночи направил по назначению на хутора, ближайшие к чохскому укреплению с правой стороны. В чрезвычайной тишине и в стройном порндке повел ее князь Орбелиани среди глубокой ночной темноты. К рассвету, 18-го июля, колонна уже стояла на ружейный выстрел от завала. Только в эту минуту заметили ее горцы и, озадаченные внезапным ее появлением, открыли беглый огонь. Но апшеронцы и мингрельцы, бывшие впереди, под начальством своих командиров, подполковников Берхмана и Цумфорта, не отвечая неприятелю ни одною пулею, вскинули ружья на руку и бросились вперед. Подскочив к завалу, они тут только открыли огонь в упор защитникам, а затем руками и прикладами в одно мгновение прорвали каменную ограду в нескольких местах. Закипел жаркий, но мимолетный рукопашный бой. Поражаемые штыками, горцы обратились в бегство, не успев унести десять тел. В это же самое время ахтынская милиция заняла другой небольшой завал, лежавший за оврагом на высоте, вправо от главного завала. Трофеями штурмовой колонны был один значок, множество оружия, бурок и прочей одежды. Потеря же ее заключалась в двух убитых и шестнадцати [278] раненых нижних чинах. Инженер штабс-капитан Гершельман и подпоручик Степанов немедля приступили к устройству на занятом месте редута на две роты с двумя легкими орудиями и двумя двухпудовыми мортирами, и к проложению сообщения от этого редута на главную позицию; вместе с тем, занята была ближайшая передовая высота (Т), на которой устроен земляной завал на один взвод. Не смотря на деятельный ружейный и пушечный из двух орудий огонь неприятеля, вследствие которого мы лишились одного убитого, шестерых раненых нижних чинов и двух обер-офицеров контуженными (кубанского егерского полка поручика Янишевского и мингрельского полка подпоручика Голубаева 2-го) редут был окончен в тот же день к вечеру.

С этого дня и до 24-го июля включительно осадные наши работы, тревожимые и затрудняемый попеременно все теми же двумя главнейшими врагами — дождем и горцами, быстро подвигались до третьей параллели (В этот промежуток времени инженерными и саперными офицерами: штабс-капитанами Девелем и Поповым и поручиками князем Бектабековым и Бреннером работы были приведены в следующе? состояние: продолжена и

уширена траншея, начатая с 17-го на 18-е число, для спуска к Чоху, летучею сапою, устроена мортирная батарея в редуте d.; выдвинута зигзагами, летучею сапою и уширена траншея к атакуемому фронту укрепления для заложения брешь-батареи и начата прямая дорога для ночного сообщения этой батареи с правым флангом боевой позиции; сооружена брешь-батарея (четвертая) № 7 на четыре орудия из двухярусных туров, увенчанных земляными мешками, с деревянными раздвижными щитами в амбразурах; заложена брешь-батарея (пятая) № 8 на четыре орудия, отделаны амбразуры в обеих батареях и устроены для зарядов погреба; исправлены дороги.) и обошлись нам следующею ценою: убит один рядовой; ранено два обер-офицера (21-го числа мингрельского полка поручик Михайловский и 23-го — кубанского полка поручик Коробка) и 24 нижних чина; контужен один рядовой.

Положение неприятеля, вследствие громадных скопищ, [279] ожидавших штурма укрепления, в продовольственном отношении час от часу становилось затруднительнее, так как запасы подвозились собственно для гарнизона, а полевые войска обязаны были содержать себя сами. В виду этого, и частью чтобы развлечь своих воинов каким-нибудь делом, Шамиль послал, 22-го июля, в девять часов утра, партию в сто пятьдесят человек, для угона нашего продовольственного скота, а, если возможно, то и казенного табуна. Все, что посчастливилось горцам в этом предприятии, заключалось только в том, что они успели незаметно подкрасться к нашему табуну и отхватить десять лошадей. Но на этом их удача и остановилась, потому что команда 3-го батальона мингрельского полка, в числе 40 человек, под начальством поручика Мусхедова, при пятнадцати человеках чохской милиции, бросилась на них со штыками и отбила лошадей назад. Не смотря на несоразмерность сил обеих сторон, атака мингрельцев и чохцев была так решительна, что партия не сочла возможным долго бороться с ними и, оставив на произвол судьбы три тела, бежала к Шамилю; кроме того, как сообщили лазутчики, она понесла потерю еще до десяти человек ранеными. У нас же ранено два и контужено также два нижних чина. Это происшествие было единственным разнообразием шести последних скучных дней осады. Отсюда следует считать второй период ее, характеризующейся более решительным противодействием неприятеля, приводящим отчасти к заключению, что и ему надоело однообразие предыдущих трех недель. [280]

III.

Вылазка неприятеля в ночь с 24-го на 25-е июля. Смерть траншей-майора полковника Левицкого. Вторая вылазка ночью с 26-го на 27-е июля. Продолжение осадных работ. Наши потери в течение пятнадцати дней. Окончание работ. Бомбардирование с 11-го по 23-е августа. Снятие осады. Донесение командующего войсками. Бой при отступлении войск с передовых позиций на Турчидаг. Потери наши и горцев. Первое учреждение в горах неприятельских — временных госпиталей.

Устройство второй параллели, приблизив нас к чохскому укреплению на дистанцию полуружейного выстрела, доставляло неприятелю возможность без труда следить за всеми нашими движениями и пользоваться каждым удобным случаем для причинения нам вреда и всяких затруднений. Ночь, конечно, была для этого лучшею порою, потому что, определив с вечера направление подступов, мы, пользуясь темнотою, устанавливали ряды туров и только углублялись, а днем уже, прикрытые от выстрелов, уширяли траншеи и поднимали насыпи до надлежащей профили.

С 24-го на 25-е июля, когда прикрытие наше заняло указанные места, и рабочие вышли из брешь-батареи № 8, горцы, подхватив этот момент, выскочили из укрепления и открыли беглый ружейный огонь. Траншей-майор полковник Левицкий, выдвинув вперед 4-ю гренадерскую роту самурского пехотного полка, под командою поручика Моравского, встретил их и со своей стороны беглою пальбою. Около десяти минут продолжалось самое оживленное состязание, и так как расстояние между сторонами было ничтожное, а зоркий глаз горца, не смотря на ночное время, мог без особенного труда отличать наших офицеров не столько по внешнему виду, сколько по их приемам, то пули десятками летели преимущественно туда, где выделялись [281] фигуры офицеров. Вследствие этого, одним из первых был ранен в челюсть навылет поручик Моравский. Такая тяжелая рана тотчас же заставила его выйти из строя и уступить командование ротою прапорщику Самарьянову. Солдаты порывались вперед, чтобы сразу разделаться с неприятелем штыками и прикладами, и тем положить конец его отваге, но Левицкий не мог этого позволить, так как удалил бы прикрытие от пункта его назначения и мог бы его натолкнуть на новые силы противника, которые бы, конечно, не замедлили явиться из укрепления. Но горцы сами предупредили единодушное стремление наших солдат и, разгоряченные и увлеченные боем, мгновенно прекратили пальбу и бросились в шашки. С особенным удовольствием и с дружным радостным кликом встретили самурцы эту атаку и схватились с врагами грудь с грудью и рука с рукою. Жаркая трескотня на этом пункте оборвалась, и только зловещие звуки железа и стали раздавались в кругу враждующих; но по сторонам перестрелка с укреплением не прекращалась, и осажденные, поддерживая вылазку своих товарищей, немилосердно сеяли пулями направо и налево от главного пункта боя. Капитан фон-Кауфман, предоставив каждому свое, в это время находился на четвертом уступе от второй параллели и распоряжался работами, не обращая ни малейшего внимания ни на рукопашную схватку, происходившую невдали от него, ни на жужжавшие вокруг пули. Вдруг, он встрепенулся и покачнулся. Два-три сапера, догадавшись, в чем дело, тотчас подскочили к нему; но он их устранил и, мгновенно оправившись, спокойно, с уступа на уступ, направился к своей палатке, едва опираясь на левую ногу, простреленную в пятке навылет. В это время позади его раздалось одушевленное и торжествующее «ура», доказывавшее, что самурцы решили свою [282] славную задачу — и, действительно, решили, но, к несчастью, с немалым пожертвованием: впереди нескольких героев, навсегда рассчитавшихся с жизнью, лежал труп полковника Левицкого; Самарьянова также не было в строю, и бой покончен был фельдфебелем и самими нижними чинами. Неприятель был отбит и прогнан. В дополнение к этим четырем офицерам, выбывшим из строя, мы потеряли, в общей перестрелке, раненым мингрельского полка прапорщика Бучкиева и контуженым дагестанского полка подпоручика Ковалевского; сверх того, у нас убито четыре, ранено двадцать и контужено три нижних чина.

Ни одно явление до сих пор не вызвало такого всеобщего сочувствия и не произвело на всех без исключения, в том числе и на князя Аргутинского, такого тяжелого и грустного впечатления, как смерть полковника Левицкого. Этот человек был положительно обожаем и старшими, и младшими, и в особенности товарищами. Молодой, красивый, донельзя симпатичный, с прекрасным образованием и лучшими задатками, он вышел из кавалергардского полка собственно для того, чтобы на деле узнать боевое дело. До прибытия на Кавказ он сражался в Алжире и оставил там по себе память лучшего и храбрейшего из офицеров. Князь Воронцов имел его в виду и прочил на ближайшую вакансию полкового командира. Князь Аргутинский, в донесении о его смерти, выразился следующим образом: «с самого выступления дагестанского отряда, а в особенности при отправлении обязанностей

траншей-майора, этот штаб-офицер обращал на себя мое особенное внимание, как по отличным своим военным способностям и природному уму, так и по личной храбрости и распорядительности. Он обещал много в будущем, и смерть этого, во всех отношениях достойного штаб-офицера, есть ощутительная потеря [283] для дагестанских войск». С этой репутацией Левицкий сошел в могилу (Насчет Левицкого и доселе сохранился у всех, знавших его, следующий рассказ: при возвращении из Алжира, он пробыл некоторое время в Париже. В одном из ресторанов, где он обедал, какой-то французский офицер, в подгулявшей компании своих товарищей, позволил себе несколько свободно отозваться о русской армии. Левицкий, с спокойствием истого джентльмена, вызвал за это на дуэль виновника, все общество офицеров полка, к которому он принадлежал, а прежде всех самого командира полка, допустившего во вверенную ему часть такого дерзкого и несправедливого господина. Дело улеглось благополучно и без последствий только тогда, когда виновный и сам командир полка принесли Левицкому от себя и от всех офицеров полное извинение.).

Вместо Левицкого, траншей-майором был назначен князя Варшавскаго полка полковник Кишинский, а вместо капитана фон-Кауфмана — капитан Тотлебен, помимо капитана Типольда, хотя и старшего по службе. В ту же ночь, по распоряжению Тотлебена, штабс-капитаном фон-Кауфманом заложена частью летучею, а частью тихою сапою, траншея (ГГ), назначавшаяся для выхода из брешь-батареи № 8, подвигания вперед к укреплению и расположения в ней прикрытия к батареям. Траншея эта сосредоточила на себе почти все наши работы до 27-го июля, за исключением исправления дорог между разными пунктами нашей позиции.

В ночь же с 25-го на 26-е число произведена, кроме того, рекогносцировка местности на правом фланге нашей позиции для заложения там новых батарей и траншей. При постоянной перестрелке, у нас, в течение суток, убито четыре, ранено девять и контужен один нижний чин.

Неудача горцев в ночь с 24-го на 25-е число могла их только озлобить; поэтому, отдохнув двое суток, они решились снова попытать счастья — и на этот раз действовать решительно и окончательно. Главнейшим [284] образом смущала их сеть несносных траншей, по которым, во- первых, наши солдаты прохаживались у них перед глазами вполне безнаказанно, а вовторых — мучило еще и то, что эти траншеи все ближе подвигают нас к их укреплению и в один неприятный день могут вполне неожиданно привести и в самое укрепление. Зрело обдумав все невыгоды такого положения, и полагая, что возможно их предупредить отважными вылазками, они выждали, когда, в ночь на 27-е июля, наши войска, назначенные в прикрытие на левом фланге позиции, заняли свои места, вышли из укрепления и по всей линии открыли ружейный огонь. Конечно, с нашей стороны они получили тот же ответ; но это им показалось недостаточным, и в то время, когда одни из них поддерживали ружейную стрельбу, другие, пользуясь разными местными препятствиями, подкрались к нашей передовой цепи и вдруг бросились в шашки на сорок человек охотников самурского полка, занимавших, под начальством прапорщика Величко, позицию впереди прикрытия рабочих. Но самурцы это имели в виду и, сплотившись незаметным образом заранее, встретили их сперва ровным, методическим залпом, а потом приняли в штыки. Как видно, и атакующие вполне рассчитывали на подобный прием, так как он их не испугал, а напротив, ожесточил до того, что они, как полоумные, лезли все вперед, стараясь раздавить горсть своих противников. Первый их удар отозвался, прежде всего, роковым образом на начальнике команды: он получить две раны — в грудь и в ногу, и должен был удалиться. Тогда впереди команды

выросли две совершенно различные по внешнему виду фигуры: одна — длинная, тонкая и обильно обросшая волосами, другая — пониже и коренастее. Самурцы тотчас узнали в них своих унтер-офицеров Александра Карпова и Гурьяна Пимонова и приветствовали их [285] радостными и одобрительными возгласами. Вместо всякого приказания, маленький Пимонов проговорил всего лишь шесть слов: «эх, ребята, что на них смотреть!» — и окунулся в толпе неприятеля, а длинный Карпов, охраняя и отстаивая своего товарища, усердно и безмолвно замахал на все стороны штыком и прикладом. Перед этими двумя героями толпа мюридов, конечно, расступилась, а когда вслед за ними одушевленно «пришпорила» и вся команда — горцы отхлынули и быстро скрылись во мраке, дружно напутствуемые десятками выстрелов. Одновременно с этим нападением, другая толпа мюридов, миновав атакованную команду охотников, бросилась на траншейное прикрытие, которое составляла 10-я мушкетерская рота самурского полка, под командою поручика Стопановского. Горцы потеснили самурцев и уже готовы были сбить их с занятого пункта, как подскочил с ротою мингрельцев находившийся вблизи подпоручик князь Половандов. Без единого выстрела, бой закипел на штыках и шашках. Мюриды имели за собою все преимущества в искусстве фехтованья, и там, где солдаты изощрялись в силе удара, они, как вьюны, изгибаясь на все стороны, уклонялись от штыка, изловчались проскальзывать под ружьями и поражали солдата снизу вверх. Стопановский был скоро ранен, и его участи подвергся бывший при роте командир 4-го батальона самурского полка майор Семенов. Князь Половандов, видя, что дело принимает плохой оборот, бросился впереди своей роты, увлекая ее за собою для последнего усилия, изрубил двух мюридов, но вслед затем и сам остался на месте, пораженный кинжалами. Подпоручик Сапронцев, занявший его место, чер?з минуту был также вырван из строя — и затем, рота и весь бой остались на руках и на попечении фельдфебеля Антипа Барменского и унтер-офицера Евсея Привалова. Этим двум молодцам [286] выпала славная доля порешить кровавую схватку: показывая собою пример беззаветной отваги, они нагородили над трупом своего командира целый ворох неприятельских тел и, лихо поддержанные своими сотоварищами, отбили, наконец, отчаянную атаку неприятеля. Но этим еще не исчерпалась вся сущность нападения. Когда на двух пунктах самурцы и мингрельцы так недружелюбно встретили непрошеных гостей, и ружейный огонь быстро охватывал фасы нашей позиции, третья толпа мюридов прокралась сбоку к нашей сапе, отодвинула мантелет и грянула вдоль по ней дружным залпом. Ружейная молния осветила мужественные и красивые, но до крайности озлобленные лица горцев и их белые папахи. Не успела она затмиться мраком ночи, как эти папахи рванулись в глубину сапы и занесли свои длинные кинжалы над беззащитными рабочими. Но в это время ринулся на них помощник траншей-майора дагестанского пехотного полка майор Козлянинов, с третьею карабинерною ротою мингрельцев, под командою штабс-капитана Тимофеева, и остановил их дальнейшее движение. Мюриды озлились донельзя и, не щадя ни сил своих, ни крови, плотною массою силились пробиться сквозь восставшее перед ними препятствие. Тогда мингрельцы еще упорнее противопоставили им свои острые штыки, крепко сплоченные братским единодушием — и отшвырнули горцев в сторону. Это был момент, когда они были молодецки отбиты и на двух других пунктах, от которых, впрочем, далеко не отступили, перейдя, после шашек и кинжалов, к сильному ружейному огню. Тогда роты соединились, сделали последний общий натиск — и порешили бой: все три толпы бежали и скрылись в стенах укрепления.

Кроме офицеров, мы лишились 20-ти убитых и 85-ти раненых нижних чинов; контужен 3-го батальона [287] мингрельского полка поручик Мусхелов. Урон неприятеля доходил до трехсот

человек, и в том числе 105 одними убитыми. Свидетельствуя о подвигах лиц, наиболее отличившихся, начальник отряда не упустил: в своем донесении и четырех нижних чинов, которым мы были много обязаны счастливым для нас исходом боя на двух пунктах.

После неудачных попыток, из которых вторая была полна отъявленной решимости, надежд и зрелой обдуманности, новых вылазок не последовало, и горцы, как видно, разочаровались в возможности остановить наши осадочные работы или сделать для себя что-либо еще более приятное. Пользуясь этим и не обращая ни малейшего внимания на непрерывное, хотя и умеренное, обстреливание нашей передовой позиции, мы усиленно продолжали осадные работы, утверждаясь в третьей параллели, которую решено было подвести на 70-80 саженей к укреплению, и с этой дистанции приступить к общему бомбардированию.

Довольно продолжительный и скучный промежуток времени до 11-го августа не ознаменовался никаким выдающимся явлением, и только остался запечатленным одним усердием наших войск к тяжелому землекопному труду, в котором они были настойчивы и терпеливые менее того, как были упрямы, отважны и решительны в схватках с неприятелем. Изо дня в день они сложили целую массу этого труда: провели летучею сапою траншею на правом фланге из редута Ь, уширили и углубили все вообще траншеи на обоих флангах позиции, устроили шестую и седьмую брешь-батареи № 9-й и № 10-й, каждую на четыре орудия, зарядные в них погреба и ложементы для расположения прикрытия, доревянные платформы для двух осадных орудий на батарее № 7, еще одну батарею на четыре орудия против левого фронта укрепления в [288] редуте d, соединили траншейным сообщением все пункты нашей позиции, сделали банкеты и бойницы во всех ложементах, исправили дороги на Турчидаг и, в заключение, несколько раз отвели воду, накопившуюся в траншеях.

Среди пятнадцатидневного однообразия, войска наши имели возможность развлечь себя только два раза — в начале и в конце этого промежутка: 28-го июля, на кудалянских высотах, против кегерского спуска, занятого 4-м батальоном дагестанского пехотного полка, появилась неприятельская партия, чтобы отогнать лошадей из табуна; да 10-го августа цепь наших стрелков, высланная с рассветом из передового редута на левом фланге, была атакована горцами, скрывшимися ночью в близлежащем крутом овраге. Обе эти попытки горцев не принесли им никакой пользы, потому что остались бесследны во всех отношениях, кроме лишь одного, наименее важного для неприятеля — именно, что усилили наш незначительный урон в эти дни несколькими ранеными нижними чинами. Включая этот урон, мы имели, с ночи на 28-е июля и по 11-е августа, 15-ть убитых, 50 раненых (в том числе два милиционера) и 8 контуженых нижних чинов. Затем, не только в окрестных к месту расположения отряда местах, но и во всем Дагестане было совершенно спокойно — если не считать нескольких мелких нападений и происшествий. Это затишье легко объясняется тем, что все непокорные дагестанские общества стояли под ружьем у Чоха — в ожидании того счастливого дня, в который им удастся похоронить множество наших воинов в стенах своего укрепления. Но ожидания их не сбылись, и они только даром потратили время.

6-го августа, к вечеру, окончены все траншейные работы с их батареями и ложементами, и ночью началось [289] вооружение батарей; с 10-го же на 11-е число окончательно вооружены: брешь-батарея против переднего фаса и чохского укрепления — двумя 24-х-фунтовыми и четырьмя 12-ти-фунтовыми пушками, одним четверть-пудовым единорогом, двумя полупудовыми и четверть-пудовыми мортирами; первая ближайшая к нашей боевой позиции брешь-батарея, против правого фаса укрепления — четырьмя 12-ти-фунтовыми пушками,

одним четверть-пудовым единорогом и двумя полупудовыми мортирами; демонтир-батарея против переднего фаса — четырьмя полупудовыми единорогами и против того же фаса две отдельные батареи — каждая двумя двухпудовыми мортирами.

Этим заключилась добросовестная и неутомимая деятельность под Чохом наших инженеров и сапер, которых начальник отряда поблагодарил так любезно и тепло, как, кажется, при своей замкнутости и суровости, никогда еще в жизни никого не благодарил.

В девять часов утра, 11-го августа, был открыт, огонь с обеих брешь-батарей по наружным фасам укрепления; демонтир-батарея и мортиры бросали гранаты и бомбы во внутренность укрепления и на окрестный высоты, которые горцы уже укрепили. Не смотря на усиленное действие десяти пушек, мы успели в течение дня, с необходимыми для орудий и прислуги промежутками, разбить только правый угол и часть левого угла укрепления — что доказывало необыкновенную крепость стен. Действительно, оказалось, что стена переднего фаса была сложена из мелкого булыжного камня и связана вдоль и поперек толстыми бревнами. Разбить подобную стену возможно было только продолжительным потрясением; значительные же обломы были невозможны, потому что частая бревенчатая решетка их не допускает. Из этого первого опыта решительного бомбардирования князь Аргутинский убедился, что чохское [290] укрепление значительно разнится от гергебильекаго и салтынского, и что едва ли к нему применимы те приемы, которые были нами введены в дело в предыдущих годах.

С наступлением ночи, брешь-батареи прекратили огонь, а демонтир-батарея, мортирные батареи и легкие единороги продолжали огонь, чтобы препятствовать горцам предпринимать какие-нибудь исправления. Неприятель потерял в этот день убитыми до 50-ти человек. Наша же потеря заключалась в одном убитом и двух раненых нижних чинах. Хотя в продолжение всей ночи единороги и мортиры не умолкали, но гарнизон чохского укрепления несколько раз принимался за исправления стен, и пользуясь темнотою ночи, кое-где заложил турами и фашинами поврежденный части. На другой день обрушена была постепенно и с большим усилием половина переднего фаса, т. е. к правому и левому углам, а треть правого фаса снята до основания. Ночью единороги и мортиры действовали по-прежнему. 13-го августа, после усиленного огня брешь-батареи, удалось разрушить большую часть передового фаса, но так как от этого мы получили, взамен стены, груду бревен, камней и мусора, образовавших довольно высокий гребень, который, в случае штурма, представлял бы войскам упорное сопротивление, то орудиям пришлось разбрасывать эту груду продолжительным огнем. Хотя это не мешало постепенно разбивать и правый фас, который был несколько слабее переднего, но работа была исполнена только наполовину. Горцы, как видно, несколько оправились после канонады, бывшей накануне, и противодействовали энергичнее и оживленнее. Но это нам не мешало, независимо от бомбардирования, пролагать по ночам два выхода из брешь-батарей, против переднего фаса укрепления, чтобы через них провести войска, когда [291] разрушение стен позволит, с меньшим по возможности уроном.

14-го, 15-го, 16-го и 17-го августа все тем же порядком продолжался погром укрепления и разрушена большая часть правой стены и башня в середине. 17-го августа, во время канонады по Чоху и окрестным укрепленным высотам, одна из наших бомб упала на ближайшую из этих высот и взорвала неприятельский артиллерийский запас. Хотя по силе взрыва можно было судить, что уничтожено значительное количество пороха и гранат, но положительных сведений о том получить было не от кого; даже неизвестно было пока число убитых и раненых у неприятеля. В последующие три дня окончательно разрушен правый фас укрепления и

разбита внутренняя башня — конечно, насколько возможно, так как совсем разбить ее было нельзя, потому что она была пристроена к огромной скале; кроме того, уничтожена большая часть, внутренней обороны укрепления, и разбита часть левого фаса. Все бомбардирование с 12-го по 20-е августа включительно обошлось нам восемью убитыми, двадцатью тремя ранеными и двенадцатью контуженными нижними чинами. Из офицеров только контужен ядром в голову траншей-майор князя Варшавского полка полковник Кишинский.

Никто не сомневался в том, что приблизилось время для окончательной развязки нашего предприятия, и что не сегодня, так завтра будет назначен штурм укрепления — как решительное и обыкновенное заключение всякой осады и общего бомбардирования. Солдаты спокойно готовились к привычному для них делу, где двум смертям не быть, а одной не миновать; офицеры же планировали и соображали относительно исполнения тех обязанностей, которые лягут на них в последнюю минуту боя. С этими мечтами все успокоились на 21-е августа. Но каково же было [292] общее удивление, когда на утро узнали, что ночью часть осадной артиллерии (Три двенадцатифутовые пушки, два легких орудия и две пудовые мортиры.) была снята с батарей и отправлена на Турчидаг. В лагере распространилось полное недоумение, и все, посматривая друг на друга, пожимали плечами в знак неведения. Немногие только утверждали, что это должна быть мистификация со стороны начальника отряда, имеющего в виду особые цели. Но и это последнее заключение разлетелось в прах, когда в следующую ночь разоружены были еще другие батареи, и снова подняты на Турчидаг четыре легких орудия и две 24-х-фунтовые пушки. Хотя остававшаяся на позициях артиллерия продолжала действовать по внутренности укрепления даже и 22-го августа и значительную часть сооружений обратила в этот день в груду камней, но на этот раз почти никто не сомневался, что штурму не бывать. На самом деле, как известно, оно так и случилось. Какие именно соображения руководили начальником отряда для снятия осады — лучше всего свидетельствуют его собственные слова, к которым, во избежание догадок и всяких недоразумений, и следует обратиться. В донесении главнокомандующему он говорит:

«Осталось бы затем занять самое место бывшего укрепления, но занятие его штурмом потребовало бы много времени и больших жертв. Если бы вся защита горцев в этом месте заключалась в одном только чохском укреплении, то занятие его нами могло бы казаться необходимым; но как зависимы от него еще все окрестные высоты, трудно доступные и притом сильно укрепленные, и каждая из них потребовала бы нового приступа — то это повело бы неизбежно, при самых выгодных условиях, к новым [293] жертвам и, за всем тем, все-таки не представлялось бы возможности водворить там в эту осень преданных нам чохских выходцев. Существование их там без постоянного прикрытия невозможно; предоставить им действительную охрану расположением в Чохе самостоятельного гарнизона — неудобно, потому что обеспечение гарнизона всем нужным было бы чрезвычайно затруднительно. Принимая в соображение, с одной стороны, что главная цель — разрушение чохского укрепления, достигнута, а с другой стороны то, что занятие его окружающих высот не может нам доставить существенной пользы, а было бы сопряжено с большими пожертвованиями в людях, и что, наконец, скопища Шамиля уже наказаны огромными потерями — я снял осаду Чоха».

После этих слов князя Аргутинского всякие другие заявления становятся излишними.

В ночь с 22-го на 23-е августа отправлена на Турчидаг остальная осадная артиллерия, именно: четыре 2-х-пудовые, четыре 1/2 пудовые и две 1/4 пудовые мортиры, 9-ть батарейных орудий,

объявлена диспозиция для отступления войск, и сделано распоряжение о закладке на главных пунктах нашей передовой позиции камнеметных фугасов.

С полуночи, 23-го августа, шел проливной дождь, и хотя это крайне затрудняло движение осадной артиллерии, тем не менее, она поднялась благополучно. Перед рассветом тронулись и войска. Отступление первых батальонов не было замечено неприятелем; но лишь только стало рассветать, как горцы огромными массами накинулись на отряд. Шамиль, с большим отдельным скопищем, находился в некотором расстоянии от места боя. Пользуясь чрезвычайно густым туманом, толпы повели атаку за атакой, но были отбрасываемы штыками 1-го и 2-го [294] батальонов князя Варшавского полка, 2-го и 3-го апшеронского и 3-го батальона кубанского полков, прикрывавших отступление. Если бы погода была ясная, то, нет сомнения, войска наши могли бы поражать неприятеля с полным успехом, но так как туман расходился изредка и притом на две, на три минуты, то, естественно, нельзя было предпринять ничего решительного, и лишь оставалось ограничиться одною обороною. Главнейшую услугу при этом отступлении оказали наши фугасы, взорванные посредством гальванического прибора в ту минуту, как горцы, преследуя отряд, заняли наши батареи. Последний сильный удар неприятеля принял на себя 4-й батальон дагестанского полка, который, с двумя горными орудиями и акушинскою милициею, находился у кегерского спуска. Атакуемый без устали, он отступал, шаг за шагом, исключительно на штыках и, благодаря орудиям, которые, прикрывая его, удачно пользовались всякою маленькою площадкою для своих действий, успел явиться на Турчидаг в десятом часу утра, одновременно с прочими войсками.

В пятичасовом бою мы понесли следующие потери: убиты — князя Варшавского полка поручик Базин и шесть нижних чинов; ранены — стрелкового батальона штабс-капитан Оленин, апшеронского полка штабс-капитан Багизардов, поручик Генинг и батальонный лекарь Шагалов, князя Варшавского полка подпоручик Шаронов, самурского полка поручик Борисов, мингрельского прапорщик Мазур и 69 нижних чинов; контужены — кубанского полка поручик Вербицкий и 17-ть нижних чинов.

По сведениям, доставленным уже впоследствии, чохский гарнизон состоял сначала из тысячи человек, не считая огромных скопищ, занимавших окрестности; впоследствии же он был уменьшен до 600 человек — быть [295] может, оттого, что ежедневный урон ладей в укреплении сделался для неприятеля слишком тягостным, так как во время осады он похоронил около Чоха до 600 человек. Сверх того, тела многих почетных лиц отправлены были внутрь Дагестана, в их деревни, а многие раненые умерли дорогою, во время доставления их в госпитали и в самых госпиталях (Нужно заметить, что учреждение госпиталей явилось у неприятеля в этом году в первый раз. Временные госпитали его устроены были в селениях Ходжал и Короде, в отведенных для этого обывательских домах и далее в мечетях. В первый отправлялись весьма тяжелые раненые, остальные же в Короду, где был устроен обширный госпиталь. Отправление раненых производилось с большою поспешностью и насколько возможно скрытно от остающихся на позициях скопищ, чтобы ежедневные потери не подали повода к ропоту в войске. Говорят, что горцы во все время осады Чоха потеряли убитыми и умершими от ран до 1500 человек, а вся потеря их, с включением и раненых, доходила до трех тысяч человек.).

IV.

Сокращение отряда. Окончание военно-ахтынской дороги. Воинственные стремления наибов и противоречие Шамиля. Маленький кровавый эпизод. Вторжение больших скопищ в наши пределы и поражение их при селениях Кутеши и Гамаши. Неприятный для Шамиля случай с Даниельбеком. Воинственные стремления Шамиля и противоречие наибов. Новый сбор нашего отряда. Распущение его. Тишина и спокойствие. Заключение «трехлетия в Дагестане».

С отступлением на Турчидаг, командующий войсками начал постепенно сокращать отряд. Прежде всего, на другой день был отправлен в Цудахар, для обеспечения движения нашей осадной артиллерии в Шуру, 2-й батальон апшеронскаго полка при двух орудиях горной № 4-го [296] батареи 20-й артиллерийской бригады, а через два дня двинулась и осадная артиллерия под прикрытием третьих батальонов апшеронского и кубанского егерского полков, при двух единорогах легкой № 5-го батареи 20-й артиллерийской бригады; 3-й же и 4-й батальоны мингрельского егерского полка и 3-я рота кавказского саперного батальона, согласно первоначальному их назначению, отправлены для работ в ахтычайское ущелье.

В этом году немногое оставалось для того, чтобы закончить военно-ахтынскую дорогу, по которой войска ходили уже совершенно свободно на протяжении 220 верст от муганлинской переправы на Алазани, по шинскому ущелью, через г. Салават, с.с. Борч и Хнов и рутульский магал до укр. Ахты, сокращая этим способом путь из Закавказья в Дагестан, пролегавший прежде через Елисаветполь, Шемаху, Кубу, Дербент и Шуру, почти на четыреста верст. Нельзя умолчать о том, что на этой дороге, между Хновом и Борчем, был устроен первый во всей России тоннель, длиною в 18 саженей, шириною до 7 1/2 арш. и высотою до 5 1/2 арш. Тоннель этот пробивали в одно время с обоих концов посредством компаса, нивелировки и ватерпаса.

Одновременно с отправлением батальонов на Ахтычай, посланы в Ахты, для достройки там укрепления, 4-й батальон князя Варшавского полка, при двух орудиях горной № 6-го батареи 21-й артиллерийской бригады, и 1-я рота кавказского саперного батальона, а дивизион нижегородцев — в сел. Казанище. Вся милиция, за исключением двух сотен, распущена по домам.

После этого распределения войск, в составе действующего дагестанского отряда остались: 1-й батальон апшеронского, 4-й дагестанского, 2-й и 3-й князя Варшавского, 3-й самурского пехотных полков, 4 орудия горной [297] № 4-го батареи 20-й и два орудия горной № 6-го батареи 21-й артиллерийских бригад, ракетная команда той же бригады, две сводные сотни милиции и две сотни донского казачьего № 22-го полка. Войска эти были расположены на одном из нижних уступов Турчидага и поручены командованию лейб-гвардии гусарского полка полковника Минквица. Таким образом, к 1-му сентября дагестанский отряд сократился более чем наполовину.

Предусмотрительность князя Аргутинского, о которою он оставил часть войск на Турчидаге, не была лишнею, потому что в половине сентября Даниельбек, Хаджи-Мурат и другие главные наибы старались склонить Шамиля к вторжению в наши пределы. Замыслы их были обращены или на самурский округ и лезгинскую кордонную линию, или же на казикумухское ханство, даргинский округ и северный Дагестан. Но, не смотря на их стремления, Шамиль воспретил им до времени предпринимать вторж?ние большими массами, чтобы немного дать оправиться горцам после тяжких потерь, понесенных под Чохом; взамен того, он велел пограничным наибам тревожить по возможности наши передовые пункты только

хищническими набегами. Прошло около двух месяцев, но выдающихся происшествий не было, и один только кровавый случай последовал лишь 6-го ноября. В этот день, с темиргоевского поста были отправлены в Чир-Юрт с бумагами пять человек казаков. Спустя полдня, они на пост не вернулись. Для поиска их был послан разъезд, который нашел в канаве возле дороги тела трех из этих казаков. Куда девались двое остальных — было неизвестно, но можно было догадываться, что они попали в плен. Для предупреждения на будущее время подобных случаев, командующий войсками прикаспийского края обязал шамхала Тарковского нарядить двух офицеров из туземцев, которые бы, с [298] местною милициею, производили ежедневно, во время следования нарочных или проезжающих, разъезды на пространстве от Капчугая через Кумгор-Кале и Темиргой в Чир-Юрт. Эта мера, действительно, предупредила дальнейшие происшествия и в достаточной степени обеспечила одно из главнейших наших сообщений. Другие мелкие покушения, которые, предпринимали небольшие партии в силу распоряжения Шамиля, горцам не удались, потому что постоянно были, предупреждаемы не только нашими войсками, но и самими жителями покорных нам селений.

Тем временем, главные наибы Шамиля не покидали своей идеи о вторжении в наши пределы большими силами. Надежды их на успех, подобный тому, который они имели в прошлом году в самурском округе, сильно поддерживались уверенностью в нашей слабости, доказывавшейся, как думали они, тем, что мы не могли взять даже Чоха и отступили от него не только без решительных результатов, но даже со значительными потерями. Шамиль не прочь был думать заодно со своими главными сподвижниками, и так как войска его отдыхали уже более двух месяцев, - а воинственная духа в наибах, по его мнению, сдерживать не следовало, потому что он служил отпечатком, внутреннего влечения всей массы, то он склонился, наконец, на желание своих беспокойных вождей, и сам начертал и разослал им диспозиции такого рода: Хаджи-Мурату ворваться в с. Гамаши (казикумухского ханства), занять также Унджугатль и повернуть на Куркалю; другим партиям, под начальством Мусы белоканского, Омара салтынского и Муса-Гаджи унцукульского — овладеть сел. Кутеши и разорить его, а Даниельбеку взять Хозрек (казикумухского же ханства) и идти на Кюлюли. Для этого тройного нападения назначались исключительно одни конные партии; независимо же от них, Шамиль приказал держать [299] в сборе и в полной готовности еще и значительные пешие толпы, рассчитывая их своевременно притянуть туда, куда по обстоятельствам дела, надобность укажет. Чтобы скрыть от нас все приготовления и свои намерения, Шамиль оставался безвыходно в своей резиденции Дарго-Ведень и выехал оттуда только за три дня до того, как рассчитал и указал своим наибам время нападения.

Добившись, наконец, удовлетворения своих желаний, наибы 11-го ноября одновременно напали на с.с.. Кутеши и Гамаши. Князь Аргутинский узнал об этом только на другой день, и хотя он тотчас сделал распоряжение о составлении отряда из войск, расположенных в Шуре, в мехтулинском ханстве и в Дешлагаре, но вторжение скопищ было произведено так быстро, что жителям волей-неволей пришлось пока отстаивать себя без нашей помощи. Кутешинцы быстро собрались и молодецки встретили наибский триумвират, но так как толпы его последнего доходили до тысячи человек отборных мюридов, то, естественно, сопротивление оказалось недостаточным и скоро кутешинцы должны были уступить неприятелю передовые сакли своего селения. К счастью, в это время, по распространившейся тревоге, сбежались жители окрестных селений, подоспел также и управляющей даргинским округом поручик Нур-Базанд с акушинцами — и дело приняло иной оборот: наибы не могли двинуться более ни

на шаг вперед и до самой ночи вынуждены были ограничиться лишь перестрелкою с защитниками, надежно укрывавшимися в своих домах. Видя, что ничего более сделать не могут, и опасаясь быть застигнутыми нашими войсками, наибы прекратили огонь и начали отступать. Но кутешинцы не располагали их отпустить безнаказанно и, пользуясь тою же темнотою ночи, на которую возложил надежды и неприятель, проводили трех наибов с такою энергией, что предприятие обошлось [300] им очень недешево. При этом нападении защитники лишились восемнадцати убитых и нескольких взятых в плен женщин и детей; в течение дня мюриды сожгли до десяти скирд сена. Сами же горцы потеряли одними убитыми 124 человека. Так, по крайней мере, оказалось по разведкам и по заявлению кутешинцев.

Другое скопище Хаджи-Мурата, в числе до четырех тысяч человек, при личном присутствии в среде его самого Шамиля, спустившись в тот же день утром с Турчидага к сел. Гамаши, хотя сразу и было отбито жителями, но, возобновив нападение, успело однако занять селение. Управляющей казикумухским ханством, получив известие о неприятеле в то время, как он был замечен еще на Турчидаге, сообщил о том командовавшему войсками, оставленными на время в ханстве, князя Варшавского полка полковнику Кишинскому. Последний, оставив для охранения селения Кумуха одну роту 3-я батальона князя Варшавского полка с двумя орудиями горной № 4-го батареи 20-й артиллерийской бригады, двинулся немедленно к Гамаши со 2-м батальоном и тремя ротами 3-го батальона князя Варшавская полка, двумя сотнями донского казачьего № 22-я полка, казикумухскою конною милициею, с двумя орудиями горной № 6-го батареи, взводом боевых ракет и крепостными ружьями.

Узнавши по пути, что неприятель уже ворвался в Гамаши, полковник Кишинский, чтобы не терять дорогая времени, поручил пехотную колонну с артиллериею командиру 3-го батальона князя Варшавского полка майору Алтухову, а сам, со ста тридцатью казаками и сотнею местной милиции, поскакал вперед. Подъезжая к Унджугатлю, он увидел, что все окрестные высоты заняты горцами, которые приготовились уже овладеть и этим селением.

Положение было крайне трудное, потому что скопища [301] заняли выгодные для них позиции, а наша пехота могла поспеть не скоро; следовательно, Унджугатль, по настоящему, должен был погибнуть. Кишинский, зная по долговременному опыту, что в таких случаях может вести к желаемой цели только внезапная смелость, бросился с милициею на ближайшую высоту, имея казаков в резерве, сбил оттуда горцев и, не думая долго, устремился на другую, потом на третью высоты - и овладел также и ими. Таким образом, он приобрел отличную позицию, на которой мог без труда держаться до прибытия пехоты, обеспечивая вместе с тем и Унджугатль. Горцы три раза бросались в шашки, чтобы сбить его с этой, позиции, но каждый раз были опрокидываемы и отступали с потерями на прежние свои места. Между тем, подоспела и пехота, следовавшая за Кишинским, где было возможно, даже бегом.

В это время неприятель, занимая частью своих сил селение Гамаши, расположил остальные на высотах вправо от него, которые командовали селением. Полковник Кишинский, рассчитав, что от овладения этими высотами зависит успех всего дела, направил майора Алтухова, с тремя ротами, крепостными ружьями, ракетами и частью местной милиции, на эти высоты, а сам с остальными войсками пошел прямо на селение. Майор Алтухов вел свое дело прекрасно, сбивая горцев с одной высоты на другую, а полковник Кишинский, с помощью успешного огня горных орудий, не смотря на крутые возвышенности и террасы, достиг до селения и бросился в него на штыках. Завязался жаркий рукопашный бой, во время которого горцы несколько раз массою бросались на милицию, но не имели ни малейшего успеха. Увидев же, что колонна

Алтухова, не останавливаясь, подвигается вперед, отбрасывая толпы за толпами, неприятель оставил селение [302] и начал отступать. Тут конница и все семь рот пехоты кинулись по пятам его и наследовали до самого подъема на Турчидаг, поражая беспрестанным ружейным огнем; потом они возвратились к Унджугатлю. В этом бою мы потеряли: из казикумухской милиции двух обер-офицеров и до пятидесяти человек убитыми; ранеными — одного обер-офицера и до ста человек милиционеров; в регулярных войсках убито два, ранено четыре и контужено семь нижних чинов. Горцы же потеряли одними убитыми — как оказалось впоследствии — до трехсот человек

Шамиль, не имея никаких сведений о действиях третьей партии под начальством Даниельбека, сперва недоумевал о тому что это значить, а когда узнал, что эта партия, во главе с своим представителем, осталась на сборном пункте в полном бездействии, то пришел в положительное негодование. Остановившись, после бегства из Гамаши, в селе Согратле, он тотчас вызвал к себе для объяснений Даниельбека — и не успел тот явиться, как обрушились на него тучи упреков и угроз. Даниельбек, выслушав все это совершенно спокойно, коротко и категорически объявил, что он не получал никаких приказаний. Шамиль был как громом поражен таким сюрпризом — и тотчас приказал произвести дознание. Оказалось, что моктюб Шамиля (предписание) переданный им Хаджи-Мурату для отправления к Даниельбеку, был послан немедленно с особым нарочным, но и нарочный, и моктюб пропали бесследно. Таким образом, от третьей грозы нас избавила сама судьба.

Озлобленный сплетением всех этих неудач, Шамиль на этот раз, без всяких посторонних понуждений и настояний, велел готовиться к новому вторжению. Быстролетная молва не замедлила донестись о том до Темир-Хан-Шуры. Хотя и нельзя было дать ей полной веры, [303] потому что горцы были весьма ослаблены всеми своими потерями, но взяв во внимание, что, при господствовавшей тогда хорошей погоде, намерение Шамиля, чего доброго, и в самом деле может состояться, князь Аргутинский счел нужным иметь в готовности самостоятельный отряд. Для этого он предписал командиру 1-й бригады 21-й пехотной дивизии, генерал-майору Чаплицу, выступить с 1-м и 4-м батальонами пехотного князя Варшавского полка из Кусары в укрепление Чирах, присоединить к себе из сел. Леджеты два орудия горной № 6-го батареи 21-й артиллерийской бригады, две сотни кюринской конной милиции, по одной сотне конной же милиции от северной и южной Табасарани и две сотни военных нукеров и ожидать дальнейших приказаний. Командиру же самурского полка полковнику Кеслеру, со 2-м, 3-м и 4-м батальонами, а также одной сотне кайтагской конной милиции, под начальством полковника Джамов-бека, велено прибыть в даргинский округ, в селение Уллу-айя. Туда же направлена и вторая рота кавказского стрелкового батальона. Сам командующий войсками выступил 1-го ноября из Темир- Хан-Шуры с сводным дивизионом драгунского наследного принца Виртембергского полка и сотнею донского казачьего № 7-го полка, при трех орудиях горной № 4-го батареи 20-й артиллерийской бригады. 16-го ноября, присоединив с себе в Дженгутае 1-й батальон дагестанского пехотного полка и одну сотню дагестанских всадников, он перешел в с. Оглы и здесь опять включил в состав отряда одно орудие горной № 4-го батареи 20-й артиллерийской бригады. С этими подручными войсками он прибыл 17-го ноября также в даргинский округ и расположил их по квартирам в селениях Лаваши и Кака-Махи.

Как ни достоверны и ни положительны были сведения [304] о распоряжениях Шамиля касательно нового вторжения в наши пределы, но, к счастью, им не суждено было

осуществиться, потому что на этот раз уже сами наибы представили ему массу затруднений для этого предприятия. Главнейшие же из них, по их уверению, состояли в том, что, во-первых, необходимо освежить и усилить утомленные и поредевшие скопища — на что потребовалось бы много времени и еще более препятствий, а во-вторых, что русские войска, двинувшись уже с разных пунктов, вполне успешно предупредят все попытки имама на казикумухское ханство и только переконфузят его перед тысячами славных и непобедимых его воинов. Как ни прискорбно было для Шамиля подобное возражение, но благоразумие его взяло верх, и он, погорячившись еще немного, более для вида, уступил, наконец, своим опытным советчикам: поблагодарив их за внимание и готовность всегда ему содействовать, он отправился из Согратля к себе домой. Наибы, конечно, тотчас распустили свои толпы и сами разъехались восвояси. При таком обороте дел, князь Аргутинский, со своей стороны, приказал вновь собранному отряду разойтись по зимовым квартирам, а затем возвратился в Шуру.

Этим закончились в 1849-м году в Дагестане все треволнения, призывавшие к деятельности наши самостоятельные отряды. Хотя в конце декабря войска наши еще раз зашевелились по случаю известия о сборах неприятеля для нападения на сулакскую линию или кумыкскую плоскость, но благодатный снег, обильно выпавший 27-го декабря и оборвавший намерение горцев в его зародыше, заставил их совершенно успокоиться.

Таким образом, бурное трехлетие нашей славной деятельности в Дагестане, в конце концов, не могло не внушить горцам некоторого убеждения в том, что, [305] невзирая на их мужество и уверенность в своей силе, не смотря на многие удобные для них моменты, их могучая народная фанатическая борьба едва ли будет им под силу более чем на три таких трехлетия.

Если дагестанские мюриды об этом, действительно, когд-нибудь так думали, то они не ошиблись.

Н. А. Волконский.

Текст воспроизведен по изданию: Трехлетие в Дагестане. 1849-й год: Осада укрепления Чох // Кавказский сборник, Том 8. 1884

ПРИЛОЖЕНИЯ

К СТАТЬЕ «ОСАДА УКРЕПЛЕНИЯ ЧОХ».

I.

ЗАПАСЫ И ЗАГОТОВЛЕНИЯ ДЛЯ ВОЙСК ПРИКАСПИЙСКОГО КРАЯ.

1) Для дагестанского отряда: провианта мукою и сухарями на 14 тысяч человек и пшеничной муки на 1500 милиционеров; зернового фуража, по числу артиллерийских лошадей и дивизиона драгун, на пять месяцев: в гор. Кубе к 1-му мая на один месяц и к 1-му июля на один месяц; в Темир-Хан-Шуре к 1-му мая на один месяц, в укреплении Кумухе к 15-му мая на один месяц и к 1-му июля на один месяц.

Генерал-адъютанту князю Аргутинскому предоставлялось определить, сколько и к каким срокам приготовить сухарей из всей пропорции провианта. Ему же предоставлялась перевозка провианта в действующий отряд сверх означенного количества из Темир-Хан-Шуры и Кубы по мере надобности.

2) Для войск, назначенных на разработку военно-ахтынской дороги, в запасном магазине в шинском ущелье, на пять месяцев провианта — мукою на тысячу человек, в том числе половину к 15-му апреля, а остальную половину к 1-му июля; сверх того, в укреплении ахтынском на один месяц провианта сухарями. Заготовление скота для свежей мясной порции возлагалось на попечение самих войск. Спирт для винной порции обязывался доставлять подрядчик. Все линейные и донские казаки и команды гарнизонной артиллерии причислялись по довольствию ко 2-й категории, равно как и саперы, стрелки и артиллерия, которые не получали особенного довольствия по 2-й категории. Рационы предположено было производить со дня прибытия на сборные [2] пункты или места производства работ — до окончания последних или роспуска отрядов, полагая каждый рацион в 25-ть коп. сереб.; генералам же, штаб и обер-офицерам — на все зимнее время до сбора отрядов в 1850-м году, равно штаб и обер-офицерам войск, оставляемых на зиму в виде резерва в кюринском и казикумухском ханствах.

По устройству госпиталей и заготовлению по медицинской части: в укреплении Петровском на 300 человек для помещения больных, пользующихся морскими ваннами, 20 больших госпитальных палаток; в Темир-Хан-Шуре на 600 человек, с усилением на 300, всего на 900 человек; в сел. Урме (мехтулинскаго ханства) на 300 человек; в Дербенте на 300 человек, с усилением на 300, всего на 600 человек; в Кумухе на 300 человек и в Курахе — на 250 человек, с усилением на 350 человек. По сему последнему числу больных должно было иметь госпитальные палатки, подбитые сукном.

Чтобы обеспечить госпитали, а в случае надобности и действующее батальоны, медикаментами, полагались запасные аптеки: в Темир-Хан-Шуре на 300 человек и в Дербенте на 300 человек. Санитарными припасами части войск, предназначенные к походу, снабжались при дагестанском отряде: по одному ящику с хирургическими инструментами, при каждом батальоне по одной госпитальной палатке и по годовой пропорции вещей, аптечных припасов и посуды на 30-ть человек, независимо от этого перевязочных средств на 50-ть человек. Каждому пятому солдату вменялось в обязанность иметь при себе по одному бинту в 4 аршина, по одному компрессу и по горсти чистой мягкой корпии. Каждые 200 человек рядовых должны были иметь по два фунта крахмала и по квадратному аршину пакли. Фельдшера снабжались сумками. Батальоны должны были по мере возможности иметь необходимые припасы для довольствия больных и раненых, в том числе хорошего качества муки, водки, вина, разного рода круп и другие продукты.

Заготовление артиллерийских запасов: артиллерийское ведомство обязывалось иметь с собой полный комплекта боевых зарядов и патронов; кроме того, должно было заготовить для дагестанского отряда: в Темир-Хан-Шуре, к 1-му мая, один комплекта зарядов для 6-ти легких и 12-ти горных орудий, пехотных патронов для 14-ти батальонов и материала на 200 тысяч кавалерийских патронов; в укреплении Кумухе, к 1-му мая, один комплекта зарядов и патронов на то же число войск; [3] в Дербенте, к 1-му мая, такой же комплект на то же число войск. Сверх того, назначено было для дагестанского отряда: для шестифунтовых пушек зарядов с ядрами 1000, для четверть-пудовых единорогов легких батарей зарядов с гранатами

с зажигательным составом 1500; для батарейных и осадных орудий зарядов к 24-х-фунтовым медным пушкам 300, зарядов с ядрами к 12-ти-фунтовым пушкам 6000, зарядов с гранатами к 1/4 пудовым единорогам 2500, зарядов с 24-фунтовыми ядрами для 1/2 пудовых единорогов 600, зарядов с гранатами с зажигательными кусками к 1/2 пудовым единорогам 600, двухпудовых бомб 4000, боевых ракет 1500. Часть этих запасов находилась в укреплениях прикаспийского края, а потому перевозка их в Кумух или в иные складочные пункты предоставлялась усмотрению генерал-адъютанта князя Аргутинского; остальное количество должно было быть доставлено в Кумух к 1-му мая, по сношению начальника корпусной артиллерии с командующим войсками в прикаспийском крае.

Вменялось в обязанность войскам отряда иметь весь положенный вьючный обоз; для возки же провианта мешки из подкладочного холста или чувалы, чтобы в два таковых поместить четверть сухарей, по паре мешков или чувалов на каждую лошадь. Все перевозочные средства ко времени сбора отрядов должны были явиться на сборные пункты, а вьючный черводарский транспорт в Кубу к 1-му мая.

Текст воспроизведен по изданию: Трехлетие в Дагестане. 1849-й год: Осада укрепления Чох // Кавказский сборник, Том 8. 1884

ВОЛКОНСКИЙ, Н. А.

СЕМЬ ЛЕТ В ПЛЕНУ У ГОРЦЕВ

(1849 — 1856)

Очерки политического и домашнего быта Кавказских горцев.

(Статья эта писана в 1868 и 1869 годах, частью на месте происшествия и среди действующих в ней лиц. Авт.)

I.

Близ города Владикавказа есть так называемая Тарская долина. Она и до сих пор сохранила свое название, хотя с окончанием военных действий на Левом Крыле (ныне Терская область) она утратила свое историческое значение. Последнее поколение не знает даже где она, несмотря на то что долина эта гремела постоянными разбоями мирных и немирных Галашевцев и Карабулаков, которые выжидали ежедневно свою добычу в густых кустарниках окружавших речку Камбилеевку.

В августе 1849 года на Тарскую долину была послана команда солдат Навагинского полка для рубки дров. Двое из этой команды: рядовой Шелест (так звали его товарищи для краткости; настоящая же его фамилия Шелестовский) и унтер-офицер Зралев, окончив работу, отправились [218] к ручью, впадающему в Камбилеевку утолить жажду. По беспечности свойственной русскому человеку, они не заблагорассудили взять с собою ружья.

Лишь только Шелест и Зралев, отделившись от команды, подошли к воде, в ближних кустах послышался шорох, и прежде чем усталые рабочие подняли от ручья головы, сильные руки крепко держали каждого из них за ворот. Невольный крик готов был вырваться у них, но

сверкнувшее лезвие кинжала и еще новые руки сильно зажавшие им рот оказались надежным средством задушить в их груди всякое восклицание. Убедившись что сопротивление бесполезно, оба солдата сдались беспрекословно. Разбойники в несколько прыжков очутились со своими жертвами у Камбилеевки, перескочили по камням на противоположный берег реки, а затем вошли в густой лес. Тут только опомнились наши ребята. «Прощайте, добрые товарищи! — подумал Шелест. — Вот оказия! Если бы знать, ни за что без ружья не пошел бы воду пить.» Что думал Зралев — неизвестно. Его не было на службе в то время (в 1858 году), когда рассказ этот был писан на месте происшествия в Нагорной Чечне, при бытности героя его, Шелеста, служившего в ту пору в 3-м батальоне Навагинского полка.

Галашевцы, решившиеся почти в виду всей команды на свой рискованный поступок, быстрее шакалов бежали от реки в глубь леса. Их было пять человек.

В расстоянии полуверсты от места происшествия разбойники дали своим пленникам перевести дух и предложили идти смирно, иначе «сикиль башка!» И один из горцев указал на обнаженный кинжал своего товарища.

Предложение было высказано кратко, но с такою решимостью что не покориться ему было бы безумием. Шелест и Зралев молча пошли за своими вожаками.

В трех верстах от Камбилеевки, в темной трущобе, горцев ожидали еще двое товарищей, присматривавшие за семью оседланными лошадьми. Вся эта ватага села на лошадей и, окружив свою добычу, отправилась далее.

Ночь. Лес с каждым шагом все гуще и черней. Ни одна звездочка не прорвется сквозь чащу нависших ветвей. Шелест и Зралев едва двигаются.

— Саберде, Альзем! (стой Альзем) — отозвался тот [219] который усердным нажиманием рук раскровавил Шелесту десны. Все остановились.

Путники слезли с лошадей, сели вокруг пленных и стали разводить огонь. Вскоре маленький костер запылал. Тогда горцы вынули из-за пазухи по чуреку (Хлеб, наподобие лепешки.) и по куску сыра и предложили пленным разделить их трапезу. Шелест передавал, что Зралеву было не до еды. Он думал о том, что поделывает во Владикавказе его жена, мать двухлетнего младенца. Сам же Шелест — дело другого рода: у него ни кола, ни двора, а кусок чурека после утомительного перехода не был для него лишним.

Дав время пленникам отдохнуть, покормив лошадей листом и травой, которую отыскивать в темноте ночи было предоставлено их конскому инстинкту, молчаливые путники двинулись далее.

На другой день к ночи горцы хорошо знакомыми тропами добрались до аула Мужич. С разнородными чувствами приближались они к дымным саклям. Солдат ласкала надежда на выкуп; горцы же лелеяли себя приятным убеждением, что они у преддверия тех мест где выгодно могут сбыть свой товар.

Об ауле Мужич нет нужды много говорить; он в свое время был притоном отъявленных мошенников, и притом байгушей (бедняков) двух соседних обществ. Понятно что таким людям, как жители Мужича, пленники не нужны. Они их только будут стеснять. Дело Мужичевцев — добыть Русских, если можно, и променять их ради дневного пропитания тем из соседей которым нужны рабочие руки.

На утро в саклю где содержались Зралев и Шелест стеклось все население аула.

Оборванные, полунагие ребятишки, изможденные старухи, байгуши, заезжие джигиты (Удальцы.), все интересовались знать цену продаваемых, хотя никто не думал их купить, и всем было объявлено что Зралев, как мужчина видный и способный на самую тяжелую работу, по-видимому сносливый до нельзя, идет в пятьдесят рублей, с придачей [220] нескольких голов скота; а Шелест, с виду малоспособный для потового труда, — в двадцать пять безо всякой придачи. Цены огромные! на них могли быть покупщики только из глубины гор.

Прошла неделя, другая, а пленники все томилась, каждый в отдельной сакле. Наконец из аула Хальдыхырея (Хальдыхырой находится в 8 или 10 верстах от Евдокимовского укрепления.) явились купцы. Семь человек, виновники несчастья Зралева и Шелеста, составили совет в который с правом голоса вступили и покупатели. Заседание было шумное. С одной стороны нищета и жажда прибыли, с другой скупость и грубость сошлись в неравном бою. Наконец, после двухдневного спора купцы превозмогли, и Шелест оценен в десять рублей. Вместо денег продавцам было уплачено коровой, быком и несколькими баранами. Зралев пока остался непроданным. Участь его в течение нескольких последующих месяцев неизвестна, а затем он был выкуплен кажется за сто рублей женой, в которой принял участие покойный герой барон Вревский. Так или иначе, русские солдаты расстались. Оставим же Зралева и обратимся к Шелесту.

Сделавшись собственностью нового хозяина, Шелест был тут же связан по рукам и вместе со своим господином отправился в путь.

Через несколько дней они прибыли в аул Хальдыхырой. Наружность хозяина не внушала к нему никакого доверия со стороны Шелеста. Обращением своим Далед с первых дней заслужил полное негодование горемыки, негодование, которое навсегда осталось в его душе.

Тяжело было бедному Шелесту привыкать к новой жизни. В Хальдыхырое он встретил полное равнодушие всех жителей, а в семье Даледа не был утешен ни одним ласковым взглядом. Угрюмый, молчаливый хозяин исподлобья смотрел на своего батрака. Заковав его в тяжелые кандалы, он чуть свет гонял его на работу, кормил скудно, на ночь запирал на замок в темную каморку. Правда, во все время пребывания своего у этого хозяина Шелест не был оскорблен ни одним ударом; но не проходило дня чтобы тот его не выбранил или за то что [221] принес мало дров, или за то что плохо двор вычистил, словом «гвоздил», как выражался Шелест. Незнание языка заставляло Шелеста быть безответным. Жена и дети Даледа подчас порывалась каким-нибудь подаянием утешить Ивана (так назвали они Шелеста), хотя это делалось не из участия, а из расчета, в поощрение к труду, но взгляд хозяина всегда парализовал эти намерения семьи. Нет, не ужиться тут Шелесту. Долго пленник думал и передумывал о том как бы отделаться от своего хозяина. Согласится ли Далед перепродать его? Вот вопрос. Во всяком случае Шелест решился дать ему его как-нибудь уразуметь.

Возвратившись однажды из лесу, он сложил хворост в углу сакли под досчатою настилкой, служившею кроватью хозяйке, и обратился к своему владельцу, который, сидя на деревянном обрубке, грел пятки у слабо пылавшего очага.

— Далед! — сказал он. Хозяин оглянулся.

— Я не хочу служить у тебя, продай меня другому.

Далед хотя по-видимому и понял смысл слов своего батрака, но, не выражая ни удивления ни отрицания или согласия, продолжал молчать.

— Тут яман (дурно), — объяснил пантомимами Шелест. — Ты меня все ругаешь, есть не даешь, заставляешь много работать.

Далед вопросительно и вместе с тем равнодушно посмотрел на него.

— Не хочу, — заключил Шелест. — Будь ты неладен!

Хозяин кивнул головой и отвернулся к огню.

— Сада да-а Иван (дай есть Ивану), — сказал он, обратясь к жене, сидевшей на полу в углу подле камина и завернувшей рубаху поверх шаровар на колени. Хозяйка направилась к большому резному сундуку, стоявшему у двери при входе в саклю, и вынув из него кусок чурека подала его Шелесту.

Прошло около трех недель с тех пор как Шелест жил у Даледа. В Хальдыхырой приехал горец которого Шелест уже раз как-то видел там. Была половина октября. День стоял ясный. Хозяин встретил своего гостя у двери дома, подал ему руку, снял с него винтовку и кинжал и пропустил вперед в саклю, где усадил на [222] своей постели. Над нею мокло оружие его и двух его сыновей.

Лишь только гость уселся, хозяйка молча подошла к нему с подушкой. Приезжий встал, и подушка была ему подложена. Вслед за тем хозяйка приготовила гостю хауль (Род лепешки из муки, масла и меду.). Через несколько минут, когда кушанье было готово, одна из дочерей хозяина подвинула к ногам гостя деревянный чурбан, а другая поставила пред ним кувшин с водой. Хозяйка же, выложив в деревянную миску хауль, поставила ее на жестяное блюдо, обложила кусками недавно испеченного чурека и предложила гостю. За этим завтраком, в котором хозяева, по обычаю горцев, не принимали участия, а только смотрели как бы предупредить всякое желание гостя, решилась участь Шелеста. Через полчаса он был продан этому гостю за 25 рублей, конечно большею частью с уплатой скотиной.

«Каким то хозяином наделил меня Господь?» — думал Шелест, идя впереди своего нового владельца, со связанными за спиной руками, но без колодок на ногах. «Ну, что если этот да хуже еще прежнего!» — заключил он, покачав головой.

Перед заходом солнца путники прибыли в Дышны (Аул Дышны находится за хребтом ограничивающим с северо-запада ту площадь на которой в ущелье построено укрепление Евдокимовское. Хребет называется Дышны-Лама. От укрепления до аула Дышны часа четыре хода.).

Их встретила целая ватага праздных горцев, которые принялась осматривать Шелеста, осаждая Цоука со всех сторон вопросами о том, сколько он заплатил за своего работника и где добыл его.

Проходя мимо одной сакли, Шелест неожиданно услышал: «что брат, землячок, пришлось горе мыкать?» Пленник оглянулся. У двери сакли стоял высокий парень с русою бородой, в красном бешмете.

— Да, наказал Господь, — отвечал Шелест.

— Ну, ничего. Благодари Бога что послал к доброму человеку; даром не обидит.

— Подавай Господи! А тебя как занесло сюда, землячок?

— Да жутко пришлось — и уехал из роты. [223]

— А какого полка?

— Апшеронского.

— Что ж, лучше тебе здесь?

— Разумеется, лучше. Я, значит, Шамильский. Так нас зовут здесь. Живу где понравится, люди кормят, поят. Чего же еще? Да что толковать, поговорим после.

Во все время беседы двух земляков хозяин Шелеста стоял подле своего пленника и улыбался. Между тем на пороге сакли Цоука их ожидали две дочери его, жена и сын. Когда Цоук слез с коня, одна из дочерей приняла поводья и поспешила увести его.

II.

Несмотря на предупреждение дезертира Апшеронского полка о том что Шелест попал к доброму человеку, семейство Цоука, состоявшее из жены его Дзады и дочерей Саты и Хаи, встретило солдата на первый раз не с полным доверием. Тут, впрочем, не было ничего мудреного: кто же с беспечностью стал бы вверять сразу свои интересы пришельцу, да еще чужеземцу и притом батраку? Однако к чести этого семейства следует отнести что такое положение Шелеста в семье Цоука продолжалось недолго. Сата, старшая дочь хозяина, прежде других выразила свое участие к пленнику. Она охотно приняла на себя обязанность выдавать ему пищу, старалась по мере сил понимать его просьбы, учила его понемногу языку и во всех нуждах явилась с течением времени как бы посредницей между ним и ее семейством. Все это значительно облегчало участь Шелеста, который в благодарность Сате за ее внимание становился весьма усердным там где требовалось помочь ей или вообще разделить в чем-либо ее труды. Много влияла на него и привлекательная наружность Саты. Она не была красавицей, но в карих глазах ее выражалась доброта и скромность, которые невольно останавливали на себе внимание. Сата была блондинка, как и большая часть женщин Чентынского общества (Общество это получило название от реки Ченты — Аргун.) к которому она [224] принадлежала. В 1849 году ей был пятнадцатый год — возраст когда девица в горах думает уже быть женой. Но Сата далеко не мечтала о замужестве, потому что ей было привольно жить у своих родителей, которые любили ее от души. Любовь эта простиралась до того что Цоук нередко позволял себе, в противность обычаю, ласкать свою дочь, проводя рукой по ее длинным белокурым волосам. В 1859 году Сате было около двадцати пяти лет, и она уже тогда седьмой год была замужем. В эти лета замужние женщины в горах видимо стареют и дурнеют от трудов, нечистоплотности и от частых родов. Но на Сате не отразились эта невыгоды, главнее всего потому что она, к прискорбию ее, оставалась бездетною, и потому что она и в замужестве была окружена возможным в ее быту довольством.

Страннее всего что муж, несмотря на ее неплодность не лишал ее своей любви — случай довольно редкий у горцев, которые прежде всего требуют от жены детей и находят несколько постыдным для себя бездетность. Сата, при ее высоком росте, была сложена гибко и грациозно. Она не отличалась ни быстротой движений, ни поспешностью в слове. По словам Шелеста, то же самое замечалось у ней в ее юном возрасте. Эта неболтливость, как бы рассчитанность приемов и некоторая замкнутость характера, отличавшие ее от прочих подруг

ее возраста, доставляли ей всегдашнее доверие последних и в особенности нравились отцу ее. В семье где Сата была замужем ее окружали около тридцати человек родни и у всех она пользовалась любовью и уважением. Никто лучше ее не владел иглой, никто обстоятельнее не распоряжался хозяйством, никто не обнаруживал столько бережливости во всем как Сата. Придется ли починить мужу бешмет, она делает это мастерски и постарается как-нибудь обойтись без заплаты, тогда как одна из невесток ее непременно вклеит своему мужу заплату в целую четверть. У Саты ничто не сшивалось на живую нитку как у других: шов у нее всегда правильный, ряд и закладка ровные. В то время как другие ее родственницы, пользуясь отсутствием мужей, спешили оставить работу и поджав ноги у камина болтали о пустяках, Сата бывало приоденет детей, уберет саклю, подоит коров, накормит старух, сходит [225] по воду, и все это не спеша, аккуратно. Словом, она выражала собою полное требование горцев, в силу коего вся тягость домашней работы исключительно падает на женщину. Мужчина оставлял за собою или право на бродячую жизнь или в минуты досуга заботу о чистке оружия и о строгании палочек на крыше своей сакли. Земледельцем он являлся или в случае надобности, или в тех случаях когда плодородность почвы сама как бы напрашивается на умеренный, но зато в высшей степени благодарный труд.

В семействе Цоука Шелест скоро почувствовал перемену своего положения. Увидев что одним усердием к труду он может заслужить право на внимание горца, русский солдат без ропота покорился своей участи и работал сколько от него требовало. Хотя колодки все еще были у него на ногах, но никто никогда не встречал его ни бранью, ни свирепым взглядом. Правда, одежды у него не было кроме той в которой он явился сюда, то есть рубахи и подштанников, но зато на него смотрели довольно снисходительно и кормили его тем что ели сами. Когда же случалось что семье нужно некоторое время поэкономничать, сократить расходы, Сата являлась утешительницей и покровительницей русского солдата. Она всегда находила где-нибудь лишний ломоть черствого чурека или небольшую чашку молока и спешила утолить ими голод батрака.

Раз как-то вечером наехали к хозяину гости. Шелест, сидя у себя в маленькой отдельной сакле наподобие сарайчика куда запирают на ночь баранов и отогревая озябшие ноги, был забыт среди общего движения. Вдруг видит он что мимо его дверей мелькнула желтая рубаха. Шелест выходит в сени в ожидании молодой хозяйки. Находясь несколько месяцев у Цоука, он уже выучился многим чеченским словам и умел попросить есть и пить.

Сата возвращается.

— Сата, — останавливает ее Шелест. — Дай чего-нибудь поесть; я голоден.

— Сейчас, Иван, — отвечала она. — Подожди. Мать мне велела приготовить шашлык для гостей. Лишь только баранина попадет ко мне в руки, мы поделимся.

Действительно, не более как через десять минут Сата [226] прыгнула к Шелесту в конуру и положила пред ним два фунта баранины. С легкостью козленка она выскочила на двор

Но это участие Саты к пленнику оставалось пока тайной для ее родителей. Сестра же хотя и бывала свидетельницей этих отношений, но ни мало не препятствовала им.

Зима была в разгаре. По временам нагорный ветер насквозь пронизывал холодные и темные каменные сакли. Если кому-либо случалось выходить из-под кровли, он старался

возвращаться как можно скорее, тотчас сбрасывал свои «пошмакишь» и отогревал у огня пятки.

В один из таких холодных вечеров в гости к Шелесту пришел дезертир Апшеронского полка.

— Что ты все сидишь, куманек? — сказал он входя в темную и холодную каморку Шелеста и поправляя на голове изорванную папаху.

— А по твоему мне бы гулять, да погуливать? — спросил Шелест.

— Да зашел бы ко мне. У меня хозяйка славная; чурека бы поднесла, —продолжал дезертир усмехаясь.

— И Бог с ней, да с ее чуреками. Вишь на мне одежонка-то какая, ветром разнесет!

— Ну позабавился бы с золовкой хозяйскою, — приставал дезертир, как бы не обращая внимания на слова Шелеста.

— Эх, земляк, земляк! Грех тебе право смеяться надо мной. Нашел забаву когда кулаком приходится слезы утирать. — Гость непринужденно расхохотался.

— Не тужи, кум, — прервал он Шелеста. — Стерпится слюбится. Вот и я, примером сказать, как принесло меня сюда, сам был не свой. И не спится и не естся. Все оно как-то не по нутру. И ихний значит обычай всякий, и подсматриванье за мной и пища. Все так спонурило, что даже тоска прохватила, пожалел о роте. А теперь вишь ты и хозяйка стала ласкова и слюбились мы, как водилось у нас бывало когда застоишься на зимовке в России. И куда как хорошо стало! Муженек-то моей хозяйки значит с утра до вечера пропадает где-нибудь. Говорят, с мирными знается. Крепко серчают за то на него товарищи и сам наиб, а мы выходит и живем дружка с дружкой. Теперь меня булочкой не заманил бы в роту-то. [227]

И при последних словах дезертир снова громко засмеялся. Его узкий лоб с несколькими морщинами и широкие сросшиеся брови ни мало не располагали к нему русского пленника.

— Смотри, земляк, не дожиться бы тебе! — проговорил Шелест, помешивая горсть потухавших угольев.

— Мне-то!.. Нет, брат. Переведу я всю эту шваль, как пить дам, прежде чем кому из них дамся в обиду. Не на такого наехали... А тебе что кручиниться обо мне? Ты вот на меня бы посмотрел, да у меня бы поучился бы, и дело бы вышло ладно. Здесь, кум, без обмана не прожить нашему брату. Помни что ведь это горы. Сказано горы...

Шелест не сказал ни слова на это логическое заключение.

— Ну, а каково же тебе здесь? — спросил дезертир, после некоторого молчания. — Что?..

— Да Бога не гневлю, бить не бьют, не ругают; одно слово, люди добрые..

— Еще бы бить. Да ты не в добрый час, коли дотронутся, тузни так чтобы печень заморозило. Ха-ха-ха! Ведь трусы. Бояться-то их нечего. А колодки давно сняли?

— Да почитай что тут мало и ходил в них.

— Мм... Значит, тебе тово... люди хорошие, — раздумчиво, как бы про себя, заметил он, и что-то вроде зависти к положению Шелеста промелькнуло на его лице; как бы желая скрыть этот

мимолетный проблеск недоброго чувства, дезертир со своею отвратительною улыбкой снова заговорил, махнув рукой:

— Да, все они добры, поколь наш брат у них службу несет как следует. А поди ты... Да что и говорить!

Несколько минут длилось молчание. Дезертир вынул из кармана коротенькую трубку, набил ее тютюном и закурил.

— Что с тобой, кум, толковать, — сказал он. — Заходи, когда будет можно. Прощай пока.

Так кончился первый визит дезертира, из которого Шелест вынес неприятное воспоминание.

———

Спустя несколько дней после описанного нами посещения Шелест по обыкновению сидел у себя в каморке и при свете слабо горевших мокрых головень разметывал [228] паклю. Хотя он успел уже свыкнуться со своею долей, хотя тоска его была время от времени услаждаема ласковым обращением доброй Саты и почти дружескими с ней объяснениями, конечно, большею частью на пантомиме; тем не менее подневольное житье среди совершенно чуждых людей, тяжелые труды, скудная пища, заметно избороздили его лицо. Не раз мелькала в его голове мысль о побеге. Но как бежать, не зная дороги и видя вокруг себя все горы, да горы, покрытые непроходимым снегом? Наконец, если б и можно было преодолеть это препятствие, то как рассчитать сколько дней придется быть в пути и как прокормить себя в эти дни? Вот где был камень преткновения для пленника. Изредка проблескивала в голове его слабая надежда быть выкупленным или обмененным на кого-либо из пленных горцев. Эта мысль занимала его и в настоящую минуту. Между тем, в смежной комнате отец семейства сидел в темном углу у изголовья своей кровати, покрытой желтым войлочным ковром, и пересматривал свое оружие. Когда дело дошло до кинжала, перешедшего к нему в наследство от деда и богато обделанного в блестящее серебро под чернью, лицо Цоука просветлело. Он вынул клинок из ножен, осмотрел его внимательно и ловко повернул в воздухе. По лезвию мелькнул луч от ярко пылавшего в камине огня.

— Э-э! – проговорил Цоук прищелкнув языком. — Дел-лер-декен ду! Сата, — продолжал он обращаясь к дочери и вкладывая клинок, — ступай, посмотри, сыта ли лошадь. Пора ее сводить напиться.

Сата вышла из сакли.

Цоук повесил на стене свое оружие, подошел к котлу, висевшему под потолком посередине сакли, деревянною чашкой черпнул из него воды и вылил ее себе на руки. Потом, сняв с себя башмаки, он стал на койку и, обратившись на восток, замурлыкал: ля-аллах-иль-алла. По мере того как он продолжал свою молитву, он повышал голос, вздыхал, поглаживал свою бороду, склонялся к земле, наконец пал на колени и приник головой к войлочному ковру.

После слова амень он встал и начал одеваться. Обмотав ноги онучами, надев ноговицы и две пары чевяк, [229] он отошел в угол, переменил рубаху, оделся в короткий полушубок, сверх его набросил вишневого цвета черкеску и перетянул ее отделанным в серебро поясом, на котором висел знакомый нам кинжал. Расчесав свою черную бороду, Цоук уперся левою рукой в бок, правою взялся за рукоять кинжала и призадумался. Вошла Сата.

— Что? — спросил он ее коротко.

— Лошадь сыта и напоена.

— Пошли ко мне Ивана и подавайте ужин — проговорил Цоук, не переменяя своего положения.

— Возьми заодно муку и чуреки, — произнесла мать обращаясь к Сате, — прикрепи их у седла.

Сата приняла от матери два небольших мешочка и вышла из сакли.

— Ступай к отцу, — тихо произнесла она, войдя в каморку в которой у догоревших угольев жался Шелест.

— Зачем, Сата?

Сата двинула плечами в знак неведения.

Шелест явился к хозяину.

— Садись, Иван, произнес Цоук, когда Шелест пришел в саклю. Пленник сел на землю, подле кровати, поджав под себя ноги. Его удивило это непринужденное и мягкое обращение. Он вопросительно смотрел на серьезное, правильное лицо Цоука, которое время от времени освещалось пламенем из камина.

Через несколько минут пред хозяином и его батраком Дзада поставила огромное медное блюдо, на котором находились кушанья всех родов. Тут было и молоко в небольшой деревянной чашке, мелко нарезанный шашлык, хауль, теплые чуреки, мед, творог, масло, словом понемногу всего что было лучшего в хозяйстве. Цоук рукой пригласил пленника разделить с ним ужин и сам молча стал есть.

Хозяин скоро окончил ужин и не только не торопил пленника, а следуя обычаям гостеприимства, просил его есть более и не спешить.

Наконец Шелест, наевшись вволю, встал и поблагодарил хозяев. [230]

— Позови Андрея, — сказал Цоук обращаясь к Сате.

Через несколько минут в саклю вошел знакомый нам солдат Апшеронского полка.

— Андрей, — сказал Цоук, усадив гостя. — Передай Ивану мои слова: я иду в поход; нас зовет имам. Если меня убьют, и тело мое на утешение семейства будет привезено сюда, тогда Иван свободен. Я приказываю Сате вывести его за Дышны и указать ему удобнейшую дорогу к Русским. Но если в мое отсутствие или в то время когда бы я случайно попал в плен, Иван решится бежать, то пусть он помнит что далеко не уйдет. Здесь будет несколько глаз которые день и ночь будут сторожить его. Я его предупреждаю потому что не желаю из-за пустяков лишиться работника который до сих пор верно и усердно исполнял свою обязанность. Притом скажи ему чтобы во всяком случае он хорошенько подумал и о том о чем я ему говорил не раз. Если он исполнит мое желание, мне будет очень приятно, а Иван со своей стороны приобретет многое: если не хочет, не буду принуждать.

Андрей буквально передал Шелесту слова хозяина.

Затем, не ожидая ответа, Цоук снял со стены шашку, винтовку, бурку; надел их, подошел к маленькому дитяти, лежавшему в противоположном углу на разостланных овчинах, и взял его

на руки. Долго горец смотрел на своего сына. Маленький Магомет в изумлении поводил заспанными глазами. Наконец Цоук прижал его к груди, поцеловал, бережно передал на руки близ стоявшей матери и направился к двери. Все семейство, не исключая и матери с ребенком, последовало за ним. На дворе две дочери Цоука уже держали под уздцы его серого коня. Отец подошел к стремени и ловко прыгнул в седло. Сата и Хая, бывшие по сторонам его, молча поцеловали его в колени.

— Прощайте! — сказал Цоук, завернулся в бурку и по хрупкому снегу медленно направился за аул, где гарцевало уже несколько джигитов ожидавших сбора Дышнынской партии.

— Прощай, прощай! Да хранит тебя Бог и его пророк Магомет! Нет Бога, кроме Бога и Магомет пророк его! — послышалось из уст семьи Цоука. [231]

Вскоре эта священная песнь раздалась за аулом, и Дышнынская партия, с распущенными значками, под предводительством своего пятисотенного, мюрида Аслана, направилась к сборному месту и резиденции наиба, в аул Итон-Кале.

Опустело Чентынское общество. В аулах его остались только одни дряхлые старики, женщины и дети. Несмотря на то, отъезд мужей развязал руки многим женам. Они уже неплотно прикрывались чадрами; чаще стали заходить друг к другу в гости. В тесных проулках аулов, время от времени, можно было услышать громкую болтовню или звонкий смех девушек. В Дышны гуще стала толпа у источников куда обыкновенно женщины утром и вечером ходили по воду. Их не стесняло ничье постороннее присутствие; они резвились, топтались на хрупких льдинах, грели одна о другую свои озябшие руки.

Так прошло около недели.

Уже раза два или три из Большой Чечни, где в то время происходило занятие нашими войсками Теплю-Гечю, приезжали в Дышны некоторые хозяева на двухчасовую побывку, чтобы только захватить для себя и для своих кунаков чуреков, баранины, кукурузной муки. Уже доставили сюда несколько раненых, навстречу которым каждый раз высыпали все оставшиеся в ауле. Наконец прошла уже другая и третья неделя. Наступил 1850 год. А «партия» все не возвращалась.

В обширной сакле Аслана, пятисотенного (маазума) Дышнынской партии, у яркого камина сидела на земляном чисто выметенном полу его молодая хозяйка Маня. Амбразура в ее сакле, выходившая во двор и служившая вместо окна, была прикрыта толстым ставнем. В темном углу сакли под двумя тулупами лежали девочка и мальчик; у изголовья их покоился кот и невдалеке жевал и копошился колоссальный баран. Мане было не более двадцати двух лет. Светло-голубые глаза ее были опущены, и только изредка, когда Маня поводила ими по сакле, или при малейшем стуке на дворе чуть вздрагивала и готова была подняться с места, в этих прозрачных глазах отражались лучи огня и с ними какое-то сильное беспокойство. Светло-русые волосы Мани туго сплетенными косичками, [232] по три с обеих сторон, падали на плечи. На ней была желтая, еще довольно новая рубаха и сверху черный шелковый бешмет на вате, обшитый узеньким серебряным галуном (чимчерга). Видно было что Маня приоделась не без цели; она кого-то ждала.

Хорошенькую Маню любили не все дышнынские женщины. Ее светлая, всегда приветливая наружность, видимая покорность мужу, трудолюбие и доброта сердца — последнее, по мнению горцев совершенно лишнее качество для женщины не привязывали к ней, как бы следовало

ожидать, старух и молодых девушек. За Маней никто никогда не замечал уклонения от супружеских обязанностей; никому не выдала она себя ни словом, ни делом, ни взглядом. Мужчины в особенности были убеждены что лозунг Мани любовь, верность и покорность своему мужу. Аслан не чаял в ней души. Он с гордостью иногда выслушивал комплименты стариков, которые отзывались о Мане с уважением и уверенностью.

Но что же теперь призадумалась бедная Маня? Отчего глаза ее то заблестят, то вновь скроются под ресницами, то вздрогнет она, то вздохнет и опустит нарядную головку?..

Нет, сегодня все, даже сам муж, ошиблось бы в ней. Никто не следит за ней в сакле. Вся прислуга ее покоится крепким сном в нижней сакле, смежной с хлевом... По хрупкому снегу кто-то тяжелыми и быстрыми шагами направляется к ее сакле. Маня живо поднялась со своего места, левую руку невольно поднесла к груди, насторожила уши и притаила дыхание.

— Маня! — раздалось вполголоса за дверью. Маня, как кошка, прыгнула к двери. В одно мгновение ловко приподняла она деревянную щеколду и впустила знакомого нам дезертира.

— Андрей, тебя никто не видел? — спросила она его шепотом и с беспокойством.

— Никто, никто, Маня, — отвечал он ей довольно громко, нимало не стесняясь присутствием спавших детей и обнимая ее за талию.

— Андрей! — с испугом произнесла она. — Дети!.. — И как вьюн она вывернулась у него из-под руки. [233]

Прежде чем дезертир опомнился, Маня прыгнула к очагу, разметала горевшие головни, засыпала их пеплом и тогда снова подошла к своему гостю.

— Индрей, деллендухо меллишь дица (пожалуйста говори тише), — чуть слышно произнесла она, обнимая его.

Умоляющий голос Мани, как видно, образумил дезертира. Он нехотя покорился ей. Его нахальная физиономия приняла как бы мягкое выражение. Маня осторожно взяла его за руку, подвела к лавке, покрытой войлоком и находившейся у светлой стены под амбразурами, посадила и сама уселась подле него, протянув ноги и прикрыв их куском того же войлока. Дезертир обнял ее и прижал к своей груди.

Но в эту самую минуту над самым ухом Мани, за ставнем амбразуры, раздался знакомый голос.

То был голос Шелеста.

Направляясь к сакле Аслана, он, при повороте в переулок, увидел тень Андрея вышедшего из башни на противоположной стороне двора и быстро промелькнувшего в жилище хозяйки. Шелест не более как из любопытства неслышными шагами подошел к амбразуре и был тогда невольным свидетелем происходившего внутри. Как поразила его эта сцена!

«Так вот, подумал он, хваленая Маня!»

— Маня! — сказал он громко.

Хозяйка вскочила с койки; глаза у ней заискрились, сердце словно молот стукнуло раза два в груди и замерло. Мгновенная тишина воцарилась в сакле.

— Маня! – повторил Шелест.

Тут только Маня опомнилась, быстро повернулась к изголовью, выхватила из ножен кинжал, висевший над койкой, и подняв кулак левой руки к верху, правую занесла против груди Андрея. В эту минуту в комнате загорелась тлевшая головня, вспыхнула, осветила Маню, ее отчаянное выражение лица, помертвелые щеки, руку дрожавшую над грудью дезертира и самого дезертира, прижавшегося в противоположный угол койки, и снова потухла.

— Иди к Дзаде; приехал кунак Аслана; скоро поедет обратно, — поспешил сказать Шелест ломаным чеченским языком, вздрогнув при взгляде через щель ставня на эту картину. [234]

Голова Мани медленно откинулась назад, левая рука ее, не сгибаясь, как палка опустилась, и сама она в изнеможении облокотилась о койку.

— Сейчас, — сказала она довольно твердым голосом, но так как будто только что была разбужена.

— Прости, Андрей, — проговорила она лишь только затихли шаги удалившегося Шелеста. — Я думала что ты изменил мне, что хотел посмеяться надо мною. Прости, мой добрый кунак. — И она протянула руки чтоб обнять его.

Тут только очнулся Андрей. Он поднялся с койки. Испуг на лице его сменился досадой, злостью. Теперь он чувствовал себя господином: кинжала более не было над его грудью.

— А, змея!.. — застонал он подняв теперь в свою очередь кулак над головой Мани. — Так-то ты веришь мне.

Но Маня не отступила пред занесенным кулаком. Даже и в эту минуту она не допускала мысли чтобы какая-нибудь дерзкая рука посмела коснуться женщины, хотя бы то была рука гяура, способного на всякий предосудительный поступок. Нежность и доброта вмиг пропали с ее лица: она презрительно и с достоинством взглянула на дезертира, сняла со столба свой пестрый платок, окутала им лицо, запахнула бешмет и молча вышла из сакли.

Эта женщина вмиг преобразилась и стала прежнею Маней какою знали ее люди.

III.

Спокойно загорался день на Дышны-Ламе.

Ребра боковых хребтов этого великана позлащались красными лучами восходящего солнца, которые будто медлили пробраться в аул, перебирая на пути мириады блестящих снежинок. Дышнынские женщины, завернувшись в бешметы и полушубки, доверчиво скользили под гору с кувшинами и котлами. Подойдя к ручью у того места где еще вчера черпали воду, они находили его покрытым корой льда и вытащив из-под снега своими окоченелыми руками тяжелые камни, разбивали ими лед, чтобы таким образом добраться до глубины ручья, где на дне чуть слышно струилась вода. Наполнив ковшами свои котлы и [235] кувшины с узким горлом, они торопились обратно в сакли. В числе прочих женщин сюда явилась и работница Аслана. Лишь только она склонилась к ручью чтобы зачерпнуть воды как услышала подле себя знакомый ей голос.

— Что делает Маня? — спросила Сата, остановившись подле нее.

Работница вместо ответа двинула плечами как бы затрудняясь выразить то чем была занята ее хозяйка.

— Скажи ей что я сейчас буду у нее. Вот только исполню поручение которое мне дала мать и прибегу.

— Дёкен-ду (хорошо), — отвечала работница.

И Сата как серна в два прыжка перепрыгнула на ту сторону ручья и скрылась за тесно сгроможденными саклями.

Маня сидела у себя в сакле на маленькой скамеечки пред очагом, в котором потухали уголья. Ее глаза всегда более или менее красные от дыма постоянно господствовавшего в сакле, еще краснее стали от бессонно проведенной ночи. Концы ее дорогого бешмета спустились на пол и валялись в пыли. Две из ее косичек, полурасплетенные ею вероятно в то время когда она предполагала прилечь, далеко не гармонировали со всеми остальными в которых перевивались разноцветные ленточки. Подперши голову руками, она бессознательно смотрела на истлевший уголь и не обращала ни малейшего внимания на стужу господствовавшую в сакле.

Вошла ее работница. Бросив на хозяйку озабоченный взгляд, она молча и с участием покачала головой. Поставив кувшин с водой в дальнем углу, работница подошла к Мане и дотронулась до нее рукой.

— Маня!

Маня повернула голову и вопросительно посмотрела на свою работницу.

— Я видела Сату. Сата обещала сейчас придти к тебе.

Маня отвернулась и снова стала смотреть на очаг. Работница сложила на груди руки и почтительно ожидала ответа. В это время проснулись дети. Девочка высунула голову из-под тулупа которым была прикрыта и тотчас спрятала ее снова.

— Нана, шилию (холодно, мать!) — пропищала одна из-под своего овчинного одеяла. [236]

Хозяйка не шевелилась.

Прошло еще несколько минут. В то время когда работница повернулась и готова была отойти от Мани, эта быстро приподнялась со своей скамеечки и неожиданно спросила:

— Ты говоришь что Сата будет?

— Будет.

— Хорошо. Разведи огонь и подмети саклю.

Вслед затем она торопливо сняла с колышка вбитого в стенку свою черную шерстяную, довольно поношенную чадру, подобрала наскоро волосы и окутала ею голову; потом сняла шелковый бешмет, бросила его в угол, а с детей бесцеремонно сдернула тулуп которым они были прикрыты и набросила себе на плечи. Девочка и мальчик боязливо взглянули на мать и не нашлись что сказать. После некоторого недоумения дети безмолвно поднялись с постели и корчась от холода, придвинулись к очагу. Полуизорванная черкеска мальчика и поношенная рубаха и шаровары девочки, в которых они спали не раздеваясь, составляли резкий контраст с

тем костюмом их матери, который она старалась прикрыть ветхим тулупом. Несмотря на всю доброту, которою славилась Маня, видно было уже из настоящего обхождения, что дети и женщины находившиеся у них в доме беспрекословно и с уважением привыкли подчиняться ее воле. Хотя дети были в том возрасте, который постигает материнское горе, но не смогли спросить мать о причине ее страданий. Вообще ни они, ни работница не позволили себе ни единым словом нарушить тишину в сакле.

Вошла Сата.

— В добрый час Сата, — сказала хозяйка; — садись.

Гостья уселась.

— Давно уехал Бецуш?

— Вскоре после того как принесли от тебя посылку Аслану.

Наступило молчание. Рассеянность не сходила с лица Мани. Видно было что она хотела что-то сказать Сате, но решимость боролась в ней с недоверчивостью. В свою очередь и Сата меряя урывками Маню с ног до головы, порывалась начать с нею какой-то серьезный разговор. Мысли обеих женщин, сколько можно было судить по их [237] замешательству выражавшемуся на лицах, были далеки от обычной болтовни; притом и появление Саты в доме Аслана имело какую-нибудь особенную цель. Если бы Сата явилась бы сюда за хозяйственною нуждой, она не мешкала бы и давно бы ее высказала. Но дело, как видно, касалось не горшка или вертела, а чего-нибудь поважнее.

— Маня, я хочу просить твоего совета в одном деле, — сказала нерешительно Сата после некоторого молчания.

Хозяйка обратилась к работнице и велела ей выйти, а детей услала в дальний угол.

— Я видела, Сата, что ты имеешь нужду во мне, на твоем лице не укрылось от меня беспокойство. Можешь смело рассчитывать на меня. Сестра твоя Хая не могла бы тебя больше любить и быть с тобою искреннее моего.

— Благодарю, Маня; да наградит тебя Пророк за это.

Серьезный и вместе ласковый тон Мани расположил Сату к совершенной откровенности.

— Видишь ли, когда отец уезжал, он поручил мне строго присматривать за Иваном. Между тем этот надзор не по силам мне. Если б от меня зависело, я бы давно вывела его сама за нашу ограду, сама дала бы ему кинжал в руки и именем Пророка благословила бы его в путь. Он мне очень жалок, Маня, и кроме того он очень хороший человек. Может быть между гяурами есть у него жена, дети, которые плачут по нем, а он такой покорный, послушный!.. Мне очень жаль его, Маня! Сегодня ночью, когда мы проводила Бецуша, я подошла к его сакле и посмотрела на него. Он жался в углу на сене. Увидев меня, он попросил войти и так обрадовался, когда я села подле него. Я думала ему принести шашлык, потому что от гостя нашего остались кушанья приготовленные для него; но он в первый раз отказался. Знаешь, он меня расспрашивал о том, какой путь в настоящее время более удобен для перехода в Чечню или на Лезгинскую линию. Я тотчас заметила что он спрашивал не без цели. Но могла ли я ему указать его? Если б отец узнал, а при спросе его я не смела бы отпираться, что я руководила его побегом, он убил бы меня. Я отказала Ивану, ничего не объяснила. Он это приписал моему

нерасположению и, опасаясь чтоб я не изменила его тайне, заклинал, умолял [238] меня не выдавать ее никому. Ведь ты так же не выдашь меня, Маня? — произнесла она голосом ласкающегося ребенка.

— Нет, можешь быть спокойна.

— Беркалла, беркалла, (благодарю, благодарю) Маня. Что же мне делать теперь? — Маня нехотя улыбнулась этой наивности.

— Я все-таки не понимаю, Сата, чего же ты хочешь?

— Я?.. Я не знаю, Маня. Мне жаль Ивана, он добрый человек и всегда так усердно работал.

— Значит из расположения и признательности ты хотела бы спасти его.

— Спасти... — отвечала она задумчиво и потом через минуту продолжала как бы спохватясь, — а если вдруг отец?.. — и испуганными глазами взглянула на Маню.

Обе женщины задумались.

Знаешь что, Сата, — продолжала хозяйка несколько спустя. — Если ты спасешь его, ты действительно накличешь гнев отца на свою голову, и не потому что лишила его работника, у вас работниц и без того довольно, а потому что осквернишь и себя и все семейство помощью которую окажешь гяуру. Будь Иван магометанин, тогда еще с полгоря. Посоветуй ему переменить веру.

— О, Маня, отец много говорил ему об этом и уверял, что из него вышел бы хороший наш, но Иван и слушать не хочет. Он готов исполнять наружно все наши обряды и обычаи, но переменить веру не желает. Отец обещал тогда женить его на хорошей, хотя и бедной девушке в горах; но Иван мне после сказал, что если б и пришлось жениться, то он женился бы только...

Сата склонилась в эту минуту к очагу и стала перебирать руками недогоревшие головни.

— На тебе, конечно, — договорила Маня. — Теперь я все понимаю. — Немудрено, — произнесла она с ласковою улыбкой, — если вследствие такого предпочтения ты так радеешь о нем. Продолжай.

— Но и тогда не переменил бы своей веры.

— Глупый Иван, — произнесла Маня, двинув плечами.

Снова наступило продолжительное молчание.

— Вот что я тебе скажу, — прервала наконец Маня. — Слушай. Теперь ты действительно не можешь оказать ему [239] никакой помощи, потому что как девица ты и себя и свое семейство подвергнешь опасности и злым толкам. Нет сомнения, что отец тебе этого не простит. Попроси Ивана чтоб он отложил свое намерение или до прибытия отца, когда с тебя снимется всякая ответственность за него, или до того дня когда выйдешь замуж; это еще лучше. Притом объясни что безумно теперь пускаться в дорогу по неизвестным местам и глубоким снегам. Он не должен забывать что наш аул находится в самой середине гор. Когда же ты будешь замужем, тогда втайне ото всех ты сама можешь вашего работника вывести на дорогу, и имя мужа защитит тебя от подозрения и обиды как со стороны отца, так и со стороны всех жителей аула.

— Но если этому пройдет год, два и более?

— Что же делать? Впрочем, не горюй, Сата, — продолжала Маня с улыбкой, трепля ее по плечу. — Такие хорошенькие как ты не засиживаются в девках.

Этот комплимент имел благодетельное влияние на Сату. Самолюбие ее было польщено, и она робкою, но благодарною улыбкой ответила на любезность хозяйки. Маня также достигала этим путем своей цели. С одной стороны, она успокаивала Сату и удовлетворяла ее требованию, с другой маленьким лукавством и общеженскою хитростью располагала ее в свою пользу.

— Ты хорошо решила, Маня; я так и буду делать, так и передам все Ивану. До времени он не захочет чтоб я жертвовала собою. Иван хороший человек.

Когда после некоторого раздумья которым заключился разговор двух женщин Сата встала чтоб идти домой, Маня ее остановила.

— Постой, Сата, мы не кончили еще, — возразила она. — Садись. — И потом со сдержанным равнодушием продолжала:

— Хотя ты не замужем и очень молода для того чтобы поверить тебе что-либо, но уж если мне суждено поделиться моими мыслями с кем-нибудь, то, конечно, приличнее всего с тобой, потому что ты добрая и расположенная ко мне девушка.

Сата с недоумением и любопытством смотрела на серьезное лицо Мани, которая говорила не поднимая глаз.

— Видишь ли: дело шло о вашем пленнике, а теперь [240] касается моего жильца. Тебе известно, что он, по воле наиба, живет у нас на дворе. Но Аслан его не любит и запретил ему входить в нашу саклю. Вчера же, пользуясь отсутствием мужа, я вышла к нему, впустила к себе, и вижу теперь что поступила очень дурно. К тому же обидела Андрея, когда он почти не заслуживал этого. Конечно, я бы оставила без внимания этот случай, если бы, как прежде, была уверена что Андрей добрый человек. Этого теперь я не думаю, но ссориться с ним опасно, он будет мстить мне. Сделай же для меня вот что: когда придет к вам в саклю Андрей за тем подаянием которое ему от вас назначено наибом, скажи ему что сегодня, помни же «сегодня» я тебе говорила что желаю его видеть у себя. Иначе он не решится быть у меня. Просить его о том после обиды которую я ему сделала я не могу сама; но возлагаю это на тебя и уверена что ты мне не откажешь.

— Хорошо, Маня, будь покойна. Если нужно будет, я сама сумею к тебе привести Андрея.

— Нет, нет, этого не нужно. Делай так как я сказала.

— Хорошо. Прощай. Только не обвиняй меня, если дело не сладится.

Сата вышла. Когда она шла по двору и плотно куталась в чадру, легкая двусмысленная улыбка не сходила с ее губ. Внутренне Сата была довольна, что в руках ее секрет лучшей женщины аула; и хотя она не давала себе ясного отчета в отношениях Мани к дезертиру, но догадывалась что тут нечто более чем простое участие, тем более что положение Андрея относительно было очень хорошее и не могло возбуждать сострадания, а скорее даже в сердцах байгушей и мелочи подобной им возбуждало зависть. Но значит и сердце Мани, образцовой

Мани, также способно таять как и жесткий снег на высотах Дышны-Ламы, если касается его луч солнца.

Сата бегом пустилась к своей сакле. [241]

IV.

Пост «ураза» был уже на исходе. Время от времени из ущелий наносило теплые ветры, и упорный снег, поддаваясь влиянию весеннего солнца, таял на покатостях гор, а в полдни мутил ручьи, нанося песок и глину. Вскрывшиеся поля просили сохи. У подошвы хребтов поднялись васильки и незабудки; окрестные аулу луга зазеленели черемшей и резкий запах ее разносился по закоулкам аула.

Пришла весть о возвращения партии. Все кто только мог стоять на ногах в назначенный день высыпали за аул. Почтенные старики в своих изорванных полушубках, с которыми они не расставались и летом, старухи в своих засаленных чадрах, девушки и молодые женщины в разноцветных рубахах, увешанные на груди и на шее стеклярусом, серебром, разными бусами; ребятишки и девочки с трещотками, балалайками, медными и жестяными блюдами и тазами, — все это сбежалось со всех сторон на дорогу по которой должны были проезжать их отцы, мужья, братья и сыновья. Лица встречающихся горели радостью. Одна Маня стояла молча в стороне, опершись об угол полуразрушенной башни. Она, по-видимому, не принимала никакого участия в общем веселье. Сложив на груди руки, она как и прочие действительно глядела на дорогу, но взор ее скользил по ней как-то упрямо, нехотя. Всем было любо, всем было весело; ее одну, бедняжку, томило какое-то недоброе предчувствие. Было ли то страдание за свою будущность или опасение за благо близких ей — кто разберет!

— Здравствуй, Маня! — сказала Сата, весело подойдя к ней.

— Здравствуй, Сата!

— Что с тобой, отчего это ты так повесила голову?

— Так что-то тяжело, моя дорогая.

— Едут! едут! — раздалось с башни, оборонявшей вход в аул.

Магическое действие этого слова разом подняло всю толпу. Крик, гам, визг, нестройные звуки рожков, бряканье меди и железа, песни, все это слилось в какой-то [242] хаос и дикою гармонией понеслось по ущелью. Толпа пустилась бежать навстречу всадников, толкаясь, опережая, нагоняя друг друга.

А там, из-за горы, на истощенных лошадках, в разнохарактерных чухах, бешметах, полушубках и оборванных серых солдатских плащах, мелкою рысью подвигалась Дышнынская сотня. Впереди развевался двухцветный значок, и об руку с ним, блестя серебряною оправой оружия, ехали Аслан и мулла, представители этой нестройной, дикой, беспорядочной толпы, напоминавшей собой челядь Чингисханову. В этой толпе как-то странно и смешно сплетались крайности: серебро с нищенством, нищенство с высокомерием и гордостью, сиявшими на лицах последних байгушей, гордость и высокомерие во взгляде с тощим желудком и обрюзглым телом; огневые движения всадников с медленностью и ленью измученных коней, которые не приветствовали своего жилья даже и веселым ржанием; словом, тут было все, не исключая и радости на лицах, которую вызывает у людей встреча с

близкими после долгой разлуки. Нетерпение, по мере приближения партии к аулу, выражалось в более частом и звонком хлестании лошадей, которые повинуясь нагайке мало-по-малу прибавляли рыси.

Почти за версту от аула сотня была встречена жителями Дышны. Мулла затянул «ля-илляхи». Молитву подхватили все воины, и смешав свои голоса с исступленными криками встречавших, наводняли воздух такою нескладицей что вероятно и сам Магомет, если бы встал из гроба, не мог понять что хочет выразить эта взбеленившаяся толпа.

От места встречи до самой сакли Аслан был провожаем своею женой и детьми. Горцы, невзирая на адат по которому изъявление ласки их женам считается неуместным, радостно приветствовали каждый свою семью. Только их маазум ехал угрюмый и молчаливый. Его нахмуренный лоб и сдвинутые брови обличали какое-то душевное расстройство. Дети при встрече с отцом бросились к его стремени, ловили его руками; но железный ли характер отца или тяжелое состояние его духа разом парализовали эту любезность. Малютки молча и с недоумением отошли в сторону к своей матери и схватили ее за бешмет, искоса поглядывая на отца. [243]

При въезде во двор Аслан увидел стоявшего у дверей своей сакли Андрея, покуривавшего трубку.

— Ага, кунак, здорово живешь! — весело прокричал ему дезертир.

Хозяин слегка повернул голову в его сторону и проехал мимо.

— Ишь, собака, черти бы тебя разорвали! Загордился, небось, пуще прежнего. Постой, брат, как бы не пришло время чтоб ягненком поглядел на меня, — проворчал оскорбленный беглец.

В эту самую минуту лошадь Аслана, лениво и устало ступавшая под своим седоком, споткнулась на передние ноги.

— А-а, все проклятия правоверного на твою голову! — злобно проговорил Аслан, бросив взгляд на Андрея, так что трудно было отгадать к кому относится этот комплимент: к Андрею ли, или четвероногому. И вслед затем, он неистово хлестнул нагайкой бедное животное.

Лишь только Аслан вошел в саклю как с умилительными приветствиями явились к нему его работницы и с поспешностью бросились за яствами которые приготовили для давно жданного хозяина.

— Пока я ничего не хочу, Маня, — проговорил Аслан. — Мне прежде нужно отдохнуть. Я так устал что и целый день мне не в радость. Никогда еще я с таким неудовольствием не входил в эту саклю, — докончил он как бы про себя.

И с этими словами он снял с себя пояс, кинжал и шашку и швырнул их в изголовье широкой скамейки, на которой к его приезду был постлан красный войлочный ковер. Затем, не снимая папахи и чухи, он лег и заложил руки под голову.

Вот все чем была удостоена Маня после долгой разлуки. Она не смела ни о чем спрашивать своего мужа, потому что знала его характер и обычай, по которому гордость мужчины запрещала поверять женщине тайны или предчувствия своего сердца.

Медленно и грустно вышла Маня на двор чтобы расседлать и напоить коня Аслана. Эту заботу, в знак особенного внимания к жене, Аслан разделял исключительно только с нею одной. [244]

Значение которым пользовался Аслан среди своих одноаульцев и доверие которым облекал его Шамиль были занозой для тех более или менее испытанных храбростью горцев которые видели в нем препятствие к их возвышению. Не менее того и наиб, метивший в преемники себе старшего своего сына, Мажи, втайне готов был разделять с ними это неудовольствие. Всегда угрюмый, молчаливый, деспотически управлявший своими воинами во время походов и на месте, Аслан хотя наружно и пользовался уважением в Дышны и окрестностях, но этот род привязанности быль не совсем прочен, потому что поддерживался не любовью к нему, а страхом. Безупречный во всех отношениях как горец и магометанин, Аслан имел много врагов, и стоило только кому-нибудь из них метко бросить искру в сторону маазума, как тотчас нашлись бы сотни людей, даже из лиц по-видимому более или менее родственных, близких ему, которые готовы были раздуть эту искру в огромный пожар. Аслан все это знал; ему тяжело было вечно оглядываться по сторонам и из-за спины ждать удара. Но гордость и честолюбие не позволяли ему снять каким бы то ни было образом почетное звание маазума, которое в будущем представляло возможность быть наибом. Аслан решился ждать и пока кое-как перебиваться, лишь бы со временем видеть в своих руках все общество. Тогда бы он расправил крылья!..

Не лучшее сравнительно было состояние духа и его жены. Вся эта огласка об ней, похвалы и крики со стороны большей части женщин были не более как рабское потворствование словам их мужей, неподдельно уважавших Маню, в сущности же подруги не любили Маню почти столько же сколько их мужья не любили Аслана. Словом, и муж и жена не угодили каждый своей стороне. Аслана любила все женщины, но под него подкапывались мужчины; Маню, напротив, любили все мужчины, в особенности старики и дети, но втайне ненавидели многие женщины.

Андрей был малый не глупый, казался отважным джигитом, и наконец был для Мани запрещенный плод. Как строга горская женщина с христианином в присутствии посторонних так искательна и угодлива когда [245] уверена что за ней не присматривают. За увлеченьем скоро последовало разочарование. Андрей оказался негодяем, и увлекшаяся им женщина страдала втайне. Ее душило уязвленное самолюбие, униженное достоинство.

Несносен был и Аслан. Добиваясь наибства, он возбудил немалое против себя негодование. Были тайные замыслы на его жизнь. Распускали слухи будто он изменщик, будто сам посылал лазутчиков в русский лагерь не с целью выведать численность и расположение войск, а с целью продать за десять туманов Дышнынскую сотню. Старый наиб по прежнему был ласков; но Аслан не верил этим ласкам: он знал что Альдам храбр, хитер, добр, но слаб и по большей части служит орудием чужих целей. Как человек опытный и прозорливый, Аслан был убежден что чем наружно-ласковее будет с ним наиб, тем сильнее и быстрее действуют его враги. Нужно было или самому действовать решительно или сдаться.

Такие мысли волновали Аслана при въезде в родной аул; вот почему он так нелюдимо встретил свой двор и изменился в лице, когда его дорогой, любимый конь споткнулся у порога. Плохой, видно, знак!

Н. Волконский

Текст воспроизведен по изданию: Семь лет в плену у горцев (1849-1856) // Русский вестник, № 5. 1882

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

СЕМЬ ЛЕТ В ПЛЕНУ У ГОРЦЕВ

(1849 — 1856)

V.

Старый Альдам пользовался заслуженным уважением в ауле, хотя и нельзя было не видеть что наиб устарел и обессилел. Будь это кто-нибудь другой, можно бы сказать: ты послужил как умел, теперь иди на отдых. Но Альдаму этого нельзя было сказать. Еще многим и не раз придется обратиться к вельможному старику с просьбой о защите, о гостеприимстве, о заступничестве, о куске хлеба. Альдам был слишком дорог по воспоминанию Чентынцам.

Незадолго до окончания уразы Альдам обратился к своему кунаку в Дышны, к Цоуку, с просьбой отпустить к нему на несколько дней его батрака, который владея хорошо топором заслужил себе некоторую известность. Цоук, конечно, не отказал, потому что сознавал что к байраму у таких хороших хозяек как бабы Альдама может явиться большая нужда в разной работе которую они [246] откладывали до времени прибытия мужчин. Шелест и сам не без удовольствия отправился на эту работу, ибо был уверен что труд его не пропадет даром. И вот он начал кое-что отесывать, кое-что строгать, там подклеивать в ином месте подпиливать, в другом подрезывать. Иной раз и нужды нет никакой: какой-нибудь резной сундук, или скамейка век бы еще держались в том виде в каком застал их Шелест, а он как малый не промах, дай мол покажу свое усердие. Так как ему было любо у Альдама, то, думал он, почему бы лишний денек и не прожить у него. Ведь кормят хорошо. Притом и развлечение есть. А хозяева, в особенности бабы, просто не нахвалятся Иваном. Словом, Шелест с удовольствием вспоминал об этих днях.

Однажды, сидя во дворе у каменной ограды и отесывая какие-то ножки к скамейке, Шелест был невольным свидетелем разговора между наибом, его старшим сыном Мажи и двумя мюридами. Альдам сидел на большом плоском камне по ту сторону ограды и чертил на земле своею нагайкой разные иероглифы. Подле него стоял Мажи, герой Дарго, где в 1845 году он лишился правого глаза. Два мюрида, приставщики Шамиля и претенденты на кадиев или маазумов, в папахах повитых белыми полотенцами, стояли тут же, заложив большие пальцы рук за свои пояса.

— Общество не хочет его, — говорил вполголоса один из мюридов. — Ведь не ходить же с этими дрязгами к Шамилю.

— А я не беру на себя права лишать его достоинства или изгонять из общества, — отвечал наиб.

— В таком случае есть лучшее средство избавиться от Аслана, — подхватил горячо второй мюрид.

— Какое? — спросил Альдам, взглянув на говорившего. — Убить его, это дело благословляет и Коран, потому что лучше принести в жертву одного недостойного чем подвергать несчастью и стыду сотни правоверных.

Наступило общее молчание.

— Но для этого нужно место и время, — заметил Мажи.

— Так что же! Наиб пригласит его к себе…

— Нет, нет, — живо прервал Альдам. — Я не допущу нарушить право гостеприимства в моем доме, хоть бы того [247] требовали даже и крайние обстоятельства. Не было еще примера чтобы подвергся опасности и самый ничтожный из гяуров если судьба приводила его под кров Альдама, — проговорил наиб с гордостью.

— В таком случае предоставь это нам, — заметил первый мюрид. — Ни рука правоверного, ни права гостеприимства не будут унижены недостойным убийством. Нападенье будет лицом к лицу, может если пожелает защищаться.

В это время Мажи увидел подходившего к ним Андрея.

— Он, верно, к тебе, отец, — заметил Мажи.

— Кстати, — проговорил один из мюридов, — Андрей здесь не лишний…

— Напрасно ты так думаешь, — заметил Альдам. — Гяур не должен быть посвящен в интересы правоверных.

— Но ему приличнее всего быть палачом, — с дурно скрываемою злобой заметил другой мюрид. — Пускай собака закусает своего господина.

— Помни, что хотя собака гадкое животное, которого правоверная рука не должна коснуться, но она никогда не изменяет своему двору.

В это время подошел Андрей. Он подобострастно поклонился наибу, получил в ответ легкий кивок головы, и с первых слов стал жаловаться на Аслана.

— Сведи меня с его двора, наиб, — сказал он, с неудовольствием. Будто уже нет аулов и других дымов, где бы слуга имама имел приют и спокойствие. Небось, батрак какой-нибудь вроде Ивана — и тот беспечнее живет у своего хозяина; а ведь он не более как простой пленник. Я же, кажется, заслужил у Шамиля хороший угол.

Последние слова были произнесены с отъявленным нахальством, таким что Мажи сжал невольно рукоять кинжала, и только одно присутствие отца и вместе наиба заставило его преодолеть волнение.

— Почему же ты не хочешь жить у Аслана? Ведь это лучший и богатейший двор в Дышны.

— Прах его возьми с его двором! Живешь у него в курятнике хуже козла какого-нибудь; соломы нельзя взять на подстилку без того чтобы не покосился на тебя как на волка. Прежде бывало хоть жена его поднесет тебе [248] кусок чурека или шашлыка, а теперь как приехал из похода, так мало того что сам пуще прежнего стал ворчать, да и на бабу-то словно шаль напустил. Ну, уж и она сама хороша, — заметил он презрительно, рассчитывая вероятно заодно оболгать и жену.

Но он встретил свирепый взгляд Мажи.

— Не смей, гяур, обижать наших лучших женщин, — заметил он горячо.

Речь Андрея оборвалась на половине.

— Постой, Мажи, молчи! — сказал сурово наиб. — Что дальше? — продолжал он, обращаясь к дезертиру.

— Да я хотел было прибавить, — начал оправившись от своей неудачи Андрей, — что не ровен час, и меня когда-нибудь потянут за Аслана. Что ни ночь к нему наезжают какие-то гости закутанные в башлыки, до света сидят в кунацкой, пьют бузу, едят и чуть свет съезжают со двора. Говорят они что мирные... Я это все вижу; мне значит, нельзя не доложить твоей милости, потому что ведь изменником назовут меня, на то я служу Шамилю чтобы свою должность как есть править, а тут с этаким хозяином того и гляди втешешься.

Хотя Шелест и до сих пор не очень хорошо знал чеченский язык, хотя свое собственное горе ему было ближе чем чье бы то ни было, но услышав эти сплетни, он вздрогнул от негодования. И за что, подумал он, этот человек, который несколько месяцев назад так хорошо отзывался о семействе Аслана, которому, если верить его словам, была так близка Маня, теперь так бессовестно и нагло лжет на мужа и на жену? Шелест был глубоко взволнован неблагодарностью дезертира.

— Хорошо, — сказал наиб дезертиру после некоторого молчания. — Ступай.

— Да, у вас всегда хорошо, — проворчал Андрей по-русски, отходя от наиба, — чтобы вас черт побрал! Проклятый народ!

— Видишь, наиб, — сказал один из мюридов вслед дезертиру, — не правду ли я говорю: хоть собака и гадкое животное, да гаже гяурской не найдешь. Наша, как ты говоришь, хоть аул бережет, а эта своих же загрызть готова.

— Да, — задумчиво отвечал наиб.

— Вот что, Альдам, — сказал один из мюридов после [249] продолжительного молчания. — Довольно терпеть нам сраму из-за нашего маазума. Плохо если и гяур станет поносить нас из-за него, стыдно нам. В первую пятницу, лишь только Аслан приедет сюда на базар...

В это время выглянула из сакли жена Альдама и позвала Шелеста, объявив ему что чуреки и молоко для его ужина готовы.

Как бы спохватясь, не был ли пленник свидетелем их разговора, наиб и мюриды понизили голоса. Тут уж трудно было Ивану разобрать что-либо. Он молча удалился и взбираясь по деревянной лестнице на верхний этаж сакли наиба, где жил тот со своим старшим сыном и с женами, Шелест видел вдали пробиравшегося Андрея, который весело насвистывал какую-то песню.

На следующий день, едва только проснулся наиб и совершил свой намаз, Шелест явился к нему.

— Спасибо, наиб, за хлеб-соль, — сказал он Альдаму. — Твою работу я кончил; отправь меня теперь домой.

Альдам поблагодарил Ивана, велел жене своей принести ему муки, баранины, меду, овчину и чевяки. Все это Альдам принял от жены и из своих рук наделил Шелеста. Потом он обратился к своему третьему сыну Шаме и велел ему проводить пленника до порога сакли Цоука.

Одареный по-царски, как выражался Шелест, он отправился домой, раздумывая обо всем что слышал накануне под оградой.

При входе в аул Дышны, Шелест нечаянно встретил дезертира, который, заложив на бок изорванную папаху и покуривая тютюк, лежал на пригорке, распахнув на солнце отрепья своего бешмета.

— Здорово, земляк! — обозвал его Шелест.

— А, здорово, брат! — отвечал ему Андрей, — Что это на плечах у тебя? Вишь чем его навьючили. Знамо, работящий человек — и брюхо будет полно всегда... Э! да у тебя никак и чевяки под мышкой. Это, сват, повыгоднее будет твое ремесло, чем мое. Таскаешься с бабами, ни чертова кулича не сгребешь. Вот-те и любовница... Мне, куманек, никак и животы подвело с моей любезной, а все есть не дают.

— Что порочишь-то ее, Андрей! Чем она виновата?

— Как чем? Нешто у мужа жаль стащить бешметишко какой, али полбарана подать доброму человеку? сказано, стерва! [250]

— Не хули ее, Андрей, — продолжал Шелест. — Не виновата она ни в чем. Что же станешь делать, коли за ней сто глаз глядят? Может и душу рада бы отдать тебе да, вишь ты, связана совсем: то муж, то люди у порога.

— Да, кабы не эти мюриды проклятые что всю ночь напролет сидят в кунацкой да потчуются, так она бы и девка была ничего себе. А мне ведь от того не легче. Эта толстомордая бестия хозяин-то мой, куска черствого чурека ни разу не бросил мне, для кунаков небось напекает каждый вечер столько, ажно печь трещит.

Теперь Шелесту, отчасти стало понятно, почему Андрей недолюбливал Аслана. Ему, между прочим, хотелось знать также и о том, что это за ночные посетители навещающие ежедневно Аслана.

— А скажи на милость, земляк, — проговорил он вкрадчивым голосом. — Что это за мюриды такие что ездят каждую ночь к твоему хозяину?

— А ихние, значит, разбойники, пройдохи что Шамиля то окружают, да нашептывают ему то на того, то не другого.

— О чем же они толкуют там?

Кто их знает о чем! раз как-то послышалось мне случайно что он говорил насчет наибства какого-то. Вишь куда метит собака! И гляди добьется-таки своего, как там ни наседай на него.

Теперь понятно стало Шелесту, почему мюриды разговаривавшие вчера с Альдамом так жадно искали погибели Аслана. В своих тайных переговорах с приближенными Шамиля Аслан лелеял себя надеждой сделаться наибом. Отсюда нелюбовь к Аслану и со стороны Мажи, который сам по смерти отца метил на это место. Наконец, если б Аслан захватил наибство, то, нет сомнения, поступил бы тогда со своими тайными врагами весьма немилолюбиво, то есть, по всей вероятности так как хотели с ним поступить они сами.

Поняв насколько возможно всю эту хитро сплетенную интригу, Шелест решился во что бы то ни стало передать ее Сате и просить ее, при посредстве Мани, предостеречь Аслана от угрожавшей ему погибели.

— Скажи, Сата, ты любишь Маню?

— А тебе разве это неизвестно? — спросила она улыбаясь. [251]

— Если ты ее любишь, а также желаешь добра и Аслану и не прочь была бы предостеречь их от одного большого несчастья которое готовится им, то я тебе сообщу кое-что.

— Иван, ради Бога, говори скорее, — прошептала Сата. — Я должна знать и непременно предупрежу Маню; я очень люблю ее.

И в эти минуты с лицом одушевленным участием, и неподдельною грустью, Сата присела на корточки близ Шелеста и со слезами на глазах слушала все чему накануне он был свидетелем.

На следующий день у Саты готовы были тысячи предлогов для того чтобы лишний час провести в обществе Мани. Не успела молодая девушка отделаться от своих утренних занятий, как тотчас же, завернувшись в белую чадру полетела к своей подруге.

VI.

Наступил день байрама. Истощенные месячным постом и истомленные ожиданием, Дышнынцы с восходом солнца устремились в мечеть, на крыше которой стоял мулла. Голос последнего, призывавшего правоверных к молитве, разносился далеко по аулу.

Было заметно особое одушевление. Чеченцы весело стекались к храму. Просветитель правоверных сиял на солнце радостью и разноцветными цветами своего азиатского костюма. В полчаса с небольшим служение кончилось. Жители разошлись по саклям, и вскоре маленькие приземистые столики явились на сцену; их начади уставлять свежими яствами. У зажиточных хозяев, проникнутых с виду важностью и выражением покровительства, дурно скрываемыми под личиной гостеприимства и хлебосольства, сидели на полу приглашенные ими байгуши, ожидавшие своей части. И вот хозяйки, в шелковых шароварах и рубашках по большей части желтых и красных, в фиолетовых и лиловых бешметах, отороченных галуном, суетливо устилали саклю войлочными коврами и вокруг столиков, на полу, ставили кувшины с бузой. Нигде не было такого порядка как в сакле Цоука, где заботливые Сата и Хая умели всему придать порядок, [252] чистоту и блеск. Конечно, в их деятельности Шелест принимал не последнее участие. Зато он теперь время от времени пользовался любезностями Дзады, благосклонными улыбками Цоука и приветливыми взглядами Саты. Одетый в свой новый бешмет и красные чевяки, подаренные ему наибом, полу-Татарин, полу-Русский с виду, Шелест один как бы в знак особенного уважения к своим хозяевам стоял по русскому обычаю без папахи. Он отклонял предложение накрыть голову не только потому что ссылался на русский обычай, но втайне еще и потому что изо всего его наряда одна только папаха не гармонировала свежему сафьяну чевяк, белизне исподних шаровар (за неимением других) и новой ткани его бешмета.

Наконец, по мановению руки Цоука, приглашенные им бобыли, в том числе — увы! и Шелест, заняли места на разостланных на земле коврах. Лишь только они составили кружок, как огромное жестяное блюдо, вычищенное словно зеркало, очутилось посередине. Поставив его,

Сата грациозно завернула повыше локтя рукава своей рубахи, отбросила светло-русые косы и стала против отца, в ожидании его дальнейших приказаний. Почтенное лицо Цоука, сидевшего на скамье, но в том же общем кругу, слегка озарилось мелькнувшею добродушною улыбкой, когда он обмеривал с ног до головы свою дочь, которую по непонятному ему самому чувству и противно всем правилам, обычаям и религиозным убеждениям своего племени, он любил едва ли не более своего сына. Конечно, этому чувству он не позволял обнаруживаться чересчур явно и часто.

Когда буза и пиво были до дна осушены, Дышнынцы оседлали своих коней и началась скачка и джигитовка. Тут всяк имел свое место, предпочтение отдавалось не сотенному, или пятисотенному начальнику, а тому кто искуснее других владел своим оружием. И байгуш, и маазум были равны.

В разгаре народного веселья Сата подошла к Мане, любовавшейся в числе прочих джигитовкой своих одноаульцев.

— Ну что, Маня, поладила ли ты с Асланом? — спросила она у ней вполголоса. [253]

— Видишь, Сата, я сегодня веселее чем когда-нибудь, — отвечала ей Маня.

— Это почему?

— Потому что будущая участь Аслана меня не страшит, а радует.

— Как так?

— Вчера ночью мой муж получил уведомление, что не долго ему ожидать наибства.

— Каким это образом?

— Это известие привезли ему мюриды Шамиля. Я случайно подслушала их разговор.

— Ах, Маня, Маня! — отвечала Сата покачав головой. — Многое в этом роде было обещано и Магомету, предместнику твоего мужа, и даже моему отцу. Но не все то сбывается что обещает Шамиль. Неужели твой муж мог поверить на слово наперсникам Шамиля, которые приносят ему эти вести не иначе как скрыв лицо под башлыком? Плохо мне что-то верится. Прошу тебя еще раз, не упускай из виду всего что я тебе передала, и пока Аслан не получит наибства здесь или в другом обществе, береги его и предостерегай от поездки в Итон-Кале.

Светлый взор Мани мгновенно помрачился при этих словах.

— Твоя правда, Сата, отвечала она. — Великий Аллах награждает вас, невинных девиц, большею прозорливостью, чем опытных воинов. Ты во многом права моя дорогая подруга.

В это время из сакли вышел Аслан и, заложив руку за бешмет, с веселою улыбкой смотрел на беснующуюся молодежь, которая не щадила ни ребер, ни ног своих лошадей. Завидев его, Маня поспешила подойти к нему.

— Нечего делать, Маня, — сказал он ей, — для праздника можно и маазуму повеселиться. Вишь как расходилась молодежь!

— Что ж, оседлать тебе коня? — спросила жена, видя что буза и пиво произвели свое действие на ее мужа.

Нет, уж сегодня я сам подтяну ему подпругу, — заметил весело Аслан.

И через четверть часа он лихо скакал на своем аргамаке к тому месту где валялась брошенная наземь папаха. [254]

Свернувшись под седло своей лошади, он подхватил с земли эту папаху, метнул ее над головами толпы, выхватил из-за пояса пистолет и с быстротой молнии всадил пулю в ее верхушку.

— Джигит маазум! — закричали в один голос близ стоявшие горцы.

— Прошло три недели со дня байрама. Маня зорко, словно любовница, следила за каждым движением своего мужа. Седлал ли он коня, собираясь ехать куда-нибудь, она употребляла все хитрости чтобы направить его путь как-нибудь мимо Итон-Кале, если только дорога пролегала в ту сторону; уходил ли он в мечеть, она как ягуар высматривала, непримеченная, с кем сходился ее муж, подслушивала о чем он разговаривал; приходил ли кто-нибудь ночью под саклю Аслана и вызывал маазума для какой-либо надобности, Маня прежде мужа выскакивала за дверь чтоб узнать гостя и спросить, что ему нужно. Сердце Мани чуяло что скоро быть какому-то перевороту. Ей не хотелось и думать что этот переворот будет не в пользу Аслана.

Хилый Альдам, видимо, слабел день ото дня. Уже поговаривали довольно громко, что наибством управляет Мажи и два приближенные к наибу мюрида. Что старик доживает последние дни свои, в этом никто не сомневался. Но кто же будет его преемником? Этот вопрос наполнял головы не только всех Чентынцев, не исключая и байгушей, но даже женщин. Все непритворно жалели о своем патриархе. Разнесся слух что преемником Альдама будет сын его Мажи. Другие положительно говорили что власть перейдет в руки Аслана. Были некоторые, меньшинство, которые упорно, неизвестно вследствие каких данных, утверждали что Шамиль прочит на Чентынское наибство некоего Тавлинца Гамзата, человека свирепого и не дальновидного.

Итак, в одно время были три претендента на лучший кусок нагорной Чечни. Чья возьмет — решит будущее.

Между тем Альдам уже совсем не показывался народу; редко приходилось ему даже вставать с постели. Давние раны мучили старика; недостаток крови, пролитой за свободу гор или подчас по прихоти имама, но никогда вследствие грабежа или другой унизительной корысти, томил, [255] сушил одряхлевшего имама. Добрый отец семейства, он каждый день собирал у постели любимых сыновей, поучал их жить в дружбе, сберегать хозяйство, скорее жениться и храбро стоять за народную вольность как против покушений лиц и партий претендовавших на первенство и сеявших раздор среди единоплеменников.

В окрестностях разнесся слух о близкой кончине наиба. Из отдаленных аулов стекались к нему его родные и знакомые. Всяк спешил почтить последним благоговейным поклоном седины готовящегося на покой старика.

Но не те мысли волновали двух известных нам мюридов, не отходивших от постели больного. Они употребляли все усилия, чтобы завлечь сюда Аслана. Нечего было терять времени; нужно было действовать как можно скорее, иначе, нет сомнения, Аслан их пересилит. Орудием своих замыслов мюриды избрали дезертира и Андрей искусно расставлял тенета своему бывшему хозяину, завлекая его в западню медленно, осторожно, но верно.

Невозможно же и маазуму в числе других не съездить к своему боевому сподвижнику и не воздать ему последних почестей.

Был праздничный день, пятница, когда Аслан сел на коня и поехал в Итон-Кале. Маня проводила его до своего двора и долго смотрела вдаль. Когда Аслан скрылся за поворотом горы, она со сжатым от дурного предчувствия сердцем, опустив голову, медленно направилась к Сате.

VII.

В резиденции Чентынского наиба было шумно. Некоторые из горцев приехали для купли и продажи, другие же для свидания с умиравшим наибом. Все закоулки были полны народом.

В Итон-Кале в ту эпоху (1858) были лавки с красными товарами игравшие значительную роль. Несколько лет спустя они преобразились в темные чуланы открывавшиеся лишь тогда когда кто-либо из покупателей потревожит продавца в его сакле и заставит оставить лень чтоб идти и отмерить несколько аршин кумачу или [256] ситцу. В начале пятидесятых годов эти лавки имели щеголеватый вид. Любая из горских женщин могла найти в них все что льстило ее прихоти. Шелковые материи разных сортов и цветов, бусы, гранаты, ожерелья, часто весьма дорогие, галуны, разные шелка, иголочки, булавки, гребни черепаховые и слоновые, — по большей части добытые конечно у Русских и, нет сомнения, не всегда на чистую монету, — все это было к услугам русых чентынских красавиц. Из отдаленных углов Тавлии приходили сюда на базар истрепанные, оборванные, черные, грязные мужчины и женщины и приносили на продажу бурки, ковры. Чевяки и ногавицы доставляли на базар горские Евреи, люди в высшей степени оборотливые и промышленные. Покупатель находил здесь готовые мужские и женские бешметы, чухи, шаровары. Словом, любой из желающих, если б явился в отрепьях, но с деньгами, мог оставить Итон-Кале в лучшем блестящем платье, с оружием оправленным серебром и на коне верхом. Теперь все прибывшие на базар были большею частью заняты политическими и административными новостями. Время от времени можно было заметить отдельные кружки которые вполголоса толковали между собой о близкой кончине Альдама и об его преемниках. Говорили о Мажи и о Гамзате; об Аслане же можно было слышать только урывками и с видимою осторожностью со стороны тех которые упоминали имя маазума.

Немногие из Тавлинцев принимали деятельное участие в этих разговорах. Несмотря на то что предмет толков был им довольно близок, так как касался их земляка, они оставались совершенно бесстрастными к этому предпочтению их обществу со стороны Шамиля. Этим голышам, из которых многие едва-едва умеют на своем наречии попросить есть и пить, решительно было все равно из их ли среды будет избран чентынский наиб или из среды другого племени. С отпечатком на лице горя, нищеты и всяких бед, дико-угрюмые и суровые, они с невыразимым хладнокровием и бесцеремонностью толкали в шею всех и каждого: и муллу, и кадия, и эфендия, навязывая легкую как ветер щегольскую бурку собственного изделия.

В стороне от толкучего рынка, у дороги стояли два знакомые нам мюрида и позади их Андрей. [257]

— Когда же наконец, он приедет? — произнес один из мюридов, обращаясь к Андрею. — Ведь скоро и базар кончится. Смотри уж подходит пора третьего намаза.

— Ты не солгал, Индрей? — спросил второй мюрид искоса поглядывая на Русского.

— Ах, собака вас съешь! — сердито проворчал дезертир.

— Ну взгляните теперь вон на ту гору. Нешто не он спускается по тропинке? Сказал что приманю — и приманил. Слово-то свое значит держу как есть крепко.

Мюриды взглянули в сторону указанную Андреем и увидели Аслана спускавшегося с крутизны.

— Ну, теперь давай полтумана (5 руб. сер.), — проговорил он протягивая руку к одному из мюридов и помахивая ею у него под носом.

На эту выходку мюрид не обратил никакого внимания. Он весь отдался своим наблюдениям. Его серые глаза буквально вливались в каждое движение лошади Аслана будто стараясь издали рассмотреть малейшую червовицу ее подков. Усы и борода его, поседевшие в интригах и лести, молитвах и убийствах, как бы против воли его топорщились и чуть заметно шевелились.

— Что ж, мюрид, давай! — повторил Андрей.

— Пошел вон! Подожди конца дохлая собака! — злобно проговорил мюрид, не смотря на дезертира.

Андрей ворча отошел несколько шагов и стал набивать свою трубку.

Через десять минут маазум гордо въехал в аул красуясь на своем выкормленном коне. Проезжая мимо базара он слышал как многие из его воинов говорили ему: Здравствуй маазум. Но с вечно тяжелою заботой в лице, сосредоточенный в себе теперь еще более обыкновенного, он ни на кого не обращал внимания и никому не отдал поклона. Он видел пред собой только саклю Альдама и к ней понукал своего коня, впиваясь глазами в деревянную лестницу ведущую через балкон без перил на верхний этаж жилища наиба.

У ограды наибского дома Аслан спрыгнул с коня и забросил ему поводья на седло. Оставив на произвол благородное животное с полною уверенностью в его преданности и послушании, он вошел во двор. [258]

— Задержит ли его наиб у себя до ночи? — спросил один из мюридов у своего товарища.

Спрошенный вместо ответа утвердительно кивнул головой.

И вот у смертного одра сошлись два человека: один изнеможенный, хилый, дряхлый; другой свежий, полный жизни, надежд. Кто смел бы сказать, что первый переживет второго? А вышло так. Сошлись эти два человека, взаимно понимавшие друг друга лучше чем родная мать может понимать свое детище. Оба они были одинаково рыцари, согласно понятию горцев; но враги между собою. За что? Один вел своего сына по тому пути по которому шел другой и неизвестно кто кого опередит; другой видел давно что ему хотят перейти дорогу. Но уступить не думал. Тонкая, лукавая политика просвечивала во взгляде каждого из них.

При появлении Аслана Альдам силился привстать: маазум не обнаружил желания просить наиба не беспокоиться. Собрав в лице всю притворную ласку, хозяин казалось хотел ее передать в пожатии руки своему гостю. Последний с обычною теплотой, но молча и серьезно пожал руку наиба и, сбросив с себя шашку, винтовку и пистоль, довольно вежливо передал их

Мажи в знак того что он считает себя совершенно безопасным в их доме. Кинжал остался на поясе у маазума. Все лучшее и роскошнейшее из яств было потревожено в сундуках и чуланах ради приезда маазума. Женщины наперерыв старались угодить ему; сам наиб по-видимому от души поощрял эту готовность то словом, то взглядом.

Солнце давно уже скрылось за горы когда Аслан оставил жилище Альдама. С целью ли последний удерживал его так долго или нет — неизвестно. Базар уже давно разошелся; горцы совершили свой вечерний намаз; полукруг луны медленно выдвигался из-за ближайших уступов; в большей части улиц была тишина и спокойствие. Только кое-где у растворенных дверей сидели горцы, услаждаясь своею ленью и прохладой вечера.

Конь маазума щипал траву под оградой наибова дома. Аслан взял его за повод и пешком прошел улицы. За последними саклями он остановился снова, повесил винтовку и шашку на седло и на открытом месте стал совершать свой намаз. [259]

В это время из-за башни, стоявшей перед аулом с правой стороны (В 1858 году, по сооружении рядом с Итон-Кале укрепления Евдокимовского, на этой башне постоянно находился наш пикет.), медленно, но твердым шагом, вышли две тени и направились к тому месту где стоял маазум. В некотором отдалении боязливо скользил еще один силуэт.

Расстояние между маазумом и подходившими было невелико. Прежде чем Аслан дважды поклонился в землю, эта люди были за его спиной. Услышав за собой легкое шуршание чевяк, Аслан быстро повернулся, и не успела рука его выхватить кинжал, один из мюридов вонзил ему в грудь свое оружие вплоть до самой рукоятки (В 1858 году, когда постройка укрепления Евдокимовского еще не окончилась и только существовала стенка из наваленных в рост человека камней, на том месте где был убит Аслан, по удостоверению жителей, стояла наша артиллерийская землянка.).

Аслан застонал и грянулся оземь.

— Ишь как ловко, — заметил подошедший Андрей. — Не шелохнулся даже!

Маазум в последний раз полуоткрыл глаза. Этот свинцовый взгляд был до того страшен, что и Андрей не выдержал, отвернулся.

В это время Маня, поджидавшая своего мужа, сидела у дверей сакли, рассеянно слушая Сату, которая сдерживала ее тоску. Было около полуночи, когда они расстались.

Встревоженная и расстроенная Маня без сна провела всю ночь. Когда же стало рассветать, она вышла за ограду своего двора. Тут только ей пришлось встретить своего мужа. Аслан лежал перекинутый поверх седла на своей лошади, и единственный из горцев до конца оставшийся расположенным к нему, старый Бецуш, сидя на своем коне, сопровождал труп бывшего маазума. Маня, увидя эту картину, подняла руки к небу, выпрямилась так что все суставы у ней хрустнули, ахнула — и как подкошенная свалилась на землю. [260]

VIII.

На прилавке у стены обширной, но пришедшей в страшный беспорядок сакли, лежал маазум Аслан, повитый разноцветными шелковыми материями. Руки его были протянуты вдоль туловища, лицо закрыто; у ног лежало его оружие, так долго и неизменно служившее ему, во всех боях и под конец изменившее в родной земле. Над головой висела большая медаль,

награда Шамиля. Подле него на обрубке дерева сидела Маня. Но, Боже мой! кто решился бы сказать что это та самая чентынская красавица которая украшала собой Дышны? Лицо у ней было исцарапано; растрепанные волосы не знали куда приютиться, ниспадали они и на грудь, и на плечи, и были всклокочены на затылке. Казалось, кровь давно уже застыла в этом живом мертвеце. Глаза у ней впали, синие борозды буквально выпирали их из орбит. Изорванный, истрепанный бешмет был похож на рубище нищего. Маня не плакала. На сухих ресницах ее не было даже и капли слез. Она сидела молча, без движения, без мысли во взгляде. Несколько позади ее приютилась бедная, измученная Сата и, обняв плечи своей подруги, тихо шептала укор ее злосчастной судьбине. Бедной девушке не по силам было сдергивать себя и притворяться. В этой скорбной группе она не следовала обычаю гор, не царапала себе тело, не рвала на себе волосы. И никто не смел упрекнуть ее в этом упущении, потому что каждый, останавливавший свой взгляд на страдающем лице ее, в одно мгновение читал всю духовную красоту ее доброй души. Божественная сила сказалась теперь в глазах полудикой магометанки...

На дворе толпа женщин с распущенными волосами голосила на все манеры. Тут была иная картина. Тут было нечто даже комическое, потому что изо всех так громко кричавших и рыдавших в ограде дома Аслана, немногие чувствовали хоть отчасти ту душевную тревогу которую, следуя обычаю, старались выказать. Разрывая на себе одежду, скребя ногтями по лицу и по плечам, эти плакальщицы ради театрального эффекта не щадили ни глотки, ни легких, ни своих ни чужих ушей. А их [261] тут собралось очень много, потому что покойник был богат, славен, именит, и всем предстояла обильная закуска. Эту поминальную тризну приготовлял Шелест в сообществе с работницами Аслана. В течение первого дня уже десять баранов были уничтожены горцами, приходившими по обычаю из Дышны и ближайших к нему аулов почтить память маазума. А сколько еще предстояло принести в жертву адату этих четвероногих! В отдаленные углы Чечни и всюду где только были у маазума родные или знакомые, посланы были гонцы возвестить о смерти мужа Мани и призвать в Дышны всех желающих воздать прощальный селам покойнику. И все эти гонцы требовали вознаграждения и корма, все званые и незваные требовали поминок: арака, бузы, шашлыка, чуреков, хауля, меду, и на всех их щедрою рукой лилось имущество осиротевшей Мани, расточаемое работницами, раскрадываемое наемницами — благо что сама хозяйка ни во что не входила.

К вечеру в саклю Аслана вошли носильщики в сопровождении муллы. Бережно уложили они труп на носилки, прикрыли белым полотном и в сопровождении почти всего аула и гостей пошли на кладбище. Процессия эта сопровождалась неистовым криком ля-илляхи, заунывным воем муллы, дикими погребальными возгласами, вздохами, охами и слезами всех собравшихся огулом разрывать и без того надорванное сердце Мани. Покойника принесли на место. Повернув труп лицом к востоку, опустили его в яму в аршин глубины и заложили ее досками, так что покатость шла от головы к ногам (У горцев вообще хоронят без гробов. Обычай требует чтобы под покойником не было ничего кроме сырой земли. Если он не оставил никакого завещания на счет своих похорон, то мулла по погребении ходит всего три утра и поминает усопшего на могиле. Если же завещан большой срок для поминания, то мулла согласуется с волей усопшего, за что, конечно, от родных его требует вознаграждения.) Мулла со словом амен бросил на крышу еще одну последнюю потребу для человека — сырую землю и тем покончил. [262]

IX.

Прошло два месяца со смерти маазума. Многое изменилось в этот период времени в Чентынском обществе. Старик Альдам отошел в вечность. Итонкальцы, руководители всех остальных аулов в их политической и общественной деятельности, поголовно желали в преемники наибу его старшего сына Мажи. Зная его характер и уважая заслуги они была вполне уверены, что Мажи станет править народом с тем же благоразумием, придерживаясь тех же правил в управлении которыми руководился его отец. Сказывают, Итонкольцы посылали даже депутацию к имаму о назначении им в преемники старшего сына покойника. Но Шамиль не снизошел к их желанию. Говорят, что главною причиной тогдашнего нерасположения его к Чентынскому обществу было убийство Аслана, к которому он благоволил за его рыцарские доблести. В преемники Альдаму имам назначил Гамзата. Не может быть чтобы царь кавказских гор не знал в точности этого человека. А если же знал его хорошо, как горца свирепого и неукротимого, то что же заставляло имама избрать его Чентынским наибом? Не был ли это род мести за смерть маазума? Как бы то ни было, правление утвердилось за Гамзатом, и с первых дней для Чентынцев зашло красное солнышко. Гамзат принял в ежовые рукавицы эту своевольную ватагу. С каждым днем чаще и чаще стали отворяться двери в башне, примыкавшей ко двору наиба. Нередко можно было видеть в этой башне по два и по три арестанта, томившихся по месяцу и более в темном, сыром, вонючем и душном каземате. Прежнее радушие и хлебосольство в стенах наибского дома исчезли; не было там более ласкового привета, куска хлеба и приюта проезжему гостю, не было потому что в сакле сидел, вместо Альдама, Тавлинец Гамзат. Угрюмый, вечно нахмуренный, дико глядевший из под надвинутой на глаза папахи, новый наиб, казалось, и знать не хотел о том как на языке нагорной Чечни называются слова: доброта, снисходительность, прощение. Всю эту черствость души наиба Чентынцы пожалуй готовы были еще [263] кое-как стерпеть. Что же делать, не плакать же! Но зачем этот новый наиб, чрезмерно строгий к другим, делает исключения в пользу себя и своего семейства. Это помнят ему и до сих пор на берегу Ченты-Аргуна. Уж коль скоро взялся быть строгим, говорили Итонкальцы, то постарайся во всем другом быть образцом обществу. Между тем об этом то и не хлопотал Гамзат. Он немилосердо грабил богатое общество доставшееся ему в руки. Лишь только являлась какая-нибудь причина секвестровать известную долю имущества зажиточного хозяина, наиб старался как можно поспешнее привести это в исполнение; лишь только представлялась возможность наложить штраф на кого-либо из жителей аула, Гамзат и тут успевал со свойственною ему алчностью. Не более как в два или три месяца у него красовались в загоне и отличные горские лошади, и с полдюжины коров; на лугах вокруг аула и на покатостях ближних гор мычали и сновали сотни голов баранты, тогда как еще недавно ничего этого не было.

Гамзат, между прочим, терпеть не мог приживальщиков в обществе, каковы бы они ни были. Если же к довершению зла приживальщик был русский беглец, тогда конечно лучше убирайся заранее подобру поздорову. Вследствие этого, как ни вилял Андрей пред новым наибом, ничего не взял. Гамзат нелюдимо смотрел на чентынского Иуду. Притом, после смерти Аслана, ему и без того было жутко в обществе. Часто ему приходилось дня по два не иметь куска хлеба во рту; всяк гнал его от порога как чуму, и только Сата да Шелест время от времени наделяли его ломтями черствого чурека или сыра.

Видит Андрей что пришел его час. Что тут думать долго, сказал он себе. Давай-ка уберусь отсюда.

В один темный вечер залез Андрей в саклю обнищавшей Мани и увидев, что хозяйки нет дома — видно, пошла по воду, вот каково ее житье теперь! — собрал на полках и в незамкнутом сундуке всю провизию, которую дня на два заготовила для себя и для детей бедная женщина, и был таков. К утру и след его простыл.

Впрочем, никто им не интересовался; его отсутствия будто и не заметили. [264]

Что касается двух мюридов, то их расчеты не удались. Правда, за какое-то давнее оскорбление и ненависть их к Аслану была удовлетворена, но зато вторая половина их плана не осуществилась: они остались тем чем были. Гамзат и не любил и боялся этих людей. Не ожидая времени когда коса нападет на камень, он принял все меры к их удалению. Так как они не были здешние обыватели, а только играли роль адъютантов Шамиля, то это сделать было не трудно. План касательно их удался Гамзату тем легче, что сами мюриды увидели что поживы близь наиба будет немного, а нажить себе вреда легко.

Но изо всех лиц горшая доля выпала Мане. Со смертью мужа, с той минуты когда Маня так живо почувствовала свое одиночество, ее сердце, ум, рассудок; все облеклось в такую плотную траурную пелену, что спрятало не только от света но и от сознания самой Мани всякую улыбку, всякую искру человеческих чувств, страстей и побуждений. Маня нравственно одеревенела в полном смысле этого слова. Участие к положению детей, забота о них, все было брошено, забыто, оставлено; и если бы не Сата, то Бог весть каким бы образом эти существа были сыты и одеты.

Она имела в горах, в расстоянии трех дней пути от Дышны, отца и мать, людей достаточных; но она и слушать не хотела о том чтобы поселиться у них и оставить могилу мужа на чужой стороне. Убитая горем, она в первые две недели не звала и не помнила, приезжал ли к ней кто-нибудь из ее родных выдавших ее замуж. Родные же, хотя, впрочем, были при погребении мужа Мани, но мало настаивали на том чтоб она оставила Дышны. Сбыв некогда с рук так выгодно свою дочь, родители теперь не находили расчета возвращать ее в свою семью. Эгоизм вступил в свои права.

Сата навещала подругу иногда по два или по три раза в день, но никак не успевала разогнать ее тоску.

X.

Если бы та жизнь и те маленькие утехи которыми пользовался Шелест в Дышны своею оригинальностью и своебытностью не напоминали ему зачастую что он в плену, то нет сомнения, русский солдат и не пожалел бы о [265] былом положении в роте. Но как тут его ни ласкали, как ни дорога ему была Сата, а все время от времени, как говорится, не то тайком, не то украдкой, заползала ему в голову мысль о том, как бы этак как-нибудь поудобнее, да похитрее шагнуть через три, четыре хребта — да и концы в воду.

А Саты все будет жаль, заключал он обыкновенно про себя. Да что ж, добавлял он потом, как бы в виде утешения, чего же мне жалеть о ней? Не со мной ведь ее счастье. Не отдаст же ее отец за пленного христианина. А веры не переменю. Нет, скорее бы в отставку от Цоука, да опять на действительную.

Вот какого рода были ежедневные размышления русского солдата. Ему и нравилось в семье у горца, и в полк хотелось. Словом, одно время он колебался и не знал сам что избрать, трудовую и удобную жизнь у Цоука, или вечно тревожную, походную, исполненную подчас лютых невзгод жизнь в полку.

Но пришло время когда свое родное пересилило. Несмотря на то, что он более чем когда-нибудь сроднился душой со своими хозяевами, грусть-тоска давила его; он все чаще и чаще задумывался.

Удобная, но скучная, однообразная жизнь в ауле приелась ему вполне. Пришло наконец время когда он не колебался в выборе. По его словам, он разгадал, что своя лепешка лучше чужого киселя. Итак, Шелест стал сильно в лес смотреть. Убежать от доброго хозяина было не трудно, но добраться до своих не представлялось никакой возможности.

Так протянулся год, за ним другой. Вдруг, узнает Иван, что Сату выдают замуж.

В один из жарких дней на исходе лета пас он хозяйскую баранту на покатостях горы, за дышнынским кладбищем, по дороге в Итон-Кале. В полдень прикорнул к дереву и задремал. Невозмутимые овцы и бараны, наевшись вдоволь, сбились в кучу, уткнули морды друг другу меж передних лопаток и со своей стороны предались покою. В это время по дороге проходила Сата, посланная матерью за какою-то покупкой в итонкальскую лавку. Впоследствии оказалось, что этот маневр не более как женская хитрость. Вдова Альдама давно уже [266] переговорила с Дзадой о том чтобы женить своего третьего сына Шаму на ее дочери. До последних дней Сата об этом не знала. Секрет ей открыла случайно Хая. Обычай горцев не только не запрещал скрывать подобных вещей от другой сестры, но нередко допускал избирать младшую сестру посредницей для переговоров с невестой, если только старшей минуло 15 лет. В последнем случае, то есть когда имеется посредница, адат допускает родителей спрашивать согласия у своей дочери. Конечно в ответ на это всегда следуют слова: пусть будет так как родителям угодно. Таким образом Хая и передала Сате все сведения о намерении родителей. Когда же Дзада убедилась что Сата согласна на ее волю без малейшего ропота, то чтобы дать Шаме возможность видеть невесту чаще, матери придумывали разные предлоги.

Сата завидев Шелеста тихонько подошла к нему.

— Иван! — обозвала она его.

Шелест проснулся.

— Это ты, Сата? — спросил он ее. — Каким образом очутилась ты здесь?

— Меня послала мать в Итон-Кале.

Последовало молчание. Оба были в весьма неловком положении.

— Я тебе хотела кое-что передать Иван.

Вследствие какого-то странного предчувствия у Шелеста екнуло сердце.

— Говори моя красавица, — отвечал Иван.

— Меня хотят выдать замуж, — чуть слышно проговорила девушка и медленно опустила голову.

В это время Шелест забыл обо всем что было близко его сердцу, кроме Саты. Он не вымолвил ни слова, но слеза медленно скатилась по его морщинистой, загорелой щеке. Оба стояли друг против друга молча, как бы не решаясь ни словом, ни вздохом нарушить торжественность этой знаменательной минуты.

— Так как же? — спросил наконец опомнившийся Шелест, с трудом произнося эти слова. И не ожидая ответа он продолжал: — Что же мне делать теперь? Прощай, Сата. Я потороплюсь вас оставить как можно скорее. В эту минуту девушка очнулась.

— Прошу тебя, пожалуйста, мой добрый Иван, — проговорила [267] она с поспешностью, — не решайся на побег; еще не пришла твоя пора! Ведь все окрестные аулы знают тебя и на первом часе пути выдадут головой.

— Что ж, пускай выдают, — отвечал он совершенно равнодушно.

— Нет, не нужно. Твое еще не ушло от тебя. Дождись того времена когда ты можешь исполнить свое намерение не подвергая себя опасности.

— Долго ждать, моя любая сестра.

— Ничего, Иван. Положись на меня. Аллах видит и знает, что за тебя я готова отдать половину своего счастья. Я тебе все устрою как нельзя лучше, но для этого нужно ждать. Если это удастся мне до моей свадьбы, — я не замедлю; если же нет, то помни что, по обычаю нашему, я через год должна возвратиться к отцу чтобы некоторое время пожить с ним. Тогда я не буду связана как теперь и приищу тебе удобный случай. Если же ты уйдешь теперь, то заставишь меня мучиться за тебя, потому что через полдня после побега твою голову принесут к отцу. Подожди пожалуйста, Иван; ведь крайности еще нет.

— Ты умная девушка, Сата, и, Боже мой! как дорога моему сердцу. До поры до времени пусть будет по твоему, родная. Иди себе с Богом, не то кто-нибудь увидит тебя.

Сата быстро и молча обернулась, утерла рукавом свои глаза и через пять минут скрылась за горой.

XI.

Так как, по обычаю горцев, сватом может быть старший в роде, то есть отец если он жив, или старший брат, то спустя несколько дней после встречи Саты с Шелестом, Мажи оседлал лучшего своего коня, одел его в серебро, сам принарядился в щегольское, но не блиставшее галунами платье и поехал к Цоуку сватать его дочь за своего брата Шаму. Между тем Дзада еще прежде услала передать мужу что, по слухам дошедшим до нее от вдовы Альдама, семейство последнего изъявило желание породниться с Цоуком.

Ветеран ласково принял это известие и с улыбкой отвечал обыкновенною в этом случае фразой:

— И у баб есть подчас толк в голове. [268]

Предуведомленный о том, что на днях у него будет старший сын покойного наиба, Цоук приготовил побольше бузы, раки, пива и стал поджидать гостя. Приехал сват. Лишь только он остановился во дворе к нему навстречу вышел Цоук, собственноручно принял от него коня, передал его Хае, обезоружил Мажи и с почетом ввел его в свою саклю. Товар нужно было

показать лицом. Поэтому не только Сата, которая пред сватом не должна была скрываться, блистала в этот раз роскошью красоты и богатством убора, но все лучшее и новое из вещей, как-то: подушки, перины, ковры, шелковые одеяла, бешметы, рубахи, отлично вычищенная посуда, все это было наружу и празднично, чуть не с улыбкой смотрело на приезжего. Такое довольство и блеск показались последнему достойными особенной похвалы; он пощелкивал языком, умильно качал головой и весьма сожалел о том, что все это вместе с невестой достанется не ему.

Не у одного только Русского народа водка и вино хорошие проводники всяких задушевных разговоров. Этого обыкновения придерживаются и кавказские горцы. Лишь только все что в бестолковом количестве было напечено и наварено к приезду гостя сошло со стола и кушанья сменились кувшинами с напитками, Дзада, как опытная женщина, сделала знак присутствующим, и все за исключением Мажи и Цоука вышли из сакли.

После первого стакана раки Мажи начал:

— В доме у тебя, почтенный хозяин, обилие и роскошь; твое семейство самое уважаемое во всем ауле; твои душевные качества и воинские подвиги служат удивлением и примером всем юношам. — А затем, понизив несколько из скромности голос, он продолжал: — Наше же семейство, хотя живет без своего отца, тем не менее считает себя настолько счастливым что может соперничать с твоим. В одном мы не равны: у нас много джигитов: Мажи, Тата, Шама, Алхан и Ахмет, а в будущем еще зреют Магомет и Хаджи-Мурат; зато нет бриллиантовой звезды как у тебя. Хочешь ли уравнять и в этом случае одно с другим? Породнись с нами, отдай нам твою блестящую звезду, украшение твоего семейства, дочь Сату, а мы оставим тебе сына и джигита в лице нашего брата Шамы. [269]

— Беркалла, Мажи! Алляги, билляги дукодекен-ду (Спасибо, Мажи! Богом клянусь это очень хорошо. Слова: алляги, билляги, вилляги у горцев выражают самую высокую клятву и употребляются в их присяге.). Нужно тебе заметить одно, что на мою звезду уже заглядывался не один джигит. Предчувствие мне говорило, что я должен ее сберечь для крови Альдама и я устоял против всех искушений. Теперь берите от меня мою дочь, пусть она украсит собою ваше семейство. Присылайте за ней; она ваша. Но предупреждаю вас, что будете возиться со мной три дня прежде чем получите ее (Когда калым от жениха доставлен, то в назначенный день являются от него к невесте выборные в лице его родных или друзей, чтобы взять и отвести к жениху его нареченную. Сам же жених не должен во все время до первой ночи показываться ей, иначе стыдливая девушка, если увидит что этот обычай нарушен, вправе прервать с женихом всякие отношения. Невеста доверяет выборным как своим братьям. Когда эти поверенные, в конвое которых иногда состоит от 50-100 человек, являются к отцу невесты и он обладает достатком в такой мере, что может их принять и угостить на отвал, то просит всех пожаловать к нему на двор и открывает у себя праздник. Кутеж иногда продолжается до трех суток. В продолжение этого времени невеста по возможности избегает всех, за исключением лиц доверенных от жениха. Когда отец нареченной окончит свое угощение, гости собираются обратно к жениху и взяв с собой невесту за которою следует (если она богата) обоз с ее вещами арб 30 или 40, с джигитовкой, криками и песнями конвоируют ее в дом жениха. Нужно заметить, что на арбах вещи распределены весьма плутовски: нередко на одной арбе лежит две-три подушки, на другой перина, на третьей два ковра и одеяло и так далее. Словом, все дело состоит не в громоздкости арб, а в количестве их.).

Мажи с достоинством улыбнулся и поглаживая свою бороду, не совсем понятно плел комплименты хозяину. Через час Цоук проводил своего гостя до ворот ограды и попрощался с ним, подняв правую руку горизонтально, в уровень со своею бородой. Спустя несколько дней жених избрал доверенными от себя лицами Мажи и Бецуша, последнего по близкому знакомству его с домом Цоука — и наделив их калымом отправил за невестой. Доверенные пригласили с собой родных и знакомых. Последних набралось до 40 человек. [270]

Вся эта ватага в праздничных чухах и бешметах, на отстоявшихся конях, с оружием оправленным в серебро, а у многих и с золотой насечкой, шумно двинулись в Дышны.

Мажи вез записку, или лучше сказать контракт, написанный муллой, по которому объявлялось что Сата выходит замуж за Шаму, а последний, если бы по прошествии некоторого времени захотел с нею развестись, обязывается оставить за ней половину своего калыма не превышавшего на деньги 50 рублей серебром (У разных горских обществ на Кавказе калым различен, в Осетии и Дигории алдар (равносильно званию князя) или тум-алдар (полукнязь), а равно и зажиточные дворяне платят за невесту, если она девица, не свыше 580 руб. сер. если же она вдова, то не более 400 рублей. Кабардинцы, лучшее и благороднейшее по происхождению племя в горах, служили издавна для всех законодателями и, гордясь благородною кровью и богатством, внесли в адат положение о калыме в 2.000 руб. сер. Кабардинские князья больше не платят. Кабардинцы небогатые платят калым не меньше 100 руб. сер. Иногда он понижается до 25 руб. В Малой Чечне, смотря по богатству и знатности жениха, калым простирается от 25-180 р. с.; в Большой Чечне от 3-25 р. с. В Тавлии приносится иногда в калым один баран и кой-какая хурда-мурда. В Нагорной Чечне, до занятия ее Русскими, калым в 50 р. с. был уже чересчур значителен, но зато вещь стоящая 10 р. ценилась в 3-4 рубля. По занятии же нами этих обществ, жители хотя и обеднели, но потребности их, вероятно из подражания, стали шире, и калым увеличился. Серебром горцы платят редко. По большей части вместо денег дают скотину, оружие, домашнюю утварь, материи разные и проч. Калым за невесту получает старший в ее роде мужчина.).

Лишь только поезд вступил в Дышны, к нему со всех сторон присоединились жители аула. Хотя они не были приглашены, но знали что по существующему обычаю никто не имел права не впустить их во двор Цоука. А так как поговаривали, что Цоук задает пир на славу, то нет никакого сомнения, что их не минет кружка раки или бузы.

В честь прибытия гостей широким ручьем на задворье у Цоука полилась баранья кровь. Явились приглашенные Дзадой девушки, пришли пандуристы — и ликование началось.

Сата со своими подругами была в особом отделении, и [271] из скромности не показывалась гостям. Только Мажи и Бецуш, вступавшие в настоящем случае в права братьев, могли беспрепятственно входить в ту часть дома где находилась невеста.

Как ни старались старейшие из горцев упросить девиц чтоб они вышли веселиться и плясать на двор, в присутствии всего общества, их старания до самого вечера оставались безуспешны. Только незадолго до захода солнца Хая, по свойственной ее характеру резвости и как хозяйка дома, прежде других разрушила всю притворную серьезность своих подруг и заставила их вместе с нею собраться в кружок, не вдали от веселившихся мужчин. Пандуристы (Пандур инструмент о шести или пяти струнах наподобие гитары, только без деки, и меньшего размера.) ударили в струны, и пошла круговая сперва скромна, тихо, потом с притопыванием, с возгласами и прибаутками. Тамашу сменила лезгинка, и девицы одна пред другою

наперерыв выказывали всю грацию и ловкость своих приемов, всю историческую замысловатость этого танца, переходя с каждым аккордом пандуристов к быстрым движениям и поворотам, то вытягивая ноги в струну и опираясь на одни только большие пальцы, то становясь на пятки и открывая глазам зрителей всю подошву своей маленькой ноги. В этом танце выражали они и сватовство, и свадьбу девицы, и джигитство жениха, и замужество, и разлад с мужем, и вновь примирение, и чуть-чуть не объятия и поцелуи. Но на этом танец заканчивался. Раскрасневшиеся девица и мужчина останавливались, грациозно разведя руками в сторону, кланялись какой-либо другой паре, а сами садились отдыхать при общем одобрении подкутившей компании. Уже поздно ночью угомонилось большинство. Только несколько пожилых и более или менее почетных гостей досиживали еще в кунацкой своей чашки с бузой. Скоро и они свалились там где сидели...

На утро началось повторение вчерашнего; к полудню празднество было в разгаре. Число пандуристов увеличилось еще несколькими дудочниками. В то время когда девицы, из которых не одна, ради свадьбы Саты, сильно потрепала родительский карман, снова явились на дворе и в своих ярких, блестящих бешметах и чевяках, увешанные [272] в несколько рядов разного рода ожерельями, начали пляску, молодежь подтянула подпруги лошадям, выехала за ограду дома Цоука и пустилась в джигитовку. Любо было смотреть на этих лихих всадников. Если следить за их движениями и поворотами в седлах; то казалась что каждый из них детски нетвердо сидит на коне: он свободен и поворотлив как кукла; его будто бросает на все четыре стороны. Но эти самые ездоки, с виду до того плохие, что вот, того и жди, любой из них свернет себе шею, на полном карьере вдруг останавливали своих лошадей почти на данной точке и, сделав ловкий пируэт, так что хвостом животного захватывали чуху близ стоявшего горца, ловко неслись назад чтобы перескочить высокий барьер и остановиться за ним как пригвожденные к земле.

К вечеру, по принятому обыкновению, Мажи и Бецух стали просить Цоука выдать им невесту.

— Невеста еще не собралась и просит гостей обождать ее и продолжать веселиться, — был постоянный ответ подкутившего родителя.

Наконец на третий день к обеду, когда подобное препровождение времени, показалось наконец утомительным и однообразным, и многие из гостей увиливали уже от бузы и раки, во двор стали въезжать арбы, запряженные быками и лошадьми. Их всех было до двадцати. На каждую из них клали какие-нибудь вещи, которые вывозили за аул. В числе последних арб въехали четыре крытые рогожами. Мажи и Бецуш со всею родней Саты пошли в отделение невесты и, окружив ее, вывели на двор. Лицо девушки было закрыто. Когда ее подвели к арбе в которой она должна была занять место, Сата остановилась, будто ожидая кого-то, потом с нетерпением повернула голову к дому и наконец медленно стала садиться в арбу.

Подле нее поместилась Хая; девушки удостоившиеся приглашения разместились в остальных трех арбах. Мажи и Бецуш поехали верхом близ арбы невесты, а все другие провожатые, с песнями, с джигитовкой, пальбой, пандурами, дудками и свистками, мчались, останавливались, возвращались и снова скакали впереди поезда.

По едва проезжей для арбы дороге поезд потянулся в Итон-Кале. [273]

В продолжении последних трех дней Шелеста можно было видеть редко, потому что он появлялся на дворе или в сакле на самое короткое время. Зато незадолго до рассвета, когда

все, утомленные тревогой дня, с головами отягченными бузой, раки и пивом, искали убежища и отдыха где попало на задней стороне дома, под прикрытием предрассветной тьмы, заметны были две тени, которые тихо, осторожно, но серьезно о чем-то разговаривали. Одна тень маленькая, с быстрыми движениями, дрожавшая от страха и нескладно передававшая заученные, как видно, чужие слова; то была Хая. Другая Шелест.

Когда сестры сели в закрытую арбу, куда не смел проникнуть ни один нескромный взгляд, Сата отбросила свою чадру. Ее лицо несколько стянулось, побледнело; взгляд был словно чужой, и по раскрасневшимся векам и глазам можно было догадаться, что она или плакала недавно, или не спала в эти дни.

Она обняла правою рукой шею сестры, и тихо шептала: «Жаль мне его, Хая, очень жаль. Скажи чтобы помнил меня, и ждал, пока я через год не буду опять к вам. Бедный Иван! Жаль мне его, Хая... Не оставляй его, дорогая сестра...»

Поздно вступили арбы в Итон-Кале. Было темно. Несмотря на это гостей ожидали здесь новые напитки и яства. Все кое-как втащились на двор и разместились на открытом воздухе и в сакле. Пандуристы прежде всех принялись за свою работу, и снова бал открыт на три дня. Невесту упрятали в одно из уединенных отделений. Она отстраняла от себя всякие посещения и разговоры посторонних лиц и оставалась почти все время только с одною Хаей.

Опять те же танцы, попойка и джигитовка...

На третьи сутки вдова Альдама объявила своим почтенным старухам-соседкам, что Шама муж вполне, что есть надежда на спокойную и счастливую будущность молодых. Гости простились с хозяевами. [274]

XII.

Сата зажила со своим мужем в той же обширной двухэтажной сакле в которой помещалось все семейство Альдама. Свекровь ее, по обычаю, в первое время не заставила ее нести все обязанности по хозяйству и требовала от новобрачной помощи только тогда когда сама не в состоянии была управиться.

Наступил 1854 год. До этого времени Сата не навещала своих родителей; только муж ее раза два съездил в Дышны. Что же касается Хаи, то она почти каждый месяц приходила навестить свою сестру, и долго беседовали они наедине, сидя где-нибудь в темном углу. Благодаря обычаю запрещавшему молодым женщинам быть нескромными и разговаривать громко в то время когда в сакле присутствуют старшие, две сестры перебирали втихомолку все обстоятельства новой жизни Саты, положение Шелеста, его ожидания, надежды и горесть в разлуке со своею кормилицей.

Нужно заметить что с тех пор как Шелест лишился Саты, он невольно с каждым днем все более и более привязывался к Хае. Это было весьма естественно, потому что кроме того что она каждым движением напоминала ему сестру, но своею заботливостью об участи пленника давала ему время от времени возможность не так глубоко чувствовать отсутствие Саты. Несмотря на все это, Хая не была во всем похожа на свою старшую сестру. На Сату Шелест привык смотреть скорее как на попечительницу свою, наставницу и руководительницу в жизни ему незнакомой, чуждой; в Хае он видел не более как добрую, привязанную к нему девочку. Словом, взгляд Шелеста на Хаю близко подходил ко взгляду отца на свое любимое

дитя. Но пришло время, когда и Хаю нельзя было узнать. В течение двух недель она сильно изменилась. Из резвой, игривой девочки она преобразилась в серьезную и молчаливую; подчас маленькое облако набегало на ее детский лоб. Причина этой перемены заключалась в том что Цоук и Дзада неожиданно просватали ее за одного из горцев аула Хальды-Хыроя. День свадьбы был назначен до наступления уразы. [275]

Между тем в горах пронесся темный слух о том что имам намерен предпринять в текущем году какую-то весьма серьезную экспедицию, ила, лучше сказать, набег на плоскость. Говорили что этот набег обещает горцам несметную добычу, груды золота и серебра…

Это обстоятельство сильнее поста заставило Цоука поторопиться отпраздновать свадьбу.

И вот в условный день повторилась в семействе Цоука та самая история сватовства, которая была с Сатой. Но в настоящем случае сватовство и свадьба была скуднее, беднее и продолжались в доме родителей невесты всего одни сутки.

На свадьбу явилась и Сата, вместе с прочими приглашенными женщинами. Она снова увидела Шелеста; но в присутствии посторонних делала вид будто не замечает его. В продолжение дня ей удалось сказать ему несколько слов только тогда когда вся молодежь, не стесняясь ни холодом, на ненастьем, пустилась в джигитовку. Сата, проходя по двору под предлогом взглянуть на удаль Чентынцев, остановилась у ворот ограды, за которыми находился Иван, выжидавший удобного случая сказать несколько слов своему другу.

Когда чеченка увидела что вблизи никого нет и что никто их не может подслушать, она, смотря совершенно в противоположную сторону, вполголоса сказала ему:

— Здравствуй, мой хороший Иван. Не печалься. Для тебя очень полезно что Хая будет жить в Халды-Хырое. Увидишь! У меня план готов для твоего освобождения; потерпи немного и жди меня; я скоро прибуду к родителям на довольно продолжительное время.

Шелест не успел ответить ни слова, потому что Сата быстро отвернулась от него и пошла обратно в саклю.

В этот раз пленник имел возможность лицом к лицу встретиться со своею благодетельницей. Как сильно изменилась эта женщина в такое короткое время! Лицо ее побледнело, похудело; в одежде и на теле не было той чистоты и опрятности которыми когда-то, в семействе своем, она всех удивляла. Неизменными осталось ее постоянная добрая улыбка и приковывавшие глаза. Эти глаза теперь стали еще привлекательнее, потому что удержав при себе [276] блеск, приобрели более неподвижности. Жаль одно: влияние дыма весьма было заметно на слегка опухших веках.

Хаю увезли в Халды-Хырой. Вот когда стало Шелесту вполне тяжело. Бывало, в скучную длинную ночь сидит он в своей каморке, а слеза так а набегает. Недели казались ему месяцами. Все ждет он, не дождется весны; и сдается ему что еще сто лет осталось до наступления ее.

Но весна настала. Снова забушевала река, раздался Аргун так что ни проходу ни проезду нет. Около половины июня имам воззвал к народу, и все засуетилось. Все кто только мог носить оружие стали собираться в поход.

Через два дня Чентынская сотня была готова. Собрав массы горцев давно жаждавших добычу, Шамиль отправился в Кахетию.

Последствия этого набега, сопровождавшегося рядом несчастий для Кахетии вообще и в частности для семейств князей Орбелиани и Чавчавадзе, известны. Недолго были в отлучке мужья, братья и отцы тех женщин попечению которых в их отсутствие были предоставлены сакли и целые аулы. В половине июля оставшиеся в домах своих горцы, с нетерпением ожидавшие развязки набега, с восторгом приметили на хребтах отдаленных гор длинные вереницы своих героев, нагруженных разного рода добычей. Перепало тут немало награбленных вещей и в руки Цоука и Альдама (В числе других вещей в семейство покойного наиба явились с того времени: самовар, чайники медные, фаянсовые тарелки и прочая утварь. По словам Мажи, с того дня она стали употреблять чай и угощать им почетных своих посетителей.). Почти все горцы возвратились домой целы и невредимы. Шелест с высокой Дышнынской башни видел на отдаленном поперечном хребте, идущем по направлению от Тушетии к Андии, вдоль Лезгинской линии, караван с именитыми пленницами. Конечно, он не знал кто это такие, но нечего было задумываться о том, с охотой или поневоле следовали они в резиденцию имама. В то время когда в ауле радости и восторгам не было конца, у него одного быть может щемило сердце. Крепко грустно стало ему, жутче прежнего…

Не прошло и месяца со дня возвращения партий из набега, как Сата явилась в дом родительский чтобы [277] принести, по обычаю, благодарность за счастливо устроенную судьбу.

Все встретило ее с распростертыми объятиями. Но русский пленник был счастливее всех. Он решительно земли не чуял под ногами. Он ждал удобной минуты чтобы высказать и дать понять своей бывшей кормилице все неподдельное удовольствие, всю радость, внесенную в его сердце прибытием ее.

Уже около недели прошло с того дня как Сата временно поселилась у своих родителей. Теперь свидания и разговоры ее с Шелестом не происходили украдкой, как это прежде, во-первых, потому что Сата-женщина имела более прав чем Сата-девица; а во-вторых, потому что Цоук, выдав замуж обеих своих дочерей, стал еще более доверчив к своему батраку. Впрочем и Шелест вполне заслужил это доверие после пяти слишком лет своего плена. Цоук теперь не смотрел на него как на чернорабочего и гяура: он видел в нем человека более или менее преданного ему и умел ценить ту признательность которую выражал ему Русский за ласковое с ним обращение. Иван скажется его жене и отправится в ближний аул за какою-нибудь нуждой для своих хозяев. Иногда он уйдет с утра и явится только к вечеру. Хозяева не вымолвят ему ни одного упрека.

— Что ни говори — твердил Шелест впоследствии своим ротным товарищами — а сказано: свет не без добрых людей. Так оно значит и выходит.

Далед, у которого был куплен Шелест, имел в особенности в последнее время все сведения о своем бывшем батраке. Сильно жалел он о том, что лишился такого работника. Да делать нечего; он только кусал губы и угрюмо покачивал головой.

Однажды после небольшого дождика был прекрасный прохладный вечер. Цоук крепко состарившийся в последние годы, скуки ради, пошел посидеть во двор одного из соседей, где

на камнях уже прохлаждалось довольно много горцев, строгавших палочки, чертивших пальцем разные йоты и отплевавшихся на все четыре стороны.

В это время Шелест пригнал хозяйскую баранту и загонял ее в дойный хлев. Работницы Цоука, собрав свои дойники и засучив рукава, принимались за дело. [278]

— Что, Иван, устал? — спросила Сата пленника в то время когда вогнав овец в хлев, он притворил за ними ворота и, ударив рукой об руку, проговорил: шабаш!

— Нет, отчего тут устать. Нешто труд велик? — Сата улыбнулась и ближе подошла к нему.

— Слушай меня, Иван, — сказала она вполголоса. Шелест по предчувствию весь обратился в слух.

— Довольно тебе перебиваться тут, — проговорила она. — Как ни хорошо мне бывало с тобой в нашем доме и как часто ни старалась я удерживать тебя по крайней мере в то время когда могла жить с тобой под одною кровлей, но верю что тебе приятнее будет между своими. Я приготовила для твоего освобождения все что от меня зависит.

— Ах ты моя родная! ах ненаглядная! — шептал невольно Шелест по-русски, устремив неподвижно глаза на Сату и сложив на груди руки.

— Я завтра пойду дня на два к Хае, — продолжала она. — Ты пользуешься полным доверием моего отца, поэтому можешь беспрепятственно выйти из аула послезавтра. Помни: послезавтра, немного раньше теперешнего времени отправляйся в Халды-Хырой. Правда, тебе короче дорога из Дышны через снеговой хребет, но туда не ходи, опасно. Делай так как я говорю. Поверни из аула назад по дороге в Итон-Кале. Этим ты отвратишь всякое подозрение. Подумают что идешь или за аул, или на дорогу. На всякий случай приготовь что сказать, если у тебя спросят, куда и зачем идешь? На половине пути в Итон-Кале старайся идти как можно скорее, сверни влево и под горой пробирайся к Аргуну. Перейдя на ту сторону реки и взобравшись на хребет, ты увидишь меня на дороге. Если встретишь кого-нибудь при переправе и тебя спросят: куда идешь, скажи что послан за мною. При встрече я тебя извещу, если будет какая-либо опасность, и тогда мы вернемся; ты отложишь свой побег до более счастливого случая. Если же опасности не будет, иди прямо в Халды-Хырой. Сколько возможно я буду следить тебя, и лишь только пригнусь к земле, значит берегись. От места нашей встречи до Халды-Хыроя будет недалеко. Старайся подойти к аулу в сумерки. Там тебя встретит Хая. — Тут Сата оглянулась, положила руку на грудь и продолжала: — [279] Но с этой минуты будь крайне осторожен, потому что Хая неопытна, труслива и может не сладить с собою. Ее мужа в эти часы не будет дома. Она тебя проведет мимо аула так что ни одна собака не тявкнет. Держись крепко той дороги которую она тебе укажет и помни что влево от тебя пойдет другая тропа в Дидо. Иди все направо и направо. Твоя дорога выведет тебя прямо в Тушетию. Имей в виду, что ночи теперь очень темны. Если собьешься с пути, то направляйся прямо к Барбало, эту гору ты всегда узнаешь. Если тебе счастье послужит, то к рассвету ты будешь вне всяких горских аулов и кутан. А там ты уж если встретишь проезжих, то нет сомнения, это будут Тушины или Хевсуры, которые скорее будут тебе покровительствовать чем сделают вред. Помни же каждое слово мое, Иван. Прощай.

И не ожидая ответа, Сата отвернулась от пленника, отворила хлев, где в дальнем углу две работницы доили овец, и скрылась.

Шелест едва переводил дыхание от избытка чувств. Ему хотелось молиться, благодарить Бога за это ниспосылаемое счастье, и припасть к ногам Саты, целовать чевяки ее маленькой ноги, плакать от радости и улыбаться сквозь слезы…

———

На третий день после разговора с Сатой, Шелест, собираясь в путь, отправился в свою каморку и там с неудержимым биением сердца стал на колени, шепотом сотворил молитву, и затем несколько успокоенный вышел за ограду дома Цоука. Осмотрев внимательно дорогу по которой ему следовало идти, он, по возможности затаивая сильное волнение, принял беззаботный и беспечный вид забил свою трубочку и направился за аул по направленно к Итон-Кале. Ему не раз приходилось в разное время ходить туда и обратно, и никогда он не ощущал такого страха и беспокойства, как в настоящую минуту. Отчего бы, кажется, трусить? ведь никто и не подозревал его намерения?.. Скрывшись от аула, пленник с возможною послушностью проходил поворот за поворотом, изгиб за изгибом. По счастливому стечению обстоятельств, он на значительном протяжении не встретил ни одного горца, который остановил бы и о чем-либо спросил его. Только раза три [280] попались ему два какие-то оборванца, да изможденная старуха поспешавшие засветло в свои кутаны. Им было не до Шелеста.

Солнце еще не садилось за горы, когда, пробравшись под хребтом упиравшимся в Ченты-Аргун, Шелест подошел к реке. Ни моста, ни кладок на ней не было, но спуск был сильно истоптан. Перекрестился Иван и смело побрел в воду, благо что в это время года все горные речки мелководны. Очутившись на противоположном берегу, он как кошка стал карабкаться по крутизне, оставив в стороне дорогу. Ему как можно скорее нужно было перевалиться, за хребет чтобы скрыться ото всякого дозорного и любопытного взгляда. Взобравшись на гору, он увидел вдали аул и тотчас узнал его. То был Хальды-Хырой. Но дорога по которой он шел ему решительно не была известна. Та которую он знал и по которой, должно полагать, отправилась вчера Сата была короче настоящей и ближайшим путем между названным аулом и Дышны. Но рассуждать было некогда. Шелест спустился с горы и направился по ущелью. В то время, когда он пройдя дефиле, готовился вступить на ту небольшую гору которая ограждала Хальды-Хырой с западной стороны, на вершине ее показалась Сата. Шелест остановился. Сата стояла выпрямившись во весь рост, неподвижная, видимо печальная. Пук багровых лучей заходящего солнца заманчиво рисовал на зеленом фоне горы ее стройный бюст. Она выбрала место заранее рассчитав все выгоды его: с одной стороны ей был виден аул как на ладони и дорога к нему, с другой — глаз обнимал все ущелье. Шелест начал взбираться, не спуская глаз со своей благодетельницы. Хотя гора была невысока, но крута; утомленный быстрою ходьбой и ослабленный внутреим волнением, Шелест напрягал все усилия чтобы поскорее взойти на гору. В расстоянии не более пятидесяти шагов от вершины он остановился чтобы перевести дух. Тогда Сата, осмотревшись на все стороны, быстро спустилась к нему.

— Тут ты должен подождать, Иван; еще рано.

— Меня могут заметить, Сата, — едва проговорил он.

— Нет, ложись тут.

Сата указала ему на неглубокую яму засыпанную щебнем, доказывавшим что когда-то здесь была сакля.

— Ты сейчас уйдешь, Сата? [281]

— Нет, я подожду пока ты не спустишься к аулу.

— Но ведь тогда поздно будет, моя родная! Как ты доберешься домой?

— Ничего, Иван, — отвечала она с печальною улыбкой, — если меня никто не заметит, я возвращусь на ночь к Хае. У ней в доме я предупредила что пойду на гору собирать траву для больных баранов.

Шелест улегся в указанную ему яму, а Сата отойдя немного в сторону, действительно начала собирать какую-то траву.

Смеркалось. Сата подошла к Ивану и глубоко растроганным голосом тихо проговорила:

— Вставай, Иван, и иди скорее. Пока спустишься к аулу — будет поздно.

При этих словах Шелест приподнялся, и слезы градом полились у него из глаз. Сата же была серьезна, угрюма, печальна, но ни голос, ни цвет лица, ничто ей не изменило.

— Прощай, моя родная, моя возлюбленная! Прощай, моя милая кормилица и благодетельница! — проговорил Шелест, не в силах будучи сдерживать своего горя. — Спасибо тебе за твою ласку, за доброе слово, за хлеб за соль. Прощай, Саточка, голубушка!

И он приподнялся... Сата склонилась к нему и приложила губы к лицу пленника. Это был первый и последний поцелуй который крепил дружбу христианина и мусульманки.

— Прощай, мой добрый Иван, ты хороший человек. Помоги тебе Аллах! Иди скорее...

Шелест почти бегом стал спускаться с горы, оставив Сату на вершине ее. Сколько позволяли сумерки, он некоторое время видел еще ее силуэт, неподвижно темневший на вершине. Наконец она мало-помалу уменьшается, сглаживается и совсем пропадает на темном фоне горы. Когда Шелест спустился к аулу, Саты уже не было видно. Лишь только он стал подходить к ограде аула, навстречу ему, из-за разрушенной сакли, приютившейся у дороги, быстро вышла маленькая закрытая черною чадрой женщина. В расстоянии нескольких шагов, пленник узнал в ней Хаю. Она что-то тщательно скрывала под бешметом.

— Иван, — проговорила она, — пойдем скорее. И схватив его за полу бешмета, Хая с судорожною торопливостью увлекала его за собой. Шелест не мог не [282] заметить, как по голосу ее так и по руке державшей его за платье, что она вся дрожала как осиновый лист.

— Скорее, скорее, — повторяла она шепотом и еще быстрее увлекала его.

Отдавшись машинально в полное распоряжение своей путеводительницы, Шелест безотчетно повернул голову к аулу где некогда он служил у сурового Даледа. Там была глубокая тишина. Только время от времени, то в одной, то в другой сакле из трубы выскакивали искры огня. Наконец оба миновали аул, взяли вправо и пройдя еще с четверть версты остановились у поворота горы.

— Взбирайся на вершину по ложу этого ручья, теперь воды в нем нет, — шепотом проговорила Хая. — Когда взойдешь на гору, увидишь перед собой тропинку. Через час ходьбы будет перед тобой полуразрушенный навес из хвороста. Это место принадлежит одному из наших пикетов. Там теперь никого нет, и ты можешь отдохнуть.

— Возьми это себе на дорогу. — И вынув из-под бешмета четыре чурека, Хая подала их Шелесту.

— Прощай, Иван, дай Бог тебе счастья, — проговорила она и повернувшись в противную сторону, бегом пустилась к аулу.

Через два дня обессиленный, исцарапанный о камни и самодер (Дикий рододендрон.) Шелест сидел перед дымившимся костром на казачьем пикете и уныло доедал остатки последнего дружеского приношения Хаи.

_____

В 1858 году русские войска вошли в Итон-Кале и рядом с ним заложили укрепление Евдокимовское. Шелест был в числе победителей.

Сата, Мажи и все прочие члены семейства Альдама находились в живых и с радостью приняли званых гостей. Не раз Сата приносила Шелесту разные съестные припасы. Шелеста навещала также и мать Саты, Дзада, для которой навсегда осталось тайной участие ее дочерей в побеге пленника.

Семейство покойного Альдама в течение года оставалось одним из преданнейших нашему правительству. Каким образом Мажи и его братья увлеклись смутами 1860 года — трудно решить. Эта задача становится неразъясненною в [283] особенности потому что Мажи первый подал голос против Гамзата, препятствовавшего призыву русских в Итон-Кале. Мажи во время тревог в укреплении Евдокимовском всегда впереди, с открытою грудью и с полною готовностью умереть за Русских, шел против врагов тревоживших нас своими нападениями. Говорили будто Мажи увлекся примером Байсенгура (взбунтовавшего Беной и повешенного близ Хасав-Юрта), но такого рода увлечение более чем странно.

Гамзат, приобревший заслуженную ненависть Чентынского общества, в конце 1856 года лишился своего племянника убитого Итонкальцами в отплату наибу за его несправедливости. При изъявлении Чентынцами покорности Русским, Гамзат бежал в горы.

По словам Кистина Догуша, служившего ординарцем у покойного генерала Слепцова и в свое время лично знавшего Гамзата, последний до низложения его наибом был намек, то есть аскет. Этот сан чрезвычайно почетный в горах. В период своей отшельнической жизни Гамзат пользовался известностью и уважением всех окрестных обществ, жители которых приходили к нему за советом и благословением. По причине каких-то неудовольствий с Шамилем Гамзат подпал его немилости, был низведен с сана намека и назначен наибом. В этом назначении таилась и политическая цель: Шамилю нужно было обуздать своеволие Чентынцев, которого он опасался. Для указанной цели он не нашел правителя жестче и суровее Гамзата (См. статью автора 1858 год в Чечне, напечатанную в т. III Кавказского Сборника.).

По словам некоторых Итонкальцев, покойный Альдам умышленно продержал у себя Аслана до ночи и этим подготовил ему погибель. Думают, что если б Альдам знал что Мажи ему не наследует — он этого не сделал бы.

Сын Аслана Таут в 1860 году жил в одном из аулов на реке Ассе. Его мать впала в помешательство и после смерти мужа прожила в бедности и нищете всего полтора года.

О дезертире не было ни слуху ни духу. Так как он всем надоел в обществе, то полагают что какая-нибудь благодетельная рука проткнула его кинжалом и низвергла с крутизны в Аргун.

Н. Волконский

Текст воспроизведен по изданию: Семь лет в плену у горцев (1849-1856) // Русский вестник, № 5. 1882

ВОЛКОНСКИЙ Н. А. ПОГРОМ ЧЕЧНИ В 1852 ГОДУ I.

Взгляд на описываемую эпоху. Сборы Шамиля. Состав нашего отряда. Особый мичиковский отряд. Дела на рубке качкалыковского леса и при взятии Автуров и Гельдыгена. Движение будто бы на Ведень. Отступление и штурм андийских хуторов. Шамиль дерется, как простой воин. Перестрелка у Бакланова.

Первый год самостоятельной деятельности на Кавказе князя Барятинского...

Год в своем роде замечательней и знаменательный по последствиям в летописях кавказской войны.

«Автуры и Гельдыген Взяты грудью нашей»...

говорит, между прочим, об этом годе солдатская песня.

Интерес и характеристика его состоят в том, что он — эпоха князя Воронцова, который восстает здесь пред нами как военный деятель; он дает нам понятие об идее завоевания края, которая, в бытность князя Барятинского начальником левого фланга кавказской линии, начинает проблескивать; этот год знакомит нас со многими заветными бойцами нашего дела на Кавказе, каковы: Круковский — славная, светлая, храбрая и симпатичная личность, Бакланов, Меллер-Закомельский и другие, [2] перечислять которых до конца было бы излишне, потому что они нам сами себя покажут, сами за себя поговорят; наконец, год трескучий по своим военным действиям, составляющим после долгого затишья первый основательный погром Чечни, положивший начало дальнейшему ее завоеванию и падению власти и влияния Шамиля.

Мы увидим, что в этот год идея постепенного завоевания края посредством твердых наступлений, действительно, уже зародилась; что она понималась, хотя и, смутно. Только глубоко вкоренившиеся до того времени лихие партизанские набеги мешали ей тогда же осуществиться; она их пока не в состоянии была вытеснить так сразу: желание себя показать — нет-нет, да и подавляло ее.

Год начался — и военные действия начались по заведенному исстари порядку. Самая суть этих действий в Чечне была зимою, отчего и чеченские экспедиции обыкновенно назывались зимними. Гораздо позже там завелись летние экспедиции. В эпоху же нами описываемую, препятствием, страшилищем летних экспедиций в Чечне были леса. Оттого мы когда-то летом в Чечне ничего особенно важного не предпринимали, а старались все главное покончить тогда, когда деревья были обнажены от листьев, когда лес сквозил и выдавал нам каждую скрытую в нем неприятельскую папаху, лишая наших врагов возможности скрываться. И, по правде сказать, если летом — как в описываемый нами ныне год — и являлось у нас что-либо

серьезное, то оно было случайное, отрывочное или происходило вследствие таких наших деяний, которым вовсе не имели в виду преднамеренных схваток с неприятелем. К числу этих деяний (как увидим и ниже) относились: уничтожение хлебов и запасов, проложение просек, расчистка дорог и т. п. [3]

Мы сказали: год начался — и война началась по заведенному порядку. Мы не без цели выразились этими словами, потому что ни в начале года, ни до наступления его не видим никакого руководящего, заранее обдуманного и подготовленного плана наших военных операций. Мало того, нигде не сохранилось сведений о том, чтобы к зимним действиям этого года были произведены какие-либо подготовки по части провиантской, артиллерийской и пр. Проснулись с наступлением нового года, встали с постели — и отправились в путь, поближе от дома, готовые вернуться туда при первой надобности, далекие от всякого отягощения себя лишними запасами. Вот один из характеристических штрихов этого года, который, в числе прочих нами выше указанных, делает его столько же своеобразным оригинальным сколько, вследствие этого, и относительно интересным.

Вникая в частные деяния лиц этого года, мы подметили еще одну небезынтересную черту его: мы видим здесь боевой дух солдата доведенным до совершенства, боевую удаль казака в апогее ее величия и славы. Эти качества, бесспорно, не оставляли наших солдат и в последующее время, но они не были так отчаянны, беззаветны, как в этот период времени: они заменились стойкостью, твердостью. Следя за историей Кавказа, не трудно найти тому причину: когда выработалась окончательно идея, то для поддержания и осуществления ее эта беззаветная удаль была не нужна. Спознали это прежде всего военачальники, за ними — офицеры вообще, и заменили ее упорною, неотразимою храбростью; от них эти боевые достоинства незаметно передались солдатам и всецело поглотили в них прошлое, завлекающее молодечество.

В конце концов, мы встретим в этом году деяние, [4] о котором упомянули в одной из предыдущих наших статей, деяние довольно замечательное в своем роде, официально передаваемое нам в достаточно блестящем виде, но, по сказаниям современников, вызывающее в нас некоторое сожаление о нем. Это — попытка потрясти нагорную Чечню со стороны аргунского ущелья, не имевшая никаких особенных последствий. Как ни стараешься выискать в этом деянии осмысленную и существенную сторону — не достигаешь своего желания; если же останавливаешься на мысли, что такое предприятие было нам необходимо для ознакомления с этим углом непокорного края, то приходишь к заключению, что самая цель не оправдалась и не оправдала средств, т.е. что это ничтожное ознакомление досталось нам довольно дорого. На эту страницу нашей истории мы, конечно, смотрим не с точки зрения официальных бюллетеней, а с точки зрения самих участников дела, из уст которых нам пришлось выслушать многое. Таким образом, мы, так сказать, по-своему относимся к этому событию и уверены, что, конечно, ущерба от этого ни для исторического материала, ни для деятелей этого события произойти не может.

Насколько зарождалась в этот период времени идея прочного наступательного движения, настолько тогда же выработались и лучшие деятели нашей кавказской войны, которых встречаем впоследствии: князь Барятинский, барон Вревский. Много для них значила эта школа и этот переход от отживавшего порядка вещей к новому. В это время они работали и для себя, и на пользу дела вполне добросовестно и, так сказать, завершали свое военно-практическое образование, которое привело первого из них на ступень, редко досягаемую кем-

либо из смертных, и явило в нем отличнейшего во всех отношениях полководца, [5] а относительно другого давало много-много дорогих надежд, которые бы, конечно, вполне осуществились, если бы ого не свалила прежде времени роковая пуля. Мы говорим в этом случае о бароне Вревском не как о кавказском деятеле исключительно, потому что вслед за смертью его Кавказ свалился, и ему, покойному, немного оставалось бы доделать, если бы он и жив остался, а говорим о нем, как о военном деятеле вообще, как о генерале, который, если бы был жив и дотянул более или менее всвеже до нашего времени — очень пригодился бы нам столько же в сфере военной кавказской деятельности, сколько и на какой-нибудь последующей боевой арене.

В прежнее время наши боевые сотоварищи отбывали большие годовые праздники без пышности, но шумно, весело и вполне беззаботно. Каждый отдавал дань минуте, и никто не заботился о том, что последует завтра: убьют ли его, ранят — все равно. Менее всею люди заботились о том, будет ли завтра грош на обед: духанщик накормит по книжке, а казначей в свое время уплатит.

Так было и в первый день нового 1852-го года. Всю ночь напролет гремела музыка; офицеры провожали новый год, потому что встретить его — встретили накануне. Лился преимущественно портер да чихирь; других вин и напитков, кроме разве очищенной, не признавали. Все это происходило в квартире командира батальона куринского полка, подполковника Б. В прекрасном поле также не было недостатка: были и свои, воздвиженские, были и заезжие — из Грозной и из Алхан-Юрта.

Несмотря на длинную ночь, день застиг большую часть [6] пирующих в сборе: одни храпели по углам, другие сидели за карточным столом, забавляясь чаем. И музыка, и песенники уже отпущены.

Около девяти часов утра явился полковой адъютант и объявил, что послезавтра предположен сбор в Воздвиженский отряд и выступление в поход.

— Экспедиция, должно полагать, будет важная, потому что сам Барятинский с места поведет отряд. Слышно, что и Шамиль собирает большое войско.

Радость была общая, ни с чем несравнимая.

Действительно, князь Барятинский получил от лазутчиков достоверные сведения, что значительные партии чеченцев и тавлинцев направлены Шамилем в большую Чечню, и что сам имам прибудет туда шестого января.

Это было время полной власти Шамиля. Его влияние на Чечню горело всею силою своего блеска и жара; имамом одушевлялись, его слушали, потому что не остыли еще в памяти успехи его оружия в 1842-м, 1843-м и 1845-м годах. А с того времени и до 1852-го года, как известно, в Чечне не произошло ничего важного.

Прежде сбора своих партии, Шамиль прислал квартирьеров от всех племен непокорного Дагестана и прочих обществ, прилегающих к Чечне, и приказал им, каждому для воинов своего общества, заготовить провиант, продовольствие для лошадей и квартиры в пунктах им указанных. Чеченцы пока, на этот раз, широко раскрывали посланным свои житницы, и сами вооружались с полным доверием к разумным распоряжением своего газия. Аулы, которые были предназначены для расположения неприятельских скопищ, занимали все пространство

между течениями Джалки и Гумса. Сверх орудий, находившихся в распоряжении чеченского и мичиковского наибов, Шамиль [7] направил в Чечню еще шесть, под прикрытием толпы преданных ему и завзятых мюридов, которые должны были прибыть к месту расположения партий шестого января.

Какую цель имел Шамиль, принимая такие широкие меры — нам неизвестно; вероятнее всего, что никакой, кроме защиты и обороны края от вторжения в глубину его наших войск, так как, будучи уже более или менее знакомь с кн. Барятинским, знал, что Александр Иванович не упустит случая ознаменовать свой первый год заведывания левым флангом чем-нибудь не вполне приятным для горцев. Пожалуй, может быть, он уже и услышал о том стороною. Что же касается до князя Барятинского, то хотя у него и не было заранее никакого строго обдуманного и подготовленного плана, кроме прямого разорения тех или других пунктов и ослабления неприятельских сил и власти имама, однако, на всякий случай, имелось в виду, если удастся, и возможное расширение наших границ. Не приди в Чечню Шамиль, он и без того открыл бы экспедицию: прибытие же имама или, лучше сказать, верные слухи о ого прибытии заставили его лишь поторопиться и сократить время наступления.

Что князь Барятинский не мог заранее начертать себе решительного и определенного плана предстоявших действий, доказывается тем, что он точно не знал даже местности, в которой будет действовать, и собирал о ней сведения у чеченцев. На этих сведениях и частью лишь на тех, которые приобрел во время движения своего в прошлом году, 28-го июня, в большую Чечню, он основывал свои соображения. Он поставил своею задачею углубиться туда по тем путям, по которым еще не проходила наша нога, и добраться до тех мест, в которых нас не было уже более десяти лет назад. Лучше всего [8] он сам свидетельствовал о предвзятой им задаче, состоявшей в том, чтобы «разбить неприятельские скопища, уничтожить все средства продовольствия жителей и неприятеля, и потом действовать сообразно с обстоятельствами». Это последнее выражение само за себя говорит и, как нельзя лучше, подтверждает наше заявление о том, что у начальника отряда не было заранее определенного, точного плана; что он, рассчитывая на свои успехи, имел в виду ими воспользоваться с существенною пользою для дела, но как воспользуется — сам пока не знал. Словом, тут, с одной стороны, предпринимались те партизанские действия, которые водились и прежде князя Барятинского, а с другой — имелось в виду, что-то большее, серьезнейшее, но что именно — покажут обстоятельства; т.е. другими словами, стояла на виду какая-то идея, но смутно сознанная, о которой не решался явно и открыто высказаться сам начальник отряда, предоставляя осуществление ее обстоятельствам.

Четвертого января стянулись в кр. Воздвиженскую следующие войска: второй и третий батальоны тенгинского пехотного полка, третий и четвертый батальоны навагинского полка; первый, второй и четвертый батальоны егерского генерал-адъютанта князя Чернышева полка; первый, второй и четвертый батальоны егерского генерал-адъютанта князя Воронцова полка; сводный батальон от кавказских линейных 9-го, 10-го, 11-го и 12-го батальонов; пять-десять человек, с гальваническою командою, третьего резервного саперного батальона; пятьдесят человек кавказского стрелкового батальона; второй и третий дивизионы драгунского его королевского высочества наследного принца виртембергского полка; одна сотня пятой бригады кавказского линейного казачьего войска; одна сотня шестой бригады; [9] по одной сотне от линейных казачьих полков: горского, моздокского, гребенского, кизлярского; полусотня грозненских казаков; полусотня чеченской милиции; дивизион батарейной № 1-го

батареи кавказской гренадерской артиллерийской бригады, дивизион батарейной № 3-го батареи 19-й артиллерийской бригады, взвод батарейной № 4-го батареи 20-й артиллерийской бригады, взвод батарейных орудий конноартиллерийской донской № 7-го батареи, два легких орудия батарейной № 4-го батареи 20-й артиллерийской бригады, дивизион легкой № 5-го батареи 20-й артиллерийской бригады, дивизион конноартиллерийской легкой № 15-го батареи, взвод легких орудий донской конноартиллерийской № 7-го батареи, пешие ракетные команды от полков князя Чернышева и князя Воронцова, конные — от казачьих полков кавказского линейного казачьего войска. Численность войск, готовых к бою, была свыше десяти тысяч штыков, около полторы тысячи кавалерии, 24 орудия, 5 станков рикошетных и 10 навесных. Войска были удовлетворены продовольствием по 14-е января. Перевозочные средства отряда состояли в пятидесяти повозках конного транспорта левого фланга кавказской линии.

Пятого января отряд переправился на правый берег Аргуна и выстроился в расстоянии четверти версты от кр. Воздвиженской, в ожидании приезда князя Барятинского. В десять часов утра прибыл начальник отряда. Войска сомкнулись, и отслужено было молебствие. Поздравив их с походом, князь немедля двинулся вниз по течению реки и, спустя несколько часов, остановился лагерем близ бывшего аула Бани-Юрта.

Независимо этого отряда, в кумыкском владении собран был другой небольшой отряд для действий на р. [10] Мичике, под начальством командира донского № 17-го полка полковника Бакланова, начальника подвижного резерва в укреплении Куринском.

В то время главнейшею преградою сообщений наших от укр. Куринского с местностью за р. Мичиком был громадный лес в южной покатости качкалыковского хребта, тянувшийся в длину на две версты, а в ширину на одну версту и прилегавший к самому Мичику и существовавшим там по временам переправам. Цель действий отряда полковника Бакланова была — уничтожение этой преграды и в тоже время отвлечение неприятельских сил, в случае надобности, от главного отряда.

В день движения князя Барятинского к Бани-Юрту, т. е. пятого января, полковник Бакланов, согласно его указаниям, выступил из Куринского на рубку качкалыковского леса. В состав выступившей колонны входили: шесть рот егерского генерал-адъютанта князя Чернышева полка, четыре роты дагестанского пехотного полка, пять сотен донских №№ 17-го и 18-го полков, пять орудий батарейной № 4-го батареи 20-й артиллерийской бригады, два орудия донской № 7-го батареи и две полупудовые мортиры. Вообще, нижних чинов было в строю 2,075 человек. Люди были налегке, с топорами, за исключением команд, предназначенных в цепи и резервы.

Едва забрезжило — колонна охватила крайнюю оконечность леса, и топоры разом огласили собою воздух. Прикрытия были расположены так искусно вереди прогалин и под естественными защитами, что доступ неприятеля к ним и к колонне на самый отдаленный выстрел был невозможен. Полковник Бакланов строго наказал — производить рубку как можно поспешнее, без отдыха. Деревья валились одно за другим, лес трещал и пыль во всех [11] пунктах охваченной колонною местности, и скоро одна поляна за другою обнажили покатости хребта. Неприятель, убедившийся с первого раза, что одна из главных защит его должна рушиться окончательно не сегодня-завтра, с девяти часов утра открыл оживленную пальбу по нашим цепям; но они зорко берегли свои пункты и усердно отвечали ему на каждый

выстрел, удерживая его от себя в приличном отдалении. Наконец, в одиннадцатом часу грохнул первый неприятельский орудийный выстрел. Полковник Бакланов приказал направить на него все наши орудия — и не прошло четверти часа, как горцы переменили свою позицию и открыли орудийную пальбу с дальней оконечности хребта. Тогда опять все орудия колонны направлены были на этот пункт — и снова неприятель увез свою пушку на другое место. Повторилась та же история: Бакланов, как тень Буцефала, преследовал это злополучное орудие целою массою своих артиллерийских снарядов везде, где оно ни появлялось, и достиг, наконец, того, что перебил большую часть его прислуги и заставил его вовсе убраться.

К трем часам пополудни более половины всего лесного пространства было обнажено, и колонна отступала в Куринское.

Лишь только главный отряд расположился у Банн-Юрта, пошел снег, который щедро прикрыл своими хлопьями все палатки.

Шестого числа, в три часа пополуночи, ударили сбор. Отряд стал выдвигаться, выравниваться. В лагере приказано было остаться третьему и четвертому батальонам навагинского полка, сводному линейному батальону, дивизиону батарейной № 3-го батареи 19-й артиллерийской бригады, [12] взводу легких орудий батарейной № 4-го батареи 20-го артиллерийской бригады и двум орудиям донской конноартиллерийской № 7-го батареи. Начальство над ними было поручено полковнику Кареву. С остальными войсками князь Барятинский выступил из лагеря в четыре часа утра и двинулся чрез шалинскую просеку на разоренный аул Шали и далее к Автурам.

Неприятельский кордон начинался версты за три от аула Шали. Лишь только вдали показалась голова передовой колонны, на кордоне раздались сигнальные выстрелы, сообщавшие тревогу в разные стороны, и отовсюду, по всем направлениям, поскакали черные и белые бурки. Не прошло и двадцати минут, как толпы неприятеля стали показываться то там, то здесь и в особенности стягивались к стороне р. Басса. Впоследствии оказалось, что они ожидали нас по направлению к басскому ущелью и думали, что у Басса мы раскинем наш лагерь, вследствие чего отвели воду в этой реке и готовили нам там подобающий прием. Но ожидания их не сбылись: войска приняли направление к р. Хулхулау и, не взирая на глубокий снег, двигались быстро и безостановочно, так что к одиннадцати часам утра вся кавалерия, с конными орудиями и на хвосте у нее третий батальон егерского генерал-адъютанта князя Воронцова полка, с двумя батарейными и двумя легкими орудиями, сосредоточились на правом берегу Хулхулау, против хутора Ахмета, в виду Автуров.

Аул Автуры имел в то время до девятисот дворов и принадлежал к числу богатейших аулов в этой стороне. Так как нашего посещения здесь не ожидали, то и не было принято никаких мер к вывозу отсюда продовольственных запасов и всякого имущества; вследствие этого неприятель решился по возможности [13] отстаивать этот пункт и занял его всеми своими наличными силами.

Передовой колонной начальствовал командир егерского князя Воронцова полка полковник князь Семен Михайлович Воронцов. Выдвинув вперед артиллерию, он обстрелял аул беглым огнем и, не дав опомниться горцам, повел батальоны вверенного ему полка на штурм. Несмотря на крутой, почти неприступный берег Хулхулау, на котором был расположен аул, егеря быстро поднимались под сотнями направленных против них винтовок, не отвечая пока, по неудобству местности, ни на один горский выстрел. Когда же прошли первую крутизну —

открыли беглый огонь по аулу и ограждавшим его спереди завалам, а затем на полном ходу ударили в штыки. Неприятель бежал. Солдаты ворвались в аул и, по существовавшему всегда обычаю, рассеялись по саклям. Скоро запищали сотни кур, заблеяли десятки баранов, и все, что было наскоро заперто и зарыто, появилось на свет божий. Добыча была обильная и довольно богатая: тут была и утварь, и куски материй, и всевозможные одеяла, — словом, можно было и хорошо пообедать и сладко отдохнуть.

К двенадцати часам стянулся сюда весь отряд и расположился биваком.

Дав вздохнуть войскам, князь Барятинский оставил в Автурах князя Воронцова с батальонами его полка, с четвертым батальоном чернышевцев и с батарейными орудиями, а сам с остальными войсками двинулся на Гельдыген.

К трем часам аул этот был охвачен со всех сторон кавалериею под начальством генерал-майора Круковского. Вслед за сим подоспел с пехотою командир егерского князя Чернышева полка полковник барон [14] Николаи и, повторив то же самое, что сделал в Автурах князь Воронцов, ворвался в Гельдыген, выбил оттуда остатки неприятеля и тотчас приказал зажечь аул в нескольких местах. Затем, отряд начал отступление. Горцы пробовали преследовать нас, но неудачно: всю гельдыгенскую поляну охватили собою наши батальоны и кавалерия, и все аулы и хутора, которые были на пути нашего отступления, запылали подобно своей метрополии.

К вечеру отряд возвратился в Автуры.

В этот же день полковник Карев выступил из лагеря на рубку леса и был атакован значительною партиею горцев, которая при отступлении не оставляла его до самого лагеря. Карев потерял двух убитых и четырех раненых нижних чинов.

Едва только ночь окутала собою землю, в лагерь, к заведующему флангом, явились лазутчики, присланные из кумыкских владений неким Батою (об этой личности скажем подробно вслед за сим) который, служа князю Барятинскому с полною надеждою и доверием к будущим выгодам и возвышению, имел повсюду своих агентов, сообщавших ему обо всех движениях Шамиля.

Лазутчики донесли, что все неприятельские скопища, которые должны были явиться в Чечню, уже прибыли; что они заняли лес, лежащий по пути между Автурами и Шали, укрепили батареями и завалами высоты Черных гор, прилегающих к дороге, пройденной нами накануне, и намерены при отступлении дать нам решительный бой. Шамиль был также налицо, и сам распоряжался всеми своими войсками. Князю Барятинскому предстояло маневрировать таким образом, чтобы как-нибудь обмануть неприятеля, отвлечь его от занятой им позиции и тем открыть себе свободный путь для обратного движения. [15]

Седьмого января, едва только стало рассветать, начальник отряда передвинул все войска на левый берег Хулхулау и, оставив здесь, под начальством генерала Круковского, большую часть их, приказал командиру князя Воронцова полка, с первым и четвертым батальонами его полка, с первым батальоном егерского князя Чернышева полка, с частью конницы и легкими орудиями, двинуться по левому берегу реки, по дороге в Ведень. Горцы и в самом деле вообразили, что мы намерены проникнуть в сердце Ичкерии и в столицу их имама, пустыми толпами пустились они по вершинам Черных гор, поспешая преградить нам дорогу. Они успели в этом: едва мы углубились в ущелье версты на три, лес со всех сторон затрещал

ружейным огнем; вслед затем раздались неприятельские орудийные выстрелы. Все население ущелья Хулхулау встрепенулось и, бросив на месте свой скот и имущество, бежало в горы; тревога сообщилась и в Ведень. А войска наши тем временем подвигались вперед, оттесняя неприятеля шаг за шагом, пролагая себе дорогу картечью и штыками. По мере этого движения, начальник отряда внимательно осматривал местность, знакомился со всеми препятствиями в пути и, пройдя около пяти верст по ущелью, приказал наскоро снять план его и подступов к Веденю. Когда это было исполнено, он быстро стал отступать к Автурам. Первоначально неприятель пришел в какое-то недоумение, не давал себе отчета в том, к чему клонится этот маневр; когда же войска были уже на полпути к своей позиции, он кинулся на арьергард, как будто хотел задавить его. Но было поздно: мы становились в эту минуту под прикрытие нашего лагеря. Отступая быстро и отстреливаясь во все стороны картечью, мы достигли Автуров, подняли оставшиеся там батальоны, и не [16] задерживаясь ни минуты, двинулись прямою дорогою, через лес, мимо Сади-Юрта, на Беной, к Шали. Наша прежняя дорога и укрепленная неприятельская позиция у хутора Мурту-зали остались у нас влево. Когда направление наше точно обозначилось, неприятель всею массою кинулся на нашу дорогу, опередил нас и занял в лесу так называемые андийские хутора, находившиеся против левого фланга нашей колонны. Левою цепью командовал командир куринского князя Воронцова полка. Начальник отряда поручил ему взять хутора и выбить оттуда неприятеля.

Загорелось жаркое и славное дело.

Командир князя Воронцова полка, лично предводительствуя первым батальоном и приказав четвертому батальону поддерживать его атаку, бросился на хутора. Как дождь, посыпались с обеих сторон пули; возгласы и гик тысячей неприятеля слились в один непрерываемый гул с нашим одушевляющим «ура»; каждое дерево дышало смертью, каждый куст был отстаиваем десятком врагов, и каждый шаг приходилось расчищать штыками. Но все это не могло остановить воронцовцев, которые, чем ближе подвигались к цели, чем более были осыпаемы пулями, тем более впадали в то боевое опьянение, которое доводит до самозабвения, до одурения, до сумасшествия, и которое кончается отрезвлением только в двух случаях: смерть или победа. Наконец, горцы должны были нам уступить окраины леса перед хуторами. Мелькнули их значки; зашевелились по всему протяжению хуторов их отступавшие толпы, и все скрылись в хуторах. Последовало новое «ура», раздались новые залпы, потом мигом стихли, будто ангел смерти пронесся в воздухе, и возле каждой сакли завязался рукопашный бой. По мере того, как одни борцы падали, другие, будто из земли, вырастали на их месте, [17] сходились грудь с грудью, отбивали, уступали, вновь нападали, но не отступали. В эту минуту общий, дикий возглас пронесся в рядах неприятеля: горцы увидели своего имама, с обнаженною шашкою в руке, окруженного мюридами, поражающего направо и налево. Плотною стеною стремились загородить его телохранители, оберегая жизнь своего владыки, падая у ног его простреленные пулями, но он все пробивался вперед, одушевляя правоверных, провозглашая им истребление гяуров, рай Магомета, поддерживая их ослабевавшие силы, рассылая то туда, то сюда молл и мюридов, его окружавших, для ободрения своих воинов в том или другом конце места боя. Но ничто не помогает: егеря ломят, напирают; успех битвы видимо на нашей стороне. Шамиль еще раз в каком-то полузабытьи, будто в чаду, силится вынестись вперед с обнаженною шашкою, но мюриды плотным кольцом окружают его, подхБатывают и уносят почти на руках.

Быстро слабеет огонь, еще быстрее бежит неприятель. Хутора заняты, пальба прекратилась, бой кончился. И Шамиль, и его сподвижники исчезли из вида; нигде вокруг отряда не раздавалось более ни одного выстрела.

Отдельные колонны тотчас разосланы были в разные стороны, и широкое зарево охватило окрестность на далекое пространство.

В течение шестого и седьмого января, не взирая на последний отчаянный бой, мы имели в отряде князя Барятинского всего лишь одного убитого и двадцать четыре раненых нижних чинов. Отряд в эти дни предал пламени значительную часть большой Чечни, взял несколько известных огромным населением аулов и, как мы видели, разбил неприятельские скопища под личным начальством имама. Ничтожный урон в сравнении с [18] последствиями движений и дел 6-го и 7-го января надобно отнести столько же к храбрости войск, громивших неприятеля при каждой встрече, и к распорядительности части их начальников, сколько и к паническому страху, наведенному на неприятеля быстротою движения, пожаром, истреблением его имущества. Движения этих дней показали Шамилю, что большая Чечня может и будет отныне всегда находиться под нашими ударами, от которых не в состоянии предохранить ее имам всеми соединенными силами ему подвластных горцев. Неприятель, сверх разорения, причиненного истреблением домов, запасов и имущества, потерпел весьма большой урон убитыми и ранеными. Добыча, снятая воронцовцами и чернышевцами с убитых и оставленных, в руках наших лучших и заслуженнейших мюридов, ясно это показала. Но самая главная потеря неприятеля — упадок его духа, подрыв влияния Шамиля, который был не в силах спасти свои лучшие места от совершенного разгрома. Оттого-то и сам имам дрался, как простой воин.

Солдаты в продолжение этого кратковременного похода, сверх добычи, взяли много скота, птицы, хлеба, кукурузы и сена, так что отряд несравненно был на лучшем продовольствии, нежели на квартирах.

Предыдущее описание дает нам некоторое понятие об образе и способе ведения кавказской войны в прежние годы, экспедиции которой представляли собою как бы ряд молодецких набегов. Последнее будет для нас вполне ясно, если мы присовокупим, что в тот же день, 7-го января, князь Барятинский, истребив по пути все, что только возможно было истребить, возвратился в лагерь на р. Аргуне.

В эти два дня мы, между прочим, знакомимся с [19] плеядою старых кавказских ветеранов, сподвижников князя Барятинского, наиболее отличившихся. Кроме известных уже нам лиц: начальника кавалерии Круковского, командира князя Воронцова полка, барона Николаи, пред нами выступает начальник артиллерии полковник Левин, отрядный квартирмейстер полковник Рудановский; подполковники: Ольшевский, Ляшенко и многие другие, частью уже сошедшие в могилу, частью еще живые.

Однако, на поверку вышло, что седьмого января не Бакланов отвел неприятельские силы от князя Барятинского, а последний притянул их по возможности на себя от места действий полковника Бакланова — хотя следует заметить, что на долю кумыкского отряда все-таки осталось их достаточно.

В этот день полковник Бакланов продолжал рубку леса, начатую им пятого числа, и проложение просеки. Мичиковский наиб Эски встретил его на том же месте, что и за день

назад, и привез с собою, вместо одного, уже два орудия. Но полковник Бакланов не допустил его сделать ни одного выстрела из этих орудий. Усмотрев вдали движение неприятельской артиллерии, он приказал наскоро расчистить переправу через Мичик и двинул туда всю кавалерию, которая, таким образом, с одной стороны, прикрыла его колонну, а с другой — держала в подобающем отдалении неприятельскую артиллерию. Неприятелю оставалось ограничиться ружейною перестрелкою. Правда, в течение времени, пока производилась рубка леса, он пытался два-три раза броситься в шашки на нашу цепь, но последняя так бдительно следила за его действиями, а резервы, вместе с артиллериею, так быстро поспевали в подмогу, что попытки эти со стороны горцев не имели ни малейшего успеха. [20]

Окончив рубку леса, полковник Бакланов возвратился к вечеру в укр. Куринское.

В два дня, пятого и седьмого января, в отряде полковника Бакланова ранено трое нижних чинов и убито восемь лошадей. Более точное понятие об этих действиях мы получаем при указании на израсходованные заряды и патроны: первых выпущено свыше семисот, вторых — до двадцати пяти тысяч.

II.

Кумыкская плоскость и большая Чечня. Батий Шамурзов. Отчаянный бой при взятии и разорении аулов: Чингороя, Юсупа, Центороя, Джалия и Салгирея. Работы. Бакланов и донцы. Взятие штурмом 15-го января неприятельских укреплений на Мичике и продолжение боя там же 16-го и 17-го января.

Князь Барятинский, как замечено выше, был назначен заведующим левым флангом кавказской линии, так сказать, накануне предпринятой им экспедиции, именно — в декабре 1851-го года. Этим объясняется многое, начиная от тех военных действий, которые он предпринял и, кончая недостаточным знанием большой Чечни и громким донесением о действиях 6-го и 7-го января. Хотя до назначения на этот пост Александр Иванович и был командиром кабардинского полка, расположенного в Хасав-Юрте, в центре кумыкской плоскости, и командующим войсками на этой плоскости, но знание сей последней не обусловливало еще собою знания всей большой [21] Чечни, куда, после отложения ее в 1840-м году, мы, действительно, почти не показывались.

Большая Чечня отделена от кумыкских владений качкалыковским хребтом. Кумыкская плоскость представляет собою обширную равнину, почти безлесную (кроме леса по качкалыковскому хребту) между Тереком и Сулаком. На этой равнине, вдоль неприятельской границы от Умахан-Юрта до Сулака, был у нас ряд укреплений, среди которых Хасав-Юрт и укр. Куринское, отстоящие друг от друга на 25 верст, были нашими главными опорными пунктами. На половине дороги между ними был расположен Герзель-аул, там, где река Аксай выбивается на плоскость. Доступ в большую Чечню возможен был только через качкалыковский хребет, по двум просекам, разновременно разработанным нашими войсками. Одна из них была против укрепления Куринского и ее в особенности обновлял теперь Бакланов, другая в трех верстах далее, по направлению к Умахан-Юрту; последняя была лучше, чище и шире предыдущей.

Окат качкалыковского хребта, обращенный к большой Чечне, гораздо круче нашего; под ним в отвесных берегах течет Мичик и представляет собою с этой стороны столько же надежную

защиту для чеченцев от наших вторжений, сколько и довольно сильную на этот случай для нас преграду.

Большая Чечня, бывшая свободною до 1840-го года, отдалась с того времени во власть Шамиля. Не имея и до того никаких особенно приязненных с нами сношений, она, благодаря имаму и его мюридизму, который он стремился ввести и в Чечне, стала в отношении к нам вполне враждебною. Чем более усиливалась власть Шамиля в горах, тем менее нам приходилось думать о прочных [22] завоеваниях. В конце сороковых годов, в особенности после поражения, понесенного нами в сухарную экспедицию, и в начале пятидесятых годов — преимущественно в 1853-м и 1854-м годах, во время турецкой кампании, мы стремились лишь к одному, чтобы рядом наших передовых оборонительных пунктов сдержать массу неприятеля, готового во всякое время низринуться на нас подобно лавине. О занятии новых частей края вооруженною рукою и речи быть не могло. Самое большее, что мы решились предпринимать до вступления в начальствование левым флангом князя Барятинского, это — набеги, и то не слишком далеко от нашей кордонной линии, а так себе, при доме. Немудрено, что экспедиция, предпринятая князем Барятинским, носила в то время отпечаток чего-то важного, рискованного; углубление в большую Чечню представлялось шагом весьма смелым, а поражение неприятеля под личным начальством Шамиля, который, если собирал тогда скопища, то не сотенные, а десятитысячные, являлось делом вполне геройским, на которое и не хотелось иначе смотреть, как в увеличительное стекло. Такие дела нас ободряли, давали надежду в будущем, а Шамиля мало-помалу подрывали, лишали его влияния, доверия, ослабляли его власть.

Этот краткий очерк отчасти знакомит нас с положением дел в Чечне и на левом фланге при назначении князя Барятинского и указывает вместе с тем на то, что, при тогдашнем порядке вещей, командующий войсками на кумыкской плоскости, каким в свое время был и князь Барятинский, не мог быть компетентным знатоком большой Чечни, хотя был ближайшим и непосредственным ее соседом. Хотя Барятинский был человек отважный, решительный и храбрый, но, до вступления в должность [23] заведующего флангом, у него не было ни повода, ни основания, ни права переступать с оружием в руках через качкалыковский хребет, а затем, не было особенной надобности изучать большую Чечню по разным изустным и другими подобными сведениям, вследствие чего мы его находим в начале 1852-го года в периоде исследования этой части края. Успехи этого исследования и изучения шли очень быстро, и к концу года мы видим уже в Барятинском полное знание Чечни, которым он воспользовался с большим уменьем и большими для нас выгодами.

Чрезвычайно важную роль в действиях князя Барятинского в эту эпоху, даже роль ближайшего советника и отчасти руководителя его деяний в неприятельской земле, играл тот Бата, о котором мы вскользь сказали выше. Мы утверждаем вполне достоверно, что, по указаниям этого человека, знавшего Шамиля, чеченцев и всю большую Чечню, как свои пять пальцев, была предпринята и ведена князем Барятинским описываемая ныне нами зимняя экспедиция.

При таких обстоятельствах, нельзя обойти молчанием этого полезного нам человека.

Бата, Батата, Батий Шамурзов или просто Мурзаев, будучи мальчиком, был взят на воспитание бароном Розеном, братом корпусного командира. Ловкий, расторопный, умный, он стал скоро любимцем своего патрона, который, желая упрочить его будущность, достиг

возможности поместить его в варшавский конвой. После того Бата является у нас на службе на Кавказе переводчиком при начальнике левого фланга. По истечении некоторого времени у него произошли какие-то неудовольствия с нашим начальством, вследствие которых он бежал к Шамилю. Имам ухватился за него и руками, и ногами. Он был [24] чрезвычайно счастлив, имея при себе нашего заклятого врага и мстителя, знавшего отлично язык, наши дела, порядки, наших военачальников. Как умный человек, Бата очень скоро сделался для Шамиля необходимостью. Он его назначил наибом в большую Чечню, а спустя немного, подчинил ему и других наибов, в том числе и мичиковского наиба Эски. Тут Бата увлекся своим положением и обстоятельствами: он стал деспотировать и зазнаваться перед самим Шамилем. Мало того, в нем сильно развилась общая всем горцам корысть, жадность к стяжанию всякого чужого добра, и это более всего доставило ему врагов. Начались жалобы, потом интриги, в которых наибольшее участие принимали наибы, подчиненные Бате, в том числе и Эски. Вследствие всех этих обстоятельств, Шамиль, склонившись пред наветами, а частью и перед справедливыми доносами на Бату, лишил его наибства. Бата вознегодовал и осенью 1851-го года вышел к нам обратно со всем своим семейством.

Князь Барятинский хорошо знал Бату по тем частым и отчаянным набегам, которые тот предпринимал на кумыкскую плоскость. Он, как и Шамиль, весьма порадовался такому приобретению и умел им лучше воспользоваться и лучше обставить его, чем легковерный имам. Почти через год, когда стали выходить к нам некоторые семейства из большой Чечни и заселили собою качкалыковское предгорье (аул Истису и другие), мы видим уже Бату поручиком и нашим качкалыковским наибом. Последующие отличия и награды, в особенности денежные, не замедлили осенить его с избытком.

Бата, оставшись врагом наиба Эски, человека вполне храброго, но недалекого, пользовался каждым случаем, чтобы нанести ему чувствительный вред. В то же время, имея [25] в среде непокорных чеченцев немного старых приближенных к нему лиц и родственников, он знал заранее все намерения Эски, даже самого Шамиля, вовремя предупреждал нас об этом и таким образом стоял у нас на страже со стороны Мичика.

По дороге к аулу Шали неприятелем был устроен пространный окоп, поперек просеки, сделанной нами в 1850-м году; этот окоп препятствовал следованию наших колонн к р. Бассу. Князь Барятинский держал пока отряд при Бани-Юрте, между прочим, и для того, чтобы обезопасить сообщение от Воздвиженской к реке Бассу, минуя совершенно этот окоп. Тем временем, пользуясь упадком духа неприятеля, он поручил начальнику пехоты отряда истребить мезоинские аулы, гнездившиеся у первых возвышений, прилегающих к Чсрным горам большой Чечни, между р. Аргуном и притоками Джалки.

В состав назначенной к движению колонны входили: три батальона егерского князя Чернышева полка, два батальона навагинского полка, команда сапер, два дивизиона драгунского принца виртембергского полка, пять сотен линейных казаков с ракетными командами, дивизион батарейной № 3-го батареи 19-й артиллерийской бригады, дивизионы легкой № 5-го батареи 20-й артиллерийской бригады и конно-казачьей, № 15-го батареи, ракетная команда егерского князя Чернышева полка.

Проводником отряда был Бата, а с ним товарищи, чеченцы: Омар, Хаджи и Джембулат.

Отряд выступил из лагеря 10-го января, в четыре часа пополуночи. Пройдя лес, примыкающий к горам, [26] отряд подошел к скату обширной возвышенности, на которой расположены были аулы: Чингорой, Юсуп, Центорой, Джалий и Салгирей.

Едва голова отряда показалась на открытом месте, неприятельский пикет, находившийся у предгорья, мгновенно сообщил выстрелами тревогу во все аулы. Не прошло нескольких минут, как в разных направлениях начали появляться толпы пеших и конных чеченцев, которые быстро возрастали. Партии постепенно сосредоточивались у первых трех аулов, находившихся в близком друг от друга расстоянии, и, видимо, намерены были отстаивать путь на гору, пролегавший по чрезвычайно пересеченной местности, изрытой извилистыми балками, дождевыми и искусственными канавами. За этими препятствиями находилось несколько ровное место, но потом, параллельно горе, шла опять глубокая балка, которая представляла собою обширную естественную траншею. По дну этой балки, между отвесными боками ее, протекает ручей Мизиахк, с небольшим на нем мостиком, едва приспособленным для переезда арб. Все внимание неприятеля было устремлено на этот мостик, который являлся единственным соединительным путем с аулами.

Начальник отряда тотчас убедился, что неприятельская позиция весьма сильна, и идти к ней напрямик — значило рисковать очень многим. Ему хотелось как-нибудь отвлечь неприятельские толпы и от аулов, и от пути, пролегавшего чрез мостик, но не было вызывающего к тому предлога. Вдруг, сама судьба оказала ему в этом случае громадную услугу, и он поспешил ею воспользоваться: влево, на правом фланге неприятельской позиции, отдельно от других, показалась небольшая конная партия, которая как бы оставалась в нерешимости, не зная, что [27] ей предпринять: примкнуть ли к главным силам, или держаться на месте в виде резерва. Лишь только наш генерал заметил эту партию и ее нерешительность, он приказал эскадрону драгун и части казаков произвести на нее ложную атаку. Кавалерия понеслась, под начальством полковника Эттингера. Толпы горцев, видя, что партия может быть отрезана и раздавлена, всей массой бросились к ней на выручку и таким образом открыли свою важную и довольно неприступную позицию. Этого только и нужно было начальнику отряда. Едва позиция очистилась, он приказал артиллерии быстро занять все высоты, господствующие над аулами, и открыть по последним усиленный огонь. В несколько минут приказание это было исполнено — и канонада началась.

Начальник отряда, овладев первым моментом боя и заставив неприятеля так легко уступить ему главный пункт поля, тотчас расположил войска для битвы в следующем порядке: кавалерию, свободную от атаки, с дивизионом конной артиллерии, он поставил в центре на высоте; левый фланг занял третьим батальоном навагинского полка, которому приказал не допускать неприятеля, ушедшего влево, и быть готовым на помощь при атаке аулов; правый фланг и тыл прикрыл четвертым батальоном егерского князя Чернышева полка, с четырьмя батарейными орудиями; остальным двум батальонам егерского князя Чернышева полка, батальону навагинского полка и четырем легким орудиям, под командою флигель-адъютанта полковника барона Николаи, он приказал идти на штурм аулов. Маневры эти были произведены так быстро, в тоже время спокойно, без суеты и в порядке, что им бы позавидовал любой педант военного дела.

Когда барон Николаи, без сигнала, по одной [28] команде, двинул на штурм свою колонну, и она почти бегом стала спускаться в балку — неприятель тут только заметил свою ошибку. Но поправить ее уже было нельзя. Прежде чем он опомнился, егеря перебежали мостик,

ворвались в Чингорой, Юсуп и Центорой, которые были почти пусты, и заняли их без боя. Неприятелю оставалось одно: без замедления сосредоточиться у следующих аулов, и он большею частью своих сил кинулся к Салгирею, наиболее обширному из всех, и там засел за саклями, за плетнями, окружавшими этот аул, и за другими подобными преградами. Путь к этому аулу лежал по узкому гребню, по которому не могла пройти полевая артиллерия. По гребню шел редкий лес; более густой лес покрывал глубокие балки, которые облегали гребень с двух сторон. Все это пространство также было охвачено горцами. В полчаса все три аула, занятые штурмовою колонною, были разорены. Нужно было добраться до остальных двух. Но барон Николаи предвидел, что ему гораздо легче будет произвести наступление и овладеть этими аулами, чем потом отступить. Сообразив это, он оставил в трех занятых им аулах четвертый батальон навагинцев, с четырьмя легкими орудиями (капитана Тверитинова), чтоб разъединить силы неприятеля — послал первый батальон чернышевцев в аул Джалий, а сам, во главе второго кабардинского батальона, которым командовал майор Тромбецкий, вступил на гребень, по направлению к Салгирею. Чуть только передовая рота вынеслась на гребень — ее обдало со всех сторон градом пуль. Но она не поколебалась; «ура» охватило весь батальон; крики: «вперед, вперед!» раздавались и вокруг, и позади; грянул перекатный залп — и егеря вслед затем штыками начали расчищать себе дорогу. Пред такой молодецкой атакой не устояли бы [29] и обелиски, а о горцах уж и говорить нечего: в один момент они очистили все пространство до самого аула и укрылись за плетнями. Но лавина неслась без остановки. Еще один раз «ура!» — и плетни затрещали под штыками и прикладами. Тогда неприятель скрылся в саклях и за саклями, упорно отстаивая каждую из них. Тут бой принял характер единоборства; дрались, как львы. Но вскоре и сакля за саклей стала переходить в наши руки. Неприятель, как бы под сильным давлением какого-то неотразимого пресса, все сокращался, уменьшался и, наконец, вовсе исчез. Только там и сям валявшиеся тела его доказывали, что он был, но испарился.

В Салгирее оказались богатые запасы сена, кукурузы, самана. Все это проворно было разметано, зажжено; четверть часа спустя, аул пылал по всем направлениям.

Но нужно отступать.

Подан сигнал. Батальон начал стягиваться к гребню.

Тем временем, к неприятелю подоспели откуда-то свежие толпы, которые уже заняли путь нашего отступления. Горцы были настолько сообразительны, что допустили нас подняться на гребень, при весьма слабой перестрелке; но лишь только большая часть батальона вступила на этот гребень — с фронта, с флангов и — что крайне было неприятно — с тыла затрещал ружейный огонь. Положение было чрезвычайно затруднительное: приходилось отступать, защищаться и отбиваться с фронта и в тоже время атаковать и открывать путь штыками в тылу у себя. Барон Николаи так и поступил. Усилив цепи и приказав тыльной роте отступать перекатами, повзводно и по полувзводно, смотря потому, как допускала местность, он повернул передовую роту налево кругом и велел ей ударить в штыки. Эта маленькая колонна, застигнутая в таком [30] неудобном месте и подавляемая превосходным неприятелем, напоминала собою изображение мифологического Януса, одаренного двумя лицами, из которых каждое было обращено в противоположную сторону.

Бой кипел в полном смысле этого слова. Передовая рота вынеслась на штыках саженей на пятнадцать и должна была приостановиться, чтобы дать время примкнуть к ней тыльной роте.

В это время она удерживала штыками же давление всей массы неприятеля, дерзость которого не имела границ: обнажив шашки, он, подобно бешеной кошке, кидался прямо в лицо нашим егерям. Дух захБатывало, и сердце переставало биться, смотря на этих угрюмых, старых служак, выкаленных в боях, когда они, молча, покорно, без возгласа, как будто приросшие к земле, отбрасывали назад, разметывали в стороны наседавшие на них толпы. А толпы эти были озлобленные, с закинутыми на затылок папахами, обезображенные свирепою ненавистью и жаждою крови гяуров, хриплым голосом мотавшие проклятия и в тоже мгновение молившиеся пророку и одушевлявшие себя гиком. При взгляде направо и налево, на солдата и на горцев — лучшего, более резкого контраста нельзя было ни желать, ни выдумать.

Роты сблизились. Опять грянули залпы, опять прогремело «ура!» и вновь пошла работа штыками. Передовая рота еще раз проложила себе дорогу на несколько десятков саженей и приостановилась столько же в ожидании товарищей, у которых разыгрывалась такая же драма, как и у передних, сколько и вследствие раны командира батальона, простреленного пулею в бок. Последнее обстоятельство было, впрочем, важно лишь в отношении подачи пособия майору Тромбецкому, который, однако, не захотел оставить своего места и продолжал командовать батальоном до [31] окончания боя. Наконец, самое трудное место было пройдено; оставалось уже немного. Горцы видели все это и последним приступом словно навсегда желали запечатлеть этот роковой день.

— Еще «ура», ребята! раздался знакомый призыв командира полка, — и рота, сплотившаяся на этом более или менее удобном пункте, метнула штыками, в буквальном значении слова грудью прорвала неприятельскую свинцовую решетку и через несколько минуть стояла под прикрытием нашей артиллерии и навагинцев. По пятам ее стянулся и весь батальон, который тотчас же примкнул к левому флангу навагинцев.

Несмотря на ожесточенный бой и на крайнюю усталость егерей, медлить было невозможно, и барон Николаи, не давая людям даже перевести дух, продолжал отступление, на этот раз эшелонами. Неприятель, однако, не вполне унялся: пользуясь каждым удобным моментом и каждым выгодным для себя пунктом, он поднимал жестокую пальбу и порывался броситься в шашки. Но каждый раз орудия, двигавшиеся на отвозах, охлаждали и отрезвляли его взводными залпами картечи. На пути барон Николаи присоединил к себе еще батальон егерей, окончивший благополучно, почти без препятствий, разорение аула Джалия, и отступил, наконец, за ручей.

Но тем бой далеко еще не кончился.

Чуть только последний солдат перебежал мостик, барон Николаи приказал тотчас его разрушить — и мостика как не бывало. Таким образом, с этой стороны неприятель лишился возможности продолжать свое настойчивое, ожесточенное преследование.

Но за то он обратил все свои силы против нашего левого фланга, где был третий батальон навагинцев, под [32] командою подполковника Наумова. Чуть только подан был сигнал к отступлению этого батальона, горцы, притаившиеся в лесу, хлынули оттуда с шестью значками впереди и, промелькнув молнией перед фронтом, обскакали его и бросились на левую цепь, спускавшуюся в балку. Цепь дрогнула, потому что не могла ожидать этого смелого нападения. Но вдруг, с той стороны балки раздался залп орудий, в свою очередь огорошивший неприятеля. Цепь спохватилась и открыла огонь. По первому же гику горцев, на выручку цепи

кинулась стрелковая команда князя Чернышева полка, под командою штабс-капитана Богдановича. Он подоспел в самый решительный момент, когда неприятель, озадаченный нашей картечью, заметался во все стороны. Не дав ему времени опомниться, охотники, после выстрела, ударили в штыки; подполковник Наумов, со своей стороны, повернул плечом ближайшую роту, которая поддержала охотников. Отпор со всех сторон был так стремителен, что горцы, оставив на месте тела своих убитых, обратились в безусловное бегство.

Три часа длился бой с минуты наступления на Салгирей; обе стороны видимо обессилили. Последняя неудавшаяся атака горцев закончила собою ряд нападений, и неприятель, ослабленный сильною потерею, не решился переступить за балку. За то, с высоты, на которой пылали аулы, открылась усердная канонада из трех орудий. Давая время отступить отряду, барон Николаи оставил в арьергарде батарейные орудия и приказал унять горскую артиллерию. После десяти или двенадцати наших выстрелов, одно из неприятельских орудий свернулось на сторону, подбитое в колесо; другие еще продолжали пальбу, которая, становясь все реже и реже, наконец, затихла.

Отряд вышел на шалинскую просеку и тут [33] вздохнул в совершенной безопасности: преследование прекратилось вполне. Пройдя окоп, войска в тот же день к ночи возвратились в лагерь.

В точение этого жаркого дня неприятель потерял более двухсот человек убитыми и тяжелоранеными, которые не могли быть убраны во время боя и оставались на поле до совершенного нашего отступления.

У нас потеря, относительно, также немалая: убито шесть нижних чинов, ранено два офицера (Тромбецкий и навагинского полка прапорщик Бочкарев — тяжело в ногу) и пятьдесят восемь нижних чинов; кроме того, убито восемнадцать лошадей; выпущено до двухсот артиллерийских зарядов, свыше ста тридцати тысяч патронов и до семидесяти ракет.

Героем дня, бесспорно, явился барон Николаи, а лучшими сподвижниками его — майор Тромбецкий и командиры рот князя Чернышева полка: капитан Шелеметьев, штабс-капитан Чаплыгин, поручики: Базин и Веранович.

Начальник отряда не скрывал, что успешным взятием аулов он много обязан и Бате.

Одиннадцатого, двенадцатого и четырнадцатого января войска производили рубку леса между шалинскою просекою и мезоинскою поляною и окончили тогда же эту работу таким образом, что соединили эти два поля в обширное ровное пространство и с первыми возвышениями, прилегающими к Черным горам большой Чечни. Между этою вновь созданною равниною и крепостью Воздвиженскою оставалась одна узкая лента леса, пересеченная небольшими прогалинами. Окончив двенадцатого числа рубку, командир куринского полка, начальствовавший колонною, двинулся прямою дорогою чрез этот лес к лагерю, и навстречу ему был выслан генерального штаба полковник Рудановский, со [34] вторым и четвертым батальонами князя Чернышева полка. Следствием этого движения был подробный обзор и съемка местности, послужившие предположением для новых работ, которые должны были соединить кратчайшим путем крепость Воздвиженскую с шалинскою просекою, с мезоинскими и автурскими полями.

В первый день работ неприятель вовсе не показывался, а во второй и в третий хотя и наблюдал за нами, но дела не завязывал. Он как будто что-то затевал, собирался с духом.

При тогдашнем положении Шамиля в среде горцев и при его военных к нам отношениях, можно было заранее ручаться, что он нам не простит своих неудач, не допустит так скоро и так сразу пошатнуться своему влиянию в народе, которым очень дорожил. Действительно, так и было: вечером четырнадцатого января лазутчики дали знать, что имам провозгласил призыв по всей Чечне и в соседних нагорных обществах Дагестана, и что новые партии пеших и конных воинов не замедлят к нему явиться.

Пока войска главного лагеря, в течении 15-го, 16-го и 17-го января, беспрепятственно производили рубку леса по направлению к мезоинским полям, а Шамиль собирал скопища и обдумывал план будущего нападения, полковник Бакланов не счел возможным оставаться без дела. Этому подвижному, энергичному и храброму человеку не сиделось на месте. К такой же неусидчивости он приучил в особенности донцов, сколько своего полка, столько и других полков, разновременно находившихся в его распоряжении. Кроме побуждений, невольно вытекавших в этом случае из свойств его натуры и составлявших отличительную черту его характера, он преднамеренно задавался [35] еще и мыслью, так сказать, прославить своих донцов, о воинственности которых, хотя, конечно, не может быть и речи, но которые, тем не менее, вообще не отличаются своею энергичностью. Война кавказская доказала, что с этим войском можно сделать многое, но ничего не поделаешь без руководящей, толкающей их крепкой силы, в которую бы они верили, самое давление которой им бы нравилось, не исключая и нагайки, потому что она идет от лица, заслужившего их любовь и доверие. Действительно, в период своих военных деяний на Кавказе, Бакланов поднял донцов на довольно высокий уровень и заставил всех и каждого с уважением смотреть на их храбрость, на их боевые доблести. В этом случае можно провести решительную и очень меткую параллель между Слепцовым и Баклановым, из которых последний как бы наследовал первого, так недавно еще в то время опочившего от дел своих; даже внешние признаки действий этих лиц, даже характеры их в бою, в управлении вверенными им частями значительно сходились, и насколько Слепцов радел о линейцах, насколько умел сделать из них героев, насколько успел на чрезвычайно долгое время вселить в них просто напросто непобедимость, не говоря уже о замечательной, выходящей из ряда вон, какой-то бесшабашной отваге, настолько же Бакланов был полезен донцам. Эти два героя, бесспорно, сослужили на Кавказе добрую службу Царю и отечеству, и имена их не умрут в воспоминаниях даже внуков и правнуков тех молодцов, которые учились у них уму-разуму.

Оставляя до будущего времени все, что может касаться Слепцова, мы остановимся теперь, насколько позволяют обстоятельства, на личности Бакланова.

По наружности, это была фигура не только [36] несимпатичная, но вполне устрашающая. Широкое, мускулистое, рябое лицо Бакланова, торчмя стоящие на голове волосы, строгий, даже суровый взгляд, углоБатые, вовсе неизысканные движения и манеры отбивали у всех и каждого охоту иметь с этою личностью какие-нибудь даже невинные счеты. Его пронизывающий взгляд и всегдашняя нагайка в руке, комкавшей серебряные рубли, вкапывали моментально в землю каждого, кто ему не нравился. Сослуживцы Бакланова рассказывают следующий, один из многих, случай его жизни:

Когда Бакланов проживал в кр. Воздвиженской, то не проходило дня без тревоги: или очень близко появится партия горцев, или атакует наш пост или разъезд, или бросится на косцов, на оказию или на беспечно охраняемую вблизи крепости скотину, — и кавалерия с Баклановым прежде всех мчится на выручку к угрожаемому пункту. Одна из таких тревог случилась летом

по направлению к аргунскому ущелью. Ударили из орудия. Бакланов понесся туда с донцами, а артиллерия с куринцами побежала по следам его. Тревога кончилась, войска возвращались в крепость. Позади всех, в некотором расстоянии, более или менее значительном, ехал Бакланов в красной кумачовой рубахе. С ним было всего два казака. Вдруг, в стороне от дороги, в расстоянии от нее саженей сто, по направлению к лесу, за копной какого-то бурьяна или сена, раздалась татарская брань:

— Баклан, Баклан!... и т. д.

Бакланов вскинул головою, глаза его заискрились, лицо искривилось в судорогах и, прежде чем казаки успели опомниться, Бакланов был уже у копны. Чеченец, позволивший себе так неприветливо отнестись к Бакланову, увидев перед собою внезапно такое страшилище, до того испугался, что, несмотря на то, что [37] держал в руке заряженный пистолет, был вооружен с ног до головы и, как пеший перед конным, имел все преимущества для схватки, опешил, растерялся и остался на месте, словно кол, вбитый в землю. У Бакланова шашка была наголо, и ему стоило только взмахнуть ею, чтобы одним горцем стало меньше на свете. Но он не сделал этого; перехватив ее в левую руку, он быстро снял с передней луки свою «подругу» и начал ею бороздить бедного чеченца. Подъехали казаки, и тогда уже все трое принялись шнуровать горемыку. Пороли они его по всем местам удобным и неудобным до тех пор, пока чеченец, весь окровавленный, свалился без чувств на землю. После этой экзекуции Бакланов отправился своею дорогою.

Факт этот, по-видимому, весьма естественный; но он все же доказывает известную удаль, не останавливающуюся ни пред какой опасностью. И взаправду: не мог же Бакланов быть уверенным, что какой-то смельчак, джигит, который бы о том вечером похвастал своим кунакам, сидит один-одинешенек за копною. Посмел ли бы он сделать подобный вызов, если бы с ним не было несколько других товарищей? Понятно, что нет. Однако Бакланов об этом не рассуждал; он не думал, что может встретить за копной несколько человек, а, окрестив голову, бросился вперед. Наконец, почем знать, не было ли у горца и прямой цели: призвать этим путем к себе Баклана в гости и, не дав ему доехать, всадить в грудь пулю и тем увековечить свое имя в горах, отличиться перед Шамилем? Пистолет наготове легко подтверждает это предположение.

Не один этот случай, но все действия Бакланова в бою, которые будем видеть ниже, доказывают нам, что он никогда не останавливался ни пред какою, самою [38] явною опасностью; что, не теряя соображения и распорядительности при каких бы то ни было угрожающих обстоятельствах, Бакланов увлекался в бою положительно до самозабвения — что вовсе не должно было быть отличительною чертою военачальника, который, вследствие подобной невоздержности и неуменья владеть собою, мог бы иной раз принести вред и себе, и командуемой им части. Однако, Бакланова и нас во всех таких случаях берегла и хранила судьба: самоувереннее этого человека в битвах с неприятелем трудно было встретить.

Эта самоуверенность, отвага и все нами указанные качества клали особый отпечаток на военные действия Бакланова: быстрота, сильный удар, беззаветная решимость, надежда на свое страшное в горах, парализующее имя — везде сопровождают деяния этого лица. Вообще, этот человек был незаменимым и неподражаемым в своем роде не только партизаном — как на него привыкли смотреть потому, что он командовал донцами и летучими отрядами — но во

многих случаях как самостоятельный военачальник, которому без боязни, несмотря на его запальчивость, можно было поручить отряд и вверить для исполнения план войны.

И так, Бакланову не сиделось на месте. Еще пятого и седьмого января, вырубая качкалыковский лес, он заметил, что главным притоном горцев по ту сторону горы и Мичика служит лес, окаймленный впереди на расстоянии целой версты охранительными редутами и завалами. Ему страх как захотелось уничтожить все эти сооружения, обнажить значительное пространство от леса и тем лишить горцев возможности прятаться в лесу и за своими оборонительными постройками от нашего внимания.

14-го января, в укреплении Куринском, Бакланов [39] собрал десять рот пехоты егерского князя Чернышева, дагестанского и самурского полков, десять сотен кавалерии донских 17-го и 18-го и кизлярского полков, семь орудий батарейной № 4-го батареи 20-й артиллерийской бригады и донской № 7-го, и с этими войсками, 15-го января, на рассвете, двинулся на Мичик. Уже накануне выступления горцы не только знали о нем, но даже предугадывали намерения начальника подвижного резерва; вследствие чего, не успел Бакланов выдвинуться на высоты качкалыковского хребта, как все прибрежье Мичика, редуты, завалы и самый лес заняты были неприятелем. Это бросилось в глаза Бакланову в первое же мгновение. Долго не медля и не вдаваясь в особые по сему предмету соображения, Бакланов приказал пехоте перейти Мичик и двигаться напролом, а кавалерию направил на версту влево с тем, чтобы она, одновременно с пехотою, ударила во фланг неприятельской позиции. Берега Мичика замерзли, оледенели, в особенности противоположный берег. Как лезть туда — и в голову пока никому не приходило; довольно того, что нужно было лезть. В силу такого неотразимого заключения, роты, со своим неразлучным «ура», скатились в речку, окунулись в ней по колено, быстро перешли ее под огнем неприятеля и стали всползать на другой берег, бесцеремонно подсаживая друг друга прикладами и в тоже время расчищая дорогу. Не прошло получаса, как пехота была уже на той стороне речки. Одновременно с нею и кавалерия, переправившись в один конь, стояла на другом берегу. По данному сигналу войска кинулись в атаку — пехота в штыки, а донцы в пики. Но в этот момент их осыпали из редутов и из завалов таким перекрестным огнем, что они невольно приостановились и, со своей стороны, затрещали из ружей. Видя, что подобная пальба [40] с нашей стороны совершенно бесполезна, потому что не может вредить горцам, прикрытым своими сооружениями, Бакланов тотчас остановил ее и приказал идти на штыках. Новое «ура!» раздалось по всей линии, и колонна снова бросилась на завалы и редуты. Несмотря на то, что огонь горцев достиг почти неуловимой быстроты, атакующие в пять минут были на завалах. Неприятелю оставалось одно — бежать как можно скорее, и он с особенною поспешностью ухватился за этот спасительный для него якорь. Лишь только все оборонительные сооружения оказались в наших руках, тотчас поведены были в лес цепи, резервы, и началась рубка; в тоже время приступлено было к разрушению завалов и редутов. Ограждая себя в занятой позиции, полковник Бакланов двинул к лицу неприятеля ракетную команду донского № 17-го полка и, под прикрытием ее и пехоты, переправил за Мичик три орудия. Пятой карабинерной роте, под командою штабс-капитана Геймана, полковник Бакланов приказал расчистить в тылу у себя несколько переправ, чтобы тем облегчить отступление. Едва только застучали топоры — раздался в нескольких местах гик чеченцев, которые, понимая, что лишаются на этом пункте последней своей защиты, с ожесточением бросились в шашки на цепи и резервы; мало того, на правой опушке леса показалось неприятельское орудие, которое пустило к нам первое ядро. В момент лес был осыпан картечью наших трех орудий, переправленных за реку, и ружейным огнем пехоты и

кавалерии, а с того берега наши остальные четыре орудия загремели по неприятельской пушке. Пушка ушла, в лесу на время все притихло; но не прошло и двадцати минуть, как нападение вновь повторилось с удвоенною силою и его пришлось уже отражать штыками и пиками. [41]

Рубка шла быстро; атака горцев повторялась одна за другою; орудие их действовало уже из середины леса; неумолкаемый огонь в цепях и из наших орудий не прекращался. Только это последнее обстоятельство и давало возможность не выпускать из рук топоров, под которыми лес валился с неимоверною быстротою.

Так все продолжалось до трех часов пополудни. Значительное пространство леса, именно столько, сколько нужно было для того, чтобы лишить горцев прикрытия и защиты, было снесено с лица земли; редуты и завалы, за исключением крайних правых, уничтожены; три переправы расчищены и устроены. Заняв надежным прикрытием все пункты, откуда горцы могли бы вредить нам; стянув к отступлению пехоту, приказав весь огонь артиллерии и ракет обратить в неприятельскую сторону, а также зажечь древесный материал разрушенных сооружений, Бакланов начал отступать. Наш убийственный огонь не допускал до нас горцев на целый ружейный выстрел; в особенности страшна была для них кавалерия, которая, будучи поставлена на одном из главных пунктов, угрожала как орудию, если бы оно решилось придвинуться к нам, так равно и самому неприятелю, если бы он покусился выставиться наружу.

При таком искусном расположении войск и затем, под прикрытием наших четырех орудий, действовавших с качкалыковских высот, а также благодаря усердию Геймана, который устроил переправы как нельзя лучше, отступление на эту сторону Мичика совершилось беспрепятственно. Только уж тогда, когда войска стали подниматься на высоты, неприятельское орудие возобновило по ним стрельбу, которая представляла собою ни более, ни менее, как напрасную трату пороха. [42]

В четыре часа пополудни колонна возвратилась в укр. Куринское.

По расспросам лазутчиков, горцы в этот день лишились четырнадцати убитых и до сорока человек раненых. У нас при атаке ранены: кизлярского казачьего полка сотник Фетисов, дагестанского пехотного полка подпоручик Берхман и вообще девятнадцать нижних чинов; контужено двенадцать нижних чинов; убито лошадей шестнадцать и ранено двенадцать.

Таким образом, предприятие этого дня, относительно весьма важное, обошлось нам недорого.

Довольный этим успехом, полковник Бакланов захотел попробовать удачи и на следующий день. В шесть часов утра, шестнадцатого января, он, с теми же войсками, вышел опять на рубку леса и расположился, не переходя Мичика, по правую сторону той просеки, которую два года назад проложил генерал-лейтенант Козловский. О ней мы упомянули выше.

Едва мы успели расположить цепи, как из оставшихся вцеле от разорения правых неприятельских батарей грянул пушечный выстрел. Бакланов не стал, так сказать, перекликаться с горцами, а приказал направить на батарею все семь наших орудий и открыть огонь залпами. Такой маневр был совершенно в его духе. Выстроились в ряд наши батарейные и легкие орудия и сделали первый залп. Окрестность застонала от гула, лес как бы покачнулся, но неприятель не трогался с места и послал нам снова свой выстрел, — что отзывалось решительным комизмом, так как выражало как бы борьбу шавки со слоном. Последовал

второй залп. Пыль столбом взвилась от батарей, и щепы от деревянной одежды брустверов взлетели кверху. На этот раз ответа не было. Раздался [43] третий залп — и видно было, как белые лошади уносили стремглав с батареи злополучное орудие. Началась рубка, сопровождаемая редкою перестрелкою в цепях.

Не прошло и часа, как неприятельское орудие вновь показалось в редуте и дало о себе знать еще одним ядром. Чтобы порешить с ним окончательно, начальник отряда приказал кавалерии спуститься к переправам, устроенным накануне штабс-капитаном Гейманом, и произвести атаку на редут. Хотя, по-видимому, у горцев было желание сорвать, испортить эти переправы по уходе нашем вчера отсюда, потому что везде остались следы их спешных и отрывочных работ, но они были все еще настолько удобны, что кавалерия без труда могла исполнить приказание. Лишь только она стала спускаться к реке, неприятель, опасаясь потерять орудие, подхватил его вновь и более в тот день не показывал; мало того, он и сам не показывался, а ограничился лишь только пальбою из глубины леса, которая, по отдаленности и бдительности наших цепей, была для нас совершенно безвредною. Два раза, кроме того, он хотел испугать нас своим гиком, делая вид, будто намерен броситься в шашки, но каждый раз, получив в ответ перекатный ружейный огонь в цепях и несколько картечных орудийных зарядом, умолкал и удалялся в чащу.

Так продолжалось до двух часов.

Исполнив задачу дня и расположив для отступления войска приблизительно в том же порядке, как и накануне, полковник Бакланов к трем часам возвратился в Куринское без всякого преследования.

На другой день, восемнадцатого января, те же самые войска вышли на то же самое место доканчивать начатое дело. Пехота заняла позицию беспрепятственно, и открылась [44] рубка. Что же касается кавалерии, то полковник Бакланов скрыл ее в прилегающей к позиции балке с тем, чтобы, в случае появления горцев у Мичика, просекою, сделанною пятнадцатого января, отрезать их от леса и их охранительного кордона. Но горцы не дались в обман. Видя, что кавалерии нет, и что не мог же Бакланов явиться без нее в дело, они снарядили разъезд человек в шестьдесят и отправили его на рекогносцировку. Случилось же так, что этим разведчикам, явившимся к нам из-за речки, как раз пришлось наткнуться на наш передовой кавалерийский пикет, поставленный в чаще леса. Казаки, усмотрев чеченцев прежде, чем те их успели заметить, и сообразив, что все равно наш секрет будет открыт — так хоть попугать бы неприятеля не мешало — при приближении горцев сделали залп, гикнули и ударили в пики. Последствием этой неожиданной встречи была одна убитая неприятельская лошадь, оставшаяся на месте; чеченцы опрометью бежали за Мичик.

Когда Эски успокоился уже насчет нашей кавалерии, то двинул все свои партии против позиции, занимаемой пехотою, и из-за Мичика открыл перестрелку. В течение трех часов, не взирая на наши орудийные выстрелы, неприятель не оставлял своей позиции и продолжал пальбу. Наконец, когда нам нужно было уже отступать, Бакланов, чтобы сразу избавиться от надоедливого наиба, опять приказал поставить против него всю артиллерию и открыть беглый огонь. Это был прощальный привет. После краткой пальбы с нашей стороны, горцы бросили свою позицию и скрылись в лесу. Колонна отступила в Куринское без преследования.

В тот день у нас убит один рядовой и один ранен; убито семь лошадей. [45]

В течение последних трех дней в колонне полковника Бакланова выпущено до восьмисот артиллерийских снарядов и свыше девяносто тысяч патронов.

Текст воспроизведен по изданию: Погром Чечни в 1852 г. // Кавказский сборник, Том 5. 1880

ВОЛКОНСКИЙ Н. А. ПОГРОМ ЧЕЧНИ В 1852 ГОДУ III.

Урус-Мартан и близлежащие места. Движение главного отряда двумя колоннами в ущелья речек Рошни и Гойты. Две битвы и истребление аулов. Смерть наказного атамана кавказского линейного казачьего полка генерал-майора Круковского. Относительная бесплодность набега. Шамиль напрасно прогулялся.

Почти на полпути между Алхан-Юртом и крепостью Воздвиженской, если от Сунжи спускаться на юг, вверх по течению реки Мартанки, было и есть обширное селение Урус-Мартан. От него в Воздвиженскую дорога круто поворачивает налево и служит продолжением прямой дороги, проходящей на восток от станицы Ассинской.

В описываемую нами эпоху Урус-Мартан было укрепление довольно обширное и сильное, обнесенное высоким бруствером и глубоким рвом.

Урус-Мартан был в этой стороне важным центральным пунктом, потому что из него являлся доступ во все ущелья, лежавшие на юг, в аргунский округ, по направлению речек: Гехи, Рошни, Мартанки, Гойты; так что по отношению к этим ущельям Мартан был как бы сторожевым пунктом. Скучно жилось в нем куринцам и 5-й легкой батарее. Всегда с замкнутыми воротами, отдаленное [46] и отделенное от света, жизни и людей, укрепление Урус-Мартан оживлялось только в те минуты, когда являлась туда оказия и привозила с собою свежих людей, свежую провизию, свежие новости и не всегда свежих казачек.

Это было наш важный, как сказано выше, сторожевой и вместе с тем опорный пункт на случай наших действий в предгорье и в горах малой Чечни.

Покойный Слепцов, на закате своей славной боевой деятельности, истребил все неприятельское население, гнездившееся в ущельях от Бумута (на Фортанге, в карабулахском обществе) до Рошни, текущей на запад от Мартанки и сливающейся с ней недалеко от впадения в Сунжу. Остатки жителей всего этого пространства частью смирились и выселились в покорные нам аулы, в том числе и в Урус-Мартан, а частью бежали в горы. Не успела коснуться его рука лишь обитателей верховьев Рошни, Мартанки и Гойты, текущих почти параллельно друг другу. Обитатели эти, рассчитывая на неприступность своих мест, продолжали жить как ни в чем не бывало, тревожили нас в Мартане, по дорогам, в Воздвиженской, Грозной и в окрестных местах.

Только в 1858-м году смирились окончательно эти беспокойные горцы и тысячами были выселены на плоскость. До того же времени, несмотря на все наши набеги, погромы, несмотря на наказание нами этих хищников, они каждый раз после поражения и разорения возникали, как феникс из пепла.

Когда нам случалось поражать население и уничтожать аулы, лежащие между русскою дорогою и левым берегом Сунжи, жители этих мест, в свою очередь, удалялись в ущелья

Черных гор и примыкали к обитателям, там скрывавшимся. Таким образом, уже в 1852-м году в [47] ущельях Рошни, Гойты и пр. образовались поселения в тысячи домов.

Хотя мы частью оградили себя со стороны Мартана просеками — гойтинскою на юго-восток и гехинскою на юго-запад, но это служило только поводом к большей или меньшей безопасности самого укрепления и нисколько не защищало нас от нападений горцев, равно не доставляло нам возможности проникнуть к ним в горы. Спокойно и безбоязненно жили себе они в своих трущобах, среди вековых, заповедных лесов. Там они находили себе поляны для посевов, а если не находили, то вырубали их, оставляя, между прочим, в стороне к нам широкую полосу нетронутых дебрей, служивших им наилучшею от нас защитою. За этими дебрями до 1852-го года не была еще наша нога; там не работал еще наш штык, и гром пушек не грохотал еще среди девственной, прекрасной и потому заманчивой, дикой, но поэтической природы.

Князь Барятинский впервые решился шагнуть в эту сторону, растревожить эту неведомую для нас окраину и на месте освоить всех жителей ее с нашими линейцами, с куринцами, кабардинцами, которых они хотя и знали, но в доме у себя еще не принимали.

Но для того, чтобы дать себя почувствовать вполне, надолго вселить в жителях Черных гор страх и уважение к нашему оружию — нужно было действовать, во-первых, очень скрытно, во-вторых, чрезвычайно быстро и, наконец, возможно большим числом войск.

Барятинский решил напасть на неведомую землю двумя отрядами в один день. Для исполнения своего намерения он не нашел лучшего товарища, как барон Вревский, который был тогда командующим владикавказским военным округом, и вследствие этого пригласил его — [48] пожаловать и помочь ему. Генерал-майор барон Вревский прибыл к нему шестнадцатого января, с первым батальоном эриванского карабинерного Его Высочества Наследника Цесаревича полка.

Шамиль знал о предстоявшем ему визите и об усилении наличных средств чеченского отряда. Мы сказали выше, что и он к тому же числу сделал дополнительный призыв войск, и последние не замедлили явиться. Но имам предполагал, что замыслы князя Барятинского клонятся к тому, чтобы доконать большую Чечню, и о малой Чечне он вовсе не беспокоился. Он даже ослабил отчасти прилегающую к малой Чечне нагорную Чечню, вытребовав к себе толпы и оттуда. Все взоры и все внимание свое Шамиль устремил на Джалку, Басс, Хулхулау и туда, при первом нашем шаге, готов был двинуть всю громадную силу, которую ежеминутно держал вокруг себя наготове.

Но князь Барятинский надул старика.

Семнадцатого января, в восемь часов вечера, после скромного солдатского ужина и краткой молитвы, из лагеря при Бани-Юрте, в чрезвычайной тишине, почти тайком, выступила сперва одна колонна — под начальством генерал-майора барона Вревского, а потом, около полуночи, другая, под начальством свиты Его Величества генерал-майора князя Барятинского. Куда идут, зачем идут — никто не знал, кроме этих двух лиц и их ближайших поверенных, в числе которых был и Бата. Не было надобности открывать даже начальникам отдельных частей свои соображения, так как таковые были пока очень смутны, потому что сами начальники отрядов не знали еще, где и при каких условиях им придется действовать; сами они в первый рез шли в предвзятую сторону.

Эти секретные движения играли весьма важную роль в [49] кавказских экспедициях и имели большое и выгодное для нас значение. При податливом на обе стороны характере, горцы, в особенности чеченцы, ежеминутно готовы были сообщать сведения от нас — Шамилю и от Шамиля — нам. Примеры этому мы видели постоянно, а главнее всего накануне взятия в1858-м году аргунского ущелья. Видели мы также опыты и тому, что если начальник отряда хранил втайне свои предположения, то наше дело всегда выгорало.

Так было и в настоящую минуту.

Колонны двинулись в следующем составе: под начальством барона Вревского — четвертый батальон навагинского полка; первый, второй, четвертый батальоны и ракетная команда князя Чернышева полка; сорок человек кавказского саперного батальона; два взвода батарейных — № 1-го батареи кавказской гренадерской артиллерийской бригады и № 3-го батареи 19-й артиллерийской бригады; два легких орудия батарейной № 4-го батареи и взвод легкой № 5-го батареи 20-й артиллерийской бригады; взвод донской конноартиллерийской № 7-го батареи, десять повозок транспорта с фашинами. Кавалерии пока не было, но с рассветом, восемнадцатого числа, на Гойту должны были прибыть несколько сотен первого сунженского полка и там присоединиться к колонне.

Под начальством князя Барятинского были следующие части войск: первый батальон эриванского карабинерного Его Высочества Наследника Цесаревича полка; первый, третий и четвертый батальоны егерского князя Воронцова полка; десять человек кавказского саперного батальона, усиленные пехотою с шанцевым инструментом; вся кавалерия отряда; взвод легкой № 5-го батареи 20-й артиллерийской бригады; дивизион конноартиллерийской № 15-го батареи; десять повозок транспорта. [50]

Прочие войска, со всеми тяжестями отряда, остались в лагере, под начальством подполковника Меркулова.

Вревский выступил на Рошню, Барятинский — на Гойту. По исполнении своих задач, колонны должны были сойтись в укр. Урус-Мартане, которое осталось от них на север, между обеими этими речками.

Проследим поочередно действия каждого из генералов.

Ночные путешествия войск вообще отвратительны во всех отношениях, а движение колонны барона Вревского было донельзя затруднительными. Чтобы скрыть его, он пошел без дороги, у предгорья, и если бы не хорошие проводники, которые знали все эти места наизусть и могли идти, закрывши глаза, то, конечно, колонна, вместо Рошни, очутилась бы где-нибудь в аргунском ущелье или вроде того. Но проводники шли впереди и не дали ей уклониться ни на одну линию от предположенного пути. Ныряя из балки в балку, проламывая тонкий слой льда, которым были подернуты все углубления, встречавшиеся на каждом шагу, купаясь в бесчисленном множестве ручьев и мелких речек, окутанные почти непроглядною тьмою, смягчавшеюся только лежавшим местами снегом, войска шли без привала и останавливались время от времени на несколько минуть лишь для того, чтобы стянуться.

Но, несмотря на все препятствия и крайние затруднения, колонна, в глубокой тишине, никем неоткрытая, с рассветом восемнадцатого числа, достигла берега Рошни. Чтобы дать ей отдых, барон Вревский поспешил ее спрятать в лесистую балку. Все как будто вполне понимали цель и важность предпринятого движения, и никто ни единым звуком голоса не нарушил гробового

молчания окружающей природы. Даже лошади, и те, словно подражая [51] человеку, ни одним легким ржаньем не давали звать о пребывании своем в этих местах.

Почти одновременно с прибытием отряда явился сюда же и командир первого сунженского полка, войсковой старшина Предимиров, с пятью сотнями своих казаков.

От балки начинался густой, едва проходимый лес, отделяющий ущелье Рошни от открытой равнины, по которой пролегала русская дорога. Лес в горных местах, на который не посягнула еще рука человека, и лес на плоскости — две большие разницы. Первый из них не подчиняется ни в каком отношении никаким законам и порядкам: в нем и заросли, и балка за балкою, и наваленные кучами деревья, которых сверху наломал какой-нибудь скатившийся от бури столетний гигант; и ручьи, и речонки в глубине оврагов, то ясные и тихие, то черные и зеленые от грязи и тины; то вдруг исковерканная, непроходимая полоса, через которую можно перебраться, кажись, лишь с дерева на дерево — и все это скрыто от глаз, невидимо до тех пор, пока сама нога не коснулась неожиданного восставшего пред нею препятствия. Невыносимо тяжелы и утомительны путешествия чрез эти леса, и едва ли бы они доставили удовольствие самому решительному, любознательному туристу или самому отчаянному искателю приключений. Мне много случалось переходить и проезжать подобных лесов на Кавказе, в особенности в горной Осетии, в Имеретии, в Чечне. Все они, правда, дышат неподражаемою, обаятельною прелестью, но лишь в то время, когда уже впоследствии вспоминаешь о них, так сказать, издали; но в ту минуту, когда обстоятельства или обязанность заставляют крестить их направо и налево, вдоль и поперек собственными ногами, когда эти ноги подкашиваются от усталости, когда едва переводишь дух от [52] изнеможения и чувствуешь, что кровь приливает к голове и сердцу от постоянных карабканий и царапаний по крутым ребрам балок, где даже и доброму коню не в мочь подняться налегке не говоря уж о походной тяжести — тогда не до прелести их картин и не до обаяния или очарования.

Так было и с колонною, когда она переходила лес, и таков был самый лес, как мы описали выше, который она переходила. От балки, из которой вышли войска, до конца леса, правда, были две тропы, проложенные жителями в более удобных местах, но разве могли они отвечать удобному движению всей колонны вдруг? Только тяжести, артиллерия и офицеры могли пользоваться одною из этих тропок; что же касается до солдат, то им приходилось идти без всякой дороги; по другой же тропе, пролегавшей в долине реки, по правому берегу ее, следовала кавалерия.

Едва только войска втянулись в лес — стали попадаться завалы, число которых, по мере углубления колонны, увеличивалось все более и более по всем направлениям; затем, верхняя дорога, по которой шла пехота, в одном месте была преграждена широким рвом и бруствером. Теперь только приходилось понимать всю важность секретного движения, потому что если бы его заранее знали горцы и пожелали бы отстаивать спои заповедные трущобы, то едва ли бы возможно было решиться на подобное необдуманное наступление: последствием его было бы то, что в лесу, наверное, осталась бы большая половина колонны, а меньшая, дойдя до цели и потом отступая обратно по местам, которых неприятель, без сомнения, не оставил бы, заключила бы роковой бенефис, сложив там последние свои косточки. Неужели барон Вревский, предпринимая [53] такое движение, был уверен, что он достигнет без потери желаемого места только потому, что окружил свои стремления и цели полною таинственностью? Едва ли. Скорее всего, он пошел и теперь шел потому, что не знал мест, в которые вступит, и препятствий, которые предстояли на пути; войдя же раз в эти места, он уж

не мог и не должен был возвращаться, не разрешив своей задачи. На это движение Вревского мы не можем иначе смотреть, как на вполне рискованное, которое можно предпринять только в случае настоятельной, крайней необходимости, но не ради одного только молодецкого набега и истребления каких-нибудь тысячи или более домов. Мы вполне уверены, что Евдокимов, даже в пору своих блестящих удач, никогда не рискнул бы на такое наступление, да и вообще не рискнул бы на какое бы то ни было, не узнав заранее и обстоятельно, что ему предстоит впереди. Только отважность и решимость Вревского, который теперь и впоследствии доказал, как спокойно и безразлично относился ко всем опасностям, только уверенность его в войсках, которые он вел и, наконец, только энергичная, стремящаяся к славе, молодая натура князя Барятинского и его горячая кровь могли родить уверенность в том, что мы в этот день вынырнем с Рошни и Гойты более или менее благополучно. Довольно было бы одного случайного, нечаянного ружейного выстрела в лесу — как оно нередко бывает во время движений вследствие какой-либо неосторожности солдата — и колонна в десять минуть, много в четверть часа могла бы быть окружена со всех сторон неприятелем. Тогда последствием рискованного движения барона Вревского был бы современный нам тевтобурский лес, в котором чрез много лет пришлось бы какому-нибудь новому Германику мстить за избиение своих [54] земляков и потом собирать невероятные груды их костей, чтобы над ними воздвигнуть памятник славы, чести, неудачи войск и риска их военачальника.

Велик ты, наш русский Бог, покровительствовавший нам даже в наших увлечениях и заблуждениях во время минувшей кавказской войны, кой-когда напоминавший нам поражениями о необходимости быть осмотрительнее, но долготерпеливый и милосердый до конца, несмотря на постоянные попытки многих наших генералов всегда и во всем искушать твою благость!

И нужно же нам было такое счастье, чтобы на этот раз чеченцы, жители Рошни, оказались полнейшими балбесами: ну, как быть настолько беспечными и беззаботными, чтобы, настроив и нагородив сотни разных защит и оборон, не держать при них, в особенности в начале леса, ни одного наблюдательного поста, ни одного даже сторожа?!..

И вот, барон Вревский, по дремучему неприятельскому лесу идет себе с целою колонною, словно по херсонской привольной степи, идет — и благополучно минует этот лес. Кавалерия, при которой он сам находился, явилась у внутренней опушки леса ранее пехоты и артиллерии, и начальник колонны, остановившись на этом месте, стал поджидать их. Словом, все происходило так спокойно и уверенно, как будто войска маневрировали где-нибудь в обширном, благоустроенном домашнем парке или в заранее расчищенном и приспособленном по заказу собственном лесу.

Мы изощряемся и ухитряемся во время наших строевых учений и маневров то устраивать, то изыскивать для солдата разные затруднения при движениях, чтобы приучить его и к выбору местности, и к уменью ориентироваться, к искусству нападения и т. п. Что может быть лучше, [55] если все эти топкости он изучает по необходимости, но на родном, а на неприятельском поле? Один такой урок стоит двадцати пяти разных искусственных задач и приспособлений. И что же после этого удивляться ловкости бывшего кавказского солдата и его военным действиям! Как не признать, что один год такой школы в Чечне стоил двадцати лет, проведенных солдатом нашей внутренней армии на разных ученьях и маневрах, в каком-нибудь селении Ивановском, в деревеньке Подгорной, в слободе Никольской.

Вот где бывшая кавказская армия черпала свое разностороннее практическое военное образование, свой закал, свою удаль и переносливость.

В девять с половиною часов утра вся колонна стянулась у выхода из леса на поляну, и я думаю, что не только многие командиры и начальники частей в душе перекрестились, но и сам барон Вревский свободно вздохнул всею грудью: крайняя опасность миновала; теперь оставались пустяки — подраться и победить, а затем — отступить.

Последнее условие барон Вревский тотчас поставил первым и главным. Он оставил на опушке второй батальон егерского князя Чернышева полка и команду сапер и приказал им вырубить, сколько успеют, лес по сторонам верхней тропы, засыпать часть рва, чтобы удобно провезти орудия, и вообще уничтожить какие только возможно местные препятствия к безостановочному и благополучному отступлению. С остальными войсками он двинулся вперед.

Глазам отряда представилась обширная поляна, имевшая форму эллипсоида, на которой в разных местах тесными кучами были расположены аулы. Поляна эта имела в ширину от севера к югу версты четыре и в длину — версты две. От северной оконечности своей у правого берега [56] Рошни и по восточной стороне она окаймлялась лесом, который, приближаясь к югу, все уходил в сторону, вдаль, делая ее в этом месте несколько шире; с юга перерезывалась она глубоким оврагом, за которым постепенно поднимался хребет гор, образующий правый край верхнего рошнинского ущелья. По левому берегу тянулись последние уступы горного кряжа, отделяющего это ущелье от гехинского; горы и прилегающая к ним местность были закрыты лисом.

Оказалось, что в настоящее время аулы были пусты и в них оставалось кое-какое домашнее имущество; жители, с наступлением зимы, из предосторожности, оставили аулы и переселились далее в лес, в хутора; в аулах же находились весьма немногие.

Лишь только отряд стал вытягиваться на поляну, по всем направлениям ее засновали пешие и конные чеченцы, разнося тревогу в лес, за овраг, в ущелье. Чтобы предупредить сбор неприятеля и овладеть поляною, барон Вревский приказал сунженцам охватить ее со всех сторон и удерживать за собою пока подоспеет на окраину ее пехота и артиллерия. Предимиров в карьер разослал казаков во все три стороны, и сам, с частью их, поскакал к оврагу. По обе стороны этого оврага и с восточной стороны у леса оказались ряды завалов, которые надежным забором защищали путь к хуторам. Казаки не остановились перед этими препятствиями: поляна была прорезана насквозь, овраг остался у них позади, и все завалы в несколько минут, прежде чем неприятель опомнился, были в наших руках. Загорелся бой. Казаки настигали и били горцев, перебегавших в лес, и твердо отстаивали свои позиции, пока подошла пехота с орудиями и сменила их. Тогда, оставив свои места, они, отстреливаясь, [57] отступили назад, не понеся никакой потери в людях; только было убито и ранено несколько лошадей.

Овладев, таким образом, поляною, барон Вревский, чрез посредство генерального штаба штабс-капитана Услара, расположил войска к бою в следующем порядке: в арьергарде оставил четвертый батальон егерского князя Чернышева полка под командою флигель-адъютанта полковника барона Николаи; против восточной опушки леса, где были хутора жителей, направлены были, под командою командира 1-го батальона князя Чернышева полка, две роты навагинского полка и сотня казаков. Им приказано было зажигать все запасы сена и зерна,

которые встретятся на пути. По краю долины Рошни, с правой стороны, с тою же целью посланы были две роты четвертого батальона навагинского полка; артиллерии приказано было действовать по оврагу, по завалам и поддерживать огнем своим, где бы надобность ни указала, арьергард и боковые колонны.

Через четверть часа аулы запылали; черный дым все гуще и гуще стлался над поляною, прикрывая ее словно одеялом. Пальба неистово трещала по всей окраине, а в особенности с восточной стороны; время от времени она была прерываема пронзительным гиком горцев, пытавшихся прорвать нашу линию, но этот гик исчезал в грохоте орудий, и покушения неприятеля оставались бесплодны; затем, когда и самая картечь не производила желаемого действия — роты штыками отбрасывали неприятеля в лес, и каждый раз оставляли у ног своих несколько трупов, которых он не успевал подбирать. Наконец, в предупреждение дальнейших атак, картечь безостановочно прорезывала опушку леса и противоположный берег Рошни по всем направлениям. При увлечении горцев, с которым они, закрывши глаза и не обращая ни на что [58] внимания, кидались вперед, картечь производила среди них губительное действие.

Три часа уже продолжался бой и уничтожение аулов.

Когда все было охвачено огнем так, что от дыма тяжело дышалось, т.е. другими словами, когда разорение было доведено до желанного конца, барон Вревский начал постепенно оттягивать войска назад.

Настал критический момент.

Чеченцы уже давно начали перебегать по северной опушке в лес, через который войска должны были отступать. К счастью, что в течение этих трех часов навагинцы успели вырубить весьма достаточное количество деревьев по пути нашего отступления и разобрали завалы, а саперы засыпали овраг и сделали его удобопроходимым для артиллерии. Неприятель, без сомнения, ничего этого не знал и уверенный, что в тылу у нас остаются вцеле все устроенные им препятствия, рассчитывал серьезно и решительно поразить нас.

Когда барон Вревский убедился, что масса горцев сторожит его в том месте, где лес замыкает поляну с северной стороны, он выдвинул против этого пункта шесть орудий и открыл по опушке и по лесу беглый картечный огонь, а тем временем велел войскам быстро отступать, оставив в арьергарде и в правой боковой цепи полковника барона Николаи с четвертым батальоном чернышевцев. Этому батальону суждено было вынести на себе всю тягость боя и явиться защитником и спасителем остальных войск, которые проскользнули на дорогу весьма благополучно, оставив егерей как бы на жертву. Барон Николаи понимал всю громадную важность лежавшей на нем задачи и, усилив цепи, начал свое славное отступление с хладнокровием и уменьем, достойными лучшего римского [59] вождя. Не спеша, в порядке, стали отступать чернышевцы шаг за шагом. Едва только они пропустили артиллерию и втянулись в лес — затрещал адский, убийственный огонь. Еще хвост арьергарда был на поляне, как чеченцы не выдержали и с полным ожесточением кинулись в шашки на правую цепь. Цепи приостановилась: вдоль нее пронеслось громкое «ура», и завязалась рукопашная схватка. Барон Николаи был тут же и ободряющими возгласами напоминал солдатам о своем присутствии. Цепь была подкреплена мгновенно сильными резервами — и горцы отбиты.

Но едва только бой снова перешел в беглую перестрелку, как вдруг, со стороны неприятеля, по всему протяжению, занятому нашим арьергардом, пронесся какой-то радостный, ободряющий

крик. Впоследствии оказалось, что это было приветствие гойтинскому наибу Эльмурзе Хапцову, который в этот момент прибыл со своими партиями на подкрепление жителей Рошни. И действительно, тотчас же можно было сообразить, что силы неприятеля увеличились, потому что перестрелка затрещала с удвоенною быстротою; затем, следовало опять ожидать какого-нибудь отчаянного нападения. Так думал барон Николаи и, подвигая арьергард, предупреждал об этом офицеров, устраняя от них возможность быть захваченными врасплох. Недолго пришлось ждать этого нападения — каких-нибудь семь восемь минут: перед цепью пронесся гик, пальба разом оборвалась, и чеченцы всей массой ринулись на арьергард, теперь в особенности с тыла. Тут уже стрелять и отстреливаться было некогда и невозможно, потому что руки бойцов скрещивались, ловили друг друга. Чеченцы пустили в ход свои кинжалы — и на мгновение окрестность затихла, будто в ней все вымерло. Егеря работали штыками на славу, и первая атака была отбита. Но едва только арьергардная [60] рота начала дальнейшее отступление, как вновь справа и с тыла чеченцы бросились на батальон с новыми криками и с новым ожесточением. Тут пришлось совсем остановиться. Чернышевцы сплотились теснее, насколько позволяла местность, и сначала отбивались штыками, а потом, увлекшись и придя в озлобление, сами кинулись на атакующих, оттесняя их назад. Но впереди неприятеля реял наибский значок, и сам Эльмурза работал шашкою направо и налево; поэтому чеченцы были стойки, тверды, воодушевлены. Они хватали егерей за штыки, за перевязи, поражали их, и тут же сами падали под прикладами их товарищей, но назад подавались очень туго. Вот, на два убитых неприятельских тела кидается до пятнадцати человек чеченцев и силятся вытащить их, так сказать, из-под ног солдат. Над трупами завязывается не бой, а драка, свалка; тела двигают то в ту, то в другую сторону, как будто и для нас они составляют какую-то очень важную вещь. В это время является Эльмурза еще с несколькими пешими чеченцами, и трофеи готовы перейти в руки неприятеля, как вдруг, какая-то меткая пуля простреливает наиба в бок навылет, и он падает, как сноп. Горцы бросают два трупа и стремятся прикрыть и спасти своего военачальника. Часть из них быстро подхБатывает его на руки и уносит, остальные стеною загораживают егерям дорогу и дают возможность своим товарищам удалить раненого за пределы нападения и всякой опасности. Но эта стена сразу редеет, рвется на куски: еще три тела остаются на месте, а живые, и среди них раненые, бегут назад, орошая кровью свой след.

Более часа продолжалось побоище, то слабея в арьергарде и усиливаясь в цепи, то наоборот.

Давно уже злополучный четвертый батальон не имел [61] такой потери, как в этот раз, но каждая жертва только все более и более раздражала, озлобляла солдат, и они не уступали пяди, не отомстив нескольким за одного.

Нападениями неприятеля в цепи руководил андийский наиб Лабазан. Шашки, штыки и кинжалы, время от времени, сменялись здесь пальбою из ружей и винтовок. Офицеры дрались о бок с солдатами и падали вместе с ними. Прапорщик князь Бебутов убит наповал; чеченцы бросаются к трупу, но встреченные залпом десяти ружей, разбегаются в стороны. Егеря подхБатывают своего офицера и быстро уносят его в левую цепь. Поручик Редкин ранен одновременно двумя пулями в одну и ту же правую ногу, устраняет от себя несколько протянувшихся к нему для помощи рук и, опираясь на плечо одного из близстоящих своих сподвижников, медленно отступает с остальными; командующий цепью майор Крылов прострелен пулею в левый бок, но прикрыл рану рукою, не давая ни малейшего повода подозревать кому-либо об этой ране.

При таком героизме и при такой железной стойкости, горцам не удается прорвать ни одной пары, не приходится расстроить ни одного звена. Как каменные, отступают егеря все далее и далее. Кажется, нет конца этому отступлению. Минуты, даже секунды, обратились словно в часы. Патроны истощаются, силы слабеют.

Едва только во втором часу дня неприятель, убедившись в бесполезности своих атак и имея в виду, что лес кончается, прекратил свои нападения и ограничился перестрелкою. Мало-помалу и она начала стихать.

Окровавленный вышел батальон из ущелья и леса в два часа пополудни. Шествие его оттуда открывалось мертвыми телами офицеров и солдат, которых бережно несли [62] на руках; за ними, при помощи товарищей, тащилось несколько десятков раненых; наконец, по земле влачили пять обезображенных неприятельских трупов. Легкие, сдержанные стоны наших героев оглашали собою воздух.

Картина вообще нерадостная…

Кроме Бебутова, Редкина и Крылова, у нас в этом деле убит прапорщик навагинского полка Иванов и ранены офицеры князя Чернышева полка: штабс-капитан Богданович в правую руку, штабс-капитан Пяткин в грудь, поручик Корсаков в левый бок, прапорщик Никитин в шею. По сведениям от лазутчиков, у неприятеля, кроме Эльмурзы Хапцова, ранен и наиб Лабазан; засим, убитых и тяжелораненых девяносто, легкораненых семьдесят два.

Вот чего стоил нам этот набег только в одной колонне барона Вревского, который, правда, блистательно исполнил свое предприятие.

По выходе из ущелья, невдали от Урус-Мартана, отряд расположился для отдыха и для подания необходимой помощи раненым.

Лишь только солдатики хлебнули свежей водицы и смыли ею пот и кровь со своих лиц — они и ожили, и оживились. Пошли толки, рассказы, смешки, пересмешки, воспоминания о том или о другом курьезе неприятеля. Посторонний зритель, наверное, сказал бы, что эти люди и не думали стоять лицом к лицу с врагом час тому назад, а уж о том, что они дрались — он и вовсе бы не подумал.

В числе тех лиц, о которых мы сказали выше, до нас дошли имена еще и следующих отличившихся в этот день на Рошне: навагинского полка майора князя Лукомского, поручика Белецкого, впоследствии, за смертью Богдановича в Гурдали, командовавшего охотничьей [63] командою, сунженского полка сотника Неймана, лейб-гвардии уланского полка ротмистра Воронцова, тенгинского полка штабс-капитана Романовского, поручика князя Кудашева, поручиков: Мердера и Шилейко.

Теперь перейдем к гойтинской колонне князя Барятинского.

Не только самая местность, которую атаковал начальник отряда, но даже и обстоятельства, сопровождавшие бой и отступление, более или менее в общих чертах совпадают с теми, которые мы описали выше.

Колонна двинулась на гойтинскую просеку и дошла до нее с меньшими затруднениями, чем отряд барона Вревского, так как и самый переход был почти вдвое короче. С просеки она поворотила влево и прошла полосу орешника, отделяющую от просеки устарханское поле,

держась невдали от течения речки. До сих пор все были еще, так сказать, спорные владения, даже скорее наши, чем неприятельские; но в конце устарханского поля дорогу преграждал широкий и длинный окоп, служивший решительным делением двух территорий — чужой и нашей. Остановив здесь войска, князь Барятинский распорядился быстро засыпать канаву и проделать дорогу, чтобы дать пройти артиллерии и тяжестям. Несмотря на темноту ночи, в полчаса все было окончено, и колонна двинулась далее.

Едва забрезжило — войска находились против гойтинского ущелья, у самой речки. Здесь она течет в крутых и обрывистых берегах, покрытых густым лесом. Опять в самое непродолжительное время съезды к реке были спущены, устроены на скорую руку переправы, — и еще не [64] всходило солнце, как весь отряд, перейдя вброд, очутился пред ущельем Черных гор, из которых вытекает Гойта. Тут, как и на Рошне, взорам представилась довольно обширная поляна, на которой, сколько можно было судить, еще недавно был большой лес. От него уцелели многие деревья, которые, в одиночку и группами, остались на поляне. По ней и вдоль ущелья, хуторами и аулами, было разбросано свыше тысячи дворов. Каждый аул представлял собою нечто вроде маленькой крепостцы, потому что с фронта был огражден рядом завалов из тех же поваленных деревьев, которые здесь составляли лес и не успели еще сгнить. Ближайшими к нам аулами были: Пхемит-Тей, Пешхой, Ляшкирой, Шуаип; более отдаленными, втянувшимися в ущелье — Чунгурой, Изумсой и Шаухал.

Барятинский, подобно Вревскому, распорядился — занять немедленно всю поляну кавалериею, что и приказал атаману генерал-майору Круковскому. Был ли такой начальный маневр здесь, как и на Рошне, последствием соглашения его с бароном Вревским, или того требовали обстоятельства и местность — все это до нас не дошло. Нам достаточно на этот раз совпадения взглядов и распоряжений военачальников, действовавших независимо и в стороне друг от друга.

Аулы только едва зашевелились после спокойного, безмятежного сна, и в полном уповании на дальнейшее покровительство аллаха. Поэтому, можно себе вообразить, как были они поражены, когда нежданно-негаданно, вместо уповаемого и желаемого покровительства, явилась целая кара в образе русского отряда. Видно было простым глазом, как из сакль повыскакивали сотни народа и минуту или две в каком-то оцепенении смотрели на ниспосланных им, [65] как снег на голову, гостей. Затем, заблистали винтовки, раздалась в разных концах поляны выстрелы, сообщавшие тревогу, и целые толпы горцев, выскочив из аулов, бросились по направлению к ущелью. Это был тот момент, когда генерал Круковский, с обнаженной шашкой, несся впереди казаков на неприятельские жилища. Многие, но не все успели спастись бегством; казаки и милиционеры захватили оставшихся в саклях — и началась резня, где горцы, в положении людей безнадежно погибающих, дрались до последней капли крови. Докончив на скорую руку бойню в этих аулах, атаман кликнул клич и поскакал далее, в ущелье, к остальным аулам, где сосредоточивалось большинство населения. Значок его, как птица, летал позади и, как символ смерти для врагов и знак победы для отряда, указывал дорогу казакам. Моздокцы, гребенцы, кизлярцы, грозненцы, драгуны летели врассыпную за своим храбрым предводителем, доконая и уничтожая все, что попадалось на пути. Это была бешеная скачка, от которой дух захБатывало. В несколько мгновений Чунгурой, Изумсой и Шаухал были в полном смысле слова накрыты кавалериею. Половина приютившихся здесь жителей все-таки успела бежать далее, но оставшиеся гибли почти безнаказанно под

шашками кавалерии. Все, что держало в руках оружие, не имело пощады; кровь лилась по всем направлениям.

После первых минут победы, казаки и милиционеры рассыпались по саклям за добычею, и атаман им пока не препятствовал. Всякого добра нашлось вдоволь, и всадники спешили навьючить им своих лошадей.

Впереди, по ущелью, не видно было более никаких аулов. Атаман велел сыграть сбор, чтобы приготовить кавалерию для обратного движения; тем временем, стоя [66] впереди всех, верхом на коне, и обозревая, на всякий случай, окрестности и глубину ущелья, он некоторое время оставался в совершенной беспечности, уверенный, что после паники, охватившей чеченцев, и после такой решительной атаки, всякое нападение, откуда бы то ни было являлось невозможным — хотя из жителей и уцелело достаточное число. Конечно, кто мог не быть уверенным, что все оставшиеся в живых бежали далеко от места боя и разве только ждут нашего отступления, чтобы отмстить за гибель своих друзей и родных, за разорение и уничтожение их очагов? Под влиянием такого убеждения и в виду полного спокойствия атамана, его конвойная сотня, также молчаливо, как и он, скучилась позади его. Выстрелов уже не слышно — разве какой-нибудь нечаянный или запоздалый раздавался где-нибудь в стороне; все тихо кругом, только изредка там и сям глухо стонали под ударами прикладов и топоров пехоты неподдававшиеся крепкие дубовые двери некоторых запертых сакль. В разных местах показывались дым и пламя — вестники решительного и рокового уничтожения неприятельских обиталищ.

Сигнал, поданный от атамана, мгновенно перехвачен в нескольких местах, и кавалерия быстро начала собираться и выстраиваться.

Вдруг, более или менее общая тишина была прервана перекатным залпом ружейных выстрелов, раздавшихся из ущелья. Атаман вздрогнул, выпрямился на лошади, полуобернулся к казакам, будто желая отдать какое-то приказание, и с полуоткрытым ртом, как скошенный, свалился на землю. Какой то дикий возглас — не то вопль, не то крик ужаса и испуга пронесся во всей конвойной сотне, и в мгновение ока десятки казаков, бросив лошадей, забыв о всякой опасности и о собственной жизни, ринулись [67] к телу атамана. Но было поздно. Круковский, бледный, бездыханный, прижав руку к сердцу, с закатившимися глазами, лежал без движения; с левой стороны груди капля за каплей медленно сочилась дорогая для всех кровь. Со всех сторон протянулись к любимому вождю участливые руки: одни развязывали пояс, другие расстегивали бешмет… Все забыли о том, что стоять лицом к лицу с неприятелем, забыли о бое, о мести. Все внимание поглотил роковой факт и труп убитого атамана.

Драма, а за нею живая картина, разыгрались менее, чем в десять секунд — время слишком ничтожное для того, чтобы опомниться и прийти в себя после такого неожиданного и поразительного несчастья. Но эти секунды были достаточны неприятелю для того, чтобы вновь зарядить винтовки. Увидев результат своего залпа и замешательство, которое произвели, чеченцы повторили выстрел на этот раз почти в упор и с гиком, с обнаженными шашками, бросились в схватку. Еще несколько пуль порешили навсегда участь полдесятка казаков, склонившихся над трупом, и они грудью своею, словно щитом, прикрыли тело атамана. Но этот второй выстрел вывел остальных из забытья, и едва только, вслед за ним, толпа горцев очутилась лицом к лицу с казаками — последние дружно, как один, ударили в шашки, в кинжалы, в приклады. Над телом атамана завязался отчаянный, страшный бой, где

обе стороны стоили друг друга — одна потому, что карала за драгоценную жертву, другая потому, что напрягала все силы вырвать из рук первой эту дорогую жертву. Перестрелка разом затрещала по всем направлениям; трудно было даже определить, откуда брался неприятель.

На месте схватки все сбились в кучу; отсюда подоспевали казаки, оттуда — чеченцы. И одни, и другие рвались [68] вперед, пробиваясь и проталкиваясь сквозь толпу своих товарищей. Видно было, как шашки разили через головы передних, потому что никто из них не хотел и не думал уступить свое место тем, которые были позади, и передать им право на единственное и последнее счастье — пасть со славою в этой резне.

Как молния, скользнула по всему отряду весть о погибели Круковского. Но не нужно было и ее, чтобы каждый знал, что ему делать; достаточно было двух залпов и одного горского гика, чтобы мгновенно поднять на ноги весь отряд.

Едва только закипел рукопашный бой над телом атамана, гребенская сотня, бывшая в резерве, с потрясающим «ура!» понеслась с места в карьер на выручку товарищей и, как бешеная, врезалась шашками в неприятеля. За нею летел третий эскадрон драгун. Чеченцы попробовали дать отпор, но не сообразили силы удара и натиска гребенцов: в эту минуту никакой отпор был невозможен. Казалось, что если бы неприятельская масса представляла собою целое полчище Аттилы, то и тогда не могла бы она ни отразить атаку казаков, ни уклониться от их удара.

Драгуны еще не доскакали до места, как неприятель, бросив тела своих убитых, повернул лошадей и пустился врассыпную, настигаемый и поражаемый гребенцами. Однако, увлекаться было и нечего, и опасно: гребенцы были остановлены и отозваны.

Бой усиливался. Видно было, что чеченцы опамятовались и одушевились.

В подкрепление и на смену казакам и драгунам бежал четвертый батальон воронцовских егерей. Явившись к месту схватки, он тотчас вступил в первую боевую линию и дал возможность кавалерии удалиться. Казаки [69] бережно сложили на бурку тело атамана и унесли сердечную ношу, которую отстояли телом и кровью. Непритворные слезы капали из глаз казаков, потому что они крепко любили атамана, который был для них и с ними всегда так близок, будто рядовой казак. Он был строг и взыскателен — это правда, но за то был предан всею душою казачьему быту, казачьим интересам. Казаки хорошо понимали, что с потерею его лишились чего-то крепко близкого, родного — не говоря уже об отважном руководителе, который всегда впереди первый пролагал дорогу к неприятелю.

Жалели и оплакивали Круковского не одни казаки; сокрушались об этой важной и незаменимой потере все, начиная от князя Барятинского до последнего солдата, потому что все его знали хорошо и чтили его храбрость. А для храброго что может быть выше и достойнее храбрости в другом?..

Четвертый батальон воронцовцев гремел неумолкаемым огнем; ущелье дымилось от неприятельских выстрелов. Битва мало-помалу принимала широкие размеры. В цепи находилась команда стрелкового батальона и стрелки егерского князя Воронцова полка, из рядов которых то и дело выносили раненых.

Усмотрев, что бой быстро и сильно разгорается, что потеря в четвертом батальоне с минуты на минуту увеличивается, и сфера огня расширяется, князь Барятинский направил на смену

четвертого батальона егерей первый батальон эриванского карабинерного Его Высочества Наследника Цесаревича полка, приказав начальнику артиллерии полковнику Левину открыть беглый картечный огонь с ближней дистанции, а третьему батальону егерского князя Воронцова полка, стоявшему на левом фланге, под личным начальством командира полка, энергически отстаивать [70] левый фланг позиции. Эриванцы сменили четвертый батальон и стали в первую линию.

Треск, гром, грохот орудий, крик «ура!» носились по ущелью и по долине, и не было ни одного пункта на стороне неприятеля, который бы не поражали наши пули и картечь. При таком энергичном натиске, неприятель долго держаться не мог. Спустя четверть часа, увлечение его стало охладевать, огонь ослабел и, наконец, совсем прекратился.

Началось отступление. Чеченцы не преследовали.

Колонна двинулась на лесистую гойтинскую переправу, перешла реку без выстрела и вступила на гойтинскую просеку.

Позади черною густою тучею лежал дым над горевшими аулами. Вправо, длинною линиею обозначалось пожарище вдоль по течению Рошни, начиная от Черных гор до большой русской дороги. Это след, который оставила по себе колонна барона Вревского.

В полдень князь Барятинский прибыл в Урус-Мартан. Часто, даже почти всегда, бывало так, что колонна, поразившая неприятеля, возвращалась из набега с песнями, с весельем и радостью; но на этот раз, когда среди нее находился труп всеми любимого генерала, всякое ликование было неуместным. Тихо подошла она к укреплению и стала биваком; медленно, торжественно внесли в ворота тело атамана. Гарнизон, выстроенный при входе, отдал ему последнюю честь; остальное население встречало и провожало его с обнаженными головами. Урус-Мартан на время облекся в траур.

Хотя, по мнению князя Барятинского, потеря наша была будто бы невелика, но, во всяком случае, она уже была слишком важна и велика не численностью своею, а сущностью, потому что мы лишились наказного атамана [71] кавказского линейного казачьего войска Круковского. «Высокие его качества в управлении кавказским линейным казачьим войском всем известны».

Через час явилась в Урус-Мартан и колонна барона Вревского.

Колонна князя Барятинского понесла следующую потерю: кроме Круковского, убиты: войсковой старшина Полозов, хорунжие — Дорохов, Романов и двадцать нижних чинов; ранены: поручик Реннер, подпоручик Хилинский, прапорщик Алетра Гендоргинеев, сотник Богаевский и нижних чинов шестьдесят четыре. Неприятель оставил на месте до ста тел. Пленных захвачено всего лишь десять человек — и тех едва успели вырвать силою из-под кинжалов казаков. Независимо от горцев, павших собственно в битве, число жертв, погибших в аулах на Гойте, простирается до двухсот человек.

И так, мы в этот день, бесспорно, потрясли часть нагорной Чечни, истребили много аулов и хуторов, уничтожили до двух тысяч дворов, проникли туда, где еще не раздавались ни русский клик, ни русский выстрел, заплатили за все это порядочным количеством наших жертв… И что же вышло из всего этого? Результат самый бедный: ни смирения, ни покорности, ни занятия нового куска земли. Напротив, когда жители верховьев Мартанки узнали о

поражении рошнинцев и гойтинцев — что случилось, конечно, в тот же день, то они, из опасения за свою жизнь и имущество, не только не явились к нам с изъявлением покорности, а поспешили забрать свои семейства и имущество и бежали в глубь Черных гор… Таким образом, они и нас лишили возможности повторить по отношению к ним гойтинско-рошнинскую драму.

Еще не застыла кровь жертв на полянах Рошни и [72] Гойты, как Шамиль узнал о наших двух набегах. Старик чуть не разорвал на себе чалму, что дался в обман. Ни минуты не медля, он подхватил свои скопища и на другой день с рассветом явился в нагорной Чечне, чтобы защитить ее в случае дальнейших с нашей стороны покушений. Но напрасно: в этой полосе края мы пока удовлетворились тем, что произошло накануне.

Отправив сунженцев на линию, князь Барятинский искренно и дружески распрощался с бароном Вревским и восемнадцатого же января, к ночи, возвратился с отрядом в лагерь на Аргуне.

На другой день, в воскресенье, войска отдыхали.

Узнав, что наш отряд возвратился на свое место, Шамиль, оставив в нагорной Чечне незначительную партию, со своей стороны, прибыл с остальными толпами в большую Чечню.

И вышло, что он напрасно прогулялся.

Но такова уж доля всякой войны. [73]

IV.

Работы. Разведки. Поражение неприятеля при ауле Саит-Юрте и истребление этого аула. Два рода атак в минувшую кавказскую войну. Рубка леса и перестрелки на Мичике 24-го, 25-го и 26-го января. Рубка леса с 26-го января по 1-е февраля на мезоинских полях и по р. Бассу. Перемена позиции главного отряда. Рекогносцировки. Рубка леса и битва у Мискир-Юрта на Джалке или «веревкинское дело». Рубка леса на Мичике и на полпути к Мискир-Юрту. Лихие атаки баклановских донцов и самого Бакланова. Еще рубка леса на Джалке. 14-го февраля Бакланов опять на Качкалыке; потом несколько угомонился и думает. Рубка леса и битва на правом берегу Джалки. Готовится что-то особенное.

Три дня сряду войска отряда князя Барятинского занимались рубкою леса и проложением просеки к мезоинским полям. Работы эти совершились благополучно, и хотя приходилось перестраиваться с неприятелем из ружей и орудий, но потери у нас не было.

Эти же дни были употреблены начальником отряда для разведок о местопребывании, численности и состоянии неприятельских сил. Результат этих разведок состоял в следующем: Шамиль все продолжал держать в сборе на занятых раз пунктах не только толпы чеченцев, но и дагестанцев . Последние вообще не ладили с местными жителями — теперь и прежде, и только, благодаря имаму, делили кое-как общие интересы без открытой неприязни. Настоящие же обстоятельства заставляли чеченцев предпочесть эти интересы своим личным выгодам, и они от всей души желали бы как-нибудь избавиться теперь от этих непрошенных гостей, которых еще так недавно ожидали с охотою. Главная причина заключалась в том, что, после погрома и капитального разорения, [74] чеченцам самим нечего было есть, а тут

приходилось еще кормить чужих людей, которых ни с того, ни с сего Шамиль посадил на их пропитание.

Узнав такое направление умов и желаний местных жителей, князь Барятинский рассчитывал, что если он внезапно сделает набег на скопища дагестанцев, то чеченцы не будут их поддерживать, и он, таким образом, разгромит их, а, пожалуй, и вытеснит вовсе из Чечни.

Вечером, 23-го января, он получил окончательные сведения о пришлых воинах Шамиля. Оказалось, что они состояли из дагестанских мюридов и аварской конницы, и все были расположены в ауле Саит-Юрте, в версте от Автуров, и что при скрытном и быстром нападении можно ручаться за успех, так как в эту сторону, после недавнего сюда движения, они пока не ожидали нас.

Еще за несколько дней до этого времени, именно 20-21-го числа, в состав отряда прибыл второй батальон князя Воронцова полка, а третий батальон того же полка был отпущен.

Заведующий левым флангом приказал остаться в лагере командиру куринского полка, с первым, четвертым и двумя ротами второго батальона егерского князя Воронцова полка, взводами батарейных №№ 1-го, 3-го, 4-го батарей, донской № 7-го и со взводом легких орудий батарейной № 4-го батареи. В час пополуночи сам он выступил со всею кавалериею, с двумя ротами четвертого батальона князя Воронцова полка и с дивизионом конноартиллерийской № 15-го батареи. Подполковнику же Меркулову велел выступить через час после него с остальными четырьмя батальонами отряда, с шестью батарейными и четырьмя легкими орудиями. Колонна Барятинского направилась через [75] шалинский окоп на р. Басс, к Саит-Юрту, а Меркулов должен был идти к хутору Мехти и скрытно занять там лес на фланге колонны, по правую сторону Басса.

С рассветом войска были у Саит-Юрта. Вокруг царствовала полнейшая тишина, которая доказывала, что на один из горцев еще не просыпался, и что никаких мер предосторожности с их стороны принято не было.

Саит-Юрт был расположен на поляне, примыкавшей к лесу.

Тут повторился опять все тот же боевой маневр, что и прежде. Чтобы не дать опомниться неприятелю и захватить его, как он был, приказано было кавалерии сколь можно быстрее атаковать аул и отрезать неприятелю отступление в лес. Сотни — моздокская, хоперская, гребенская и кизлярская, как ветер, понеслись к аулу. Еще на полпути их движения, неприятель, пробужденный нашим «ура!» высыпал из сакль в беспорядке и, не думая защищаться, объятый страхом, бежал к лесу. Казаки настигали и рубили его безответно. Гойтинская и рошнинская резня повторились вполне и разве лишь в большем размере. На пути от аула к лесу горцы буквально устилали дорогу своими трупами. Среди этого кровавого поражения, две казачьи сотни обскакали поляну справа и ударили в тыл тем тавлинцам, которые уже приближались к месту своего спасения. Атака приняла, в полном смысле слова, характер и размеры обширной травли. Некоторой части горцев все-таки удалось спастись, и они скрылись в лесу и в Автурах, разнеся тревогу по окрестности. В это время подоспела пехота, в составе трех батальонов, под начальством флигель-адъютанта полковника барона Николаи, заняла аул, выдвинула вперед цепи. Казаки были отозваны назад. Стянув, таким образом, кавалерию, [76] князь Барятинский приказал сейчас же разорить и аул и в тоже время начать отступление.

В Чечне, да и вообще на Кавказе, преимущественно практиковались два маневра при взятии неприятельских аулов: первый — посредством быстрой кавалерийской атаки, второй — при помощи артиллерии и пехоты. Первый находим в более отдаленное, второй — в ближайшее к нам время. Последний был общеупотребительным маневром позднейших сподвижников Барятинского: Евдокимова, Врангеля, Вревского, кн. Меликова, которые, подойдя к аулу, хотя бы и видели его в совершенном покое, доказывающее отсутствие неприятеля, всегда прежде обстреливали его, а затем — атаковали пехотою. Тут столько же выражалась благоразумная осторожность, сколько и научное правило. Первый же маневр, принадлежащий к эпохе набегов, практиковался Фрейтагом, Нестеровым и др., наконец, Барятинским во время его заведывания тем же левым флангом, и им же закончился. С одной стороны дух времени и обстоятельства войны, а с другой — опытность и практика военачальников заставили предпочесть артиллерийскую и пехотную атаки аулов быстрым кавалерийским атакам. Насколько последние годились в набегах, когда нам необходимо было захватить аул с налета, разорить его и поскорее убраться домой, настолько же артиллерийские пехотные атаки были важны в том случае, когда приходилось прочно взять аул или известную местность и стать на ней твердою ногою. Эти два маневра резко разграничивают собою две эпохи кавказской войны, точно так, как указывают нам на две отличные одна от другой школы полководцев — на младенчество и возмужалость, и на две различные теории военного искусства. Из них, из этих теорий, мы видим, что атака кавалерией [77] укрепленных позиций, к которым нужно отнести большую часть горских аулов, нам приносила чувствительную, сравнительно, потерю в людях и не оставляла никаких особенных последствий, хотя поражала самого неприятеля вернее и удачнее; а атака артиллерии и пехоты, хотя и давала возможность легче спасаться неприятелю, но в тоже время сберегала у нас войска и доставляла последствия более или менее веские.

Чуть только началось отступление отряда от пылавшего уже Саит-Юрта, неприятель вырос, как из земли, насел на арьергард и завязал оживленную перестрелку. Но против этого нашлось сильно действующее лекарство: выдвинуты были два взвода конноартиллерийской № 15-го батарей, под командою есаулов Абозина и Тришатного, которые открыли по неприятелю беглый картечный огонь. Горцы осели и отступили в глубину леса.

Там был сам Шамиль. Увидев, что с этой стороны ничего не поделает, и, воображая, что лес по правую сторону Басса нами не занят, он быстро перенес туда все свои конные полчища. Но, увы! и тут их встретил такой же картечный огонь орудий колонны Меркулова, какой поражал их у Саит-Юрта.

Здесь, как и в том пункте, горцы должны были отступить и вполне прекратить преследование, потому что, чем более мы уходили назад, тем более самая местность была невыгодна для скрытного или открытого преследования. Только когда кавалерия перешла на левый берег Шавдона, Шамиль открыл пушечную пальбу, но и то некстати, потому что два-три залпа из батарейных орудий заставили его поскорее увезти свою пушку «с глаз долой и вон от сердца», — конечно, от нашего сердца.

В этом набеге у нас ранено пять рядовых, и один [78] контужен ядром. Убито лошадей десять и ранено двадцать две.

Дело это по всей справедливости следует назвать столько же кавалерийским, сколько и конным, потому что преимущественно пострадали одни лошади.

Независимо убитых горцев, которых было очень много, но которых сосчитать не было возможности, и раненых, у нас в руках осталось шесть пленных. Какому чуду они обязаны своею жизнью и целостью — неизвестно, так как казаки не имели привычки и охоты, в особенности после потери своего атамана, щадить нехристову душу. Должно полагать, что или случай, или особенная любезность офицеров — людей более гуманных и мягких, чем простые казаки — доставили нам это вполне лишнее приобретение.

В тот же день войска были в лагере и в течение всего двадцать пятого числа отдыхали на лаврах — в ожидании нового и, конечно, ближайшего дела.

Хотя Бакланов вовсе не сговаривался с Барятинским, но, как бы по чутью или какому то особенному инстинкту, и он, в один день с ним, предпринял наступление — все же к наибу Эски, на его мичиковский удел. Целью этого наступления был лес, остававшийся вправо от просеки, проложенной с пятого по восемнадцатое января. Он пролегал по балке, упирающейся в Мичик, и далее по сопредельному полугорью, откуда горцы всегда могли вредить нам во время наших движений.

Нужно было расчистить этот лес и сделать открытое сообщение с Мичком.

23-го января Бакланов сосредоточил в укреплении Куринском следующие войска: десять рот пехоты егерского князя Чернышева, дагестанского и самурского пехотных [79] полков, пять орудий батарейной № 4-го батареи 20-й артиллерийской бригады, два орудия донской № 7-го батареи, одиннадцать сотен казаков донских №№ 17-го и 18-го, гребенского и кизлярского полков.

В этом составе колонна выступила с места 24-го января в девять часов утра. Едва она стала подниматься на первую возвышенность качкалыковского хребта, как в виду ее показался неприятельский разъезд. Видно, что Эски не дремал и каждый день ожидал нашего визита. Разъезд тотчас скрылся к Мичику. Колонна выступила на предназначенную позицию и открыла работы. Тут изредка лишь раздавались в цепи ружейные выстрелы, которые, впрочем, не имели никакого особенного значения и вовсе не приносили нам вреда. Через два часа прямо против нашей колонны всклубился дым — и грянул пушечный выстрел. Неприятельское орудие было скрыто в устроенной по ту сторону реки батарее и маскировано весьма искусно. Густой туман носился над окрестностью и не позволял нам видеть оружие и верно определить дистанцию. Но когда туман на короткое время рассеялся, наши орудия тотчас пристрелялись и уже не теряли из вида неприятельской батареи. Три часа длилась канонада; наконец, неизвестно по какой причине — вследствие ли наших выстрелов, или за растратою зарядов — чеченское орудие замолчало и сошло с батареи.

Рубка леса окончилась в три часа пополудни, и колонна беспрепятственно и без потерь возвратилась в укрепление.

На следующий день, 25-го января, она выступила на ту же позицию и стала продолжать вчерашние работы. Предвидя, что горцы повторят орудийную пальбу, полковник Бакланов расположил всю кавалерию влево, по просеке и прогалинам, проложенным нами 5-18-го января. [80] Действительно, не прошло и часа, как неприятельская пушка, с той же батареи, что и вчера, дала знать о себе первым выстрелом. На этот раз погода была ясная, хорошая. Неприятельская батарея, вся освещенная солнцем, рисовалась, как на ладони. Видна была ее прочная одежда из толстых брусьев, окутанных кругом колючкою и валежником. Чеченцы

стреляли очень метко и разбрасывали свои снаряды по всему протяжению нашей колонны, так что постоянно приходилось принимать меры предосторожности. Было заметно, что горцы хорошо знали и точно измерили расстояние, отделявшее нашу позицию от их батареи. Против последней были направлены все наши орудия. До пяти раз наши гранаты зажигали сухую колючку и валежник, но целые толпы горцев живо утушали пожар. Наконец, после нескольких наших орудийных залпов, батарея загорелась окончательно, и орудие исчезло.

Работы окончены в три часа пополудни, и колонна была в укреплении через час. Неприятель не преследовал. Во время канонады у нас контужен ядром один рядовой и убито пять лошадей.

В течение двух предшествовавших дней балка и близлежащие пространства были вполне очищены; оставался только лес по берегам Мичика, и для уничтожения его та же колонна выступила на рубку 26-го января.

Позиция, на которую стали войска, являлась уже вполне открытою. Прежде чем начать рубку вдоль берегов реки, полковник Бакланов велел прорубить две дороги к Мичику, одна от другой в расстоянии около полуверсты. Этим он, с одной стороны, сразу охБатывал широкое пространство, которое могло быть вырублено безнаказанно, а с другой, на случай надобности в каком-либо наступательном движении, открывал себе беспрепятственный выход к неприятелю. [81]

Через два часа по начале рубки, неприятельское орудие вновь явилось и открыло пальбу по колонне и по рабочим, рубившим лес. Пока наша артиллерия сосредоточивала свой огонь на горной опушке, Бакланов, во главе всей кавалерии, двинулся по обеим дорогам за Мичик, угрожая с флангов неприятельскому орудию. Лишь только горцы заметили это движение — орудие прекратило пальбу и исчезло; но, взамен его, как из земли, выросли перед Баклановым пешие и конные толпы неприятеля, рассеянные по всему их кордону и притаившиеся в канавах.

По всей линии разом затрещала перестрелка. Тогда начальник колонны приказал рассеять конные толпы ракетами, а против пеших открыть орудийный огонь. Горцы маневрировали весьма удачно и, как видно, вовсе не намерены были отступать. Чтобы порешить с ними одним взмахом, Бакланов пустил в атаку кавалерию. Это подействовало, и горцы скрылись в лесу за своим кордоном. Остановив кавалерию на противоположном берегу Мичика и частью спешив ее, Бакланов оставался на этом месте до окончания рубки, не дозволяя горцам ни мешать ей, ни приближаться к берегу. Чеченцы ограничивались отдаленною перестрелкою, на которую время от времени отвечали им также и наши орудия. Когда рубка леса была вполне окончена, начальник колонны вдруг повернул назад всю кавалерию, быстро отступил за реку и соединился с пехотою. Неприятель не успел преследовать, лучше сказать — не спохватился.

Под прикрытием артиллерии колонна стала вне выстрела и отступила в укрепление благополучно.

Потеря наша в этот день состояла из одного контуженного нижнего чина и шести убитых лошадей.

С этой минуты вся или почти вся задача Бакланова [82] здесь была окончена: вековой, дремучий лес, служившей горцам главною защитою и обороною, пал навсегда, и

качкалыковский хребет обнажился, открыв нам безопасные доступы через Мичик в глубину наибства.

В течение трех дней израсходовано до шестисот шестидесяти артиллерийских зарядов, 45 ракет и свыше двенадцати тысяч ружейных патронов.

Того же 26-го числа, из главного лагеря на Аргуне была выслана колонна, под начальством полковника Булгакова, для рубки леса на новой просеке к мезоинским полям. С возвышений, прилегающих к просеке, неприятель открыл по нас орудийную пальбу, развлекая в тоже время наши цепи ружейною перестрелкою. Под выстрелами нашей артиллерии орудие его скоро замолчало. Отступление совершилось без преследования. У нас ранено два рядовых, убита одна лошадь и ранено две.

27-го января выступила другая колонна. Она состояла из второго и третьего батальонов тенгинского полка, первого и четвертого князя Чернышева полка, первого батальона князя Воронцова полка, сводного линейного батальона, команды сапер, дивизионов батарейной № 1-го и конноартиллерийской № 15-го батарей, взводов батарейных №№ 3-го и 4-го и донской № 7-го батарей и всей конницы отряда. Цель движения состояла в том, чтобы вырубить по правому берегу реки Басса густую полосу орешника и, таким образом, обезопасить по этому направлению наши будущие движения в большую Чечню. Войска были снабжены 2,200 топорами и выступили из лагеря в два часа пополуночи. К рассвету они заняли позицию и открыли работы. В девять часов утра явились неприятельские орудия и открыли огонь. Хотя расстояние было велико, но пальба горцев не была для нас вполне безвредна. К двум [83] часам работы окончены. Неприятель преследовал нас до самого Шавдона, но постоянно был удерживаем действием наших орудий.

К ночи колонна была в лагере.

У нас ранено пять нижних чинов и контужено ядрами четверо; лошадей убито десять и ранено десять.

По показанию лазутчиков, потеря неприятеля простиралась до сорока человек.

Князь Воронцов, в приказе по корпусу от 8-го февраля, выразил совершенную признательность за эти и предыдущие действия, также за труды, генерал-майору князю Барятинскому и прочим его сподвижникам. Вслед за сим, мы видим князя Барятинского уже генерал-лейтенантом.

29-го января колонна отряда князя Барятинского, под начальством барона Николаи, рубила лес у мезоинских полей. Неприятель стрелял из орудия, но скоро замолчал, потому что, как оказалось по сведениям от лазутчиков, оно было нами подбито. У нас контужен гранатою навагинского полка прапорщик Дехтярев, ранено трое рядовых и убита одна лошадь. 30-го и 31-го чисел рубка леса заканчивалась там же и в верховьях реки Басса; ранена одна лошадь.

В то же самое время снят был подробный план местности, охваченной нашими просеками и расчисткою лесов, и представлен главнокомандующему.

Этим заключился ряд трудов и боевых действий в течение января месяца. Чеченский отряд, по мнению князя Барятинского, исполнил все предположения для действий со стороны кр. Воздвиженской к окончательному покорению большой Чечни. Не говоря о поражении неприятельских скопищ 6-го, 7-го, 10-го, 18-го и 24-го чисел, которые имели прямое и

многостороннее влияние на все непокорное [84] население, прилегавшее к владикавказскому округу и левому флангу, истребление аулов в нагорных местах между Аргуном и притоками Джалки, отнятие полей вырубкою лесов на Бассе, к верховьям его и в окрестности Мезоина, движения, несколько раз исполненные нашими войсками в открытые и населенные равнины большой Чечни — утвердили за нами этот военный путь.

После всего этого в большой Чечне пока не предвиделось ничего особенного, потому что еще не имелась в виду или, лучше сказать, не утвердилась мысль о назойливом и постепенном давлении на население и силы Шамиля, о расширении наших границ. Все это как бы казалось немного смелым и слишком сложным дли первого раза. Барятинский решал не так, как впоследствии на этой же почве решал Евдокимов: по мнению последнего, все можно было делать одновременно: и пути пролагать, и неприятеля теснить, и население давить — с целью вызвать его покорность, и аулы истреблять, и подвигать вперед наш кордон посредством постройки укрепленных пунктов. По мнению же Барятинского — в то время — необходимо было прежде и главнее всего расчистить дороги в сердце неприятельских позиций и чрез это быть готовым каждую минуту потревожить Шамиля, нанести ему и населению внезапный и сильный удар; затем — предоставить указание дальнейших действий и приемов покорения края времени и обстоятельствам, пользуясь последними при каждом удобном случае.

В виду этого, князь Барятинский решил снять лагерь в Бани-Юрте и заняться открытием военного пути в большую Чечню от крепости Грозной чрез леса на Аргуне и Джалке. С этою целью он, первого февраля, оставил свою позицию, на которой стоял около месяца, и [85] двинулся со всем отрядом вниз до Аргуну, к бывшему аулу Тепли.

Этим маневром отряд удалялся и от кр. Воздвиженской, и от Урус-Мартана. Так как эти пункты становились с настоящей минуты предоставленными более или менее собственной защите, то требовалось непременно усилить их гарнизоны. Для последней надобности были направлены туда три роты сводного линейного батальона; четвертая рота была поставлена в Грозной; находившийся же в этой крепости первый батальон эриванского карабинерного Его Высочества Наследника Цесаревича полка был взят в отряд.

Предположив стать лагерем у аула Тепли, Барятинский имел в виду еще и следующие выгоды: сблизить отряд с запасами провианта и фуража, находившимися в Грозной; оттянуть неприятеля от тех пунктов, где он приготовил для себя всякого рода запасы; угрожать непокорным аулам правого берега Сунжи; истребить находившийся под рукою густой вековой лес на Аргуне, бывший до сих пор оплотом и защитою непокорных горцев; находиться на ближайшем пути от главного военного пункта левого фланга — крепости Грозной — к открытой равнине большой Чечни чрез леса Аргуна и Джалки.

По снятии лагеря, войска отряда двинулись двумя колоннами: первая, под начальством генерального штаба подполковника Ольшевского, из третьего и четвертого батальонов навагинского, первого и второго князя Воронцова полков, с частью артиллерии и со всеми тяжестями. Она, переправилась на левый берег Аргуна и пошла чрез ханкальское ущелье. Все прочие войска, под личным начальством князя Барятинского, двинулись правее холма Гойтин-Корта. Обе колонны должны были соединиться в Тепли. [86]

Перед выступлением, князь Барятинский послал нарочных чеченцев в аулы, гнездившиеся в лесных трущобах между Гойтин-Кортом и Хан-Кале, сказать, что если, при движении войск, по ним будет сделан хоть один выстрел, то все аулы будут уничтожены. Непокорные аулы не

сообразили того, что будут ли они стрелять, или не будут — им все-таки не миновать своей участи, — разница лишь во времени — и дали слово не поднимать ни одной винтовки. Действительно, войска прошли все пространство до Тепли без выстрела. От Шамиля, конечно, не укрылось наше движение. Чуть только у нас стали убирать палатки, он зорко высматривал и соображал, что все это значит. Потом, когда войска поднялись и двинулись, он был в недоумении — куда и зачем идут, и оставался в этом недоумении до тех пор, пока мы пришли в Тепли и стали по обоим берегам Аргуна. Тогда только он угадал наши намерения. Он рассчитывал, что мы не посмеем двинуться по дороге, по которой пошли, так как нам преградят ее непокорные аулы. Каково же было его удивление, когда и этого не случилось. После уже ему сообщили, что аулы дали слово нас не трогать, и он крайне сожалел, что не знал этого — иначе не упустил бы случая подвинуть сюда свои толпы и в тоже время заставить аулы отказаться от их обязательства. Но делать нечего: на этот раз пришлось подчиниться нечаянному случаю.

В последующие пять дней, до седьмого февраля, отряд занимался устройством лагеря, вырубкою вокруг него леса по обоим берегам Аргуна и постройкою моста, имевшего назначением соединить этим путем обе половины отряда.

Устроив войска, князь Барятинский предпринял, седьмого февраля, рекогносцировку местности, на которой [87] предположил действовать. В этот день он выступал из лагеря с первым батальоном эриванского, вторым и третьим батальонами тенгинского, вторым и четвертым батальонами князя Воронцова полков, с частью артиллерии и конницы, и направился к аулу Мискир-Юрту, на Джалке. Прибыв туда, он остановил пехоту по сию сторону речки, на левом берегу ее, а сам, с конницею, перешел на правый берег и осмотрел местность, насколько было возможно и на первый раз необходимо, вниз по течению реки и вверх, до леса, отделявшего это пространство от долины реки Хулхулау. Во время рекогносцировки все было тихо; но когда князь Барятинский обратно перешел реку и начал отступление, горцы заняли лесистый правый берег Джалки и открыли оттуда ружейный огонь. Картечные выстрелы из орудий скоро заставили их замолчать, и колонна без преследования возвратилась в лагерь.

Во время перестрелки ранен пулею в голову егерского генерал-адъютанта князя Воронцова полка майор Карпов.

Рекогносцировка вполне удовлетворила князя Барятинского и, между прочим, указала ему на необходимость вырубить лес и обнажить на возможное пространство берега Джалки. Но в то же самое время она разъяснила и Шамилю, что именно нам нужно, вследствие чего имам в тот же день сделал распоряжение о сближении к этому месту своих скопищ. В ожидании наших действий, Шамиль вызвал из Караты своего сына Кази-Магому, которого недавно назначил там наибом, и поручил ему, под ближайшим своим руководством, распоряжение войсками в первой предстоящей битве. Послушный сын поспешал немедленно явиться и горел нетерпением отличиться, составить себе славу и оправдать назначение своего родителя. [88] Временно исправляющим должность джалкинского наиба Шамиль назначил некоего Кур-Магому, который являлся, вследствие этого, ближайшим сотрудником и советником Кази-Магомы.

Струны были натянуты, и оставалось только ждать дуновения ветра, чтобы Эолова арфа заиграла.

Прошел день, другой, третий, а ветер пока не нарушал общего спокойствия и не тревожил приготовленного к концерту инструмента. Барятинский не торопился и все продолжал расчищать лес по обоим берегам Аргуна.

Наконец, одиннадцатого февраля, с ранним рассветом, колонна наша выступила. Ею командовал командир тенгинского полка полковник Веревкин. Она состояла из второго и третьего батальонов тенгинского, третьего и четвертого батальонов навагинского полков, взвода орудий батарейной № 3-го батареи, двух батарейных орудий донской № 7-го батареи, взводов легких орудий батарейной № 4-го и конноартиллерийской № 15-го батарей, третьего дивизиона драгун, сотен: моздокского, гребенского, кизлярского полков и тысячи четырехсот рабочих с топорами. Войска эти двинулись к Мискир-Юрту, на Джалку. По приказанию князя Барятинского, полковник Веревкин должен был вырубить лес по левому берегу Джалки, влево от Мискир-Юрта.

Местность, с которою начальник отряда заблаговременно ознакомил полковника Веревкина, чрезвычайно поблагоприятствовала последнему расположить войска таким образом, что рубщики леса были вне всякой опасности и могли производить свою работу, нимало не заботясь о неприятеле.

Прибыв к Мискир-Юрту, полковник Веревкин тотчас же одновременным движением четырех батальонов [89] охватив в виде каре такое пространство леса, какое только могли оцепить на фасах и на каждом фланге, более или менее в тесном строе, четыре роты (независимо от стрелковых цепей) каждого батальона. Устроив ящик таким образом, что три батальона заняли опушки леса впереди, позади его и на правом фланге, а четвертый — по левому флангу, внутри самого леса, перерезав его надвое, начальник колонны пустил в середину рубщиков и начал работы. Правый фланг ящика был укреплен драгунами и шестью орудиями, поставленными на кладбище. С этого пункта артиллерия могла удобно анфилировать переднюю опушку и течение Джалки и действовать по противоположному берегу; затем, два конные орудия и ракеты, при трех сотнях казаков, поставлены были на левом фланге ящика так, что могли обстреливать насквозь и несколько наискось все пространство леса перед левою стороною ящика и, при надобности, заднюю опушку.

Едва только застучали наши топоры, по ту сторону Джалки, в разных направлениях, показались толпы неприятеля, и вслед затем затрещала перестрелка в переднем фасе ящика и по углам его. Против неприятеля были немедленно направлены все наши шесть орудий правого фланга. Но Шамиль, со своим Кази-Магомою, не унывал и не унимался. Для отвлечения от своих стрелков артиллерийского огня и для предоставления им большей возможности атаковать наш передний фас, он открыл пальбу из двух орудий — исключительно по драгунам и по нашей артиллерии. При этом условии нашим орудиям пришлось, конечно, так сказать, раздвоить свой огонь и половину выстрелов направить на неприятельские орудия. Окрестность застлало дымом, в воздухе гудело, но неприятельские толпы столько же не прекращали своего ружейного огня, сколько [90] и не решались перешагнуть Джалку: все ограничивалось пальбою на местах. Тем временем, рубщики работали быстро, и тысячи больших и малых деревьев ежечасно ложились под их топорами, обнажая собою заповедную глушь.

К двум часам пополудни условия боя и отношения обеих сторон не изменились, самая же рубка была уже окончена, и внутри ящика не оставалось более ни одного живого дерева.

Подан сигнал к отступлению. Орудия участили огонь и, под прикрытием их, пехота отступила из леса. Но в тоже время горцы, как кошки, перелетели Джалку и, прикрываясь слева лесом, остававшимся за пределами ящика нетронутым, а на всем остальном пространстве нарубленными нами же деревьями, атаковали отступавшие части и преимущественно третий батальон навагинского и второй батальон тенгинского полков, составлявшие передний фас и левый фланг каре. Кази-Магома показал, что действительно желал отличиться: не тратя даром времени, он, всею массою своих скопищ, на всем протяжении цепей этих двух батальонов, бросился в шашки. Батальоны не уступили ни одного шага и приняли неприятеля в штыки. Кази-Магома возобновил нападение; силы его видимо возрастали, а у нас уже кое-где раздавались голоса: «подать орудию!» Значит, клонилось к неустойке. Неприятель не мог не чувствовать своего превосходства и не мог не понять нашей слабости. Пользуясь тем и другим, Кази-Магома значительную часть своих скопищ круто направил нам во фланг. Но в это самое время, когда отвага и сила горцев могли, если не сломить, то поколебать нашу стойкость, прямо в цепь проскочили два наших конных орудия, моментально снялись с передков и осыпали картечью толпы неприятеля, готового [91] врезаться в наши ряды. Раздался страшный крик, горцы попятились. Однако не успели артиллеристы вложить в дула орудий новые заряды, неприятель еще с большим ожесточением повторил свою атаку. Вдруг, в промежутке этого времени, откуда ни возьмись, явились впереди цепи казаки, под начальством адъютанта главнокомандующего гвардии ротмистра Лорис-Меликова (Ныне министр внутренних дел и шеф жандармов.), и приняли на себя удар, направленный неприятелем на пехоту. Блеснули шашки, кинжалы — и на минуту все стихло. Тем временем, на помощь казакам летели драгуны; артиллерия повторила свой выстрел. Отбитые, смятые горцы ринулись назад, преследуемые наш им беглым огнем, не успев унести с собою не только тела убитых сотоварищей, но даже и самого Кур-Магомы, который, вместе с прочими, остался на месте с размозженной головой.

Пехота быстро выдвинулась из леса и стала вне опасности.

Кази-Магома отличился, но это дорого ему стоило: он лишился более пятидесяти человек одними только убитыми, не говоря о раненых вообще и о тех раненых в частности, которые выбыли у него на правом берегу реки от действия нашей артиллерии.

У нас убит один и ранено двадцать восемь нижних чинов, в том числе два казака шашками. Лошадей у нас убито пять и ранено шестнадцать.

Героями нашей казачьей атаки, между прочим, были сотники Фролов и Золотарев.

Это «веревкинское» дело долго жило в памяти тенгинцев и навагинцев, передаваясь много лет из уст в уста. Еще в 1858-м и в 1859-м годах о нем рассказывали, как о только что совершившемся. [92]

К ночи колонна возвратилась в лагерь. Казаки крепко грустили, что нет среди них героя-атамана, который бы порадовался плодам науки, преподанной им его любимому войску.

Полковник Бакланов, со своей стороны, не бездействовал: хотя главные пункты от укр. Куринского к р. Мичику были вполне очищены от леса, и дорога к неприятелю являлась достаточно безопасною, но начальник подвижного резерва считал нужным расширить ее, улучшить и вообще обустроить. С другой стороны, у него была и задняя мысль: если представится возможным — пощипать неприятельский кордон и уничтожить на нем частью

остававшиеся в деле, а частью возобновленные и исправленные горцами редуты. Эти редуты положительно мозолили глаза полковнику Бакланову, потому что не только служили надежным приютом и опорою горцев, но и составляли для них большую нравственную поддержку, так как под прикрытием их они считали себя в большей или меньшей безопасности и во время боя, и вообще в своих трущобах за Мичиком. Соображая намерения и дальнейшие действия Бакланова, мы готовы верить даже и тому, что эти редуты и желание побить чеченцев играли главнейшую роль, а расширение дороги к Мичику и пр. было делом второстепенным, маскою, которою храбрый воин прикрывал свои цели. Такое явление в характере Бакланова весьма естественное.

11-го февраля сосредоточены были в укр. Куринском девять рот дагестанского полка, егерского князя [93] Чернышева полка и кавказского линейного № 12-го батальона, шесть сотен донского № 17-го и три № 18-го полков, по одной сотне гребенцев и кизлярцев, пять орудий батарейной № 4-го батареи 20-й артиллерийской бригады и два донской № 7-го. С этими войсками Бакланов, с рассветом 12-го февраля, выступил по прежней, уже известной нам, дороге на качкалыковский хребет и, расположившись там по правую сторону сделанной им просеки, приступил к работам. День был туманный, так что предметы давали себя видеть только на весьма близком расстоянии. Едва лишь топоры оповестили наше здесь присутствие — на неприятельском кордоне, по-видимому, произошла большая суматоха: по всем направлениям слышались какие-то крики, возгласы, перекличка, выстрелы, так что на первый раз казалось, будто горцы готовятся к чему-то решительному. Но эта суматоха продолжалась, прекращалась, вновь начиналась, а горцев все-таки не было видно и, по случаю густого тумана, решительно нельзя было с точностью определить, что у них делается. Тем не менее, Бакланов принял свои меры и приказал войскам, в особенности в цепях, быть готовыми к нечаянному нападению. Ждали, ждали, а нападения все нет. Суета горцев между тем возбудила среди солдат разные шутки, остроты. Впоследствии уже лазутчики сообщили, что горцы, узнав о нашем прибытии, собирались было приблизиться к нам, но в тоже время, не будучи в состоянии разгадать, по случаю большого тумана, сколько нас, как и где мы расположились, побоялись выступить из своих логовищ наружу, уверенные, что, при хитрости Бакланова, непременно нарвались бы на какую-нибудь засаду вообще или на казаков, которых до смерти ненавидели. Так они прошумели за полдень, потом постреляли немножко из-за речки, но, видя, что им не отвечают, и [94] тем еще более убедившись, что с нашей стороны есть какая-то хитрость — замолчали.

Рубка кончилась в три часа пополудни, колонна благополучно возвратилась в укрепление.

В этот же день из лагеря у Тепли ходила на рубку леса колонна под начальством полковника Левина. Рубка производилась на полдороге от лагеря к Мискир-Юрту. Неприятель не беспокоил.

Тринадцатого февраля Бакланов, с теми же войсками, что и накануне, двинулся на качкалыковский хребет. Когда он вступил на вершину его, то увидел, что все канавы, прилегавшие к неприятельскому кордону, были наполнены людьми. Это доказывало, что его уже ожидали. Расположившись по левой стороне просеки, он открыл рубку. По мере того, как он углублялся в лес, он все прямее ровнялся с неприятельскими батареями, устроенными на противоположном берегу Мичика. Уверенный, что, с приближением его к пункту, доступному орудийным выстрелам, горцы не замедлят открыть по нем пальбу, и, желая предупредить таковое их покушение, Бакланов приказал расчистить по возможности один из спусков к реке.

Когда переправу наскоро приготовили, он велел сотне донского № 17-го полка на всем скаку подлететь к неприятельским батареям и зажечь их. Донцы лихо исполнили это поручение, и горцы не успели опомниться и сгруппироваться у своих батарей, как те уже пылали. Тут только они открыли ружейную пальбу, но казаки повернули лошадей, и, отстреливаясь на карьере, отступили благополучно. Из этого маневра горцы вывели то заключение, что уничтожение батарей приближает нас ко второму ряду их укреплений, которые, в числе нескольких редутов, находились немного выше и господствовали над батареями, и что, вероятнее всего, мы [95] поведем атаку и далее; поэтому толпы их, повыскочив из канав, быстро стремились к редутам и там скрывались. Действительно, они не ошиблись: когда работы по расчистке леса приходили к концу, полковник Бакланов, направив на редуты пять орудий, бывших на правой стороне Мичика, сам, со всем донским № 17-го полком, с двумя донскими орудиями и ракетного командою, понесся в атаку на редуты, желая раз навсегда лишить неприятеля и этого последнего оплота. Атакующие были встречены самым отчаянным ружейным огнем, который, при крайней безалаберности пальбы и почти совершенной ее для нас безвредности, доказывал, что горцы стреляли впопыхах, наудачу. Адский огонь, однако, не остановил казаков; они неслись все далее. Когда неприятель увидел, что бешеного потока живой человеческой силы остановить не может, и что атака, наверное, раздавит его не численностью атакующих, а быстротою своего неудержимого удара — тотчас бросил редуты и рассыпался в разные стороны, преимущественно в лес. Мгновенно обскакав редуты и остановив при них орудия и ракетную команду, Бакланов открыл по бегущим перекрестный огонь и в тоже время приступил к уничтожению укреплений. Когда они запылали, неприятель будто отрезвел и, оглашая окрестность пронзительным гиком, со всех сторон открыл ружейную пальбу, как бы желая сбить нас с позиции и отстоять свои редуты. Но это последнее было менее всего возможно: в ответ на трескотню горцев последовали выстрелы нескольких сотен винтовок спешенных казаков, беглый огонь артиллерии и ракет. Шум, грохот орудий, непрерывная, неумолкаемая с обеих сторон ружейная пальба обратили битву в нечто похожее на какое-то генеральное сражение, в котором будто решалась участь двух солидных [96] отрядов. Два часа без промежутков продолжалась эта сумасшедшая пальба, сумасшедшая сколько потому, что обе стороны как бы силились превзойти друг друга в беглости ее, так и потому, что результаты ее не отвечали даже и десятой части всей стоимости расходуемых зарядов.

Два часа Бакланов шага не отступил от редутов, выжидая, пока они сгорят дотла и будут разрушены до основания. Сухие и толстые бревна, валежник, колючка, сухие деревянные постройки в редутах пылали на славу. Дождавшись, когда все это сравнялось с землею, и пламень скользил лишь там и сям по догоравшим головням, Бакланов скомандовал отступление, и оно произошло так же быстро, как и наступление. Сотни исполнили его перекатами, как заученный урок, и в несколько мгновений были уже за Мичиком. Только теперь чеченцы выскочили из леса. Первым делом их было не преследование казаков, а осмотр своих редутов, и они толпами устремились к ним. Но увы! никоим образом дела на этот раз поправить было нельзя, потому что и построек в редутах, и самых редутов будто никогда и на свете не было. В отчаянии и негодовании, они выкатили откуда-то одно орудие и начали им напутствовать с той стороны быстро удалявшиеся наши войска. Конечно, это было укушение мухи, после которого не остается и следа: все до одного выстрелы, произведенные ими из орудия, были и им бесполезны, и нам безвредны. Впоследствии оказалось, что это орудие они выкатили из-под руки, из леса, куда привезли его еще к полудню, но боялись выставиться с ним из опасения, что «шайтаны-казаки» непременно покусятся отбить его.

При таком переполохе, при такой трескотне, стрельбе, пожаре, атаках и нападениях, при описании которых и то кружится голова, в нашей колонне ранен всего один [97] казак и контужен урядник. Это новый случай и новое доказательство того, что значит в бою быстрота движений, в особенности кавалерийских, что значит сила удара, произведенная искусною рукою.

В этот же день и из лагеря у Тепли послана была колонна, под начальством полковника князя Чавчавадзе, для окончательной вырубки леса на левом берегу Джалки у Мискир-Юрта. Она состояла из двух батальонов навагинского, первого и второго батальонов князя Чернышева, первого батальона князя Воронцова полков, команды сапер, команды стрелков кавказского стрелкового батальона, некоторых частей артиллерии и всей конницы отряда.

Выступив в три часа пополуночи, колонна на рассвете прибыла на место. При приближении ее к Джалке, неприятель открыл огонь из опушки леса и с правого берега реки. Выдвинута была цепь и особо от нее — команда стрелкового батальона. Расположившись по сию сторону речки, частью за прикрытиями и на окраине вырубленного уже третьего дня пространства, стрелки и цепь, при пособии артиллерии, в течение получаса заставили неприятеля притихнуть и удалиться. Тогда князь Чавчавадзе переправил на ту сторону всю конницу и часть пехоты, и открыл одновременно рубку по обеим сторонам реки, а саперам приказал устраивать переправы. В лесу и по правому берегу реки оказалось несколько завалов, которые живо были уничтожены. Время от времени в лесу трещала перестрелка, но она не препятствовала нашим работам. Изредка долетали до колонны ядра из неприятельского орудия, поставленного Бог знает где, но и они, конечно, не [98] приносили никакого вреда. Сближаться же с нами неприятель не смел.

Через два или три часа после начала рубки, по ту сторону Джалки, сквозь расчищенную просеку, завиднелась обширная поляна. По мере того, как цепь и рубщики приближались к ней — неприятель уходил, исчезал, так что к концу работ его не было ни слышно, ни видно. Но лишь только колонна начала отступать — опять грохнуло его орудие, а когда конница переправилась на левый берег — орудие это не стеснилось явиться поближе. Против него открыл огонь взвод наших батарейных орудий. Вероятно, наши выстрелы были не неудачны, потому что горцы скоро замолчали.

Войска отступили без преследования. При перестрелке в цепи у Джалки и во время работ в лесу у нас убит один, ранено пять нижних чинов и контужен ядром штабс-капитан князя Воронцова полка Меллярт. Убито пять лошадей.

В этот день по правому берегу Джалки была произведена, так сказать, лишь одна попытка к рубке леса, цель которой состояла в том, чтобы поднять занавес на ту сторону и знать, что там скрывается. Главная же работа была на левом берегу, который, наконец, весь освободился от леса, и если в стороне кое-что и оставалось от него, то оно не могло мешать нашим будущим движениям за Джалку и дальнейшим преднамерениям.

Вокруг лагеря, на далекое пространство, и вдоль по Аргуну местность также была очищена. Оставалось лишь некоторое пространство на полпути к Мискир-Юрту, и для того, чтобы порешить с ним, послана была туда четырнадцатого февраля колонна, под начальством подполковника Меркулова. Она работала спокойно, без тревог, словно [99] дома у себя, окончила все, что было нужно, и к вечеру вернулась домой как бы с военной прогулки.

После этого уже, князь Барятинский назначил назавтра первый день решительных работ по правому берегу Джалки.

Пока Меркулов заканчивал работы на полдороге, а князь Барятинский делал распоряжения на пятнадцатое число, полковник Бакланов, четырнадцатого числа утром, вновь выступил с своею колонною на качкалыковский хребет.

Когда Бакланов поднялся на высоты хребта — чрезвычайно неприветливо и жалко смотрела на него противоположная сторона Мичика, с ее разрушенными батареями, с сожженными редутами, еще недавно красовавшимися так грозно, лихо, бойко. Не было более приюта, оплота и защиты у чеченцев, поэтому они, на этот раз, заняли все прибрежье Мичика, почти на две версты в длину, перелески, балки и тому подобные трущобы — и ожидали Бакланова с нетерпением. Они все рассчитывали на то, что он двинется за Мичик и станет доканчивать там недоконченное. И долго сидели они без выстрела, и все ждали его. А он положил себе в этот день расширить просеку вправо и влево, поэтому и не счел нужным сближаться с ними. Левую сторону он занял пятью ротами, пятью орудиями и восемью сотнями казаков, а правую — батальоном пехоты, тремя орудиями и тремя сотнями казаков. И работал себе Бакланов, не беспокоя, не тревожа чеченцев. Последние поняли, наконец, что в этот день вызова с его стороны не последует, почему и решили затронуть его первые. К десяти часам утра они вывезли орудие и открыли огонь. Пальба была довольно меткая, так что несколько выстрелов вырвали у казаков из строя до шести лошадей. Бакланов направил на неприятельское орудие всю [100] свою артиллерию. Но чеченцы не только не унялись, а вступили даже в ружейную перестрелку с цепями. Тогда, делать нечего, полковник Бакланов посадил прислугу на четыре орудия, подхватил казаков, ракетную команду, полною рысью выскочил на передовую к Мичику позицию и открыл орудийный огонь залпами. Трех залпов было достаточно для того, чтобы сбить неприятельское орудие. Оно смолкло, исчезло и более не показывалось.

Работы окончились в три часа, и колонна возвратилась в Куринское.

У нас ранено четверо нижних чинов; убито и ранено девять лошадей.

В течение трех дней выпущено артиллерийских зарядов четыреста слишком, ружейных свыше одиннадцати тысяч, ракет сорок.

Дня на три Бакланов примолк. Качкалыковская просека частью уж надоела ему, а частью и не вызывала более на какие-либо нужные действия. Следовало подумать о другом, и Бакланов, предоставив отдых войскам, стал думать.

Пока он остановится на чем-нибудь решительном — перейдем к князю Барятинскому.

И так, начальник отряда решил предпринять пятнадцатого февраля рубку леса по правому берегу Джалки.

Задолго до рассвета выступила из лагеря колонна в следующем составе: два батальона тенгинского, два навагинского, первый батальон эриванского, второй и четвертый князя Чернышева полков, команда сапер, команда стрелков, часть артиллерии и вся конница.

Солнце не всходило, когда войска эти были у Мискир-Юрта. Кругом все было тихо. Начальник колонны, пользуясь этим спокойствием, доказывавшим, что горцы еще [101] не собрались, быстро двинул за Джалку первый батальон эриванцев и второй батальон чернышевцев, с двумя батарейными орудиями. Ничего, пехота достигла леса без выстрела, заняла его, прошла

его и вступила на поляну без приключений. На некотором расстоянии поляна прерывалась лесистым оврагом. Когда стали подходить к оврагу — тут только раздались первые неприятельские выстрелы. Но их было мало. Картечь тотчас отбросила неприятеля на ту сторону оврага. Вся оставшаяся пехота перешла Джалку — и рубка началась по всем направлениям. Саперы устроили переправы через овраг.

Наконец-то неприятель обложил собою весь горизонт и завязал перестрелку не только по правому берегу реки, но и по левому, где оставалась конница и остальная наша артиллерия. Последняя приняла на себя огонь и деятельно отвечала на все стороны. Вскоре она подавила неприятельскую пальбу, которая раздавалась только из-за оврага, где горцы пользовались хорошими прикрытиями. Часа через полтора, в Эрсеное всклубились два дымка — и грянули неприятельские орудия. Но это было очень далеко, и они не принесли нам никакого вреда. Мы изредка отвечали на них ради любезности.

Предположенные работы окончились к трем часам. На правом берегу Джалки явилась широкая и далекая поляна, которая вела вглубь большой Чечни — в места еще неведомые, интересные.

Под прикрытием конницы и артиллерии, пехота отступила за Джалку при слабой перестрелке. Только тогда горцы подвезли поближе свои орудия и открыли по уходившей колонне усиленный огонь. Частью наша артиллерия, и частью постепенно увеличивавшееся, при отступлении, расстояние между нами и неприятелем прекратили действие его орудий. [102]

Однако, все-таки в этот день у нас убито четыре и ранено одиннадцать нижних чинов; убито двенадцать и ранено четыре лошади.

Шестнадцатого февраля был дан всем войскам полный отдых. Солдаты по опыту знали и инстинктом угадывали, что решительно бестревожное их состояние, улучшенный обед и тому подобные обстоятельства — не более, как затишье перед грозою; поэтому, каждый старался и получше уснуть, и поплотнее покушать, и оправиться во всем настолько, насколько необходимо было при предугадываемых новых трудах и серьезных битвах.

Текст воспроизведен по изданию: Погром Чечни в 1852 г. // Кавказский сборник, Том 5. 1880

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

ПОГРОМ ЧЕЧНИ В 1852 ГОДУ

V.

Намерения Барятинского и услуги Баты. Взятие аулов Цацын и Эманы. Битва на Хулхулау. Движение к Гельдыгену. Битва у аулов Канзыш-Юрта, Лячи-Юрта, Инды-Юрта; взятие и уничтожение их. Ночлег в Маюртупе. Приятный сюрприз Бакланову. Рискованное ночное движение. Незапамятный кровавый бой. Бакланов — шайтан (черт).

Действительно, князь Барятинский задумал дело смелое и выполнил его в последующие затем два дня со славою. Эти дни, в числе весьма немногих других — самые выдающиеся дни целого года.

Деяние, которое предположил совершить начальник отряда, состояло в том, чтобы пробить путь от Грозной к укр. Куринскому чрез всю глубину большой Чечни, [103] ознакомить на месте с нашим оружием все многолюдное население этих пунктов, разбить Шамиля, ослабить его, еще раз уронить его власть и влияние на его воинов и на жителей, поднять в глазах последних уровень нашей силы и тем вызвать с их стороны, если возможно, недоверие к имаму, отпадение от него, страх и покорность по отношению к нам.

Как увидим ниже, все это более или менее удалось и оказалось в особенности по переселении к нам, в конце концов, некоторых семейств большой Чечни — вещь весьма важная в то время, когда Шамиль пользовался столь большим влиянием, доверием и почти неограниченною властью над непокорными аулами большой Чечни; вещь, доказавшая, что влияние это и доверие несколько пошатнулось.

В эти два дня, которые собираемся описать, Бата играл большую роль, так что за заслуги его начальник отряда поставил его имя наравне с именами наиболее отличившихся главных начальников. Если в эти два дня Бата оказал нам такие услуги, то значит, он хорошо мстил Шамилю за унижение и обиды. Знал ли имам, кому обязан неудачами несчастных дней семнадцатого и восемнадцатого февраля? Вопрос остается открытым, и сведений по нем у нас нет. А что услуги Баты, хотя бы они состояли лишь в исполнении им обязанностей хорошего проводника, были действительно для нас весьма важны, увидим из того, что он нас ввел в трущобы, куда без него мы едва ли бы проникли; что он нас провел туда вполне благополучно; что он служил для нас открытой географической картой неизвестной еще нам местности, компасом в море, опытным капитаном судна, которое, если бы хотел, мог погубить вполне безнаказанно. Больше нам и ничего не нужно было от Баты; все остальное, [104] начиная от решимости Барятинского и кончая беззаветною храбростью наших войск, мы имели у себя самих.

Мы знаем много исторических случаев, доказывающих, какое важное значение имеет в неизвестной стране, в неприятельской земле, хороший и надежный проводник, знакомый с местностью настолько, что хоть закрой ему глаза, а он пройдет, где нужно. Странно, но вполне верно, что от подобного проводника часто зависит успех движения, своевременность его, предупреждение появления неприятеля на данном пункте, наконец — истекающий из всех этих условий успех битвы, поражение врага, занятие важного стратегического пункта. Таким, более или менее, проводником в данную минуту является Бата, и нечего говорить, что услугу его Барятинский понял и оценил вполне, что и мы, со своей стороны, не можем не придать ей большего значения.

Работы последних дней проложили нам дорогу из долины Аргуна в долину Хулхулау. По правому берегу этой реки жила масса непокорного населения, и единственным препятствием к движению нашему в среду его был лес, раскинутый на хулхулауской долине. Впрочем, это препятствие было не особенно важное. Гораздо более преград было в том, что Шамиль, опасаясь новых наших вторжений и поражений, приказал испортить донельзя все просеки и дороги, нами в течение месяца слишком проложенные и разработанные. Это ему ничего не стоило, потому что в сборе у него было слишком достаточно народа. Кроме того, число его

войск ежедневно увеличивалось новыми сотнями, прибывавшими из разных концов Дагестана, где им пока нечего было делать, потому что зима в горах обеспечивала их вполне от нашего движения туда в зимнее время. Барятинскому нужно было столько же сберечь и [105] охранить все то, что нами было наработано, сколько и воспользоваться случаем поразить Шамиля именно в те минуты, когда под рукою у него было наиболее сил. Эти причины для движения вглубь Чечни были в прямой связи с намерением проложить путь к укр. Куринскому и с другими, о которых сказано выше.

17-го февраля, за два часа до рассвета, в лагере у Тепли ударили «по возам». Вслед затем большая часть отряда двинулась. На месте, под начальством подполковника Наумова, остались два батальона навагинского полка, первый батальон князя Воронцова полка, взвод батарейной № 3-го батареи 19-й артиллерийской бригады, взвод батарейных орудий донской № 7-го батареи, дивизион легкой № 5-го батареи 20-й артиллерийской бригады.

Выступивший из Тепли отряд двинулся по вновь проложенной дороге на Мискир-Юрт. Все протяжение до самого этого аула войска прошли почти беспрепятственно, и только у Мискир-Юрта были встречены передовыми неприятельскими постами, которые, после нескольких выстрелов, бежали. Этого было достаточно, чтобы тревога сообщилась во все стороны.

Из Мискир-Юрта отряд двинулся на аулы Цацын и Эманы. Дорога была ровная, по полям и выгонам, кое-где усеянным кустарником. Вблизи этих двух аулов неприятель открыл слабую перестрелку, но, видно было, что он здесь не намерен был держаться; видно было также, что находившиеся здесь толпы горцев старались поспешнее удалиться в долину Хулхулау. Цацын и Эманы были взяты при ничтожном сопротивлении.

Но едва только отряд двинулся за Эманы на хулхулаускую лесистую поляну, в левой цепи затрещала из леса сильная перестрелка. Отсюда началось решительное [106] противодействие неприятеля нашему движению. Левою цепью командовал командир князя Воронцова полка, а составляли ее второй и четвертый батальоны вверенного ему полка. И командир, и батальоны уже не впервые, как мы видели выше, ходили в цепи, поэтому залпы неприятельских винтовок не смутили и не остановили их. Шаг за шагом они пролагали себе дорогу, охраняя колонну, приняв на себя весь огонь неприятеля, отбрасывая его, при нападениях, штыками в лес. Однако горцы наседали сильно; потребовалось участие артиллерии. Расчищая себе дорогу картечью, цепь тем упорнее подвигалась вперед и, наконец, открыла отряду свободный путь в долину Хулхулау.

Отряд двинулся на правый берег реки. Казалось, что все пройдет благополучно, потому что обоз, цепи, кавалерия переправились почти без выстрела, и оставался только один арьергард. Горцы же, как опыт доказал не раз, не трогали арьергарда при наступлении, а по большей части теснили его и нападали на него при отступлении. Но тут вышло совсем иначе. Пропустив цепи, конницу, тяжести, неприятель открыл сильный огонь по арьергарду. В данном случае это имело большой смысл, если бы Шамилю удалось отрезать арьергард, где находилась большая часть пехоты и артиллерии, он бы непременно атаковал авангард и обоз, находившиеся уже на его земле и отделенные от пехоты целою рекою — и тогда, быть может, в руках его остались бы пожива и успех. Одна кавалерия, явившаяся с авангардом на тот берег реки, для него была не страшна: он бы ее развлек перестрелкою, пожалуй, атаковал бы, и она хотя могла бы, конечно, затруднить его цели, но помешать им вовсе была бы не в состоянии. Что Шамиль имел какое-то серьезное намерение, вроде того, о котором мы говорим,

подтверждает еще [107] и то обстоятельство, что он атаковал арьергард не в полруки, не слегка и не ради схватки с ним или поражения собственно его одного, а атаковал его крепко, положительно: не успел тот втянуться в ущелье, он принял его — в особенности тенгинский батальон, в перекрестный огонь двух орудий, которые расположил вверху и внизу русла реки. На этот прием полковник Веревкин отвечал учащенной пальбой нашей артиллерии, под прикрытием которой тенгинцы спешили к переправе и, отстреливаясь на все стороны, быстро переходили реку. Командир князя Воронцова полка, бывший уже на другом берегу, хорошо понимал свое положение, которое могло бы быть критическим, если бы он продолжал наступление; вследствие чего он приостановился, скучил колонну, охватил ее густыми цепями и, не втягиваясь в битву с неприятелем, а лишь отстаивая себя и свою позицию, поджидал арьергардные войска.

Участвуя несколько лет в кавказской войне, мы не вспомним ни одного случая, чтобы у нас, при наступлении, обоз и все тяжести отряда шли в авангарде. При пересеченной, горной и трудной для движения местности такое наступление даже крайне невыгодно, потому что занимать эту местность и открывать себе по ней путь вперед возможно только колонне или части ее, не обремененной никакими тяжестями. В этот же раз сказанное условие было нарушено. Было ли то нечаянность, неумелость, ошибка или какие-нибудь особые соображения Барятинского, но дело в том, что вышло гораздо лучше, чем можно было ожидать. Если бы тяжести следовали в арьергарде, то произошел бы непременно неизбежный переполох и суматоха, среди которых арьергарду нужно бы не столько защищать себя самого, сколько охранять и прикрывать обоз. А как этого, [108] к счастью, не случилось, то, естественно, что пробиться арьергарду вперед, на соединение с авангардом, было значительно легче — несмотря на сильную атаку, которую предпринял против него Шамиль.

Из всего этого оказывается только одно, что при местности, вызывающей на исключительные положения и действия войск, отступления от общепринятого и, притом, научного порядка, иногда бывают столько же необходимы, сколько и полезны. Это именно и составляет особенное свойство бывшей кавказской войны, в которой иногда, по необходимости, приходилось отступать от теории; это доказывает, с другой стороны, что в бывшей кавказской войне недостаточно было военачальников, знакомых с тактикою и стратегиею по книге, но необходимы были у этих военачальников свои собственные мышления, основанные на практике и опыте, свои самостоятельные соображения, вытекающие из уразумения и быстрого понимания той обстановки, которая неожиданно являлась при действиях войск. Позднейшим нашим кавказским полководцам, уже наметавшимся в кавказской войне, не раз приходилось отказываться от своих заранее взлелеянных соображений при самых, по-видимому, незначительных обстоятельствах и быстро заменять их другими, более подходящими к делу. И в это состоит их важная и главная заслуга; и эти их маневры и вообще стратегические действия доказывают, что от них обстоятельства войны требовали нередко большей сметливости, развитости и находчивости, чем от тех вождей, которым выпадало действовать в полевой войне. Как незначительные препятствия или непредвиденные обстоятельства изменяют иногда целый ряд соображений командующего войсками; как иногда какой-нибудь неизвестный за горою или за скалою поворот дороги наводил [109] начальника отряда на новые, иные мысли и преднамерения, это мы видим не раз позже, в 1859-м году, в особенности при действиях генерала кн. Меликова на лезгинской линии вообще, при наступлении на Китури, Шаури в частности и т. д. (См. Кавк. Сборн. т. IV, «Окончательное покорение восточного Кавказа». Авт.).

Из вышеприведенных наших рассуждений спешим вывести одно заключение: многие, как нам приходилось не раз слышать, думают вполне ошибочно, предполагая, что кавказский военачальник, опытный и вполне соответствующий своему назначению в кавказской войне, может быть не пригоден для большой европейской кампании.

Нет. Наше мнение таково: если этот военачальник прошел бывшую школу кавказской войны и прошел ее не бесследно для своих наблюдений, то он всегда будет иметь преимущества пред таким же начальником войск в европейской войне, потому что будет более развит и более разносторонне подготовлен.

Несмотря на орудийную канонаду Шамиля и на ожесточенную вообще атаку им арьергарда, тенгинцы с честью вышли из боя, отбили неприятеля на всем протяжении своего пути, отстреливались от него и в то время, когда шли выше колена через речку, и проскочили последними на тот берег с незначительною сравнительно потерею.

Натиск горцев кончился, отряд двинулся и вскоре прибыл к Гельдыгену. Здесь он стянулся и отдохнул. После краткого отдыха, приступлено было к исправлению моста, испорченного неприятелем, чрез овраг, поперек которого пролегала дорога на аулы Камзыш-Юрт и Инды-Юрт. Исправив его, отряд двинулся далее. Здесь диспозиция была несколько изменена: в арьергард были [110] назначены: первый батальон эриванского, первый и второй батальоны князя Чернышева полков, под начальством флигель-адъютанта полковника барона Николаи; два батальона тенгинцев составили правую цепь; четвертый батальон чернышевцев и второй батальон воронцовцев, под начальством майора Цытовского — левую цепь; четвертый батальон воронцовцев, саперы и стрелки составили авангард под начальством командира князя Воронцова полка.

При вступлении отряда на мост, перекинутый через крутой овраг и нами исправленный, с арьергардом повторилась та же история, что и при переправе через Хулхулау: горцы открыли пушечный и ружейный огонь. Но на этот раз, пользуясь благоприятною для себя местностью и орешником, прикрывавшим овраг, горцы, в густых массах, стреляли собственно из ружей не по одному арьергарду, но и по всему отряду. Часть артиллерии, переправленная вперед, и другая, оставленная в голове арьергарда, направили свои выстрелы по всем направлениям. Только это обстоятельство обеспечило безостановочную переправу и не допустило горцев до открытых нападений.

По мере того, как наши войска, переходя овраг, оттесняли неприятеля, последний, всеми своими толпами, скрывался в орешник, густою полосою окаймлявший правую сторону оврага. Таким образом, по мере окончания переправы, бой утихал; но едва отряд тронулся к аулам Камзыш-Юрт и Инды-Юрт, все, что было в орешниках, накинулось на арьергард. На протяжении каждых десяти шагов эриванцы и чернышевцы были встречаемы обильными залпами неприятельских ружейных выстрелов. Давая время артиллерии защищать и поддерживать их, они, в промежутках, должны были штыками отбрасывать неприятеля, смелость которого достигла крайних пределов. [111] Горцев было много; это было заметно и по их выстрелам, и по их гику, и это-то самое поддерживало их наглость. Барон Николаи приказал выдвинуть вторые, двойные цепи (Опять один из не многих боевых случаев. Авт.), так как с минуты на минуту можно было ожидать, что горцы прорвут наши звенья и врежутся в ряды батальонов; мало того, пользуясь более или менее надежными закрытиями, он приказал, независимо от резервов, устраивать засады. Охотников вызывать было не нужно:

все и каждый были охотниками. Засады, смотря по местности, ложились в числе 10-15-20-ти человек и молча ждали приближения неприятеля. Увидев, что в том или в другом пункте огонь наш будто бы ослабел, горские толпы, с пронзительным криком, бросались на цепь — и тут же, как срезанные колосья, ложились под пулями засад.

Полчаса продолжалась эта непрерывная, вполне ожесточенная битва, состоявшая из ряда нападений и отражений. Двойные цепи и в особенности засады спасли нас от рукопашной схватки и от чувствительной потери.

Наконец, неприятель, увидев бесполезность своих нападений, которые не могли остановить на шаг движения нашего арьергарда, и, потеряв много людей, ослабил стрельбу. В это время арьергард уже миновал злополучный орешник и выходил на открытую местность.

По мере того, как бой в арьергарде слабел — он разгорался в правой цепи, у тенгинцев. Преследуя их на ружейный выстрел и скрываясь в опушке жидкого и редкого леса, горцы ежеминутно возрастали в силах. Из глубины этого леса стала появляться, в одиночку и мелкими партиями, неприятельская кавалерия, которая, чрез [112] непродолжительное время, грозила охватить собою все протяжение цепи. Князь Барятинский приказал полковнику князю Чавчавадзе прогнать чеченцев. Под командою его казаки и драгуны понеслись в атаку. В эту минуту неприятель был вне опушки, на открытой местности у леса, и, пользуясь своею многочисленностью, по-видимому, не хотел уступить. Как лавина, ринулась на него наша кавалерия, осыпаемая тучами пуль на всем протяжении трехсот слишком саженей. Отвечать было некогда. Казаки и драгуны без выстрела врезались в неприятельскую массу; в воздухе зазвенело, застучало; в течение трех или четырех минут эти звуки, этот стук то и дело смешивались в разных местах с коротким, отрывистым «ура!» с неприятельскими возгласами и проклятиями...

Горцы смяты, сбиты, бежали в лес. Несколько десятков трупов и один пленный остались на месте. Артиллерия преследовала бегущих сперва картечью, потом гранатами.

В арьергарде, в правой цепи, вообще кругом все стихло. Неприятель исчез.

Отряд подвигался безостановочно. Местность была по большей части открытая. Вскоре, один за другим, показались аулы: Камзыш-Юрт, Лячи-Юрт, Инды-Юрт. Последний служил до сих пор местопребыванием наиба Гехи. Все они были пусты. Кавалерия, впереди других войск, ворвалась в эти аулы, запаслась всякого рода сухим фуражом и затем оставила аулы на усмотрение арьергарда. Арьергард же, перещупав на скорую руку сакли, запустил во все углы красных петухов и, в свою очередь, оставил любоваться ими чеченцев (Последующее описание событий, до прибытия князя Барятинского в укр. Куринское, заимствовано нами преимущественно из рассказа участника дела. Авт.). [113]

Солнце садилось. Войска устали, проголодались. В сумерки отряд достиг богатого и обширного аула Маюртупа. Здесь князь Барятинский остановился для ночлега. В топливе, в соломе, зерне не было недостатка: сакли затрещали, и вскоре все обширное пространство лагеря задымилось, загорелось сотнею костров.

— День был теплый, заметил командир восьмой роты воронцовского полка, штабс-капитан Р-о, обращаясь к сидевшему близ него у костра своему субалтерику, юному прапорщику, недавно прибывшему из России или, лучше сказать, высланному сюда за провинность.

— Теплый… повторил укоризненно прапорщик. Совсем уж жарко было.

— Бывает жарче; да, верно, и будет, потому что у Шамиля что-то много набралось народа.

— Пожалуй, в воздухе очень неладно. Посмотрите, не успели присесть, а у Барятинского уже тамаша идет: то того позови, то другого кликни. Это — суета до сих пор небывалая. Значит, и он чего-то неспокоен.

— Сними, проговорил ?-о, подставляя ногу подошедшему с чайником вестовому, да посуши у огонька. Нужно быть готовым, заметил он как бы про себя.

— А ваше благородие нетто разумши будете?

— Окутай ноги буркою, отвечал лаконически ротный.

Прапорщик очнулся после некоторого молчания.

— А знаете, Яков Иванович, должно полагать, драгунам и казакам сегодня круто пришлось; это можно было судить по ихнему «ура».

— Что же вы усмотрели в этом «ура».

— Да какое-то короткое, урывчатое, хриплое, словно кто их за глотку держал.

— Вот и видно, что вы недавно на Кавказе. Вы [114] привыкли к вашим «ура» и думаете, что и здесь такое. Нет, другой климат. У вас на парадах, да на смотрах как зарядят «ура», так и конца ему нет: и сами потешаетесь, и родительское сердце радуете. На Кавказе солдат в бою не будет тянуть эту канитель, да и некогда. Разве вы слышали хоть один раз продолжительное «ура» при штурмах, атаках и прочее?

— И вправду, нет.

— То-то, нет. Этим и отличается боевое кавказское «ура» от смотрового, инспекторского. Я только скажу одно, что возгласом этим, при атаке сегодня кавалерии, руководил какой-то опытный драгун, не трус.

— Почему же не трус?

— Потому что трус, для успокоения своих нервов, затянул бы его по-смотровому, а бывалый солдат этого не сделает: для него «ура» — не более, как призыв к дружному натиску, как на солдатских работах слово «в ход» и т. п.

— Так вот оно что.

— И признаться сказать, наши оборванцы терпеть не могут этого короткого «ура».

— А длинное нравится?

— Не то, что нравится, а они знают, что при большом «ура» или штык от них очень далеко, и следовательно, можно еще потешиться, иди солдатик, просто, забавляется.

Прапорщик потупился, заковырял палкою в угольях и предался размышлениям.

?-о говорил правду. Это характеристичное боевое «ура», которого теперь уж не слыхать ни дома, ни на поле, было усвоено только кавказскими войсками. Оно никогда не было продолжительное, и чем было оно короче — тем [115] страшнее для врага. Короткое,

отрывистое «ура» означало, что солдат уже стал лицом к лицу с неприятелем, уже сел ему на шею, и такого возгласа горцы, действительно, боялись, так как знали по опыту, что после него победы или удачи для них не бывает.

Еще была одна характеристическая черта у прежнего кавказского солдата: когда он видел, что ему приходится круто — никакое «ура», никакой возглас не слетали с его губ до тех пор, пока дела его пошли на поправку. Он дрался тогда молчаливо, словно статуя, и падал, молча, без разговоров, без жалоб, громкой мольбы или проклятий. Такое спокойствие в крайние минуты, такая сосредоточенность рисуют нам героя в полном смысле этого слова.

Прапорщик сказал правду: невдали, возле палатки Барятинского, стояла, полуосвещенная огнем костров, группа нескольких лиц, среди которых отчетливее других виднелась фигура полковника Рудановского, что-то рассказывавшего остальным вполголоса, но с выразительными жестами. В палатку входили и оттуда выходили какие-то фигуры, завернутые в башлыки и бурки. Наконец, вышел и Бата. Он подошел к начальнику штаба, о чем-то пошептался с ним и, отойдя в сторону, позвал к себе рукою какого-то милиционера, закутанного с ног до головы и, видимо, собравшегося в дорогу. Милиционер, державший в поводу свою лошадь, передал ее другому товарищу, находившемуся тут же, и удалился с Батою подальше от горевших у палатки костров. Там они разговаривали около десяти минут. Наконец, милиционер кивнул головою, вернулся к товарищу, оба сели на коней и тихо двинулись из лагеря в поле.

Бата подошел к группе.

— Отправил? спросил начальник штаба. [116]

— Поехали.

— Доберутся ли благополучно?

Бата усмехнулся.

— Ручаюсь, проговорил он твердо, хотя не сразу.

— Дай-то Бог. Однако им придется проехать под носом у Шамиля.

— Лес, да темная ночь — это их счастье. Не один, так другой, проговорил Бата минуту спустя. Я им велел ехать разными дорогами, и там они уж условятся между собою.

— Пожалуйте к генералу, проговорил казак, подойдя к начальнику штаба.

Группа разошлась.

Черною большою точкою прилипло к обширной кумыкской плоскости маленькое укрепление Куринское. В нем все тихо. За высоким валом, обнимающим его, едва виднеются, убеленные снегом, две-три крыши каких-то построек. Остановившись в расстоянии десяти-пятнадцати саженей от укрепления, вы видите, как из-за бруствера, время от времени, там и сям, высовываются черные папахи часовых. Одна из этих папах неподвижно остановилась на месте, не шелохнется несколько минут.

— Кто идет? вдруг крикнула эта папаха, и ружье ее задребезжало.

— Нарочный, — был ответ.

— Стой! Послать унтер-офицера! провозгласила папаха.

На бруствер быстро вскочила другая фигура.

— Кто идет? повторила она.

— Нарочный, — был снова ответ. [117]

— Откуда?

— Князь Барятинский.

Фигура скрылась. Чрез несколько минуть ворота заскрипели, и на бревенчатый мост, перекинутый через ров, выступила команда человек из десяти.

— Нарочный, входи! проговорил прежний голос.

На мост вступил какой-то всадник, плотно окутанный в бурку и башлык. Его ввели в караульный дом, обезоружили и, под конвоем из трех человек, повели вглубь укрепления.

У одного из домиков, сквозь закрытые ставни которого пробивался слабый свет красного огня — по-видимому, от печки или от камина — стоял денежный походный ящик, возле которого прохаживался казак.

— Кто идет? гаркнул он, увидев четырех подходящих к дому людей.

— Солдат.

— Солдат, стой! Что отзыв?

Проговорен и отзыв вполголоса.

Обе стороны сошлись.

— К полковнику нарочный.

— Послать дежурного, сдержанно провозгласил казак.

Явился урядник. После двух-трех слов, нарочного ввели в дом.

В другой комнате, на деревянном топчане, покрытом ковром, и на кожаной подушке, седельной или постельной — трудно было разобрать, ногами к топившейся печке, с коротким чубуком в зубах, лежала знакомая нам уже по описанию фигура Бакланова. В углу на столике горела свечка.

— Маршеуй, могошуй, Баклан! проговорил нарочный, входя в комнату в сопровождении урядника, и приложив руку к папахе. [118]

Бакланов повернулся и устремил на вошедшего свой орлиный, пронзающий взгляд.

— Откуда?

— Князь Барятинский.

— Князь где?

— Маюртуп.

Бакланов быстро приподнялся; чубук едва не выскочил у него из рук.

— Бумага есть?

Чеченец кивнул головою.

— Чего же ждешь? Подай!

И Бакланов почти вырвал из рук нарочного небольшой пакет.

— Подожди там. Дать ему водки, накормить коня!

Картина во всех частях невымышленная.

Как мы видим, нарочный застал Бакланова вполне врасплох. И действительно, он не ожидал и не мог никогда ожидать никакого подобного посетителя. После последних своих действий на Мичике, он распустил части войск по местам до нового распоряжения (Из донесения Бакланова. Авт.) и теперь спокойно, лежа на ковре, обдумывал дальнейшие своя преднамерения. Он не только не знал, но даже и не предполагал, чтобы Барятинский снова прошел Гельдыген и очутился в Маюртупе.

Бакланов быстро сорвал печать. Не успел он поднести к свече короткую записку, как глаза его широко раскрылись, и в них блеснул тот лихорадочный огонь, который все сослуживцы привыкли видеть в решительные минуты.

— Эй! крикнул он на всю комнату. [119]

В дверях вырос урядник.

— Нарочного спрятать и до моего приказания не выпускать за ворота. Сейчас должен приехать другой; спрятать и его. Живо позвать ко мне есаула.

Урядник исчез, и чрез пять минут в комнату вошел полковой адъютант донского Бакланова полка.

— Теперь скоро одиннадцать часов, встретил его Бакланов. Разошлите нарочных, но без тревоги и суеты, чтобы через два часа все войска резерва стянулись сюда. Сделайте тихо распоряжение по гарнизону, чтоб собирались. Наши проводники чтоб были готовы.

— Не поспеют через два часа.

— Кто поспеет, тот и пойдет. Торопитесь; скорее.

И Бакланов опять поднес к свече всполошившую его бумагу. В ней князь Барятинский писал, чтобы Бакланов, с войсками, какие может собрать, с рассветом, выступил бы к нему навстречу через речку Гонсаул, к аулу Гурдали (Гурдали, гораздо позже перенесенный на другое место, находился тогда почти у слияния Гонсаула с Мичиком. (Из рассказа участника.) Авт.), ближайшему к месту расположения чеченского отряда, и остановился бы у маюртупского орешника. Цель этого движения — развлечь силы Шамиля, обеспечить местность перед фронтом отряда и этим содействовать Барятинскому к переходу в Куринское. Сборы для самого Бакланова были коротки, и он о них и о своей особе всегда заботился очень мало; но мучило его невыносимо то, когда, сколько войск успеет собраться к моменту выступления. Бакланов знал, что в настоящую минуту его отделяет от Барятинского всего лишь десять верст прямого пути, но пройти это пространство — стоило многих усилий, потому что нужно было перешагнуть высоты [120] Качкалыка, углубиться в сердце большой Чечни, в места вполне неприязненные, пройти так называемые «темные» леса, крутые и глубокие овраги. Сам

Бакланов там до сих пор еще не был, но, в ожидании сбора войск, он расспросил о том подробно у своих проводников и не без некоторой тревоги жался при их рассказах, которые — между прочим, заметить — на деле оказались вполне справедливыми.

Слушая проводников, Бакланов, молча, ходил из угла в угол своей комнаты, курил трубку за трубкой и беспокойно посматривал на часы.

Пробило час. В укреплении слышно было движение. — Значит, части прибывали.

Пробило два. К этому времени едва собрались три роты дагестанского полка, две роты линейного № 12-го батальона, два легких орудия, две горных мортиры и донской Бакланова № 17-го полк.

Мало, очень мало; но делать было нечего, приходилось ограничиться этими частями и выступать, так как, во-первых, путь был труден, тяжел, а во-вторых, темная ночь могла скрыть движение.

Бакланов приказал выступать, и вначале третьего означенные выше части двинулись.

Нужно было всеми силами стараться избегнуть встречи и столкновения с неприятелем. Если бы путешествие баклановской колонны было открыто Шамилем, то он легко мог бы задавить эту горсть войск, потому что, как уже известно было — по крайней мере Барятинскому — у имама находилось в сборе до восемнадцати наибов, с десятью тысячами людей. Счастье, что Шамилю и в голову прийти не могло встречное движение Бакланова и его отважное ночное путешествие; все взоры и все его внимание исключительно были устремлены на чеченский отряд и на князя [121] Барятинского, каждый шаг которого он сторожил с особенным усердием.

Бакланов решился идти без дороги. Это был своего рода большой риск, но он рассчитывал тут на своих проводников, а они, в свою очередь, на наше золото и на награды. До качкалыковских высот прошли кое-как, тем более, что тут местность известная, но, перешагнув хребет, колонна вступила в такой густой, едва проходимый лес, что в нем и день казался бы ночью, а на этот раз было точь-в-точь как в закупоренной наглухо яме или в могиле. Колонна шла, конечно, без цепей, вытянувшись в два, в три человека, а в некоторых местах сужаясь в одного. Солдаты должны были ощупывать чуть не каждое дерево, чтобы невзначай не хватиться лбом об него и о передних своих товарищей, чтобы не отстать и не остаться в лесу. Тишина была необыкновенная; только изредка слышалось хрустение сучьев под колесами артиллерии, обмотанными войлоками, рогожками и веревками. Все, даже, кажется, и самые лошади, понимали опасность своего положения и необходимость соблюсти во всяком шаге глубочайшую таинственность. Каждый очень хорошо понимал, что при настоящем положении достаточно десяти человек неприятеля, чтобы расстроить всю колонну и остановить ее движение, достаточно одного какого-нибудь неосторожного, нечаянного выстрела, невольного крика или громкого ржания лошади, чтобы быть открытыми и остаться в этом лесу навсегда. Вероятно, что-нибудь подобное имелось в виду и у Барятинского, так как он велел выступить Бакланову не ночью, а с рассветом.

Только такая отчаянная голова, как Бакланов, могла рисковать подобным движением.

Лес был изрыт в разных направлениях балками, [122] оврагами, куда колонна спускалась вполне бессознательно, как бы закрывши глаза. Препятствия, затруднения, остановки

встречались постоянно: то конская упряжь зацепится за какой-нибудь пень или сук, то дерево попадет между двух передних орудийных лошадей, то ящик чуть не кубарем летит в какую-то пропасть.

Каждая полуверста, пройденная благополучно, снимала с сердца часть давившего его груза.

Движение продолжалось, шаг за шагом, уже около четырех часов; лес будто редел. Проводники объявили, что он кончается.

Сквозь обнаженные деревья уже чуть мерцала утренняя заря. Через полчаса ходьбы лес окончился. Рассвело. Отряд выступил на долину Мичика, и не одна рука набожно совершила крестное знамение.

Непроглядная, таинственная ночная тем сама по себе вселяет в человека какую-то робость; а если, при этом, он обставлен со всех сторон затруднениями и опасностями, то немного найдется таких храбрецов, у которых при таких условиях сердце оставалось бы в полном порядке.

Заблестел Мичик; кое-где берега его были окаймлены лентами снега. Быстро, почти врассыпную, колонна в нескольких местах перешла речку вброд, стянулась, выстроилась, раскинула цепи и полным шагом направилась к видневшемуся вдали, опять у леса, впрочем, на высоте, аулу Гурдали. Жители этого селения, увидев так неожиданно перед собою русские штыки, словно выросшие из земли, в страхе разбежались во все стороны, бросив на произвол судьбы и свои жилища, и имущество.

Отряд князя Барятинского снялся с позиции с рассветом, в то самое время, когда Бакланов готов был [123] выйти из «темных» лесов. И для него местность была скверная: лесная ореховая чаща, балки, овраги, где неприятель сразу и не без успеха мои атаковать войска. Но он пока медлил, и только провожал авангард частым огнем из орудий, гранатами, на который тот почти не отвечал, не желая ввязываться в бой.

Остановив свою колонну, Бакланов приказал подать сигнал. Орудия взводами открыли пальбу, с некоторыми перерывами. Тут только неприятель спохватился и, желая вознаградить себя за то, что прозевал Бакланова, бросился на него с двух сторон. Но позиция колонны была чрезвычайно удобная, и Бакланов, при помощи своих орудий, живо осадил чеченцев. Барятинский, услышав выстрелы, прибавил шагу. Когда по этим выстрелам, которых вообще последовало уже до двадцати, начальник отряда решил, что находится от Бакланова на близком расстоянии, он дал ему ответ.

Через четверть часа из орешника показалась наша конница, а за нею авангард и обоз отряда. Части эти вскоре присоединились к Бакланову. Но оставался арьергард, следовавший, в составе тех же войск, как и накануне, под начальством полковника барона Николаи (Мы обращаем внимание на одно обстоятельство: в течение почти всего этого года, везде, где только были выдающиеся дела, барону Николаи непременно поручаем был арьергард. Авт.). Пропустив вперед, под огнем гранат, авангард, чеченцы толпами накинулись на барона Николаи, чуть только он втянулся в орешник, и в то самое время, когда авангард и обоз подали Бакланову руку, в арьергарде трещала сильнейшая перестрелка. После беглой пальбы с обеих сторон, чеченцы, заслоненные от нас тучею [124] порохового дыма, вздумали, под покровом его, броситься в шашки. Но этот маневр им не удался; они, буквально, напоролись на штыки первого эриванского батальона и легли у ног его несколькими десятками.

Неудачная эта атака вновь сменилась самою бешеною пальбою. Спустя полчаса снова раздался гик, нападение повторилось — и опять было отбито, как и предыдущее. А эриванцы и чернышевцы все пробирались вперед. Тогда неприятель произвел третью атаку, и на этот раз охватил ею как самый арьергард, так, в особенности, тенгинцев, следовавших в правой цепи. Тут уже он не ограничился минутною схваткою, но с ожесточением врезывался в ряды батальонов, с полным намерением прорвать, разогнать их. Обе стороны смешались, дым рассеялся, и слышны были лишь крики, вопли, возгласы, сопровождаемые стуком холодного оружия. Около десяти минут продолжался рукопашный бой. Наконец, толпы чеченцев отхлынули от тенгинцев с проклятиями, оставив на месте кучи раненых и убитых, напутствуемые нашим беглым ружейным огнем. Приближаться вновь они не посмели, и арьергард, удерживая их на расстоянии близкого ружейного выстрела, прошел остальное протяжение леса почти без потери и через три часа всего движения присоединился к прочим войскам, у речки Гонсаул.

Теперь предстояло самое главное и трудное: переправа через Гонсаул и движение к укр. Куринскому — конечно, уже не без дороги, так как самая цель всего движения состояла в том, чтобы открыть эту дорогу, иметь ее в виду для будущих действий и с тем вместе обозреть все протяжение новой для нас местности.

Гонсаул невелик и неширок, но берега его, покрытые льдом, были так круты и обрывисты, что одна [125] только пехота — и то с большим трудом — могла перешагнуть за реку, а конницу и артиллерию решительно нельзя было переправить без предварительной расчистки и разработки спусков. Живо застучали кирки, ломы, топоры и лопаты, и через полчаса, почти на руках, перевезли на ту сторону первые два орудия. Затем, работы продолжались.

Теперь только Шамиль окончательно понял наши намерения и, оставив в покое нашу гонсаульскую позицию и переправу чрез речку, быстро двинулся с пехотою и кавалериею, в числе более шести тысяч человек, при четырех орудиях, к укрепленному кордону, против просеки, сделанной Баклановым от укр. Куринского. Там он стал в лесу, на левом берегу Мичика, перед переправой.

Барятинский, подкрепив Бакланова взводом батарейных орудий, кое-как перетащенных через Гонсаул, и четвертым батальоном князя Воронцова полка, приказал ему открыть сообщение с правым берегом Мичика и обезопасить, таким образом, наступление остальных войск к укреплению Куринскому.

У Шамиля была позиция хорошая, господствующая, крепкая, и он имел полное право питать надежду, что с равною почти артиллериею и с превосходными в численности силами пехоты и кавалерии не допустит Бакланова к переправе, отобьет, разобьет его. Ниже увидим, что и Бакланов не прочь был думать то же самое, и не введи он в дело хитрость и крайнюю решимость, при которой рисковал целостью всей своей колонны, ему бы не перешагнуть на правую сторону Мичика, и не отступить благополучно в арьергарде всего отряда к укр. Куринскому, а быть бы ему побитым крепко, самым достославным для себя образом.

Пока устраивали переправу на Гонсауле, Бакланов [126] двинулся. Не успел он отойти на незначительное расстояние, как на правом фланге его колонны завязался бой — бой смелый, решительный. Горцы сыпали тысячами пуль, не щадя своего пороха, и наконец, бросились в шашки. Спасла только артиллерия, которая встретила это нападение картечным огнем.

Пока в этой стороне битва постепенно усиливалась, а колонна, тем временем, подвигалась понемногу вперед — Шамиль открыл ей во фронт огонь из всех своих орудий и безнаказанно резал наши ряды, с своей высокой позиции, учащенною пальбою. Таким образом, мы были схвачены с двух сторон, и положение наше являлось — если не безвыходным, то, по меньшей мере, весьма плохим. Бакланов после писал: «громко загрохотали пушки, осыпая кавалерию и пехоту мою ядрами и гранатами, но не поколебали духа храбрых кавказских воинов.» В это время князь Барятинский подослал на подкрепление Бакланову первый батальон князя Чернышева полка и, в силу аргумента, что «смелость города берет», приказал ему повести на неприятеля открытую фронтальную атаку. О том же думал и Бакланов, так как другого исхода не было. Подхватив свою кавалерию и оставив позади себя, в подмогу ей, два батальона пехоты и два батарейный орудия, а бой на правом фланге предоставив дагестанцам с двумя легкими орудиями, Бакланов, как туча под напором урагана, понесся на неприятельскую батарею. Шамиль, видя, что тут шутки в сторону, и что этого прибоя не отобьешь никакими ядрами, менее чем в пять минут убрал свою артиллерию и, не дав по атакующим ни одного выстрела, скрылся в лесу. Обскакав прибережье Мичика, Бакланов моментально занял необходимые для переправы пункты.

Но эта атака все-таки не обошлась для нас бесследно: [127] хотя орудия бежали, но за то кавалерия наша, при занятии побережья, была встречена залпами тысячи горских винтовок. Наиболее чувствительную потерю в этот момент мы понесли в лице отважного войскового старшины Банникова, любимца казаков и любимца Бакланова. Банников теперь, как и всегда, мчался впереди, открывая казакам дорогу, указывая и поучая их драться с неприятелем. Более десяти пуль разом свернуло и его, и его лошадь. Казаки были увлечены и, невзирая на смерть любимого начальника, не остановились: бросили пока труп его на месте и помчались далее. И только, заняв позицию, они вернулись к дорогому телу и к нескольким убитым и раненым своим товарищам и подобрали их.

Пальба разгоралась.

«Здесь, говорит Бакланов, закипел кровавый бой».

И действительно, начался бой насмерть.

Не успела кавалерия занять указанные ей пункты, и еще не подошла пехота, как горцы со всех сторон, всеми силами, бросились на казаков, будто голодные шакалы на давножданную добычу. Тут подбежали чернышевцы, раскинулись в цепи, поставили резервы. Неприятель атаковал всю нашу позицию. По-видимому, исключительною задачею он поставил себе задавить нас. По мере того, как передние толпы его кидались в шашки и были отражаемы штыками и беглым огнем пехоты и кавалерии, задние сменяли их и возобновляли нападение, не давая нам опомниться. Черный значок Бакланова носился с одного пункта на другой. Сам Бакланов был контужен двумя пулями — сперва в одну ногу, потом в другую; но судьба берегла его для славной победы этого памятного дня.

Солнце клонилось к западу. Исступленная пальба все как будто усиливалась. В это время князь Барятинский [128] окончил переправу на Гонсауле, занявшую у него целых пять часов, и спешил на подмогу Бакланову. Горцы предвидели эту поддержку и хотели до прибытия ее порешить дело с Баклановым, но это им не удалось: черный значок был непобедим.

Пока все это происходило, казаки, свободные от боя, быстро расчищали переправу на Мичике.

Барятинский, приблизившись к месту битвы, усмотрел, что Шамиль, сосредоточив против Бакланова удар всех своих сил и увлекшись сражением, открыл наступавшему отряду свой левый фланг. Хотя этот фланг упирался в лес, который составлял для него естественное прикрытие, но, в видах поддержания Бакланова и поражения неприятеля, на это нечего было обращать внимание — в особенности, при уверенности в отваге войск. А на эту отвагу и мужество Барятинский рассчитывал вполне. Поэтому, он приказал начальнику кавалерии полковнику князю Чавчавадзе, с драгунами и казаками, атаковать левый фланг неприятеля. В то же самое время он велел полковнику Веревкину, с двумя батальонами тенгинского полка, произвести обходное движение и ударить на неприятеля с тыла, а Бакланову — перейти в наступление с фронта. Все эти распоряжения удались, как нельзя лучше: кавалерия прежде других схватилась с горцами. Этого момента ожидал Бакланов. Уловив его, он в то же время, с роковым «ура!» накинулся прямо в лицо горцам; они не ожидали этого оборота дела и попятились. Тогда Веревкин, сделав набегу перекатный залп, принял их сзади в штыки. Неприятель, пораженный, таким образом, со всех сторон, мигом рассыпался, как пыль по ветру. Войска отряда, пролагая себе дорогу к Мичику, добивали на пути тех, которые не успели спастись или не находили места. [129]

Приказав главным силам отряда поспешно переправляться через Мичик, князь Барятинский поручил Бакланову остаться в арьергарде и удерживать неприятеля во все время переправы, а потом — отступить по собственному усмотрению. Под начальство его он передал всю артиллерию отряда. Кроме того, для арьергардного отступления, в эту минуту находились в распоряжении Бакланова следующие части войск: первый батальон эриванцев, первый и четвертый батальоны чернышевцев, второй и четвертый батальоны князя Воронцова полка и казаки. Отсюда начинается для Бакланова момент критический, потому что толпы неприятеля, увидев себя вне давления Барятинского с фланга и с тыла и убедившись воочию, что он быстро ретируется со значительною частью отряда за Мичик, поспешно начали собираться вновь и с озлоблением опять кинулись на Бакланова. Тогда Бакланов выдвинул против них двенадцать орудий — восемь батарейных и четыре легких, и открыл непрерывный огонь картечью. Батальоны же и казаков он стянул в колонны, в интервалах и за орудиями, и всю эту массу войск скучил на протяжении менее полуверсты, образовав из нее нечто вроде каре. Ни картечь, ни залпы пехоты не останавливали горцев: как бешеные, они кидались, окрестив головы, и на орудия, и на сомкнутые ряды пехоты и тут же падали под градом наших выстрелов.

Солнце закатилось. Тихо спускались сумерки. Местность боя представляла собою жерло ада: какими-то кровавыми клубами вылетал дым из двенадцати орудий; мириадами красных огоньков горела окрестность, подернутая темною, дымовою тучею, и эти огоньки с каждым моментом, по мере усиления сумерек, выделялись все резче и резче, рисуя в неправильных очертаниях силуэты солдат, [130] молчаливо поднимавших и опускавших свои ружья; вдали горели неприятельские батареи и представляли собою особую фантасмагорию. В лесу — возгласы, крики, которые, казалось, хотели осилить грохот орудий.

Наконец, неприятель убедился, что сбить нас с позиции при данных условиях невозможно. Быстро начал он сокращать свою пальбу и вовсе прекратил нападения; скоро уж и затихла со всех сторон пальба. Но в это самое время в глубине леса раздалось зловещее «ля-илляхи-иль-алла». Бакланов понял, что оно предзнаменует собою последний, отчаянный и решительный бой. Нельзя было терять минуты, потому что нельзя было ручаться за благополучный для нас

исход подобного боя. Тогда Бакланову блеснула мысль — подняться на хитрость, обмануть неприятеля и просто-напросто убежать от него. Он распорядился так: восьми батарейным орудиям приказал на всем скаку убираться за Мичик, захватив на себе лишь необходимую прислугу; остальная примкнула к пехоте. Четырем легким орудиям, на успешное бегство которых, при надобности, было гораздо более расчета, велел остаться на месте и участить пальбу до крайней возможности, чтобы возместить батарейные орудия и не дать понять неприятелю их исчезновения. Затем, оставив при легких орудиях своих баклановцев, с самим собою и со своим черным значком, он приказал всем остальным войскам бежать на ту сторону реки, за батарейными орудиями, без оглядки, без выстрела, без всякого соблюдения какого-либо порядка и строя. Страшный риск, при котором, если бы горцы поторопились, могли погибнуть и казаки, и четыре наших орудия. Но Бог спас, и замысел — его нельзя назвать маневром — удался как нельзя лучше.

Стремглав полетела пехота на ту сторону Мичика, а [131] в это время легкие орудия, в смеси с пальбою и криками кавалерии, подняли в воздухе такую тревогу, словно мы затеяли всем нашим отрядом кинуться в глубину леса.

Когда Бакланов удостоверился, что пехота и батарейные орудия уже за Мичиком, вне опасности, тогда, разом прекратив канонаду, подхватил орудия на передки и, с посаженною прислугою, в сопровождении кавалерии, в свою очередь, опрометью поскакал за речку. Горцев сперва, как видно, страшно поразило это мгновенное затишье, и они прекратили свою надгробную, заупокойную песнь. Спустя несколько минут, они, однако, спохватились: по лесу, с одного конца в другой, раздался раздирающий душу гик, воздух будто загорелся пламенем нескольких тысяч винтовок, и вся масса неприятеля выскочила на нашу позицию с обнаженными шашками и с полною решимостью на этот раз уже без выстрела схватиться с нами, смять, побить, порезать нас.

Каково же было их изумление, когда позиция наша оказалась вполне пустою — хоть шаром покати!..

Для горцев

«Все это было бы смешно, Когда бы не было так грустно».

Простояв минуту в глупом положении и видя столько же невозможность, сколько и нелепость преследовать нас — так как все уже были на правом берегу Мичика — горцы вложили в ножны свое оружие и, с растерзанным от злобы сердцем, принялись за занятие более мирное и на этот раз к делу подходящее — за уборку своих убитых и раненых.

Бакланов, тем временем, спокойно и безмятежно, уже не торопясь, отступал к укр. Куринскому. [132]

А горцам было чем позаняться, потому что потеря их была такая, какой они давно не помнили. Не говоря о тех убитых и раненых, которые, по принятому адату, увлечены с поля, все канавы при нашей позиции и ближайшие перелески были завалены грудами мертвых и полуживых тел.

По собранным от лазутчиков сведениям, потеря неприятеля в течение 17-го и 18-го февраля состояла из 150 убитых и более четырехсот раненых. В числе тех и других были лучшие люди Чечни и Дагестана.

У нас, кроме убитого войскового старшины Банникова и контуженного Бакланова, ранены: есаул Чуксеев, хорунжий Мельников, штабс-капитан Левандовский, подпоручик Шкура, прапорщики: Михайлов, Энгельгардт и Казамурзаев; убито вообще семнадцать нижних чинов и ранено сто сорок семь. Лошадей убито 54 и ранено 64. Потеря эта, пожалуй, действительно, незначительна в сравнении с подвигом, совершенным чеченским отрядом.

Барятинский желал назвать тех штаб и обер-офицеров, которые своими подвигами, в продолжение этого двухдневного похода и боя, особенно отличились; но затруднился потому, что число их весьма значительное. Все штаб-офицеры, все начальники частей войск участвовали в бою со славою, отличались мужеством, самоотвержением и распорядительностью. Число обер-офицеров, совершивших подвиги самоотвержения, так велико, что для поименования каждого из них предстоял бы особый труд. Каждый из офицеров имел в продолжение этого времени несколько случаев выказать многие блестящие военные качества. Такое число отличий и военных подвигов заставило начальника отряда по необходимости ограничиться названием небольшого числа тех только, которые были в этом походе главными его помощниками. [133]

Отступление Бакланова за Мичик произвело много толков, суждений и расспросов. На один из последних, по словам хронографа, Бакланов отвечал так: «Я понимал ту страшную ответственность, которую принимал на себя, но рисковал потому, что другого выхода из моего положения не было. Если бы я отступал так, как обыкновенно у нас отступали, то чеченцы задавили бы меня. При моем способе я мог не потерять ни одного человека. Рисковать, стало быть, было надо, и, тем более, что под моим начальством собраны были лучшие батальоны Кавказа, с которыми можно было предпринимать и делать все, что угодно».

Если так думал и в этом был убежден Бакланов, то недаром горцы дали ему весьма лестное для каждого героя название — черта (шайтана). Это прозвище сохранилось за Баклановым даже и до сих пор.

VI.

Затишье после грозы. Работы и перестрелки за рр. Гудермесом и Аргуном. Введение в употребление американских топоров. Вырубка леса на Гойте, Мартанке и Нефтянке. Талгик и шамильские наибы. Стремление к выселению. Наиб Гехи. Депутация. Убийство. Переселение жителей из аулов Гурдали и Мазлагаша. Бой при отступлении. Уничтожение талгиковского аула и отнятие двух орудий.

Бывает затишье перед грозой, но еще чаще бывает оно после бури — что весьма естественно, потому что шум должен же когда-нибудь прекратиться, как бы он длинен ни был, а после него чему же быть больше, как не покою.

Так было и в Чечне после описанных нами военных действий. Тишина наступила отчасти потому, что нечего было более придумать, чтобы пошуметь, — все, что можно, сделано; отчасти же и потому, что самый источник исчерпан, т.е., другими словами, что все-таки никакой конечной цели, никакого особенного плана военных действий не имелось в виду. Приходилось ждать, на что вызовут и что укажут обстоятельства. А пока лучше всего было: подчистить, подровнять то, что сделано, и затем, на этот раз считать дело конченным.

Князь Барятинский находил, что наиглавнейшим его действием в зимнюю экспедицию текущего года (а зима более или менее кончалась) было — углубление в большую Чечню и последнее движение от Тепли к Куринскому, так как оно открыло новый соединительный путь, осветило новую дорогу, дало понять Шамилю и чеченцам, что мы пройдем — где захотим, победим — где пожелаем. Это движение [135] имело свои последствия и свои для нас выгоды. То и другое заключалось не столько в вынужденном стремлении (как думалось в то время) некоторых неприязненных семейств переселиться к нам, сколько в их добровольном стремлении — уйти из-под корыстолюбивого и деспотического ига Эски и самого Шамиля.

Но это увидим после.

19-го числа войска главного отряда отдыхали.

20-го, князь Барятинский снял лагерь в Тепли и, в сопровождении кавалерии, выехал в Грозную; пехоту же отправил на Брагуны. Она ночевала 21-го числа в Старом-Юрте, а на следующий день также явилась в Грозную, со всеми тяжестями отряда, где и осталась дневать.

На другой день, 23-го числа, по просьбе генерала барона Вревского, ему возвращен первый батальон эриванцев.

Так как время, назначенное для зимней экспедиции, еще не окончилось, а нужно было что-нибудь делать, то князь Барятинский приказал полковнику Бакланову улучшить и расширить дорогу за р. Гудермесом, по направлению к аулу Ташбулат. Дорога эта пролегала большею частью лесом, и когда нам случалось проходить его, то мы постоянно были тревожимы неприятелем.

21 -го числа полковник Бакланов собрал в укр. Куринском одиннадцать рот дагестанского, самурского, чернышевского полков и двенадцатого линейного батальона, шесть сотен своего полка и три сотни донского № 18-го полка, одну гребенскую и одну кизлярскую, пять орудий батарейной № 4-го батареи 20-й артиллерийской бригады, два донской № 7-го и две горные мортирки.

Прежде чем приступить к цели, Бакланов хотел узнать положение горцев после понесенного ими поражения [136] и их действия относительно нас в том случае, когда бы мы сами сделали им вызов, а в тоже время и отвлечь их внимание от Гудермеса. Для этого он, 22-го февраля, отправился сперва со своею колонною на старое и известное уже нам место к Мичику. По ту сторону сожженных нами батарей он усмотрел небольшие партии конных и пеших чеченцев, по которым тотчас открыл орудийный огонь. Но эти партии нам не отвечали и к нам не приближались; видно было, что это не более как сторожевые пикеты и разъезды. Тревога же, которую мы, таким образом, произвели, не вызвала из аулов или из неприятельских скопищ ни одного лишнего человека. Убедившись, что чеченцы не расположены пока вступать с нами в драку, Бакланов увел колонну обратно в Куринское; с наступлением же ночи двинулся с нею к Умахан-Юрту и там стал лагерем.

24-го февраля, утром, присоединив к себе еще одну роту № 12-го батальона, находившуюся в Умахан-Юрте, Бакланов отправился за Гудермес и приступил к рубке леса, расчистке и расширению дороги.

Как видно, горцев или весьма мало беспокоили эти действия, потому что они перестреливались с нами кое-где изредка и лениво, или не успели они еще собраться к этому

пункту, так что на этот раз рубка леса была окончена благополучно, без всякой для нас потери. К вечеру колонна возвратилась в лагерь.

25-го февраля войска отправились на тоже место — оканчивать работу. Тут уж заметно было, что неприятель усилился. На полянах, расположенных на значительном расстоянии от места рубки, были устроены укрепленные завалы. Оттуда неприятель открыл оживленную ружейную пальбу и волей-неволей втянул нас в перестрелку. [137] Хотя вреда он нам не принес никакого, но, в конце концов, надоел. Чтобы отвязаться от него, полковник Бакланов приказал открыть огонь из орудий — без чего, впрочем, легко можно было обойтись. Когда же рубка была окончена, и войска готовились отступать, чеченцы начали и по нас орудийную пальбу. Это было для нас чувствительнее их ружейных выстрелов, потому что они убили у нас одного казака, четырех лошадей и контузили одного солдата. Чтобы прогнать их и обезопасить свое отступление, Бакланов, по усвоенному им порядку, пустился с кавалериею на завалы в атаку. Неприятель бросил свою позицию, разбежался и увез с собою орудие. Колонна к двум часам беспрепятственно возвратилась в лагерь, отобедала, снялась и в тот же день возвратилась в укр. Куринское, так как здесь ей больше нечего было делать.

В эти дни выпущено 343 артиллерийских заряда, израсходовано 19 ракет и свыше восьми тысяч ружейных патронов.

Что касается до князя Барятинского, то он, приостановив отряд в Грозной, решил затем предпринять движение и работы по новому направлению.

Вниз по течению Аргуна, до самого устья его при впадении в Сунжу, по левому берегу стлалась широкая полоса заповедного леса. Он закрывал собою от наших взоров и действий довольно обширную равнину, простиравшуюся до низовьев Джалки. На этой равнине пасли стада и косили сено не только одни непокорные аулы правого берега Сунжи, но и жители селений, расположенных между Джалкою и Хулхулау. Под защитою указанного леса неприязненные нам чеченцы пользовались сенокосом и по левому берегу Аргуна, на гурдалинской и барзу-арской полянах. Мало того, хищнические партии, часто скрываясь в том же [138] лесу, нападали на жителей покорных нам грозненских аулов и на их стада и причиняли им немало вреда и убытков. Чтобы порешить со всеми этими неудобствами, проложить дорогу к низовьям Джалки и расширить угодья грозненских аулов, князь Барятинский предпринял устройство просеки чрез описанный нами лес. С этою целью он, 25-го февраля, выступил с отрядом из кр. Грозной через разоренный аул Ханбулат-Юрт и стал лагерем на обоих берегах Аргуна, у бывшего аула Устар-Гордой, наполовине расстояния от Тепли к Гурдали.

Работы открылись на следующий же день и происходили в течение 26-го, 27-го, 28-го и 29-го февраля. С колоннами ходили: подполковники Меркулов и Наумов, майоры Цытовский и князь Лукомский. Тем временем, генерального штаба полковник Рудановский произвел рекогносцировку местности вверх и вниз по обоим берегам Аргуна до Тепли, Дахин-Ирзау и к Тепли-Кичу.

Лес был громадный, вековой; повсюду балки, овраги. Но рубили усердно, и он быстро валился под топорами наших солдат. В продолжение четырех дней вырублена была широкая просека, открывшая свободный и безбоязненный путь к полянам за Аргуном и по левому берегу реки.

Тут в первый раз были испробованы американские топоры, о которых мы когда-то говорили вскользь, и с тех пор вошли в употребление. Опыт первой порубки был произведен над

вековым белолистым тополем, имевшим в диаметре аршин и три четверти. Два топора свалили его в пятьдесят пять минут, лучше сказать — в час. Это, по-видимому, подавало большие надежды в будущем относительно американских топоров; но впоследствии оказалось, что произведенная проба не оправдала [139] дальнейших ожиданий. Тополь повалился в час именно только потому, что это была проба, произведенная среди лагеря, в присутствии начальства, и притом топорами новыми, хорошо отточенными и насталенными. Спустя же несколько лет, мне лично пришлось убедиться в полном неудовольствии и неуважении солдат к американскому топору, который они не любили и предпочитали всегда наш русский топор. Выходились ли эти топоры, не умели ли их острить — кто его знает; дело в том, что рубить ими было тяжело и неудобно.

1-го марта, особою колонною, под начальством майора Оклобжио, было очищено от леса довольно обширное пространство, посредством которого гурдалинская поляна соединилась с двумя другими, примыкавшими к нашему лагерю и стлавшимися параллельно Аргуну.

На всех этих работах горцы нас не беспокоили.

Таким образом, земля и население, подвергавшиеся военным операциям князя Барятинского в течение истекших двух месяцев, были по возможности приведены в такое положение, что по крайней мере на некоторое время обеспечивали над собою нашу власть и влияние. Говоря «по возможности», «на некоторое время», мы тем самым указываем лишь на относительную и сомнительную прочность или, лучше сказать, на непрочность нашего завоевания, так как мы его не утвердили за собою ни привлечением на нашу сторону всего непокорного населения, жившего в тех местах, ни лишением его возможности окончательно вредить нам и впредь. После погрома они также легко исправили свои жилища, также продолжали пользоваться прежними угодьями, терпеливо выжидая пока зарастут вырубленные нами пространства, измышляя все способы оградить себя от нашего нашествия и помимо [140] естественных защит и еще пуще прежнего оставаясь против нас озлобленными.

С большою Чечнею было на этот раз все кончено. Оставалось что-нибудь сделать в тех пунктах малой Чечни, куда в истекшее время ступила наша нога, чтобы этим дать значение там нашим военным действиям и вывести их из ряда обыкновенных бесследных набегов, среди которых мы всегда много теряли, но ничего не приобретали. Первого марта князь Барятинский двинул в распоряжение урус-мартанского воинского начальника подполковника Ляшенко третий батальон тенгинского полка, два батальона навагинцев, сотни 5-й, 6-й и 7-й бригад, дивизион батарейной № 3-го батареи 19-й артиллерийской бригады и взвод донской конноартиллерийской № 7-го батареи и поручил ему вырубить полосы леса на Гойте и Мартанке, чтобы соединить обширные поляны верховьев этих речек с большою русскою дорогою. Для этого дела назначены были три последующие дня, по истечении которых, согласно распоряжению главнокомандующего, указанные части войск должны были выступить в распоряжение начальника владикавказского военного округа.

Отправив второго марта домой, в кр. Воздвиженскую, три батальона князя Воронцова полка и дивизион легкой № 5-го батареи 20-й артиллерийской бригады, начальник отряда снял лагерь и с остальными войсками того же числа перешел в кр. Грозную. Сделав здесь дневку, он на следующий день произвел вырубку леса на Нефтянке, чтобы открыть воровскую балку, служившую притоном хищнических партий в летнее время, и пятого числа распустил войска по квартирам.

На этом окончилась зимняя экспедиция в Чечне — между прочим, все-таки одна из трескучих и весьма [141] удачных, потому что, сравнительно с подвигами, которые сделали войска, потеря наша была незначительная, и потому что Шамилю никак не удалось нам нанести какой бы то ни было существенный вред, а тем более пощипать нас со славою для себя.

Хотя князь Барятинский, исчисляя подвиги и труды войск в истекшие два месяца и упоминая о том, что для таких работ, которые производились войсками в несколько дней (в особенности, работы последние) нужна целая экспедиция, между прочим, присовокупляет, что все это произведено в таких размерах, что оконченный двухмесячный поход занял весьма замечательное место в военной истории Кавказа, но мы не видим причины отводить ему это место в ряду других событий кавказской войны — преимущественно последующих. Никто не захочет сомневаться в том, что князь Барятинский выразился так не ради красного словца, а вследствие личного о том убеждения; но никто не усомнится и в том, что, герой в душе, но юный по летам и по практической мудрости полководец, выразился с увлечением. Впрочем, в то время такое самовосхваление могло быть вполне извинительным, потому что, после многих наших неудач, которые еще не остыли в памяти, после затишья, последовавшего за этими неудачами и в виду того уважения, которое вселил в нас к себе Шамиль, зимняя экспедиция 1852-го года, подрывшая несколько пьедестал имама, была действительно эпизодом геройским. Тогда мало обращалось внимания на будущие последствия и на цель всей долгой кавказской войны, поэтому немудрено, что события ни более, ни менее, как только видные, удачные, подвиги геройские возводили на степень «замечательных». Спустя семь лет, когда Барятинскому привелось покорить восточный Кавказ и взять в [142] плен Шамиля, когда война 1859-го года и по плану, и по исполнению представляется вполне замечательною и достойною лучшей страницы в истории Кавказа, князь Барятинский гораздо умереннее и сдержаннее относился к своим деяниям, чем в 1852-м году.

Пускай думают, как хотят, а мы, независимо от личных воззрений на события князя Барятинского, в том и в другом случае видим лишь дань времени и обстоятельствам.

В описываемое нами время главным наибом большой Чечни был Талгик. Эта личность приобрела себе популярность не только среди горцев, но и большую известность у нас. Отважный, весьма неглупый человек, вполне преданный мюридизму и Шамилю, Талгик управлял Чечнею совершенно в духе последнего, т.е. не спускал глаз с чеченцев, сторожил их на каждом шагу и всеми силами старался обуздать их стремления к жизни самостоятельной, независимой, которая не представляла для Шамиля ничего хорошего, потому что всякая республика в его владениях была ему вовсе не по душе. До этого времени, теперь и далее мы видим, что Шамиль и преданные ему чеченские наибы почти всегда действовали в Чечне и против нас, и против чеченцев, когда встречалась надобность укорачивать им поводья, посредством тавлинцев, т.е. жителей Дагестана и Лезгистана.

Явление замечательное и знаменательное. Оно указывало столько же на непрочность власти Шамиля в этой земле, сколько и на дух чеченцев, с которыми имаму приходилось вести войну, затаенную в то самое время, когда с [143] нами он вел войну открытую. Одним из представителей этого духа служит для нас Батий Шамурзов, и таких Батиев в Чечне было довольно. Чтобы держать их в надлежащем повиновении, Шамилю приходилось или сажать над ними наибами людей чужих, из Дагестана и Лезгистана — что он и делал, или хотя и из их среды, но в сем последнем случае предоставлять наибам-чеченцам большие права, льготы и смотреть сквозь пальцы на их деяния. Этим, правда, он достигал цели, но лишь с одной

стороны: он имел вдали от себя надежных наместников; он, при надобности, чрез посредство этих наместников и при помощи их, имел войско; он, наконец, имел более или менее надежный кордон в этой стороне для своих недоступных гор. Но за то, он имел и население лишь наружно ему преданное, а в душе столько же не терпевшее его, сколько его наибов и их управление. Это много ему вредило, но иначе и умнее он поступать не мог; при всяком ином образе действий приходилось вовсе отказаться от Чечни — что было бы очень невыгодно и в военном и в финансовом отношениях.

При указанных нами условиях, положение наибов в Чечне, в особенности в большой Чечне, было такое, что любому из простых смертных — хоть сейчас поменяться с ними должностью. Они жили себе зажиточно, помещиками, имели обширное хозяйство, хутора, иногда целые аулы, населенные их батраками, ели, пили вдоволь, обирали народ безнаказанно и немилосердно, интриговали друг против друга, местничались между собою, надували, когда им было угодно, самого имама. К числу таких лиц принадлежал уже описанный нами однажды наиб Амзат или Гамзат, сам Батий Шамурзов, Эски, Гехи, Батока и, наконец, во главе их всех, и Талгик. Насколько это могло нравиться [144] народу, всегда считавшему себя вольным — понять нетрудно. Чеченцы терпели, потому что выхода не было. Но лишь только им представлялся случай или находили они придирку избавиться от нелюбимых наибов каким бы то ни было путем, они не упускали этого случая. В описываемую же нами эпоху случай и повод к тому представлялся им в лице нас самих. Они видели, что мы уже залезли довольно далеко, что можно во всякое время легко перебежать к нам, так как мы расчистили для этого дороги, что, наконец, щиплют их наибы, щиплем и будем щипать, с другой стороны, мы — и решились из двух зол выбирать лучшее, т.е. переселиться к нам. Правда, думали об этом далеко не все, а лишь весьма немногие, но и этого было достаточно, чтобы положить основание новой идее и будущему среди чеченского населения брожению умов. Не обходилось без того, чтобы и мы не действовали на них чрез их же одноверцев и лиц, подобных Батию Шамурзову, и действовали не одними только словами, но и чем-либо более заманчивым и существенным — в особенности во времена Воронцова и Барятинского.

Не успел затихнуть зимою 1852-го года гром последних наших выстрелов в Чечне, как в некоторых местах ее народ зашевелился и стал сперва думать, а потом и говорить вслух о том, что лучше бы перебраться к русским. Не война, которую они любили, не давление наше и разорение аулов, легко отстраивающихся, вызывали исключительно этот говор, а прежде всего стремление выбиться из страшного давящего деспотизма, из материальной нужды, и движение это прежде всего обнаружилось в наибстве Эски, именно там, где недавно был наибом Батий, помогавший нам в этом случае и старавшийся всячески насолить своему приятелю, и где этот приятель уж [145] чересчур хватал через край и властью своею, и длинными жадными руками.

Шила в мешке не утаишь, и скоро Талгик, Эски, Гехи узнали о явившемся в среде некоторых аулов стремлении. Деспотизм руководится силою, и вместо того, чтобы принять какие-либо разумные меры к примирению народа с собою и с Шамилем, Талгик пустил в ход власть, жесткость и жестокость. Пригрозив подозреваемым вожакам смертью, Талгик взял от виновных аулов аманатов и заключил их в своем ауле. Этого было достаточно, чтобы повлиять на лиц, пожелавших переселиться к нам, вполне отрицательно. Не думая долго, к Бакланову явились некоторые представители мичиковского аула и изъявили свое решительное желание выселиться в наши пределы, прося выйти к ним на помощь с войсками. Полковник Бакланов

сообщил об этом командующему войсками на кумыкской плоскости и, после соглашения с ним, девятнадцатого марта собрал в укр. Куринском первый и третий батальоны князя Чернышева полка, роту линейного № 12-го батальона и четыре орудия батарейной № 4-го батареи 20-й артиллерийской бригады, рассчитывая с этою колонною двинуться на следующее утро на выручку жителей, пожелавших переселиться. Но наиб Гехи быстро узнал обо всем этом, неожиданно явился с партиею в мичиковский аул, арестовал знатнейших из тамошних жителей и принял все меры, чтобы надлежащим образом встретить Бакланова. Тогда последний рассудил, что если он предпримет движение за Мичик, то повредит этим, прежде всего лицам, желающим переселения, которых Гехи, конечно, перережет. Относительно же своей особы и своих войск Бакланов думал очень мало, уверенный, что Гехи, при всех своих ухищрениях, его не осилит. И [146] вот, Бакланов остановился и отменил выступление, предположенное 20-го марта. Гехи ждет его один день, ждет другой, третий — и все не дождется. Тогда наиб сообразил, что Бакланов струсил. А в это время как раз и Талгику пришлось выехать к Шамилю для совещаний и переговоров обо всем, происходившем в Чечне. С ним выехал к имаму и Гехи. Цель этой поездки состояла в том, чтобы попросить Шамиля о присылке в Чечню тавлинцев — столько же для укрощения и удержания в повиновении крамольников, сколько и для постройки в разных местах завалов на случай нового движения русских, — и приехать лично для того, чтобы силою своей власти и своим присутствием поставить непокорных в респект.

Далеко за полночь, даже почти перед рассветом, 23-го марта, Бакланов был разбужен. Ему доложили, что какие-то немирные чеченцы явились с весьма важным известием. Гостей впустили; их было три человека, среди которых главнейший, вожак, был житель аула Алу-Мазлагаш — Гана-Вюта. Другой был его родной сын, а третий — доверенный от жителей аула Гурдали.

Пот градом катился с этих чеченцев, едва переводивших дух от усталости и тревоги. Они наскоро, впопыхах, объявили Бакланову, что Гехи уехал, и заклинали его аллахом поскорее прибыть к ним — иначе все дело их нужно считать пропащим, а их самих, наверное, несуществующими.

Бакланов тотчас ударил сбор, подхватил свою колонну, присоединил к ней еще, находившийся постоянно в укреплении второй батальон князя Чернышева полка, свой полк и два орудия донской № 7-го батареи, и полетел. Гана-Вюта оставил в Куринском своего сына и отправился вместе с Баклановым. [147]

Между тем, в Мазлагаше партия Гехи крепко следила, по поручению своего наиба, за Гана-Вютою. Едва взошло солнце, и правоверные совершили свой намаз, как услужливые собратья Вюты, мюриды, сообщили гехинским преторианцам, что Гана-Вюты нет дома и не ночевал он, что исчез куда-то — должно быть, бежал к гяурам для переговоров. Трибуны партии Гехи немедленно отправились в саклю Вюты. Опытному и подозрительному их глазу тотчас обнаружилось, что в доме приготовились к чему-то особенному: на дворе стояли арбы, уже приспособленные к путешествию, скотина вся налицо, в сакле все имущество увязано, упрятано, и все семейство видимо снарядилось в дорогу.

— Где Вюта? спросил один из трибунов женщин.

Те пожали плечами в знак неведения, кутаясь, по заведенному обычаю, в свои чадры.

— Говорите, или будете все перерезаны.

Женщины и младший сын Вюты молчали.

— Он у гяуров?... Именем аллаха, если дорожите жизнью, отвечайте!

Опять молчание.

Тогда один из пришедших подошел к жене Вюты, схватил ее сверху за голову, придержал левою рукою, а правою всадил кинжал в грудь до самой рукоятки.

Несчастная ахнула — и более не шевельнулась.

Допрос продолжался; но женщины и сын Вюты оставались немы и безгласны, как рыбы: ни варварство гостей, ни кровь матери не подействовали на них. Звери обнажили оружие — и жертвы одна за другою скатились на землю.

Вюта, ничего не подозревая, спешил с Баклановым на помощь к своим одноаульцам, к своему семейству и по дороге строил золотые планы о том, как он, [148] наконец, выбьется из тяжкой жизни, как заживет себе мирно и спокойно, добрым селянином, где-нибудь на русской почве, и тому подобное.

Колонна двигалась быстро. Партия Гехи не дремала и, свершив свое гнусное убийство, немедленно отправила нарочного к наибу.

Мазлагаш и Гурдали расположены один возле другого. Перевалившись чрез качкалыковский хребет, колонна шла беспрепятственно, изредка лишь тревожимая выстрелами то с той, то с другой стороны. Ввязываться в дело было некогда, и Бакланов не велел даже отвечать на эти выстрелы.

К десяти часам утра колонна заняла уже оба аула. Партия Гехи и часть жителей, не желавших переселения, скрылись.

Первым делом Вюты было — поспешить в свою саклю, чтобы поскорее поднять на ноги семью, посадить на арбы и двинуться. Несчастный быстро отворил дверь, пошатнулся и едва-едва не грохнулся: несколько трупов валялись в разных направлениях и положениях; часть имущества разбросана, исковеркана; большей части не было налицо. Злодеи ли, или услужливые соседи ограбили бедняка. Вюта взвыл, как смертельно пораженный тигр; для него все кончено: некого было переселять, нечего было увозить с собою.

Князь Барятинский обратил внимание главнокомандующего на оказанную услугу и положение горемыки и просил участия к нему и вознаграждения за убытки; но неизвестно, достиг ли он цели, хотя можно быть уверенным, что князь Воронцов не остался глух к ходатайству заведующего левым флангом.

Почти никто из желавших переселения не был [149] готов к движению, как потому, что не знал о сношениях с нами Вюты и о времени прибытия Бакланова, так и потому, что жители боялись готовиться заранее, видя над собою зоркие глаза Гехи и его партии. Конечно, в этом случае они поступали разумно, иначе им бы не миновать участи семейства Вюты.

Такое препятствие заставило Бакланова пообождать добрых два часа. Оно же дало возможность партии Гехи собраться, усилить себя другими непокорными и произвести повсеместную тревогу.

В двенадцать часов пополудни переселенцы были готовы. Их было двести пятьдесят восемь душ обоего пола и возраста: пятьдесят одно семейство из Мазлагаша и шестнадцать семейств из Гурдали. При них находилось 20 лошадей, 437 штук рогатого скота, 560 баранов и все домашнее имущество.

Двинулись. В авангарде шла линейная рота, часть кавалерии и два конных орудия. За ними группировались переселенцы со своим обозом и со скотом, под прикрытием остальной кавалерии. В левой цепи шел первый, вправо — второй, а в тылу — третий батальоны чернышевцев; везде были орудия.

До качкалыковского хребта колонна прошла быстро и почти без всякой перестрелки; но лишь только она поднялась на высоты и вступила в лес — со всех сторон грянули залпы, раздался страшный гик, и все фасы колонны были одновременно атакованы. Тут уже присутствовал сам Гехи, который подоспел прямо к лесу, обогнав стороною наши войска. Озлобление чеченцев и предводителя их было видимое: они во что бы ни стало хотели прорваться в середину колонны, к обозу и к переселенцам. Неудобная местность не позволяла нам удерживать и [150] отражать их штыками, поэтому весь бой, который Бакланов заранее предвидел в этом месте, вращался на огне орудий, ружей и ракет. Чеченцы стреляли почти в упор, лес буквально дымился, убитые и раненые валились у нас довольно обильно, но колонна все двигалась и всеми силами отстаивала приобретение, которое сопровождала. В течение четырех часов движение через качкалыковский хребет войска выдержали бой без перерыва, не уступив неприятелю одной пяди, не допустив его отбить ни одного барана из числа принадлежавших переселенцам. Последние, со своей стороны, порывались всеми силами поддержать огонь наших войск, в особенности несчастный Вюта, который со слезами просил дать ему отмстить и умереть с честью; но Бакланов не позволил им ввязываться в бой и велел тщательнее охранять свои семейства и имущество.

Наконец, авангард, а затем и обоз, вышли на недавно разработанную просеку и стали вне неприятельского огня — по крайней мере, были в безопасности от него. Тогда Гехи в последний раз всеми силами своими ударил на арьергард. Заключение было вполне отважное: каждое дерево затрещало десятками пуль, — но и это не помогло; теперь большая часть орудий была уже сосредоточена в арьергарде, и картечный огонь их скоро убедил горцев, что ни осилить, ни испугать нас невозможно.

Понемногу стихла канонада и перестрелка. Чеченский обоз принес нам в этом деле ту пользу, что принял на себя большую часть наших убитых и раненых, за которыми по возможности ухаживали даже женщины. Услуга эта значительно облегчила колонну. Мы же, избавив от неудобств и страданий двести пятьдесят восемь живых человеческих существ, заплатили за это жизнью десяти нижних чинов и увечьем других [151] восьмидесяти семи, не считая офицеров, которых ранено трое: подпоручик Чернявский, прапорщик Неделькович и хорунжий Ренсков. Таким образом, кровью сотни русских мы купили благоденствие двух с половиною сотен магометан. Процент велик, но велика и христианская услуга, на которую способен едва ли кто-либо другой, кроме русского человека.

Потеря неприятеля в точности неизвестна; но лазутчики говорили, что она велика. Да и немудрено, потому что горцы, закрыв глаза и окрестя голову, бессознательно бросались под дула наших орудий.

Тем временем, в ауле Талгика, в душном, мокром, вонючем и темном погребе, томились двое заложников, а за строгим караулом в саклях еще восемь человек, взятых наибом из почетнейших семейств Мазлагаша, Гурдали и других аулов, в обеспечение их покорности. Для них решение было готово и предвидеть это, в особенности после выселения 258-ми душ, было всего легче тем двоим, которые представляли в лице своем гарантию от указанных двух аулов: их ждала неотразимая, жестокая казнь. Участь же остальных восьми человек зависела от поведения тех аулов, которых они были представителями.

Шамиль дал слово Талгику прибыть в большую Чечню и к нему в гости 27-го или 28-го марта. Казнь должна была совершиться в его присутствии. Что же касается до тавлинцев, о которых просил наиб, то имам дал ему слово выслать их в непродолжительном времени, [152] после окончания работ в Дагестане, которыми заведовал Юсуп-Хаджи — один из его сановников.

Барятинского в это время не было на линии; он выехал к главнокомандующему и передал заведывание левым флангом барону Меллеру-Закомельскому.

Родственники и приятели несчастных узников бдительно прислушивались к каждому известию, касавшемуся участи заключенных. Все приведенные выше сведения были им известны еще в то время, когда сам Талгик не вернулся домой. Не медля ни минуты, некоторые из них помчались к барону Меллеру, со слезами припали к Батию и майору Пензулаеву, нашему переводчику при штабе левого фланга, умоляли о спасении своих родных, о наказании Талгика, о предоставлении возможности некоторым аулам, независимо от Мазлагаша и Гурдали, осуществить желание насчет переселения к нам. Они уверяли, что если Талгик будет наказан, разорен и поражен, то это может послужить поводом к безбоязненному переселению к нам значительного числа жителей и может вообще принести нам весьма благотворные плоды. С этой стороны, конечно, они не были неправы, хотя, наверное, никто утверждать не мог, чтобы все непременно свершилось так, как они уверяли; поэтому, и в наших глазах их заявление, мольбы и слезы об участи заключенных были еще весьма слабым поводом к тому, чтобы нам предпринимать опасный набег в неведомое место и рисковать сотнею золотых голов наших офицеров и солдат. Тогда прибывшие обратили наше внимание на другую приманку, а именно: на возможность овладеть двумя орудиями, находившимися в ауле Талгика, складами оружия и артиллерийских запасов, и тем, так сказать, подкатить его окончательно. В этом случае, действительно, предлог к набегу был важен [153] столько же в военном отношении, сколько и в виду личных заслуг начальников. Барон Меллер согласился предпринять его, но первоначально поручил Пензулаеву точно и обстоятельно обо всем переговорить, все проведать и заручиться такими проводниками, за плечами которых мы были бы вполне спокойны. Конечно, проводниками взялись быть сами прибывшие к нам депутаты и в успехе дела представили возможные доводы и гарантии — если только набег будет совершен втайне и как можно скорее, потому что слух о нем, как его ни скрывай, может распространиться с быстротою молнии, и дело тогда, естественно, пропадет.

Взять у горцев два орудия — вещь, действительно, заманчивая. Полагаясь более всего на Пензулаева и Батия, которые принимали на себя ответственность за депутатов, барон Меллер немедля же решился приступить к делу.

Все это происходило тотчас после прогулки Бакланова и, продолжаясь в течение последующих двух дней, было решено и подписано 26-го марта.

И так, ко времени приезда Шамиля в гости к своему излюбленному наибу, сему последнему и его повелителю готовился самый неприятный сюрприз.

Посмотрим, как он удался.

Утром, 26-го марта, барон Меллер послал секретнейшее предписание урус-мартанскому воинскому начальнику подполковнику Ляшенко — прибыть к вечеру в кр. Воздвиженскую с двумя ротами четвертого батальона воронцовцев, с одним орудием и сотнею казаков; в тоже самое время барон выступил туда же, в кр. Воздвиженскую, с двумя рогами пятого батальона князя Воронцова полка, двумя линейными № 10-го батальона и одним орудием. [154]

К вечеру все эти части войск уже были в крепости, разместились в казармах, как бы на часок, среди своих товарищей и обильно угощались, чем Бог послал — в ожидании дальнейших приказаний. Зачем пришли, куда пойдут, когда пойдут — все это было пока тайною. Ее знали лишь те немногие лица, среди которых вертелось задуманное предприятие.

Когда войска проходили путь от Урус-Мартана и Грозной в Воздвиженскую — это не скрылось от глаз соседних к дороге атагинских и чахкеринских аулов, нам мирных, но вполне неблагонадежных и время от времени служивших Шамилю, чтобы обезопасить себя от его набегов и вообще от всякого неудовольствия. Выходя и выезжая из своих сакль на дорогу, они ломали голову: зачем и для чего это русские идут в Воздвиженскую?

Не успел барон прибыть в Воздвиженскую, как сию же минуту явились к нему старшины аулов чахкеринских и атагинских, будто бы с поклоном и приветствием, а в сущности для того, чтобы проведать и сообщить Шамилю, а то и Талгику, о намерении гяуров.

Барон догадался, в чем дело. Он ласково принял депутацию, потолковал с нею и, между прочим, будто нечаянно, ввернул в разговоре словцо о том, что, за отсутствием князя, он прибыл проведать Воздвиженскую, останется здесь несколько часов и отсюда выедет в Урус-Мартан, — для чего и вызвал из этого укрепления конвойную колонну.

Старшины вполне удовлетворились этим, будто ненароком брошенным им объяснением, и, благоговейно прикоснувшись к полам сюртука барона Меллера, совершенно успокоенные отправились по домам.

Наступила ночь — темная, безлунная, хотя и безоблачная. [155]

Тихо, без суеты, было отдано и приведено в исполнение приказание о том, чтобы четыре роты, прибывшие из Грозной, заняли бы все караулы, а первый, второй, третий батальоны и две роты четвертого батальона воронцовцев, с четырьмя легкими и двумя горными орудиями легкой № 5-го батареи 20-й артиллерийской бригады, и с тремя сотнями донского № 19-го полка, к 9-ти часам вечера, выстроились бы на правом берегу Аргуна, на втором уступе. Командир 5-й батареи, подполковник Янов, который был посвящен в секрет Меллера, приказал обмотать все колеса орудий толстым слоем пакли. Вещь знакомая, и это дело было устроено в полчаса щегольски: пакли и шнурков не пожалели. Подполковник Янов не забыл также взять с собою и запасных лошадей для перевозки двух неприятельских орудий, которые мы заранее считали у себя в кармане.

В назначенный час войска стояли на месте; приехал Меллер — и двинулись. Солдатам не нужно было объяснять требования о тишине и безмолвии; им уже не впервой видеть ночные движения с орудийными колесами, обмотанными паклею. Если это так — значит, что-нибудь

предпринимается такое, что ни говорить, ни болтать, ни шуметь, ни курить нельзя. И они двигались, как тени, как автоматы.

Впереди колонны шли несколько повозок с сеном и соломою, под начальством прапорщика Лауданского, прикрытия командою воронцовцев и полусотнею казаков под начальством прапорщика Ипполитова.

Взяли путь по направлению к р. Бассу и к аулу Талгика, до которого было добрых тридцать верст.

Впереди всех были Пензулаев и Шамурзов с проводниками. Шли быстро.

Подошли, наконец, к р. Бассу. [156]

Тут барон Меллер приказал выстлать каменистые берега и частью сухое русло Басса сеном и соломою. Это было устроено скоро, ловко, и колонна прошла каменистое пространство как по мягкому ковру: ничто не стукнуло, не звякнуло. По сообщению проводников, вокруг Басса были неприятельские пикеты, но ни малейший шум не возбудил их внимания, и колонна перешла реку вполне ими незамеченная, как один человек.

Нужно удивляться этому искусству и бывалости, опытности начальников и солдат!

От Басса до аула Талгика оставалось еще верст двенадцать. Перейдя реку, отряд взял направо, к горам. На протяжении слишком восьми верст дорога пролегала преимущественно по полям, богато засеянным кукурузою и пшеницею, и по разоренным аулам, где нас никто теперь не тревожил.

Наконец, показался лес. Проводники объявили, что до жилья Талгика остается не более трех верст, и что лес постоянно охраняется сторожевыми пикетами, выставляемыми от аулов, в нем и вокруг него расположенных. Тогда барон Меллер приостановил отряд и построил его в боевой порядок: у входа в лес, на поляне, он оставил подполковника Ляшенку с третьим батальоном и двумя ротами четвертого батальона, с тремя сотнями донских казаков, при четырех легких орудиях, приказав ему охранять наш тыл и не допускать неприятеля с этой стороны; из первого и второго батальонов он устроил каре, с двумя ротами в каждом фасе его, построенными в ротные колонны; в заднем фасе находились два горных орудия. Фасами он поручил командовать: передним, состоявшим из первой карабинерной и первой егерской роты — майору Оклобжио; правым, из второй и третьей егерских рот — [157] майору Рознатовскому; левым, из пятой и шестой егерских рот — майору Охлебинину; задним, из второй и четвертой карабинерных рот — капитану Руденке.

Сделав все эти распоряжения, барон Меллер тут только объявил войскам цель набега и расстояние, отделяющее их от Талгика. Среди неописанного удовольствия колонии, громкое «ура» готово было сорваться с губ каждого из солдат, но они помнили и в особенности теперь понимали значение отданного им прежде приказания — и молчали. Барон Меллер долго не распространялся; он велел не увлекаться поживою, не разбегаться по аулу, иметь в виду только одни неприятельские орудия, оружие, склады и главное — щадить женщин и детей.

После всего этого, барон Меллер желал дать здесь отдых войскам, и, при возможности, если бы не был открыт, и дождаться рассвета. Но судьба решила иначе: не затихли в воздухе еще последние слова его, как где-то невдали раздался вестовой неприятельский выстрел. По этому сигналу, выстрелы повторились в разных направлениях, и лес огласился призывными

криками. Тайна вскрыта, тревога разнесена, и медлить было нечего. Барон Меллер крикнул: «вперед!» Проводники вступили в лес; за ними кинулся передний фас каре, и, без всякого приказания, пустился беглым шагом. Выстрелы сближались, но на них никто не отвечал и не обращал внимания: были ли у нас раненые, падал ли кто, отставал — остальным не было дела; передний фас все бежал, а за ним бежали и другие. Лес был не густой, удобопроходимый; но на каждых пяти шагах он был загроможден большими срубленными деревьями, из которых повсюду устроены были разного рода баррикады. Эти препятствия, однако, но останавливали солдат: они натыкались на эти деревья, падали, [158] поднимались, перескакивали, перелазили через них, и потом все бежали, бежали без устали.

Так летели они одну версту, две версты и, наконец, доканчивали уже третью.

Каким образом, откуда бралась эта мощь и сила — один Бог знает. Со стороны можно было подумать, что это небольшое каре преследуется целою армиею, наседающею на него, поражающею его; а между тем, совсем наоборот: никто никого не гнал; гнала лишь всех нравственная сила, долг, обязанность, и, под влиянием этих двигателей, все забыли об усталости.

По мере сокращения трехверстного расстояния, пальба становилась все чаще, полнее. Видно было, что неприятель ежеминутно усиливается.

Из боязни потерять ожидаемые трофеи, войска, не обращая внимания на то, что едва переводили дух, прибавили шагу, — тогда как, кажись бы, и прибавлять было нечего. Вдруг, передний фас почти наткнулся на глубокий ров, за которым высился земляной вал. Из-за него затрещали сотни винтовок; огоньки забегали по всем направлениям; аул, как заколдованный, мгновенно восстал перед войсками. Вся его трескотня, огоньки от ружей и все прочее были пустяками в сравнении с тем восторгом, который охватил передовые молодецкие роты. С криком «ура» часть их просто-напросто скатилась в ров, а другая бросилась к единственным в ауле воротам. Не прошло трех минут, как ворота рухнули, и роты очутились на валу и внутри аула. Впереди всех других были: Оклобжио, прапорщик Николаев и капитан Мансурадзе — командир первой карабинерной роты. За ними неслось каре переднего фаса. Согласно предварительному распоряжению, два каре боковых фасов должны были заняться [159] уничтожением аула, а последнее каре заднего фаса — должно было прикрывать все эти действия, оставаясь в тылу, наготове, и приняв на себя неприятеля при отступлении его по этому пути.

Ни одна сакля не была освещена, нигде не пылал ни один очаг, и только ружейный огонь, словно тысячи блесток снега при восходящем солнце, сверкая время от времени то там, то сям, освещал собою и аул, и окружавшую местность.

Боковые фасы рассыпались по всем направлениям аула и, между прочим, строго исполнили отданное приказание: выламывая прикладами двери сакль, поражая штыками встречавшихся на пути защитников, врываясь внутрь неприятельских жилищ, они не тронули ни одной беззащитной женской или детской головы, хотя видели десятки их прижавшимися в угол и покорно ожидающими своей смерти. Ни одна нитка, ни одна чашка не были сдвинуты с места. Но в тоже самое время, предоставляя чеченским семействам спасать себя, как знали и умели, солдаты, тем не менее, моментально разводили огонь и зажигали саклю за саклей. Вскоре во многих местах скользнули к небу красные языки, повалил дым, и аул загорелся в разных углах. Тут уж обе стороны видели друг друга в лицо, и каждый из защитников, не желавший

или не имевший возможности бежать, не мог уже укрыться ни за саклей, ни в какой-либо яме, ни в кукурузнике или саманнике, ни во всяких прочих местах.

Переднее каре, оставив всю эту работу на долю своих товарищей, не обращая внимания на сыпавшиеся справа и слева пули, неслось прямо, по указанию наших проводников, к противоположной крайней стороне аула, где был наибский двор. Двор этот был обнесен высокою [160] оградою, которая охраняла его независимо от общего кругового вала и, подобно самому аулу, имел одни только ворота. Ворота были крепкие, из-за ограды трещал беглый ружейный огонь, но все это не остановило одушевившихся солдат. В несколько секунд вход во двор был вскрыт, и карабинеры с егерями почти вперегонку кинулись к наибской сакле. Тут, невдали от наружных дверей, стояли на передках два орудия — цель набега и предмет одушевления атакующих. Но орудия не были беззащитны: возле них, на них, за ними толпилась партия отчаянных мюридов, которые, встретив нападающих залпом из винтовок, обнажили шашки и решились защищать свое достояние до последней капли крови. В наших рядах поредело: десятки жертв пали почти у колес орудий, но за то остальные, огласив воздух последним «ура!» как львы, кинулись вперед, разметали штыками неприятельскую толпу и овладели трофеями. Не останавливаясь на этом, часть из них ворвалась в саклю Талгика, где, между прочим, никого уже не было, затем в погреба и в другие помещения, уничтожила и разметала встретившийся запас пороха, артиллерийских принадлежностей, овладела в разных местах найденным ею оружием и чрез несколько минут явилась обратно с новым трофеем — наибским значком. Сакля уже пылала.

Все это свершилось гораздо быстрее, чем доброму старому солдату выпить крышку водки, так как известно, что он пил ее всегда не торопясь.

Пока солдаты были заняты своим делом, наши проводники, со своей стороны, также не медлили. Они хорошо знали, где заключены двое приговоренных к казни, и, вскрыв яму, вытащили их на свет божий. При фантастическом отливе огня загоравшейся сакли, глазам всех [161] представились выдвинувшиеся из земли две фигуры, с оковами на руках и на ногах. Пламя на минуту скользнуло по их бледным, истощенным, изможденным лицам и осветило радостную, торжествующую улыбку на их губах. Окопы тотчас слетели с освобожденных и взамен их в руках их заблестело оружие. Отсюда все эти лица кинулись по тому направлению, где содержались остальные заключенные; но старания их были излишни, потому что другие восемь человек были уже свободны и находились под караулом наших солдат. Сюда же приказано было сдать и первых двух.

Однако медлить было нечего: хотя аул от неприятеля был очищен, но впереди, и даже подальше в лесу, шла оживленная перестрелка, усиливавшаяся с минуты на минуту и доказывавшая, что не все еще кончено, что не менее серьезные вещи еще предстоят впереди. Все дело теперь состояло в том, чтобы отступить быстро, но не впопыхах, и непременно в порядке, — иначе бой мог бы обратиться среди темной ночи в единоборство, а, следовательно, и в ожесточенную резню.

Тут нужно было то самое хладнокровие и та распорядительность офицеров, которые поддерживали порядок до минуты вступления войск в аул, — и следует отдать справедливость преимущественно майору Оклобжио, а за ним капитану Мансурадзе и остальным офицерам, что они не потеряли головы ни от сотни окружавших их смертей, ни от успеха и удачи, сопровождавших наше нападение: приказав как можно скорее прибрать наших раненых и

убитых, они, вместе с трофеями, живо оттянули все роты к выходу, потом за аул и здесь построили их к отступлению. Пропустив вперед, пока на руках людей, взятые у Талгика орудия, а вслед за ними и боковые фасы, майор [162] Оклобжио, со своим авангардом, примкнул к заднему каре, не трогавшемуся все время с места у входа в аул, и, впредь до соединения с Ляшенкою, принял на себя, согласно прежде отданному ему бароном Меллером приказанию, распоряжение всеми отступавшими ротами.

Хотя лес был своевременно занят цепями третьего батальона, но это нимало не мешало горцам, продолжая с этими цепями жестокую пальбу, тотчас накинуться на отступавшие из аула роты. С гиком, с криком они сперва атаковали головную роту, при которой следовали их орудия и, будучи отброшены в сторону, насели на цепи и арьергард. Все их старания были, видимо, направлены к тому, чтобы разорвать наши ряды и отбить обратно трофеи, доставшиеся нам ценою нашей крови. Но старания эти были напрасны: то, чем раз овладевали воронцовцы, не переходило более обратно в руки неприятеля и, нет никакого сомнения, они готовы были теперь скорее лечь на месте все до единого, чем позволить неприятелю вырвать из их рук новую лавровую ветвь.

Как огненный столп освещал дорогу евреям во время их бегства из Египта, так освещало нам путь до самого леса зарево пожара от горевшего аула. При входе в лес, на горизонте забрезжило — и мало-помалу утренняя заря начала охватывать собою небосклон.

Цепи третьего батальона отступали вместе с арьергардом майора Оклобжио; неприятельские атаки не прекращались; лес то и дело оглашался громким «ура!», доказывавшим, что обе стороны схватывались грудь с грудью. Здесь и у подполковника Ляшенки орудия наши деятельно громили на все стороны картечью, отстаивая нас впереди и отбрасывая неприятеля в тылу.

Наконец, славу Богу, арьергард пробился к месту, [163] где ожидал его Ляшенко. Ни один раненый или убитый не был забыт или оставлен на месте — иначе торжество было бы неполное.

Чуть только арьергард присоединился к головному батальону, и трофеи наши были уже в центре войск, под надежным прикрытием, барон Меллер приостановил все войска, чтобы перестроить их к дальнейшему отступлению. Здесь, в голове колонны он поставил казаков, за ними первый батальон с двумя легкими орудиями, потом значок и два наши трофейные орудия, передки которых оказались полны зарядами, затем — второй батальон с двумя горными орудиями и, наконец, две роты четвертого батальона с остальными двумя легкими орудиями. Образовавшийся таким образом арьергард из шести рот с четырьмя орудиями барон Меллер поручил, с этого пункта, командованию подполковника Ляшенки. В боковых цепях были рассыпаны по две роты третьего батальона.

Во время этих распоряжений и перестройки войск, неприятель как бы примолк, собираясь ли с духом, или ожидая нашего движения. И чуть только колонна в указанном порядке тронулась — перестрелка вновь затрещала со всех сторон, и горский гик — доказательство их атак и нападений, начал раздаваться то в правой, то в левой цепи. Здесь уже вся тягость боя выпала на долю третьего батальона, который, отбиваясь от непрерывных наскоков неприятеля, не дал ему возможности чувствительно вредить нам.

Все это продолжалось в таком виде до минуты выступления нашего последнего солдата из леса. Тут только горцы убедились, что и их орудия и их значок потеряны для них безвозвратно и, умерив свои бешеные атаки, хотя сопровождали и преследовали нас настойчиво и с [164] видимым ожесточением, но не решились ни врезываться в наши ряды, ни схватываться на холодном оружии.

Преследование продолжалось до реки Басса; только по переходе ее нашими войсками, оно перешло в перестрелку с другого берега, а затем — и вовсе прекратилось.

Веселые, торжествующее, воронцовцы, с песнями, с барабанным боем, в час пополудни, вступили в свою штаб-квартиру. Среди этого празднества, даже раненые забыли о своих страданиях, и хотя помутившиеся глаза у многих готовы были закрыться навсегда, а все-таки радостная улыбка скользила по их охолодевшим губам.

Дело в ауле Талгика — исключительно дело «куринское», и никто, кроме горсти кавалерии, не разделял с ними славы и успехов этого дела. Впоследствии часто можно было слышать, как куринцы, рассказывая подробности этого дела, называли его не иначе, как «наше дело», и произносили эти слова с какою-то особенною гордостью.

Правда, хорошее было это дело, незапамятный и славный был этот набег, еще лучше был самый успех; но... чувствительна была и потеря воронцовцев: убит командир третьей егерской роты поручик Чесноков и тяжело ранены: подполковник Янов, артиллерии подпоручик Рычков, командовавший взводом; затем, капитан Руденко и прапорщик Месарож; легко ранены: прапорщики Ипполитов и Ушаков; нижних чинов убито шестнадцать и ранено сто три; контужено обер-офицеров два и нижних чинов сорок семь.

Всеобщее сожаление офицеров и солдат целого полка воронцовцев относилось преимущественно к подполковнику Янову, так как все соглашались в том, что он, отступая в арьергарде, не один раз спасал и выручал воронцовцев своею меткою и беглою картечью, и умел ее [165] пустить в ход именно в те минуты, когда положение арьергарда, видимо, становилось критическое и безвыходное.

Между прочим, в этом набеге у нас убито десять и ранено тринадцать лошадей.

Потеря неприятеля осталась для нас точно неизвестною; но, судя по избиению нами его в ауле, по отражению беспрестанных его атак нашею картечью и штыками и, наконец, по нашей собственной потере, она была такого рода, что представляла собою в полном смысле высокоторжественный сюрприз для имама, который, конечно, счел совершенно ненужным уже сдержать свое слово, данное Талгику, и явиться к нему в гости. И очень понятно: какие тут «гости», когда ни самого помещика, ни его поместья, ни жертв, обреченных на казнь, на месте не существовало: один убежал, других увели, а самый аул был обращен в груду пепла и развалин.

Государь Император, в ознаменование Своего благоволения к князя Воронцова (куринскому) полку, и в память славного и геройского набега на аул Талгика, считавшийся в своих трущобах, нами тогда неведомых, почти недоступным и неприступным, Высочайше повелеть соизволил, чтобы орудия, взятые у неприятеля с боя, хранились бы при том полку.

Одно из орудий было легкое шестифунтовое, другое — горное.

Так они постоянно и стояли у дома командира полка (а может быть, стоят еще и доселе), напоминая и старым и молодым куринцам о незабвенном их подвиге.

Текст воспроизведен по изданию: Погром Чечни в 1852 г. // Кавказский сборник, Том 5. 1880

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

ПОГРОМ ЧЕЧНИ В 1852 ГОДУ

VII.

Серьезный, но неудавшийся план Шамиля. Наши новые поселения. Нападения наиба Эски на наш аул Истису. Дамоклов меч над новыми нашими подданным. Истребление житниц и всякого рода запасов. Гурдалинская катастрофа. Каким образом, когда и откуда явилась идея о перемене рода войны на Кавказе и о последовательном покорении его. Еще истребление запасов. Наказание ханкальцев. Первое вторжение наше в аргунское ущелье.

Ни Шамиль, стремившийся упрочить свое влияние над Чечнею, всегда казавшеюся ему непрочною, ни Талгик, обиженный и разоренный, не думали легко помириться с неудачами, понесенными ими в предшествовавших делах.

Имам приказал своим наибам — Талгику, Эски, а в малой Чечне — Дубе и Сайбдуле тревожить и не оставлять нас в покое, захватывая пленных, отбивал скот, нападая на наши укрепления и дороги и т. п.

Наибы, со своей стороны, были рады стараться. И вот, начиная с ранней весны, в течение всего лета и до самой зимы, кордоны наши были в вечной тревоге: чеченцы, действительно, не упускали ни одного случая вредить нам. Ловили ли рыбу на берегу реки казаки или другие жители укреплений и аулов, вспахивали ли поле, стерегли ли скот, снимали ли сено, проезжали ли по дорогам — везде они встречали засады и нападения, везде одна или несколько жертв были последствиями этих нападений. Нет возможности, да и не интересно, исчислять все частные наши столкновения с партиями горцев, включал сюда же нападения и на наши вооруженные оказии, следовавшие в разных направлениях по передовой линии...

Время от времени сам Шамиль поднимался против [167] нас со своими полчищами, а иногда и мы сами, когда надоедали нам эти постоянные тревоги, предпринимали набеги и движения внутрь непокорной земли.

Прошло два месяца в таком положении после погрома аула Талгика. Шамиль не удовлетворился частными схватками с нами и нападениями на наши кордоны, и решился предпринять что-либо более существенное.

В конце мая он собрал весьма почтенное полчище тавлинцев и чеченцев и, распустив предварительно слух, что идет в Дагестан — где его и ожидали, мгновенно повернул в Чечню и направился в галашевское общество, с целью возбудить его против нас, склонить на свою сторону и пошуметь, сколько будет возможно, во владикавказском военном округе.

Об этом князь Барятинский и барон Вревский (начальник округа) узнали одновременно и тотчас приступили к мерам противодействия Шамилю и взаимодействия по отношению друг к другу. Вревский снял все войска вверенного ему округа с верхне-сунженской линии и двинул их к галашевскому обществу, навстречу Шамилю, а князь Барятинский в тоже время закрыл своими войсками обнаженную сунженскую линию, и к рассвету, второго июня, в станице Самашинской уже находились следующие части: шесть рот линейных 9-го и 10-го батальонов, три сотни гребенцов, две сотни дунайцев, полсотни грозненцев, четыре орудия конно-казачьей № 15-го батареи, пять рот князя Воронцова полка, четыре сотни донского № 19-го полка, два орудия легкой № 5-го батареи 20-й артиллерийской бригады, ракетная команда. Кроме того, князь Барятинский вызвал из Наура еще четыре сотни моздокцев и два орудия конно-казачьей № 15-го батареи. [168]

Сунженская линия, таким образом, была обезопасена.

Тогда князь Барятинский образовал другой небольшой отряд из двух тенгинских и одной навагинской рот, сотни моздокцев, двух сотен донцов № 16-го полка и двух орудий подвижной гарнизонной артиллерии, взятых в станицах Алхан-Юрте и Самашках, и с этою колонною двинулся через р. Камбилеевку к укр. Назрановскому, становясь этим порядком Шамилю во фланг.

Все эти передвижения совершились быстро, по-кавказски, переходами в сорок и пятьдесят верст, — так что, прежде чем Шамиль подошел к галашевскому обществу, наши войска были на всех пунктах в полной готовности к бою.

Шамиль увидел, что предупрежден повсюду, и что намерения его ни в коем случае состояться не могут. Волей-неволей пришлось отказаться от своего плана и отступить, — что он и сделал. Но, отступая, он все-таки не хотел оставить нас в покое и не попытать счастья. С этой целью, он направил одну партию, под начальством Эски, к кр. Грозной, а другую, под предводительством Талгика, к Тепли-Кичу. Первого июня Эски явился в виду Грозной. Тотчас же с фортов была открыта орудийная канонада, и тревога сообщилась по сунженской линии. Навстречу партии были высланы пока наличные казаки и мирные чеченцы. Эски, увидев, что его здесь ожидали, не решился принять бой и удалился на соединение с Талгиком. Третьего июня они обложили Тепли-Кичу и открыли по укреплению бомбардирование из двух орудий. Началась артиллерийская, с обеих сторон, канонада; гарнизон ждал терпеливо на валу. Постреляв около получаса, наибы посоветовались между собою и признали, что и тут нападение может быть для них невыгодно. Подумав, подумав, [169] они решили, что лучше отложить все подобные попытки до более удобного времени — и убрались подобру-поздорову. Тем и кончились пока замыслы Шамиля.

После зимней экспедиции у нас оказалось достаточно новых подданных, которых нужно было по возможности пристроить. Для поселения их была назначена равнина, прилегающая к качкалыковскому хребту, на кумыкской плоскости, между Тереком и Аксаем. Таким образом, было положено начало нашему качкалыковскому наибству, и возникли быстро аулы: Ойсунгур — под укреплением Куринским, Кадыр-Юрт и, наконец, самый большой — Истису, по течению горячего источника, вытекавшего из Качкалыка, в четырех верстах от укр. Куринского, по направлению к Умахан-Юрту.

С минуты водворения новых поселенцев в Истису, аул этот и построенное в нем укрепление тотчас приобрели для нас и для окружающих непокорных горцев весьма важное значение,

которое не умалялось долгое время; поэтому, необходимо несколько остановиться на новом нашем поселении, замечательном в 1854-м году происходившим тут сильным боем наших войск со скопищами Шамиля.

Местность, на которой мы основали Истису — вполне разбойничья и служившая до сих пор постоянным притоном неприятельских партий, делавших нападения на наши кордоны. Она изрезана по всем направлениям балками, берущими свое начало в лесах качкалыковского хребта, и эти-то балки, будучи чем-то в роде закрытых тоннелей и наиудобнейших проходов между мичиковским [170] непокорным наибством и нашею землею, были главным убежищем для неприятеля. Устроив здесь аул и укрепление, мы лишали наших врагов этого приюта и загораживали им вход к нам. Мало того, под защитою этих балок и наших укреплений, мы предоставляли возможность новым нашим поселенцам, недовольным прежними своими шамильскими правителями, делать нападения на неприятельскую землю, принимать к себе новых выходцев из числа их родичей и других подобных лиц, и вообще — обеспечивать наше спокойствие с этой стороны столько же, сколько и причинять вред непокорным горцам.

Истису был обнесен валом и колючкою. На выдающемся высоком конце его, обращенном к неприятелю, был устроен нами передовой редут, с одним орудием, и впереди его, еще выше, сторожевая башня. Другой редут, также с одним орудием, был сооружен на противоположной стороне аула, нижней. Оба эти форта были заняты одною нашею ротою. Если же случались тревоги или неприятельские нападения, то помощь приходила из укрепления Куринского, и полковник Бакланов никогда не зевал.

Все указанные выше меры, и в особенности занятие нами такого важного стратегического пункта, и притом людьми вполне враждебными Шамилю, потому что обиженными им, весьма естественно, не нравились прежде всего самому имаму, а потом, чуть ли даже не больше, и наибу Эски, который теперь, посредством интриг и обильной дани Шамилю, дошел до апогея своего значения. Этот апогей выразился в том, что Шамиль передал в его руки и наибство Гехи, велев распоряжаться всем внутри и вне, не испрашивая от него никаких предварительных приказаний — разве в крайних и необходимых, но его уже усмотрение, случаях. Это было — carte blanche со стороны [171] Шамиля. Главнее всего, имаму и его наибу желалось наказать вероломных истисуйцев, разорить их гнездо, вновь овладеть этим пунктом — столь необходимым для планов и дальнейших действий нашего неприятеля.

Отсюда начался целый ряд нападений на Истису, закончившийся указанным нами боем 1854-го года, когда политические и военные в то время обстоятельства в целой Европе уж не в меру одушевили Шамиля.

Из числа нападений описываемого нами года более или менее были следующие: четвертого июня Эски явился против Истису со значительною партиею и с одним орудием и атаковал его. На помощь гарнизону и жителям быстро подскочил полковник Бакланов и прогнал его; десятого июня нападение повторилось вновь, но было отбито нашею колонною, рубившею лес близ Истису; двадцать четвертого июня — тоже в этом роде, двенадцатого июля — опять такое же нападение. Вообще, Эски, поклявшийся во что бы ни стало доконать Истису, пользовался каждым удобным случаем нанести ему какой бы то ни было вред, — и каждый раз отступал с потерею и с неудачею, потому что, как мы заметили выше, Бакланов тотчас вырастал перед ним словно из земли.

Опыт показал Шамилю и его наибу, что всех этих явлений, в виде частных нападений, недостаточно; а нужно придумать что-нибудь такое, вроде дамоклова меча, что сидело или висело бы всегда и постоянно на шее у Истису. И вот, надумавшись вдоволь, они изобрели штуку весьма неглупую — поставить в противодействие аулу и укреплению Истису аул Гурдали, заселить его самыми отчаянными, разбойничьими головами и поручить им непрерывные тревога и нападения не только на ненавистных истисуйцев, но и на окрестные, нам покорные, места. Кликнули клич — и аул [172] Гурдали быстро наполнился отпетыми мюридами, помилованными Шамилем для этой цели преступниками и тому подобным сбродом. Действительно, притон и деятели его оказались хоть куда, так что сердца Шамиля и его главнейшего сподвижника трепетали от радости, смотря на эти исчадия ада, на этих рыцарей смерти, разбоя, преступлений.

С той минуты истисуйцам, а за ними отчасти и нам, становилось совсем неудобно. Барятинский подумал и решил, что необходимо вырвать с корнем это гурдалинское гнездо — иначе не будет никогда покоя в той стороне. Пока же эта мысль была приведена в исполнение, заведующий левым флангом счел нелишним принять меры к обессилению и разорению неприятеля на иных пунктах; Гурдали же оставить, так сказать, на закуску — в числе некоторых других, ему подобных, мест.

К этому решению побуждала князя Барятинского необходимость воспользоваться благоприятным временем, чтобы нанести горцам наиболее чувствительный вред внутри их собственной земли, у них в доме, посредством уничтожения уже готовых и частью скошенных трав, истребления дозревавшего хлеба и всякого рода посевов.

Началось с Гойты. Седьмого июля отправился туда командующий войсками в кр. Воздвиженской, полковник Ляшенко, с двумя батальонами пехоты, четырьмя сотнями казаков и четырьмя орудиями. В верховьях Гойты, частью уже нам известных, колонна нашла богатые посевы кукурузы и проса, охватывавшие собою обширное пространство. Быстро уничтожив их в тот же день, она возвратилась домой без всякой потери, Через двадцать дней, именно двадцать седьмого июля, полковник Ляшенко предпринял второй набег на шалинскую поляну — для уничтожения запасов сена. В состав командуемой им колонны входили два с половиною батальона [173] пехоты князя Воронцова полка, четыре сотни донского № 19-го полка и шесть орудий легкой № 5-го батареи 20-й артиллерийской бригады. К рассвету, на двадцать восьмое июля, войска были на месте и принялись за истребление, действительно, богатых запасов сена: поляна была покрыта сотнями стогов. Тотчас явился и неприятель, который открыл по нас огонь из орудия. Под прикрытием нашей артиллерии, которая держала горцев в приличном отдалении, войска продолжали свое дело. К полудню все пространство, занятое стогами сена, покрылось густым дымом, доказывавшим, что сеном этим горцы более не воспользуются. Затем, началось отступление. Тут только чеченцы, благодаря закрывавшему их от нас дыму, налегли на арьергард; но несколько картечных выстрелов быстро отбросили их в пространство.

В этот день колонна полковника Ляшенки уже не возвращалась в Воздвиженскую, а ночевала на Шавдоне. Утром, 29-го июля, она выступила по направлению к аулу Белгатою, влево от шалинского окопа, и, найдя там такие же запасы сена, как и накануне, истребила их до последнего стебелька.

В эти два дня у нас убит один и ранено пять нижних чинов.

Тот ошибется, кто подумает, что только ради сена мы принесли эту, хотя и незначительную, жертву, не уравновешиваемую, по-видимому, даже и полумиллионом стогов. Нет, не сено здесь играло роль, а те значительные конные партии тавлинцев, которые зимою могли быть приведены сюда Шамилем, равно и вся чеченская кавалерия, для которой, по приказанию имама, приготовлялись эти запасы.

Уничтожая сии последние, мы лишали возможности Шамиля вводить сюда и содержать здесь зимою, для действий [174] против нас, значительное число конницы, а, следовательно, заранее предупреждали возможность будущих серьезных с нами битв. Лишившись теперь одного убитого, да пятерых раненых, мы тем самым застраховали десятки и сотни других голов, которые, при наплыве зимою конных партий (если бы было им, чем кормить лошадей) могли бы пострадать неминуемо.

Горцы Дагестана и Лезгистана, всегда называвшиеся в Чечне тавлинцами (Тау — гора.) (хотя имя тавлинцев собственно принадлежит беднейшим и диким обществам верховьев Шаро-Аргуна и некоторых других ближайших трущоб) не без охоты являлись на зиму в Чечню. Тут главную роль играла не столько война, сколько недостаток у них в горах фуража и всякого зерна. Они прибывали, конечно, конные, продовольствовали своих лошадей насчет чеченцев, кормились сами на их же счет, и тем сберегали и обеспечивали своих коней, а в тоже время и облегчали свои вечно голодающие семейства. За это-то именно чеченцы их и не терпели, в особенности в последнее время, когда Шамиль повадился сосредоточивать у них все большие и большие партии. Мало того, что чеченец в течение лета должен был употребить свой труд на пользу чужого человека, он еще должен был и кормить его от труда рук своих зимою, — тогда как, чего доброго, у иного сама семья нуждалась в куске хлеба. Конечно, кого это не взбесит! Но Шамиль думал иначе: для его целей ему нужны были войска — и непременно большею частью тавлинцы; тавлинцы, во-первых, потому, что это народ голодный и в данном случае обязанный ему прокормлением, а, во-вторых, потому, что на чеченцев, т.е. на народ (не на военачальников их) он не рассчитывал; [175] он знал, что они его не совсем долюбливали, что свою вольность и неприкосновенность, свое ничегонеделание, свой покой они часто предпочитали всякой драке. Оттого-то он, с одной стороны, и ставил чеченцам в наибы нередко чуждых им людей, преимущественно тавлинцев, с другой — не стеснял этих людей в их деспотических действиях и, наконец, приказывал им и требовал от них, чтобы всякие запасы для их земляков, долженствующих явиться на зиму в Чечню, были бы приготовлены заблаговременно.

А мы, между тем, стремились эти запасы постоянно уничтожать и истреблять. Постороннему зрителю, незнакомому со всею этою махинациею, показалось бы весьма странным, что мы, ради сотни стогов сена, жертвуем несколькими своими головами, а кавказскому воину, в особенности военачальнику, такая манера действий была ясна, как божий день, и необходима, как кусок хлеба голодному. Оттого-то и князь Барятинский отдал пока преимущество сену и волевым посевам и оставил на втором плане Гурдали, хотя это несносное Гурдали нас уж крепко допекало чуть не два раза в неделю.

Наконец, дошло дело и до него. Участь этого разбойничьего гнезда была предоставлена полковнику Бакланову и им же решена по возможности. Но чтобы облегчить этого славного вождя, оттянув от него часть неприятельских сил, князь Барятинский предпринял общее и обширное движение в большую Чечню. Мало того, он решил нанести неприятелю поражение более или менее одновременно с трех сторон: со стороны кумыкской плоскости, т.е. от

Гурдали, со стороны Шали и Басса и даже в аргунском ущелье. Последнее движение было для того времени шагом чересчур смелым и далеко небезопасным.

Посвятив в свои соображения Бакланова, который [176] должен был действовать отдельно и самостоятельно, князь Барятинский привел в исполнение свои планы 11-го, 12-го, 13-го и 15-го августа. Он был уверен, что если в одно и тоже время уничтожить Гурдали, поразить неприятеля на нескольких пунктах и истребить на возможно большем пространстве разные запасы, то лишит Шамиля главных средств вести против нас зимнюю кампанию, чувствительно подорвет его власть и влияние в Чечне и еще раз заставит многих чеченцев переселиться в наши пределы.

Все это сбылось хотя не вполне, но в значительной степени.

Военные действия открыл 11-го августа командир князя Воронцова полка, явившись в этот день, на рассвете, на мезоинской просеке, сделанной нами в истекшую зиму.

В состав колонны входили: три батальона командуемого им куринского полка, четыре сотни донского № 19-го полка и шесть орудий легкой № 5-го батареи 20-й артиллерийской бригады.

Когда начальник колонны прибыль на мезоинскую просеку, то оказалось, что она во всю ширину ее прорыта глубокою и непроходимою канавою. Пришлось приступить прежде всего к устройству переправы, так как главная цель движения — неприятель и все его запасы и посевы — находилась по ту сторону просеки.

Работа закипела. Чеченцы пока нас не беспокоили.

В шесть часов утра приехал князь Барятинский в сопровождении одной только кавалерии, состоявшей из четырех сотен гребенского, двух моздокского, двух донского № 19-го казачьих полков и одной сотни дунайского казачьего войска. Вся эта кавалерия в одни сутки явилась на Аргун с Терека, Алхан-Юрта и из Грозной. [177]

Когда князь Барятинский присоединился к полковнику Воронцову — переправа уже была готова, и по ней войска прошли беспрепятственно на ту сторону канавы, миновали просеку и вступили на обширную мезоинскую равнину.

Казалось, что самая земля согнулась под тяжестью скирд, копен, снопов сена, проса и кукурузы, представившихся зрению на громадном пространстве. Поле, лесные прогалины, лощины, площадки в самом лесу — все было заставлено произведениями богатой и благодарной почвы, и все это в полчаса было охвачено кавалерию и пехотою, которые разметывали, рвали, побивали, топтали, зажигали эти предметы народного благосостояния.

Неприятель пока нас не тревожил, потому что местность была открытая и для него неудобная; но лишь только эти посевы и запасы в течение трех-четырех часов были истреблены дотла, и отряд двинулся вперед, имея в авангарде кавалерию, а с флангов по одному батальону пехоты, чеченцы стали показываться в опушках окружающего поляну леса и орешника и понемногу атаковали наши батальоны. Вслед затем, против фронта грянул на нас первый орудийный выстрел. Князь Барятинский, вверив генерал-майору Багговуту всю кавалерию, приказал ему атаковать горцев. Багговут понесся стрелою, за ним бегом кинулись батальоны, и в то время, когда он моментально отбросил неприятельскую партию к самым горам, пехота быстро занимала опушки и перелески, ограждавшие следующую поляну. Охватив, таким образом, последнюю со всех сторон своими цепями, она открыла кавалерии полный простор для

беспрекословных и безбоязненных распоряжений теми запасами, которые находились на этой второй равнине.

Тут дело пошло еще шибче, чем на предыдущем месте. По истечении часа поляна представляла собою жалкий, [178] печальный вид, в который не могла бы ее облечь никакая туча саранчи из числа всех тех туч, которые поражали когда-либо землю от сотворения мира.

Отсюда князь Барятинский беспрепятственно прошел на шалинскую просеку и сделал привал.

Через час присоединился к нему генерал-майор Майдель, прибывший из Грозной с двумя с половиною батальонами пехоты и шестью орудиями грозненского гарнизона.

Несмотря на длинные переходы, прибывшие войска были бодры. Князь Барятинский, дав им час или полтора на отдых, двинул их, под начальством генерала Майделя, со всею кавалериею, под начальством генерала Багговута, за Шавдон, к Герменчуку, а сам со своим отрядом остался на занятой позиции. Цель движения была все та же — уничтожение запасов и посевов. Оба генерала истребили их наиблестяще, не только не понеся никакой особенной потери (Вообще, вся потеря в отряде князя Барятинского и течение последних четырех дней состояла в одном раненом обер-офицере и в двадцати пяти раненых нижних чинах. Авт.), но даже не встретив ни одной толпы неприятеля. Все ограничилось несколькими выстрелами. Такая уступчивость со стороны горцев казалась загадкою; но загадка эта скоро объяснилась: когда колонна возвращалась назад, то услышала на Шавдоне, со стороны Качкалыка, сильную канонаду. Не было сомнения, что она гремела в колонне полковника Бакланова, и что все силы неприятеля были сосредоточены там — за исключением тех немногих, которые встретил князь Барятинский поутру; да теперь, вероятно, и они уж примкнули к гурдалинцам.

А бой Бакланова в эти минуты был более, чем серьезный; он был такой, которого уж давно не помнили на Кавказе. [179]

Получив распоряжение князя Барятинского об одновременном с ним движении и действии, Бакланов, со свойственною ему быстротою, собрал с разных пунктов кумыкской плоскости в укреплении Куринском три батальона егерского князя Чернышева (кабардинского) полка, одну роту линейного № 12-го батальона, девять сотен донских №№ 17-го и 18-го полков, две сотни кизлярского казачьего полка, семь орудий батарейной № 4-го батареи 20-й артиллерийской бригады и донской конной № 7-го батареи. Путь впереди лежал уже нам известный — чрез качкалыковский хребет. Отряд выступил с рассветом того же 11-го августа.

Вся задача состояла в том, чтобы как можно поспешнее и незаметнее подойти к Гурдали, быстро накрыть это гнездо и не дать возможности тамошним головорезам спастись бегством и затем вновь досаждать нам. Но, как ни хороши были эти цели, они все же были частью излишни и — увидим далее — частью неправильны, тем более, что сами нынешние гурдалинцы вовсе не принадлежали к числу тех горцев, которых бы устрашила численность наших войск, и которые бы без сопротивления или отместки уступили нам свое убежище.

Если бы наш маневр удался нам вполне, со всеми последствиями, т.е. если бы нам привелось перебить всех гурдалинцев и действительно снести с лица земли их жилища — тогда цель движения была бы достигнута, и можно было бы сказать, даже при чувствительной со стороны нашей потере, что игра стоила свеч. Но так как этот прием — увидим ниже — послужил нам во вред во многих отношениях и к цели далеко не привел, то волей-неволей мы ставим вопрос: зачем было предпринимать бесследный набег на Гурдали? Если только для того, чтобы

наказать [180] гурдалинцев и потом отступить, то для нас на этом случае очень резко сказался не раз повторявшийся в прежнее время на Кавказе факт, который свидетельствовал что, стремясь к покорению и умиротворению края посредством наказаний горцев, мы, как я уже выразился в предыдущем моем сочинении, нередко наказывали себя самих — не замечая того.

Сказания о злополучной для нас гурдалинской катастрофе не дошли до нас подробно в тех официальных источниках, которые опубликованы в свое время. Из них мы знакомимся с этим делом в высшей степени поверхностно, в общих местах, и не получаем о нем никакого точного, определенного понятия. С целью или без цели это сделано — решать пока не наше дело. Мало того, лица, вполне знакомые с записками покойного Бакланова, напечатанными в одном из наших периодических изданий, заверили нас, что и в них ничего нельзя найти относительно этого несчастного для нас дела — что очень вероятно, так как, с одной стороны, едва ли бы не только Бакланов, но всякий другой на его месте решился бы подробно рассказывать потомству и истории о своих ошибках и неудачах, а с другой, как увидим ниже, Бакланов даже и не мог во всех деталях сообщить кому-либо о понесенном нами — если можно выразиться — поражении, потому что в самые критические, безвыходные минуты боя, когда ни один из нас мог не выйти живой из дела, его не было в числе сражавшихся.

Приступая ныне к описанию этого движения полковника Бакланова, мы, в виду предыдущего заявления, обязываемся оговориться, что сведения о гурдалинском деле и о дальнейшем роковом для нас отступлении в Куринское заимствованы нами из подробного рассказа очень почтенной [181] особы, участвовавшей в то время в битве, до последней минуты ее, в качестве ближайшего должностного лица при одном из начальников. Рассказом этим мы обязаны столько же случаю, сколько и интересу, который представляет собою в нашем обществе «Кавказский Сборник», подавший повод к разговору о Гурдали. Не будь того и другого — почем знать, может быть и ускользнули бы от описания подробности дела 11 -го августа 1852-го года, так как даже и на Кавказе немного уже осталось лиц, в особенности заслуживающих полного доверия, которые участвовали во время движения нашего отряда в Гурдали.

Чтобы получить ближайшее понятие об этом движении и о нашем печальном отступлении, мы должны составить себе в воображении нечто вроде почти равностороннего треугольника: вершиною этого треугольника будет укр. Куринское, основанием — Мичик; линии, проведенные от вершины через качкалыковский хребет до соединения с Мичиком — одна на Гурдали, а другая на укрепление Шуаиб-Капа, (Это укрепление находилось за Мичиком, в лесу. Оно хотя было невелико, но имело хорошую оборону. Шамиль считал его оплотом большой Чечни. Мы много раз ходили возле и вокруг него, но не решались штурмовать, опасаясь большой потери. Им начальствовал Юнус. В январе же 1855-го года укрепление Шуаиб-Капа было взято бароном Николаи почти без выстрела — что произошло и случайно, и неожиданно. Авт.) составят стороны треугольника. Просека наша, о которой мы уже знаем, находилась влево по выходе из Куринского и пролегала на Мичик к стороне Шуаиб-Капа; войска же, выступив одиннадцатого августа из Куринского и взойдя на Качкалык беспрепятственно, оставили эту просеку влево и с качкалыковского хребта двинулись к Гурдали таким образом, что вышли к Мичику на расстоянии почти одной трети дороги, вдоль [182] по реке, между Гурдали и Шуаиб-Капа. Здесь был оставлен первый батальон кабардинского полка для обеспечения нашего тыла и устройства переправы через реку, так как Бакланов намерен был, отступая из Гурдали, перейти в этом пункте на другой берег реки и двигаться все вдоль ее почти до той линии, на протяжении которой лежит Шуаиб-Капа, а там

уже опять вторично перейти реку вброд и подняться прямою дорогою возле просеки — или и по самой просеке — на качкалыковский хребет.

Наступление наше было быстрое, вполне партизанское, так что мы не дали горцам ни опомниться, ни стянуться даже у Гурдали; самих же гурдалинцев мы захватили вполне врасплох.

Оставив первый батальон на Мичике, полковник Бакланов отправил вперед, на рысях, всю кавалерию, с конными орудиями, под начальством подполковника Суходольского, и велел ему охватить Гурдали со всех сторон и ждать приближения пехоты, а полковнику барону Николаи поручил поспешнее следовать за Суходольским с пехотою и порешить существование гурдалинцев.

Суходольский так быстро достиг до аула, обскакал его и сдавил в кольцо, что немногие из жителей успели спастись бегством. Усмотрев свое безвыходное положение, горцы, по необходимости, большею частью заключились в саклях, со своими семействами. Сакли эти, в виду назначения, данного Шамилем аулу Гурдали и ого обитателям, были теперь устроены таким образом, что каждая из них представляла собою нечто вроде блокгауза и проникнуть в нее, хотя бы через дверь, было нелегко: массивные двери, с двойными и тройными вполне надежными засовами, служили лучшею гарантиею безопасности каждой сакли. [183]

Пока подошел с пехотою барон Николаи, горцы сделали, что было возможно: стреляя из амбразур по нашей кавалерии, они уложили на месте несколько человек и несколько лошадей.

Наконец, пехота ворвалась в аул — и каждая сакля заговорила смертью. Ни обширность и разбросанность аула, ни малочисленные силы наши не позволяли штурмовать сакли; может быть, на этот раз, как назло, не было и того единодушия, которое сопровождало наши всегдашние действия. Артиллерия, конечно, оставалась также в пассивном положении, потому что громить аул, окруженный нашими же войсками, было неудобно. Вся битва шла на перестрелке. Горцы из сакль стреляли почти без промаха, а наша пехота и частью кавалерия поневоле должны были ограничиваться тем, что пускали свои заряды в отверстия сакль наудачу.

Чтобы придавить неприятеля в наиболее бойком месте аула, откуда он наносил нам сравнительно чувствительный вред, и, если возможно, выбить его из-за прикрытий, послана была наперерез аула команда кабардинских охотников, с ее командиром — храбрым и неустрашимым капитаном Богдановичем. Команда бегом пустилась по аулу. Богданович имел неосторожность оставаться среди нее верхом на лошади, представляя из себя наилучшую мишень для неприятельских выстрелов. Едва только охотники углубились в аул, сопровождаемые отовсюду ружейными выстрелами; едва, только их первое «ура» пронеслось по аулу — Богданович пал с лошади, сраженный пулями в живот и в руку, которою держал повод.

Это была наша первая, в данных обстоятельствах незаменимая потеря.

Подняв дорогое тело и отправив его в прикрытие, [184] охотники с ожесточением кинулись вперед. Правда, на их долю достались две-три сакли, несколько пленных — мужчин и женщин, — но все это не могло вознаградить нашей утраты в лице Богдановича, который скончался в тот же день.

Перестрелка трещала во всех закоулках аула и среди нашей кавалерии; дым густыми волнами стлался повсюду; кое-где вскрывались храбрыми кабардинцами двери сакль, и происходили рукопашные схватки; но это были случаи единичные, частные. В общем же, все та же пальба из ружей в сакли и из сакль.

Казаки спешились и стали на подмогу пехоты, но и это не помогло.

Уже более получаса продолжалась битва в этом роде. То оттуда, то отсюда солдаты и кавалеристы тащили какого-нибудь гурдалинца, бабу, барана, козла, корову или лошадь, но самый аул не сдавался.

Все чаще стали подносить раненых — офицеров и солдат; роты редели, люди уставали, изнурялись.

Прошел целый час боя оживленного, ожесточенного — и результатом его оказались десятки наших раненых, свыше пятидесяти пленных и почти весь аульный скот, плюс-минус голов сто. Аул все-таки остался за неприятелем, и сколько у него было потери — нам неизвестно и доселе, потому что толстые стены сакль упорно хранили во время боя от нас эту тайну.

На том все и кончилось. Пехоте велено было отступить из аула, а кавалерии приказано уничтожить ближайшие к аулу запасы всякой жатвы.

Началось отступление.

Тут только гурдалинцы выползли из своих сакль и решились отплатить нам за причиненное им беспокойство. [185]

В авангарде шла кавалерия, открывая собою дорогу. Дорога эта пока пролегала по местности ровной, открытой, лишь кое-где усеянной деревьями и занятой бесчисленным множеством скирд, стогов и разного подобного рода снятыми с земли посевами. А за этими прикрытиями уже ожидали нас неприятельские партии, и в то самое время, когда гурдалинцы наседали на наш арьергард, который вел барон Николаи, эти свежие толпы провожали нас с флангов беглым ружейным огнем. Здесь и позади нас был полный простор для нашей артиллерии: картечь буквально застилала собою поле, гранаты за гранатами рвали стога, взметали их кверху и частью зажигали; горцы перебегали из-за разоренного стога к другому, опережали нас, встречали в лицо, опять скрывались и вновь провожали с флангов. И людей, и лошадей у нас видимо убывало, но кавалерия отступала твердо, молодецки, как на смотру, как на параде, сопровождая это отступление периодическими атаками.

Среди одной из этих атак, Суходольский был ранен, но это не изменило хода боя, потому что кавалериею руководил сам Бакланов, под сенью своего черного значка, который ласточкою вился то в том, то в другом направлении.

Так шли по берегу реки до того пункта, на котором был оставлен первый батальон, и здесь стянулись.

При отряде находился и Батий Шамурзов, по указаниям которого предпринято было пройденное доселе на Гурдали и обратно направление. Вследствие этих же указаний Бакланов намерен был, как мы уже заметали, переправиться Мичик на пункте, которого достиг, и следовать далее противоположным берегом реки; но вдруг Батий заявил, что в настоящее время предположенное движение [186] невозможно, потому что, не доходя Шуаиб-Капы, мы

должны будем в лесу нарезаться на сильные партии, которые (по расчету ли и соображению его, или по полученным при отступлении — быть может, от его же приятелей-лазутчиков — известиям) там нас ожидают. Это несколько смутило и взорвало запальчивого Бакланова. После крупного разговора с Батою, он должен был ему уступить и решил продолжать дальнейшее движение по берегу же реки, до угла описанного нами треугольника, а затем оттуда подняться на Качкалык. Но невозможности и этого движения, вследствие обрывистых берегов реки и непроходимых даже для пехоты мест, Батий противоречил настойчиво и доказывал это горячими доводами. Тогда Бакланов окончательно вышел из себя, и гнев его перешел пределы всякой сдержанности… Громко раздались его слова:

— Значит… ты меня обманул!..

Но обманул ли его Батий Шамурзов, или сам обманулся — нужно было и здесь подчиниться необходимости.

Батий, скрепя сердцем и зная хорошо Бакланова, не позволил себе в ответ никакой выходки, и, так сказать, проглотил молча выражение полной ярости Бакланова.

Отряд начал отступать по направлению к центру описанного нами треугольника. Кавалерия опять-таки отправилась с Баклановым вперед, а арьергард остался на руках и на попечении барона Николаи. В хвосте его находился первый батальон, еще не бывший в деле у Гурдали и на поляне, и поэтому более или менее свежий. В левую цепь, с двумя ротами, был выдвинут подполковник Крылов, в правой, также с двумя ротами, шел полковник Нейман.

Несмотря на то, что пехоты вообще было мало, и что чувствительный процент ее был переранен, и часть [187] пострадавшая пошла вслед за кавалериею, а другая была у носилок наших раненых и убитых, на долю ее все-таки выпало — и этих же раненых нести, и пленных сопровождать, и отбитый скот приберегать. Роты пехотных полков и без того были всегда бедны количеством штыков — в противоположность ротам линейных батальонов, а на этот раз численность их ниспала до минимума: только роты первого батальона имели пока немного более ста штыков каждая, а остальные едва достигали до цифры тридцати-пятидесяти людей, годных к бою.

Пройдя незначительное пространство, пехота вступила в лес, по которому предстояло ей двигаться до самой вершины Качкалыка. Но что это был за лес! Это была в буквальном смысле слова темная трущоба, в которую, по мере углубления арьергарда, и чистое небо, и сильно жарившее солнце скрывались все более и более и, наконец, скрылись совсем. В густой чаще едва-едва пробита была колея для одной арбы, доказывавшая, что сообщение здесь происходило в месяц раз или два. К этой дороге, пробитой в глубине какой-то лощины, полувертикально спускались с двух сторон отроги гор. На каждых пяти шагах, по дороге и вокруг нее, попадались объемистые деревья, снесенные когда-то бурею и валявшиеся здесь до случая, а может быть, и преднамеренно небеспокоимые ничьею рукою для того, чтобы служить баррикадами для всякой чужой ноги. И действительно, это были баррикады такого рода, которые столько же удобно могли прикрыть собою несколько полулежащих стрелков, сколько вызывали на необходимость не перешагивать, а перелазить через них. Лес, кроме пространства, занятого узкою дорогою, был во всех местах нередко снизу до верху переплетен колючкою, орешником и прочими подобными вьющимися растениями, [188] которые приходилось разрывать грудью и руками. Все эти ползучие растения живо напоминали собою

американские лианы, сквозь которые сами дикари пробираются не иначе, как с ножом или топором в руках.

И каково было в этой чаще и по описанной нами дороге двигаться цепям, носилкам, гнать скотину и т. п. — поймет каждый, так как для этого не потребуется исключительного воображения.

Не мудрено, что лишь только темные дебри скрыли в себе наш арьергард, со всех сторон, и в особенности в левой цепи и в хвосте арьергарда, затрещала такая перестрелка, которой кабардинцы давно уже не слыхали. В одно мгновение там и сям свалило десяток людей, и понадобилось несколько десятков других, чтобы их убрать и унести. Лес огласился дикими возгласами горцев, нашим «ура», громкими командами и ободрениями офицеров — и застонал, словно обиженный появлением непрошенных гостей и начавшеюся в нем кровавою драмою. Он всеми своими средствами — и чащею ветвей, и полусгнившими бревнами, и толщиною своих заповедных чинарей служил в пользу собственных владельцев и обитателей, и всеми этими средствами был против нас.

По мере того, как мы углублялись все вперед и вперед, медленно, тихо, шаг за шагом, горцы следовали у нас по пятам, в расстоянии не более пятидесяти шагов, прятались за деревья, за бревна, укрывались в густоте ветвей и листьев и оттуда безнаказанно вырывали из наших рядов жертву за жертвою, именно безнаказанно, так как — что могли мы сделать им, стреляя по этим бревнам и деревьям, а вовсе не по людям, потому что их и не видно было? Если бы была хоть какая-нибудь возможность вступить в дело артиллерии, тогда, весьма понятно, оно приняло бы [189] иной оборот; но орудиям здесь не только нельзя было сняться с передков — даже нельзя было пройти беспрепятственно. Одно из них, идя в голове арьергарда, зацепилось осью за дерево и подняло такой крик, что, казалось, будто уж и совсем очутилось в руках горцев. Тотчас бросились к нему несколько человек кабардинцев, освободили его от затруднения и опасности и просили скорее убираться вперед, чтобы, по крайней мере, им не мешать и их не задерживать. Левая цепь, на которую в особенности были сильны натиски горцев, поредела уже до невозможности и на каждых ста саженях так и льнула к колонне; вследствие этого, неприятельские пули почти все ложились на дорогу, в колонну. Барон Николаи ежеминутно приказывал этой цепи держаться подальше, в своих местах, но все было напрасно: мешала ли ей местность следовать своею дорогою, или оседала она под убийственным огнем неприятеля, или, наконец, может быть, неумышленно потеряла расстояние между ею и колонною, так как густая чаща скрывала последнюю от ее глаз — трудно было решить; вернее всего, что нажимал ее неприятель, а у нее уже и людей почти не было, и патроны истощались: приходилось их снимать с убитых и раненых. Как поражающ был огонь в этой цепи, и каковы, в конце концов, были ее силы, служит доказательством то, что в третьей егерской роте, находившейся в этой цепи, вышли из дела три человека: фельдфебель, юнкер и горнист; остальные были убиты, ранены или шли под чужими ружьями и носилками.

Офицеры, видя такое безвыходное положение колонны, видя, что в ротах остается по двадцати и не более двадцати пяти сражающихся солдат, видя, наконец, что на карте стоит честь и слава их знаменитого полка, как [190] львы, бросались вперед, указывая собою пример оставшимся в живых воинам. Но прежде всех пали ротные командиры, за ними субалтерн-офицеры, и быстро очутились на плащах или на руках у солдат: капитаны — Апрелев, Василевский, штабс-капитаны — Соковнин, Безпятов, Чаплыгин; наконец, Базен, Тромбецкий и другие.

Солдаты оставались без руководителей.

Минута была более чем критическая — отчаянная.

А между тем, даже и в этом лесу жара была невыносимая.

Под бароном Николаи убита лошадь. Задыхаясь от жара и усталости, от давившей его горло прежней раны, герой этот подвигался вперед в числе последних, сопровождаемый горстью своих кабардинцев и несколькими из числа приближенных к нему лиц полкового штаба.

Наконец, дошло до того, что и некому, и невозможно было подбирать убитых и раненых — и этих несчастных оставляли на месте.

Печальное, до слез проникающее постороннюю душу было выражение лица барона Николаи: видеть, как падают и умирают безнаказанно, на его же глазах, под шашками и кинжалами врагов, лучшие его воины, и не быть в состоянии помочь этим несчастным или отмстить за их смерть, за глумление над их трупами — это было невыносимо, нестерпимо, ужасно для сердца командира полка, которым каждый солдат ценился на вес золота.

Да, такого боя и такого положения колонны уже давно не помнили на Кавказе.

Всех живых изумляло в эти минуты только одно: почему горцы не предприняли ни разу решительной атаки. Этого удара барон Николаи ожидал с минуты на минуту, и если бы он случился — арьергарда бы не [191] существовало, и ни один человек, наверное, не вернулся бы домой, разве счастливым образом был бы спасен самим Богом.

Верхние пары правой цепи подвигались довольно благополучно; но что касается до нижних, примыкавших к хвосту арьергарда, то они не устояли: после того, как из среды их выхватило несколько десятков людей, цепь разорвалась и подалась в колонну, открыв неприятелю свободный проход. И если бы в этом случае не решимость Геймана, о котором говорят, что он поступил чересчур запальчиво, то горцы, вероятно, воспользовались бы открытою им дорогою внутрь нашей колонны; но Гейман спас от этой последней и отчаянной минуты. Он энергически осадил цепь назад и восстановил порядок.

Барон Николаи видел, что дальнейшее движение поведет к окончательной погибели арьергарда, и решился остановить остатки рот, дать им вздохнуть, опомниться, и в этом положении ожидать неминуемой и роковой, по его соображению, атаки горцев. Стянув возле себя клочки трех рот, он стал под высоким и толстым деревом и, изнемогая от изнурения, от боли горла, от тяжелого нравственного давления, приказал своему адъютанту — скакать наверх к полковнику Бакланову и просить помощи.

В нескольких шагах от него раздались раздирающее душу вопли раненых; на глазах у него горцы с бешенством кинулись добивать одного из несчастных солдат. Группа, окружавшая полкового командира, с криком «ура!» кинулась штыками вперед — и горцы отступили. Но жертва все-таки более не воскресла к жизни.

Через три четверти часа мелькнули между деревьями белые чехлы и рубахи. Это быстро стремился на выручку Бакланов с линейною ротою № 12-го батальона и с казаками. Рота явилась свежая, полная, в сто двадцать пять [192] человек, с нетронутым почти комплектом патронов, и тотчас приняла на себя дальнейший бой. Тогда только арьергард двинулся опять.

Эта рота по-видимому неприятеля не устрашила: он продолжал свое дело, и одним из первых ее раненых был ротный командир поручик Олешкевич, который однако не оставил места боя, находясь все время верхом на лошади; но она спасла остатки кабардинцев и уж подавно не позволила чеченцам предпринять ни одного нападения.

Но все же она не могла возвратить нам до тридцати человек тех несчастных, которые убитыми и ранеными остались в руках у горцев. О выручке их нечего было и думать.

Наконец, арьергард выбрался на Качкалык и тут только увидел над собою голубое небо и свет солнца. Оставшиеся в живых будто вновь родились на свет — так отрадно было на душе, так приятно было вдохнуть в себя уже не густой пороховой дым, но свежий лесной воздух.

Еще два-три года — и целых тридцать лет пройдет со дня гурдалинской катастрофы. Нужно было предвидеть заранее, что когда-нибудь она должна будет выйти на свет божий во всей ее наготе...

Что мы извлекли из нее?

Пятьдесят слишком душ пленных, до ста пятидесяти других, недовольных управлением Шамиля, чеченцев, явившихся к нам на другой и в следующие затем дни и переселившихся в наше качкалыковское наибство, незначительную часть неприятельского скота и имущества — потому что большая часть была растеряна или брошена на месте боя, — и больше ничего. Затем, в начале будущего года нам все-таки пришлось воевать на тех же пунктах. [193]

Гурдали пока, до времени, остался все тем же Гурдали, и жители его опять принялись за разбои и нападения.

План или, лучше сказать, цель наша была хорошая, но мы ее не достигли. Если бы мы действительно разорили, сожгли Гурдали, перебили бы все его население и, вместо уничтожения в разных местах запасов и посевов, открыли бы просеку к этому гнезду отпетых разбойников — дело вышло бы и существеннее, и полезнее. Правда, уничтожение запасов и посевов, как мы сказали выше, имело относительную и даже значительную важность; но, в виду бесполезности нашего набега на Гурдали и понесенных нами невероятных жертв, конечно, гораздо благодетельнее было не торопиться этим Гурдалинским делом, а, разорив и уничтожив поля и житницы чеченцев, свести весь отряд, даже с двух сторон — для открытия свободного и беспрепятственного пути между Гурдали и укр. Куринским. Тогда первое пало бы само собою и на будущее время являлось бы предметом наших ударов со стороны Куринского и любую минуту.

Рождается вопрос: почему этого не было сделано в особенности после зимней экспедиции, когда мы уже знали, что такое Гурдали, где оно лежит и насколько оно нам необходимо для проведения прямой дороги, по которой пробился Барятинский навстречу Бакланову зимой?

Потому, что тогда еще смутно понималась и сознавалась идея покорения края подобным образом; она только зарождалась, и каким образом зарождалась — увидим сейчас.

Набеги же или партизанские наши действия до того въелись нам в плоть и кровь, до того любы были нашему молодечеству, что отрешиться от них так скоро мы не могли.

Мы имеем основание утверждать, что идея правильного [194] покорения края путем, постепенного движения, открытия дорог внутрь неприятельской земли и последовательного

занятия местности нашими передовыми пунктами, которая на левом фланге начала осуществляться со времени князя Барятинского, даже, в сущности, и не принадлежала кавказскому начальству, т.е. не была нашим кавказским самородком. Она была познана вследствие указаний в том же 1852-м году свыше, из Петербурга, на бесцельность и бесплодность наших набегов и на значительные наши, по случаю их, потери. Заслуги же относительно ее кавказского начальства (и в особенности князя Барятинского) состоят в том, что оно, отрезвленное этими указаниями, сейчас поняло в чем дело, и что именно нужно для дела, и поспешило эту идею развить, поддержать и в дальнейшем времени укрепиться в ней. В общем, действительно, можно приписать князю Барятинскому начало покорения края правильным путем — и так обыкновенно привыкли выражаться на Кавказе; но если глубже всмотреться в этот предмет, в частности его и предшествования ему обстоятельства, то, повторяем, толчок к этому был дан извне. А так как князь Барятинский быстро и прежде других им воспользовался, то к нему и относят самую идею, о которой мы сказали выше. Впрочем, большой погрешности в последнем случае не будет, если взять во внимание, что гораздо важнее иногда или воспользоваться чужою мыслью, или извлечь ее из чужой критики и замечаний и тотчас умело, разумно применить ее к делу, чем иногда родить самую мысль, а тем более, родив ее, не уметь полезно ввести ее в употребление.

Никто с достоверностью не может сказать, какую потерю понесли горцы в день гурдалинской и мичиковской битв. Что же касается до нашей потери, то, за давностью [195] времени, мы не имеем права основывать сведения о ней иначе, как на официальных данных, напечатанных в то время в повременных местных изданиях. Мы выступили в Гурдали с 1,350 человек пехоты, с 800 слишком человек кавалерии и с семью орудиями. В трех кабардинских батальонах, имевших 1,200 слишком человек, убито два офицера и 41 нижний чин; в кавалерии — двое; ранено: у кабардинцев — восемь офицеров, сто семьдесят девять нижних чинов; в линейной роте — один обер-офицер и шестнадцать рядовых; в кавалерии — двадцать четыре, в артиллерии — семь нижних чинов. При этом нам неизвестно, взяты ли здесь в расчет до тридцати человек, брошенных на месте в мичиковском лесу, о которых мы сказали выше. Кроме того, выбыло из строя до полутораста лошадей.

Таково-то было дело одиннадцатого августа 1852-го года, о котором доселе мы имели так мало сведений, — даже почти не имели никаких сведений. Только нерешительности горцев или отсутствий, быть может, у них отважной руководящей силы мы обязаны тем, что остатки нашего арьергарда вернулись вживе в тот день, к ночи, в укрепление Куринское.

Отряд князя Барятинского в этот приснопамятный день одиннадцатого августа ночевал биваком на р. Аргуне, на том самом месте, где стоял лагерем в начале зимней экспедиции.

На другой день часть отряда, в составе двух с половиною батальонов пехоты, восьми сотен кавалерии и шести орудий, под начальством генерал-майора Багговута, [196] была отправлена вниз по Аргуну, к аулу Гойтын-Корту, для истребления хлебов. Колонна не встретила особенного сопротивления, и дело ограничилось немногими выстрелами. Причиною этому было, преимущественно, то обстоятельство, что генерал Багговут находился все время на местности вполне открытой, и горцам не предстояло возможности завязать с нами бой.

По возвращении этой колонны к десяти часам на бивак, князь Барятинский поднял все войска и с ними направился на шалинский окоп, к подножию Черных гор и к верховьям реки Басса.

Тут уже было не то, что у Гойтын-Корта, так как местность представляла много благоприятных условий для действий неприятеля.

Не успела пехота оцепить собою подошву гор, а кавалерия — начать истребление многочисленных стогов, разбросанных по обширной поляне, с высоты грянул неприятельский орудийный выстрел, и в наших цепях затрещала ружейная перестрелка. Два орудия наши были немедленно направлены на неприятельскую пушку, а остальные отстаивали окраины леса у подножия гор, отбрасывая неприятеля там, где он старался накинуться на пехоту или мешать вашей кавалерии. Через полчаса картина боя изменилась: горское орудие пока замолчало, а чеченцы могли отстаивать неприкосновенность своих полей лишь на дальний ружейный выстрел.

Истребление запасов продолжалось до четырех часов вечера. Когда не осталось ни одной годной копны, и все вокруг пылало, расстилая по воздуху черный, удушливый дым, сквозь который солнце казалось багровым шаром, отряд начал отступление. Тут опять орудие горцев заявило свою претензию на русские головы, но выступить из гор на плоскость не могло и провожало наши войска лишь до тех [197] пор, пока они отошли от подошвы гор на пятьсот саженей. Отступление происходило в разомкнутых колоннах, кавалерия шла отдельными сотнями, и неприятельские ядра были для нас нечувствительны.

Ночь с 12-го на 13-е августа отряд провел в кр. Воздвиженской.

В прежнее время расстояния на Кавказе измерялись ногами и часами — и всегда почти безошибочно. Между крепостями Грозною и Воздвиженскою считалось тридцать верст. Почти на полдороге находилось ханкальское ущелье, которое составляло проход, образуемый с одной стороны ханкальским хребтом, а с другой — громадным ермоловским курганом, который сам по себе стоил хорошей горы. Над неприступным берегом Аргуна, там, где эта река подмывает гору с восточной стороны, гнездился большой аул. Далее, по дороге к Тепли, находился аул Хан-Кале, в который не проникала еще наша нога.

Даже и в конце пятидесятых годов редкая из колонн проходила из Грозной в Воздвиженскую без приключений: непременно в ханкальском ущелье она была обеспокоиваема или перестрелкою, или открытым нападением, а уж о начале пятидесятых годов и говорить нечего.

Князь Барятинский обратил на это внимание. Хотя он отчасти и верил надаргунскому аулу, что тот не принимает участия в нападениях, но знал также очень хорошо, что он служил притоном для партий большой Чечни, которые здесь нас зачастую ожидали. Сопротивляться такому посещению неприязненных нам чеченцев этот аул, [198] конечно, не мог, потому что такое обстоятельство повело бы за собою сильное наказание его со стороны Шамиля. Видя его затруднительное положение и в тоже время желая обезопасить сообщение между крепостями, князь Барятинский потребовал от него еще в начале года, чтобы он переселился на левый берег Сунжи, а свои жилища уничтожил бы. Аул обещал; но дело в том, что Шамилю такой прием очень не нравился, и он, то угрозами, то ласками принуждал этот аул оставаться на месте.

Так дела длились более полугода. Князь Барятинский, видя, что с населением аула добром ничего не поделаешь, воспользовался сбором отряда и решился, как говорили тогда, выкурить жителей из ущелья, именно — выкурить, потому что нужно было огнем истребить все, что давало им продовольствие.

Аул кормился от ханкальской горы: она доставляла ему сено, просо, кукурузу, и на эти-то предметы, покорившиеся теперь на склонах ханкальского хребта, ближайшим образом было направлено внимание и наказание князя Барятинского.

Тринадцатого августа он двинул отряд из кр. Воздвиженской к аулу, обогнул ханкальскую гору и явился в виду его. Конечно, жителям одного аула было безумно сражаться против целого отряда, и они поспешили скрыться, оставив нам свои поля и убежища.

Князь Барятинский не хотел уничтожать самого аула и имущества жителей, потому что это обратило бы их в бездомников, озлобило бы против нас, заставило бы большую часть из них искать убежищ у Шамиля и усилило бы у этого последнего численность наших открытых врагов. Ему нужно было только заставить их и их семейства искать у нас пищи, которой, при поголовном [199] истреблении на этот раз запасов в Чечне, они не могли найти за Аргуном. Искать же у нас пропитания — значит смириться, подчиниться и волей-неволей переселиться.

Отряд в несколько часов, лишь при слабой кой в каких пунктах горы перестрелке, не принесшей нам никакого вреда, уничтожил дотла все, что было жителями заготовлено на зиму, а затем, благополучно разошелся по квартирам — в Воздвиженскую, Грозную и на Сунжу.

Наказание, действительно, подействовало, потому что, спустя некоторое время, многие жители аула, семейство за семейством, перебрались в грозненские аулы; другие же примкнули к населению аула Хан-Кала, который, лишившись на Аргуне своего передового поста, был уже более или менее открыт для наших стремлений. На него с этой минуты направлены были все взоры Барятинского, потому что ханкальцы, подкрепленные частью недовольных выходцев надаргунского аула, еще пуще прежнего стали досаждать нам: на пути между Грозной и Воздвиженской они стали для нас вторыми гурдалинцами. Но пока их час еще не пробил.

Распуская войска по квартирам, князь Барятинский, между прочим, поручил командиру куринского полка — воспользоваться первым удобным случаем и заглянуть в аргунское ущелье, на страже которого, в семи верстах от него, была расположена штаб-квартира воронцовцев — крепость Воздвиженская.

Аргунское ущелье было местом вполне таинственным, в которое ни одна русская нога не проникала после случайного нашего знакомства с ним в 1839-м году. С [200] той поры о нем хотя далеко не забыли, потому что оно почти ежедневно напоминало о себе вторжениями и нападениями горцев на наши окрестные места, становясь, вследствие этого, с каждым разом все интереснее и заманчивее, однако и не знали, что оно такое. Слышали только, что эта теснина ведет в глубину Черных гор, что ею разделяется весь кавказский хребет и что, следовательно, посредством ее возможно сближение и сообщение с самым Дагестаном, что она составляет собою притон обширных воинственных обществ — и больше ничего.

Князю Барятинскому хотелось, во-первых, подробнее ознакомиться с этим заколдованным местом, в которое, по словам лазутчиков, была только полувоздушная дорога у скалы, возможная к уничтожению в пять минуть и затем — к возобновлению опять в один день (так загадочно они выражались) и, ознакомившись, подумать: нельзя ли заявить себя каким-нибудь важным подвигом, вроде занятия его; во-вторых, ему же, князю Барятинскому, хотелось столько же доказать горцам возможность нашего вторжения куда бы то ни было,

сколько и одновременно потрясти Чечню сразу во всех ее углах — чего до него еще никто не делал.

Командир куринского полка, со своей стороны, рассудил, что дела откладывать в долгий ящик не приходится. Он решил, что теперь самый удобный момент для того, чтобы исполнить желание заведующего левым флангом, так как горцы несколько утомлены трехдневною с нами битвою и ни в каком случае не могут нас ждать к себе в гости как по этой, так и по другим причинам — в особенности по неприступности места, по малочисленности наших войск (о распущении отряда они тотчас же узнали и убедились воочию) и по [201] двенадцатилетней доселе нашей нерешимости заглянуть в ущелье.

Наконец, горцы знали очень хорошо, что мы стояли накануне своего большого праздника, который всегда исправно чествуем (день Успения); а князь Воронцов еще лучше знал, что этот праздник совпадает с магометанскою пятницею, которую мусульмане почти всегда посвящают покою, отдыху и делам домашним, семейным.

Все эти обстоятельства нам уясняют поводы задуманного нами тогда движения в загадочное ущелье и ведут к разгадке о том, почему мы вышли оттуда по возможности в здравии и вживе, тогда как (увидим ниже) могли бы там оставить навсегда пять рот куринского полка.

При таком важном условии, относительно которого горцы на этот раз оплошали, нельзя было не указать выше на причины, побудившие нас вторгнуться, закрывши глаза и не зная местности, в аргунское ущелье, причины, которые были весьма ничтожны не только в сравнении с тою потерею, которую мы могли понести, но даже и с тою, которую понесли на самом деле.

Именно, можно сказать, что, несмотря даже на эту последнюю потерю, судьба, в образе нашего Бога, хранила русские войска.

И так, князь Воронцов решил не медлить. Знаменитый же его полк, вернувшись из ханкальского ущелья и переночевав у себя в казармах, был вполне уверен, что его более не потревожат — хотя бы самое короткое время, и четырнадцатого августа готовился встретить столь важный православный праздник, не уступающий, в мнении народа, и самому Благовещению. Приготовления к Успению были тем деятельнее, что оно было ротным праздником в одной или даже в двух ротах полка. И вот, [202] первым делом, задымились везде ротные бани. Пока их топили, солдаты привели в порядок свое снаряжение, фельдфебеля и каптенармусы захлопотали относительно доброго обеда на завтрашний день, офицеры разошлись то туда, то сюда в гости друг к другу и располагали встретить в полном удовольствии и веселии свободный от службы и от дела день.

Вымылись, вычистилась, частью помолились Богу в полковой церкви, частью уже приготовились весело среди товарищей встретить святое Успение, — как вдруг, в десять часов ночи, фельдфебеля принесли приказание: сейчас же готовиться к выступлению и собираться на площади, у полкового сада.

Вот тебе и на! Все приготовления, все замыслы разлетелись в пух и прах. Одно только утешало, что велено было собираться налегке и взять с собою провианта на один день. Значит, поход недалек, и авось не пропадут ротные пироги и всякая живность, припасенная на завтра.

Ночь была темная, безлунная. К двенадцати часам на площади, уже в совершенном порядке и в готовности, стояли следующие части войск: первый батальон, три роты второго и две роты третьего батальонов куринского полка, три легких и одно горное орудие легкой № 5-го батареи 20-й артиллерийской бригады под командою штабс-капитана Парчевского (Ныне генерал-майор, командир артиллерийской бригады. Авт.) штуцерная и ракетная команды и три сотни донского казачьего № 19-го полка.

Конечно, никто не знал и не гадал, куда могут пойти, а уж об аргунском ущелье и подавно никто думать не смел. [203]

Около часа пополуночи вышел из дома командир полка и, даже не здороваясь с людьми, в тишине, без сигнала, приказал двигаться.

Когда вышли за аргунские ворота, находившиеся тут же, вблизи дома командира полка — тогда объяснилось все.

Шли в полном гробовом молчании; по пути, в стороне от дороги, был чахкеринский аул; там ни одна собака не тявкнула: значит, тишина была поистине романическая.

Вход в аргунское ущелье был, как и после, открыт, леса не было, но справа и слева (по ту сторону Аргуна) сторожили его лесистые хребты, перекрестный ружейный огонь с которых мог быть легко направлен в данную точку дороги.

Наконец, взорам представилась черная впадина; это было ущелье. Аргун шумел, гудел и своим гулом заглушал происходившие тут построения и передвижения.

У входа в ущелье, для обеспечения нашего тыла, был оставлен флигель-адъютант майор Бреверн, с тремя ротами, тремя легкими орудиями и ракетною командою. Артиллерия должна была действовать также и по противоположному берегу реки, покрытому густым лесом и находившемуся отсюда на близкий ружейный выстрел (Аргунское ущелье подробно описано нами в статье «1858-й год в Чечне», помещенной в III т. «Кавказского Сборника». Авт.). Майор князь Туманов послан был с шестою егерскою ротою направо, на гору, ограждавшую вход в ущелье, на которую в 1858-м году восходил полковник Рихтер. Оттуда можно было анфилировать значительную часть ущелья и удобно прикрывать движение и отступление колонны из ущелья. Бреверн, таким образом, со своими ротами, получал [204] назначение также и резерва для князя Туманова и должен был прикрывать его при отступлении с горы. Затем, остальные пять рот, штуцерная команда и одно горное орудие были двинуты в самое ущелье. Кавалерия оставалась у входа.

На горизонте чуть забрезжило, и последние звезды, одна за другою, быстро стали исчезать.

Когда вошли в ущелье, тут только увидели и убедились, что слова лазутчиков о полувоздушной дороге вполне справедливы: дороги вовсе не было никакой, а на воткнутые в отвесную скалу бревна, на расстоянии почти четверти версты, была накинута плетенка, которая и составляла нечто в роде висячего над пропастью моста. Нечего делать, приходилось не брезгать и этим путем, хотя неизвестно, решился ли бы князь Воронцов предпринимать вторжение в ущелье, если бы заблаговременно был знаком с этою местностью.

Кругом все спало: и природа и люди.

Роты быстро перебежали сухую трясину и очутились затем на поляне, уставленной разными скирдами и стогами. Поляна эта впереди была прорезана глубокою канавою, через которую был перекинут мостик, далее начинался лес — хотя, впрочем, и не густой.

Приказав зажечь запасы, князь Воронцов, зная от лазутчиков, что тут невдалеке должны быть два-три аула, двинул роты вперед почти беглым шагом.

Но то, что, по сведениям, было недалеко, оказалось не совсем близко: роты пробежали версту, пробежали другую, — и только тогда, при занимавшейся заре, зачернели впереди сакли. Одна группа из них была расположена на полугоре, другая внизу; несколько впереди и вправо еще немного сакль. Это — аулы верхний и нижний Чишки и хутор Гой.

Роты остановились. [205]

Тут князь Воронцов сделал такое распоряжение: трем ротам, с горным орудием, оставаться перед аулами; остальным двум, под командою уже известного нам храбреца капитана Мансурадзе, пробежать насквозь аулы до последней сакли, повернуться кругом, атаковать, разнести по возможности аулы и хутор и немедля пробиваться на соединение с остальными ротами.

Прежде чем аульные собаки успели пропеть свою обычную песню, дававшую всегда знать горцам о нашем приближении, Мансурадзе, с двумя ротами, уже очутился у крайней последней сакли хутора и громким «ура!» довел до сведения оставшихся пред аулами трех рот, что начал свою работу.

Это было сигналом, по которому три роты повели атаку и со своей стороны.

Таким образом, аулы очутились между двух ударов, между двух огней.

Крик, гам, шум разом охватили все пространство. Жители аулов, разбуженные этим нападением, объятые ужасом, выскочили, кто, в чем попало — и адская перестрелка затрещала по всем направлениям.

Солнце медленно, спокойно выкатилось из-за гор и осветило картину отчаянной резни, пожара и разрушения.

На этот раз мы явились к неприятелю в гости немного невпопад: здесь ночевал со значительною партиею шатоевский наиб Батока, который вел ее в большую Чечню, на помощь к Талгику. Только этой партии жители двух Чишки и хутора Гой обязаны были тем, что часть из них уцелела. Тем не менее, мы пока этого не знали и, воображая, что имеем дело только с аульцами и хуторянами, врывались в сакли, где заключалась часть атакуемых, били их, падали сами под их ударами, [206] перехватывали искавших спасения в бегстве, захватывали все, что попадалось под руку — скот, имущество, зажигали сакли то в том, то в другом пункте.

Наконец, обнаружилось, что мы имеем дело не с одними жителями, что неприятель достаточно силен. Уже в разных местах аулов валялось довольно неприятельских трупов; уже и наши роты значительно поредели, потому что на десятки наших раненых потребовалось втрое более здоровых, которые уносили их с поля битвы…

Князь Воронцов приказал сыграть «сбор», и люди со всех сторон бежали к центру, к месту сигнала.

Тем временем, у майора Бреверна загрохотали орудия по другим партиям, открывшим пальбу по нас с противоположного берега из-за завалов, а также и по чеченцам, стремившимся из аула Дачу-Барзоя против полувоздушной дороги, в тыл нашим ротам и во фланг князю Туманову.

Собрав роты, отправив назад всех убитых и раненых, выставив вперед орудия и отражая нападения картечью, князь Воронцов начал быстро отступать, так как, действительно, медлить было невозможно. Если мы благополучно стянулись к одной точке, то этим были обязаны тому, что в течение какого-нибудь двенадцатиминутного боя не дали возможности опомниться горцам и выйти из той паники, в которую их ввергло наше неожиданное нападение. Когда же у горцев прошел бы момент одурения, и они спокойнее могли бы отнестись к бою и к нашей малочисленности, то неизвестно, что предпринял бы Батока, так как у этого наиба всегда — теперь и после — было достаточно и храбрости, и ума, и опытности. Легко допустить, что он или кинулся бы на нас всею своею партиею, или обошел бы нас и отрезал отступление, или, [207] вернее всего, усмотрев нашу диспозицию, сорвал бы воздушную трясину, жертвуя каким-нибудь десятком отчаянных голов, — и тогда что было бы с нашими пятью ротами?..

Не были ли мы правы, сказав в своем месте, что тогда все эти пять рот, вне малейшего сомнения, могли бы навсегда остаться в аргунском ущелье?

Но, благодаря Богу, этого не случилось, потому что отступление шло преимущественно перекатами, беглым шагом, и происходило так же быстро, как и наступление. Затрудняли несколько тела убитых и раненых, но опасность положения удваивала силы и самих носильщиков, которые быстро уходили назад, под прикрытием нашей картечи и беглого ружейного огня.

Отступление наше, хотя отчасти и затруднялось лесом, чрез который пришлось пробегать, и разными балками, но эти препятствия в тоже время служили для нас и некоторою охраною.

Пальба гремела уже со всех сторон, даже у князя Туманова. Это доказывало, что неприятель успел усилиться и занял все протяжение нашего пути.

Скорее, скорее бы к воздушной дороге, иначе конец весьма плохо увенчает собою дело! Все это понимали, и для быстроты движения команды не требовалось, для возбуждения отваги одобрений не нужно было. Дальняя оконечность канавы, хотя частью и занята неприятелем, но мост — благодарение судьбе! — не успели зажечь или разрушить. Несколько позже — и, может быть, его бы не существовало.

Наконец, вот и она, сухая трясина! Слава Богу, цела; все в порядке.

Бреверн и Туманов не щадят патронов и зарядов — и это наше последнее спасение. Только под их [208] огнем уцелела трясина. Мы вскочили на нее, быстро перебежали — и спасены.

Батока опоздал.

Бой этот надолго сохранялся в памяти куринцев; о нем говорили много; много говорили и о единоличных схватках вообще, и о храбрости Мансурадзе в частности; не зная цели и смысла нашего движения в ущелье, называли его большою неудачею, высчитывали по-своему количество убитых и раненых, и всякие такие сведения передавали из уст в уста.

Правда ли все это, нет ли, — но мы пишем историю, материал для истории, и не позволяем себе вводить сюда рассказы, за которые поручиться не можем.

Из приказа, объявленного тогда по корпусу, видно, что мы потеряли убитыми: одного обер-офицера и девять нижних чинов, ранеными — шесть обер-офицеров и пять-десять одного нижнего чина.

Для получасовой битвы и этого, впрочем, довольно.

С тех пор, около шести лет, мы более не заглядывали в аргунское ущелье. [209]

VIII.

Приезд главнокомандующего на левый фланг; значение поездки в тогдашнее время и последствия. Шамиль решается поправить свое поколебавшееся у горцев положение и достигает результатов вполне отрицательных. Уничтожение аула Хан-Кала или Сюрин-Корта и выселение его жителей. Быть бы несчастью, если бы не счастье. Заключение.

Описание нами лишь одних крупных и выдающихся схваток наших с неприятелем в 1852-м году не дает никому повода думать, что, за исключением их, в разных углах Чечни более ничего не происходило. Напротив, все пространство, занимаемое ныне округами: осетинским, чеченским, аргунским, ичкеринским, кумыкским не было свободно от постоянных военных тревог, при которых, с одной стороны, горцы столько же беспокоили нас, сколько, с другой стороны, и мы их. В особенности Бакланов не сидел в покое: то предпринимал он набег для отбития где-либо неприятельского скота, то подновлял и исправлял просеки и дороги — и этим способом поневоле встречался с нашими врагами; то, время от времени, являлся на защиту Истису и других подобных пунктов.

Мы не приводим всех этих частных деяний потому, что они не имели особенного значении в деле покорения края, в общей идее нашей борьбы с горцами; мы ограничиваемся лишь теми, которые почему-либо были важны для нас или чувствительны для Шамиля и Чечни и должны быть внесены на страницы нашего рассказа, как необходимый исторический материал.

Военные действия князя Барятинского, отважные и в [210] высшей степени смелые в то время вследствие разновременных вторжений в глубину неприятельской земли, и вследствие своей трескучести, равным образом его громкие реляции и в том или другом разе значительные потери, которые он всегда умел оправдать пользою дела вообще и необходимостью, столько же обращали внимание на кавказскую войну в Петербурге, сколько в особенности интересовали главнокомандующего отдельным кавказским корпусом. Барятинский, до которого не было еще в Чечне такого непрерывного ряда битв и таких постоянных беззаветных переходов — для кавалерии иногда до девяносто верст в сутки, а для пехоты — сорок, пятьдесят и даже шестьдесят, — становился в глазах всех и каждого, начиная с главнокомандующего (хотя и краонского героя, но все же человека более склонного к тихой гражданской деятельности) каким-то молодцом, героем, а войска, ему вверенные, какими-то сказочными существами, способными перелетать в одно мгновение необъятные пространства, жить чуть не воздухом в течение нескольких дней и т. п. Эти все деяния, преувеличенные рассказы, личность самого Барятинского тянули всех военных людей на Кавказ, в особенности не знавших еще на практике о силе и значении «бубен за горами», влекли и самого князя Михаила Семеновича Воронцова в Чечню — полюбоваться нашими успехами и убедиться в действительности их.

Конечно, результат всех наших действий был скорее отвлеченный, нравственный, чем существенный, т.е. мы много подействовали на дух горцев и отношения к ним Шамиля и мало или, лучше сказать, ничего не завоевали, не присоединили к нашей державе; тем не менее, для того времени и этого, действительно, было достаточно. Для прозорливых людей, каким был князь Воронцов, это служило подготовкою — [211] весьма важною — к будущему, и в этой-то подготовке ему захотелось убедиться воочию.

Неожиданно и быстро пронесся слух, что главнокомандующий едет в Чечню. Везде зашевелились — и в войсках, и в народе.

Поездка эта, кажись, не представляла бы ничего особенного; но вышло, вполне случайно, совершенно иначе: она имела влияние 1) на общее положение военных дел на левом фланге в том отношении, что, сообразно усмотренному князем Воронцовым, последовали особые и личные приказания его светлости (титул, в этом году только недавно пожалованный князю Воронцову) насчет дальнейших действий, 2) на отношения к Шамилю непокорного еще нам народа — неблагоприятные для него и благоприятные для нас, и с этой стороны она составляет, так сказать, явление историческое. Влияние это было и непосредственное, и посредственное. В первом случае оно выразилось тем, что многие из непокорных горцев, бывшие свидетелями самой поездки князя в глубине их земли и встреч, ему по пути оказанных, пришли наглядно к убеждению о нашем могуществе, о том, что места, куда вступала нога главнокомандующего, уже не могут называться их собственностью и лишь останутся в сомнительном и шатком их пользовании только до первого последующего затем случая — иначе бы зачем сардарю ездить в эти места и осматривать их; что лучше заблаговременно добром уступить эти места, переселиться к нам, чем ждать нового погрома и разорения; что, наконец, Шамиль и Воронцов — две власти разные: первая, хотя и своя, но гнетущая, сравнительно слабая, всюду до сих пор более или менее поражаемая и уступающая, ничего предоставить не могущая, вечно эксплуатирующая население; вторая, хотя чуждая, но могучая, щедрая, обильно [212] рассыпающая награды, милости, деньги. Посредственное же влияние, о котором мы сказали выше, заключалось в быстрых сведениях, перенесенных в непокорные аулы нашими мирными чеченцами, о тех щедротах, которые рассыпал главнокомандующий, о веселой, привольной, бездеятельной и беззаботной, почти на содержании у русских, жизни, которою пользовались так недавно склонившиеся пред нами разновременно сотни семейств. И это последнее влияние едва ли не было для немирных горцев заманчивее и действительнее первого. После проезда князя Воронцова, умевшего, где нужно и в чем нужно, задобрить, приласкать, поощрить и обольстить татарское наше население, их так и тянуло к нам.

Втайне от Шамиля, а иногда и явно, семейство за семейством начало прибывать и на кумыкскую плоскость, и в состав посунженских аулов. Насколько это нравилось Шамилю, и какие последствия произошли из всего этого, равно как ошибся Шамиль в своих расчетах, думая сразу восстановить слегка потрясенное его обаяние над чеченцами — увидим вслед за сим.

Главнокомандующий выехал из Тифлиса тотчас по получении передовых сведений о последних наших действиях в Чечне и в аргунском ущелье. Начиная от Владикавказа и до Воздвиженской поездка его представляла собою какое-то торжественное движение, непрерываемый парад. Князь обращал особенное внимание на представлявшиеся ему в разных местах осетинские, чеченские и подобные туземные депутации, интересовался их

бытом, жизнью — что вообще составляло его слабую струну, оказывал внимание, ласкал, поощрял отдельные лица, в особенности в среде назрановцев, и везде оставлял за собою единодушный говор о доступности, о приветливости, [213] которые, исходя от таких высоких особ, составляют нередко лучший подарок в жизни обыкновенного смертного — а уж о дикаре и говорить нечего. Князь хорошо знал эту слабую людскую сторону и уменьем влиять на нее, как известно всем, совершал иногда чудеса.

Двадцать пятого августа, утром, князь выехал из Воздвиженской для обзора зааргунского пространства. Куринский имени его полк, донской № 19-го и гребенской, легкая № 5-го батарея 20-й артиллерийской бригады и дивизион конно-казачьей № 15-го батареи были расположены эшелонами от Воздвиженской до р. Басса, на расстоянии двадцати слишком верст, прикрывая дорогу, по которой должен был проезжать главнокомандующий. Здесь он отчетливо знакомился с пройденною нами в течение текущего года местностью, с трудами и деяниями, нами совершенными, и частью с результатами этих деяний. На горах, в трущобах, везде появлялись партии горцев, которые безмолвно, без выстрела, с жадным любопытством следили и за поездкою, и за блестящею свитою и конвоем, в котором было много их собратий, и за нашими стройными, грозными войсками, поражавшими их зрение тою торжественностью, которая во время дел и перестрелок ускользала от всякого внимания. Все это в глазах дикого населения имело свою особую красоту, свою силу и значение.

Главнокомандующий переправился даже и на противоположный берег Басса. Даже и здесь не звякнул ни один горский выстрел — хотя неприятель был вблизи: так все это поражало, занимало его, приводило в какое-то смущенное, неопределенное настроение, в котором волновали душу его, конечно, уж не боевые, не воинственные поползновения и побуждения, — иначе бы почему не потешить себя хоть одною русскою головою? [214]

При обратном проезде главнокомандующего, все означенные выше войска были передвинуты на Шавдон. Князь Барятинский избрал место для ставки его светлости на одном из отдельных высших курганов, с которого на далекое расстояние была видна вся плоскость большой Чечни. Здесь был приготовлен завтрак, заключившийся тостом за здоровье Государя Императора. Гром орудий, гул ружейных выстрелов, крики «ура» возвестили на далекое пространство о присутствии царского наместника, о движениях сердца русского воинства, счастливого своею преданностью Престолу и святому делу, для борьбы за которое оно на этих окраинах было предназначено. Любуясь открытою, разнообразною картиною, князь Воронцов в тоже время любовался и войсками, которые проходили перед ним церемониальным маршем, в колоннах. Правда, шагистика была не Бог знает какая, за то каждый, иногда неровный, шаг солдата отзывался твердостью, крепостью; осанка, фигура всех этих загорелых, смуглых лиц проявляла отвагу, бодрость, силу, которая в русском народе вообще как будто скрыта, словно ее и вовсе нет, но которая так энергически умеет проявляться в минуты торжественные, в минуты нужды, необходимости и сознания своего долга. «Вахлак, чурбан» — это слова присущие и присвоенные только русскому народу, русскому языку; ими не обзывают друг друга ни на каком ином языке, потому что каждый немец, француз, англичанин, американец всегда старается быть с виду лучше, чем он есть на самом деле; русский же человек, как и русский солдат, без надобности не гоняется за этим: он скромен, и в обыкновенных случаях жизни далее своей природы не тянется. Оттого-то он и вахлак, и чурбан. Но посмотрите на этих вахлаков, когда они сознательно, разумно, отважно взялись [215] за указанное им дело, — и тогда увидите, откуда и что взялось: вместо спокойной, малоповоротливой силы является

быстрота, решимость, энергия, жизнь, кипучесть, упорная неуступчивость, добивание дела и цели до конца — хотя бы в ущерб своему телу и крови...

Не на этом ли и основана одна из русских наших поговорок?

Таковы были в данную минуту войска, которые представлялись главнокомандующему; такими их видели теперь издали, а прежде и после того — лицом к лицу те горцы, которые взирали из своих трущоб на эту торжествующую массу.

Поблагодарив эти чудные войска за их молодецкие перелеты из конца в конец неприятельского края, за храбрость, за кровь, пролитую на благо родины, князь Воронцов навесил некоторым нижним чинам, участвовавшим в последних действиях, георгиевские кресты. Минута, в самом деле, была величественная, трогательная!..

Тотчас по отъезде главнокомандующего, Шамиль усмотрел, что в Чечне что-то не совсем — не то чтобы неладно, а «сумнительно». Имам стал прислушиваться, присматриваться; лица, подобные Эски, и другие клевреты, частью им же разосланные, а частью сами по себе желавшие прислужиться и выслужиться, донесли ему, что между мирными и немирными чеченцами, в особенности между сими последними и жителями грозненских аулов, происходит уже не в меру частый и усердный обмен весьма подозрительных сношений. Приглядевшись поближе и наслушавшись вдоволь, имам заключил, что все это легкое, едва [216] заметное движение, могущее, однако, разрастись — далеко не представляет для него ничего розового, утешительного. Умный старина сейчас догадался, что такого рода вещи нередко угрожают власти и влиянию правителей; что в этих случаях нужно непременно приостановить движение, помешать ему, занять и заинтересовать чем-нибудь умы, отвлечь их от предвзятой точки, обратив на другую. В странах одичалых, среди народов нецивилизованных, восстановление своей власти, колеблющегося влияния, уважения к себе, боязни, коленопреклонения совершается или силою, деспотизмом, обрывающимися на поколебавшихся, волнующихся, или посредством проявления силы и власти на других вещах и предметах, способных поставить дикаря в изумление и возвратить его под обаяние, из которого он почему-либо выбился или хотел выбиться. Шамиль, как умный человек и притом хорошо знавший свободомыслящих, вольных, увлекающиеся и впечатлительных чеченцев, счел весьма неудобным восстановлять на этот раз свое обаяние посредством мер решительных: ведь критической минуты не было еще, — а решился поддержать себя и возвратить своей особе все безусловное и неограниченное доверие чеченцев, даже поднять над ними свое влияние, при помощи второго способа. Это, так называемый, способ переводный: с других да на себя, по другим да на третьих, и все эти другие должны быть жертвами, остаться в обиде и накладе, лишь бы самому деятелю и третьим на плане общей картины лицам было удобно, — способ, воспроизводителем которого, как оказывается теперь, далеко не был последний император французский, так как он задолго до того практиковался Шамилем.

Имам решил, короче сказать, что если он русских побьет, принизит, сделает что-либо такое важное и [217] существенное, которое, с одной стороны, даст ему значение большого героя в глазах чеченцев, а с другой — достанется выгодно и сим последним, то кредит его поднимется, фонды, после предшествовавших маленьких неудач, возвысятся, и он опять станет целою головою выше своего времени и обстоятельств, и опять преклонятся пред ним все недоверчивые, слабые, и легкомысленные личности и общества, как преклонились после его случайных успехов в сороковых годах.

Шамиль решился предпринять против нас не простую стычку или нападение, а осмысленное наступательное движение, которое бы, во-первых, дало хорошую поживу, во-вторых — принесло бы нам поражение, отнятие у нас какого-либо пункта или подобную неудачу, и, в-третьих, которое бы в тоже время послужило наказанием для грозненских мирных аулов, сеявших в Чечне (может быть, и непредумышленно) семена анархии.

С этою целью он стал собирать партии из жителей большой и нагорной Чечни. Сборным пунктом был Гельдыген. Эти партии к шестнадцатому сентября возросли почти до трех тысяч человек. Целью нападения были грозненские аулы и их скот.

Шамиль решил произвести вторжение семнадцатого сентября, а князь Барятинский узнал об этом только в ночь, предшествовавшую этому дню.

Каким-то образом сделалась даже известно заведовавшему левым флангом не только цель неприятельского движения, но и самый план набега.

План этот состоял в том, чтобы отвлечь и разрознить наши силы. Для достижения этого результата Шамиль распорядился, чтобы одна партия, за три часа до общего нападения, показалась бы у Алхан-Юрта. В то [218] время, когда в ту сторону будут отвлечены из Грозной наличные войска — другая партия, за час до того же общего нападения, должна была показаться из ханкальского ущелья. Когда остатки наличных местных наших сил и аульные жители завяжут с нею дело, вся прочая масса неприятеля должна будет атаковать аулы и их скот. В виду того, что в одной стороне на двенадцать, а в другой — на пятнадцать верст от Грозной войска наши будут развлечены битвами, Шамиль предполагал воспользоваться этим моментом, наказать аулы и перегнать скот за Сунжу.

Барятинский дал знать гарнизонам, чтобы они были готовы встретить неприятеля, и в тоже время не велел угонять скот с поля, оставив его Шамилю в виде приманки.

Семнадцатого сентября, ровно в полдень, пушечные выстрелы из станицы Алхан-Юрта возвестили о появлении неприятеля. В этом пункте нападения произведено не было. Партия маневрировала в виду станицы, вне выстрела, ожидая прибытия наших войск из Грозной. Но, конечно, никто не являлся.

Прошел час, другой — и вторая партия, численностью человек в триста, предполагая, без сомнения, что наш грозненский гарнизон стянулся к Алхан-Юрту, выползла из ханкальского ущелья. Но и тут ей встречи не было. Час спустя после этого, все силы Шамиля, в числе более двух тысяч человек, с восемью значками, следуя заранее начертанной им диспозиции, явились на месте нашего пастбища, — и какова была их радость, когда они увидели, что все обширное пространство поля усеяно бесчисленным множеством всякого скота. Считая эту добычу неотъемлемою и торжествуя свой успех, неприятель охватил [219] скот и начал гнать его к Сунже, отстоявшей от этого пункта верстах в пяти или шести.

В этот момент вынеслись из Грозной: сотня гребенского, сотня донского № 19-го полков, полсотни грозненских казаков, конвойная и почетная команды главнокомандующего, мирные чеченцы и два легких орудия. За ними быстро следовали находившиеся в крепости две роты куринского полка. Войсками этими командовал генерал-майор Майдель. В тоже время две роты линейного № 10-го батальона, при двух орудиях, находившиеся в Чертугае, были направлены навстречу и наперерез неприятелю к нефтянской башне, отстоявшей от Грозной

верстах в семи или в восьми. Между ею и Грозною должна была совершиться переправа неприятельских партий.

Как хотел осуществить свои планы Шамиль относительно грозненских аулов — осталось и доселе неизвестным, потому что не успели горцы прогнать скот на расстоянии около версты, как на них вихрем налетел с казаками подполковник Камков.

Неприятель, усмотрев, что кавалерии нашей, сравнительно с его силами, немного, и не видя еще пехоты, отрядил часть своей конницы на охранение и дальнейший угон скота, а всею остальною массою встретил казаков грудь с грудью. Но это их не остановило: приняв на себя залп и ответив на него своим залпом, казаки врезались в ряды неприятеля, но прорвать их не могли — и отступили. Тогда вся масса кинулась на них, готовая их раздавить своим превосходством. Казаки и мирные чеченцы лихо встретили этот удар и отбили его при помощи артиллерии.

В это время подоспела пехота и с криком «ура!» бросилась на неприятеля. Последний заколыхался, попытался [220] еще произвести новую атаку, но, встретив дружный отпор, пустился к переправе. Артиллерия загрохотала по нему картечью, кавалерия погналась вдогонку. О добыче в это время нечего было и думать: вся она осталась на месте нетронутою. Кавалерия наша на всем скаку поражала рассеявшегося уже неприятеля чем попало: пулями, пиками, шашками.

Но вот и Сунжа, вот и переправа. Спасение уже в руках у горцев.

Вдруг, раздался беглый огонь двух линейных рот и их орудий.

В паническом страхе неприятель кинулся сперва в одну, потом в другую сторону, но, поражаемый и там, и здесь, ринулся в реку, не разбирая брода. Самый отчаянный ружейный и артиллерийский огонь напутствовал его на ту сторону реки. Бросая лошадей, горцы кидались в воду во всем своем боевом облачении, хватались за хвосты коней своих других товарищей, скрываясь по шею в воде от наших пуль и картечи, частью гибли навсегда, не успев справиться с водою. Одиннадцать пленных было схвачено нами на берегу реки; до ста лошадей осталось в наших руках; шестьдесят два неприятельских тела усеяли собою пространство до Сунжи, а сколько было погибших в реке и сколько раненых, успевших спастись при помощи товарищей — осталось неизвестным.

Поражение неприятеля было полное, безусловное. Если бы это не была отборная кавалерия Шамиля, лошади которой стлались по земле, как птицы, так что большей части нашей конницы было не под силу за ними следовать, то, нет сомнения, что неприятель понес бы впятеро большую потерю; его также спасло, насколько возможно, и то, что, убегая к Сунже, он рассыпался на таком [221] пространстве, которое не могло быть охвачено нашими малочисленными конными силами.

С нашей стороны ранены: поручик Мисоуст Мустафин и восемь человек кавалерии, а также шестнадцать лошадей.

Героем дня был, конечно, подполковник Камков.

Шамиль кусал губы и грыз ногти от негодования и ярости: вместо того, чтобы восстановить, возвысить более прежнего свою власть, влияние и обаяние над чеченцами, он, в течение

нескольких часов, значительно подорвал даже и то, чем пользовался в их глазах до этого времени.

Так судьба, или иначе — законы мира устраивают постепенное понижение, а затем и падение лиц и предметов, получивших известное временное значение не в силу прав, указанных им историею или общим движением в кругу человечества, в природе вещей, а выбившихся на известную ступень высоты или моды случаем, силою, ловкостью, либо иными подобными обстоятельствами.

Непогрешимые законы природы никогда не изменяют себе в этом разе, они не допускают в мире ни неестественных, ни сверхъестественных положений, и если эти последние бывают, то лишь как мимолетные явления, как миражи, которые раньше или позже все-таки должны уступить свое место естественным и последовательным явлениям мировой сферы.

История России в лице некоторых государственных деятелей, называемых у нас временщиками, т.е. людьми случая и моды, а история Кавказа в лице Шамиля нагляднее всего учат нас мировым законам равновесия, последовательности и постепенности. Если мы всмотримся и ближе ознакомимся с бытом, жизнью и карьерою Шамиля, то [222] увидим, что он, благодаря уму, силе воли, случаю, вечному преследованию своих замыслов и убеждений, успел достигнуть и верховной власти, и влияния над миллионным населением; но, дойдя до этой точки, стал тихо, последовательно, сам того не замечая, нисходить к своему падению, т.е. возвращаться из положения, неправо и неестественно им приобретенного, к положению в действительности ему принадлежавшему, из сана владыки и первосвященника — к званию того же простого смертного, которое принадлежало ему некогда в Гимрах, когда он пас убогие стада своего отца.

Шамиль не замечал, да и не знал, вероятно, что в жизни человека есть зенит, апогей, поднявшись до которого, он необходимо должен спускаться все ниже и ниже. И хорошо, если он спускается по нормальной орбите для того, чтобы постепенно угаснуть: такова общая участь. Но если он поворачивает назад, в свое место, то это уже не угасание, а падение.

Зенитом Шамиля был 1845-й год. Он не хотел заметить, что обратный поворот для него начался с пятьдесят второго года. Силою своей воли и ума он сдерживал свое обратное движение, но с той минуты помешать ему не мог. Благодаря его твердому, могучему характеру, падение его шло последовательно, без скачков, но все-таки шло и было неотразимо. Если не мы, русские, то, во всяком случае, его же собственные народы раньше или позже приготовили бы ему его падение, хотя иным способом. Таков неизбежный порядок вещей, такова всегдашняя роль временщиков, выскочек, — а Шамиль, как ни был он умен, силен, хитер — все же не может быть выделен нами из круга понятий о подобных личностях.

Когда эти лица живут и действуют, мы часто не [223] можем их причислить к указанной нами категории, потому что сами обольщаемся их положением, ослепляемся их действиями; но когда они сходят со сцены, и мы холодно, критически относимся к их прошлой жизни, тогда нам самим становится смешно, что мы их принимали за каких-то полубогов, что, по необходимости или по заблуждению, черное считали белым.

И так, 1852-й год важен в истории Кавказа тем, что он дал делам толчок, в силу которого Шамиль повернул обратно со своей кульминационной точки.

Но старый имам не хотел этого знать и не думал мириться с своими неудачами. Упрямо он все-таки хотел настоять на своем и, не дав опомниться чеченцам, подвигал их на новые битвы, а с тем вместе вел и себя, и их к новым неудачам.

Против законов природы или, как их привыкли называть, против судьбы — не пойдешь.

Наибам — Эски, Талгику, Батоке, Дубе последовали еще раз, приказания не оставлять нас, и в то время, когда один из них тревожил наши пункты со стороны кумыкской плоскости, другой и третий от аргунского ущелья и от Шали, последний производил нападения в малой Чечне и не пропускал ни одного случая вредить нам и на рубке леса, и на дорогах, и везде, где попало.

Мы, конечно, и на этот раз обходим исчисление всех этих неудачных частных схваток и нападений, хотя некоторые из них, как нападение Талгика тридцатого сентября на окрестности крепости Воздвиженской, или нападение горцев десятого ноября, между Хасав-Юртом и Внезапною, на колонну майора Ильченки, и являются среди них выдающимися. Обходим мы их потому, что в истории нашей борьбы с кавказскими горцами они не представляли [224] сами по себе ничего решающего, как не представляли того же и наши небольшие набеги: полковника Ляшенки (6-го октября), генерал-майора Бакланова (11-го ноября) и т. п. Довольно того, если мы скажем, что предприятия Шамиля и его наибов всегда бывали столько же неудачны, сколько наши имели успех. Причина этому очень простая: нам все более и более служили сами шамильцы, тогда как к своему имаму они постепенно охладевали и от него отворачивались. Задумает ли бывало что-нибудь наиб — уж нам известно, и меры приняты, а задумаем мы, пользуясь сведениями и докладами мирных и немирных горцев — непременно застанем неприятеля врасплох.

В таком положении находились дела на левом фланге почти в течение трех месяцев со дня последнего поражения скопищ Шамиля на Сунже. Нас все тревожили и тревожили, пока вновь не исчерпана была мера нашему терпению.

Ничего не могло быть хуже в то время, как иметь вблизи себя неотделенные никакими естественными границами неприятельские поселения — аулы, хутора, укрепления и пр... Никогда от них покою не было, вечная сомнительность, а иногда и крамола, господствовала, благодаря им, и в ближайших к ним покорных нам аулах.

К числу наших наибольших мозолей в упомянутом роде принадлежал, как мы сказали выше, аул Хан-Кала или Сюрин-Корт. Усматривая все беспокойство, которое он нам причиняет, и помехи, которые производит в наших делах по управлению мирными горцами на Аргуне и на Сунже, главнокомандующий настоятельно приказал князю Барятинскому взять этот аул и снести его с лица земли.

Барятинский ждал лишь удобного случая. Это нужно [225] было исполнить среди зимы, когда уничтожение аула, его зимних запасов и имущества привело бы неизбежно к тому, что жители, лишенные крова и пропитания, вместо перебега к Шамилю, стали бы искать у нас приюта.

Таким образом, мы одним ударом достигали бы двух целей — и уничтожения вредного нам гнезда, и переселения на нашу сторону значительного числа неприязненных нам и полезных Шамилю людей.

Четырнадцатое декабря было назначено днем погрома этого аула.

В состав действующего отряда входили: четыре батальона генерал-адъютанта князя Воронцова полка, кавказский линейный № 10-го батальон, шесть сотен донского № 19-го полка, две сотни дунайских казаков, две сотни гребенского, одна моздокского казачьих полков, одна сотня грозненской станицы, четыре орудия легкой № 5-го батареи 20-й артиллерийской бригады, два подвижных орудия гарнизонной артиллерии, два горных орудия и два конно-казачьей № 15-го батареи.

Князь Барятинский был уже отчасти знаком и с неприступностью местности, на которой расположен аул, и с отвагою его жителей; поэтому, ожидая там наивозможного сопротивления, он предпринял относительно Сюрин-Корта более или менее сложную и, на всякий случай, обеспечивавшую нашу победу операцию.

Тринадцатого декабря указанный нами отряд стянулся в ауле большой Чечень, расположенном невдали Сюрин-Корта.

На четырнадцатое число диспозиция была следующая: один батальон князя Воронцова полка, четыре сотни казаков и четыре легких орудия должны были прикрывать позицию большого Чеченя; первый и четвертый батальоны, при [226] двух горных орудиях, под командою полковника Ляшенки, назначались на штурм Сюрин-Корта; шесть рот, с двумя орудиями, должны были занять сторону противоположную аулу, где пролегала дорога к аулу Тепли. Эта последняя колонна была вверена подполковнику Чихачеву. Сам же князь Барятинский, с двумя остальными ротами, восемью сотнями казаков и с двумя конными орудиями, занял ермоловский курган. Колонна его составляла нечто вроде резерва, который, в случае надобности, мог подкрепить тот или другой пункт и в то же самое время прекращать неприятелю доступ к другим колоннам — в особенности с Гойты и Рошни.

Аул Сюрин-Корт становился вне всякой возможности или получить подкрепление извне, или выпустить на простор своих жителей.

На восходе солнца началось, прежде всего, обстреливание аула гранатами и картечью. На первый раз неприятель будто притих; но когда, час спустя, наши горны возвестили наступление, аул будто ожил, и во всех углах его затрещала ожесточенная перестрелка. Впрочем, наступление ограничилось пока тесною блокадою, так как не было смысла вступать в решительную и последнюю борьбу там, где возможно было достигнуть цели без большой потери.

Когда Сюрин-Корт был, таким образом, взят в тиски — по ту сторону Аргуна явилась значительная партия, под предводительством наиба Талгика, готовая подкрепить жителей. Но было уже поздно: сближение и сообщение с аулом были ей отрезаны, и она ограничилась наблюдением и отдаленною перестрелкою.

Князь Барятинский, зная хорошо, что аул теперь не минует предназначенной для него участи, прибыль на место [227] битвы, приостановил блокирующую колонну так, как застал ее, и отдал приказание, чтобы открыть сообщение между позициями Ляшенки и Чихачева вырубкою разделявшего их леса и проложением дороги.

К вечеру эта работа была окончена.

Вследствие последнего маневра, у неприятеля была отнята возможность иметь прикрытый доступ к реке, и он лишался воды.

Усмотрев свое безвыходное положение, жители Сюрин-Корта прислали вечером к князю Барятинскому депутатов, с просьбою — принять от них покорность. Им была объявлена безусловная сдача.

Утром, пятнадцатого декабря, после ночи, проведенной в общественных совещаниях, триста пятьдесят человек сюрин-кортцев и более трех тысяч голов рогатого скота сделались нашим достоянием, нашею, так сказать, собственностью.

Тотчас отряжена была особая колонна для препровождения их в кр. Грозную.

Аул, в числе девяносто пяти домов, был предан пламени, и к вечеру того же дня от него не осталось ни одного здорового камня.

Потеря неприятеля приблизительно определяется в сто человек, хотя в точности неизвестна.

Разоренные и потерпевшие окончательный погром, жители Сюрин-Корта оставались не только без пристанища, но и без пропитания.

Вследствие представления о том князя Барятинского, главнокомандующий, в обеспечение семейств, положивших оружие, и в назидание прочим непокорным аулам, которые бы могли быть уверены заранее, что, сдаваясь нам, не потерпят от того окончательного разорения и нужды в [228] хозяйстве, приказал отпускать им казенный провиант впредь до нового урожая. Мало того, лишь только выходцы заявили князю Барятинскому, что в окрестных лесах, ближе к большому Чеченю, у них уцелели некоторые запасы, заведующий левым флангом отрядил из кр. Грозной, 18-го декабря, особую колонну, под командою полковника Ляшенки, для перевозки этих запасов к грозненским аулам, где временно находились сюрин-кортцы. Колонна состояла из пятого батальона князя Воронцова полка, двух сотен донского № 19-го полка, двух орудий конно-казачьей № 15-го батареи и двух орудий подвижной гарнизонной артиллерии. Проводниками взялись быть сами выходцы и частью грозненские чеченцы.

Пока подвигалась пехота, кавалерия, во главе которой были проводники, быстро вскакала в теснину, чрез которую пролегала дорога к лесу. В этом пункте находился сторожевой неприятельский пикет из нескольких человек.

Захваченный врасплох, он едва успел сделать один выстрел и обратился в бегство; но двое из сторожей были настигнуты пулями и убиты.

Собирание и перевозка хлеба и прочих запасов произошли без дальнейших приключений, даже без выстрела. Тяжело нагруженные арбы и вьюки к ночи прибыли обратно в грозненские аулы.

Так порешено было существование одного из важных неприятельских пунктов, с уничтожением которого Шамиль лишился в этой стороне оплота для своих партий, и дорога между Грозною и Воздвиженской сделалась сравнительно безопаснее.

На этом бы и покончиться военным действиям в Чечне в 1852-м году, но явился совершенно нечаянный [229] случай, который блестящим образом завершил все предыдущие дела (Случай этот мы описываем в подробности со слов ближайшего участника в нем, бывшего адъютантом полковника барона Николаи. Авт.).

20-го декабря, в Хасав-Юрте, в доме командира полка, собрались к обеду обычные посетители и некоторые из приглашенных. Все были в эполетах — как водилось в то время.

Подали закуску. Едва первая рюмка освежила глотки — с башни на Яман-су послышался орудийный выстрел. Стали ждать. Чрез минуту раздался другой, а за ним и третий.

Обед забыт.

Барон Николаи был человек храбрый, в своем роде партизан, а три выстрела возвещали окончательную тревогу.

Все бросились к оружию и в несколько минуть были на лошадях. Стала собираться и сотня донского № 18-го Абакумова полка, во главе со своим полковым командиром и под командою сотенного командира сотника Лащилина.

Барон Николаи, не ожидая окончательного сбора сотни, подхватил пятнадцать или двадцать казаков, уже готовых к выезду, и со всеми бывшими у него гостями помчался к воротам, приказав поспешать за ним остальным казакам сотни, охотничьей команде, двум ротам, из коих одною командовал капитан Гейман, и двум орудиям.

Уже на ходу казаки нагоняли барона Николаи постепенно — то по одному, то в числе нескольких человек разом.

Подскакали к башне, с которой были даны [230] сигнальные выстрелы. На вопрос барона Николаи: где неприятель, — ему указали на каких-то десять или пятнадцать чеченцев, которые, не торопясь, хотя и рысью, ехали по левому берегу Яман-су.

Помчались за ними. По мере того, как наши казаки ускоряли ход, чеченцы, в свою очередь, прибавляли рыси и старались держаться на таком расстоянии, что в подробности их различить было невозможно. Пока еще барон Николаи принимал их за неприятеля; но когда увидел, что они время от времена машут ему папахами, он пришел к заключению, что это должны быть наши мирные аксаевцы, которые со своей стороны, преследуют неприятеля и, конечно, стараются отбить захваченную у них скотину.

Впереди, уже не более версты, находилась известная магомет-юртовская балка или, лучше сказать, овраг, в котором скрылись эти десять-пятнадцать человек.

Удвоив аллюр, барон Николаи, при котором уже сгруппировалось до семидесяти казаков, мчится прямо к оврагу и, готовый уже кинуться вниз, вдруг неожиданно останавливается со своим конвоем, как вкопанный, над самым оврагом: весь овраг наполнен неприятельскою конницею, которая встретила его дружным залпом. Оказалось впоследствии, что численность неприятеля была в четыреста человек, находившихся здесь с несколькими значками, под предводительством ауховского наиба.

Трудно разрешить теперь вопрос, почему барон Николаи тотчас же не ретировался так же быстро, как и налетел сюда. Этим маневром он, может быть, потянул бы за собою и партию, которая, таким образом, нарезалась бы на нашу пехоту и на орудия.

Но как бы то ни было, а он остался на месте, [231] рассыпал казаков и, пока происходила перестрелка, поручил своему адъютанту, подпоручику Б., нестись обратно навстречу пехоте и приказать ей поспешать как можно скорее, потому что момент делался вполне критическим: горцы с обоих флангов начали охватывать горсть наших храбрецов.

Не успел Б. отскакать версту слишком, как ехавший за ним казак, оглянувшись назад, вскрикнул:

— Ваше благородие, пропал полковник!

Б. повернулся в седле и увидел следующую картину: масса неприятеля толстым обручем охватила казаков, офицеров, и все они скрылись в этой толпе; только из середины вился кверху какой-то дымок от пистолетных или ружейных выстрелов.

Вдруг, толпа раздалась, отхлынула, и наши казаки оказались налицо.

? дело произошло следующим образом: когда барон Николаи увидел, что, действительно, нет спасения, и что вот-вот его раздавят, он моментально стянул казаков. Неприятель вслед затем сдавил их. Они сделали залп и ударили в пики. Отражение было произведено так славно и так молодецки, что вся толпа отхлынула обратно в овраг, как под ударом целой батареи.

Но это была первая атака. За нею следовало ожидать второй — так оно и случилось.

В параллель затруднению и, пожалуй, замешательству барона Николаи, обнаружившемуся при неожиданной встрече с столь сильною партиею, явилось какое-то недоразумение и у горцев: вместо того, чтобы решительно и сразу ударить всею массою на казаков, они произвели атаку только половиною наличных сил и произвели ее довольно нерешительно; вместо того, чтобы тотчас же повторить атаку, они [232] занялись перестрелкою. Или думали они, что невдали есть наша пехота, или получили о ней сведение от их пикетов, разбросанных вправо от дороги, по опушке леса, которою прошел барон Николаи — кто их знает. Довольно того, что перестрелка продолжалась.

Подпоручик Б. скакал во всю прыть, и первые, что попались ему на пути, были охотники, под командою поручика Белецкого, заменившего собою убитого Богдановича.

Они и так уж все бежали, да бежали, а услышав теперь об отчаянном положении своего командира полка, пустились вперед, что было мочи.

В это время, на счастье, проходила по дороге оказия из укр. Куринского. Сопровождала ее рота Иверсена и орудие Кульгачева. Услышав вдали, верстах в четырех, сильную перепалку, Иверсен тотчас отрядил взвод и пригласил Кульгачева следовать вместе с ним.

Кульгачев был человек пылкий. Сделав несколько шагов, вместе со взводом, он объявил Иверсену, что знает местность и решается без прикрытия проскакать открытым полем к месту битвы, так как ползти ему за пехотой — и медленно, и томительно.

Иверсен положительно воспретил ему отделяться от взвода, из опасения потерять орудие. Когда Кульгачев не сдался, он заявил ему о своих правах и о власти начальника колонны. Но и это не взяло. Кульгачев, объявив, что принимает на себя все последствия своего поступка и ослушания, посадил прислугу на орудие и по цельному полю поскакал к магомет-юртовской балке.

Нужно заметить, что хотя время было зимнее, но снега не было, и земля была сухая, даже не вполне примерзшая.

Поступок Кульгачева с дисциплинарной точки зрения важен; но если взять во внимание, что он положил [233] начало спасению — если не спас вполне — семидесяти слишком человек, то вина его в нарушении воинского устава вполне заглажена.

Подобных деятелей, отважных, находчивых и догадливых, могла родить только кавказская война и прежняя кавказская жизнь, полная вечных тревог и постоянной боевой практики, под

руководством которой, как мы уже заметили в прочих наших описаниях, слагались личности самостоятельные, решительные, офицеры и солдаты вполне развитые.

Пока Кульгачев подскочил со своим орудием — вторая атака была только что произведена, и горцы, как и в первый раз, были отбиты.

Но это уж было последнее наше усилие, за которым неизбежно мог последовать кризис, так как неравенство сил было чересчур велико.

Чуть только горцы отхлынули после второго нападения — орудие Кульгачева уже стояло над оврагом, и не успели они опомниться, как он шарахнул их картечью.

Вслед затем подбежала охотничья команда и запустила по оврагу сотнями пуль.

И барон Николаи, и окружавшие его лица были спасены.

Уже явились и роты — конечно, врассыпную, и беглый огонь охватил на минуту весь овраг и окраины его; — именно на минуту, потому что неприятелю ничего не оставалось более, как поспешнее выбираться из оврага.

Орудие Кульгачева и другие два, прибывшие с пехотою, поражали неприятеля беглым картечным огнем. Когда же чеченцы выскочили на ту сторону оврага — картечь сменилась гранатами, которые провожали их на расстоянии целой версты и более. [234]

В таком жарком, хотя и непродолжительном, деле мы понесли сравнительно ничтожную потерю: ранено семь казаков и убито восемь лошадей.

Потеря неприятеля относилась к нашей в такой же пропорции, как численность его к нашим силам. Наиболее губительный результат был причинен ему нашим первым карточным выстрелом.

Все возвратились домой веселые, счастливые, благословляя свою судьбу и благодаря Бога за чудесное спасение.

Кончился год — полный шума и славы.

Что он принес нам — мы видели; что он принес Шамилю — мы также знаем.

Больше говорить не о чем, потому что это значило бы — повторяться.

Желательно только одно, чтобы каждое дело, каждый добрый труд и каждая полезная работа — в особенности на славу нашего дорогого отечества, заканчивались бы так приятно и счастливо, как заключились все описанные нами события.

Н. А. Волконский.

Тифлис.

1879 г.

Текст воспроизведен по изданию: Погром Чечни в 1852 г. // Кавказский сборник, Том 5. 1880

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

ПОГРОМ ЧЕЧНИ В 1852 ГОДУ

После присоединения Грузии в 1801-1810 гг. и Азербайджана в 1803-1813 гг. их территории оказались отделенными от России землями Чечни, Горного Дагестана и Северо-Западного Кавказа. К началу XIX века присоединение этих территорий становится для России важной военно-политической задачей.

Назначенный главнокомандующим на Кавказе генерал А. П. Ермолов приступил, начиная с 1817 года, к планомерному продвижению в глубь Чечни и Горного Дагестана.

Заключение Туркманчайского мира (1828) и Адрианопольского мирного договора (1829), а также строительство Военно-Сухумской дороги изменило стратегическую обстановку на Кавказе в пользу России. В 1827 году главнокомандующим на Кавказе был назначен генерал И. Ф. Паскевич, которого в 1831 году сменил генерал Г. В. Розен. Кавказская война в эти годы приобретает затяжной характер из-за возникшего движения горцев за создание собственного государства — имамата. Духовные вожди горцев Гази-Магомед (Кази-мулла) и Гамзат-бек утверждали свою власть не только пропагандой идей мюридизма, но и силой оружия. Особенно большой размах боевые действия приобрели после того, как имамом в 1834 году стал Шамиль — ученик Гази-Магомеда. После перемирия, заключенного в 1837 году, боевые действия вновь начались в 1839 году. Главнокомандующим на Кавказе в это время был генерал Е. А. Головин. Подвижные, приспособленные к действиям в горах войска Шамиля легко выходили из боя и ускользали от преследования. В 1844 году главнокомандующим на Кавказе был назначен генерал М. С. Воронцов. К этому времени наместники (наибы) Шамиля превратились в крупных феодалов и стали жестоко эксплуатировать подвластное им население. Обострились внутренние социальные противоречия в имамате, и крестьянство начало отходить от Шамиля. Публикуем фрагмент воспоминаний участника тех событий Н. А. Волконского.

Публикацию подготовила подполковник З. П. ВАШУРИНА

Взгляд на описываемую эпоху

Первый год самостоятельной деятельности на Кавказе князя Барятинского 1... Год в своем роде замечательный и знаменательный по последствиям в летописях Кавказской войны.

«Автуры и Гельдыген 2 взяты грудью нашей», — говорит, между прочим, об этом годе солдатская песня.

Интерес и характеристика его состоят в том, что он — эпоха князя Воронцова 3, который восстает здесь пред нами как военный деятель. Этот год знакомит нас со многими заветными бойцами нашего дела на Кавказе, каковы: Круковский 4 — славная, светлая, храбрая и симпатичная личность, Бакланов 5, Меллер-Закомельский 6 и другие, наконец, год трескучий по своим военным действиям, составляющим после долгого затишья первый основательный погром Чечни, положивший начало дальнейшему ее завоеванию и падению власти и влияния Шамиля.

Год начался, и военные действия начались по заведенному исстари порядку. Сама суть этих действий в Чечне была зимою, отчего и чеченские экспедиции обыкновенно назывались

зимними. Гораздо позже там завелись летние экспедиции. В эпоху же, нами описываемую, [83] препятствием, страшилищем летних экспедиций в Чечне были леса. Оттого мы ... летом в Чечне ничего особенно важного не предпринимали, а старались все главное покончить тогда, когда деревья были обнажены от листьев, когда лес сквозил и выдавал нам каждую скрытую в нем неприятельскую папаху, лишая наших врагов возможности скрываться.

Вникая в частные деяния лиц этого года, мы подметили еще одну небезынтересную черту его: мы видим здесь боевой дух солдата доведенным до совершенства, боевую удаль казака в апогее ее величия и славы. Эти качества, бесспорно, не оставляли наших солдат и в последующее время, но они не были так отчаянны, беззаветны, как в этот период времени, они заменились стойкостью, твердостью. Следя за историей Кавказа, не трудно найти тому причину: когда выработалась окончательно идея, то для поддержания и осуществления ее эта беззаветная удаль была не нужна. Спознали это прежде всего военачальники, за ними — офицеры вообще, и заменили ее упорною, неотразимою храбростью; от них эти боевые достоинства незаметно передались солдатам и всецело поглотили в них прошлое, завлекающее молодечество.

Это было время полной власти Шамиля. Его влияние на Чечню горело всею силою своего блеска и жара: имамом одушевлялись, его слушали, потому что не остыли еще в памяти успехи его оружия в 1842, 1843, 1845 годах. А с того времени и до 1852 года, как известно, в Чечне не произошло ничего важного.

Два рода атак в минувшую кавказскую войну

В Чечне, да и вообще на Кавказе, преимущественно практиковались два маневра при взятии неприятельских аулов: первый — посредством быстрой кавалерийской атаки, второй — при помощи артиллерии и пехоты. Первый находим в более отдаленное, второй — в ближайшее к нам время. Последний был общеупотребительным маневром позднейших сподвижников Барятинского: Евдокимова 7, Врангеля 8, Вревского 9, князя Меликова 10, которые, подойдя к аулу, хотя бы и видели его в совершенном покое, доказывающем отсутствие неприятеля, всегда прежде обстреливали его, а затем атаковали пехотою. Тут столько же выражалась благоразумная осторожность, сколько и научное правило. Первый же маневр, принадлежащий к эпохе набегов, практиковался Фрейтагом 11, Нестеровым и др. С одной стороны, дух времени и обстоятельства войны, а с другой — опытность и практика военачальников заставили предпочесть артиллерийскую и пехотную атаки аулов быстрым кавалерийским атакам. Насколько последние годились в набегах, когда нам необходимо было захватить аул с налета, разорить его и поскорее убраться домой, настолько же артиллерийские и пехотные атаки [84] были важны в том случае, когда приходилось прочно взять аул или известную местность и стать на ней твердою ногою. Эти два маневра резко разграничивают собою две эпохи Кавказской войны, точно так, как указывают нам на две отличные одна от другой школы полководцев — на младенчество и возмужалость и на две различные теории военного искусства. Из них, из этих теорий, мы видим, что атака кавалерией укрепленных позиций, к которым нужно отнести большую часть горских аулов, нам приносила чувствительную сравнительно потерю в людях и не оставляла никаких особенных последствий, хотя поражала самого неприятеля вернее и удачнее, а атака артиллерии и пехоты, хотя и давала возможность легче спасаться неприятелю, но в то же время сберегала у нас войска и доставляла последствия более или менее веские.

Приезд главнокомандующего. Значение поездки и [ее] последствия

Все пространство, занимаемое ныне округами: осетинским, чеченским, аргунским, ичкерийским, кумыкским — не было свободно от постоянных военных тревог, при которых, с одной стороны, горцы столько же беспокоили нас, сколько, с другой стороны, и мы их.

Военные действия князя Барятинского, отважные и в высшей степени смелые в то время вследствие разновременных вторжений в глубину неприятельской земли, столько же обращали внимание на Кавказскую войну в Петербурге, сколько в особенности интересовали главнокомандующего отдельным кавказским корпусом. Барятинский, до которого не было еще в Чечне такового непрерывного ряда битв и таких постоянных беззаветных переходов — для кавалерии иногда до девяносто верст в сутки, а для пехоты — сорок, пятьдесят и даже шестьдесят, — становился в глазах всех и каждого, начиная с главнокомандующего… каким-то молодцом, героем, а войска, ему вверенные, какими-то сказочными существами, способными перелетать в одно мгновение необъятные пространства, жить чуть не воздухом в течение нескольких дней и т. п. Эти все деяния, преувеличенные рассказы, личность самого Барятинского тянули всех военных людей на Кавказ… влекли и самого князя Михаила Семеновича Воронцова в Чечню — полюбоваться нашими успехами и убедиться в действительности их.

Неожиданно и быстро пронесся слух, что главнокомандующий едет в Чечню. Везде зашевелились — и в войсках, и в народе.

Поездка эта, кажись, не представляла бы ничего особенного, но вышло вполне случайно совершенно иначе. Она имела влияние на: 1) общее положение военных дел на левом фланге в том отношении, что, сообразно усмотренному князем Воронцовым, последовали особые и личные приказания его светлости насчет дальнейших действий; 2) отношения к Шамилю непокорного еще нам народа — неблагоприятные для него и благоприятные для нас. Влияние это было и непосредственное, и посредственное. В первом случае оно выразилось тем, что многие из непокорных горцев, бывшие свидетелями самой поездки князя в глубину их земли и встреч, ему по пути оказанных, пришли наглядно к убеждению о нашем могуществе, о том, что места, куда вступала нога главнокомандующего, уже не могут называться их собственностью и лишь останутся в сомнительном и шатком их пользовании только до первого последующего затем случая, иначе бы зачем сардарю ездить в эти места и осматривать их; что лучше заблаговременно добром уступить эти места, переселиться к нам, чем ждать нового погрома и разорения; что, наконец, Шамиль и Воронцов — две власти разные: первая, хотя и своя, но гнетущая, сравнительно слабая, всюду до сих пор более или менее поражаемая и уступающая, ничего предоставить немогущая, вечно эксплуатирующая население; вторая, хотя чуждая, но могучая, щедрая, обильно рассыпающая награды, милости, деньги. Посредственное же влияние, о котором мы [85] сказали выше, заключалось в быстрых сведениях, перенесенных в непокорные аулы нашими мирными чеченцами, о тех щедротах, которые рассыпал главнокомандующий, о веселой, привольной, бездеятельной и беззаботной, почти на содержании у русских, жизни, которой пользовались так недавно склонившиеся пред нами разновременно сотни семейств. И это последнее влияние едва ли не было для немирных горцев заманчивее и действительнее первого. После проезда князя Воронцова, умевшего, где нужно и в чем нужно, задобрить, приласкать, поощрить и обольстить татарское наше население, их так и тянуло к нам.

Втайне от Шамиля, а иногда и явно, семейство за семейством начало прибывать и на кумыкскую плоскость, и в состав посунженских аулов. Насколько это нравилось Шамилю и какие последствия произошли из всего этого, равно как ошибся Шамиль в своих расчетах, думая сразу восстановить слегка потрясенное его обаяние над чеченцами — увидим вслед за сим.

Главнокомандующий выехал из Тифлиса тотчас по получении передовых сведений о последних наших действиях в Чечне и в Аргунском ущелье. Начиная от Владикавказа и до Воздвиженской поездка его представляла собою какое-то торжественное движение, непрерываемый парад. Князь обращал особенное внимание на представлявшиеся ему в разных местах осетинские, чеченские и подобные туземные депутации, интересовался их бытом, жизнью, что вообще составляло его слабую струну, оказывал внимание, ласкал, поощрял отдельных лиц, в особенности в среде назрановцев, и везде оставлял за собою единодушный говор о доступности, приветливости, которые, исходя от таких высоких особ, составляют нередко лучший подарок в жизни обыкновенного смертного, а уж о дикаре и говорить нечего. Князь хорошо знал эту слабую людскую сторону и уменьем влиять на нее, как известно всем, совершал иногда чудеса.

25 августа (Даты приводятся по старому стилю.), утром, князь выехал из Воздвиженской для обзора зааргунского пространства. Куринский имени его полк, Донской № 19-го и Гребенской, легкая № 5-го батарея 20-й артиллерийской бригады и дивизион конно-казачьей № 15-го батареи были расположены эшелонами от Воздвиженской до р. Басса, на расстоянии двадцати с лишком верст, прикрывая дорогу, по которой должен был проезжать главнокомандующий. Здесь он отчетливо знакомился с пройденною нами в течение текущего года местностью, с трудами и деяниями, нами совершенными, и частью с результатами этих деяний. На горах, в трущобах — везде появлялись партии горцев, которые безмолвно, без выстрела, с жадным любопытством следили и за поездкой, и за блестящею свитою и конвоем, в котором было много их собратий, и за нашими стройными, грозными войсками, поражавшими их зрение тою торжественностью, которая во время дел и перестрелок ускользала от всякого внимания. Все это в глазах дикого населения имело свою особую красоту, свою силу и значение.

Главнокомандующий переправился даже и на противоположный берег Басса. Даже и здесь не звякнул ни один горский выстрел — хотя неприятель был вблизи.

При обратном проезде главнокомандующего все означенные выше войска были передвинуты на Шавдон. Князь Барятинский избрал место для ставки его светлости на одном из отдельных высших курганов, с которого на далекое расстояние была видна вся плоскость большой Чечни.

Любуясь открытою, разнообразною картиною, князь Воронцов в то же время любовался и войсками, которые проходили перед ним церемониальным маршем, в колоннах. Правда, шагистика была не Бог знает какая, зато каждый, иногда неровный шаг солдата отзывался твердостью, крепостью; осанка, фигура всех этих загорелых, смуглых лиц проявляла отвагу, бодрость, силу, которая в русском народе вообще как будто скрыта, словно ее и вовсе нет, но которая так энергически умеет проявляться в минуты торжественные, в минуты нужды, необходимости и сознания своего долга. [86] «Вахлак, чурбан» — это слова, присущие… только русскому народу, русскому языку. Ими не обзывают друг друга ни на каком ином языке, потому что каждый немец, француз, англичанин, американец всегда старается быть с виду лучше, чем он есть на самом деле. Русский же человек, как и русский солдат, без надобности

не гоняется за этим: он скромен и в обыкновенных случаях жизни далее своей природы не тянется. Оттого-то он и вахлак, и чурбан. Но посмотрите на этих вахлаков, когда они сознательно, разумно, отважно взялись за указанное им дело, и тогда увидите, откуда и что взялось: вместо спокойной, малоповоротливой силы является быстрота, решимость, энергия, жизнь, кипучесть, упорная неуступчивость, добивание дела и цели до конца, хотя бы в ущерб своему телу и крови.

Поблагодарив эти чудные войска за их молодецкие перелеты из конца в конец неприятельского края, за храбрость, за кровь, пролитую на благо Родины, князь Воронцов навесил некоторым нижним чинам, участвовавшим в последних действиях, Георгиевские кресты. Минута в самом деле была величественная, трогательная!

Шамиль решается поправить свое поколебавшееся у горцев положение и достигает после отъезда [главнокомандующего] результатов отрицательных

Тотчас по отъезду главнокомандующего Шамиль усмотрел, что в Чечне что-то не совсем — не то чтобы неладно, а «сумнительно». Имам стал прислушиваться, присматриваться. Лица, подобные Эски 12, и другие клевреты, частью им же разосланные, а частью сами по себе желавшие выслужиться, донесли ему, что между мирными и немирными чеченцами, в особенности между последними и жителями грозненских аулов, происходит уж не в меру частый и усердный обмен весьма подозрительных сношений. Приглядевшись поближе и наслушавшись вдоволь, имам заключил, что все это легкое, едва заметное движение, могущее, однако, разрастись, далеко не представляет для него ничего розового, утешительного. Умный старина сейчас догадался, что такого рода вещи нередко угрожают власти и влиянию правителей, что в этих случаях нужно непременно приостановить движение, помешать ему, занять и заинтересовать чем-нибудь умы, отвлечь их от предвзятой точки, обратив на другую. В странах одичалых, среди народов нецивилизованных восстановление своей власти, колеблющегося влияния, уважения к себе, боязни, коленопреклонения совершается или силою, деспотизмом [по отношению к] поколебавшимся, волнующимся, или посредством проявления силы и власти на других вещах и предметах, способных поставить дикаря в изумление и возвратить его под обаяние, из[-под] которого он почему-либо выбился или хотел выбиться. Шамиль, как умный человек и притом хорошо знавший свободомыслящих, вольных, увлекающихся и впечатлительных чеченцев, счел весьма неудобным восстановлять на этот раз свое обаяние посредством мер решительных, ведь критической минуты не было еще, а решился поддержать себя и возвратить своей особе все безусловное и неограниченное доверие чеченцев, даже поднять над ними свое влияние при помощи второго способа. Это так называемый переводной способ: с других да на себя, по другим да на третьих, и все эти другие должны быть жертвами, остаться в обиде и накладе, лишь бы самому деятелю и третьим на плане общей картины лицам было удобно.

Имам решил, что если он русских побьет, принизит, сделает что-либо такое важное и существенное, которое, с одной стороны, даст ему значение большого героя в глазах чеченцев, а с другой — достанется выгодно и сим последним, то кредит его поднимется, фонды после предшествоваших маленьких неудач возвысятся, и он опять станет целою головою выше своего времени и обстоятельств, и опять преклонятся пред ним все недоверчивые, слабые и легкомысленные личности и общества, как преклонились после его случайных успехов в сороковых годах. [87]

Шамиль решился предпринять против нас не простую стычку или нападение, а осмысленное наступательное движение, которое бы, во-первых, дало хорошую поживу, во-вторых, принесло бы нам поражение, отнятие у нас какого-либо пункта или подобную неудачу и, в-третьих, которое бы в то же время послужило наказанием для грозненских мирных аулов, сеявших в Чечне (может быть, и непредумышленно) семена анархии.

С этой целью он стал собирать партии из жителей большой и нагорной Чечни. Сборным пунктом был Гельдыген. Эти партии к 16 сентября возросли почти до 3 000 человек. Целью нападения были грозненские аулы и [пасущийся] скот.

Шамиль решил произвести вторжение 17 сентября, а князь Барятинский узнал об этом только в ночь, предшествовавшую этому дню.

Каким-то образом сделалась известною не только цель, но и сам план набега. План этот состоял в том, чтобы отвлечь и разрознить наши силы. Для достижения этого результата Шамиль распорядился, чтобы одна партия за три часа до общего нападения показалась бы у Алхан-Юрта. В то время, когда в ту сторону будут отвлечены из Грозной наличные войска, другая партия за час до того же общего нападения, должна была показаться из Ханкальского ущелья. Когда остатки наличных местных наших сил и аульные жители завяжут с нею дело, вся прочая масса неприятеля должна будет атаковать аулы и скот [на пастбищах]. Ввиду того, что в одной стороне на двенадцать, а в другой на пятнадцать верст от Грозной войска наши будут развлечены битвами, Шамиль предполагал воспользоваться этим моментом, наказать аулы и перегнать скот за Сунжу.

Барятинский дал знать гарнизонам, чтобы они были готовы встретить неприятеля, и в то же время не велел угонять скот с поля, оставив его Шамилю в виде приманки.

17 сентября, ровно в полдень, пушечные выстрелы из станицы Алхан-Юрт возвестили о появлении неприятеля. В этом пункте нападения произведено не было. Партия маневрировала в виду станицы, вне выстрела, ожидая прибытия наших войск из Грозной. Но, конечно, никто не являлся.

Прошел час, другой, и вторая партия численностью человек в триста, предполагая, без сомнения, что наш грозненский гарнизон стянулся к Алхан-Юрту, выползла из Ханкальского ущелья. Но и тут ей встречи не было. Час спустя после этого все силы Шамиля в числе более 2 000 человек, следуя заранее начертанной им диспозиции, явились на место нашего пастбища, и какова была их радость, когда они увидели, что все обширное пространство поля усеяно бесчисленным множеством всякого скота. Считая эту добычу неотъемлемою и торжествуя свой успех, неприятель охватил скот и начал гнать его к Сунже, отстоявшей от этого пункта верстах в пяти или шести.

В этот момент вынеслись из Грозной: сотня Гребенского, сотня Донского № 19-го полков, полсотни грозненских казаков, конвойная и почетная команды главнокомандующего, мирные чеченцы и два легких орудия. За ними быстро следовали находившиеся в крепости две роты Куринского полка. Войсками этими командовал генерал-майор [Е. И.] Майдель 13. В то же время две роты линейного 10-го батальона при двух орудиях, находившихся в Чертугае, были направлены навстречу и наперерез неприятелю к нефтяной башне, отстоявшей от Грозной верстах в семи или восьми. Между ею и Грозной должна была совершиться переправа неприятельских партий.

Как хотел осуществить свои планы Шамиль относительно грозненских аулов, осталось и доселе неизвестным, потому что не успели горцы прогнать скот на расстояние около версты, как на них вихрем налетел с казаками подполковник Камков.

Неприятель, усмотрев, что кавалерии нашей сравнительно с его силами немного и не видя еще пехоты, отрядил часть своей конницы на охранение и дальнейший угон скота, а всею остальною массою встретил казаков. Но это их не остановило: приняв на себя залп и ответив на него своим залпом, казаки врезались в ряды неприятеля, но прорвать их не могли и отступили. Тогда вся [88] масса кинулась на них, готовая их раздавить своим превосходством. Казаки и мирные чеченцы лихо встретили удар и отбили его при помощи артиллерии…

В это время подоспела пехота и с криком «Ура!» бросилась на неприятеля. Последний заколыхался, попытался еще произвести новую атаку, но встретив дружный отпор, пустился к переправе. Артиллерия загрохотала картечью, кавалерия погналась вдогонку. О добыче в это время нечего было и думать: вся она осталась на месте нетронутою. Кавалерия наша на всем скаку поражала рассеявшегося уже неприятеля чем попало: пулями, пиками, шашками. Но вот и Сунжа, вот и переправа. Спасение уже в руках у горцев.

Вдруг раздался беглый огонь двух линейных рот и их орудий. В паническом страхе неприятель кинулся сперва в одну, потом в другую сторону, но, поражаемый и там, и здесь, ринулся в реку, не разбирая брода. Самый отчаянный ружейный и артиллерийский огонь напутствовал его. Бросая лошадей, горцы кидались в воду во всем своем боевом облачении, хватались за хвосты коней своих товарищей, скрываясь по шею в воду от наших пуль и картечи, частью гибли. 11 пленных было схвачено нами на берегу реки; до 100 лошадей осталось в наших руках; 62 неприятельских тела усеяли собою пространство до Сунжи, а сколько было погибших в реке и сколько раненых, успевших спастись при помощи товарищей, осталось неизвестно.

Поражение неприятеля было полное. Если бы это не была отборная кавалерия Шамиля, лошади которой стлались по земле, как птицы, так что большой части нашей конницы было не под силу за ними следовать, то нет сомнения, что неприятель понес бы впятеро большую потерю. Его также спасло, насколько возможно, и то, что, убегая к Сунже, он рассыпался на таком пространстве, которое не могло быть охвачено нашими малочисленными конными силами.

С нашей стороны ранены: поручик Мисоуст Мустафин и 8 человек кавалерии.

Героем дня был, конечно, подполковник Камков.

Шамиль кусал губы и грыз ногти от негодования и ярости: вместо того чтобы восстановить, возвысить более прежнего свою власть, влияние и обаяние, он за несколько часов значительно подорвал даже и то, чем пользовался до этого времени.

Так судьба или иначе, законы мира устраивают постепенное понижение, а затем и падение лиц и предметов, получивших известное временное значение не в силу прав, указанных им историей или общим движением в кругу человечества, в природе вещей, а выбившихся на известную ступень высоты или моды случаем, силой, ловкостью либо иными подобными обстоятельствами.

Непогрешимые законы природы никогда не изменяют себе в этом случае. Они не допускают в мире ни неестественных, ни сверхъестественных положений, и если эти последние бывают, то

лишь как мимолетные явления, как миражи, которые раньше или позже все-таки должны уступить свое место естественным и последовательным явлениям мировой сферы.

История России в лице некоторых государственных деятелей, называемых у нас временщиками, т. е. людьми случая и моды, и история Кавказа в лице Шамиля нагляднее всего учат нас мировым законам равновесия, последовательности и постепенности. Если мы ближе ознакомимся с бытом, жизнью и карьерой Шамиля, то увидим, что он благодаря уму, силе воли, случаю, вечному преследованию своих замыслов и убеждений успел достигнуть и верховной власти, и влияния над миллионным населением, но, дойдя до этой точки, стал тихо, последовательно, сам того не замечая, нисходить к своему падению, т. е. возвращаться из положения, неправо и неестественно им приобретенного, к положению, в действительности ему принадлежавшему, из сана владыки и первосвященника к званию того же простого смертного, которое принадлежало ему некогда в Гимрах, когда он пас убогие стада своего отца.

Шамиль не замечал и не знал, вероятно, что в жизни человека есть зенит, апогей, поднявшись до которого он обязательно должен спускаться.

Зенитом Шамиля был 1845 год. Он не хотел заметить, что обратный поворот для него начался с пятьдесят второго года. Силою своей воли и ума он сдерживал свое обратное движение, но с той минуты помешать ему не мог. Благодаря его твердому, могучему характеру падение его шло последовательно, без скачков, но все-таки шло и было неотвратимо. Если не мы, русские, то во всяком случае его же собственные народы раньше или позже приготовили бы ему его падение, хотя иным способом. Таков неизбежный порядок вещей, такова всегдашняя роль временщиков, выскочек.

Когда эти лица живут и действуют, мы часто не можем их причислить к указанной нами категории, потому что сами обольщаемся их положением, ослепляемся их действиями, но когда они сходят со сцены, и мы холодно, критически относимся к их прошлой жизни, тогда нам самим становится смешно, что мы их принимали за каких-то полубогов, что по необходимости или по заблуждению черное считали белым.

Итак, 1852 год важен в истории [89] Кавказа тем, что он дал делам толчок, в силу которого Шамиль повернул обратно со своей кульминационной точки.

Но старый имам не хотел этого знать и не думал мириться со своими неудачами. Упрямо он все-таки хотел настоять на своем и, не дав опомниться чеченцам, подвигал их на новые битвы и с тем вместе вел и себя и их к новым неудачам.

Против законов природы или, как их привыкли называть, против судьбы не пойдешь.

Кончился год, полный шума и славы.

Что он принес нам — мы видели, что он принес Шамилю — мы также знаем.

Больше говорить не о чем, потому что это значило бы повторяться.

Желательно только одно, чтобы каждое дело, каждый добрый труд и каждая полезная работа, в особенности во славу нашего дорогого Отечества, заканчивались бы так приятно и счастливо, как заключились все описанные нами события.

Тифлис 1879 год

Комментарии

Печатается в сокращении по: Кавказский сборник. Тифлис, 1880. Т. V. Стиль автора сохранен.

1. Барятинский Александр Иванович (1815-1879) — князь, генерал-фельдмаршал (1859) русской армии. В 1835 г. и с 1845 г. участвовал в боях на Кавказе. В конце 1850 г. — командир Кавказской гренадерской бригады, с весны 1851 г. — начальник левого фланга кавказской линии. 1851-1853 гг. провел в Чечне, участвовал в экспедиции в Большую Чечню (лето и зима 1851-1852 гг.), разгроме наиба Талгика и занятии Хоби-Шавдонских высот в южной Чечне (зима 1852-1853 гг.). В 1853-1854 гг. — начальник штаба Кавказского корпуса, с 1856 г. — генерал от инфантерии, командующий войсками. Осуществляя план методического продвижения от рубежа к рубежу и прочного закрепления захваченной территории, Барятинский сломил сопротивление главных сил Шамиля.

2. В 1850, 1851 и 1852 гг. замирение Кавказа шло быстрыми шагами. Одним из важнейших событий этих лет был блестящий двухдневный поход князя Барятинского на Гельдыген и Автуры.

3. Воронцов Михаил Семенович (1782-1856) — князь, русский военачальник и государственный деятель, генерал-фельдмаршал (1856). Участвовал в боевых действиях на Кавказе в 1803-1804 гг., в войнах с Францией 1805 и 1806-1807 гг. и Турцией 1806-1812 гг., в Отечественной войне 1812 г. В 1844-1854 гг. — наместник и главнокомандующий русскими войсками на Кавказе.

4. Круковский Феликс Антонович (1804-1852) — генерал-майор (1848), герой Кавказской войны. С 1839 г. — на Кавказе, совершил ряд экспедиций в Чечню и Дагестан. С 1848 г. — наказной атаман Кавказского линейного войска. В январе 1852 г. во время экспедиции к верховьям р. Гойты был смертельно ранен и вместе со всем своим конвоем изрублен горцами.

5. Бакланов Яков Петрович (1809-1873) — генерал-лейтенант войска Донского, один из популярнейших героев эпохи Кавказской войны. С 1846 г. — на Кавказе. В 1852 г. за боевые отличия против горцев был произведен в генерал-майоры, в 1853 г. командовал всей кавалерией левого фланга Кавказской линии.

6. Меллер-Закомельский Николай Иванович (1813-1887) — барон, генерал от инфантерии. С 1842 по 1845 г. участвовал в ряде экспедиций против горцев на Кавказе.

7. Евдокимов Николай Иванович (1804-1873) — граф, генерал-адъютант, генерал от инфантерии (1860), выдающийся боевой генерал, с именем которого связано покорение Кавказа. Участник многих экспедиций, в том числе и против Гази-Магомеда (Кази-муллы).

8. Врангель Александр Евстафьевич (1804-1880) — барон, генерал-адъютант (1857), генерал от инфантерии (1866). С 1831 г. служил на Кавказе, участник экспедиций в Чечню и Дагестан против Гази-Магомеда (Кази-муллы). В 1852 г. — начальник Лезгинской линии и Джаро-Белоканской области. С 1853 г. — начальник левого фланга Кавказской линии. Командовал Дагестанским отрядом, который в числе еще двух нанес Шамилю последний удар. Преследуя, Врангель вытеснил Шамиля из Аварии и заставил укрыться в Гунибе, который затем взял штурмом.

9. Вревский Ипполит Александрович (1813-1858) — барон, генерал-лейтенант (1856), герой Кавказской войны. Большая часть службы прошла на Кавказе, участвовал в ряде экспедиций в глубь Чечни и Дагестана. В 1852 г. — начальник Владикавказского военного округа, в 1856 г.

командует войсками Лезгинской кордонной линии. В 1858 г. при штурме аула Катури смертельно ранен.

10. Меликов Леван Иванович (1817-1892) — князь, генерал-адъютант (1879), генерал от кавалерии (1869). С 1837 по 1866 г. участвовал в экспедициях против горцев, «беря с боя все чины и ордена». В 1849 г. — командовал Грузинским пешим полком, в 1854 г. — Лезгинским отрядом, который участвовал в штурме Гуниба. Последняя должность — помощник главнокомандующего Кавказской армией, занимал ее с 1880 г. до своей кончины.

11. Фрейтаг Роберт Карлович (1802-1851) — генерал-квартирмейстер (1848), участник Кавказской войны.

12. Эски — наиб (наместник) Шамиля.

13. Майдель Егор Иванович (1817-1881) — барон, генерал от инфантерии (1871), генерал-адъютант (1876), герой Кавказской и Крымской войн. С 1842 г. участвует в ряде экспедиций, в 1850 г. — командир Кабардинского егерского полка и начальник войск в Крымском владении. В 1855 г., командуя Кавказской резервной бригадой, принял участие в штурме Карса. В 1876 г. назначен комендантом Санкт-Петербургской крепости. В этой должности и умер.

Текст воспроизведен по изданию: Погром Чечни в 1852 году // Военно-исторический журнал, № 1. 1996

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

ЛЕЗГИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (В ДИДОЙСКОЕ ОБЩЕСТВО) В 1857 ГОДУ.

I.

Способы изложения. — Взгляд на кавказскую войну и вытекающая отсюда необходимость эпизодов, относящихся в быту и положению кавказского воина. — Кавказский солдат прежнего времени. — Условия и материалы, послужившие для составления настоящих записок.

События шестидесятилетней кавказской войны тем легче могут быть переданы в руки историка, что все они, являясь непрерывной цепью отдельных эпизодов, допускают отступления для каждого рассказчика от

хронологического и последовательного изложения фактов. Притом, участнику этой войны даже трудно уловить ту последовательность, во-первых, потому, что, являясь на боевом поприще лишь исполнителем предначертанных деяний того или другого вождя, он, в силу своего долга, был поставлен в свое время вне всякого права делать себе вопросы — почему это так, а не иначе; во-вторых, потому, что, будучи нередко переносим несколько раз в течении года с одного театра военных действий на другой, как, например, из Закавказья в Чечню, оттуда в Дагестан и т. д., где каждый раз и даже каждый год война обусловливалась местными

обстоятельствами, он поневоле терял всякую возможность [370] следить, так сказать, за постеленным осуществлением общей идеи, положенной в основание кавказской борьбы.

Это заключение прежде всего будет руководить нами в дальнейшем изложении некоторых военных действий на Кавказе с 1857 по 1860 год и должно нас поддержать и оправдать в этих случаях, где, кончив какой-нибудь рассказ и подводи ому черту, мы начнем новый, по имеющий (только по-видимому) с ним никакой связи. Всякую группировку фактов оставим на долю того счастливца-труженика, у которого сойдутся в руках все таким образом разбросанные материалы.

Из немногих войн, занесенных на страницу истории, кавказская война, по истине, заслуживает название борьбы. Это не была та война, где искусство и военная паука противопоставлялись искусству же и науке. То была прежде всего борьба с природой, с стихиями (следовательно, далеко не политическая война в точном смысле этого слова), где силы были вовсе не равны, и зачастую просто ратоборство, где главное значение имели ловкость, находчивость, т. е., навычные способности человека, затем уже его ум и, наконец, нравственные силы, как, например, терпение, энергия и выносливость, при полном нередко отсутствии физических деятелей в организме. Обходить молчанием эту борьбу, великую цену которой понимает только тот, кто ее испытал, и обратить внимание лишь на стычки и сражения — значило бы передать историку весьма не точный материал для всестороннего описания кавказской воины; умолчать о героизме отдельных лиц, повествуя в тоже время лишь об общих действиях войск во время той или другой экспедиции — значило бы лишить будущую историю тех, в высшей степени интересных страниц, которыми вправе гордится и русская [371] народность, — и, почем знать, не одна ли она исключительно... Так, например, можно ли пройти молчанием подобного рода факт, случившийся с одним из унтер-офицеров куринского полка в 1857 году, осенью, во время набега на Дубу — аул в Малой Чечне: дело было жаркое — чеченцы отстаивали почти каждую саклю или, замыкаясь накрепко внутри ее и отстреливаясь чрез окна и амбразуры, собирались кучками За стенами сакль. Таким образом на всем пространстве аула происходили отдельные схватки, в которых несколько солдат были предоставлены, каждые в своей группе, собственному усмотрению и находчивости. Среди беглой перестрелки, охватившей весь аул, несколько куринцев, с унтер-офицером во главе, подбежали к одной из сакль, откуда усерднее других расточались чеченские пули, и найдя ее запертой, стали ломать дверь прикладами. После дружных ударов, дверь вылетела вон, и куринцы пустили в саклю несколько пуль. Прошло пять минут, и чеченцы с обнаженными шашками выскочили наружу — большей частью ища спасения в бегстве. Два или три были заколоты на месте, другие бежали к следующим саклям, свободным пока от осады, а один, что по храбрее, бросился на унтер-офицера. Унтер-офицер подставил ему штык. Чеченец, не теряя присутствия духа, схватил левою рукою за штык и занес над своим врагом шашку, — но в тоже мгновение, оставив ружье в левой же руке, куринец правой рукою, и что было силы, ударил чеченца кулаком в лицо так ловко, что тот, как сноп, свалился на землю. Конечно, прежде чем подняться, он был заколот.

Подобных явлений и случаев, повторяем, нельзя обходить молчанием, хотя они и составляют отдельные наброски на одной общей, пространной картине. Они напоминают (если [372] сравнение такое дозволено) собаку, которую в углу на картине нашего местного художника набросал своей кистью, в знак памяти артисту, Айвазовский. Любуясь пейзажем, изображенным на полотне и углубившись вместе с ним в бесконечную даль, вы, отводя,

наконец, в сторону ваши глаза и думая, что более ничего не будет, неожиданно встречаетесь с этой собакой — и поражаетесь: она тут, будто сбоку-припёку, как отдельный факт, без которого общность картины могла бы обойтись, — а между тем вам приятно, потому что в нескольких штрихах вы узнали великого мастера, с которым столкнулись совсем неожиданно.

Много таких штрихов разбросано по углам на обширном полотне, изображающем отделы шестидесятилетней кавказской войны, и, нет сомнения, что историк, создавая общую картину, сумеет ими воспользоваться.

Итак, второй вывод из всего, сказанного выше, будет тот, что в рассказ наш войдет не только изложение собственно боевых действий данного времени, но и повествование о той жестокой борьбе русского воина с природою Кавказа, которая тяжело всякой битвы и которую никоим образом нельзя отделить от идеи о покорении Кавказа. Эта борьба была так тяжела, что под влиянием ей, один из старых кавказских героев во время экспедиции 1857 года выразился следующим образом: «Если бы люди могли гнить и уничтожаться от дождей так, как их платье, то отдельный кавказский корпус никогда бы не существовал». Это замечание вызвано только дождями, т. е. одной из бед меньшего качества, — а если вдруг все беды разом — как это часто бывало?...

И действительно, бывало не раз, что несколько бед: голод, холод, отсутствие отдыха и неизбежное последствие [373] его — изнеможение, в заключение нередко потеря сил, физические страдания — все складывалось вместе, как будто для того чтобы, так сказать, докапать кавказского солдата, покатой, ему фактически невозможность борьбы с природой. Нет сомнения, что в атом случаи; десятки, сотни людей падали жертвами этой неровной борьбы, но в результате, как видим и теперь, победа все-таки осталась за человеком.

Под влиянием всех этих условий и обстоятельств сложился особый тип кавказского солдата, которому не было, да и не могло быть равного в русской армии, потому что те условия быта, при которым, выработался этот тип, принадлежать одному только Кавказу. Чтобы дойти до той типичности, которая принадлежала бывшему кавказскому солдату, нужно было, между прочим, и то, чтобы ряд его испытаний обусловливался продолжительностью прежней службы. Так как подобной службы и сопровождавших ее обстоятельств более быть не может, то естественно, что и бывший кавказский солдат не может возродиться: тип этот даже и теперь утратился, так как новое поколение сменило не раз уже своих учителей. Передать в потомство этот тип, показать истории, кто такие были люди, которые вели кавказскую борьбу — составляет одно из существенных сторон всякого описания кавказской войны, исход которой неразрывно связан в достоинствами и особенностями кавказского солдата. Создать снимок последнего в настоящую минуту, теперь, значило бы рисковать на многое недоговоренное, — во необходимости прибегать или в прикрасам, или к некото-рому вымыслу в тех случаях, где в воспоминаниях окажется пробели, так как всего, что отличало кавказского солдата, трудно удержать доселе в памяти даже и тому, кто с ним жил в одной палатке, в одной казарме, кто [374] видел его по сю и по ту сторону Кавказа в разных частях войск и в разного рода оружии. Ми счастливы, что нам удалось занести этот тип на страницы летописи еще в 1858 году (См. газету “Кавказ" 1858 г., № 82, статью Н. Волконского — «Кавказский солдат».), т. е. в пору высшего развития его, а вместе с тем и в пору, предшествовавшую его исчезновению, и теперь, прежде чем перейдем к рассказу о военных действиях Кавказского солдата — коснемся его самого, коснемся того, кому принадлежат эти действия, если хотим, чтобы перед нами

полетала полная и со всех сторон освещенная картина некоторых кавказских экспедиций и отдельных движений.

Проверив статью, на которую сделана выше ссылка, мы сочли невозможным произвести в ней в настоящее время какие-либо изменения (за исключением некоторых литературных улучшений), так как она рисовала предмет с натуры, и передаем немногие извлечения из нее о кавказскою, солдате — конечно, весьма не бесполезные для будущего историка кавказских войск, в том виде, в каком они были нами писаны на боевом поле, под солдатской палаткой, на зарядных ящиках горной артиллерии, среди сотоварищей-солдат, подсказывавших нам, если можно так выразиться, в виде разных рассказов, повесть о себе самих и своих предшественниках. . . . «Природа, служба, образ ведения войны на Кавказе — все способствовало к тому, чтобы развить в здешнем солдате дух самостоятельной, личной храбрости, и тех воинских особенностей, которые составляют его отличительные черты, ему одному свойственные. Солдат, встречающий врага и смерть в массе, и солдат, от собственной осторожности, ловкости и предусмотрительности которого зависит обойти [375] эту смерть — составляют два типа совершенно разные, и к последнему, конечно, Следует отнести бывшего кавказского солдата. Масса, в пределах своей стройности и гармонии, подчиняется и руководится одним лицом, которое за нее думает и говорить; личность старого кавказского солдата стояла вне этих условий, потому что, в большей части случаев, была предоставлена самой себе и должна была руководиться собственными соображениями: в аванпостной службе, в цепи в обозе, во всякой перестрелке кавказский солдат стоял всегда или одиноко, или в составе лишь не многих товарищей; здесь и там жизнь его зависела меньше всего от нули или ядра и более всего от искусства владеть оружием, зоркости, осторожности, ловкости и находчивости. Бывали случаи, когда отсутствие этих качеств, не составляющих необходимости в массе, являлось постоянною погибелью одного или нескольких кавказских солдат.

При таких условиях кавказский солдат поневоле должен был развиться по своему, своебытно — и эта своебытность неподражаема: она была присуща только солдату на Кавказе, так как находилась в прямой зависимости от местного образа войны и от врага, с которым приходилось иметь дело. В некоторых местах Кавказа солдат выходил за крепостной вал — и уж должен был заранее готовиться на всякую неожиданность. Он обязан был заблаговременно сообразить, что ему делать, если неприятель вдруг явится не-вдали от него с шашкой наголо, или как укрыться от выстрела, если увидит перед собою из опушки дуло винтовки. На рубке леса, на покосе, во всяком мирном углу края солдат, встречаясь с горцем и имея полное право думать, что это свой, мирной, все-таки должен был встретить и проводить его, как можно [376] осторожнее, потому что не было никакого основании полагаться на миролюбие даже и мирного. Оставленный день-другой без сухаря, он должен был промыслить его, как умеет. Вообще, остаться ли ему сыту или голодну, избежать ли пули, или сделаться жертвой ее, отдохнуть ли зимою подле костра на соломе, или всю ночь проворочаться на голом снегу — асе зависало от пего самого, и в этом случае лишь одна нужда была его учителем и помощником. А этот учитель почти круглый год не расставался с ним.

Зато, как резко выказывалась находчивость кавказского солдата, когда случалось его видит рядом с войсками, вновь прибывшими из России и не свыкшимися с здешним бытом. Зимою, в трескучий морозь, где-нибудь на горных возвышенностях Чечни, когда от холода зуб на зуб не попадет — кавказский солдат пришел на стоянку, составил ружья и не ждет ни расчета, ни

приказания. чтобы сходить по воду, за соломой, за дровами, — скинул с плеч ранец — и чрез несколько минут уже тащит полено или хворост, котелок воды или вязку сена: постель, закуска и топливо у него готовы. Пока русских пришельцев соберут и укажут, — где и как рубить, что брать в ауле и чего не брать, кавказец уже закусил и соснул у костра. Когда же пришла очередь стать ему на часы, он встряхнулся и готовь, да еще подсмеивается над новичками.

Чтоб составить должное понятие о храбрости кавказского солдата, нужно было видеть его на поле битвы. Слова нет, он зачастую, стоя во фронте, поклонится неприятельскому ядру, или, отстреливаясь, выпустит, треска ради, нисколько лишних зарядов, но это не считалось трусостью: от чего не избегнуть смерти, если ее можно избегнуть. Но взгляните на него в те минуты, когда мало-помалу он [377] весь отдается созданию своего долга и не потому, что, дескать, начальство приказало, а потому, что настал час действительной, не шуточной службы, от которой зависит не столько жизнь его, сколько исход дела, честь и достоинство роты: тут он оставил в стороне всякие поклоны, бережет пулю на вес золота и, в особенности стоя в цепи, уж не попятится от залпа неприятельских винтовок, — это статуя, которая завоевала себе место и осталась вкопанной в землю: падет, но шага не уступит.

Кто говорит, что беспечность встречалась и в кавказском солдате, как неотъемлемое свойство русской натуры вообще, и эта беспечность иногда дорого ему обходилась; но замечательное явление составляет то обстоятельство, что она являлась преимущественно тогда, когда солдат в массе, когда он знал, что им командуют, распоряжаются, а следовательно и берегут его, или, по крайней мере, должны беречь. В противном случае трудно его поймать на эту удочку, потому что он уж учен и по опыту, и по преданию. С одним лишь не мог никогда свыкнуться кавказский солдат — с тем моментом, когда среди затишья неожиданно раздавался татарский гик, и нередко в тех случаях, когда на него из засады без выстрела бросались в шашки. Но и тут, если большинство становилось в тупик, то почти всегда случалось такт, что одни кто-либо выручал других своей находчивостью, о чем увидим далее из фактов. Плохо уж совсем бывало только в тех случаях, когда беспечность была доводима до того, что солдаты, не ожидая опасности и составив ружья, займутся бывало «филькой». День этой фильки, по большей части, оставался надолго памятным для роты.

В кавказском солдате, если он не в рукопашной [378] схватке, вы никогда не встречали запальчивости. Преследует ли он врага, встречает ли его наступление, сам ли идет на штурм — он все один и тот же: спокоен, холоден и молчалив, хоти всегда идет ускоренным шагом или бежит, как обыкновенно при взятии завала, если тому, конечно, не препятствует местность. Но эти быстрые движения не служат доказательством внутреннего движения — это необходимость в войне с горцами, на быстроту которых неизбежно было отвечать той же быстротою. Внутреннее спокойствие, которое во всех означенных случаях не оставляло кавказского солдата, есть первое основание стойкости нашей кавказской нехоты. Кавказский солдат смеялся над темь, кто оставить свое место, фигурирует где-нибудь впереди или с прибаутками лезет на неприятеля, выражая тем как бы особого рода отвагу. Такие выскочки, которых много бывало на Кавказе, лишь тешили солдата своею театральною храбростью и давали ему повод видеть в них трусов. Но мнению былого кавказского солдата, личная храбрость должна выражаться полным хладнокровием и исполнением требуемой обязанности на указанном месте. Тот, кто оставлял это место для того, чтобы явиться там, где ему не

следует, или бросался, очертя голову, на неприятеля с бранью, остротами — тот подавал повод думать, что заглушает в себе страх и ищет случая избегнуть опасности.

Минута битвы для кавказского солдата была всегда торжественна и священна. Этот взгляд обратился на всем Кавказе в правило, и вследствие этого правила, кавказский солдат в бою всегда был серьезен, как в церкви. Он здесь не нуждался в указаниях дисциплины, потому что сам, нередко бессознательно, служил образцом ее. В бою [379] он кроток и даже мягок, он никогда не побранит своего товарища за какой бы то ни было промах, неосторожный поступок или оплошность, хотя бы ему самому пришлось пасть жертвой этой оплошности. В этом последнем обстоятельстве выражалась вся его безропотность на свою судьбу, вся снисходительность к чужой ошибке, все благоговение к минуте смерти и стоическое равнодушие к жизни, во благо цели, пользу и необходимость которой он вполне сознавал, являясь в этом случае далеко не машиною, действующею по одному только приказанию. Брань в бою всегда считалась тяжким преступлением.

Бывший кавказский солдат — это труженик, с которым никогда не сравнится самый трудолюбивый поденщик. Как свидетельство его трудолюбивой руки, сами за себя говорят прорытые им горы, пробитые в скалах дороги, возведенные крепости, все одноверстной ширины просеки в заповедных лесах, где над одним деревом он трудился нередко по двое суток. И при каких сверхчеловеческих усилиях он побеждал природу! Летом и зимою, с утра и до ночи он громил, взрывал, разрушал и созидал. И откуда брались силы, откуда эта выносливость! Его мочит дождь, леденит мороз, жжет солнце, — а он все работает, да еще, пожалуй, и с песнью на устах. Вечером, возвратившись в лагерь, он, вместо отдыха и сна, отправляется в ночные, в секрет, в залоги. И не было случая, чтобы в рядах кавказских солдат раздался ропот. Если и бывало, что крайнее обессилен, голод и все невзгоды вызывали его сдержанную жалобу, или своеобразное мурлыканье, то достаточны были три часа отдыха, чарка спирта, сухарь и «спасибо» начальника отряда, чтобы воззвать его к повой усердной деятельности, чтобы брюзглое [380] выражение физиономии заменить песнью и трепаком в присядку. Когда же дела уж совсем плохи, т. е. когда официально объявят, что каши не варили, потому что круп нет, то тут более чем в иное время солдат призывал на помощь всю покорность судьбе, и, далекий от расспросов о том, отчего нет крупы и хлеба, он молча соберет бывало в своем мешочке крохи давнишнего сухаря, оттает снежку и закусит, таким образом, чем Бог послал, осенив себя крестным знамением, как и после сытного обеда. И тут, как во всех других случаях, он понимал высокую необходимость своих вседневных жертв».

Вот тип бывшего кавказского солдата, которому подложить перейти в потомство, служа, вместе с тем, указатель и разъяснением загадки, заключающейся в том, почему Кавказ покорен в шестьдесят, а не в сто шестьдесят лет. Всяк, кто сочтет себя достаточно ознакомившимся с этим типом, не признает преувеличенными или невероятными те события кавказской войны, которые через полвека показались бы каждому легендарными, если бы в свое время, или даже и теперь, под недавним впечатлением былого, ее были занесены участниками и деятелями на страницы летописей.

Лезгинская экспедиция 1857 года была нами записываема во всей подробности, не только по дням, но и нередко по часам, там же, во время похода и ежедневно после каждого боевого движения; письменным бюро служил для нас или зарядный, или аптечный ящик горной артиллерии, а пространным кабинетом — Божий мир, — случалось, впрочем, что и солдатская палатка. Составленные таким образом подробные записки «Об экспедиции в Дидо в 1857

году», были нами отосланы 20 января, 1858 года, для [381] напечатания в редакцию «Русского Вестника», где, к огорчению, оказались затерянными. Несмотря на продолжительную переписку с редакцией Р. В., несмотря на ее обещания употребить меры к разысканию той драгоценной для нас, по многим причинам, рукописи, последняя, как видно, не разыскана и до настоящего времени. Вследствие этого, в изложении событий той экспедиции нам предстоит ныне руководиться частью воспоминаниями, частно кое-какими сохранившимися о ней рукописными отрывками, а частью нашими статьями, напечатанными в газете «Кавказ» за 1859 и 1860 годы, когда, убедившись, что рукопись навсегда затеряна, мы поспешили, под свежим впечатлением, передать печати те события лезгинской экспедиции 1857 года, которые, по нашему мнению, заслуживали наибольшего внимании.

В виду всех этих обстоятельств, настоящий рассказ, оставляя за собою возможную последовательность, обойдет, впрочем, те случаи, которые не удержались в памяти, и часто лишен будет подробным, указаний на те или другие части войск. которые участвовали в разных боевых движениях. С этим последним недостатком, пожалуй, еще можно будет мириться потому, что лицо, которое когда-либо займется историей Кавказа, может пополнить этот пробел сведениями из реляций, донесений и прочих официальных источников. Нам же кажется, что насколько эти источники должны служить историку пособием для каждого рассказа, подобного настоящему, настолько же и всякий рассказ будет интересен только тогда, когда передает сведения, не имеющиеся в официальных данных. С этой точки зрения мы будем описывать лезгинскую экспедицию 1857 года. [382]

Что же касается до летней чеченской экспедиции 1858 года, о которой будем повествовать вслед за лезгинской, то в описании ее будем исключительно руководиться уцелевшими у нас (к счастью) собственными записками, составленными таким же образом, как и потерянные записки о лезгинской экспедиции, но при условиях, более удачных. Во время летней экспедиции 1858 года в Чечне нам привелось служить в звании адъютанта (за выбытием, по случаю раны, из строя подпоручика Рельи) начальника артиллерии чеченского отряда. Вследствие этой обязанности, в руках наших ежедневно сосредоточивались все донесения о действии не только артиллерии чеченского отряда, но и соприкасавшихся с ней в бою остальных частей войск. Группируя эти донесения, получая ежедневно приказания наравне с прочими адъютантами но всему отряду, интересуясь всем этим, следя и лично участвуя во всех боевых движениях упомянутой летней экспедиции, мы употребляли все свое свободное время для составления записок, которым таким образом явились у нас полными и достоверными до мелочей — в особенности там, где дело касалось артерии отряда.

Кроме этих записок, при описании летней экспедиция 1858 года мы будем отчасти руководиться опять-таки нашими же статьями, напечатанными в газ. «Кавказ» за 1859-1860 годы, каковы: «Движение на гору Даргин-дук», «Укрепления Шатоевское и Евдокимовское» и пр.

II.

Взгляд на лезгинскую экспедицию 1857 г. — Стоянка на ур. Деубани. — Буря. — Тушины и Шате с сыновьями. — Хевсуры. — Лезгин. — Приготовления. — Движение в горы. — Трудности пути. — Хуприс-тави и зима среди лета.

О лезгинской экспедиции 1857 года говорили в свое время, что она была первым стратегических правильным маневром в горах, достигавшим рационального покорения края посредством устройства дорог и обессиления главнейших составных элементов горского населения — Дидо, Акуши, Ункратля, Анкракля и пр. По заверению ветеранов, эта экспедиция вовсе не была похожа на те, предшествовавшие ей дотоле набеги и походы, которые являлись, так сказать, ранами для враждебного нам организма, хотя довольно опасными, но от времени более или менее излечимыми. Ударь, нанесенный «горам» в 1857 году, был, если можно выразиться, органическим повреждением, после которого уже не владеют пораженным членом. Последствия покапали, что такое заключение вполне справедливо.

Войска начали стягиваться к горам в апреле месяце; главный отряд, которому предназначено было действовать в бою, состоявший из батальонов кавказской гренадёрской дивизии, с дивизионом горной № 1-й батареи, разбил лагерь на ур. Деубани, у подножия горы Кодоры, при полуразрушенной церкви Натлис-мцмели, среди девственного, заповедного леса. Первым делом было, конечно, уширить площадку, послужившую основанием лагеря, и для этого расчистить лес. После двухдневного отдыха застучали топоры, и один за другим валились столетние чинары, увлекая за собою подраставшую вокруг них молодежь. Лишь только [384] ореху, каштану и виноградной лозе было оказано возможное снисхождение, — что являлось делом святой справедливости, так как, поистине, жаль было трогать гигантские лозы дикого виноградника, который, в большей части случаев, подвившись на 30 — 50 футов от земли, грандиозно перегибался в сторону и снова или уходил в землю, или опирался на ближайшие деревья, образуя естественные, темные и прохладные своды и арки.

А в прохладе войска, действительно, нуждались, потому что с ранней весны на плоскости началась жара невыносимая, которую даже не смягчали ни снега на вершинах прилегавших тушетских гор, из за которых выглядывала круглая белая шайка Б. Барбало и снеговые конусы Диди-гверди, ни речка Стори, услаждавшая купавшихся своими до нельзя холодными и прозрачными струями, обильными красивой форелью.

Прилагая постепенно широкую просеку к горам, мы подвигались к Кодоре, которая, таким образом, но немногу открывала нам свое основание. До тех пор, пока не началась разработка дороги на боках этого исполина, все предполагали, что движение отряда последует в горы по какому-нибудь ущелью, так как воображение не могло создать возможности наступления по отвесным скатам обнаженного великана, имеющего 7500 фут. над уровнем моря.

Стоянка на Деубани была мирная, спокойная, если не считать нескольких случаев в ближайших лесистых горах с охотниками за джейранами, сернами, зайцами, фазанами и несколькими не мирными лезгинами, прокрадывавшимися поближе к лагерю из любопытства или с иными целями. Приключения эти хотя подчас и имели несчастный или вообще роковой исход, но только не для наших стрелков и охотников, а для противного лагеря. [385]

Повседневное однообразие пи спокойствие нашей лагерной жизни временно лишь было нарушено ужасающей бурей, о которой, за пределами тогдашней нашей стоянки, невозможно составить себе никакого понятия: только среди леса, у предгорья, возможна та всесокрушающая сила урагана, которую испытал лагерь в конце мая. Нет слов, нет красок, чтобы выразить или описать величественную, по подавляющую картину.

Был десятый час вечера; в лагере тишина, лишь изредка фыркают на коновязи лошади, будто предчувствуя какую-то невзгоду. Кое-где догорает небольшой костер, у которого чуть заметно

рисуются несколько силуэтов. В пространстве темно и душно. Вдруг издали послышался глухой шум, затем упало несколько капель дождя, и прежде чем можно было закрыть полы палаток, грянул страшный раскат грома, будто разорвалось все небо.

Природа на далекое пространство потонула в фосфорическом свете молнии. Все это было так неожиданно, что в первую минуту едва ли нашлось во всем лагере десятка два храбрецов, которые бы окончательно не смутились и не растерялись. После оглушительного треска, сопровождавшаяся бенгальским освещением, на мгновение по всему лагерю воцарилась гробовая тишина; но вслед затем неистово заржали лошади, отовсюду раздались крики: «закрепи колья, подвяжи брезенты, подтяни попоны! и т. д.

Но было уже поздно. В мгновение ока налетел ураган, одним взмахом скосил ряды палаток, рванул деревья — и началась та ужасная трескотня, ломка, крик, ржание, топот разлетавшихся во все стороны лошадей, которые, словно сумасшедшие, бросались куда глаза глядят, — та суматоха, которая может быть только последствием одной [386] паники. И вся эта картина разрушения освящалась почти неугасаемой молнией, сопровождавшейся неумолкаемыми раскатами. В заключение забарабанил град величиною в грецкий орех, а за ним ливня полил дождь. Через три четверти часа в природе снова было тихо, как будто все усилия урагана разбились о непоколебимые громады, на которые он нарвался по пути.

Несчастных случаев, к удивлению, не было, хотя доктор и священник, жившие в одной палатке, при более невыгодной постановке их убежища, могли бы сильно пострадать. Палатка их была укреплена между двумя вековыми чинарами; во время вихря с корнем вырвало в одно мгновение оба чинара и скрестило их над палаткою. Только этому случаю были обязаны оба врача, что им удалось, так сказать, выйти сухими из воды — понимая это выражение в прямом и в переносном смысле. Кроме их палатки, ни одна, кажется, не уцелела во всем лагере; если иную не снесло окончательно, то, по крайней мере, опрокинуло или донельзя накренило.

Когда на утро солнце осветило лагерь, то нужно было удивляться тем разрушениям, которые произвела буря: столетние деревья были с корнем выворочены из земли, образовав под собою пространные и глубокие ямы, наполненные водою, — лес помельче был в некоторых местах будто срезан пополам чем-то острым, там и сям валялись промокшие насквозь попоны, папахи, брезенты…

К обеду все пришло в порядок. Солдаты, усевшись группами и хлебая кашицу, весело подшучивали друг над другом, припоминая недавнюю суматоху: еще, мол, и войны не начинали, а уж баталию выдержали.

Между тем эта «война» понемногу приближалась. В [387] начале июня потянулись в горы тушинские семейства с детьми в саквах и плетеных корзинках, перекинутых через седла ишаков и катеров, со скотом и всеми пожитками, а за ними и «бесстрашная» сотня. Этот эпитет вполне заслуженно был дан тушинским героям, уже давно прославившимся своею храбростью в горах, в особенности под начальством двух своих представителей — Шате и Натиева, командира сотни. На своих маленьких лошадках, увешанных бубенчиками, бляхами и колокольчиками, с небольшими у бедра шашками и с блюдечками на голове (так были нами названы их войлочные шапочки), тушины рысцой вступили в лагерь, приветствуемые многими старыми знакомыми. Некоторые из них, в том числе и Шате, остались на несколько часов погостить в лагеря и напиться чаю, а сотня прошла в горы столько же для охранения своих семейств, сколько и для более удобной пастьбы скота.

Хотя об Шате встречались в свое время более или менее отрывочные заметки не только в кавказских литературных изданиях, но, сколько помнится, и в русских, даже однажды в «иллюстрации» был помещен довольно схожий его портрет — тем не менее это, поистине, бессмертное имя среди кавказских героев вполне заслуживает того, чтобы каждый раз, при воспоминании о нем, несколько остановиться на личности тушинского баярда.

В 1857 году Шате уже доживал свой век, и хотя он сам никогда не знал достоверно сколько ему лет, тем не менее одни насчитывали ему под семьдесят, а другие и больше. В экспедиции с ним было тогда три сына; участь двоих из них увы! разрешилась очень печально. Помнится, что одни из сыновей его имел золотой [388] георгиевский крест. Старик отец с виду был личностью далеко не страшной: маленькая, в особенности верхом на лошади, достаточно изможденная и довольно покоробившаяся от ран и лет фигурка, в простой затасканной чохе, с следами пули и кинжала на лице, но с быстрыми и подвижными, уже почти бесцветными глазами — вот снимок с натуры того, кто многие годы держал в страхе лезгинские соседние аулы, и чьим именем горянки пугали детей (Для истории кавказской войны будет значительным пробелом отсутствие полной биографии Шате. Пока время не ушло, следовало бы обратить на это внимание. — прим. автор.). У Шате хранились развешанными свыше семидесяти кистей правых лезгинских рук — доказательство лично убитых им врагов. Таков был обычай, составлявший славу воина. Тушинка, в свое время, не могла выходить замуж и не выходила за своего одноплеменника, если у него не было ни одной лезгинской руки; поэтому каждый молодой воин ставит для себя обязанностью, по вступлении в возраст, как можно скорее заручиться этою эмблемой славы и отваги.

Соприкасаясь с лезгинами во время летних пастбищ в горах, тушины, по большей части, жили с ними в это время довольно мирно, даже отплачивались Шамилю, за неприкосновенность их стад, по рублю с дыма. Но если случалось, что приязненные отношения нарушались какою-нибудь кражею у тушин барана или коровы, то потерпевшие не успокаивались до тех пор, пока не возмещали свою потерю одною или несколькими лезгинскими руками. Рассказывают, что не раз и самому Шате приходилось подобным путем искать вознаграждения. Однажды, вследствие какой-то кражи или обиды, Шате прокрался в ближайший лезгинский аул, [381] расположение которого он знал очень хорошо, и, пользуясь темнотою вечера, укрылся в кукурузнике (У татар вообще кукурузник представляет собою закрытые, плетенные из хвороста вышки. — прим. автор.) или саманнике. Выждав ночи и высмотрев, что семья лезгина села ужинать, Шате вышел из своего убежища, взошел на крышу той сакли, которая принадлежала его врагу, и сквозь дымовое отверстие неожиданно влетел в комнату, где спокойно и беспечно сидели вокруг круглого, приземистого столика члены семьи. Прежде чем последние опомнились от испуга, непрошенный гость, с кинжалом в зубах и пистолетом в руке, выхватил у матери из-под груди лезгиненка и быстрее джейрана скользнул за дверь. Благодаря знанию местности, а в особенности темной ночи, Шате очутился за аулом без всяких дальнейших приключений, и прежде чем оторопевшие лезгины взнуздали своих лошадей, похититель, словно «лесной царь», скакал далеко по горным тропинкам. Нечего делать, лезгину пришлось выкупать мирным путем своего наследника.

В лагерь прибыло и несколько хевсур — люди рослые, видные, красивые, но видимо дикие и несообщительные, в кольчугах и налокотниках, с заповедным оружием; на шашке одного из них мы читали надпись: vivat Husser. Племя хевсур значительно отстало от тушин в деле цивилизации; нам передавали тогда в лагере один курьезный случай из их быта. Хевсуры

бороды не носят — борода у них означает траур; христиане они крайне плохие. И вот однажды, для просветления их, прислали к ним священника — были ли он миссионером или приходским пастырем, неизвестно; хевсуры, по природе гостеприимны, приняли его ласково [390] и, видя у него бороду, выражали ему крайнее сожаление о потере им близкого родственника. Но проходит шесть недель, хевсуры видят, что священник бороды не сбривает. Тогда представители местного населения являются к нему с заявлением, что хотя его любовь к умершему родственнику очень похвальна, но если он хочет жить среди них, то должен сбрить бороду, потому что она наводит на слишком мрачные мысли и вызывает у окружающих бабьи чувствования, несвойственные героям. Теперь только для священника стало ясно то участие, которое выражали ему доселе хевсуры в потере близкого родственника. Напрасно он их старался уверить, что у него, благодаря Бога, все родственники благоденствуют, что обычай носить бороду составляет подражание Спасителю и т. д. На все это хевсуры улыбались очень недоверчиво, а когда увидели, что не могут переломить упрямство попа, то посадили его на чурбан и сбрили ему бороду насильно.

Такие-то разношерстные личности явились к нам в товарищи для предстоявших боевых движений.

Во второй половине июня ратники грузинской дружины, занимавшие передовые у предгорья пикеты, доставили в лагерь одного перебежчика лезгина, принявшего на себя обязанность лазутчика у своих же одноплеменников и нашего проводника. Так как, без сомнения, ему не могло быть оказываемо должного доверия, потому что сокровенные мысли его в точности не были известны, то он и находился постоянно под строгим надзором. Впрочем, по уверению его, он, вступая в роль предателя, руководился не корыстными или иными подобными целями, а исключительно местью за какие-то неправды и обиды. Лезгин этот, наружность которого выражала полную свирепость, в особенности при [391] его громадном росте и черной бороде, весьма мало отличался от совершенного дикаря.

В конце июня прибыл черводарский транспорт, состоявши из двух-трех сотен катеров, для подъема запасного провианта и тяжестей, и начались приготовления к движению в горы. Начальник отряда, барон Вревский, сделав распоряжения, чтобы роты ограничивались, по возможности, двумя-тремя палатками, да и то солдатскими, чтобы офицеры не стесняли движения излишними вьюками, приказал большую часть предметов лагерного удобства (которое и без того было ограничено) отправить в Телав и в штаб-квартиры; в Телаве же был устроен и госпиталь. Вообще говоря, приходилось выступить на-легках в полном смысле этого слова.

Войска с нетерпением ожидали давно-желанного дня; и скучно, и неприятно было так долго стоять без всякого дела; наконец, этот день настал.

2/3 июля, в два часа по полуночи, ударили «по возам». Все встрепенулось. Кругом темно и душно. Ломать палатки! раздался в тишине громовой голос полковника Кононовича.

Через четверть часа все палатки, за исключением штабных, как метлой смело. Штабу, который должен был следовать попозже, торопиться было нечего.

Сыграли сбор; последовало почти всеобщее крестное знамение — и передовая колонна двинулась.

Не страшна была война кавказскому солдату; напротив, он ее всегда желал, потому что не привык засиживаться в штаб-квартире. Но невыносимы до отупения были горные походы — в особенности при неблагоприятных обстоятельствах, какими сопровождалась незабвенная в летописях Кавказа лезгинская экспедиция 1857 года. [392]

Расставаясь с плоскостью, с ее гигантскими лесами, и почти мгновенно вступая в область кустарников и трав — мы никак не предполагали, что обреченные вращаться около десяти дней среди дождей и туманов, расстанемся в тоже время и с солнцем, которое видели всего раз или два — и то как бы украдкой.

Дорога на вершину Кодоры была разработана очень хорошо; но все же не было возможности идти иначе, как по два в ряд. И вот, сгибаясь под ранцами, сумами и ружьями, большей частью опираясь в тоже время на костыли, потянулись гренадеры.

Было около девяти часов утра, когда голова передовой колонны достигла половины горы; арьергард еще не трогался с места, а штабные палатки едва только убирали.

По мере движения на вершину, все казалось: вот-вот конец, но не тут-то было. Один зигзаг, скрываясь за плечами, открывал поворот другого. Уже и смеркаться стало — густой, холодный тумань окутывал одежду точно плотным покрывалом, просачиваясь безнаказанно сквозь серое сукно старых, потертых плащей, — а вершины все нет, как нет. Наконец, когда мглистая окрестность покрылась совершенным мраком, войска вступили на Кодору, вершина которой хотя и представляла так называемое плато, но до такой степени изрытое по всем направлениям, что солдаты наверное утверждали, будто там черти играли в сванку. Трудно было выбрать ровное место для парка и лошадей.

В ожидании обоза и кухни, войска собрали для варки пищи, за неимением дров и хвороста, кучи дикого рододендрона — и то лежа в мокрых шинелях, на промокшей земле, то расположившись кучками вокруг сырого «зелья» и отогревая полуокоченевшие члены — стали поджидать кухню. [393]

В некоторых местах заискрились командирские самовары и застучали ножи лад походными битками; явились кашевары — и движение усилилось. Стол десятками вокруг походной кухни, солдаты губами, руками и полами шинелей раздували упрямое топливо, и подогревали варево.

Каша поспела, то есть, неизвестно — поспела ли она, или нет, этого никто не мог удостоверить, — но была достаточно горяча, даже местами попадалось (впрочем, лишь теплое — не более) сало.

Но ждать некогда — котелки поднесены, наполнены, — сухари захрустели между пальцев — и ужин (он же и обед) совершился…

К полуночи в лагере воцарилась тишина, лишь изредка нарушаемая криком и окликами растерявших друг друга черводаров.

Настал новый день, но не утро — и первый сладкий сон, под мокрым плащом, согретым с одной стороны теснейшим соседством товарища, был нарушен все тем же неотвязчивым и впоследствии опротивевшим, хуже полыни, боем «по возам». Пошли гуськом… Но тут уж было не то, что накануне, и этот день, в числе немногих других, надолго останется памятным тем солдатам, которым еще и впредь суждено пожить на белом свете: мрак, дождь, тумань и

холод; дороги никакой: слева — глубокая пропасть, погруженная в хаотическое, непроглядное состояние первого дня мироздания, справа — стена, а под ногами — тропинка, на которой во многих местах с трудом улегся бы развернутый лист писчей бумаги. Время от времени сапог скользит по голому камню, преграждающему путь под углом в 30° и [394] приходится хвататься за землю руками или за хвост идущей впереди лошади, навьюченной горным орудием или зарядными ящиками. А между тем, в тоже самое время необходимо поддерживать лафет на вьюке, колеса и оглобли. Вдруг, среди такой местности, дороги нет! Саперы вперед, рота кирки и ломы в руки — и начинается расчистка. Отряд висит над кручей четверть часа, полчаса. Двинулись — и стремглав полетела в бездну одна лошадь, на пяти шагах хватилась об выступ, вьюки с нее в сторону — и несчастное животное исчезло в тумане.

Так пало в этот день до шестидесяти лошадей и катеров в темную глубину бездонных, по-видимому, оврагов.

Двигаясь подобным образом в течении целого дня, мы едва прошли семь верст, и к вечеру расположились в какой-то обширной котловине. А туман все сменялся дождем — и дождь туманом.

Путешествие этого дня слишком скоро дало себя знать: не успел отряд собраться, как там и сям послышались охи, вздохи и стоны десятков заболевших. На другой день несчастные, многие полуживые, отправлены в обратный путь, в госпиталь.

Отряд двинулся далее, дебютируя порядком, подобным предыдущему, во втором акте той же длинной, тяжелой и скучной драмы. Песен и говора не слышно; везде тихо, сонливо, тоскливо.

Через шесть дней мы очутились на вершите какой-то неизвестной горы — это было около пяти-шести часов пополудни. Тут впервые вокруг нас и под нами рассеялись на несколько минут облака, разлетался почему-то туман, и мы увидели дивную картину: вдали, под нами, [395] разноцветным ковром развернулась Кахетия. И чего на ней только не было! И розовые сады персиков, и зелень винограда, и желтизна колосьев, и разбросанные в беспорядке каштаны, орехи. Все это окружено, перерезано, схвачено, переплетено лентами синеватой, чистой воды, самый вкус которой мы уж позабыли. На всем этом играет чудными, красноватыми отблесками склонившееся к западу солнце.

Вдруг налетел туман — не дал досмотреть: фата-моргана скрылась под плотной завесой мелкого, до сердца проникающего дождя.

Пока мы достигли первой боевой позиции — от трех до четырех сот человек было отправлено в госпиталь. Рассчитывал ли барон Вревский достигнуть ее ранее — неизвестно, или, лучше сказать, известно ему одному, потому что он весьма неохотно делился своими соображениями с окружавшими его лицами. Должно быть, что и он несколько ошибся в расчете, потому что в отряде стал ощущаться недостаток подручного провианта, и уж несколько дней назад пришлось обратиться к запасам. О мясе, конечно, и думать было нечего, сало же расходовалось через один раз — и то чуть не на вес золота.

Но всему бывает конец. После ночлега (или, лучше сказать, ночевки) в какой-то горной котловине, густо поросшей устарелой черемшою, от которой вся колонна пришла в одурелое состояние, мы на другой день, т. е. 10-го июля, к четырем часам вечера, достигли Хуприс-тави — цели нашего движения.

Хуприс-тави представляет собою высокую горную возвышенность, на которой довольно свободно сосредоточился весь отряд. Тут опять нас посетило солнышко — хотя и на закате. Забелели палатки, появились дрова из соседней [396] балс одной стороны, холодом, я с другой — чрезвычайно крутым спуском горы, солдаты почти бегом направились с высот. В виду аула, этак в полуторы версте, отряд остановился и начал строиться в боевые порядки. Приходилось теперь наступать по холмистой местности, окруженной оврагами и лесом. Пока разделили батальоны, распределили артиллерию, рассыпали стрелков и обменялись соответственными распоряжениями, прошло около часа. Лишь только отряд спустился на эту местность с высот Хуприс-тави, то и тогда уже чувствовался внезапный переход от зимы к лету; но в настоящую минуту солнце жгло по-июльски, и пар облаками поднимался к небу от солдатских шинелей.

Вдруг среди всеобщей тишины, кой-где прерываемой командными словами, раздался выстрел. Он тем более удивил всех и каждого, что дым заклубился над самой серединой эриванского батальона, стоявшего в сомкнутом строе, тогда как вызова со стороны неприятеля не было, да и самого неприятеля пока еще не усматривалось.

— Что случилось? — раздалось со всех сторон.

— Нечаянный выстрел! — пронеслось по рядам. Выстрел быть, действительно, нечаянный, но роковой.

Один из гренадер, держа ружье у ноги вместе с прочими, ухитрился каким-то образом опереться на пего так, что нога его взвела курок, а пуля прострелила ему голову. Умысла, видимо, не было никакого. Несчастный пал без дыхания.

— Дурной знак — заговорили солдаты. Но, к счастью, ни в этот день, ни после ничего

особенно дурного не случилось, если не считать за дурное обыкновенные последствия войны.

Началось наступление. Местность, сжатая с боков [398] леки, и даже, после ужина, послышалась песня. В этом быстром забвении всех недавних тягостей, в этой мгновенной замене самых мрачных чувств веселыми, сказался русский человек вообще, а кавказский солдат в особенности.

Итак, конец временным страданиям в невзгодам. Впереди битва за битвою, смерть, раны, но все же это лучше медленной истомы предыдущих дней.

Под влиянием этого приятного настроения солдаты зажгли костры — хотя и небольшие, потому что дровами было все-таки скудно; повыжарили свои сорочки, свернув их в трубочку и постепенно раскручивая над пламенем; подсушили маленько шинельки и по ротно улеглись на матери сырой земле, расчитывая на утро проснуться под ласкающими лучами восходящего солнца.

И проснулись — действительно, но только под снегом.

III.

Движение к аулу Хупро. — Роковой выстрел. Бой. Охотники. — Отступление и натиск. Штуцера и обманутая ожидания неприятеля. — Меткая граната. — Пуля-молодец. — Результаты дня. Погребение убитых. — Разработка дороги — Командирская корова. — Взятие и уничтожение аула Хупро.

Пробуждение было в высшей степени неприятное. Злая судьба положительно преследовала отряд. Сам барон Вревский, расчитывавший дать отряду в этот день отдых, и поэтому не отдававший накануне никаких приказаний, был крайне поражен неожиданностью. Делать было нечего: он велел немедленно ударить сбор и через десять минут повел почти половину отряда согреться к аулу Хупро. Хотя до аула было верст пять, однако, подгоняемые, [397] спетыми оврагами, не позволяла развернуть фронт. Войска наступали ротными колоннами, фланги были прикрыты артиллерией, кроме того и в интервале двигался, уже на колесах, взвод горных орудий. По мере приближения к аулу Хупро, как видно заблаговременно приготовившемуся к встрече, мы увидели там и сям небольшие группы горцев, с разноцветными значками, которые однако были отдалены от нас все еще сажен на четыреста. Мертвые пространства между отрядом и аулом, состоявшие из небольших оврагов и рытвин, обманчиво увеличивали расстояние.

Хупро расположен на возвышенности, господствовавшей над нами и ниспадавшей к нам двумя террасами. Неприятель пока не замедлял движения и дал возможность колонне, в расстоянии двухсот пятидесяти саженей от аула, достигнуть небольшой высоты, справа и слева спускавшейся к оврагам и лесу. В цепи раздались первые выстрелы; в тоже мгновение взвод орудий, следовавший в интервале, остановился, солдаты перекрестились с словами: «ну, помогай Боже!» — и над аулом, где виднелась толпа горцев, взвилась первая граната.

Со всех сторон завязалась оживленная перестрелка, в особенности на флангах и в боковых цепях, где все преимущества с первого же раза оказались на стороне неприятеля. Горцы, заняв высокие заповедные чинары, утвердившиеся корнями на дне оврагов, и скрывшись в густой листве верхушек, метили и попадали на выбор.

— Орудию! — раздалось в нескольких местах левой цепи.

Но фланговые орудия, придерживаемые над оврагами лямками, сделав по несколько картечных выстрелов, [399] не могли оказать желаемой пользы, потому что им все-таки приходилось стрелять сверху вниз. Полковник Десаже, усматривая все эти неудобства, отодвинул от оврагов фланговые роты, за исключением тех, которые прикрывали артиллерию, и положил цепи ничком. Перестрелка в цепях значительно уменьшилась, но лишь на время: горцы, бывшие в ауле, усматривая, что их выстрелы оттуда не приносят нам никакого вреда, потому что колонна была поставлена весьма выгодно, тогда как наши картечные гранаты не давали возможности установиться ни одной из их кучек, бросили аул, и, разделившись на двое, усилили собою толпы, находившиеся в оврагах. Тогда в цепях перестрелка снова оживилась, так как всякая папаха солдата, лежавшая вместе с ним на покатости оврага, была для неприятеля весьма удобной мишенью. Нашим же войскам все-таки не в кого было стрелять.

Между тем, барон Вревский, в сопровождении тушин и грузинской конной дружины, предпринял рекогносцировку к аулу. Туда он доехал благополучно, но обратный путь его, в особенности между аулом и отрядом, сопровождался дружными, хотя и весьма неудачными, неприятельскими выстрелами.

Как видно, движение, предпринятое 11 июля к аулу Хупро, если не считать оживления войск, имело целью собственно эту рекогносцировку, от которой ожидалось знакомство с местностью и вытекающие отсюда соображения о желаемом уничтожении аула.

По возвращении барона Вревского, когда пришлось подумывать и об отступлении, так как, по-видимому, цель дня была достигнута, ему было доложено о затруднительном положении, в котором находились цепи, не имевшие [400] никакой возможности не только двинуться, но даже подняться, потому что в тоже мгновение были осыпаемы пулями. Удостоверившись, что артиллерия стрелять не может, и что вся сила неприятеля преимущественно заключена в глубине левого оврага, откуда, как можно было догадываться, посменно высылались партии для занятия деревьев, барон Вревский решил действовать на корень зла, на причину болезни — и приказал из среды артиллеристов вызвать охотников с ручными гранатами.

По этому вызову, переданному в дивизион горной № 1-й батареи (командир штабс-капитан П. Броневский) начальником артиллерии отряда, подполковником Дитериксом, выступили из фронта: юнкер Чуднов, канонир Волконский и бомбардир * * * (К сожалению, фамилия этого последнего не сохранилась в нашей памяти.).

— Пойдете? — спросил подполковник Дитерикс.

— Пойдем — отвечали в один голос охотники. Начальник артиллерии снисходительно, но вместе с

тем загадочно улыбнулся.

— А умеете ли вы обращаться с ручными гранатами?

— Никак нет.

Подполковник Дитерикс потребовал одну ручную гранату и начал объяснять ее применение и употребление, предупредив, между прочим, что если, зажегши стопин, бросить гранату прежде времени, то ее могут возвратить обратно, и тогда она разорвется среди своих же; если же пропустить время — ее может разорвать в руках. Рассчитать же нужно так — сообразуясь, между прочим, с дальностью метания, чтобы не случилось ни того, ни другого. Горение же стопина до [401] взрыва гранаты не должно продолжаться более десяти секунд.

— Поняли?

— Поняли.

— Так собирайтесь. Охотники повесили через плечо сумки, наполнили их

гранатами, вооружились ножом для срезывания пластыря, взяли в руки зажженные пальники — и менее чем в три минуты были совершенно готовы.

Солдаты, а в особенности артиллеристы, с напряженным вниманием следили за действиями своих товарищей.

— Готовы ли? — Так точно.

— Теперь идите за мною. Мы должны спуститься за цепь.

Мысленно сотворив молитву — так как по всем соображениям предстояло скорее не вернуться вздраве, чем возвратиться благополучно, — охотники двинулись.

Вся эта группа направилась к цепи левого оврага, в тот пункт, где выстрелов было больше и где ни одна почти неприятельская пуля не пропадала даром.

Солдаты, лежавшие в цепи, с недоумением взглянули га четырех человек, быстро приближавшихся к ним, и, по-видимому, не принимавших никаких мер предосторожности. В эту минуту и выстрелы со стороны неприятеля, с деревьев, несколько стихли. Выбирал ли он для себя поудобнее мишень, или недоумевал, что все это значить — неизвестно. Лишь только охотники поравнялись с цепью, один из солдат, лежавших в паре, предупредил их:

— Садитесь или ложитесь скорее — здесь и головы поднять нельзя. [402]

Охотники сели, по подполковник Дитерикс, с гранатой в руках, оставался стоя. Вся группа была в двух шагах впереди цепи, отчасти прикрываясь толстым чинаром. Место было выбрано удачное.

— Теперь я на опыте покажу вам бросание этих гранат, — сказал подполковник Дитерикс. Дайте нож и пальник.

Воткнув пальник в землю, начальник артиллерии срезал пластырь, вынул стопин и, продолжая давать необходимые наставления, приложил гранату к фитилю. Прерван ли он был в это время каким-то вопросом или, среди объяснений, упустил из виду срок горения стопина — трудно помнить; но так ли это, или иначе, а граната зашипела у него в руках, слегка вспыхнула... Первый опыт дорого должен был обойтись всем охотникам, не исключая и начальника артиллерии. Но подполковник Дитерикс не потерялся, — он быстро повернул в воздухе гранату и швырнул ее в овраг. Внизу мгновенно раздался треск, а одновременно подполковник Дитерикс левой рукою схватил свою правую руку, которая сильно была обожжена и контужена гранатой.

Но терять удобного момента было нельзя. Опрокинувшись на спину и растопырив ноги, охотники стремглав спустились ниже, каждый избрав себе заранее дерево, за которым предполагал укрыться. Диверсия эта была выполнена так, что у каждого дерево очутилось между ног. В это мгновение просвистало несколько пуль, по или пошли мимо, или врезались в деревья. Не ожидая повторения этого приема со стороны неприятеля, охотники живо срезали по пластырю, и затем граната за гранатою полетели в разные стороны оврага. В ответ последовал пронзительный гик сотни голосов, брань, крики — «шайтан, урум шайтан!», наконец, залп винтовок и треск сучьев. [403]

Не более полугора десятка гранат порешили все дело. Овраг был живо очищен, неприятельские выстрелы смолкли и цепи поднялись на ноги. Трое охотников возвратились живы и невредимы, приветствуемые полковником Десаже, и, к удивлению, заслужившие даже благодарность и обещания барона Вревского, который, между прочим, был всегда очень скуп на всякие подобные излияния. Непосредственной же пока наградою охотников была закуска, предложенная каждому из нас полковником Десаже (За этот подвиг, в связи с дальнейшими военными действиями во время всей экспедиции 1857 г., Чудинов произведен в офицеры (в пехотный полк), Волконский в фейерверкеры, а бомбардир получил георгиевский крест.).

Началось отступление — этого только и ожидали горцы, привыкшие всегда в прежнее время наверстывать свои потери и вознаграждать себя за неудачи боя нападением с тыла. Но увы! это прежнее время для них ушло безвозвратно, потому что, сверх всякого ожидания, они с 1857 года, а именно, с 11-го июля, встретились в горах с штуцерами стрелкового батальона, о которых еще не имели дотоле должного понятия. Эти штуцера и во все остальное время

экспедиции были для них предметом ужаса и единственным в своем роде барьером, ограждавшим наше отступление.

В ожидании серьезного натиска с тыла, отступление началось перекатными цепями. В арьергарде осталась рота стрелкового батальона, а левый фланг (оказавшейся при отступлении правым) был замкнут ротою грузинского гренадерского полка, которая, вместе с тем, служила в той стороне резервом для цепи. Сперва нападение открылось с тыла — и тут-то штуцерные пули дали попять горцам, что [404] всякое приближение менее тысячи шагов невозможно. Тогда неприятельская партия частью отступила к аулу, а частно перебежав овраг, из которого недавно была выбита ручными гранатами, и пробравшись по лощине, опередила роту грузинского гренадерского полка и заняла впереди леса открытые высоты, угрожая правому флангу. Роте грузинского полка пришлось по необходимости опрокинуть партию с этих высот, чтобы тем обезопасить главную колонну, которая двигалась в расстоянии до трех-сот сажен. Хотя подобная дистанция, по-видимому, сама по себе должна была защищать наши войска от неприятельских винтовок, не располагающих дальним полетом пуль, однако как в этот раз, так равно и в последующее время, оказалось, что на плохое состояние неприятельского оружия полагаться не всегда возможно — у горцев нашлись наши же ружья, с которыми они обращались не щадя себя самих и заряжая их произвольным, и, по возможности, значительным количеством пороха, так что пули их нередко долетали до нас за 250 и 300 сажен — что приводило нас впоследствии в немалое удивление. Конечно, такие пули не всегда причиняли нам вред, вследствие чего гораздо позже, во время движения к аулу Кидеро, милиционер вынул одну из них у себя из-под папахи, где она у него застряла в кудрях, представлявших другую такую же папаху, — тем не менее бывали и исключения, при которых неприятельские пули дальнего полета застревали несколько глубже волос на голове.

Так случилось и в этот день. Хотя горцы были отдалены от главной колонны на расстоянии до трех-сот сажен, не смотря на это, их пули свистали над головами солдат так же часто и свободно, как бы они стреляли за триста шагов. [405]

Роте грузинского гренадерского полка оставалось лишь одно — штурмовать тот холм, который составлял главное убежище преследующих. Взяв ружья на руку, она двинулась вперед по значительно крутому подъему. Почти до самой вершины холма она не встретила препятствий, потому ли, что для горцев стрелять было не совсем удобно, или, может быть, потому, что они располагали броситься на нее в шашки. Но лишь только передний взвод сгруппировался у вершины, партия, бывшая на холме, мгновенно усилилась другою, остававшеюся до-толе по ту сторону холма, как бы в засаде, и соединенными силами кинулась на гренадер. Грузинцы отступили и немного смешались. Так как все это совершилось в несколько минут на глазах всей колонны, то штабс-капитан Броневский в тоже мгновение остановил одно орудие и послал в помощь гренадерам простую гранату. Выстрел был настолько удачен, что гранату, при падении, разорвало как-раз в кругу горцев, и прежде чем рассеялся дым — ни одного из них на кургане не было.

Грузинцы беспрепятственно заняли высоты, и отступление колонны было вполне обеспечено.

Однако, при выходе из черты преследования на местность более или менее открытую, горцы еще в последний раз, впрочем, на очень далекой дистанции, вздумали постращать стрелков ружейным огнем. Вокруг значконосца, на небольшом кургане, собралось до полутора десятка джигитов, которые открыли учащенную стрельбу. Тогда один из ряда стрелков снял с пояса

сошки, утвердил их на земле, установил на них штуцер — и прицелился. Раздался выстрел — и значконосец в бурке полетел с кургана кубарем.

Затем войска беспрепятственно вернулись в лагерь, [406] где в первый раз после полуторы недели их ожидала в пору уварившаяся кашица.

Барон Вревский, опередив колонну, встретил ее в лагерь и поблагодарил. Все тягости недавних переходов и борьбы с природой были пока забыты.

В этот день мы понесли до тридцати человек потери, (включая и дружины), из числа которых убитых было, впрочем, два или три. Что же касается до остальных, то все они были ранены преимущественно в голову или в верхнюю часть тела. Расход ружейных патронов доходил до 40000, орудийных зарядов было выпущено до 60 (кроме ручных гранат.) Большая часть из них потрачена на обстреливание аула и во время рекогносцировки.

На следующий день, при звуках рожка и барабана, товарищи схоронили вблизи лагеря героев, сложивших накануне свои головы. Гробов некому было строить, некогда, да притом и не из чего. Сверх потертого старого мундира, еще не обсохшего от недавних дождей, не взыскательный кусок толстого холста — вот одежда и саван, составившие все то имущество, которое унесли с собою в могилу храбрые воины. А погребальный марш?... Это такая нестройная и раздирающая душу дисгармония, плачевнее и неприятнее которой для слуха нельзя себе ничего и представить.

Три залпа боевыми патронами в неприятельскую сторону заключили собою акт погребения. С той минуты очередь за другими; — а пока она явится — там и сям, при заходящем солнце, слышится, как бы в виде развлечении, далеко, впрочем, невеселая песня:

«Ну-ка, вспомним мы, ребята

Как стояли в Зырянах, [407]

Как не раз Хаджи-Мурата

Мы путали на горах».

Высоты Хуприс-тави служили пока нашим войскам операционным базисом.

На утро, 12 июля, с восходом солнца, после раннего обеда, новая колонна двинулась по вчерашнему направлению для разработки дорога к аулу и рубки леса. Через Хупро лежал дальнейший путь к другим аулам, поэтому необходимость, указывала обезопасить движение отряда, по возможности, удобной — в особенности для тяжестей — и беспрепятственной дорогою.

Так как работы производились ближе к лагерю, чем к аулу, то в тот день никаких стычек с неприятелем непоследовало. Однако, дело не обовьюсь без некоторого курьеза: к вечеру, когда главная и самая трудная высота вблизи лагеря была испещрена зигзагами, по которым сверху до-низу были разбросаны группы работающих, и когда работы были уже поверены, так что приходилось скоро возвращаться домой, одна и — последняя — из уцелевших от падения в овраг корова полковника Д., пасшаяся спокойно у обрыва, оступилась и полетела вниз. Миновав два-три зигзага, при громких возгласах «берегись!», сопровождавших ее сверху, корова растянулась совершенно ошеломленная, а может быть и полуразбитая. Новый толчок, уже на этот раз искусственный и предумышленный, столкнул ее еще ниже. Таким образом

несчастное животное покатилось далее, с зигзага на зигзаг. Но странно то, что катясь по зигзагам, она все уменьшалась в объеме, а когда долетела до последнего зигзага, то и совсем исчезла, как будто постепенно выветрилась. Причина такого явлении заключалась [408] в том, что рабочие, бывшие на первом зигзаге, усмотрев, что животное расшиблось и к удовлетворению своего хозяина молоком с той минуты стало негодно, отхватили у пего одну ногу и спровадили вниз, — нижние повторили ту же операцию, и так далее; самые же последние воспользовались лишь внутренностями и головою, т. е., третьим сортом мяса. Таким образом корова исчезла без следа.

13 июля, по мере приближения к аулу, рабочие батальоны выдержали перестрелку, хотя и не упорную. Результатом ее было два-три раненых. Горцы, как должно полагать, предвидели последствия рубки леса и расчистки дороги, почему и обратили исключительное внимание на аул, который освобождали от всякого имущества и запасов.

К 16 июля дорога была разработана и лес, по возможности, расчищен.

К 10 часам утра, 16 июля, лагерь на Хуприс-тави был в движении. Отряд пообедал и большая часть его двинулась по прежнему направлению, но уже более или менее беспрепятственно, благодаря всем удобствам движения.

Лишь только войска подошли к Хупро на картечный выстрел, из аула раздались выстрелы; но на этот раз одиннадцатое июля не могло повториться — дело принадлежало артиллерии. Выдвинув шесть орудий, она охватила аул со всех сторон сперва гранатами, а потом, перед наступлением пехоты, и картечным огнем. Остававшиеся до сего времени смельчаки были живо выбиты из их убежищ, так что, при вступлении передовой колонны в Хупро, уж более не раздалось ни одного неприятельского выстрела. Тушины одни из первых вскочили в аул, угоняя впереди себя замешкавшихся лезгин. Аул оказался пустым. Спустя некоторое время, густой дым и широкое зарево возвестили на далекое [409] пространство об исчезновении с лица земли одного из богатейших и населеннейших дидойских селений, от которого затем, буквально, не осталось камня на камне.

Н. Волконский.

(Продолжение будет.)

Текст воспроизведен по изданию: Лезгинская экспедиция (в Дидойское общество) в 1857 году // Кавказский сборник, Том 1. 1876

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

1858 ГОД В ЧЕЧНЕ

Н. Волконского.

I.

Перемена образа ведения войны на левом крыле кавказской линии и последовавшие отсюда изменения в быту солдат. Значение, географический и стратегический очерк аргунского

ущелья. Соображения и подготовительные действия генерала Евдокимова по взятию ущелья. Жилище в крепости Воздвиженской артиллерийских офицеров и их досуги. Распоряжение о походе и короткие сборы. Командир легкой № 5 батареи. Выступление. Положение генерала Евдокимова. Состав отряда и дислокации войск. Бой. Неловкость Кашинцова и неосторожность Тверитинова. Бомбардирование завалов; штурм; общее наступление; взятие ущелья.

С 1858-го года военные действия на левом крыле кавказской линии (ныне Терская область) принимают иной характер: прежняя война на плоскости, по большей части в местах открытых, сменяется войною в горах, лесах, оврагах и разных трущобах; ряд набегов уступает место движениям прочным, и хотя относительно медленным, но устойчивым; куда бы ни ступила наша нога – прорубаются непроходимые леса, делаются просеки, [378] разрабатываются колесные дороги, закладываются редуты, укрепления: природа осилена – Кавказ сдается.

Таким образом, 1858-й год, являясь, так сказать, началом конца, составляет весьма важную эпоху в истории кавказской войны.

С переменой внешнего вида военных действий во многом изменяется и самый быт войска: удаль, молодечество уступают место геройству более рассчитанному, холодному; определяется полная непобедимость русского солдата.

Обыкновенное условие практической жизни в этом случае на войске сказалось вполне: когда надоело шутить, перебрасываться фразами, любезностями, политическими намеками; когда вашей игры, под которой скрывается дело, не понимают или понять не хотят, – необходимо сосредоточиться, нахмуриться, действовать серьезно и резко, прямо в упор.

Декабрьские действия в 1857-м году генерал-лейтенанта Евдокимова в большой Чечене, будучи последним актом драмы, разыгрывавшейся до тех пор на плоскости, имели, как теперь можно судить, веский смысл. Разгромлением аулов по Джалке. Шавдону и Хулхулау и приведением в наше подданство нескольких сотен семейств непокорных горцев он имел в виду, как можно более ослабить силы Шамиля и тем облегчить непосредственные свои действия в предстоявшем затем году, о которых, как видно, крепко и заранее подумал. И действительно, лишив имама до трехсот покорных ему дотоле семейств, он отнял у него, наверное, триста, если не более, добрых воинов и значительно подорвал его материальные ресурсы, потому что из рук его ускользнула периодическая денежная и имущественная дань, которую платили ему эти триста семейств.

Вообще, к 1858-му году дела были поставлены хорошо; но оставалась главная наша заноза – аргунское ущелье: это был ключ к жилищу Шамиля. Прорвавшись в аргунское ущелье, мы становились, [379] раньше или позже, владетелями так называемых Черных гор, открывали себе пути в тыл главным убежищам имама, а также и дороги на соединение с Дагестаном, отбрасывали неприятеля за андийское Койсу, отрезывали ему самое лучшее сообщение с малою Чечнею и вообще садились ему на плечи.

Но как прорваться в это ущелье? Вот вопрос, который порывались разрешить многие, – и всегда неудачно. Бывший командир куринского полка, князь С. М. Воронцов, один из последних попробовал покончить его, но, к сожалению, не покончил; в полчаса потерял до трехсот нижних чинов и около семнадцати офицеров – и вернулся домой. Так рассказывали мне участники этого дела – я сам не был в этом побоище.

Если фермопильское ущелье было то же, что аргунское, то я нимало не удивляюсь ни Леониду, ни его спартанцам, ни даже князю С. М. Воронцову.

Двадцать лет минуло с тех пор, как мы прошли насквозь аргунские ворота; но как живые восстают они у меня теперь перед глазами со своим черным зияющим отверстием, наподобие пасти крокодила.

Аргунское ущелье находится в пяти верстах от крепости (ныне укрепление) Воздвиженской, вверх по течению Аргуна. Оно представляет собою теснину, огражденную с двух сторон у входа горами, покрытыми темным густым лесом, между которыми в отвесных почти берегах, имеющих от 10-20 саженей высоты, бьется и клокочет бешеная река. Расстояние между контрфорсами, образующими самое ущелье, не превышает хорошего пистолетного выстрела. Дорога из крепости Воздвиженской лежит по левому берегу реки и, вступая в ущелье, плотно прижимается к горе. Так она проходит на некотором пространстве до самого оврага, неожиданного пересекающего ее в недальнем расстоянии от входа. Затем, перейдя овраг, становится несколько удобопроходимее и открывает глазам влево, по правую сторону реки, [380] аул Дачу-Барзой, раскинутый на просторной, круглой поляне, охваченной со всех сторон горами же.

Из этого краткого и, конечно, слабого, в сравнении с действительностью, описания видно, что для того, чтобы прорваться в ущелье, необходимо, во-первых, вести войска не в колоннах, а рядами; во-вторых, попав сразу под перекрестный огонь невидимого неприятеля, двигаться таким образом до неожиданной встречи с оврагом; потом, очутившись по необходимости в этом овраге, терпеливо ждать, пока с горы всех перестреляют.

Шамиль столько же хорошо понимал всю важность и все выгоды этой неприступной твердыни, сколько видимо и сильно беспокоился за нее в конце 1857-го года. После декабрьских поражений в большой Чечне он как бы догадывался, что нам остается, в постепенном порядке, только движение в аргунское дефиле. Вследствие этого он согнал туда не только большую часть воинов Чечни, но даже и сборные сотни из Дагестана. Мало того, принялся укреплять ущелье таким образом, чтобы, если позволено выразиться, муха не проскользнула бы в него, а именно: при входе в теснину правая высота (по левому берегу) была застроена тремя рядами завалов из толстых бревен; перед оврагом – завал, по ту сторону его – еще два завала; по правому берегу реки, параллельно дороге, еще один длинный завал, из-за которого горцы могли видеть каждого из нас в лицо, а перпендикулярно этой дороге – опять завал, защищавший путь по ту сторону Аргуна. Этот последний завал восходил снизу на гору почти до верхних ее пределов и был прикрыт спереди глубоким и широким рвом. Соображая эти укрепления, можно думать, во-первых, что Шамиль был того мнения, что нам необходимо будет вести наступление по обоим берегам реки – как мы и сделали – а во-вторых, что вероятнее всего, он имел в виду голову нашей наступной колонны пропустить в ворота [381] теснины и тогда уже распорядиться с нами желанным образом, – последствия понятны.

Немало передумал и генерал Евдокимов о том, как бы изловчиться и ухитриться, чтобы и аргунское ущелье был в наших руках, и крови бы поменьше было пролито. И вот, он пришел к тому заключению, что ни стратегия, ни тактика тут ни к чему не послужат, а нужно просто на просто надуть Шамиля: отвлечь куда-нибудь подальше его силы так, чтобы в один день ему оттуда не поспеть в ущелье, а самому тем временем нагрянуть на Дачу-Барзой как снег на голову.

Евдокимов был генерал тихий, негромкий, сосредоточенный и замкнутый. Самые приказания он отдавал всегда вполовину, как бы боясь, чтобы никто не проник в настоящий смысл, а уж заранее освоить божий мир с этими приказаниями или с его намерениями – да это было бы истым и чистейшим в его глазах преступлением, ударом для него самого, которого бы он просто не пережил. Как вдруг декорация переменилась, и мы не хотели верить ни ушам, ни глазам своим: Николай Иванович начинает заблаговременно и громко – вовсе не по характеру – толковать и проповедовать о том, что нужно бы опять в большую Чечню, к Кишень-Ауху, в Автуры, и заложить бы в последнем укрепление. Главное дело в том, что покойный генерал делился этими намерениями с теми лицами, которым меньше всего, по своей натуре и опытности, доверял. а именно: с некоторыми представителями нашей татарской милиции и с приближенными к нему начальственными лицами из горцев. Естественно, что соображения и виды генерала быстро проникли в массу наших чеченцев-милиционеров, а от них сообщились установленным порядком и к Шамилю. Но старик не так был легковерен, как казалось: так то так, думал он себе, но… все-таки… аргунское ущелье… [382]

И имам недоверчиво покачивал головою и щипал свою седую бороду.

Николай же Иванович, видя, что почтенный соперник затрудняется ему верить на слово, решил убедить его в своих намерениях фактически: приказал перевезти в Шали фураж, которым бы легко мог оттуда снабжать автурийскую колонну; велел повсюду нанимать подводы для перевозки строительных материалов, и, наконец, 15-го января двинул значительную часть войск и большой обоз на правый берег Аргуна, у Бердыкеля, по этой дороге, по которой обыкновенно мы ходили из Грозной в большую Чечню.

На этот раз маститый имам не мог более сомневаться в искренности намерений нашего полководца и тотчас отозвал из аргунского ущелья всю массу своих войск к Автурам, а оборону дефиле – и то лишь на случай чего-нибудь нечаянного – предоставил отважному и распорядительному шатоевскому наибу Батока, вверив ему до двух тысяч войска из жителей окрестных обществ.

С 15-го на 16-е число января 1858-го года ночь была темная, суровая. Темнота ее слегка смягчалась кое-где разбросанным снегом, и в тех местах, где он подтаял днем, уже образовались оледенелые тундры; сверху все моросило да моросило; изредка не крепкий, но неожиданный ветер обдавал предметы мокрою пеленою, висевшей в воздухе в виде густого тумана.

В крепости Воздвиженской тихо и спокойно; кроме часовых и обходов на улицах и площадях – никого. Огни по большей части уже потушены, и только в доме командира куринского полка, генерал-майора Мищенко, половина дома освещена – как в день свадьбы. [383]

Но кому охота дознавать: зачем и для кого эта иллюминация?

Черною массою выступает цитадель с ее высокою каменною стеною, лишь сверху окаймленную снегом как белой ленточкой. Подойдя поближе к этой стене, видишь, что еще черный, глубокий ров, охватывающий кругом цитадель, раскрыл свою внутренность. Внутри цитадели также тихо, как и в крепости вообще, лишь на гауптвахте, влево от ворот, монотонно прохаживается часовой, да у артиллерийских конюшен изредка во всю глотку зевнет другой часовой – и только. Свет мелькает лишь в окнах крепостного флигеля – жилища офицеров 5-ой легкой батареи – который вытянулся по самой середине цитадели. На одном из окон

довольно обширной комнаты стоит догорающая стеариновая свечка и освещает собою пустые, довольно грязные стены, ветхий старомодный бильярд и двух лиц, усердно упражняющихся на нем, с киями в пуках. Лица эти по внешнему виду представляют две противоположности: блондин и брюнет, довольно высокий – и довольной приземистый, тонкий – и круглый, в дубленом полушубке – и в красной кумачовой рубахе. Игра идет свирепая: шары прыгают, валятся за борт, лузы трещат.

Дверь в смежную комнату тихонько приотворяется, и на пороге является третья личность.

– Господа, не пора ли на закуску, да и в постель?

– Постойте, Вильгельм Адольфович. Я для удовольствия Александра Николаевича еще один карамболь устрою.

– А он, верно, для вашего удовольствия – оттяжку?

– Куда тебе, бутуз! – подхватил Александр Николаевич, – поучись прежде, продолжал он, а тогда и суйся в игру.

– Ну, Кашинцов провалился» – заметил, спустя некоторое время, Вильгельм Адольфович, – партия за вами, Александр Николаевич. [384]

Игра кончилась.

В это время дверь из передней тихо отворилась, раздался сдержанный, робкий кашель, и на пороге, вытирая ладонью усы, появился фельдфебель 5-й легкой батареи.

– Ты что? – спросил у него штабс-капитан Веверн, удаляя от себя подсвечник, который принял с окна.

– В поход, ваше благородие!

Минутное молчание; офицеры переглянулись.

Хотя подобное неожиданное известие никого не удивило, потому что к нему не привыкать стать, но все же оно застало артиллеристов более или менее врасплох, потому что похода в эти дни ни у кого даже в думке не было.

– Куда? – спросил Веверн.

– Не могу знать, ваше благородие. Приказано выступать дивизиону вашего благородия и взводу горных орудий.

– Хорошо,– сказал равнодушно командир дивизиона,– распорядись.

Фельдфебель вышел и быстрыми шагами направился к казарме.

Войдя в казарму, он остановился на пороге и окинул ее быстрым, молодецким взглядом: дежурный на месте. люди спят, огни в исправности. все в порядке. Здесь фельдфебель был уже совсем не тот, как за пять минут назад пред командиром дивизиона, – видно было, что тут он являлся прямым хозяином всего окружавшего его.

Хозяин приосанился, кашлянул и зычным голосом крикнул на всю казарму:

– Пошел, выходи, ступай, марш!

Это был его обыкновенный призыв к походу.

Моментально приподнялась на нарах сотня голов, и казарма ожила; затем, не прошло и трех минут, как в конюшне уже ржали и отхрапывались гнедые черноморцы! [386] – Ну!.. тпрр!.. шалишь!.. Не дури! – только и слышно было то в том, то в другом конце сарая.

Издали послышался давно знакомый всем голос командира батареи, подполковника Тверитинова, который никогда не говорил тихо.

– Здорово, черти! – крикнул он, явясь у входа в конюшню.

– Здравия желаем, вашеск–бародие! – отвечали солдаты.

Павел Васильевич почти бегом прошел насквозь конюшню, выругал на ходу двух-трех ездовых, снабдил подзатыльником вожатого и толкнул в брюхо ногою одну лошадь, которая бесцеремонно загородила ему дорогу.

– Живее!

И с этим словом командир скрылся, направляясь в крепостной флигель.

– Вы уж готовы? – прокричал он, входя в бильярдную, куда двери из соседних офицерских комнат были отворены настежь. И, не дождавшись ответа, Павел Васильевич продолжал:

– Александр Николаевич, водка есть?

– Дома, Павел Васильевич. Иван, подай водку!

Явился дубинообразный Иван со стаканом и бутылкою, подавая то и другое своему командиру.

– Черт!.. Наливай сам – я не работник твой.

Треть стакана осушена.

– Куда пойдем, Павел Васильевич? – спросил прапорщик Кашинцов.

– Про то Евдокимов знает.

Павел Васильевич был закаленный артиллерист старого кавказского покроя, любимый своими офицерами, уважаемый солдатами [386] и всегда готовый поделиться с теми и другими последним куском своего хлеба. Это радушие и хлебосольство отчасти были причиною того, что впоследствии он сам остался без куска хлеба и кончил жизнь свою весьма печальным образом. Как сейчас восстает предо мною его фигура в длинном походном потасканном сюртуке, в прилепешенной на лбу фуражке, в расшлепанных сапогах без галош…

В полночь, на площади, между цитаделью и домом командира начали собираться войска. Они двигались, перестраивались, появлялись то там, то здесь, – так что решительно нельзя было среди ночной мглы составить себе точного понятия о том, каких полков эти отдельные части, явились ли они с места из казарм или подходят извне, какая цель всех этих построений и передвижений. Офицеров, конечно, нельзя было заметить иначе, как по отсутствию у них ружья со штыком; в остальном, одетые в нагольные и дубленые полушубки, они ничем не отличались от солдат.

Наконец, войска угомонились; батарея заняла место в центре.

Прошел час, прошел и другой, – войска все стоят на одном месте, утаптывая ногами скользкую землю. Нетерпение, досада начинают овладевать всеми; приказаний – никаких; все мокнут и дрогнут под ледяною пылью; слышится ропот, неудовольствие.

По флангу колонны проскользнул какой-то закрытый экипаж и повернул к дому командира полка. – Евдокимов приехал, заговорили в рядах. Верно, скоро двинемся. [387]

Однако, не смотря на прибытие командующего войсками, мы еще с час, если не более, стояли в том же положении. Затем откуда-то послышалась команда, и голова колонны тронулась к аргунским воротам, которые медленно, как бы лениво, раздвоились перед нею.

Теперь стало всем понятно, куда мы направлялись.

Вещь естественная, что никто и не думал задаваться мыслью о предстоявшей опасности, но ожидание серьезного и решительного боя не сходило у всех с языка, так как все хорошо помнили наши прежние неудачи в аргунском ущелье, и все хорошо знали, что в настоящее время оно укреплено в несколько раз лучше, чем прежде. Тем не менее, войска шли охотно: аргунское ущелье, вызвавшее постоянные, ежедневные тревоги, крепко уж надоело куринскому полку и 5-й легкой батарее, – хотелось с ним поскорее и разом порешить.

Войска, как бы преднамеренно, подвигались довольно медленно. Это, действительно, было делаемо с целью, и сама цель состояла в том, чтобы согласовать движение войск, выступивших из Воздвиженской, с движением другой колонны – генерал-майора Кемпферта. Об этом мы уже узнали впоследствии, при нашем же выступлении не предполагали за собою или вблизи себя никаких других войск.

Между тем, все дело сложилось и происходило следующим образом:

В то время, когда с вечера, на 16-е число, фельдфебель докладывал штабс-капитану Веверну о том, что приказано готовиться к выступлению, другие войска уже двигались по другим направлениям раньше нас. Колонна генерал-майора Кемпферта, составлявшая левое крыло наступного отряда, заключавшая в себе пять батальонов пехоты и восемь орудий и, как выше сказано, выдвинутая за Бердыкель, чтобы обмануть неприятеля, получила приказание – следовать с наступлением ночи по правому берегу [388] Аргуна и достигнуть ущелья одновременно с нами. Так как этой колонне приходилось сделать обходное движение верст в двадцать пять, то понятно, что наша колонна двинута из Воздвиженской, по расчету времени, только тогда, когда можно было предполагать, что Кемпферт находится по ту сторону Аргуна, на одной линии с нами. Он огибал своею колонною полукруг, а мы шли из Воздвиженской по прямой линии, из чего следовало, что наше движение мы и дальше были по возможности замедлять и приостанавливать, несмотря на выступление в три часа пополуночи. Эти приостановки тем более необходимыми, что наша колонна, составлявшая правое крыло наступного отряда, вверенная командиру куринского полка, генерал-майору Мищенке, шла хотя по дороге скользкой, но почти бесснежной и ровной; тогда как батальоны Кемпферта во все время пути не выходили из снега по колено. Затем, когда они, часа за три до рассвета, поднялись на высоту крепости Воздвиженской, затруднения их еще более увеличились, так как отсюда дороги в аргунское ущелье не было. Снег во многих местах лежал до пояса, и движение предстояло совершить большей частью среди леса, кое-где пролагая себе путь при помощи прикладов. Люди выбивались из сил, падали; лошади спотыкались на каждом шагу. Только и слышно было с минуты на минуту:

– Не отставать! Не растягиваться! Смелее, ребята, скоро к месту!

И усталые солдаты собирали все свои силы, чтобы достигнуть этого обетованного «места».

Ну что, если бы в то время они могли быть встречены в лесу какою-нибудь засадою, – положим, хоть из одной сотни горцев?.. Думал ли что-нибудь подобное генерал Евдокимов? Должно полагать, что думал. Это можно заметить из того, что на утро, когда он громил ущелье и. двигая штурмовые колонны, оглядывался все в ту сторону, где должен был показаться [389] Кемпферт, он вовсе не имел на своем лице отпечатка решимости и уверенности. Даже, смотря ему прямо в лицо – пока дело не сделалось горячим – я был вполне убежден, что он более, чем наполовину, как бы сомневается в счастливом исходе битвы.

Да и в самом деле, трудно представить себе в эти минуты положение командующего войсками, его тяжелую душевную борьбу, сознание ответственности – нравственной еще более, чем служебной – за всякую неудачу. А такая неудача везде и всегда возможна, как хорошо ни рассчитай шансы. Ведь бывали же случаи, когда непредвиденное обстоятельство, ошибка начальника колонны ил что-нибудь в этом роде разрушали все соображения начальника войск и радикально изменяли к худшему его ожидания. Дарго, ичкеринский лес, упущение Шамиля при нападении его на Кабарду – все это те ошибки. о которых я говорю, и которые стоили нам много крови и, более или менее, остались позором на нашей памяти. Единственный расчет всех наших кавказских полководцев был не столько на себя самих – в особенности в крайних случаях – сколько на офицеров и на солдат. Они были, как дважды два, уверены, что те и другие не струсят, и никто не станет отвергать, что на действительности этого факта почиет навеки слава многих кавказских генералов. Что славу эту многие из них стяжали личными заслугами гораздо менее, чем при помощи и посредстве бессмертных заслуг их железного войска

Да, я вполне утверждаю, что Евдокимов, вступая в аргунское ущелье, не был уверен в безусловном успехе. В этом деле он изображал собою отличного игрока, который ставил на карту все, что у него было, весь громадный свой выигрыш, скопившийся в течение многих лет, – и может его проиграть. Что остается делать хорошему, знающему, даже добросовестному игроку, если все он проигрывает разом и безвозвратно?.. [390]

Генерал Евдокимов находился в таком тревожном состоянии еще потому, что он заранее вверил главнокомандующему свои намерения о взятии аргунскому ущелья и, сколько нам было известно, обнадеживал его в том.

А вдруг бы, да и не взял?..

Аргунское ущелье – не простая неприятельская позиция, не аул, который можно разорить набегом, с налета, с тем, чтобы через три месяца он опять явился на своем месте. Аргунское ущелье – это вопрос жизни и смерти почти половины непокорных племен Кавказа, и если бы мы покорили весь северный Кавказ со стороны Дагестана, большой и малой Чечни, но не совладали бы с аргунским ущельем – мы никоим образом не вправе бы были считать за собою эту сторону края и постоянно должны были бы видеть и испытывать самые пагубные для нас сношения покорных горцев малой Чечни с непокорными. Тогда как взятием аргунского ущелья мы раз и навсегда положили этим вредным для нас сношениям и разделяли овец направо, козлов – налево. Важность такого разделения понятна только для тех, кто захватил еще кавказскую войну на левом крыле и сам в ней участвовал.

Но возвратимся к отряду.

Колонна генерал-майора Мищенки состояла из трех батальонов куринского полка, шести орудий (в том числе двух горных) легкой № 5-го батареи и двух сотен казаков.

Резерв колонны генерала Кемпферта, под командою генерал-майора Рудановского, составляли: пять батальонов тенгинского, виленского и белостокского полков; 20-й стрелковый батальон, четыре орудия и две сотни казаков. Резерв колонны генерала Мищенки, под командой полковника Тимермана, составляли: два с половиною батальона апшеронского полка, сводный линейный стрелковый батальон, рота сапер и два орудия. Резервы эти были [391] двинуты ночью же, с 15-го на 16-е января, непосредственно за их центральными силами: первый из Бердыкеля, второй – из Грозной; последний явился в крепости Воздвиженской одновременно с выступлением из нее колонны генерала Мищенки. Наконец, арьергард всего этого отряда, находившийся под командою полковника Муссы-Кундухова, состоял из четырех эскадронов драгун, шести сотен казаков, четырех с половиною сотен милиции и четырех конных орудий. Этот арьергард следовал также из крепости Грозной по пятам резерва правого крыла (ген. Мищенко) отряда.

Уже одно исчисленное количество войск, достаточное для порядочного генерального сражения, подтверждает наше заключение о том, что главнокомандующий войсками далеко не сквозь пальцы смотрел на возможность какой-либо неудачи при взятии собственно аргунского ущелья.

На полпути к цели, у казачьего поста, колонна генерала Мищенки остановилась, привела в порядок свои ряды и приготовила свою артиллерию. С этого места были уже раскинуты цепи, и батальоны двигались в боевом порядке с орудиями в голове и на левом фланге.

Стало рассветать. Яснее начали обрисовываться ребра лесистых гор, ограждающих вход в ущелье. Ни одного выстрела, ни единого звука голоса не было слышно, кроме громкого кашля генерала Мищенки (Генерал Мищенко был ранен в грудь и от этого страдал сильным и глухим кашлем. Авт.), которым обнаруживалось его присутствие впереди колонны; по этому кашлю горцы давно привыкли отгадывать, кто именно ведет войска.

Тут нагнал нас генерал Евдокимов. [392]

Колонна остановилась у самого входа в теснину. В это время в разных местах по ущелью раздалось несколько горских выстрелов, которые, по-видимому, были для неприятеля призывным сигналом к битве.

Тотчас были сделаны следующие распоряжения: стрелковые роты сводного линейного батальона спущены вниз к левому берегу реки; на дороге против ущелья поставлены два горных и два полевых орудия легкой № 5-го батареи, которым приказано было действовать по завалам, преграждавшим вход в ущелье и защищавшим с фланга правую высоту; два других полевых орудия той же батареи были направлены несколько правее, на верхние завалы, защищавшие гору с фронта; влево от дороги был поставлен подоспевший к этому времени взвод конных орудий, которому предстояло действовать по завалам правого берега реки и таким образом облегчить взятие их колонною графа Кемпферта, которая, между прочим, еще не показывалась.

Пехота расположена была по флангам и позади орудий.

Едва только роты спустились вниз к реке, а артиллерия успела установить орудия с разных сторон – с боков, сверху, снизу – горцы открыли по войскам перекатный ружейный огонь. В ответ на это мгновенно засвистели ядра, зашипели гранаты, – и все слилось в один непрерывный гул, среди которого свист горской пули был слышен только тогда, когда она пролетала возле самого уха. Снизу, от реки, густыми клубами поднимался к нам дым от беглой пальбы линейного батальона. Огонь становился все чаще и чаще, и начиналось то, что на простом языке называется светопреставлением. Канонада продолжалась уже около получаса, но горцы держались упорно и не думали еще очищать ни одного завала.

Генерал Евдокимов сидел верхом на лошади, как вкопанный, беспокойно поводил кругом глазами, обращая их чаще всего туда, откуда должен был показаться Кемпферт, и время [393] от времени перебрасывался замечаниями с генералом Мищенко.

Видя, что неприятель не поддается орудийному огню, командующий войсками приказал генералу Мищенке направить два батальона, под командою полковника Рихтера (Ныне генерал-адъютант и начальник 13-й пехотной дивизии. Авт.), на штурм правой горы и ее завалов. Эта гора, ограждая собою вход в дефиле и господствуя над прилежащими к ней высотами, составляющими вглубь по ущелью и вправо по равнине ее продолжение, являлась главным оплотом всей неприятельской силы и главной защитой самого ущелья, Взятием расположенных на ней, по ущелью и перпендикулярно к нему, завалов мы садились на головы горцам, находившимся внизу по обе стороны оврага, и могли их оттуда поражать на выбор.

С поручением по фронту поскакал прапорщик Агишев, но, едва поравнялся с орудиями – вспрыгнул в седле как обожженный и остановился.

– Что случилось? – спросил его один из артиллерийских офицеров.

– Кажется, ранен,– жалобно произнес Агишев, хватаясь рукою ниже поясницы.

– Ничего, поезжай далее,– подхватил, смеясь, вопрошавший,– не умрешь.

Вслед за Агишевым галопом скакал командир батареи подполковник Тверитинов, и. не сворачивая с дороги, чтобы объехать орудия, он направил сою лошадь как раз перед самыми дулами, в нескольких шагах впереди них. Он видел, что в это время орудия заряжались и, вероятно, рассчитывал проскользнуть [394] благополучно, а может быть, и вовсе ни на что не рассчитывал, а пустился вскачь сгоряча, в забывчивости. Как вдруг ядро из орудия, которым командовал Кашинцов, просвистело мимо него так близко, что конь под ним остановился, как пригвожденный к земле.

Павел Васильевич опешил.

– А-а, черт! – крикнул он, оправившись,– не видите меня, что ли? Верно, булавка?

Кашинцов, не обращая на это замечание никакого внимания, простодушно осклабился, что-то проворчал себе под нос и продолжал свое дело.

Случай был действительно курьезный и возбудил несколько острот среди офицеров над неловкостью Кашинцова.

Подполковник Тверитинов подскакал к правому флангу батареи, где действовал единорог.

– В–ий,– крикнул он канониру, бывшему при орудии за фейерверкера,– возьмите в свое распоряжение этот единорог, поставьте его правее и действуйте только по правым завалам

через головы штурмовой колонны, которая поднимается на гору. Смотрите, не перестреляйте своих, черт! – крикнул Павел Васильевич и исчез.

Единорог поставлен по указанию, и граната за гранатой полетела в данную точку.

Замечательно было, в своем роде, восхождение штурмовой колонны, осеняемой поверх голов параболическим шипением гранат, словно пастырским благословением. Впереди колонны шли до двухсот охотников, открывая ей дорогу, за ними красовалась статная и спокойная фигура полковника Рихтера, и за плечами у него – два батальона в колоннах, шаг за шагом окунающиеся по пояс в снег, барахтающиеся в нем, как в яме, хватающиеся по дороге за деревья, склоненные под выстрелами своих же гранат и почти задыхающиеся от усталости. [395]

По мере того, как батальоны поднимались все выше и выше, гранаты летели навеснее, и огонь был учащен до пределов крайней возможности; орудие накалилось, как в огне, но останавливаться было невозможно, потому что наступила минута решительная.

Командующий войсками перенес теперь все свое внимание на штурмовую колонну; горцы же пока не замечали ее приближения.

Прошло около часа. Штурмующие были уже близко к цели. Гранаты рвало очень удачно, и каждая из них ложилась непосредственно по ту сторону завала. Огонь горцев становился все слабее и слабее, и, наконец, почти вовсе прекратился (За этот подвиг канонир В–ий награжден георгиевским крестом, присланным командующим войсками в батарею собственно на имя отличившегося. Авт.). Пора была остановить и стрельбу из единорога.

Чуть только орудие замолкло – раздалось громкое «ура!», и куринцы почти в одиночку вскочили друг за другом на завал. По первому их клику горцы в несколько секунд очистили все пространство завала, оставив лишь по себе во многих местах обильные следы крови.

В ту же минуту по ту сторону реки показалась колонна генерала Кемпферта и, поддержанная отсюда конными орудиями, охватила таким образом перекрестным артиллерийским огнем завалы по горе правого берега Аргуна. Пользуясь смятением и быстрым отступлением горцев в этих двух важных пунктах, генерал Евдокимов приказал тотчас же сводному стрелковому батальону, находившемуся внизу, перейти там же к наступлению вдоль по берегу реки, а по дороге в ущелье двинул первый батальон куринского полка и два горных орудия – последние [396] под командою прапорщика Иегулова. Орудия эти, выставившись почти в упор против завалов, ограничивающих спереди и сзади овраг, открыли по ним картечный огонь. Горцы не дожидались атаки первого батальона куринцев, которые им всегда очень не нравились в подобных случаях, бросили свои завалы и спасались бегством. В это время стрелки, рота за ротою достигнув передних завалов у оврага, думали перебросить на ту сторону и отрезать отступление, по крайне мере тем горцам, которые спускались сюда сверху из-под выстрелов колонны полковника Рихтера; но, увы! – должны были остановиться у оврага, потому что дорога была раскопана, испорчена, идти по ней вперед было невозможно и следовало прежде устроить переправу.

Прошло еще пять минут; пальба все реже, слабее – и, наконец, вовсе стихла.

Аргунское ущелье взято!..

Победа эта стоила нам одного убитого и шести человек раненых нижних чинов; неприятель оставил в наших руках несколько тел.

.....

В лавровый венок Евдокимова вплетена новая ветвь, а в историю куринского полка и 5-й легкой батареи 20-й артиллерийской бригады вошла еще одна золотая страница. [397]

II.

Бал. Отдых после утомления. Аул Дачу-Барзой. Американские топоры. Рекогносцировка. Атака милиционеров. Общее состояние отряда. О куначестве частей войск в кавказской армии. Преднамерения Шамиля и прибытие его сына. Обзор соседней местности. Маневры Кази-Магомы. Взятие нами аулов: Чалги-Ирзау, Дутена и Измаил-Юрта. Штурм аула Улус-Керты. Наши потери. Передвижение колонны к Измаил-Юрту и схватка с горцами. Указание на действия полковника князя Мирского в большой Чечне.

Такое важное историческое событие, как взятие аргунского ущелья, не могло не быть отпраздновано подобающим образом. Всякое празднество должно было иметь двоякую цель: существенную, т. е. ликование, веселье, и внешнюю – чествование виновника столь славного дела, генерала Евдокимова. Естественно, что в ближайших к отряду пунктах никто кроме Павла Васильевича Тверитинова, с его широкою, не стесняемою ни в каких денежных расходах натурою, не мог устроить торжества; да, пожалуй, никому оно бы и в голову не пришло. Покойному Тверитинову тем более пристало задать пир, что он сам был не последним главным деятелем во вскрытии входа в сердце Кавказа со стороны Чечни, с той стороны, откуда всякая удача казалась до 16-го января сомнительною.

Наш командир батареи (царство ему небесное!) ничего не делал вполовину:

«Коли спорил – так уж смело, Коль стоял – так уж за дело, Коль ругнет – так сгоряча, Коль рубнет – так уж сплеча...» [398]

Так оно и вышло по отношению к балу, который он устроил. Гости были приглашены отовсюду, со всех концов самого отдаленного горизонта: и из Грозной, и из станиц, и из укреплений, и из отряда; вина, закуски, десерт были выписаны и привезены особым нарочным чуть не из самой заграницы, и, конечно, все это обошлось втридорога. Туалет жены, некоторые бальные приспособления для парадной гостиной доставлены чуть не на курьерских из самого Ставрополя. К повару Ивану Васильевичу, нанятому в Харькове за сорок рублей в месяц (преимущественно для обыденного кормления гостей и своих офицеров) прикомандированы были Павлом Васильевичем еще четыре других повара, а к обер-камердинеру Мезенцову – целая свита под-камердинеров, вице-камердинеров, валетов ливрейных, посыльных, рассыльных и тому подобных дармоедов.

Судили и рядили всем домом, где и какое избрать помещение для бала. Оказался наиболее подходящим полковой дом (куринского полка), где помещалась библиотека. Конечно, с такими вещами, как библиотека, церемониться нечего: ее живо сдвинули в одну комнату, остальные очистили, и явилось такое помещение, которое бы сделало честь любому губернскому городу. Теперь последний вопрос: кто же займется соответственным устройством бала, в особенности и преимущественно декоративною и всякою подобною частью зала, гостиной и прочих комнат, чтобы это вышло и с шиком, и торжественно, и для всех удобно.

– Как ты думаешь, Саша? – спрашивает Павел Васильевич у жены.

– Право не знаю, как хочешь; мне и без того хлопот по горло.

Павел Васильевич подошел к столу, с которого день и ночь никогда не сходила закуска, налил полрюмки водки, выпил, [399] крякнул, закусил хлеба с солью и хлопнул в ладоши. Мезенцов вырос, как из-под земли.

– Черти! Не дозовешься вас,– крикнул он на Мезенцова, который имел постоянное обыкновение стоять настороже у дверей, как собака в будке, и божился Христом-Богом, что с той минуты, как служит Павлу Васильевичу, приучил себя спать через двое суток, и то – одетым и всего не более трех-четырех часов в один раз, т. е. другими словами, он добился того, чего так жадно хотел достичь Фридрих Великий – и не достиг.

– Позвать ко мне В–ского,– продолжал Павел Васильевич.

И канонир В–ский чуть не как из земли вырос, хотя жил в крепостном флигеле, отстоявшем от дома командира батареи на четверть версты, только что явился из отряда, так сказать, умыться да переодеться, и не чувствовал ног под собою.

– Здравствуй, В–ский! – сказал Павел Васильевич, протягивая руку,– Хотите закусить? Кушайте скорее. Да ну же, не церемоньтесь, черт!

Спустя три минуты, командир продолжал:

– Вот вы занимаетесь там разными глупостями: книжки читаете, статьи пишете... Я вам повторяю, что или дочитаетесь и допишитесь до розовой лошади, или под суд угодите (Оно так чуть-чуть и не случилось. Спустя месяц, тот же канонир В–ский за напечатанную им в первых №№ газеты «Кавказ» того года статью «Кое-что о женщине вообще и о кавказской в частности» попал в ссылку, на Даргин-Дук, за рядового, да еще и с ранцем на плечах. И не скоро смиловался Павел Васильевич, которому почему-то показалось, что в этой статье, написанной по поводу целой годичной полемики с легкого пера Викторова, автор коснулся общества дам, среди которых вращался, т. е. командирши и прочих. Авт.). Но это в сторону... А сумеете ли устроить бал? [400]

– Рад стараться, Павел Васильевич!

– Какой там «рад стараться»! Черт!.. Говорите просто: сумете ли?

– Все сумею, если приказать изволите.

– Ну, так смотрите: если выйдет что не так – на часы к ящику. А вечером приходите закусить, в карты поиграем да с барынями подурачимся.

– Слушаю-с.

Итак, выбор некоторого рода распорядителя сделан.

На следующий день не только помещение библиотеки, так сказать, затрещало, но досталось и всей внешней архитектуре дома, включая туда же и крыльцо, и подъезд, и противоположную сторону улицы (у крепостной стены), где предполагался вензель блаженной памяти Н. И. Евдокимова: одно тащили, другое вытаскивали, третье рубили, иное ломали, а там – воздвигали; словом, Содом да и только.

В двое суток все приготовления были окончены: люстра, канделябры, горшки с цветами, мебель, вообще внутренняя обстановка; затем иллюминация, щит – все и вся на своих местах. На одной из стен танцевального зала из ружейных курков, блестящих, отшлифованных, было выбито: 16 января 1858 года. Под этой надписью из штыков, тесаков, ножен и тому подобного прочего красовались большого размера буквы Н. И. Е. Кругом и над надписями симметрично нависли разноцветные значки, и все это было драпировано зеленью, которая как будто висела в воздухе, потому что горшки были ловко маскированы. Кекеты [401] были устроены также из штыков, а по всем четырем углам – пирамиды из ружей, освещенные, каждая, четырнадцатью огнями. Не были забыты ни банники, ни барабаны и тому подобные вещи, которые все нашли свое назначение. Действительно, уборка и обстановка зала и гостиной были в полном смысле слова эффектны и оригинальны, хотя Павел Васильевич, навещая своего канонира четыре-пять раз в сутки, только мешал работам.

В восемь часов вечера комнаты благоухали, и начался съезд, т. е., лучше сказать, сход, потому что гости за немногими исключениями являлись пешком.

Павел Васильевич в истоптанных и разлапистых сапогах, хотя и в мундире, самодовольно прохаживался по зале, любезно встречая каждого гостя. В гостиной, на мягкой кушетке, сидели две царицы бала, Лаиса и Аспазия, две соперницы, А. Е. Т. и Л. И. М. Возле них красовалась видная, прекрасная фигура Отто Б. Р–ра – идеала всех дам – аргунского героя, украшенного впоследствии за это дело георгиевским крестом, всеми уважаемого, всеми обожаемого. Офицерство, что помельче, заняло свободные уголки.

Грянул хор – и вслед за тем вступил в зал Николай Иванович. Все встрепенулось.

Покойный граф Евдокимов принадлежал к числу тех лиц, которые если ничему не удивляются и ничем не поражаются, то, по крайней мере, скрывают настолько глубоко свои впечатления, что по наружности ничего в них не подхватишь. Однако на этот раз было видно, что Павел Васильевич достиг цели: Николай Иванович не только с особенным удовольствием озирался вокруг, но и видимо останавливался на некоторых предметах убранства и в конце концов пожелал, чтобы ему представили того, кто так изящно распорядился обстановкою. Павел Васильевич подвел к нему канонира В., который в своем [402] солдатском сюртуке почтительно остановился перед славным, знаменитым кавказским вождем.

– Это вы, почтеннейший?

– Так точно, ваше превосходительство.

– И в деле молодец, и здесь не ударил лицом в грязь,– сказал генерал, с улыбкою обратясь к Павлу Васильевичу.

Затем последовало несколько вопросов В–му относительно его прибытия на Кавказе, поводов к настоящему положению и, в заключение, чистосердечное пожатие руки.

Бал начался. Николай Иванович был здесь как в своей семье, и отрадно было видеть, что и все вокруг него составляли семью. Он был под самым приятными. еще не остывшими впечатлениями последней победы и являлся везде, во всем и для всех настолько любезным и внимательным, настолько позволяла его постоянная сосредоточенность.

Бал длился до трех часов, и Николая Иванович не оставлял его – даже против обыкновения.

Этот бал стоил Павлу Васильевичу много денег: дай Бог, чтобы он отделался вообще двумя тысячами. Но зато он и не принадлежал к числу тех вечеров и баликов, которые обыкновенно в о?но-время давались в наших крепостях вроде Владикавказа, Грозной и т. д. Это был бал на славу, во всю ивановскую…

Не считая нужным описывать самое времяпровождение, я признал необходимым коснуться это бала потому, что он хотя отчасти характеризует время, лиц, принимавших в нем участие, каковы: сам виновник торжества, знакомящийся с солдатом, и в особенности Павел Васильевич – тип человека во многом оригинального, но вместе с тем во многом и замечательного, как обломка старого золотого кавказского времени, когда люди жили минутою, не рассуждая «об утри»; наконец, вообще привел я этот бал как личное воспоминание об удалом [403] периоде времени, как штрих, очерчивающий отношение разных лиц кавказской старины, как указание на существовавшие в то время приемы, имевшие влияние нередко на всю деятельность и даже будущность тех или других членов тогдашней кавказской семьи.

Говоря «об утри» и обязанный прибавить, что многие, даже большинство военнослужащих кавказцев старого времени, жили более или менее по программе Павла Васильевича, приноровляясь, впрочем, к своей сфере, нельзя тут же не оговориться, что эта распашность, что это стремление жить поскорее, во весь дух, происходили из единственного положения: завтра… а что завтра?.. Легко может быть, что завтра и пуля в лоб. Так отчего же не пожить сегодня?

Теория эта, не имеющая теперь ни основания, ни логики, в свое время не была чужда смысла, и тогда она важна была еще тем, что к общей кавказской удали, столь не лишней в бывшем долгом кровавом пиру, прибавляла один-два градуса высокой температуры.

Бессонная ночь и все другие неудобства до того утомили людей, что в день взятия аргунского ущелья ничего нельзя было предпринять или сделать, кроме того, что было уже сделано. Войска остались на тех местах, где находились в минуту победы, и тут же разбили лагерь. До какой степени общая усталость могла быть велика – я судил по себе, хотя потрудился, конечно, меньше других солдат. На снегу поставили палатку нашего командира дивизиона, штабс-капитан Веверна. Будучи приглашен в эту палатку к чаю и напившись его с особенным наслаждение, я тут же, в первом часу дня, завалился на боковую и [404] только стряхнулся на другой день в полдень, когда был разбужен для обеда.

Должно полагать, что не менее молодецки спали – если возможно было спать – и многие другие мои сослуживцы.

Когда я проснулся, колонна генерал-майора Кемпферта победоносно выступала в аул Дачу-Барзой, заняв его без выстрела.

Дачу-Барзой, где вслед затем заложено укрепление Аргунское, находился несколько ниже известного уже нам оврага, устрашавшего нас сутки назад своими грозными завалами, от которых, между прочим, день спустя, не осталось и следа. Аул обширен, сплочен на круглой и просторной поляне, дающей проходы в два ущелья, из которых выбегают Шаро и Чанты-Аргун. Дачу-Барзой укреплен двумя-тремя башнями, а больше всего природою, которая сплотила вокруг него естественный вал. Генерал Кемпферт расположился в ауле со своими войсками, как у себя дома.

17-го января приступлено к постройке моста через овраг для сообщения с Дачу-Барзоем; к возведению тет-де-пона и к рубке лесов. Усердно и шумно во всех концах застучали американские топоры, на деле далеко уступавшие достоинствам наших русских топоров. С этим злополучным американским топором, трудно поддающимся выострению, двое наших солдат целые сутки трудились над одним деревом, имеющим пять-шесть аршин в окружности, и едва только к вечеру успевали свалить его. Может быть, американцы лучше нас умеют справляться с этим орудием, или их леса мягче и влажнее наших (что весьма возможно, так как их леса произрастают преимущественно в местах низменных, а наши кавказские – на высотах),– только это нас мало заботит. Для нас важно то, что их американский топор был проклят раз и навсегда нашим [405] русским солдатом, который ежеминутно с удовольствием вспоминал широкое и острое лезвие своего родного топора.

Лишь только генерал Кемпферт утвердился в Дачу-Барзое, командующий войсками с частью кавалерии предпринял рекогносцировку к верховьям Шаро и Чанты-Аргуна. Рекогносцировка обошлась благополучно, без приключений. Но когда он возвращался уже в лагерь, на левом берегу Чанты-Аргуна явилась приветствовать его конная неприятельская партия, примерно человек в пятьсот, и по косогору, из-за поворота, показалась красивая белая артиллерия Шамиля. Но на этот раз ей не удалось попробовать свои ядра, потому что навстречу этому скопищу понесся майор Давыдов, под командою у которого для этого случая были две сотни казаков владикавказского полка и около двух сотен милиции. Перестрелка завязалась жаркая. Хотели ли здесь милиционеры похвастать своею преданностью нам, в которую вообще все так мало верили, или храбрость в них явилась потому, что они были пущены вперед, а позади их массою двигались казаки,– но только к общему удивлению они бросились в атаку и в несколько минут сбили горцев с позиции вместе с их артиллерией и прогнали их к аулу Чишки. В этой схватке у милиционеров было ранено двое. В Дачу-Барзое найдено – хотя и не очень много – всякого хлама и живности. Это доказывало, что горцы не успели его очистить и что, значит, до нашего прибытия к ущелью они не трогались с места, вероятно, будучи наполовину убеждены в том, что и теперь, как прежде, русские постреляют – да и уйдут восвояси, унося десятки или даже сотни своих раненых.

Но вышло не то. На этот раз мы прочно и твердо уселись в аргунском ущелье и вовсе не намерены были ограничиваться одним занятием позиции,– доказательством чему служили начатые нами работы по устройству дорог и укрепления.

Не один генерал Евдокимов радовался своей победе, радовались [406] все: уже 17-го января, вечером, несмотря на дневные труды и работы, солдаты весело распевали песни у палаток, плясали, шутили, острили. В спирте и водке не было недостатка: во-первых, потому что начальство этой малостью не стеснялось, а во-вторых, что Воздвиженское – под боком. Если бы весь спирт был кончен разом, то через три-четыре часа его явилось бы вдвое больше. Костры пылали всю ночь и весь день напролет, – благо, что леса вдоволь, и девать его некуда. От костров не отходили группы солдат с их историческими котелками, в которых варилась до развара неприятельская кукуруза, получившая на время предпочтение даже перед солдатским борщом и кашицею: чужой стол кажется всегда как бы вкуснее своего собственного, по крайне мере на один раз.

Что радость и удовольствие были искренними, служит доказательством песня, сложенная в честь взятия нами аргунского ущелья и разученная солдатами в несколько дней. Только и слышно было по вечерам в разных концах лагеря:

Как заняли мы ущелье, Что аргунским-то зовут,– То-то было нам веселье, То-то пели песни тут...

И далее исчислялись подвиги Евдокимова, Мищенки, Рихтера и чуть ли даже, сколько помнится, не подполковника Тверитинова.

Должно быть, эта песня еще и до сих пор сохранилась в репертуаре куринского полка.

Но наибольшим выражением радости, связывавшей всех вообще и каждого отдельно друг с другом, было тесное сближение – куначество наших кавказцев с русскими войсками – виленцами и белостокцами, которым пришлось разделить нашу [407] победу. Обычай куначества рот до такой степени глубоко укоренился среди кавказских войск и до такой степени был прекрасным во всех отношениях обычаем, вполне сродным русской широкой, доброй и гостеприимной натуре, что было бы непозволительно при этом удобном случае обойти его молчанием.

Куначество заимствовано кавказскими войсками у горцев, но получило у первых более широкое и более искреннее значение и применение.

Горцы зовут кунаком того, с кем удалось им обменяться каким-нибудь более или менее значительными услугами. Понятно, что для русского солдата не могло быть услуги важнее той, которую ему оказывали такие же, как он, солдаты, разделяя с ним бескорыстно его труды, лишения, победы и нередко самые неудачи. таким образом, у русского солдата являлось гораздо более основания к куначеству со своими сотоварищами, чем даже у тех, от которых он перенес этот обычай на свою почву.

Горец, раз сделавшись кунаком своего единоверца, держался этих отношений, по возможности и большей частью, в течении всей своей жизни; мало того, они нередко переходили и в наследство. Если же, как бывает иногда в жизни, какое-нибудь непредвиденное обстоятельство, послужив предметом ссоры, прерывало куначество, то последнее сменялось полной ненавистью и местью, не имея в исходе никакого иного чувства.

Кунак в буквальном переводе значит – приятель, покуначиться – значит сойтись, но не подружиться.

При куначестве рот в кавказской армии личные интересы стояли позади, первой место принадлежит интересу общему, касающемуся всей части. Роты, которые куначатся, по большей части после того, как в бою дрались, так сказать, плечо в плечо – нередко до того видели друг друга в глаза всего один раз; покуначившись же и пробыв вместе в отряде или в каком-нибудь [408] укреплении определенное время, они нередко расходились вслед затем на целые годы. Но это не мешало при первой встрече сходиться вновь кунаками, так как каждая рота строго помнила и чтила свое куначество с другою ротою совсем иного полка и даже дивизии, хотя бы в обеих ротах уже не было и половины тех солдат, при которых завязалось куначество. Рота кунацкая какой-нибудь другой роте в чужом полку – о своем полку и говорить нечего – не задумается поделиться с последней частью всего своего ротного хозяйства, если только встречается в том надобность; зато такое же одолжение, при первой нужде или при удобном случае, должно быть выплачено. Нередко бывало и так, что с одного конца Кавказа вспомогательные войска приходили на другой конец и оставались там долгое время. Понятно, что гости эти, будучи оторваны от своих штаб-квартир, не могли иметь при себе ни особых запасов, ни вообще испытывать тех удобств, которыми пользовались у себя

дома. Спустя немного, они, где-нибудь в передовом укреплении или среди боевой стоянки, оставались без фуража, без овощей, без спирта и т. п. Если исхарчившаяся рота имела кунацкую там, куда пришла, то последняя доставляла ей все нужное совершенно безвозмездно. В случае, если у прибывшей роты кунаков нет и нет особого повода к куначеству вроде пособия в битве и пр., то пришедшие старались покуначиться с другими подобными им и без руководящих оснований. нередко случалось так. что одна рота имела в разных полках до десяти кунацких рот, и это вовсе не мешало делу. Если бы все десять рот одна за другою явились в место ее расположения, она всех их принимала бы с полным гостеприимством отличными щами, водкою и удовлетворяла бы при первом их требовании, чем могла. Случалось даже и так, что если для прибывшей роты что-либо доставалось покупкою, по ее средствам дорого, например фураж, то кунацкая рота для сбережения ее средств доставляла [409] ей этот фураж даром. Обмен этих одолжений поддерживался с полною добросовестностью и беспристрастием.

Обыкновенно было принято за правило, чтобы по возможности рота одного батальона или полка куначилась в другом полку или батальоне с ротою соответственного номера; но так как это не всегда было возможно. то вторым условием было то, чтобы в кунацких ротах было по более земляков – уроженцев одного уезда или одной губернии. Затем роты часто куначились и с батареями, даже с кавалерийскими эскадронами и таким образом обычай куначества поддерживался и в пехоте, и в артиллерии, и в кавалерии.

Куначество прочно поддерживалось не только солдатами, но и их командирами и офицерами как между ротами, так, вследствие этого, и между собою. У покуначившихся рот командиры должны были быть также кунаками, и эта связь целых обществ и их представителей как нельзя благодетельнее отзывалась на общем ходе военных действий: поддержав кунацкую роту в бою, выручить ее из опасности, сберечь и охранить ее остающееся, за выступлением в поход, имущество – были священные прерогативы всякой кунацкой роты.

Как очевидец расскажу один случай куначеств рот, происходивший в передовом укреплении в большой Чечне.

Рота, прибывшая в составе батальона из Дагестана, скоро почувствовала недостаток в разных хозяйственных потребностях. Имея у себя не в дальнем расстоянии на постоянных квартирах роту одного из полков 20-й дивизии (сколько помнится, первая рота апшеронского полка, вторая – куринского), прибывшая рота решила покуначиться со своею соседкою. Испросили позволения ротного командира, который, конечно, не прекословил. Тогда из среды всех капральных унтер-офицеров апшеронская рота выбрала двоих, пограмотнее и посмышленее, и [410] в ассистенты к ним двух же рядовых – что ни на есть побалагуристее.

Депутация, нацедив из ротного бочонка две манерки спирта, уселась на артельную тройку и покатила к куринцам.

Приехали. У ворот ротного двора встречается им солдат. Встали с повозки и походят к встретившемуся.

Заговорил один из капральных:

– Здравствуйте, землячок!

– Здравия желаем, господа приезжие.

– Вы, значится, *** роты?

– Так точно.

– А при чем состоите?

– При самом.

– А-а! Значится, вы ихний вестовой?

– Справедливо.

– Люди они у вас… ничего себе?

– Вестимо, ничего: на то и фельдфебелем от Царя пожалованы.

– Дома изволят быть?

– Таперича будут дома.

– Что поделывают-с?

– Да, почитай, с гостями забавляются.

– Ну, а на счет тово… господин они тоже хороший?

– Насчет всего хороший, скажу вам, господа.

– А величать-то их как?

– Яков Тимофеевич.

– Доложите, землячок, Якову Тимофеевичу, что, мол, *** роты апшеронского полка капралы прибыли.

– Доложим; извольте пообождать маленько.

Спустя десять минут, вестовой вернулся.

– Просят пожаловать,– заявил он.

Гости вслед за вестовым подходят к избе. Указав им [411] рукою на дверь, вестовой ретировался.

Капральные, оставив рядовых на дворе, тихонько приотворяют дверь и, скинув папахи, становятся у косяка. В избе дымно, накурено. У стола на самодельных табуретах сидят три лица: хозяин, какой-то почтенный казак с двумя георгиевскими степенями и шевронист,– должно полагать, батальонный писарь или что-нибудь в роде того. На столе – тарелка с мелко нарезанными солеными огурцами, булка, водка и маленький самовар с принадлежностями.

Остановившись у порога и откашлявшись, капралы в один голос проговорили:

– Здравия желаем, Яков Тимофеевич!

– Здравствуйте, господа капралы!

Фельдфебель встал и подошел к ним.

– Чем прикажете услужить, дорогие гости? – продолжал он.

– Мы, Яков Тимофеевич, с покорнейшей просьбою. А допрежь того осмеливаемся доложить: кланяется вам наш ротмистр; шлют поклон Иван Николаевич (фельдфебель), капралы низко кланяются, а также все старые солдаты и все молодые нижайше кланяются.

На Кавказе различие между солдатами, старослуживыми и молодыми, соблюдалось во всех случаях очень строго.

– Покорнейше благодарим,– отвечал фельдфебель,– их благородие, господина ротного командира, и судыря Ивана Николаевича; также благодарим господ капралов и *** апшеронскую роту. Просим не позабыть – передать им наше почтение.

– Рады стараться, Яков Тимофеевич,– отвечали гости в один голос.

Маленькая пауза. Затем один из прибывших продолжал:

– И просим мы, Яков Тимофеевич, коли на то будет [412] ваша милость, покуначиться с нами: мы, то есть народ заезжий; штаб наш, почитай, верст сотни за три отселева,– так и выходит – бедствуем на чужбине.

– Уж не оставьте, Яков Тимофеевич! – подхватил другой. – Люди мы служащие, да и все одинаково под Богом ходим: сегодня мы, завтра – вы.

Фельдфебель немного опустил глаза и с важностью покручивает ус, будто раздумывая. Через минуту он отвечал:

– Очень рад, господа капралы, покуначиться с вами, если на то будет согласие роты. Да только, таперича сказать, я на вас сердце имею.

– За что серчать, Яков Тимофеевич? Мы впервой, кажись, видимся, и вас ничем не огорчили.

– Так-с. Да вот что, господа: обидно нам, что все ваши роты уже покуначились с нашими, а вы одни загордились.

– Изволите ль видеть, Яков Тимофеевич, вина в том нашего фельдфебеля – не во гнев будь им сказано: они у нас оченно уж почтенные по службе и по возрасту, не сегодня, так завтра и в чистую, – им и все равно, а мы, известно, что? – ничего: народ подчиненный. Вы, примерно, и сами фельдфебельскую должность правите, изволите знать: рота без фельдфебеля – ничуть-никуда. Вот поэтому-то и задержка была. А как нам приспело, да поразмыслили мы, мол, без кунаков плохо, так и говорим Ивану Николаевичу: след бы нам с вами покуначиться. А они сейчас и подхватили: что ж, оченно довольны и уважительны будем; подите, мол, с поклоном к Якову Тимофеевичу.

– Гм... Милости просим садиться, господа!

Явился вестовой. [413]

Пошли капралов, ефрейторов да из каждого капральства старика по два.

Тем временем у фельдфебельского стола беседа продолжалась. Говорили о ротном хозяйстве, о начальниках, о земляках; но приглашения к выпивке, закуске и чайку не было пока. Как у фельдфебеля на столе все это оставалось неприкосновенным, так точно неподвижно висели на ремнях через плечо у капралов манерки со спиртом.

Вскоре у квартиры фельдфебеля собрались все потребованные им ротные чиновники. Яков Тимофеевич, выйдя к ним в сопровождении гостей, сообщил им о приезде представителей *** роты апшеронского полка, в кратких выражениях передал им цель прибытия гостей и свое согласие на куначество с ними.

Составился кружок, в котором после некоторого совещания изредка слышались такие выражения: что ж!.. почему ж!.. Известное дело, как не покуначиться!.. Рука руку моет!..

Через четверть часа один из капральных обратился к фельдфебелю, стоявшему поодаль:

– Согласны, Яков Тимофеевич; значит, рота желает.

– Ну, коли согласны, так покуначимся. Значит, оченно рады, господа,– продолжал он, обращаясь к приезжим,– просим быть кунаками и командиру доложим.

– Покорнейше благодарим, Яков Тимофеевич.

И тут же между обеими сторонами началось пожатие рук.

– Ермолаев, подай! – крикнул фельдфебель.

Пока гости с хозяевами обменивались приветствиями, на дворе явился столик и две бутылки спирта. Приезжие капралы тут же поставили и свои манерки. Началась загрунтовка будущих отношений.

Яков Тимофеевич первый подошел к столу и, налив из [414] своих бутылок два полустакана, предложил гостям. Те в свою очередь налили столько же в третий стакан.

– Просим, господа,– сказал фельдфебель, обращаясь к гостям.

– Милости просим, Яков Тимофеевич,– отвечали они.

Стаканы разобраны по рукам.

– Здравствуйте, господа апшеронцы! – провозгласил фельдфебель, обращаясь к приезжим.

–Здравия желаем, господа куринцы! – отвечали приветствуемые.

– Сколько лет, сколько зим не видались, господа апшеронцы!

– Не привел Бог, господа куринцы!

– Дай Бог знаться, господа апшеронцы!

– Дай Бог ведаться, господа куринцы!

Выпили. Потом из манерок апшеронцев откушали с подобными же приветствиями и остальные члены совета.

По окончании этого обряда приезжие вместе с фельдфебелем отправились к местному ротному командиру для доклада обо всем происходившем. Конечно, со стороны ротного командира, как уж всегда было принято, никаких препятствий к куначеству рот не встретилось. Там, своим порядком, поднесено было капралам по чарке водки.

Возвратясь в избу фельдфебеля, гости вместе с капралами куринской роты, порешив все, что было им предложено по части выпивки и закуски, уселись на другую тройку, запряженную для них кунаками, предоставив свою в распоряжение Якова Тимофеевича и двух его унтер-

офицеров, и отправились все вместе к Ивану Николаевичу, где сообща закрепили новое куначество.

Более или менее подобным образом куначились все роты кавказской армии. [415]

Если же какая-нибудь рота вступает в лагерь, в штаб-квартиру или вообще в места расположения ее кунацкой роты, то кунаков, как водится, встречают водкою, обедом и выходят к ним с приветствиями чуть ли не за версту вперед. А при встрече уже на месте, у приготовленного стола, происходит обыкновенно следующая церемония: выходят первонаперво фельдфебеля и пьют каждый за здоровье роты. Затем первый фельдфебель, обращаясь к пришедшей роте, провозглашает:

– Вы, господа, люди походные. Просим покорно. Благодарим, что не забываете нас, своих кунаков.

– Да уж чего Бога гневить,– отвечает другой,– и вы нас встречаете уж чисто по-кунацки. Когда-то Бог приведет отплатить вам.

Затем чарки передаются капральным и т. д.

Выкушав по мензурке, старые знакомые обнимаются, земляки целуются, обнажив при этом головы, и, наконец, расходятся в палатки или в казармы в ожидании обеда или ужина. И в этот день, по случаю свидания с кунаком и с земляком, среди ликования до поздней ночи нередко улетает из кармана иного солдата последний грош, прибереженный им на черный день. Таким образом этот грош получает совершенно противоположное назначение, и непредвиденный черный день обращается в день красный.

На этот лад и, применяясь, по возможности, ко всем вышеуказанным утвердившимся порядкам, на стогнах Дачу-Барзоя куначились с кавказскими ротами виленцы и белостокцы. Солдатам было весело, их ротмистрам приятно, а маркитанту – лафа.

Но пока наши куначились, Шамиль, к бороде которого прибавилось еще несколько процентов белизны, придумывал средства, как бы испортить наше дело, столь блистательно совершенное и имевшее впереди еще более блистательные результаты.[416] Он придумал: послал к нам своего возлюбленного сына Кази-Магому. И действительно, лучшего для нас и худшего для себя не мог он ничего придумать. Увы! Таково общее заблуждение родителей, воображающих в своих детях все те достоинства, которыми они вовсе не обладают.

В ночь с 17-го на 18-е января мы узнали, что явился Кази-Магома. С двумя полевыми орудиями и семнадцатью сотнями тавлинцев он занял аулы, лежавшие вблизи нас по Шаро-Аргуну: Чалги-Ирзау (на левом берегу), Улус-Керты, Дутен и Измаил-Юрт (на правом берегу), учредив свою резиденцию в последнем из них.

Тут необходимо в трех словах ознакомиться со вновь занятой нами местностью.

Река Аргун слагается из двух притоков: Шаро-Аргуна (черного) и Чанты-Аргуна. Эти притоки выбегают из глубины гор по двум почти противоположным направлениям и сливаются в аргунском дефиле. В углу слияния их находится уже известный нам аул Дачу-Барзой, который заняли главные силы отряда, пустив в ход свои топоры, ломы, кирки, лопаты и вообще весь шанцевый инструмент. По истечении немногих дней после занятия Дачу-Барзоя мы живо ознакомились с течением Шаро-Аргуна, как увидим ниже, и названными выше аулами. Но что

касается Чанты-Аргуна, его замечательных лесов, расщелин, проходов и всех адских поворотов и изворотов дороги, служивших теперь и далее главным театром действий против нас храброго наиба Батока, то всем этим местам, куда до сих пор не проникали ни глаз, ни нога гяура, суждено было еще почти на целые полгода оставаться для нас terra incognita.

Итак, Кази-Магома пожаловал и поселился в Измаил-Юрте…

С минуты его появления горцы стали беспокойнее и предметом [417] своих действий избрали колонну генерал-майора Кемпферта, не забывая, впрочем, изредка и главных сил отряда, занятых исключительно возведением укрепления, рубкою леса, устройством переправы на Чанты-Аргуне и прочими подобными работами. Каждый день, с наступлением сумерек, взбиралась по косогорам, большей частью незаметно для нас, белая артиллерия и открывала свой огонь, к огорчению ее вовсе не убийственный и не вредный для нас. А чуть только ночь спускалась совсем на землю – там и сям, конечно, в цепях раздавались ружейные выстрелы. Впрочем, во всех этих боевых поползновениях горцев не выражалось вовсе никакой серьезной настойчивости; это были укушения комара даже менее того – мухи. Все тревоги доказывали, что ими руководит сила сонная, вялая… И не мудрено, ведь во главе тавлинцев стоял Кази-Магома.

Но, так или иначе, а все-таки нужно был оборвать эти тревоги, оттеснить неприятеля, который хотя и не приносил нам существенного вреда, но зачастую не давал спокойно спать, заставляя стоять под ружьем те или другие роты.

И вот, 3-го февраля, генерал Евдокимов предпринял нечто вроде рекогносцировки к аулу Чалги-Иразу. Составив колонну из двух батальонов пехоты, четырех сотен казаков и шести орудий, он вверил ее полковнику Старицкому. Движение было недальнее: версты две-три – и только. Едва только эта колонна подошла к аулу на орудийный выстрел и пустила в него четыре или пять картечных зарядов, горцы, не сопротивляясь, бросили Чалги-Ирзау и перекинулись на правый берег Аргуна. Там они соединились с теми, которые повыскакивали из аулов Дутена и Улус-Керты, и стали как бы строиться в боевые порядки – вероятно, ожидая нашего наступления.

Командующий войсками, не разочаровывая их в ожиданиях, послал пехоту разорять аул Чалги-Ирзау, сам же с конницей занялся исследованием и изучением окрестностей, а из [418] отряда потребовать дивизион батарейной батареи. Через три четверти часа орудия явились, остановились по сию сторону Аргуна и салютовали горцев, на первый раз залпом, а потом – повзводно. Бой был неравен: горцы бросили в ответ нашему батарейному дивизиону три-четыре ядра и исчезли.

Тем временем Чалги-Ирзау пылал со всех концов.

Колонна возвратилась в лагерь. Ночь и последующий затем день мы спали покойно, и ни одна пуля не прорезала широкого пламени множества костров, на которые солдаты вовсе не скупились, потому что дрова доставались очень дешево.

Но одним Чалги-Ирзау удовлетвориться было нельзя: нам нужно было столько же все течение Шаро-Аргуна. сколько и окончательное очищение его берегов до крайних по возможности, пределов.

5-го февраля следовало порешить с остальными аулами: Улус-Керты, Измаил-Юртом и Дутеном. Это были аулы обширные, видимо богатые и более или менее – конечно, сравнительно или относительно – хорошо отстроенные

В указанный день к этим аулам двинулись две колонны: правая, под начальством генерал-майора Кемпферта, в составе шести батальонов пехоты, двух дивизионов, драгун, трех с половиною сотен казаков, двенадцати орудий разного рода и калибра и милиции; эта колонна, переправившись в брод через Шаро-Аргун, двинулась на аулы с фронта. Левая же, под командою генерал-майора Рудановского, в составе пяти батальонов пехоты. четырех орудий и полсотни казаков пошла правым берегом реки с намерением отрезать отступление неприятеля.

Более выгодным для горцев, по местному положению, был аул Улус-Керты. Вследствие этого они оставили нам без боя Дутен и Измаиз-Юрт и сосредоточились в первом ауле, открыв по передовым войскам колонны генерала Кемпферта беглый [419] ружейный огонь. Им отвечали картечью, но, не взирая на это, упрямые тавлинцы продолжали держаться стойко.

Признав совершенно лишним состязаться с горцами в бесполезной стрельбе и вследствие этого прекратив орудийную пальбу, генерал Кемпферт приказал первому батальону навагинского полка взять аул штурмом. Дело было нелегкое, потому что Улус-Керты был разбросан на небольших и лесистых холмах, окружен разными балками, наполненными снегом выше пояса, и по положению своих скал представлял отличную перекрестную оборону.

Барабан коротко пробил сигнал наступления, и роты одна за другою, почти врассыпную бросились вправо и влево, как будто спешили на званный обед, куда опоздать было неловко.

Сколько мне ни случалось следить во время наших штурмов за действиями неприятеля, всегда я убеждался, что он выжидал первого удара и давал первый отпор для того, чтобы ближе, так сказать, всмотреться в штурмующую колонну, т. е. видеть, какой полк штурмует данное место: кавказский или русский, и если кавказский, то какие это кавказцы: навагинцы ли, куринцы ли и проч.; под каким влиянием, в каком настроении, при каких условиях местности происходит штурм; какие офицеры идут во главе штурмовой колонны и т. д. И если все или некоторые обстоятельства служили в пользу горцев, они дрались молодцами, уступая лишь шаг за шагом; но если, по их мнению, дело было дрянь – они после первого отпора благоразумно ретировались.

Так было и теперь. Горцы увидели, что на них летят не виленцы или белостокцы, а их старые знакомые – кавказцы, для которых балки, овраги, снег – все пустяки; и летят они соколом. Нечего делать. Прекратив стрельбу, тавлинцы, не ожидая ни ободрений, ни особых приказаний своего сонного военачальника, бросили Улус-Керты и – давай, аллах – ноги! [420]

Отступление их было так быстро, что генерал-майор Рудановский не успел им его отрезать. Ускользнуть же вполне от Рудановского также было невозможно, потому что черное войско (так солдаты называли смуглых тавлинцев, одетых всегда бедно, в темные чохи и бурки) почти нарезалось на нашу левую колонну. При этом быстром движении отступавшего неприятеля Рудановский посторонился несколько вправо, занял высоты Шамберды и почти сквозь строй пропустил мимо себя воинов имама. Но они не бежали молча: пальба и с их стороны гремела неумолкаемо до тех пор, пока едва мелькали вдали их черные бурки, и когда артиллерийский

огонь на дальнюю дистанцию заменил собою наши ружейные выстрелы. Удирая, кто во что горазд, горцы на лету подхватывали своих раненых и убитых.

Наконец стало тихо, и генерал Евдокимов, проезжая среди пылавших саклей Улус-Керты – представьте себе! – даже улыбнулся.

В течение всего времени со дня окончательного взятия аргунского ущелья, значит с 17-го января до настоящего числа (т. е. 5-го февраля включительно), потери наши были невелики: убито пять нижних чинов, ранены – один офицер и двадцать семь нижних чинов, включая сюда казаков и милиционеров, да кроме того ранены две или три артиллерийские лошади.

Итак, главная местность по Шаро-Аргуну была в наших руках, открывая нам беспрепятственное движение в глубь Черных гор, покрытых заповедным и непроходимым лесом. Оставив в Улус-Керты два батальона пехоты при двух орудиях и приказав Рудановскому занять Дутен и тотчас приступить к расчистке леса вокруг этих аулов, генерал Евдокимов отправил Кемпферта на свое место, а сам ретировался в главный лагерь, в Дачу-Барзой, и скрылся в своей палатке, плотно закутав ее полы, впредь до следующего бенефиса.

Спустя несколько дней, командование колонною генерал-майора [421] Рудановского вверено было командиру виленского полка полковнику Алтухову. Хотя горцы, как нам было известно, удалились в ущелье реки Баса и несколько дней оставались там в совершенном бездействии, но, подкрепленные Шамилем, который им наслал несколько своих наибов, отдохнув от последнего поражения, опять начали нас беспокоить. В виду этого полковнику Алтухову приказано было придвинуться к Измаил-Юрту, чтобы прикрыть собою главный отряд. Лишь только колонна его снялась с позиции, откуда ни возьмись, явилась половина отряда Кази-Магомы, заняв высоты, окружавшие Измаил-Юрт. Но это, конечно, не помешало наступавшей колонне повторить маневр первого батальона навагинского полка, который на этот раз был исполнен тенгинцами. Две стрелковые роты тенгинского полка в полчаса сбили неприятеля со всех пунктов, без всякого для себя урона, и затем колонная расположилась у Измаил-Юрта, как ей было лучше.

Почти одновременно с этими действиями чеченского отряда в бассейне р. Аргуна, в конце января 1858-го года, происходили некоторые наши боевые движения и в большой Чечне, где начальник кумыкского владения, флигель-адъютант полковник князь Святополк-Мирский, предпринял несколько весьма успешных и далеко не бесплодных рекогносцировок в землю ауховцев. Подробности их до нас в то время не дошли, поэтому, не будучи в состоянии изложить их, предоставляем пополнить этот пробел в настоящем рассказе тем лица, которые в то время состояли под начальством полковника князя Мирского (Признавая полезным тревожить неприятеля во время суровой зимы и желая дать ему почувствовать значение вновь построенного в центре ауховских земель – укрепления Кишень, начальник кумыкского владения, флигель-адъютант полковник князь Святополк-Мирский, 20-го января, присоединил к гарнизону Кишень два батальона кабардинского полка, 4 сотни № 78, две сотни № 70 донских казачьих полков при двух орудиях резервной конно-артиллерийской батареи кавказского линейного казачьего войска и двух орудиях батарейной № 4-го батареи 20-й артиллерийской бригады и, желая ближе ознакомиться с новой для нас местностью – сделал из Кишеня следующие движения:

21-го января, с тремя батальонами пехоты, шестью сотнями казаков и четырьмя орудиями выступил к аулу Зандаку. Неприятель появился при самом начале движения и завел

перестрелку. Глубокий снег помешал идти далее Зандака; почему, обозрев окрестности его, полковник князь Святополк-Мирский возвратился в укрепление, при этом в арьергарде ведена была сильная перестрелка. Оказалось, что в Зандаке и в деревнях, лежащих по левую сторону Ярык-су, жителей нет; по правой же стороне этой реки в хуторах, растянутых по лесистым балкам по направлению к Акташу – держатся еще жители.

22-го января, с теми же войсками, заменив только полевые орудия двумя горными, полковник князь Святополк-Мирский перешел на правый берег Ярык-су и, поднявшись на высоту Худум-баш, обрекогносцировал дорогу к Буртунаю и долину Акташа. В этот день только при отступлении была незначительная перестрелка в арьергарде.

23-го января, с двумя с половиною батальонами пехоты, всею кавалериею и двумя горными орудиями полковник князь Святополк-Мирский двинулся на высоты, отделяющие долину Ярык-су от оврага, по которому течет ручей Безеани, и от долины Яман-су. Неприятель был встревожен этим движением, и с высокой точки, на которую взошли войска, видно было, как жители спасались бегством с лесистые овраги. Спасая семейства, ауховцы почти не стреляли по нашим войскам. В балках по Безеани и Яман-су видно было присутствие довольно значительного народонаселения в разоренных аулах. Войска благополучно спустились к гойтемировским воротам; там часть из них, взятая из Кишеня, была возвращена с этого пункта в укрепление, а остальная часть – в Хасаф-юрт. Во всех движениях этих с нашей стороны потери не было.

(Извлеч. из офицерск. донесений). Прим. ред.). [422]

III.

Застоялись – и скучно, выступили – и не рады. Беспорядочное движение на гору Даргин-Дук. Перестрелка. Неестественная борьба с естественными преградами. Падение артиллерийских лошадей в кручу. Шествие взвода горных орудий при свечах. Рекогносцировка Даргин-Дука. Новые наши подданные. Диспозиция войск.

До конца февраля мы стояли на своих местах довольно спокойно, без особенных тревог; спали, ели и пили исправно. Но начала одолевать скука, потому что первое впечатление удовольствия, по случаю взятия столь важной и считавшейся неприступной [423] аргунской позиции, уже миновало, а погода мешала всякому иному развлечению, кроме сидения у костра: вместо снега по горло, из-за которого чуть выглядывали верхи палаток, явилась грязь по колена и образовались такие лужи, что хоть в лодках разъезжай. Вообще, оказалось, что стоянка скверная. Не раз мысленно вызывали мы к Николаю Ивановичу, чтобы он нас вывел из «плена египетского», но Николай Иванович был замкнут и в себе, и в своей палатке,– и мыслей наших, по выражению глаз и физиономий, отгадать не мог. Наконец пришел день, когда желания наши исполнились. Но и день этот – будь он неладен! – никогда не улетучится из нашей памяти: вышло, как обыкновенно бывает, что мы попали из кулька в рогожку.

День этот был замечательный, исторический. Он не был тем боевым днем, когда кавказский солдат, вскинув ружье [424] на руку, бодро и молодецки бежал навстречу неприятелю. Это был день, когда в течении двадцати часов движения под небеса, по непроходимому снегу, среди лесных трущоб, куда не проникал ни единый луч солнца, нельзя было ни присесть, ни сухаря откусить, ни трубки покурить.

И он был не первым и не последним днем в кавказских экспедициях.

Дело началось с того, что генерал Евдокимов признал необходимым проложить себе путь из аргунского ущелья в тыл большой Чечни. Каким-то образом он осведомился, что одна из крайних и весьма важных высот Черногории, именуемая Даргин-Дук, как раз примыкает к ущельям большой Чечни с той стороны, которая для него служила разрешением предвзятой им задачи. И вот он решил, не обращая внимания на все препятствия природы и времени года, неожиданно явиться на Даргин-Дуке, занять его как можно прочнее и проделать оттуда такую дорогу, что когда бы только захотел – тотчас и проедешь ее всю, как ни в чем не бывало. Но, чтобы дать этот новый бенефис и с честью выйти из него – необходимо было всползти на Даргин-Дук в один переход, нигде не останавливаясь, хотя предстояло совершить до 30 верст: эка важность! что значит этот труд для кавказского солдата? Остановиться же нельзя было потому, что если горцы узнали бы об этом движении, то, естественно, предупредили бы его, – и тогда во всем блеске повторилась бы ичкеринская экспедиция генерала Грабе, который, сидя на барабане, с глазами полными слез диктовал приказ по отряду: «Ребята, мы потерпели неудачу!».

Итак, нужно одним взмахом взойти на Даргин-Дук и предупредить движением пехоты даже всякое движение неприятельской кавалерии. Что ж, и это возможно: разве кавказский солдат один раз доказал, что он во всей походной амуниции ходит скорее, чем горец налегке ездит верхом? [425]

Денек, который желательно оставить на память истории, был – 28-е февраля 1858-го года.

В третьем часу пополуночи поднялись на ноги тринадцать с половиной батальонов пехоты, 10 горных орудий, пять сотен казаков и две сотни милиции. В состав этого отряда входили следующие части войск: 1-й, 3-й, 4-й батальоны навагинского полка; 3-й, 4-й, 5-й батальоны тенгинского; 2-й, 4-й батальоны виленского; 4-й батальон белостокского; 2-й и 3-й батальоны куринского; 1-й батальон апшеронского полка; рота кавказского саперного № 2-го батальона; две роты 20-го стрелкового батальона; сводно-линейный стрелковый батальон; две сотни владикавказского, две сотни 1-го сунженского, одна сотня 2-го сунженского линейных казачьих полков; Назрановская, чеченская и кабардинская милиции; четыре орудия горной № 2-го батареи и два горных орудия легкой № 5-го батареи, 20-й артиллерийской бригады; четыре горных же орудия легкой № 4-го батареи, 19-й артиллерийской бригады.

Общее командование этим отрядом принял на себя лично генерал-лейтенант Евдокимов. В лагере у Дачи-Барзоя, под начальством полковника фон-Кауфмана, остались пять с половиной батальонов пехоты, две сотни казаков, все батарейные и легкие орудия.

Наступной отряд был разделен на две колонны: первая и передовая находились под командою генерал-майора Кемпферта и состояла из полутора батальона пехоты, полусотни казаков и четырех орудий; вторая – под командою генерал-майора Мищенки – из семи батальонов, двух с половиной сотен казаков, шести горных орудий и милиции. Это разделение отряда на две неравные части, из которых арьергардная заключала в себе, так сказать, центр тяжести его, имело свой смысл, оправдываемый боевою опытностью генерала Евдокимова: при условиях местности при предстоящем длинном переходе, среди которого ночь следующих суток могла застать заднюю колонну в первобытных [426] лесах кавказской Черногории, генерал Мищенко должен был ждать и вынести на себе всю тяжесть возможного нападения неприятеля.

Ночь была темная (Отсюда и до вступления на Даргин-Дук я обращаюсь к моим воспоминаниям, напечатанным мною в № 59 газеты «Кавказ» за 1860 год. Прим. авт.); к общему огорчению еще и моросило. Кой-где нетронутый снег указывал в темноте на обрыв или балку. В одной стороне черною лентою обвивали уступ какие-то вьюки, в другой – ползла какая-то рота; там – тянулся взвод артиллерии, который обгоняли казаки на своих тощих лошаденках; слева – кто-то орал во всю глотку, что его конь чубурахнулся в кручу; справа – какой-то джигит вертелся на иноходце, пробуя на крупу бедного животного достоинство своей плети и окликая каждую проходившую часть. Видно, недоспавший адъютант или заспавшийся субалтерик. Словом, шуму и беспорядка, несмотря на затишье перед выступлением, было столько же, как на любой деревенской ярмарке.

Подобная безалаберность часто водилась в ночных кавказских движениях, если только заранее не было приказываемо молчать. В случае же, если подобное приказание было отдаваемо, то, не взирая ни на какие невыгодные условия движения, ни на какое происходившее от того беспорядочное состояние отряда, воцарялась такая тишина, что и кошка не проснулась бы.

Взвод горных орудий легкой № 5-го батареи двигался в хвосте второго эшелона. Кто его прикрывал, то ведал лишь святой угодник Николай, который, как кажется, один и прикрывал его. Среди кутерьмы, господствовавшей по выступлении из лагеря, солдаты были большей частью как одурелые: и не доспали, и не видно ничего; а огонь костров, от которых мы [427] постепенно удалялись, не только не помогал нам своим светом, а даже портил дело. Только пришли в себя в то время, когда вступили на шаро-аргунский мост, потому что несколько освоились со своим положением и вступили в область тьмы и мрака, где все пять чувств навостряются и электризуются.

По недавно разработанной дороге отряд около полуверсты поднимался в гору, а затем очутился в лагере двух батальонов куринского полка. Эти батальоны занимали менее места, чем проходивший возле них по берегу реки взвод орудий со своим прикрытием. (Тут только оказалось, что в прикрытии орудий была какая-то рота).

У куринцев было тихо и спокойно – стало быть, народ привычный, на суету его не поднимешь. Это были 2-й и 3-й батальоны, которые должны были примкнуть к нашему шествию. Их палатки были уже убраны, и только торчали три или четыре офицерские да маркитанская.

Арьергард остановился. Стоим полчаса, час, полтора часа… А отчего? Оттого, что передние вытягиваются в струнку: знать вступили в трущобы. Рассвело; читать можно.

Пришла, наконец, и наша очередь; двинулись и мы. Но, Боже мой! что это было за движение: не то шли. не то – стояли, подвинемся вперед шагов на сто – и тпрр… Еще на пятьдесят – и еще раз тпрр…

Рота, которая вывела из лагеря горный взвод 5-й легкой батареи, сбросила его на руки второму батальону куринцев, а сам куда-то исчезла. Тем лучше: этот батальон был свой, домашний, одночадцы – умрет, но не выдаст (Куринский полк и 5-ая легкая батарея имели вместе одну штаб-квартиру в кр. Воздвиженской и, конечно, были друзьями, начиная от их командиров и кончая последним солдатом. Авт.). [428]

Верстах в трех от недавно разоренного нами аула Дутена мы приняли влево и пропустили мимо себя обоз всего отряда, чтобы потом замкнуть общее движение. Несноснее подобной роли ничего быть не могло!

Часа три или четыре тянулся этот обоз. Но, не смотря на это, лошадей горного взвода развьючивать было невозможно, потому что того и гляди среди этой белиберды может неожиданно наскочить какой-нибудь адъютант и сказать: вам-де приказано двинуться туда и туда.

Вдали раздавались слабые ружейные выстрелы, и на лесистой горе за Шаро-Аргуном время от времени мелькали оборванные черкески горцев.

Но вот – рожок!

– Марш! – скомандовал командир батальона.

Идем.

Прошли Дутен, спускаемся в глубокий овраг; взбираемся потом на полуотвесную гору к бывшему аулу Улус-Керты и, пройдя версты две или три, снова останавливаемся.

Там, вдали перед нами восстает Даргин-Дук.

Глазам видно, да ногам обидно, поговаривают солдаты.

И восстает перед нами этот гигант, шести тысяч футов роста, с ног до головы покрытый столетними чинарами.

Идем еще час. Солнце, проглянувшее на этот раз для того только, чтобы подразнить нас в этот день своим светом, быстро закатывается; наступают сумерки, вечереет.

Почти у вершины Даргин-Дука видна струя дыма, через полчаса видна другая, еще через полчаса – третья; знать передние добрались – счастливцы!

А у нас лошади гнутся, стонут и кряхтят под тяжестью вьюков. Ни бревна, ни куска хвороста, на котором можно было бы [429] присесть и отдохнуть; запекшиеся губы освежаются только комками снега.

Вправо раздаются выстрелы все чаще и чаще – неприятель наседает. Цепь спущена вниз, к реке, и приняла на себя весь огонь.

– Подать орудию! – кричат куринцы.

Значит, неустойка.

Взвод снимается с вьюков и среди наступающей темноты открывает огонь по ту сторону реки гранатами.

На минуту притихло. Взвод укладывается на вьюки и продолжает свое молчаливое шествие. Но вот, опять загремела пальба в цепи, и опять куринцы зовут на выручку – «орудию». Снова орудия снимаются со вьюков и громят куда попало.

А на Даргин-Дуке все ярче и ярче пылают костры…

И таким образом, переминаясь с ноги на ногу, перемежая каждый десяток шагов орудийными выстрелами, навьючивая и развьючивая, подвигался взвод 5-й батареи в составе батальона куринцев. Знал покойный генерал Евдокимов, кого оставить в хвосте всего отряда!..

Отчего бы ему не оставить там виленцев или белостокцев?

Пройдя какой-то полуразоренный кутапчик, мы начали снова спускаться в глубокую трущобу по узкой тропе, на которой двенадцать батальонов и весь обоз размесили густую глину. Внизу где-то невидимо бурлил Шаро-Аргун, и лошади, почуяв воду, напрягали последние усилия, чтобы скорее спуститься к реке. Наконец, приползли, – и разом окунулась в мутную сернистую воду сотня котелков. С неистовством глотали голодные солдаты эту пенистую влагу, наполняя ею пустой желудок; с остервенением вбирали ее несчастные животные, так что нельзя было их отогнать от воды ни пальниками, ни банниками.

В нескольких шагах от изнуренного и обессиленного арьергарда слабо дымящиеся костры освещают собою две-три [430] полуразрушенные сакли. Возле них, на бревнах, сидят несколько старух – жены горцев, вступивших в тот день в наше подданство – и, протянув к огню свои худые, черные, обнаженные ноги, согревают их по возможности. Вокруг них шныряет дюжина босых и почти нагих детей. Впереди раздаются крики фурлейтов, погоняющих артельных лошадей, которые, несмотря ни на какие понукания, не взирая ни на какие исступленные арии своих вожатых, кряхтят, упираются и, наконец, вовсе отказываются от всякого движения.

Но подоспел батальон, пошли в ход приклады, и бедные животные двигаются далее.

И за что, спрашивается, погонщики изливали свою досаду на безответных четвероногих, которые, по их мнению, замедляли будто бы шаг арьергарда? Все было сделано и со стороны коней, – все, что только возможно. Но откуда же было взять сил, когда почти в течение суток лошадиные зубы не пережевали клока сена, когда вьюк надламывает хребет, когда с каждым шагом или приходится увязать в густой глине по колена, или, скользя назад и сбиваясь на сторону, удерживаться на обрывах надломленными от усталости ногами, лишь бы не слететь в балку или овраг?

Впереди – гора, и на нее предстояло взлазить как на стену. Но, увы! Это еще не Даргин-Дук, это преддверие его или выход из трущобы, в которой арьергард стоял по колено в грязи; и, если помните в любом курсе физики или механики чертеж наклонной плоскости, так можете себе составить некоторое понятие об этой горе.

Начала подниматься артиллерия; тела, лафеты и колеса были, конечно, на вьюках.

Рождался вопрос: как подняться? Взбираться на стену самому и в то же время вести в поводу коня – не было никакой возможности: или конь должен был стянуть за собою вниз или [431] в кручу вожатого, или вожатый, ища опоры в обессиленной лошади, должен был задерживать ее на каждом шагу. В виду этого приказано было забросить узды на шеи лошадей, предоставив им идти по следам своих вожатых, а вожатым – взбираться, как умеют и как знают, хоть на четвереньках.

Но, не смотря на все эти условия и предосторожности, гора будто сбрасывала с себя тех, чья отважность стремилась осилить ее природные недостатки.

Кое-где, хватаясь руками за землю или опираясь на что попало – было ли то ружье, пальник и сломанная по пути дубина – солдаты карабкались как кашки, останавливаясь для роздыха на каждых пяти шагах. Не преувеличивая, должно сказать, что арьергард представляли собою в эти минуты стадо баранов, рассеянных по скатам этой горы, на которой лишь один снег ослаблял мрак наступившей ночи. Сверху слышались голоса, понукания и приказания офицеров; из балки, снизу, подгоняли передних те, которым уже надоело купаться в грязи; вправо и влево раздавалось фырканье коней, бряцанье лафетных цепок и стук оглобель о шины колес.

При самом дурном настроении духа, при разлившейся в груди каждого желчи у всех на языке был один вопрос: да война ли это?

И долго таким образом ползли искалеченные люди, на которых не видно было ни изорванного платья, ни выступившей на руках и коленах крови только потому, что толстый слой глинистой грязи облеплял собою каждого солдата с ног до головы.

К довершению несчастия – поперек тропы явился сплошной камень. Люди кое-как всползали на него, но лошади останавливались, фыркали и отказывались идти. Некоторые из них пробовали передней ногою это новое препятствие, но топырщили уши и пятились назад. Напрасны были все понукания. Лошади сами [432] чувствовали необходимость карабкаться далее. но в то же время понимали и всю опасность этого маневра. Наконец, при пособии облей, те, у которых вьюки были полегче, собрав всю мочь и рискуя подковами и ногами, вспрыгивали на камень с таким исступлением, что только искры сыпались из-под копыт. Но зато другие, как и следовало ожидать, не миновали своей участи: теловая вместе с навьюченным на ней единорогом с громом рухнула в балку и, только застонав, дала тем знать, что остановилась где-то недалеко. При ее падении орудие сорвалось с седла – и было таково. За теловою пошел туда же и лафетный, за лафетным еще и ящичный…

– Послать рабочих! – раздалось на всех концах горы.

Медленно стали спускаться с горы опередившие нас роты, которые в ожидании обоза и его прикрытия успели уже развести большие костры.

По странному и счастливому случаю теловая и лафетная лошади, с которых тяжести сорвались при падении, остались живыми, хотя и сильно помятыми, но ящичный конь более не вышел из балки, хотя она была и не глубока (Ящики были подняты и навьючены на запасную лошадь. Авт.).

Кое-как втащили наверх орудие, лафет и ящики и при помощи рабочих взнесли на гору.

Был одиннадцатый час ночи, когда арьергард стянулся на этой горе. Кажется, вот так бы и лег в грязи, у костра и, не обращая внимания ни на холод, ни на слякоть, лежал бы сутки без просыпа, не шевелясь.

Но не тут-то было, спустя час, раздалось:

– Вперед! Марш!

И потянулись мы снова. [433]

Здесь уж стало темнее – так темно, что с трудом у самого носа можно было отличить вожатого от его лошади.

В воздухе очень тихо.

Дорога тут была значительно шире предыдущей, так что горные орудия могли уже идти на колесах, придерживаемые лямками. Но были места, которые угрожали тем же случаем, что произошел час назад. Вследствие этого солдаты приняли все предосторожности: явились даже огарки свеч, которыми освещали дорогу впереди и по сторонам. При этих импровизированных факелах движение горного взвода было похоже на какое-то погребальное шествие.

Уже давно заманчиво и приветливо глядели на нас даргин-дукские костры; сверху они кое-как даже освещали нам дорогу, но чем более мы приближались к ним, тем все далее и далее они уходили от нас.

– Скоро ли? – лаконически спрашивали многие друг у друга.

Молчание: никто не знает, каждый здесь впервые.

А между тем глаза смыкались, ноги подкашивались; люди шли пошатываясь и то и дело обдергивая ранцы.

Но все-таки шли и шли без проклятий, без жалобы, даже без упрека: сознание долга, необходимости руководило всеми одинаково.

Эх, золотая кавказская армия прежних лет! Явится ли когда-либо в будущем еще что-нибудь, хотя отчасти похожее на тебя?

Еще несколько десятков сажень – и чаще стали попадаться навстречу мелкие деревья, еще четверть часа – и лес гуще. Несмотря, однако, на эту густоту, между деревьями являются силуэты полуосвещенных палаток, чуть слышны голоса людей.

Снова начался подъем; это – Даргин-Дук.

По узкой тропе, хватаясь за поваленные деревья, арьергард [434] начал взбираться на крутизну. Близость ночлега, казалось, должна бы была придать силы и людям, и лошадям, но, увы! сил-то и не было более.

Лишь только что-либо замедляло движение арьергарда, солдаты как скошенные опускались на бревна, а лошади – или просто падали, или, мало помалу сгибаясь, ложились на землю.

В половине двенадцатого мы добрались до первого лагеря. Лес был до того густ, что едва лишь в немногих уголках было место для нескольких палаток – конечно, офицерских; солдаты же лежали плашмя у костров, на сырой земле, под открытым небом, которого, впрочем, здесь и днем нельзя было видеть. Вместо подушек были в головах ранцы. Бодрствовали только кашевары, помешивая крупу в котлах, да часовые; первые потому, что у них во время движения была возможность запрятать свои ранцы в котлы и идти налегках, вторые – по необходимости. Кое-где можно было услышать стук топора, и то глухой, слабый – видно, обессиленная рука рубила полено.

Пока арьергард, барахтаясь в грязи, преодолевал все трудности пути, наподобие Сизифа, генерал Евдокимов успел заключить этот день некоторыми весьма удачными движениями.

Опередив отряд еще рано утром, командующий войсками явился на Даргин-Дук. конечно, прежде всех в сопровождении кавалерии, которая стягивалась вокруг него по мере того, как он

обгонял эшелоны. Вскоре за ним на Даргин-Дук явился батальон майора Коньяра. Дав несколько отдохнуть этому батальону, начальник отряда в сопровождении его и бывшей при нем, под начальством полковника Кундухова, кавалерии предпринял рекогносцировку по всем направлениям горы, где только позволяла местность. [435]

Горцы спохватились только тогда, когда первый эшелон, движение которого не затрудняли никакие тяжести, занял Даргин-Дук. Все те из них, которые в состоянии были подоспеть к месту следования отряда, обрушились на арьергард, и этим объясняется та перестрелка, где пришлось употребить в дело орудие, стоившая нам, впрочем, одного раненого рядового.

Отбитые от арьергарда, они рассеялись по окрестным хуторам и начали жечь сакли и запасы сена. В это время они случайно наткнулись на командующего войсками, который атаковал их так быстро, что они, обратившись в полнейшее бегство, не успели даже захватить имущество, оставшееся в хуторах. При этой атаке был ранен один милиционер и одна лошадь.

В хуторах, рассеянных по Даргин-Дуку и окрестным горам, находились, между прочим, семейства горцев из разоренных нами аулов Чалги-Ирзау, Измаил-Юрта, Дутена и Улус-Керты. Эти семейства, сообразив весьма благоразумно, что лишившись своего очага, они в то же время лишаются и гостеприимного очага своих соседей, а следовательно, должны будут погибнуть от голода или скитаться в горах без приюта на подаянии,– прислали депутацию с покорнейшей просьбою: принять их в наше подданство. Конечно, просьба была принята и некоторым из них была предоставлена возможность, согласно желанию, примкнуть к отряду; другие же, которые захотели остаться в полуразрушенных хуторах, не были стеснены и в этом. Потом уже объяснилось, что к числу их принадлежали те женщины и дети, которых арьергард видел на пути к Даргин-Дуку. В лагере, к ночи, оказалось до двадцати семейств, которых, весьма понятно, пришлось сейчас напоить и накормить. И странно, и смешно было смотреть на добрую, русскую, широкую натуру нашего солдата, когда он делится с пленными крохами своего сухаря и своею водянистою кашицею.

– Эй, марушка, шалтай-болтай, хлеб хочешь? [436]

И в это время он протягивал изможденной и полунагой старухе тот сухарь, который бы и для него был вовсе нелишним.

Марушка с оживлением протягивала руку к сухарю и с жадностью его поглощала.

На другой день уже можно было видеть, как маленькие чеченята грелись у одного костра с куринцами, пытливо озираясь во все стороны, в ожидании солдатского обеда, словом, подружились скоро.

Когда арьергард отряда прибыл к Даргин-Дуку, он остановился на нижнем уступе горы, потому что в дальнейшем восхождении и надобности не было, да и вполне невозможным уж оно представлялось: ноги отказывались служить; существо человека как бы более не существовало.

На ночлеге войска были размещены таким образом: на самой вершине, под начальством генерал-майора Кемпферта, три с половиною батальона пехоты и два горных орудия; на полугоре, верстах в двух-трех от вершины – семь с половиною батальонов пехоты, милиция и шесть горных орудий; здесь же была и ставка командующего войсками; внизу, у подошвы

горы, три батальона пехоты, сопровождавшие в голове и в хвосте вьюки отряда и два горных орудия.

Хотя к полуночи кашица была готова, но немногие в арьергарде пожелали ее попробовать, несмотря на то, что целые сутки были без пищи: отдых и сон оказались нужнее и дороже всякой пищи.

Текст воспроизведен по изданию: 1858 год в Чечне // Кавказский сборник, Том 3. 1879

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

1858 ГОД В ЧЕЧНЕ

IV.

Даргин-дукские леса и рубка их. Мыс и аванпост на нем. Ночные перестрелки с 3-го по 6-е марта. Отправление колонны за провиантом. Замыслы неприятеля. Возвращение колонны. Бой и поражение горцев у вашин-даройского оврага. Нападение на аванпост, бегство роты и подвиг бомбардира Бурцова. Различие между выражением храбрости артиллериста и воина иного рода оружия. Кавказские артиллеристы, их заслуги и их доля. Всесожжение срубленного на Даргин-Дуке леса. Взятие и разорение аулов Шари-Хатой и Вашин-Дарой. Наши потери. Сожжение аулов Чишки. Отступление отряда в Дачу-Барзой.

Отдыха войскам не было. На следующий день, с раннего утра, по всему пространству Даргин-Дука застучали тысячи топоров, сливая свои звуки в однообразную и несносную музыку. Не скоро, однако, раздался треск первых падающих деревьев, так как работа была начата с наиболее старых и толстых, вековых, а с ними нелегко было справиться: на срубленных пнях этих великанов человек укладывался во весь рост, и этот опыт, сколько мне помнится, спустя несколько дней, был произведен прапорщиком куринского полка Рещиковым. Возле подобных гордынь природы трудились обыкновенно не менее трех человек и едва успевали справиться с ними в полдня, а иногда только и к вечеру; чинарь, твердый, как железо, не легко поддавался топору, в особенности американскому.

С каким ужасающим грохотом падали эти, поистине, предметы удивления нашей кавказской природы, увлекая в то же время за собою полдюжины других, меньших, которые попадались [438] им на пути. Сколько, я думаю, заветного исторического падало вместе с этими «ирминсульскими» гигантами! Не мудрено, если кавказские язычники старого времени поклонялись дереву Ходоса; нельзя было не благоговеть, не преклоняться пред этим сокровищем природы: на язычника оно не могло не производить решительного впечатления.

А мы рубили и рубили эту драгоценность, жгли, испепеляли, уничтожали. Чего бы каждая из них стоила где-нибудь на равнине России?..

Наиболее жаль было красного дерева, которое росло у подошвы Даргин-Дука; оно называется на Кавказе «негноем», потому что не поддается гниению. Его, вероятно, уж теперь и встретить-то невозможно, так как оно присуще собственно глубине кавказской Черногории, где теперь, конечно, даже всякий старый чинарь в диковинку. Этому дереву никогда не знали

надлежащей цены, потому что оно – свое, не иноземное. Между тем, для мебели, для разных комнатных внутренних поделок оно гораздо благороднее и красивее заморского красного дерева: цвет его в отделке темно-розовый, и мне помнится, что кто-то такой – в Воздвиженской ли или в другом укреплении – имел сруб одной комнаты из этого дерева, внутри не штукатуренной. Хотя этот сруб был сделан топором, и внутренняя стена не вылакирована,– но, не смотря на это, комната заслуживала внимания как редкость.

И этот «негной» вместе с чинаром и валился, и ложился в глубокий снег под неумолимыми и несмолкаемыми ударами американских топоров. При других условиях подобное истребление можно было бы назвать варварством, вандализмом, но здесь, на Даргин-Дуке. в 1858-м году оно было делом необходимости.

Мало помалу, то там, то сям стали возникать среди леса небольшие поляны, усеянные лишь пнями, будто снятыми с плеч [439] человечьими головами. День и ночь весь Даргин-Дук был в дыму и в огне.

Воды не было, и лошадей кормить было нечем. Но первый недостаток восполнялся снегом, который массами лежал повсюду. Что же касается второго, то, усмотрев его тотчас по вступлении на Даргин-Дук, генерал Евдокимов на другой же день отправил обратно в Дачу-Барзой всю кавалерию, весь вьючный обоз и часть артиллерийских лошадей. При отряде оставлена была только упряжь для четырех горных оружий и сотня пеших милиционеров.

Взводу горных орудий легкой № 5-го батареи не выпало на долю отретироваться восвояси; мало того, он поднят был на самую крайнюю и высшую точку Даргин-Дука, которая для него, по возможности, была расчищена. Среди окружающей местности эта точка была то же самое, что скалистый мыс, выдававшийся над морем: слева и сзади было хорошо, потому что его ограничивали быстро склонявшиеся покатости Даргин-Дука, где с утра и до ночи копошились наши войска. С фронта было также не совсем дурно, так как местность была открытая: глубокий и безлесный, на версту или более протяжения, овраг, разделявший Даргин-Дук от одного из отрогов главного снегового хребта. Но зато справа местность была, не возбуждавшая к себе никакого доверия: с этой стороны мыс довольно круто обрывался в глубокий, темный, лесистый овраг, по которому можно было жаловать к нам в гости во всякую минуту, не быв никем замеченным – тем более, что здесь никакая цепь, по неудобству местности, не могла держаться, да и опасно было ее держать. Во все время пребывания на Даргин-Дуке орудия с этой стороны были предоставлены собственной защите, и это обстоятельство едва не обошлось нам очень дорого, другими словами: мы едва не потеряли здесь оба орудия.

Первые два дня мы стояли на Даргин-Дуке спокойно; только [440] изредка слышались выстрелы в цепях то в одной, то в другой стороне; решительного же горцы ничего не предпринимали, так что мы, почитай, начали отвыкать от постоянных тревог. Верно, в эти дни сам неприятель осматривался и приглядывался. Но на третий день. как видно, он присмотрелся: перестрелка в цепях не умолкала целый день и только к закату солнца приутихла. В цепи с нашей стороны было два или три раненых. Горцы отступили и замолкли только после нескольких картечных выстрелов.

Наступила ночь. На аванпосте были приняты меры предосторожности, так как понятно было, что неприятель, освоившись с нашим расположением, не должен был, по здравому выводу, оставить нас в покое.

Аванпост состоял собственно из двух горных орудий легкой № 5-го батареи – и больше ничего. Никакого редута, никакой засеки вокруг не было. Лошадей при орудиях не было, они были отправлены 1-го марта в Дачу-Барзой. Орудийная прислуга помещалась в одной палатке, которая была разбита в десяти шагах от орудий. На мысе нельзя было поставить более какую-нибудь другую, хотя маленькую, часть войска. На покатости мыса, с тыла и влево, были расположены вразброд батальоны пехоты. Днем орудия оставались сами по себе, а ночью – являлась в прикрытие очередная дежурная рота, назначаемая по приказаниям начальника колонны. Костры пылали целый день. С наступлением же ночи среди леса они представляли собою и в связи со всем, их окружавшим – с палатками, складами зарядных ящиков, с толпою солдат – какую-то фантасмагорию, будто фокусник, желающий повлиять на воображение зрителей, воспроизвел всю эту картину своим магическим жезлом.

Из двух горных орудий, находившихся на аванпосте, одно было направлено вправо, в лесистый овраг, другое – прямо в открытый овраг, отделявший нас от снегового хребта. С наступлением [441] ночи в дуло каждого из орудий вкладывался картечный заряд, и возле стоял неугасимый пальник; сума с двумя запасными картечными зарядами и сумка со скорострельными трубками передавались с рук на руки от часового к часовому.

Взвод был боевой, обстрелянный, не выходивший круглый год из-под огня неприятеля; круговая порука – была главным основанием взаимного самосохранения. Кто бы ни стоял на часах: Иван или Карп – остальные спали спокойно, вполне уверенные, что Иван или Крап одним банником встретит целую толпу горцев, костьми ляжет, но не двинется с места, пока в нем будет капля теплой крови, или пока товарищ не подскочит на выручку.

При этом последнем условии, естественно, попытки неприятеля привести в смущение артиллерию, бывшую на аванпосте, не могли ни коим образом увенчаться успехом, как там себе ни хлопочи.

В ночь с 3-го на 4-е марта, лишь только темнота окутала собою Даргин-Дук с его окрестностями, и костры запылали ярче и светлее, лишь только большая часть отряда после скудного солдатского ужина, завернувшись в изодранные плащи, расположилась у огней – там и сям начали раздаваться неприятельские выстрелы. Пули свистели, но никто не обращал на них внимания, никто даже не отвечал на эти выстрелы.

Но вот, пальба становится все чаще и чаще; приходится принять меры, потому что выстрелы направлены на наши костры, возле которых рисуются силуэты солдат, беседующих про Бову-королевича или разыгрывающих Фильку.

Отдано приказание – потушить костры и стать в ружье.

Люди на ногах,– и в таком положении прошла ночь до рассвета. А с рассветом барабан вызвал их на рубку леса.

И снова полетели чинары; прогалина за прогалиной, все [442] шире и шире стала образовываться по направлению к подошве Даргин-Дука.

Генерал Евдокимов задался мыслью – прорубить просеку на полный орудийный выстрел, т. е. где возможно, даже на пятьсот сажень в ширину, и он назойливо преследовал эту мысль; он таки осуществил ее вполне.

С 4-го на 5-е и с 5-го на 6-е марта повторилась предыдущая ночь: пальба вокруг – и отряд под ружьем; костры везде потушены: холодно, томительно, скверно, – а делать нечего. Лишь изредка цепи перебрасывались с неприятелем выстрелами в тех местах, где по ружейным огням присутствие его можно было угадать безошибочно.

Но, видно, и горцы или утомились, или признали бесполезным излишнюю трату своих патронов: несколько следующих дней отряд спокойно сидел ночью у костров, спокойно спал и бодро – конечно, по возможности – вставал с зарею на работу.

Провиант приходил к концу, нужно было освежить его.

Ночью, 8-го марта, отдано было приказание батальону куринского полка, под начальством майора Эрнрота, отправиться в Дачу-Барзой за съестными припасами.

Майор Эрнрот, офицер генерального штаба, который предпочел боевое поприще поприщу штабному, т. е. письменному, был командир стрелкового батальона и инструктор куринского полка, человек весьма молодой, только что, можно сказать, начинавший свою карьеру и сразу не отгаданный. Это была личность храбрая, разумная – друг в бою и отличный товарищ в беседах. Несколько лет назад он был помощником начальника дивизии, а теперь, пожалуй, уж и начальник дивизии.

Генерал Евдокимов, всегда предусмотрительный, знал, кому поручить колонну, следовавшую в Дачу-Барзой за провиантом и маркитанскими запасами. Как в выборе и назначении будущего [443] графа не ошиблось высшее начальство, так точно Николай Иванович не ошибался в выборе нужных для себя сподручников.

9-го марта, с рассветом, маленькая колонна майора Эрнрота спустилась с Даргин-Дука и потянулась к аргунскому ущелью.

Генерал Евдокимов провожал ее и наблюдал за нею. По его соображению, она не должна была миновать некоторых затруднений.

И действительно, лишь только она прошла Даргин-Дук, миновала ложбину, отделявшую его от той горы, которую мы назвали преддверием Даргин-Дука, и затем стала спускаться с этой горы в вашин-дарийский овраг, с противоположной стороны этого оврага показалась весьма солидная партия горцев – примерно человек в пятьсот – которая быстро стала занимать опушки и окраины леса. Эрнрот едва ли мог ее видеть, но Николай Иванович ее видел. Мало того, что он ее видел, он угадал, что она не намерена теперь помешать движению Эрнрота, но накинется на него тогда, когда он будет возвращаться из Дачу-Барзоя. А возвращаться он должен был завтра.

Так и случилось: майор Эрнрот прошел благополучно, без выстрела. По всему видно было, что эти горцы сперва имели в виду схватиться с колонной Эрнрота, воображая, что это какая-нибудь рота, и притом прикрывающая тяжести. Но когда увидели, что идет целый батальон, да налегках, да еще и при артиллерии, они, догадавшись, во-первых, в чем дело, а во-вторых, что пожива будет впереди – благоразумно уклонились от всякой перестрелки.

Но зато на следующий день они не намерены были упустить случай перерезать нам дорогу; с другой стороны, не намерен был и командующий войсками опростоволоситься первый раз в жизни. [444]

Рано утром, 10-го марта, командующий войсками послал навстречу майору Эрнроту батальон пехоты с двумя горными орудиями, под начальством полковника Папа-Федорова, которого снабдил обстоятельными наставлениями.

горцы, засевшие в овраге, не могли ни видеть встречной колонны, потому что сами скрывались в трущобах, так сказать, от света Божия – не то, что от людей – ни знать о движении к ним этой колонны, потому что это движение было устроено весьма секретно и поспешно. Они наблюдали только противную сторону, т. е. ту, откуда должен был показаться Эрнрот, который шел очень спокойно, ничем не задаваясь и ничего не предполагая. Нет сомнения, что он двигался медленно, потому что следовал с тяжестями и в гору, а Папа-Федоров целыми двумя часами опередил его приближение к оврагу, что и составляло суть всей этой задачи.

Прибыв к Вашин-Дари, начальник колонны тотчас охватил двумя ротами с двух сторон весь овраг, поставил в середине цепи под прикрытием третьей роты, а четвертой роте велел спуститься в глубину оврага, чтобы отрезать неприятелю отступление, и затем, не долго думая, открыл сильный картечный огонь по тем закоулкам оврага, где на основании указаний генерала Евдокимова гнездились отдельные толпы горцев. Последние, как видно, были сначала ошеломлены этою неожиданностью, так что некоторое время с их стороны не раздалось ни одного выстрела, но потом, придя в себя, загремели целыми залпами по артиллерии и по ее прикрытию. Обнаружив таким образом свое местонахождение, он дали возможность двум ротам, находившимся в цепи. вступить с ними в бой. В это время на противоположной стороне оврага показалась колонна майора Эрнрота. Тут только увидели горцы, что означал весь этот сон, Ждать было некогда и не для чего: толпами стали они выскакивать из своих гнезд, напутствуемые нашим беглым [445] орудийным огнем и принятые в штыки той ротою, которая едва только успела занять место в овраге. Везде, где только была какая-нибудь лазейка, она была спасительною тропою для оторопевших горцев. Бегство их было так усердно и поспешно, что они оставили в наших руках восемь тел, а это считалось у них вещью вполне непозволительной и противной по их закону и обычаям. Значит, поражение было очень чувствительным. Но, кажется, оно было бы полное, если бы полковник Папа-Федоров выждал бы открывать пальбу, дал возможность подойти майору Эрнроту к месту боя, а посланной им в овраг роте – хорошенько и прочно утвердиться, и этим способом охватил бы неприятеля со всех четырех сторон.

Так или иначе, но хорошо, что и это удалось. Не будь так предусмотрителен и распорядителен командующий войсками, то с Эрнротом повторилась бы вполне «сухарная» экспедиция 1845-го года.

Потеря горцев вообще в этом деле заключалась в тридцати убитых и раненых; у нас ранен один рядовой.

Урок, данный горцам 10-го марта, был так поучителен, что они примолкли на несколько дней, и даргин-дукский отряд в эти дни пользовался полным спокойствием.

Но это было небольшое затишье перед маленькой бурей – азиатская натура требовала мести.

15-го марта, с наступлением сумерек, на аванпост, в прикрытие орудий, прибыла рота пехоты, но от какой именно части – не помню. Солдаты поставили ружья в козлы и предварительно уселись возле артиллерийского костра погреться и побалагурить. Огонь трещал во весь карьер,

и солдаты то и дело подваливали к нему целые деревья, так как еще за несколько дней отдано было решительное приказание, чтобы как можно более сжигать нарубленный лес. Долго ли, коротко ли беседовали пехотинцы и артиллеристы – а стала одолевать дремота. И вот, [446] один за другим прикрытие начало уходить к орудиям, где, конечно, снега уж давно не существовало и было чисто и гладко, как на полу, и, завернувшись в плащи, прижавшись плотнее друг к другу, скоро погрузились в безмятежный сон, оставив бодрствовать за себя лишь одного своего часового. Начали понемногу уходить и артиллеристы в свою палатку. Бомбардир Серегин – солдат всегда суровый, но очень добросердечный – окутал с ног до головы своего племяша ***, у которого был дядькою, буркою, связал ему ноги фитилем, устроив таким образом из этой бурки род мешка, уложил его на плетенку, собственно для этой цели и для этого племяша устроенную, и сам вытянулся подле него во весь свой длинный и неуклюжий рост.

На первую смену, т. е. до полуночи, поставили на часы к орудиям бомбардира Бурцова. Это был красивый, молодой солдат, хорошо знающий службу, ловкий и расторопный, получивший впоследствии георгиевский крест – чуть ли даже не за эту памятную ночь.

Везде тихо и безмолвно; костры стали понемногу слабеть; прикрытие спало молодецким сном, и только навстречу друг другу прохаживались Бурцов и пехотинец: первый у орудий, второй у ружей.

Так прошло более часа, и, должно полагать, одиннадцатый был на исходе, потому что часовые уже зевали во весь рот. Изредка, как бы в виде развлечения, Бурцов подходил к зажженному и воткнутому в землю у орудий пальнику и отряхал с него нагар, потом опять прогуливался и вновь зевал.

Вдруг среди этой поистине исторической тишины с окраины известного уже нам правого лесистого оврага раздается выстрел, за ним тотчас другой, и тут же – залп сотни винтовок, сопровождаемый самым отчаянным гиком. Впечатление, под которым проснулось от этой неожиданности прикрытие, было до такой степени для него ужасное, что, не отдавая себе [447] отчета в том, где оно, что делает, что все это значит,– прикрытие это в полном его составе, бросив свои ружья, оставив на месте большую часть папах и плащей, полком, кубарем – словом, кто как попало – кинулось назад к месту расположения ближайшего батальона, находившегося внизу, саженях в тридцати или сорока. Часовой пехотного полка прирос к земле в том положении, в каком застал его залп неприятельских винтовок, и один только Бурцов выручил всех и дал возможность всем придти в себя.

Лишь только раздался с окраины оврага первый выстрел, Бурцов не стал ожидать второго. Бросив на землю свой тесак и схватив вместо него лежавший на орудии банник, он моментально догнал заряд в камору, протравил его, наложил трубку, нанес пальник,– и не успел еще прогичать последний татарский голос, как картечь засеяла собою все протяжение окраины оврага. В ту же минуту артиллеристы уже стояли у орудий один: без прикрытия, предоставленные защите и покровительству лишь божьих угодников. Возле Серегина тут же торчал и его племяш в одной лишь теплой куртке и, конечно, без бурки на ногах. Каким образом он вынырнул из нее – он никогда не мог дать себе в этом отчета. За первым орудийным выстрелом последовал второй, за вторым третий, и снова все смолкло. По всему отряду, сверху и донизу Даргин-Дука, пролетела команда:

– В ружье!

Отряд встал на ноги; прикрытие возвратилось на свое место и уж, не разыскивая папах и плащей, схватило свои ружья на руку и приготовилось встретить неприятеля.

Но надобность уже миновала.

В приказе по корпусу этот случай, перенесенный потом в послужные списки даргин-дукского отряда, назван нападением на редут, устроенный впереди лагеря. [448]

Здесь заслуга Бурцова является до такой степени важною, а стойкость и храбрость артиллеристов, бросившихся с голыми руками на защиту своих орудий в то время, когда прикрытие в паническом страхе бежало вон, до такой степени заслуживающими внимания и наводящими на многие воспоминания и размышления,– что было бы непростительно по поводу этого не сказать несколько слов в пользу старых кавказских артиллеристов.

От артиллериста – солдат ли он или офицер – не требуется в бою та храбрость, которой должны быть обусловлены действия воина всякого другого рода оружия. В то время, когда пехотинец или кавалерист обязаны выразить отвагу, молодечество, удаль, в то время, когда им позволительно выразить пыль, увлечение, доходящие иногда до ожесточения и самозабвения,– от артиллериста требуются: стойкость до смерти, присутствие духа, выражаемое в степени высшего хладнокровия, не допускающего никакого увлечения, находчивость и. кому надлежит, распорядительность.

Те и другие свойства – все свойства и оттенки одной и той же храбрости, но разные ее стороны. Что ни говорите, а гораздо легче быть храбрым пехотинцу или кавалеристу, чем артиллеристу: первые даже и самую трусость могут маскировать требуемыми от них в бою условиями храбрости; для последних же это невозможно, потому что нет трусости там, где есть или должно быть спокойствие, хладнокровие. Пехотинцу или кавалеристу часто приходится одним одушевляющим криком «ура!» заглушать, подавлять в себе чрезмерные биения сердца. Артиллерист же лишен и этого последнего удовольствия, потому что ему никогда не приходится кричать «ура!». Напротив, в то время, когда повсюду раздается этот крик, т. е. в минуты решительные, артиллерист должен быть еще более сосредоточен, еще более молчалив, так как в этот момент быстрота его выстрелов, его искусство в артиллерийском деле служат главнейшим содействием тем, кто идет по направлению боевого крика, а следовательно, [449] и главным подспорьем для решения битвы. Наконец, при всех внезапных неудачах – хоть, положим, при такой, как была на Даргин-Дуке – пехотинцу и кавалеристу есть возможность спастись от поражения, от смерти – попросту бежать; артиллерист же должен волей-неволей умирать на своем орудии, так как другого знамени, в котором бы заключалась вся его боевая честь, у него нет.

Вот разница между требованиями во время боя со стороны пехоты и кавалерии и со стороны артиллерии.

Кавказская артиллерия – с открытым лицом; и во всеуслышание должно сказать – вполне оправдала до дня покорения края то высокое значение, которое определено для нее военным искусством, и если кто-либо знает по памяти ее хоть одно пятнышко, которое бы, не скажу – затемняло, мешало ее славе,– пусть скажет и заявит.

Много славных, честных боевых дней насчитывает она за собою, и много ее золотых подвигов кануло в вечность без шума, без следа, тем более потому, что кавказские артиллеристы никогда не фигурировали, никогда не рисовались, нигде и никогда не восхваляли себя. Все их

подвиги, где они своею стойкостью, искусством и находчивостью спасали целые колонны, решали нередко исход битв, остались ведомы и памятны лишь тем из них, кто их разделял. Зачем далеко ходить за примерами! Обратимся к минувшей войне и вспомним Ивана Николаевича Броневского, у которого в решительную минуту (под Ингуром) при наступлении неприятеля ложится возле орудия вся прислуга, и он берет в руки пальник, наносит его… – вдруг пуля простреливает ему кисть руки – он перехватывает пальник в другую руку и дает картечный выстрел в упор неприятелю. Затем, где записан или занесен подвиг командира батареи Брискорна, который в сражении при Баш-Кадык-Ларе положительно решил исход битвы тем, что со своею батарейной батареей [450] сперва без всякого прикрытия, а потом уже под прикрытием саперов случайно здесь подвернувшихся с подполковником Кауфманом, влетел на гору, под которой проходил неприятель, и картечным огнем не только остановил его наступление, не только отбил от себя атаку башибузуков, но и вовсе расстроил неприятельскую колонну, лишив ее возможности продолжать движение.

Все эти дела и подвиги переходят у артиллеристов из уст в уста, а сама история или какая-нибудь хроника много ли об них сказала?

Войска всех остальных родов оружия как-то счастливее в этом случае: их больше, слух и говор об них шире и громче, на них везде и всегда обращалось в бою более внимания, состав их частей многозначительнее, и в самом этом составе всегда найдется кто-нибудь один, который передает бумаге или в печать заслуги своих товарищей. У артиллеристов это очень редко; они – исполнили свой долг и замолкли, тем и покончили. К главной заслуге кавказских артиллеристов прежнего боевого времени нужно отнести еще и то, что насколько же никогда не роптали и не жаловались на свою долю, которая в военное время, в особенности во время движений, была сравнительно хуже других. У остальных частей войск и стоянка всегда лучше и покосы лучше, артиллерии де по большей части доставался последний кусок, а иногда просто, так сказать, объедки. И сколько раз я это видел и в России, и на Кавказе!

Не одни артиллерийские офицеры или командиры частей, вроде Броневского и Брискорна, ждут и не дождутся своей истории; не один только Бурцов, дождавшийся, наконец, попасть в хронику, заявили себя случаями, вызывающими на серьезные размышления: таких случаев было тысячи, и что было бы, если бы собрать их воедино? Какая славная бы вышла эпопея! [451]

На уме у меня вертится один случай еще и такого рода:

Когда взят был в малой Чечне аул Урус-Мартан, его тотчас обнесли рвом, валом и устроили там передовой пункт. Ни днем, ни ночью за укрепление нельзя было выставить носа без опасения получить пулю в лоб, потому что тут же, под рукою, были леса, где каждую минуту сторожили нас горцы. Не те горцы, которые уже более или менее выродились ко дню окончательного завоевания Кавказа, а те, которыми в свое время гордился Шамиль, которые так долго были одушевлены своими удачами сороковых годов.

Вот однажды из Урус-Мартана отправилась в лес на рубку дров колонна в составе батальона куринцев и двух орудий легкой № 5-го батареи. Ничего себе рубка шла, как и обыкновенно, при перестрелке. Но эта перестрелка стала завязываться все сильнее и сильнее; пришлось употребить в дело орудия. На беду в одном из ящиков коренник был конь молодой, не совсем объезженный, и притом пугливый. По мере того, как учащались орудийные выстрелы, он все более и более артачился и, наконец, несмотря на все усилия ездового, рванулся и был таков.

Вся тройка, конечно, подхватила и вынесла ящик в сторону, по дороге к Мартану и полуоборотом к лесу, сажень на сто от орудий. До леса оставалось сажень двадцать. В эту минуту из опушки выскакивают во весь карьер человек десять чеченцев и бросаются наперерез к ящику. Участь ящика, казалось, была решена. Но ездовой нашелся: лишь только он заметил первых, отделившихся от леса чеченцев, мгновенно, что было силы, повернул коренника в пол-оборота, по направлению к Мартану,– и только видно было одно: как плеть его описала в воздухе две параболы. Затем столб пыли скрыл от глаз колонны и тройку с ямщиком, и десятерых чеченцев.

– Ну, конец ему! – мысленно проговорили артиллеристы. [452]

Но дело вышло иначе. Ездовой на этот раз не щадил свою любимую и любезную тройку, и плеть его бороздила спины и крупы лошадей так усердно, что вся тройка буквально стлалась по земле; морды же чеченских лошадей почти лежали на задке ящика; – нельзя же, пожива ведь богатая. Наконец, впереди – Урус-Мартан. Там, с вала, сквозь пыль успели кое-как рассмотреть всю эту историю и, догадываясь, что ящик наш – потому что у чеченцев его быть не могло – отворили ворота. Ездовой как циркулем вымерял отношения ящика к мостику, перекинутому у ворот через ров, и как молния взлетел на этот мост – и был спасен, а вместе с тем спас и самый ящик. Чеченцы так увлеклись, что едва остановили своих лошадей в десяти шагах от моста, повернули их и рассеялись. Конечно, вослед им не упустили послать с вала гранату, но она не принесла им никакого вреда.

Этот случай хорошо помнят старослужилые офицеры легкой № 5-го батареи, из которых один находится теперь в Тифлисе и командует видной артиллерийской частью.

Но на этот раз довольно о кавказской артиллерии былого времени. Если я ей решился теперь посвятить три-четыре страницы, то только потому, что в прежней моей статье (См I и II т. «Кавк. Сб.». Авт.) не упустил сказать должное и доброе слово и о кавказских войсках иного рода оружия.

К двадцатому марта рубка леса была окончена по всему протяжению Даргин-Дука и вплоть до вашин-дарийского оврага; просека была такая, что хоть целый полк иди развернутым фронтом.

Осторожность командующего войсками не ограничивалась этими [453] работами: нужно было уничтожить срубленный лес, чтобы он не послужил неприятелю материалом для постройки завалов, аулов и т. п. И вот, с 21-го числа началось всесожжение павших под топором солдата великанов. Это был генеральный пожар, не унимавшийся день и ночь в течение целой недели; на всем этом пространстве снега и в помине уже не было, а с ним вместе истощилась и вода; с трудом добывали ее солдаты в близлежащих к пожарищу местах.

Когда стремления и цели генерала Евдокимова по отношению к Даргин-Дуку были удовлетворены, он вытребовал из Дачу-Барзоя и из Воздвиженской артиллерийских и кавалерийских лошадей и возымел намерение – свое отступление с Даргин-Дука завершить разорение ближайших аулов, еще доселе не тронутых, по течению речки Вашин-Дара и реки Чанты-Аргуна.

29-го марта, вверив колонну из четырех батальонов пехоты и двух горных орудий командиру тенгинского полка полковнику Баженову, командующий войсками приказал ему разгромить и

уничтожить расположенные по течению указанных выше рек аулы Шари-Хатой и Вашин-Дарой.

Тут было последнее убежище местных жителей, и они вовсе не намерены были уступить его без боя.

Едва только колонна подошла к первому из этих аулов, как ее встретил беглый ружейный огонь нескольких сот винтовок. Обстреляв наскоро аул картечью и видя, что горцы не покидают саклей, которые их все-таки защищали от выстрелов, полковник Баженов приказал ударить наступление, и так как местность была относительно открытая, то один из батальонов в сомкнутом строе, беглым шагом кинулся в аул. Горцы оставили сакли, но, и оставляя их, пользовались каждым прикрытием, чтобы нанести нам хоть какой-нибудь вред. Наконец, сила сломила солому – аул очищен и запылал со всех сторон. [454] Та же участь, спустя несколько часов, постигла и аула Вашин-Дарой.

По разгромлении этих аулов, полковник Баженов более не вернулся на Даргин-Дук, а отвел свою колонну на пепелище Улус-Керты.

До 29-го марта во всех делах и перестрелках на Даргин-Дуке у нас вообще было 2 убитых, 11 раненых рядовых и 1 раненый милиционер. 29-го же марта выбыло из строя: 1 раненый офицер, 3 убитых и 9 раненых нижних чинов,– потеря весьма значительная в течение одних суток и при взятии лишь двух аулов. Из нее усматривается, что горцы в этот дрались решительно. Их потеря, к сожалению, осталась для нас неизвестною, да и мало кто заботился о ней.

Затем генерал Евдокимов начал постепенно спускать вниз и остальные войска. Мы предполагали, что в виду приближающейся Пасхи он нас распустит по домам, но он думал иначе.

31-го марта он отрядил три батальона пехоты, две сотни казаков и шесть орудий, под начальством полковника Рихтера, и отправил их прямо в малую Чечню, к р. Энгелику; сам же, между тем, взяв с собою четыре батальона, две сотни и два горных орудия, произвел рекогносцировку по течению Чанты-Аргуна.

По пути встретились ему два аула – Чишки. Усмотрев наступление самого начальника отряда, жители этих аулов разбежались в леса, оставив свои жилища и часть имущества на жертву пламени.

Оттуда генерал Евдокимов возвратился в Дачу-Барзой, который уже выглядел укреплением, обеспеченным необходимою обороною. По ту сторону Аргуна и оврага, который 16-го января был прегражден завалами, высился достраивавшийся тет-де-пон, а через овраг и через реку красовался мост. [455]

Таким образом, в два месяца, т. е. с 23-го января (день заложения на месте Дачу-Барзоя нынешнего Аргунского укрепления) и до 1-го апреля аргунское дефиле, так сказать, европейский вид; ничего азиатского более не оставалось.

Пока мы не знали, где Даргин-Дук, и что он такое – для нас вся местность по Шаро-Аргуну за десятки верст вперед была ничем иным, как неизвестным горным пространством, усеянным сверху донизу вековыми лесами. Но теперь, придя в Дачу-Барзой и оглянувшись назад, мы увидели, что это более не леса и не горы: обнаженный, в шесть тысяч футов высоты, великан

смотрел на нас уже не гордо, но печально, а на вершину его вела широкая проезжая дорога. Леса посторонились от нее на расстояние весьма почтенное.

Так засвидетельствовала себя русская мощь и сила; так заявили себя труд и работа русского солдата в течение времени, которое едва лишь достаточно для того, чтобы иной порядочной птице высидеть свои яйца.

V.

Последствия взятия аргунского ущелья. Наступление генерала Евдокимова в малую Чечню. Изъявление покорности и принятие русского подданства девяноста шестью аулами. Сожжение этих аулов и переселение жителей на Сунжу. появление Шамиля. Противодействие его целям. Мнение о покойном графе Евдокимове. Диспозиция войск для охранения левого крыла от вторжения Шамиля. Кавалерийский бой при Ачхое и торжество драгун. Неудавшиеся намерения Шамиля. Зачатки благоденствия переселенцев.

Николай Иванович Евдокимов вовсе не забыл о том, что наступает светлый праздник, и что не мешало бы дать Христову [456] народу возможность несколько поотдохнуть да провести эти дни как следует. Может быть, он даже и хотел это сделать, но необходимость ковать железо, пока оно горячо, заставила его предпочесть боевые движения всякому отдыху и всякому празднику.

1-го апреля, лишь только он спустился с Даргин-Дука, тотчас же двинулся в малую Чечню, взяв собою десять с половиною батальонов пехоты, 3 сотни казаков, 2 сотни милиции и 6 орудий. Во вновь возведенном на развалинах Дачу-Барзоя укреплении он оставил всего один батальон навагинского полка, под командою майора Черепанова, а на Чанты-Аргун выставил четыре с половиной батальона пехоты, одну сотню казаков и 4 горных орудия, под начальством полковника Шатилова. Главное назначение последней колонны состояло в разработке дорог, устройстве моста и в охранении нового укрепления от всяких покушений наиба Батока, который при угрожающем положении относительно его такой солидной колонны волей-неволей должен бы был сидеть на Чанты-Аргуне спокойно, не тревожа нас с этой стороны.

Горячее железо, о котором мы выше сказали, были не что иное, как какое-то движение в малой Чечне, которое лазутчики хотя и объясняли в нашу пользу, но пока еще никаких доказательств тому не представили. Сердце же генерала Евдокимова чувствовало, что каково бы ни было это движение, но если он им сумеет вовремя воспользоваться в свою сторону и предупредить всякие поползновения Шамиля на жителей малой Чечни, то, естественно, в накладе не будет. Он знал, что аргунская экспедиция не может и не должна остаться без последствий.

Выше было замечено, что взятие аргунского ущелья отрезывало всякие сношения и сообщения жителей малой Чечни с горцами, населяющими нагорную Чечню. Первые из них в этом убедились тотчас же и предвидели заранее свою участь. Благоразумие требовало или бежать к Шамилю, или сдаться; но так как перовое условие было положительно невозможно, потому что [457] нужно было пробираться чрез завоеванные нами земли, натыкаясь постоянно на наши укрепления в малой и большой Чечне, то приходилось избрать второе. В этом и состояло движение горцев, о котором вскользь, поверхностно получил первоначальные сведения командующий войсками. Понятно, что тут было не до светлого праздника.

Не успел начальник отряда прибыть к Энгелику. как один за другим девяносто шесть аулов, с населением до 15-ти тысяч, предъявили ему свое желание принять наше подданство. В этом-то и состояли главнейшие последствия взятия аргунского ущелья: ни десятки лет и ни один период кавказской войны не приводили к таким блестящим результатам, к каким привели семьдесят пять дней аргунского похода. Тут не только владычество Шамиля было окончательно подорвано, но и поколебался с этой минуты весь северный Кавказ; участь его была предрешена.

Все дело произошло следующим образом:

Когда генерал Евдокимов явился 1-го апреля на Энгелик, он уже застал там колонну полковника Рихтера, прибывшую накануне. В тот же день, прежде всех других, явились к нему депутаты от гойтинского общества, соприкасающегося с Энгеликом и занимающего отсюда все пространство реки до Урус-Мартана. Выслушав их красноречивую и льстивую исповедь о том, что русские для них – чуть не первейшие благодетели, а Шамиль со всем своим причетом – дрянь, яман, и что они готовы хоть сию минуту пасть перед нами на колена, лишь бы только охранить и оградить их при переселении, куда указано будет, от шамилевых партий, могущих препятствовать их искренним и честным намерениям,– генерал Евдокимов сказал им два-три комплимента, подходящих к случаю, обещал оказать им всякое содействие и велел угостить «почтеннейших» на славу. Всех депутатов тотчас же спровадили в [458] милиционный лагерь, и началось ликование – благо, что пророк Магомет здесь не присутствовал.

Накормленные по горло и полупьяные депутаты, в восторге от приема, разошлись в свои ближайшие аулы.

Шамиль еще не знал о коварном намерении своих подданных, но до Батока слухи долетели как бы по телеграфу,– и не успели депутаты закончить свой раут, как уж он пробирался горами к вероломным изменникам, чтобы остановить и наказать их, и к полуночи сидел уже у гойтинцев почти на шее. Жители об этом немедля сообщили генералу Евдокимову, и он тотчас же, еще до рассвета, поставил на ноги шесть батальонов пехоты, четыре орудия, две сотни казаков и двинул их в лес, к верховьям Энгелика, навстречу Батока, зная очень хорошо, что это движение чрез аулы, изъявившие готовность покориться, не могло быть для него опасным.

Батока, конечно, благоразумно посторонился, и наши войска, таким образом, прикрыли гойтинское общество, как диадема любую голову.

И началось переселение кавказских «гуннов»: заскрипели по разным направлениям десятки арб, закудахтали куры, заблеяли бараны и овцы, завизжали дети. Целый день прибывали арбы в лагерь – и образовался новый отряд. Содом был невероятный. Батока в это время думал как-нибудь перехватить хоть один транспорт, но лишь только намеревался прорваться – везде натыкался то на артиллерию, то на пехоту, то на казаков. Усмотрев, что на этот раз должен покориться необходимости, он проклял гойтинцев со всеми их чадами и домочадцами и, ретировавшись подальше, на высоты гор, засел там со всеми своими воинами – и то лишь на всякий случай – в раздумье молчаливом.

На следующий день примеру гойтинцев последовало и гехинское [459] общество. Повторилась та же история, которая едва окончилась в течение трех дней.

Командующий войсками, конечно, не задерживал долго в лагере всех этих наших новых подданных и приказал, чтобы по прибытии каждого транспорта он был на другой день

эскортируем на Сунжу, где переселенцам тотчас отводились места в виду станиц, а также и между станицами, расположенными по этой реке.

Чуть только жители оставляли свои родные аулы, усердные солдатики тотчас зажигали их в двадцати местах, и едва наши «гунны» достигали лагеря – от их жилищ оставался только дым и пепел.

Батока все это видел, но горю помочь не мог.

Когда гойтинское и гехинское общества были снесены с лица земли и с географической карты, Николай Иванович, убежденный, что пример вообще заразителен, подвинулся 8-го апреля на Рошню. Тут уж места были большей частью поистине недоступные, в особенности между верховьями рр. Теньги и Гехи. Но это не помешало произвести диверсию подобную предыдущей: оставив малую часть войск в лагере, генерал двинул большую часть их них в горы и занял господствующие позиции. Снова потянулись в нашу сторону десятки и сотни арб со всем своим скарбом, и снова задымились и запылали аулы и хутора, считавшиеся еще накануне неприятельскими.

Таким образом, до 15-го апреля включительно, командующий войсками блуждал со своим отрядом по всем окрестным трущобам и, сказать попросту, выкуривал оттуда население малой Чечни.

Батока вознегодовал и отправился восвояси.

Увидев, что тут делать более нечего, генерал Евдокимов, оставив одну колонну на распутье движения переселенцев, сам [460] с остальными войсками спустился на плоскость и 16-го апреля расположился на Валерике.

Потеря наша при перестрелках, происходивших во время переселения горцев с шатоевским наибом, заключалась в двух убитых и девяти раненых нижних чинах.

При этих всех обстоятельствах и в большую Чечню стали закрадываться преступные, по мнению Шамиля, идеи. Было над чем бедному имаму поломать свою седую голову. Убедившись теперь окончательно, что его детище – Кази-Магома – никуда не годен и ни на что не способен, он отозвал его с театра военных действий в Дарго-Ведено под крыло трех маменек, а сам явился в большой Чечне, предваряя, проповедую, угрожая. Жители этой плоскости и на этот раз его послушались: стеклись под его знамя в числе двух тысяч человек и расположились в лесах между крепостью Воздвиженской и укреплением Шали. Узнав об этом, и генерал Евдокимов передвинулся опять на Аргун, оставив на Гехе часть своего отряда для того, чтобы никто не обеспокоил движения переселенцев.

Цель Шамиля была – не только угрожать нам своею особою и своими скопищами, не только стараться возвратить переселенцев в нагорные места малой Чечни, но и достойно наказать их за вероломство и измену. Но генерал Евдокимов зорко следил за всеми его действиями и, забыв о всяком отдохновении, оставляя без внимания все тяжелое положение в полном смысле слова оборванного и истрепавшегося отряда, расположил войска по обеим сторонам Аргуна таким образом, что какое бы движение Шамиль не предпринял – оно делалось ему тотчас известным и тотчас же было предупреждаемо. Тут уж была не война, но игра – и почти что игра на уловки, где одолеть и осилить должен был тот, у кого больше ума,

предусмотрительности и осторожности. А последнего качества, в особенности, генералу Евдокимову не занимать стать. [461]

О покойном графе солдаты говорили, что это – генерал «не задорный, но кремень». В этих двух выражениях действительно заключалось все, что можно сказать о главных качествах и особенностях Николая Ивановича. Он употреблял все ухищрения, чтобы обойти драку: отвлекал неприятеля, обманывал его ложными диверсиями, надувал распространяемыми им самим ложными же слухами,– словом, вводил в дело те уловки, которые иной так называемый бонтонный генерал всегда бы признал несколько унижающими его генеральское достоинство. Покойный же Евдокимов не считал унижениями и отвергал личные достоинства там, где дело шло, во-первых, о пользе государства; во-вторых, о спасении жизни десятков и сотен людей и, в-третьих, где того и другого, в войне с народом исключительным, нельзя достигнуть иначе, как жертвуя нередко не только генеральской бонтонностью, но даже, пожалуй, и личным достоинством.

Оттого-то при многих недостатках свойственных человеку, не воспользовавшемуся высшими идеями века, заслуги Евдокимова, как воина, как руководителя битв, были достойно оценены и вполне достойно награждены.

При своей военной сноровке, которая далась ему на Кавказе вследствие долгой и личной опытности и менее всего вследствие какого-либо подражания, потому что Евдокимов был сам представителем и родоначальником особой школы – он действительно был генерал не задорный: бывало, сколько можно и кого можно – Шамиля или его наиба – надует и двигается потихоньку вперед, принимая бой лишь там, где его избежать невозможно, где уж «некуда податься», по кавказскому выражению. Сразился – и сел на этом месте, потому что оно ему было нужно; но, раз усевшись, утверждался уже так прочно, что четыре Шамиля с двадцатью четырьмя Кази-Магомами не сдвинули бы его одной ноги с занятой позиции. [462]

Так он себе и подвигался все вперед и вперед.

Еще одно важное качество покойного генерала заключалось в том, что он одного шага не делал без цели. Так у него было всегда и в житейском быту. Вообще практичность сквозила везде и во всем.

Оттого-то и аргунскоео ущелье взято, оттого-то и северный Кавказ покорен.

Итак, генерал Евдокимов играл с Шамилем на уловки или, еще вернее, в кошки-мышки – уподобление вполне безупречное. По мере того, как имам хотел прорваться в одном пункте, Николай Иванович тотчас опускал цепь и загораживал ему дорогу; по мере того, как Шамиль сторонился от какой-нибудь, по его мнению, западни – генерал поднимал цепь, приглашая его в круг. Наконец, когда он увидел, что «почтеннейший» возымел намерение попросту прорвать эту цепь там, где ему нужнее и удобнее, командующий войсками тотчас принял меры, загородив ему все выходы в этот круг. Для чего расположил войска следующим образом:

1) два батальона, одну роту стрелков, два дивизиона драгун, две сотни казаков и шесть орудий, под командою полковника Алтухова, близ ст. Ассинской – чтобы преградить неприятелю доступ частью в малую Чечню и вообще на сунженскую линию;

2) три батальона, одну роту стрелков и четыре орудия, под командой полковника Кауфмана, на высоте горы Сейвидук, на границе галашевского общества – чтобы охранить Владикавказ и частью военно-грузинскую дорогу;

3) семь сотен казаков, одну сотню милиции и четыре конных орудия, под командою полковника Шостака, на Камбилеевке – чтобы преградить горцам доступ в Осетию и а Назрановский округ;

4) один батальон и два горных орудия, под командою полковника [463] Баженова, в Тарской долине – для освежения просеки к Владикавказу и частью для охранения его;

5) два батальона, четыре сотни казаков и шесть орудий, под командою подполковника Беллика, в Урус-Мартане – ауле хотя и мирном, но разбойничьем и неблагонадежном, способном прежде всех других поддаться влиянию Шамиля. Помня этот аул хорошо, я не ошибусь, должно быть, считая в нем не менее 400-500 дымов. На плоскости малой Чечни он составлял более или менее серединный пункт столько же по отношению ко вновь водворенным в то время на Сунже аулам, сколько и по отношению к другим покорным нам аулам на плоскости малой Чечни.

Таким образом имаму были заперты все главные горные выходы, хотя, конечно, некоторые лазейки все-таки оставались. И вот, по одной из этих лазеек он решился выдвинуться на плоскость между рр. Ачхоем м Нетхоем, овладеть ачхоевским аулом и оттуда, взяв в свои руки общества галашевское и галгаевское, действовать на малую Чечню.

План очень хороший, но, к сожалению имама, он ему не удался, потому что полковник Алтухов, предугадывая при помощи лазутчиков его намерения, 8-го июня перешел от ст. Ассинской на р. Нетхой, чтобы ближе следить за его движениями и защитить покорные нам аулы. Должно полагать, что Шамиль не знал об этом движении полковника Алтухова, так как не останавливался в своем намерении, и на следующий же день вышел со своим громадным скопищем, тысячи в три человек, из лесных трущоб и потянулся у подножия черных гор по предвзятому направлению. Полковник Алтухов, оставив при себе пехоту, четыре орудия и две сотни казаков, последовал быстро по пятам Шамиля, держась в стороне настолько, чтобы скрыть свое движение, а полковнику Никорице поручил с двумя дивизионами драгун и двумя конными орудиями, опять-таки стороною, [464] обогнать Шамиля и встретить его, где будет удобнее.

Этот день был днем праздника и торжества драгун, так как им пришлось выйти полными победителями из такого кавалерийского дела, из такого неравного и опасного боя, каких немного было на Кавказе.

Драгуны и артиллерия поскакали на рысях. Приближаясь, сообразно местности, постепенно к подножию гор, полковник Никорица поравнялся с Ачхоем и тут лицом к лицу встретился с массой горцев, численность которых даже не предугадывал. Пока драгуны стянулись и выстроились в колонны, он успел сделать по неприятелю несколько картечных выстрелов. Но это его не поколебало, во-первых, потому, что с ним был уже не Кази-Магома, а во-вторых, потому что Шамиль вполне рассчитывал раздавить драгун. Не ожидая, пока свершатся его расчеты, полковник Никорица бросился в атаку и врезался, так сказать, в самое сердце неприятельского отряда. Горцы стойко выдержали этот удар и как железным кольцом охватили драгун со всех сторон. Кавалерия наша была буквально поглощена неприятельским

скопищем. Боевые клики прекратились, выстрелов более не было, и только со всех сторон раздавался стук и звон сабель. Было два момента, когда драгуны подались назад, потому что масса напирала, но, мгновенно оправляясь, они в свою очередь снова ломали неприятельские ряды, прорывали передние из них и углублялись в самую середину шамилевского отряда. Тут они вырвали у горцев два значка, которые, между прочим, остались трофеями их победы.

Рукопашный бой длился далеко более получаса. И хотя неприятель был видимо расстроен, но до окончательной победы было еще далеко, тем более что при значительном превосходстве горцев у них еще была часть сил вполне свежих, почти не [465] тронутых, тогда как руки драгун заметно уставали и силам их была же, наконец, граница.

Но в эту минуту показался полковник Алтухов с пехотой и четырьмя полевыми орудиями. Еще издали с громким «ура!» пехота бегом пустилась не неприятеля. Последний стал пятиться к лесу, скрываясь в опушке. Тогда драгуны уступили честь и место своим собратам: стрелки тотчас рассыпались вправо и влево, орудия заняли фланги, а роты бросились вперед, к опушке. Горцы встретили их градом выстрелов, но это не помогло: пехота, не стесняясь, тысячью руль прорвала опушку и села не шее у неприятеля; артиллерия громила, где могла.

Через пять минут дело было кончено: горцы в беспорядке бежали за Нетхой и скрылись в трущобах черных гор. Выстрелы стихли; на поле битвы валялось до пятидесяти неприятельских трупов; число раненых и мертвых тел, унесенных с поля, превышало это количество, как оказалось впоследствии, почти вдовое. Солдаты, опершись на ружья, вытирали ладонями крупный пот, катившийся с их лица. Драгуны, спешившись, оправляли лошадей и сбрую. Издали, вне выстрела, некоторые жители ближайших аулов смотрели на эту картину удивленными глазами: так все это совершилось быстро и неожиданно.

В этом молодецком деле у нас ранено два офицера и двадцать восемь нижних чинов; убито на месте трое рядовых.

Уже вечерело. Драгуны бережно приняли своих убитых и раненых товарищей и отступили пока к аулу.

Казалось бы, что после такого урока Шамилю следовало уняться. Но старик был упрям, и притом он хорошо знал характер горцев, во имя которого следовало действовать немедля – под влиянием ли победы или неудачи. Считая себя, как добрый римлянин, «разбитым, но не побежденным», он на следующий день вторгся в галашевское общество и неожиданно занял [466] Мужич и Алкун – два аула, готовые всегда, подобно Урус-Мартану, принять его прежде других.

К чести старого воина нужно сознаться, что он на этот раз предупредил и обманул генерала Евдокимова, который никоим образом не мог ожидать от него такого решительного шага.

Но зато на этом и кончилась удача имама, потому что была приостановлена столько же своевременною распорядительностью командующего войсками, сколько и вообще не благоприятствовавшими старику обстоятельствами.

Лишь только Николай Иванович узнал о новой дерзости своего противника, как тотчас приказал полковнику Алтухову соединиться с отрядом полковника Кауфмана, а новую колонну, под командою полковника Черткова, послал занять станицу Нестеровскую, усилив эти войска возможно большим числом милиции и двумя сотнями горского казачьего полка.

В два дня все распоряжения были приведены в исполнение, и войска, стоя на назначенных им местах, ожидали случая дать новый отпор и урок неприязненным скопищам.

Шамиль знал обо всех этих движениях, но, не попытав счастья, не решился оставить занятые им аулы. А чтобы попытать это счастье, он положился на наиба Батока, которому вверил большую часть своих скопищ с придачей, в помощь, родного сына. Батока двинулся к аки-юртовскому ущелью и засел в лесах у аула Наглиева. Всю ночь он провел в лесу, производя разведки и рекогносцировки. К утру он убедился, что всякое стремление прорваться на плоскость или к Сунже, или вообще состязаться с нашими войсками, было бы не только для него бесполезно, но даже гибельно. Предпочитая не ронять своих заслуг в глазах Шамиля наивернейшим поражением, наиб возвратился к нему с понурой головой, не выпустив ни одного заряда. [467]

Шамиль же, сидя в Алкуне, не оставался тем временем праздным: он выбрал из среды мюридов десятка два наиболее дельных, преданных и благонадежных и отправил их в разные места Осетии – склонить на свою сторону население всякими мерами, увещаниями и обещаниями. Мюриды действовали добросовестно, но осетины не видели никакой выгоды входить в сношения с Шамилем, и поэтому все усилия миссионеров остались без всякого успеха. Они возвратились к имаму с тем же, с чем возвратился и Батока.

Шамиль еще раз убедился, что звезда его меркнет; он распустил свои скопища по домам, и сам в сопровождении детища и небольшой свиты ретировался восвояси.

Насколько все эти обстоятельства подготовляли падение Шамиля в его собственной среде, настолько же они притягивали к нам взоры и желания непокорного населения.

С отступлением имама вся малая Чечня вздохнула свободно, в особенности переселенцы, которые пуще всего боялись кары своего бывшего владыки. Новые аулы быстро начали отстраиваться и укрепляться. Поля засеялись, и затем, скоро обильные всходы дали почувствовать нашим новым подданным, что под владычеством и покровительством русских живется и лучше, и уютнее, и безбеднее. Следовало ожидать – хотя и под большим сомнением – что бывшие разбойники и авантюристы станут со временем похожими на людей. [468]

VI.

Соображения и маневры генерала Евдокимова. Начало летней экспедиции. Движение внутрь гор. Бой при урочище Яраш-Марды. Отважная переправа через Аргун под пулями неприятельских винтовок и взятие аула Соси-Ирзау. Рубка леса и открытие просеки пока без надобности, но с намерением. Незапамятный бой при взятии мескендукских высот.

Крепость Воздвиженская построена чрезвычайно выгодно. До покорения северного Кавказа она представляла собою наилучший базис для действий отряда почти во все стороны большой и малой Чечни и в то же время служила опорным пунктом всех наших движений, так что в случае надобности к этому месту всегда удобно было относиться за удовлетворением всяких требований действующего отряда.

Когда генерал Евдокимов вполне убедился, что Шамиль отказался от всяких замыслов на покорное нам население Осетии и малой Чечни, он незаметно стал стягивать отдельные колонны в крепость Воздвиженскую, чтобы приступить к новым действиям, без которых взятие аргунского ущелья не имело бы полного смысла, законченной идеи, и именно:

врезаться в сердце гор и там утвердиться. При этом выяснилась и цель завоевания – ружьем и топором – высот Даргин-Дука: эта гора, открывавшая нам доступ и служившая прямою дорогою к жилищу Шамиля, должна была служить пунктом, отвлекающим от нас силы имама, а следовательно, и привлекающим его исключительное внимание. Опасаясь за это проход, Шамиль, естественно, должен был сберегать его целою массою своих воинов и в то же время облегчить нам движение к покорению низменностей [469] между верховьями Терека и Аргуна, т. е. к осуществлению заветной мечты командующего войсками.

Генерал Евдокимов, идя к ней настойчиво и желая показать Шамилю, что завоевание Даргин-Дука сделано им собственно для того, чтобы открыть себе путь в его штаб-квартиру, отозвал часть войск из разрозненных колонн и вверил их начальнику штаба левого крыла – полковнику Зотову. Под команду Зотова на этот раз выступили: 2-й батальон навагинского полка; 2-й, 40й и 5-й батальоны куринского полка; 1-й и 2-й батальоны белостокского полка; рота 2-го кавказского саперного батальона; две стрелковые роты линейных №№ 9-го и 10-го батальонов, 4-е горных орудия легкой № 5-го батареи 20-й артиллерийской бригады и сотня милиции. Но командующий войсками именно только показать желал неприятелю, что он особенно дорожить дорогою через Даргин-Дука, которую для этого и разработал. В сущности же, во-первых, он ее подготовил столько же на случай встречных движений с той стороны снегового хребта, сколько и для обеспечения себя на тот раз, если бы отсюда действовал сам неприятель; во-вторых, он занял эту гору и привел е в порядок или, лучше сказать, произвел на ней беспорядок для того, чтобы быть совершенно покойным с этой стороны во время своих движений и действий вверх по течению Чанты-Аргуна.

Но, все же, желая дать понять Шамилю, что заветный для него Даргин-Дук так же дорого и для нас, генерал Евдокимов приказал полковнику Зотову произвести ложные диверсии по направлению к горе и ознакомить имама с нашими силами, в которых он должен был, по мнению генерала, видеть отряд независимый от колонн, расположенных в разных пунктах малой Чечни, так как, что и выше было замечено, эти колонны были отозваны под начальство Зотова совершенно неведомым и незаметным для Шамиля способом. Полковник Зотов, следуя [470] указаниям генерала, предпринял к Даргин-Дуку, 28-го и 29-го июня, обширные рекогносцировки. Шамиль, предполагая, что все наши действия пойдут в эту сторону, быстро стал устаивать здесь завалы так, что они возникали часами, и сосредоточил на границе чабурловского общества партию – тысяч до трех человек, под начальством наибов Лабазана и Дубы. Этого только и нужно было командующему войсками; он знал, что имам, раз устроив здесь свою оборонительную линию, не бросит ее легко, а тем временем нам возможно будет свернуть из Дачу-Барзоя вправо, вверх по Чанты-Аргуну, и отвоевать у неприятеля лесистый, непрерывный горный кряж, огибающий кольцеобразно долины между истоками Терека и Аргуна. Условия войны и цели покорения края не допускали возможности о том, чтобы оставить эти долины в стороне. Они были столько же кормилицами многолюдного населения, еще не видевшего нас в этих местах, сколько и представляли для нас опасность с тыла, если бы мы продолжали наше движение исключительно по направлению Даргин-Дука. Словом, занятие Даргин-Дука служило для нас столько же пособием к завоеванию местности между верховьями указанных двух рек, сколько самая эта местность, будучи однажды отнята у неприятеля, должна была служить преддверием и обеспечением окончательного покорения нагорной Чечни – главного приюта Шамиля. Сам по себе и не в связи с этой местностью Даргин-Дук был только относительно важен, а здесь, при этом условии, он представлялся абсолютно важным.

Когда Николай Иванович убедился, что ложными диверсиями полковника Хотова он еще раз надул своего противника и что возвращение скопищ Шамиля на плоскость малой Чечни представляется почти немыслимым, он приказал стягиваться оттуда к крепости Воздвиженской и остальным колоннам. Таким образом, к 30-му июня постепенно подошли к назначенному пункту: 4-й батальон и 2-я стрелковая рота тенгинского полка; 1-й и 5-й [471] батальоны навагинского полка; 1-й батальон виленского полка; три роты 20-го стрелкового батальона; горные взводы батарей 20-й артиллерийской бригады: батарейной, легкой № 4-го и горной; сотня моздокского, сотня 2-го сунженского и две сотни кизлярского казачьих полков. Независимо от этих войск в Воздвиженской были подготовлены две мортиры и еще две сотни кавалерии.

От Дачу-Барзоя, по направлению, которое имел в виду предпринять командующий войсками, тянется долина или, лучше сказать, ложбина вверх по Чанты-Аргуну и замыкается аулом Соси-Ирзау. Все это пространство покрыто густым лесом. У Соси-Ирзау, вверх по реке, начинается теснина, в которой бьется и клокочет Чанты-Аргун, и две дороги: одна – по ущелью, другая – с левого берега реки прямо на лесистую гору и потом – через нее на другую ее сторону. Конечно, что движение по ущелью было весьма опасное, поэтому начальник отряда предпочел лучше перевалиться через гору.

Генерал Евдокимов прибыл в Дачу-Барзой ровно в полночь, с 30-го июня на 1-е июля и тотчас приказал готовиться к выступлению.

Командование всею артиллерией отряда было вверено подполковнику Тверитинову.

Из состава артиллерии во вновь возведенном на стогнах Дачу-Барзоя Аргунском укреплении остались до времени: взвод легких орудий батарейной № 4-го батареи, 20-й артиллерийской бригады, под командою поручика Мамацаева; взвод орудий легкой № 7-го батареи, 18-й артиллерийской бригады, под командою поручика Попова, и взвод полупудовых мортир, под командою резервной батарейной батареи 20-й артиллерийской бригады подпоручика Белецкого.

Авангардною колонною, в составе 4-го и 5-го батальонов куринского полка и взвода горных орудий легкой № 5-го батареи [472] 20-й артиллерийской бригады, под командою штабс-капитана Кнорринга, начальствовал полковник Зотов. В хвосте этой колонны и в некотором расстоянии от нее, вне выстрелов, шел 2-й батальон куринского полка.

Колонна эта находилась по сию сторону укрепления Аргунского и выступила с места в два часа ночи; орудия следовали между батальонами (В описании здесь всех действий отряда с 1-го июля я исключительно руководился моими записками, сохранившимися у меня с 1858 года и составленными в то время, день за днем, на боевом поле; они напечатаны нигде не были. Кроме того, с 6-го июля, после взятия мескендукских высот, я имел возможность внести в эти записки все подробности действий отряда и все распоряжения по войскам из официальных источников, т. е. почти из палатки генерала Евдокимова, так как заступал место адъютанта начальника артиллерии действующих войск и по обязанности своей не должен был упускать никаких распоряжений. Авт.).

Одновременно с этою колонною снялся с позиции, у входа в аргунское ущелье, эшелон ее, в составе одного батальона виленского полка, двух батальонов белостокского полка и взвода

горных орудий легкой № 5-го батареи поручика Кулешова, под командою белостокского полка полковника Давыдова. Эшелон этот последовал за авангардной колонною.

В то же время из крепости Воздвиженской выступили еще два эшелона: первый, под командою полковника Баженова, в составе двух рот 20-го стрелкового батальона, пяти рот тенгинского полка (части эти составляли эшелон полковника Баженова только до 4-го июля) взвода горных орудий легкой № 6-го батареи, под командою прапорщика Щурского, и взвода орудий горной № 4-го батареи 20-й артиллерийской бригады, под командою прапорщика [473] Алексеева (Нельзя умолчать об одном странном обстоятельстве, с которым тесно связаны воспоминания о некоторых артиллерийских офицерах, действовавших в 1858-м году в чеченском отряде. Трое из них через непродолжительное время пали жертвами печально сложившихся для них условий жизни: подполковник Тверитинов застрелился, поручик Кулешов также застрелился, а Щурского застрелила чужая рука в одном знакомом доме. Авт.); второй, под начальством командира навагинского полка полковника фон Кауфмана, в составе 1-го и 5-го батальонов навагинского полка, двух рот кавказского линейного № 10-го батальона и взвода горных орудий батарейной № 4-го батареи 20-й артиллерийской бригады, под командою прапорщика Разуваева.

Колонна полковника Зотова, перейдя по мосту на правый берег Чанты-Аргуна и миновав Аргунское укрепление, к рассвету подошла к глубокому оврагу, по ту сторону которого находилось урочище Яраш-Марды. Накануне, перед наступлением ночи, в этих местах шел сильный дождь и до того размыл все тропы, что артиллерии не предстояло следовать иначе, как на спусках и лямках – и то при помощи рабочих от пехоты. Низойдя в эту балку, нужно было подниматься на крутую гору, по которой вились две тропы, глинистые и скользкие, представлявшие новое невероятное затруднение для подъема артиллерии. Лишь только колонна начала спускаться в овраг к Аргуну – ее встретили выстрелы. Тогда полковник Зотов приказал майору Эрнроту с тремя ротами куринцев идти по левой тропе и занять высоту, которая бы могла прикрыть движение колонны, а направо послал еще две роты, которые должны были занять другую высоту правого берега реки. Едва только майор Эрнрот занял указанную ему позицию, а полковник Зотов двинулся вниз, с обрыва правого [474] реки начался беглый неприятельский огонь. Три роты куринцев отвечали ему с занятой ими высоты и в десять минут заставили замолчать горцев, сбив их с позиции. Но когда в этом месте неприятель присмирел, а колонна спустилась на дно оврага, с противоположного левого берега реки последовали залпы за залпами. На этот раз они встречены были метким огнем наших двух рот, занимавших правый берег реки, и пока эти роты выдерживали обращенные ими на себя выстрелы неприятеля, колонна миновала овраг и стянулась на поляне, находившейся вслед за ним у подошвы горы Бин-Дука.

Неприятель ожидал нашего движения по левому берегу реки и нагромоздил на нем последовательно и параллельно друг другу до двадцати завалов, но теперь все эти завалы остались у нас позади. Чтобы окончательно парализовать их значение, предстояло занять левый берег Чанты-Аргуна. Это составляло задачу весьма трудную и опасную, потому что моста здесь никакого не было с одного берега на другой, а через реку были перекинуты только два бревна, составлявшие собою кладки для отважных пешеходов. Внизу под ними кипела и билась в теснине бешеная река, так что заглушала собою всякий говор. Но, несмотря на это затруднение, куринцы не остановились, когда им приказано было перебираться на левый берег, как умеют и как знают. Один по одному, под градом неприятельских выстрелов

четвертый батальон куринцев во главе со своим командиром, полковником Барабашом – ветераном незапамятного времени – стал перебегать на ту сторону реки и затем карабкаться на гору, в лицо неприятелю. Это была картина замечательная и дух захватывавшая даже у постороннего зрителя: два бревна, почти танцующие под вереницей солдат; внизу кипучая река, готовая ежеминутно поглотить этих смельчаков; отважные, но молчаливые и сосредоточенные, со сжатыми губами физиономии испачканных, загрязненных и оборванных воинов, балансирующих над пропастью; [475] навстречу им, почти в упор, ними неприятельских пуль,– что могло быть торжественнее и вместе с тем ужаснее этого момента, при котором, к несчастью, не присутствовал ни один из известных художников, способных во всей истине и правдивости передать его на полотно? Смотря на этих бесстрашных кавказских рыцарей, искавших под собою точки опоры, невольно приходилось закрывать глаза, чтобы не быть свидетелем какой-нибудь катастрофы. Оступись хоть один из них – и задний его товарищ, рассчитывавший свои шаги только по пятам переднего, исчез бы в пучине, наверное увлекая за собою десяток последующих героев. И если бы, не дай Бог, это случилось, то любопытно знать: остановились ли бы перед раскрытою пастью реки остальные воины? Едва ли. Четвертое июля показало, что эти герои не умеют останавливаться даже м перед большей невозможностью.

Левый берег был быстро занят, неприятель сбит оттуда, и куринцы, не задерживаясь ни минуты над обрывом, с криком «ура!» кинулись в аул Соси-Ирзау, находившийся тут же, выбили оттуда горцев и, счастливые исполнением своего долга, наконец, остановились, вытирая почти кровавый пот с лица и пену, накипевшую на губах от сильной борьбы чувств и утомления. Соображая этот замечательный подвиг славного четвертого куринского батальона, каждый человек, не чуждый предрассудков и поверий, сказал бы, положа руку на сердце, что эти воины продали свою душу черту.

Потеря наша в этот день состояла в легко раненом майоре Эрнроте, двух убитых и десяти раненых нижних чинах и в пяти убитых лошадях.

Артиллерии действовать не приходилось столько же потому, что местность не дозволяла, сколько и потому, что надобности в ней на этот раз не явилось.

Вслед за куринцами к Бин-Дуку прибыли и остальные эшелоны. [476]

На Бин-Дуке взводы штабс-капитана Кнорринга и поручика Кулешова соединились и вступили под начальство командира дивизиона, капитана Парчевского (ныне генерал-майор).

Генерал Евдокимов настиг авангардную колонну в то время, когда торжество ее был полное, и она уже спокойно отдыхала. Тотчас он распорядился укрепить занятый нами аул завалами, оставил в нем победителей и приказал немедленно приступить к постройке моста там, где лежали бревна. В двое суток мост вырос как из земли, и начались сообщения оторванного батальона с главными силами, от которых в пособие ему был послан один батальон белостокского полка. В течение этого же времени работали над рубкою и расчисткою окружающего леса, который валился снопами. Эта рубка вовсе не имела в виду упрочить за нами занятую позицию, которая, в сущности, была нам не нужна, потому что составляла на этот раз нашу проходную – и притом в иную сторону, как увидим ниже – дорогу. Она имела целью обмануть неприятеля относительно нашего настоящего направления. Лес, который мы рубили, тянулся по ущелью и вверх по течению реки, куда мы в этот раз и идти были не намерены. Но так как горцы, зная хорошо окружающую местность, находили, что мы не

можем пойти иначе, как по ущелью нижней дорогой, то они, укрепляя завалами тропу по берегу реки, зорко стерегли нас на этом пути. Не желая их не только разочаровывать в ожиданиях, но, имея в виду сколь возможно более усилить их заблуждение, генерал Евдокимов приказал открыть просеку вверх по ущелью. Когда неприятель, вследствие этого, окончательно убедился, что мы должны будем избрать для нашего дальнейшего наступления это, а не иное направление, он со своей стороны принялся навстречу нам загромождать лес завалами так усердно, что гул и грохот от падения деревьев под его топорами ясно был нами слышен издали. Сближаясь таким образом с неприятелем помимо всякой нужды, [477] войска работали второго июля при перестрелке, возобновлявшейся несколько раз. Потеря наша в этот день состояла в раненом офицере навагинского полка, прапорщике Ростомове, в одном убитом и одном раненом нижнем чине.

3-го июля хотя слабая перестрелка прирубке леса вновь повторилась, но без вреда для нас. Затем, когда колонна отступила в лагерь, горцы перед закатом солнца подобрались поближе к лагерю полковника Зотова и из опушки леса открыли по правому фасу лагеря довольно сильный ружейный огонь. Против них выдвинуты были два орудия поручика Кулешова. По мере того, как неприятель перебегал с места на место, чтобы избегнуть наших выстрелов, поручик Кулешов весьма удачно настигал и предупреждал его на всех пунктах, заставив в полчаса прекратить пальбу. Было выпущено из орудий тринадцать обыкновенных гранат: три – с дистанции 160 сажень, под углом в 13,5 линий по прицелу; три – с дистанции в 200 сажень, под углом в 17,5 линий; две – с дистанции 230 сажень, под углом в 21 линию, и пять – с дистанции в 300 сажень, под углом в 30 линий по прицелу.

На этой местности против нас действовал Батока с другим наибом Амзатом. В распоряжении их было лишь несколько сотен горцев, так как Шамиль в этом ущелье с одной стороны полагался на защиту и содействие самой природы, а с другой – не решался до четвертого июля спустить главные скопища, под предводительством Дубы и Лабазана, с высот Даргин-Дука, все еще уверенный, что генерал Евдокимов хитрит, отводит ему глаза ложными диверсиями и ни в каком случае не оставит горы, ведущей в его владения, над которой трудился – не даром же – целый месяц.

Но имам и на этот раз не угадал намерений нашего полководца. Последний, успокоившись тем, что окружавшие нас партии были невелики, решил не терять времени и скорее пробиться [478] вперед, к верховьям Чанты-Аргуна. Предпочтительно пред нижнею дорогою, о которой уже сказано, он избрал направление вперед прямо от аула Соси-Ирзау по левому берегу реки. Тут вовсе не было никакой дороги – сплошная гряда гор, с верху до низу покрытых, хотя не безусловно, густым, но зато вековым лесом – и больше ничего. От Соси-Ирзау непосредственно следует первая крутая гора, поднимаясь полувертикально семью уступами; она вся вздулась к верху, оставляя по бокам крутые овраги и в некоторых местах занимая в ширину не более двадцати сажень. От вершины ее начинается крутой спуск – отлогостью до 35? и длиною до полутора версты; спуск оканчивается глубоким оврагом, за которым начиналась вторая, менее крутая гора, приводившая на пространную, относительно возвышенную варадинскую плоскость, на которой расположены аулы: сперва малый, а потом большой Варанды.

Местность, по которой предстояло нам идти, была в высшей степени опасная, что и сказалось на деле: здесь каждое дерево угрожало нам несколькими пулями и притом сверху вниз. Но утешение состояло лишь в том, что нас не забросают здесь камнями, как в то время, если бы

пошли по нижней дороге. Кроме того, здесь не было искусственно устроенных завалов, которые внизу были нагромождены поперек дороги через каждые пятьдесят сажень. Наконец, как ни узка была здесь местность, но она все-таки позволяла идти кое-где между деревьями в ротной колонне, тогда как внизу приходилось наступать по тропе почти в одиночку, а следовательно, отдавать неприятелю с заранее обдуманной мыслью жертву за жертвой и, пожалуй, таким образом и целую колонну.

До выступления из Соси-Ирзау на Мескен-Дук никто не знал тех трудностей и той опасности, которые придется осилить на этой горе; никто не знал этих ее террас или площадок, [479] а следовательно, и никто не предугадывал, что идет, быть может, на верную смерть. Нет худа без добра, потому что самое тягостное нравственное положение человека является именно тогда, когда день и час смерти ему известен заранее. Неизвестность была причиною того, что солдаты во все время своего наступления на эти адские высоты сохранили мужество и бодрость духа. Полагать должно, что и сам командующий войсками знал эту местность кое-как, лишь со слов горцев.

Но так или иначе, а идти нужно было.

Наступной отряд был разделен на две колонны. Первою командовал полковник Зотов. Она состояла из 2-го, 4-го и 5-го батальонов куринского полка, 3-го батальона виленского полка, 1-го и 2-го батальонов белостокского полка, роты сапер 2-го кавказкого батальона, дивизиона горных орудий легкой № 5-го батареи 20-й артиллерийской бригады, под командою напитана Парчевского, и сотни милиции. Второю колонною командовал Баженов, а арьергардом ее – полковник фон-Кауфман. Под начальством их были следующие войска (с 4-го по 8-е июля): четыре роты четвертого батальона тенгинского полка и одна стрелковая рота того же полка; 1-й и 5-й батальоны навагинского полка, 1-й батальон виленского полка, три роты 20-го стрелкового батальона, четыре сотни казаков и сотня милиции. В колонне полковника Баженова, между первою и второю ротами 2-го стрелкового батальона, находился взвод горных орудий легкой № 6-го батареи; в арьергарде полковника Кауфмана – взвод горных орудий батарейной № 4-го батальона – взвод орудий горной № 4-го батареи 20-й артиллерийской бригады. В Соси-Ирзау приказано было остаться – для связи отряда с Аргунским укреплением и для обеспечения нас в тылу – второму батальону навагинского полка, двум стрелковым ротам №№ 9-го и 10-го линейных батальонов и взводу орудий – под общим командованием [480] командира батальона навагинского полка, полковника Наумова.

Что нас ожидало впереди, в какие трущобы мы вновь попадем, сколько времени придется быть отрезанными от Аргунского укрепления,– все это были задачи, разрешить которые никто не решался, да и не мог бы. В виду полной неизвестности предстоявшего нам положения, было отдано приказание: взять с собою вьюки с провиантом. Как не стесняли эти вьюки всех и каждого во всех случаях серьезных и опасных движений, но приказание, однако, было благоразумное, потому что при надобности идти назад за провиантом и вновь возвращаться на свое место было бы отчаянным и крайним неблагоразумием.

Сумерки быстро спустились на землю, и ночь окутала собою мескендукские высоты. Приказание о выступлении было уже отдано, и в лагере царила торжественная тишина, как будто сердце предчувствовало трудный, тяжелый день. Костры, у которых так недавно готовилась каша, были потушены и разметаны; началась втихомолку уборка палаток. Через час колонна полковника Зотова уже стояла под ружьем, а затем еще десять минут двинулась

на мост, только что оконченный, и перешла Аргун у Соси-Ирзау. Неприятель не оставлял нас своим вниманием: лишь только колонна двинулась – он с разных мест открыл ружейную пальбу, вызывая на ответ, но ответа не получил. Перейдя на левый берег реки, колонна заняла поляну впереди аула, фронтом к Мескен-Дуку, и выстроилась в боевой порядок следующим образом: в голове – пятый куринский батальон в ротных колоннах и за ним взвод горных орудий; в правой цепи – четвертый куринский батальон, выступивший к нам навстречу из Соси-Ирзау, в левой – второй белостокский; в арьергарде – рота сапер и первый белостокский батальон, потом вьюки; далее – второй куринский батальон, [481] за ним взвод горных орудий и, наконец, третий виленский батальон.

Одновременно с авангардною колонною тронулся от Бин-Дука и полковник Баженов, наступая все время по пятам колонны полковника Зотова.

Пока произошли все построения, за которыми последовал короткий отдых – забрезжило: выступала из-за горы утренняя заря. Неприятель, не оставлявший нас в покое все время и по левую сторону Аргуна, мгновенно прекратил пальбу – и стушевался. Тут только мы начали догадываться, что он спознал наши намерения и поспешно отправился приготовить нам встречу.

Колонна двинулась и тотчас вступила в лес. От поляны до опушки леса виден был след чего-то вроде утоптанной дороги, но после нескольких сажень пути по лесу эта дорога окончательно исчезала: начались пни, валежник, наваленный кругом лист, влага, мокрота,– словом, препятствия не заставили себя долго ждать.

Местность все более суживалась, так что цепи лепились над обрывами, сливаясь в некоторых местах с колонною. С минуты на минуту мы ожидали приветственного выстрела, но горцы или не поспели еще к нам навстречу, или не считали нужным начинать так рано, давая возможность всей колонне втянуться в глубину леса.

Пятый батальон куринцев взошел на первый уступ без выстрела и приостановился, чтобы дать возможность колонне стянуться.

В самом начале движения нам стало ясно и понятно, что в лесу, на этих высотах, мы должны находиться в полном распоряжении неприятеля, и что артиллерия наша здесь составляла совершенно лишнее бремя. И действительно, во все время наступления и до взятия последнего уступа ей не пришлось сделать ни [482] выстрела, потому что невозможно было установить орудия и точно также невозможно было стрелять снизу вверх. Орудия тащили то на лямках, то на вьюках.

Несколько поотдохнув, колонна двинулась на второй уступ. Левая цепь, которая уже окончательно слилась с колонною, потому что ей некуда было деваться, снята и целиком отправлена назад, где составила роты и пошла вслед за вьюками.

Медленно, ища опоры в окружавших деревьях, взбирались куринцы на крутизну – и вот уж стали подходить ко второй террасе.

Неожиданно и почти в упор раздался залп полсотни винтовок… Неприятеля не видно, стрелять не в кого – а в рядах свалилось несколько человек. Без команды, без приказания, как по мановению волшебного жезла, загремело «ура!» – и пятый куринский батальон бросился в штыки. Тут сил еще хватало – и второй уступ занят тотчас же.

Но в это время раздались ружейные перекаты не только впереди, но и на флангах. Неприятель пользовался каждым деревом, каждой вершиной его, чтобы стрелять отовсюду, где только мог присесть и укрыться. Ружейный огонь грозил обнять собою всю колонну; там и сям попадались срубленные гиганты, преграждавшие движение войска; не смотря на лесную прохладу, уже рубахи на теле были мокрые.

Полковник Зотов сообразил, что только быстрым движением все вперед и вперед он остановит возможность для горцев разбрасываться на длину всей колонны, и хотя сосредоточить их огонь на головном батальоне, но зато остальные войска будут спасены. Разделив батальон надвое и предоставив две роты в распоряжение полковника Черткова, он начал наступление перекатами. Бегом пустились первые две роты на третий уступ и, осыпаемые со всех сторон пулями, сбили оттуда неприятеля, не дав ему опомниться, и заняли его позицию. Горцы [483] как кошки бросились к следующей террасе, и вслед за ними опять бегом пустились другие две роты, а предыдущие между тем несколько минут отдыхали. Заняв высший уступ и присоединившись к партии, уже там находившейся заранее, чеченцы снова встречали залпами подбегавшие к ним роты и снова вырывали из строя жертву за жертвой. Пули их главнее всего были направляемы на наших офицеров, и одним из первых слетел с лошади адъютант куринского полка, поручик Гурьев, простреленный в лоб, выше левого глаза. Затем на четвертом уступе пуля пронзила навылет левую руку полковника Зотова, но он, не обращая внимания на эту рану, вел полубатальон вперед и вперед. Уже солдаты буквально задыхались, разинув рты и обливаясь потом с головы до ног; но кровь своих товарищей и ободряющие слова офицеров: «вперед, ребята! вперед, смелее, молодцами! не посрамитесь, куринцы!» – заставляли собирать последние силы и умирать, но не отступать.

Среди этой ужасающей обстановки, где каждую минуту можно было ожидать, что рота падет на землю в полном изнеможении, предоставляя себя произволу судьбы, между прочими офицерами много поддерживал солдат своими одобрениями и подполковник Тверитинов, за которым верхом следовал адъютант его, по званию начальника артиллерии отряда, подпоручик Рельи. Куринцы любили Тверитинова, потому что при всех встречах с ними он не жалел денег; очень часто спирт лился ведрами, не говоря уже о ротных праздниках в Воздвиженской, на которые Павел Васильевич был приглашаем неизбежно. И вот, теперь, в крайнюю минуту, командир 5-й легкой батареи, следуя бок о бок с батальоном, напутствовал его разного рода поощрениями и похвалами.

Пули его, к счастью, миновали; но в ту минуту, когда он повернулся в седле и хотел отдать Рельи какое-то приказание, [484] как Рельи слетел с лошади, простреленный в правое плечо навылет. В то же мгновение и такая же рана свалила с ног подпоручика Пхакадзе, который, идя во главе своего взвода, пал, но не выронил шашки из рук.

Бывали случаи, что при подобных обстоятельствах, когда направо и налево валятся товарищи и командиры, солдаты падали духом, терялись. Но здесь до этого было далеко: ожесточение против врага, месть за смерть земляков и при том воспоминание о своем славном знамени, именем которого офицеры двигали свои роты, заглушали всякие чувства и побуждения куринцев, кроме желания – взлететь на новый уступ и сбить оттуда неприятеля.

И откуда бралась эта мощь, эта железная сила у людей, уже обессиленных всеми невзгодами, трудами, «египетскими» работами.

Еще вырвало из строя одного офицера – прапорщика Гладуна, но куринцы не останавливались и не давали возможности самому неприятелю не только остановиться, но даже придти в себя. С их стороны выстрелы были сравнительно с горскими редки, потому что некогда было заряжать, да и не для чего: бой шел на штыках; но со стороны горцев пальба была полнее и чаще, потому что отброшенные от нижнего уступа, они примыкали к той свежей еще силе, которая сидела на верхнем уступе.

Несчастным куринцам казалось, что и конца не будет этим уступам; боевой клик их видимо ослабевал; «ура!» уже было не громкое, хриплое,– однако, они не переставали одушевлять друг друга, перескакивали через тела своих убитых и раненых и, поощряемые офицерами, которые собою подавали им пример отваги и самоотвержения, старались бежать и бежать вперед…

Но есть предел всякой возможности, а с особенности человеческим силам: подбежав к шестому уступу куринцы [485] остановились – ноги не двигались, дыхание захватило, у многих горлом и носом выступила кровь.

Неприятель не останавливал пальбы и сыпал с шестого уступа град пуль.

Казалось, что первый ряд должен лечь безнаказанно под горскими пулями.

Но судьба решила иначе: в минуту, когда готовилась куринцам злополучная развязка, командир роты, капитан Чекоани, на груди которого красовался орден св. Владимира за храбрость, выскочил вперед и крикнул: «За мною, ребята! Я с вами!» Этот ободряющий крик и этот пример отваги родили еще одну вспышку угасшей силы солдат, и они бросились вперед за своим командиром.

Пуля в висок сразила наповал капитана Чекоани, и он пал к ногам своей роты – жертвою за ее спасение и залогом ее новой славы.

Уже не ожесточение, но остервенение охватило всю роту, лишившуюся своего незабвенного начальника, столько лет делившего с нею все опасности, все нужды и лишения; отчаянное «ура!» пронеслось по рядам ее, и она с легкостью барса взлетела на шестой уступ, сорвала оттуда неприятеля и на штыках понеслась к седьмому уступу

Через несколько минут пятый батальон был на вершине Мескен-Дука, а неприятель, разбитый и расстроенный, бежал во все стороны без оглядки.

Текст воспроизведен по изданию: 1858 год в Чечне // Кавказский сборник, Том 3. 1879

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

1858 ГОД В ЧЕЧНЕ

VII.

Наши потери при взятии Мескен-Дука. Приглашение со стороны горцев и вступление при перестрелке на варандинскую поляну. Выписка из официального донесения. Занятие аула Зонах, постройка моста и разработка дороги. Главный лагерь. Перестрелка на рубке 5-го июля.

Рекогносцировка к аулу б. Варанды и нападение горцев при отступлении. Прибытие Шамиля и присяга на газават. Ожесточенные атаки горцев на колонну полковника Баженова 8-го июля; наши потери. Маленький Севастополь. Перестрелка 9-го июля и открытие с укр. Аргунским. Заложение редута у Зонаха. Перестрелки 10-го, 11-го, 12-го и 13-го июля. Ночное движение, во время грозы, артиллерийского взвода. Перестрелки 16-го, 17-го и 19-го июля. Новые ухищрения имама. Наш волшебный значок и роковой для него день 21-го июля.

В таком ужасном – по исключительным местным условиям – бою, который выдержал пятый батальон куринцев 4-го июля, вся потеря его заключалась в шести убитых и двадцати четырех более или менее тяжелораненых нижних чинах. Об убитых и раненых офицерах сказано выше. Такую малочисленную потерю следует приписать той необыкновенной быстроте движения нашего батальона, при которой горцы, не успевая ни рассеяться, чтобы охватить колонну, ни опомниться, стреляли наугад. Много, конечно, защитили наших воинов толстые деревья Мескен-Дука, которые приняли в себя не одну сотню неприятельских пуль.

Потеря горцев неизвестна, но, должно полагать, что ее у них было меньше, чем у нас.

Пятый куринский батальон вынес исключительно на себе одном весь бой: остальные батальоны, колонна полковника Баженова [487] и арьергард полковника фон-Кауфмана прошли за этою живою стеною без выстрела и без всякого урона.

Лабазан прискакал со своей партией уже по окончании боя и занял глубину оврага Джожа-Гинт (чертова балка), который теперь открывался перед нами, зияя своею черною пропастью. Вправо от него, за рекою, у подошвы горы был аул Зонах, куда, также по взятии уже Мескен-Дука, прибыл ичкерийский наиб Адиль.

Предстоявший овраг стоил Мескен-Дука: спустить в него колонну – значило оставить ее там навсегда. Но в этом затруднении на выручку к нам явились сами жители варандинской долины, широко расстилавшейся по ту сторону оврага, пересеченной по всем направлениям лесами, лесочками, балками, неглубокими оврагами. Стоя на высоте по ту сторону Джожа-Гинт, они призывали нас к себе громкими криками, обещая нам чуть ли не весь свой рай Магомета с гуриями и с самим пророком.

После некоторого видимого колебания командующий войсками приказал полковнику Черткову спускаться вниз, опять-таки с куринцами, но уже с двумя батальонами – вторым и четвертым. Когда эти батальоны прошли благополучно почти до самого дна, приказано было двигаться по их следам всему остальному отряду, кроме двух батальонов навагинского полка, которые с двумя горными орудиями были на несколько часов оставлены на месте для прикрытия, на всякий случай, нашего тыла. На спуске в крутизну Джожа-Гинт не было никакой возможности везти орудия на колесах из опасения, чтобы лафеты не пришли в негодность при ударах о пни и деревья, заграждавшие собою и без того узкую тропу; поэтому орудия были навьючены, а лошади не шли – съезжали на хвостах.

Все-таки без перестрелки не обошлось, которую затеяли с пехотою, прикрывавшею вьюки, два-три десятка отсталых и запоздавших сподвижников Батока. Но они живо были прогнаны, [488] и отряд, поднявшись уже по отлогому скату на следующую высоту, занял варандинскую поляну и развернулся здесь попросторнее.

В восемь часов вечера прибыл со своими батальонами и полковник фон-Кауфман.

Здесь обязываюсь привести сохранившуюся у меня выписку из донесения генерала Евдокимова главнокомандующему от 8-го июля:

«Мы вступили теперь в страну, никогда не видевшую русского с оружием в руках. Проникнув за лесной пояс, мы, так сказать, обошли в тыл ту часть туземного населения, которая издавна приучена к вечной войне и воспитана в чувстве кровавой вражды к русским. В Шубуте (Аулы Варанды, Зонах и прочие составляют шубутовское или шатоевское общество, наибом которого был Батока. Авт.) мы нашли население, дружелюбно простирающее к нам руки; здесь жители не стреляли по нас, как во всех других частях Кавказа, а спокойно оставались в домах, ожидая прибытия русских, и даже заводят уже с войсками торговые сношения. Приписать ли такую перемену особенным народным свойствам шубутовцев или тому нравственному влиянию, которое неминуемо должны были произвести на туземцев успехи наши в прошлом и нынешнем годах, или, наконец, благому примеру многочисленного населения, вновь покорившегося русскому Государю и тем видимо улучшившего участь сою,– во всяком случае можно радоваться, что, наконец, война в здешнем крае начинает принимать новый характер, и надеяться, что пример шубутовцев в свою очередь подействует благотворно на других горцев, до сих пор смотревших на нас враждебно». [489]

И так, мы, некоторым образом, на время установились, но далеко не упрочились: впереди нас – варандинская поляна, то суживаясь, то кое-где расширяясь, тянулась среди лесов и оврагов на семь верст и выходила, наконец, на новую, уже открытую поляну – большую варандинскую – упиравшуюся в обнаженные безлесные горы Саюн-Дук. Туда теперь стремились все помышления генерала Евдокимова; но для того, чтобы достигнуть этого желанного места, нужно было прорубить его во все стороны топором, да, кроме того, открыть себе свободное и беспрепятственное сообщение в тылу, конечно, не чрез мескендукские высоты, а через Аргунь и потом чрез аул Хонах. Это именно та дорога, которую мы обошли из опасения попасть в капкан.

На другой же день, 5-го июля, к этому Зонаху была двинута колонна полковника фон-Кауфмана, в составе 1-го и 5-го батальонов навагинского полка, 1-го и 3-го батальонов виленского полка, роты сапер, двух орудий горной № 4-го батареи и двух горных орудий батарейной № 4-го батареи 20-й артиллерийской бригады. Полковник Кауфман должен был заняться разработкою просеки и дороги вниз по Аргуну; полковник де Наумов, из Соси-Ирзау, должен был повести работы навстречу фон-Кауфману.

С обычными, уже известными нам, трудностями спустился полковник Кауфман вниз к Аргуну и, начав переправу вброд, был встречен выстрелами горцев, засевших на противоположной стороне. Но лишь только навагинцы вступили по пояс в реку и открыли по неприятелю огонь – он быстро исчез, так что не допустил даже нас употребить в дело орудия. Колонна, перейдя благополучно на правый берег, поднялась на небольшое урочище у Зонаха, разбила лагерь и немедля приступила к постройке моста. Орудия горной № 4-го батареи, быв поставлены на правом фланге лагеря под прикрытием одного батальона [490] и имея невдалеке от себя густой лес и глубокую балку, по которой извивался Аргун, прикрылись засекой.

На варандинской площади остались главные силы отряда в следующем составе: 2-й, 4-й и 5-й батальоны куринского полка, пять рот тенгинского полка, две роты линейного № 10-го батальона, батальон белостокского полка, батальон виленского полка, три роты стрелкового № 20-го батальона, четырех горных орудий легкой № 5-го батареи и два горных орудия

легкой № 6-го батареи 20-й артиллерийской бригады, наконец – вся кавалерия. Лагерь главного отряда был расположен в виду аула малый Варанды, упираясь левым флангом в высоты, господствовавшие над аулом, правым – в неприятельское кладбище на горе над Аргуном, имея с фронта открытую неширокую равнину, сжатую по сторонам лесами и оврагами, а с тыла – уже известную нам чертову балку.

Нам было объявлено командирами, что можно устраиваться здесь прочнее и похозяйственнее – значит, будем стоять не день и не два. И вот мы начали устраиваться: сперва мы установили кухню, т. е. ямы для котлов, потом начали озабочиваться поделкою в палатках плетенок из прутьев взамен кроватей; далее – разбили коновязь, а к ночи даже и сапоги почистили,– устройство было кончено. В этом успели только те, которые 5-го июля оставались в лагере, но оставались не все, потому что одновременно с движением колонны полковника Кауфмана к аулу Зонах выступила вперед, по протяжению поляны, к аулу большой Варанды на рубку леса и разработку дороги другая колонна. Пройдя версты две от лагеря, колонна остановилась и, оставив на месте взвод горных орудий легкой № 6-го батареи под прикрытием стрелковой роты тенгинского полка и роты 20-го стрелкового батальона, принялась за топоры. Едва только люди занялись своим делом, с правой стороны на возвышенности показались [491] горцы, сперва по одиночке, а потом и целыми партиями, открыв в то же время по рабочим ружейный огонь. В ответ им были посланы три обыкновенных гранаты: первая и вторая – с дистанции 325 сажень, под углом 32 линий; третья – с 300 сажень, под углом 30 линий. Должно полагать, что выстрелы эти не были неудачны, потому что неприятель прекратил пальбу, скрылся и более в этот день не беспокоил нас.

В пять часов пополудни колонна возвратилась в лагерь – без потерь.

6-го июля мост через Аргун красовался во всем своем временном великолепии. Нужно было изумляться, как быстро возникали эти мосты там, где никаких предварительных, а затем и дополнительных смет не было составляемо, и где они строились по приказанию к назначенному времени. Если бы этот способ постройки был введен у нас в дело повсеместно, то сколько бы выиграли казенные интересы, которые нередко так сильно страдают от злополучного «урочного положения».

Колонны подполковников Кауфмана и Наумова уже сближались, работа кипела.

7-го июля, в пять часов утра, генерал Евдокимов предпринял рекогносцировку по направлению к аулу большому Варанды. Для рекогносцировки была назначена колонна под начальством полковника Баженова в составе двух рот 20-го стрелкового батальона, четвертой роты тенгинского полка, двух сотен кавалерии и взвода горных орудий легкой № 6-го батареи. В расстоянии трех верст от лагеря пехота и артиллерия заняли позицию на высоте, у кладбища. Во все время рекогносцировки горцы не показывались, но когда колонна возвращалась в лагерь, они насели на арьергард ее и открыли беглую пальбу из-за кустов и опушки близлежащего леса. Преследование было настойчивое. Орудия снялись с передков и открыли картечный огонь тремя зарядами, с дистанции в 60, 80 и 90 сажень (3, [492] 7 и 10 лин. по приц.). После первого и второго выстрелов горцы не унимались, ранив в это время фейерверкера пулею в правую ногу, трех рядовых, составлявших в числе прочих прикрытие артиллерии, и упряжную лошадь в левую переднюю лопатку. После третьего выстрела они хотя и углубились в лес, но пальбы не прекращали. По этому случаю и по мере отступления горцев артиллерия стреляла учащенным огнем обыкновенными гранатами: тремя на 150 саж.,

пятью на 200 саж., одною на 225 саж., двумя на 260 саж. и одною на 300 саж. (13 л.; 17,5 л.; 20,5 л.; 24 л.; 30 л.).

Только после этих пятнадцати орудийных выстрелов горцы оставили нас в покое, дав возможность возвратиться в лагерь едва только в семь с половиною часов пополудни.

Пока в эти дни генерал Евдокимов торопился сделать каждую минуту своего личного существования и своих действий не бесследной для успехов нашего оружия, Шамиль не дремал, в свою очередь: взятие Мескен-Дука и занятие малого Варанды сделались ему известными на другой же день, и он, не медля ни часа, вскочил на коня, подхватил собою сотню мюридов и помчался в Шубут, приказав своим сыновьям – Кази-Магоме и Шафи-Магомету – собрать все полчища, какие бы только возможно было собрать, и вместе со всеми наибами Чечни идти по его следам. Прискакав в Шубут шестого июля ночью, имам тотчас приступил к самым жгучим распоряжениям: собрал окрестные общества, привел их к присяге на священную войну, объявил им все льготы, не исключая и рая с его гуриями, и взял от них клятву, что они в этот последний раз попытают счастья, но с тем, что если оно им и здесь изменить, то каждый из них волен будет развязать себя от всяких обязательств по отношению к своему владыке.

Присутствие Шамиля дало нам себя почувствовать на другой [493] же день после его приезда во время рекогносцировки. Это был лишь цвет дерева – ягоды были впереди.

Быстро долетели все сведения о действиях имама через лазутчиков и до командующего войсками. Возвратившись с рекогносцировки, он имел их целый короб – даже в значительно преувеличенном виде – что составляет страсть горского шпиона, рассчитывающего получить за наиболее серьезные сведения побольше денег. Кроме того, самая рекогносцировка убедила Николая Ивановича, что нужно вести дело, как можно поспешнее, что горцы действительно усиливаются и одушевляются, что нужно поскорее захватить впереди себя побольше пространства, чтобы воспрепятствовать неприятелю к устройству против нас возможных искусственных преград и, наконец, что нужно принять меры к ограждению безопасности отряда в самом лагере.

Обозрение местности, произведенной генералом накануне, показало следующее: в двух верстах от лагеря, на бугре, было кладбище; за кладбищем дорога на незначительном расстоянии шла по этому же бугру, потом перерезывала неглубокий овраг и, перейдя на противоположную сторону, круто поворачивала влево на возвышенное плато, окруженное с трех сторон густым лесом; с этой возвышенности она нисходила на большую варандинскую поляну. Нам необходимо было уничтожить лес на плато, служивший главною преградою к движению на варандинское поле. Так как этот лес, среди всей указанной местности, должен был служить для неприятеля наилучшим убежищем при сопротивлении нашим войскам, то следовало быть уверенным, что горцы станут отстаивать его всеми своими силами.

Так оно и случилось.

8-го июля, за час до рассвета, из лагеря выступила колонна, под начальством полковника Баженова, в составе 2-го и 5-го батальонов куринского полка, 4-го батальона тенгинского полка, 1-го батальона белостокского полка, двух рот 20-го стрелкового [494] батальона, 4-й стрелковой роты тенгинского полка, горных взводов №№ 5-го и 6-го батарей 20-й артиллерийской бригады, для рубки леса на указанном выше месте и вообще, разработки

дороги по направлению к большому Варанды. Взвод 6-й батареи находился в авангарде, где был батальон тенгинского полка, и имел у себя в прикрытии первую роту стрелкового батальона; горные же орудия 5-й легкой батареи были помещены между батальонами куринского полка. Дойдя до кладбища, полковник Баженов приказал занять его и остаться на нем для обеспечения нашего движения одной роте стрелкового батальона и стрелковой роте тенгинского полка, под командою майора Коноплянского; остальные войска потянулись далее.

Движение происходило среди полного затишья до самой окраины оврага – почти на расстоянии трех верст. Но лишь только головной батальон (тенгинского полка) коснулся этой окраины, как с противоположной стороны и из самого оврага обдало его залпом нескольких сот ружей. Артиллерии стрелять по балке было невозможно, да и некогда, потому что необходима была чрезмерная быстрота действий; вследствие чего батальон, открыв по неприятелю беглый огонь, ринулся в балку, продолжая его и на ходу, и затем так стремительно выскочил на ту сторону и криком «ура!» ударил в штыки, что горцы, не успев даже вновь зарядить свои винтовки, моментально исчезли, как будто их здесь никогда и не существовало.

Поляна, на которой очутился авангард, и куда за ним взошли остальные войска, была с трех сторон открыта ружейному огню неприятеля, а лес на повороте дороги, тянувшейся по ней, представлял ему лучшую охрану для действий по нам с тыла. Тут полковник Баженов остановил часть колонны и два орудия легкой № 5-го батареи и приказал немедленно и быстро рубить лес и очистить от него окраины поворота; сам же двинулся вперед, занял дальнюю оконечность плато, установил там [495] другие два орудия и также велел рубить лес по скатам возвышенности. Едва только части заняли указанные им позиции и приступили к работе, как неприятель с трех сторон открыл огонь, напирая преимущественно с фронта. По первому его натиску из правой балки, находившейся у поворота дороги, орудие № 5-го легкой батареи дало ему отпор картечью с дистанции 70 саж. (3 л.), а затем учащенным огнем восемью обыкновенными гранатами: пятью – с дистанции 100 саж. (7,5 л.) и тремя – с дистанции 170 саж. (14 л.). Эти выстрелы отбросили горцев подальше и заставили их на время приостановить стрельбу; но время это было короткое: через полчаса они опять ее возобновили и стали снова налегать на арьергард. Навстречу им, одна за другою были посланы еще три гранаты с дистанции 200 сажень (17,5 л.), которые и удержали их здесь в приличном отдалении до самого конца рубки.

В то же время гремела и ожесточенная пальба в авангарде, где прапорщик Щурский на залпы неприятеля отвечал семью обыкновенными гранатами: тремя – с дистанции 200 саж. (17,5 л.) и четырьмя – с дистанции 225 саж. (20,5 л.). После этих выстрелов неприятель и здесь затих на некоторое время, как бы собираясь с новыми силами. А новые силы, в лице десятков людей, действительно прибывали к нему ежеминутно – это были те скопища, которым Шамиль приказал являться без замедления.

В 10-ть часов утра, значительно усилившись и положась на свою многочисленность, горцы ринулись толпою на левую цепь колонны и, сделав залп, намеревались, по-видимому, броситься в шашки. Но орудия наши были настороже; и не успел затихнуть в воздухе гул от неприятельских выстрелов, взвод легкой № 6-го батареи пустил в неприятеля одну за другою три гранаты с дистанции 125 саж. (9,5 л.). Не взирая на это, горцы дерзко приближались к авангарду, уже обнажая свои шашки, [496] стремясь на стрелковую роту и прямо под дула

орудий. Мгновенно последовали три картечных выстрела с дистанции 70 саж. (3 л.). Однако ожесточение горцев было так велико, что и картечь их не остановила. Напротив того, этот отпор как бы удвоил их решимость, и они, очертя голову, бросились на роту, которую, по-видимому, заранее считали своею жертвою. Навстречу им встряхнулся ряд штыков, стрелки ринулись вперед с привычным боевым кликом – и неприятель исчез в глубине леса.

С начала аргунской экспедиции и до восьмого июля горцы еще ни разу не дрались с таким ожесточением. По всему было заметно, что они решились на все жертвы, лишь бы отстоять наши поползновение в глубину шатоевского общества, покорение которого могло быть предсмертной агонией северного Кавказа.

Усмотрев такую необыкновенную решимость неприятеля, полковник Баженов призвал с кладбища еще одну стрелковую роту на усиление авангарда и для замены ею первой роты стрелкового батальона, которая почти исключительно принимала и выдерживала на себе огонь неприятеля.

Рота прибыла; неприятель пока молчал, будто отдыхая; рубка леса продолжалась.

Затишье было около четырех часов.

По истечении этого времени, с левого фаса авангардной колонны снова раздался залп нескольких сот винтовок. Орудия, заранее заряженные, приветствовали этот залп последовательно восемью обыкновенными гранатами: пятью – с дистанции 200 саж. (17,5 л.) и тремя – с дистанции 225 саж. (20,5 л.).

До каких крайних пределов достигли самоуверенность и какое-то опьянение горцев, навеянное на них «газаватом» Шамиля, видно из того, что и непрерывная, даже артиллерийская, стрельба не только не могла унять их, но как бы более их ожесточила, вызывая вместе с тем на ухищрение и истинно [497] геройские подвиги. Орудийный огонь заставил их на время замолчать, но не осадил; после восьми выстрелов – и нельзя сказать, что неудачных – они припрятали свои винтовки, приникли к земле и ползком начали подбираться к цепи. Движение их, однако, было замечено: загремела пальба в цепи, и в поддержку стрелкам посыпалась орудийная картечь; четыре выстрела с дистанции 60 саж. (3 л.) застлали пулями всю окружающую местность справа налево.

При всем том, и эти выстрелы, несомненная польза которых для нас была видима и естественна, не привели к желаемому результату: горцы доползли-таки до балки, куда, по незначительному расстоянию, нельзя было действовать из орудий, и скрылись в ней, время от времени перестреливаясь с пехотою.

Имея в виду такой сильный натиск со стороны неприятеля и отгадывая по нему, что скопища значительны, генерал Евдокимов мог ожидать среди ночи нападения и на главный лагерь, тем более что в нем оставалось так мало войск. Руководясь этими соображениями, он отозвал из колонны полковника Баженова 2-й куринский и 1-й белостокский батальоны и на смену им прислал четвертый куринский батальон. Вместе с тем полковник Баженов получил приказание – держаться на своей позиции до особого распоряжения. Конечно, цель этого распоряжения была та, чтобы укрыть от опасности главный лагерь, где находился штаб и походное имущество войск.

Полковник Баженов стянул колонну, быстро устроил засеку и остался в ней ночевать. Конечно, солдаты дремали с ружьями у плеча и с открытыми патронными сумами, а артиллерия и вовсе не смыкала глаз.

Однако ночь прошла спокойно.

В деле 8-го июля у нас ранен 20-го стрелкового батальона штабс-капитан Воронов, а из нижних чинов четыре [498] убито и тридцать пять ранено; кроме того, во взводе легкой № 6-го батареи убита упряжная артиллерийская лошадь.

Оставшись в засеке, колонна полковника Баженова каждый день подновляла и укрепляла ее как возможно лучше, потому что по ночам горцы не оставляли нас там в покое. Дерзость их доходила до того, что они, пользуясь темнотою, подкрадывались к самой стенке, так что явственно было слышно у нас, внутри ограды, шлепанье их чевяк. В это время они выискивали себе какую-нибудь жертву и высматривали оплошность с нашей стороны. Но колонна всегда принимала все меры предосторожности, и удобным моментом неприятель не мог воспользоваться: часовые стояли на одном месте, молча, тихо, не давая повода подозревать о своем существовании; дежурная рота, орудия, залоги, секреты – не обнаруживали ни единым вздохом того, что они живые люди; с сумерек и до рассвета никто из них не смыкал ни одного глаза. Словом, на всякий случай колонна всю ночь была наготове и в то же время не отвечала горцам ни на какие призывные клики и брань, ни на их пальбу. Горцы, уже не раз выученные опытом, очень хорошо знали, что эта тишина зловещая, и не смели атаковать засеки. Но усмотри они как-нибудь случайно там какой-нибудь случайно там какой-нибудь переполох, беспечность, замешательство,– они всей своею массою, наверное бы, проглотили эту засеку, так как по зову Шамиля их набралось уже вокруг нас, впереди и сзади, до десяти тысяч человек.

Засека, вследствие такого своего положения, получила у нас название маленького Севастополя.

Шамиль ликовал, озираясь вокруг себя и обозревая свое многочисленное войско, которое в таком сборе столь редко сосредоточивалось возле него. Действия его отряда начались при нем и продолжались далее действительно молодецки, и это, конечно, радовало его еще более. Он занял крепкую позицию [499] в 3-4 верстах от маленького Севастополя, за оврагом Ахх, в виду богатых аулов: большого Варанды, Вашиндура. Цаганэ и др., и окружил себя по обыкновению завалами.

Положение генерала Евдокимова было относительно затруднительным, чем положение сгруппированного и сосредоточенного отряда имама. Наши войска, от Соси-Ирзау до Севастополя, были разбросаны на расстоянии почти пятнадцати верст, и едва лишь пятая часть их ежедневно готова была под ружьем встретить неприятеля, потому что остальные были постоянно в лесах с топорами в руках. Но, не смотря на это, начальник отряда не унывал; он «надеялся, что с войсками, составляющими чеченский отряд, всегда можно будет преодолеть сопротивление горцев, как бы оно упорно ни было». Это его подлинные слова и последствия показали, что он не ошибался.

9-го июля предполагалось как можно пораньше, пока еще не встряхнутся горцы, занять лес по направлению к большому Варанды, куда мы должны будем наступать, и расчистить его. Чтобы усилить для этого средства полковника Баженова, командующий войсками прислал к нему

еще с вечера 3-й батальон белостокского полка. На рассвете колонна выступила из Севастополя; в авангарде были 4-й и 5-й батальоны куринцев; в прикрытие засеки оставлены две роты. С куринцами шел взвод горных орудий легкой № 6-го батарея, а взвод орудий легкой № 5-го батареи следовал в арьергарде. Горцы на этот раз немного прозевали нас, потому что было очень рано. В лесу они встретили авангард слабым огнем, и куринцы проскочили на ту сторону более или менее благополучно – хотя все-таки на штыках – лишившись только трех раненых; но зато, пока подошел арьергард, они уже успели занять опушки, а главное – верхушки деревьев и встретили нас беглым огнем. Взвод легкой № 5-го батареи, снявшись с передков, сперва двумя картечными зарядами, а потом четырнадцатью обыкновенными [500] гранатами, сбил неприятеля с деревьев, загнал из опушек в глубину леса и удерживал там во все остальное время еще шестью гранатами, не допуская его к колонне даже на ружейный выстрел. Стрельба производилась: картечью – с дистанции 50 саж. (2 л.), первыми четырьмя гранатами – с дистанции 100 саж. (7,5 л.), последующими четырьмя - с дистанции 170 саж. (14 л.), затем шестью гранатами – с дистанции 250 сажень (23,5 л.) и, наконец, последними шестью гранатами с дистанции 200 саж. (17,5 л.).

В шестом часу пополудни колонна возвратилась в засеку без особенного преследования. Во взводе орудий легкой № 5-го батареи тяжело ранен был в этот день один рядовой и убита двумя пулями упряжная лошадь.

9-го же июля окончательно открыто сообщение главного лагеря с Аргунским укреплением, и все больные и раненые отправлены были в крепость Воздвиженскую под прикрытием 2-го батальона опять-таки куринского полка.

Работа ежедневно, в буквальном смысле слова, кипела во всех колоннах, как будто бы мы завтра все разом собирались умереть и боялись оставить наше дело неоконченным. Но среди этой работы смерть, действительно, царила постоянно только над колонною полковника Баженова, в которой почти каждый день горцы вырывали из рядов ту или другую жертву и не давали войсками перевести дух даже ночью в маленьком Севастополе. При этом неустанном, ужасном труде, где слоновья сила, казалось бы, могла надломиться, истощиться, трудно было между солдатами слышать какой-нибудь связный, более или менее продолжительный разговор, не то что песни, прибаутки и т. п. Хмурые, очень хмурые, грязные и истощенные физиономии этих работников не выражали на этот раз ничего иного, как тупую, бессознательную покорность своей доле. Пища была скудная, плохая, потому что доставка провианта до 9-го июля [501] была еще крайне затруднительна, а имевшиеся запасы быстро оскудевал. Наконец, 10-го числа прибыл из Воздвиженской первый солидный транспорт с шанцевым инструментом и с провизией. Благодаря инструменту, в тот же день заложено у Зонаха промежуточное укрепление и началась работа в скалах по соединению Аргуна с варандинскими высотами.

Тем временем колонна полковника Баженова продолжала свое дело: на рассвете, 10-го июля, она выступила вновь на работу и заняла прежнюю позицию. В этот день рубили в балке. Цепь была выдвинута за балку. Неприятель, засев за небольшим возвышением, поросшим кустарником, время от времени давал знать о своем там пребывании ружейными выстрелами. Но к счастью на этот раз пальба его была для нас безвредна. Тем не менее, пришлось угомонить его все-таки артиллерийским огнем, вследствие чего из горных орудий взвода легкой № 5-го батареи разновременно было произведено три выстрела обыкновенными гранатами с дистанции 340 сажень (25 л.).

Колонна возвратилась в засеку благополучно.

11-го июля колонна с рассветом выступила из Севастополя по направлению к аулу большому Варанды в составе, между прочим, одного лишь взвода легкой № 5-го батареи, в прикрытие которому была дана рота 20-го стрелкового батальона. Позиция была занята в расстоянии двух верст от засеки. Лишь только взвод артиллерии стал на место, горцы открыли дальний ружейный огонь из леса. Им отвечали двумя обыкновенными гранатами с дистанции 200 и 225 сажень (17.5 и 20.5 л.). Они замолчали и больше нас не тревожили до окончания рубки. Только при движении обратно в засеку, в пять часов вечера, они вздумали вновь возобновить огонь по арьергарду, но преследовать не решились, потому что невыгодно было высунуть из леса на свет божий свои [502] бритые головы. На их выстрелы утомленные солдаты не дали никакого отсвета.

На следующий день колонна полковника Баженова работала спокойно, если не считать нескольких десятков выстрелов со стороны неприятеля, которые для нас были безвредны. Артиллерии не пришлось выпустить ни одного заряда. Но зато сильная неприятельская партия обратилась на рабочую колонну полковника Наумова, который рубил лес над оврагом Яраш-Марды, и атаковала ее. Тотчас топоры были оставлены – и место их заменили ружья. После получасовой оживленной перестрелки горцы бежали, лишив нас трех рядовых, которые были ранены.

Вообще, в течение всех последних дней, горцы, сколько ни старались принести нам возможно существенный вред, не успевали в своем намерении, потому что везде, куда вступали для работ наши войска, всякие предосторожности были принимаемы с большим благоразумием, да и сами солдаты не зевали. Так что Шамиль в эти дни, можно думать, был столько же не в духе, сколько и приходил к убеждению, что его толпы лишь даром хлеб едят.

13-го июля колонна полковника Баженова, в составе, с прочими войсками, четырех орудий, выступила с рассветом опять к аулу б. Варанды и, немного не доходя до позиции, 11-го и 12-го июля заняла высоту. Орудиям пришлось стоять над балкою. Спустя полчаса после того, как начали рубку леса, неприятель с противоположного края балки открыл огонь по артиллерийской прислуге. Но тут справились живо: послали ему пять гранат с дистанции 200 сажень (17,5 л.) и тем заставили замолчать и убраться восвояси.

14-го июля работы продолжались, но почти без выстрелов. Только вечером, по возвращении в засек, когда артиллеристы под прикрытием роты повели поить лошадей, из ближайшей [503] опушки начались выстрелы. Но рота быстро охладила неприятеля, осадив его в глубину леса несколькими десятками пуль.

Вообще, с 10-го по 15-е июля в отряде было убито четыре и ранено семь нижних чинов.

В тот же день, в семь с половиною часов вечера, взвод горных орудий батарейной № 4-го батареи 20-й артиллерийской бригады, под командою прапорщика Пазуваева, по приказанию начальника колонны, полковника фон-Кауфмана, снялся с позиции у аула Зонах и под прикрытием двух рот куринского и белостокского полков двинулся в главный лагерь. Хотя тут дорога была очищена от леса, но не вполне разработана для того, чтобы предпринимать по ней путешествия навстречу ночи. Какая необходимость была отправить взвод в главный лагерь именно теперь, а не завтра – об этом нужно спросить у полковника Кауфмана. Выступлением его тем более необходимо было приостановиться, что в семь часов пошел

сильный дождь, и началась гроза. В такое время и в такую погоду можно было ожидать всяких случайностей; вообще же следовало пожалеть людей, которые и без того по целым дням не знали ни отдыха, ни покоя.

Но кавказским военачальникам с давних пор привилось сознание, что – машина, годная к работе во всякую минуту, потому нечего с ним церемониться. Не щадить солдата, как бы приучая его к закалу, к выносливости – было обыкновением. Но спрашивается: нужны ли были еще, так сказать, искусственные в этом случае опыты, когда и естественных, неизбежных и ежедневных было уж чересчур много?

Так или иначе, а взвод выступил.

Лишь только он оставил позицию, гроза разразилась во всем своем горном ужасающем великолепии: электрический блеск молнии ослеплял глаза, скалы дрожали от неумолкаемых взрывов грома, дорогу быстро размыло, и бедные лошади скользили [504] над кручею, лишь руководимые одним инстинктом. После каждого небесного фейерверка приходилось останавливаться, чтобы рассмотреть и ощупать под ногами землю; после каждого раската грома лошади вздрагивали, готовые рухнуть в овраг; на людях не было сухой нитки.

Вдруг, после некоторого затишья, еще в сотый раз блеснула молния, и раздался такой ужасный удар грома, что одну из артиллерийских лошадей мгновенно сорвало в овраг и, как оказалось на утро, расшибло от падения в некоторых местах; другая, оглушенная этим страшным ударом, замоталась, взвилась на дыбы и полетела вслед за нею. Но по пути она зацепилась за пень и несколько приостановилась. Только это обстоятельство дало возможность снять с нее вьюки и амуницию. Затем ее проводили книзу.

И подобного рода движение продолжалось в течение четырех с половиною часов, так что взвод со своим прикрытием достиг до лагеря почти в полночь. Здесь он был поставлен между третьим белостокским и вторым куринским батальонами.

Усталые, голодные и вымокшие люди тотчас были встречены своими однополчанами и кунаками, которые, невзирая на все неистовства погоды, немедленно озаботились их пригреть и накормить, чем Бог послал.

На утро невзгода была как бы забыта, и солдаты даже подтрунивали над самими собою, говоря: «вот привел Господь умыть-то рожу раз в две недели; а то, гляди, думалось, что умереть не в добрый час придется неумытым».

Славный ты, бедный кавказский солдат прошлого боевого времени! Мощь-то твоя изумительная, хоть и рожа неумытая!

15-го июля – лишь только колонна полковника Баженова выступила за засеку – приказано было орудиям обстрелять то место, откуда накануне, во время водопоя, горцы салютовали нас своими [505] пулями. Было сделано два выстрела обыкновенными гранатами с дистанции 300 сажень (30 л.). На рубке было спокойно; батальоны возвратились домой к полудню.

16-го июля рубка производилась вблизи тех мест, что т 8-го июля, сажень на 100-150 левее. С противоположного края балки горцы открыли огонь по артиллерийской прислуге и по прикрытию. Ответив им семью обычными гранатами с дистанции 260 сажень (24 л.), орудия заставили их удалиться.

В этот же день в состав артиллерии чеченского отряда вступил взвод орудий легкой № 5-го батарея 20-й артиллерийской бригады и полупудовый мортирный взвод, находившийся на вооружении в укреплении Аргунском. Легкими орудиями командовал прапорщик Кашинцов, выступивший из Воздвиженской 13-го июля.

По ущелью, к укреплению Зонах, была уже разработана широкая и удобная проездная дорога, так что указанные четыре орудия прошли по не беспрепятственно и вступили в колонну полковника фон-Кауфмана.

17-го тюля, по пробитии утренней зари, с рабочей колонною полковника Баженова выступил взвод горных орудий легкой № 6-го батареи. Колонна двинулась к аулу малому Варанды, потом поднялась на высоты, влево от дороги, и заняла там позицию – примерно верстах в трех от лагеря. Около девяти часов утра на противоположной горке, обнаженной от леса, показалась значительная партия горцев, направлявшаяся от большого Варанды к малому Варанды. По ней было сделано три выстрела обыкновенными гранатами на расстоянии 325 сажень (33 л.). В одиннадцать часов утра колонна возвратилась в засеку.

Из состава артиллерии, кроме этого взвода, ходил еще 17-го июля и взвод горных орудий батарейной № 4-го батареи 20-й артиллерийской бригады в прикрытие пастьбы скота, невдалеке от лагеря. Особых приключений не произошло, равно как и 18-го июля. [506] 19-го июля рабочая колонна двинулась снова к аулу малому Варанды. Пройдя три версты, она остановилась, заняла позицию влево от дороги и, оставив здесь взвод горных орудий легкой № 6-го батареи под прикрытием роты 20-го стрелкового батальона, разошлась по частям во все стороны делать свое дело.

Около восьми часов утра в лесу, где производилась рубка, раздался неожиданно залп нескольких сот винтовок, который вслед затем перешел в беглый ружейный огонь. Дело все состояло в том, что горцы, пользуясь тем, что мы предварительно не обстреляли леса, в котором они залегли заранее, бросились на нашу цепь и хотели ее прорвать, а потом посчитаться с рабочими. Но цепь не дрогнула – хотя и не была приготовлена к такой неожиданности – и, встретив залп горцев огнем всей линии, отстаивала себя до той минуты, пока подоспел резерв. Последний ударил в штыки, и неприятель отхлынул. Артиллерия до этого времени действовать не могла, потому что легко перестреляла бы свою цепь, в которой и без того было несколько раненых, поэтому она молчала. Но когда по нашим выстрелам было видно, что горцы отброшены – орудия насторожили свои дула. Как раз в это время неприятель показался на небольшой поляне среди леса, и в ту же минуту по нему было сделано два выстрела обыкновенными гранатами с дистанции 200 сажень (17,5 л.). После этого напутствия пальба со стороны неприятеля совершенно прекратилась, и он толпами поплелся по горе в свой лагерь. Тропа, по которой он шел – как легко было видно – извивалась по широкой поляне среди чащи леса. Усмотрев это, прапорщик Щурский приказал навести орудия на эту поляну. Он не ошибся: не прошло и четверти часа, как горцы кучка за кучкой вышли на поляну. Тогда сверкнули наши трубки, и раздался залп двух орудий с дистанции 275 сажень (27 л.). Гранаты разорвало на самой лощине. Неприятель массою кинулся вперед; вслед ему полетели еще две гранаты с дистанции 300 [507] сажень (30 л.) и, наконец, вдогонку еще одна граната с листанции 350 сажень (38 л.).

Лишь только поручик Кулешов, оставшейся в засеке, услышал первый залп горцев и затем продолжительную пальбу, он приказал немедленно выдвинуть орудия. Прислуга на руках

выкатила их за ограду и в несколько минут втащила на небольшой бугор, находившийся в пятнадцати саженях от засеки. Это было очень кстати, потому что когда неприятель показался на поляне среди леса, и Щурский открыл ему огонь в тыл, орудиям Кулешова пришлось, как нельзя лучше, вторить Щурскому – во фланг горцам и наперерез их дороги. Кулешов не замедлил и учащенным огнем отправил к Батоке пять обыкновенных гранат с дистанции 325 сажень (33 л.). Это окончательно сконфузило воинов Шамиля: застигнутые так неудачно для них с фланга и с тыла, он быстро и в беспорядке разбежались во все стороны.

Этот ли урок или что иное доставили нам следующий день вполне покойный, для горцев совершенно безобидный; ни с одной стороны не было сделано даже ружейного выстрела.

Убеждаясь, что с вырубкой лесов сама природа стала на нашу сторону и что нанести нам какой-нибудь существенный вред пока решительно невозможно, Шамиль пустился на новые выдумки. Он приказал строить тяжелые плоты и сделал распоряжение, чтобы, по изготовлении, пустить их один за другим вниз по течению Аргуна и тем сорвать наш мост у Зонаха. Какая была его дальнейшая цель – осталось тайною, потому что плоты не достигли назначения: они были встречены с нашей стороны, не доезжая до моста, береговыми баррикадами и, прибыв таким образом в наши владения вполне благополучно, послужили отличным материалом для наших работ по укреплению самого моста и зонахского редута. Много было хохота у солдат над этими ухищрениями имама, который как дитя, ослепленный [508] какими-то несбыточными надеждами побороть нас, глупил с утра до вечера.

В течение времени, с 15-го по 21-го июля, во всех перестрелках у нас было убито трое и ранено двенадцать нижних чинов. Потеря неприятеля была нам неизвестна, но, судя по встречам, которые он испытал, должно полагать, что она была очень много чувствительнее нашей.

Наступил день 21-го июля – день, который долго был памятен нашему солдату как урок, доказавший насколько иногда может быть гибельны в войне оплошность и беспечность и насколько со стороны каждого воина, кто бы он ни был, необходима осторожность, самоохранение и предусмотрительность.

Когда вторая стрелковая рота тенгинского полка выступала из Владикавказа в экспедицию, две хорошенькие барыни, жена г-на Я. и ее сестра, девица Ч., теперь проживающая в Тифлисе вдова, вышили для этой роты разными шелками великолепный значок. Командир роты торжествовал, фельдфебель приятно склабился, а самая рота была очень довольна: значит, полюбилась барыням. Другие роты смотрели на этот значок с завистью и досадливо поговаривали:

– Вишь, стрелкам лафа; на то они и стрелки: значит, хорошо стреляют.

При вручении значка было множество пожеланий, уверений в том, что он имеет магическую силу, что он сохранит, сбережет от всех невзгод, а наипуще – от неприятельской пули.

Выступили в поход. Волшебный значок реял среди других значков красиво и гордо, с сознанием своего достоинства и назначения.

Пришли в чеченский отряд. Ничего себе, значок странствовал [509] с ротою то туда, то сюда и, как мы видели доселе, более или менее благополучно.

Наконец, 21-го числа его назначили в прикрытие рабочих при рубке леса.

Рубка производилась между главным лагерем и маленьким Севастополем, на добрый орудийный выстрел от первого их них и, конечно, в виду войск, оставшихся в большом лагере.

Рубили, как следует – добросовестно. Цепь держала стрелковая рота с волшебным значком; в резерве был взвод 13-й роты куринского полка.

Наработавшись, солдаты признали нужным отдохнуть и мало-мальски закусить сухариком. Рассеялись, где кто стоял; было восемь часов утра; кругом – тихо. Эта безмятежная тишина навеяла спокойствие и на душу красивого значка: цепь присела, сблизила немного свои пары, положила возле себя ружья – и ну валять в носки и фильку. Откуда тут и карты взялись!

Было очень весело: солдатики тешились, отпуская друг другу удары картами по загорелым, раскрасневшимся носам. Никаких гостей, конечно, не ждали.

Но непрошенные гости – покрой их, мать-земля! – сами догадались явиться.

Цепь занимала пространство по окраине лесистой балки, даже оврага; кругом – также лес.

В балку между тем залез каким-то образом наш старый знакомый – Батока, да не один, а примерно со ста пятьюдесятью себе подобных. Захотелось Батоке полюбопытствовать, почему это вдруг сделалось так тихо: ни стука топоров не слышно, ни падения деревьев не заметно – словом, как будто все вымерло. Подкрался наиб поближе и видит – значок реет красиво, а солдатики режутся в картишки. Батока канальски и лукаво улыбнулся, а потом кошачьей поступью возвратился к [510] своим и поманил их рукою к себе с обеих сторон, приложив указательный палец другой руки к своим тонким губам, обрекая тем всех своих воинов на гробовое молчание. Разъяснив шепотом своему войску в чем дело, Батока отдал соответственные приказания, приник с частью своей ватаги к земле и – то ползком, то на четвереньках – стал взбираться к окраине оврага.

А стрелки и в ус не дуют.

Но вот, в то самое время, когда один из них занес валета бубен над носом своего товарища и готовился шлепнуть земляка во всю ивановскую, раздался в двух шагах от цепи отчаянный гик, и до ста человек чеченцев бкз выстрела ударили в шашки на левый фланг цепи, отрезали ее от резерва и начали крошить направо и налево. Когда затих этот ник, мы все, почти зрители дела, разинули рты и остановились, не зная, что делать. Два горных орудия легкой № 5-го батареи, стоявшие на переднем фасе главного лагеря, как раз были направлены к злополучному оврагу, но стрелять из них было бы безрассудно, так как все догадались, в чем дело, и знали хорошо, что каждая граната, пущенная по направлению чеченского крика, перестреляет и наших. Таким образом, артиллерия оставалась безмолвна.

А в это время в рядах несчастных стрелков происходили ужасные сцены: чеченцы рвали с них сумки, амуницию, отбирали ружья, раздевали их донага и рубили на котлеты. Если бы они не увлеклись поживою, на добычу которой уходило много времени, а ограничились бы только боем, то весь фланг цепи буквально был бы вырезан. Но жадность, а в особенности стремление завладеть оружием и зарядами, сократили число жертв, павших под ударами неприятельских шашек.

Здесь я передам случай, который слышал от командира [511] куринского взвода, бывшего в резерве, прапорщика или подпоручика Гринфельда. товарища моего детства.

На каждого стрелка приходилось по крайней мере по пяти горцев, которые раздевали, обирали свою жертву и, наконец, убивали ее. Один из стрелков бросился наземь и думал как-нибудь улизнуть между деревьями и валежником. Конечно, ружья при нем как и не бывало. На беду его приметил рослый чеченец и с обнаженной шашкою кинулся на него. Бедный солдат, совершенно растерявшийся, поднялся на колена и умоляюще сложил руки. Жалость что ли одолела горца, но только он опустил шашку и показал солдату рукою, что тот должен раздеваться. Солдат не заставил себя долго ждать – и давай сбрасывать все, что на нем было, так усердно, что в две минуты остался в том виде, в каком родился от матери. Чеченец, без сомнения, помогал ему весьма нецеремонно, хотя и обстоятельно. Когда, на этот раз уже счастливый, солдат отдал все, что было на нем и при нем, то вновь, сложив руки, просил не убивать его. Чеченец дал ему затрещину, свалил наземь, моментально сгреб двумя руками кучу валежника пополам с гнилыми листьями, набросил это покрывало на своего клиента, живо подобрал его костюм и амуницию и исчез. Солдат остался жив.

Обирая солдат, горцы тут же сбрасывали в овраг ружья, сумы и их платье, которые там, внизу, подбирали оставшиеся сподвижники Батока. Туда же, в овраг, были сброшены ударами шашек и некоторые из наших солдат.

Вся резня и затишье продолжались не более семи минут. По истечению этого времени, горцы открыли беглый огонь по остальным парам цепи, спасавшимся бегством. Это, кажется, очнуло всех, и на отчаянную пальбу чеченцев прежде всего полувзводными залпами отвечал резерв, который, заряжая затем [512] ружья на ходу, бросился на выручку товарищей. Почти одновременно с ним подоспел сюда же майор Ксархаки с двумя ротами тенгинского полка, и каждое дерево как бы загремело несколькими пулями. Неприятель был сбит, прогнан в овраг; Батока был ранен.

Но, увы! К довершению нашего несчастия исчез и волшебный значок.

О, Батока, Батока! Ты на деле доказал всю тщету дамских сувениров, все их ничтожество в боевом отношении и все бессилие на войне их магического обаяния.

Благодаря алчности горцев, употребивших значительную часть времени на декольтирование наших солдат, потеря наша была относительно невелика: 13-ть изрубленных и 10 человек сильно раненых. Сколько помнится, мы не досчитались у себя четырнадцати ружей.

Когда резерв открыл пальбу, это послужило признаком к тому, что можно ввести в дело и артиллерию; поэтому прапорщик Щурский, находившийся в составе злополучной колонны, пустил к оврагу три обыкновенные гранаты с дистанции 200 сажень (17,5 л.). Но эти запоздалые выстрелы едва ли могли принести неприятелю какой-нибудь вред. [513]

VIII.

Еще одно очень неудавшееся предприятие Шамиля. Ночное нападение на маленький Севастополь; разрушение его и замена временным редутом. Наступление к аулу б. Варанды. Гора Саюн-Дук. Бомбардирование. Виленцы исчезли. Штурм и взятие Саюн-Дука. Количество истраченных артиллерийских зарядов. Деморализация в войске имама. Неприятельская батарея. Мосты. Воздушное путешествие куринцев под начальством майора Эрнрота. Возобновление моста. Беспокойное положение горцев и перестрелка вокруг лагеря. Переправа колонны полковника Черткова и штаба командующего войсками на ур. Гакко. Мост

провалился. Новые наши подданные. Редут уступлен без боя. Наш аванпост, еще засека и еще одно отражение неприятеля. Уничтожение засеки у аула м. Варанды. Перенесение лагеря на ур. Гакко. Последний здесь дебют артиллерии.

После взрыва наступило затишье. До 28-го июля мы продолжали наши работы, изредка перестреливались ружьями, но ни разу не стреляли из орудий.

Видно было, что Шамиль о чем-то думал и что-то подготовлял. Так и вышло: убежденный, что ничего решительного здесь предпринять не может и что не каждый же день может повторяться катастрофа двадцать первого июля, имам решился переменить диверсию. Он задумал поднять против нас галашевцев, галгаевцев, карабулаков и другие общества вблизи Владикавказа, и с этой целью, отделив из своего девятитысячного отряда половину, он ночью, с 24-го на 25-го июля, двинулся через Ако в галашевское общество.

Генерал Евдокимов через лазутчиков и покорившихся нам жителей узнал об этом тотчас же и тотчас же отправил [514] из своего отряда навстречу Шамилю начальника чеченского округа, полковника Беллика, с тремя сотнями казаков и тремя сотнями милиции, а полковнику Алтухову, находившемуся в укр. Шали, предписал идти форсированным маршем к Владиказказу – с двумя дивизионами драгун, пятью сотнями казаков и одним дивизионом конных орудий.

Касаясь военных действий в районе чеченского округа близь Владикавказа, я поставлен в необходимости сделать это потому, что задача настоящей статьи состоит в описании не одних только боевых дел и движений аргунского отряда, но вообще, в указании на все события 1858 года в Чечне. Таким образом, я намерен сделать перечень этих событий везде, где бы то ни было для того, чтобы не оставить пробелов в моей задаче. Но так как в военных действиях, происходивших в малой Чечне, я сам не участвовал, то мне остается одно – обратиться к официальному донесению об них генерала Евдокимова главнокомандующему армией. Участникам же дела предоставляю изложить факты в надлежащей полноте и подробностях.

Из донесения генерала Евдокимова видно следующее:

«Войска, оставшиеся в окрестности Владикавказа и на верхней Сунже, составили вместе с прибывшими войсками два отряда; один, под начальством генерал-майора Мищенки, из 2-х батальонов пехоты, 2-х дивизионов драгун, 13-ти сотен казаков, 2-х христианских и 2-х мусульманских сотен осетинской милиции, двух легких, двух горных и шести конных орудий; и другой – под начальством полковника Беллика – из 10 с половиной рот пехоты и 10-ти сотен казаков, при 2-х батарейных. 2-х легких и 2-х конных орудиях.

Шамиль прибыл в Мужич-аул, галашевского общества, [515] с передовыми скопищами 27-го числа в ожидании прибытия остальных, которое замедлилось испорченными от проливных дождей дорогами, а между тем употреблял все усилия, чтобы возмутить против нас покорные племена. Некоторая часть жителей из горных обществ: галгаевского, карабулакского и галашевского пристали к нему и усилили его толпу.

По первому известию о прибытии Шамиля в Мужич, генерал-майор Мищенко выступил со своим отрядом 27-го июля из Владикавказа и занял позицию на левом берегу Сунжи, в 15-ти верстах выше укр. Назрановского, против акиюртовского ущелья.

В полдень, 30-го числа, Шамиль двинулся по последнему ущелью с намерением напасть на отряд генерала Мищенки и потом обратиться против полковника Беллика. В 3 часа пополудни скопище его начало выходить на плоскость и разбивать палатки.

Генерал-майор Мищенко, желая выманить неприятеля на плоскость, чтобы потом атаковать его при более выгодных условиях, для нанесения ему решительного поражения, с намерением оставался на своей позиции. В пять часов, когда получено было известие, что значительная часть сил Шамиля спустилась на плоскость, он двинулся двумя колоннами: правая, под начальством подполковника Козлова, состоявшая из 6-ти сотен казаков, 4-х сотен осетинской милиции и 2-х конных орудий, направилась к аулу Измаил и получила приказание привлечь на себя внимание неприятеля; а левая, под начальством полковника Алтухова, при которой находился и сам генерал-майор Мищенко, состоявшая из двух дивизионов драгун, пяти сотен казаков и четырех конных орудий, переправившись через Сунжу против аула Наглиева, двинулась в обход неприятелю на правый его фланг. Пехота с двумя сотнями казаков, двумя легкими [516] и двумя горными орудиями оставалась на прежней позиции в виде общего резерва.

Неприятель, обратив все свое внимание на правую колонну, готовился атаковать ее, когда неожиданное появление на правом его фланге левой колонны привело его в совершенное замешательство. Выслав вперед наездников, чтобы завязать перестрелку и удержать движение наших войск, Шамиль торопился отступать, но было уже поздно. Обе колонны одновременно атаковали его, обратили в бегство и вогнали в теснину, где наносили страшное поражение столпившемуся неприятелю. Есаул Пистолькорс, спешив две сотни казаков, прошел на дорогу горою и отрезал часть неприятельской толпы, которая большей частью погибла под ударами нападавших на нее со всех сторон войск наших.

Поражение неприятеля было полное. Оставив на месте более 370 трупов, 84 лошади, 424 ружья, 280 шашек, 445 пистолетов и кинжалов, 14 палаток, в которых найдена была постель Шамиля и кухонная посуда его, и одну лошадь с походной кузницей, Шамиль бежал безостановочно до Мужича, где, переждав рассвет, продолжал бегство через Алкун в Мереджи. Толпы его рассеялись по разным дорогам, преследуемые и истребляемые местными жителями, которых он надеялся возмутить. С нашей стороны было убито 14 и ранено 16 казаков и милиционеров, большей частью из мусульман осетинской милиции».

Таково было донесение генерала Евдокимова.

Теперь возвратимся к нашему отряду, дневник которого мы остановили на двадцать восьмом числе июля.

28-го числа колонна вновь выступила на рубку к аулу [517] б. Варанды и заняла позицию в двух верстах от засеки, на горе, обнаженной от леса. Здесь местность уже была вполне открытая, и горцы не могли что-либо предпринять, вследствие чего войска возвратились к полудню на свое место без выстрела. Но зато ночью неприятель, как видно, хотел наверстать то, что потерял днем, а может быть, вновь рассчитывал на нашу оплошность: в составе значительной партии он засел в овраге и за оврагом против маленького Севастополя и, дав сигнальный выстрел, открыл беглый огонь по часовым и по палаткам. Тогда орудия, заряженные заблаговременно на всякий непредвиденный случай картечью и обыкновенными гранатами, из обоих взводов дали ему знать, что для него бесполезно продолжать дальнейшую перестрелку. Было выпущено: из взвода « 5-го батареи – один картечный заряд с дистанции 10

сажень (12 л.); из взвода № 6-го батареи – один картечный – с той же дистанции и две обыкновенные гранаты с дистанции 125 сажень (9,5 л.).

29-го июля войска, за исключением немногих частей, отдыхали. Мортирный полупудовый взвод, который принял в командование подпоручик Разуваев (брат прапорщика) от поручика Белецкого, выбывшего за болезнью из отряда, с двумя ротами линейного № 10-го батальона, прикрывая собою часть обоза главного отряда, перешел на закате солнца в колонну полковника Баженова. Кроме того, ночью прибыл туда же и взвод орудий батарейной № 4-го батареи 20-й артиллерийской бригады, под командою подпоручика Мамацаева, который вступил в состав действующего отряда накануне. Наконец взвод орудий легкой № 5-го батареи, снабженный усиленной упряжью, поднялся из Зонаха по весьма удобной и уже хорошо разработанной дороге в главный лагерь и вступил в состав своего дивизиона, которым командовал капитан Парчевский.

С вечера отдано было приказание – быть готовыми к выступлению. Все с радостью приняли это распоряжение, потому что [518] скучная и однообразная была стоянка; наконец и застоялись-таки долго на одном месте. Вследствие предстоявшего выступления, а также и потому, что засека полковника Баженова не могла вместить в себя всех, прибывших в этот день в колонну войск, в особенности артиллерию, – началось разрушение маленького Севастополя, отслужившего свою службу. Взамен его, на кургане, отстоявшем от позиции сажень на сто, в несколько часов возник маленький временный редут, который занял взвод поручика Мамацаева с батальоном белостокского полка.

Разнесся слух, что мы должны на утро готовиться к серьезному бою. Солдаты, поужинав, усердно помолились Богу, переменили белье, вымылись – кто мог и прикорнули на земле в ожидании, что пошлет им судьба на следующий день.

Генерал Евдокимов, получая ежедневно подробные сведения о намерениях и движениях Шамиля в малой Чечне, не мог не воспользоваться разделением его сил и отступлением его из шатоевского общества, вследствие чего торопился довершить свои планы занятием главных пунктов: большого Варанды, большой шатоевской долины и верховьев Аргуна. Странно, что имам был на этот раз не сообразителен. Он не мог не освоиться с тактикой генерала и не убедиться из всех его действий, что они клонятся вовсе не к тому, чтобы остановиться и засесть у малого Варанды. Это было заметно для простого и неопытного взгляда. И если только Шамиль сколько-нибудь думал об этом, то он видел, что подготовка к дальнейшим предприятиям вполне созрела, и что в такую решительную минуту не следовало ему ослаблять и оставлять своего отряда, если бы даже все шансы были на то, чтобы возмутить некоторые покорные нам общества Чечни и Осетии.

Но видно счастье вполне перестало служить владыке гор, и самая сила обстоятельств, сама судьба вела его в петлю. В тот день, 30-го июля, когда он с такой уверенностью ожидал [519] с нами боя и затем потерпел такое решительное поражение, другой, не менее решительный удар был нанесен ему в самом сердце гор.

30-го же июля, за час до рассвета, командующий войсками двинул отряд к большому Варанды следующим образом: впереди, под начальством полковника Баженова, колонну из двух батальонов пехоты, роты стрелкового батальона и взвода горных орудий легкой № 5-го батареи, под командою поручика Кулешова, которая, обогнув передовой редут, поднялась влево на гору, прикрывая этим маневром движение главных сил, наступавших по прямой

дороге. Через два часа, когда эта колонна после трудного подъема заняла левые, господствующие по пути высоты, двинулся весь отряд. Из всей артиллерии составлена была колонна в центре войск, между батальонами куринского полка.

День был прекрасный, хотя и жаркий; солдаты шли бодро, не смотря на все понесенные ими труды: на лицах так и написано было удовольствие, что расстались, наконец, с надоевшей стоянкой. Версты три дорого шла среди редкого леса, по буграм и косогорам и по недавно разработанной просеке, а затем кончалась у обширной больше-варандинской поляны, теряясь здесь в густой высокой траве и обильных посевах. Но тут в ней не было и надобности – иди, куда хочешь. В глубине этой поляны был разбросан аул большой Варанды; впереди его – глубокий овраг, в котором протекала небольшая речка, и вслед за оврагом вздымалась покрытая кое-где редким лесом гора Саюн-Дук. Она охватывала собою всю поляну с двух сторон и только из оврага несла на себе три дороги, так что обойти эту гору не было возможности, а по необходимости приходилось наступать на нее по этим дорогам. Саюн-Дук хотя вполовину менее Даргин-Дука, но значительно круче его. Из трех дорог левая была отложе других, но перерыта канавами и загораждена [520] завалами, прикрывавшимися башнею, торчавшею недалеко от вершины горы. На половине средней дороги возвышался также завал из поваленных, как видно было, весьма недавно деревьев, – что можно было заключить из зелени, еще не усохшей на этих деревьях. Это был самый крутой и тяжелый подъем, полуотвесно восходивший из оврага на вершину Саюн-Дука. Третья, правая, хотя была значительно шире двух предыдущих и допускала наступление колонною, но крутизна ее не уступала крутизне средней дороги. Невдали от вершины горы, по протяжению третьей дороги, было еще два завала. Масса горцев теснилась на вершине Саюн-Дука, по всему протяжению горы. Чуть только отряд начал выстраиваться на поляне, с горы послышалось протяжное пение тысячи голосов: «ля-илляхи-иль-алла».

Останавливая внимание на позиции, которую избрали для себя горцы на вершине Саюн-Дука, нельзя не прийти к заключению, что она по отношению к нашим войскам не усваивала за собою для неприятеля значения даже хорошей оборонительной местности, не говоря о том, что не могла предоставить ему возможности защищать ее, по неимению у него изрядного запаса артиллерийских орудий. По первому взгляду было видно, что для нас эта позиция, столько же почти неодолимая при действии штыком и ружейными выстрелами, должна была очень быстро уступить бомбардированию, потому что вся гора вплоть до ее вершины не имела никаких вполне закрытых мест вроде лесистых оврагов, балок и т. п., которые бы не могли быть с успехом обстреливаемы нами. Должно полагать, что сами горцы придавали этой позиции лишь значение относительное – как возможной естественной преграде, оберегавшей собою другие за нею, более важные для них во всех отношениях местности. Это доказывалось тем, что их артиллерия, за исключением одного орудия, была поставлена в особом пункте, над Аргуном, по ту сторону [521] горы, а эта последняя при нашем орудийном огне была уступлена без того крайнего, ожесточенного сопротивления, которое мы здесь надеялись встретить.

Но, так или иначе, а по вступлении нашем на поляну горцы приняли против нас угрожающее положение, хотя сами пока не открывали огня. Толпы их видимо сгущались и увеличивались в объеме, а песня раздавалась все громче и протяжнее.

Генерал Евдокимов, внимательно осмотрев гору по всем ее направлениям, приказал разместить орудия для бомбардирования ее. Артиллерия выдвинулась вперед, остановилась не в дальнем расстоянии от оврага и расположилась следующим образом: на левом фланге,

возвышавшемся над прочей местностью, где было несколько пустых саклей – два горных орудия легкой № 5-го батареи, под командою штабс-капитана Кнорринга; правее и ниже – взвод горных орудий той же батареи, под командою поручика Кулешова, который прибыл сюда в колонне полковника Баженова; в центре – батарея из двух орудий горной № 4-го батареи и двух горных орудий легкой № 6-го батареи; последние, впрочем, в половине боя примкнули к орудиям штабс-капитана Кнорринга, против которых неприятель усилил свои толпы. Еще правее были поставлены на возвышенности, за плетнем, две полупудовые мортиры, под командою подпоручика Разуваева и, наконец, на правом фланге под прикрытием пятого куринского батальона и роты 20-го стрелкового батальона два орудия легкой № 5-го батареи, под командою прапорщика Кашинцова.

Не кончил еще неприятель своего похоронного пения, как повзводно, с пятисекундным перерывом раздались залпы двенадцати орудий. Когда рассеялся дым – пение прекратилось, и неприятель разредел. С горы грянул выстрел, и между пятым куринским батальоном и взводом легких орудий упало [522] ядро. Впрочем, оно было первым и последним. По мере того, как неприятельская масса двигалась то вправо, то влево, как бы ища защиты и прикрытия от наших снарядов – в особенности в устроенной им на горе засеке – беглый артиллерийский огонь настигал ее на всех пунктах. Наконец горцы сбились на левой стороне горы и скрылись за широким холмом, против взвода легких орудий. Тогда, по приказанию командующего войсками, мортиры были сняты со своего места и на руках прислуги и казаков дежурной сотни начальника отряда перенесены на крышу одной из саклей аула, почти рядом с орудиями прапорщика Кашинцова. Мортирам предлежало, согласно приказанию, очистить сперва от неприятеля завалы и протяжение горы, а потом вместе с легкими орудиями обратить огонь на вершину горы. После нескольких полупудовых гранат горцы десятками стали выскакивать из-за завалов и из кустарников, покрывающих гору, и бежали вправо потом наверх. В то же время и таким же порядком орудия Кнорринга действовали по башне и по завалам, находившимся на левой дороге. Неприятель и их этих мест бежал врассыпную, вспархивая на вершину Саюн-Дука с легкостью птицы. По мере достижения этих результатов генерал Евдокимов приказывал все более и более учащать пальбу, так что орудия гремели буквально беглым огнем. Не смотря на то, что банники смачиваемы были водою, дула орудий были настолько горячи, что нельзя было дотронуться до них рукою.

Когда начальник отряда убедился, что на скатах горы нет более неприятеля, он приказал готовиться к наступлению и, между прочим, назначил на штурм по одной из дорог батальон виленского полка. Начальник штаба, подполковник Носович, который должен был передать это приказание батальону, изъездил всю поляну, опросил все части и не нашел виленцев. Тогда на розыски был отправлен адъютант генерала [523] Кемпферта – поручик Леонтович, который был не менее счастлив в этом случае, как и подполковник Носович: виленцы как будто сквозь землю провалились. Получив отрицательный доклад и поручика Леонтовича, начальник отряда приказал командующему артиллерией, подполковнику Тверитинову, послать своего адъютанта. Состоявший при подполковнике Тверитинове за адъютанта фейерверкер В. избороздил все поле не хуже предыдущих двух офицеров – и виленцев не нашел. Наконец, возвращаясь с докладом по иному направлению, В. нечаянно наехал на каких-то людей, преспокойно лежавших в высоких хлебах больше-варандинского поля, как будто в избе за печкою. Оказалось, что это были виленцы, которые, оставив пока всю боевую работу на долю артиллерии, отдыхали – впредь до востребования.

Привожу этот факт как доказательство крайней беспечности в бою войска, которое уже было достаточно обстреляно для того, чтобы рисковать подобными отступлениями, могущими в нужные минуты обходиться очень дорого и ложиться последствиями на участь целого отряда.

Штурмовые колонны, скинув ранцы и полукафтаны и оставшись в одних рубахах, с патронташами и с ружьями у плеча начали спускаться в овраг. На штурм по средней дороге были назначены наши старые знакомые – мескендукские герои – куринцы пятого батальона вместе с другим батальоном того же полка. В хвосте этой колонны, которой начальствовал флигель-адъютант полковник Чертков, следовал взвод горной № 4-го батареи; по правой дороге назначено было наступать полковнику Баженову, по левой – генералу Кемпферту, в колонне которого под прикрытием роты 2-го саперного батальона следовал взвод горных орудий легкой № 5-го батареи штабс-капитан Кнорринга.

Лишь только колонны двинулись, генерал Евдокимов приказал [524] еще более участить артиллерийскую пальбу по всему протяжению вершины горы и, стреляя через головы штурмовых колонн, остановиться лишь тогда, когда у них раздастся барабанный бой.

Канонада продолжалась со всею, почти неестественною быстротою. Тем временем штурмовые колонны, перейдя овраг, карабкались все выше и выше под жгучими лучами солнца.

Снаряд за снарядом, осеняя их головы, обеспечивал им дорогу и заставлял разбегаться тех смельчаков, которые почему-либо рисковали до сих пор засидеться за завалами, в башне или перелесках. Правая штурмовая колонна была выше других, и первая подала сигнал о прекращении артиллерийской пальбы: саженях в тридцати от вершины горы раздался барабанный бой и за ним продолжительное «ура!». Колонна вскинула ружья на руку и, ускорив шаг насколько было возможно, приближалась к вершине; артиллерия остановила огонь. В эту самую минуту, откуда ни возьмись, навстречу батальонам выросла как из-под земли неприятельская партия, открыв ружейную пальбу. Ответив ей залпом первого ряда, передняя рота взбежала на вершину Саюн-Дука и штыками отбросила горцев, которые бежали во все стороны, не ожидая, пока подойдут остальные роты. Масса горцев – пеших и конных – стремглав летела вдали по направлению к Аргуну, полуоборотом влево от колонны полковника Баженова. Тотчас ха этою колонною и остальные две вступили на вершину, сняли орудия с вьюков и остановились для роздыха и в ожидании дальнейших приказаний.

Саюн-Дук взят с потерей в колонне полковника Баженова только двух раненых: одного обер-офицера и одного рядового; в остальных двух колоннах урона не было.

При бомбардировании горы количество истраченных артиллерийских снарядов было следующее: во взводе орудий штабс-капитана Кнорринга обыкновенных гранат 56, с дистанции 450 сажень (48 л.); во взводе поручика Кулешова – 32. с дистанции 400 сажень (12 л.); во взводе легких орудий прапорщика Кашинцова – ядер 28. с дистанции 550 сажень (46 л.) и гранат 38 с той же дистанции (57 л.); во взводе горных орудий легкой № 6-го батареи на первой позиции – гранат 9, с дистанции 350 сажень (38 л.), а на второй позиции, при обстреливании разных пунктов горы, обыкновенных гранат 36, с дистанции в 275, 300, 325 и 350 сажень (27, 30, 33, 38 л.); во взводе орудий горной № 4-го батареи – обыкновенных гранат 20, с дистанции 375 сажень (40 л.); в мортирном взводе: на первой позиции полупудовых гранат 14. с дистанции 500 сажень под углом в 45?, при заряде в 48 золотников, и на второй позиции – 13 с дистанции 450 сажень, под углом 45?, при заряде в 45 золотников.

Таким образом, общее число выпущенных снарядов – 246. Хотя, положим, подобное количество артиллерийских снарядов в кавказской войне при одном только – и то непродолжительном – бое немножко велико. Но если взять во внимание, что от артиллерийской стрельбы исключительно зависела участь дело, что при этом ружейных патронов израсходовано не более 100 и что, наконец, только при таком единственном вспоможении артиллерии у нас выбыло из строя двое, тогда как при слабой и редкой пальбе пришлось бы штурмовать каждый завал и попадать каждому из солдат любой неприятельской пуле, не будучи в состоянии отвечать на нее снизу вверх, то окажется, что расход и затрата боевых зарядов произведены расчетливо, благоразумно и относительно экономно.

Вообще можно сказать, что горцы отстаивали себя слабо; и если не считать тех немногих выстрелов, которые были сделаны ими навстречу колонне полковника Баженова, то следует прийти к заключению, что Саюн-Дук достался нам почти без боя. Горцы, видимо, опустили руки и защищали сою твердыню [526] как бы для формы. Причину такого равнодушия следует искать столько же в отсутствии здесь Шамиля, который никогда не был бы так уступчив, сколько и в раздоре между местными защитниками страны – чеченцами и их пришлыми сподвижниками – тавлинцами. Разлад между ними произошел тотчас по вступлении Шамиля в малую Чечню, и он был явлением весьма естественным. Хотя Шамиль был уверен в дружелюбии и согласии своего сборного отряда, потому что всех одинаково привел к присяге на газават, но дикие и голодные тавлинцы думали и действовали иначе, не придавая никакого значения этому газавату и даже не понимая его смысла. Они были рады лишь случаю жить и кормиться на чужой счет, выказывая ко всему остальному – в особенности к жертвам в пользу чеченцев – полнейшее равнодушие. Вследствие этого им было решительно все равно, победят ли чеченцы или будут побеждены: это дело их не касалось. Чеченцы же наоборот столько же заботились пока об охранении себя от русского влияния, сколько и о своих семействах, которые были в глубине лесов, и частью требовали их присутствия. Оставив таким образом своих единоверцев более или менее без пропитания и без должного в боевом отношении пособия, они, конечно, возбудили против себя неудовольствия эти пришельцев и их полнейшее равнодушие к делу. При начале бомбардирования тавлинцы еще пели песни вместе с чеченскими мюридами, но когда увидели, что настала минута нешуточная, они первые ретировались, предоставив чеченцам, если желают, отстаивать Саюн-Дук согласно своему усмотрению. Этим и объясняется столь слабое сопротивление неприятеля при взятии горы, которую до последней возможности пришлось защищать небольшой горсти лишь одних чеченцев.

Когда войска перешагнули вершину Саюн-Дука, открылась новая обширная и обнаженная от леса, возвышенная над рекою поляна, перерезанная надвое Аргуном, к которому с [527] обеих сторон она склонялась довольно отлого. Это – шатоевская долина и на ней аулы – Вашиндур и Цаганэ. Вверх по течению Аргуна и по правую его сторону поляна эта, называемая урочищем Гакко, упиралась в невысокую лесистую гору, на выступе которой виднелась трехорудийная неприятельская батарея, прикрытая бруствером и полузакрытая деревьями. Батарея была устроена очень удачно, потому что могла действовать во все стороны, а в особенности вниз по течению реки. Возле каждого из аулов был переброшен через реку мост. Для нас эти мосты были чрезвычайно важны, потому что они открывали нам выход на правую сторону Чанты-Аргуна. Вследствие этого командующий войсками, въехав на гору непосредственно за штурмовою колонною генерала Кемпферта и дав несколько вздохнуть войскам, тотчас же направил часть из них на эти мосты, чтобы охранить их от уничтожения. Но, увы! верхний

мост был уже объят пламенем, а от нижнего едва уцелела только незначительная часть, которая давала возможность перешагнуть на ту сторону лишь с опасностью для жизни. Невзирая на это, майор Эрнрот с двумя ротами куринцев быстро устремился к останкам этого моста, переправил несколько человек на ту сторону Аргуна, при помощи их устроил веревочные перила и затем перешел с ротами на правый берег Аргуна и занял вторую половину долины – урочище Гакко. В отряде был тогда общий говор, что майор Эрнрот не получал никакого приказания на это воздушное путешествие, что он его предпринял самовольно и должен будет подлежать ответственности. Но, к счастью, последнее обстоятельство не оправдалось на деле, а о первом не могу утверждать положительно.

Так или иначе, а майору Эрнроту принадлежит первая честь занятия той местности, на которой ныне построено укрепление Шатоевское; так или иначе, а все-таки пришлось воспользоваться его услугою и тотчас же приступить к возобновлению моста. [528]

В прикрытие уцелевшего моста возле аула Цаганэ и двух молодецких рот куринцев без замедления был направлен взвод горных орудий легкой № 5-го батареи поручика Кулешова, который занял позицию по сию сторону, на террасе, над Аргуном на расстоянии пол-орудийного выстрела от неприятельской батареи. Едва только Кулешов установил свои орудия, а майор Эрнрот переправил на ту сторону по канату половину роты, неприятельская батарея при пособии небольшой партии, рассеянной по берегу в закрытых местах, открыла огонь. В горном взводе в это время пулей был ранен один рядовой. Чтобы очистить берег от неприятеля, орудия обстреляли его картечным огнем, при чем было выпущено пять зарядов, с дистанции 100 сажень (12 л.), а потом обратились к батарее, которую заставили замолчать тринадцатью обыкновенными гранатами, на расстоянии 250 сажень (23,5 л.).

По левому же берегу Аргуна, на первой половине шатоевской долины, войска, в составе артиллерии, были расположены следующим образом: на вершине Саюн-Дука – часть пехоты со взводом орудий горной № 4-го батареи, который, время от времени стреляя по незначительным париям, скрывавшимся по ту сторону горы в небольших лесистых балках, выпустил до вечера 9 гранат с разных дистанций. Взвод горных орудий штабс-капитана Кнорринга, по вступлении на гору, был направлен вперед и в пол-оборота налево, во фланг неприятельской батарее, по долине, заметно спускавшейся здесь к лесистому оврагу, и занял позицию над обрывом сего последнего, между Вашиндуром и Цаганэ. Сюда же был прислан в числе других и пятый батальон куринского полка, который вместе с остальными, здесь находившимися частями войск, составил авангард отряда под начальством генерал-майора Кемпферта, оградив себя впереди засекой. Едва только наша нога коснулась этой позиции, из оврага и с правой стороны Аргуна началась [529] ружейная неприятельская пальба. Все пространство вокруг лагеря было очищено от неприятеля сперва четырьмя картечными зарядами, с дистанции 10 сажень (12 л.), а потом, в течение остального дня и ночи, двадцатью восемью обыкновенными гранатами, которые стреляли вместе с тем в ответ на выстрелы – и притом весьма неудачные – неприятельские батареи. Взвод легких орудий и мортирный взвод, спустившись с Саюн-Дука, заняли позицию левее аула Цаганэ, в углу, образуемом поворотом реки, и тотчас открыли огонь гранатами по неприятельскому редуту и по находившейся там партии, с дистанции 550 сажень. Из полупудового единорога было выпущено 10 обыкновенных гранат (57 л.), а из мортир – 17 гранат, под углом 45?, при заряде 50 золотников. Взвод горных орудий легкой № 6-го батареи вместе со вторым батальоном куринского полка был оставлен в ауле большом Варанды.

При наступлении отряда на Саюн-Дук полковник Наумов с двумя батальонами навагинского полка прикрывал вьюки и вообще транспорт, который выступил из бывшего лагеря по следам главного отряда. Под начальством полковника Наумова находился, между прочим, и взвод горных орудий батарейной № 4-го батареи прапорщика Разуваева. У аула большого Варанды колонна эта остановилась и простояла на месте пять часов, пока все вьюки поднялись на Саюн-Дук. При этом во взводе прапорщика Разуваева выстрелом одной картечной гранаты (старого заготовления), с дистанции 200 сажень (29 л.), была рассеяна незначительная партия горцев, стрелявших по колонне из-за кургана. В три часа пополудни, когда вьюки поднялись на гору, колонна отступила опять в аул малый Варанды.

31-го июля, с рассветом, неприятель оставил свой бивак на правом берегу Аргуна, за лесом, где был его редут, и, разделившись на несколько более или менее значительных партий, стал появляться у наших передовых постов, не решаясь, [530] впрочем, подходить к ним ближе 100 сажень. Против засеки, в которой находился майор Юргенсон с пятым батальоном куринцев, вся балка и поляна по ту сторону небольшого леса были заняты неприятельскими значками. По всем маневрам горцев было заметно, что они или готовятся к нападению, или чем-то встревожены, или чего-то особенного ожидают; вообще приготовления к какому-то действию были весьма явны. Чтобы предупредить осуществление первого из указанных предположений, штабс-капитан Кнорринг открыл картечный огонь их двух орудий, с дистанции 100 саж. (12 л.), по балке и по одной из отделившихся партий, вытягивавшейся вправо, за лесом. После восьми картечных выстрелов горцы сперва рассеялись, но потом вновь стали появляться отдельными группами – уже на расстоянии значительно дальнем. Тогда орудия пустили в них семнадцать обыкновенных гранат, с дистанции 300 саж. (30 л.). Среди этой пальбы было несколько таких гранат, которые с математическою точностью рвало на данном месте. Это, вероятно, много способствовало тому, что под выстрелами штабс-капитана Кнорринга до следующего утра не промелькнула ни одна неприятельская винтовка.

Но за рекой, в виду полубатальона Эрнрота, горцы, то появляясь, то вновь скрываясь в лесу, в продолжение нескольких часов беспокоили колонну ружейными выстрелами, большая часть которых оставалась, впрочем, в высоком берегу Аргуна. После долгого терпения необходимо было откликнуться на эти выстрелы в особенности тогда, когда дерзость горцев достигла ста двадцати пяти сажень расстояния от наших орудий. Три картечных выстрела (13 л.) отбросили их от нас более чем на удвоенную дистанцию, но и тут они продолжали изощряться в разряжении своих винтовок – и изощрялись весьма долго, до позднего обеда, так что пришлось разновременно послать им двадцать две обыкновенные гранаты, с дистанции 260 [531] сажень (24 л.). Вообще с раннего утра неприятель более всего напирал на этот пункт. Ясно было – и это не требовало доказательств – что, усмотрев еще накануне горсть наших храбрецов, пробравшихся так непрошено на урочище Гакко и остававшихся там отрезанными и изолированными, он поставил своею задачею, во что бы то ни стало оттеснить и прогнать их оттуда. И не поспеши генерал Евдокимов прикрыть с этой стороны Эрнрота колонною вместе с артиллерией, то они бы еще в истекшую ночь попытали бы счастья; – неизвестно, что было бы тогда с двумя храбрыми ротами и с их отважным командиром, которым суждено было еще целый день выдерживать натиск большей части неприятельских наличных сил. Бедные куринцы, голодные, измученные бессонницей, потому что в течение двух дней приходилось держать наготове глаза, уши т ружья, истратив почти все свои заряды, как кроты в норе, лепились у обрывистого берега, полагаясь лишь на охранявшие их с левого берега орудия и на бывших там своих товарищей. Положение их 31-го июля, с самого утра, был до такой степени

затруднительное, что генерал Евдокимов счел необходимым усилить взвод поручика Кулешова двумя мортирами, которые не замедлили явиться на подмогу. Это было тем более необходимо, что горный взвод легкой № 5-го батареи уже не раз принимался считать, сколько у него осталось картечных зарядов и сколько обыкновенных гранат, и после каждого счета воздерживался от всякого лишнего выстрела, чтобы не пустить в ход, по необходимости, бесполезные на этот раз картечные гранаты или гранаты с кусками зажигательного состава. Мортирный взвод значительно поддержал Кулешова и Эрнрота. В течение дня, с воздержанием и экономией, он отправил к горцам десять полупудовых гранат с дистанции 500 сажень (под углом в 45?, при заряде в 48 золотников). Эти тридцать пять выстрелов, а также и ружейный огонь держали неприятеля в приличном отдалении до самой ночи. [532]

Одновременно с партиями, появившимися с утра впереди нашего авангарда и на урочище Гакко, показались партии горцев в лесу, по северному склону горы Саюн-Дука, и у переправы, близ аула большого Варанды. Первая из них была отбита и рассеяна пятью обыкновенными гранатами из орудий прапорщика Алексеева, с дистанции 200 сажень (17,5 л.), а вторая – четырьмя обыкновенными гранатами из орудий прапорщика Щурского, с дистанции 250 сажень (23,5 л.).

В четыре часа пополудни прибыл в отряд черводарский транспорт с провиантом, под прикрытием колонны полковника Наумова, состоявшей из двух батальонов навагинского полка и взвода горных орудий батарейной № 4-го батареи 20-й артиллерийской бригады. Колонна эта заняла место на отроге Саюн-Дука возле своих однополчан. Лишь только орудия снялись с передков, вблизи левого фаса лагеря начали появляться из леса одна за другою небольшие неприятельские партии, каждая численностью не свыше 10-12 человек. По мере того, как они группировались, изредка измеряя выстрелами расстояние, отделявшее их от колонны, командир взвода приветствовал их шестью обыкновенными гранатами с дистанции 300 сажень (30 л.). Через час эти гранаты разогнали все партии в разные стороны.

К закату солнца мост у аула Цаганэ был наскоро возобновлен – и две куринские роты вздохнули свободно. Генералу Кемпферту приказано было немедленно перейти на урочище Гакко с колонною, состоявшей из четырех батальонов и четырех горных орудий. Началась переправа. Лишь только вступила на мост и столпилась на нем первая рота передового эшелона, который вел за собою полковник Чертков – мост зашатался и заходил во все стороны. Приняты были надлежащие предосторожности, и стали переправлять на ту сторону людей – десятками, а лошадей – поодиночке. после переднего батальона и двух взводов орудий легкой № 5-го батареи и батарейной № 4-го батареи, из которых [533] первый, перейдя реку, остановился тут же на берегу, над обрывом, прошел без приключений другой батальон – навагинский, а за ним командующий войсками со всем штабом и с принадлежностями походной ставки. Но третий затем батальон проходил уже с опасностью, потому что мост трещал неимоверно даже под ногами нескольких человек. Однако и этот батальон очутился на правом берегу Аргуна без всяких приключений. Зато четвертому батальону не удалось последовать за своими товарищами: чуть только думала вступить на мост первая офицерская нога – мост затрещал в последний раз и рухнул, как по мановению волшебного жезла. Делать нечего, последний батальон вместо того, чтобы пойти за предыдущими, снял с себя ранцы, взял в руки топоры и под руководством саперов и при их содействии начал еще раз возобновление упрямого моста.

Но все-таки на этот раз мы стали уже твердою ногою на урочище Гакко.

1 –го августа, едва лишь рассвело, в ставку командующего войсками явились некоторые жители ближайших к урочищу аулов, изъявляя покорность и прося принять их в подданство России. При этом они заявили, что примеру их готовы последовать очень многие, но едва ли решаться на эту меру прежде, чем будут уверены, что выселение их из аулов произойдет под охраною русского оружия. Приняв покорность пришельцев и доверяя их заявлению, начальник отряда выразил содействие прилежащим к урочищу аулам и хуторам тем, что приказал немедленно полковнику Черткову, в составе двух батальонов и двух горных орудий, выступить навстречу жителям, желающим переселиться. Колонна двинулась, но только что она показалась [534] в виду первого аула, состоявшего из двух десятков сакль, как была встречена неприятельскими выстрелами, раздававшимися из леса, мимо которого должно было следовать переселенцам. Орудия бросили в лес две обыкновенные гранаты, которые заставили неприятеля на время притихнуть. Когда же быстро собравшиеся жители усадили на арбы свои семейства и двинулись под прикрытие нашей колонны, горцы выразили намерение атаковать их поезд и снова начали стрельбу как по орудиям, так равно и по арбам. Роты отвечали им беглым огнем в глубину леса, а орудия посылали еще четыре гранаты, после которых настала тишина, прерываемая лишь редкими и отдаленными выстрелами. Орудийная стрельба производилась с дистанции 175 сажень (14,5 л.).

Переселенцы под прикрытием колонны благополучно вступили на урочище Гакко, где в этот день не без удовольствия пропитывались нашими сухарями, угощая в то же время солдат своими каменными чуреками.

Когда колонна вернулась в лагерь – и в неприятельском редуте орудия исчезли. Для какой надобности они были здесь поставлены – трудно сказать. Вся их деятельность выразилась в том, что в течение двух дней они бросили к нам в лагерь до десяти вполне безвредных снарядов – и то лишь преимущественно в маленькую колонну майора Эрнрота. Затем никаких других поползновений со стороны неприятельской артиллерии предпринимаемо не было. Должно думать, что батарея была устроена для той цели, чтобы поражать войска в то время, когда бы мы решились переправиться через Аргун вброд. Действительно, если бы майор Эрнрот не захватил остатков моста, а командующий войсками пожелал бы тридцатого июля перейти на урочище Гакко, то он по необходимости должен бы был переправляться почти под дулами неприятельских орудий, так как другого брода не было. Но, благодарение Богу, этого не случилось. По снятии орудий, редут [535] до следующего дня служил пока убежищем неприятельской парии. Но 2-го августа, утром, взвод орудий батарейной № 4-го батареи двинулся к нему под прикрытием батальона с намерением поместить там свои собственные орудия и для этого выбил оттуда горцев. Выбивать, однако, было нечего, потому что лишь только батальон стал подходить к редуту, горцы поспешили его оставить и удалились без выстрела. Орудия наши всползли благополучно в редут и расположились там под сенью деревьев: было прохладно и удобно, вид на оба лагеря превосходный; еще приятнее было смотреть – и конечно, только смотреть в качестве зрителя – на муравейник возле аула Цаганэ, где сотни рук работали над возведением моста, который с часу на час складывался все шире и длиннее. Главнейшей специальностью орудий, занявших редут, было охранение и прикрытие этого муравейника и вновь строившегося моста, которому приказано было, во что бы то ни стало родиться вполне к утру следующего дня. Не смотря на проливной дождь, который шел почти всю ночь, муравейник не переставал копошиться, лишь сменяя партии рабочих, и третьего августа, утром, мост действительно оказался вполне готовым, чистеньким, вымытым…

Такова краткая история неприятельского редута и тесно связанного с ним нашего новорожденного в то время моста.

Препроводив новых подданных в лагерь, взвод орудий легкой № 5-го батареи, после скудного походного обеда, был выдвинут на двести пятьдесят сажень впереди лагеря и занял позицию под прикрытием роты куринского полка на кургане. Неприятель, думая, вероятно, оттеснить отсюда нашу небольшую колонну, а может быть почему-либо и дорожа этим курганом, открыл по куринцам из ближней опушки учащенный ружейный огонь, на который они не замедлили отвечать ему не менее усердно. Орудия, конечно, поддержали и на этот раз одарили горцев тремя картечными зарядами, с дистанции 100 сажень (12 л.), и [536] двенадцатью обыкновенными гранатами, с дистанции 250 сажень (23,5 л.). Увидев, что взвод орудий, а с ним и куринцы, вовсе не намерен уступать своей позиции, и что заряды у нас израсходованы еще не все, горцы, выбранив издали наших солдат самыми нехорошими словами, удалились. Куринцы и артиллеристы тотчас приступили к устройству вокруг себя засеки и к ночи почили от дел своих.

В то время, когда здесь возникла засека, участь другой засеки быстро сближалась. Едва только сумерки спустились на землю, четвертый батальон тенгинского полка и две роты сводно-линейного № 10-го батальона, при двух горных орудиях легкой № 6-го батареи, под начальством полковника Баженов, выступили из лагеря обратно, по направлению к аулу малому Варанды. Остановясь на ружейный выстрел от устроенной там засеки, полковник Баженов приказал батальону, сидевшему в ней доселе со взводом легких орудий батарейной № 4-го батареи, ретироваться в Зонах и, отступая, зажечь со всех концов свое недавнее убежище. Сухая засека мигом затрещала, и через полчаса от нее осталась только груда пепла. Полковник Баженов, выждав часа полтора, пока отступила окончательно колонна из засеки, возвратился в главный лагерь, употребив на свою прогулку несколько часов.

3-го августа, ранним утром, наш лагерь на шатоевской долине пришел в движение: велено перебираться на урочище Гакко, на новую и постоянную квартиру. Сборы были короткие: палатки на вьюки, туда же и все несложное казенное имущество, ранцы на плечи, котомки на ранцы – и пошли. В тот же самое время обнаружилось движение и со стороны горцев, которые окольными путями, в составе довольно значительных партий, примерно человек в 40-50 каждая, вылезли откуда-то как их земли и зашевелились в значительном от нас отдалении по правую сторону Аргуна. началась переправа. Пехота, горная артиллерия, [537] кавалерия, вьючные транспорты – все шли и шли, и конца им не было. Впрочем, двигались довольно быстро. Когда же дело дошло до взвода легких орудий № 5-го батареи и до мортир, то для них мост и теперь даже оказался несколько жидковат, так что из-под орудий пришлось выпрягать лошадей, а мортиры провозить с большой осторожностью. По выступлении на урочище Гакко, эти четыре орудия, согласно приказанию, направились тотчас к кургану, занятому поручиком Кулешовым, взвод которого уже окончательно страдал недостатком снарядов. Тут объяснилось, что значило движение горцев, которое отряд видел еще с шатоевской поляны: когда неприятель увидел, что войска оставляют левую сторону Аргуна, он в свою очередь начал отступление к Шато-Аргуну. Ему пришлось проходить как раз в виду нашей засеки. Среди толпы виднелись и орудия, из которых каждое тащили четыре белые лошади. Местность впереди была более или менее открытая, и – зевать нечего – мортиры и легкие орудия тотчас открыли огонь. Ядро за ядром и граната за гранатою летели так быстро, и стрельба была так удачна, что неприятель, рассыпаясь и вновь смыкаясь, как видно, едва

успевал подбирать раненых, торопясь скорее достигнуть полуразрушенного по пути аула. Лишь только он коснулся первых сакль и, вероятно, мысленно воссылал аллаху признательность за свое спасение, шестифунтовое ядро, вылетев из орудия с грохотом и свистом, чрезвычайно ловко, а вместе с тем странно и моментально прекратило еще одно существование: оно сорвало с седла какого-то тавлинца или чеченца так проворно, как будто его и вовсе никогда не было; лошадь же, как видно было издали, осталась на месте. Толпа засуетилась, столпилась в кучу, но в это время полупудовая граната явилась в самой ее середине и лопнула. Все, что имело под собою ноги, разлетелось в стороны, ища спасения в саклях и в разных других постройках аула. Кавалерия же [538] вместе с орудиями бросилась в чащу леса, возле которого пробиралась к аулу.

Это был последний дебют артиллерии.

Мортирным взводом было брошено десять гранат с дистанции 500 сажень, под углом 45?, при заряде в 48 золотников. Из легких орудий, с дистанции 400 сажень, было выпущено: ядер – 17 (28 л.) и обыкновенных гранат – 20 (38 л.). Кроме этих орудий, на урочище Гакко прибыл пока лишь взвод горных орудий легкой № 6ого батареи, который занял позицию между ротами тенгинского полка; взвод же горных орудий легкой № 5-го батареи штабс-капитана Кнорринга остался по левую сторону реки, на высоте, господствовавшей над вновь устроенным мостом.

Отступление неприятеля было полное и совершенное. Вокруг нас не раздавалось более ни одного выстрела; для отряда наступил отдых, а вместе с ним и жизнь лагерная, более или иене спокойная – конечно, на некоторое лишь время – но не та, которая заставляет солдата день и ночь ожидать к себе в гости неприятельскую рулю, т. е. жизнь не в виду неприятеля. Она сказалась прежде всего в отрезанной от нас колонне на левом берегу Аргуна, где в составе куринского батальона был взвод орудий штабс-капитана Кнорринга; не успело солнце сесть за горы – там раздались песни, бубен – и не умолкали до глубокой ночи. Обстоятельство было настолько соблазнительное, что некоторые из офицеров, оставив главный лагерь, отправились к куринцам провести время и отвести душу.

Текст воспроизведен по изданию: 1858 год в Чечне // Кавказский сборник, Том 3. 1879

ВОЛКОНСКИЙ Н. А.

1858 ГОД В ЧЕЧНЕ

IX.

Успехи артиллерийской стрельбы. Нечто о допотопных орудиях. Меткий заревой выстрел. Заложение Шатоевского укрепления. Последствия пребывания на передовых пунктах и влияние их на быт кавказского офицера. День из жизни на передовом посту; отжившие типы. Необходимая оговорка.

С 30-го июля по 3-е августа потери наши были крайне ничтожны и ограничивались лишь тем числом выбывших из строя воинских чинов, которое указано в предыдущей главе. Между тем покушения неприятеля были слишком обширны, и количеству его выстрелов нет счета.

Сохранением жизни десятков, а может быть и сотен людей мы были обязаны единственно артиллерии, которая, в продолжение четырех суток сряду, одна, предпочтительно пред остальными родами оружия, участвовала в боях и не допускала горцев к отряду даже на ружейный выстрел. Кроме того, самая стрельба артиллерии была в те четыре дня всегда так удачна, что отбивала у неприятеля всякую охоту состязаться с нами. Успешность стрельбы следует отнести столько же к тому, что она производилась из орудий не допотопного времени, сколько, в особенности, и к наметанности артиллеристов, которые были так напрактикованы в своем деле, что, определяя со всей точностью расстояние на глазомер – хотя бы до цели было несколько мертвых пространств – они большей частью не прибегали даже к употреблению прицела, зная наизусть, сколько линий условливает за собою известный подъем или определенное опущение дула. Генерал Евдокимов при заложении Шатоевского укрепления, благодарив артиллерию за оказанные ею услуги, сделал [540] тогда должную оценку меткости выстрелов и быстроты артиллерийской стрельбы.

Говоря о допотопных орудиях, я под этим подразумеваю те некоторые пушки и единороги, которые водились в наших кавказских батареях, в особенности легких. День рождения многих из них, как можно было судить по надписям на казенной части, далеко предшествовал собою день рождения нередко старшего, по возрасту, из состава артиллерийской прислуги. В дуле этих орудий было такое изобилие всякого рода раковин и тому подобных иззубрин, до такой степени были чувствительны зазоры, что снаряд, пока вылетит из дула, стукнется об его стенки несчетное количество раз. Хорошо, если при таком орудии стояла прислуга, ему собственно принадлежащая и давно знакомая со всеми погрешностями и слабостями своего инструмента: оно, в этом случае, стреляло так же исправно, как орудие новое, только что пристрелянное, потому что вместо того, чтобы наводить его прямо – наводили влево, и ядро или граната как раз попадали в цель. Но если являлась прислуга другого орудия или другого взвода, то ей приходилось просто выходить из себя, смотря на удар снаряда.: наведено орудие отлично, расстояние определено, по-видимому, очень верно – что доказывает ряд гранат, пущенных навесно – а между тем, в данное место никак не попадешь; пока же изловчишься, проходит много времени, снаряды пропадают ни за грош, а неприятелю вовсе не обидно.

Привычка к своему орудию выразилась однажды в одном примере, которого я был очевидцем, и этот пример заслуживает того, чтобы не обойти его молчанием.

Дело было в декабре 1857-го года, в большой Чечне, на Джалке или на Хобби-Шавдоне – не помню. На обширной поляне был раскинут лагерь нашего большого отряда. Впереди, в интервалах между батальонами, стояли артиллерийские взводы, и в [541] том числе взвод легких и взвод батарейных орудий легкой № 5-го батареи. В четырехстах саженях от нашей позиции был лес, в котором находился неприятельский бивак; там же и сам Шамиль. Вечером подали повестку. Неприятель дал такую же повестку и у себя. Заревой выстрел в этот день приходилось сделать из легких орудий 5-й легкой батареи, где оба эти орудия были крайне неисправны и донельзя расстреляны – в особенности единорог. Граната, пущенная из него на дистанцию четырехсот сажень, отклонялась вправо по крайней мере шагов на двадцать пять. Командиру этого взвода, хорошо изучившему свои орудия, вздумалось пощеголять их меткостью, другие офицеры той же батареи, знавшие хорошо капризы единорога,

подсмеивались на Кашинцовым. Кашинцов заверял, что он влепит гаранту в дерево, на которое предварительно указал. Дерево же это было толщиною всего лишь в пол-обхвата; присутствующие единогласно его убеждали, что он увлекается. Побились об заклад, чуть ли не на бутылку портера. Кашинцов приготовил орудие, навел и ждал. Когда пришло время играть зарю, и была пущена ракета, он скомандовал, орудие грохнуло – и граната оказалась там, где он обещал.

Этот случай, доказывая, что постоянная практика в стрельбе вырабатывает хороших боевых артиллеристов, вместе с тем еще раз убеждает в том, что в делах и перестрелках при овладении шатоевскою долиною, где участвовали эти же самые артиллеристы, счастливый исход для нас во всех перестрелках и столкновениях с неприятелем следует приписать преимущественно артиллерии. Зато, начиная с четвертого августа, ей уж решительно нечего было делать, и в то время, когда пехота после непродолжительного отдыха вновь принялась за работу по расчистке лесов и возведению укрепления, артиллерия, прикрыв от солнца свои лафеты, изо дня в день лишь изощрялась в ничегонеделании и изредка в уходе за лошадьми, [542] которых нужно было вогнать в тело,– тем более, что носились слухи о скором посещении края Его Императорским Высочеством, Генерал-фельдцейхмейстером.

Восьмого августа, ранним утром, лагерь пришел в движение: в ротах готовилось скромное угощение и ведра спирта; солдаты, приодевшись в свои полуизорванные полукафтаны, рукавом стирали пыль со своих ружей; офицеры вынимали из вьючных сундуков форменные шаровары, которые долгое время были заменены верблюжьими и тому подобными; денщики сновали к маркитанту и обратно с флягами и бутылками,– словом, оживление было полное: готовился праздник – служение молебна и закладка укрепления.

В половине девятого отряд выстроился впереди лагеря. Вскоре вышел из ставки командующий войсками, и началось служение. По возглашении многолетия Государю Императору и Августейшей Фамилии, сопровождавшемся усердным и многократным «ура!» всех войск, генерал Евдокимов поблагодарил отряд за его доблести и, дойдя до левого фланга, где все было приготовлено для совершения церемонии – закладки укрепления, своеручно положил первый камень в основание его.

С этой минуты не по дням, а по часам стало расти укрепление Шатоевское, и к целому ряду пунктов на передовой линии прибавился еще один пункт.

Со следующего же затем дня начались правильные и непрерывные работы. Большая часть представительных лиц разъехались в свои штаб-квартиры – кто на время, а кто совсем. Начальник отряда также выехал с тем, впрочем, чтобы через несколько дней вернуться. Урочище потеряло господствующую на нем до того времени оживленность, и началось ужасное [543] однообразие, среди которого более не раздавались ни выстрелы, ни победные клики войск; то и другое сменилось вечерними песнями, перебранкою друг с другом фурлейтов, щелканьем карт в палатках офицеров и тому подобными досугами.

Убийственно невыносима жизнь на передовом посту, и она хорошо известна всем, кто только в минувшую войну служил на левом крыле кавказской линии. Эти разные укрепления, вроде Урус-Мартана, Шали, Бердыкеля и т. д., и т. д., до того наводили одурь на всех тех, кого судьба обрекала там на продолжительную стоянку. до того нередко переделывали все существо сколько-нибудь развитого человека, что в этом отношении далеко, кажется, опередили всякое тюремное заключение. Последнее уж лучше тем, что оно имеет строгий надзор и вследствие

этого не дает ни повода, ни возможности следовать дурным наклонностям или их вырабатывать в себе. Первое же, при полной свободе человека, неизбежно вызывает эти наклонности и по необходимости тянет ко всем порокам, которые порождаются скукою, однообразием, ленью и ничегонеделанием. Укрепление Шатоевское еще ничего себе; оно не только в описываемое нами время, но даже и зимою 1858–59-го года не имело вполне того характера, как другие передовые пункты, потому что тут было и народа больше, и сообщения в тылу были более обеспечены. Но те укрепления, о которых я упомянул, и многие другие, им подобные, которые сообщались в свое время с штаб-квартирою раз в месяц, и то лишь при надежной оказии, в составе не менее батальона и двух орудий – те оставили по себе у прежних кавказцев и неизгладимую память, и неизгладимые последствия – у многих на всю жизнь. Продолжительное пребывание на передовом посту было нравственным недугом, порчей большей части [544] офицеров старого кавказского склада, испытавших его. Там глохла всякая энергия; мозг не имел никакой пищи, глаза и уши – никакого разнообразия, что в особенности вредно влияло на молодежь, и притом заезжую, являвшуюся на Кавказ за орденами, отличиями и заслугами. Все живое в этих передовых пунктах, как в могиле, бывало запрятано с утра и до утра между высоких брустверов, за глубоким рвом и раз в сутки отворяющимися воротами. Ждут и не дождутся, когда явится оказия, которая доставить запасы, письма, а иногда и знакомых казачек, остающихся на посту впредь до следующей оказии. И вот с песнями подходит эта оказия, движется ряд повозок, мелькают разноцветные женские бешметы и архалуки; все и вся высыпает навстречу. Явились – и пошли расспросы, разговоры, шум, говор, пир на всю ночь. Это – праздник на передовом посту. На следующий день, рано утром, оказия уходит, забрав с собою больных и раненых, и благо, если оставит по себе воспоминание в лице какой-нибудь Лукерьи, которая, поселившись в офицерской землянке, служит каким-нибудь предметом развлечения на короткое время, а то, по большей части, кроме съестных продуктов и ничего не оставит. И вновь начинается одуряющее однообразие, прерываемое по вечерам стуком бубна и криками песенников, а ночью возгласами подкутившей компании.

Жизнь на передовом посту, среди которой извратилась, заглохла или выработалась вполне своеобразно не одна натура на Кавказе, была в свое время явлением настолько интересным, конечно в своем роде, в быту нашего, ныне благоденствующего края, что она вполне заслуживает самого подробного воспоминания и описания. Эта жизнь более повториться не может; мало того, о ней многие теперь и понятия не имеют, а между тем, она – одна из важных страниц бытовой истории боевого Кавказа. В виду этого я признаю вовсе нелишним посвятить для [545] этой страницы немного времени и труда и перенести внимание читателей на деятельность и времяпрепровождение старых кавказцев – солдат и офицеров – обрекавшихся лет 25-30 тому назад в течение долгих нередко месяцев на затворничество в передовых пунктах. Возьму один день из этой жизни, как я его сам видел, в том укреплении или на том посту, которые строились, вследствие военных нужд, на время и потом, по миновании надобности и по случаю углубления наших войск во внутрь постепенно завоевываемого края, были упраздняемы и разрушаемы, уступая впереди себя место другим таким же укрепленным пунктам.

Передовые посты имели внутри обыкновенно следующий вид: на площади несколько искривленных мазанок да с десяток или полтора землянок, в которые нужно входить или, лучше сказать, спускается по трем и более ступеням. Это – жилища офицеров и ротные дворы. Помещения же для солдат – на одну или более рот – приспособлены в кибитках и палатках.

Если бывала баня, то она большей частью строилась вне укрепления над рекой или ручьем, из которого пил весь гарнизон.

Войдем в одну из землянок. Площадь ее – тридцать пять квадратных аршин, иногда и более; пол – земляной, устлан рогожками; стены выбелены; в углу – очень маленькая печь с лежанкою, иногда – просто камин; справа, слева – два или три маленьких окошечка, заклеенных преимущественно масляной бумагою; в некоторых землянках есть и стекла; направо и налево – две койки или вьючные сундуки, или плетенки, прикрытые войлоками и часто коврами; между ними – стол, и на столе – хлеб, бутылка, рюмка, редко при этом бумага и еще реже – книга; потом – кист с табаком, стеариновая свеча в подсвечнике, зеркало, гребень, подчас бритва, оселок и, наконец, записная маркитанская, вполне засаленная тетрадка; у стола – скамейка, [546] в углу – другая, подле нее два складных стула и на лежанке – самоварчик, два стакана с ложечкой, немного тарелок, две ложки, два ножа и две вилки.

Мазанки строились значительно просторнее и удобнее, очень часто с двумя помещениями, но содержимое в них было все одно и то же, что и в землянках.

Нельзя не обратить особенного внимания на знаменитую, в полном смысле слова, харчевую маркитанскую тетрадку. Без преувеличения и без прикрас я приведу здесь запись, которую не раз сам видел. Откидываете листок и читаете: 1-го декабря. Вотка, селетка, вотка, вотка. 2-го декабря. Калеты (галеты), вотка, шамай, вотка. вотка. 3-го декабря. Свечка, вотка, портер, селетка, селетка, вотка, еще вотка. И все в этом смысле и роде.

Рассветает. Быстро и проворно вылазит из кибитки или из палатки фельдфебельский вестовой; за ним, кряхтя и потягиваясь, выползает барабанщик; после него, как опаренный, выскакивает ефрейтор. Он бесцеремонно растолкал смену, всхрапнувшую богатырским сном, и через пять минут ведет ее по назначению. Вестовой и барабанщик выносят на двор манерки, набирают из них в рот воды, потом выливают ее на ладонь и этой мокрой ладонью вытирают лицо. Процесс умывания кончен. Барабанщик натягивает свой инструмент, а вестовой разводит огонь для согревания маленького медного чайника.

Бьют зарю. Через несколько минут в кибитках и палатках слышится говор.

Через полчаса бьют на работу. Рота, назначенная в лес за дровами, выходит из кибиток, разбирает ружья и выстраивается. За ворота выезжают повозки, ожидая там свое прикрытие. Сигнал подан – и тронулись.

Просыпаются артиллеристы; начинается уборка лошадей.

Через час работа внутри укрепления в полном разгаре. [547] Толпа рабочих, собравшись возле бревна и закрепив его веревками, тащит на пильню; далее – несколько человек вколачивают какую-то сваю. В этих обоих пунктах солдат повеселее и поленивее прочих, натужившись, будто и в самом деле ему невмочь, затягивает:

– Ну-те, братцы…

И вся команда разом подхватывает:

– В ход!

Бревно подвинулось на пол-аршина, или свая вошла в землю на вершок.

– Ну-те, дружно…

– В ход!

Работа опять подвинулась.

– Ну-те, разом…

– Вплоть!

– Тпрр! Стой, ребята! – приговаривает запевало, – надо-ть вздохнуть.

И работа приостанавливается.

У пильни серьезный и молчаливый плотник, закурив трубочку, отесывает доску. В двух шагах от него стоит молодой солдатик и любуется на произведение рук своего земляка. Плотник опустил топор, сплюнул и, почесывая у себя за пазухой, спрашивает:

– Чего не видал?

– А что? Смотреть, небось, не велишь.

Суровый плотник не нашелся, замолчал и еще раз плюнул – досадно стало.

Подметив неудовольствие на лице собрата, солдатик торжествует. Ему хочется доконать плотника: авось, вечерком, в палатке придется потешить компанию, рассказав ей историю про угрюмого мастера. [548]

– Эх ты! А плотник еще! – продолжает веселый солдатик. – Да разве так тешут-то?

– У тебя поучился бы, мрачно отвечает плотник.

– Вестимо у меня.

Молчание.

– Ну, коли та мастак, – опять придирается надоедливый весельчак, – накось, рубни по руке.

И он положил ему на доску свои пять пальцев. Мастер размахнулся… – и не попал: весельчак живо убрал руку.

– Хорош же мастер! – продолжает, хохоча, солдатик.

Работающие вблизи обращают на них внимание.

– Э, Федот, сплоховал! – подбивает один из посторонних, обращаясь к плотнику.

Федот упорно молчит и продолжает отесывать.

– А ну, еще! – подхватывает весельчак, приободренный земляками, и вновь подставляет руку.

Но на это раз игроку не посчастливилось. Федот махнул топором – и у солдатика четырех пальцев как не бывало (Совершившийся факт. Авт.).

– Эва! – отозвался тот, который одушевил солдатика. – Вот те и мастак! Что, догулялся!

Общий хохот. Суровый плотник, как будто его и не касается, продолжает свою работу.

Это называется товарищеской забавою. [549]

В землянке, о которой мы выше упомянули, на одной из постелей вытянулась длинная фигура офицера с разбросанными ногами и с опущенной до земли правой рукою. Этот офицер еще не

просыпался. Половина байкового одеяла, которым по настоящему следовало быть прикрытым телу офицера, скомкалась под ним, а другая, спустившись на пол, мокнет в воде, вылившейся из опрокинутой бутылки. В комнате хаос.

Товарищ этой личности упрятал голову под подушку и наслаждается в свою очередь сном безмятежным.

Девять часов утра.

Входит третий офицер.

– Ах, черт возьми, еще дрыхнут! Эй, батраки, пора вставать!

Длинный что-то пробормотал, не открывая глаз, а другой, высунув голову из-под подушки, стал щуриться как кошка.

– Мм… – пробормотал он. – Это ты? Тьфу, как скверно во рту!

И он сплюнул.

Проснулся, наконец, и длинный.

– Брр… нехорошо, – промычал и этот.

– Ах, вы пьяница! Можно ли так натрескаться! – упрекнул гость.

– Мм… Что ж, ведь скоро неделя, как все пьешь да пьешь, – отвечал товарищ, потягиваясь и протирая глаза.

– Сашка, это ты? – сонливым и хриплым голосом спрашивает длинный.

– Я.

– А-а!.. Закрывай клапан!

– Свинья, – отозвался товарищ и повернулся лицом к стене. – Пьяница!

Гость подошел к длинному и двумя пальцами сжал ему нос. [550]

– Лей! – проговорил тот.

Гость протянул руку к стоявшей на столе бутылке с водкою, налил рюмку и отправил ее в рот офицера.

– Ваше бародие, – отвечал фельдфебель таким тоном, в котором так и слышалось: когда же мол, у нас бывало неблагополучно?

– Рота на работе?

– На работе, ваше бародие, – и фельдфебель кивнул головою к дверям.

– Еще что?

– Ничего, ваше бародие.

– Ну, и пошел вон.

Утренний доклад кончен.

– Теперь я молодец, – проговорил ротный, быстро поднимаясь с постели. – Эй, Каплоух!

Явился денщик.

– Умой мне рожу.

Гость взял со стола фуражку.

– Ты куда? Погоди.

– Нет, нужно идти. Хочу еще проведать Телка.

– Да подожди, говорят тебе. Куда тебя черт несет? Телок спит еще, он вчера во-о как нализался.

И ротный повел рукою выше головы.

– Нет, прощай.

– Убирайся, коли так.

Гость отправился к обширной мазанке, в которой были раскрыты все окна. [551]

Хозяин этой мазанки медленно прохаживался по двум комнатам своего жилища. На нем была ситцевая рубаха и исподние шаровары на очкуре, на ногах – чевяки. В комнате было расположение к порядку.

– Здорово, Телок, – сказал, входя, посетитель.

– Здорово, кунак! – отвечал хозяин, подавая руку.

– Ты вчера крепко был пьян, говорят?

– Крепко не крепко, а был. Это все пузатый, черт бы его побрал! Пристал с ножом к горлу; отвязаться нельзя было.

– Скверною

– Скверно-то, скверно… Кто говорит, что хорошо! Но что ж прикажешь делать?

– Как что? Ведь язык есть?

– Одним языком ничего не поделаешь.

– Смотри, не в добрый час тебя кондрашка хватит.

– Ну, и пусть хватит. Эка важность!

Хозяин прошелся несколько раз по комнате.

– Нет, баста! – проговорил он, делая папироску, – Не пущу пузатого к себе.

– Вот это так.

– Не пущу больше. Эй!

Явился денщик.

– Когда придет пузатый капитан – скажи, что дома нет.

– Слушаюсь-с.

– Ступай!

– Ты играл вчера? – спросил гость.

– Играл немного, продул рубля два.

– А чем кончил Собакевич?

– Э-э! – и хозяин махнул рукою.

– Проигрался? [552]

– Все спустил. Да где ему, дураку, понтировать! Выходил бы в отставку, нанялся бы в приказчики – и хорошо. А то, туда же лезет.

– Дома барин? – проревел да дверью густой бас.

– Ну, черт его несет, – проговорил хозяин.

– Никак нет, – отвечал денщик.

– Врешь.

Бас порывается отворить дверь.

– Не приказано пущать, в. б.

– Пошел вон, болван!

В комнату медленно ввалилась толстая и красная фигура.

– Что это, брат, к тебе уж без доклада не входят?

– Да, помилуй, ведь скоро с ума сойдешь от вас! То того нелегкая несет, то другого; с тем выпей, с другим закуси.

– Вот оно что! Гм... А похмелиться, я думая, следовало бы.

– Нет, брат, проваливай! Я знаю твое похмелье.

– Хоть рюмку. Ведь во рту гадко.

– Ни-ни...

– Ну, сам не пей, а мне рюмку.

– Тебе изволь, а сам – ни гу-гу. Эй!

Входит денщик.

– Подай!

Через пять минут явилась водка, хлеб и на тарелке кусок сырого, полуизрубленного мяса, приправленного солью, луком и перцем.

– Будь здоров, – обратился пузатый к хозяину, хлебнул полстакана водки, положил на хлеб сырой говядины и проглотил.

– Мм... – продолжал он, подавая хозяину водку.

– Не хочу.

Пузатый, он же бас, плюнул. [553]

– Чего кобенишься? Хоть полстакана.

– Да отстань, и так живот подвело.

– А вот то-то и есть, что нужно выпить. Смотри, сам налью. На, бери!

– Да не буду, говорят тебе.

– Значит хочешь, чтобы и я не пил. На полстаканчика.

Хозяин пожал плечами и морщась выпил.

– Э, друзья, вы, я вижу, оба хороши. Похмеляйтесь же себе, а я пойду. Вон уже и с работы бьют.

– Погоди, пожалуйста; куда спешишь?

– Скоро обедать пора.

– Успеешь, погоди.

– Нет, лучше после.

– После так после, – отозвался. – Чего надоедать человеку!

Гость ушел. Бас протянул руку к стакану.

– Довольно, бочка ты сороковая! Во что пьешь?

– Э-э! было бы что, а то есть во что.

И он налил еще полстакана.

– Куда ни шло, – проговорил хозяин, протягивая и со своей стороны руку к бутылке.

Он выпил, закусил мясом и ударил себя рукою по животу.

– Теперь ничего, – заключил он.

– Я тебе говорил, что ничего. Ведь только первая колом.

Бас, спустя некоторое время, опять потянулся за стаканом.

Когда товарищи кончили бутылку и мясо – сели обедать. [554]

После полудня пришла оказия, а с нею до десяти человек офицеров, некоторые по обязанности, а другие – или прогулки ралли, или навестить товарищей. Оказия была очень большая: подвезли провиант, маркитанские запасы, несколько новых палаток для одной из рот и разные принадлежности ее хозяйства. Кроме того, одна из двух прибывших рот, именно рота Топчи-паши, должна была сменить собою роту пузатого баса. В гости к заточенным приехали и знакомые казачки.

Вечер. В той же мазанке, в первой комнате, за походным складным столиком сидело четверо с картами в руках: капитан Тончи-паша, человек относительно умеренный, приветливый и давно любимый всеми товарищами; капитан Душка – герой всех походов, простреленный в живот, где у него навсегда осталась пуля, после которой он стал особенно полнеть, человек недалекий, не имевший никаких связей, но имевший уже в течение многих лет связь и тесную

дружбу с незабвенною грозненской казачкою Анисьей Андреевной; Собакевич – также командир роты, пустейший малый, служивший часто предметом насмешек, но добрый и радушный человек, женившийся нечаянно, и к общему удивлению, на Марье Ивановне, и, наконец, уже наш знакомый – пузатый бас.

Все эти офицеры в своем кругу иными прозвищами никогда не назывались.

Компания была в полном смысле слова нараспашку, в особенности пузатый, который после плотного обеда и четырехчасовой высыпки сидел на табуретке с откинутыми в стороны ногами и страшно пыхтел как паровоз. Хозяин постоянно входил и выходил из комнаты, отдавая денщику разные приказания. В комнате дым стоял столбом, окурки папирос, косточки от селедок, на полу куски хлеба и вообще хаос. В углу, у особого столика, сидели: длинный и его молодой сотоварищ. Длинный время от времени цедил из бутылки влагу, подносил [555] стакан к свече, внимательно осматривал содержимое и с холодным бесстрастием отправлял жидкость к себе в желудок. Младенец егозил на скамейке и, не желая отстать от своего сожителя, через каждый час требовал себе кусок спирта.

Во второй комнате, в углу, на табуретке сидела Наташа – молоденькая казачка, немного прихрамывавшая, тонкая, вьючная, с претензиями на кокетство, в свое время избалованная матерью и прежде времени получившая «волю». Все, что было в ней хорошего – это глаза, которые горели как вишни, да умение болтать без умолку всякий вздор, не перемешивая его дерзостями. У ног ее, положив голову на ее колени, полудремал только что произведенный прапорщик, которому она пятью пальцами расчесывала волнистые и мягкие волосы.

В другом углу, на деревянном кресле домашней работы, сидел с гитарою в руках непроизводимый прапорщик, сверстники которого уже давно были штаб-офицерами. С того дня, как миновал срок его выслуги для производства в следующий чин, он овладел Лелей, стройной, но деревянною казачкою, вечно облизывавшей свои губы, чтобы были красные, с круглым недурным, но одутлым лицом, темными ресницами и плутовским выражением глаз. Все было в ней ничего себе, лишь один нос постоянно болел и был слегка распухший. Но Леля не виновата: нос сделался таким оттого, что ее мачеха, желая переделать его из вздернутого в длинный, тянула ей ежедневно этот несчастный нос до дня совершеннолетия. Непроизводимый бряцал на гитаре какую-то песню, а Леля ему торила, полулежа на ковре, разостланном на полу.

Третья гостья – это та Анисья Андреевна, которую и теперь, вероятно, помнят не только офицеры 20-й армии, но и многие военные дамы, в особенности куринского полка, удостоившие ее не раз своим вниманием. Несколько поблекшая, но прекрасно сложенная, всегда опрятно и щегольски одетая – конечно в [556] костюм линейных казачек – Анисья была необходимою гостьей на всех офицерских сходках, развлекавшей и увеселявшей общество. Имея средства, она нередко расходовала их для поддержания каждого, кто к ней обращался, потому что была очень добра. Чихирь был почти единственным ее питьем. Имя Анисьи было известно даже и в отдаленных станицах, не говоря уж о крепости Грозной, где она имела свой дом и жила хорошо.

Анисья сидела на кровати, опершись рукою на подушку, и без умолку болтала какую-то чепуху. Возле нее – воин, убеленный сединою, волосы зачесаны на манер запорожских казаков. Рядом с ним в белой черкеске и в папахе с красным верхом офицер, у которого

никогда не росли ни борода, ни усы. На полу – гармоника; на столе – одна свечка под синим абажуром.

Веселье принимало все большие и большие размеры: болтали, хохотали, друг друга перебивали, пили, закусывали.

– Ну-ка, Анисья, ты бы русскую… – замолвил старик, поднимая с пола гармонику.

Слегка раскрасневшаяся казачка не заставила себя долго ждать, встала, вытянулась во весь рост, оправилась и прежде всего затянула:

Уж не видал таких веселых, Как наши девки в деревнях: На работу идут, хоровод ведут, Песни поют…

Затем, несколько примолкнув, топнула ногою и под звуки гитары и гармоники развернулась, насколько позволяла комната, и заходила козырем.

На пороге показались играющие. Душка выступил вперед и обратился к Анисье: [557] – Ты, душка, уж хватила. Пора домой, душка; отправлялась бы спать.

– Пошел, пошел! – затараторила Анисья.

– Домой бы, душка! – продолжал тот все одно и то же, покачиваясь из стороны в сторону.

– Да убирайся вон! – ревнул ему над ухом бас, очутившийся тут же. – Видишь, люди делом заняты.

Душка отступил, бормоча себе под нос какие-то слова, из которых можно было понять одно только слово – «душка», обратившееся ему в прозвище.

В танцах приняли участие Леля и Наташа.

Через десять минут несколько угомонились и разбрелись по разным углам.

– Душка побьет тебя, – отозвался запорожец, подходя к Анисье.

– Врет дьявол! Ничего до самой смерти не будет.

Едва только Анисья проговорила эти слова, у дверей мазанки на дворе раздался тенор ротного запевалы:

У нашего барина…

Всея, что было в комнатах, разом подхватило:

У нашего, у него…

И пошла потеха. Хор песенников вторил хору офицеров и наоборот; бубен, ложки, тарелки – все застучало, зазвучало. Офицер в белой черкеске в два прыжка очутился на дворе и, заломив папаху на затылок, подергивая плечом и отбивая такт ногою, явился в кругу; бас ревел, что было мочи; даже Душка – и тот покачивался с боку на бок; Леля, Наташа, Анисья закружились, затопали, поднимая вокруг себя целый ворох пыли. Гик, шум, нам, пение, хохот – все слилось в раздирающую уши дисгармонию. [558]

На столе явился бифштекс, селедки, портер, маркитанские конфетки.

Когда порыв удовольствия прошел, песенники на время стихли, угощаясь водкою, а публика еще раз подкрепилась – уж окончательно докрасна – играющие заняли вновь свои места со стаканами в руках.

– Теперь, господа, в штос, – проревел пузатый. – Собакевич, за тобой по преферансу четыре с полтиною; ставь карту.

Несколько рук протянулось с картами, и игра началась. На столе появились деньги, которые переходили из рук в руки.

– Что, Собакевич, продулся? – спросил чрез некоторое время хозяин.

Собакевич угрюмо молчал.

– Собакевича в сторону! – гаркнул пузатый, – Он банкрот.

– Врешь, – заметил Собакевич.

– Да что же у тебя есть?

– Свиньи есть, – оборвал Собакевич.

Общество разразилось громким смехом.

– Да ведь не твои же, ротные.

– Мои; все мое, и рота моя. Никому нет дела. Мечи.

– Ну, ладно. Что идет?

– Свинья.

– Открой!

– Дама.

– Бита!

Собакевича будто передернуло.

– Продолжать, что ли?

– Мечи! Угол от свиньи. [559]

– Что там у тебя?

– Не твое дело пока; узнаешь, когда будет нужно.

Игра продолжается.

– А-а, валет? Бит!

– Тьфу, не везет! – крикнул Собакевич, бросая карты.

– Что ж, довольно? – спросил пузатый.

– Нет еще, – оборвал Собакевич, быстро поворачиваясь и вновь подходя к столу.

Игра исключительно принадлежала уже двум только лицам.

– Да, говорят тебе, ты банкрот.

– Нет, мечи.

– Спасибо, брат; не хочу. Отдай прежде то, что проиграл.

– Говорю – отдам; не пьян же я.

– Мечи, мечи, – раздалось несколько голосов.

Пузатый срезал.

– Ну! – проговорил он.

– Напе? и по поросенку очко.

– Это дело другого рода. Значит, последний грош ребром.

– Бита, Собакевич! – заявил через три минуты пузатый.

– Ска-а-тина! – процедил проигравшийся и опустился на стул.

Через несколько минут он уже храпел на всю комнату.

И далеко за полночь длилась эта беспорядочная попойка. Часть гостей разошлась по домам; казачек уже не было; свечи догорали, и не долго уж, пожалуй, до рассвета. Бодрствовали пока еще: пузатый бас, длинный, да младенец, не поддававшийся сну или делавший вид, что не поддается. Душка уже выспался, вновь подкрепил себя и искал по углам Анисью. наконец, войдя в другую комнату, он увидел, что на постели, повернувшись [560] лицом к стене, кто-то покоится. Душка непослушными ногами подошел к кровати и начал теребить одеяло, приговаривая:

– Душка, иди домой! Слышь... Я тебя... Пошла домой, душка...

В это время спавший повернулся и рассерженным голосом крикнул:

– Пошел вон, не мешай спать!

Душка по голосу узнал, что это был хозяин.

Еще через полчаса скосило и остальных; свечи стали потухать; сквозь стекла пробивалась утренняя заря.

На валу подали повестку.

Положа руку на сердце, я должен сознаться, что изображение предыдущей картины, прежде всех, не доставляет никакого удовольствия мне самому; но, верный моей задаче – представить быт и жизнь прежнего кавказского офицера на передовом посту, указать на эти исчезнувшие уже типы – я отдал дань исторической полноте моих настоящих записок. Я не виноват, если все это происходило в действительности. Мое дело – лишь не уклониться от истины, Ия все описанное мною взял с натуры. Может быть, в Точи-паше и во всех остальных лицах, если они еще не вымерли, многие узнают себя. Но не думаю, чтобы они, читая эти строки, упрекнули бы меня в том, что я их вывел на сцену в образе типов старого боевого кавказского времени; не думаю потому, что я их рисовал все-таки более или менее снисходительно. Не думая также, чтобы благоразумие приведенных мною в рассказе лиц вызвало бы у их краску стыдливости: что делать! то была неизбежная дань [561] времени, неизбежная сила обстоятельств, обойти которые ни для кого из нас было немыслимо.

Но, кажется мне, что нельзя и не следует подмечать лишь одну тривиальную сторону во всем моем описании «дня из жизни на передовом посту». Обратив медаль наизнанку, следует видеть в прежнем быту и в прежней деятельности кавказских офицеров то поучение, которое столько же назидательно для текущего поколения их наследников, сколько указывает на пропасть, разделяющую и их самих, и их направление от всего давнопрошедшего. Изготовляя материал для истории, автор не может и не должен задаваться мыслью – описать лишь все блестящее, щегольское, молодецкое; он должен осветить картину со всех сторон, иначе он не понял бы сущности исторических описаний.

Да не потревожатся кости ваши в могиле, добрые старые кавказцы, что, будучи предан вам всею душою, разделяя с вами несколько лет вашу славу и заслуги, я, не упустив из виду всех ваших высоких качеств, коснулся вместе с тем и ваших недостатков. Так нужно, без этого нельзя. Не сделай я этого – сказали бы, что я вас выдумал из своей головы или взял из «Илиады» Гомера. [562]

X.

Неудавшиеся манифесты Шамиля и перемена тактики. Нападение Кази-Магомы на примирившиеся с нами аулы. Своя своих не познаша. Попытки к изъявлению покорности. Поражение тавлинцев. Восстание против Шамиля и сицилийская вечерня в Итум-Кале. Орудие горского литья. Принятие покорности от наиба Батока. Великодушие к врагам. Отпадение от Шамиля пятнадцати обществ. Устройство народных управлений. Кази-Магома еще раз разбит. Старые друзья сводят счеты. Еще неудача для Кази-Магомы в Хачерое. Кази-Магому снова поражают наголову и, наконец, вместе с тавлинцами совсем изгоняют.

После двойного поражение, понесенного горцами 30-го июля, Шамиль более не показывался в отряде. Изучив хорошо своих одноверцев, приняв от них так недавно присягу в сотый и последний раз – под известными условиями – он понимал, что его присутствие способно скорее вызвать раздражение толпы – вследствие понесенных неудач и обманутых ожиданий – чем сочувствие к нему. Об обаянии говорить было нечего; пора для него давно уж миновала. С отрядом оставался сын его, Кази-Магома, а сам имам, заключив себя добровольно в Ведено, рассылал лишь оттуда гонцов во все стороны и действовал только через посредство сына. Всевозможные воззвания летели одно за другим; в них красноречиво и горячо Шамиль рассыпал свои увещания, обещания, надежды,– словом, все, что могло хоть на время поддержать быстро падавшее его влияние. Но чеченцы поняли, что власть их имама оказывается бессильною. Среди них нашлись некоторые благоразумные люди, которые в видах спасения и охранения своих, а затем и общественных [563] интересов, начали пропагандировать против мюридизма, давившего их столько лет во имя газавата в лице немногих избранных. Этим избранным действительно жилось хорошо, потому что, ничего не имея, они существовали на чужой счет; но каково-то было тем, кто их обязан был содержать. кого они нещадно эксплуатировали, кто ради их эгоизма и честолюбия не досчитывался у себя в семье рабочих рук, без которых самим существовать было так трудно? Население нагорной Чечни все это думало и передумывало тотчас по взятии нами мескендукских высот, а теперь, когда явились домой остатки партий, разбитых в акиюртовском ущелье, когда матерям горько пришлось оплакивать потерю едва только подросших своих детей,– против Шамиля кипятилось в сердцах нагорных чеченцев уже не сомнение, не неудовольствие, а полное негодование. Естественно, что в эти минуты, когда чаша народного терпения переполнилась,

всякий манифест Шамиля производил совершенно отрицательное влияние: вместо привязанности он возбуждал отклонение и оттолкновение, вместо уверенности в силе и власти имама – насмешку над его бессилием и ничтожеством.

Да, это было вполне так, и мне все это передавали впоследствии самые видные представители чантынского общества, как например, семейство бывшего у них некогда наиба Альдама, которое все любили и уважали.

Испробовав все, что было возможно, и напрасно истощив все свои усилия для того, чтобы еще раз склонить на свою сторону нагорную Чечню, Шамиль переменил тактику и обратился к мерам, которые в былое время часто употреблял с успехом. Он приказал Кази-Магоме воздействовать на народ, при помощи тавлинцев, силою: заставить чеченцев воевать и в обеспечение этого потребовать у них аманатов, а если не дадут, то взять этих аманатов опять-таки силою. На тавлинцев он еще мог положиться, потому что дикость их нравов, закоснелость [564] их в мюридизме, который у них привился так, как Шамиль хотел его привить; затем пожива и существование на счет других; наконец, управление многими обществами нагорной Чечни посредством тавлинских наибов, которых имам заблаговременно и предусмотрительно рассадил на эти места,– все это ручалось ему, что для тавлинцев не настало еще время отступиться от него. Он не ошибся: тавлинцы действительно сочувственно отнеслись и к его воззваниям, и к его приказаниям. По велению Кази-Магомы, они потребовали у жителей разных аулов заложников; те, конечно, добровольно не дали. Тогда, являясь в эти аулы в составе небольших партий, они стали вытаскивать из домов то сына, то дочь. А Кази-Магома, с главными силами, стоял в то время в верховьях Шаро-Аргуна и ожидал результата распоряжений своего отца. В отряде его до этого дня были еще многие чеченцы. Но вот весть о насилии с быстротою молнии облетела все закоулки. В тот же сиг чеченцы, находившиеся в отряде, бросили Кази-Магому и полетели оградить и охранить свои семьи от покушения тавлинцев. Это случилось в день закладки укрепления. Тавлинцы уже возвращались в свой лагерь с аманатами. Чеченцы, встретив их на дороге, кинулись на них с неистовством, весьма понятным отцам и мужьям, у которых отбирают их детей и жен. Началась резня. Из ближайших аулов подоспели те, которые у себя дома, обманутые и устрашенные миссиями Кази-Магомы, скрепя сердце, должны были уступить насилию, и все соединились против дикарей, посягнувших на заветные права и чувства людей. Свалка была жестокая и, естественно, для тавлинцев кончилась не благополучно, потому что, не смотря на всю их отвагу, сила и ожесточение одолели. Чеченцы рубили своих единоверцев, сбрасывали их с обрыва в Аргун, разогнали остальных во все стороны и освободили заложников.

Итак – своя своих не познаша. [565]

Оказалось, что мера, которую придумал Шамиль, была самая нелогичная, безумная. Если до сего времени на стороне его оставалась хоть горсть чеченцев, то со дня междоусобной резни не осталось ни одного; кроме того, раз и навсегда положена между им и населением нагорной Чечни неодолимая преграда. Мало и этого, он посеял месть и вражду с их стороны столько же по отношению к себе, сколько и по отношению к целому тавлинскому племени и в особенности к тем тавлинским наибам, которые видели в чеченских обществах и содействовали имаму в выдаче заложников на руки посланных им, чрез посредство сына, депутатов. С этой минуты чеченцы ждали только удобного случая, чтобы разделаться с этими тавлинскими наибами, и из числа их некоторые действительно не миновали своей участи.

Чтобы достигнуть этого случая, а вместе с ним и своих целей, чеченцы понемногу стали, так сказать, щупать начальника отряда и влиятельные власти: не кусливы ли больно. Им все казалось, что коль скоро они явятся к нам с повинной непосредственно после игры, в которую день-два назад играли с нами, то русское правительство принять примет их, но, разыскав главных виновников противодействия, ему выраженного, непременно их перевешает. Пуще всего этого боялся сам Батока. И вот, общества стали посылать с повинной сперва одиночных. Те с замиранием сердца начали являться в Шатой к генералу Кемпферту, который за отсутствием командующего войсками исполнял его обязанности, и рассыпа?лись перед ним в такой бесконечной преданности, о которой, по-видимому, у нас и понятия не имеют. Ничего, сошло благополучно: каждый, кто ни являлся, был принят радушно, миролюбиво и получал обещание в том, что его и муха не обидит. Живо разнеслась эта весть по аулам, и выходцы стали являться чуть ли не ежечасно десятками. Когда после этого чеченцы убедились, что русское начальство [566] вовсе не гневное и не страшно, то 11-го или 12-го августа явились уже жители вдруг от нескольких аулов, расположенных по Шаро-Аргуну, просили принять их покорность и защитить в этом случае от Кази-Магомы, который сидит у них на шее. Генерала Кемпферт не заставил себя долго упрашивать: взял из отряда два с половиною батальона пехоты, пять сотен кавалерии, четыре орудия и двинулся к Шаро-Аргуну. Прогулка была непродолжительная. Через два-три часа он уже стоял над обрывом реки, где внизу был расположен отряд Кази-Магомы. Не долго думая, пехота и артиллерия открыли огонь по неприятельскому биваку. Тавлинцы уж не предполагали отстреливаться, потому что неудобно, а хлопотали лишь о том, чтобы как-нибудь скорее подобрать своих раненых и убитых. Но и это им не удавалось, потому что в то время, когда одних подбирали, на трупы их ложились те самые, которые тащили их за ноги и за руки. Увидев, что дело скверное, тавлинцы побросали этих убитых и раненых и разбежались в разные стороны. Аулы, таким образом, освободились от своих паразитов.

А все опять услужили тавлинцам чеченцы же. Мы и не знали, и не думали, что неприятель так близок от нас и в таком выгодном для нас месте. Чеченцы же не только дали нас клубок в руки, но и провели нас кратчайшей дорогою в гости к Кази-Магоме, которому мы упали как снег на голову. Мало того, чтобы отмстить и вместе с тем пофигурировать своей искренностью и преданностью, многие из них, примкнув к нашей колонне, очень усердно постреливали сверху вниз на своих собратов, с которыми еще так недавно, рука об руку, стреляли по нам.

Такова уж сила обстоятельств и такова слабость человеческой природы.

13-го августа генерал Евдокимов возвратился в Шатой. На утро, едва он раскрыл глаза, ему доложили о прибытии депутации [567] от шатоевского общества. Во главе находился кадий Сураин-эфенди. Депутация эта явилась с изъявлением покорности от всего обширного шатоевского общества, тут же представила аманатов и усердно просила дать возможность обществу заявить на деле всю свою преданность русскому правительству и полное отторжение от Шамиля, против которого, по заявлению депутации, не дрогнет рука ни одного шатоевца. Покорность была принята безусловно; депутации выражено возможное внимание. Сураин-эффенди санкционирован в своем звании, и на него возложены были надежды и ответственность за спокойствие общества.

Эта приветливость и доверие народу очень нравились. Не прошло одного дня, как по следам Сураина явился Дуга, старшина чантынского общества, с теми же предложениями и, мало того, с просьбою поддержать общество в явном восстании против власти Шамиля.

Чантынское общество расположено в крайних верховьях Чанты-Аргуна и с одной стороны замыкает собою нагорную Чечню. Богатое и многолюдное, оно всегда считалось стражем имама на границе кавказской черногории и, в крайних случаях, всегда было его надеждою и оплотом, давая ему верных и преданных слуг. Но здесь, как и в других местах, Шамиль сам испортил свое дело. Не говоря о последних обстоятельствах, он поселил неудовольствие к себе общества еще гораздо ранее. Когда, несколько лет назад до того времени, помер наиб Альдам, семейство которого пользовалось в обществе особым почетом, Шамиль вследствие интриг мюридов обошел в наибском достоинстве старшего сына Альдами – Мажи и, признав общество излишне либеральным и своевольных, посадил ему в наибы тавлинца Амзата, или иначе – Гамзата, человека преданного ему, закоснелого мюрида и жестокого фанатика. С той минуты негодование против имама поселилось прежде всего в [568] семье Альдама, которая исподтишка начала строить козни (Все это мне передавал старший сын Альдама и некоторые жители Итум-Кале. Авт.). Амазат кроме того сам помог усилиться и разрастись этому негодованию во всем обществе. Жадный к прибыли, в особенности к деньгам, и получив в аренду такое обширное, богатое и знаменитое в горах общество, он стал грабить его не живот, а на смерть. В резиденции его, в ауле Итум-Кале, каждую пятницы бывали не то что базары – целые ярмарки. Сюда съезжались кистины, длезгины, чеченцы, горские евреи и привозили на продажу не только сырые произведения, скотину, не только всякий товар местного изготовления, но даже золотые и серебряные вещи, по большей части, конечно, награбленные у русских. Эти базары служили для Амзата главным предметом и поводом обогащения. Кроме того, что Амзат и его племянник пользовались случаем, чтобы законно кого-либо ограбить из заезжих торговцев под видом штрафа; сами торговцы, зная зверский характер наиба, делали ему разные подарки, лишь бы оградить свою личность и товар от всякого незаслуженного на них посягательства. Все это было причиною тому, что негодование в чантынском обществе против Шамиля, против Амзата и его племянника ко времени завоевания нами Шатоя возросло до крайних пределов.

В состав чантынского общества, между прочим, входили кистины и часть жителей акинского общества. Таким образом, чантынское общество было очень важно и для нас, как территория обширная и многонаселенная. Получение этого общества без боя – на что всегда было мало надежды – являлось для нас великолепным и неожиданным подарком. [569] Дуга ручался, что если генерал Евдокимов поддержит чантынцев, то все они восстанут поголовно в один день, даже в один час, так как в среде их весь материал для этого восстания уже вполне подготовлен. Командующий войсками, зная, что он ничего не теряет, если бы Дуга даже и обманул его, и, пользуясь случаем испытать на деле преданность шатоевцев и их представителя – кадия, вверил Сураину-эффенди две сотни чеченской милиции и приказал ему занять Итум-Кале – сердце чантынского общества. Для того же, чтобы с одной стороны поддержать Сураина, а с другой – не допустить его действовать самостоятельно и обособленно, генерал приказал полковнику Баженову двинуться с колонною из двух с половиною батальонов пехоты, четырех сотен казаков и четырех орудий по следам Сураина прямою дорогою, вверх по Чанты-Аргуну, на гору Тулой-Лам, которая находится в виду Итум-Кале, и там остановить колонну, как бы в виде наблюдательного и охранительного поста. Амзат, конечно, ничего этого не знал и не предугадывал; сидел себе со своим племянником за крепкою оградою наибского дома и считал награбленные им богатства и деньги. Вдруг, 16-го августа, с горы Тулой-Лам раздаются два сигнальных орудийных выстрела, которые были сделаны полковником Баженовым по условию с Дугою и Сураином. Амзат встрепенулся. Первое, что вскинулось ему на мысль, это

предположение, что русские атакуют чантынцев. Уверенный в стойкости этих удальцов и в преданности их имаму, Амзат поспешил к двери, потом к ограде с намерением воззвать к правоверным. Но каково было его удивление, когда он увидел, что итумкальцы с обнаженными шашками рассыпались по аулу, а Дуга и Мажи с кинжалами в руках стремятся к его дому. Во мгновение ока ему всплыли на мысль все его злодеяния, грабежи, насилия, которые сопровождали его деятельность в течение долгого времени. Не сомневаясь более в действительности [570] всей окружающей его обстановки, Амзат схватил своего коня, вскочил на него без седла, крикнул своему племяннику «спасайся!» и, как прижаренный каленым железом, стремглав понесся к оврагу. Оттуда, по едва проходимой тропинке, спустился в кручу под несколькими выстрелами чантынцев и исчез в пропасти. Племянник его и при нем два мюрида, из которых один был гость, стояли у ограды с разинутыми ртами, не постигая, что все это значит. Но Мажи и Дуга, а за ними и братья Мажи – Тата и Шама – скоро вывели их из заблуждения. Подбежав к наибскому двору, Мажи без разговора и околичностей всадил кинжал в грудь племянника Амзата вплоть до самой рукоятки и дважды повернул его; в это время Душа, Тата и Шама, за ними их братья – Алхан и Ахмет – управлялись с мюридами. Прибежал народ, и через час от всего богатства Амзата остались только прах и пыль. Сицилийская вечерня была рассчитана так верно и исполнена так удачно, что ни один из паразитов-мюридов, находившихся в ауле, не избегнул своей участи: все пали под кинжалами чантынцев. Добычею восставших жителей были значок и пушка, которые они нашли во дворе наиба и тотчас передали с рук на руки вступившему в аул кадию Сураину. Последний занял замок Амзата, поспешил распоясаться и с вершины той башни, где был замучен голодом не один безвинный чантынец, провозгласил: «ля-илляхт-иль-алла, Магомет, русуль уллах!»

Наутро в Иткум-Кале явились жители ближайших аулов и принесли Сураину поздравление и благодарение за освобождение их от власти Шамиля. Сураин, несколько превысивший свою власть и роль, принимал эти заявления искренних чувств от имени русского правительства, обещая смирившимся все льготы. Генерал Евдокимов не обижался: пусть, мол, побалуется… [571]

Жизнь – своего рода картежная игра: если повезет – нужно пользоваться, потому что будет везти до известного предела. Только хороший, не увлекающийся игрок забастует вовремя.

По взятии Шатоя нам везло, как никогда. Генерал Евдокимов был игрок опытный; он быстро пользовался улыбками счастья, ловил их на лету и еще не намерен был выпустить карты из рук. Далее увидим, что он остановился, где следовало.

В день резни в Итум-Кале в лагерь явился один наш беглый рядовой, Максим Кабанников, и принес повинную, выразив намерение загладить свое заблуждение тем, что выдаст нам одно горское орудие. Командующий войсками обещал ему свое заступничество и ходатайство о помиловании. Максим был для нас неважен и не нужен, но орудие чего-нибудь стоило, потому что с потерей его наши враги лишались еще одного средства защиты и одного способа, посредством которого могли принести нам вред. Максиму дали надежное прикрытие, с которым он отправился в лес и там указал место, где зарыто было орудие. Действительно – откопали пушку горского литья. Пушка были отлита далеко не аляповато. По словам горцев, она родилась в сороковых годах в Дагестане, в ауле Кубачи, который в свое время был горской Тулою. Эта пушка была дана Шамилем надежнейшему из его сподвижников – наибу Батока, который спрятал ее по взятии нами Шатоя. Не успела прибыть пушка, как вслед за нею кадий Сураин прислал доложить, что сам Батока со всем своим семейством изъявляет покорность,

ищет пощаду и просит разрешения предстать пред генералом Евдокимовым. Милость русского правительства и здесь выразилась во всей своей широте: позволение дано, и на следующий день Батока, еще не вполне излечившийся от недавней раны, явился со всем своим семейством и предоставил себя великодушии. Государя. Без упрека, без воспоминаний о прошлом [572] он был принят как старый хороший знакомый и даже оставлен в прежде занимаемой им должности шатоевского наиба.

Так все быстро ускользало из рук и из-под власти старика имама!

Командующий войсками приказал полковнику Баженову не сходиться до времени с Туллой-Ламы и заняться разработкою оттуда дороги к обществу Чижнахою. Лишь только через день или два трассировка была сделана – явились и чижнахойцы чуть ли не с хлебом-солью. И они были приняты нами как добрые знакомые. Аманаты от них были взяты, но им самим велено было оставаться на своих местах. И вправду, если бы всех, в то время покорявшихся нам, пришлось бы выселять на плоскость, то у нас на линии земли бы не хватило, а внутренность гор опустела бы, что для нас было бы невыгодно, потому что близость горцев к Шатою и к укреплению Аргунскому, к Итум-Кале, где уже была наша колония, была полезна для наших поселений в том отношении, что все-таки доставляла нам возможность пользоваться сельскими произведениями и продуктами. Кроме того, мирные горцы становились нашим оплотом против Шамиля, с которым у них все связи были уже окончательно порваны. Что связь эта потеряна была безвозвратно, доказывалось тем, что не проходило дня, чтобы то или другое общество не восставало против властей шамильских, подобно Чантам, и не избивало бы его посадников, представителей и агентов – все тавлинцев. Словом, резня между правоверными шла вокруг нас на славу. Озлобление против тавлинцев вообще, против мюридов в особенности было до такой степени сильное, что никто из них, ложась вечером спать, не ручался, что встанет утром с головою на плечах. Такое безвыходное положение приверженцев Шамиля заставило, наконец, и их обратиться к отрядному начальству с просьбою – охранить их жизнь и предоставить им возможность убраться подальше в горы, на родину. Каждый день являлись они под [573] защиту полковника Баженова, которому начальник отряда поручал образование и устройство народных управлений во вновь покорившихся обществах. Полковник Беллик, соображаясь с целями генерала Евдокимова, спас многие тавлинские головы и дал им возможность убраться благополучно из Чечни.

Каждый день если не одно, то два общества падали ниц к подножию русского Престола, и командующий войсками всех прибирал и приберегал. Таким образом, до истечения августа месяца изъявили нам покорность следующие общества: шатоевское, чантынское, мулкоевское, дышнынское, зумсойское, чижнахойское, терлоское, маистское, чаберлоевское и, в конце концов, шароевское. Последние два для нас были столько же важны, как и чантынское. Как чантынское стояло у Шамиля на страже в ыерховьях Чанты-Аргуна, так чаберлоевское, границнй которого была гора Даргин-Дук, и шатоевское замыкали собою нагорную Чечню со стороны Шаро-Аргуна. Покорность их кроме того имела еще и ту важность, что общества эти были населены наполовину чеченцами, наполовину тавлинцами. Значит и к тавлинцам стала уже понемногу закрадываться мысль о необходимости смириться и если не восставить явно против своего имама, то по крайней мере подчиниться и покориться нам.

Теперь уж мы соприкасались с районом командующего войсками на лезгинской кордонной линии, и все нагорное пространство Чечни до границ тушино-пшаво-хевсурского общества было у нас в руках, даже у нас под пятою. Полковник Беллик быстро организовал одно

управление за другим, не стесняя горцев, не нарушая их заветных порядков и обычаев, даже. по возможности, оставляя им прежних правителей и руководителей, если общества не имели против них никаких претензий. Чеченцы быстро спознали, что эта теория несравненно лучше шамильской и были себя по голове за то, что не спохватились [574] ранее. Ни в малой, ни в большой Чечне все порядки и благоустройство не прививались так усиленно, как в нагорной Чечне. В первых двух районах – в разных Назранах, Урус-Мартанах – горцы, не смотря на установление, сравнительно давно управлений, все-таки смотрели на нас волками, не отказываясь грабить и обирать нас при первом удобном случае; в нагорных же обществах, раз изъявив нам свою покорность, они не только пальцем не шевельнули против русских, но со дня перехода в наше подданство становились нашими усердными и надежными слугами.

Полковник Баженов, разрабатывая дорогу к Чантам с Туллой-Ламы через перевалы, вскоре убедился, что этот путь, удобный в летнее время для переезда всадника, вовсе не годится зимою, потому что, не говоря уж о крайней трудности разработки, он подвержен снежным завалам и на несколько месяцев отрезывал бы у нас всякие сношения с Шатоем. Вследствие этого и по распоряжению начальника отряда независимо от более или менее разработанной уже дороги с Туллой-Ламы приступлено к проложению нижней дороги вверх, по течению Чанты-Аргуна, в глубокой трещине. Работа быстро подвигалась вперед.

Далее мы поговорим о сообщении между укреплениями особо.

Кази-Магома увидел, что для его родителя все потеряно. Теперь задача его состояла уже не в том, чтобы возвратить к власти имама население нагорной Чечни, но в том, чтобы, по крайней мере, наказать его за отпадение. Не смотря на то, что сын Шамиля понес весьма чувствительное поражение от руки генерала Кемпферта, он все-таки не оставлял верховьев Шаро-Аргуна. Но так как его местопребывание было нам хорошо известно, то за ним наблюдала особая колонна Наумова, состоявшая из пяти рот, при двух орудия, и расположенная у аула Хали-Кале. Кроме того, местные жители следили за тавлинцами еще более зорко, чем мы сами, и о каждом их намерении, [575] о каждом их вздохе тотчас давали знать в главный лагерь и полковнику Наумову. 19-го августа, рано утром, они довели до сведения полковника Наумова, что неприятель переходит на левую сторону Шаро-Аргуна и, как заметно, намерен что-то предпринять. Полковник Наумов тотчас двинулся Кази-Магоме. На полпути он уже услыхал выстрелы. Оказалось, что сын Шамиля напал на аулы, расположенные по Шаро-Аргуну, и хотел дать им почувствовать всю силу мести их недавнего владыки. Но жители, не ожидая прибытия наших войск, встретили его стойко, с полным озлоблением. Тут силы были уже относительно равны, потому что у обеих сторон артиллерии не было, а следовательно, и ни у кого не было перевеса. Начальник колонны ускорил движение, подоспел вовремя, атаковал горцев и обратил их в бегство.

Испытав здесь неудачу и убедившись, что на этих пунктах он находится, так сказать, под надзором наших войск, которые в состоянии всегда предупредить его действия, Кази-Магома решил попытать счастья в другом направлении. 21-го августа он двинулся к чантынскому обществу с намерением обратить в пепел Итум-Кале. Он, вероятно, не знал, что в этом ауле находится наша летучая колонна под начальством майора Арцу Чермоева, состоявшая из двух рот, двух сотен казаков и тех двух сотен милиции, которыми командовал Сураин-эффенди. Что же касается до самих чантынцев, то, предвидя всякие покушения на них со стороны тавлинцев и следя за ними не менее зорко, как следили жители аулов по Шаро-Аргуну, они устроили у себя ряд наблюдательных постов, через которые, кажется, и зайцу трудно было

проскочить незамеченным. Поэтому, лишь только Кази-Магома ступил на границу чантынского общества, известие о том с быстротой молнии долетело до Итум-Кале, и все окрестные жители были в один час на ногах и на коне. Тавлинцев допустили шагнуть внутрь [576] общества, насколько это было возможно и необходимо, чтобы отрезать им отступление. Когда же они пробрались к тому месту, где нам удобно было их встретить, а именно у подножия чантынского хребта, то столкнулись лицом к лицу с нашей летучей колонной, во главе которой находились сами чантынцы. Последние пожелали, чтобы первенство в бою было предоставлено им. После оживленной перестрелки они атаковали тавлинцев, и завязался ожесточенный рукопашный бой, где старые друзья сводили свои счеты. Майору Арцу в это время удалось ударить неприятелю во фланг. Схваченный таким образом с двух сторон, Кази-Магома начал поспешное отступление, но в тылу у себя встретил свежую чантынскую конницу, которая перерезала ему дорогу. Бой был страшный, хотя и не долгий, и, спустя час, на месте не осталось ни одного тавлинца; оставшиеся в живых от этого решительного поражения разбежались в одиночку в разные стороны.

Но Кази-Магома не унывал. Все свои несчастья он приписывал просто случаю, влиянию русских и их близкому присутствию. Он был уверен, что если бы не эти препятствия, то жители не посмели бы поднять руку на своего владыку или их представителя. Собрав свои рассеянные толпы, он стал их приводить в порядок, утвердившись у снегового хребта, в шароевском обществе, которое, по отдаленности своей от нас, еще оказывало ему если не искреннее, то по меньшей мере наружное расположение – из опасения подвергнуться наказанию Шамиля. Теперь на нем одном остановилась тавлинская экзекуция, которая безвозмездно и безнаказанно пожирала шароевских баранов. Несколько оправившись, не удовлетворяясь последним поражением и все еще веруя в звезду отца, Кази-Магома 27-го августа рискнул на третью попытку – пощупать хачероевцев, тем более что от этого общества войска наши были в стороне и немного далеко. Но едва он сунул свой нос в Хачерой, его встретили [577] дружными выстрелами и тотчас послали за помощью в соседние общества. Увидев, что и здесь он лишний, Кази-Магома не решился вступать в открытый бой, из опасения быть снова отрезанным в своем отступлении. Предав анафеме все правоверное население нагорной Чечни, сын имама отправился обратно в Шарой, придумывая новые способы к наказанию бывших данников своего родителя, которому с отпадением в короткое время здесь и в малой Чечне такого громадного количества обществ, кормивших и поивших его всегда так усердно, приходилось хоть по миру идти.

Пока сын полуотверженного горного владыки собирался с мыслями и с новыми силами, генерал Евдокимов поспешил предупредить его. Командующему войсками надоели уже все покушения Кази-Магомы, беспокоившие наших новых подданных и отвлекавшие нас от работ.

Поэтому он приказал полковнику Беллику унять неусидчивое детище имама и предоставил в его распоряжение два батальона пехоты, два орудия и три сотни кавалерии. Когда чантынцы узнали, что предпринимается движение против тавлинцев, то испросили позволение принять в нем участие. позволение не замедлило, и чантынцы выставили две молодецкие сотни своих воинов, которые и выступили во главе колонны; они же были и путеводителями полковника Беллика, которому пришлось вступить в места совершенно неизвестные.

30-го августа, в день тезоименитства Государя Императора, войска, приняв поздравление начальника колонны и ответив на него вместе с чантынцами одушевленным и единодушным

«ура!», двинулись на Дышны-Лама и Хачерой-Лама. Внизу, в ущельях, было лето, но по мере подъема на горы, где на вершинах лежал уже снег, становилось все холоднее и холоднее. Дороги не было; виднелись только тропинки, по которым нужно было взбираться [578] в одиночку. Все-таки хребты были пройдены благополучно, и следующий за ними был уже снеговой хребет. Было близко к вечеру; колонна вступила в шароевсоке общество и быстро спускалась в ущелье. Чантынцы объявили, что неприятель находится в расстоянии четверти часа ходьбы. Избрав при спуске с горы одно из обширных плато, полковник Беллик приостановился, давая время стянуться войскам. Уже с полудня дул довольно сильный ветер и накрапывал дождик, а к вечеру ветер усилился и, пока подходил арьергард колонны, дождь обратился в снег, и началась метель. Колонне, по необходимости, приходилось остановиться; но чантынцы находили, что это время – самое удобное для того, чтобы напасть на неприятеля, и просили разрешения идти вперед. Полковник Беллик им не препятствовал. Быстро спустившись в ущелье, чантынцы мигом пролетели расстояние до первого аула, где был лагерь Кази-Магомы, застали тавлинцев врасплох и тотчас же их атаковали. Смущенные этой неожиданностью, тавлинцы обратились в бегство и начали искать спасения в самом ауле. Но к крайнему их удивлению они здесь встретили тот прием, который их уже окончательно озадачил: шароевцы вместо гостеприимства начали гнать и рубить своих единоверцев. Увидев это, чантынцы удвоили свое усердие, и началась резня, которая далеко превосходила ту, что была при нападении Кази-Магомы на чантынское общество. Те тавлинцы, которые успели убраться из аула во здравии, опрометью бежали на другую сторону ущелья, рассыпаясь и укрываясь в трущобах. Ночь прекратила битву.

На следующий день в лагерь полковника Беллика явились шароевские старшины и депутаты, принесли ему покорность и признательность за освобождение их от ига тавлинского.

Что же касается до самих тавлинцев, то, пользуясь сим удобным случаем, они бежали без оглядки прямо в свои родные [579] аулы, и начальнику их полчищ пришлось возвратиться восвояси с самою ограниченною свитою мюридов, которые ехали за своим предводителем, повесив носы и понурив свои бритые головы.

Тем и кончились все замыслы Шамиля и все покушения его неспособного сына.

XI.

Урочище Гакко. Укрепление Шатоевское. Линия огня. Состав гарнизона. Помещения для солдат и офицеров. Дорога в укрепление Евдокимовское; башни; висячий мост; аул Башин-Кале. Укрепление Евдокимовское. Окрестности его. Аул Итум-Кале и его жители. Девочка Тоу. Последние вздохи Шамиля. Заключение.

Когда мы освободились от непрошенного и беспокойного соседства Кази-Магомы, то обратили исключительное внимание на земляные и строительные работы. Дорога между укреплениями Аргунским и Шатоевским была окончена. По ней свободно могли двигаться на колесах обозы и артиллерия – конечно, в один путь. Укрепление Шатоевское росло и росло; бок о бок с Итум-Кале заложен пока временный редут, преобразовавшийся скоро в укрепление Евдокимовское. Сообщение между ним и главным лагерем было уже открыто и производилось беспрепятственно.

В каком виде все там теперь, осталось ли что-нибудь напоминающее прежние дни и подвиги старых кавказцев – не знаю. [580] Вероятно, все кругом давным-давно оевропеилось и

цивилизовалось. Но в ту пору там все-таки отзывалось своего рода патриархальностью, и как оно было тогда – поспешаю изложить в том виде, в каком все эти места перешли у меня на бумагу в конце 1858 года.

Урочище Гакко (по-чеченски – свинья), на котором возведено укрепление Шатоевское – бывшая штаб-квартира навагинского полка, находится в двадцати пяти верстах от бывшей крепости Воздвиженской, считая расстояние вверх по течению Аргуна. Оно, вместе с аулами, существовавшими на нем, получило свое название от горы, ограничивающей его с востока; с юга оно открыто и, постепенно понижаясь к северо-западу, оканчивается обширной террасой на высоте пятисот футов над уровнем Аргуна. С юго-запада урочище Гакко ограничено глубоким обрывистым оврагом, на дне которого протекает речонка Верды-Ахх – приток Чанты-Аргуна с правой стороны. За оврагом – крутой подъем на гору и дорога в укрепление Евдокимоское.

Я часто спрашивал у горцев шатоевского общества, почему гора, давшая название урочищу, сама заслужила такое незамысловатое прозвище; но на все мои вопросы они очень наивно пожимали плечами.

Против урочища Гакко, по левую сторону реки Чанты-Аргуна, лепятся у горы две башни; о них сохранилась а-то легенда, но она так темна и бессмысленна, что не заслуживает внимания.

Постройка укрепления Шатоевского начата на покатости, нисходящей к Аргуну. Линия огня его до двух с половиною верст; укрепление имеет вид четырехугольника. В конце 1858-го года оно было обнесено каменною стеною, во многих местах еще не сплоченною глиною. Юго-восточная сторона этой стороны этой стены обращена в поле, перекинута через три высоких кургана и укреплена по углам [581] двумя башнями, а по середине – двумя бастионами с сильной перекрестной обороною.

Внутренние постройки, за исключением недоконченных каменных казарм в северном углу укрепления, в конце 1858-го года состояли из мазанок или, лучше сказать, теплых бараков и землянок. При вырытии последних, должно думать, что была еще наблюдаема кое-какая система. Но что касается до первых, т. е. до бараков, то они, как нельзя более, говорили в пользу былой самостоятельности кавказского офицера: каждый барак стоял непременно отдельно – один на кургане, другой – у подножия его, третий – Бог знает где, в стороне, четвертый – бойко высунулся чуть не на середину площади. Едва ли при постройке их со стороны мастеровых не было приложено старания, чтобы даже все их наружные выходы смотрели в разные стороны. Что-то уж много заранее обдуманного проглядывало в архитектуре шатоевских бараков.

В укреплении был даже клуб, весьма похожий в то время на те не обмазанные и не выбеленные сараи, которые часто попадаются в уездных городах внутренней губерний России и носят название этапных дворов. Похож он был также снаружи и на цейхгауз прежних инвалидных команд. Внутренность клуба состояла из зала, где обедали и ужинали все желающие офицеры за самую умеренную плату (от 7 до 10 рублей в месяц), да еще из двух комнат – буфета и кухни, немного темноватых и без пола, но во всем остальном удовлетворявшим назначению. Церковь устроена была временно в одной из казарм, в северном углу укрепления. Лазарет находился рядом с церковью.

В составе гарнизона укрепления, в конце 1858-го года, находились три батальона навагинского полка с кое-какими командами. В это время укрепление, как усматривается и из существовавших [582] в нем разного рода построек и хозяйственных учреждений, было уже не передовым постом, а штаб-квартирою. Некоторые роты, проживавшие до заложения укрепления целые годы то в палатках, то под открытым небом, были вполне довольны своим помещением в землянках и войлочных кибитках. Вообще шатоевскому гарнизону жить было довольно сносно. Хотя работать было по горло, но зато труды солдат вознаграждались возможными удобствами: баня была внизу, над притоком Верды-Ахх, следовательно – под рукою. Вместо сухарей они, почти против обыкновения, ели мягкий хлеб; оказий в крепости Воздвиженскую и в Грозную ничто не затрудняло, так что в самом непродолжительном времени каждый солдат мог добывать себе все нужное для своего домашнего обихода. Словом, стоянка для гарнизона была лучше бивачной жизни.

Кроме контрактованных духанщиков в укреплении находился продавец красных товаров – горский еврей – с небольшою лавчонкою, окупавшею ему торговлей с татарками не только весь материал, из которого был построен его магазин, но даже и все, что на нем самом было. Подле этой лавчонки существовал трактир с вывеской, куда досужие капралы и прочие ротные чиновники заходили менять деньги.

Вот какие удобства были в 1858-м году в укреплении Шатоевском. Все они, вместе взятые, имели благодетельное влияние на быт солдата, да и офицер, пожалуй, не скучал, потому что были изредка и заезжие и заезжие…

Из Шатоевского в Евдокимовское существовали две дороги: верхняя и нижняя. Обе они так живописны и разнообразны, как немногие уголки на Кавказе, в особенности в нынешней Терской области. Обыкновенною проезжею дорогою тогда была верхняя – и вот она:

Переехав речонку Верды-Ахх и взобравшись на гору, вы [583] прежде всего останавливали внимание на хуторе наиба Батока, который теперь едва ли существует. Тогда он занимал вершину обширного и совершенно отдельного холма. Говорили, что наиб уединился собственно потому, чтобы не иметь никаких сношений с шатоевцами, которые большей частью его не любили. Среди общества были многие семейства, которые питали к наибу кровавую месть, но обязаны были ему подчиняться, потому что боялись Шамиля, который бы, разгневавшись, если бы Батока не снес головы на плечах, мог заменить его для шатоевцев каким-нибудь тавлинцем, вроде Амзата. Только боязнь общества – променять кукушку на ястреба, заставляла его притаить свое неудовольствие против Батока и молчать до поры, до времени. Одною из главных причин слабого сопротивления, которое оказывали нам шатоевцы, и быстрого принесения ими покорности – был именно разлад общества с наибом. Вообще, из всего этого оказывается, что Шамиль не умел управлять народом: его тактика и приемы, его деспотизм и самовластие годились только до первого случая, а лишь являлся этот случай – в образе ли наших войск или в ином давлении – он по большей части служил не в пользу имама. Тогда как наоборот ему следовало бы в виду крайнего случая скорее заискивать в народе, чем излишне отягощать его разными поборами, экзекуциями, прижимками посредством наибов, служивших не народу, а прихотям и выгодам своего владыки.

В хуторе Батока не было ни громадных сакль, ни башен, ни других каких-либо легендарных или фантастических построек, столь присущих азиатизму. Он весь состоял из одной низенькой сакли с несколькими сарайчиками и буйволятниками и обнесен был ветхим плетнем; вокруг –

ни строений, ни больших деревьев, словом – хутор, как на блюдце. Он был скорее наблюдательный или сторожевой пикет, чем жилище, в некотором роде, помещика. Он живо напоминал собою отдельные [584] мызы в Таврической губернии – приют чабанов, стерегущих овец. Вправо и влево от хутора разбросано несколько лесистых холмов, которые в одном месте как бы срослись друг с другом, в другом – будто перессорились и отклонились в стороны, увлекая туда же и растущие на них деревья. Кое-где попадались не вдалеке от дороги ручейки, дождевые цистерны и копани, обнесенные полуразвалившимися стенами.

Не далее полуверсты от хутора Батока дорога суживалась, извиваясь по краю лесистого обрыва, потом выходила на более открытую местность и через три-четыре версты круто нисходила к Аргуну. По ту сторону реки, у подножия гор, в беспорядке было разбросано несколько сакль, составлявших аул Чижнахой; эти сакли вплоть до самых крыш вросли в землю, чему много благоприятствовала волнистая поляна, на которой они были построены.

От аула Чижнахой, который остается в стороне от дороги, приходилось вновь спускаться и подниматься по тропе, годной только для вьюков, над глубокими трещинами, балками и впадинами, в которые разом с двух-трех сторон низвергались каскадами горные ручьи; железняк и красная глина, смешиваясь и переплетаясь слоями, бороздили бока этой тропы, составляя приятный темно-розовый бордюр. После скучного, трудного и продолжительного подъема на гору дорога вступала в густой лес над глубокими темными оврагами, где рокотал Аргун. Оттуда выходил запах серы, который просто душил вас. Вот вы все ближе и ближе нисходите к воде,– как вдруг какая-нибудь прихотливая извилина заставляет вас свернуть влево, и вы опять удаляетесь от черных балок, от гротов, пещер, ледников. Аргун постепенно умолкает, делается невнятен, и становится тишь и глушь, изредка прерываемая лишь чириканьем птичек.

За полверсты от аула Башин-Кале, оставив вправо, по ту сторону Аргуна, оборванную с одного бока громадную скалу, дорога [585] приводила на тучную поляну, и здесь не знаешь, на что обратить внимание: на восстающие ли внезапно перед глазами башни, в сравнении с которыми все сакли аула Башин-Кале кажутся жалкими карликами, на малахитовую ли воду беспокойного Аргуна, перед которой бледнеет приятная зелень только что выбившейся травы, или на легкий дощатый мост, переброшенный с одной скалы на другую и как бы поддерживаемый на воздухе невидимыми силами.

Башни, которые от Башин-Кале, вверх по течению Аргуна, встречались по пяти на каждой версте, уже в то время, в 1858-м году, были далеки от своего первоначального вида и назначения. Они сложены частью на цементе, частью просто на глине; высота их от двух до десяти сажень; многие из них служили жилищем горцев, в других – гнездились птицы и на законном основании, в силу давности, занимали все уголки. Очень редко кое-где попадались крепкая и высокая башня, которую в свое время поддерживали на горе всем русским, имевшим несчастье сделаться пленниками горцев. Такая башня всегда бывала в два яруса. В нижний сажали обыкновенно этих несчастных пленников или провинившихся ахиатов, которые должны были пролазить туда, согнувшись в три погибели, потому что ширина двери равнялась аршину, а высота – не более шести четвертей; двери закладывались деревянным засовом, не менее двух четвертей в объеме. Были башни и с более высокими и просторными входами, но те имели иное назначение. Над темницей, в верхнем этаже, куда всходили по приставленной лестнице, находился почти постоянно или один из родственников того семейства, которому принадлежал пленник, или сторож. Сверху вниз проделывалось слуховое

окно, которое и служило обыкновенно для заключенного единственным проводником света и воздуха; через это отверстие был слышен вверх каждый звук, каждый вздох нижнего узника. Площадь тюрьмы – до девяти квадратных аршин, и хотя в [586] стене бывали бойницы, но они всегда были наглухо закупорены. Слуховое окно продолжалось через крышу верхнего этажа, в котором, кроме того, бойницы были всегда открыты. Это слуховое окно послужило однажды в Итум-Кале проводником к побегу одного горца, посаженного в тюрьму по распоряжению Шамиля, потому в некоторых башнях его часто закрывали наглухо. Есть предание, что башни соединялись между собою подземным ходом, если построены не вдалеке друг от друга, и что вообще, каждая, какая бы то ни была, имела непременно этот подземный ход. Ходы эти, вероятно, неизвестны были даже и самим жителям, потому что мне никто их не мог показать. Кто и когда строил эти башни, не знал даже один глубокий старик, сподвижник Гамзат-бека, с которым я познакомился,– даже не слыхал ни от отца, ни от деда, потому что и они не знали.

Мост, о котором я упомянул, находился тотчас за первой башней, у входа в Башин-Кале, и висел на двадцати с лишком сажень над поверхностью воды, не будучи огражден никакими перилами. Устройство его незамысловатое: в обеих скалах, склонившихся в этом месте друг к другу, вделано несколько бревен, выступающих одно над другим на половину своих диаметров. Эти выступы или, лучше сказать, сваи, положенные горизонтально, сплочены в нескольких местах снизу поперечными брусьями, которые, независимо от самых верхних выступов, поддерживают переброшенные через скалы бревна с дощатым помостом. Таким образом, тяжесть всей настилки вместе с бревнами равномерно разлагается на горизонтальные и поперечные брусья. Лошадь под тяжелым вьюком или горное орудие на передке проходят по мосту только при незначительном его сотрясении.

Аул Башин-Кале, численностью до десяти дымов, включая сюда же и жилые башни, стоит на горе, за мостом. Жители очень бедны, и что заставляет их селиться на земле, которая не [587] в состоянии прокормить несколько десятков людей – неизвестно. Самая предмостная поляна и та могла бы дать хлеба не более как одному семейству.

От Башин-Кале до укрепления Евдокимовского остается почти половина дороги, т. е. около 12-ти верст. Отсюда местность весьма похожа на ту, которую вы встречаете на военно-грузинской дороге от Ларса до Казбека. Разнообразие и богатство картин здесь значительно сокращается, если не взять во внимание нескольких гротов, одну-две скалы, нависшие над тропой, по которой вы проезжаете, десятка два башен, разбросанных на вершинах или у подножия гор, да кое-где, в стороне, груды камней от разрушенных сакль. Тропа, которую имелось в виду разработать к лету 1859-го года, пролегала большей частью по косогору; влево – Аргун, обдающий сернистым газом, и далее – все ущелье и ущелье.

Не доходя четырех или пяти верст до укрепления. У аула Зазмерк, при входе в который переброшен через реку такой же мост, как и в Башин-Кале, дорога выходит на поляну, горы отступают в стороны, и грудь вздыхает свободнее.

Вскоре чуть заметней становятся каменные сакли аула Итум-Кале. Укрепление Евдокимовское находится на одной с ним линии, несколько вправо, на правом берегу Аргуна. прежде чем достигнуть его, необходимо было проехать еще один висячий мост, у которого, впрочем, приходилось слезать с лошади. Укрепление занимало не более полуверсты в окружности и состояло из ограды в два аршина высоты, сложенной из наваленного булыжника. Когда Кази-

Магому прогнали, в Евдокимовское поставили один батальон навагинского полка и два горных орудия легкой № 5-го батареи. Три роты жили в землянках вокруг укрепления, а одна – в палатках внутри его.

Впереди укрепления, в расстоянии от него не более двух верст, оставляя вправо проход в Тушетию и на лезгинскую линию, [588] откуда вырывался Аргун, загораживал ущелье высокий хребет Хачерой-Лама. На восточном склоне его, обращенном к укреплению, расположен аул Хачерой, а на западном, к Тушетии – Хальдыхырой. Оба эти аула скрыты от глаз прилежащими отрогами гор. Вправо от Хачерой-Ламы, с запада на север, тянется хребет Дышны-Лама, высотою до 5,000 футов над уровнем моря. На половине высоты его, на выдающемся из котловине холме, расположен аул Басхой, весь состоящий из башен, так что издали сакль вовсе и не видно.

Влево от Хачерой-Ламы, на юго-восток, тянутся чантынские горы, разделенные надвое ущельем, ведущим в Тавлию, т. е. к верховьям Шаро-Аргуна. У подножия хребта, отделенного чантынским ущельем к востоку, в тридцати пяти саженях влево от укр. Евдокимовского, расположен аул Итум-Кале.

Вот в какие трущобы занесла нас война 1858-го года. Здесь только генерал Евдокимов остановился и забастовал, так как у него не хватало средств обнять и охранить пространство за пределами Евдокимовского укрепления. Вследствие этого и полковник Беллик, не смотря на изъявленную нам покорность шароевским обществом, должен был ограничиться лишь тем. что посоветовал ему жить мирно и тихо и выжидать лучших дней – будущего года.

Оглядываясь назад и соображая все пройденное и отнятое нами в 1858-м году пространство гор у Шамиля, невольно задаешься вопросом: каких бы жертв стоил нам этот так неожиданно хорошо удавшийся год, если бы каждый аул, каждую высоту приходилось бы нам брать с боя? Успели ли бы мы совершить в несколько лет то, что было сделано в несколько месяцев? Не обинуясь, следует сказать, что нашим удачам содействовал сам Шамиль, который, от старости ли, от неуменья, от алчности к обогащению или по другим причинам, [589] не мог удержать за собою еще хоть на короткое время всех этих недоступных трущоб и населяющих их жителей.

А жители эти были достаточно мягки, добросовестны и податливы, так что при умении с ними обойтись, они едва ли бы так быстро изменили Шамилю, своим привычкам и застарелым народным традициям. Добросовестность и мягкость их сказалась на отношениях к нам тотчас по занятии их мест. А кто же станет отвергать, что между нами и ими общего было гораздо менее чем между ними и, положим, хоть тавлинцами? Все жители Итум-Кале, не исключая и женщин, до того скоро освоились с русскими, что уже в конце 1858-го года принимали у себя в саклях солдат и офицеров, как людей давно знакомых. Кроме того, народ был трудолюбивый: уже в начале марта почти все поляны у них вспаханы, и зерно брошено в землю. Конечно, все указанные условия применимы преимущественно к чантынскому обществу, как наиболее богатому и развитому, а в особенности, к жителям Итум-Кале; но не они ли были под властью Шамиля предметом подражания для остальных и своего рода законодателями? Не придави он их Амзатом, и, вероятно, мы бы не получили сразу в свои руки ни их, ни других четырнадцати обществ.

Общей фавориткою, по занятии нами Итум-Кале, сделалась одна пятилетняя девочка – Тоу. Она не сходила с рук у солдат, так что мы, шутя, ее называли дочерью евдокимовского гарнизона. Мать, бывало, ищет ее – не сыщет, а она где-нибудь в землянке уписывает

солдатскую тюрю. Таковы были места, куда привела нас судьба так быстро и неожиданно, и таковы были люди, среди которых нам суждено было прожить конец 1858-го и начало 1859-го года.

Когда Их Императорские Высочества изволили, в октябре месяце, посетить аргунское ущелье – все было убрано и прибрано, [590] и мы стояли на своих местах приглаженные, вычищенные, как ни в чем не бывало. Вокруг – ни одного выстрела; везде – свободная проезжая дорога, так что сердце радовалось, смотря на эти необыкновенные успехи нашего оружия и наших трудов. Почти не верилось, чтобы все это было сделано в такое короткое время и руками того разбитого, надломленного кавказца, который нередко по три дня не имел куска хлеба во рту. Боже, какая сила была в этом солдате!

После принятия покорности от указанных выше обществ и по заложении укрепления Евдокимовского, ни Шамиль, ни сын его нас не беспокоили в аргунском ущелье, так что военные действия в нагорной Чечне со дня тезоименитства Государя Императора следует считать оконченными. Изредка дикие тавлинцы как голодные шакалы прорывались до пределов чантынского общества небольшими партиями, выискивая себе добычу; но нам почти не приходилось выступать против них с оружием в руках, потому что всегда жители нас в этом случае предупреждали. Таким образом, здесь, на нашем горизонте, Шамиль осел. Но на других пунктах левого крыла замыслы его и вообще стремления вредить нам и даже состязаться с нами не прекращались. Побежденный и сконфуженный в малой и нагорной Чечне, он обратил взоры, внимание и все влияние на свою излюбленную большую Чечню. Он рассылал повсюду своих приближенных, призывая непокорных горцев к восстанию против нас с наступлением зимы, сулил все то, чего сам не имел и не мог дать, и изредка подбивал этим путем отдельные партии к столкновениям с нами или у передовых пунктов, или на проезжих дорогах, где они застигали наши разъезды, маленькие оказии и т. п. Но что ж! все это уже сильно отзывалось предсмертной агонией имама и остального, [591] пока еще признававшего его власть Кавказа. Жители большой Чечни пускались на все эти мелкие проделки как бы по заказу и скорее с целью наживы, добычи, чем с воинственными замыслами, так что в отношении их набегов и, попросту сказать, разбоев не приходилось предпринимать никаких мер, которые бы имели хотя бы оттенок военных действий. Командующий войсками очень хорошо знал, что при таких обстоятельствах, в которые он поставил край, все частные движения горцев в большой Чечне – не более, как одни вспышки угасающего пламени, который скоро перестанет гореть за неимением материала. И действительно, лишь только глубокий снег покрыл собою поля большой Чечни – все беспокойные сподвижники имама засели в своих саклях и притихли так, что их и не слыхать было: как будто вымерли.

Шамиль, в свою очередь, убедился, что толку из его воззваний не выходит, что подвластные пока ему горцы не только не придают никакого значения его обещаниям и увещаниям, но даже как бы подсмеиваются в кулак над его газаватом, мюридизмом и всеми подобными глупостями – и сам притих. Так что к концу декабря край уже пользовался тем неслыханным спокойствием, которого доселе еще никогда не было; время брало свое.

И этим заключился в Чечне 1858-й год, незапамятный в истории Кавказа существенными, громкими и важными, в особенности по последствиям, военными действиями. Догорел он, таким образом, тихо, безмятежно, без взрывов, без фейерверка…

Н. Волконский.

Г. Тифлис.

Текст воспроизведен по изданию: 1858 год в Чечне // Кавказский сборник, Том 3. 1879